

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН
УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ МОЛОДЕЖИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ
ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ, ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Материалы XLVII Региональной
(III-й всероссийской с международным участием)
археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых
Сибири и Дальнего Востока
(г. Новосибирск, 3-7 апреля 2007 года)

Новосибирск
2007

УДК 902/904
ББК 63.4
А 87

Ответственный редактор

д-р пед. наук, профессор, ректор НГПУ *П.В. Лепин*

Председатель Оргкомитета

д-р пед. наук, профессор *П.В. Лепин* (НГПУ)

Сопредседатели Оргкомитета

д-р ист. наук, академик РАН *А.П. Деревянко* (Сибирское отделение РАН),
д-р ист. наук, академик РАН *В.И. Молодин* (Сибирское отделение РАН),
С.Ю. Болотов (Управление по делам молодежи Новосибирской области),
Н.П. Юсупова (Департамент образования Новосибирской области)

Редакционная коллегия

д.и.н., профессор *Т.Н. Троицкая*; д.и.н., профессор *А.В. Табарев*; д.и.н., профессор *И.В. Октябрьская*;
д.и.н., профессор *Е.Ф. Фурсова*; к.и.н., доцент *А.П. Бородовский*; к.и.н., доцент *А.В. Новиков*;
к.и.н., *А.А. Бадмаев*; к.и.н. *Л.Н. Мыльникова*; д.и.н. *А.Ю. Майничева*; к.и.н. *Д.Г. Коровушкин*;
к.и.н. *А.И. Кривошапкин*

А 87 **Археология**, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVII Региональной (III-й всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока (г. Новосибирск, 3-4 апреля 2007 года). – Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет, 2007. – 392 с.

ISBN 5-94306-100-6

УДК 902/904
ББК 63.4

Т.Н. Троицкая
Д.и.н., профессор, НГПУ

НОВОСИБИРСК И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Считаю, что мне выпала большая честь открыть сборник материалов очередной Региональной археолого-этнографической студенческой конференции Сибири и Дальнего Востока, происходящей на базе Новосибирского государственного педагогического университета.

Новосибирск – это город, в котором в 1971 г. было фактически положено начало конференций этого региона. Я являюсь живой свидетельницей прошедших событий. До этого действовали археологические студенческие конференции Уральского и Поволжского регионов, на которых выступали в шестидесятых годах члены студенческого археологического кружка нашего пединститута (ныне педуниверситета). Именно в Новосибирске на базе Новосибирского государственного университета прошли первые конференции нашего региона. Это первая, вторая и третья конференция в 1971-1973 годах и, с пропуском в один год, в 1975г. – четвертая РАСК (тогда еще без этнографов). Большое участие в проведении этих конференций оказали археологи Института истории, филологии и философии СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) и лично академик Алексей Павлович Окладников, принимавший самое непосредственное и активное участие в ходе работ этих конференций. А затем они стали проходить и в других сибирских городах, к археологам присоединились этнографы. В последний раз в г. Новосибирске, (на базе Новосибирского государственного университета) региональная археологическая студенческая конференция прошла в 2000 году и, надо сказать, очень успешно (а в составе ее оргкомитета большую роль сыграла наша выпускница О.И. Новикова).

Конференция РАЭСК этого года является второй, проводимой нашим Педуниверситетом. Первую нашу конференцию (тогда еще Пединститутом) мы провели в 1987 году. Из «взрослых» археологов нас было трое: я, Виталий Сергеевич Елагин и Виктор Иванович Соболев, который тогда только что стал деканом и был очень занят новым делом. И вся огромная организационная работа по проведению конференции легла на плечи нашего археологического кружка, его студентов. К чести их надо сказать, что со своими заданиями все справились очень хорошо. Студенты встречали и провожали приезжающих, доставали им билеты на обратную дорогу, устроили их в общежитии, организовали экскурсию по городу, выставку находок в своем музее, следили за аудиториями для заседаний и техническими средствами для показа материала к докладам. Можно надеяться, что конференция 2007 года, во главе организации которой стоит крепкий преподавательский коллектив НГПУ и многие наши бывшие кружковцы – сотрудники ИАЭТ СО РАН, пройдет очень хорошо.

Хочется остановиться еще на одном вопросе - феномене, который меня удивляет уже давно, с тех пор, как мои студенты стали ездить на региональные конференции вначале Урала и Поволжья, а затем Сибири и Дальнего Востока. Ведь наукой занимаются студенты различных ВУЗов и различных профилей. И у них тоже бывают научные конференции. Но **только у археологов**, а затем и этнографов, они происходят регулярно и не теряют своей значимости и привлекательности для студентов. Я так и не могу найти объяснения этой загадке. Порой мне кажется, что это связано с тем, что именно в экспедициях, в поле, складываются прочные молодежные коллективы. Но полевые практики и исследования есть и у студентов других специальностей (геологов, например), а таких регулярных региональных студенческих конференций у них нет. А может ответ кроется в притягательности и определенной загадочности самой специальности?..

В день открытия Региональной археолого – этнографической студенческой конференции, 3 апреля 2007 года, наш педуниверситет отмечает еще одну важную для нас дату – пятидесятилетие студенческого археологического кружка. Это тоже феноменальное явление – столь длительное его существование со сложившимися традициями. Основной особенностью, отличающую его от кружков многих ВУЗов, является сочетание научной деятельности с работой с учащимися средних учебных заведений. В экспедициях наряду со студентами принимают участие и школьники со своими руководителями. Среди наших выпускников есть педагоги дополнительного образования и преподаватели, серьезно занимающиеся с учащимися историческим краеведением и архео-

логией. Причем некоторые из них перенесли наши традиции и в другие области. Так, наш бывший кружковец, учитель Борис Иванович Никитин (окончил ВУЗ в 1966 году), переехав в Оренбургскую область, провел там уже 30 экспедиционных археологических сезонов со своими школьниками и организовал специальные школьные археологические лагеря. Мы гордимся тем, что в числе выпускников исторического факультета НГПУ, наших бывших кружковцев, один академик РАН (В.И. Молодин); три доктора исторических наук (В.И. Соболев, А.В. Матвеев, В.А. Зах), 21 кандидат исторических наук (А.А. Адамов, А.П. Бородовский, А.А. Воробьев, И.В. Сальникова (Гулимова), В.А. Дремов, И.А. Дураков, В.С. Елагин, О.В. Лазаревич, Т.В. Мжельская, Д.А. Михайлов, Л.В. Мыльникова (Лаптева), О.И. Новикова (Лебедева), А.В. Новиков, А.Н. Савин, С.П. Сторожева, В.А. Сумин, Н.А. Ткачева (Мальнева), М.А. Чемякина, А.Г. Шатов, И.Я. Шевкомуд, А.С. Шишкин; два заслуженных учителя России - Б.И. Никитин, А.П. Татаринова (Варламова) и много известных в городе и области учителей и педагогов дополнительного образования.

И последнее, что я хочу заметить. Несмотря на разные пессимистические высказывания, совершенно очевидно, что в наше весьма сложное время у молодежи сохраняется тяга к науке. Об этом свидетельствуют регулярные региональные студенческие археологические конференции и весьма содержательные доклады студентов на них.

С.С. Тихонов

*Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского*

О НОВОМ ПОКОЛЕНИИ СИБИРСКИХ АРХЕОЛОГОВ (по материалам Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского)

Однажды мне довелось ехать в поезде. Конечно, это не самое яркое событие в моей жизни, скорее, факт биографии. Просто, я и мои коллеги в начале сентября 2000 года ехали из Новосибирска во Владивосток на VIII семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований». И во время этой длительной поездки я в очередной раз убедился, насколько велико любопытство человека. Вопросы «Где мы едем?», «Когда приедем?», и «Какая это станция?» звучали рефреном. Хотя, казалось бы, какая разница, где мы находились, ведь все равно Владивосток - конечную станцию, мы бы не проехали, а ускорить ход поезда, или изменить ситуацию пассажиры не могли. Научновыражаясь, человек в поезде «пытался локализовать себя во времени и пространстве», удовлетворяя свое любопытство.

Ученые, поскольку занимаются изучением тайн мироздания, природы, мышления, в том числе и истории человечества, по сути, должны быть намного любознательнее людей, наукой не занимающихся, т.к. умеют за обычным явлением видеть что-либо необычное. Ну а уровень развития современной науки и техники показывает возможности и результаты работ исследователей. Например, успехи археологов в изучении прошлого несомненны, что признано на самом высоком уровне. Так, академик РАН В.И. Молодин и д.и.н. Н.В. Полосьмак были удостоены Государственной премии за работы на Алтае. Посещение Президентом Российской Федерации В.В. Путиным раскопок на Аркаиме и в Старой Ладоге, на мой взгляд, является свидетельством не только его интереса к древностям, но и высокого качества работ Г.Б. Здановича и В.Л. Янина и возглавляемых ими коллективов. Есть и другие примеры работ высочайшего уровня: академика А.П. Деревянко на Алтае, в Дагестане, Узбекистане, Монголии, Иране, академика В.И. Молодина - на памятниках Сопка, Чича, в Монгольском Алтае, Н.В. Полосьмак - в пади Суцзуктэ (Монголии). Конечно, это работы уникальные, но и другие археологи проводят исследования качественно. Итак, ученые работают, добываясь интересных результатов.

Интересно, что, занимаясь поиском неведомого, ученые мало обращают внимание на состояние своей науки, в данном случае археологии. Я говорю не столько об истории ее развития. Это, нужное и важное направление работ археологов, хотя историей науки ученые занимаются не так интенсивно, как полевыми и прочими исследованиями. Историографов же археологии немного, работают они в основном, с архивными материалами, или с публикациями, А мемуарный жанр, к слову сказать, среди археологов совсем непопулярен, хотя каждый из них – кладезь сведений о развитии этой науки. Причем эти сведения носят личностный характер, и практи-

чески никогда не попадают в печать. В то же время устные рассказы об археологах, в том числе и известных – гигантский и неизученный пласт истории археологии. В целом же, история археологии зачастую выглядит как история изучения памятника, культуры, проблемы, или развития ученым какой-нибудь концепции. Личность ученого мало кто изучал. На память приходят две монографии А.П. Деревянко и А.К. Конопацкого об академике А.П. Окладникове, книга А.В. Жука о В.А. Городцове, небольшая монография М.А. Дэвлет о В.А. Адрианове. Речь, идет об археологическом науковедении.

Им же практически никто не занимается, и современное состояние археологии мало кто описывает. Допустим, на каком цикле развития находится археология? Развивается? Или начинают преобладать тенденции замедления развития? Каковы основные проблемы, которые рассматривают археологи? И почему их считают основными? Как определить приоритетные направления развития науки? И кто этим занимается? Или наша наука развивается хаотично? Есть масса других вопросов без ответа. В 2000 году на конференции в Ижевске я высказался в том смысле, что в археологии нарастают негативные тенденции, а темпы развития науки становятся более медленными. Что будет через несколько лет прогнозировать трудно, потому что многое зависит не от ученых, а от чиновников разного уровня, и принимаемых ими решений. Например, о сокращении числа сотрудников РАН и академических институтов, о развитии приоритетных направлений в науке, о приватизации земель и возможностей работать на них археологам и т.д.

Но одну из тенденций прогнозировать можно, и она касается будущих археологов. Работа подготовлена под влиянием работ археологов Новосибирска [1; 2; 4], проанализировавшими кадровый состав сибирских археологов, но прежде всего Ю.П. Холюшкина, своими работами натолкнувший меня на разработку данной темы. Насколько мне известно, структуру, состав и качество археологов рассмотрели и опубликовали только новосибирцы. Есть сведения о кадровом потенциале на официальных сайтах Института археологии РАН (Москва) и Института истории материальной культуры (Санкт-Петербург). Но никто не анализировал материалы об археологах-студентах, чем я и займусь. В основе работы лежат данные о студентах и аспирантах исторического факультета ОмГУ, обучающихся по специальности «история». Если привлечены данные о студентах других специальностей, то это в тексте оговаривается особо.

Ежегодно на первый курс исторического факультета ОмГУ поступает несколько десятков человек. В 1970 – первой половине 1980 годов их было около 50. Затем пошло увеличение число студентов; пик приходится на вторую половину 1990 годов, когда на первый курс поступало 100–120 человек, далее идет снижение числа студентов до 70–80 в последние годы (табл. 1). Увеличение контингента связано с развитием платного образования, когда в университет мог поступить каждый, имеющий необходимые средства и сдавший экзамены «на положительные оценки», фактически «удовлетворительно», или близко к этому. Это привело к снижению уровня подготовки студентов в общем. Уменьшение в 2000–2006 годах числа историков-первокурсников следствие того, что на факультете были открыты новые специальности: «регионоведение», «социальная работа», «политология», «музеология», «социология», «документоведение», а, «теология» и «культурология» были выделены в конце-концов в отдельный факультет. Естественно, что часть потенциальных историков предпочла учиться по другим специальностям. В таблице 1 учтены только студенты по специальности «история». Фактически же на все специальности поступает более 200 человек, вместо 50 в 1970 годах. Итак, налицо **ухудшение качества студентов**, треть (или одна учебная группа – самое малое) из которых не смогли поступить на бюджетных местах.

Из таблицы 1 видно, что число юношей и девушек в середине – конце 1980 годов было примерно одинаковым. Затем начинается увеличение абсолютной и относительной численности девушек. В настоящее время на одного студента приходится две или три студентки. На других специальностях («регионоведение», «музеология», «документоведение») это соотношение другое, там студентки составляют до 90–95% в группе. Очевидно, что **студентство феминизируется**.

Далее, в 1970 – первой половине 1980 годов почти половина поступивших юношей от-

Таблица 1. Набор студентов на первый курс исторического факультета ОмГУ (специальность «история»)

Год поступления	Набор на 1 курс	%	Юноши	%	Девушки	%
1986	53	100%	26	49%	27	51%
1987	49	100%	22	45%	27	55%
1988	70	100%	40	57%	30	43%
1990	77	100%	38	49%	39	51%
1991	78	100%	33	42%	45	58%
1992	81	100%	44	54%	37	46%
1993	85	100%	46	54%	39	46%
1994	87	100%	42	48%	45	52%
1995	101	100%	40	40%	61	61%
1996	107	100%	50	47%	57	53%
1997	120	100%	46	38%	74	62%
1998	115	100%	42	36%	73	64%
1999	105	100%	46	44%	59	56%
2000	74	100%	30	41%	47	59%
2001	115	100%	42	37%	73	63%
2004	67	100%	30	44%	37	55%
2005	76	100%	19	25%	57	75%
2006	82	100%	30	36%	52	63%

Таблица 2. Выпуск студентов по специализации «археология» и подготовка кандидатов наук

Выпущено археологов				Защитили кандидатские диссертации	
Всего	Юноши	Девушки	Всего	Юноши	Девушки
1979	2		2	1 (экономика)	
1980	3	2	5	1 (археология)	
1981	2	3	5	1 (археология)	
1982	1	2	3	1 (археология)	1 (археология)
1983	4	2	6	2 (археология)	
1984	4	1	5	2 (археология)	
1985	3	3	6		1 к.псих.н 1к.соц.н.
1986		4	4		
1987	2	2	4		
1988	2	5	7		
1989		4	4		1(археология)
1990	1	10	11		1(археология)
1991	6	9	15	2 (археология)	3 (археология) 1 к.соц.н.
1992	2	3	5		
1993	2	4	6		
1994	7	5	12	1 (право) 1 соиск. (археология)	
1995	5	3	8	2 (археология) 1 (история)	
1996	1	4	5		
1997	4	1	5		
1998	4	6	10	1 (археология)	1 вышла на защиту (археология)
1999	2	6	8		1
2000	3	3	6	2 (археология) 1 (подготовил диссертацию)	
2001	4	2	6		
2002	3	13	16	1 (подготовил диссертацию, археология) 1 соис. (археология)	1 (историография) 1 (подготовила диссертацию, археология)
2003	5	8	13		
2004	2	6	6		1 асп.
2005	2	1	3		
2006	1	7	8		3 асп.

служили в армии. Существовал даже забытый ныне «термин» - «армейцы». Часть абитуриентов, как юноши, так и девушки, - «стажисты» имели два года рабочего стажа. В последние годы среди студентов преобладают, причем подавляюще, вчерашние школьники, т.е. *студенты имеют меньший социальный опыт.*

Обратимся теперь к рассмотрению подготовленных выпускающей кафедрой (первоначально - всеобщей истории, с 1991 года – первобытной истории) студентов, специализировавшихся по археологии (табл. 2). Программа подготовки стандартна и состоит из общих курсов и дисциплин специализации – специальных курсов и специальных семинаров, археологической практики и участие в экспедициях, подготовка научных докладов на конференции разного уровня, написание курсовых и дипломных работ. К сожалению, к концу 1980 годов прекратил работать археологический кружок, а попытки его реанимировать не увенчались успехом.

Из таблицы видно, что в 1970-1980 годах по археологии специализировалось в среднем 5-6 человек. До 1985 года преобладали юноши, затем первенство перешло к девушкам. В 1990 году происходит увеличение числа специализирующихся примерно в два раза. Это практически совпадает с началом увеличения численности студентов на факультете. В 2000 году число археологов уменьшается, что опять-таки совпадает с факультетской тенденцией. В целом же археологией занималось $7-8 \pm 2-3\%$ студентов. Колебания численности археологов я не могу ничем объяснить, но мы говорили об этом с В.И. Матющенко, который тоже был в недоумении. Но сказал, что тоже самое происходило и в бытность его в Томске. Были времена необычайной популярности археологии, были и времена его спада. У меня сложилось такое впечатление, что он оперировал периодом в 11-12 лет, по крайней мере, эти цифры прозвучали несколько раз. При этом он говорил о цикле такой же длины у геологов ТГУ, но связанного с несчастными случаями в экспедициях, как правило, со смертельным исходом. Падание

интереса к археологии в начале III тысячелетия Владимир Иванович связывал с тем, что истории перестала быть излишне идеологизированной, и теперь не требуется «отдушины» в виде полевой романтики, а реализовать себя выпускники ВУЗа могут и в других областях, причем иногда гораздо успешнее, чем в археологии. С этим, скорее всего можно согласиться. В целом же, **интерес студентов к археологии уменьшается.**

В аспирантуру в первые годы существования кафедры поступали первоначально практически только юноши. В начале 1990 годов положение изменилось, но все-таки научные руководители предпочитали работать с юношами. Мотивация традиционна – у девушек преобладают другие ценностные ориентиры, связанные не столько с достижением успеха, сколько с замужеством, материнством, воспитанием детей и т.д. Не берусь судить, так ли это? Но, **юноши имеют больше шансов поступить в аспирантуру, чем девушки.** Однако их количество уменьшается, после 2000 года юноши, как будущие археологи, себя ничем не проявили, поэтому пальма первенства перешла к девушкам.

Итак, тенденция мне кажется следующей: идет уменьшение интереса к археологии у студентов, в числе специализирующихся по этой дисциплине нарастает преобладание девушек, в целом же качество студентов падает. Последнее хорошо видно по уровню знания студентами русского и иностранных языков, географии, оценкам на вступительных экзаменах в аспирантуру. Широта кругозора археологов тоже падает. Так на РАЭСК в Омске на заседании секции бронзы, которую я вел студенты из Читы и Екатеринбурга друг друга понимали плохо, хотя те и другие говорили очевидное.

В итоге, молодые ученые делают глупейшие ошибки: один неправильно указал местоположения памятника, другой, поверив составленному паспорту, заложил раскоп не в том месте, третий раскопал муравейник вместо кургана. Это было бы смешно, если не было столь печально. Возможно, решения ВАКа об увеличении требований к диссертациям – реакция на слабые диссертации?

Конечно, представленные здесь рассуждения только таковыми и являются, и я надеюсь на заинтересованное обсуждение этих данных коллегами. Не держу в мыслях и экстраполировать эти материалы на другие ВУЗы, там картина может быть иной. О неподобающем же поведении отдельных представителей археологов на студенческих конференциях и чрезмерном пьянстве умолчу, дабы не травмировать неокрепшие души неофитов.

Библиографический список

1. Деревянко А.П., Воронин В.Т., Холмошский Ю.П. Статистический анализ кадрового состава археологов Новосибирского научного центра СО РАН // Методология и методика археологических реконструкций. Новосибирск, 1994. С. 32-36.
2. Деревянко А.П., Фелингер А.Ф., Холмошский Ю.П. Социологический анализ кадров археологов Сибири // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск, 1989. С. 33-43.
3. Тихонов С.С. К вопросу о состоянии отечественной археологии // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции. Ижевск, 2000. С. 5-8
4. Холмошский Ю.П. Введение в археологическое науковедение. Новосибирск, 2004. 98 с.

С. И. Заграфский

Иркутский государственный университет

САЙТ РАЭСК: СТАТИСТИКА, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В конце 20 – начале 21 века компьютеризация общества России вошло в новое русло. Это было связано со все более тесной интеграцией нашей страны в мировое сообщество. Одной из составляющих этого явления стало проникновение всемирной паутины, Интернет, в нашу жизнь. В наше время, отдельные тематические страницы в Интернете посвящены любому, даже не слишком значительному, событию, происходившему или происходящему в нашей жизни. Конечно же, такое явление, как РАЭСК, не могло остаться в стороне. В самом начале это были лишь отдельные сообщения о конференциях в новостях на сайтах вузов, на базе которых они проводились. Затем, наряду с этой информацией, стали появляться заметки об истории конференции и некоторых результатах последней из них (страницы на сайте кафедры этнографии и музееведения Омского госуниверситета) Следующим этапом стало создание Иваном Черниковым, студентом Новосибирского госуниверситета,

сайта, посвященного РАЭСК-44, в Кемерово. Этот сайт помимо обширной фотогалереи с прошедшей конференции обогатился небольшой гостевой книгой и простейшим форумом. Однако, РАЭСК является более широким событием в жизни археологической и этнологической молодежи Сибири. По этой причине в Иркутске, в 2004 году, в преддверии грядущего РАЭСК-45, родилась идея о создании полноценного сайта, по меркам Интернета и возможностей создателей. В ходе поисков подходящего места для размещения ресурса, была обнаружена компания masterhost, которая бесплатно предоставляла лучший, из возможных на то время, набор услуг и сервисов, так как поддерживала проект размещения и поддержки Интернет-ресурсов образовательных учреждений. В качестве цели, при создании этого сайта, было взято создание постоянно действующего Интернет – ресурса о РАЭСК с периодически обновляющейся информацией, где любой желающий смог бы прочитать о прошедших и предстоящих конференциях и РАЭСК, в целом. В процессе работы цели и задачи, а также структура сайта подвергались корректировке. Официальной датой создания сайта принято 1 декабря 2004 года. В этот день было получено письмо о регистрации и выделении места на серверах компании masterhost сайта с адресом www.raesc.edu.mhost.ru

Следующий далее текст, рекомендуется читать непосредственно перед открытой на мониторе компьютера страницей сайта. В настоящее время он состоит из двух частей. Первая из них – это сам сайт, который состоит из нескольких блоков. На одном из них размещаются последние новости по разделам соответственно: о конференциях, информационные письма, формы приглашений на конференцию, программы конференций, решения конференций. Также был создан раздел новостей – разное, где вы можете почерпнуть информацию о городе, принимающем ту или иную конференцию, и другие сведения, связанные с жизнью РАЭСК. В процессе работы сайта появился еще один раздел новостей, новости от админа, посвященный вопросам работы ресурса, в целом. Помимо новостной ленты сайта, были созданы еще две самостоятельных страницы, одна из них содержит информацию о РАЭСК-45, прошедшем в Иркутске. Другие города, к сожалению, до сих пор не заинтересовались подобной возможностью. Вторая – содержит ссылки на фотоальбомы, посвященные РАЭСК предыдущих лет, начиная с 2005 года. Меню сайта представляет простой способ перемещения по нему. Оно содержит стандартный набор меню Интернет-ресурсов и написано простым русским языком, без применения каких-либо специальных терминов. Особенно хочется обратить ваше внимание на пункт этого меню: ссылки, который содержит информацию о других Интернет-ресурсах, посвященных РАЭСК разных лет. В следующем блоке меню, статьи, размещены несколько статей по разным вопросам РАЭСК и археологии, в целом, с указанием количества просмотров и комментариев. В будущем планируется публикация статей молодых участников РАЭСК с непосредственным обсуждением их в нашем Дискуссионном клубе, о котором будет сказано ниже. Третий блок, на котором хочется остановить ваше внимание – это Файлы. Здесь вы можете обнаружить и загрузить на свой компьютер файлы документов РАЭСК: информационные письма, программы конференций, бланки приглашений, а также разных компьютерных программ, полезных при работе и найти ссылки на сайты этих программ для скачивания их последних версий или обновлений. Помимо этого, вы можете скачать разную художественную литературу. К сожалению, ограничение по занимаемому месту на компьютере, где расположен наш сайт, не дает возможности размещать на нем тезисы и материалы докладов.

Вторая составляющая нашего сайта – это его форум, Дискуссионный клуб, где обсуждаются разнообразные вопросы, касающиеся археологии, этнологии и конференции. Дискуссионный клуб разбит на кабинеты в той или иной мере соответствующие стандартному набору секций, работающих на конференции. Помимо обычных, было создано несколько кабинетов, несоответствующих ни одной из секций РАЭСК, но отражающих часть его «жизни». Это Кабинет для обсуждения вопросов о конференции и сайте, созданный для обсуждения общих вопросов организации и проведения конференций и работы сайта и форума. В кабинете: “Следующий РАЭСК” размещается информация о следующей конференции, которая по тем или иным причинам не может быть опубликована на главной странице сайта. К тому же в этом кабинете вы можете задать вопрос представителю орг. комитета предстоящей конференции, в отличие от главной страницы, где отсутствует обратная связь. По итогам конференции в Иркутске и по просьбе некоторых участников форума был создан кабинет новинок книжной археологии и этнографии. В нем вы можете узнать о новых изданиях по археологии и этнологии разных вузов и городов, там же размещается контактная информация, при помощи которой можно заказать эти книги. Следующим, не совпадающим по тематике, но одинаковым по сути, с работой любой из секций РАЭСК, является Кабинет для обсуждения публикаций на сайте, где вы можете высказать свое мнение о прочитанном в разделе статьи нашего ресурса. Выше уже говорилось, что в планах стоит публикация статей молодых археологов и этнологов на сайте, с оповещением через рассылку всех участников форума с предложением к обсуждению той или иной работы. Кабинет: “компьютер в археологии и этнологии” отражает то, что, на мой взгляд, уже давно весьма актуально и требует обсуждения и обмена опытом на РАЭСК. Некоторые кабинеты были созданы в ходе работы и не отражают суть и цель РАЭСК. Однако, РАЭСК – это маленькая жизнь, которая является многосторонним явлением, и углубляться исключительно в науку, забывая про остальное, было бы неверным. В результате, была создана комната отдыха. Книги жалоб и предложений стали следствием разнообразия мнений и взглядов на те или иные события и факты.

Давайте взглянем на статистику работы сайта и форума, отдельно. В момент написания доклада была доступна статистика работы сайта за последний месяц, начиная с 19 января. Наш сайт посетили из пяти стран: Россия, Казахстан, Латвия, Израиль и Эстония по убыванию. Следующим пунктом статистики сайта идут посещения относительно регионов России, по убыванию: Иркутск, Москва, Владивосток, Новосибирск, Красноярск, Омск, Самара, Калининград, Воронеж и Кемерово. Статистика по количеству посетителей за 31 день колеблется в пределах от 71 до 90 человек, при этом могут быть совершены от 464 до 4257 просмотров разных частей и страниц сайта. Эти показатели необходимо прокомментировать, поскольку программы, ведущие учет посещений и посетителей сайта видят исключительно, так называемые, внешние уникальные сетевые адреса компьютеров, а точнее тех, через которые другие компьютеры получают доступ в Интернет. Поэтому за каждой единицей этой статистики может скрываться несколько тысяч человек. За день наш сайт могут посетить от 1 до 12 уникальных адресов, при этом могут быть совершены от 1 до 2676 просмотров разных частей и страниц сайта.

Теперь о статистике работы форума: в настоящее время на нем зарегистрировано 2677 пользователей, но, к сожалению, лишь, примерно, 5,5 % (около 150 человек) от этого числа - настоящие участники РАЭСК, которые оставили, порядка, 590 сообщений. Остальное – это настырные люди, занимающиеся рассылкой рекламы, чьи сообщения при появлении последних безжалостно удаляются. Автоматической защиты от них еще не придумано, но работы ведутся, поэтому администраторам приходится бороться против них вручную.

К сожалению, необходимо отметить, что в создании и работе сайта не обошлось без проблем. Во-первых, маленький состав людей, принимающих постоянное участие в его жизни. Во-вторых, при таких, довольно, широких возможностях весьма низкая активность молодежи. В-третьих, отсутствие, в настоящее время, поддержки со стороны старшего поколения. Попытки некоторых наших мэтров поучаствовать в жизни ресурса привели, на мой взгляд, к «конфликту отцов и детей».

В настоящее время сайт, посвященный РАЭСК, обладает почти полным набором компонентов необходимых для создания на его базе регулярно действующей Интернет – конференции, Интернет – версии РАЭСК. В будущем, при определенных условиях, можно надеяться на расширение списка предоставляемых нашим сайтом услуг для посетителей и увеличения числа последних.

ЭПОХА ПАЛЕОЛИТА

П.В. Афанасьев

Иркутск, Иркутский государственный университет, 4 курс

С. А. Козай

Иркутск, Иркутский государственный университет, инженер

Е. О. Роговской

Иркутск, Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН - ИГУ, н. с.

КИРЮШИНА - НОВОЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ

В полевой сезон 2006 г. Байкало-Ангарская комплексная археологическая экспедиция производила экспертные и спасательные работы в Аларском, Усть-Удинском и Братском районах.

Рассматриваемый объект находится в Аларском районе вблизи деревни Кирюшина, в 17 км северо-восточнее посёлка Кутулик (в 168 км от Иркутска) (рис. 1). Данный объект расположен в зоне глубокого расчленения Иркутско-Черемховской равнины Предаянского краевого прогиба. В геоморфологическом отношении участок

представляет собой край южного фаса водораздельного плато, расчлененного по периметру падами, выходящими устьями в более крупные долины и синклинали.

В археологическом отношении эта часть территории Аларского района была совершенно не исследована. Участок, на котором выполнялись шурфовочные работы, расположен на площади последних километров проектируемой дороги, в районе подхода к Головинскому угольному разрезу, в 100-150 м северо-западнее околицы д. Кирюшина.

В результате проведенных в полевой сезон 2006 года экспертных археологических работ по трассе проектируемой дороги промышленного значения «Кутулик - разрез Головинский» в Аларском районе Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в шурфе № 3 на глубине 0,8 м в кровле гумусированных солифлюцированных суглинков был обнаружен одноплощадочный, однофронтальный нуклеус, выполненный на массивном сколе с нуклеуса, имевшего подготовленную площадку (рис. 1в). Талон скола глубокий, фасетированный средними сколами, угол с контрфронтом - 115° . Талон скола - площадка нуклеуса. Нуклеус зафиксирован *in situ* во фрагментах почвенного горизонта, предварительно определенного возрастом позднего каргинского интерстадиала (рис. 2).

Стратиграфия шурфа №3:

1. Современная почва, суглинок легкий, темно-серый, почти черный, гумусированный, пронизан корнями растений, подошва нарушена криогенными трещинами (Н1), мощность 0,25-0,4 м.

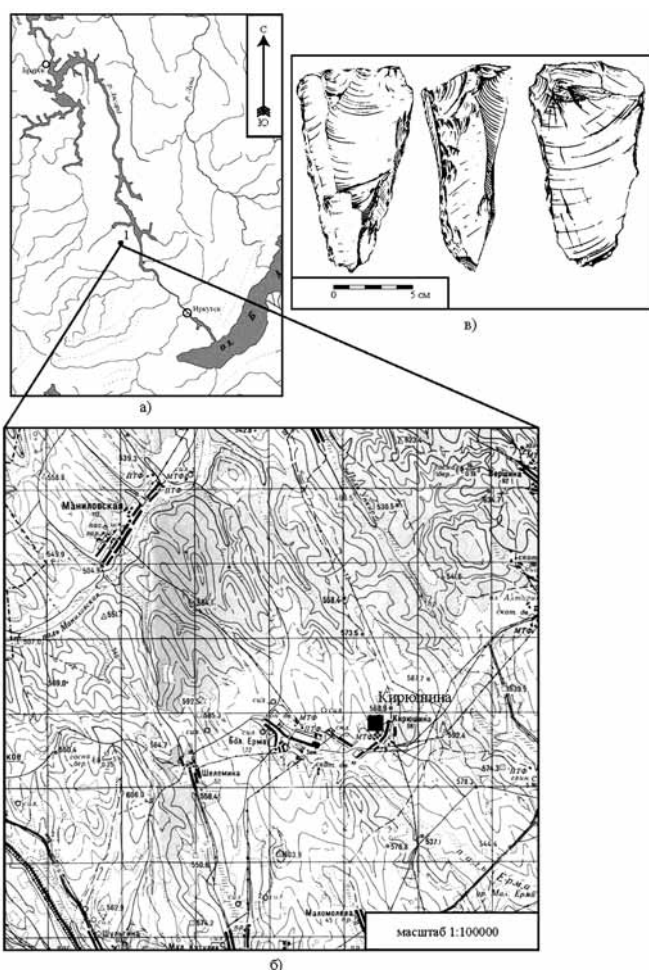

Рис. 1. а-б) план-схемы местоположения геоархеологического объекта Кирюшина, в) нуклеус с местонахождения Кирюшина

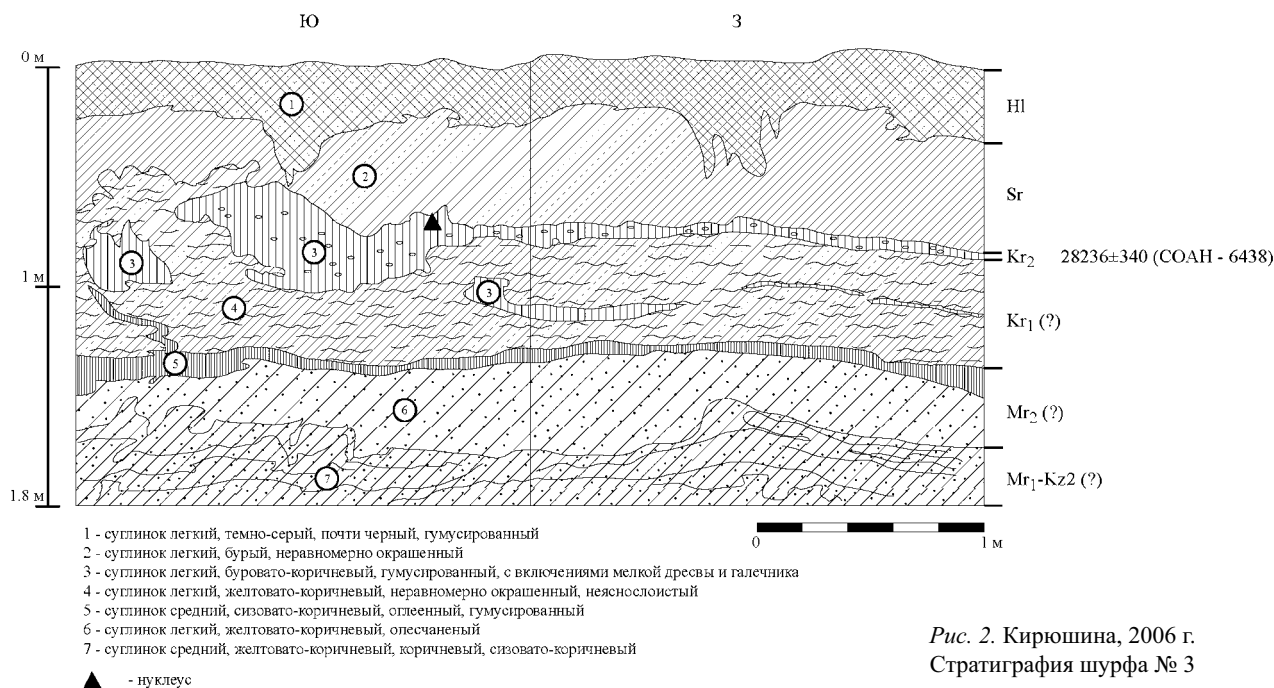

Рис. 2. Кирюшина, 2006 г.
Стратиграфия шурфа № 3

2. Пачка суглинков легких, бурых, неравномерно окрашенных, компрессионные отложения сартанского возраста (Sr), мощность 0,05-0,5 м.

3. Слой гумусированных солифлюцированных легких суглинков буровато-коричневого цвета с включениями мелкой дровы и галечника (Kr₂), мощность 0,1-0,45 м.

4. Пачка неяснослоистых легких суглинков желтовато-коричневого цвета с включениями фрагментов позднекаргинской почвы (Kr₁ ?), мощность 0,6-1 м.

5. Слой гумусированных средних оглеенных суглинков с криогенными нарушениями (Mr₂ ?), мощность 0,1-0,2 м.

6. Пачка легких опесчаненных суглинков желто-коричневого цвета с неровными верхними и нижними границами (Mr₂ ?), мощность 0,2-0,5 м.

7. Пачка солифлюцированных неяснослоистых средних неравномерно окрашенных суглинков (Mr₁-Kz₂ ?), видимая мощность 0,3-0,5 м.

В соседнем шурфе № 4, в аналогичных отложениях был обнаружен палеонтологический материал. Абсолютный радиоуглеродный возраст, полученный по кости (бизон) из шурфа № 4 - 28236 ± 340 л.н. (СОАН - 6438). Важной отличительной чертой местонахождения является его удаленность от крупных современных водных артерий реки Ангары и её непосредственных притоков и дислокация на водораздельном плато выше 500 м от УМО в стратифицированном положении.

Научный руководитель: Е.О. Rogovskoy, н.с. ИЛАиП ИАЭТ СО РАН – ИГУ

А.К. Абдыканова

Новосибирск, Институт археологии и этнографии, аспирант

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ПОЛУОСТРОВА МАНГЫШЛАК (Западный Казахстан)

История изучения каменного века Западного Казахстана начинается на рубеже XIX-XX-го вв. В частности, в Музее антропологии и этнографии РАН РФ, в Санкт-Петербурге в коллекции артефактов из Средней Азии хранятся кремневые ножевидные пластины, выкопанные из земли в форте Александровском, которые в 1864 го-

ду были привезены А. Гебелем. В 1916 году В.Н. Андрусов обнаружил на Мангышлаке несколько ножевидных пластин и большой кремневый наконечник [1, 26].

В 1960-69 гг. А.Г. Медоевым зафиксированы палеолитические местонахождения в северо-западных районах Мангышлака, на побережье залива Сарыташ, на полуострове Тюбкараган и в долинах рек Шахбагата и Кумакапе. Геологический возраст самых древних находок А.Г. Медоев связывает с позднеплиоценовой (акчагыльской) морской абразивной террасой [2, 14]. Датировка наиболее древних находок в данное время является дискуссионной. В 1985 году в том же районе, у залива Сарыташ обнаружен комплекс местонахождений Онежек I-VII представленный сборами Ж.К. Таймагамбетова. Собранные коллекции, в основном, датированы поздним палеолитом [3, 34].

В результате исследовательских работ Российско-Казахстанской археологической экспедиции в 1998-99 гг. в районе Мангышлака были обнаружены 23 местонахождения с поверхностным залеганием археологического материала [4, 45].

Общее количество каменных артефактов составляет 1550 экз. В пользу тесной взаимосвязи между степенью сохранности поверхности артефактов и их относительным возрастом свидетельствуют сходные природно-климатические условия, под воздействием которых находились артефакты в течение длительного промежутка времени, а также наличие общей сырьевой базы в виде обнаженных выходов кремня.

Коллекция каменных артефактов Мангышлака демонстрирует все периоды палеолитической эпохи, начиная с раннего периода до финала позднего палеолита. Сравнение комплекса сильнодефлированных артефактов с комплексами близлежащих раннепалеолитических индустрий не позволяет уточнить хронологическую позицию комплекса. Вопрос датировки сложен и на данном этапе изученности остается открытым. В целом, несмотря на малочисленность изделий, можно отметить, что техника расщепления камня главным образом направлена на получение отщепов. Примечательны нуклеусы, у которых произведенное крупное снятие охватывает практически всю плоскость скалывания, что может рассматриваться как проявление леваллуазских традиций в технологии расщепления. Все представленные сколы исключительно крупных размеров. Доля орудий незначительна, они изготавливались на крупных сколах и обломках. Сильнодефлированные заготовки нередко использовались вторично (подвергались переоформлению в более позднее время).

Среднедефлированный комплекс вероятнее всего следует рассматривать в широких рамках среднего палеолита. Несмотря на малочисленность выразительных нуклеидных изделий в коллекции, опираясь на некоторые особенности характеристики сколов, можно отнести этот комплекс к отщеповой индустрии. Значительно преобладают крупные сколы, но при этом намечается тенденция к уменьшению размеров по сравнению с более ранним комплексом. Наряду с отщепами фиксируются пластинчатые заготовки. В целом, индустрия основана на параллельном принципе скалывания. Среди остаточных ударных площадок преобладают гладкие, единично появляются фасетированные и линейные типы. Орудийный набор представлен среднепалеолитическими изделиями.

Индустрию слабодефлированного комплекса можно отнести к переходному этапу от среднего к верхнему палеолиту. По сравнению с предыдущим комплексом отмечается изменение в сторону более качественного технологического уровня. Фиксируется более тщательное оформление нуклеусов, появляются новые типы, в частности торцовые и призматические формы, уменьшаются размеры заготовок, шире представлены орудия. В целом, техника первичного расщепления представлена параллельным и субпараллельным принципами скалывания, индустрия направлена на получение заготовок в виде отщепов, пластинчатых отщепов и пластин. Среди сколов доминируют отщепы в основном крупных размеров, пластинчатые заготовки крупных и средних размеров. Скребла и выемчатые изделия по-прежнему доминируют, наряду с ними появляются скребки, клювовидные орудия. Скребла характеризуются типологическим разнообразием по сравнению с более ранним периодом. В орудийном наборе появляются двухсторонние формы (бифасиальные изделия), в равной степени представлены целые изделия средней стадии оформления и фрагментированные формы, первоначально имевшие законченный облик, примечательна доля верхнепалеолитических типов орудий.

Недефлированный комплекс коллекции датируется верхним палеолитом. Каменная индустрия характеризуется ортогональной, параллельной и призматической техникой расщепления, направлена на получение заготовок в виде отщепов и пластин. Проявляются приемы отжимной техники расщепления. Наряду с отщепами в качестве заготовок для орудий используются пластинчатые отщепы и пластины, удельный вес которых увеличивается по сравнению со слабо- и среднедефлированными сериями, хотя основными заготовками для орудийных форм продолжают оставаться отщепы. Отмечается тенденция к уменьшению размеров заготовок, сколы имеют более правильный стандартизированный облик. Среди определяемых ударных площадок преобладают гладкие, увеличивается количество фасетированных и линейных, появляются точечные и двухгранные. Наличие в индустрии относительно большого количества преформ и нуклеидных форм можно объяснить более многочисленными сборами по сравнению с ранними комплексами. В орудийном наборе также как в предыдущем комплексе доминируют скребла и выемчатые изделия, при этом значительно расширяется список типов орудий. Увеличивается доля орудий верхнепалеолитического типа. Заметно возрастает доля скребков, фиксируется их значительное типологическое разнообразие в отличие от слабодефлированной коллекции. Вторичная обработка

орудийных форм производится более тщательно, чаще встречаются случаи бифасиальной, параллельной и суб-параллельной ретуши. В значительном количестве представлены бифасиальные изделия, в основном средней стадии оформления. Материал в целом сохраняет основные элементы индустрии предшествующего этапа.

Большая площадь распространения находок, преобладание в каменном инвентаре орудий и связанных с ними отходов производства, малочисленность нуклеидных изделий позволяет рассматривать почти все без исключения комплексы местонахождений Мангышлака как поселения. Техничко-типологический анализ археологического материала позволяет утверждать о существовании единой линии развития каменной индустрии в регионе на протяжении длительного хронологического отрезка времени - предварительно с раннего до финала позднего палеолита. Оценивая результаты исследований проведенных на Мангышлаке, следует отметить, что они ясно свидетельствуют о процессе заселения древним человеком территории восточного побережья Каспийского моря в относительно благоприятные периоды плейстоцена.

Библиографический список

1. Любин В.П. Палеолит Туркмении (История, исследования, новые материалы, ближайшие задачи) // СА. - 1984. - № 1. - С. 26-45.
2. Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана (к XI конгрессу ИНКВА). - Алма-Ата: Наука, 1982. - 64 с.
2. Таймагамбетов Ж.К.. Палеолит Казахстана (основные проблемы). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - Новосибирск, 1993. - 52 с.
3. Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Зенин В.Н., Искаков Г.Т. Исследования памятников эпохи палеолита на плато Мангышлак в 1999 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск, 1999. - Том V. - С. 42-45.

Научный руководитель: А.П. Деревянко, академик

Н.Е. Белоусова

Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 3 курс

ПОЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПОВЕДЕНЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИНДУСТРИЯ ГРОТА ОБИ-РАХМАТ (Узбекистан)

По мере интенсификации палеолитических исследований за пределами Европы, господствовавшая вплоть до последней четверти прошлого века в первобытной археологии стройная схема зависимости изменения типа материальной культуры от эволюции физического облика и ментальных способностей самого человека потеряла свою универсальность. Новые данные заставляют ученый мир вносить весомые коррективы в сложившиеся концепции. Так, если раньше появление человека современного анатомического облика связывали с эпохой перехода от среднего к верхнему палеолиту, то имеющиеся в настоящее время материалы уверенно указывают на то, что, с одной стороны, современная анатомия человека появилась гораздо раньше, а с другой стороны, ряд основных культурных признаков эпохи верхнего палеолита фиксируется в археологических комплексах значительно большей древности. Так как переход от среднего палеолита к верхнему на территории Евразии характеризуется значительным структурным изменением культуры древнего человека, в последних исследованиях вводится термин «современный поведенческий комплекс». В это понятие включаются такие элементы, как переход к преобладанию сезонно-ориентированной преднамеренно-планируемой охотничьей деятельности (в отличие от доминирования использования туш павших животных в эпоху среднего палеолита), заселение регионов с неблагоприятными климатическими условиями (высокогорья, пустынные и тундровые эколандшафты); расширение обмена между различными популяциями; систематическое производство орудий из некаменного сырья; преобладание экономически более эффективной пластинчатой технологии; расширение артефактного репертуара в связи с его стандартизацией и усилением функциональной специализации; выраженное проявление пространственно-структурного восприятия обживаемого пространства (в том числе выделение функциональных зон внутри поселений, усложнение конструкции очага); увеличение уровня мобильности групп, связанное, видимо, с появлением более сложных социальных структур; массовое появление символической и ритуальной активности [1].

Целью данной работы является попытка выявления соответствия палеолитической индустрии грота Оби-Рахмат с перечнем признаков “современного поведенческого комплекса” для определения правомочности отнесения обирахматской индустрии к переходным или ранневерхнепалеолитическим комплексам Евразии.

Грот Оби-Рахмат находится на территории Республики Узбекистан в 100 км на восток-северо-восток от г. Ташкента. Памятник был открыт в 1962 г. и начальный этап раскопок проводился под руководством М.М. Герасимова и Х.К. Насретдинова, а в 1964 - 1965 гг. - Р.Х. Сулейманова. В монографическом исследовании Р.Х. Сулейманова [2] на основании технико-типологического и статистического анализов коллекции был сделан вывод о том, что обирахматская индустрия отражает процесс постепенного перерастания среднепалеолитической культуры в верхнепалеолитическую в рамках единого сообщества. За последние десятилетия интерес к изучению переходных памятников возрос, остро встали вопросы хронологии, региональной преемственности культур, взаимоотношений человека современного типа с архаичными популяциями и т.д. В связи с этим, в 1998 г. исследование грота Оби-Рахмат было возобновлено [3].

Результатом нового этапа работ стало, в первую очередь, определение абсолютной хронологии культурных отложений грота. Применение различных методов абсолютного датирования позволило определить временные рамки существования обирахматского комплекса в интервале от минимум 60 т.л.н. до 40 т.л.н. ранее предлагавшаяся идея о наличии на памятнике эволюции от финального мустье к развитому верхнему палеолиту не нашла своего подтверждения. Авторами нового этапа раскопок была обоснована, несмотря на значительную хронологическую протяженность, гомогенность всей культурной последовательности грота, которая была в целом интерпретирована как переходная индустрия, основой формирования которой являлась пластинчатая среднепалеолитическая технология с незначительным присутствием модифицированной леваллуазской концепции. Основным аргументом в пользу переходного характера обирахматской индустрии авторами выдвинуто наблюдаемое во всех слоях памятника сочетание среднепалеолитических и верхнепалеолитических характеристик, как на технологическом (стратегии расщепления), так и на типологическом (орудийный набор) уровнях.

Интересным фактом является то, что обнаруженный в 2003 году на памятнике Оби-Рахмат антропологический материал (6 постоянных зубов и левая парietальная часть черепа молодого индивида), демонстрирует мозаичные характеристики, как неандертальского, так и современного человека. Не исключено, что на памятнике Оби-Рахмат мы имеем редкое свидетельство физических контактов различных популяций, которое, возможно, может объяснять и культурную мозаичность археологического комплекса.

Проведенное нами исследование по атрибуции обирахматской индустрии в рамках модели “современного поведенческого комплекса” показало наличие практически всех элементов новой культуры. Тем не менее, степень проявления и выраженность различных верхнепалеолитических поведенческих характеристик значительно отличается, характеризуясь, зачастую, показателем “присутствие”, но не “типичность” (например, лишь единичные свидетельства употребления абстрактных символов и отсутствие украшений). На наш взгляд, можно говорить о том, что в случае с обирахматской индустрией мы наблюдаем начальный этап складывания “комплекса современного поведения”, что подтверждается и достаточно ранними датировками памятника. Что касается термина “переходный”, то его употребление по отношению к обирахматской индустрии, видимо, не совсем правомерно, особенно, если имеется в виду региональный контекст. Как отмечается в последних работах авторов раскопок [4], на настоящий момент не выявлено непосредственных предшественников Оби-Рахмата среди среднепалеолитических культур Средней Азии, что подталкивает к идее интрузивности данной индустрии, появившейся, либо непосредственно в результате миграции в регион людей современного типа (носителей мозаичной культуры), либо о культурной диффузии, обусловленной взаимодействием мигрировавших и существовавших в регионе различных популяций. Более того, понятие “переход” подразумевает под собой и наличие преемственности с последующими обитателями региона. Однако, имеющиеся на настоящий момент данные свидетельствуют, возможно, о временной депопуляции данной территории (вызванной, видимо, значительным ухудшением условий среды обитания - гипераридизация) в хронологическом интервале от 40 т.л.н. (верхние датировки обирахматской последовательности) до 25 т.л.н., когда в регионе фиксируются появление стоянок людей культуры развитого верхнего палеолита, не имеющей корней ни в обирахматской, ни в какой-либо другой местной предшествующей индустрии.

Библиографический список

1. Henshilwood C.S., Marean C.W. The Origin of Modern Human Behavior. Critique of the Models and Their Test Implications // *Current Anthropology*. - Vol. 44, Number 5. - 2003. - Pp. 627-637.
2. Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. - Ташкент: Фан, 1972. - 171 с.
3. Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Аношкин А.А., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сайфуллаев Б.К., Сулейманов Р.Х. Ранний верхний палеолит Узбекистана: индустрия грота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2 - 14) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. - 2001. - № 4. - С. 42-63.

4. Исламов У.И., Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Милютин К.И., Мухаммадиев А.Г., Белоусова Н.Е. Предварительные итоги работы международной археологической экспедиции по изучению каменного века Узбекистана в полевом сезоне 2006 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Том XII, часть I. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. - С. 162-166.

Научный руководитель: А.И. Кривошапкин, к.и.н., с.н.с.

А. С. Бениц

Нижний Тагил, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 4 курс

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ ПЕЩЕРНОГО СВАТИЛИЩА НА КАМНЕ ДЫРОВАТОМ (Средний Урал)

Камень Дыроватый находится на левом берегу р. Чусовой в 17 км ниже по течению от с. Усть-Утка (Пригородный р-н Свердловской области). Скала камня высотой 50-80 м протянулась на целый километр. Заканчивается она высоким монолитом высотой до 60 м. Именно в нем на высоте 20 м и расположена пещера. Вход пещеры ориентирован на юго-восток, его размеры 8 x 5 м [2, с. 121].

Первые исследования пещеры начались в 1982 г. и продолжались с перерывами до 2000 г. В итоге за все годы исследований на Камне Дыроватом была получена коллекция свыше 18,7 тыс. находок, из них наконечников стрел - 15 тыс. экз. [7, с. 44]. Среди находок 392 железных наконечника, 932 бронзовых, 5415 костяных, 8274 каменных, 3589 микропластинок-вкладышей, 81 геометрический микролит, 20 галек и 59 предметов культа (различные подвески, бусы, пронизки и пр.) [5, с. 50-51]. С учетом находок из раскопок А. Н. Прокошева, которые хранятся в Эрмитаже, коллекция с Камня Дыроватого составляет свыше 25,5 тыс. экземпляров (наконечников стрел - 21,7 тыс. экз.) [1, с. 188].

Комплекс каменных и костяных наконечников стрел эпохи мезолита составляет свыше 3000 экз.

Все мезолитические каменные наконечники изготовлены на пластинах, их немного, всего около 70 экз. Эти наконечники представлены несколькими типами: листовидными, черешковыми, с намеченным черешком, трехугольными вытянутыми и укороченными с усеченным основанием, скошенными остриями. Также встречаются наконечники индивидуальных форм, которые не образуют серий. При помощи ретуши обычно оформлялись насад и острие, боковые поверхности наконечников чаще всего не обработаны.

Большая часть наконечников имеет листовидную форму. Они изготовлены на пластинах длиной от 2,7 до 3,7 см и шириной 0,8-1,4 см. Некоторые наконечники имеют симметрично заостренное острие и насад. У других острие имеет более вытянутые очертания. В одних случаях они обработаны ретушью со стороны спинки, в других - имеют подработку и с брюшка.

Наконечники с намеченным или хорошо выраженным черешком обычно обработаны крутой ретушью со стороны спинки или брюшка. Длина черешков колеблется от 3 до 11 мм. Форму они имеют разную: в виде заостренных треугольников или с закругленным окончанием. Представляет интерес миниатюрный наконечник стрелы длиной всего 1,8 см, изготовленный на пластине кремня шириной 1,2 см. Острие обработано мелкой краевой ретушью со спинки и с брюшка, а резко обозначенный черешок - ретушью с брюшка. Длина черешковых наконечников составляет 3-4 см, ширина - 1-1,4 см.

Некоторые наконечники имеют усеченное ретушью прямое основание. Причем обработкой затронуты только основание и острие. Иногда наконечниками служили скошенные острия, некоторые из которых имели дополнительную подработку. Для изготовления наконечников чаще всего применялись светло-серые кремнистые породы, меловой кремнь и разнообразные кремнистые сланцы [8, с. 245].

Присутствуют каменные наконечники и среди геометрических микролитов, которых на Камне Дыроватом найдено 81 экз. Собственно к наконечникам можно отнести 17 низких вытянутых ассиметричных трапеций с одной боковой выемкой. В качестве наконечника стрелы мог использоваться и единственный пока на территории Среднего Зауралья геометрический микролит в виде ассиметричного треугольника. Изготовлен он на ножевидной пластине кремнистого сланца. Длина изделия 2,9 см, ширина - 1 см. Обработан крупной ретушью со стороны спинки [3, с. 122]. Интересной особенностью комплекса можно считать полное отсутствие в коллекции поперечно-лезвийных наконечников стрел в виде трапеций высокой формы с двумя боковыми выемками.

Из числа костяных наконечников наиболее представительным типом являются вкладышевые. Их в коллекции около 1600 экз. Целые экземпляры имеют длину 16-20 см, но некоторые достигают длины 23-25 см. Чаще

всего наконечники имеют овальное сечение и уплощенный на две грани насад. Паз обычно прорезался с одной стороны и редко с двух. Глубина паза составляет 0,3-0,6 см, длина - до 15 см. Вариантом вкладышевых наконечников можно считать наконечники с боковым пером и пазом. Их длина достигает до 18 см, а длина цельного пера - 8-9 см. Некоторые вкладышевые наконечники оснащены еще и шипом. Большая часть шипов орнаментирована тонкими параллельными рисками, процарапанными крестами и волнистыми линиями [4, с. 120]. Следует отметить, что 477 вкладышевых наконечников украшены геометрическим орнаментом [6, с. 73-82].

Биконических наконечников стрел эпохи мезолита в коллекции около 150 экз. Все они относятся к наконечникам так называемого «шигирского типа», имеют биконическую головку и длинный стержень. Среди биконических наконечников орнаментировано только 2. Верхний конус одного из них орнаментирован короткими прямыми линиями, идущими параллельно продольной оси наконечника. На втором наконечнике орнамент в виде коротких насечек присутствует как на верхнем конусе, так и под ним, на костяном стрежне [4, с. 202].

Игловидные наконечники (в коллекции их около 650 экз.) имеют длину от 17 до 26 см. Обычно у них круглое или овальное сечение, конический или слегка уплощенный конец острия и тщательно выделанный насад, который имеет форму конуса. Любопытен игловидный наконечник, который в верхней части имеет три слабовыраженных боковых зубца. Некоторые игловидные наконечники орнаментированы мелкими насечками или точками.

Наконечники стрел гарпунного и весловидного типов в коллекции представлены единичными экземплярами. Целый весловидный наконечник имеет длину 14,4 см. Ударная часть наконечника в виде весловидного расширения составляет около трети изделия. Наконечник имеет конический насад [4, с. 120]. Удивляет небольшое количество наконечников с зубцами - гарпунного типа. В Шигирском торфянике таких наконечников найдено несколько сотен. Возможно, это связано со специализацией хозяйства и с разными сезонами функционирования обоих памятников.

Таким образом, коллекция из пещерного святилища на Камне Дыроватом представляет самый крупный комплекс мезолитических наконечников не только на Урале, но, видимо, и в России. Их изучение позволяет осветить многие вопросы, связанные с хозяйственной, производственной и культовой жизнью мезолитического населения Урала.

Библиографический список

1. Калинина И.В., Ленц Г.Т., Сериков Ю.Б. Дыроватый Камень // Уральская историческая энциклопедия. - Екатеринбург, 1998.
2. Сериков Ю.Б. Камень Дыроватый - уникальное пещерное святилище на реке Чусовой (первые результаты исследований) // РА. - №4. - 1996.
3. Сериков Ю.Б. Геометрические микролиты Среднего Зауралья // РА. - №1. - 1998.
4. Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. - Нижний Тагил, 2000.
5. Сериков Ю.Б. Культовые комплексы р. Чусовой // Археология и этнография Среднего Приуралья. - Вып. 1. - Березники, 2001.
6. Сериков Ю.Б. Орнаментированные наконечники стрел эпохи мезолита с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) // Образы и сакральное пространство древних эпох. - Екатеринбург, 2003.
7. Сериков Ю. Б. Культовые памятники горно-лесного Урала. - Екатеринбург, 2004.
8. Сериков Ю. Б. Каменные наконечники стрел эпохи мезолита на территории Среднего Зауралья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. - М., 2005.

Научный руководитель: Ю.Б. Сериков, д.и.н., профессор

А.В. Бондаренко

Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 2 курс

ОБРЯДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЧАЛА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА КАК МАРКЕР СТАНОВЛЕНИЯ *HOMO SAPIENS SAPIENS* НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ (материалы комплекса Хотык)

С точки зрения антропогенеза о довольно сложном процессе становления вида *Homo sapiens sapiens* и вытеснении им сообществ неандертальцев или других примитивных видов важным свидетельством может считаться развитие искусства и обрядовой религиозной практики. По мнению А.Д. Столяра, полное отсутствие сле-

дов творчества у архантропов на громадном, длительностью более 1,5 млн. лет, отрезке антропогенеза весьма показательно. Тем самым обозначается разрыв между «искусством животных» и искусством человека. Человеку современного физического типа свойственно абстрактное мышление, т.е. развивается предметно-наглядное абстрагирование, возникают условные символы как следствия действенного отвлечения от целого и отбора его наиболее выразительных внешних признаков. С началом верхнего палеолита мы видим законченный абстрактный образ (омертвление живого), равнозначный общему видовому понятию о звере. Это является свидетельством отчетливой логической мысли и развитой абстракции. Раннеориньякские рисунки и нефигуративное творчество - свидетельства «разумности» неолитов и подъема их сознания на генеральных направлениях до уровня полноценного человеческого типа умственной деятельности, то есть становления *Homo sapiens* [3, стр. 262].

Вопросы формирования человека современного физического типа широко исследуются в современном палеолитоведении. В Забайкалье зафиксированы довольно ранние следы становления и развития *Homo sapiens sapiens*, одним из интереснейших комплексов культуры которого является Хотык. Хотык - многослойный объект, состоящий из различных по системе организации комплексов: долговременные поселения с ямами-хранилищами и кратковременные стоянки. Планиграфический анализ организации культурных остатков объекта Хотык выявил структурные элементы культурных горизонтов как хозяйственно-бытовой специфики, так и сакрально-культового значения. Последний вывод, по мнению авторов раскопок, является принципиальным для характеристики комплекса Хотык (уровень 3) как свидетельства развития культуры человека современного физического типа. Имеющиеся материалы позволяют применить этологические принципы в их интерпретации [5].

Особый интерес представляет верхняя площадка, расположенная на высоте 35-40 м от уровня р. Она (раскопки проводились в 1999-2003, 2006 г) и, в частности, комплекс уровня 3. Он зафиксирован на глубине 140-188 см в 6-м литологическом подразделении и определен как ранневерхнепалеолитический. Геологический слой датируется (РТЛ) от 42 до 60 т.л.н., по AMS - $38,2 \pm 2,8$ т.л.н. В целом, технико-типологические параметры индустрии характеризуют комплекс как ранневерхнепалеолитический [3, стр. 87].

В раскопе 1998-1999 гг. было зафиксировано скопление артефактов и фаунистических остатков (целых и фрагментов). Оно сконцентрировано на площади около 2 кв. м. Зона расчистки насыщена разнообразными по оттенку пятнами зеленого, красного, белого, черного, желтого цветов. К пятну были приурочены находки предметов неутилитарного назначения, остроконечников, оригинальных изделий, осколков яшмы, горного хрусталя, слюды, гематитовой слюды. Здесь была расчищена композиция, составленная из черепа, позвоночного столба, лопаток и берцовых костей трех ног лошади, в том числе две ноги с копытами, стоящие вертикально. Третья нога, с так называемым «каменным копытом» зафиксирована горизонтально, помещена строго по линии запад-восток. Несомненно намеренная обработка песчаникового субстрата и придания ему заданной формы копыта за счет формообразующих снятий. Артефакт заменяет копытную и первую фаланги ноги. К этому же пятну приурочены находки предметов неутилитарного назначения с боковым просверленным отверстием, которые А.Д. Столяр обозначает как женские знаки. Авторами раскопок выявленная ситуация была интерпретирована в рамках концепции «натурального макета» и древнейших охотничьих ритуалов - инициаций [2, стр. 93].

Ситуацию 1998-1999 и новый сюжет, вскрытый в 2006 г., разделяла вертикально установленная плита гнейса, вымазанная порошком гематитовой слюды. В ходе раскопок 2006 г. была расчищена каменная выкладка, состоящая из камней средних размеров, выложенных по периметру окружности диаметром около 1 м и крупной плитой, на которую была помещена сильно согнутая нога носорога. В этом «коробе» были зафиксированы битые кости лошади, дзерена, зубы, изделия из кости и камня. Также короб был перекрыт плитой, на которой лежала черная бусина из мыльного камня. Непосредственно рядом с выкладкой обнаружен нуклеус их зеленой полосатой яшмы, леваллуазский остроконечник из коричневой, ниже него остроконечник красной яшмы, плитка-заготовка из светло-зеленого халцедона. Здесь же были найдены каменные бусины с просверленными отверстиями, т.е. завершённые изделия и заготовки для них. К северу от выкладки зафиксировано охристо-углистое пятно, включающее битые и резаные трубчатые кости, кусочки красной охры, уголь, орудие из ребра и камня. К востоку от выкладки располагалась лопатка представителя семейства Bovidae с V-образным знаком и серией продольных линий и поперечных царапин.

Каждый из зафиксированных элементов может интерпретироваться неоднозначно. Например, красная краска служила в рисунках древнейших людей условным обозначением крови в качестве зримого символа раненой плоти. Бусины-пронизки с центральным положением отверстия - распространенные в Сибири украшения (Кара-Бом, Денисова пещера сл. 11, Каменка, Подзвонкая и т.д.) и в данном контексте, скорее всего являются жертвенными или индивидуально маркирующими предметами. Поперечные нарезки, представленные на кости, могут восприниматься по-разному: нумерация, простейшие арифметические операции, «охотничьи метки». Такой сюжет имеет место уже в мустьерских находках [5, стр. 126]. В связи с семантикой угла, А.Д. Столяр упоминает «раны» на строго профильном контуре лошади из пещеры Кастильо, подобные знаки были встречены в пещерах Эрмитаж и в более поздних комплексах верхнего палеолита - например, в Нио, Пиндале и Пеш-Мерль. Кроме того, подобные нарезки могут являться женским символом (как сильно модифицированное в отличие от распространенного полукруглого изображения вульвы) [5].

Принимая во внимание всю смысловую нагрузку обнаруженных предметов, описанная выше площадка может интерпретироваться как место совершения определенных обрядовых действий, связанных с древнейшими охотничьими ритуалами, проведением обрядов инициаций или продуктовой магии.

Библиографический список

1. Лбова Л.В. Ранняя символическая деятельность в комплексах начальной поры позднего палеолита в Забайкалье (структурно-семиотический подход) // Искусство народов Сибири: прошлое, настоящее, будущее. - Омск, 2004. - С. 5-9.
2. Лбова Л.В., Базаров Б.А. Формы палеолитического творчества в комплексе Хотык (Западное Забайкалье) // Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии: Материалы международной конференции. - Красноярск: изд-во КГУ, 2000. - С. 80-81.
3. Лбова Л.В., Резанов И.Н. и др. Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье). - Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2003. - 206 с.
4. Рыбин Е.П., Лбова Л.В., Клементьев А.М. Орудийный набор и поселенческая специфика комплексов ранней поры верхнего палеолита Западного Забайкалья // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). - Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005.
5. Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. - М.: Искусство, 1985. - 289 с.

Научный руководитель: Л.В. Лбова, д.и.н., профессор

Е.С. Жукова

Чита, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2 курс

ИЗУЧЕНИЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ГОРИЗОНТОВ ПОСЕЛЕНИЯ УСТЬ-МЕНЗА-2

В 2006 г. были продолжены исследования многослойного поселения Усть-Менза-2 (Читинская область, Красночикойский район), которое входит в состав Усть-Мензинского комплекса археологических памятников. Поселение находится на правом берегу р. Менза и связано со II-ой надпойменной террасой высотой 8-10 м. Поселение примыкает к довольно глубокому логу, за которым расположена островерхая сопка, обрывающаяся скалами к реке. Поселение открыто в 1981 г. во время разведки, проводимой по реке Мензе археологическим отрядом Читинского пединститута. С 1984 г. на поселение ведутся стационарные работы. На поселение выявлено 31 культурный горизонт, которые датируются временем от верхнего палеолита до эпохи бронзы. В итоге многолетних работ на поселении была вскрыта площадь 500 кв.м. По мере углубления площадь культурных горизонтов уменьшалась и раскоп приобрёл форму перевернутой ступенчатой пирамиды глубиной до 9 м [1;2;3;4].

Основной целью работ истекшего сезона было расширение площади вскрытия культурных горизонтов, залегающих в средней части аллювиальных отложений террасы. В результате дополнительно были изучены культурные горизонты 8, 9а, 9б. Культурные горизонты связаны с тонкими иловатыми прослойками мощностью 1 см и разделены стерильными песчаными отложениями мощностью 20-40 см.

8-й культурный горизонт дополнительно вскрыт на площади 41 кв. м. Он залегает в средней части аллювиальных отложений террасы на глубине 1,5-2 м от поверхности. На этой площади выявлен хозяйственный комплекс, представленный зольным пятном с камнями на поверхности и различными находками. Зольное пятно имеет видимые размеры 3 х 4 м и уходит в стенку раскопа, максимальная мощность пятна в центре достигает 3 см. Несколько речных валунчиков средних размеров находятся в пределах зольного пятна, но не образуют какой-либо системы. Большинство находок связаны с зольным пятном или прилегают к нему. Среди них микро-нуклеус, нуклеидный желвак, проколка, 10 пластин, 54 отщепа, 123 фаунистических остатка. Среди последних - зубы копытного животного, вероятно всего, кабарги.

Микро-нуклеус клиновидный размерами 3х1х2,5 см. На торцевой части следы снятия микропластин. Обработка происходила техникой отжима.

Проколка из горного стекла представлена двумя фрагментами. Фаунистический материал - в основном мелкие раздробленные косточки. Среди них часть несет следы обработки. Несколько экземпляров, возможно, использовались в качестве проколов.

Культурный горизонт 9а изучен на площади 54 кв. м. Здесь частично выявлено два зольных пятна. Первое видимыми размерами 2 х 3 м, на его поверхности наблюдается цепочка из шести камней. Второе - видимыми

размерами 3 x 4 м мощностью до 1,5 см. С пятном связано ряд находок: 3 отщепа и 27 мелких раздробленных косточек (ряд из них несут следы обработки).

Культурный горизонт 9б изучен на площади 24 кв.м. Здесь выявлено зольное пятно видимыми размерами 4 x 4 м с максимальной мощностью до 3см. На его поверхности и рядом располагались 21 речных валунчиков и крупных галек. Среди находок 14 отщепов и 15 мелких раздробленных косточек.

Исходя из условий геологического залегания и характера находок, культурные горизонты датируются второй половиной сартанского оледенения. Из всех культурных горизонтов отобран уголь на радиоуглеродный анализ. Сравнивая изученные комплексы с ранее выявленными на этом поселении, можно предположить, что это остатки разрушенных очагов, внешних обкладок жилищ и других хозяйственных комплексов.

Библиографический список

1. **Константинов А.В.** Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). - Новосибирск: Наука, 2001. - 224 с.
2. **Константинов М.В.** Каменный век восточного региона Байкальской Азии. - Улан-Удэ; Чита: Изд-во БНЦ СО РАН; Чит. пед. ин-т, 1994. - 200 с.
3. **Константинов М.В., Константинов А.В., Васильев С.Г., Екимов Л.В., Разгильдеева И.И.** Под покровительством большого шамана. Археологическое путешествие по Забайкалью. Путеводитель полевой экскурсии международного симпозиума «Древние культуры Азии и Америки». Чита, 26 августа- 1 сентября 2003 г. - Чита: Изд-во «Экспресс типография», 2003. - 53 с.

Научный руководитель: А.В. Константинов, д.и.н., зав. кафедрой истории ЗабГГПУ

*Е.С. Изумнова, Ж.С. Молокова, Н.Б. Соколова
Иркутск, Иркутский государственный университет*

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ «МОСТ-ЛЕВЫЙ БЕРЕГ» В ИРКУТСКЕ (по материалам раскопок 2006 г.)

В 2006 г. в Иркутске после 2-х летнего перерыва археологическим подразделением Иркутского госуниверситета возобновились спасательные раскопки геологического объекта в районе бывшей д. Титово на площади дорожной развязки и подъездных путей нового мостового перехода через р. Ангару в Левобережном (Свердловском) округе г. Иркутска на местонахождении «Мост-Левый берег».

Левобережье города Иркутска насыщено разновозрастными археологическими объектами [7]. Первые находки в районе Кайско-Ирутного водораздела были сделаны еще М.П. Овчинниковым в конце XIX-начале XX вв. (Царь-Девушка, Кузьмича и стоянка около Кайской городской больницы [7,8]). Находки изделий каменного века и открытие в устье Иркуты древнего могильника сделали территорию г. Иркутска привлекательной для дальнейших археологических изысканий [3].

Археологические артефакты с Кайской горы (за исключением могильника «Локомотив» и стоянки «Царь-девушка») были представлены в основном подъемными сборами. В 1980 г. местонахождение у деревни Титово было выделено в отдельный пункт, расположенный выше стоянки Царь-Девушка на 16-18 м отметках от уреза Ангары (в 70-100 м от раскопа 1966 г.) [3,8].

В 1999 г под руководством ЦСН были начаты крупномасштабные раскопки местонахождения, расположенного у строящегося нового ангарского моста и получившего название «Мост-левый берег» археологического комплекса «Титово-Царь-Девушка» [5,6].

За 8 лет раскопок были вскрыты разные участки 12-20 м левого берега (2-3 террасовидный уступ р. Ангары), давших скопления разновременного материала от бронзового и железного веков до палеолита. На сегодняшний день общая вскрытая площадь на местонахождении «Мост-Левый берег» составляет более 17000 кв.м.

В 2006 году археологическим отрядом ИГУ вскрывалась часть 3-ей наклонной террасовидной поверхности (угол наклона 1-3°) общей площадью 1047 кв.м. Находки фиксировались в аллювиальных и делювиальных отложениях, сходных с опубликованными ранее [2,4]. В 2-х раскопах было выявлено 9 уровней залегания материала (5 из них голоценового возраста и 4 - плейстоценового). Общая коллекция составила 5448 предметов из камня, кости, керамики и металла. Наибольшее количество артефактов зафиксировано во 2 (ранний неолит) и в 3 (финальный мезолит) слоях. Остальные горизонты представлены незначительным количеством находок. В

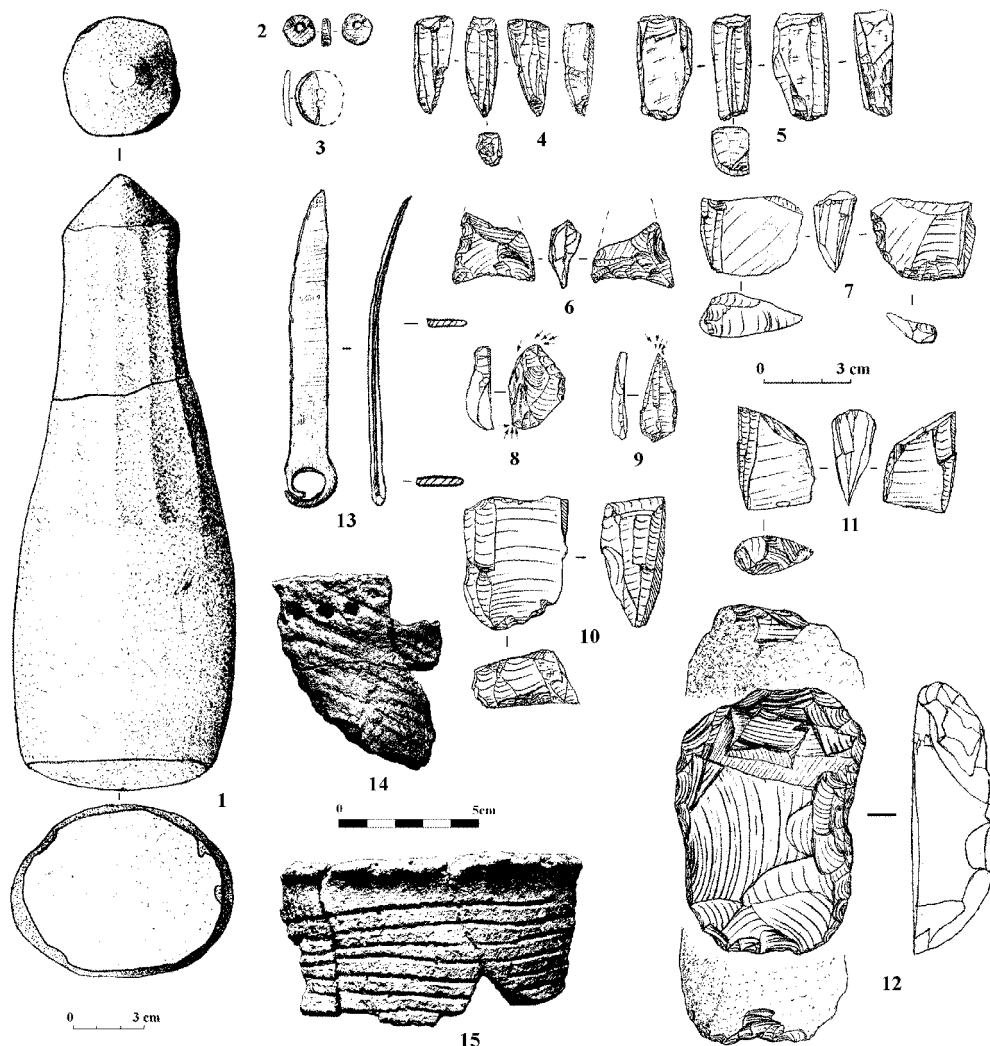

Рис. 1. г. Иркутск. Мост-Левый берег. Археологический материал.
1, 3-6, 14, 15 – слой 2; 13 – слой 0; 2, 7-10, 12 – слой 3; 11 – слой 4

наиболее насыщенных горизонтах было зафиксировано несколько скоплений материала, приуроченных к при-
бровочной части террасы.

Слой 2 - 2149 предметов (ранний неолит, 5-7 т.л.н.). Зафиксировано 2 развала сосуда. Первый - «хайтинско-
го» типа - открытый, с оттисками мелкого витого шнура по внешней поверхности, с горизонтально прочерчен-
ным орнаментом (рис. 1, 15). Второй - открытый, с четкими косыми оттисками шнура по внешней поверхности,
под венчиком ряд сквозных отверстий, читающихся изнутри сосуда, как жемчужины (рис. 1, 14). Обнаружено
несколько хозяйственных ям (в одной зафиксирован тщательно оформленный пест из кварцита со сломанным
фигурным навершием (рис. 1, 1)), производственные площадки по расщеплению камня, где основными находка-
ми являлись пластины и их сегменты (шириной от 0,2 до 1,2 см), а также нуклеусы (рис. 1, 4,5), резцы, скребки,
нуклеусы-дрилы, наконечники (рис. 1, 6), украшения (рис. 1, 3) и незначительное количество фаунистических
остатков (включая ихтиофауну).

Слой 3 - 2520 предметов (поздний мезолит, 7-8 т.л.н.). В слое было зафиксирован очаг с частичной обкладкой,
у которого располагалось скопление пластин, отщепов, нуклеусов (рис. 1, 7,10) и незначительное количество ору-
дий, представленных резцами (рис. 1, 8,9), скребками и пластинами с ретушью, теслом с перехватом (рис. 1, 12),
проколками, подвеской из агальматолита (?) с биконическим отверстием и шлифованными поверхностями (рис. 1,
2). Нуклеусы представлены клиновидными и псевдоклиновидными формами в разных стадиях сработанности.

Наиболее интересной находкой слоя 0 является однолезвийный нож из бронзы с кольцевой рукояткой (рис. 1, 13).

Нижние горизонты представлены единичными находками из камня (рис. 1, 11) и остатками фауны. гори-
зонты датируются возрастом в 12-24 т.л.н., что является особенно интересным, так как находки этого возраста
на данной площади довольно редки.

Наиболее репрезентативна выборка материалов в верхней голоценовой пачке отложений, давшей 90% всех находок, особенно эпохи раннего неолита и позднего мезолита, в которых фиксировались различные «бытовые хозяйственные комплексы» в виде очагов с галечной обкладкой (III к.г.), искусственных хозяйственных ям (II к.г.), производственных площадок по расщеплению камня (II-III к.г.). Материалы нижних палеолитических горизонтов (11-24 т.л.н.) немногочисленны (167 экз.), но очень важны для расшифровки ранних этапов освоения человеком будущей территории г. Иркутска.

Планиграфически распределение находок по площади раскопов неоднородно. В неолитическом (слой 2, 5-7 т.л.н.) и позднемезолитическом (слой 3, 7-8 т.л.н.) горизонтах они образуют скопления в восточной приборочной части раскопов. В нижних горизонтах (слой 3а, средний и ранний мезолит, 8-11 т.л.н.; слои 4-7, верхний палеолит, 12-24 т.л.н.) древние артефакты рассеяны по всей площади вскрытия.

Огромная раскопанная площадь (более 17000 кв.м), репрезентативный разновременный материал ставит местонахождение «Мост-левый берег» в ряд наиболее информативных археологических объектов Южного Приангарья.

Библиографический список

1. Аксенов М.П., Базалийский В.И., Инешин Е.М. Из археологии г. Иркутска (древнейшие следы освоения человеком территории современного города). / Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири (итоги и перспективы). Тез докл. к регион.конф. 13-15 окт.1986. - Иркутск, 1986. - С. 3-6.
2. Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е. Реконструкции природных и культурных событий на территории Иркутска. Иркутск: изд-во ИГТУ, 2003. - 90 с.
3. Георгиевский А.М., Медведев Г.И. Мезолитическая стоянка Царь-Девича /Мезолит Верхнего Приангарья. - Иркутск: Изд-во ИГУ, 1980. - Вып.2:Памятники Иркутского района. - С. 103-115.
4. Леженко И.Л., Пержаков С.Н., Николаев В.С., Краснощеков В.В., Песков С.А., Луньков А.В., Дзюбас С.А., Семин М.Ю., Стерхова И.В. Спасательные работы на памятнике Мост-Левый берег в Иркутске [38]. /АО 2000. - М.:Наука, 2002. - С. 238-239.
5. Леженко И.Л., Пержаков С.Н., Николаев В.С., Луньков А.В., Краснощеков В.В., Стерхова И.В., Засухина Е.И. Спасательные работы в зоне строительства нового мостового перехода через Ангару в Иркутске [36]. /АО 1999. - М.:Наука, 2001.- С.257-258.
6. Новосельцева В.М., Морозова О.В., Шагинов Е.В. Новые мезолитические находки в г.Иркутске /Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Мат-лы регион.археолог.-этнограф.студ.конф. - Новосибирск, 2000. - Т.I. - С. 94-95.
7. Овчинников М.П. Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях Иркутска. /Изв.ВСОПГО. - 1904. - Т. XXXV, №3. - Казань, 1906.
8. Указатель археологических памятников города Иркутска. Иркутск: Упрполиграфиздат, 1986. - 43 с.

Научный руководитель: Н.А. Савельев, к.и.н., доцент

Е.В. Князева

Красноярск, Сибирский федеральный университет

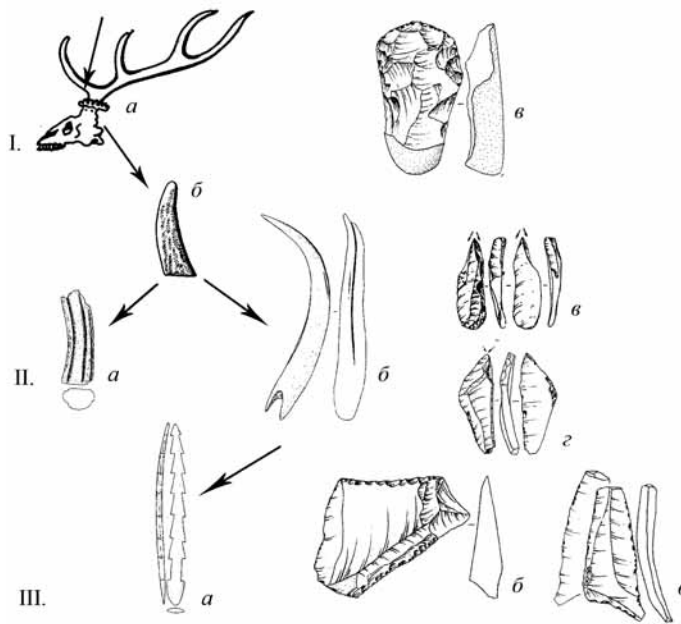
ПРИЁМЫ ОБРАБОТКИ КОСТИ В МЕЗОЛИТЕ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ (на примере седьмого культурного слоя комплекса Усть-Шилка 2)

Археологический комплекс Усть-Шилка-2 расположен в створе Казачинского порога на Енисее. Раннеголоценовые культурные слои памятника прослеживаются в горизонтах стратифицированных погребенных почв и относятся к мезолитической эпохе (10,5-9 т.л.н.) [4, 123; 5, 158]. Наиболее яркий материал по обработке кости и рога был получен из седьмого культурного слоя памятника.

Среди большого количества кухонных остатков слоя присутствует более 20 изделий из кости, рога и раковин беззубки, а также заготовки и отходы косторезного производства.

Трубчатые кости в слое продольно расчленялись надрезанием каменным резцом. Удаление эпифизов происходило как до, так и после этого расчленения. Из мелких осколков трубчатой кости были изготовлены иглы овальной или подквадратной в сечении формы и проколка со следами наклонных насечек. Из раковин беззубки сделаны плоские бусины.

Схема обработки рога

I этап. *a-b* расчленение рога на месте разветвления, *в* - топор-тесло для предварительной подтески рога. II этап. *a-b* примеры продольной раскройки рога, *в-г* примеры срединных резцов со следами утилизации. III этап. *a* готовое изделие из сегмента рога (гарпун), *б-в* ножевидные орудия, выполнявшие функции строгания, пиления и скобления.

ками, часть ствола рога со следами раскройки на пять продольных секторов и фрагменты уже разрезанного на прямоугольные в сечении длиной до 15 см сегменты рога.

Из подобным образом сделанной половинки отростка был вырезан наконечник гарпуна (рис. III - а) с двумя рядами зубцов и насадом с плечиками длиной 27 см. Уже практически готовое изделие было подвергнуто шлифованию, о чем свидетельствуют сохранившиеся на поверхности разнонаправленные и наложенные друг на друга следы длительного воздействия абразива.

Необходимой составляющей древнего косторезного производства является инструментарий и специализированные орудия для обработки кости. Набор таких инструментов в седьмом слое был выделен как по функциональному признаку, так и характеру износа рабочего края. Сюда относится топор-тесло с «перехватом» из диабазовой речной гальки (рис. I - в), скошенное в сечении лезвие которого вполне могло использоваться для отсечения роговых отростков от спицы.

Вторая группа инструментов - каменные изделия для продольного глубокого расчленения рога. Выделено пять срединных многофасеточных ассиметричных резцов на пластинах разного размера, (рис. II - в, г). Почти все орудия несут следы слабой заполировки на брюшковой поверхности и выпуклых участках спинки, и выкрошенности резцового края. Некоторые изделия могли быть многофункциональны, т. е. использоваться также и в операциях скобления и строгания в дальнейшей обработке костяного материала и оформления почти готового изделия.

Функции строгания, пиления и скобления могли выполнять два ножевидных орудия (рис. III - б, в), выполненные на дивергентных пластинах, по краю которых проходит протяжённая ретушь, с внутренней стороны хорошо заметны фасетки утилизации, возникшие в результате трения о твердый материал. Сюда же относится нож на массивном пластинчатом отщепе, с обеих дорсальных сторон которого присутствует сильная ступенчатая выкрошенность рабочего края; фасетки разных размеров, разнонаправленные, глубокие, неправильных очертаний располагаются бессистемно - первый признак работы орудием по кости [8, 184]. Для строгания и пиления могли также использоваться пластины и отщепы как со специально оформленной ретушью, так и с рабочей ретушью и характерно выкрошенным зубчатым краем.

Интересно использование торцового бифронтального нуклеуса, в качестве скобеля по кости: сильно выкрошенный край представлен несколькими ярусами крупных фасеток, накладывающихся друг на друга, образовавшийся при работе с твердым материалом.

Таким образом, на памятнике представлены все признаки древнего косторезного производства: наличие сырья, заготовок и полуфабрикатов, готовых изделий, и главное - специализированные орудия и устойчивые приемы обработки. Данные особенности заключаются в приемах подтески, а затем обламывания при отделении

Лучше всего на памятнике прослеживается расчленение и расщепление рога, представленные отсеченными роговыми отростками и роговыми спицами, по которым реконструируются различные приёмы раскря отростков на заготовки и готовые изделия из рога.

Что касается отделения роговых отростков от спицы, то рог марала и оленя, имея развитое ветвистое строение и короткую спицу, расчленялся по местам разветвления путем круговой отески каменным топором.

Более плоский и широкий лосиный рог расчленялся по другой схеме, так как при образовании роговой лопатки отростки всегда являлись её частью [1, 85]. Поэтому они удалялись с частью прилегающей лопатки.

Следующей важнейшей разделочной операцией являлось продольная раскройка отростков на половинки или более мелкие сегменты (рис. II - а, б). Этот приём прослеживается на таких предметах как фрагмент крупного рога марала с пазами-канав-

рогового отростка от спицы, использование надрезов резцом при продольном членении рога и трубчатой кости, для чего, следует заметить, использовались только срединные резцы, но разных размеров; а также разные формы продольного членения: разделение рога строго пополам, и на несколько сегментов.

Библиографический список

1. **Бородовский А. П.** Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. Новосибирск.: Издательство института археологии и этнографии, 1997. - 224 с.
2. **Жилин М. Г.** Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: УРСС, 2001. - 328 с.
3. **Коробкова Г. Ф.** Применение метода микроанализа к изучению функций каменных и костяных орудий // Естественные науки. М.: Наука, 1965. - С. 193-195.
4. **Мандрыка П. В., Акимова Е. В., Ямских А. А., Томилова Е. А., Стасюк И. В., Орлова Л. А.** Геоархеологические исследования раннеголоценовых слоёв стоянки Усть-Шилка-2 на среднем Енисее // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск: Издательство Иркутского Государственного технического университета, 2005. - С. 109-124.
5. **Филиппов А. К.** Трасологический анализ каменного и костяного инвентаря из верхнепалеолитической стоянки Мураловка // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука, 1977. - С. 167-181.
6. **А. К. Филиппов.** Технология изготовления костяных наконечников в верхнем палеолите // Советская Археология №2, 1978. - С. 23-32.
7. **Щелинский В. Е.** Экспериментально-трасологическое изучение функций нижнепалеолитических орудий // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука, 1977. - С. 182-196.

Научный руководитель: П. В. Мандрыка, к. и. н.

А.Ю. Кушлин

Иркутск, Иркутский государственный университет, 3 курс

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЗОНЕ КОВЫКТИНСКОГО ГАЗОПРОВОДА В ДОЛИНЕ р. ЗАЛАРИ (Иркутская область)

Введение

Данное сообщение посвящено результатам археологических исследований, проведенных Иркутским государственным университетом летом 2006 г. на участке трассы проектируемого газопровода Ковыкта-Саянск-Иркутск (далее Ковыктинский газопровод) в долине р. Залари. Работы 2006 г. явились продолжением исследований 2005 г., когда в коридоре трассы газопровода был найден археологический материал, маркирующий территорию ранее известного археологического объекта «Заря-1». В обход территории этого объекта был предложен новый вариант прохождения трассы газопровода, который и являлся объектом нашего исследования.

В задачу археологических работ входило проведение детальных шурфовочных работ, в результате которых необходимо было определить наличие или отсутствие археологических объектов в полосе отчуждения трассы газопровода. Всего заложено 80 шурфов размерами 2х2 м, их глубина варьировала от 3,30 до 0, 70 м и зависела от особенностей строения рыхлых отложений. Шурфы располагались вдоль трассы газопровода в 1-3 линии.

В результате проведенных работ получены разрезы субэкранных отложений верхнего неоплейстоцена и голоцена, в которых обнаружен разнообразный археологический и палеонтологический материал, что позволило выделить два новых археологических объекта, получившие название Комилганская I и Комилганская II.

Географическая характеристика территории исследований

Участок трассы Ковыктинского газопровода, на котором проводились археологические работы, располагается в 200 км на северо-запад от Иркутска и в 2 км на запад от пос. Залари в левобережье р. Залари. Река Залари является притоком р. Унги, которая, в свою очередь, является левым притоком р. Ангары. Исследованный нами участок трассы газопровода спускается по пологим склонам в озеровидное расширение долины р. Залари и проходит по обоим бортам безымянной пади. Последняя имеет северо-западную ориентацию и своим устьем открывается в долину р. Залари. Высотные отметки склонов на исследуемых участках составили 8-30 м относительно уреза р. Залари.

Строение и возраст отложений

Шурфами вскрыты субэдральные отложения неоплейстоцен - голоценового возраста, характеризующиеся сложностью строения, разнообразием локальных ситуаций осадконакопления. Возраст отложений определялся в соответствии с региональной климатостратиграфической шкалой, разработанной по позднеплейстоценовым - голоценовым отложениям хорошо изученных разрезов Прибайкалья [2].

При описании вскрытых отложений мы опираемся на результаты исследований, проведенных доцентом кафедры почвоведения Иркутского государственного университета Г.А. Воробьевой. В нижней части разреза вскрыта на глубину до 1 м толща грубообломочного материала, с неоднородным строением и различным вещественным составом: глинистыми и супесчано-песчаными линзами и прослоями с включениями кремнистого щебня, в том числе и эолово коррадированного; гравия, мелкой гальки и обломков юрских песчаников. Отмечаются и деформированные почвы. Кровля толщи неровная, осложнена промоинами и западинами. По мнению Г.А. Воробьевой, сложное строение толщи и характер ее кровли свидетельствует о локальном перемещении толщи в виде микроселей. Возраст этой толщи определен как верхнемуруктинский (mr^3) - древнее 55 т.л.н.

Перекрывается эта толща осинскими почвами поздекаргинского возраста (kr^2) - 42-24 т.л.н., которые сохранились на отдельных участках; раннесартанскими (sr^1) солифлюцированными отложениями с включениями каргинских почв - 24-21 т.л.н.. Отложения среднего и позднего сартана (sr^{2-4}) представлены маломощными, неясно слоистыми делювиальными суглинками, в толще которых плохо расчленяются сартанские подгоризонты. Отложения голоценового возраста нарушены перепашкой и являют собой современный пахотный слой.

Археологические объекты и характеристика артефактов

По результатам исследований определено два новых археологических местонахождения, которые располагаются на разных бортах безымянной пади. На левом борту - местонахождение Комилганская I; на правом борту - Комилганская II. На левом приустьевом участке этой пади расположено ранее открытое местонахождение Заря-1.

Шурфы с материалом на местонахождении Комилганская I располагались вдоль левого борта пади на протяжении около 450 м. Находки и фаунистические остатки фиксировались в трех стратиграфических позициях: в отложениях раннесартанского, каргинского возраста и кровле верхнемуруктинских отложений. Для изготовления изделий использовался местный кембрийский кремний. На всех найденных артефактах отмечается эоловая коррозия поверхностей 1-4 степени по классификации Г.И. Медведева [1].

В раннесартанских отложениях найдена округлая в плане выкладка из крупных желваков кремня. Некоторые из них имели следы снятий. Здесь же найдены крупная кварцитовая галька-отбойник подтреугольной формы с забитыми концами и снятием на одной из широких поверхностей; призматический монофронтальный двухплощадочный нуклеус. Вне этого комплекса найден плоскофронтальный микронуклеус со скошенной к контрфронтальной площадкой.

В отложениях каргинского возраста зафиксированы разнообразные сколы и подтреугольный плоский нуклеус с фронтом, оформленным по широкой стороне заготовки.

В кровле верхнемуруктинских отложений найдены ретушированные сколы, призматические плоскофронтальные нуклеусы, проколки, концевой скребок на крупном сколе, срединный и трансверсальный резцы, острия на пластинах, скребловидное орудие, кварцитовые гальки-отбойники.

Местонахождение Комилганская II выявлено на правом приустьевом участке пади. Шурфы располагались вдоль борта пади на протяжении 180 м. Определено два участка нахождения материала. На первом участке артефакты и остатки фауны фиксировались в двух стратиграфических позициях: в раннесартанских отложениях и кровле верхнемуруктинских образований. На втором участке артефакты залегают в кровле верхнемуруктинских отложений. Все артефакты, как и на местонахождении Комилганская I, имеют слабую степень эоловой коррозии поверхностей. Для изготовления артефактов также использовался кембрийский кремний.

На первом участке в раннесартанских отложениях вместе с мамонтовой фауной (в том числе найден зуб мамонта) зафиксированы разнообразные сколы, клиновидная преформа и боковой скребок. В кровле верхнемуруктинских отложений - поперечный микроопер, кварцитовая галька, на которой отмечается два участка ярко выраженного протира. На втором участке найдены продольные скребла (одно из них с шипом) и микронуклеус леваллуазской традиции.

На левом приустьевом участке пади на территории местонахождения Заря-1 в кровле верхнемуруктинских отложений зафиксировано продольное скребло со слабой эоловой коррозией поверхности.

Заключение

В результате проведенных исследований на двух новых местонахождениях выявлены три уровня залегания палеолитического материала в позднеплейстоценовых отложениях от верхнемуруктинских до раннесартанских. Весь археологический материал переотложен. Нижний уровень залегания характеризует довольно редкую стратиграфическую ситуацию для Прибайкалья.

Морфология артефактов имеет широкие аналогии в палеолитических комплексах Сибири. По степени коррозии найденный материал можно соотнести с макаровским пластом, который датируется древнее 50 т.л.н. [1].

Библиографический список

1. **Медведев Г.И.** Палеолит Южного Приангарья // Автореф. дисс. ...д.и.н. - Новосибирск. 1983. - 41с.
2. **Стратиграфия**, палеогеография и археология юга Средней Сибири / Медведев Г.И., Воробьева Г.А., Савельев Н.А. и др. - Иркутск: Изд-во: Иркут. ун-та, 1990. - 165 с.

Научный руководитель: Н.Е. Бердникова, с.н.с.

К.М. Максименко

Иркутск, Иркутский государственный университет, 4 курс

ОПЫТ РАБОТЫ С МАТЕРИАЛОМ ПЛЕЙСТОЦЕНА, ЭКСПОНИРОВАННЫМ НА ТЕХНОГЕННЫХ ПЛЯЖАХ БРАТСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА. БОЛЬШОЙ НАРЫН I, КВАДРАТ 126

В Байкальской Сибири выделено 11 районов оперативной изученности и 22 района оперативной археологической перспективы. Игетейский район отнесен к категории оперативной изученности. Он расположен в 200 км ниже Иркутска по течению р. Ангары. Изучение сосредоточенного здесь археологического комплекса плейстоцена началось с конца 60-х – 70-х гг. XX в., со времени начала затопления ложа Братского водохранилища. Уровень воды поднят на 32 м. Вследствие интенсивного размыва склонов, оформляющих долины рек Ангары и ее притоков, археологический материал из склоновых отложений плейстоцена систематически проецируется на поверхность современных техногенных пляжей [2].

Палеолитическое местонахождение Большой Нарын I – II, находится в 175 км на север от г.Иркутска и в 10 км на восток от уже известных Игетейского и Тарахайского местонахождений и входит в состав Игетейского района. Большой Нарын был открыт в 2002 г. во время очередного обследования зоны размыва южного побережья Осинского залива. На его пляжах были обнаружены массовые высыпки изделий из кварцита. В 2003 – 2005 гг. были проведены плановые археологические работы в рамках проекта совместной российско-японской экспедиции. В настоящее время, территория Большой Нарын I-II насчитывает 18 пунктов находок – объектов изучения и данный участок может быть принят как Нарынский полигон.

Параллельно исследованиям на пляже проводились раскопочные работы на непо потревоженных техногенными воздействиями элементах рельефа непосредственно у кромки размыва. Сопоставление материалов, собранных на пляжах, с коллекциями стратифицированных объектов показало, что артефакты с пляжа и в разрезе стенки обнажения составляют единый техноморфологический, геостратиграфический ансамбль. Сохранившиеся на пляже фрагменты ископаемого почвенного профиля идентичны почвенным образованиям в разрезе. Они также содержат изделия из кварцита аналогичные находкам «in situ» и фиксированным на пляже.

Для инструментальной съемки экспонированного материала поверхность пляжа была трассирована сеткой квадратов (236 квадратов, со стороны одного квадрата 50 м, ориентированной по нулевому меридиану) [1]. Южная часть сетки была вынесена на 100-200 м на неразмытые поверхности склона и точно также северная часть квадратуры отнесена в акваторию современного состояния Братского водохранилища. Генеральный репер бетонирован в центре разбитой площади с координатами – N 53°33'58.6"; E 103°32'01.5". Инструментальной фиксация на пляже была проведена на площади 200 000 м². Концентрация материалов в пределах 1 м² на пляже и в раскопе идентифицируются в пределах 8-10 предметов. Коллекция сборов экспонированных каменных артефактов Большого Нарына составила более 3000 единиц. Основным сырьем, задействованным в процессе литопроизводства, является кварцитовая галька, редко встречаются фракции расщепления кремня и аргелита.

Морфоанализ и классификация экспонированных каменных артефактов местонахождения Большой Нарын I проведены на примере квадрата 126. Квадрат подразделен на IV четверти (четверть 25x25 м) по часовой стрелке. Единственной выраженной формой организации артефактов в границах квадрата 126 является пятно – II четверть. Пятно не имеет четких границ и содержит разнородный по набору ансамбль каменных артефактов. В остальных четвертях материал рассеян по всей площади. Необходимо отметить относительно равномерное распределение зафиксированных в общей композиции изделий и их фрагментов, но последних в количественном отношении больше (7:10).

В составе рассматриваемого ансамбля находятся и более древние артефакты, несущие на обработанных поверхностях следы легкой эоловой коррозии (1 – 2 степени – люстрат). Отдельные из коррадированных артефактов несут на своих поверхностях следы более позднего переоформления и «раскроя». Весь ансамбль продуктов

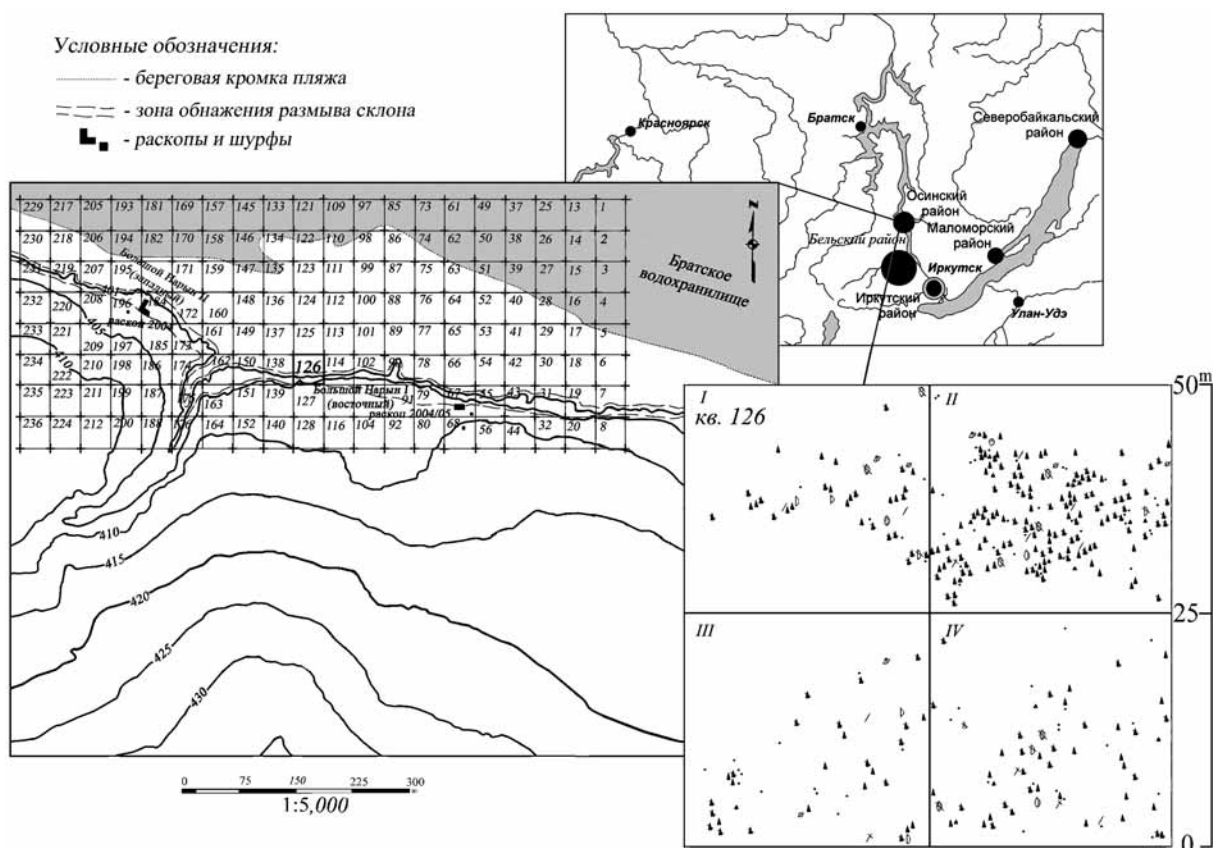

Рис. 1. Карта Прибайкалья. Ситуационный план местонахождения Большой Нарын I–II. Сетка разбивки пляжа. Деталь: план квадрата 126

литобработки кв. 126 подразделяется на 9 основных групп: I. Фракции нуклеарного расщепления. II. Фракции фасиальных обработок. III. Нуклеусы. IV. Скребла; V. Скребки. VI. Унифасы. VII. Бифасы. VIII. Чопперы. IX. Крупные фрагменты породы со следами искусственной обработки и обломки изделий сложной диагностики. В приведенном реестре девяти означенных групп описано 316 учетных формопроявлений.

Фракции нуклеарного расщепления в процентном отношении наиболее многочисленны и составляют $\approx 85,4\%$ от общего количества артефактов квадрата. Сколы и фрагменты сколов составляют в рассматриваемой группе большую часть (80%). В количественном отношении доминируют последние. Анализ люстрированного материала показал, что фракции нуклеарного расщепления составляют $\approx 90\%$, соотношение здесь фрагментированных и целых форм приблизительно равное.

Работа с экспонированными коллекциями дает основание сделать выводы: 1. обеспечена возможность изучения сразу всей отпрепарированной площади местонахождения; 2. при меньших затратах средств и времени в обеспечении полевых исследований возможно осуществить параллельные раскопочные, топографические работы и массовый сбор образцов на радиоуглеродное датирование и другие опробования, необходимые для исследования местонахождения. Даже анализ находок одного квадрата дает возможность определить соответствующую представительности и разноплановости техноформ экспонированных артефактов. В таких комплексных исследованиях необходима строгая систематичность. Не только в обязательной параллельности с раскопочными работами, но и в ежегодной регулярности их повторения. В будущем, вероятно, появиться возможность применения способа монтажа фракций дебитаж экспонированного и инситуального материалов.

Библиографический список

1. Бердников М.А., Федоренко А.Б. Методика полевого исследования местонахождений с поверхностным залеганием артефактов // Археологические и этнографические исследования Восточной Сибири (итоги и перспективы). – Иркутск, 1986. – С. 36-38.
2. Проблемы научной экспертизы и практики изучения геоархеологических объектов Байкальской Сибири: методология, методы, рекомендации / Медведев Г.И., Генералов А.Г., Дроздов Н.И. и др. – Красноярск – Иркутск – Улан-Удэ. – 1996. – 53 с.

Научный руководитель: к.и.н., доцент кафедры археологии, этнологии, истории Древнего мира Литнина Е.А.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ПАЛЕОЛИТУ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА (по данным разведочных работ 2006 г.)

Осенью 2006 году в составе Талгарского отряда Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК (нач. отряда Т.В.Савельева) в окрестностях г. Талгара были произведены разведочные работы (под руководством к.и.н. Артюховой О.А.) по поиску местонахождений каменного века. В ходе работ было обнаружено 5 местонахождений палеолитического времени, из которых наиболее интересной представляется стоянка Рахат.

Местонахождение было обнаружено в обрыве правого берега в устье реки Рахат (N 43°21, 481', E 077°22,679', h 952 м.) в 8 км к запад-юго-западу от г. Иссык. У подножья обрыва (длина обнажения около 60 м, высота - до 13 м) обнаружены 7 каменных предметов: боковое выпуклое скребло, зубчатое орудие, чопперовидное орудие из массивного полукраевого отщепца, 3 полукраевых отщепца без ретуши и плоская хорошо окатанная плитка, размерами 106х93х15 мм из тонкозернистого кварцитовидного песчаника серовато-зеленого цвета. На одной из поверхностей видны выщербинки (следы использования плитки в качестве наковаленки?). Сырье представлено окатанными валунами и гальками из эффузивных пород разного цвета, в большом количестве встречающиеся в русле реки и в нижней части лессовой толщи.

Небольшая зачистка в нижней части обнажения выявила два погребенных культурных слоя. Они выделяются следами кострищ (прокалы, угольки, зола, фрагменты мелких косточек) и концентрацией каменных артефактов. Слои маломощные (первые сантиметры), разделены стерильными прослоями мощностью около 30 см.

1 культурный слой находится на глубине около 12 м от дневной поверхности, вскрывается в разрезе на высоте около 1 м над поверхностью дна обнажения, имеет вид прослоя угольков и золы, с северного края ограниченного крупным валуном (часть обкладки костра?), размерами 254х186х107 мм, из эффузивной породы черного цвета с коричневым оттенком. К югу от зольного прослоя обнажены мелкие артефакты, изготовленные преимущественно из эффузивных пород темных цветов. Всего здесь собрано более 200 каменных предметов, которые представлены преимущественно отходами производства - мелкими осколками, чешуйками, пластиночками. Из орудий примечательны скребки - 5 экз., один из проксимального фрагмента пластины, остальные на отщепцах; атипичный остроконечник леваллуа; фрагменты заготовок орудий - 2 экз.; нуклеовидный скол с ретушью - 1 экз.; микропластинки и их обломки с притупляющей ретушью.

Еще два культурных слоя прослеживаются выше по разрезу - один непосредственно над слоем 1, а второй в 8-10 м к северу от кострища. Зачистка двух верхних слоев не производилась.

Обнаруженные на местонахождении Рахат каменные артефакты по технико-типологическим особенностям относятся к позднему палеолиту, хотя некоторые артефакты, являются характерными и для мустьерского времени.

Стоянка Рахат, находит близкие параллели со стратифицированной стоянкой Майбулак, 3-й культурный горизонт, открытой в 2004 г. [5, 42-43]. Обе стоянки располагаются в сходных геоморфологических позициях, базируются на схожем сырье, имеют типологически аналогичный каменный инвентарь.

Таким образом, памятник Рахат представляет собой перспективный стратифицированный объект, с известными пока тремя культурными слоями, с наличием каменных артефактов, следов кострищ и прокалов, органических остатков. Необходимо проведение планомерных раскопочных работ, для получения полных сведений о памятнике и в целом для палеолита, данного региона.

Остальные памятники представлены единичными находками. Нуклеус-скребок, найденный в ущелье (N 43°17, 386', E 077°17,791', h 1184 м) в 4-5 км к юго-востоку от г. Талгара, предположительно датируется поздним палеолитом. Нуклеус - односторонний одноплощадочный для отщепов; на дистале оформлено лезвие оригинального скребка высокой формы.

Еще три местонахождения предположительно относятся к мустьерскому времени. На местонахождении Акбулак (N 43°17,717', E 077°22,801', h 1451 м) в 9-10 км к восток-юго-востоку от г. Талгара, собрано 11 каменных изделий из эффузивных пород: протопризматический односторонний двуплощадочный нуклеус, фрагменты пластин леваллуа (4 экз.), обломки и отщепы. Находки предварительно можно отнести к финалу Мустье или началу позднего палеолита (?).

На втором местонахождении, расположенном в ущелье между поселками Кайназар и Рахат (N 43°22, 138', E 077°20,567', h 833,1 м), в 10 км к западу от г. Иссык, собрано 3 нуклеуса, 2 из них - протопризматической системы раскалывания и 2 отщепца.

С третьего местонахождения (N 43°17,933', E 077°13,723', h 1028 м), расположенного непосредственно на территории г. Талгар, происходят нуклеус леваллуа веерообразной формы из гальки, фрагмент отщепца с ретушью

(острие?) и два фрагмента отщепов. Нуклеус размерами 125x152x84 мм предназначался для снятия треугольных отщепов, но вследствие неудачных сколов, был выброшен.

Артефакты с указанных местонахождений находят аналогии с памятниками мустьерского времени Актогай 1-4 [1-3], Хантау [2-3], Кастек [5] и Актерек [см. статью в наст. сб.]. Каменная индустрия местонахождений Актогай 1-4 по технико-типологическим признакам была отнесена О.А. Артюховой, к леваллуа-мустье, поскольку «...здесь господствуют леваллуазские формы орудий, а остальные характерные группы имеют незначительный удельный вес» [2, 62]. Находки последних лет позволяют предварительно отнести их к ареалу леваллуа-мустье и расширить ареал культуры с востока от Актогая до Кастека и Хантау на западе.

В целом материалы с выявленных в 2006 г. местонахождений относятся к эпохе палеолита (мустье - поздний палеолит). Артефакты первоначально находились в погребенном состоянии в лессовидных суглинках на значительной глубине и оказались на поверхности в результате добычи суглинков для хозяйственных нужд. Открытие палеолитического памятника Рахат в предгорьях Тянь-Шаня имеет огромное значения для понимания древнейших страниц истории человечества Евразии. Местонахождения нуждаются в дальнейшей разведке, изучении и охране.

Библиографический список

1. **Артюхова О.А.** Мустьерские памятники Семиречья (Актогай 1-4) // Маргулановские чтения - 1990. - М., 1992. - С. 44-48.
2. **Артюхова О.А.** Мустье Центрального и Южного Казахстана / Дисс. на соискание ученой степени канд. ист.наук. - Алматы, 1992.
3. **Артюхова О.А.** Корреляция мустьерских индустрий Казахстана // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий. - Туркестан, 1998. - С. 31-58.
4. **Майгельдинов К.У.** (в печати) Новый палеолитический памятник в Семиречье // Сб. науч. ст. «Ахинжановские чтения - 2005 г.». - Алматы.
5. **Таймагамбетов Ж.К., Ожерельев Д.В.** К проблеме изучения каменного века Жетысу // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья: Сборник научных статей. - Выпуск 2. - Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. - С. 39-43.

Научный руководитель: Ж.К. Таймагамбетов, д.и.н., профессор

Г.И. Марковский

Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 3 курс

ЗАСЕЛЕНИЕ КАНСКОЙ И ЯБОГАНСКОЙ КОТЛОВИН ЦЕНТРАЛЬНОГО АЛТАЯ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ

Опорой для рассмотрения заселения Центрального Алтая в среднем палеолите могут служить материалы раскопок Усть-Канской пещеры, исследования которой ведутся с 1954 г. [4, 5, 2]. На основе комплексных исследований последних лет получены богатые разнообразные стратифицированные материалы: коллекция каменных артефактов из всех слоев насчитывает более 15000 единиц, определенные фрагменты фауны мелких и крупных млекопитающих и орнитофауны составили более 10000 экз. [2]. Получены результаты палинологического анализа.

Административно пещера расположена на территории Республики Алтай в 3 км на юго-восток от районного центра Усть-Кан, по физико-географическому принципу - в Центрально-алтайской провинции. Пещера находится высоко над современным урезом воды (54 м) в массиве мраморизованных известняков и представляет собой обширный сухой грот южной экспозиции. По соседству на территории Горного Алтая в северо-западной алтайской и северо-алтайской провинциях существуют и другие многослойные археологические памятники, имеющие в своих отложениях среднепалеолитические артефакты. Это такие памятники, как пещера Страшная (128 км на запад от Усть-Канской), пещера им. Окладникова (103 км на северо-запад) и Денисова пещера (54 км на север).

Усть-Канскую пещеру, находящуюся в межгорной котловине, древний человек неоднократно использовал в качестве укрытия. Культурные остатки его деятельности фиксируются во всех отложениях среднего и верхнего звена неоплейстоцена. Разрез Усть-Канской пещеры состоит из 22 стратиграфических подразделений. Пример-

ная хронологическая интерпретация разреза следующая: отложения слоя 2 относятся к позднему вюрму; слои с 3 по 5 относятся к различным этапам раннего вюрма; слои 6-8, скорее всего, следует соотносить с рисс-вюрмским периодом; слои 9-10 - к различным этапам рисского времени.

Археологический материал Усть-Канской пещеры имеет однородный технико-типологический облик, что несколько отличается от материалов других пещерных памятников Алтая. Достаточно будет привести технологические показатели индекса леваллуа (IL) и фасетированности (IF) по слоям:

слой 2: IL - 3,3; IF - 3,9
слой 3: IL - 8,0; IF - 9,4
слой 4: IL - 9,3; IF - 8,6
слой 5: IL - 5,8; IF - 6,0
слой 6: IL - 6,4; IF - 4,8
слой 7: IL - 6,3; IF - 4,6
слой 8: IL - 10,5; IF - 5,7
слои 9: и 10 IL - 14,5; IF - 9,6
в среднем по слоям: IL 7,3; IF 7,1

Из приведенных показателей видно, что показатели в целом имеют низкую вариабельность и не имеют тенденции к уменьшению в более «молодых отложениях». Даже наоборот, в слоях 3 и 4 имеется тенденция к увеличению доли леваллуазских изделий и повышению индекса фасетирования.

Морфологический облик орудий также представляется достаточно однородным. В коллекции практически отсутствуют позднепалеолитические формы, напротив, среднепалеолитический комплекс артефактов представлен достаточно выразительно. Создается такое впечатление, что это единый хронологический комплекс, и требует объяснения то, как более древние артефакты попали в отложения, сформировавшиеся в каргинское и сартанское время. Здесь необходимо исключить предположение о том, что определенная группа людей с мустьерскими традициями проживала в изоляции, поскольку вокруг пещеры находятся несколько объектов с ярко выраженной позднепалеолитической индустрией.

Максимум интенсивности заселения пещеры древним человеком падает на время формирования группы слоев 5. В отложениях этого периода встречается наибольшее количество артефактов, а среди остеологического материала костей с присутствующими на них следами резки (cut marks), крайне редки кости со следами зубов хищников и кости, испытавшие воздействие желудочного сока [2].

Определение возраста 5-х слоев проводилось по присутствующим в отложениях костям мелких млекопитающих. Полученные даты относят процесс формирования рассматриваемых напластований ко второй половине ермаковского времени [1].

Геологические исследования показывают, что именно в этот период на территории Канской и Ябоганской котловин существовало подпрудное озеро, что привело к сокращению расстояния между пещерой и урезом воды. Спуск озера произошел в конце ермаковского времени, т.е. около 50 т.л.н., в результате которого освободились новые пригодные для жизни территории [3].

В период формирования слоев 5-й группы в Усть-Канской пещере были наиболее подходящие условия для жизни древних людей, т.к. в последующее каргинское время интенсивность посещения Усть-Канской пещеры снижается, очевидно, в связи с изменившимися природными условиями.

Библиографический список

1. Агаджанян А.К., Сердюк Н.В., Постнов А.В. Предварительная хронологическая интерпретация отложений Усть-Канской пещеры (Горный Алтай) и палеогеографическая реконструкция условий их формирования (по данным изучения микротириофауны) // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. - С. 11-22
2. Деревянко А.П., Постнов А.В., Горбунова Т.А., Кулик Н.А., Чевга О.Н. Результаты комплексных исследований Усть-Канского отряда в полевом сезоне 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г., посвященной 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова). - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. - Т.Х., часть I. - С. 90-95.
3. Постнов А.В., Зольников И.Д., Гуськов С.А. Проблемы реконструкции среды обитания древнего человека на территории Усть-Канской и Ябоганской котловин в позднем неоплейстоцене // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Т.ХII, часть 1. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. - С. 224-229.
4. Руденко С.И. Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка // Материалы и исследования по археологии СССР. - №79. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. - С. 104-125
5. Шуньков М.В. Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. - Новосибирск: Наука, 1990. - С. 39-159.

Научный руководитель: А.В. Постнов, к.и.н., с.н.с.

**АДАПТАЦИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА
К ЛОКАЛЬНЫМ ОСОБЕННОСТЯМ ЛИТОРЕСУРСОВ
(на примере финальнопалеолитических местонахождений
Дербинского археологического района)**

Комплексное изучение археологических памятников позволяет частично проследить механизмы адаптации древнейшего населения к локальным особенностям минерало-сырьевой базы осваиваемых районов. Проявления адаптивных черт в каменных индустриях енисейского палеолита исследовались на примере финальнопалеолитической группы памятников Дербинского археологического района - Малтата, Конжула, Ближнего Лога (возраст 14 - 12 т.л.) [2, 21-22] .

Ресурсы каменного сырья бассейна Дербины определяются геологическим строением территории, расположенной на границе Северо-Минусинской котловины и Беллыкского Белогорья (отрогов Восточного Саяна). Основные геологические структуры здесь представлены осадочными, вулканогенными и вулканогенно-метаморфическими образованиями палеозойского и протерозойского возраста [5; 6]. Типичными породами в их составе являются средние и основные эффузивы, сланцы, слоистые мелкообломочные осадочные породы (преимущественно песчаники и алевролиты). В составе галечного аллювия доминируют красноцветные эффузивные породы среднего состава с выраженной порфировой структурой, мало пригодные для изготовления орудий, т.к. их сколы имеют неровную поверхность и зубчатый неравномерный край. На всех участках исследования местного галечного аллювия присутствуют доли афировых и мелкопорфировых базальтов, жильного кварца, кварц-биотитовых сланцев, интрузивных магматических пород.

Наиболее доступным и качественным сырьём для пластинчатого расщепления являются афировые базальты. Технические недостатки данного сырья проявляются в процессе использования изделия: хрупкость края, тонких сколов и относительно невысокая твёрдость (5-5,5 по Моосу), связанные с микрокристаллической структурой и особенностями минерального состава породы.

Наиболее качественный и статистически полный материал для петрографического анализа представляют материалы стоянки Малтат [4, 132-134].

Для исследования особенностей использования различных горных пород в производстве определялись их соотношения в категориях пластин, пластин с краевой ретушью, "специализированных" серийных орудий и в орудийном комплексе в целом.

Среди пластин в целом на Малтате стабильно преобладают дербинские эффузивы, при этом среди пластин мелкого размера существенно увеличивается доля использования приносного камня - енисейских галек кремнистых пород. Среди самых мелких ("микропластинчатых") сколов по 15-20% приходится на доли кремней (халцедонов) и кремнистых пород. В категории ретушированных пластин ведущая роль в использовании принадлежит дербинским эффузивам среди крупных и средних пластин, кремнистым породам - среди микропластин. Для самой массовой категории орудий - пластин мелкого размера - эти два ведущих вида сырья используются примерно в равных пропорциях, с незначительным преобладанием местных пород.

Более половины «специализированных» изделий выполнено из кремнистых пород, около 25% - из местных эффузивов. Это единственная группа артефактов, в которой существенная доля - 10% принадлежит кремням и халцедонам. В целом в составе орудийного комплекса основными породами являются дербинские эффузивы (почти 50% всех орудий), кремнистые составляют 35%, кремни - не более 7%.

Единичные артефакты были изготовлены не из речного галечника, а из неокатанных обломков риолита, обнажавшегося в районе долины Малтата (точный источник пока не установлен). Подобный риолит в составе аллювия отсутствует, как и фрагменты галечной поверхности на сделанных из него артефактах.

Таким образом, в каменной индустрии Малтата проявляются определённые тенденции к избирательному использованию отдельных видов каменного сырья в зависимости от его технических качеств.

В экспонированном слое Конжула абсолютное большинство артефактов сделано из дербинских эффузивов, чётко проявляется не характерный для Малтата отбор наиболее качественной разновидности базальтов для мелких орудий. Кремни и кремнистые породы почти не встречаются. Выделяется серия артефактов (12 экз.) из горного хрусталя (микропластинки с ретушью и без неё, мелкие долотовидные орудия, отщепы). В коллекции слоя *in situ*, напротив, основой большей части типологически выраженного орудийного набора были только высококачественные кремни и халцедоны, другие породы использовались в качестве второстепенного сырья [1, 14-15; 5, 99-100].

Несмотря на незначительное число типологически определенных артефактов, в индустрии Ближнего Лога также прослеживаются элементы предпочтения енисейских кремнистых пород и особенно кремней дербинским эффузивам, которые представлены исключительно единичными в составе комплекса крупными и массивными изделиями (обе крупные пластины изготовлены из базальта). Из кремня и халцедона выполнены все скребки и большинство микропластин. К сожалению, в коллекции отсутствуют орудия на пластинах промежуточных размеров, набор артефактов крайне неполон.

Во всех комплексах в разных соотношениях фиксируется использование как галечников бассейна Дербина (базальты, трахибазальты, кварц, халцедон?), так и Енисея (кремни и кремнистые породы, иногда роговики, кислые и средние эффузивы). Применявшиеся приносные енисейские породы характерны для палеолитических индустрий Среднего Енисея в целом. Тенденции к избирательному использованию различных видов каменного сырья прослеживаются при петрографическом анализе пластин разного размера, пластин с краевой ретушью, группы «специализированных» орудий с формообразующей ретушью.

Традиция изготовления орудий на мелких пластинах и микропластинках требовала компенсировать дефицит высокопрочного и твердого сырья. Зафиксированы три варианта компенсации: 1) использование приносных енисейских галек (наиболее чётко проявляется в индустрии Малтата), 2) использование крупных (до 5-6 см) кристаллов горного хрусталя и молочного кварца из местных галек (Конжул, экспонированный слой?), 3) использование редких на Дербине и Енисее кремня и халцедона как основного сырья (Конжул, культурный слой *in situ*).

Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

Библиографический список

1. Акимов Е.В., Горельченкова О.А., Стасюк И.В., Лаухин С.А. Позднепалеолитическая стоянка Конжул в Дербинском заливе Красноярского водохранилища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - т. VIII- Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. - С. 11-16.
2. Акимов Е.В., Стасюк И.В., Мотузко А.Н., Лаухин С.А., Махлаева Ю.М., Санько А.Ф., Кравченко Е.Н. Финальнопалеолитические местонахождения залива Малтат (Дербинский археологический район) // Древности Приенисейской Сибири. - Вып. 4 - Красноярск, 2005. - С. 3-22.
3. Махлаева Ю.М. Каменное сырье культурного слоя позднепалеолитической стоянки Малтат (Красноярское водохранилище) // Истоки, формирование и развитие евразийской политкультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности - Иркутск: Изд-во ИГУ, 2005 - С. 132-134.
4. Махлаева Ю.М. Каменное сырье стоянки Конжул в Дербинском археологическом районе (Красноярское водохранилище) // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до современности) - Кемерово, 2004. - С. 99-100.
5. Семёнов М.И., Должковой Б.М., Гусейнов И.Ф. и др. Гос. геологическая карта Российской Федерации масштаба 1:200000. Издание 2-е. Серия Восточно-Саянская. Лист N-46-IX. Объяснительная записка. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургской картфабрики ВСЕГЕИ, 2004. - 144 с.
6. Чаиркин В.М., Залялеев Р.Ш. Геологическая карта СССР масштаба 1:200 000. Серия Минусинская. Лист N-46-III. - М.: Госгеолтехиздат. - 1962.

П.В. Мороз

Чита, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет, аспирант

А.Ю. Фатеева

Чита, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет, 3 курс

О БИПОЛЯРНОЙ ТЕХНИКЕ НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ГОРИЗОНТА 3 УСТЬ-МЕНЗЫ-III (Забайкалье)

Биполярная техника представляет собой специализированную стратегию редукции сырья, описанную многими исследователями. Она зафиксирована в индустриях широкого географического контекста. На европейских материалах проявления данной техники отчётливо фиксируются уже в мустьерских памятниках, так, например, она широко представлена в Понтийских индустриях Италии [3].

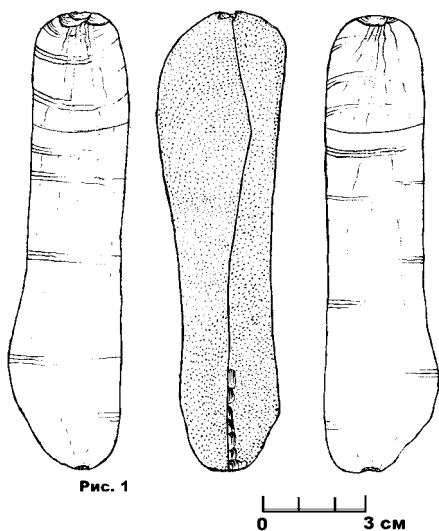

Рис. 1

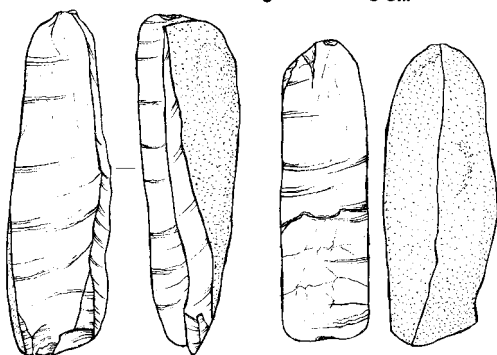

Рис. 2

Рис. 3

Применение данной стратегии расщепления обусловлено характером сырьевой базы региона. В местах с достаточным количеством высококачественного материала в большинстве случаев предпочтение отдавалось другим системам расщепления. Исследователями отмечается, что наиболее часто биполярная техника применялась в технокомплексах, где исходным сырьём использовалась галька мелких и средних размеров, и качество каменного сырья не всегда соответствовало всем необходимым критериям. Её применяли для первичного расщепления галечных отдельных и вторичной обработки мелких орудий [2; 149].

Суть биполярного расщепления заключается в том, что объект помещается на массивную стационарную наковальню и обрабатывается тяжёлым твёрдым отбойником. Удар, в этом случае, может быть нанесён под углом 90° . Силовой импульс, инициированный отбойником при нанесении удара, проходит сквозь материал, образуя скалывающую плоскость и, отражаясь от наковальни, вновь проникает в материал. Следствием этого являются некоторые важные отличительные особенности биполярных сколов.

1) Из-за сильного, зачастую вертикального удара, происходит формирование двух выраженных точек удара, как на проксимальном, так и на дистальном окончании отдельности. Так как удар производится массивным отбойником, зона расщепления претерпевает более значительное разрушение, чем при использовании других техник расщепления.

2) Силовой импульс, проходя сквозь расщепляемую отдельность и возвращаясь от наковальни, формирует не один, а два ударных бугорка. Они слабо выражены, особенно со стороны наковальни, ввиду того, что импульс значительно ослабевает при возврате в материал. Однако, петрофизические характеристики сырья, вес и «жесткость» отбойника могут вносить изменения в подобную схему.

Позднеплейстоценовые индустрии Сибири, в большинстве случаев, сформированы на основе сырья того региона, где непосредственно расположены памятники. Во всяком случае, таких ярких примеров экспорта сырья на значительные расстояния, как в Западной Европе, в палеолите Сибири пока не выявлено. Однако, следует отметить, что сырьевая база Сибири в плане наличия высококачественного сырья существенно уступает Европе. В условиях дефицита сырья «неприхотливость» биполярной техники выгодно отличает последнюю от других систем расщепления. Несмотря на это, она чаще всего не играет ведущей роли в палеолитических индустриях, а скорее, выполняет вспомогательную функцию. Рассмотрим одну из вариаций применения биполярной техники в Западном Забайкалье на примере третьего горизонта Усть-Мензы-III.

Древнее поселение Усть-Менза-III располагается на правобережном мысе р. Мензы высотой 14 м, связанном с отложениями II-й надпойменной террасы, аллювий которой накапливался в интервале от 25 до 13 тыс. л.н. Площадь вскрытия составила 496 м². К верхнему палеолиту отнесены культурные горизонты 2-5 [1; 90-91]. Рассмотрим культурный горизонт 3.

Коллекция каменных артефактов немногочисленна и составляет 91 экз. Интерес представляет жезловидная, хорошо окатанная галька тонкозернистой метаморфической породы с линейными размерами L - 12,5; M - 3,6; N - 3,7. Здесь и далее размеры в сантиметрах. Она расколота на две неравномерные апплицирующиеся части. На дистальном и проксимальном окончаниях предмета, присутствуют следы от сильного удара, выкрошенность на проксимальном окончании наиболее выразительна, она отчётливо читается на обеих половинках расщепленной гальки. Судя по всему, галька была расколота очень мощным ударом, нанесённым практически вертикально тяжёлым твёрдым отбойником. В пользу этого предположения свидетельствует характер ударного бугорка на первой половине гальки. Он имеет отрицательный угол (рис. 1), это так называемый антибугорок. Поверхность второй половины гальки наоборот выпукла в плане и демонстрирует плоскораковистый излом. Зона ударного бугорка длиной чётко отделена от остальной поверхности скола округлой линией. Раковистый излом становится настолько плоским, что создаётся впечатление разрезания материала по прямой линии. На наш взгляд, это находит объяснение в свойствах материала. Подобное поведение скалывающей внутри гальки во время расщепления обусловлено микросланцеватостью материала, это создаёт условия для образования трещины между микрослоями породы без развития конуса Герца.

С целью проверки этой гипотезы нами проведено экспериментальное расщепление идентичной горной породы в непосредственной близости от памятника. Отдельности для расщепления выбирались из гальки близких

морфологических и, по возможности, метрических характеристик. В качестве отбойника использовалась галька кварцита весом 400 грамм. Расщепление производилось на наковальне из валуна гранита весом порядка пяти кг. Ниже приведём краткие описания трёх случаев.

Образец № 1. (рис. 2). L - 10,5; M - 3; N - 3. Расщепился на три части по длинной оси за два удара. Зона расщепления сильно разрушена, как и на образце из коллекции Усть-Мензы-III. Скол демонстрирует отсутствие выраженного ударного бугорка и распространение скалывающей по микросланцеватости.

Образец № 2 (рис. 3). L - 9; M - 3,2; N - 3. Расщепился на две части за один удар. Зона расщепления схожа с предыдущим экземпляром. Присутствует антибугорок, слабо отделённый изгибом на расстоянии 3,5 см от ударной площадки. Образец демонстрирует кливаж - раскол под углом к слоистости материала. Ниже скалывающая проходит зону перекристаллизации и изменяет траекторию распространения.

Образец № 3. L - 6,7; M - 2; N - 2,2. Расщепился на две равномерные части за один удар, с одной из них сошла первичная пластинка длиной 3 см. Бугорок не выражен, скол распространялся по микросланцеватости материала.

Таким образом, наиболее близким к эталонному экземпляру коллекции по динамике распространения скола является образец № 2. Он имеет антибугорок и характерно разрушенную ударную площадку. Зона ударного бугорка также заканчивается на расстоянии 3,5 см от ударной площадки резким изгибом в противоположную сторону. Ударный бугорок со стороны наковальни визуально слабо различим, а угадывается лишь по направлению маленьких усиков, чётко фиксируется только точка удара. Остальные образцы демонстрируют частные варианты описанной выше схемы. Вариативность расщепления, прежде всего, зависит от характеристик гальки, направления микросланцеватости, наличия зон перекристаллизации и, по нашему мнению, длины гальки, веса отбойника и его «жёсткости».

Рассмотренный выше случай расщепления галечной отдельности в третьем культурном горизонте Усть-Мензы-III мы склонны рассматривать как вариант биполярной техники первичного расщепления. Этому не противоречат результаты экспериментов на идентичном сырье близкого морфологического облика. Кроме того, следует отметить, что биполярная техника очень широко использовалась при производстве долотовидных орудий, т.к. долотовидная подтёска, в большинстве случаев, имеет «биполярные корни».

Библиографический список

1. **Константинов М.В.** Каменный век восточного региона Байкальской Азии. - Улан-Удэ; Чита: Изд-во БНЦ СО РАН и Читинск. пед. ин-та, 1994. - 180 с.
2. **Andrefsky W.** Lithics: macroscopic approaches to analysis/ New York. Cambridge University Press, 1998. - 258 p.
3. **Debenath A., Dibble H.L.** Handbook of paleolithic typology. Volum One: lower and Middle Paleolithic of Europe. - Philadelphia: University of Pennsylvania, 1994. - 202 p.

Научный руководитель: М.В Константинов, д.и.н.

Д.В. Ожерельев

Алматы, Казахский национальный университет, аспирант

ОТКРЫТИЯ ПАЛЕОЛИТА В ПРЕДГОРЬЯХ ЗАИЛИЙСКОГО АЛАТАУ (Юго-восточный Казахстан)

Юго-восточный Казахстан носит название Жетысу (Семиречье) по наличию семи наиболее крупных рек края. Жетысу географически занимает промежуточное положение между Средней Азией, Центральным Казахстаном, Сибирью, Алтаем и Восточным Туркестаном. Таким образом, активные миграции первобытных людей не могли обходить стороной этот обширный и богатый регион.

Территория Юго-восточного Казахстана вплоть до недавних пор представляла собой «белое пятно» в археологии палеолита Казахстана. Сложность обнаружения палеолитических памятников в районе северных предгорий Тянь-Шаня связана с особенностями геологической истории края. Возможные непотревоженные стоянки палеолита должны быть глубоко погребены под многометровыми лессами, как стоянки им. Ч. Валиханова, Ачисай в Южном Казахстане или Шугноу и Кульбулак в Средней Азии, и открытие подобных памятников часто

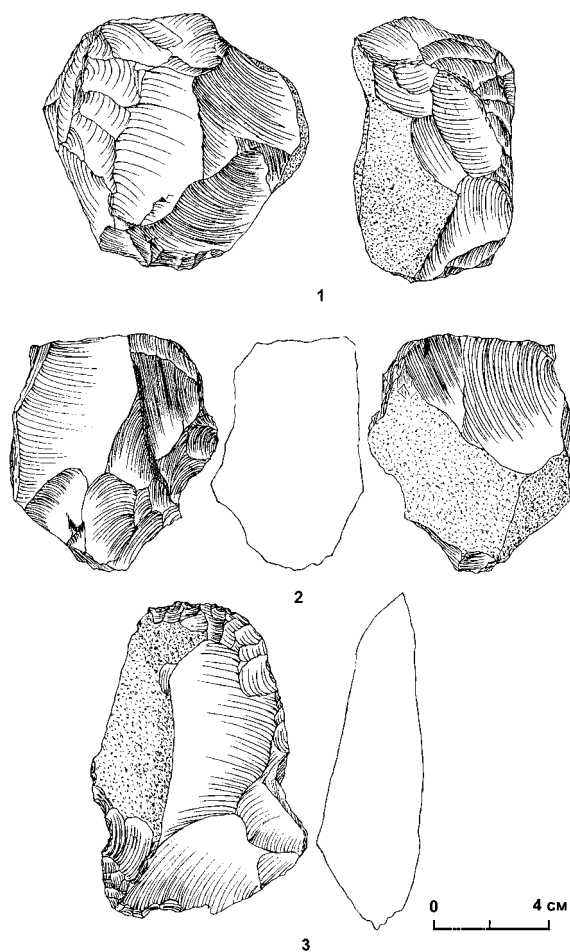

Рис. 1. Каменные изделия местонахождения Актерек (Алматинская область):
1, 2 – нуклеусы леваллуа; 3 – скребло

скребло и отщепы (всего 15 экз.). Достаточно архаичного облика пластины имеют нефасетированные ударные площадки, расположенные под острым углом к плоскости скалывания.

Схожие изделия были обнаружены в ущелье Кастек в 40 км восточнее местонахождения Актерек. Первые находки каменных предметов эпохи палеолита были сделаны в районе Кастека еще в конце 1980-х гг. В 2005 году археологом Ю.А. Мотовым в том же районе в лессовой толще промоины дороги было собрано около 100 каменных артефактов, представленные отходами первичной обработки ядрищ: отщепы леваллуа, сколы, обломки и т.д. В коллекции имеется пренуклеус параллельного принципа скалывания, орудий нет (личное сообщение Майгельдинова К.У.).

Коллекции из Актерека и Кастека демонстрируют единую линию каменной индустрии с развитой леваллуазской техникой обработки. Определенные аналогии данным артефактам прослеживаются в материалах местонахождений Актогай 1-2, датированных мустьерским временем. Следует отметить, что ближайшие параллели коллекциям этих памятников проводятся с изделиями из средне- и, частично, слабодетализированной серий местонахождений экспонированного типа Северного Прибалхашья, таких как Семизбугу, Саяк, Кзыл-Кайнар, Туранга [6, с.200-216; 7, с. 43; 8, с. 55-66; 9, с. 86-88; 10, с. 94-105; 11, с. 85-88; 4, с. 98], отнесенных исследователями к мустьерскому времени. Облик инвентаря семиреченских памятников вполне соответствует этой интерпретации.

Таким образом, новые данные о палеолите Юго-восточного Казахстана приоткрывают завесу над появлением первобытных людей в районе западных отрогов Заилийского Алатау. Уже сейчас можно достоверно говорить о включении этого региона в ареалы распространения палеолитических индустрий Казахстана. В дополнение к известным находкам, происходящим из местонахождения Актогай, а также с раскопок уникальной в своем роде стратифицированной стоянки Майбулак (район с. Фабричный) материалы из Актерека и Кастека формируют наше представление о путях и времени заселения Жетысу. Обнаружение памятников палеолита в северных предгорьях Тянь-Шаня дает информацию о предпочтениях древних людей при выборе мест стоянок и современных топографических особенностях их расположения.

является случайной удачей исследователя. Тем не менее, находки последних 20 лет показывают, что древний человек активно обживал регион Жетысу, выбирая для обитания наиболее благоприятные места.

Первым достоверно известным палеолитическим местонахождением можно назвать поверхностные находки (187 экз.) местонахождений Актогай 1-4 в горах Кунгей Алатау в долине р. Чарын. Для индустрии в целом характерно значительное развитие леваллуазской техники [3, с.256-257; 2, с.44-48; 1, с.35-39].

В 1987-88 гг. в Жамбылском районе Алматинской области в урочище Актерек (135 км к западу от г. Алматы) Семиреченской археологической экспедицией под руководством А.К. Акишева была собрана коллекция из 32 каменных изделий. Группа нуклеусов представлена двумя леваллуазскими одноплощадочными монофронтальными ядрищами подтреугольной формы (рис.1, 1,2). В орудийном наборе выделяются скребла: одно - двойное на массивном нуклевидном сколе, другое относится к типу поперечных одинарных выпуклых скребел на массивном пластинчатом отщепе, ретушь полукруглая параллельная заходит на одну из боковых граней. Противоположная боковая грань с дорсальной стороны также имеет отретушированный участок и обработанную выемку (рис.1,3). Кроме того, в коллекции содержатся три скребка на отщепах. Остальные артефакты представлены пластиной, техническими сколами, отщепами и нуклевидными обломками.

В 2006 году сотрудниками Центрального Государственного музея РК при обследовании левого берега р. Актерек на поверхности плато, имеющего колювиально-делювиальное происхождение и соответствующего плейстоценовой террасе реки, в размывах дороги были обнаружены каменные артефакты эффузивов темно-серого, темно-коричневого цветов и порфирита. Среди находок идентифицированы пластины леваллуа с ретушью,

Благодаря начавшимся разведочным работам, осенью 2006 года в районе г. Алматы выявлено несколько палеолитических пунктов, наиболее интересным из которых является стратифицированная стоянка Рахат, где на глубине 12-13 м в ходе зачисток выявлено несколько культурных слоев с крупными кострищами, обломками костей, множеством артефактов (свыше 200 изделий). Предварительная датировка стоянки относит культурные слои к эпохе позднего палеолита. Коллекция по технико-типологическим показателям сближается с индустрией III культурного горизонта стоянки Майбулак, находящейся примерно в 80 км к западу от Рахата и обнаруживающей поразительное сходство геоморфологического расположения с последней.

В целом, Юго-восточный Казахстан на данном этапе исследования является одним из наиболее перспективных районов на предмет выявления новых стратифицированных и экспонированных стоянок каменного века.

Библиографический список

1. **Артюхова О.А.** Мустье Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. - Новосибирск, 1990. - С. 35-39.
2. **Артюхова О.А.** Мустьерские памятники Семиречья (Актогай 1-4) // Маргулановские чтения -1990. - М., 1992. - С. 44-48, 234-236.
3. **Артюхова О.А., Аубекеров Б.Ж.** Изучение палеолитических памятников Южного Казахстана и Семиречья // АО 1986 года. - М., 1988. - С. 476-477.
4. **Деревянко А.П., Аубекеров Б.Ж., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. и др.** Палеолит Северного Прибалхашья. Семизбугу пункт 2, ранний-поздний палеолит. - Новосибирск, 1993. - 114 с.
5. **Жандаев М.Ж.** Природа Заилийского Алатау. - Алма-Ата, 1978. - 160 с.
6. **Медоев А.Г.** Ареалы палеолитических культур Сары-Арки //По следам древних культур Казахстана. - Алма-Ата, 1970. - С. 200-216.
7. **Медоев А.Г.** Геохронология палеолита Казахстана. - Алма-Ата, 1982. - 51 с.
8. **Медоев А.Г.** Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. - 1964. - Вып. 6. - С. 55-66.
9. **Медоев А.Г.** Новые материалы по каменному веку Северного Прибалхашья и хребта Чингиз // Вестник АН КазССР. - 1962а. - № 3. - С. 86-88.
10. **Медоев А.Г.** Предварительные данные о палеолите в долине р. Туранга (Северное Прибалхашье) // Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнологии.-1962б. - Вып. 2. - С. 94-105.
11. **Медоев А.Г.** Топография стоянок каменного века Северного Прибалхашья // Вестник АН КазССР. - 1965. - № 5. - С. 85-88.
12. **Шлыгина В.Ф.** Особенности гидрогеологических условий конусов выноса в предгорном шлейфе Заилийского Алатау // Известия АН КазССР, серия геологическая. - 1963. - №3. - С. 47-60.

Научный руководитель: Ж.К. Таймагамбетов, д.и.н., декан исторического факультета КазНУ

К.К. Павленок

Иркутск, Иркутский государственный университет, 4 курс

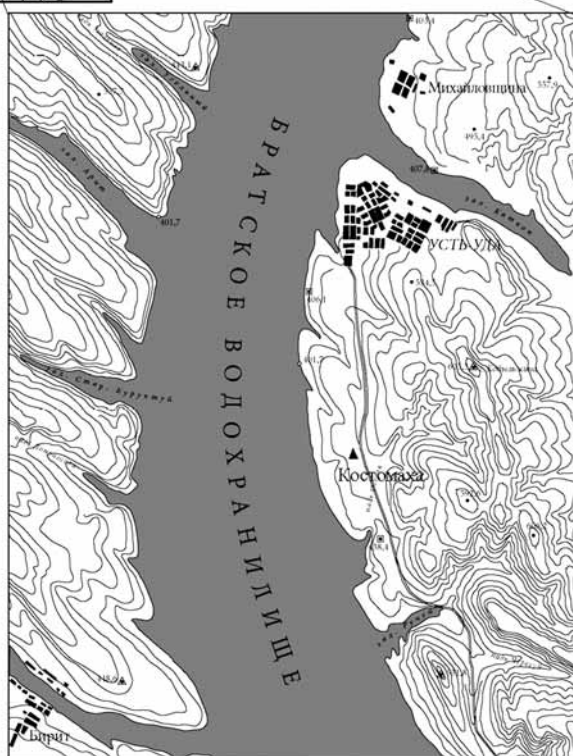
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ «КОСТОМАХА» (новые материалы по результатам спасательных работ 2006 г.)

Местонахождение Костомаха открыто экспертно-разведочными работами в 2005 г. в Усть-Удинском районе Иркутской области, означенном в георхеологическом районировании Байкальской Сибири «районом планового изучения» [1]. Работы 2006 г. проводились в статусе «спасательных» и исполнялись НИЦ «Байкальский регион» Иркутского классического университета на основании государственного контракта с ОАО Восточно-Сибирской газовой компанией.

Местность, избранная проектом для переброски через акваторию водохранилища Братской ГЭС трубы газопровода «Ковыкта-Саянск-Иркутск», названная «Переход», находится в границах территории Средне-Сибирского плоскогорья, являясь элементом геолого-геоморфологической организации плоскогорья, и принадлежит его южному клиновидному выступу. Географически она относится к среднему участку Южного Приангарья и равно удалена от северной оконечности южно-ангарского подразделения - Братских порогов, и от южного терминала - истока р. Ангары. Местность находится в составе регионального морфоскульптурного образования плато - Удинского сопочного сегмента по правому берегу р. Ангары.

Карта-схема местоположения
геоархеологического объекта
Костомаха

Морфоскульптура микрорельефа правого берега в месте прокладки представляет собой склон западного фаса Лено-Ангарского плато. Особенностью морфоструктурного строения территории является ассиметрично-ступенчатое залегание крупных блоков коренной породы - алевролитов верхоленской свиты верхнего кембрия. Прямоугольные блоки вздыблены угловато на северо-запад, со смещениями и образованиями «карманов - уловителей» значительных размеров у тыловых швов. Начиная с юрского времени, в этих отрицательных формах аккумулировались мощные толщи рыхлых седиментов. Позднее заложение водотока р. Ангары способствовало организации склоновой плоскостной и селевой эрозии, которая создала у подножий склонов, на выходах из падей, мощные конуса выноса. Возраст последних читается в основаниях геологических образований от нижнего плейстоцена.

В таких ситуациях археологический материал может быть изъят склоновыми процессами из любого стратиграфического подразделения вплоть до плиоцена, разнесен по палеоповерхностям и погребен в различных геоседиментах, включая раннесартанские солифлюкционные накопления. Артефакты могут быть обнаружены на разных гипсометрических уровнях склонов и на различных глубинах первичного отложения, либо транспортированными в единичной, ореольной или коллекторной седиментации.

Эти соображения были приняты руководящими в организации проведения изыскательских работ и последовательно подтвердились в процессе разведочных и затем спасательных исследований.

Спасательные раскопочные работы проводились по результатам экспертных археологических изысканий 2005 г. Общая площадь вскрытия имела конфигурацию прямоугольника со сторонами 100x25 м, к северо-западному ее терминалу был трассирован дополнительно участок 25x25 м, захватывающий на северо-северо-восток зону шурфов 2005 г.

Участок раскопа 2006 г. вписан в придолинную поверхность склона со слабыми углами падения и не явно выраженной ступенчатостью. Гипсометрия участка 430-450 м над УМО, геологическое строение определено положением осадочных пород верхоленской свиты верхнего кембрия: песчаников, алевролитов, аргиллитов коричневого, красновато-коричневого, серого, зеленовато-серого и желто-серого цветов. В кровле свиты фиксированы отдельности осадочных пород юры: выветрелые песчаники, гальки, обломки конгломерато-брекчий. Часто они подостланы корами выветривания площадного типа либо линейной протяженности. Непосредственно на коренных породах, корях выветривания, фрагментах юрских отложений развиты рыхлые образования позднего кайнозоя - в основном - четвертичные суглинки, супеси, пески, галечники.

Археологический материал Костомахи разновозрастен, неоднократно транспортирован натурно-техногенными процессами по склону и содержится: в техногенном горизонте (остатках голоценовой почвы - $Н_2$), голоценовых лессах ($Н_1$), позднеплейстоценовых отложениях (Sr^4-Sr^1) вплоть до образований среднего отдела верхнего плейстоцена (каргинско-муруктинские суглинки и супеси - $Kr-Mr$). Материалы техногенного горизонта механи-

чески перемещены из различных нижележащих отложений, дислоцированных выше по склону. Ниже артефакты фиксируются на контакте голоценовых и плейстоценовых отложений, также в перемещенном состоянии. Сравнительно малое число предметов техногенного горизонта представлено разнохарактерными находками нескольких археологических эпох: 1. фрагменты глиняных сосудов железного века - 2; 2. фрагмент сосуда бронзового века - 1; 3. пластинчатые фракции, изделия, кластические фракции кварцита, кремня, халцедона - 105 ед. Общее количество находок на контакте техноген-плейстоцен и в кровле плейстоценовых отложений - 370. В верхнеплейстоценовых отложениях до уровня среднего отдела верхнего плейстоцена (глубина залегания 1.76-2.00) - 23.

Изделия из камня различных уровней стратиграфического помещения во всех формах представительства, фактически, принадлежат к одному комплексу.

Набор каменных изделий имеет хорошо выраженный количественный баланс законченных форм (чоперы, скребла, скребки, нуклеусы, ретушированные микроизделия, резцы, пластины) к составу продуктов дебитаж (модифицированные сколы, сколы-отщепы, кластические фрагменты). Соотношение составляет примерно 1:10.

Техноморфология - оригинальна. Отдельные формы - уникальны, либо не найдены в других ансамблях каменного инвентаря, либо не были встречены в подобном сочетании, либо не имели стратиграфического и планиграфического обеспечения. Подавляющая масса каменных изделий несет на искусственно обработанной поверхности выраженные следы эоловой коррозии. Вероятно, этот материал пережил эпоху развития в Байкальской Сибири, и в целом во всей Северной Азии, пустынной обстановки 90-70 тыс. лет от н.дн. Небольшое количество артефактов из кварцита, не имеющих на поверхности выраженных следов эолового воздействия, принадлежит стратиграфическим отделам рыхлой толщи наиболее глубокого погружения. Эти вещи могли попасть в определенные условия геологической «запечатанности» и не быть подвергнуты внешнему воздействию пустыни. В последние годы подобные ситуации были зафиксированы на других объектах, имеющих обеспеченность надежным абсолютным датированием и убедительной геостратиграфией. Поэтому, есть все основания считать каменный материал Костомахи ансамблем одной палеотехнологической стратегии «макаровского пласта». В этом отношении, объект представляет совершенно новую геоархеологическую версию палеокультурного развития в околбайкальском пространстве начала верхнего плейстоцена.

Спасательными археологическими работами 2006 г. подтверждена принципиальная правильность выводов по существу геоархеологического содержания местонахождения ОАН Костомахи. Выявлены условия дислокации археологического материала, особенностью которых является почти меридиональная вытянутость с севера на юг вниз по склону, практически по диагонали через площадь раскопа, с преимущественной концентрацией в западно-северо-западном участке. Полученные данные усиливают представления о том, что центр изначальной дислокации археологического материала находится северо-восточнее и северо-западнее реперной точки поворота трубы газопровода. Разнос материала совершался из предполагаемого центра в радиальных направлениях вниз по склону. На восток - юго-восток археологический материал встречается редко и у терминала раскопа практически отсутствует.

Библиографический список

1. Медведев Г.И., Генералов А.Г., Дроздов Н.И. Проблемы научной экспертизы и практика изучения геоархеологических объектов Байкальской Сибири (методология, методы, рекомендации). - Красноярск-Иркутск- Улан-Удэ, 1996. - 53 с.

Научный руководитель: Г.И.Медведев, д.и.н., профессор

М.С. Сизова

Иркутск, Иркутский государственный университет, 5 курс

ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ МАЛЬТА-МОСТ I (р. Белая, Прибайкалье)

Введение

Местонахождение Мальта-Мост I находится на правом берегу нижнего течения р. Белой (левого притока р.Ангары), в 90 км на северо-запад от Иркутска, на нижней окраине пос. Мальта. Изучение этого объекта проводилось в 1991 - 1993 гг. Иркутским государственным университетом в связи со строительством нового

автодорожного моста через р. Белую [2]. Всего было заложено пять раскопов и серия шурфов. Общая вскрытая площадь составила 404 м². Выявлено 9 уровней залегания находок.

Геоморфологическая ситуация

Местонахождения Мальта-Мост I располагается на выположенной террасовидной поверхности с относительными отметками 21-23 м от уреза р. Белой. Цоколь этой террасовидной поверхности сложен доломитами нижнего кембрия. Высота цоколя над урезом р. Белой - 6 м.

Строение отложений

Описание строения отложений приводятся по Г.А. Воробьевой [2]. Ею выделено две пачки отложений: субаэральные (пролювиальные) и субаэральные отложения. В образовании субаэриальной пачки участвовали делювиальные, эоловые процессы, педогенез и криогенез.

Субаэральные отложения залегают на цоколе (снизу вверх): это галечник, пестроцветные глины и толща отбеленных выветрелых песков (псевдопески). Их предположительный возраст - эоплейстоцен-ранний плейстоцен. Мощность всей пачки - 2,6 м.

Мощность субаэриальных позднеплейстоценовых отложений, лежащих выше, до 4 м. В нижней части разреза отмечается слой карбонатной плотной супеси с линзами галечника муруктинского возраста (mr), он перекрыт каргинскими (kr) криотурбированными светлосерыми суглинками и супесями. Раннесартанские (sr¹) отложения представлены солифлюксом. Выше него залегают слоистые легкие супеси и суглинки с эмбриональными и слабо развитыми почвами (sr²⁻⁴). Голоценовые отложения представлены легкими суглинками буровато-желтых оттенков, в верхней части нарушены перепашкой.

В позднеплейстоценовых отложениях отмечены следы криогенеза в виде криотурбаций (инволюции, инъекции, солифлюксий), криогенных трещин. Криотурбации характерны для каргинских и раннесартанских отложений. Криогенное растрескивание представлено в верхней части сартанской толщи в виде узких и мощных (до 2 м шириной) трещин. Криогенезом обусловлен и мелко бугристый рельеф поверхности отложений финального сартана (sr⁴). В верхней части сартанской толщи отмечаются следы эолового развевания.

Выявлены следы тектонической активности в виде тектонической трещиноватости голоценовой толщи (А.В. Аржанникова, Институт земной коры) и сбросовых нарушений микрограбенов в позднесартанских отложениях.

По результатам палинологических исследований сартанских и голоценовых отложений (Н.В. Кулагина, Институт земной коры) выявлено, что в сартанское время существовали ландшафты с изреженной остепненной растительностью, с редкими деревьями и кустарниками. В голоценовых отложениях отмечен только палиноспектр, характерный для атлантического времени.

Хронология

Выявлено 9 уровней залегания находок с разным количеством найденного материала. Лишь в III культурном уровне (к.у.) выявлен комплекс, в остальных уровнях найдены немногочисленные находки.

К палеолиту относятся V-Па к.у. V, IV, IVa, IVб к.у. включены в отложения среднего сартана (sr²) с возрастом 20-16 т.л.н. III к.у. выявлен в слабо развитой почве позднего сартана (sr³). По кости получена радиоуглеродная дата 14680 ± 100 л.н. (ГИН-9511). В финале сартана (sr⁴) выделен Па к.у. с возрастом 12-11 т.л.н.

С ранним голоценом связаны находки II и IIб к.у. - мезолит, 8-9 т.л.н.

Остатки I к.у., заключенные в пахотный слой, можно датировать широко от неолита до железного века (7-1 т.л.н.).

Геоархеологические контексты

К геоархеологическим контекстам относятся особенности культуросодержащих отложений, сформированных с участием антропогенных факторов [1, с. 142]. Это пирогенные следы от организованных костров - кострища; следы от органических остатков; антропогенная окраска слоев природными красителями; нарушение отложений в виде различных ям; разнообразные конструкции, в том числе и каменные выкладки; антропогенные изменения структуры культуросодержащих отложений и т.д.

Эти контексты отмечены только в 2 культурных уровнях. В IVa к.у. выявлены пирогенные следы в виде маломощного кострища округлой формы с 2 фрагментами кости.

Разнообразные геоархеологические контексты отмечены в III к.у. Здесь найдено более 3 тыс. находок, которые располагались компактным скоплением на площади около 150 м². В юго-восточной части скопления вскрыты пирогенные следы в виде прокала от кострища. Оно имело серповидную форму, ориентировано вогнутой стороной на северо-восток. Длина его 1,60 м, ширина 1,0 м. Мощность прокала в центре 0,12 м.

При вскрытии комплекса обнаружено изменение цвета вмещающих отложений, связанного с посыпкой всей площади обитания растертым в порошок гематитом. Он фиксировался в кровле вмещающей почвы в виде мелких комочков и точечных включений.

На всей площади распространения находок найдено 30 плит нижнекембрийского доломита размером от 10 до 60 см в поперечнике. Они перекрывали засыпку охрой и явились консерваторами участков обитаемой территории. На сохранившихся под плитами фрагментах территории обитания выявлена разная сохранность профиля почвы, к которой приурочены находки III к.у. Это позволило установить степень рекреационной нагрузки на поверхность обитания [2]. На северном участке комплекса, где отмечено наименьшее количество находок, фиксируется уплотнение культуровмещающих отложений, которое можно определить как вытоптанность.

Микростратиграфическими наблюдениями выявлено, что засыпка охрой перекрывает артефакты, а плиты положены уже на засыпанную поверхность. Это позволило выделить три стадии использования человеком данного участка. Первая стадия связана непосредственно с обитанием и деятельностью, она маркируется артефактами, немногочисленными фаунистическими остатками и кострищем. После окончания использования этой территории поверхность обитания была засыпана охрой (вторая стадия), после этого поверх засыпки были положены плиты (третья стадия). Плита также была положена и на кострище. На ней не видны следы пироженного и температурного воздействия. Засыпка охрой и положение плит как бы закрывали поверхность обитания.

Под плитами сохранились субгоризонтальные ходы энтомофауны, которые прослеживались благодаря их прокраске охрой. Изменение вертикального хода на субгоризонтальный произошло из-за плит, которые стали препятствием для насекомых. Эта сохранившаяся уникальная ситуация позволила определить сезон положения плит. В большинстве случаев подземный цикл развития роющих насекомых охватывает наиболее теплое летнее время и не превышает 1,5 месяца. Исходя из этого, можно предположить, что посыпка охрой и принос плит были проведены в июле [2].

Заключение

В результате проведенных комплексных исследований на местонахождении Мальта-Мост I выявлены уникальные геоархеологические ситуации и контексты. Особенно выделяется комплекс III к.у., который по особенностям процесса обитания, как и по структуре и морфологии артефактов, выделяется среди синхронных комплексов Прибайкалья.

Библиографический список

1. **Александрова М.В.** «Идеология» раскопок и приоритеты археологического исследования (у истоков советской методики раскопок палеолитических поселений) // Восточный гравит. - М.: Научный мир, 1998. - С.142-150.
2. **Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А.** Новое местонахождение Мальта-Мост 1 (Прибайкалье, р.Белая) // Природные ресурсы и социальная среда Прибайкалья. - Иркутск. 1995. - Т.3. - С. 89-93.

Научный руководитель: Н.Е. Бердникова, с.н.с.

О.А. Ултургашев

Абакан, Хакасский государственный университет

РАННИЕ ГОЛОЦЕНОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ДОЛИНЫ РЕКИ БОЛЬШОЙ АРБАТ

Археологическое изучение мезолита на территории Хакасско-Минусинского края начинается со второй половины XX века и связано оно в первую очередь с именем Н.Ф. Лисицына. В 1970-1980-е гг. им в долине Енисея и на берегах степных озер Хакасии были найдены местонахождения, отнесенные к периоду раннего голоцена и определенные в археологическом отношении как мезолитические. Большинство этих местонахождений (Толстый Мыс, Большая Ирджа, Интикуль и др.) представляли стоянки с разрушенным и смешанным слоем. Единственным стратифицированным памятником известным в то время был Куртак II, материал с которого немногочислен, поскольку его исследование не было осуществлено широкой раскопкой площадью.

На основе анализа имеющихся коллекций Н.Ф. Лисицын пришел к следующим выводам:

1) в раннем голоцене на севере и северо-востоке Чулымо-Енисейской котловины продолжало жить население, ведущее свое происхождение от носителей афонтовской культуры, о чем свидетельствуют скребла, скребки на мелких отщепках, галечные орудия. Появляются новые формы орудий тесла с перехватом, наконечники копий с частичной двусторонней обработкой, возрастает роль микропластинок-вкладышей и т.д;

2) в степной зоне Чулымо-Енисейской и Сыдо-Ербинской котловины сохранились в мезолите традиции кокоревской пластинчатой позднепалеолитической культуры. Здесь преобладает вкладышевая техника, микронуклеусы торцового скалывания;

3) в Южно-Минусинской котловине в голоценовых памятниках почти нет микропластинок и преобладают макролитические орудия: скребла, остроконечники на широких треугольных отщепах, крупные тесла, долота и т. д. [4, 15-16].

В 1980-е гг. С. А. Васильевым были открыты нижний культурный слой на стоянке Сосновка Голованьская, датированный ранним голоценом - около 8 тыс. до н.э. Инвентарь стоянки позволяет отнести ее к афонтовской культурной традиции [1, 171-172].

Из приведенного краткого обзора степени изученности мезолитических (раннеголоценовых) памятников на территории Хакаско-Минусинского края видно, что источниковедческая база для археологической характеристики времени раннего голоцена явно недостаточна. Именно поэтому представляют немалый интерес новые материалы, полученные в 2006 г. Аскизским отрядом Хакаской археологической экспедиции Министерства образования и науки. Отряд проводил исследования в долине р. Большой Арбат, правого притока р. Абакан в ее среднем течении. В результате были открыты стратифицированные раннеголоценовые памятники Большой Арбат-1 (слой 3) и Матрос-1 (слой 2).

Стоянка Большой Арбат 1 находится на 8-12 метровой второй пойменной террасе правого берега р. Большой. Арбат в 0,6 км к востоку от с. Малые Арбаты. Стоянка Матрос-1 находится на первой 5-6 метровой надпойменной террасе этой же реки у ручья Матрос. На правом берегу р. Б. Арбат. Эти памятники находятся в подтаежной зоне, расстояние между ними - 1,5 км.

Раннеголоценовые 3-й культурный слой стоянки Большой Арбат I и 2-й культурный слой стоянки Матрос I залегают в сходной геолого-стратиграфической позиции - в верхней части слегка оглиненной супеси светлого желтого цвета на глубине 0,5-0,7 м от современной поверхности. Находки представлены исключительно каменной индустрией.

Большой Арбат 1 - в 3-ем культурном слое стоянки обнаружено 816 артефактов, среди которых преобладают отщепы (784 экз.).

Нуклеусы - 6 экз. Из них 2 микронуклеуса одноплощадочных монофронтальных, 2 микронуклеуса клиновидных одноплощадочных монофронтальных, 1 экз. призматического одноплощадочного монофронтального нуклеуса и фрагмент нуклеуса, а также 2 нуклеовидно оббитые гальки. Нуклеусы служили для получения микропластин. Среди продуктов расщепления камня имеются 5 пластинчатых сколов, 2 отщепа и 3 крупных скола с ретушью утилизации по одному краю.

Орудия и фрагменты орудий составляют 17 экз. Скребки - 4 экз.: все они изготовлены из отщепов, однолезвийные. Ножи - 3 экз. с овально-выпуклым лезвием, имеющим следы ретуши утилизации. Исходной заготовкой для изготовления ножей и скребков послужили сколы и отщепы. По одному экземпляру представлены однолезвийное скребло и тесловидный инструмент из гальки.

Коллекция 2-го культурного слоя стоянки Матрос 1 включает 131 артефакт, из них 104 отщепа, 4 пластинчатых скола и 5 призматических микропластинок. Нуклеусы - 2 экз., один из них микронуклеус монофронтальный одноплощадочный из небольшого скола, второй - одноплощадочный монофронтальный и 2 заготовки нуклеуса.

Каменные орудия насчитывают 14 экз. Скребла - 5 экз., из них 4 однолезвийные и 1 двулезвийное листообразной формы. Исходной заготовкой для их изготовления послужили крупные сколы. Ножи - 6 экз., из которых 2 представлены фрагментами, они также изготовлены из крупных сколов. 3 ножа двухлезвийных и 3 однолезвийных. Кроме того имеются одно двухлезвийное скребло на крупном сколе треугольной формы, скребок из отщепа и трансверсальный резец из отщепа. В состав коллекции входит изделие из кости - костяная обойма кинжаловидной формы с неглубоким длинным продольным пазом на одной стороне.

Каменные индустрии стоянок Большой Арбат 1 (3-й слой) и Матрос 1 (2-й слой) между собой типологически сходны. Это проявляется в наличии в составе коллекций клиновидных и призматических нуклеусов, предназначенных для получения призматических пластинок, а также в том, что орудия этих стоянок изготавливались преимущественно из крупных сколов, в том числе и пластинчатых. Это сближает данные памятники с финальнопалеолитическими комплексами стоянок района Майны на верхнем Енисее (Майнинская стоянка, Уй II), что, возможно, свидетельствует о длительном существовании в долине р. Большой Арбат (вплоть до раннего голоцена, 10-8 тыс. лет назад) традиций афонтовской палеолитической культуры.

Раннеголоценовые памятники долины р. Большой. Арбат еще только начинают изучаться. Сделанные нами выводы о культурно-хронологической позиции носят предварительный характер. В ходе дальнейшего исследования памятников наверняка будут получены данные, позволяющие более полно охарактеризовать древнюю культуру населения долины р. Абакан в этот период времени.

Библиографический список

1. **Васильев С.А.** Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). - СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. - 224 с.
2. **Васильев С.А.** Поздние комплексы стоянок Майнинской группы и проблемы развития древних культур в голоцене на Верхнем Енисее // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. - Барнаул, 2000. - С. 72-74.
3. **Макаров Н.П.** Неолит и ранний бронзовый век Красноярской лесостепи. - Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. - Кемерово, 1993. - 26 с.
4. **Лисицын Н.Ф.** Каменный век Минусинской котловины. - Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. - Л., 1980. - 17 с.

Научный руководитель: В.С. Зубков, к.и.н., доцент

Д.Ю. Хоменко

Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет, 2 курс

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ПОКРОВКА II В ДЕРБИНСКОМ ЗАЛИВЕ КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА (подъемный комплекс артефактов)

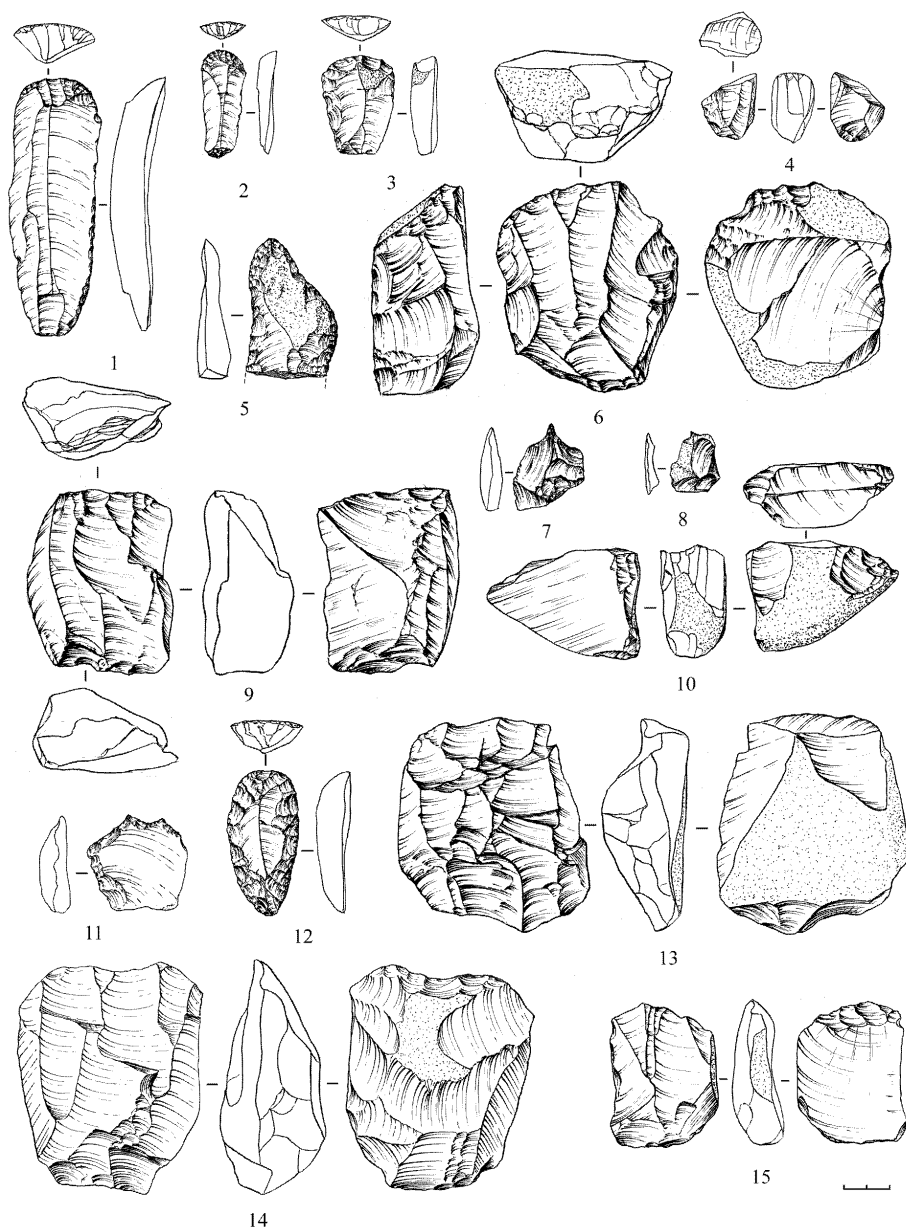
Местонахождение Покровка II (Малый Лог II) располагается на правом берегу Дербинского залива вблизи устья залива Малтат в северной части Красноярского водохранилища. Памятник относится к дербинской группе местонахождений конца ранневерхнепалеолитического времени, включающей Дербину IV, V, Усть-Малтат II, Покровку I. Археологический и фаунистический материал получен из размываемого водохранилищем культурного слоя, выходящего на поверхность образовавшейся береговой отмели.

Первые подъемные сборы на приустьевом участке Малтата были сделаны в 1993 г. Е.В. Акимовой и В.П. Чеха [4, 130]. В 1998 г. начались стационарные исследования в заливе Дербина [3, 6]. На местонахождении Покровка II, на площади около 4000 кв.м, по квадратной сетке (10х10 м) был произведен сбор подъемного материала в количестве более 1 тыс. артефактов. В последующие годы подъемные сборы производились в меньших объемах. В 2002 г. на береговой отмели был обнаружен фрагмент черепной крышки *Homo sapiens* архаического вида, являющийся самой ранней антропологической находкой в Средней Сибири [5, 18]. В 2003 г. на площади 80 кв.м были проведены раскопки памятника [1, 14]. В 2005 г. после падения уровня водохранилища на поверхности береговой отмели было собрано 420 каменных изделий [2, 7].

Состав коллекции достаточно типичен для дербинской группы, притом, что единичные предметы могут относиться и к более позднему комплексу, являясь своеобразным «археологическим фоном» [6, 160].

В подъемных сборах многочисленны нуклеидные заготовки, обломки и битые гальки, что является общей спецификой енисейского палеолита, основанного на сырье невысокого качества (роговиках, трахитах, эндезитах, базальтах). Наиболее «размыта» группа одноплощадочных монофронтальных нуклеусов. Можно выделить удлиненные формы с негативами как ровных пластинчатых снятий, так и грубых ступенчатых забитостей. Один нуклеус с широким выпуклым фронтом имеет крутую скребловидную оббивку дистального конца, усиливающую выпуклость фронта (рис. 1, 6). Среди нуклеусов, изготовленных исключительно на галечно-валунных субстратах, выделяется небольшой нуклеус на плоском сколе (рис. 1, 15). Три нуклеуса имеют две противоположные площадки и одну плоскость расщепления со встречными негативами снятий (рис. 1, 9, 13, 14). Получение мелких заготовок, очевидно, связано, с грубопризматическими и торцовыми нуклеусами. Нуклеусы призматической формы (3 экз.) в двух случаях имеют дополнительную плоскость снятия на латерали или ударной площадке исходной формы. Торцовые нуклеусы (2 экз.) изготовлены на пластинчатом сколе и обломке гальки (рис. 1, 10). В сборах присутствует торцовый микронуклеус (рис. 1, 4).

Группа морфологически выраженных концевых скребков составляет 9 экз. На пластинах и укороченных пластинчатых сколах изготовлено 8 скребков, из них 6 имеют ретушь по большей части периметра (рис. 1, 3, 12) и 2 - только по рабочему краю (рис. 1, 1, 2). На маленьком массивном сколе (25х25 мм) выполнен единственный скребок с высоким полукруглым рабочим краем. К скребловидным орудиям отнесены два экземпляра, выполненные на массивных отщепах, с ретушью по половине или большей части периметра. Невыразитель-

Каменный инвентарь местонахождения Покровка II (Дербинский археологический район)

на группа остроконечников. Единственный целый экземпляр представляет собой короткое массивное орудие с крутой ретушью по периметру. Из пяти обломков с характерным оформлением обоих конвергентных краев выделяются два асимметричных изделия со смещением острия влево относительно оси заготовки (рис. 1, 5). К проколкам (проверткам) отнесены 4 достаточно определенно выраженных изделия с выступающим жальцем. У двух проколов, выполненных на отщепах халцедона и кремня, массивное прямое жальце длиной до 7 мм оформлено на крае заготовки, поперек оси изделия (рис. 1, 7). Необычна проколка на тонком отщепе окремнелого дерева. Тонкое слегка асимметричное жальце оформлено на крае широкого дистального конца орудия (рис. 1, 8). Сырье, уникальное для Дербинского района, и сама форма предмета вызывают аналогии с проколками Усть-Ковы (Северная Ангара). В качестве двойной проколки или варианта зубчато-выемчатого орудия может быть интерпретирован отщеп с вентральной ретушью по большей части периметра и двумя смежными жальцами (рис. 1, 11). Коллекция пластин с ретушью насчитывает 13 целых экземпляров и 73 обломка. По степени наличия галечной корки и огранке дорсала можно предполагать, что в качестве заготовок использовали преимущественно второй, реже третий ряд снятий после параллельной подготовки плоскости скалывания. Огранка пластин позволяет предполагать, что снятия велись, главным образом, с одноплощадочных нуклеусов. Следы встречных снятий встречены у четырех пластин. Первичные пластины отличаются массивностью и могли быть получены непосредственно с крупных галек и обломков окатанной породы. Большинство обломков представляют собой

либо медиальные сегменты (27 экз.), либо сегменты с ударной площадкой (27 экз.). Дистальные сегменты относительно малочисленны (19 экз.). В подъемных сборах присутствует 10 микропластин «неправильной» формы из кремня с ретушью по одному краю. Отщепы с ретушью (54 экз.). Различаются по степени массивности, наличию галечной корки на поверхности, характеру ретуши. Особенностью Покровки II является обилие колотого кварца, в массовом количестве найденном и на размываемой береговой отмели и непосредственно в культурном слое.

В настоящее время возраст местонахождения точно не установлен. Все памятники дербинской группы, включающей Покровку II, отнесены к концу каргинского времени и могут быть датированы в пределах 32-22 т.л.н.

Библиографический список

1. **Акимова Е.В., Стасюк И.В., Горельченкова О.А., Мотузко А.Н., Лаухин С.А.** Изучение палеолита Дербинского залива (Красноярское водохранилище) в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. - Т.IX., часть I - С.14-18.
2. **Акимова Е.В., Стасюк И.В., Махлаева Ю.М., Харевич В.М., Кукса Е.Н., Лаухин С.А., Мотузко А.Н.** Итоги археологических исследований в Дербинском заливе в 2005 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. - Т.XI., часть I - С.6-11.
3. **Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А.** Археологическое изучение Дербинского залива (Красноярское водохранилище) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск, Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. - Том. IV. - С.6-11.
4. **Акимова Е.В., Чеха В.П.** Залив Дербина - новый археологический район на Красноярском водохранилище // Обозрение. 1993 год - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1995. - С.129-133.
5. **Акимова Е.В., Стасюк И.В., Лаухин С.А., Махлаева Ю.М., Орешников И.А., Назаров Д.В., Гуляев А.А.** Изучение палеолита Дербинского залива в 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - т. VIII- Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002.- С. 17-21.
6. **Стасюк И.В., Томилова Е.А.** Проблемы организации археологических работ в береговой зоне Красноярского водохранилища // Истоки, формирование и развитие евразийской политекультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности - Иркутск, Изд-во ИГУ, 2005 - С. 160-161.

Научный руководитель: Е.В. Акимова, к.и.н., с.н.с.

ЭПОХА НЕОЛИТА И БРОНЗЫ

Ю.А. Абдулина

Красноярск, Сибирский федеральный университет

МАТЕРИАЛЫ ЖИЛИЩА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ БРОНЗОВОГО К ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ ПОСЕЛЕНИЯ ЗАОСТРОВКА-2 НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ

Поселение Заостровка-2 входит в Казачинский археологический микрорайон и расположено в 2,2 км северо - северо-восточнее п. Порог на 14-19-метровой террасе правого берега р. Енисей в 150 м северо-восточнее правого берега протоки Заостровка. Поселение открыто С.М. Фокиным в 1999 г. В 2003 г. П.В.Мандрыка на южной окраине поселения заложил первый разведочный раскоп площадью 39 кв.м.

Визуально отмечаются 14 жилищных западин, составляющих четыре ряда котлованов округлой и подпрямоугольной формы размерами от 3х3 до 5х5 м. Ряды ориентированы по линиям: восток - запад (4 котлована); в центральной части поселения юго-восток - северо-запад (3); восток-запад (3) и последний ряд в направлении юг – север (4).

В 2006 г. раскопом площадью 90 кв. м автором было изучено жилище № 8 из второго ряда. В результате проведенных работ было установлено, что археологический материал приурочен к поддверновому слою коричневой супеси и залегает на глубине 8-13 см, мощность слоя 30-50 см. Из культурного слоя происходят многочисленные фрагменты керамики, каменные орудия, обломок бронзового наконечника, остеологический материал и колотые камни. Изучено жилище углубленного типа, прямоугольной формы, размерами 4х5 м с выходом на юго-восток. В центре – очаг без каменной обкладки.

Керамика, происходящая из жилища и внежилищного пространства, типологически однородна. Всего в коллекции 977 фрагментов, из них 102 венчика от 39 сосудов, толщина стенок 0,3-0,8, венчиков 0,5-1,2 см. В состав теста входит дрсва (28 сосудов), слюдянистый песок (29 сосудов), кварцевый песок (20), шамот (3), органика (1). Сосуды закрытой формы - банки (34), открытой – плошка (1) и горшки (4) ручной лепки с двумя вариантами технического декора: с оттисками витого шнура или с отпечатками вафли, либо гладкостенная. В коллекции представлено 8 налепных ушек от разных сосудов-дымокуров: 2 языковидных с одним отверстием, 6 прямоугольных с двумя отверстиями.

Общим для декора сосудов является наличие орнамента только в верхней трети части формы, с украшением обреза венчика, и использование только горизонтальных мотивов. Выделяется 12 основных вариантов орнамента:

- 1) с налепными валиками по краю венчика или без, с одним или двумя рядами ногтевых вдавлений (10 банок и 2 горшка);
- 2) с сильно выступающим налепным валиком по краю венчика, рассеченным пальцевыми защипами (1 банка);
- 3) прямой обрез венчика рассечен вдавлениями гладкого орнамента, под ним два ряда округлых ямочных вдавлений (1 банка);
- 4) орнамент в виде одного, двух, трех или четырех рядов пальцевых защипов (4 банки);
- 5) под прямым обрезом венчика три ряда насечек прямого орнамента, под ними продавленный желобок (1 банка);
- 6) с одним или двумя тонкими налепными валиками, рассеченными парными ногтевыми вдавлениями (3 банки);
- 7) прямой обрез венчика рассечен пальцевыми защипами, под ним ряд округлых ногтевых вдавлений или пальцевых защипов (2 банки);
- 8) фрагменты профилированной шейки сосуда с орнаментом в виде прочерченных прямых тонких линий, образующих ромбы (1 горшок);
- 9) фрагмент отслоившейся широкой налепной ленты, со сквозным отверстием по нижнему краю, возможно от пояса ямок (1 банка);

- 10) сосуд, сплошь покрытый глубокими оттисками мелкоячеистой вафли, с отогнутым наружу краем венчика (1 банка);
- 11) без орнамента, с отогнутым наружу краем венчика (4 банки);
- 12) небольшая площадка без орнамента (1 сосуд).

Каменный инвентарь представлен несколькими категориями орудий и отходами производства: наконечник стрелы подтреугольной формы с вогнутым насадом, верхняя часть отломана, размеры 1,6х3,4х0,4 см; скребок на отщепе прямоугольной формы, с прямым лезвием, оформленным притупляющей пластинчатой ретушью, размеры 2,4х3,1х1,2 см; скребки(?) на прямоугольных уплощенных отщепах с прямым или скошенным лезвием, оформленным только рабочей ретушью (2 экз.), размеры 3,5х2,7х0,6 см и 2,7х3,2х0,8 см; скребла ручные округлой и овальной форм, уплощенные, с двумя выемками по бокам и двусторонней ретушью по всему периметру (3 целых и 5 обломков), размерами от 1,5х5,2х0,6 до 7,2х9,3х0,8 см; обломок нижней части тесла подпрямоугольной формы, с прямым ассиметричным лезвием, односторонне скошенным к брюшку, размеры 5,1х4,8х2,0 см; тесловидное орудие вытянутой овальной формы, с двух сторон имеет небольшие выемки для фиксации, лезвие округлое, ассиметричное, оформлено с одной стороны сколами, с другой – сохраняет желвачную корку, размеры 2,7х5,9х1,5 см; массивное галечное орудие подпрямоугольной формы, со следами двусторонних крупных сколов на конце, размеры 7,6х8,7х3,5 см; отбойники удлиненно овальной и шаровидной форм, со следами забитости, могли использоваться в качестве молоточков (7 экз.), размерами от 4,4х4,7х2,5 до 7,0х17х5,5 см; грузило овальной формы, с двумя выемками по краям, размеры 3,7х6,0х0,7 см; точило для заточки острий металлических орудий прямоугольное по форме, овальное в сечении, размеры 4,0х4,2х1,3 см; сколы клина с торцовых нуклеусов с ребром (2 экз.), размеры 1,3х4,8х1,1 см и 1,1х2,5х0,9 см; отщепы (12 экз.) размерами от 1,4х2,3х0,4 до 2,4х3,9х0,5 см; пластина (1 экз.), размеры 0,9х2,9х0,2 см.

Единственное бронзовое изделие из слоя – это обломок пера двухлопастного наконечника подтреугольной формы, размерами 1,1х2,1х0,2 см.

Остеологический материал включает 51 фрагмент мелких и крупных осколков колотых трубчатых костей, фрагменты челюсти и зубы бобра и косули.

Керамика поселения Заостровка-2 по совокупности признаков соотносится с керамикой 5 культурного слоя поселения Бобровка на Среднем Енисее. Керамические комплексы этих памятников объединяет наличие в одном слое сосудов с вафельным и шнуровым техническим декором, а также гладкостенной керамики, и общие приемы орнаментации сосудов: орнамент только в зоне венчика, горизонтальные мотивы, наклепные валики и ногтевые вдавления и защипы. Подобная керамика характерна для территории южнотаежной подзоны Среднего Енисея, где она отмечается на многих памятниках (2 к.с. городища Усть-Шилка-2, 2 к.с. поселения Шепилево, поселение Шилка-8) и датируется переходным периодом от бронзового к железному веку в рамках IX-VII вв. до н.э. [1,167-169].

Библиографический список

1. **Археология и палеоэкология** многослойного поселения Бобровка на Среднем Енисее / П.В.Мандрыка, А.А.Ямских, Л.А.Орлова, Г.Ю.Ямских, А.А.Гольева.- Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 2003.- 138 с.

Научный руководитель П.В. Мандрыка

А. Л. Автушкова

Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет, V курс

ОРДЫНСКОЕ -1: КОМПЛЕКС АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Комплекс археологических памятников Ордынское - 1 расположен у с. Ордынское на левом берегу р. Обь в двух километрах к юго-востоку от территории современного рыбзавода, на мысу, отделяющем Ордынский залив от р. Обь. Памятник вытянут вдоль осыпающегося берега нынешнего Обского моря.

Исследование объекта проводилось экспедицией ИИМК АН СССР и Гос. Эрмитажа во главе с М.П. Грязновым в 1952-1954 гг. На месте интересующего нас памятника была открыта группа курганов. Далее, при продолжении исследования террасы, оказалось, что здесь же расположены две неолитические стоянки, названные по их месту нахождения Западной и Восточной. Полномасштабное исследование комплекса началось в 1954 г.

Было вскрыто 13 курганных насыпей неолитической эпохи, андроновской, ирменской, большереченской и срос-тинской культур. Исследовано несколько грунтовых могил, некоторые из них не связаны с курганами. При наполнении Новосибирского водохранилища водами Оби вся территория, исследованная М.П.Грязновым, была затоплена. Сохранился не отмеченный им участок памятника, находившийся на более высокой залесенной части террасы; здесь было выявлено еще 32 кургана.

С 1962 по 1994 гг. раскопки на Ордынском - 1 периодически велись на этой не затопленной части памятника Новосибирской археологической экспедицией под руководством Т.Н. Троицкой [10,92-100]. Работы дальнейших экспедиций носили охранный характер, так как для раскопок выбирались наиболее разрушающиеся насыпи. В рамках НАЭ раскопки отдельных курганов также проводили Дрёмов В.А., Зах В.А., Новиков А.В. В 1994 г. исследован последний курган: раскопки на памятнике Ордынское - 1 были закончены. В настоящее время памятник частью затоплен, несколько курганов разрушено современными постройками.

Как указывалось выше, памятник Ордынское-1 состоит из археологических объектов, имеющих различную культурную принадлежность.

Неолит на памятнике представлен двумя недолговременными стоянками и несколькими погребениями.

Западная стоянка исследована на площади 960 м². По всему раскопу попадались ямки, вырытые в материке, с находками в заполнении: кости животных (рыба, лось, медведь, собака), костяные орудия, два сосуда баночной формы, орнаментированные отгисками короткой гребёнки. На Западной стоянке обнаружены также каменные орудия. Из предметов искусства найдена костяная пластинка в виде головы птицы.

Восточная стоянка располагалась вдоль края террасы на участке площадью 50×20 м. Никаких строений, как и на западной стоянке, найдено не было. Следы очагов зафиксированы в двух местах. Стоянка также небогата находками. По мнению М.П. Грязнова, отсутствие следов жилищ и незначительность находок указывает на недолговременность обеих стоянок.

Неолитическое погребение было исследовано В.А. Захом [4,26-28]. Погребённая женщина 40 лет лежала в вытянутом положении головой на ССВ. Из сопровождающих вещей обнаружены отщепы, костяные стерженьки, костяные пластинки и заготовки для подвесок, изготовленные из раковин, кремневые и каменные орудия. Одна из интереснейших находок - костяная головка лося, выполненная в реалистической форме. Находки эпохи неолита имеются на всей площади комплекса.

Кротовская культура представлена в комплексе двумя погребениями и фрагментами керамики из разграбленных погребений. Сосуды крупных и мелких размеров, орнаментированы гребенчато – отступающей техникой, гребенчатым штампом, насечками, ямками и полулунными вдавлениями. Иногда стенки сосудов украшались валиками.

Могилы федоровской культуры андроновской археологической общности исследованы М.П. Грязновым и В.А Захом на территории Западной неолитической стоянки. Имеются погребения как с трупосожжением, так и ингумация в скорченном положении на левом боку. Найдены андроновские сосуды с ёлочным и геометрическим орнаментом, серьги с раструбом и т. д.

М.П. Грязновым были открыты и исследованы погребения ирменской культуры. Погребальный обряд, представленный на могильнике, типичен для этой культуры (трупоположения на правом боку, головой на юго-запад). В одном из курганов встречено групповое захоронение: под насыпью находились 14 погребений. Большая часть из них располагалась двумя рядами с ЮВ на СВ. Скелеты лежали на правом боку в скорченном положении, ориентированны головой на ЮЗ. Зафиксированные вещи: височные серьги, проволочные перстни, бронзовые ножи, преобладание деревянных чаш вместо глиняной посуды в погребениях, типичные ирменские сосуды с ярко выраженным резным орнаментом в виде треугольников и гладких ромбов, браслеты с раструбами на концах.

Основная часть погребений, раскопанных экспедициями М.П.Грязнова и Т.Н. Троицкой, относится к бийскому этапу большереченской культуры [6,13-14]. Под насыпями обнаружены могилы с бревенчатыми перекрытиями, окружённые рвом. В погребениях скелеты лежали в вытянутом положении, головой на юго-восток. Из вещей присутствовали: сосуды баночной, биконической формы, с характерным орнаментом, некоторые из них с поддоном, бронзовые ножи с широким лезвием, глиняные пряслица и т. д.

Т.Н. Троицкой были выявлены могилы кулайской культуры, впущенные в насыпь большереченских курганов, датируемые второй половиной I в. до. н. э. - I в. н. э. [7,22-25]. Датировка основана на бронзовых кельтах, проволочной гривне с несомкнутыми концами, пряжках, серьгах и т. д. Керамика, принадлежащая кулайской культуре, украшена своеобразным орнаментом в виде «уточки».

Курганы верхнеобской культуры находятся в восточной части могильника [8,19]. Все могилы ограблены, поэтому отдельные кости человека и предметы (разбитые сосуды, остатки ремня, бронзовые бляшки с вытисненными на них фигурами в виде ромба, бронзовая полая фигурка медведя и железные удила) большей частью найдены в насыпях. Расположение скелетов, их пол и возраст восстановить не удалось.

Погребение сростинской культуры выявлено в западной части могильника, устроено в глубокой прямоугольной могиле, перекрытой брёвнами в виде сруба. Находки представлены железным теслом, роговыми пряжками и т. д.

Таким образом, памятник Ордынское - 1 является интересным археологическим объектом, который являлся кратковременным охотничьим пристанищем неолитических охотников и родовым кладбищем для многих племён на протяжении длительного времени.

Библиографический список

1. Грязнов М.П. Отчёт Новосибирской экспедиции об археологических работах в зоне Новосибирской ГЭС 1952-1954 гг. // Архив НГКМ и Музея ИАиЭт СО РАН.
2. Завитухина М.П. Ордынские курганы V - IV вв. до н. э. // АС Гос. Эрмитажа. - Л., 1968. - Вып. 10. - С. 28-34
3. Зах В.А. Новые исследования памятников у с. Ордынское // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. --Новосибирск, 1984. - С.51-56.
4. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь – Иртышья. - Новосибирск, 1977.
5. Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большереченская культура в лесостепном Приобье. - Новосибирск, 1994.
6. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. - Новосибирск, 1998.
7. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. - Новосибирск, 1978.
8. Троицкая Т.Н. Курганный могильник Ордынское – 1 // Вопросы археологии Сибири. - Новосибирск, 1973. - С.81-101.

Научный руководитель: д.и.н., профессор Троицкая Т. Н.

А.В. Батыль

Иркутск, Иркутский государственный университет, 5 курс

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ РИТУАЛ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОГО МОГИЛЬНИКА ШАМАНКА II

В данной работе рассматривается погребальный ритуал ранненеолитической группы погребений могильника Шаманка II, связанный с сакральными представлениями древнего населения, оставившего этот некрополь.

Ритуал погребения является частью погребального обряда, который в полной мере на основе археологического материала мы восстановить не можем. Погребальная археология имеет дело лишь с материально фиксируемым результатом этих действий - погребальным памятником [7]. Исследование всех особенностей этого археологического источника составляет ритуал погребения, который определяется группой признаков: 1) выбор места для захоронения, 2) особенности погребальной конструкции и способ погребения, 3) трупоположение и ориентировка погребенных, 4) состав и расположение сопроводительного инвентаря.

О значении выбора места для захоронения говорилось ранее [4]. О том, что данное место было, выбрано не случайно, свидетельствует масштабность изучаемого древнего некрополя. На сегодняшний день на территории могильника Шаманка II исследовано 79 ранненеолитических могил и 6 захоронений эпохи бронзы. Погребальные комплексы эпохи раннего неолита сосредоточены на двух участках южной и приближающейся к обрыву части западной экспозиции склона, на высоте 18-28 м от уреза воды в оз. Байкал. Согласно расположению могил по склону выделяется восточная группа, дислоцирующаяся у вершины холма и западная, располагающаяся ниже по склону вдоль обрыва. Между собой группы разделены свободным от могил пространством протяженностью 12 м. В восточной группе в настоящее время исследовано 53 погребения. Большинство могил локализуются в три ряда, ориентированные по линии ЮВ-СЗ. В западной группе вскрыто 24 погребальных комплекса, сосредоточенные в три ряда. Первые два дислоцируются в верхней части склона и направлены по линии ЮЮВ-ССЗ. Третий ряд располагается ниже по склону суживающейся полосой по мере понижения склона перпендикулярно первым двум и ориентирован по линии СВ-ЮЗ.

На территории могильника Шаманка II все захоронения грунтовые, надмогильные конструкции отсутствуют, только в 2 могилах (№№ 61, 63) восточной группы зафиксировано перекрытия погребенных одним слоем камней. Сравнивая с синхронными могильниками Прибайкалья, стоит отметить, что отсутствие надмогильных конструкций - один из признаков принадлежности к китойской традиции захоронения [2]. Могильные ямы глубиной 0,6 - 1,8 м заложены со средней части ярко-бурого суглинка (горизонт В2), который соответствует голоценовому климатическому оптимуму [3, с. 35]. В большинстве случаев могилы имеют овальное очертание, реже прямоугольную форму.

По количеству погребенных, располагающихся в отдельных ямах, выделяются: одиночные, совместные погребения двух индивидуумов (двойные или парные) и групповые могилы. Всего на могильнике зафиксированы останки 140 индивидуумов, из них большая часть (85 костяков или 61%) были разрушены в древности, остальные (55 костяков, 39%) остались неповрежденными. На могильнике Шаманка II мужские захоронения преобладают над женскими, а детские погребения составляют незначительный процент. Подобная половозрастная ситуация отмечена, например, в синхронном могильнике Локомотив [1].

В направлении погребенных по странам света преобладает СВ ориентировка - 80 (57%) и ЮЗ - 8 (6%). Преобладание ориентировки на восток вместе с ее вариантами (северо-восток, юго-восток) может рассматриваться как ориентировка по солнцу (по странам света), колебания, возможно, связаны с временами захоронения, т.е. с сезонными изменениями восхода солнца [6, с. 84]. Другие исследователи связывают противоположную ориентировку с причиной смерти, например, если человек умер не своей смертью, то чаще всего таких людей хоронили без сопроводительного инвентаря на окраине могильного поля или за его пределами [8]. В ранненеолитических могильниках Прибайкалья с китойской традицией захоронения северо-восточная ориентировка так же является преобладающей.

Сопроводительный инвентарь, возможно, являлся частью прижизненного имущества умершего, разнообразие каждого набора погребального инвентаря свидетельствует об индивидуальности каждого умершего. Или же наоборот вещи, которые сопровождают покойного, не являются частью прижизненного имущества, а специально изготовлены для захоронения [9]. Рассмотрение отдельных категорий сопроводительного инвентаря производилось ранее [5]. Стоит отметить, что в большинстве погребений могильника Шаманка II отмечен сопроводительный инвентарь. Из 79 ранненеолитических могил только в 20 инвентарь малочислен (до 5 экз.) или полностью отсутствует. Количественный и качественный состав сопроводительного инвентаря в восточной и западной группах различен. В восточной группе в большинстве случаев располагаются «богатые» могилы, в западной группе сосредоточены погребения, сопровождающиеся небольшим количеством предметов. Инвентарь в ненарушенных могилах дислоцируется на уровне погребенных, скоплением за головой, в ногах погребенных, а также в отдельных случаях под корпусом и по всей площади могильной ямы.

Подводя итоги можно сделать вывод, что могильник Шаманка II по основным позициям ритуала погребения соотносится с ранненеолитическими могильниками китойской традиции захоронения - самой распространенной на территории Прибайкалья. Сложный неоднородный погребальный ритуал свидетельствует о сложных социальных отношениях внутри коллектива, оставившего этот древний некрополь.

Библиографический список

1. Антонова А.Н., Курзыбов П.А. Сравнительная характеристика соотношения мужчин, женщин и детей в могильниках Шаманка II и Локомотив // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. - Иркутск: Изд-во РПЦ «Радиян», 2005. - С. 96-98.
2. Базалийский В.И., Туркин Г.В., Тютрин А.А. Могильник Тальский на Южном Байкале / Каменный век Южного Приангарья. Иркутский геоархеологический район: Путеводитель международ. симпозиума. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та., 2001. - С. 39-55.
3. Базалийский В.И., Вебер А.В. Погребальные комплексы эпохи раннего неолита на могильнике Шаманка II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН 2004. Т. 10, ч. 2. - С. 33-40.
4. Батыль А.В., Базалийский В.И., Вебер А.В. Планиграфия ранненеолитической группы могил на могильнике Шаманка II // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. - Иркутск: Изд-во РПЦ «Радиян», 2005. - С. 101-103.
5. Батыль А. В., Базалийский В.И. Некоторые категории сопроводительного инвентаря из ранненеолитических погребальных комплексов могильника Шаманка II // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. - Красноярск: Изд-во КГПУ., 2006. - Т. 1. - С. 13-15.
6. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. - М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - Ч. I, II. - 411 с. - (МИА.- № 18).
7. Ольховский В.С. Погребальные обрядности и социологической реконструкции // РА. - 1995. - № 2. - С. 85-98.
8. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. - Т. 2. Мир реальный и потусторонний. - 475 с.
9. Смирнов Ю.А. Мустьерские погребения Евразии: возникновение погребальной практики и основы тафологии. - М.: Наука, 1991. - 338 с.

Научный руководитель: В.И. Базалийский, м.н.с.

К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ «УСТЬ-БЕЛЬСКОЙ» КЕРАМИКИ

Введение

Актуальным является изучение разнообразия керамических комплексов Прибайкалья, в том числе и «усть-бельской» керамики. Это понятие вошло в археологическую литературу после публикации материалов культурного горизонта Па Усть-Белой в 1973 г. [12]. К «усть-бельским» относят сосуды овалоидной или параболоидной формы, с орнаментацией тулова оттисками отступающей лопаточки, штампов, гребенки, ямочек и, как правило, с характерной зональностью орнамента.

Нет ясности по хронологии и генезису этой керамики. Она встречается от Енисея до Байкала. Исследователи из-за разнообразия стратиграфического залегания «усть-бельской» керамики датируют ее по-разному - от раннего неолита до ранней бронзы. Сделаны попытки соотнести «усть-бельскую» керамику с определенными неолитическими культурами.

История исследования

Согласно концепции А.П.Окладникова о развитии неолитических культур [7] «усть-бельская» керамика соотносится с китойской культурой позднего неолита. Эту идею развивала Г.М.Георгиевская [3].

В первой публикации неолитических материалов к.г. Па Усть-Белой авторы выделили этот комплекс как самостоятельный в рамках Приангарского региона с возрастом не моложе V тыс. лет до н.э. Они высказали предположение о происхождении «усть-бельской» керамики из западных областей Сибири или Зауралья через Алтай [12].

Л.П. Хлобыстин рассматривал «усть-бельскую» керамику как раннеглазковскую, основываясь на материалах стоянки Улан-Хада [14, с. 97]. «Усть-бельская» керамика с Усть-Белой и Улан-Хады выделена им в отдельный тип. Морфологически близкую к ней керамику стоянок Казачка, Горелый Лес, Аталанга, Мироново он называл «западноангарской» [16, с. 81] и считал, что все эти комплексы составляют особую культурную общность, формирование которой связано со Средним Енисеем, откуда началось ее продвижение к востоку на соседние территории [15, с.292].

В.С. Зубков по материалам неолита Верхней Лены предположил, что «усть-бельская» керамика относится к финалу неолита (вторая половина III-начало II тыс. до н.э.) [4]. Результаты недавно проведенных исследований В.М. Ветровым на Верхней Лене показали, что его выводы спорны. «Усть-бельская» керамика стоянки Поповский Луг, отнесенная В.С. Зубковым к финалу неолита, зафиксирована в погребенной почве раннего голоцена. На основании этого хронологические рамки изготовления «усть-бельской» керамики определены от V тыс. до н.э. до I-й четверти II тыс. до н.э., т.е. от раннего неолита до ранней бронзы [2, с. 52].

Г.В. Сеницына [8, 9] выделила 3 типологических и хронологических группы «усть-бельской» керамики по различиям в композиции орнамента. Она отмечает, что керамика, 1-ой и 2-ой групп, встречается в VI и VI а.к.г. Казачки и датируется серединой IV тыс. до н.э. Также керамика 2-ой группы имеется в IV к.г. стоянки Горелый лес, где она датируется концом III тыс. до н.э. Керамика 3-ей группы имеет аналогии в предглазковских слоях Улан-Хады (начало II тыс. до н.э.). Г.В. Сеницына считает, что «усть-бельская» керамика была распространена на территории Прибайкалья в развитом и позднем неолите и сосуществовала с керамикой «посольского» типа [9, с. 14].

Н.А. Савельев в своей концепции развития неолитических культур Прибайкалья отнес «усть-бельскую» керамику к финальной стадии неолита (конец III - начало II тыс. до н.э.) [10] или к эпохе ранней бронзы [11, с.23]. В отличие от Г.В. Сеницыной он считает, что «посольская» керамика на территории Прибайкалья появилась раньше «усть-бельской». Керамику из VI и VI а.к.г. Казачки, морфологически близкую к «усть-бельской», Н.А.Савельев выделил в «казачинский» пласт (6000-5200 л.н.), который, по его мнению, гораздо древнее «усть-бельского» [11, с. 23].

Напротив, Н.Е. Бердникова относит керамику с VI к.г. Казачки к общему «усть-бельскому керамическому пласту», образцы которого встречаются от берегов Енисея до восточного побережья Байкала [1, с. 38]. Хронологический диапазон для «усть-бельского керамического пласта» ею определен в пределах IV-II тыс. до н.э. Внутри него «намечены типы керамики, имеющие культурно-хронологические отличия по манере, способам технологии и орнаментации сосудов» [1, с. 39].

Аналогичные «усть-бельской» керамике обнаружены сосуды на стоянке Унюк [5], которая определена как западный форпост Усть-Бельской неолитической общности [6, с. 69-96]. Л.А. Соколова считает, что унюкская керамика, относящаяся к Усть-Бельскому керамическому комплексу, лежит в основе окуневской керамики ранней генерации по сходным формам сосудов и общим принципам организации и нанесения орнамента [13, с. 466].

Заключение

В заключение можно сказать, что с накоплением фактического материала по керамическим комплексам Прибайкалья проблемы генезиса, распространения, типологии «усть-бельской» керамики отнюдь не решены. До сих пор среди исследователей нет единого мнения относительно хронологии «усть-бельской» керамики, ее соотношения с другими керамическими комплексами Прибайкалья. С чем соглашается большинство исследователей, это происхождение «усть-бельской» керамики. Что касается типологического ее расчленения и определения принадлежности к той или иной культуре, то здесь предстоит еще много работы, несмотря на попытки некоторых исследователей это сделать.

Библиографический список

1. Бердникова Н.Е. Усть-Бельский керамический пласт (к постановке проблемы) // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. докл. всесоюз. конф. - Улан-Удэ, 1986. - Ч. II. - С. 36-39.
2. Ветров В.М. Стратиграфия стоянки Поповский Луг. К вопросу о времени зарождения керамического производства на Верхней Лене // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Мат-лы регион. науч.-практич. конф. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. - С. 49-53.
3. Георгиевская Г.М. Китайская культура Прибайкалья. - Новосибирск: Наука, 1989. - 152 с.
4. Зубков В.С. Неолит и ранний бронзовый век верхней Лены: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Л., 1982. - 18 с.
5. Зяблин Л.П. Неолитическое поселение Унюк на Верхнем Енисее // Проблемы археологии Урала и Сибири. - М.: Наука, 1973. - С.65-73.
6. Крижевская Л.Я. Неолит поселения в устье р. Белой: (по материалам раскопок 1957 и 1959 гг.) // Древние культуры Приангарья. - Новосибирск: Наука, 1978. - С. 69-95.
7. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - Ч. 1, 2. - 412 с. - (МИА. - № 18).
8. Синицына Г.В. Керамика Усть-Бельского поселения: (по материалам раскопок Н.Н. Гуриной) // КСИА. - 1979. - Вып. 157: Памятники первобытной культуры. - С. 88-92.
9. Синицына Г.В. Неолитические памятники Верхней Ангары: (по материалам поселений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Л., 1986. - 23 с.
10. Савельев Н.А. Проблемы исследования неолитических поселений на юге Средней Сибири // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. к регион. конф. - Иркутск: Изд-во Иркут.ун-та, 1982. - С. 62-64.
11. Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Новосибирск, 1989. - 25 с.
12. Савельев Н.А., Медведев Г.И. Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая // Проблемы археологии Урала и Сибири. - М.: Наука, 1973. - С. 60-63.
13. Соколова Л.А. Многокомпонентность в Окуневской культурной традиции // Современные проблемы археологии России. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. - 466 с.
14. Хлобыстин Л.П. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // КСИА. - 1978. - Вып. 153: Памятники эпохи неолита. - С. 93-99.
15. Хлобыстин Л.П. Восточная Сибирь и Дальний Восток // Неолит Северной Евразии. - М.: Наука, 1996. - С. 270-329. - (Археология СССР в 20 т.).
16. Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. - СПб: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. - 342 с.

Научный руководитель: Н.Е. Бердникова, с.н.с.

В.В. Велитченко

Челябинск, Челябинский государственный университет, 3 курс

ПОСЕЛЕНИЕ КАМЕННЫЙ БРОД – СПУТНИК УКРЕПЛЕННОГО ЦЕНТРА АРКАИМ

Памятник расположен на территории музея-заповедника Аркаим на левом берегу реки Большая Караганка, на ровной площадке высокой поймы в 1 км к юго-западу от укрепленного поселения Аркаим.

Памятник был открыт в 1987 году Н.М. Меньшениным. Планиграфию его по аэрофотоснимкам проводила И.М. Батанина в 1994 г. С 2003 по 2006 гг. проводились раскопки отрядом археологической экспедиции ЧелГУ под руководством Т.С. Малютиной.

Памятник представляет собой хорошо задернованную площадку размерами около 1 га, на которой отмечено 11 слабо выраженных западин глубиной 0,10-0,20 м. Они образуют 4 ряда и имеют размеры 10-20 м. Жилища в основном были ориентированы перпендикулярно руслу реки.

Раскопом в 233 кв. м вскрыта полностью жилищная западина (жилище № 1) и частично затронуты еще две (жилище № 2, № 3). Жилище № 1 прямоугольной формы размерами 19х21 м с глубиной котлована 0,3 м. Внутри сооружения выявлены столбовые, хозяйственные и очажные ямы. Столбовые ямы идут двумя рядами вдоль стен жилища. В центре зафиксированы две крупные хозяйственные ямы (№ 2, № 3). Яма № 2 является двухкамерным сооружением, одна камера округлой формы диаметром около 1 м., другая - подпрямоугольной размерами 1,5х1,2 м. Яма № 3 – колодец (1,7х1,0 м.)- является одноактным сооружением. Дно ее выложено обожженными челюстями лошади, что можно интерпретировать как жертвоприношение. Так же было замечено, что колодец был облицован плетеной деревянной конструкцией. Обе ямы расположены на глиняной подушке и имели глиняные своды. Культурный слой жилища №1 представлен дерном, зольными напластованиями различной цветности и серыми гумусированными суглинками. Жилищный котлован выделяется по краям на материковой поверхности светло-серым гумусированным суглинком с небольшими затеками зольников.

Вход жилища был обращен в сторону реки и просматривался нечетко ввиду размытости. Пол жилища неровный: фиксируются углубления вдоль стен по периметру. Периодически по всему полу встречались следы глиняной обмазки.

Своеобразную особенность жилищу придает целый комплекс каменных выкладок, которые располагались вокруг ямы № 2. Неподалеку располагалась очажная яма в виде каменной выкладки округлой формы, с местами прокала почвы.

С восточной стороны вскрыт небольшой участок жилища № 2 длиной 10,5 м и шириной 2,5 м, с северной – участок жилища № 3 размерами 8,0х3,0 м.

В раскопе собрано около 5000 фрагментов керамики от эпохи неолита до эпохи бронзы. Большая часть из них связана с жилищем № 1. Керамика эпохи бронзы имеет петровский, срубно-алакульский, черкасинско-фedorовский облик.

Кремневый инвентарь (около 2000 экз.) представлен в основном скоблережущими изделиями, изготовленными на отщепках случайных форм. Многочисленны крупные каменные орудия труда.

Также встречены изделия из кости (свирель, шилья) и костные останки домашних животных. Металлический инвентарь крайне редок и представлен бронзовыми шильями, перстнем, рыболовным крючком, скобой, иглой и кусочками медной проволоки. Небезынтересными находками представляются одиночные изделия из глины: вюрфиль и литейная форма.

Памятник имеет 2 этапа функционирования: эпоха камня (неолит) и эпоха бронзы. Находки каменного века (керамика и кремневые изделия) на участках в межжилищном пространстве не переотложены (in situ) и переотложены на территории всего раскопа. Около пола и на дне котлована жилища № 1 найдена керамика исключительно петровского типа. Присутствует посуда, как классического петровского облика, так и сосуды с раннесрубными чертами.

Поселение Каменный Брод следует связывать с петровским этапом эпохи бронзы для которого характерны постройки в виде полуземлянок каркасно-столбовой конструкции подпрямоугольной формы. Выделяется своеобразный производственный комплекс, о назначении которого пока судить сложно, но, скорее всего, он связан с металлургическим производством. Похожие постройки неукрепленного типа с разнотипной керамикой известны в Южном (Шибаво) и лесостепном (Лебяжье, Матище) Зауралье.

Керамический комплекс частично соотносится с керамикой поселения Аркаим (по петровским и срубным признакам). К тому же в раскопе обнаружено несколько фрагментов классической аркаимско-синташтинской керамики. Г.Б. Здановичем во многих исследованиях констатируется, что укрепленное поселение является центром административной округи. И она включает в себя неукрепленные поселения, некрополи, святилища, пастбища, ирригационные сооружения и рудники. К такой системе организованного пространства относится исследованное поселение Каменный Брод. Оно является одним из пяти неукрепленных поселений-спутников (Калмыцкая молельня, Александровка, Утяганское 1, Большекараганское) укрепленного поселения Аркаим. К этой системе так же относятся 2 некрополя: Александровский и Большекараганский, святилище на горе Лысая и оросительная система «Аркаимский огород».

*Научный руководитель - к.и.н., доцент кафедры археологии, этнографии
и социоестественной истории ЧелГУ Т.С. Малютина*

КЕРАМИКА НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЧЭС-ТЫЙ-ЯГ: КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

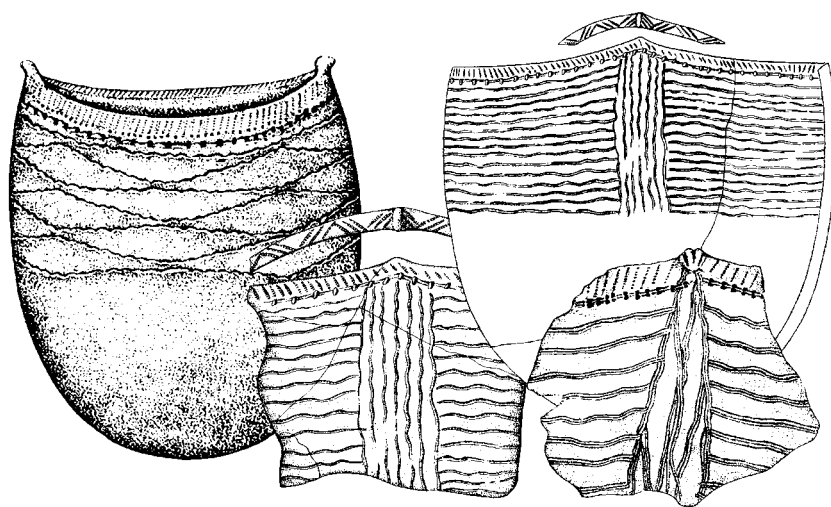
Неолитическое поселение Чэс-тый-яг занимает особое место среди археологических памятников Северной Евразии. С момента его открытия в 1934 г. и вплоть до сегодняшнего дня оно неизменно поражает исследователей своей площадью, количеством и размерами жилищных западин. По этим параметрам памятник не вписывается в привычные представления о характере неолитических поселений в высоких широтах Северо-Западной Сибири и не находит близких аналогов во всем ареале культур новокаменного века за пределами земледельско-скотоводческой ойкумены [3, с.296]. Памятник находится в районе Приполярного Урала в среднем течении р. Ляпин (приток р. Северная Сосьва) на территории Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа. Поселение состоит из 18 хорошо выраженных в современном рельефе жилищных западин прямоугольной формы, 5 из которых исследованы полностью. Полученные радиоуглеродные даты говорят о поздненеолитическом возрасте Чэс-тый-яга и укладываются в узком интервале - конец IV, начало III тыс. до. н.э.

Самым массовым археологическим источником на поселении является керамический комплекс, в коллекции насчитываются остатки 337 сосудов.

В рамках комплекса керамической посуды можно выделить две основные формы - яйцевидную и ладьевидную. Яйцевидные сосуды, как правило, орнаментировались только в верхней части. Преобладает горизонтальная зональность орнамента. Важной деталью композиции является то, что от вышеупомянутых редуцированных налепов приблизительно до середины сосуда отходят несколько волнистых прочерченных линий, которые делят орнаментальное поле сосуда на 2 симметричные части. Несколько отличается и имеет свою специфику орнаментация ладьевидных сосудов. Прежде всего, необходимо отметить, что орнамент ладьевидных сосудов двухсторонний. Так же как и на яйцевидных сосудах, это горизонтальные, а также диагональные прочерченные мотивы. Весьма интересным представляется наличие на памятнике крашеной охрой посуды.

С учетом техники нанесения декора орнаментальная традиция памятника характерна для неолитических культур Западносибирского региона. Однако на уровне декоративных композиций и формы керамический комплекс Чэс-тый-яга достаточно оригинален.

Чэс-тый-ягский керамический комплекс лишь отчасти «вписывается» в общую этнокультурную традицию данного Западносибирского региона, которая сложилась к периоду раннего неолита и выражалась в прочерченно-отступающе-наколычатой манере орнаментации керамики, общности форм сосудов. К отличительным признакам можно отнести характерные седловидные обрезы венчика на яйцевидных сосудах, сложные не имеющие аналогов в смежных керамических комплексах орнаментальные композиции на сосудах, двустороннюю орнаментацию, практическое отсутствие гребенчатого штампа, отсутствие наплывов на внутренней и внешней стороне венчика и наличие крашеной посуды, совершенно не свойственной керамическим комплексам Зауралья и Западной Сибири.

Яйцевидные чэс-тый-ягские сосуды и основные орнаментальные композиции

Наличие достаточно большого количества сосудов ладьевидной формы тоже является дифференцирующим признаком. Если в неолитических культурах Зауралья и Западной Сибири сосуды ладьевидной формы представлены единично, то в керамическом комплексе Чэс-тый-яга они традиционны и выразительны. Необычность формы ладьевидных сосудов, так существенно представленных в данном комплексе (около 1/6 от всего керамического комплекса), объективно выделяет их в особую группу и тем самым ставит вопрос о специфике функции такой неординарной керамики в жизни ее создателей.

Вопрос культурной принадлежности памятника пока далек от разрешения. Однако с уверенностью можно сказать, что орнаментальные и морфологические элементы чэстыйягского керамического комплекса находят отдаленные, но выразительные параллели в Приаральском неолите, в частности в кельтеминарской культуре. Также как и для Чэс-тый-яга, керамическому комплексу кельтеминарской культуры присуща ладьевидная форма сосудов, почти не свойственная западносибирскому неолиту и традиция окрашивания сосудов. Определенное сходство выражается в общих принципах орнаментации посуды, в частности в технике прочерчивания и деления орнаментального поля на зоны [4, с. 18]. Для керамических комплексов кельтеминарской культуры и Чэс-тый-яга характерна орнаментация верхней части сосудов, в то время как основной особенностью орнаментации керамики лесного Зауралья в огромном промежутке времени - от раннего неолита до развитой бронзы - является сплошная орнаментация сосудов с обязательным украшением дна [5, с. 17].

Ни чэстыйягская керамика, ни чэстыйягские жилища (большие, площадью до 270 кв. м, глубокие землянки с засыпанными красной охрой нарами) не имеют аналогий в Западной Сибири. В то же время эти элементы культуры вполне сопоставимы с приаральскими традициями в домостроительстве и гончарстве. Очевидно, культура чэстыйягского облика могла сформироваться только под непосредственным воздействием кельтеминарской традиции [2, с. 59-60].

Вполне возможно, что отмеченное сходство между неолитическими культурами Зауралья (Чэс-тый-яг, культуры быстринского типа и козловской группы) и Приаралья (Кават VII, Джанбас-кала) не является лишь эпизодом в древней истории этих областей. Скорее всего, это был определенный этап, очень крупный по своему значению, в едином развитии широкого ареала, населенного родственными между собой этническими группами, в развитии, длившемся в течение ряда тысячелетий. Начало этого процесса, связанного с продвижением на север отдельных групп населения, относится еще к мезолиту, а по времени - вероятно, не позднее, чем к началу атлантического периода [7, с. 52].

Библиографический список

1. **Васильев Е.А.** Ладьевидные сосуды эпохи ранней бронзы из Нижнего Приобья // Искусство и фольклор народов Западной Сибири. - Томск, 1984. - С. 9.
2. **Васильев Е.А.** Поздний неолит Нижнего Приобья // Тезисы докладов всесоюзной конференции (Суздаль 1987). - М., 1987. - С. 59-60.
3. **Васильев Е.А.** Раскопки неолитического поселения Чэс-тый-яг на Приполярном Урале // Ханты-мансийский автономный округ в зеркале прошлого. - Выпуск 2. - Томск - Ханты-Мансийск, 2004. - С. 296.
4. **Старков В.Ф.** Мезолит и неолит лесного Зауралья. - М., 1980. С. 18.
5. **Старков В.Ф.** Мезолит и неолит лесного Зауралья. - М., 1980. - С. 17-18.
6. **Чернецов В.Н.** К вопросу о сложении Уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. - М., 1968. - С. 52.
7. **Чернецов В.Н.** Этнокультурные ареалы в лесной и субарктических зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. - С. 12.

Научный руководитель: Е.А. Васильев, к.и.н., доцент

Ю.В. Дерр

Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 2 курс.

САННОМЫССКИЙ КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС (западное Забайкалье)

Многослойные памятники являются сложноорганизованными объектами и могут содержать не только культурные остатки поселений, но и культовые, и погребальные комплексы. Существует проблема интерпретации исследуемых источников, в частности, выделения культовых комплексов в составе типологически различных археологических объектов. Важнейшим признаком культового комплекса (памятника) является наличие сакрализованного, мифоритуального пространства. Сакрализованным пространством выступает гора, остров, мыс водоема, и именно эти топографические признаки положены в основу классификации культовых мест [3, с. 69]. К следам ритуальных действий относятся: наскальные рисунки и знаки; остатки культовых сооружений, культовые пред-

меты, следы жертвоприношений и иных обрядовых действий, погребения. Погребение и жертвенно-ритуальные материализованные остатки могут быть единым комплексом в археологическом и мифоритуальном отношении.

Цель нашей работы - рассмотреть специфику культового места в составе различных типологических объектов комплекса Санный мыс в Западном Забайкалье.

Многослойный комплекс Санный мыс расположен в 15 км на восток от с. Удинск, в местности Санномысский Тапхар, на оконечности правобережной останцово-гряды, вплотную примыкающей к руслу реки. Тыловой сегмент террасы высотой 9-10 м содержит культурные горизонты каменного и бронзового веков [3, с. 136]. Памятник был открыт А.П. Окладниковым в 1958 г., в 1968 г. проводились раскопки на площади около 400 кв. м [6, с. 57]. Раскопки показали наличие 7 культурных горизонтов, при этом А.П. Окладников отмечалось, что однородная рыхлая песчаная терраса не позволяла строго фиксировать культурные слои. Поэтому фиксация производилась по уровням очагов и по высоте над уровнем реки. Палеолитическими определены горизонты 3-7, при этом нижние горизонты датированы довольно ранним этапом верхнего палеолита. Согласно данным М.В. Константинова, литологический слой 6 (6-й культурный горизонт с жилищем) датируется в пределах 18-20 тыс. л. н., а культурные горизонты 3-5 относятся ко времени финального плейстоцена [3, с. 46]. М.В. Константиновым в комплексах 6- и 7-го горизонтов наблюдалось «взвешенное процентное соотношение полного набора технических приемов второй половины верхнего палеолита при равном количестве микроторцовых и подпризматических форм и уступающее, но заметное присутствие ортогональных и леваллуазских» [3, с. 69]. По материалам Лбовой Л.В. (раскопки 2004г.), санномысский палеолитический комплекс (6 и 7 гориз.) может быть определен как финальнопалеолитический, с характерным представителем каменных артефактов, и вмещенный в финальноплейстоценовые отложения (в пределах 16-18 - 12 тыс. л. н.). Культурные горизонты 3-5 квалифицированы неолит - бронзовым веком, 2 и 1 – ранним железным веком (синхронны культуре плиточных могил).

Кроме того, в этом же месте расположен крупный могильник бронзового – раннего железного века – Санномысский Тапхар, и на вершинах сопков размещены кольцевые крупные сооружения (до 4-5 м в диаметре), содержащие остатки жертвоприношений животных.

Исследования в 2006 г. проводились на верхней площадке Санного Мыса, представляющей собой ровную поверхность с небольшим наклоном к западу (по течению реки Уды), длиной около 4 м, шириной около 2,5 м. Площадка располагалась в 5 м выше конструкции, которую А.П.Окладников интерпретировал как «уникальное палеолитическое жилище» [5, с. 49]. При снятии дерна встречались отдельные обожженные кости, крышки от балок, битое стекло. В культурном горизонте 1 отмечен прослой разложившейся органики, в котором встречаются фрагменты гладкостенной керамики, отщепы и микропластины халцедона, кремня, жженные кости, монеты нач. XX в., нуклеидные сколы, отщепы, микропластины, фрагменты костей человека и животных, уголь, комплекс наконечников стрел из камня, кости, бронзы, в т.ч. бронзовые втульчатые наконечники стрел. В культурном слое 2, включенном в серую гумусированную супесь, отмечены украшения из бронзовых пластин, серьги, обломки карасукских ножей, халцедоновые пластины и отщепы, халцедоновые наконечники стрел, фрагменты керамики с «жемчужинами», фрагменты костей и зубы животных (предположительно оленя, кабана), костяные наконечники стрел. Найдены фрагмент берцовой кости, фаланги и зуб человека. Таким образом, судя по характеру находок, место можно определить как культовый памятник с остатками погребения и жертвенно-ритуальным комплексом.

Основной категорией находок в данном комплексе являются наконечники стрел, выполненные из различных материалов (камень, кость, металл). Они обнаружены по всей площади раскопа. Типологические характеристики наконечников указывают на посещаемость данного места в позднем неолите, бронзовом и раннем железном веках. Очевидно, стрела являлась элементом обрядовой практики, который нес в себе, возможно, охранительный или иной смысл.

Целесообразно, на наш взгляд, рассмотреть семантику стрелы. Сакральное значение стрелы полисемантично. Лук и стрелы у самых различных народов Северной Азии издревле имели особое сакральное значение. Они нередко использовались в различных культовых церемониях и шаманской практике, а по целому ряду этнографических свидетельств служили средством гадания и ворожбы. В отдельных случаях, заменяя даже бубен, они занимали особое место в шаманском мире и ритуале [9, с. 77-119; 4, с. 75]. Стрелой могли угрожать злему духу; она оберегала ее владельца от некоей опасности; служила посредником между миром людей и миром предков; к стреле привязывались умиловительные дары [1, с. 46]. Надо полагать, что лук и стрелы, подобно самому бубну и всей иной шаманской атрибутике, подвергались церемонии оживления и становились «одушевленными». Предания о «живых» стрелах, наделенных разумом, способностями видеть, мыслить, самостоятельно действовать, разговаривать, поражать врагов и выполнять разнообразные поручения богатыря-владельца можно встретить в героических сказаниях тюркоязычного населения Саяно-Алтая [5, с. 107-108].

По сообщению В.М. Кулемзина, в представлениях хантов такая «медная пуля просто незаменима против мертвецов или их душ, поднимающихся из могил» [7, с. 101]. Согласно информации, собранной В.Н. Чернецовым, из кости человеческой голени делались особые «военные» наконечники стрел. Последние были «очень смертоносны. Наконечники, сделанные из кости животных, также опаснее, нежели железные, но далеко не в той степени, как из кости человеческой» [9, с. 157].

Находки комплекса наконечников стрел на площадке перед гротом, на наш взгляд, не случайны. Гроты, пещеры имеют определенную семантику. В представлениях древнего человека о жизни и смерти, пещера могла служить местом перехода между реальным и потусторонним миром. Многие пещеры использовались только в культовых целях или для погребений (погребение шамана в пещерах). Также пещера ассоциировалась с чревом женщины-матери [1, с.56].

Библиографический список

1. Вадецкая Э.Б. Изображения зверя-божества из Хакасии //МИА, 1965.- Вып. 30,
2. Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. - Улан-Удэ; Чита, 1994
3. Культовые памятники Горно-лесного Урала. - Екатеринбург, 2004.
4. Кубарев В. Д., Октябрьская И. В. Ритуальный клад из Кош-Агачского района Алтая// Гуманитарная наука в Сибири – 1996.- № 3.
5. Кызласов Л. Р. Курганы средневековых хакасов. - Ленинград: Наука, 1975.
6. Лбова Л. В. Палеолит северной зоны западного Забайкалья. - Улан- Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000.
7. Ожередов Ю. И. Сакральные стрелы южных селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов. Материалы исследования к «Энциклопедии Томской области». – Томск: ТГУ, 1999
8. Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. - Новосибирск: Наука, 1980.
9. Чернецов В.Н. Источники по этнографии Западной Сибири. - Томск, ТГУ, 198 с.

Научный руководитель Лбова Л.В., д.и.н., проф.

Л.П. Замятин

Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет, III курс

МОНИТОРИНГ НИЖНЕЙ ЧАСТИ ОБСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА (по материалам поселения Петушиха-I)

В современных условиях мониторинг является актуальным звеном в цепочке исследования археологических памятников. Его основной задачей является наблюдение за процессом разрушения. Особенно быстро разрушается берега искусственных водоёмов. На них оказывает большое влияние воздействие различных факторов (аэрогенных, подземноводных, гравитационных, подземноводных и антропогенных). Под их воздействием береговая кромка ежегодно обрушается. В связи с этим встаёт вопрос об охране памятников находящихся в зоне разрушения.

По территориальному признаку район Новосибирского Приобья делят на три части. Нижняя, наиболее значительная часть водохранилища включает в себя территорию от плотины Новосибирской ГЭС до села Завьялово. Средний участок находится между селом Завьялово и селом Усть-Алеус. Верхняя часть водохранилища располагается от села Усть-Алеус до города Камень-на-Оби.

На протяжении ряда лет район нижней части Обского водохранилища исследовали такие археологи как М.П. Грязнов, Т.Н. Троицкая, Э.А. Севастьянова, В.И. Молодин, А.В. Матвеев, Е.А. Сидоров, А.А. Адамов, А.П. Бородовский С.Г. Росляков, О.И. Новикова, Е.М. Евтеева [5, 87]. На этой территории находятся около 100 разновременных археологических объектов. В их число входят такие памятники как поселения Верхне-Ельцовка, Лесопилка, Верх-Чемы; могильники Тула-1,2 и другие [6, 48].

С 1995 года А.П. Бородовским производится регулярное обследование наиболее показательных памятников. Для верхней части водохранилища представительно поселение Чингис-1 [4, 166]. Для средней части – поселение Быстровка-4 [2, 427-428]. В нижней части – поселение Петушиха-I [3, 5-10].

Поселение эпохи поздней бронзы Петушиха-I обнаружено сотрудниками Института горного дела СО АН СССР Б.П. Момотом и Э.Д. Бергманом в 1966 году. Памятник расположен в Искитимском районе Новосибирской области, на побережье Бердского залива, на берегу реки Петушиха. После образования Обского водохранилища на памятник активно влияют гидрологические факторы. Поселение, расположенное на образовавшемся мысе, размывается с северной, восточной и южной стороны. Планиграфически поселение не имеет рельефных признаков. Границы памятника определяются обнажением культурного слоя. По этим данным общая площадь объекта составляет примерно 3850 квадратных метров. В культурном слое обнаружены кости животных, брон-

зовые изделия и керамика ирменской культуры (XII – IX век до н.э.) [1, 32]. Первые сборы были проведены Б.П. Момотом и Э.Д. Бергманом в 1966 году. Тогда было найдено 808 фрагментов керамики.

После этого обследования наступает многолетний перерыв в изучении памятника. В 1980-х годах он снова обследуется в рамках инвентаризации. Со второй половины 1990 годов это поселение регулярно осматривается А.П. Бородовским.

На протяжении всего периода обследования сборы с поселения Петушиха-I составляют представительную коллекцию. В настоящий момент собранно более 3500 керамических фрагментов обнаруженных на этом памятнике.

В ходе изучения были получены различные данные по количеству венчиков и донышек сосудов эпохи поздней бронзы. За период обследования памятника А.П. Бородовским и Объединением «ИКАР» ДДТ имени В. Дубинина, было найдено 240 фрагментов венчиков и 68 донышек (общее число найденных фрагментов – 2856). В среднем за год находят 30 венчиков и 8 донышек. Очевидно разница основана на особенностях сохранности фрагментов. Вероятно дно сосуда, при воздействии воды, теряет свои характерные особенности. По этой причине его не представляется возможным отличить от неорнаментированной части стенки.

Крупные фрагменты керамики находятся ближе к берегу, а чем дальше от берега, тем их размеры уменьшаются. Это, вероятно, свидетельствует о том, что керамика, которая дольше находится в водной среде, подвергается более интенсивной переработке в русле основной акватории Бердского залива, нежели недавно выпавшая из культурного слоя. Средняя насыщенность одного квадратного метра составляет от 3 до 5 фрагментов [3, 8]. Количество сборщиков практически не влияет на результаты поисков. Однако есть исключения. В 1966 году двумя сборщиками было найдено 808 фрагментов керамики, из которых 104 – венчика и 40 – донышек. Так же в 2002 году 50 сборщикам удалось выявить 37 фрагментов дна сосуда, что, однако, не отразилось на общих количественных показателях поисков на этот год. Всего было найдено 386 фрагментов.

В настоящее время памятник Петушиха-I частично затоплен и размыт. Ежегодно фиксируются обрушения береговой кромки памятника на 10-15 см, и проводится сбор подъёмного материала и обследование края террасы. Полученные данные позволяют реконструировать планиграфию этого разрушающегося памятника. Очевидно, что до затопления поселение находилось в отдалении от реки Петушиха, на его предъустьевом участке. Это типичное расположение поселенческого комплекса эпохи поздней бронзы (ирменской культуры) на территории Новосибирского Приобья.

Библиографический список

1. Бородовский А.П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области – Новосибирск 2002.
2. Бородовский А.П. Казацкая Ю.В. Процесс разрушения археологических памятников побережья Новосибирского Водохранилища (на примере ирменского поселения Быстровка-4) // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. – Иркутск, 2005.
3. Бородовский А.П. Учебно-образовательные возможности археологической практики студентов исторического факультета // Бюллетень полевой археологической практики студентов исторического факультета – Новосибирск 2002.
4. Ерюкова Е.В. Поселения эпохи поздней бронзы Чингис-1 // Традиционные культуры и общества средней Азии (с древнейших времён до современности). – Кемерово: 2004.
5. Охрана археологического наследия Новосибирской области: Методические указания. – Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия, 2004.
6. Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области – Новосибирск, 1980.

Научный руководитель Бородовский А.П. к.и.н. доцент

М. А. Зиновьев

Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 1 курс

ВОЕННОЕ ДЕЛО НАСЕЛЕНИЯ САРГАРИНСКО-АЛЕКСЕЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

Целью работы является попытка доказать, что переход к широкому использованию верхового коня и к кочевнической тактике боя в лесостепном Алтае происходит в эпоху поздней бронзы в среде саргаринско-алексеевского населения.

В восточном регионе культур валиковой керамики известны три основные культуры: черкасульская, бегазы-дандыбаевская, саргаринско-алексеевская.

Судя по набору наконечников стрел, племена КВК раньше, чем население лесной зоны, перешли к использованию удобного для всадника “скифского” лука. Развитие их военного дела идёт, с одной стороны, к увеличению роли ближнего боя, а с другой, - явно прослеживается тенденция к уменьшению размеров и веса наконечников стрел, что указывает на возрастание значения стрельбы с максимальной дистанции на начальном этапе боя. Сочетание этих черт позволяет предположить, что именно в этот период и в этой среде начинается процесс сложения классической кочевнической тактики боя [4,23].

Исследование поселений культуры показывает, что это были крупные поселки, сконцентрированные в 3-4 микрорайонах, включающих до десятка пунктов [5,104-128; 2,23-26; 8,9-10].

Остатков лука на памятниках лесостепного Алтая не обнаружено. Наконечников стрел найдено 42 экз.: 3 типа бронзовых и 4 - костяных.

Бронзовые наконечники 2-го типа являются наиболее характерными для саргаринско-алексеевского комплекса, но существуют вплоть до VI в. до н.э. [9,38-44; 1,8,10, рис. 2,6-19]. По размерам и весу наконечники очень близки стрелам скифов и савроматов, что позволяет предположить их использование со сложным луком скифского типа. Их появление и широкое распространение позволяет предположить, что именно в этот период начинается процесс сложения классической кочевнической тактики боя.

Дротики представлены наконечниками двух типов: бронзовые втульчатые со сплошным (тип 1) и с прорезным (тип 2) пером.

Боевые топоры в лесостепном Алтае представлены 2 типами: бронзовые втульчатые гребенчатообушковые и гладкообушковые.

Булавы на памятниках лесостепного Алтая пока не обнаружены, однако, их присутствие на соседних территориях [4,22] позволяет считать, что они входили в комплекс вооружения.

Выявлено 3 типа кинжалов.

Каких-либо материалов, свидетельствующих о наличии у саргаринцев доспеха или щита из твердых материалов (кость, дерево, бронза и т.д.), нет.

Снаряжение верхового коня представлено мягким седлом без стремян, уздой с мягкими удилами и трехдырчатыми псалиями.

Как показывает анализ, комплекс вооружения саргаринско-алексеевского населения отличается разнообразием типов, свидетельствующим об активно идущем процессе поиска новых форм оружия, приспособленного для ведения боя в степных условиях легковооруженным конным воином, действующим в составе крупных воинских формирований, использующих регулярное построение.

Не исключено, что на ранних этапах существования КВК в бою использовались колесницы, однако археологических находок, подтверждающих это предположение, нет [10,30].

Как характер комплекса вооружения (топоры, дротики, а не копья), так и тип хозяйства КВК, характер природной среды, многочисленные находки псалиев предполагают использование этого комплекса вооружения, прежде всего, легковооруженными всадниками, но не исключено наличие в составе войска пехоты. Существование постоянных крупных поселений [3,132-146] заставляло иметь для их охраны постоянные отряды пешего войска.

Характер вооружения диктовал и тактику боя, которая, очевидно, была близка хорошо известной тактике скифов и савроматов - легковооруженная конница внезапно атаковывала противника, осыпала его стрелами, пытаясь измотать, расстроить ряды, вывести из строя максимальное количество воинов ещё до перехода к ближнему бою, и быстро отступала в случае неудачи. Вероятно, использовался и прием притворного отступления.

Широкое распространение топоров позволяло всадникам вести ближний бой не спешиваясь, что обеспечивало им значительное преимущество против

пехоты и не имеющей подобного вооружения конницы.

В целом, комплекс вооружения типичен для легковооруженного всадника.

Формой войсковой организации была, видимо, родо-племенная структура общества. Отсутствие защитных доспехов из твердых материалов, престижных типов оружия позволяет предположить, что войско имело милиционный характер и профессиональные воины – дружинники ещё не выделились. Как и у всех конных воинов евразийских степей, наиболее распространенным строем могла быть лава [6,82 – 85; 7,54; 11,37,66].

Выводы:

1. Саргаринско-алексеевская культура стала той основой, на которой в лесостепи сформировались культуры переходного времени от бронзы к железу, а затем и раннего железного века, воспринявшие и развившие, наряду с элементами культуры, военное дело и комплекс вооружения.

2. Переход к широкому использованию верхового коня в войске и сложение соответствующего комплекса вооружения и тактики боя происходит в лесостепном Алтае в эпоху поздней бронзы в среде саргаринско-алексеевского населения.

Библиографический список

1. **Иванов Г.Е.** Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. - Новосибирск: Изд-во «Наука», 1987. - С. 6-27.
2. **Иванов Г.Е.** Некоторые итоги изучения археологических памятников в зоне алтайских ленточных боров // Археологические исследования в Сибири. - Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1989. - С. 23 – 26
3. **Иванов Г.Е.** Два поселения эпохи поздней бронзы в степном Алтае // Культура народов евразийских степей в древности. - Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1993. - С. 132-146.
4. **Иванов Г.Е.** Вооружение и военное дело племен лесостепного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы – раннем железном веке // Автореф. дисс..... канд. ист. наук. - Барнаул, 1995. - 28 с.
5. **Киришин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С.** Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Проблемы археологии Южной Сибири. - Барнаул: Изд-во АГУ, 1990. - С.104-128.
6. **Мелюкова А.И.** Вооружение скифов //САИ, вып. Д1-4. - М., 1964. - 88 с.
7. **Хазанов А.М.** Характерные черты сарматского военного искусства// СА. - №2. - 1970. - С. 52-63.
8. **Ситников С.М.** Саргаринско-алексеевская культура лесостепного и степного Алтая // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - Барнаул. 2002. - 21 с.
9. **Смирнов К.Ф.** Вооружение сарматов // МИА № 101. - М., 1961. - 162 с.
10. **Худяков Ю.С.** Процесс перехода от бронзолитейной к железоделательной технологии в оружейном производстве в Западной и Южной Сибири // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. - Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1989. - С. 26-41.
11. **Черненко Е.В.** О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии // Проблемы скифской археологии. - М.: Изд-во «Наука», 1971. - С. 35-38.

Научный руководитель - канд. ист. наук, директор школы Иванов Г. Е.

Е.С. Казизов

Барнаул, Алтайский государственный университет, 1 курс магистратуры

И. В. Мерц

Барнаул, Алтайский государственный университет, 2 курс

ПОГРЕБЕНИЯ С ПАРНОЙ КРЕМАЦИЕЙ НА МОГИЛЬНИКЕ КЕНЖЕКоль-I

Могильник эпохи бронзы Кенжеколь-I изучается Павлодарской археологической экспедицией с 2002 г. Предварительные итоги исследований и характеристики полученного материала уже давались ранее в некоторых кратких публикациях [1, 3]. Однако опубликовать полностью весь комплекс пока не удалось. Поэтому главной целью данной работы является введение в научный оборот ранее не известных материалов.

Памятник расположен в одноименном селе, на южной окраине города Павлодара (Павлодарский район, Павлодарская область, Республика Казахстан). За время исследования на могильнике Кенжеколь-I была вскрыта площадь в 1969 кв. м, выявлено 47 грунтовых ям, 42 из которых содержали останки людей, 36 погребений совершены по обряду труположения, три - трупосожжения и три - биритуальных. Среди захоронений с трупосожжениями выделяется особая группа погребений с останками двух кремированных людей: могилы №18 и 32.

Могила № 18. Грунтовая яма прямоугольной формы с округлой западной стенкой, размерами 1,8×2,1 м, глубиной 1,2 м, ориентированная по линии З-В с небольшим отклонением на северо-восток - юго-запад. На дне ямы у юго-восточного угла стоял археологически целый сосуд горшечной формы. Центральную и северную часть могилы занимали три скопления кальцинированных костей размерами 0,9×0,4 м, 0,5×0,26, 0,1×0,07 м. У восточной стороны самого большого скопления находились один целый и развалы двух сосудов горшечной формы. В юго-западном секторе располагались два маленьких скопления кальцинированных костей в виде линзы мощностью до 0,1 м. У южной границы могилы на глубине 0,18 м от дна могильной ямы прослеживались остатки деревянного столба в виде темно-коричневой трухи диаметром 0,2 м, высотой 0,3 м (рис. 1. 1).

Могила № 32. Грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размерами 3,5×3,2 м, глубиной 1,7 м от современной поверхности, вытянута по линии С-Ю с небольшим отклонением на северо-восток - юго-запад. По краю могильного пятна прослеживалась темно-коричневая прослойка мощностью до 0,3 м. При выборке заполнения ямы на разных глубинах попадались разрозненные фрагменты керамики. На уровне 0,6 м (от дна) могильная яма сужалась, образуя уступ, шириной от 0,3 до 0,75 м. По краю уступа фиксировались

остатки обкладки в виде светло-фиолетового тлена толщиной 0,2 м. Таким образом, могильная яма приобретала квадратную форму размером 2,4×2,3 м. На дне могилы обнаружено два скопления кальцинированных костей. Первое скопление размерами 0,8×0,3 м и мощностью до 0,1 м находилось у северного края. За ним у северо-восточного угла стояли два археологически целых сосуда горшечной формы. Второе скопление размерами 0,6×0,45 м мощностью до 0,1 м располагалось у южного края, за ним у юго-восточного угла лежали развалы двух сосудов горшечной формы. В 0,2 м от развала находились фрагменты костей, не подвергшихся кремации. Оба скопления ориентированы по линии 3-В с небольшим отклонением на северо-восток - юго-запад. Дно могильной ямы покрывал тлен бурого цвета, толщиной 3-4 см (рис. 1. 2).

Наиболее близкие аналогии данным погребениям могильника Кенжеколь-I имеются в неопубликованных материалах раскопок Д.В. Папина в 2006 г. на могильнике Рублёво-VIII в Кулундинской степи (Михайловский район, Алтайский край), где в грунтовой яме зафиксировано два погребения, совершенных по обряду трупосожжения, одно из которых содержало останки двух кремированных людей. Более дальние аналогии происходят из Южного Приуралья и известны на Фёдоровском могильнике в курганах № 39, мог. 1 и 2(?) и № 42 [2].

Таким образом, новые «андроновские» материалы, полученные на могильнике Кенжеколь-I, дополняют и расширяют информацию о погребальном обряде населения Обь-Иртышского междуречья в эпоху развитой бронзы. В результате новых находок возникают и новые вопросы. Как интерпретировать двойные захоронения с кремацией? Каков их структурно-функциональный аспект в андроновском обществе? Каково половозрастное сочетание погребённых индивидов? По-прежнему, как и раньше, остается неразрешённой проблема: был ли обряд кремации определённым маркером отдельных групп населения? Все эти вопросы остаются нераскрытыми и нуждаются в дополнительной развёрнутой аргументации и изучении.

Библиографический список

1. Мерц В.К., Казизов Е.С., Мерц И.В. Новые исследования могильника Кенжеколь-I в Павлодарском Прииртышье // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае.- Барнаул.- Вып. 3 (в печати).
2. Сальников К.В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.;Л., 1940. - С. 58-67.
3. Ткачев А.А., Мерц В.К., Ткачева Н.А. Раскопки могильника Кенжеколь-I в Павлодарском Прииртышье // Вестник археологии, антропологии и этнографии.- Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005.- № 6.- С. 302-305.

Научные руководители:

Шакин А.Б. к.и.н., доцент кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ.
Грушин С.П. к.и.н., доцент кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ.

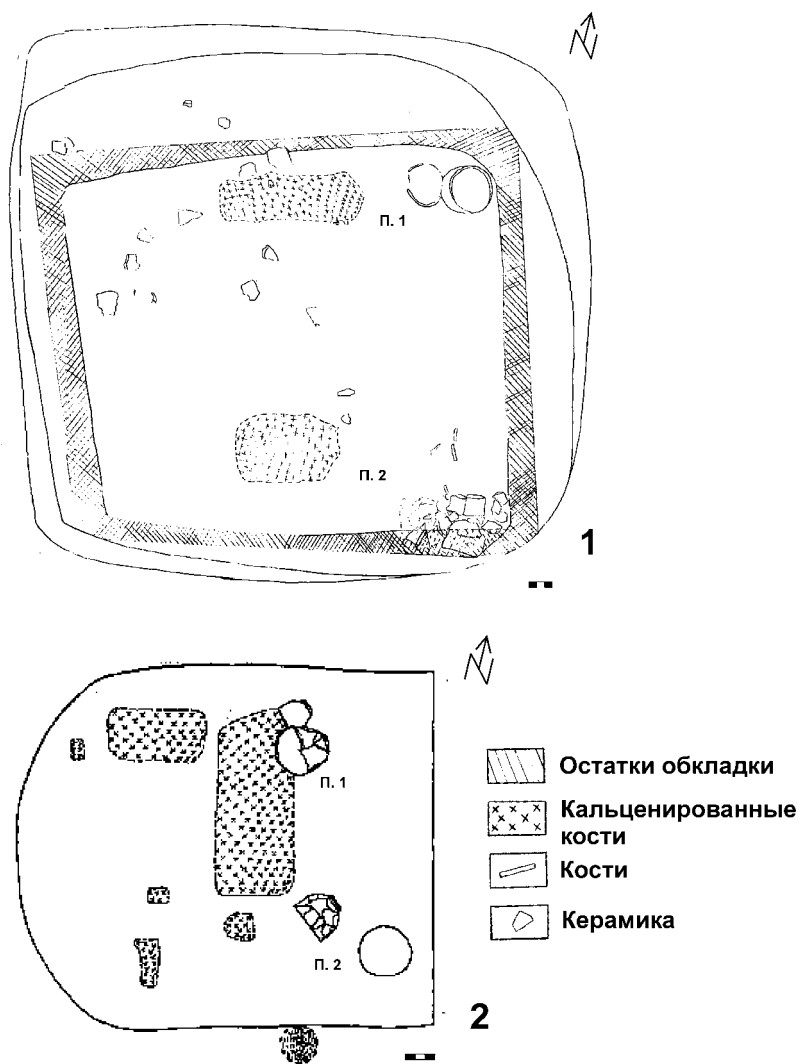

Рис. 1. Грунтовый могильник Кенжеколь I:
1 – план могилы № 32, погребения 1, 2; 2 – план могилы № 18, погребения 1, 2

РАСКОПКИ МНОГОСЛОЙНОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ БУГУЛЬДЕЙКА 2 НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА БАЙКАЛ В 2006 ГОДУ

Местонахождение Бугульдейка-2 расположено на юго-западном побережье оз. Байкал, в 2,7 км юго-западнее пос. Бугульдейка в бухте Ива (рис. 1). Объект открыт в 1987 году разведочным отрядом паспортизации памятников археологии ИГУ под руководством Савельева Н.А. и Ветрова В.М. В период с 1999 по 2006 год на памятнике велись полевые исследования Центром Детско-Юношеского Туризма и Краеведения (под руководством Алтухова В.В.) совместно с лабораторией археологии и этнографии ИГУ [1].

В августе 2006 года исследование местонахождения продолжила экспедиция ИГУ (в рамках российско-канадской программы MCRI 412-2005-1004) под руководством Савельева Н.А. и Вебера А. В ее задачи входило уточнение стратиграфической колонки берегового обнажения и корреляции с ситуацией уже вскрытых площадей, послойное исследование рыхлых отложений с учетом новой стратиграфии.

Ранее было установлено, что геологическое строение разреза рыхлых отложений объекта представлено 10 слоями пород сложных условий генерации песков и хрящей с примесью сажистого гумуса. В толще этих пород залегают 5 «культурных горизонтов» - отложений, содержащих разновременный археологический материал, предварительно датированный в широком хронологическом диапазоне от мезолитического времени до средневековья [2].

В заложенном раскопе на выходе к береговому обнажению, представилась возможность более детального исследования этих слоев и содержащегося в них археологического материала, особенно пачки неолита и мезолита. Всего выделено 17 уровней залегания археологического материала (рис. 2).

I культурный горизонт - разрушен под воздействием антропогенных факторов, найден 1 фрагмент гладкостенной неорнаментированной керамики. Горизонт относится к железному веку - средневековью.

II культурный горизонт эпохи бронзы разбит на 4 уровня, которые представлены следующими материалами:

Уровень-И¹ керамика - 8 гладкостенных фрагментов, один с орнаментом «отступающей лопаточки» треугольной формы. Уровень насыщен битой костью. В слое, с южной стороны раскопа, было обнаружено овальное зольно-углистое пятно кострища с прокалом толщиной 6 см.

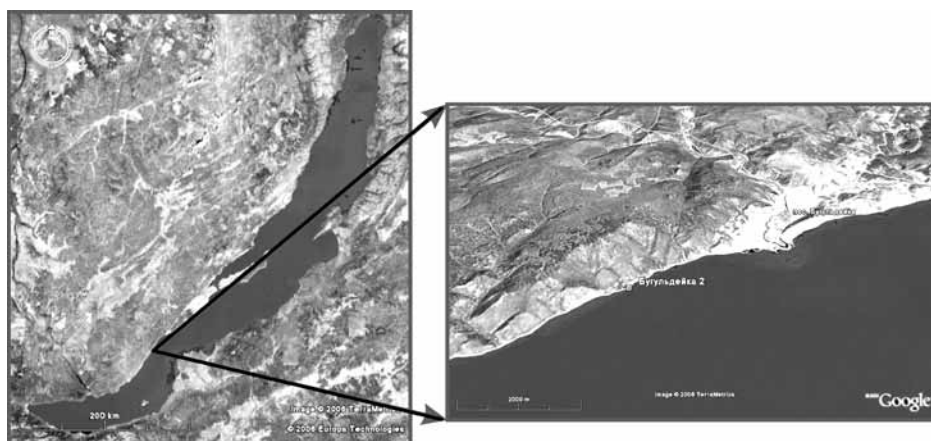
Уровень-И² керамика - 186 фрагментов гладкостенной керамики, из них 2 венчика с пальцевыми защипами по внешнему борту и 3 венчика с орнаментом «отступающая лопаточка». Обнаружен развал сосуда из 6-ти фрагментов - привенчиковые части с линией пальцевых защипов. Шнуровой керамики 3 экземпляра. Каменный инвентарь - 23 отщепы из кремня, 1 песчаниковый абразив и 2 концевых скребка. Фаунистический материал представлен 260 фрагментами битой кости копытных, в том числе 1 череп плохой сохранности. В процессе просеивки в слое обнаружена рыбья кость. В южной половине раскопа зафиксировано 4 больших плоских камня (до 40 см в длину), уходившие основаниями в подошву уровня 4, кострище округлой формы с прокалом толщиной в 10 см, и два скопления окатанных кварцитовых галек диаметром от 0,5 до 5 см и обломочного материала. Одно скопление в квадрате 88 (186 галек, 196 кусков слоистых гранитов) достаточно четко отделяется от другого - в квадратах 97 и 98 (202 гальки и 604 куски слоистых гранитов), частично скопление уходит в южную стенку раскопа (рис 3).

Уровень-И³ керамика - 68 гладкостенных фрагментов некоторые орнаментированы «отступающей лопаточкой» и 4 венчика. 9 фрагментов с декором «шнур». Каменный инвентарь разнообразен - один кремневый остроконечник треугольной формы с плоской базой размерами 2,5х0,7 см с обломанным жалом, абразив из крупнозернистого песчаника, кварцитовое скребло и 69 отщепов.

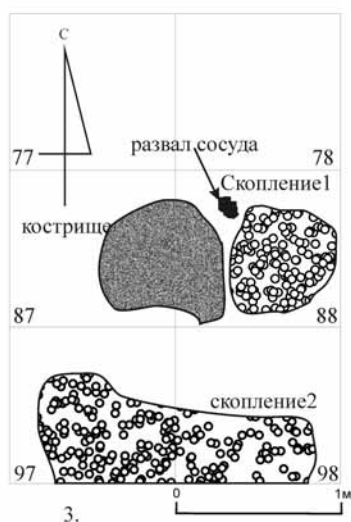
Как и в предыдущих уровнях здесь встречено кострище с прокалом 10 см толщины.

Уровень-И⁴ керамика - 54 фрагментов гладкостенной керамики, некоторые с орнаментом «отступающая лопаточка», из них 2 венчика. Штриховая керамика - 3 экземпляра. Каменный инвентарь немногочислен - кремневый остроконечник подтреугольной формы с обломанной базой размерами 2х1,5 см, одна пластина, 2 отщепы и кварцитовый скол. В восточной части раскопа было обнаружено развешанное кострище, толщину прокала которого установить затруднительно. В этом уровне обнаружена челюсть хищника, по предварительному определению Клеменьтеева А.М., собаки - лайкоида, приблизительно 7 летнего биологического возраста. Эта находка первая на местонахождении за все время работ.

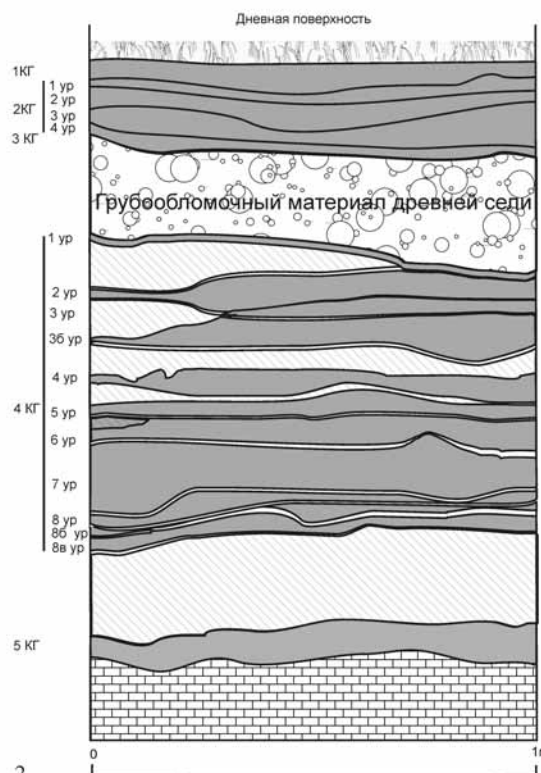
III культурный горизонт - тонкая прослойка, мощностью до 5 см лежащая на массиве грубообломочного селевого материала, ранее горизонт датировался поздним неолитом - переходом к эпохе бронзы. Крайне беден материалом - 1 фрагмент гладкостенной керамики, 3 фрагмента сетчатой, и 1 отщеп.

1.

3.

2.

IV культурный горизонт мощностью до 1 метра разделяемый в раскопах 1 - 3 на 4 уровня, литологически разбился на 8 уровней и 4 подуровня. Во всех подразделениях этого горизонта присутствует битая кость, но плохой сохранности. Датирован неолитическим временем.

Уровень-IV¹ уровень насыщен костными остатками плохой сохранности, концентрирующимися вокруг размытого очага.

Уровень-IV² представлен 5 сетчатыми фрагментами керамики.

Уровень-IV³ в слое фиксируются скопления галек и гранитов, скопления битой кости. В уровне обнаружено развешанное кострище.

Уровень-IV³⁶ керамика слоя - один мелкий фрагмент шейки сосуда с 3мя прочерченными линиями.

Каменный инвентарь - рыболовный крючок китойского типа 29x8мм и заготовка 37x9x5мм. Здесь же зафиксировано кострище малой мощности.

Уровень-IV⁴ в слое найдено 2 фрагмента птичьей кости и битая кость.

Уровень-IV⁵ каменный инвентарь представлен 2 пластинами, 6 отщепами, кварцитовым сколом и 1 обломанным нуклеусом из бежевого кремня. Уровень насыщен скоплениями кости плохой сохранности.

Уровень-IV⁶ пустой.

Уровень-IV⁷ в уровне обнаружено присутствует 11 галек со следами утилизации (отбойники?).

Уровень-IV⁸ каменный инвентарь - 9 пластин (из них одна с крутой вентральной ретушью), до 1 мм толщиной, 4 отщепа и 1 клиновидный нуклеус из серого кремня 20 мм в высоту.

Уровень-IV^{8b} каменный инвентарь - 6 пластин (1 с ретушью) и 4 отщепа.

Уровень-IV^{8в} каменный инвентарь - 29 пластин, 23 отщепа и скол с площадки нуклеуса. На этом уровне находится скопление (кладка?) из галек серых слоистых гранитов площадью 1 м².

V культурный горизонт залегает в слое зеленоватых супесей (10 ый геологический слой), слой размыт, толщина его незначительна от 1 до 5 см. Археологический материал представлен 1 пластиной, 1 сколом и 7-ю отщепами. В уровне присутствует кострище с толщиной прокала 10 см.

Несмотря на небольшой объем, работы этого года оказались весьма продуктивны - раскопки, прилегающие к береговому обнажению позволили более точно расчленить изучаемые комплексы. Кроме этого археологический материал, разделенный подобным образом, позволяет получить более тонкие маркеры при работе по углубленной систематизации генеральной коллекции местонахождения.

Библиографический список

1. Алтухов В.В., Осадчий С.С. Исследование стоянки Бугульдейка 2 на юго-западном побережье озера Байкал в 2001 году (Полевой отчет).
2. Коршунов Е.О., Алтухов В.В. Многослойная стоянка Бугульдейка 2 на юго-западном побережье озера Байкал // Традиционные культуры и общества северной Азии. - Кемерово, 2004. - С. 86-87.

Научные руководители: Н.А. Савельев, к.и.н. доцент; А. Вебер, профессор

Т. В. Крамская

Омск, Омский государственный университет, 3 курс

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ - РАННЕБРОНЗОВЫХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ (по материалам А.И. Петрова)

Александр Иванович Петров (1953-2000 гг.) - известный исследователь памятников эпохи неолита и ранней бронзы Среднего Прииртышья, наибольшее внимание уделял изучению екатерининской культуры, проводил активные археологические исследования ее памятников на территории Омской области (Муромцевский, Знаменский, Тарский, Тевризский районы). А.И. Петров вел работы как на ранее открытых памятниках, так и на тех, которые были обнаружены им самим. Полученный материал позволил ему охарактеризовать особенности екатерининской культуры, выделить основные этапы ее развития и место среди культур с гребенчато-ямочной керамикой, указать на возможные историко-культурные связи населения Среднего Прииртышья в древности.

К сожалению, результаты своих исследований А.И. Петров успел опубликовать только фрагментарно [1-7], а основные разработки по екатерининской культуре им были представлены в виде диссертационной работы «Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье», оставшейся неизвестной широкому кругу специалистов-археологов. Тем не менее, концепция А.И. Петрова оказала влияние на работы коллег, о чем свидетельствуют неоднократные обращения к ней в исследованиях по проблемам эпохи неолита - ранней бронзы Западной Сибири.

По мнению А.И. Петрова, в конце IV - начале II тыс. до н.э. в лесостепной и южно-таежной зоне Среднего Прииртышья существовала екатерининская культура. Ее своеобразие в первую очередь определяют специфичный инвентарь, керамика екатерининского типа, особенности погребального обряда, единство традиций построек жилищ и расположение поселений. Формирование екатерининской культуры исследователь связывал с развитием мезолита лесостепного и степного Прииртышья и, возможно, с влиянием восточно-уральской неолитической культуры (Бичили I).

А.И. Петров отмечал сходство екатерининской культуры с гребенчатыми и гребенчато-ямочными культурами европейского северо-востока, Волго-Камья. Сходные черты он находил не только в формах и орнаментации керамики, но и каменном инвентаре, особенностях погребального обряда, особого стиля в изображении животных. А.И. Петров объяснял это общностью их происхождения и контактами. Немалую роль он отводил и общности хозяйственно-культурного типа охотников, рыболовов и собирателей лесной полосы, порождающего

сходные типы орудий труда, формы сосудов, конструкции жилищ, общие представления о Вселенной (что не могло не отразиться на орнаментации сосудов) и загробном мире.

А.И. Петров предложил следующую периодизацию памятников екатерининской культуры. Ее возникновение он отнес к началу позднего неолита (первая половина - середина III тыс. до н.э.), когда существовали такие памятники екатерининского типа, как поселения Екатериновка I, II, Ямсыса IV, раннее жилище Кокуя I, Тух-Сигат IV, ранний комплекс Омской стоянки. В эпоху энеолита, по его мнению, появились памятники с александровской, волнисто-гребенчатой и артынской керамикой. Последние часто встречаются вместе с екатерининской керамикой и посудой, украшенной поясами шагающей гребенки. Появляется плоскодонная керамика степановского типа и текстильная керамика. К этому времени относятся поселения Крапивка I, Лавровка, Артын, Инберень X, позднее жилище Кокуя I, Александровка I и III, Ямсыса VIII и XII, Шалтов I, Пахомовская пристань III, Ава Луговая I, Красная Горка I, Бичили I - верхний горизонт; могильники Усть-Куренга, Хутор Бор IV, Бобровка, самые ранние захоронения могильника Окунево VII. Время их существования А.И. Петров определил 2-й половиной III - началом II тыс. до н. э. к памятникам эпохи ранней бронзы (первой половины II тыс. до н.э.) он отнес материалы поселений Шаталов I - верхний горизонт, Окунево VI и наиболее поздние захоронения раннего комплекса могильника Окунево VII.

А.И. Петров выделил степановский и александровский типы керамики и обосновал их генетическую связь с екатерининским типом керамики. По его мнению, для екатерининской культуры были характерны шесть основных типов керамики и их вариантов. Эталонной и наиболее многочисленной является керамика екатерининского типа. Остальные типы сохраняют черты преемственности с ней. В эпоху энеолита начался процесс изменения типов керамики, охвативший и Среднее Прииртышье, усилившийся в эпоху ранней бронзы. Это, по мнению А.И. Петрова, во многом было обусловлено интенсивными связями с населением Зауралья и Казахстана (кельтеминарская культура), а возможно, и с ранними земледельцами Средней Азии. С южным влиянием он связывал и появление производящего хозяйства в Среднем Прииртышье. Результатом этих процессов стало заметное изменение облика екатерининской культуры в конце III - начале II тыс. до н.э.

Разработав достаточно стройную концепцию существования екатерининской культуры, А.И. Петров все же считал, что предложенная им периодизация носит предварительный характер, а хронологическая принадлежность некоторых типов керамики только намечена.

Библиографический список

1. **Петров А.И.** Екатерининский тип керамики на памятниках Среднего Прииртышья (предварительное сообщение) // Археология Прииртышья. - Томск, 1980.
2. **Петров А.И.** Периодизация и хронология памятников екатерининской культуры в Среднем Прииртышье // Источники по истории Западной Сибири: История и археология. - Омск, 1987.
3. **Петров А.И.** Памятники каменного века в Среднем Прииртышье. // Этнокультурные явления в Западной Сибири. - Томск, 1987.
4. **Петров А.И.** Периодизация и хронология памятников екатерининской культуры в Среднем Прииртышье // История и археология. - Омск, 1987.
5. **Петров А.И.** Работы в Среднем Прииртышье // Археологические открытия 1976 г. - М., 1978.
6. **Петров А.И.** Работы в таежном Прииртышье // Археологические открытия 1976 г. - М., 1977.
7. **Петров А.И.** Стоянка Крапивка // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. - Омск, 1983.

Научный руководитель: И.В. Толпеко, к.и.н., доцент

П.А. Курзыбов

Иркутск, Иркутский государственный университет, 5 курс

ПРАКТИКА СОВМЕСТНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ В МОГИЛЬНИКАХ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА - РАННЕГО НЕОЛИТА ЕВРАЗИИ

На огромных территориях и в значительном хронологическом диапазоне от палеолита до средневековья распространены совместные захоронения более одного индивидуума. Такие погребения зачастую сочетают в себе многие признаки, характеризующие фиксируемые нами элементы погребального обряда, и в силу своей

сложности и многоплановости заслуживают пристального внимания исследователей. В данной работе предпринята попытка обобщить и систематизировать интерпретационные подходы к практике совместного захоронения фиксируемые в эпоху мезолита - раннего неолита на территории Евразии.

Подобное явление обусловлено различными причинами и проявляется в разных контекстах. Опираясь на методические приемы выделения архетипичного, универсального в феноменах культуры, представляется возможным говорить о некоторых общих моделях, воспроизводящихся на протяжении значительного времени в условиях существования различных культур. Тем более, как уже неоднократно многими исследователями отмечалось, погребальный обряд является одним из наиболее устойчивых элементов культуры и изменяется очень медленно [1, с. 58].

Со времени появления преднамеренного погребения умерших (Спи, Кафзех, Ля Ферасси, Заскальная VI и т.д.) уже практически в полной мере известен полный набор основных вариантов обращения с ними, в том числе совместные захоронения [4, с. 8-9; 7, с. 160]. В данной работе рассматриваются грунтовые групповые захоронения, которые находятся вне поселений. Могила, располагающиеся на стоянках (поселениях) обладают рядом специфичных черт, заслуживающих изучения в рамках специального исследования (натуфийская культура и т.д.). Большое значение имеет вопрос создания таких погребений - одновременно одноактно либо же многоактно с последовательным подхораниванием в одной могильной яме. Каждый из этих двух видов захоронения может быть обусловлен целым рядом причин, которые могут быть как сходными, так и взаимоисключающими. На данный момент в историографии существует несколько подходов к решению проблем возникновения и использования практики совместных захоронений.

Возможно, погребенные совместно индивидуумы состояли в сложных, многоуровневых взаимоотношениях при жизни, что нашло свое выражение в элементах погребальной обрядности. Такие отношения, возможно, были родственными [1]. М.Д. Хлобыстина полагает, что наличие совместных погребений свидетельствует о принадлежности погребенных в них людей к тому или иному поколению малых семей, являющихся минимальными структурными единицами общества [5, с. 62-63]. Она также связывает их с древнейшими формами социальных отношений, уделяя при этом большое внимание половозрастной структуре погребений. Объединение погребенных по полу, возможно, маркирует семейно-брачные отношения, в то время как объединение по возрасту, в момент смерти, помимо этого может указывать еще и на какую-либо временную взаимосвязь между погребенными индивидуумами, как то, сроки рождения, инициации и т.п. [2; 5]. Кроме всего этого возможно имели место моменты ритуального «кровничества», побратимства [5, с. 63]. Используя данные этнографии можно привести некоторые примеры. У хантов, ненцев и селькупов кладбища носили родовой характер, т.е. изначально там хоронили только кровных родственников [3, с. 158, с. 464]. Грудных детей до определенного возраста хоронили вместе со взрослыми у хантов [3]. О создании совместных могил с учетом кровнородственных связей может косвенно свидетельствовать период, в течение которого функционировало кладбище. Длительное использование могильника предположительно свидетельствует о том, что его использовали люди, ведущие свое родство от каких-либо общих предков, которые, сохраняя социальную память, снова и снова возвращались к месту захоронения предков [6]. Социальные отношения также могли найти отражение в совместных погребениях. Это прослеживается, прежде всего, в половозрастных сочетаниях. Следует полагать, что этот аспект имел большое влияние на более поздних этапах развития общества и, возможно, отражал развитие и изменения социальной организации общества [2, с. 223-225]. Совместные погребения, в частности с большим количеством индивидуумов, вероятно, могут указывать на эгалитарные черты оставивших их обществ [6, с. 116].

Не исключается, что появление совместных погребений могло быть связано с природными условиями, в частности с ландшафтом. Места захоронений, возможно, считались сакральными и по каким-то критериям подходящими для совершения захоронений [5, с. 64]. Как правило, таковыми были части отдельных гор или возвышенностей, участки у воды (в слиянии двух рек и т.п.). Следовательно, количество этих мест и их размер, вероятно, были ограничены. Исходя из этого, можно предположить, что совместные погребения совершались в силу этой ограниченности. Вполне возможно, что захоронение в подобной форме являлось «привилегией» определенного круга лиц («элиты» общества?). В пользу этой гипотезы говорят и некоторые этнографические данные. Так у некоторых народов сосуществовали различные формы захоронения (ингумация, выставление, кремация и т.п.) для разных людей и групп [1, с. 61; 3, с. 605-607, с. 700-701, с. 275; 7, с. 160].

Не менее важным фактором в создании совместных захоронений могли выступать причины смерти. Широко известно, что для людей, погибших при различных обстоятельствах, использовались в большей или меньшей степени отличающиеся друг от друга формы погребальной обрядности [1, с. 61]. Погребенные могли быть объединены по сходным причинам смерти, например военные столкновения, эпидемии и т.д. Время смерти также могло играть значимую роль при создании исследуемых нами захоронений. Если смерть наступала в определенное время, когда было невозможно выполнение всех необходимых в таких случаях действий, например в силу природных условий (зимой, в межсезонье), тело могли сохранять до определенного момента, когда выполнение всех предписанных действий становилось возможным. Тогда, предположительно, всех или часть умерших в это время могли захоранивать в одной могильной яме. Возможно, именно этим в некоторых случаях можно объяс-

нить частичное или полное нарушение анатомической целостности индивидуумов, наблюдаемое в совместных захоронениях [7, с. 161].

Таким образом, исходя из имеющихся в нашем распоряжении материалов, можно выделить несколько наиболее вероятных, но далеко не исчерпывающих мотивов создания совместных погребений в эпоху мезолита и раннего неолита в Евразии: 1) кровнородственные связи; 2) социальные отношения; 3) общность причин смерти; 4) приблизительное одинаковое время смерти; 5) природные условия. Данный перечень отнюдь не претендует на то, чтобы дать исчерпывающий ответ на вышеуказанные вопросы, но демонстрирует значительную вариабельность в подходах к их решению.

Библиографический список

1. **Гурина Н.Н.** Оленеостровский могильник. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. - 429 с. - (МИА. - №47).
2. **Итина М.А.** История степных племен южного Приаралья. - М.: Наука, 1977. - 237 с.
3. **Народы Западной Сибири:** Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасане. Кеты. / Отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. - М.: Наука, 2005. - 805 с.
4. **Смирнов Ю.А.** Мусьерские погребения Евразии. Возникновение погребальной практики и основы тафологии. - М.: Наука, 1991. - 339 с.
5. **Хлобыстина М.Д.** Вопросы социально-идеологических интерпретаций древнейших форм мезолитических и неолитических погребений // КСИА. - № 152. - С. 61-68
6. **Cauwe Nicolas** Skeleton in motion, ancestors in action: early Mesolithic collective tombs in Southern Belgium // Cambridge Archaeological Journal. - 2001. - Pp. 147-163.
7. **Saville Alan, Gowlett A.J. John & Robert E.M.** Hedges Radiocarbon dates from chambered tomb at Hazleton (Glos.): a chronology for Neolithic collective burials // Antiquity. - 1987. - Vol. 61. - Pp. 108-119.

Научный руководитель: В.И. Базалийский, м.н.с.

Д.Н. Лохов

Иркутск, Иркутский государственный университет, аспирант

Р.А. Псарёв

Иркутск, Иркутский государственный университет, 4 курс

РУБЯЩИЕ ОРУДИЯ С МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ АДОРМА (материалы раскопок 2006 г.)

Происхождение, эволюция форм тесел и топоров всегда интересовало археологов. Данной проблеме посвящена обширная литература, в том числе и региональная.

Первоначально необходимо разобраться в функциональном значении данных рубящих изделий. Обратимся к этимологии названий.

Топор - тяжелое рубящее орудие из камня или металла, в котором рабочее лезвие параллельно и симметрично оси топора. Основное значение топора - обработка дерева, но иногда он использовался и как оружие [3, с. 246]. Многообразие форм в значительной степени является результатом различий в материале и способах насадки [1, с. 248].

Топор каменный, медный, бронзовый, затем железный и, наконец, стальной в продолжение многих тысячелетий был основным и наиболее универсальным видом инструмента для обработки дерева [6].

По размеру топоры делились на большой, средний и малой руки, по форме же они были близки друг другу. Топор состоит из лезвия в нижней части и обуха в верхней части. Обух делается массивным и имеет треугольную проушину (металлический топор), в которую плотно насаживается деревянная рукоять - топорище. Для каменных же топоров, скорее всего, для крепления рукояти использовался переходник (из дерева или кости).

Тесло - плоский и тяжёлый рубящий инструмент, который изготовлялся из камня или металла. Плоскость лезвия тесла составляет прямой угол. Если способ насадки не ясен, тесло можно отличить от топора по асимметричному профилю. Тесло могло использоваться для рубки леса, однако основным его назначением до появления пилы была очистка брёвен. Тесло могло быть эффективным для выдалбливания [1, с. 243] лодок, корыт и т.д. [3, с. 246]. В эпоху неолита и бронзы тесло изготовлялось из камня и имело форму клина с расширенным,

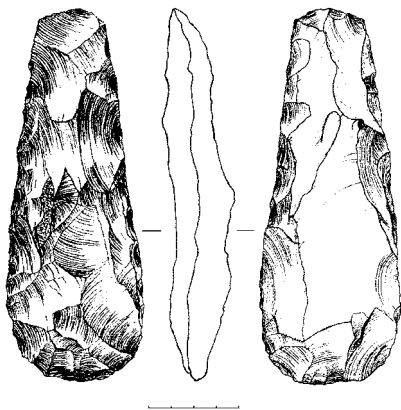

Рис. 1. Тесло

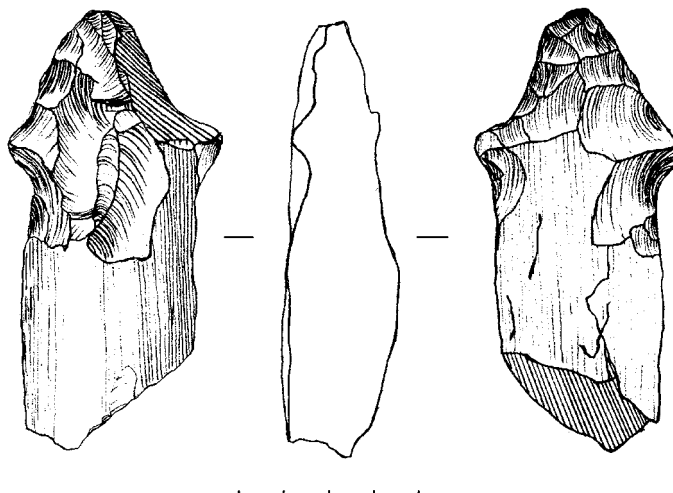

Рис. 2. Обломок тесла с ушками

иногда слегка закругленным рабочим краем. Тесло вставлялось в деревянную коленчатую рукоятку в поперечном направлении к её оси. В бронзовом веке тёсла делали из бронзы и меди. В железном веке распространились железные тесла в виде втульчатого топора с лезвием, расположенным поперечно к рукоятке. Рабочий край тесла был обычно расширенным и закруглённым, иногда ему придавали желобчатую форму (такие тёсла применялись для выдалбливания) [7].

Есть ещё одно определение тесла, как короткодревкового орудия, представляющего собой топор с пустотелым обухом, в торец которого вставляется рукоять [8].

При археологических раскопках были обнаружены рубящие изделия с выступами в районе обушка, с так называемыми «ушками». Мы предполагаем, что данные выступы служили для удобства крепления рукояти без переходника. Данное мнение также распространяется и на тёсла с такими же выступами в районе обушка. Р.С. Васильевский считает, что топоры с ушками («топоры с ушками специфического илимского типа») - это одна из особенностей неолита Средней Ангары. Они становятся обычными для всех памятников развитого неолита этого региона. Р.С. Васильевский по материалам прибайкальского неолита также отмечает, что топоры с ушками были известны и раньше. Но среднеангарские топоры отличаются от прибайкальских образцов и по форме, и по технике изготовления. Если на Верхней Ангаре такие топоры обычно делались из кристаллических пород камня техникой точечной выбивки, то среднеангарские изготовлены из кремнистого сланца техникой оббивки, иногда с частичной подшлифовкой [2, с. 146-147].

На местонахождении Адорма, открытом в 1990 г. археологическим отрядом ИГУ (Е.М. Инешин, Е.О. Роговской), в 2006 г. в связи со строительством нефтепроводной системы «Восточная Сибирь - Тихий океан» Братским археологическим отрядом ИГУ проводились спасательные работы. Было зафиксировано 3 уровня залегания археологического материала в хронологическом диапазоне неолит - железный век. Среди многочисленных (около 4,5 тыс.) предметов было обнаружено 17 изделий, относящихся к рубящим орудиям. Из них 12 экземпляров представлены обломками тесел, 2 - обломки топоров, 2 - топоры и одно целое тесло (рис. 1). Практически все изделия изготовлены из порфиритового диабаз - 13 экземпляров, 2 - из микрокварцита, 2 - из сланца. Обломки тесел: 8 фрагментов представляют собой рабочую часть (лезвие); 2 фрагмента - срединная часть орудия; 2 фрагмента - зона насада (обушок), в том числе изделие с ушками (рис. 2). Обломки топоров: 1 фрагмент - обушок, второй фрагмент - срединная часть изделия. Топоры изготовлены из серого роговикового сланца. Первый топор имеет симметричный выпуклый профиль, фас с частичной шлифовкой поверхности, лезвие имеет следы сильной забитости. Второй топор имеет симметричный выпуклый клиновидный профиль, лезвие несет следы сильной забитости; обушок плоский, в сечении представляет собой трапецию. Фас и арьер-фас имеют следы частичной шлифовки. Тесло изготовлено из микрокварцита, обушок приостренный, лезвие сильно выпуклое, поверхность обработана ударной ретушью, на дорсале имеется четко выраженный желобок. Изделие в поперечном сечении имеет форму треугольника (в средней части) и полулуния (у лезвия).

По условиям залегания данные изделия происходят из II уровня, который по предварительному анализу был отнесен к эпохе бронзы. Большинство предметов изготовлено из порфиритового диабаз. Возможно, по тому, что к северу от Ангары до нижнего течения Подкаменной Тунгуски расположено Заангарское пластово-трапповое плато, а южнее Ангары - Ангаро-Чунское трапповое плато. Здесь трапповые тела выступают стволными горами, конусообразными сопками, крутосклонными грядами, скалистыми останцами. Следовательно, недостатка в субстрате не было, этим и объясняется большое количество археологического материала, изготов-

ленного из порфиритового диабаз. А.П. Окладников писал, что в эпоху бронзы мастера изготавливали топоры из первой попавшейся гальки подходящих размеров [5, с. 50].

Два топора из сланца выпадают из общей картины. Сланец в позднем неолите был первостепенным материалом для изготовления больших орудий, особенно тесел. Месторождения серого роговикового сланца очень многочисленны у Братска и ниже по Ангаре [4, с. 174]. Авторы предполагают, что и в эпоху бронзы наравне с траппом для изготовления массивных орудий использовался сланец, но уже намного в меньшей степени. Это позволяет говорить о преемственности производственных знаний и технического опыта в области изготовления орудий из камня.

Классификация крупных рубящих орудий из камня - один из мало разработанных разделов типологии каменного инвентаря, хотя сами по себе эти орудия составляют едва ли не важнейшую его часть. Определенная система классификации каменных рубящих орудий разработана для Южного Приангарья, где на материале погребений выделены орудия исаковского, серовского, китойского и глазковского типов. На основе анализа этих данных возможна разработка такой же типологии и для Средней Ангары.

Библиографический список

1. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. - М.: Прогресс, 1990. - 368 с.
2. Васильевский Р.С. Археологические исследования на Средней Ангаре (некоторые предварительные результаты работ Ангаро-Илимской экспедиции 1967-1974 гг.) // Древние культуры Приангарья. - Новосибирск: Наука, 1978. - С. 131-151.
3. Матюшин Г.Н. Археологический словарь. - М.: Просвещение, 1996. - 304 с.
4. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. - М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - Ч. 1, 2. - 412 с. - (МИА. - № 18).
5. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. - М., Л.: Изд-во АН СССР, 1955. - Ч. 3: Глазковское время. - 374 с. - (МИА. - № 43).
6. <http://ostmetal.info/article.php?id=af25904a>
7. <http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/110/290.htm>
8. <http://www.librarium.ru/showarticle.php?id=6837>

Научные руководители: д.и.н., профессор Г.И. Медведев, ст. преподаватель А.А. Тютрин.

И. В. Мерц

Барнаул, Алтайский государственный университет, 2 курс

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА В ЭПОХУ БРОНЗЫ

В 50-х, первой половине 60-х г. выстроился целый ряд локальных периодизаций, в основе которых лежала концепция К.В. Сальникова о генетической преемственности федоровских, алакульских и замораевских комплексов [1;10;4;5]. Не стал исключением и Восточный Казахстан, где, начиная с 1935 г., велись систематические археологические исследования.

Результаты этих работ позволили А.Г. Максимовой впервые обобщить материал, накопленный ВКАЭ и разработать трехэтапную периодизацию и хронологию памятников эпохи бронзы. К раннему федоровскому этапу она отнесла жертвенное место и поселение у с. Канай, могильники Сарыколь, Жанажурт, Малый Койтас, Канай. К алакульскому – несколько черепков из поселения Малый Койтас и возле с. Трушниково. К памятникам, синхронным карасукским комплексам, - могильник у с. Мало-Красноярка и поселения Мало-Красноярское и Трушниково [6].

С.С. Черников рассматривал андроновскую культуру Восточного Казахстана как единую, существовавшую на данной территории свыше 1000 лет. На протяжении этого периода она не претерпевала коренных изменений. В своем развитии прошла четыре этапа. Наиболее ранний этап – усть-буконьский (XVIII-XVI вв. до н.э.), занял промежуточное положение между афанасьевскими и андроновскими памятниками [14, с.96]. Второй этап – канайский (XVI-XII вв. до н.э.) - характеризуется керамикой с развитым геометрическим орнаментом аналогичной федоровской посуде Зауралья [14, с. 98]. Третий – мало-красноярский (XII-IX вв. до н.э.) - включал две группы сосудов: с геометрическим орнаментом и валиком [14, с. 101-102]. Четвертый - трушниковский,

завершающий этап (IX-VIII вв. до н.э.), характеризующийся керамикой с сильно раздутым туловом, отогнутой шейкой и грубой орнаментацией [14, с. 102].

Происхождение андроновской культуры С.С. Черников связывал с афанасьевской и местными неолитическими и энеолитическими культурами Казахстана [14, с. 110].

Данная схема была подвергнута критике большинством археологов, так как противоречила широко признанной и распространенной концепции К.В. Сальникова [2, с. 14]. Во второй половине 60-х гг. проявилась вся несостоятельность такого подхода. В результате накопления новых материалов, ставится под сомнение не только возможность приложения приуральской схемы к другим районам, но и тезис о генетической связи федоровских и алакульских комплексов, аргументируется их синхронность [12].

В 90-е годы предпринимается новая попытка классификации и периодизации памятников Верхнего Прииртышья. Н.А. Ткачева, в отличие от С.С. Черникова, разделила бронзовый век Восточного Казахстана на три последовательно сменяющих друг друга культуры. Эпоха раннего металла представлена доандроновской – усть-буконьской культурой, материалы, которой сопоставимы с комплексами степной и лесостепной зон Казахстана и Западной Сибири: одинцовской, крохалевской, елунинской и вишневецкой культур, датируемых рубежом III-II - первой четверти II тыс. до н.э.

В период развитой бронзы на основе усть-буконьских комплексов складывается канайская культура, прошедшая в своём развитии три этапа (канайский - XVIII-XVII вв. до н.э.; марининский - XVII-XVI вв. до н.э.; кызылтасский - XV-XII вв. до н.э.). На конец марининского и кызылтасского этапов приходятся две миграционные волны андроновско-канайского населения, достигающие в конечном итоге Енисея, южно-таёжного Приобья, Тоболо-Ишимского междуречья, Поволжья, Украины, юга Казахстана и Средней Азии [11, с. 17-18].

На основе поздних комплексов кызылтасского типа в Восточном Казахстане складывается трушниковская культура, входившая в общность культур валиковой керамики, сформировавшая в VIII-VII вв. до н.э. древности кулажургинского и скифо-сакского облика. В её развитии Н.А. Ткачева выделяет три этапа: мало-красноярский - XIII-XI вв. до н.э.; трушниковский - XI-X вв. до н.э.; позднетрушниковский - IX-VIII вв. до н.э. [11, с.19].

За последние два десятилетия широкомасштабных археологических исследований казахстано-российских экспедиций в Восточном Казахстане открыто и частично изучено свыше 40 объектов доандроновского времени. Среди них материалы стоянок Нурбай II, III аналогичные раннебронзовым комплексам второй группы памятников Барнаульско-Бийского Приобья [9, с. 168], а также материалы стоянки Чемар-I, не находящие пока аналогий в памятниках юго-западной Сибири, заметно отличающиеся от елунинских, но хронологически близкие им [9, с. 170]. Кроме того, в Восточном Казахстане известна группа памятников ранней бронзы, относимая А.А. Ковалевым к чемурчекской культуре [3], и целая серия случайных находок сейминско-турбинского типа [13; 7].

Таким образом, за последние 50 лет в регионе были проведены огромные археологические исследования, накоплен большой фактический материал. Но, не смотря на все это, ни одна из предложенных на сегодняшний день концепций объективно не отражает историю развития населения Восточного Казахстана в эпоху бронзы. По-нашему мнению, материалы Восточного Казахстана, видимо, необходимо связывать с кротово-елунинскими древностями. Очевидно, что «андроновцам» здесь предшествовало кротово-елунинское население, вероятно, контактировавшее с носителями сейминско-турбинской культурной традиции.

Но новые открытия поставили и новые вопросы: «..насколько далеко на Запад и Юго-Запад от Иртыша распространены памятники кротово-елунинского типа?» [8, с.133]. Какое влияние оказали эти племена на формирование андроновской культуры Восточного Казахстана? Какую роль сыграли племена-носители сейминско-турбинской культурной традиции в развитие доандроновского и андроновского населения Верхнего Прииртышья, и где сам центр сложения этой бронзолитейной традиции. Какое место занимает чемурчекская культура среди древностей Центральной Азии, и правомерно ли говорить о её выделении. По-прежнему, как и полвека назад, остается неразрешенным вопрос о месте формирования и взаимоотношениях алакульских и федоровских культур.

Библиографический список

1. Акишев К.А. Эпоха бронзы Центрального Казахстана: Автореф. дис... канд. ист. наук. - Л., 1953. - 20 с.
2. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-казахстанских степей. - Свердловск, 1988. - 182 с.
3. Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. - Барнаул, 2005. - С. 178-184.
4. Комарова М.Н. Относительная хронология памятников андроновской культуры // АСГЭ. - Л., 1962. - Вып. 5. - С. 50-75.
5. Кузьмина Е.Е. Относительная хронология андроновских поселений Еленовского микрорайона // СА. - 1965. - № 4. - С. 40-52.
6. Максимова А.Г. Эпоха бронзы Восточного Казахстана // ТИИАЭ АН Каз ССР. Археология. - Алма-Ата, 1959. - Т. 7. - С. 91-116.
7. Мерц В.К. Новые материалы по археологии приграничных районов Казахстанского Прииртышья // Михайловский район: очерки истории и культуры. - Барнаул, 1999. - С. 70-73.

8. Мерц В.К. О новых памятниках эпохи ранней бронзы Казахстана // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. I. - Барнаул, 2003. - С. 132-141.
9. Мерц В.К. Новые материалы по энеолиту и ранней бронзе Северо-восточного Казахстана // «Маргулановские чтения-15». - Алматы, 2004.- С. 165-169.
10. Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // ТИИАЭ. - Алма-Ата, 1958. - Т.5. -С. 216-294.
11. Ткачева Н.А. Памятники эпохи бронзы Верхнего Прииртышья: Автореф. дис... канд. ист. наук. - Барнаул, 1997. - 20 с.
12. Федорова-Давыдова Э.А. Андроновское погребение XV-XIII вв. до н.э. (к вопросу о периодизации андроновской культуры) // Тр. ГИМ. - М. 1960. - Вып. 37.
13. Черных Е.Н., Кузминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. - М., 1989. - 320 с.
14. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА № 88. - 1960. - 272 с.

Научный руководитель: Грушин С.П. к.и.н., доцент кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ.

Е. В. Нолев

Улан-Удэ, Бурятский государственный университет, 3 курс

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КУЛЬТ В РЕЛИГИОЗНОЙ СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ ПЛИТОЧНЫХ МОГИЛ

В данной работе нами предпринимается попытка дать характеристику погребального культа и культа предков в системе религиозных представлений культуры плиточных могил, а также некоторых аспектов социально – политического развития, связанных с обозначенными культами, посредством анализа накопленного материала, представленного данными археологических и этнографических исследований, с применением методов сравнительного религиоведения.

Сам факт наличия погребально-поминальных комплексов отражает существование у населения культуры плиточных могил представлений о делении мира на мир живых и мир мёртвых. Согласно точке зрения Б. Малиновского, страх перед смертью является важнейшим источником религиозного мировоззрения [6,415]. Именно этот фактор определяет развитие специфических обрядов и культов, связанных с переходом человека в потусторонний мир, и, в целом, влияет на мистификацию восприятия окружающей действительности. Погребальный культ - это совокупность религиозных обрядов, относящихся к умершим, и связанные с этими обрядами верования. На основе характеристики ориентации погребенных, их положения в могиле, погребального инвентаря и других находок формируется представление не только об основных составных компонентах погребального культа, но и о развитии сопутствующих культо-религиозных представлениях. Комплекс обрядов, совершавшихся при захоронении человека, был весьма сложен. Умерших хоронили на спине, ориентируя головой в восточном направлении [2,68; 11,46]. Данный обряд может свидетельствовать о возникновении культа почитания солнца, т.к. восходящее солнце, согласно древним анимистическим представлениям, исполняло роль проводника души умершего в загробный мир [8,537]. По мере засыпки ямы и сооружения плиточной могилы, исполнялись различные ритуальные действия: бросали угли и золу. Во многих погребениях обнаружены остатки пепла или золы [12,88]. Захоронение огня – однозначный факт возникновения культа его почитания – рассматривается исследователями по-разному: во-первых, огонь, соответственно древним верованиям, необходим человеку для жизни в потустороннем мире; во-вторых, огонь указывает путь душе в загробное царство; в-третьих, можно предположить проведение обряда очищения и освящения огнём погребального сооружения перед захоронением умершего. Захоронения стали сопровождаться определёнными ритуальными действиями: принесение жертвы, тризна и т.д.

Материалы погребений являются важным источником для реконструкции картины общественного развития. Так, планировка и структура плиточных могил отражает систему социальных отношений, указывая на процесс социальной и имущественной дифференциации [12,136]. Крайне редкими находками являются предметы вооружения, но сам факт их наличия, наряду с погребениями убитых воинов [3,145], свидетельствует о возросшей роли военного дела [1,26], а преобладание костей домашних животных в захоронениях - о развитом скотоводстве.

Погребальный обряд отражает довольно развитый культ предков в культуре плиточных могил. Образ почитаемого предка есть продукт сочетания трёх первичных преставлений: идей души умершего, тотемического прародителя и семейно-родового предка. Для культуры плиточных могил характерно наличие всех перечисленных составляющих сакрального образа. Если идея слияния души и родового предка происходит из ритуальных обрядов погребения, то о тотемическом прародителе свидетельствует интерпретация петроглифичес-

кого изображения орла (?) и оленных камней, как генетивных символов [4,95; 5,117]. Согласно определению С.А. Токарева, под культом предков принято понимать поклонение умершим прародителям и сородичам, прежде всего семейно-родовые формы такого поклонения, то есть веру в то, что умершие предки покровительствуют своим живым сородичам-потомкам, и умиловительные обряды [9,225]. Идея покровительства проявляется при изучении петроглифов: возможно, что нарисованные на скалах оградки должны были служить магической защитой родовой общины от сил зла. Пятна внутри оградок изображали людей, членов рода, или, может быть, скот, а человечки - духов предков, охраняющих своих сородичей. В то же время, Д. Дж. Фрэзер обосновал идею о власти и тотальном контроле духов над живыми людьми, отраженную в данном культе [10,78]. На наш взгляд, осознание связи с родственниками из потустороннего мира и вера в их способность оказывать определенное влияние на судьбу человека находят своё выражение в социально - политической сфере, способствуя: во-первых, консолидации и идентификации членов группы; во-вторых, развитию традиционализма; в-третьих, усилению и сакрализации власти лидера. Специфика погребального обряда свидетельствует о трансформации религиозных представлений. Стремление обезопасить себя от умершего вследствие страха перед ним (как, например, у представителей глазковской культуры [7,334]) сменяется стремлением сохранить связь с умершим, заботиться о нём, что, в свою очередь, обусловлено инстинктом социальной привязанности [6,417]. Этот вывод согласуется с гипотезой о том, что могилы предков как бы закрепляли за определенными коллективами скотоводов право на владение этими пастбищными угодьями.

Библиографический список

1. **Асеев И.В.** Социальные отношения в патриархальных обществах от неолита по раннее средневековье на примере погребальных обрядов и наскального искусства в Юго-Восточной Сибири. // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Выпуск 2.- Улан-Удэ, 2004
2. **Дашибалов Б.Б.** Плиточные могилы острова Ольхон // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии.- Улан-Удэ, 1995
3. **Егунов Н.П.** Прибайкалье в древности и проблемы происхождения бурятского народа. - Улан-Удэ, 1984
4. **Килуновская М., Семёнов В.** Оленный камень – изобразительная и мифологическая структура // Современные проблемы изучения петроглифов. – Кемерово, 1993
5. **Кухарев В.В., Именохоев Н.В.** Оленный камень из комплекса Тамчинского дацана // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии.- Улан-Удэ, 1995
6. **Малиновский Б.** Смерть и реинтеграция группы // Социология религии.- Москва, 1996
7. **Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III Глазковское время. МИЯ.-№43.-М.-Л., 1955
8. **Тайлор Э.Б.** Миф и обряд в первобытной культуре. – Смоленск, 2000
9. **Токарев С.А.** Ранние формы религии.- М., 1990
10. **Фрэзер Дж.** Золотая ветвь. - М., 2001
11. **Цыбиктаров А.Д.** Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья.- Улан-Удэ, 1998
12. **Эрдэнэбаатар Д.** К вопросу о погребальных обрядах населения плиточных могил // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии.- Улан-Удэ, 1995

Научный руководитель - д.и.н., доцент Дашибалов Баир Бальжинимаевич.

А. Г. Нуралинова

Челябинск, Челябинский государственный педагогический университет, 4 курс

К ВОПРОСУ ОБ ЭКСТРАОРДИНАРНЫХ ПОЗАХ В ПОГРЕБЕНИЯХ СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Погребальная обрядность взрослого синташтинского населения Южного Урала допускала как погребение на левом боку, скорченно в позе адорации: руки согнуты в локтях и сложены перед лицом, ноги подогнуты в коленях, ориентировка головой преимущественно в северный сектор; на спине с поднятыми в коленях ногами и так называемыми «пакетами» (вторичные погребения). Последние - единичны и зафиксированы преимущественно для эпонимного могильника. Общепринятым стандартом для взрослого синташтинского населения являлось именно погребение по способу ингумации, на левом боку в позе адорации. Несмотря на каноничность, в позах погребенных взрослых людей встречаются отклонения от общепринятого стандарта.

Исходя из понимания стандарта положения различных частей тела погребенных, мы выделили критерии нестандартности:

- положение рук
- положение ног

В ходе исследования были использованы материалы семи синташтинских могильников: Кривое Озеро [2,82-85, 132-134, 145-149, 216-218], Солнце II [4,29-30], Каменный Амбар 5 [6,32-34, 51-55, 61, 89-91], Большекараганский [1,72-73; 7], Синташта [3,187-189, 261-264, 280-283, 283-285], Новый Кумак [8], Ново-Петровский [11].

Общее количество рассмотренных погребений 228. Из них 14 были классифицированы как погребения с нестандартным труположением (6 %). В Ново-Кумакском, Большекараганском и Ново-Петровском могильниках не было выявлено нестандартных положений тел погребенных. Количество нестандартных поз погребенных по отдельно взятым могильникам различно. Оно варьирует от 2,5% до 11%.

Анализ захоронений в исследуемых могильниках не выявил зависимости в расположении погребений с присутствием нестандартных поз погребенных на подкурганной площадке.

В ходе изучения материалов могильников установлено, что наиболее распространенным отклонением является положение рук – 12 случаев, значительно реже встречается нестандартное положение ног – 3 случая. Возможно, значительную семантическую нагрузку несло в себе, прежде всего, положение рук: они либо были опущены к коленям (мог. Солнце II курган 4 могильная яма №1; мог. Каменный Амбар курган 2 погребение 16), либо обрублены на уровне предплечий (Синташтинский комплекс грунтовых и курганных захоронений, погребение №16), либо погребенный держал в руках какой-либо предмет, орудие (Синташтинский комплекс грунтовых и курганных захоронений, погребение №5; Кривое Озеро, курган 9, могильная яма 1).

Проведена корреляция признаков погребений с нестандартными позами погребенных и захоронений с «классическим» для синташтинской культуры труположением.

Погребения с экстраординарными позами погребенных индивидов совершались в могильных ямах прямоугольной формы, головой ориентированны в северный сектор.

Погребенные сопровождалась чаще всего одним сосудом (40%), реже 2 или 3 сосуда (по 27% соответственно), лишь один индивид не был сопровожден керамикой.

В ходе обработки материалов захоронений было зафиксировано абсолютное преобладание взрослых индивидов (93%).

Таким образом, можно говорить о намеренном придании нестандартных поз погребенным в могильниках синташтинской культуры.

Что касается вопроса об интерпретации данного явления, то однозначного ответа нет и, наверное, не может быть. Каждый случай нестандартного труположения требует к себе отдельного внимания исследователя.

Так, например, парные погребения индивидов, расположенных лицом друг к другу, могут интерпретироваться как имитация полового акта, целью которого было посмертное перевоплощение путем завещания своего тела в жертву всем богам [5,68-69] (могильник Каменный Амбар 5, курган 2, могильная яма 8).

Возможно, направление осмысления исследуемых объектов поможет определить мифологическая анатомия тюркских кочевых народов. Воспринимая человека как целостность, традиционное сознание, вместе с тем, наделяло жизненно важные органы некоторой автономией. Считая костяк основой, определяющей и биологическую, и социальную природу человека, мифологическое сознание особо акцентировало внимание именно на кости рук. При этом совершенно особое значение придавалось пальцам рук. Шаманская традиция алтайцев фактически превращает большой палец в объект, тождественный человеку в целом [12,60-65]. Иллюстрацией к высказанному предположению может считаться положение рук погребенных в яме 6 кургана 10 могильника Кривое Озеро, где рукам обоих взрослых погребенных индивидов было придано явно нестандартное положение: пальцы одной из рук находятся у рта, либо во рту (?).

Большое значение придавалось сохранению костей, как бы аккумулирующих жизненную силу. Напротив, разрушение костей можно трактовать как способ достижения абсолютного небытия [12,60-65]. Примером подобного может выступать погребение 16 кургана 1 в Синташтинском могильнике, где кости рук были разрублены по предплечью и положены в область грудной клетки и за спину.

Прекрасно осознавая слабость аргументов, мы, тем не менее, хотели бы обратить внимание коллег как на сложность понимания семантики деталей погребальных обрядов, так и на необходимость их скрупулезной фиксации.

Библиографический список

1. Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г. Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. - Челябинск, 1996.
2. Виноградов Н. Б. Могильник бронзового века. Кривое Озеро в Южном Зауралье: монография. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 2003.

3. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. - Челябинск, 1992. - Ч.1.
4. Епимахов А.В. Курганный могильник Солнце 2 – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. - Челябинск, 1996.
5. Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. - Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 2002.
6. Епимахов А.В. Ранние комплексные общества Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. – Челябинск: ОАО «Челябинский дом печати», 2005.
7. Зданович Д.Г. и др. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. / Сост. Д.Г. Зданович. - Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 2002.
8. Потемкина Т.М. Черты энеолита лесостепного Притоболья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Межвузовский сборник научных трудов. - Куйбышев, 1982.
9. Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. - М.: Наука, 1977.
10. Стоколос В.С. Курганы эпохи бронзы у с. Степного // Краеведческие записки. Выпуск 1. – Челябинск: Челябинское книжное издательство, 1962.
11. Сунгатов Ф.А., Сафин Ф.Ф. Исследования курганных могильников в Зауралье в 1991 году. // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. – Уфа, 1995. – Вып. 1.
12. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагаляев А.М., Усманова М.С. – Новосибирск: Наука Сибирское отделение, 1989.

*Научный руководитель - к. и. н., доцент кафедры Отечественной истории
и методики преподавания истории Н. Б. Виноградов*

Е.М. Подъяблонская

Челябинск, Южно-Уральский государственный университет, 4 курс

МОДЕЛЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ АРИДНОЙ ЗОНЫ ЕВРАЗИИ (по материалам поселенческих памятников бронзового века)

Предлагаемая работа посвящена разработке одной из наиболее спорных проблем в науке. Традиционно археологическое исследование предполагает изучение конкретных вещественных материалов, их обработку, оформление в графическом или ином виде с последующим их анализом и изучением. Целью, как правило, является реконструкция конкретной сферы деятельности древних людей, характеристика определенных культурных и бытовых достижений: хозяйственная деятельность, погребальная обрядность, межкультурные коммуникации и т. п. Выработка «модели функционирования общества» подразумевает под собой качественно иной уровень исследования – попытку провести социально-политические реконструкции на основе имеющихся археологических данных: определить социальную и политическую структуру общества, характер межкультурных связей, а также роль внутренних и внешних факторов в развитии отдельного общества.

Для анализа нами были выбраны поселенческие памятники, функционировавшие на территории Южного Зауралья в период XIX-XVIII вв. до н.э. [6,206]. В историографии существует традиция объединять их под общим названием «Страна городов» [8,54], однако есть все основания говорить как минимум о двух культурных образованиях – синташтинском и петровском. Среди поселений с синташтинскими материалами выделяются Синташта, Аркаим, Аландское, Кизильское, Исиной, Сакрын-Сакла, Родники, Кривой Дол и др.; с петровскими: Петровка, Куйсак I, Кулевчи III, Боголюбково I, Ягодный Дол (Берсуат), Коноплянка, Олышанка и др. [3, 4]; смешанными чертами обладают Каменный Амбар (Ольгино), Устье I, Чернореченское III, Степное, Шибаево I и др. Все они представляют собой укрепленные городища, сопровождаются синхронными (могильники) и хронологически более поздними памятниками (поселенческие структуры). Такого рода комплексы удобно использовать для создания модели, так как они: 1) активно исследовались в последние десятилетия; 2) являются наиболее опознаваемыми для степной зоны в Евразии; 3) границы территории распространения и количество памятников меняются незначительно; 4) отдельное поселение представляет собой единое целое.

В результате историографического обзора было сформировано представление о типичном поселении как для синташтинского, так и для петровского периодов. Обобщенно говоря, они представляют собой городища, окруженные оборонительными стенами и валами. Жилища строились вплотную друг к другу, так, что два соседних имели

общую стену. Синташтинские поселения хронологически более ранние [9, 124], округлой формы, жилища расположены радиально [4, 377-378]. Петровские, как правило, имеют подквадратную форму, внутренняя планировка варьируется [1, 94-96]. Исследователи интерпретируют их как более поздние [2, 264]. Керамические, бронзовые, костяные и каменные изделия представлены сходными типами и отличаются в деталях. Каждое городище одной или другой культуры представляет собой экономическое, политическое и культурное единство: жители сообща вели хозяйство, придерживались единых духовных ценностей, имелась некая группа лидеров и т.д.

Именно внимание к деталям данных поселений и археологических культур в целом позволяет проследить разные направления межгрупповых связей (экономических, идеологических и др.). Это можно сделать путем анализа заимствованных элементов культуры и быта. В результате исследования нами были выявлены взаимодействия древних обществ в рамках определенных территорий. Наблюдается сходство зауральских материалов с приуральскими, притобольскими древностями, а также с Доно-Волжской абашевской культурой. Ряд ученых проводит аналогии с гораздо более отдаленными территориями [5, 246, 280-281]. Очевидно, что интенсивность обменных процессов на отдаленных территориях была меньшей. Однако важен сам факт их существования, подтверждающий роль коммуникаций в жизни древних обществ.

На основе всего вышесказанного формируется представление о роли внутренних и внешних факторов о жизни обитателей городищ. Под внутренними понимается:

- форма социально-политической организации (племенное объединение с выраженной элитой);
- особенности хозяйственной деятельности (явное преобладание скотоводства [1, 8], значительная роль металлургии [5, 280]);
- демографическая составляющая (плотность населения на территории городища и прилегающих территорий явно различалась). Поселение не являлось постоянным местом жительства, в противном случае нельзя объяснить очень высокую концентрацию построек на небольшой территории. Объяснения могут быть следующие: имела место периодическая смена жителей; поселок – культовое сооружение либо место обитания элитарного слоя населения);
- идеология (мировоззрение прослеживается через особенности архитектуры, погребального обряда. В связи с этим некоторые ученые предполагают влияние религии зороастризма. Очевидна культовая роль металлургии).

Внешние факторы включают:

- возможность наличия политической системы, объединяющей все городища (это могла быть как относительно равноправная система, так и иерархичная);
- торговый обмен (с ближними и дальними соседями);
- характер отношения с округой (укрепленные поселения создают впечатление административных центров);
- культурный обмен, преемственность.

Обобщая все сказанное, необходимо отметить, что модель функционирования древнего общества представляет собой комплекс характерных черт социума, реконструируемых археологически. Попытка изучения вышеперечисленных особенностей с точки зрения истории повседневности ранее на материалах укрепленных поселений Южного Зауралья не проводилось.

Библиографический список

1. **Виноградов Н.Б.** Кулевчи III – памятник петровского типа в Южном Зауралье// КСИА. – 1982. – Вып. 169.
2. **Виноградов Н.Б.** Синташтинские и петровские древности Южного Урала. Проблема соотношения и интерпретации// Памятники археологии и древнего искусства Евразии. – М.: Институт археологии РАН, 2004.
3. **Виноградов Н.Б.** Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по памятникам петровского типа): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1983.
4. **Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.** Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей: В 2-х ч. Ч. 1. – Челябинск: ЮУКИ, 1992.
5. **Григорьев С.А.** Бронзовый век// Древняя история Южного Зауралья/ Серия «Этногенез уральских народов». Том I. Каменный век. Эпоха бронзы. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000.
6. **Епимахов А.В.** Абсолютная и относительная хронология бронзового века Урала в свете новых радиоуглеродных дат// Комплексные исследования древних и традиционных обществ в Евразии: Сборник научных трудов / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина, А.А. Тишкина. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2004.
7. **Зданович Г.Б.** Феномен протоцивилизации бронзового века Урало-казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1989.
8. **Зданович Г.Б., Батанина И.М.** «Страна городов» - укрепленное поселение эпохи бронзы XVIII-XVI вв. до н.э. на Южном Урале // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск: Творческое объединение «Каменный пояс», 1995.
9. **Zdanovich G.B., Batanina I.M.** Planography of the Fortified Centers of the Middle Bronze Age in the Southern Trans-Urals According to Aerial Photography Data// Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millenium BC. Regional Specifics in Lights of Global Models. Volume I/ The Journal of Indo-European Studies, 1973-2002.

Научный руководитель - к. и. н., доцент Епимахов А.В.

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ НОСИТЕЛЕЙ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ

Памятники андроновской культурно-исторической общности распространены на обширных пространствах восточной части Евразии. Они располагаются от Урала на западе до Енисея на востоке, от Южных границ лесов сибирской тайги до степей Средней Азии [5, с.3]. Большинство исследователей выделяют внутри андроновской общности две основных культуры: федоровскую и алакульскую, а также локальные варианты для определенных территорий.

Алтай входил в ареал проживания племен верхнеобского варианта андроновской общности. Особенностью данного варианта является сочетание в нем федоровских и алакульских черт [7, с.356]. Слияние культурных традиций можно проследить в погребальном обряде, орнаментации и способах изготовления керамики, различных видах украшений.

Андроновские могильники на территории Алтая довольно многочисленны, на данный момент известны как крупные, так и небольшие памятники, представленные несколькими могилами. Чаще всего памятники представляют собой разновременные комплексы, относящиеся к эпохе бронзы. Большинство могильников изучены достаточно хорошо, что позволяет дать их вполне объективную характеристику.

В данной работе мы обратимся к особенностям погребальной практики носителей андроновской культуры Алтая. Интерес к этому вопросу обусловлен тем, что погребальный обряд здесь достаточно разнообразен. Подобное разнообразие может свидетельствовать о сложных мировоззренческих представлениях населения эпохи бронзы. Исследование отдельных аспектов погребального обряда позволит нарисовать более полную картину религиозных воззрений андроновцев, а также разрешить различные вопросы реконструкции остальных сфер жизни общества, в частности, вопросы социальной организации.

Безусловно, тема воссоздания духовного мира носителей археологических культур является одной из самых сложных и объемных в археологии. Кроме того, данная тема наиболее подвержена критике, что связано с субъективным взглядом каждого исследователя. Проблемы реконструкции мировоззрения древних обществ обычно составляют содержание заключительных разделов в работах по анализу археологических источников [8, с.3]. Также существует немало работ посвященных собственно этим проблемам. Их авторы используют не только непосредственно материалы раскопок, но и широко апеллируют данными других наук. Основными источниками здесь являются этнографические сведения.

Любая попытка восстановить какие-либо аспекты духовной сферы жизни древнего общества может носить лишь версионный характер. У нас нет возможностей для полной, безошибочной и всесторонней реконструкции, т.к. мы имеем дело с весьма отдаленным от нас периодом истории. Но подобные попытки могут способствовать разрешению спорных вопросов, тем более что наличие исторических и этнографических параллелей позволяет предполагать существование таких ситуаций в древнем обществе [3, с.78].

Стандартный погребальный обряд андроновской культуры Алтая выглядел так: основным способом захоронения являлось труположение. Кремация встречается редко. Погребения на могильниках расположены правильными более или менее параллельными рядами и обычно не нарушают друг друга. Все могильники грунтовые, но не исключено наличие в древности каких-либо наземных сооружений, которые не сохранились. Подобные выводы основаны на том, что на разных территориях андроновцы применяли различные виды могильных сооружений: курганы или каменные ограды без земляных насыпей. Г.А. Максименков предполагает, что материал для подобных сооружений зависел от природных условий. Поскольку на Оби нет достаточного количества камня, ограды могил здесь могли делать из нестойкого материала, например из дерева или земли, разрушившихся к моменту раскопок [5, с.54].

Умершего хоронили в скорченном положении, на левом боку, головой в юго-западный сектор. Данная ориентация в андроновских могильниках Верхней Оби очень устойчива [6, с.31]. Инвентарь погребений беден – обычно он представлен только керамикой. Сосуд, как правило один, устанавливался в головах. Часто в могилах встречаются остатки деревянной обкладки и перекрытия. Это характерно как для взрослых, так и для детских погребений. При этом детские погребения обычно отличаются меньшей глубиной и тщательностью в сооружении могильных конструкций. Расположение их на погребальном поле достаточно разнообразно: рядом со взрослыми или отдельными группами. В целом, для Алтая отмечается некоторое преобладание детских захоронений над взрослыми [7, с.346]. В связи с этим, М.П. Грязнов предполагает существование у андроновцев широко распространенного обычая хоронить младенцев отдельно, на специализированных детских кладбищах [1, с.16-17]. Но, по наблюдениям В.И. Матющенко, подобные утверждения вряд ли можно подтвердить другими материалами. Большое же количество детских могил он объясняет высокой детской смертностью [7, с.346].

Различия в погребальном обряде прослеживаются в устройстве могил, положении в них умерших и снабженности их инвентарем, способах обращения с телом. Наиболее часто встречаемое отступление от традиционного ритуала – положение умершего на правом боку. Эта поза погребенных типична для могил эпохи поздней бронзы, а в андроновских памятниках известна главным образом для погребений детей и подростков, но встречаются и взрослые захоронения. Таким образом, можно сделать вывод, что это знак некой исключительности, не зависящий от пола и возраста умершего [9, с.89].

Парные погребения также являются отклонением от погребального обряда, хотя встречаются они на всех могильниках и в целом для андроновцев Верхней Оби это не редкость [6, с.34]. Существуют как детские, так и взрослые парные погребения, а также совместные захоронения взрослого и ребенка. Большое количество могил с двумя детьми содержит могильник Фирсово-XIV. Два погребения женщины и ребенка обнаружены на могильнике Кытманово. На могильнике Подтурино зафиксировано три случая парного захоронения взрослого и ребенка.

Встречаются и коллективные погребения, причем все известные могилы – детские. На Фирсово-XIV зафиксированы три могилы, в которых было погребено по трое детей. Трое детей обнаружено в могиле №1 Елунино. Могила №4 Подтурино содержала погребения четырех детей. При этом один ребенок, по предположению Ю.Ф. Кирюшина и С.Ю. Лузина, был похоронен несколько позднее [3, с.68]. В головах этого костяка сосуд баночной формы был установлен вверх дном.

Перевернутый сосуд горшковидной формы обнаружен и на памятнике Рублево-VIII. Он находился в юго-западной части могилы, определяемой как кенотаф.

Проблема интерпретации перевернутых сосудов раскрыта еще не достаточно. Установка сосуда вверх дном – явление довольно распространенное в погребальном обряде степных культур Евразии [9, с.94]. Некоторые исследователи связывают данный обряд с актами умышленной порчи вещей, которые встречаются в эпоху бронзы на территории Западной Сибири. Установка вещи в неестественное положение или ее ломка означала придание ей иного качества, «умерщвление» вещи [4, с.249].

По мнению Э.Р. Усмановой, перевернутый сосуд мог индексировать особых членов общества – служителей культа, носителей магических сил. Не исключено, что перевернутый сосуд мог отмечать особенность смерти человека или ситуации [9, с.95].

Еще одним отступлением от традиционного обряда является наличие в могиле костей животных. Несмотря на то, что помещение в могилу туш животных в качестве жертвенной пищи было распространенным ритуалом в эпоху бронзы, в погребениях андроновской культуры данной территории кости животных встречаются редко. В одной из могил на памятнике Нижняя Суетка были обнаружены черепа лошади и быка. Сам погребенный был кремирован. Ю.Ф. Кирюшин считает, что, возможно, здесь похоронен человек имеющий отношение к религиозным культам [2, с.72]. По замечаниям Ю.И. Михайлова, остатки туш животных также могли быть указанием на особый социальный и культовый статус погребенных [8, с. 131].

Очень необычной является могила №287 Фирсово-XIV. Здесь череп ребенка был перекрыт коровьим. Вопрос об интерпретации данного погребения остается открытым. Культ черепа – особое отношение к голове фиксируется археологами на обширной территории Евразии в эпоху неолита и бронзы [9, с.127-129].

Кремация также важная особенность погребальной практики андроновцев Алтая. Здесь кремация встречается очень редко и не на всех могильниках. В каких случаях и для кого применялся данный обряд – один из спорных вопросов в андроноведении. Его изучение открывает для ученых новые перспективы в исследовании культовой практики и религиозных воззрений носителей андроновской культуры.

Таким образом, проведя анализ наиболее изученных могильников андроновской культуры, мы обнаружили следующие особенности погребальной практики носителей андроновской культуры Алтая: 1) отклонения в положении умершего в могиле, 2) наличие в могиле нестандартного инвентаря, 3) различные способы обращения с телом умершего. Кроме того, на могильниках можно выделить различные виды сакральных объектов – поминальники, ритуальные площадки, кострища. Данные сооружения также могут свидетельствовать о разнообразии обрядовой практики и позволяют подробнее интерпретировать различные аспекты религиозных представлений.

Библиографический список

1. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка // МИА №48 М.-Л., 1956. 256с.
2. Кирюшин Ю.Ф. Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры // Моя избранница наука... Барнаул, 1995. С.58-75.
3. Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Андроновский могильник Подтурино // Культура евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С.67-94.
4. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 276с.
5. Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978. 190с.
6. Матюшенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч.3. Андроновская культура на Верхней Оби // Из истории Сибири. Вып.11. Томск, 1973. 117с.

7. Матюшенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч.2. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск, 2004. 468с.
8. Михайлов Ю.И. Мироззрение древних обществ юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Кемерово, 2001. 363с.
9. Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: Факты и параллели. Караганда – Лисаковск, 2005. 232с.

Научный руководитель к.и.н., доц. Шакин А.Б.

С.С. Раиткин

Барнаул, Алтайский государственный университет, аспирант

К ПРОБЛЕМЕ ДЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ В АНДРОНОВСКОМ ОБЩЕСТВЕ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ И КУЛУНДЫ

Анализ демографических характеристик и реконструкция социальной структуры андроновского общества являются наиболее сложными разделами андроноведческой проблематики. Исследования в данном направлении должны базироваться на материалах полностью или в значительной степени исследованных некрополей. При этом важнейшим условием является достаточная сохранность памятника и репрезентативность полученных материалов. На территории Верхнего Приобья и Кулунды можно выделить ряд могильников в той или иной мере отвечающих данным условиям: Фирсово XIV, Ближние Елбаны XII, XIV, XVI (далее – БЕ), Подтурино, Рублево VIII, Нижняя Суетка. За основу данной работы будут взяты материалы детских андроновских захоронений из названных выше некрополей.

Могильники грунтовые. Всего исследовано 219 детских погребений (около 57% по отношению к захоронениям взрослого населения), из которых около половины находится на могильнике Фирсово XIV. Из детских погребений выделяются: четырнадцать парных, восемь – взрослого человека и ребёнка, одно женщины и двух детей и одно коллективное захоронение, в котором находилось четверо детей.

Основная масса могил имеет небольшие размеры (0,8×0,6 м) и глубину (до 0,75 м от современной дневной поверхности). Но на Рублево VIII выявлена группа из пяти погребений, которые при длине 1,1-1,7 м имеют ширину 0,8-1,3 м, два из них впущены в материк на глубину 1,05 м и 2 м [6,65]. Практически нет особенностей в конструкции могил (только 16 имеют обкладки и 9 – перекрытия). В погребениях присутствует лишь один сосуд, но с рядом исключений: в девяти погребениях отмечено по два сосуда (Рублево VIII в трёх случаях [6; 7]; Фирсово XIV и Нижняя Суетка - в двух [14; 12]; Подтурино и БЕ XIV - в одном [5]), и в трёх – по три (Рублево VIII – один случай [6]; Фирсово XIV – два). В трёх погребениях могильника Фирсово XIV были обнаружены украшения: бронзовое колечко, бусы, наконечники и золотое кольцо в полтора оборота, а в погребении подростка 11-12 лет находились небольшие золотые трубчатые серьги [14,54]. На БЕ XVI, в единственной детской могиле, найдены две бронзовые серьги и две бронзовые нашивки [1,12], на Подтурино в одном - бронзовые бусы [5,73].

Рассматривая планиграфию могильников, можно увидеть наличие рядов могил по линии юго-запад-северо-восток или запад-восток, но прослеживаемых за счёт погребений взрослых. Детские могилы расположены более хаотично, или между взрослыми, или отдельными компактными группами. Никакой закономерности в их нахождении на погребальном поле не наблюдается. На могильнике Рублево VIII некоторые погребения концентрируются в небольшие группы, что косвенно может указывать на вероятность существования земляных насыпей. Например, выделяется группа, где на участке площадью 8 х 8 м было сосредоточено три взрослых и три детских погребения, причём, одно детское перекрывало взрослое [7].

Из всех детских захоронений, 32 не содержало никаких останков костяка человека, присутствовали только керамические сосуды. Такие могилы можно трактовать как кенотафы. М.П. Грязнов определял кенотафы как могилы, не отличающиеся от остальных своими размерами, устройством и набором вещей, но без костей человека [2]. Но А.П. Уманский полагает, что могилы, содержащие только горшок, могут быть интерпретированы как ямы для сосудов с поминальной пищей умершим родственникам [12]. Но это явление можно объяснить плохой сохранностью костных останков: по своим параметрам они соответствуют стереотипам размеров, конструктивным деталям, месту расположения на могильном поле. Сосуд, как универсальный знак, в кенотафе, видимо, сохраняет свои функции знака-индикатора погребённого, даже когда его тело отсутствует. Самое большое количество кенотафов встречено на могильнике Нижняя Суетка; 21 из 27 детских могил [12].

Вопрос о сепаратных детских кладбищах также неоднократно поднимался в литературе [2; 3]. Наличие детских некрополей Ю.Ф. Кирюшин, в отличие от других исследователей, объясняет существованием так на-

зываемого «безымянного кладбища», где хоронили детей, которые ещё не получили имени, в качестве доказательства своей гипотезы приводя некоторые этнографические данные [4,32]. Но, помимо обладания именем, в детской погребальной обрядности учитывались и другие обстоятельства, в частности, характер смерти [10,103]. По мнению В.И. Матюшенко, имеющиеся на данный момент наблюдения не достаточны для утверждения о существовании сепаратных детских могильников. Скорее всего, на общих кладбищах выделялись специальные участки, где погребались дети [9,91]. Полностью детскими могильниками можно считать только БЕ XII и XIV. Но исследователи склонны полагать, что отдельно возвышающиеся елбаны на БЕ, создали условия для обособления кладбищ различных возрастных групп [1,18].

Следует так же отметить единично представленное на могильнике Рублёво VIII парное детское захоронение, где один ребёнок похоронен по обряду труположения, а второй - по обряду трупосожжения. Такие могилы в литературе принято называть биритуальными [13], хотя некоторые исследователи склонны полагать, что это не два обряда, а один [11].

Библиографический список

1. Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б. Могильники развитой и поздней бронзы на Ближних Елбанах // Погребальный обряд древних племён Алтая. - Барнаул, 1996. - С. 11-20.
2. Грязнов М.П. История древних племен верхней Оби // МИА. № 48. - М.-Л., 1956. - 256 с.
3. Кирюшин Ю.Ф. Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры // «Моя издранница наука, наука, без которой мне не жить». - Барнаул, 1995. - С. 58-75.
4. Кирюшин Ю.Ф. Некоторые аспекты социальной организации андроновского общества // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация (Материалы Всероссийской конференции). - Кемерово, 1997. - С. 29-33.
5. Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Андроновский могильник Подтурино // Культура народов евразийских степей в древности. - Барнаул, 1993. - С. 67-94.
6. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. - Барнаул, 2004. - С. 62-85.
7. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Особенности погребального обряда андроновского комплекса грунтового могильника Рублёво VIII // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г.). - Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. - Т.ХI. - Ч. 1 - С. 344-346.
8. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Исследование грунтового могильника Рублёво VIII в 2006 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.). - Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. - Т.ХII. - Ч. 1 - С. 361-364.
9. Матюшенко В.И. Эпоха бронзы. Лесная и лесостепная полоса // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. С. 73-112.
10. Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). - Кемерово, 2001. - 363 с.
11. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. - Новосибирск, 1985. - 200 с.
12. Уманский А.П. Раскопки в Нижней Суетке в 1964 г. // Краеведческие записки. - Барнаул, 1999.- С. 83-99.
13. Хлобыстина М.Д. К вопросу о «биритуальных» обрядах в андроновских могильниках // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. - Кемерово, 1976. - С. 8-15.
14. Шамшин А.Б., Ченских О.А. К вопросу о социальной дифференциации андроновского общества лесостепного Алтая (по материалам могильника Фирсово XIV) // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири (Материалы Всероссийской научной конференции). - Барнаул, 1997. - С. 52-56.

Научный руководитель: д. и. н., профессор, Кирюшин Ю.Ф.

Ю.В. Спиридонова

Иркутск, Иркутский государственный университет, 5 курс

КЕРАМИКА «ПОСОЛЬСКОГО» ТИПА ЮГА СРЕДНЕЙ СИБИРИ

Весь многочисленный керамический материал, обнаруженный более чем за 100 лет исследования неолита на территории Прибайкалья был разделен на шесть культурных пластов, характеризующих территориальное распространение типа в единых хронологических рамках [6]. Каждый из них имеет свои индивидуальные осо-

бенности - морфологические, технологические, орнаментационные. Одним из таких пластов является «посольский». В данной работе сделана попытка представить основные характеристики данного пласта, который благодаря устойчивости признаков приближается к понятию тип, по материалам, собранным на археологических объектах долины реки Белая - Мишелевско-Холмушинский геоархеологический субрайон (Усольский район Иркутской области). Наибольшую информативность представляют керамические коллекции двух опорных хорошо стратифицированных объектов: Горелый Лес - работы, на котором проводились с 1971 г [5; 6] фрагменты сосудов «посольского» типа обнаружены в V культуросодержащем горизонте и Усть - Хайта, исследуемый с 2000 г., где керамика «посольского» типа обнаружена в IV культуросодержащем горизонте [3].

«Посольская» керамика получила свое название в 1978 году на проводимой в г. Иркутске конференции по имени поселения «Посольское», расположенного в устье Большой Речки (Кабанский р-н Республика Бурятия), которое и было озвучено Л.П. Хлобыстиным в этом же году [8].

Керамика обладает рядом устойчивых маловариабельных характерных признаков. «Посольские» сосуды тонкостенные остродонные, закрытые, формы усеченного яйца с прямым или слегка отогнутым венчиком. На внешней поверхности читаются следы мелкого шнура, чаще всего затертого. На внутренней поверхности донной части встречаются негативы основы - в виде бугорков. В связи с тем, что донные части сосудов «посольского» типа встречаются крайне редко, реконструировать высоту практически невозможно. Высота тех сосудов, которые удалось реконструировать от 16 см до 20 см, диаметром от 15 см до 25 см. Толщина стенок 0,3 - 0,5 см. Для этой керамики характерным является крупный треугольный или округлый в сечении горизонтальный налепной валик под верхним срезом венчика или ниже среза на 0,3 - 0,5 см. Толщина налепа - от 0,9 см до 1,3 см. Орнаментации подвергалась верхняя треть внешней поверхности сосуда, иногда внутренняя поверхность сосуда в предвенчиковой зоне. За счет нанесения орнамента на венчик трех- или четырехзубчатым штампом как с внешней, так и с внутренней поверхности сосуда - венчик приобретает рельефность. Под верхним срезом венчика проходит ряд сквозных отверстий - 0,2-0,3 см в диаметре, нанесенных по сырому тесту с внешней поверхности сосуда (на внутренней поверхности имеются остатки неубранного керамического теста), иногда сделанных поверх ряда отступающей лопаточки или прочерченной полосы. Верхняя грань валика орнаментирована тем же зубчатым штампом, нанесенным диагональными рядами. Нижняя грань валика и часть тулова орнаментирована 5-9-ю горизонтальными рядами треугольной отступающей лопаточки. На отдельных сосудах имеется дополнительный мотив, который наносился под последним рядом отступающей лопаточки и может варьироваться - той же лопаточкой наносились группы из нескольких оттисков: один вертикальный ряд по 6 вертикально направленных оттисков; два вертикальных ряда по три горизонтально направленных оттиска; три горизонтальных ряда по 7 горизонтально направленных оттисков; один ряд из 5 горизонтально направленных оттисков и т.д. Встречаются и вариации. На местонахождении Горелый Лес был найден сосуд, по всем морфологическим признакам относящийся к «посольскому типу», однако он не имеет налепного валика, на месте его нахождения поверхность залощена; из орнаментации присутствует только зубчатый штамп по обоим поверхностям венчика и ряд сквозных отверстий.

Благодаря полученным датировкам 4880 ± 180 (ГИН - 4366) л.н. [6] и четкому стратиграфическому положению «посольскую» керамику Прибайкалья мы относим к периоду развитого неолита. Для Красноярско-Канской лесостепи (пещера Еленева [4], местонахождение Казачка (р. Кан) [1; 2; 7]) подобная керамика датируется 7 т.л.н., что позволяет удревнить нижнюю границу появления данного типа. Появление этого типа в столь раннее время ставит перед исследователями вопрос о поиске промежуточных вариаций и решения проблемы культурно-хронологического распространения.

К настоящему времени ареал распространения «посольской» керамики составляет юг Средней Сибири - от Енисея до Байкала, включая Восточное Прибайкалье. На местонахождениях, расположенных на данной территории, встречаются сосуды, относящиеся к «посольскому» пласту, но имеющие ряд отличий от описанной выше керамики (техника изготовления, орнаментация). Поэтому исследователи считают, что логичным будет разделить «посольский» керамический тип на несколько подтипов, что и предстоит сделать в будущем.

Библиографический список

1. Генералов А.Г. Неолитическая керамика многослойного поселения Казачка // КСИА. - 1979. - Вып. 157: Памятники первобытной культуры. - С. 43-47.
2. Генералов А.Г. Неолитические комплексы многослойного поселения Казачка и их значение для изучения неолита Красноярско-Канской лесостепи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Л., 1979. - 21 с.
3. Игумнова Е.С., Савельев Н.А., Тетенькин А.В., Батракова Н.А., Самарина Ю.В. Новое многослойное местонахождение в долине р. Белой - Усть - Хайта // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (Мат-лы XLI регион. археолог. - этнограф. студ. конф. Барнаул, 25 - 30 марта 2001 г.). - Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. - С. 153-155.
4. Макаров Н.П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Известия Лаборатории древних технологий. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. - Вып. 3. - С. 149-172.

5. Савельев Н.А., Горюнова О.И., Генералов А.Г. Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес (предварит. сообщ.) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. - Вып. 1. - С. 160-199.
6. Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Новосибирск, 1989. - 25 с.
7. Савельев Н.А., Генералов А.Г., Волокитин А.В., Смирнов О.Н. Керамические комплексы многослойного археологического памятника Казачка // Науч. - теорет. конф Секция археологии. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1976. - С. 26-30.
8. Хлобыстин Л.П. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // КСИА. - 1978. - Вып. 153: Памятники эпохи неолита - С. 93-99.

Научный руководитель: Н.А. Савельев, к.и.н., доцент

А. Н. Страхов

Челябинск, Челябинский государственный университет, 3 курс

ОБОСНОВАННЫЙ ВЫБОР ТОПЛИВА ДЛЯ МЕТАЛЛУРГИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Проблема топлива в древней металлургии – одно из направлений исследований Челябинской историко-металлургической группы под руководством И.А. Русанова, сотрудника кафедры археологии, этнографии и социальной истории ЧелГУ. Уже в течение 15 лет проводятся экспериментальные проверки теоретических реконструкций технологического процесса плавки меди и его отдельных технологий, главные из которых – подготовка топлива, сооружение металлургических печей, укладка шихты и системы дутья. Основной базой исследований являются археологические материалы с укрепленных поселений Синташта и Аркаим, как наиболее полно изученных памятников металлургии и металлообработки эпохи бронзы в Южном Зауралье.

В 2004 – 2005 гг. для реконструкции укладки шихты было проведено новое обследование коллекции металлургических шлаков с памятников Синташта и Аркаим. Повышенный интерес к шлакам синташтинского типа вызван их необычной формой. Шлак, скапливающийся поверх металла во время плавки, не просто перекрывает медь, а охватывает слиток с боков и чуть снизу по всему периметру, формируя, так называемые, закраины. Когда металлургическая плавка заканчивалась, шлак напоминал перевернутую неглубокую тарелку, в которой находилась медь. Чтобы достать слиток, шлаковую лепешку необходимо было разбить. На внутренней стороне лепешки оставались отпечатки слитка. По размерам этих отпечатков стало возможным вычислить примерные массы слитка меди, а также количество руды для одной плавки в синташтинской металлургии [1,183-185].

Но, интересно другое. Закраины не могли образоваться естественным путем – это целенаправленная деятельность древних мастеров по укладке шихты. Одновременно с этим на поверхности шлаков были выделены отпечатки растительности. Анализ структуры отпечатков, выполненный к. б. н. Н.М. Мироночевой-Токаревой, установил принадлежность отпечатков растениям из семейств злаковых (вейник, колосняк) и сложноцветных (полынь).

Характер отпечатков и результаты экспериментов позволили разработать подробную реконструкцию укладки шихты и поведение ее компонентов во время плавки, а также объяснить механизм появления отпечатков и роль травы [2].

Однако, помимо отпечатков растительности на верхней плоскости шлаковых лепешек были обнаружены отпечатки древесных волокон (щепок), чешуек шишек, мелких веточек. А на отдельных фрагментах - отпечатки навоза. В целом, отпечатки различных видов топлива имели 78% отобранных для изучения образцов.

Приведенные данные «подрывают монополию» древесного угля как единственного источника топлива для металлургии синташтинской культуры. Представление об исключительности древесного угля как топлива для плавки исходит из того, что только он может быть источником высоких температур. Корни этих представлений - в технологии промышленных выплавов меди XVII – XVIII вв. Экспериментальные плавки показали, что с использованием воздуходувных мехов возможно достижение нужных температур и удерживание их в течение длительного времени, когда топливом служат сосновые шишки, хворост и даже древесные гнилушки. Решающим фактором в выборе топлива были трудозатраты на заготовку. Заготовка древесного угля требовала свежесрубленных деревьев, сооружений по выжигу, определенных навыков, а значит - тяжелого организованного труда и применения металлических орудий (которых в эпоху синташтинской культуры было еще немного). В то время,

как заготовку древесного «мусора» можно было возложить на детей. Должна была сказаться и нехватка леса в условиях степи. Дополнительным аргументом в пользу использования легко добываемых материалов является отсутствие четко привязанных к эпохе бронзы углежестких ям. Возможно, что для резкого повышения температуры в нужный момент плавки использовался и животный жир, имевший ритуальное значение [3,231].

Таким образом, в эпоху бронзы топливом для металлургии служили малозатратные «материалы», использовавшиеся в быту. Представление об исключительности древесного угля как источнике высоких температур основывались на аналогиях с технологиями эпохи промышленного переворота, когда возросшие масштабы выплавки меди сделали использование древесного угля рентабельным.

Пользуясь случаем приношу благодарность к. б. н. Н.М. Мироночевой-Токаревой за определение видовой принадлежности отпечатков растений.

Библиографический список

1. **Страхов А.Н.** Металлургические шлаки синташтинской культуры (опыт визуального анализа) // Материалы XXVII Урало-Поволжской археологической конференции. - Челябинск, 2005. - С. 183-185.
2. **Русанов И.А.** В печати
3. **Русанов И.А.** Роль металлургии в жизни обществ евразийских степей // Интеграция археологических и этнографических исследований. - Омск, 2003. - С. 230-231.

Научный руководитель - И.А. Русанов, сотрудник кафедры археологии, этнографии и социоестественной истории Челябинского государственного университета.

Ю.А. Татаренко

Омск, Омский государственный университет, 2 курс

УКРАШЕНИЯ РАННЕГО КОМПЛЕКСА МОГИЛЬНИКА ОКУНЕВО V, VII

Могильник Окунево V, VII расположен недалеко от деревни Окунево Муромцевского района Омской области на мысу Татарский увал. Это разновременный памятник, самые ранние захоронения которого (132 могилы) относятся к эпохе позднего неолита - ранней бронзы, из них в 21 содержатся украшения.

В раннем комплексе могильника по ориентации и инвентарю В.И. Матющенко были выделены две группы могил, хронологически разделенные небольшим промежутком времени. В первой группе (70 могил) найдены только остродонные или круглодонные сосуды, в 15 погребениях обнаружены пластины, чаще использовалась охра (18 могил), выявлено 8 парных и коллективных захоронений.

В пяти могилах второй группы (всего 50 захоронений) найдены плоскодонные сосуды, а пластины - только в одной, в шести погребениях - бронзовые изделия. Использование охры отмечено только в 9 могилах. Коллективное захоронение выявлено всего одно. Некоторые могилы из-за недостатка данных В.И. Матющенко не удалось отнести ни к одной группе [1, с. 49-50].

Во многих могилах раннего комплекса памятника Окунево V, VII были обнаружены украшения. Проведенное нами исследование представляет собой попытку определить правомерность выделения двух групп могил на основе анализа этого важного компонента погребального инвентаря.

В первой группе выявлено 6 захоронений с украшениями. Наиболее частые находки - клыки и резцы бобра и скопления бисера. Остальные украшения единичны: бусина из белого кварцита, каменная пронизка, подвеска из песчаника, лепестковидная подвеска. О последней стоит сказать отдельно в связи с тем, что для нее прослежены многочисленные аналогии. Во Втором Перейминском могильнике найдено 50 подобных лепестковидных подвесок. Много их оказалось и в погребениях на Большом Андреевском озере. В могильнике Протока найдены такие же подвески из камня и кости, известны они и в Прибайкалье [1, с. 63-65].

Во второй группе выделено 13 захоронений, в которых украшения присутствовали в составе инвентаря. Наиболее часто здесь встречаются костяные и роговые кольца. Распространены бронзовые украшения: очковидная подвеска, бляхи, кольцо, подвески, гривны (медная и бронзовая).

В двух могилах также, как и в захоронениях первой группы, встречены украшения из зубов животных. Однако они различны, если в могилах первой группы присутствовали клыки и резцы бобра, то в могилах второй группы - клык медведя и клыки кабана.

В одной могиле второй группы был найден бисер, встречающийся и в погребениях первой группы. Возможно, данную находку можно трактовать как преемственность традиций.

Многие украшения, встреченные в могилах второй группы, имеют широкий круг аналогий. Полулунный диск из известняка - в материалах памятников окуневской и самусьской культур. Костяные и роговые кольца обнаружены в погребениях могильника Сопка-2 [1, с. 68].

Уже упомянутые подвески из клыков кабана также находят свои ближайшие аналогии в погребениях могильника Сопка-2. Однако в целом такие подвески часто встречаются в погребениях неолита - энеолита, как на территории Сибири, так и за ее пределами [2, с. 188-189].

Костяные миндалевидные подвески с перехватом трактуются как символические изображения рыбок. Близкие аналогии этим изделиям найдены в погребениях могильников Усть-Иша и Иткуль, а также в Каминной пещере [2, с. 189].

Могилы 39 и 80 В.И. Матюшенко не включил ни в одну группу. Однако он отмечал, что погребение 39 можно было бы отнести ко второй группе по наличию костяных колец, а 80 - на основании наличия наконечника дротика с усеченным основанием [1, с. 50]. К этому следует добавить, что из украшений в захоронении 80 найдены клыки медведя и кабана, что также подтверждает возможную принадлежность ее ко второй группе.

На основании проведенного исследования можно прийти к выводу о правомерности разделения раннего комплекса на две хронологические группы.

Библиографический список

1. Матюшенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. - Новосибирск: Наука, 1994. - 223 с.
2. Толпеко И.В., Озерец И.В. Раскопки могильника у деревни Окунево в 2003 году (ранний комплекс)// Традиционные культуры и общества Северной Азии(с древнейших времен до современности): Материалы XLIV РАЭСК. - Кемерово, 2004. - С. 188-189.

Научный руководитель: И.В. Толпеко, к.и.н., доцент

Е.К. Тушева

Барнаул, Алтайский государственный университет, 1 курс магистратуры

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ НЕОЛИТА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ И ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ В XX в.

Целью данных тезисов является аналитический обзор вех изучения неолита в Северо-Восточном и Центральном Казахстане, его проблем и перспектив изучения.

1. Период с начала века вплоть до его середины можно охарактеризовать как первичное накопление материала путем проведения единичных поверхностных сборов, и уже с конца 30-х годов - проведение некоторых раскопочных работ, которые зачастую проводились лишь в качестве контекста к иным основным целям археологических экспедиций. Преимущественно первыми сборами коллекций занимались любители-краеведы и геологи. Свой вклад внесли И.Я. Словцов, Ф.Н. Усов, А.Н. Седельников, А. Белослюдов, Е.П. Михаэлис, А.А. Козырев, А.С. Сорокин, Л.Ф. Семенов, Г.А. Попов, П.Л. Драверт, В.Ф. Петрунь, С.В. Лопатин и многие другие, а в более поздний период, связанный с широкомасштабным изучением археологических памятников Казахстана, уже А.А. Формозов, А.Х. Маргулан, Е.И. Агеева, К.А. Акишев, М.Н. Клапчук и А.Г. Медоев.

2. В целом рубеж 1960-х гг. определил конец периода археологических исследований, когда в них преобладавал подъемный материал, а раскопочные изыскания, как правило, не проводились. В результате издания в 1960 г. «Археологической карты Казахстана» большая часть того массива памятников и подъемного материала, что был накоплен в период с начала XX века, был картографирован, обобщен и издан в виде сводных предметных таблиц [1, таб. 4, 6]. Это в свою очередь поставило уже перед новым поколением исследователей задачу не только дальнейшего накопления археологического материала, но и многостороннего его анализа. Исследователями был также поднят вопрос генезиса носителей культур каменного века.

Первую попытку создать некоторый задел для сведения в единую систему памятников неолита предпринял М.Н. Клапчук. На основе исследований начала 60-х гг. на памятниках Караганда 15 и Зеленая Балка 4 он

выделил три этапа развития позднего неолита на северо-востоке Карагандинской области, хронологически разместив их в пределах не ранее III тысячелетия до н. э. [3, с. 215, 217]. Однако в более поздних работах Клапчук склоняется к удревнению датировки до конца 4 - п.п. 2 тыс. Таким образом, сообразно степени развития науки того времени, объединяя в единый исторический этап три: неолит, энеолит и раннюю бронзу. Культурные связи населения данных стоянок он связывает с некоторыми комплексами Кустанайской области и Восточного Казахстана, считая их составляющими единой культурной провинции (Северный Казахстан) [4, с. 118].

3. К началу 70-х гг. XX в. вышло несколько обобщающих работ, касающихся неолита Казахстана. Первой из них были главы докторской диссертации С.С. Черникова, посвященные Восточному Казахстану. Хронологические границы казахстанского неолита Черников определял не моложе 7-6 тысячелетия до н. э. и допускал, что в качестве типов каменных орудий неолит Казахстана локально «может доходить до начала 2 тысячелетия до н. э.» [7, с. 27-28]. На основе данных исследований поселения у с. Усть-Нарым он предлагал выделить поздне-неолитическую усть-нарымскую культуру, которая соседствует с одной стороны с южно-уральской, а с другой с еще только оформлявшимися казахстанскими, связанными с кельтиминарской [7, с. 12]. Однако, учитывая, что исследователь включил в усть-нарымскую культуру комплекс материалов, относящихся и к позднему неолиту, и к энеолиту, достаточно затруднительно сказать, к какой эпохе следует отнести выделенную культуру.

Средний неолит Восточного Казахстана Черников соотносил с материалами Мало-Красноярки, которые имеют некоторое родство со сборами с семипалатинских дюн и находками в могильнике у с. Железинка [7, с. 18]. По керамике данная группа памятников отнесена к сибирской традиции орнаментации неолитических сосудов. Однако какой-либо этнической преемственности между двумя этими группами памятников он не отмечал, и напротив говорит о разных путях развития.

Следующая хронологическая схема была предложена Л.А. Чалой для Северо-Восточного и части Центрального Казахстана на основе материалов, полученных в ходе исследований в 1967-1971 гг. Она предложила разделить поздне-неолитический-энеолитический массив материалов на несколько локальных вариантов. В Северо-Восточном Казахстане кроме уже обозначенного Усть-Нарымского был выделен еще и Железинский ареал. Еще один вариант занимает территорию Центрального Казахстана, где также выделяются два ареала: Карагандинский и Каратургайско-Балхашский [6, с. 22]. Однако данные теории можно рассматривать лишь в качестве весомого аргумента к постановке проблемы неолита данного региона.

4. К началу 80-х гг. XX в. в Северном Казахстане благодаря работам В.Ф. Зайберта и его коллег сложилась система воззрений на неолит данного региона, которая нашла свое отражение в выделении им атбасарской культуры [2 с. 13].

Позже в своей работе посвященной мезолиту-энеолиту Центрального Казахстана А.Ю. Чиндин переосмыслил датировки и распределение инвентаря стоянок Карагады 15 и Зеленая Балка 4, прибегнув к трасологическому анализу и присовокупив к ним материалы стоянок Акимбек и Крешеновка, выстроит новую схему мезолит-энеолитических комплексов Карагандинской области. Аналогии ранне-неолитическому материалу А.Ю. Чиндин находит на севере в мезолитических памятниках Виноградовского микрорайона, средне-неолитический слой соотносит с маханджарско-атбасарским кругом памятников, связав тем самым Центральный и Северный Казахстан. Датировка центрально-казахстанского неолита по А.Ю. Чиндину соответствует более позднему периоду - V - серединой IV тыс. до н. э. [8, с. 16]. Но в силу неопределенности влияния и территориальных границ означенных культур, проблема оказывается в целом не решенной для Центрального Казахстана и решает вопрос достаточно локально и узко.

В настоящий момент ясно, что история изучения неолитической эпохи на территории Северо-Восточного и Центрального Казахстана процесс крайне сложный и неоднозначный. Таким образом, на настоящий момент существует целый ряд нерешенных проблем и противоречий:

1. Введение в научный оборот и исследование неопубликованных коллекций неолитических памятников региона.
2. Гармонизация территориальной изученности памятников, определение границ культурно-исторических влияний.
3. Выработка единых критериев относительной хронологической привязки подъемного материала и расчленения смешанных коллекций.
4. Осмысление материалов и группировка их в локальные варианты, определение абсолютной и относительной датировки памятников в общей схеме и регионально (на основе изучения многослойных памятников).

Библиографический список

1. **Археологическая карта** Казахстана. Реестр / составители Е.И. Агеева, К.А. Акишев (ответ. редактор), Г.А. Кушаев, А.Г. Максимова, Т.Н. Сенигова. - Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960 г. - 450 с.
2. **Зайберт В.Ф.** Неолит северного Казахстана (автореферат) дисс. на соискание ученой степени канд. истор. наук. - М., 1979. - 17 с.

3. **Клапчук М.Н.** Археологические находки в Карагандинской области в 1962 году // СА, М., 1965. - С. 212-217.
4. **Клапчук М.Н.** Неолитические стоянки Караганда 15 и Зеленая Балка 4 // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, № 36, М., 1969 г. - С. 108-118.
5. **Чалая Л.А.** О культуре микролитов эпохи неолита в бассейне реки Каратурской // Культуры древних скотоводов и земледельцев Казахстана, Алма-Ата, 1969. - С. 192-195.
6. **Чалая Л.А.** Неолит Северо-Восточного и центрального Казахстана. - Автореферат на соиск. учен. степени канд. ист. наук. - М., 1971.
7. **Черников С.С.** Восточный Казахстан в эпоху неолита и ранней бронзы. - Автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора истор. наук. - М., 1970. - 60 с.
8. **Чиндин А. Ю.** Каменные индустрии племен Центрального Казахстана эпохи мезолита-энеолита (на основе типологии, трасологии, эксперимента). - Автореферат дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. - СПб., 1992. - 21 с.

Научный руководитель: А.Л. Кунгуров, к.и.н., доцент

Ю. Ю. Тырышкина

г. Барнаул, Алтайский государственный университет, 3 курс

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИРМЕНСКОГО ОБЩЕСТВА БАРНАУЛЬСКОГО ПРИОБЬЯ

В работе сделана попытка воссоздать некоторые элементы социальной организации ирменского общества Барнаульского Приобья, используя материалы двух базовых могильников этой культуры: Камышенки и Плотинной. Для сопоставления использовались данные о могильнике Кузнецкой котловины Журавлёво-IV.

В Плотинной исследованы 52 могилы, в которых насчитывалось 68 погребённых. Из них 14 детей до 14 лет, три подростка, 21 женщина от 20 до 40 лет и 30 мужчин в возрасте от 20 до 50 лет (Рис. 1, 1)*; почти треть от общего числа захороненных здесь ирменцев находилась в одной «братской» могиле (по определению А.П. Уманского) [5]. На Журавлёво-IV, в отличие от Плотинной число погребённых женщин незначительно превышало количество захороненных мужчин. Общее число погребённых 155, из них 45 (29%) детей и подростков, 52 (49,1%) мужчины и 54 (50,9%) женщины [2,98-100]. По имеющимся данным можно сказать, что в погребениях Плотинной преобладал мужской компонент, на Журавлёво-IV не было ярко выраженной диспропорции, причиной которой обычно является войны или какие-либо межгрупповые столкновения, при которых гибли преимущественно мужчины.

Что касается детских захоронений, то во всех рассмотренных комплексах очень мало погребений детей. Можно предположить, что для них существовали отдельные кладбища, либо другой обряд (например, наземный способ захоронения).

В связи с плохой сохранностью памятника Плотинная, размеры основной части могил не были установлены. В двух детских погребениях фиксируются остатки деревянной конструкции. В могилах отмечен традиционный для ирменской культуры обряд труположения. Скелеты лежали на правом боку скорченно.

Инвентарь женских погребений в большинстве случаев более богат и разнообразен, что может свидетельствовать о значительной роли женщины в обществе. По мнению В.В. Боброва, нельзя исключать, что в отличие от общества андроновцев, у населения ирменской культуры несколько повысился общественный статус женщины [1,49-53]. Однако положение мужчины оставалось доминирующим. Часть погребений имеют внутримогильные сооружения (обкладка) (Рис. 1,2). Ориентировка скелетов совпадает с ориентировкой могильных ям.

В мужских погребениях найдены бронзовые ножи, причем все они были повреждены. По информации М.Ф. Косарева, захоронение преднамеренно сломанных вещей считалось у сибирских аборигенов одним из важнейших условий попадания в мир предков [3,150-153]. В Камышенке бронзовые ножи содержатся также в некоторых женских погребениях.

В рассмотренных памятниках встречены коллективные захоронения. В Плотинной - могила 26. Захоронение содержало 15 костяков. В центре могилы, вверх дном, стоял плоскодонный горшок. Рядом с ним находился воткнутый в землю бронзовый нож. Около сосуда лежали обломки черепа, обожженного на костре. Возможно, захоронение было биритуальным. А.П. Уманский считает, что все погребенные в этой могиле - мужчины, уби-

*Антропологические определения В.А. Дремова.

График 1
Плотинная. Соотношение количества погребений.

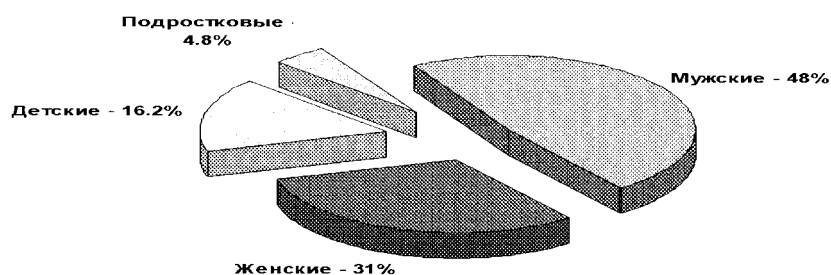

График 2
Плотинная. Количество могил с обкладкой.

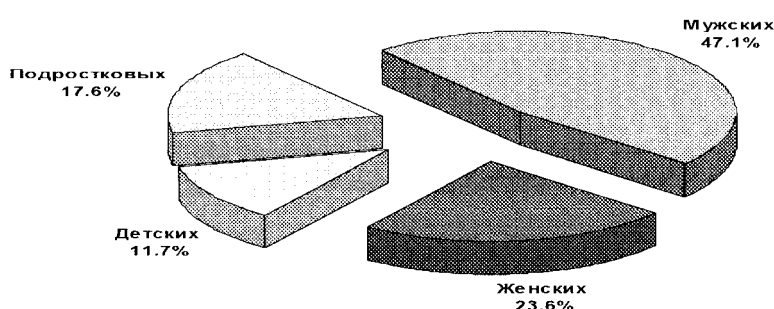
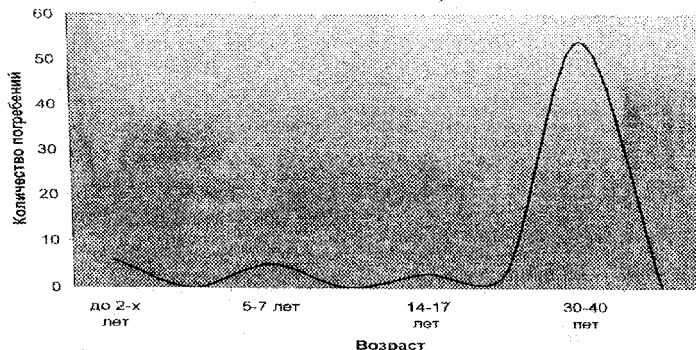

График 3
Плотинная. Пики смертности.

тые в бою с врагами. Но из антропологических определений следует, что в могиле находились также женщины и дети. С погребенными практически не было инвентаря, хотя в большинстве индивидуальных погребений, расположенных рядом, инвентарь есть. Возможно, подобная ситуация связана не с разграблением могилы, как считает А.П. Уманский, а с иной причиной смерти, и, как следствие, отличным погребальным обрядом. Считается, что перевернутый сосуд выделял места нескольких погребений, отмечая особенность смерти (эпидемия) [7,95]. А у сибирских аборигенов переворачивание считалось наиболее важным условием попадания в Преисподнюю [3,151].

В сравнительной близости от могил находилось пять глубоких ям, в которых в большом количестве обнаружены кости КРС и лошадей. Очевидно, что это остатки поминальной тризны. Нам представляется, погребальные тризны также являются ценным источником для определения социального статуса погребенного. Их размеры определялись именно положением умершего (-их) в обществе.

Коллективная могила Камышенки выделялась богатством инвентаря. В ней оказалось четыре костяка, восемь сосудов, бронзовый нож, три диадемы, кольца, бляшки и серьги. Судя по богатству инвентаря, можно предположить, что могила принадлежала племенной знати. Возможно, что сама традиция коллективных захоронений в

ирменской культуре, и связанные с ней представления, возникли в результате контактов западносибирского и казахстанского населения в эпоху поздней бронзы. [5,159-161].

Среди погребений могильника Камышенка выделяется захоронение женщины, содержащее 115 украшений. Обнаруженное здесь зеркало уникально для данной территории [8]. В Кузнецкой котловине также погребения с богатым инвентарём принадлежат, в основном, женщинам старше сорока лет. Причём в этих могилах встречаются необычные для ирменской культуры вещи [1,49-53].

По материалам Плотинной установлены пики смертности (Рис. 1,3). Первый связан с высокой послеродовой смертностью в возрасте до 2 лет, второй приходится на 5-7 лет. В подростковом возрасте уровень смертности уменьшается. Пик смертности женщин приходится примерно на 30 – 40 лет, как и у мужчин. Этот возраст составляет среднюю продолжительность жизни мужчин и женщин, без учёта детских погребений.

Для сравнения можно привести данные по могильнику Журавлёво-IV, где средняя продолжительность жизни женщин составляет 33 года, мужчин – 36,8 года [2,100]. У ирменцев, по сравнению с андроновцами, увеличивается средняя продолжительность жизни, хотя и не было встречено погребённых, возраст которых превышал бы шестидесятилетний предел. Можно предположить, что повышение средней продолжительности жизни вместе с археологическими фактами подтверждает версию об усложнении социальных структур в ирменское время [4, с.405-409].

Подводя итоги, можно сказать, что с возрастом значение человека в обществе увеличивалось, о чем свидетельствует возрастание количества инвентаря в могилах, начиная с подросткового возраста. Возможно, что примерно с четырнадцатилетнего возраста человек менял свой социальный статус и приобщался к миру взрослых. А вот переход человека в старшую группу сопровождался понижением социального статуса (что показывает уменьшение инвентаря в могилах мужчин, начиная с сорокалетнего возраста).

Во всех рассмотренных могильниках мало детских погребений. Кроме того, детей редко хоронили в курганах со взрослыми [1,49-53]. Возможно, у ирменцев существовал специальный способ погребения детей. А захоронение детей в кургане со взрослыми подчёркивало их особый статус.

На основании перечисленных фактов, можно говорить о целостности мировоззренческих представлений ирменского населения разных территорий в период финальной бронзы. Кроме того, мы считаем, что в эпоху поздней бронзы уже начался процесс расслоения общества. Однако он оставался незавершённым в результате влияния внутренних и внешних факторов.

Библиографический список

1. **Бобров В.В.** К вопросу о социологическом анализе погребений предскифского времени Кузнецкой котловины // Скифо-сибирский мир. - Кемерово, 1989. - С.49-53.
2. **Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И.** Могильник эпохи бронзы Журавлево-IV. - Новосибирск, 1993. - 156с.
3. **Косарев М.Ф.** Основы языческого миропонимания. - М., 2003. - 352с.
4. **Михайлов Ю.И.** О некоторых аспектах реконструкции половозрастной структуры обществ эпохи развитой и поздней бронзы Западной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий. Т.1. - Новосибирск, 1998. - С.405-409.
5. **Михайлов Ю.И.** Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири в эпоху бронзы. - Кемерово, 2001. - 363с.
6. **Уманский А.П.** Братская могила ирменцев у станции Плотинная // Источники по истории Республики Алтай. - Горно-Алтайск, 1997. - С. 118-126.
7. **Усманова Э.Р.** Могильник Лисаковский I: Факты и параллели. - Караганда – Лисаковск, 2005. - 232 с.
8. **Членова Н.Л.** Ирменское погребение с богатым инвентарем // КСИА. - М., 1981. - Вып. 167. - С. 100-108.

Научный руководитель- к.и.н., доц. Шагинин А.Б.

Е.А. Тюрина

Барнаул, Алтайский государственный университет, 1 курс магистратуры

РИТУАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (к постановке проблемы)*

Ритуальные сооружения являются важным источником для изучения различных сфер жизни древних обществ. Изучение подобных объектов играет значительную роль при моделировании социальной структуры и реконструкции мировоззрения населения различных эпох. «Культовым постройкам» афанасьевской эпохи уже уделялось внимание в археологической литературе [9, с. 55-62], но по причине их единичности исследователи ограничивались описанием морфологических особенностей таких сооружений. К настоящему времени известно около 20 ритуальных объектов афанасьевской культуры (мог. Кызык-Телань-I, об. 32; мог. Кор-Кобы, выкладка 7; мог. Бойтыгем-II, я.1, я.2, к. 17; мог. Первый Межелик-I, огр. 13, 14; мог. Кара-Коба, огр. 5; мог. Нижний Тюмечин-V, кольцо 1, огр. 1; мог. Урмулык, огр. 5; пам. Элекмонар, огр. 1; мог. Сальдыр-I, об. 1, 6, 12; мог. Покровский Лог-IV, об. 7а; мог. Покровка-IV, об. 3б, 3в, 3г) [1, с. 24-26; 2, с. 32-41; 3, с. 3-17; 4, с. 3-30; 5, с. 11, 13, 15; 6, с. 26-30; 7, с. 3-22; 8, с. 94-98; 9, с. 55-62; 10, с. 47-72]. Все они зафиксированы на алтайских памятниках. Нами предпринята попытка первичного анализа имеющегося материала. По причине того, что существуют значительные трудности в установлении функций рассматриваемых объектов (поминальная, культовая и др.), все постройки называются нами «ритуальными», таким образом подчеркивается их связь с ритуальной практикой.

Планиграфически выделяются два вида изучаемых сооружений: возведенные неподалеку от микрогруппы оград или пристроенные к кургану. В последнем случае часть насыпи одного объекта одновременно являлась

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05-01-01183а.

конструкцией другого. На нескольких погребальных комплексах отмечена ситуация, когда возводилась не одна постройка, а две. Например, на могильнике Первый Межелик–I у цепочки погребений 3, 4, 5, 12 раскопаны огр. 13 и 14, носившие в древности ритуальный характер. Аналогичное наблюдение сделано на памятниках Нижний Тюмечин–V, Сальдяр–I. Пристройка двух ритуальных объектов к одному кургану зафиксирована однажды (на могильнике Покровка–IV).

Большинство рассматриваемых сооружений обладало внешним сходством с погребальными конструкциями афанасьевской культуры. Они могли представлять собой каменную выкладку, крепиду, кромлех, стенку. Проведенное исследование показало, что в ритуальной постройке отражались черты курганов, преобладающих в цепочке, или огады, около которой она возведена. Особенности объектов ритуального характера были отсутствие могильной ямы и костяка умершего. Заметим, что ямы (или углубления) могли проследиваться в подобных сооружениях, но они не имели внешнего сходства с погребальными камерами, и специфика их устройства подчеркивала иную функциональную нагрузку. В некоторых объектах фиксируются следы совершения каких-то обрядовых действий (угли, кострища, фрагменты посуды, кости животных).

По нашему мнению, описываемые сооружения можно разделить на три группы (по наличию и специфики конструкции ям).

I группа (девять объектов). Яма (или углубление) отсутствовала.

II группа (пять объектов). В центре или у края выкладки имеется небольшое углубление округлой или неправильной формы (диаметром (в среднем) – 1, 7 м; глубиной около 0,05–0,1 м).

III группа (три объекта). В центре огады – яма глубиной от 0,5 м до 1,1 м. В большинстве случаев пятно было округлого или подовального очертания, диаметром от 0,64 до 6 м.

В процессе исследования не удалось выявить особенности в расположении объектов первой и второй групп на могильном поле. О сооружениях третьей группы, по причине их малочисленности, сказать что-либо определенное трудно. Заметим только, что они всегда являлись «самостоятельными» конструкциями: не отмечено ни одного случая их пристройки к кургану.

Инвентарь всех ритуальных объектов был однотипен: керамическая посуда, каменные отщепы (реже – песты), кости животных. Изделия из металла найдены в двух случаях (к. 1 мог. Нижний Тюмечин–V (фрагмент серги); огр. 1 пам. Элекмонар (нож)). В четырех огадах предметов не найдено.

Определить точное назначение подобных сооружений афанасьевской эпохи достаточно трудно. Следы обрядовых действий фиксируются и в огадах погребений. Среди некоторых микрогрупп курганов не раскопано ни одного объекта ритуального характера. Ряд авторов считает, что часть представленных конструкций является кенотафами []. Действительно, такие постройки, как об. 14 мог. Первый Межелик–I, об. 5 пам. Урмулык, об. 1 мог. Сальдяр–I, огр. 3б, 3г пам. Покровка–IV, имеют ряд черт, которые позволяют сделать вывод, что они имитируют погребение. Все перечисленные огады в центре имели выкладку из каменных плит, напоминающую перекрытие могильной ямы. Под ней часто обнаруживают керамические сосуды. По нашему мнению, отнесение таких объектов к кенотафам несколько упрощает ситуацию. Остаются вопросы: почему большинство этих объектов идет в паре с еще одной ритуальной конструкцией? как толковать сооружения, которые находят больше сходства с кенотафами нежели приведенные (например, южная могила к.7 мог. Бойтыгем–II)?

Таким образом, разнообразие конструкций ритуального характера свидетельствует о сложной системе представлений о смерти, существующих у «афанасьевцев». Заметим, что в исследование включены наиболее часто встречаемые виды построек. На афанасьевских могильниках фиксируются также грунтовые ямы (я. 1, 2 мог. Бойтыгем–II), выкладки неправильной формы, соединяющие ритуальные сооружения (выкл. 1–4 мог. Первый Межелик–I). С расширением числа источников будет перспективным комплексный анализ всех видов конструкций, что позволит соотнести их с различными этапами погребального обряда (до похорон, похороны, послепохоронные действия). Отмеченные нами особенности в топографическом расположении объектов, позволяют предположить, что ритуальные объекты являются одной из специфичных черт алтайских памятников афанасьевской культуры.

Библиографический список

1. Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. Афанасьевские памятники Бойтыгема // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. – С. 24–26.
2. Абдулганеев М.Т., Славнин В.Д. Материалы эпохи бронзы из раскопок с. Ело // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – Вып. 2. – С. 3–17.
3. Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., Степанова Н.Ф. Раскопки афанасьевского могильника Первый Межелик–I в Онгудайском районе // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 1999. – № 4. – С. 32–41.
4. Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр–I. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 208 с.
5. Ларин О.В. Афанасьевские памятники Среднего течения Катуня // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 3–30.

6. **Посредников В.А., Цыб С.В.** Афанасьевский могильник у села Кара-Коба // Археологические и фольклорные источники по истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 26–30.
7. **Степанова Н.Ф.** Исследования у с. Элекмонар // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1993. – Ч. 1. – С. 94–98.
8. **Суразаков А.С.** Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1987. – С. 3–22.
9. **Цыб С.В., Владимиров В.Н.** Афанасьевское культовое место у с. Кара-Коба // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982. – С. 55–62.
10. **Шульга П.И.** Погребения эпохи энеолита – бронзы в долине Сентелека // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. – Барнаул, 2006. – С. 47–72.

Научный руководитель – д.и.н., проф. Ю.Ф. Кирюшин

В.М. Шайхутдинов

Барнаул, Алтайский государственный университет, 2 курс

ИЗУЧЕНИЕ ГОРНОРУДНОГО ДЕЛА НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЯ (к постановке проблемы)*

Особенность Алтая заключается в наличии полиметаллических руд. Данный фактор играл немаловажную роль в этнокультурном развитии региона не только в древности и средневековье, но и в последующем заселении территории. Разработка полиметаллических руд в данном регионе началась в глубокой древности и продолжалась в последующие эпохи. Изучение зарождения и развития на территории Алтая горного дела, металлургии и металлообработки актуальное и перспективное направление исследований [3;154].

Целью данной работы является рассмотрение проблемы горнорудного дела населения Алтая в бронзовом веке. Прежде чем начать рассмотрение проблемы, следует разграничить понятия «горное дело», «металлургия» и «металлообработка». Горное дело – это добыча и рафинирование руды; металлургия – выплавка металла из руд; металлообработка – отливка и ковка металлических изделий [5;137; 8].

В работе, посвящённой изучению горнорудного дела, необходимо привести данные о состоянии сырьевой базы. Полиметаллические руды сосредоточены в основном в Рудном Алтае, который вместе с Казахской его частью является крупной провинцией полиметаллических руд. Большинство месторождений имеет гидротермально-метасоматический генезис. Они представлены пластовыми и линзообразными залежами медно-цинково-цинковых руд. Минералогический состав руд: галенит, сфалерит, халькопирит, халькозин, барит, борнит, блеклая руда, пирит, кварц, карбонаты [7,8]. Рудное сырьё находится на территории Рудного Алтая во внушительном количестве и расположено в основном по рекам Чарыш, Иртыш и Алей.

В пределах Рудного Алтая выделяются Змеиногорский, Золотошенский, Рубцовский рудные районы. На территории Змеиногорского рудного района находятся шесть рудных полей. В Карболихинское рудное поле входят Среднее и Стрижковское полиметаллические месторождения, Карболихинское колчеданно-полиметаллическое, Змеиногорское и др. Лазурско-гольцовское рудное поле включает Лазурское колчеданно-полиметаллические месторождения. Берёзовское поле охватывает Майское и Тушканихинское полиметаллические месторождения. В Черепановское, Семёновское, Белоглинское рудные поля входят одноимённые полиметаллические месторождения [7;10]. Золотушинский рудный район включает рудные поля: Золотушинское (Золотушинское, Искровское, Новозолотушинское месторождения), Титовско-Сургутановское (Титовское, Сургутановское, Гериховское) и др. Рубцовский рудный район изучен слабее, т.к. коренные породы здесь покрываются чехлом рыхлых мезозойско-кайнозойских отложений мощностью 50-200 м. В его составе выделяются рудные поля: Таловское (Степное, Таловское) и Рубцовское (Рубцовское, Захаровское месторождения) [7;12].

Первые научные сведения о древних объектах горно-рудного дела Алтая были получены участниками академических экспедиций в XVIII в. (Д.Г. Мессершмидт, Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, П.С. Палас), а также горными инженерами и служащими Колывано-Воскресенского горного округа (И. Лейбе, И.Ф. Герман, И.М. Ренованц и др.). В XIX в. наряду с описанием и фиксацией памятников археологии Рудного Алтая распространение полу-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект №05-01-01183а.

чило собирательство древних предметов, обработка коллекций и публикация материалов. В целом же в XVIII–XIX вв. целенаправленных археологических раскопок подобных объектов на Рудном Алтае не производилось, но до сих пор большое значение имеет описание древних горных выработок этого периода.

Первые крупные археологические работы по исследованию древних выработок на золото, медь и олово провёл С.С. Черников в 1936 и 1937 гг. на территории соседнего Восточного Казахстана. Им были обследованы древние выработки и открыты находящиеся вблизи них поселения металлургов, собран большой материал на памятниках, что позволило датировать некоторые месторождения и реконструировать процесс добычи и обработки руды; впервые были сопоставлены химические анализы руды и металлических изделий [3,154; 5,138]. В 1955 г. обнаружен древний рудник Владимировка, разработка которого велась с глубокой древности, начиная с афанасьевской эпохи. В конце 1970-х гг. геологами Б.В. Сорокиным и А.Б. Гладыко во время геологических исследований были открыты древние выработки на золото и поселение древних металлургов в окрестностях с. Новофирсово Курьинского района [3,154]. Небольшие археологические работы в этом районе проводил П.И. Шульга [9,25]. Обследованием древних объектов горнорудного дела в последнее время занимается группа барнаульских археологов [3,154]. Этим практически исчерпывается история археологического изучения древних памятников Рудного Алтая, связанных с горнорудным делом.

Сегодня проблема изучения древнего горного дела на территории Алтая разработана довольно слабо. В зоне залегания рудных тел, административно относящихся к территории Алтайского края и Восточного Казахстана, обнаружены древние выработки, но в них не обнаружено датирующих вещей, по которым возможно определить возраст разработок и культурную принадлежность населения их разрабатывавшего. На данный момент на территории Алтая существует лишь несколько памятников, в которых присутствуют датирующие вещи. Один из них - Владимировка, где встречены орудия, использовавшиеся для добычи руды рудокопами афанасьевской культуры [1,40-46]. Существуют также некоторые данные, которые косвенно указывают на разработку тех или иных рудных районов Алтая населением бронзового века. Так, например, химический состав металлических изделий елунинской культуры, найденных на поселении Берёзовая Лука, аналогичен химическому набору некоторых месторождений в Змеиногорском рудном районе (Лазурное, Семёновское, Гольцовское и т.д.), что, как уже говорилось выше, косвенно указывает на разработку елунинцами данного рудного района [4,120].

Таким образом, в данный момент в регионе необходимы комплексные раскопки уже найденных древних выработок, а также новые разведки, нацеленные на выявление новых объектов. Требуется работа с металлическими предметами, шлаками, кусочками руды из археологических памятников с целью выявления их связи с тем, либо иным рудным районом или конкретным месторождением. Такие исследования должны носить комплексный характер с привлечением специалистов из разных отраслей научного знания. Еще одним из направлений в изучении должно стать картографирование древних выработок, открытых в XVIII-XIX вв. Для этого требуется привлечение письменных архивных материалов этого периода, в которых имеются сведения о «чудских копиях», и информация об их местонахождении [3,154].

Библиографический список

1. Баженов А.И., Бородаев В.Б., Малолетко А.М. Владимировка на Алтае – древнейший медный рудник Сибири. - Томск., 2002. – 120 с.
2. Гришин Ю.С. Древняя добыча меди и олова. - М., 1980. – 135 с.
3. Гришин С.П. Историко-культурные комплексы на горе Пихтовая в контексте проблемы изучения объектов древнего горнорудного дела // Теория и практика археологических исследований. - Барнаул, 2005.- Вып. 1. – С. 153-158.
4. Кирюшин Ю.Ф. Берёзовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. - Барнаул, 2004. – Т. I. – 228 с.
5. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? - М., 1994. – 454 с.
6. Розен М.Ф. Древняя металлургия и горное дело на Алтае. Обзор исследований // Древние горняки и металлурги Сибири. - Барнаул, 1983. – С. 16-19.
7. Чекалин В.М. Роль Змеиногорского месторождения золото-серебро-барито-полиметаллических руд в истории основания и развития города Змеиногорска // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). - Барнаул, 1999. – С. 6-16.
8. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА №172.- М., 1970. – 180 с.
9. Шульга П.И. Разведочные раскопки горных выработок на горе Сурич // 300 лет горно-геологической службе России: история горнорудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая. - Барнаул, 2000. – С. 24-27.

Научный руководитель – к.и.н., доцент С.П. Гришин

СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ

В октябре 2006 г. археологический отряд Иркутского Государственного университета проводил археологические спасательные работы по трассе нефтепроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий Океан», в зоне перехода через Усть-Илимское водохранилище. Работы проводились на правом берегу Ангары, на местонахождении Адорма.

Первые археологические работы в среднем и нижнем течении Ангары были проведены в 1882 г. Н.И. Витковским, предпринявшим поездку по долине Ангары от Иркутска до устья р. Тасеево [2]. Регулярные исследования в Северном Приангарье начинаются с середины 20-х гг. [4]. С 1961 по 1975 гг. комплексная экспедиция ИГУ и Ангаро-Илимская экспедиция ИИФФ проводят исследования в зоне затопления Усть-Илимского водохранилища. В процессе работ отрядом комплексной экспедиции ИГУ обследовался 40 километровый участок Ангары от нижнего бьефа Братской ГЭС до Дубынинского порога [3]. В 1989-90 гг. в акватории Усть-Илимского водохранилища Иркутская лаборатория археологии и этнографии ИГУ проводит разведочные работы с целью выяснения современного состояния археологических объектов [1]. Во время этих работ, в 1990 г., в 30 км ниже плотины Братской ГЭС, на правом берегу Ангары, в осыпях обнажений собран археологический материал, датированный эпохой палеометалла. Местонахождение получило название «Адорма» по имени мелкого ангарского притока, впадающего в 400-450 м ниже мест сбора археологического материала.

Обследуемый участок ограничивается с юга северным склоном г. Дементьев Камень, с севера - долиной р. Адорма, с запада - граница территории маркируется береговой кромкой Усть-Илимского водохранилища, с востока - западными отрогами водораздела Мудорма-Адорма. Абсолютные отметки поверхности участка увеличиваются с запада на восток от 307 до 325 м. Относительные гипсометрические отметки от межи р. Ангара до затопления - 20-25 м. Современные относительные отметки от зеркала Усть-Илимского водохранилища 12-15 м. Левый борт р. Адорма, на котором располагается объект, представляет собой фрагмент придолинной поверхности, имеющей слабый уклон в сторону долины Ангары, расчлененной боковыми распадками, заложенными по трещиноватости коренных пород. Отмечается схождение нескольких линеаментов трещиноватости коренных пород в устьевой точке р. Адорма, что явилось определяющим фактором в оформлении локальной депрессии в ложе коренных пород и седиментации покровных рыхлых отложений большой мощности на придолинной поверхности в данном месте. Общая мощность рыхлых отложений - видимая до 15 м, предполагаемая - около 20 м. Всего в разрезе выделяется 4 пачки разновозрастных алевритовых отложений, состав которых аналогичен, но имеются различия по цвету, характеру слоистости и генезису.

В восточной части обследуемого участка придолинная поверхность сочленяется со склоновой выраженной в рельефе перегибом. В зоне перегиба в нижней части склоновой поверхности отмечаются изменения цвета и состава рыхлых отложений. Рыхлые отложения здесь представлены продуктами разрушения коренных пород ийской свиты - красноцветными щебнистыми дресвяными суглинками.

В ходе спасательных работ было заложено семь раскопов общей площадью 1785 м². Общее количество находок 2526 ед. На местонахождении зафиксировано три культуросодержащих горизонта. Хронометрия первого культуросодержащего горизонта предварительно определяется ранним – поздним средневековьем. Материал первого горизонта представлен изделиями из железа: нож, наконечники стрел, щипцы, а также развалы гладкостенных толстостенных сосудов, редкие каменные артефакты. Для первого горизонта преобладающими являются плоскодонные сосуды. Обнаруженная керамика «Елгинского типа», относящаяся к финалу бронзы - начало железа, характерна для северного побережья оз. Байкал [5]. Также в первом горизонте было обнаружено одиночное погребение. Оно располагалось на глубине 0,60 м от современной поверхности. Под слоем бересты находился костяк ребенка, приблизительного возраста 10-14 лет. Погребенный был помещен в могилу в вытянутом на спине положении, головой ориентирован на восток. Сопроводительный инвентарь - ножницы, бронзовый колокольчик, серебряные орнаментированные пластинки, костяной игольник.

Второй культуросодержащий горизонт, отнесенный на основании морфологии керамики и каменного инвентаря, к эпохе бронзы, содержит наибольшее количество археологического материала. Коллекция каменного инвентаря представлена разнообразными наконечниками стрел, топорами и теслами, скребками, ретушированными сколами и пластинами. Среди находок особый интерес представляют рубящие изделия. Было обнаружено 17 рубящих изделий, из них 12 представлено обломками тесел, 2 – обломками топоров, топор и одно целое тесло.

Для второго горизонта характерен весь спектр обнаруженного керамического материала, сосуды круглодонные, остродонные. Коллекция представлена фрагментами от сосудов с негативами крупного перевитого шнура, рубчатой лопаточки, сетки-плетенки и с гладкой поверхностью. Большинство сосудов толстостенные, толщина по тулову 0,6-0,8, но встречаются и тонкостенные 0,2-0,3 см по тулову. Основным мотивом орнаментации служит: поясок сквозных отверстий, нанесенных по сырому тесту вдоль верхнего среза венчика; несквозные отверстия по венчику; нанесенные с внутренней поверхности на внешний образующей горошины; ряды подтреугольной отступающей лопаточки; оттиск зубчатого ролика, нанесенного горизонтальными и вертикальными рядами; прочерченные линии; разнообразные штампы; наlepные валики (в том числе с ногтевыми зашипами).

Коллекция 3 культуросодержащего горизонта в основной массе представлена фрагментами сосудов с негативами сетки-плетенки, нуклеусами для микропластин, скребками. По уровню залегания археологического материала и типу керамики третий горизонт предварительно отнесен к эпохе ранней бронзы – позднему неолиту.

На всех трех уровнях залегания археологического материала зафиксированы округлой формы следы огнищ с углем и приуроченные к ним фрагменты жженой кости и мелкие отщепы.

Несмотря на обширную площадь распространения археологического материала, концентрация его в сравнении с аналогичными по возрасту местонахождениями небольшая. Вероятно, эпицентр объекта, судя по рельефу дна и интенсивности размыва, уничтожен ранее водами Усть-Илимского вдхр. Тем не менее, в результате проведенных исследований на вскрытых площадях собран интересный археологический материал, достаточно определенно характеризующий позднеголоценовую археологию Северного Приангарья. Как видно, местонахождение Адорма стоит в одном ряду обширных по площади местонахождений плейстоцен-голоценового возраста Северного Приангарья (Берямба, Боковушка, Шаманка, островные местонахождения). Но, поскольку сопоставимые по масштабу исследования на данных местонахождениях не проводились, значение проведенных спасательных археологических работ заключается и в том, что они позволяют представить строение подобных местонахождений.

Библиографический список

1. Базалийский В.И., Инешин Е.М., Роговской Е.О., Таракановский С.П., Федоренко А.Б. Отчёт «Археологическое обследование Братского и Усть-Илимского водохранилища в 1990 г». – Иркутск, 1991 г.
2. Витковский Н.И. Следы каменного века в долине р. Ангары // Изв. ВСОРГО. – Иркутск, 1889. – Ч. 20. – № 2. – С. 1-35.
3. Соколов В.И. Отчёт: «Археологические исследования в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС летом 1977 года». – Иркутск, 1978 г.
4. Окладников А.П. Неолитические находки в низовьях Ангары (к итогам работ 1937 г.) // ВДИ. – № 4. – С. 181-186.
5. Харинский А.В. Предбайкалье в кон. 1 тыс. до н. э. – сер. 2 тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация // Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2001 г. – 199 с.

*Научный руководитель- н.с. Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии
ИАЭТ СО РАН - ИГУ Роговской Е.О.*

ЭПОХА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Ю.Н. Бабелюк, А.А. Козлов
Сибирский федеральный университет

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО ВАРИАНТА ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Во второй половине XX вв. в связи с массовым накоплением материала, поступающего в процессе стационарных раскопок и разведок, исследователи все чаще стали обращать внимание на локальные различия в погребальном обряде, формах изделий, орнаменте керамики различных тагарских групп, обитавших в степных и лесостепных районах [5].

Одним из вариантов тагарской культуры, обладающим выраженными своеобразными чертами, является красноярский, который выделен на основании памятников, изучавшихся с конца XIX в до середины 70-х годов XX вв. Красноярский вариант тагарской культуры относится ко второй стадии культуры минусинских степей по классификации С.В.Кисилева или к сарагашенскому этапу по классификации М.П.Грязнова [6, с. 67].

Своеобразные черты красноярского варианта тагарской культуры проявляются на материале раскопок курганов и поселений.

Во всех раскопанных курганах погребение совершалось в четырехугольной яме, стенки которой укреплялись срубом из стволов лиственницы, а дно выстилалось берестой. Сверху камера покрывалась накатом из нескольких слоев бревен и покровом из бересты. В более раннее время захоронения производили по обряду трупоположения, а позднее - по обряду трупосожжения. Сверху возводилась курганный насыпь, под которой сооружалась одна могила с захоронением до сотни человек [7, с. 306]. Своеобразно и устройство единичных курганных оград, которые были округлой формы и складывались из небольших камней [10, с. 242].

Обязательным элементом погребальной практики является помещение с умершими миниатюрных копий бронзовых ножей, кинжалов, чеканов и зеркал. В единичном случае были найдены втульчатые круглообушечные чеканы и тщательно выполненные крестовые кинжалы, что определяет своеобразие культуры в районе [11, с.280-284]. В некоторых курганах встречены бронзовые изображения оленя в летящем галопе, столь типичные для скифо-сибирского мира. Однако в манере изображения оленя, по мнению Р.В.Николаева, выражены черты, присущие данному району - свободное летящее положение с подогнутыми ногами, рога оленя изогнуты полукругом, морда чуть наклонена вниз [10, с.240].

На основании изучения керамического материала из тагарских курганов Красноярского района исследователи выделяют компоненты, принявшие участие в сложении красноярского варианта тагарской культуры. В своих работах по керамике, М.А.Дэвлет отмечает сосуды баночной, конической, рюмковидной и котловидной форм. Имеются котлы с ручками по краю, сосуды с ручками в виде горизонтально расположенных треугольников, четырехугольные сосуды на ножках и крупные банкообразные сосуды, украшенные вокруг венчика лепными изображениями козлиных и бараньих рогов, что, вероятнее всего, являлось культовой деталью при погребении. Украшалась посуда различным орнаментом, характерным только для данной территории – зубчатыми и С-образными оттисками, пересекающимися косыми линиями, волнообразными полосами, ногтевыми зацепками, маленькими насечками по внешнему краю венчика [2, с. 206-210].

По мнению исследователей, в основу формирования керамики района легла культура динлин-тагарцев с таштыкским влиянием. Об этом свидетельствуют многочисленные сосуды баночной формы с лошенной поверхностью, сосуды на поддоне, «с плечиками», с двумя ручками, с острыми вертикальными выступами по краю венчика. На тагарской посуде района прослеживаются и автохтонные орнаментальные элементы, которые представлены сетчатой поверхностью и в виде лепных чешуек [3; 10, с. 242].

О своеобразии культуры красноярских тагарцев свидетельствуют и бронзовые предметы из кладов. В составе Есаульского и Торгашинского кладов отмечены своеобразные формы кинжалов, ножи с кольцами, трапециевидной рукояткой, бронзовые футляры и игольник [1, с.116-117].

Характеризуя культуру тагарского населения района, следует отметить комплексность развития хозяйства, которое было обусловлено природной средой - увеличением удельного веса охоты, рыболовства и собирательства в скотоводческо-земледельческой среде. Склепы в виде срубов и находки в кладах столярных и плотницких инструментов указывают на развитие деревообработки и строительного дела [11, с. 280-284].

Локальность варианта тагарской культуры может быть объяснена различным этническим составом ее носителей. По мнению, Р.В.Николаева красноярский вариант был создан кетоязычными пришельцами с юга Сибири, которые оказались здесь в весьма тесных контактах с более древним самодийским населением. С другой стороны, А.И.Мартынов считает, что красноярский вариант создан динлин-тагарцами европеоидами, которые начали переселяться сюда на рубеже III-II вв. до н.э. под воздействием волны “великого переселения народов”, вызванной интенсивными гуннскими завоеваниями [6] и пришедшие в Красноярскую лесостепь тагарцы были неоднородны в своей массе. Они уже были подвержены гуннскому влиянию и несли с собой некоторые элементы таштыкской культуры. По мнению М.А. Дэвлет, тагарцы, придя на территорию Красноярска застали здесь автохтонную самобытную культуру, которая продолжала существовать параллельно с ними. Эти культуры оказывали друг на друга взаимное влияние [3, с. 16-33].

Рассматривая историческую судьбу культуры красноярских тагарцев, Р.В.Николаев отмечает отдельные ее параллели в погребальном обряде кетов, находит аналогии бронзовым изделиям карасукской и тагарской культур в украшениях энцев и нганасан. Он делает вывод, что все это подтверждает этническую и культурную связь между племенами карасукско-тагарской эпохи и современными народами красноярского Севера. Некоторая примесь монголоидности на европеоидных черепках из тагарских курганов позволили говорить исследователю об ассимиляции местного населения пришлыми тагарцами. По его мнению, в Красноярском районе существовала база для создания местной своеобразной культуры, тесным образом связанной с культурами юга и Прибайкалья [8, 12].

При подведении итогов истории изучения тагарской культуры Красноярской лесостепи нужно отметить, что имеющиеся на сегодняшний день источники и публикации, в том числе и две обобщающие работы В.Г.Карцова [4] и А.И.Мартынова [6], открывают возможности для осмысления всех материалов красноярского варианта тагарской культуры на новом уровне.

Библиографический список

1. Гришин Ю.С. Производство в тагарскую эпоху // МИА №90, М., 1960.
2. Дэвлет М.А. Керамика позднеатагарских курганов Красноярского района. СА №2, 1964.
3. Дэвлет М.А. К истории исследования тагарской культуры // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976
4. Карцов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск, 1929.
5. Левашева В.П. К вопросу о местных особенностях в погребениях тагарской культуры // СА №1, 1958
6. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979.
7. Максименков Г.А. Новые данные по археологии района Красноярска // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.
8. Николаев Р.В. Некоторые вопросы кетского этногенеза и динлинская проблема // Красноярский край (материалы по географии и истории). - Изв. Красноярского Отдела Географического общества СССР. - Вып.2. Красноярск, 1962. С. 253-262.
9. Николаев Р.В. Курганы тагарской эпохи у Красноярска // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963.
10. Николаев Р.В. Красноярский вариант тагарской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
11. Николаев Р.В. Есаульский клад // СА № 3, М., 1961.
12. Николаев Р.В. Некоторые вопросы этногенеза народов Красноярского севера // Краткие сообщения института этнографии. Вып. 34, М., 1960.

С. А. Билялов

Астана, Академия государственного управления, аспирант II курса

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ДРЕВНЕГО УСУНЬСКОГО ОБЩЕСТВА (по данным погребальных материалов)

В условиях ограниченной письменной информации о социальной стратификации древних кочевых обществ Евразии, полученных только из анализа отрывочных, но весьма ценных сведений, содержащихся в китайских хрониках, большой вклад в раскрытие данной темы вносят археологические данные. Поэтому в последнее вре-

мя во многих работах исследователей можно заметить интерес к социальным реконструкциям древних обществ базирующихся на материалах археологических раскопок памятников и являющихся актуальными в археологии. В то же время надо заметить, что изучение социальной истории древних кочевников Казахстана затрагивалось в работах многих авторов, и мы до сих пор не имеем обобщающего труда по данной тематике, а имеющиеся работы и статьи не дают общей картины [1; 2; 5].

На сегодняшний день в археологии имеются различные методики социальных реконструкции древних кочевников Евразии, позволяющие их применять на материалах усуньских памятников Семиречья. Критериями для проведения таких параллелей являются вполне традиционные признаки: размер и конструктивные особенности погребального сооружения, способ погребения и состав инвентаря.

Так проблемой изучения социальной истории древних усуней Семиречья были обозначены в работах таких исследователей как К. Акишева, Г. Кушаева, Е. Агеевой, А. Максимовой и А. Досымбаевой.

Памятники усуньской культуры распространены на огромной территории Семиречья, частично Ферганы и в северной части Восточного Туркестана.

Анализ материалов из погребений со 180 курганов и более десятка могильников показывает, что распределение погребального инвентаря было неодинаковым и неравномерным. Как показывают многочисленные исследования ученых, неравенство, пусть даже в самой примитивной форме, существовало всегда. В китайских источниках сообщается о том, что усуньский гуньмо и вожди, используя свою власть и экономическое положение, захватывали лучшие участки пастбищ в личное пользование [4, с.319]. Присутствие в погребениях двух и более сосудов, а в отдельных случаях и пяти (погребение кургана 25, могильника Сарытогай 1) является показателем имущественного расслоения и неравенства [5, с.10].

В частности, оперируя величиной трудозатрат, диаметром курганов и определенными наборами предметов (культовые, оружие, орудия труда, украшения) можно выделить четыре группы погребений:

Первая группа, это каменные курганы, с двойным кольцом у основания или же прямоугольной каменной выкладкой и кольцом в ней, с размерами в диаметре. Предположительно они относились к властной элите усуней, представлен большими курганами диаметром 50-80 и 8-12м высотой.

Вторая группа представлена погребениями священнослужителей, об этом свидетельствует захоронения с культовыми предметами как булавы (погребение могильника Курты и Актерек). Диаметр курганов от 12-15 м до 60 м, высотой 1,2 до 3,5 м. Инвентарь других погребений представлен сосудами, ножами и ритуальной пищей на деревянном блюде (чашка, ложка) свидетельствующие об их принадлежности к служителям культа.

Вооружение среди находок представлено в небольшом количестве (вооружение является основным маркером военнизированной общности, но в большинстве погребений он либо незначителен, либо отсутствует), данный факт позволяет говорить о том, что значительная часть населения была лишена оружия. Возможно, данные погребения являются захоронениями военных предводителей. По-видимому, вместо вооруженного народа появились дружины великого и малого гуньмо. Эти дружины служили опорой их власти не только при внешних войнах, но и при народных волнениях.

Наиболее многочисленная группа представлена погребениями рядовых кочевников, которых хоронили в небольших погребальных конструкциях (представлен в виде небольших насыпей диаметром 5-10 м и 0,3-0,5 м высотой, с незначительным набором инвентаря).

Таким образом, суммируя данные размеров погребальных сооружений и инвентаря можно говорить о наличии высокой степени дифференциации древнего усуньского общества.

Библиографический список

1. Акишев К.А Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н.э. – V в.н.э.). Автореф. дисс. д.ист.н. М. 1986.
2. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.
3. Акишев К.А Государства тюркоязычных народов // Эволюция государственности Казахстана: Матер, междунар. конф., г. Алматы, 3-5 апреля 1996. Алматы, 1996.
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведения о народах, обитавших в Средней Азии, в древние времена. — Алматы, 1998. — Ч. 1.
5. Досымбаева А. О социальной стратификации общества в государстве древних усуней (по данным погребального обряда) // Эволюция государственности Казахстана: Материалы междунар. конф., г. Алматы, 3-5 апреля 1996. Алматы, 1996.
6. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
7. Максимова А.Г. Усуньские курганы левобережья реки Или // Известия АН КазССР, серия ист., арх., и этногр., вып 1, 1959.
8. Максимова А.Г. Цепочка курганов из могильника Караша I //Сб. ст. По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
9. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л. Наука, 1976.

Научный руководитель: Абжанов Х.М. д.и.н. профессор ЕНУ им. Л. Н. Гумилева

ЗЕРКАЛА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

Зеркала имеют большое значение как источник исторической информации. Все рассмотренные мною зеркала не местного происхождения. Значит, изучая их происхождение можно установить связи местного населения с жителями других регионов. Следует отметить, что декоративное оформление ритуальных предметов, в данном случае зеркал, как правило, отражает культурно-художественные особенности определенной религиозной традиции, которая связана с конкретными территориями.

Рассмотренные мной зеркала относятся к эпохе раннего железа и средневековья. Основная их часть связана с памятниками большереченской общности, а именно с каменной и кижировской культурами.

Самая северная находка связана с кижировской культурой.[1, с.57-62.] В 1958 году у с. Бурбино Томской области был обнаружен комплекс предметов и среди них четыре бронзовых зеркала. Они имеют дисковидную форму с выступающей центральной ручкой на обороте. Диаметры зеркал – от 11,5 до 8,7 см. Ручка представляет собой гладкую или рельефную кнопку, расположенную на четырех стержнях или выступающем прямоугольнике с вдавлениями по длинным сторонам или на петле. В одном случае она орнаментирована двумя концентрическими окружностями с ромбовидным выступом в центре. Кнопка другого зеркала представляет собой деградированное изображение свернувшегося зверя. У двух остальных зеркал кнопки гладкие. Дата бурбинских находок – не позже IV вв. до н.э. Аналогии этим зеркалам ведут в тагарскую культуру. Их проникновение говорит о ее связи с населением кижировской культуры.

Остальные зеркала раннего железного века найдены в могилах каменной культуры. Можно указать, что почти все зеркала имеют следы повреждений и починки, что свидетельствует об их длительном употреблении. Наиболее ранними из них являются зеркала-погремушки из курганов Рогозиха-1 и Локоть-4а (Лесостепной Алтай). Они изготовлены из двух позолоченных бронзовых дисков средним диаметром около 15 см. Они имели отломанные к настоящему времени удлинённые плоские ручки. Сами диски скреплялись между собой штифтами-заклепками. Тыльная сторона этих зеркал имела два рельефных полых валика и цельнометаллический конический выступ по центру. Внешний валик отстоит от края диска на 5-6 мм, внутренний – примерно на 5 см. Зеркала получили название погремушек, так как в их внешнем полем валике находились маленькие кусочки металла, гремевшие при сотрясении зеркала. Поэтому считается что такие зеркала (они известны не только на Алтае) употреблялись при совершении культовых обрядов. Орнамент (концентрические окружности и ряды небольших кружков) и изображения наносились чеканкой уже золоченого диска, который затем склепывался с лицевым. Пространство между валиками занято изображением религиозно-символической сцены. На каждом зеркале это стоящие во весь рост две женские фигуры. На рогозинском зеркале в верхней части диска изображен слон, на котором сидит птица, в нижней части имеются поясные изображения трех женских фигур. На зеркале из Локтя-4а над женскими фигурами и под ними находятся антилопы. Вполне вероятно, что перед нами праздничное шествие культового характера. Исследователи связывают семантику зеркал с Индией или прилегающей к ней территорией, а производство подобных зеркал с Индией или Бактрией. П.Н. Шульга датирует оба зеркала V в. до н.э.[7, с.86-92]

Бронзовое зеркало из Быстровки-1 представляет собой диск диаметром 13,5 см с отходящей от него длинной ручкой. Поломано в древности, имеет следы починки железной проволокой. На его тыльной стороне имеются два концентрических невысоких валика. Центральная часть заполнена геометрическим орнаментом, а основное поле – изображениями тигров. Вероятно здесь показан прыжок тигра, разложенный на три фазы. Изображение выполнено чеканкой по металлу, причем линии изображения состоят из мелких, расположенных друг за другом уголков. Зеркало по своей форме может быть датировано IV-III вв. до н. э. Исследователи связывают его происхождение со Средней Азией или Ираном.[2, с.38, 96-97]

Зеркало из кургана могильника Раздумье около г. Камень на Оби является крупным плоским диском, гладким с обеих сторон. Его удлинённая рукоять орнаментирована гравированными линиями, выполненными уголками. Конец ручки оформлен в виде стилизованной головы грифона.[5, с.110-113]

Два зеркала из Новотроицких курганов – крупные позолоченные бронзовые диски с длинными ручками. Тыльная часть одного зеркала орнаментирована прочерченными концентрическими окружностями, ближе к центру круговым валиком, а в самом центре – коническим выступом. А.П. Уманский датирует их IV-III вв. до н.э.[6, с.57]

Бронзовые зеркала в виде плоского гладкого бронзового диска, аналогичные описанным выше, найдены в могильниках Камень II и Соколово.

Следующие зеркала относятся к средневековью.

Бронзовое зеркало из могильника Юрт-Акбалык-4 имеет форму диска, диаметром 10 см.. Часть зеркала отломана в древности. На обратной стороне зеркала изображен крылатый хищник. В центре диска небольшая трапецевидная ручка. По краю диска расположен узкий уплощенный валик. Внутри круга заключено изображение животного с поджарым телом, узким, длинным хвостом и длинными узкими крыльями. Голова, видимо, завершалась клювом. Ноги даны в шаге. Аналогии зеркалу ведут на Восток, в Среднюю Азию и может быть датировано началом IX в. н.э.[3, с.129-134]

При исследовании курганного могильника Ташара-Карьер-2 было обнаружено бронзовое зеркало. Диаметр зеркала 10 см, в центре диска расположена петля-шишка. В центральной части изображены два феникса и стилизованные облака, во внешнем орнаментальном поле изображена изгибающаяся виноградная лоза. По периметру зеркало обрамлено бортиком.

Описанный экземпляр относится к распространенному в Китае, Японии и Корее типу, имеющему устойчивое обозначение «виноградные зеркала». Представленный вариант «виноградного зеркала» датируется временем династии Сун (XI-XII вв. н.э.), и имеет ряд аналогий из различных регионов Сибири. Это не оригинальное зеркало, а его реплика, изготовленная, возможно, позднее.[4, с.326-329]

На основе представленного материала можно сделать вывод об обширных связях населения Верхнего Приобья с представителями других культур, ареал обитания которых простирается от Южной Сибири и Алтая до северного Китая и Индии. Возможно общение с наиболее отдаленными регионами происходило через посредников, но сам факт проникновения изделий из Индии и Китая свидетельствует о развитых отношениях в рамках азиатского региона. Так же можно предположить, что взаимодействие могло быть не только мирным (обмен, торговля) но и враждебным (военная добыча, дань). Так же нужно отметить, что импортные предметы и изображенные на них символы, приобретали новое значение и использовались как атрибуты культа населением Верхнего Приобья.

Библиографический список

1. **Бородовский А.П., Троицкая Т.Н.** Бурбинские находки // Известия СО РАН, серия История, Филология и Философия, №3, 1992. «Наука», Сибирское отделение. С.57-62
2. **Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.** Большереченская культура Новосибирского Приобья. «Наука». 1996.
3. **Троицкая Т.Н., Черноскутов Е.М.** К вопросу о связях Новосибирского Приобья со Средней Азией // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск. 1984. С.129-134.
4. **Новиков А.В.** Новый памятник начала II тысячелетия н.э. в Южнотаежном Приобье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том IV. Новосибирск. 1998.С.326-329
5. **Уманский А.П.** Курганы раннего железного века из урочища Раздумье // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул, АГУ, 1995, с.110-113.
6. **Уманский А.П.** Раскопки Новотроицких курганов в 1888г // Скифо-сибирский мир, ч.II. Кемерово, 1989, с. 54-57.
7. **Шульга П.И.** Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003.

Научный руководитель: Троицкая Татьяна Николаевна, д.и.н., профессор.

И.А. Булавкин

Омск, Омский государственный университет, 4 курс

ГРУНТОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ТАРСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ

К началу эпохи раннего железного века в южнотаежном Прииртышье относятся памятники с керамикой журавлевского типа, впервые выделенной А.Я. Труфановым на городище Ямсыса VII близ с. Журавлевка Тевризского района Омской области [5, с. 128]. Позднее в археологической литературе закрепилось понятие «памятники журавлевского типа» [2, с. 14]. В дальнейшем журавлевская посуда была обнаружена на целом ряде памятников Прииртышья, представленных городищами и неукрепленными поселениями. При этом до настоящего времени могильники этого типа не были известны. Новые материалы, полученные в ходе разведочных работ 2006 года (автор работ К.Н. Тихомиров), возможно, позволят пролить свет на особенности погребального обряда журавлевского населения.

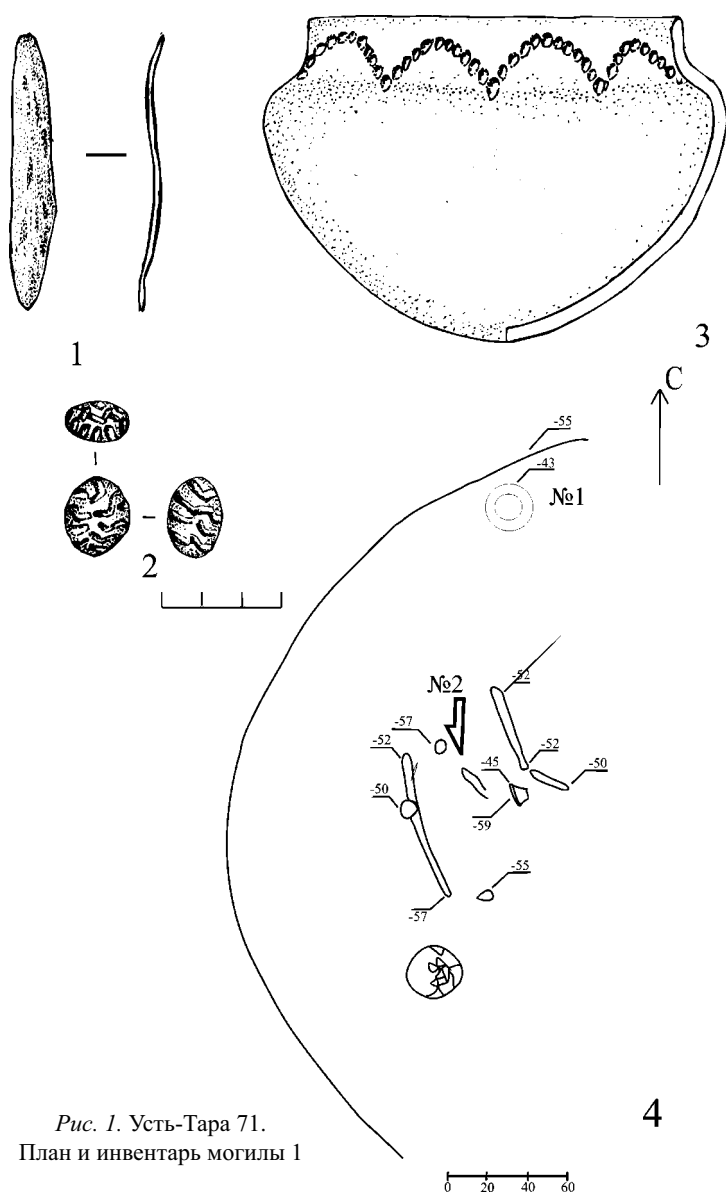

Рис. 1. Усть-Тара 71.
План и инвентарь могилы 1

В ходе археологического обследования поймы р. Тара в районе д. Усть-Тара Тарского района Омской области в 1,2 км к СВВ от устья р. Зимовная (правый приток р. Тара), на краю ее первой невысокой (1,5 м) надпойменной террасы в лесозащитной борозде были найдены фрагменты керамики различных эпох (эпохи ранней бронзы и раннего средневековья). В трех метрах от склона террасы в месте ее поворота был заложен разведочный раскоп площадью 16 кв. м. с целью выявления особенностей культурного слоя и выяснения культурно-хронологической принадлежности памятника. В результате раскопок был получен материал, подтверждающий первоначальные предположения: находки, в основном фрагменты керамики, датируются в широком диапазоне: от эпохи ранней бронзы до средневековья. Кроме того, после зачистки четвертого условного горизонта было зафиксировано могильное пятно овальной в плане формы ориентированное вдоль линии ССЗ – ЮЮВ. Оно имело размеры 1,8х1,2 м. В заполнении могилы встречались фрагменты керамики эпохи ранней бронзы (екатериненская культура), что в свою очередь свидетельствует о том, что она была сооружена позже, чем здесь существовало поселение в данном случае раннебронзовое (Усть-Тара 71).

В могиле находился скелет человека с сопроводительным инвентарем. Скелет лежал не в анатомическом порядке. Череп находился в южной части могилы и лежал на верхней челюсти глазами на восток, кости рук лежали севернее с правой стороны от него, кости таза находились севернее черепа на условной линии череп – сосуд, севернее его располагались бедренная и большая берцовая кость (рис. 1-4).

Рядом с погребенным лежал бронзовый нож без выделенной рукояти, его длина 6,6 см, ширина 1,1 см (рис. 1-1). В северной оконечности могилы находился небольшой круглодонный сосуд, диаметр устья сосуда – 9 см, высота – 8 см, толщина стенок – 3,5 мм. Он имеет прямую вертикально поставленную шейку и четко выраженный переход к тулову, срез венчика закруглен. Сосуд орнаментирован зигзагами, выполненными наколами, орнаментом покрыта лишь шейка (рис. 1-3). В заполнении могилы был найден глиняный шарик, орнаментированный «елочными» узорами, однако связь его с погребением условна (рис. 1-2).

Данные для культурно-хронологической привязки данного погребения ограничены. Как уже отмечалось выше, стратиграфически прослеживается, что могила была сооружена позже эпохи ранней бронзы. Собственно сам характер погребального обряда не позволяет нам отнести данное погребение, к какой либо археологической культуре, можно лишь предположить, что аналогии следует искать на хронологическом отрезке, начиная от эпохи бронзы. Вероятнее всего погребенный лежал в скорченном положении на боку головой на ЮЮЗ, это в свою очередь находит аналогии в ирменском погребальном обряде [4, с. 108], однако, для ирменцев были характерны подкурганые захоронения. Ближайшие грунтовые погребения известны в лесостепном Приишимье и датируются переходным периодом от эпохи бронзы к раннему железному веку [3, с. 83], но здесь мы имеем прямо противоположную ситуацию: положение погребенного вытянуто на спине, головой на север.

Вместе с тем погребальный инвентарь данного погребения позволяет дать более четкую датировку. Сосуд, найденный в могиле отличается определенным своеобразием: круглодонность и достаточно бедная орнаментация – характерные признаки керамики эпохи раннего железного века, орнамент в виде зигзагов в свою очередь вызывает ирменские ассоциации. Тот факт, что облик данного сосуда близок керамике раннего железного века

и при этом имеет черты, уходящие в предшествующую эпоху поздней бронзы, позволяет нам отнести его к журавлевскому типу керамики VI – IV в.в. до н.э., главной особенностью которой является ее переходный облик [2, с. 23]. Ее формирование происходит на основе комплексов переходного к железному веку времени, сочетавших различные традиции, удельный вес и соотношение которых в разных частях ареала могли быть неодинаковыми. В данном случае на лицо преобладание ирменского компонента. Относительную датировку сосуда подтверждает находка бронзового ножа. Подобные ножи имели широкое распространение на территории Сибири и большинством исследователей датируются VI – III в.в. до н.э. [1, табл. XVIII – 30; 7, с. 175; 8, рис. 3; 6: с. 136]. Один экземпляр найден в насыпи средневекового могильника у с. Кип, расположенного на поселении эпохи поздней бронзы – раннего железа, однако его связь с журавлевским населением условна [2, с. 36].

Таким образом, можно предположить, что данное погребение относится к журавлевскому этапу богочановской культуры. Дальнейшее изучение данного памятника позволит более четко определить культурно-хронологическую принадлежность исследованного погребения и, возможно, решить многие вопросы древней истории южнотаяжского Прииртышья.

Библиографический список

1. **Грязнов М.П.** История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка// Материалы и исследования по археологии СССР. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – № 48. – 160 с.
2. **Данченко Е.М.** Южнотаяжское Прииртышье в середине – второй половине I тыс. до н.э. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. – 212 с.
3. **Матвеева Н.П.** Первые погребения переходного периода от бронзового века к железному в лесостепном Приишимье // Древние погребения Обь-Иртышья: Сб. науч. трудов // Под ред. В.И. Матющенко. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1991. С. 78 – 84.
4. **Очерки культурогенеза** народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1994. – Т.2. – Мир реальный и потусторонний. – 475 с.
5. **Труфанов А.Я.** Закрытые комплексы городища Ямсыса VII// Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье: Тез. докл. к конф. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1987. – С. 127 – 130.
6. **Фролов Я.В.** Грунтовый могильник раннего железного века Клепиково 1// Погребальный обряд древних племен Алтая: Сб. науч. трудов. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. – С. 135 – 143.
7. **Членова Н.Л.** Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 251 с.
8. **Шамшин А.Б.** Переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа в Барнаульском Приобье (VIII – VI в.в. до н.э.) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков: Сб. науч. трудов. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1989. – С. 116 – 129.

Научный руководитель: к.и.н., К.Н. Тихомиров

М.В. Быкова

Красноярск, Сибирский федеральный университет, 5 курс

ВАРИАНТ РЕКОНСТРУКЦИИ ТАШТЫКСКОЙ СЛОЖНОЙ ЖЕНСКОЙ ПРИЧЕСКИ

Одной из задач археологических исследований является воссоздание костюма древних людей, через реконструкцию отдельных элементов одежды, в том числе головного убора и прически. В настоящей работе будет предложен вариант реконструкции сложной таштыкской женской прически, теоретически предложенный Э.Б. Вадецкой. Надеемся, что предложенный вариант практической реконструкции позволит уточнить эти данные.

Основными источниками о таштыкских головных уборах являются вещественные останки в гробницах Оглахтинского могильника, рисунки на деревянных планках из склепа под горой Тепсей и находки в могильнике у д. Комарковой (Вадецкая, 1999). На их основе автором были выделены два вида причёсок у женщин: простая и сложная (Вадецкая, 1985).

Ранее нами уже проводилась реконструкция простой женской причёски (Быкова, 2005). Пользуясь опубликованным материалом Э.Б. Вадецкой, мы постарались провести наиболее полную реконструкцию сложной причёски. Целью реконструкции является воссоздание способа укладки волос, их фиксации и удобства повседневного ношения данной прически.

Сложными Э. Б. Вадецкая называет высокие причёски, с большим количеством вплетённых волос (1999). Автор пишет, что такая причёска, видимо, была на голове одной женщины в могильнике Комаркова могиле 16 (рис 1. 1). От одной из них сохранилась берестяная узкая трубочка высотой 5,5 см и диаметром 1,5 см (Вадецкая, 1985). Она располагалась выше черепа, почти вплотную и вертикально к темени, а выше веерообразно и густо располагались 12 костяных шпилек неодинаковой длины. Ещё три шпильки смещены грызунами (Вадецкая, 1987). Сбоку и ниже трубочки было рассыпано около 300 бисерин и бусин (Вадецкая 1985). По расстоянию от наверхших шпилек до черепа, по мнению Э.Б.Вадецкой, погребённая имела причёску высотой не менее 10 см. Берестяная трубочка служила наконечником, сквозь который продевались у корня собственные волосы или косичка. Автор отмечает, что диаметр трубочки в 1 см позволяет допускать очень тоненькую косицу, большое же число шпилек указывает наличие на голове большого узла волос. В результате теоретический вариант предполагает, что оставленные на темени пряди собственных волос, заплетённые в тоненькую тугую косичку, продевались сквозь наконечник, а затем поверх косички вплетались дополнительные волосы, закреплявшиеся на голове шпильками (Вадецкая, 1987). Исследовательница предполагает, что по конструкции эта причёска напоминает причёску женщины из Пазырыкского кургана. У алтайской покойницы волосы, заплетённые в косицы, продевались сквозь отверстия плоской деревянной шапочки, затем соединялись, обматываясь искусственными волосами и полосками войлока, а потом завязывались в узел, закреплённой железной булавкой (Вадецкая, 1985).

Для проверки теоретического описания, предложенного Э.Б.Вадецкой, нами была проведена практическая реконструкция «сложной причёски».

Для воссоздания причёски был использован материал, аналогичный материалу найденному в могиле Комаркова 16. К нему относятся:

- берестяная трубочка, высотой 5,5 и диаметром 1,5 см
- 15 шпилек разной длины (7,5-10 см)
- бусины и бисер (300 шт.) разной величины (0,3-1,2 см), разных форм (круглые, цилиндрические узкие трубочки, овальные, пронизы из трёх нерасчленённых бусин), и цветов (синие, голубые, зелёные, красные, полихромные, золотые, глазковидные, молочные).

Дополнительный материал, который был использован при реконструкции:

- прядь накладных волос шириной 3 см, длиной 95 см (вместо натуральных волос использовались искусственные)

- нитки для фиксации кос 7 шт. длиной 52 см.

Работа строилась из подготовки материалов для причёски (изготовления берестяной трубочки, накладных волос, низок бусин) и плетения собственно причёски.

Берестяная трубочка изготавливалась из куса предварительно вываренной бересты, размерами 5,5 х 6,0 см, толщина бересты 1 мм. Низки изготавливались из бусин подобранных таким образом, чтобы максимально соответствовать найденным как по форме, так и по цвету бусинам. Было изготовлено две нитки по 150 бусин на каждой. Вместо натуральных волос использовались шерстяные нитки, что не повлияло на результат опыта.

Плетение причёски проводилось на модели, с волосами длиной 105 см и проходило в следующей последовательности:

- 1) на теменной зоне выделялась прядь натуральных волос диаметром около 3 см;
- 2) искусственные волосы делились на две равные пряди, и по середине выделенной, теменной пряди ложились крестом, друг на друга;
- 3) в результате крестообразного наложения получались четыре пряди, которые плелись в косы. В результате мы получили 4 косички, плетённые из натуральных и искусственных волос;
- 4) на заплетённые косички сверху одевалась берестяная трубочка до соприкосновения с головой;
- 5) голова вертикальным пробором от уха до уха делилась на две части, лобную и затылочную зоны;
- 6) горизонтальными проборами выделялась теменная зона;
- 7) волосы височных зон плели в косы из трёх прядей;
- 8) волосы затылочной зоны плели так же в косы из трёх прядей;
- 9) теменная зона делилась на 4 зоны, по количеству косиц в трубочке;
- 10) в волосы 4-ёх теменных зон вплетались косицы из трубочки, в результате, получались 4 косицы, и трубочка устойчиво фиксировалась;
- 11) трубочка обматывалась косой с затылочной зоны, фиксирование которой осуществлялось четырьмя шпильками длиной 7,5 см. Косицы с трубочки оставались вне обмотанной косы;
- 12) косицы из берестяной трубочки фиксировались ещё четырьмя шпильками длиной 7,5 см на обмотанную косу. Далее они обматывали большую косу в разных направлениях и фиксировались дополнительными тремя шпильками;
- 13) косы с височных зон так же фиксировались на темени с помощью 3ёх шпилек длиной 7,5 - 10 см. Шпилькой 10 см косы фиксировались со стороны затылочной зоны, так как далее на эту шпильку крепилась одна из низок бусин;

14) украшалась полученная причёска с помощью двух низок бусин. Фиксировалась со стороны затылочной зоны двумя шпильками дл 10 см.

Высота причёски получилась 10 см (рис), как и предполагала Э.Б.Вадецкая.

В результате проведенной реконструкции причёска из длинных волос получилась устойчивой, хорошо фиксируемой, то есть могла носиться долгое время (рис 1. 2). Самостоятельно женщина не могла сделать такую причёску, она могла создаваться только с чьей-то помощью, причем не менее двух человек. Практический результат привёл нас к выводу, что берестяная трубочка была каркасом, на котором держались все косы, и служила предметом, где пряталось место вплетение дополнительных волос в свои натуральные. Следует отметить, что крепление накосника происходило не на одну косичку, как предполагала Э.Б.Вадецкая, а на четыре. Одна косичка не позволяла нам устойчиво фиксировать накосник на голове.

Таким образом, внешний вид полученной причёски, отличается от алтайской причёски. Наличие костяных и/или деревянных стерженьковых шпилек предполагает использование их в причёсках, создаваемых только из кос, как из своих волос так и, возможно, накладных. В этом случае использование войлока и других видов шиньонов из труднопрокалываемых материалов считаем нецелесообразным. Предложенный вариант сложной таштыкской причёски получился наиболее оптимальным.

Библиографический список

1. **Быкова М.В.** Реконструкция таштыкской простой женской причёски// Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Материалы I(XLV) Российской с международным участием археологической конференции студентов и молодых учёных (РАЭСК-XLV): 12-16 апреля 2005 г., Иркутск. ,2005. - с. 189-190.
2. **Вадецкая Э. Б.** Таштыкские накосники и причёски // КСИА.-М. , 1985. – Вып.184. – с. 7-13.
3. **Вадецкая Э. Б.** К выявлению этнических признаков населения таштыкской культуры // проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. _ Томск, 1987. – с. 40-52.
4. **Вадецкая Э. Б.** Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.,-1999. – 435 с.

Научный руководитель к. и. н. Мандрыка П. В.

К.А. Владимирова, К.А. Волкова,

Кемерово, Кузбасский государственный технический университет, гуманитарный факультет, 4 курс

К ВОПРОСУ О КУЛЬТОВОЙ РОЛИ ТАГАРСКИХ ОЛЕННЫХ БЛЯХ

Происхождение изображений благородных оленей в определенных, строго выдержанных позах появляются в V в. до н.э. и исчезают к рубежу III-II вв. до н.э. В дальнейшем они встречаются в трансформированном виде [12, с. 195; 6, с. 90].

А.И. Мартынов является сторонником местного происхождения этого образа [5, табл. 52-63]. Однако на территории юга Западной Сибири образ оленя не имеет местных корней. Очевидно, он был привнесен мигрантами на рубеже VI-V вв. до н.э. Под вопросом остается территория, где первоначально появился этот образ. Предполагалось, что этой территорией была Средняя Азия и Казахстан [1]. Исследования В.В. Волкова, Э.А. Новгородовой, Д.Г. Савинова и других авторов, скорее свидетельствуют о центрально-азиатском происхождении этого образа [2; 7; 9]. На территориях Монголии и Забайкалья еще в первой половине I тыс. до н.э. получил распространение образ оленя на оленных камнях и в наскальном искусстве [9, с. 155].

В скифо-сибирском искусстве образ оленя получил широкое распространение в степной и лесостепной зонах Евразии от Восточной Монголии и до Восточной Европы. Изображения оленя в большинстве своем дошли до нашего времени в виде наскальных изображений, в виде изображений на оленных камнях и в виде металлических изображений (оленные бляхи, либо навершия предметов). По понятным причинам реже встречаются изображения оленей из недолговечных материалов (кожа, войлок, дерево), а также татуировки на мумиях знатных людей.

В лесостепном районе тагарской культуры известны бронзовые бляхи, изображающие оленя с подогнутыми ногами, а также навершия отдельных предметов изображающие оленя. Все они найдены в курганных могильниках у поселка Тисуль, близ деревень Серебряково, Некрасово, Шестаково и на реке Ягуня. На основании

местонахождения оленных блях в могилах можно, используя наблюдения В.В. Боброва и некоторые собственные наблюдения, сделать следующую реконструкцию.

Чаще всего фигурки оленей находились на груди погребенных тагарцев (23,2 %). Скорее всего, они нашлись на одежду, либо носились на ремне или шнуре. Это подтверждается тем фактом, что рядом с оленными бляхами другие предметы, как правило, не встречаются. Однако можно предполагать, что изображения оленей крепились на какой-то предмет, например, щит, который укладывался на грудь погребенному.

Реже фигурки оленей фиксируются в области пояса погребенных (20,3 %). Но здесь они часто встречаются в комплексе с бронзовыми зеркалами и предметами неизвестного назначения (пангами). Интересно, что и зеркала, и предметы неизвестного назначения являются атрибутами религиозного культа, имеют ритуальный характер. О неслучайности сочетания оленных блях и зеркал свидетельствуют изображения на одном из раннескифских зеркал Горного Алтая шествия оленей и горных козлов [3, рис. 66, 9]. Оленные бляхи, скорее всего, украшали кожаные сумочки, которые подвешивались к поясу и в которые помещались зеркала и другие предметы. Они могли также являться и украшением, деталью пояса.

Относительно нечасто фигурки оленей встречены в области черепов погребенных (9,7 %). Иногда их сопровождали круглые бронзовые бляшки, но чаще других предметов не было. Можно предполагать, что они украшали головные уборы тагарцев. О том, что они представляли, достоверных данных нет. Однако материалы из сопредельных территорий дают повод для некоторых сопоставлений. Так Н.В. Полосьмак пишет о войлочных шлемах пазырыкцев Горного Алтая, имеющих форму птичьей головы и украшенных деревянными фигурками животных – лошадей и оленей. Фигурка оленя, как правило, прикреплялась с левой стороны головного убора и вместе с другими персонажами пазырыцкого bestiaria (птицами, лошадьми с рогами козерога) маркировала сакральный «верх». Такие шлемы Н.В. Полосьмак считает воинскими, и обнаруживаются они в погребениях мужчин [11, с. 149-151].

Это согласуется с мнением В.В. Боброва, обобщившего изображения оленей всего скифо-сибирского мира и сделавшего вывод, что в искусстве звериного стиля эти изображения чаще всего использовались в торевтике оружия [1, с. 48]. Интересно, что и в большинстве определимых тагарских погребений (8 из 11) оленные бляхи найдены в захоронениях мужчин, возраст которых составлял от 20 до 40 лет.

Отражение образа оленя в религии и искусстве не является явлением только скифо-сибирского мира. Б.А. Рыбаков на восточноевропейских материалах пришёл к выводу, что культ небесных оленей представляет собой повсеместную архаическую стадию религиозных воззрений, в разных концах Древнего мира, в разной этнической среде [8, с. 59, 75].

По мнению А.И. Мартынова оленные бляшки и зеркала в культах скифо-сибирского мира являлись солнечными символами. Основная их идея – свет, лучезарность, движение – подчёркивалась определённым набором средств: золотым оформлением бляшек, полукруглым рогом, который можно воспринимать как символ солнца, с насаженными на него такими же полукружиями, символизирующие идею движения, повторения. Сюда же относится бляшка оленя с обвитым золотой полоской рогом. Идею движения солнца передают круглые прорези на крупе и крыловидные прорези на лопатках [5, табл. 40-45; 6, с. 99].

О связи образа оленя именно с верхним миром в скифское время свидетельствует интересная традиция, существовавшая у пазырыкцев Горного Алтая. Н.В. Полосьмак пишет, что пазырыкцы пытались придать коням, сопровождавшим знатных погребенных, вид оленей или козорогов, с помощью различного рода сложных масок и приставных рогов оленя или чаще козорогов. Как считалось, благодаря этим фантастическим существам, которыми становились замаскированные олени, умерший мог скорее попасть на «небесные пастбища», находившиеся где-то высоко на заоблачных, недоступных человеку вершинах гор [10, с. 9].

Е.Г. и М.А. Дэвлет пишут, что образ космического оленя встречается в фольклоре урало-сибирских народов, в их обрядах и культах. Венгры, прародиной которых был Урал, сохранили миф о небесном олене. В венгерских рождественских песнях-колядках упоминается чудесный космический олень с рогами в тысячу ветвей, на теле которого видны знаки небесного происхождения – солнце, луна, звёзды. Знаки в виде спиралей, завитков, концентрических окружностей, скобок, могли маркировать жертвенных или посвящённых реальных животных. Нганасаны перед полярной ночью и после неё приносили в жертву солнцу белого оленя, у которого над лопаткой на шерсти вырезали изображение дневного светила. Эвенки посвящали домашнего оленя духу – хозяину верхнего мира.

О связи оленя с верхним миром в сибирском шаманизме пишет и М.Ф. Косарев. Селькупский шаман, камлая на Верхний мир, пользовался колотушкой, обтянутой шкурой оленя; камлая на нижний мир, брал колотушку, обтянутую шкурой медведя; путешествуя в мир вод, вооружался колотушкой, обтянутой шкурой выдры [4, с. 238]. Обряд «оживления» бубна у селькупского шамана включал в себя процесс «ловли» шаманом души оленя и воскрешение остатков оленя, из шкуры которого была сделана колотушка [4, с.239-240]. Образ оленя использовали шаманы и других сибирских народов. Так шорские шаманы обтягивали бубен кожей марала или оленя. У кетов «оленьи» шаманы камлали на Верхний и Нижний миры. Оленьи шаманы имели костюм и другие шаманские принадлежности с преимущественно оленьей символикой [4, с. 214-215].

Все эти данные позволяют считать изображения оленей, распространенные в культурах раннего железного века культовыми. Олени как небесные существа помогали шаманам перемещаться между мирами, а также использовались как средство транспортировки душ умерших в Верхний мир.

Библиографический список

1. **Бобров В.В.** Олень в скифо-сибирском искусстве звериного стиля. – Автореф. дис. канд. ист. наук. – Новосибирск, 1973.
2. **Волков В.В.** Оленные камни Монголии. – Улан-Батор, 1981.
3. **Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.** Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997.
4. **Косарев М.Ф.** Основы языческого миропонимания: по Сибирским археолого-этнографическим материалам. – М., 2003.
5. **Мартынов А.И.** Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск, 1979.
6. **Мартынов А.И., Алексеев В.П.** История и палеоантропология скифо-сибирского мира. – Кемерово, 1986.
7. **Новгородова Э.А.** Древняя Монголия. – М., 1989.
8. **Рыбаков Б.А.** Язычество древней Руси. – М., 1981.
9. **Савинов Д.Г.** Первичные материалы и стиль Саяно-Алтайских изображений раннескифского времени // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999. – С. 154-158.
10. **Полосьмак Н.В.** «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). – Новосибирск, 1994.
11. **Полосьмак Н.В.** Воинские шлемы пазырыкцев // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999. С. 148-151.
12. **Членова Н.Л.** Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М., 1967.

Научный руководитель – к.и.н. Ковалевский С. А

Т.Н. Глушкова, С.М. Нурлубаева

Сургут, Сургутский государственный педагогический университет, д.и.н., доцент кафедры истории России, студентка 3-го курса.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ТЕКСТИЛЬНЫХ ИЗДЕЛИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА АРЖАН 2

Археологический памятник Аржан-2 был исследован в Туве, в центре Турано-Уюкской котловины, совместной экспедицией Германского археологического института и Эрмитажа. Исследователями был найден значительный массив ценного археологического материала - золотые и бирюзовые бусы, бляшки, серьги, одежда и др. [1, с.10-40].

Археологический памятник Аржан-2 содержит также весьма информативную коллекцию текстильных образцов, пока еще мало изученных. Ее составляют 21 образец от 16 предметов.

При определении сырья использовались органолептические методы. В результате исследования можно сделать вывод, что во всех изучаемых образцах тканей сырье - шерсть.

При многократном увеличении ткани можно увидеть, что волокна расположены в одном направлении, а не хаотично. Так как в волокна расположены параллельно, то способ обработки шерстяных тканей - чесание.

Все текстильные образцы легко делятся на несколько групп по способу получения полотна изделий, прежде всего, на тканые и плетеные. Группы в свою очередь делятся на следующие виды:

1 вид - ткани полотняного переплетения. Они характеризуются следующими признаками: нити основы и утка идентичны или незначительно отличаются по тонине, имеют Z- кручение, тонину нитей от 0,1 до 0,2 мм. Во всех случаях это равномерная плотность по основе и утку (в среднем 20×16 нитей на 1 см). Эти ткани однотонные или сохраняют рисунок изделий, рядом с которыми они находились в процессе археологизации.

2 вид - однотонные ткани килимного переплетения с репсовым эффектом. Во всех случаях для изготовления тканей этого типа использовались толстые двойные основы S- кручения и более тонкие одинарные утки Z- кручения. Плотность по основе меньше плотности по утку в 3-5 раз. Такой способ переплетения нитей позволял получать эластичную плотную ткань с бороздчатой фактурой.

3 вид - узорные килимы. Они имеют технологические характеристики, подобные тканям 2 вида, но при этом в утке используются нити разных цветов, что позволяет получать узорное полотно. В данном случае узор представляет собой округлые линзы, взаимоперекрывающиеся друг друга. Это безворсовые узорчатые ковры-килимы.

4 вид – узорные пояса. Узорные пояса в свою очередь делятся на 2 подвида:

1 подвид - изготовленные способом ткачества, аналогично тканым узорным коврам- килимам, когда узор образован чередованием цветных утков, когда не видно нитей основы, соотношение основы и утка также аналогично; 2 подвид- изготовленные переплетением разноцветных основных нитей, когда нити утка не выходят на поверхность полотна. При этом оба подвида поясов изготовлены «чулком»- полые внутри.

5 вид - плетенная диагональная тесьма из двойных некрученых нитей. На поверхности плетения образуется хорошо читаемый узор «в елочку».

6 вид - плетенный объемный (четырехгранный) шнур из нитей светлого и темно- коричневого цветов.

7 вид – плетенный плоский шнур из толстых двойных нитей S-кручения.

8 вид – филейная сетка из тонких двойных нитей S- кручения.

Все эти виды текстильных изделий значительно отличаются друг от друга по таким технологическим характеристикам, как тонина и направление крутки нитей, способ переплетения (перевивания) нитей в полотне. По всей видимости эти отличия можно объяснить в первую очередь разным способом изготовления текстильных полотен. Разные способы получения полотен могут отличаться способом растяжения нитей, наличием или отсутствием специальных приспособлений для их растягивания, закрепления и изменения мест нитей. Ткачество связано с наличием нитей двух взаимоперпендикулярных структур и ткацкого зева, которые меняются вместе с изменением положения нитей. Для плетения необходимы одна, две или больше структуры нитей (не обязательно взаимоперпендикулярные), перевивающиеся между собой в каком-то определенном порядке. Для вязания необходимы петли, с помощью протягивания в которые нитей и происходит прирост полотна.

Первые три описанные вида текстиля связаны с получением полотна с помощью ткачества, 4,5 и 6 виды – с плетением, а 7 и 8 виды – с вязанием.

Для получения текстиля 1 вида скорее всего использовался горизонтальный ткацкий станок, когда нити растягивались горизонтально, что облегчает получение однородной плотности по основе и утку. Текстиль 2 и 3 вида изготовлялся на вертикальном станке, когда получение полотна происходило снизу вверх. Для изготовления узоров использовались разноцветные утки, которые ходили каждый раз в пределах раппорта, образуя несложный узор.

Для получения тканых узорных поясов могли использоваться приспособления двух видов: для получения поясов 1 подвида – круглые болванки диаметром примерно равным диаметру получаемого изделия (две ширины пояса), где нити основы насовывались на специальные приспособления (крючки? гвоздики? и т.д.), а между ними пропускался уток в том же порядке, что и при изготовлении узорных килимов. Для получения поясов 2 подвида работа осуществлялась с помощью разноцветных основ, закрепленных подвижно (может быть, на дощечках с отверстиями или каким- то другим подобным способом). Этот способ изготовления поясов можно назвать полуткачеством, так как в этих случаях способ получения зева иной, чем на ткацком станке.

Текстиль 5 вида возможно изготовить вручную, когда нити переплетаются по диагонали.

Плетенный объемный шнур из 4 нитей (6 вид) возможно получить с помощью несложного приспособления в виде дощечки с четырьмя отверстиями. Плетенный плоский шнур был изготовлен с помощью приспособления, сделанного из трубчатой кости с тремя зубцами, известного в среде кочевников. В этом случае полотно формируется как вязаное по принципу работы на ручной вязальной машинке. Сложнее реконструировать способ изготовления филейной сетки, можно предположить вязание иглой, когда нить с помощью иглы проходит через петли предыдущего ряда.

Таким образом, совершенно очевидно, что текстиль из памятника Аржан – 2 первой, второй и третьей группы был изготовлен на ткацком станке – горизонтальном (7 образцов) и вертикальном (6 образцов). Пояса изготавливались на специальной круглой болванке (3 образца). Диагональная тесьма двух видов плелась вручную. Плетенные шнуры изготавливались с помощью специальных приспособлений, а филейная сетка связана вручную иглой.

Библиографический список

1. Чугунов К.В. Аржан – источник // Аржан источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. - Санкт – Петербург, 2004.-С. 10-40.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛОШАДЕЙ СКИФСКОЙ ЭПОХИ ГОРНОГО АЛТАЯ

Лошадь в жизни населения Горного Алтая скифской эпохи играла огромную роль: была основным видом транспорта, давала пищу, материал для изготовления одежды и утвари, использовалась в военных целях и т.д. Такое значение обусловило интерес со стороны исследователей, хотя долгое время находки скелетов лошадей лишь фиксировались.

Первые специальные исследования были проведены советским иппологом В.О. Виттом. В своих работах он отмечал, что все без исключения лошади Пазырыкских курганов мужского пола. В подавляющем большинстве своем они были рыжей масти, различных оттенков: от темно-рыжей (почти бурой) до светлой, золотистой [4. С. 165–166].

Что же касается внешнего вида лошади, то он был довольно своеобразен: «Челка и грива торчащие, коротко подстрижены, длиной всего до 10–12 см» [4. С. 166]. Хвосты были либо перехвачены узлом посередине, либо даже заплетены в косы. При стрижке гривы у холки оставляли прядь волос длиной примерно в 25 см, для того чтобы за нее мог ухватиться всадник. В.О. Витт отмечает, что волосы репицы хвоста тоже подстригались на протяжении до 25 см от корня [4. С. 166–168].

На основе исследований лошадей из курганов Алтая В.О. Витт определил, что высота в холке самых маленьких экземпляров 128–130 см, а крупных – 148–150 см, но не более [4. С. 173].

Исходя из полученных данных краниологических и морфологических исследований, В.О. Витт заключил, что лошади высотой в холке 136–140 см в ту эпоху были основным типом породы лошадей приалтайских степей и предгорий. Из него-то и выделились все остальные лошади, которые были найдены в курганах Алтая [4. С. 177; 5. С. 126]. Наиболее вероятным объяснением проникновения этих лошадей на Алтай, по мнению В.О. Витта, – это путь добычи их в ходе войн с народами более культурных районов Средней Азии [3. С. 24–26].

В.И. Цалкин, на основании изучения скелетов лошадей из курганов Курайской степи, а также не совсем точной интерпретации сделанных В.О. Виттом наблюдений при исследовании пазырыкских лошадей, пришел к заключению, что крупные «верховые» лошади принадлежат другой, ввозимой на Алтай чужеземной породе [5. С. 126]. Более того, по мнению В.И. Цалкина, они принадлежат даже к различным типам домашних лошадей [13. С. 150]. В работе «К изучению лошадей из курганов Алтая» В.И. Цалкин написал о том, что большинству лошадей из курганов свойственен довольно грубый костяк [13. С. 153–154].

Разнопородность коней в одних и тех же захоронениях отмечал в своих монографиях С.И. Руденко. Наряду с малорослыми лошадьми выделяются высокопородные, крупные, легкоаллюрные, верховые кони [11. С. 33; 12. С. 71]. Он отмечал, что все захороненные кони оказались меринами, причем среди них были в возрасте трех с половиной, трех, даже двух с половиной и двух лет. При этом молодые лошади принадлежали к числу лучших, более крупных, породистых лошадей [11. С. 33; 12. С. 72]. С.И. Руденко установил, что лошади в курганах скифского времени имели различные меты на ушах, а это указывает на принадлежность их разным владельцам [12. С. 147].

На лошадей скифской эпохи обращал внимание С.В. Киселев, который отметил, что лошади из Первого Пазырыкского кургана совершенно не похожи на современных степных лошадей, так называемых монголов. Он писал об их высоком росте, стройности, сухопарости и крепком сложении. Как и С.И. Руденко, С.В. Киселев обратил внимание на наличие надразов на ушах коней. Он писал: «Ни у одного коня нет надразов, целиком совпадающих с надрезами другого» [8. С. 365].

В той или иной мере в своих работах касались исследований лошадей скифской эпохи Л.Л. Баркова [1], Е.В. Кожевников и Д.Я. Гуревич [9]. Однако более подробные исследования принадлежат А.В. Гальченко. Изучив материалы раскопок поселений Кастахта-III, Партизанская катушка, Аскат-II, Черный Ануй-III, он выявил довольно высокий процент лошадей в возрасте 7–12 лет, что объяснил забоем старых лошадей. Большинство костей принадлежали лошадям монгольской породы, высотой в холке 130–134 см. Однако, подобно пазырыкским лошадям, отмечается различие в экстерьере от стройных до крупных ширококостных [14. С. 52].

Исследования по обозначенной теме принадлежат И.Е. Гребневу и С.К. Васильеву, которые придерживаются гипотезы о единой породе лошадей пазырыкской культуры [6. С. 109]. С.К. Васильев пишет о том, что лошадь скифского времени Горного Алтая имеет мало общего с лошадью монгольской породы, хотя и не исключено их влияние на гено- и фенотип лошадей Алтая [2. С. 241].

На основе изучения лошадей из кургана Берел П.А. Косинцев и З.С. Самашев выдвинули предположение о том, что в Восточном Казахстане была достаточно большая популяция лошадей рыжей масти. Среди них разли-

чались животные темно-рыжего и светло-рыжего оттенков монотонной окраски. Были лошади золотисто-рыжей и чалой мастей [7. С. 49].

Проведя сравнительный анализ, П.А. Косинцев установил, что самые крупные и породистые лошади оказались из кургана Шибе, среди которых нет ниже среднего роста (136–144 см). А самые мелкие особи происходят из могильников Берел и Алтай, где нет особей выше среднего роста [10. С. 264–267].

Исследования лошадей скифской эпохи ведется уже довольно длительный период, однако они носят неравномерный характер. В истории изучения лошадей можно выделить два периода, выделяющиеся наиболее интенсивными разработками данной темы:

1) 40–50-е гг. XX в. – к этому времени относятся первые исследования лошадей скифского Алтая (работы В.О. Витта, В.И. Цалкина, С.И. Руденко, С.В. Киселева и др.).

2) 90-е гг. XX в. – начало XXI в. – на основе более ранних исследований проводится анализ новых находок (работы А.В. Гальченко, И.Е. Гребнева, С.К. Васильева, П.А. Косинцева, З.С. Самашева и др.).

Нами планируется продолжить разработку данной темы на основе изучения материалов письменных и изобразительных источников, а также непосредственно анализируя данные из археологических раскопок.

Библиографический список

1. Баркова Л.Л. Курган Шибе и вопросы его датировки // АСГЭ. Л., 1978. Вып. 19. С. 37–44.
2. Васильев С.К. Лошади из погребений скифского времени Горного Алтая // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000. С. 237–242.
3. Витт В.О. Конские породы Средней Азии. М., 1937. 253 с.
4. Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. №16. С. 163–205.
5. Гальченко А.В., Ермолова Н.М. К изучению древних домашних лошадей Алтая // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул, 1983. С. 125–127.
6. Гребнев И.Е., Васильев С.К. Лошади из памятников пазырыкской культуры // Полосьмак Н.В. «Стерегиущие золото грифы». Новосибирск, 1994. С. 106–111.
7. Кашкинбаев К., Самашев З. Лошади древних кочевников Казахского Алтая. Алматы, 2005. 129 с.
8. Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.
9. Кожевников Е.В., Гуревич Д.Я. Отечественное коневодство: история, современность, проблемы. 1990. 220 с.
10. Косинцев П.А. Лошади Горного Алтая в скифское время // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 264–267.
11. Руденко С.И. Горно-алтайские находки и скифы. М.; Л., 1952. 268 с.
12. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М., Л. 1953. 402 с.
13. Цалкин В.И. К изучению лошадей из курганов Алтая // МИА. М., Л. 1952. №24. С. 147–156.
14. Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 48–60.

Научный руководитель – Тишкин А.А., канд. ист. наук, доцент

В.А. Долганов

Иркутск, Иркутский государственный университет, 2 курс

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО КАМЕННЫМ СТЕНАМ – «ГОРОДИЩАМ» ПРИОЛЬХОНЬЯ (Большая Крестовая III)

Первые каменные стены – «городища» на территории Приольхонья открыты И.Д. Черским в 1879 г. Дальнейшие их открытия и исследования проводились: Н.Н. Агапитовым; Б.Э. Петри; П.П. Хороших; Н.К. Качаловой; Л. П. Хлобыстиным, И.В. Асеевым, О.И. Горюновой, Б.Б. Дашибаловым, А.В. Харинским [1 – 5; 7; 8]. В настоящее время на этой территории известно 17 каменных стен, расположенных на побережье оз. Байкал от горы Доин-Хошун в пади Крестовой (на юге) до мыса Ядор у п. Онгурёны (на севере), на островах Ольхон и Большой Тайнак в Малом море оз. Байкал. Однако, изученность каменных стен до сих пор остаётся на уровне гипотез. Связано это с тем, что на «городищах», специальные, целенаправленные работы проводились в недостаточных для более глубокого изучения этого феномена объёмах. Открытие и описание нового объекта расширяет накопленные материалы и, несомненно, представляет научный интерес.

Цель данной работы – ввод в научный оборот нового археологического объекта: каменной стены – «городища» Большая Крестовая III, анализ его местонахождения, конструктивных особенностей и сравнение с уже известными сооружениями.

Каменная стена – «городище» Большая Крестовая III находится по левому борту одноименной пади западного побережья оз. Байкал, в 14,5 км к югу от п. Еланцы (Ольхонский р-н Иркутской обл.). Объект обнаружен местным жителем А.Г. Копыловым в конце прошлого века. В 2006 г. «городище» осмотрено и описано Маломорским отрядом экспедиции ИЛАиП ИАЭТ СО РАН – ИГУ (О.И. Горюнова, В.А. Долганов).

Каменная стена расположена на безымянной куполообразной горе, в 2 км к СЗ от берега Байкала. Она охватывает ее вершину со всех сторон, в виде овала. Размеры «городища» 35 x 45 м, ориентация большей стороной по линии СЗ-ЮВ. Оградительное сооружение состоит из плит породы, уложенных плашмя друг на друга в несколько слоев, без связующего раствора. Наиболее сохранилась СВ часть стены. Ее ширина от 1,05 м до 1,70 м. Высота со стороны склона 1,10–1,35 м, со стороны огороженной площадки 0,35–0,50 м. Северный участок стены наиболее широкий (3,4 м), за счет развала сооружения (плиты свалены внутрь огороженной территории). Здесь высота стены со стороны склона (наиболее крутая часть горы) достигает 1,5 м. В СЗ части стены отмечены две плиты, стоящие под углом 60°. Они установлены с внутренней стороны стены. В этом месте ширина ограждения – 1,30 м; высота: со стороны склона – 1 м, с внутренней стороны – 0,45 м. По ЮВ склону горы отмечен двойной ряд стен (самая монументальная часть «городища»), оконтуривающих собой два террасовидных уступа. Они расположены на расстоянии 2 м друг от друга. Нижняя из них состоит из плит, лежащих плашмя на естественных скальных грядках. За счет этого высота стены со стороны склона – 2,2 м. Ширина верхней стены – 2,5 м (видимо, за счет ее развала).

С внутренней стороны стены, в ее ССЗ секторе, зафиксирована полукольцевая пристройка, размерами 3,2 x 2,7 м. Плиты ее составляющие уложены плашмя в 3-4 слоя. Других искусственных сооружений на территории огороженного пространства не обнаружено.

В ЮЗ части стены отмечен проход шириной 1 м. В 4 м к югу от него, с внешней стороны, к стене примыкает полукольцевая выкладка из плит породы. Ее радиус – 1,5 м. Вторая аналогичная пристройка отмечена в южном секторе нижнего яруса стены.

За пределами стены (на небольшом расстоянии от нее) отмечены 3 полукольцевые выкладки. Первая из них расположена в 17 м к востоку от основной стены, на небольшой вершине, соединенной с основной горой седловиной. Радиус площадки 2 м. По краю она оконтурена полукольцевой кладкой, ориентированной на восток (открытой стороной – к «городищу»). Основные плиты ее составляющие, уложены плашмя, друг на друга, в несколько слоев. С внешней стороны в северном конце кладки установлены крупные наклонные (почти вертикальные) плиты, являющиеся опорами для стены. Высота сооружения на этом участке – 1,9-2,0 м.

Вторая полукольцевая выкладка расположена в 15 м к западу от основной стены. Она размещается на небольшой выположенной площадке, обращенной в сторону Крестовой пади. Радиус сооружения – 2,5 м. Выкладка состоит из плит, уложенных плашмя друг на друга. Ее ширина до 1,4 м. Высота с внутренней стороны – 0,25-0,35 м, со стороны склона – 0,9-1,1 м.

В 12 м к западу от этого сооружения располагается каменная стена, проходящая вниз по склону (в западном направлении). Ее протяженность – 7 м. В нижнем конце она закругляется, образуя полукольцевую выкладку. Радиус последней – 2 м. В конструкции этой стены присутствуют вертикальные плиты.

По топографическому расположению «городище» Большая Крестовая III входит в группу каменных стен Приольхонья, расположенных на вершинах гор: Доин-Хошун, Ая VI, Усть-Анга I, Еланцинская стена, Харгой I, Арул II, Ядор. По конструктивным особенностям оно имеет ряд аналогии по наличию: вертикальных плит (Ая VI, Арул II, Шибэтэ I, Харгой II), пристроев к стене (с внутренней стороны – Доин-Хошун, Шибэтэ I и IV, Харгой II; с внешней – Еланцинская стена, Харгой II), дополнительных сооружений за пределами «городища» (Ая VI, Арул II). Отличительные черты отмечены в планиграфии комплекса: стена полностью охватывает вершину горы; расположение полукольцевых выкладок за пределами «городища», в одном створе, по линии З–В.

В целом, объект Большая Крестовая III наиболее сопоставим с каменными стенами – «городищами» Ая I и, в какой то мере, Арул II. Традиционно «городища» интерпретируются как временные оборонительные сооружения позднего железного века и связываются с древним тюрко-язычным населением – курыканами [1; 8]. В последние годы наиболее приемлемой точкой зрения относительно назначения этих объектов считается отнесение их к фортификационным сооружениям, совмещающим культовые функции [6; 7]. Благодаря раскопкам, проведенным на «городище» Ая VI, было высказано мнение о более раннем времени его возникновения (переходный период к железному веку, VII–VI вв. до н.э.) [2]. Считаем возможным предварительно датировать «городище» Большая Крестовая III тем же временем. Для более точной его датировки и определения назначения необходимы специальные, целенаправленные исследования.

Библиографический список

1. Асеев И.В. Прибайкалье в средние века: (по археологическим данным). – Новосибирск: Наука, 1980. – 150 с.
2. Горюнова О.И. Археологические исследования И.Д.Черского на Байкале // Байкал и естествознание за 100 лет: (К 100-летию исследований поляков на Байкале). – Иркутск, 1993. – С. 40-45.
3. Горюнова О.И., Свинин В.В. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. – Иркутск: Арком, 1995. – Ч. 1: остров Ольхон. – 140 с.; 2 карты. – (Историко-культурное наследие Иркутской области: Археология).
4. Горюнова О.И., Свинин В.В. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. – Иркутск: Арком, 1996. – Ч. 2: Материковый участок от мыса Елохин до мыса Улан. – 213 с., 1 карта. – (Историко-культурное наследие Иркутской области: Археология).
5. Горюнова О.И., Свинин В.В. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. – Иркутск: Арком, 2000. – Ч. 3: Материковый участок от мыса Улан до р. Бол. Бугульдейка. – 182 с., карта. – (Историко-культурное наследие Иркутской области: Археология).
6. Готлиб А.И. Феномен сибирских «све» // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск, 2004. – Вып. 3. – С. 88–97.
7. Харинский А.В. Топография и конструкция «городищ» маломорского побережья озера Байкал // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. – Иркутск, 2002. – Вып. 2. – С. 109-126.
8. Хороших П.П. Исследования каменного и железного века Иркутского края (остров Ольхон). – Иркутск, 1924. – 50 с. – (Изв. / БГНИИ при ИГУ. – Т. 1, вып. 1).

*Научный руководитель: в.н.с. Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ,
к.и.н., доцент, О.И. Горюнова.*

З.Ю. Жарников

Красноярск, Сибирский федеральный университет

ТИПОЛОГИЯ КЕРАМИКИ СЕЛИЩА ШИЛКА-12 НА ЕНИСЕЕ

В 2005 году АЭ университета проводила раскопки на селище Шилка-12, которое расположено на правобережной 8-метровой террасе р.Енисей в створе Казачинского порога. Раскопом площадью 45 кв. м была изучена разрушающаяся часть террасы, где фиксировался котлован углубленного жилища.

В раскопе было выявлено три культурных слоя, из которых первый и второй относятся к разным стадиям железного века. На уровне третьего культурного слоя на глубине 60-80 см в почве темно-серой супеси было изучено жилище предскифского времени. На материалах этого слоя и построено сообщение.

Жилище № 5 (нумерация дана по визуально читаемым на поверхности западинам) частично разрушено осыпью террасы. Сохранившаяся часть жилища размерами 3,2х4,9 м позволяет представить полные размеры углубленного котлована округлой формы, диаметр которого составлял около 5 м. При таких размерах площадь жилища могла составлять около 20 кв. м. Стенки котлована земляные, наклонные. Уровень земляного пола углублен в среднем на 10-15 см от уровня древней дневной поверхности. В центре котлована размещался углубленный очаг прямоугольной формы.

В раскопе найдено 302 фрагмента керамики (из них 112 в жилище), два мелких обломка бронзовых изделий и изделия из камня: два двусторонних скребка, отбойник, рубящее орудие и несколько отщепов. Сопоставление керамики из котлована жилища и культурного слоя за его пределами показало ее типологическую однородность, что позволяет рассматривать материалы в рамках единого комплекса.

Все имеющиеся черепки относятся, предположительно, к 13 сосудам. У 12 сосудов состав формовочной массы состоит из трех компонентов: глины, песка и дресвы. Один сосуд лепился из глины, в которую кроме песка и дресвы добавлялся еще какой-то органический материал. От него после обжига на черепках остались округлые полости. Подобные составы формовочной массы широко встречаются в керамике целого ряда памятников бронзового и раннего железного века на Среднем Енисее [3].

Формовка посуды проводилась с использованием выколачивания стенок рубчатыми колотушками. По отпечаткам на поверхности стенок преобладают черепки с «вафельным» техническим декором (298 черепков), который заглаживался (отмечается на 217 фрагментах). У 4 фрагментов имеется технический декор от витого тонкого шнура. Наличие подобных способов обработки поверхности керамики можно встретить на многих па-

мятников различных периодов и на различных территориях, как нашего края, так и за его пределами [5].

За основу типологии керамики данного памятника положен ряд признаков, определяющих ее культурно-хронологическую принадлежность: форма сосуда, профиль края венчика и орнамент.

Весь немногочисленный материал был разделен на 2 типа. К первому типу отнесены 10 сосудов – это банки с прямой шейкой и утолщенным краем венчика. У сосудов данного типа имеется ряд характерных черт:

1) широкая наклепная лента, опоясывающая венчик; ряды двойных наколов зубчатого штампа; ряды пальцевых вдавлений (рис.1).

2) желобок под наклепной лентой (рис.3).

3) ряды пальцевых защипов (рис.2,4,5).

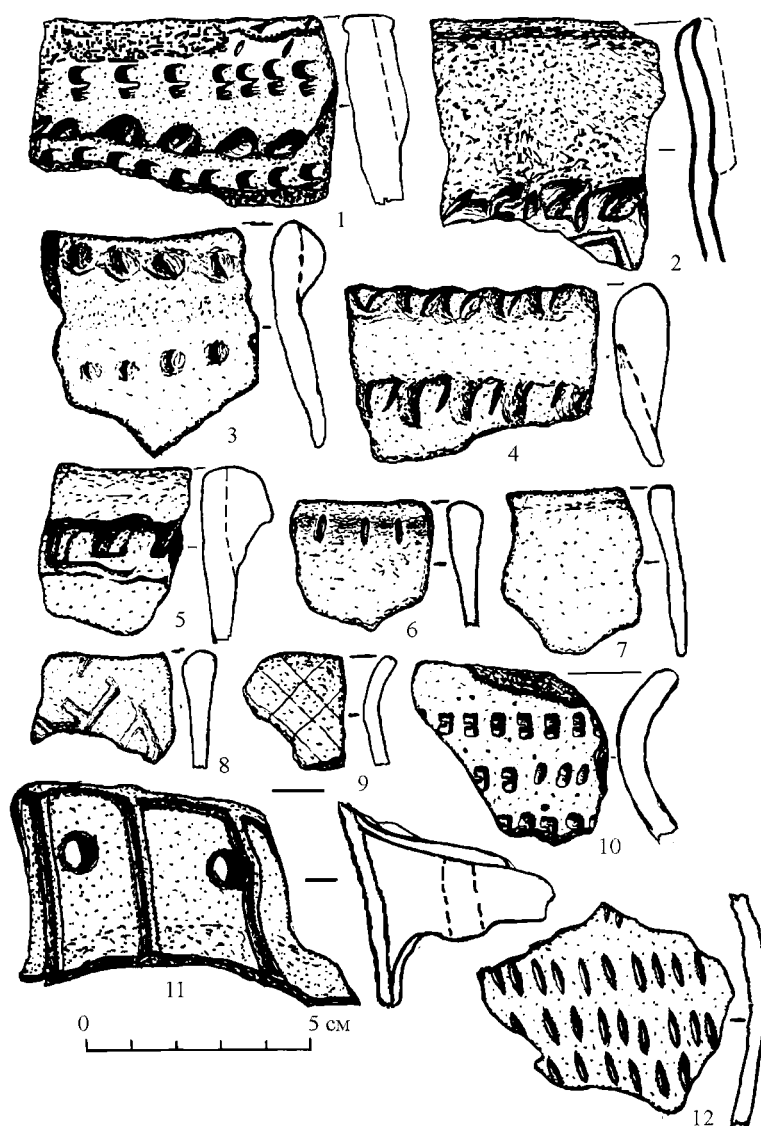
4) некоторые сосуды без орнамента, но тулово сосуда утолщено (рис. 6,7,8).

Второй тип представлен 3 горшками с выраженной профилированной шейкой. Возможно, это сосуды-дымокуры, о чем свидетельствуют наклепные ушки. Для этой керамики характерно присутствие ряда наклонно поставленных гладких наколов на шейке сосуда и прочерченных пересекающихся линий, образующими мотив сетки (рис.9)

Для обоих типов керамики имеется одна общая особенность - ряды двойных наколов зубчатого штампа (рис. 1 - 10), что позволяет рассматривать всю керамику в рамках единого культурного комплекса.

Анализ представленной керамической коллекции показал, что она сопоставляется с материалами из других памятников района исследования. На поселении Бобровка на Среднем Енисее [7] керамика из культурных слоев 4б и 5 имеет схожие черты: наклепная лента по краю венчика с пальцевыми защипами и вдавлениями; желобок под венчиком; сосуды баночной формы без орнамента; сосуды дымокуры; прочерченный мотив сетки. Такие же черты отмечаются на керамике 4 и 5 культурных слоев поселения Шилка 9 [5] и на поселении Нижнепорожнинское-1 [3].

Таким образом, на всех выше перечисленных памятниках данная посуда встречается в слоях, относящихся к периоду поздней бронзы – началу раннего железного века. Не противоречит этому и оригинальный способ формовки сосудов выколоткой рубчатыми колотушками, который был широко распространен с бронзового века на Среднем Енисее, в районах Якутии и Прибайкалья. Получение новых материалов с селища Шилка-12 уточнят предложенную типологию керамики и возможно, позволят поставить вопрос о выделении особого типа керамики.

Керамика селища Шилка-12

Библиографический список

1. Клейн Л. С. Археологическая типология. – С-Пб., 1991.
2. Глушков И. Г. Керамика как археологический источник. - Новосибирск, 1996.
3. Жарников З. Ю. Анализ состава формовочной массы поселения Нижнепорожнинское // Истоки, формирование и развитие Евразийской поликультурности, культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. - Иркутск, 2005. - С. 196-197.

4. Мандрыка П. В. Материалы многослойного поселения Шилка-9 на Среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги Средней Сибири // Известия лаборатории древних технологий, выпуск 3. - Иркутск, 2005.
5. Эртюков В. И. Усть-Мильская культура эпохи бронзы Якутии. - М.: Наука, 1990.
6. Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на Среднем Енисее. - Красноярск, 2003.
7. Карнышев И. С. Керамика сеногдинского типа северного побережья озера Байкал Археология // Этнология, палеоэкология северной Евразии и сопредельных территорий. - Красноярск, 2006. - С. 121-124.

Научный руководитель: к.и.н. П.В.Мандрыка

Р. Р. Ишмуратов

Астана, Евразийский национальный университет, 2 курс

НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

Среди находок VIII-IV век до н.э. Северного Казахстана, особого внимание заслуживает наступательное оружие ближнего боя. Именно с его помощью мы можем реконструировать определенные боевые действия характерные для эпохи раннего железного века.

Для характеристики возможного хода действия ближнего боя необходимо рассмотреть классификацию ножей и кинжалов.

Всего известно 23 экземпляра. По материалу изготовления делятся на три вида бронзовые, железные, биметаллические. Восемь находок являются случайными, остальные происходят из курганов.

Практически каждый экземпляр индивидуален. По основным типологическим показателям кинжалы и ножи вписываются в существующие классификационные системы скифо-сарматского оружия [4, с. 64].

Одной из основных категорий вещевого инвентаря поселенческих и погребальных комплексов являются ножи. Однолезвийные, монолитные клинковые орудия, преимущественно режущего, колющего действия. Они датируются VIII-IV веками до н.э. Преобладает пластинчатая конструкция. По оформлению рукояти разделяются на четыре типа:

Тип 1. Невыделенной рукоятью. 3 экземпляра.

Тип 2. С намечающимся черенком. 2 экземпляра.

Тип 3. С кольцевым навершием. 4 экземпляра.

Тип 4. Черенковый с хвостатым лезвием. 2 экземпляра.

Типологическая характеристика североказахстанских ножей, несмотря на свою малочисленность, позволяет уточнить хронологические позиции отдельных комплексов. Железные и бронзовые ножи встречаются в памятниках на территории от Волги до Алтая [6, с. 58].

Другим основным оружием ближнего боя является кинжал. Это обоюдоострый клинок, не превышающий в длину 50 см и предназначенный, прежде всего для колющего удара [1, с.15]. Известно 12 экземпляров.

По форме перекрестия их можно разделить на 3 группы.

Первая группа представлена кинжалами, которые выполнены в карасукских традициях и имеет два типа [8, с. 52].

Тип 1. С «шипастым» перекрестием. 2 экземпляра. Датируются VIII-VI вв. до н. э.

Тип 2. С крышевидным перекрестием. 1 экземпляр. Датируются VI-IV вв. до н. э.

Подобные кинжалы встречаются на территории от Восточной Европы до Казахстана.

Вторую группу составляют кинжалы с различными вариантами бабочковидного перекрестия.

Тип 1. Представлен бронзовым кинжалом с бабочковидным под треугольным – сегментовидной формой навершия, рукоять с волнистыми краями. Датируется VI-V вв. до н. э.

Тип 2. Биметаллический кинжал с бабочковидным перекрестием, рубчатой рукоятью и рожковидной формой навершия. Датируется VI-V вв. до н. э.

Третья группа железные кинжалы.

Тип 1: С бабочковидным перекрестием и зооморфным навершием.

Тип 2: Железный кинжал с рожковидным (серповидным) навершием и ложнотреугольным перекрестием.

По находкам оружия ближнего боя можно сделать следующие выводы: наибольшее распространение в эпоху РЖВ на территории Северного Казахстана получила рукопашная схватка. Ножи и кинжалы были основным боевым оружием воинов, об этом можно судить по погребениям, в которых вместе с воинами клали их личное оружие. При этом кинжалы использовали наиболее состоятельные воины. Кинжал и нож в основном применялись на последней стадии, когда бой превращался в резню. Бойцы спешивались с коней, хватали друг друга за горло или за волосы, наносили колющий удар в грудь или живот. Режуще-рубящие свойства кинжала применялись также для добивания поверженного врага.

Библиографический список

1. Горелик М. В. Оружие Древнего Востока. Москва. 1993 г.
2. Кубарев В. Д. Куганы Юстыда. Новосибирск 1991 г.
3. Нелин Д. В. Об эволюции боевых качеств ножей-кинжалов эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4. Оренбург 2000 г.
4. Литвинский Б. А. Храм Окса. Т. 1. 2000 г.
5. Таиров А. Д., Ульянов И. В. Случайные находки оружия ближнего боя из коллекции лаборатории археологических исследований Челябинского университета // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Сборник статей. Челябинск. 1996 г.
6. Таиров А. Д. Оружие ближнего боя кочевников тасмолинской историко-этнографической общности // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Актобе. 2005 г.
7. Худяков В. С. Вооружение кочевников Восточного Туркестана в бронзовом и раннем железном веках // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Сборник статей. Кемерово. 1995 г.
8. Хабдулина М. К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы. 1994 г.

Научный руководитель: Свиридов А. Н., СНС

Н.В. Кирюшина

Барнаул, Алтайский государственный университет, 3 курс

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ГРИВЕН ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ

Украшения скифского времени Горного Алтая, в том числе и гривны, являются ценным материалом для изучения многих аспектов жизнедеятельности представителей пазырыкской культуры. Как исторический источник они способны продемонстрировать консервативность и устойчивость традиций, отразить этническую и половую принадлежность, социальное положение, мировоззрение, ремесло и ювелирное дело, контакты и миграции их обладателей. Данные вопросы уже не раз поднимались такими исследователями, как С.И. Руденко [7, 8], В.Д. Кубарев [2, 3, 4, 5], Н.В. Полосьмак [6], Ю.Ф. Кирюшин и Н.Ф. Степанова [1] и др. Прежде чем приступить к раскрытию роли украшений, выполняемой ими в пазырыкском обществе, необходимо дать четкую характеристику самим украшениям и обобщить накопленные о них данные.

Исходным моментом стало проведение морфологического анализа, подразумевающего под собой установление формы изделий, конструкции, взаимного расположения частей, а также демонстрацию степени сходства и различий всех обнаруженных находок. Гривна – это шейное украшение, представляющее собой металлический, деревянный или комбинированный обруч, часто имеющий на концах оформленные наконечники. По своим конструктивным особенностям она может быть цельной и составной. Цельная гривна представляет собой обруч без каких-либо составных деталей (за исключением шнура, необходимого для фиксации гривны на шее). Составное изделие, кроме стержня, имеет специальные фигурные наконечники, закрепленные на обоих концах. Несмотря на то является гривна цельной или составной, внешний вид ее стержня может быть несомкнутый (т.е. в виде подковы), сомкнутый (т.е. с заходящими друг за друга концами) и круговой. В свою очередь, сечение стержня может быть круглым, овальным, пластинчатым или скобообразным. В зависимости от способа изготовления встречаются цельнолитые и полые внутри гривны.

Следующим шагом в изучении гривен пазырыкской культуры стало проведение их классификации, представляющее собой группирование предметов по сходствам и различиям, которое соответствует ло-

гическим правилам деления объема понятий: построение на едином основании, соблюдение единой для всех частей материала иерархии, исключение попадания какого-либо объекта сразу в две однопорядковые ячейки.

Предполагаемая классификация представляет собой шестичленное древовидное деление по таксономическим уровням, в основу определения которых положена группировка предметов по наиболее весомым признакам. Стоит отметить, что такая классификация является универсальной и может применяться для других видов украшений.

Категорией, определяющей вид украшений, являются собственно гривны. Группа предполагает разделение их по материалу изготовления. На ее основе были выделены изделия из цветных металлов и комбинированные, содержащие в себе несколько материалов. Третьим показательным уровнем классификации является разряд, в основе которого отражены конструктивные особенности гривен. По разряду все они делятся на цельные и составные. Раздел основан на определении формы сечения рассматриваемых украшений. В основе отдела лежит внешний вид стержня гривны. Близко связанным с отделом является тип, признак которого отражает оформление концов гривен. Дополнительным таксоном классификации является вариант, характеризующий отличные качества изделий.

В результате таксономического группирования было выделено 11 типов гривен пазырыкской культуры. На основе этого был сделан предварительный вариант типологии, где рассматривалась эволюция (развитие) типов изделия во времени и пространстве.

Так, время широкого распространения гривен в пазырыкской культуре приходится на промежуток с середины VI по IV вв. до н.э. На это указывает локализация большинства находок в памятниках, относящихся к этому периоду. Условно развитие гривен пазырыкской культуры можно разделить на два взаимосвязанных друг с другом сектора:

- 1) изменения, происходившие со стрежнем;
- 2) изменения оформления концов стержня.

В первом случае на данный момент можно указать то, что вероятно, первоначально стержень гривны был цельнолитой и имел либо несомкнутые, либо заходящие друг за друга концы. Далее, в процессе своего развития стержень стал полым внутри. Это послужило основой для появления еще одного типа гривны, имеющей скобообразное сечение.

Стоит отметить, что изменения происходили не только с сечением и способом изготовления стержней гривен, но и с его видом. Так, в некоторых случаях из цельного стержня он получает вид небольших полых трубок, нанизанных на кожаный шнур.

Изменение оформления наконечников было более простым и выразилось в трансформации двух зооморфных наконечников в один наконечник-соединитель, за счет чего гривна приобрела замкнутую круговую форму.

При изучении развития оформления концов гривны необходимо так же отметить, что в последствии появляются специальные крючки, служащие для фиксации гривен на шее

Особенностью гривен пазырыкской культуры является то, что наряду с модернизированными гривнами на всем протяжении пазырыкской культуры используются и их первоначальные варианты.

Библиографический список

1. **Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф.** Скифская эпоха Горного Алтая. Часть III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни / Ю.Ф. Кирюшин, Н.Ф. Степанова. Барнаул, 2004. 292 с.: ил.
2. **Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.
3. **Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 270 с.
4. **Кубарев В.Д.** Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.
5. **Кубарев В.Д.** Бике-I, III: погребальные памятники скифской эпохи Средней Катуни // Древности Алтая: известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. №7. С. 120–145.
6. **Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. Новосибирск, 2001. 336 с.
7. **Руденко С.И.** Второй Пазырыкский курган. Л., 1948. 64 с.
8. **Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с.

*Научный руководитель – Тишкин Алексей Алексеевич, к.и.н.,
доцент кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ*

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ШНУРОВЫХ СОСУДОВ НА ПОДДОНАХ ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ оз. БАЙКАЛ

Некоторые керамические традиции Байкальского побережья довольно хорошо изучены и, как правило, выделены в отдельные типы, характеризующие исторические периоды. Однако, по шнуровым сосудам на поддонах относительно их периода бытования исследователи так и не пришли к общему мнению.

Для шнуровых сосудов на поддоне западного побережья оз. Байкал характерна закрытая форма, венчик прямой или слегка отогнут. Технический декор выполнялся техникой выколачивания, инструментом которой предположительно являлась лопаточка, обмотанная толстым шерстяным шнуром. Привенчиковая зона украшена накладными валиками, которые по своим форме, сечению и количеству представлены большим разнообразием. В комплексе с налепными валиками тулово сосуда могло украшаться «жемчужными» вдавлениями. Непосредственно сами валики часто орнаментированы насечками или «личиночным» штампом.

Шнуровая керамика с налепными валиками впервые зафиксирована Б.Э. Петри в бухтах Улан-Хада и Мандерхан на Малом море оз. Байкал в 1912-1913 гг. и 1916 г. В Приольхонье подобная керамика отмечена в подъемных сборах П.П. Хороших (1921-1923 гг.), П.П. Хороших, Н.М. Ревякина (1952 г.), Н.М. Ревякина (1953 г.), П.П. Хороших, Э.Р. Рыгдылона, В.В. Свирина (1956 г.) [3; 4; 5].

Впервые вопрос о датировке и культурной принадлежности шнуровых сосудов на поддонах поставил Л.П. Хлобыстин. Он отнес их к тапхарскому этапу культуры плиточных могил Забайкалья (VII-VI вв. до н.э.) [9; 10].

В 1965 г. на Северном Байкале на второй губе бухты Котики (Сенюгда) В.В. Свириным была собрана коллекция керамики со шнуровыми оттисками лопаточки по всей поверхности, на поддонах, орнаментированной накладными рубчатыми валиками. «Поддоны без следов выбивания лопаточкой. Видимо, они изготавливались лепным способом из раскатанной ленты глины...» [6, с. 59].

На сегодняшний день в Приольхонье на 31 археологическом местонахождении отмечена шнуровая керамика с налепными валиками. Из них всего на шести объектах (Тышкинэ I, Тышкинэ III, Семисосенная II, Харанса IV, Улан-Хада I, Берлога) зафиксированы фрагменты поддонов с шнуровым декором. На поселениях Берлога (I-IIc), Тышкинэ III (IIIaс) и Семисосенная II (Ic), эта керамика обнаружена впервые в стратифицированных комплексах, залегающих между слоями бронзового и железного веков. На основании этих и полученных в результате раскопок многослойного поселения Катунь I материалов С.А. Черемисин и О.И. Горюнова отнесли эти комплексы к переходному периоду к раннему железному веку (VII-VI вв. до н.э.) [11]. Впоследствии шнуровая керамика на поддонах, украшенная налепными валиками, была выделена в **тышкинейский тип** [1]. Имеющаяся радиоуглеродная дата по II культурному слою местонахождения Берлога, содержащему керамику тышкинейского типа, - 2130 ± 145 (СОАН-3338), по мнению авторов, является «несколько омоложенной» [2, с. 59].

По материалам поселенческих комплексов северного Байкала А.В. Харинский и И.С. Карнышев выделяют шнуровые сосуды с уплощенным дном или на поддонах, орнаментированные налепными валиками и рядами жемчужных вдавлений, в **сеногдинский тип** [8]. Исследователи датируют указанную керамику на основании радиоуглеродного метода. Одна из дат получена по нагару с внутренней стенки плоскодонного сосуда из плиточной могилы Итерхей V - 3100 ± 35 (АА-36742) [7]. К настоящему времени эта дата является наиболее древней по шнуровой керамике с налепными валиками и соответствует XIII в. до н.э. Еще две даты получены по прослойке угля, перекрывающей культурный слой городища-святилища Байкальское I, содержащего подобную керамику, - 2140 ± 140 (ЛЕ-3390) и 2100 ± 30 (СОАН-3587). Таким образом, исследователи расширяют рамки ее бытования на западном побережье Байкала - XIII-II вв. до н.э. [8].

Шнуровая керамика, украшенная налепными валиками, встречена в пяти плиточных могилах западного побережья оз. Байкал: Маломорец I-1, Сарма X-1, Хужиртуй 1-1, Олзонтей VI-4 и Итерхей V-1 [3; 4; 5; 7]. Но ни в одном из пяти погребений фрагментов поддона не обнаружено.

Различия между керамикой тышкинейского и сеногдинского типов заключаются в следующем. Во-первых, наличие поддона, как необходимого компонента в определении керамики тышкинейского типа, для сеногдинской керамики не является обязательным. Во-вторых, на поддонах северного Байкала нет следов технического декора, в отличие от поддонов Приольхонья, которые как и весь сосуд, покрыты оттисками грубого шнура. И, в-третьих, по времени сеногдинская керамика существовала на протяжении почти всего I тыс. до н.э. (с XIII по II вв. до н.э.), в то время как существование керамики тышкинейского типа датируется авторами VII-VI вв. до н.э. на основании датировок культурных слоев стояночных комплексов.

В целом, для периода позднего бронзового – раннего железного веков характерна шнуровая керамика с налепными валиками и «жемчужными» вдавлениями. Так как на территории Прибайкалья не найдено ни одного полностью апплицируемого сосуда – определить наличие поддона или уплощенного дна, зачастую, не представляется возможным. Так как шнуровая керамика с налепными валиками встречается в плиточных могилах, можно предположить, что она была привнесена на территорию Предбайкалья скотоводами из Забайкалья.

По-видимому, на данном этапе исследований можно гипотетически предполагать, что керамика тышкинского типа представляет собой более поздний вариант керамики периода позднего бронзового – раннего железного веков. В то же время сенокинскую керамику следует считать характерной для всего периода сооружения плиточных могил на территории Предбайкалья.

Библиографический список

1. **Воробьева Г.А., Горюнова О.И.** Особенности осадконакопления и периодизации позднеголоценовых культур Среднего Байкала // 100 лет гуннской археологии. Номадизм - прошлое, настоящее в глобальном контексте исторической перспективы. - Улан-Удэ, 1996. - Ч. 2. - С. 11-13.
2. **Горюнова О.И., Воробьева А.Г., Орлова Л.А.** Новые данные по хронологии многослойных поселений Приольхонья // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 57-59.
3. **Горюнова О.И., Свинин В.В.** Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. - Иркутск: Арком, 1995. - Ч. 1: Остров Ольхон. - 142 с.
4. **Горюнова О.И., Свинин В.В.** Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. - Иркутск: Арком, 1996. - Ч. 2: Материковый участок от мыса Елохин до мыса Улан. - 213 с.
5. **Горюнова О.И., Свинин В.В.** Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. - Иркутск: Арком, 2000. - Ч. 3: Материковый участок от мыса Улан до реки Большая Бугульдейка. - 182с.
6. **Свинин В.В.** Археологические исследования на сев. побережье оз. Байкал в 1963 – 1965 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963 – 1965 гг.- Иркутск, 1966.
7. **Туркин Г.В.** Лесостепное Предбайкалье в кон. II – I тыс. до н.э. (по материалам погребально-поминальных комплексов). - Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Владивосток, 2003. - 24 с.
8. **Харинский А.В., Карнышев И.С.** Керамические традиции северо-западного побережья озера Байкал в I тыс. до н.э. (по материалам стоянки Балтаханова III) // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Материалы региональной научно-практической конференции. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. - С. 137-142.
9. **Хлобыстин Л.П.** Древние культуры побережья озера Байкал (каменный и бронзовый века). - Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Л., 1964. - 18 с.
10. **Хлобыстин Л.П.** Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам раскопок Б.Э. Петри) // КСИА. - 1964. - Вып. 97. - С. 25-32.
11. **Черемисин С.А., Горюнова О.И.** К вопросу о переходном периоде к раннему железному веку на побережье оз. Байкал (по материалам многослойного поселения Катунь I) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. - Красноярск, 1991. - Т. 2. - С. 46-47.

Научный руководитель – старший преподаватель, А.А. Тютрин.

А. А. Котельникова

Астана, Евразийский национальный университет, 2 курс

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИХРОМНОГО СТИЛЯ СТЕПЕЙ ЕВРАЗИИ

Полихромный стиль - вид ювелирного искусства, пришедший на смену звериному стилю и получивший распространение на территории, включавшей северопричерноморские и казахстанские степи, в период со II в. до н.э. до V в. н. э. Для полихромного стиля характерно в основном наличие трех технических приемов: штамповочный орнамент, накладной орнамент и обильная инкрустация. На сегодняшний день изучение полихромного стиля является одной из актуальных проблем, а история изучения требует осмысления и анализа.

Впервые золотые украшения полихромного стиля гуннской эпохи были открыты в 1812 г. на территории Румынии [6, с. 5]. В настоящее время полихромные украшения гуннской эпохи обнаружены на всем пространстве Евразийского континента. Благодаря этому, изделия в полихромном стиле стали объектом оживленных дискуссий.

Первый этап изучения полихромного стиля начинается в конце XIX в. В 1892г., французский ученый де Бай вводит в литературу понятие «готский стиль» и основываясь на сходстве украшений из Керчи с украшениями меровингской эпохи, утверждает что распространителями изделий полихромного стиля являются готские племена. В 1897 г., русский исследователь Э. Р. Штерн, возражая де Баю, высказался в пользу северопричерноморского происхождения керченских изделий, относящихся к полихромному стилю. Позднее мнение Э.Р. Штерна поддержали Н. Феттих, А. Альфельди, Я. Харматта, И. Вернер, также считая, что полихромные изделия изготовлялись в боспорских мастерских [6, с.6].

В начале XX века, в изучении памятников эпохи великого переселения народов поднимается вопрос о культурной принадлежности полихромного стиля к кочевникам. Сообразно с этим немецкая исследовательница Белла Пошта рассматривает находки IV-V вв. как отдельную категорию германо-гуннского происхождения [7, с.53]. В 1907 г. И. Вернер, возрождая точку зрения Э.Р.Штерна, отмечает в полихромных изделиях гуннского времени традиции боспорских мастеров. Ученый полагает, что носителями полихромных изделий являются сарматы и аланы, вошедшие в гуннский племенной союз [5, с.50]. В дальнейшем мнение И.Вернера и Э.Р.Штерна разделили ряд исследователей – В. В. Гольмстен, Н. Феттих, Л. А. Мацулевич, К. М. Скалон.

В 20-х XX в. поднимаются вопросы о происхождении полихромного стиля и его связи с сарматским звериным стилем. Предлагается считать центром изготовления изделий данного типа Среднюю Азию.

Данная тема была поднята в работах М. И. Ростовцева. Основываясь на находках из Амударьинского клада, он приходит к выводу, что сарматский звериный стиль связан происхождением с территорией Бактрии и Парфии. И является предшественником полихромного стиля [10, с.154].

В 1951 г. А.Н.Берштам, основываясь на находках из северного Казахстана, предположил что на происхождение полихромного стиля оказывает влияние среднеазиатский культурный очаг [3, с.228]. В 1959 г. выходит работа М.К. Кадырбаева «Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана». В данном труде автор склонен считать, что происхождение варварского искусства складывается среди кочевых племен юга России, Средней Азии и Казахстана [9, с.198].

В 60-е годы XX века в своих работах Л. Я. Маливицкая и К. Ф. Смирнов анализируют все зооморфные изображения сарматской эпохи, благодаря этому делают свои выводы о трансформации сарматского звериного стиля в полихромный [8, с.39-42].

Третий качественно новый этап в изучении полихромного стиля приходится на конец 60-х гг.- начало 80-х гг. и связан с работами И. П. Засецкой. Исследовательница наблюдает становление и развитие полихромного стиля гуннской эпохи, решает вопросы датировки и классификации изделий данного типа. И. П. Засецкая выделяет классический образец раннего полихромного стиля, который датирует IV-V вв [5, с.51-53].

В 70-е годы А. К. Амброз рассматривает хронологию памятников всего Евразийского региона и на основании полученных данных датирует полихромный стиль IV-V вв. н.э. [2, с.96-123, 106-134]. В 1978 г. А. П. Уманский, исследуя чарышские находки, предлагает по иному характеризовать варварский стиль, называя его ранней стадией развития полихромного стиля [11, с.161-162]. По мнению К. А. Акишева и А. К. Акишева предшественником полихромного является инкрустационный стиль, ранние этапы которого датируются III в. При этом они выделяют две группы полихромных изделий. К первой группе относят гуннские изделия, для которых характерны вставки из цветных камней в напаянных гнездах-кастах, орнамент из зерни, филигранные пояски. Вторую группу характеризуют отсутствие фона и перегородчатой инкрустации [1, с.10].

В 1988 г. С. А. Яценко предлагает называть раннюю стадию полихромного стиля бирюзово-гранатово-золотым. В статье за 1993 г. автор пишет, что с IV-V вв. н. э. он постепенно вытесняется гранатовым стилем, именуемым «клуазоне». Оформление стиля «клуазонне» происходило на территории Грузии, и было связано с влиянием алан [12, с.101].

А. Д. Таиров и А. Ф. Бушмакин основываясь на данных химического анализа изделий из кургана Солончанка I считают, что центром изготовления полихромных изделий является Иран, а посредством торговых контактов с центрами Средней и Передней Азии они появились в Урало-Казахстанских степях [4, с.96-97].

Выделяется несколько основных точек зрения по проблематике происхождения полихромного стиля гуннского времени. Его предтечей является инкрустационный стиль кочевников I-IV вв. Центрами изготовления престижных элементов варварской культуры являлись мастерские Боспора и Средней Азии.

Библиографический список

1. Акишев А. А, Акишев К.А. Древнее золото Казахстана. Алматы, 1998
2. Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы. // СА, 1971, №2 – 3;
3. Берштам А. Н. Находки у озера Борового в Казахстане // СМАЭ АН СССР 1951, Т 13;
4. Бушмакин А. Ф., Таиров А. Д Курганы с усами «Солончанка I» // Труды музея заповедника «Аркаим» Челябинск, 1999;
5. Засецкая И. П. Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья // АС ГЭ 1968, вып.10;
6. Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи Л, 1975;

7. Засецкая И. П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи // СА 1978, №1;
8. Засецкая И. П. Проблемы сарматского звериного стиля // СА 1989, №3;
9. Кадырбаев М. К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института истории археологии и этнографии АН Каз ССР том 6. Алма-Ата, 1959;
10. Сариниди В. И. Храм и некрополь Тилля-Тепе. М, 1989 ;
11. Уманский А. П. Погребение эпохи Великого переселения народов на р.Чарыш //Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978;
12. Яценко С. А. Основные волны новых элементов костюма в Сарматии и политические события I в. до н.э. – III в. н.э. Происхождение стиля «клуазонне» // Петербургский археологический вестник 1993, №4.

Научный руководитель: Свиридов А. Н. с.н.с. НИИ археологии им. К. А. Акишева

А.С. Кузнецова

Кемерово, Кемеровский государственный университет, 5 курс

ОБРАЗ ОЛЕНЯ С ПОДОГНУТЫМИ НОГАМИ В СКИФСКОМ ИСКУССТВЕ «ЗВЕРИНОГО» СТИЛЯ

Образ оленя с подогнутыми ногами на протяжении четырех веков доминировал в искусстве скифо-сибирского звериного стиля, продолжает интересовать своей семантикой исследователей, а для неспециалистов в археологии является маркером скифской культуры.

Все трактовки учеными данной позы оленя условно можно разделить на 2 группы: первая содержит совокупность мнений относительно динамики оленя как биологического существа; вторая группа связана с сакральным подтекстом, магией, тотемизмом, мифологией.

Из 16 проанализированных трактовок 9 касаются движения (определения типа «галопирующий олень») и 7 – сакральные версии.

Традиционно считается, что основная черта звериного стиля – это передача животных в динамике: «У скифов был распространен так называемый звериный стиль, передающий зверей в полуреальной полусказочной форме, чаще всего в движении и борьбе» [10, с.42]. «Особенностью звериного стиля являлась передача животных чаще всего в движении с подчеркиванием силы зверя и нанесением мышц» [10, с.166]. А. И. Мартынов трактует данный образ как «летающий в галопе олень»; Ж. Дюмезиль – «скачущий олень»; у А. П. Смирнова: «...и в Сибири, и в Европейской Скифии широко был распространен образ оленя в галопе» [10, с. 46]. Л. М. Плетнева, давая описание находки из Среднего Приобья, отмечает: «Бронзовая рельефная фигурка галопирующего оленя (Степановка)». То же сочетание у А.И. Мелюковой: «Из копытных животных наиболее распространены...были фигурки галопирующего оленя» [6, с.102]. М. А. Дэвлет выдвинула следующее поэтическое определение: «наиболее характерный сюжет – изображение оленя в позе «летучего галопа».

Основной аргумент против трактовки «галопирующего оленя» – это сама сущность оленя как животного, которое при любом типе движения не может подгибать под себя все четыре ноги сразу, да и в древнем изобразительном искусстве для передачи бега, стремительности, динамики оленей и других зверей рисовали так, что «ноги были вытянуты вперед и назад», как отмечает С.С. Черников [12, с.30].

В. Д. Блаватский трактует позу как «момент прыжка на самом быстром бегу», а об олене из станицы Костромской пишет: «Тонкие ноги с большими острыми копытами плотно прижаты к поджарому туловищу» [1, с.136]. Той же мысли придерживается и М. И. Ростовцев. Однако, если считать и самый момент прыжка движением, то и здесь актуально вышеуказанное утверждение Черникова о невозможности подгибания по себе всех ног сразу.

Самой общеупотребительной является характеристика «летающий олень». По классификации зооморфных изображений Д.Г.Савинов относит его в III группу образов: «стилизованные изображения «летающих» оленей с подогнутыми ногами или без ног, клювообразной мордой и треугольным выступом на спине» [7, с. 120].

Переходя ко второй совокупности мнений, нужно отметить, что данное деление на 2 группы научных трактовок (динамика и сакральность) не есть части классификации единого уровня, ведь за основу берутся разные критерии, один касается физиологии животного, а второй, в сущности, идеологии скифов.

Тотемистической трактовки позы оленя придерживаются В. И. Абаев и Н. Л. Членова, не отвергает ее и Б. Н. Граков, однако они наполняют ее разным содержанием, несравнимым по своей доказуемости. Если Членова видит в олене тотемное животное скифов, то Граков и Абаев – саков.

Граков и Абаев склонны считать, что имя саков отождествляется с общеиранским словом, обозначающим оленя [3, с.86]. Абаев же прямо указывает, что на древнеиранском слово «сака» – это «олень». Это и есть аргументация того, что именно саки видели в олене свое тотемное животное. Граков уточняет, что само понятие тотема, уходя корнями еще к первобытности, могло сохраниться лишь как пережиток «далекого прошлого» у саков, «находящихся на уровне военной демократии» [там же], к тому же, поскольку олени звериного стиля «всегда рогатые самцы», то в них видели предков уже патриархального по структуре общества. Непонятным, однако, остается вопрос о том, как изображения тотемного животного саков (представителей юго-западной оконечности ареала скифского мира) могли быть столь популярными и в Скифии, и в скифо-сибирском мире? К тому же в местах локализации саков оленей меньше всего, а в Венгрии, где саков не было, находят изображения оленей [12, с.56].

В рамках критики магической трактовки, возникает довольно логичный вопрос, какие полезные качества может придать изображение объекта охоты, да еще и «рухнувшего на колени»? К примеру, Мелюкова справедливо исключает из списка магических пристрастий скифской культуры именно образ оленя, то же отмечал и Д. С. Раевский, говоря, что магическая сущность звериного стиля не была даже определяющей, так как копытные животные не выслеживают жертву [8, с.84].

Одной из первых жертвенную трактовку позы оленя предложила М. Л. Вязьмитина. Она отмечала, что в подобной позе в древневосточном и микенском искусстве «обычно изображались олени по обе стороны священного дерева, связанного с культом богини плодородия, восприятие данной трактовки изображения оленя позволяет такую позу рассматривать как позу посвящения, или жертвенную позу» [2, с.163]. Проведя довольно масштабное изучение аналогий данной позы оленя, Вязьмитина пришла к выводу о том, что «такая поза оленя «была привнесена скифами из областей, в которых соприкасались древние культуры Эгейского, хетто-хурритского и мидийско-манейского миров». Космогоническими блок версий, связан с мифологией и представлениями скифов об устройстве мира.

Существует мнение (Кузьмина, Хазанов, Шкурко), что звериные образы «отражают характерные для всех индоиранских народов представления о многочисленных превращениях, инкарнациях и различных ипостасях, в которых предстает каждое божество» [8, с.85-86]. Однако для скифов эта черта зооморфности богов не была свойственна, за исключением лишь полузмеи Апи. Одну из самых интересных и своеобразных теорий предложил Д.С.Раевский. Звериные образы он разделил на группы: птицы – копытные – змеи-рыбы, он положил эту классификацию в основу «четкой трехчленной, вертикально проецируемой системы» [8, с.111], «где птицы связаны с верхом композиции, с небом; копытные – со средней частью, с землей; змеи-рыбы – с низом, с подземным царством» [там же]. В итоге, образ оленя, как копытного животного, маркирует среднюю зону космоса, причем поза его трактуется Раевским как жертвенная, так как «средний мир есть мир смертных, а сама смерть мифологическим мышлением трактуется как семантический эквивалент жертвы, совершенной во имя сохранения и возрождения мира» [8, с.116].

В целом, версии движения оленя не вызывают доверия. Поскольку «бег благородного оленя квалифицируется как бег прыжково-скоростного типа, где в стадии свободного полета у этого животного ноги не могут находиться вместе, подогнутыми под брюхо, как это обычно изображают» [7, с.134].

Олень не лежит, так как, во-первых, облик его слишком напряжен (вытянутая шея, мускулы), во-вторых, животное опирается только на ноги, тогда как круп находится на весу, что и порождает напряженность.

На гипотетическом уровне возможно построение теории, основанной на объединении нескольких сакральных версий (тогда первая часть, по сути, уже оформлена Раевским). Олень с подогнутыми ногами является образом, маркирующим земной мир, что выражается в жертвенной позе животного, символизирующей смертность этого среднего звена трехчленной вертикальной космогонической системы скифов. Относительно причин выбора именно образа оленя видятся 2 версии: 1)общение с античным миром, откуда и заимствуется этот образ как жертвенное животное богини-охотницы Артемиды; 2)олень являлся тотемным животным саков, постепенно тотемизм, отмирает, но остается образ, вошедший в космогонические представления скифской общности.

Библиографический список

- 1 Блаватский В. Д. Античная археология и история. – М.: «Наука», 1985, 279 с.
- 2 Вязьмитина М. И. Ранние памятники скифского звериного стиля. СА, 1963, № 2.
- 3 Граков Б. Н. Скифы. – М.: «Издательство Московского университета», 1971, 170 с.
- 4 Дэвлет М.А. Изображения в скифо-сибирском зверином стиле на скалах Верхнего Енисея//Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции. – Кемерово, 1979.
- 5 Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. – М.: «Наука», 1990, 230 с.
- 6 Мартынов А. И. Археология СССР. – М.: «Высшая школа», 1982, 271 с.
- 7 Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. – М.: «Наука», 1979, 256 с.
- 8 «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции.- Кемерово, 1979, 169 с.
- 9 Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. – М.: «Наука», 1985, 256 с.

- 10 Скифские древности. – Киев: «Наукова думка», 1973, 278 с.
11 Смирнов А. П. Скифы. – М.: «Наука», 1966, 200 с.
12 Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Отв. ред. А. И. Мелюкова. – М.: «Наука», 1989, 464 с.
13 Черников С. С. Загадка золотого кургана. – М.: «Наука», 1965, 188 с.

Научный руководитель: Я.А.Шер, д.и.н., проф.

И.А. Мейкишан

Барнаул, Алтайский государственный университет, 2 курс

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ХУННУ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Проблема реконструкции религиозных представлений хунну Центральной Азии является одной из слабо разработанных в кочевниковедении. Это обусловлено отсутствием достаточного количества информации по данному вопросу. Наибольшие исторические сведения о хунну можно получить из китайских источников, представленных в переводах А.Н. Бичурина, Н.В. Кюнера, В.С. Таскина [2; 11; 12]. Однако при анализе произведений китайских авторов следует учитывать существенную долю субъективности содержащейся в них информации. Большую проблему составляет так же адекватный перевод этих произведений, что вызвано большим смысловым потенциалом китайского языка.

Вторым источником по истории и культуре хунну являются археологические данные. В настоящее время накоплен большой археологический материал по хуннуской культуре. В трудах С.И. Руденко [16], А.В. Давыдовой [8], С.С. Миняева [13] и других исследователей частично разработана тема культуры и религии кочевников. В тоже время отсутствуют концептуальные работы по данной теме. Вопрос о формировании хуннского этноса так же неясен [1;10]. Поэтому невозможно сделать конкретных выводов о религии хунну в первые этапы его развития. Тем не менее, можно выделить определённые черты т.н. «китайского» и «сибирского» влияния на формирование религиозных представлений номадов.

Доминирующее воздействие на культуру и религию хунну оказывал Китай, с которым были установлены военные, торговые, политические и династийные связи [10; 11]. Проникновение религиозных элементов из Китая в Хуннускую империю могло осуществляться двумя способами: через элиту общества и через простое население.

В элиту кочевников китайские элементы проникали в результате непосредственного общения самого шаньюя и его приближённых с двором китайского императора. В связи с продолжительной практикой выдачи китайских принцесс замуж за хуннуского шаньюя можно предположить о существовании тесного контакта хунну с китайской культурой и религией. Кроме того, в китайских источниках говорится, что «китайцы служили в органах власти, управлявших осёдлым населением» [9, с. 25].

Относительно вопроса о проникновении «китайского» влияния через простое население следует рассмотреть систему взаимоотношений между хуннуской империей и Китаем. В период своего расцвета, хунну периодически совершали военные набеги на пограничные области Китая. Необходимость этих набегов заключалась не столько в у страшении Поднебесной, сколько в пополнении трудовых ресурсов [12; 7]. В результате ассимиляции китайцев, кочевниками перенимались и некоторые мировоззренческие идеи китайской религии [10; 11; 1].

Что касается «сибирского» влияния, то согласно некоторым авторам, в Забайкалье в эпоху конца палеолита – начала неолита возникает такая религия как шаманизм. Окончательное формирование шаманизма происходит в эпоху ранней бронзы. [14; 17]. О том, что шаманизм существовал у хунну, свидетельствуют всё те же китайские источники. Шаманы именовались у китайских историков иероглифом *wu*. В процессе перевода возникли разногласия между учеными по вопросу интерпретации данного иероглифа. У Н.Я. Бичурина этот иероглиф переведен как «маг» [2], у В.С. Таскина – как «шаман» [12]. Перевод В.С. Таскина прочно закрепился в современной науке, тем не менее, этот вопрос до сих пор остаётся спорным. Что касается археологических источников, то захоронений, которые можно было бы интерпретировать как захоронения служителей культа, пока не обнаружено. В некоторых могилах наблюдается определенный набор погребального инвентаря, который отличается от обычного. Например, при раскопках на Иволгинском кладбище, в могиле №100 «были обнаружены пряжки с изображением борьбы двух тигров и дракона, череп барана, который лежал на крышке гроба» [5, с. 33], что может характеризоваться как погребение «неправильное» и вполне возможно, является погребением служителя культа. Но за неимением других «неправильных» погребений, в настоящее время невозможно говорить о достаточных археологических источниках по шаманизму у хунну.

Исходя из китайских письменных источников, можно установить функции шамана у кочевников. Согласно этим источникам, шаманы выполняли жертвоприношения духам Земли, Неба, духам предков (воинов), а так же использовали лечебную, военную магию, заклинали погоду. [2; 12; 15]. Кроме того, А.Н. Бернштам на основе археологических данных ноинулинских курганов делает предположение о наличии пережитков тотемизма у хунну, где в качестве тотема царского рода выступает бык [1; 3]. Но данная точка зрения подвергается некоторыми учёными критике [16].

Следует учитывать и то, что к моменту выхода кочевников на политическую арену у них уже существовали определенные религиозные представления. Н.Я. Бичурин пишет о том, что шаньюй Моде принял новую веру. [2, с. 56]. И если учесть, что именно Моде принимает титул «Сына Неба», то вполне можно предположить, что эта новая вера связана с влиянием Китая. Согласно китайским известиям, шаньюй являлся сосредоточением сакральной власти, которую он приобретал через обряд инаугурации. Но шаньюем не мог стать любой кочевник, так как у кочевников существовала «система обоснования легитимности правителя степной империи» [7, с. 144]. Согласно этой системе Небо и Земля избирают достойного правителя, оказывая ему в дальнейшем своё покровительство. Данная система представлений очень схожа с китайской традицией. Ещё с эпохи Чжоу император Китая именовал себя «сыном Неба». Представления конфуцианства о существовании божественного мандата на власть императора находят своё частичное отражение в представлении хунну о выборе Небом и Землёй достойнейших правителей [5].

Таким образом, приведённые письменные и археологические данные позволяют сделать вывод о том, что мировоззрение хунну Центральной Азии носило синкретичный характер, в котором прослеживается влияние китайской религиозной и идеологической традиций, а также элементы сибирского шаманизма.

Библиографический список

1. Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951.
2. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.- Л., 1950. Т. I.
3. Боргояков М.И. Гуннско-тюркский сюжет о прародителе олене (быке) // Советская тюркология. М. 1976.
4. Боталов С.Г. 1996. Зауральская Гунния 2-4 вв. н.э. // Международная конференция. «100 лет гуннской археологии». Тез. докл.. Улан-Удэ 1996. Ч. I.
5. Васильев Л.С. История религий Востока. М., 2004.
6. Гумилёв Л.Н. Хунну. Средняя Азия в Древние времена. М., 1960.
7. Гумилёв Л.Н. Хунну в Китае. М., 1974.
8. Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятники хунну в Забайкалье. Л., 1985.
9. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ, 1976.
10. Крадин Н.Н. Империя хунну. Изд. 2. М., 2001.
11. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
12. Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. / Введ., перев. и ком. В.С. Таскина. М., 1989. Вып. 1.
13. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Введ., пер. и коммент. В.С. Таскина. М., 1973. Вып. 2.
14. Миняев С.С. Дырестуйский могильник. СПб., 1998. (Археологические памятники сюнну. Вып.3.)
15. Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма. М., 1980.
16. Потапов Л.П. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманизма // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978
17. Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.-Л., 1989.
18. Тиваненко А.В. Древние святилища восточной Сибири. Новосибирск, 1989
19. Цыбиктаров А.Д. К вопросу об участии населения культуры плиточных могил Монголии и Забайкалья в формировании культуры хунну // Международная конференция. «100 лет гуннской археологии». Тез. докл. Улан-Удэ, 1996. Ч. I.

Научный руководитель к.и.н. доц. П.К. Дашковский.

Ю.М. Никитина

Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 2 курс

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ БУЛАН-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРНОГО АЛТАЯ

Памятники Горного Алтая IIв. до н.э.-Vв. н.э. начали исследоваться со второй половины XIX века. Соёнов В.И. историю исследования этой эпохи разделил на два этапа: первый – с 60-х гг. XIX века до второй половины 70-х гг. XX века; второй – со второй половины 70-х гг. по настоящее время. [7, с.4]

На мой взгляд, в истории исследования булан-кобинской культуры можно выделить два периода:

1) 1980-1990: от начала исследования собственно булан-кобинских памятников (Белый Бом II) до выделения археологической культуры Ю. Т. Мамадаковым, в течение которого производились первые датировки и сравнительный анализ памятников и инвентаря, поиск аналогий

2) изучение и этническая интерпретация уже собственно булан-кобинской культуры с постановкой вопроса о начале и характере хуннской экспансии на Саяно-Алтае

Памятники булан-кобинской культуры Горного Алтая попали в поле зрения учёных только в начале 1980-х гг. В 1980г. М.Т.Абдулганеевым был обследован могильник Белый Бом II на левом берегу реки Чуя. А.Г. Глобой в августе 1980г. было исследовано 4 кургана. Она выявила ряд устойчивых черт, характерных для всех погребений могильника. Предварительная датировка Пв.до н.э.-III-Vвв.[2, с. 116-127]

В первой половине 80-х гг. на могильниках Булан-Кобы IV, Улита и Бошту I Ю.Т. Мамадаков раскопал значительное количество курганов гунно-сарматской эпохи, а на могильнике Катанда III он вскрыл одно впускное погребение этого же периода.[7, с.6]

В 1981г. Ю.Т. Мамадаков открыл и начал раскопки могильника Булан-Кобы IV на левом берегу Катунь. В 1985 г. раскопки продолжились. Раскопанные курганы были связаны автором с пришлым населением, отмечено хуннское влияние. Датировка – I в.до н.э.-I-Пвв.н.э.[4, с.173-192]

Материалы раскопок могильников Булан-Кобы IV, Улита, Бошту I были использованы Ю.Т.Мамадаковым в его диссертации «Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс.н.э.». На основании материалов исследований была выделена булан-кобинская культура гуннского типа, датированная Iв.до н.э.-IVв.н.э. По мнению исследователя, булан-кобинская культура включает две группы памятников. К первой группе (Iв.до н.э.- II-III вв.н.э. отнесены памятники Булан-Кобы IV и Белый Бом II, а ко второй группе (III-IV вв.) – памятники Улита и Башту. Ю.Т.Мамадаков считает, что булан-кобинская культура «сложилась на основе культуры местных племён, пришлых – кулажургинцев и какой-то этнической группы населения, очень близко знакомого с культурой собственно хунну». [7, с.6-7]

В 1988г. А.Р. Ким проанализировал часть палеоантропологических материалов из памятников булан-кобинской культуры. Им установлено, что носителями данной культуры было европеоидное население, генетически связанное с носителями предшествовавшей пазырыкской культуры. [11, с.89]

В конце 80-90 годов в Горном Алтае проводились широкомасштабные археологические исследования в связи с подготовкой строительства Катунской ГЭС. В ходе этих работ были раскопаны несколько курганов гунно-сарматского времени на Средней Катунь. [6]

В 1988год М.В. Мороз и Ю.С. Худяков начали раскапывать могильник Усть-Эдиган, относящийся к булан-кобинской культуре. Первоначальная датировка - Iв.до н.э.-Пв.н.э. Курганы были отнесены к булан-кобинскому типу погребений. Затем Ю.С. Худяков уточнил датировку могильника, считая, что он «мог быть сооружён в первые века н.э. после завершения существования пазырыкской культуры, но в период, когда продолжала существовать хуннская культура».[10, с.158-160]

В 1990г. были опубликованы материалы раскопок В.Д. Кубарева на могильнике Бике I на Средней Катунь.

Группа курганов №№ 11-28 интерпретирована как отдельный детский могильник. На основе анализа погребальных конструкций и погребального инвентаря детских захоронений в Бике I автор сделал вывод о принадлежности курганов № 11-28 местному населению – носителям особой культуры хуннского облика на Алтае. Дается предварительная датировка.

В.Д. Кубарев отмечает сходство исследованных памятников с материалами верхнеобской культуры, однако не причисляет Бике I к ней. [3, с.43-95]

В 1991-1999 годах производились раскопки Эбея и Соёнова на могильниках Верхний Уймон, Чендек, Курайка и Сары-Бел. На основании элементов погребального обряда и датировки инвентаря, была предпринята попытка хронологии и периодизации могильников верхней Катунь.

В 1997 году была защищена кандидатская диссертация Соёнова В.И. «Погребальный обряд населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху».

Проведена относительная хронология.

Все группы памятников гунно-сарматского времени Горного Алтая, имеющие значительные связи друг с другом объединены в рамках булан-кобинской культуры. Верхняя граница культуры отодвигается до V в.н.э., а нижняя до Пв.до н.э. Соенов В.И. выделил три последовательно сменяющих друг друга этапа:

1) булан-кобинский (II-I вв.до н.э.)

2) эдиганский этап (I-II вв. н.э.)

3) берельский этап (III-V вв. н.э.)

Отмечается сходство погребальных памятников булан-кобинского этапа с памятниками завершающего шибинского этапа пазырыкской культуры.

Появление булан-кобинского типа памятников Соёнов В.И. связывает с притоком с востока или юга населения, знакомого с гуннской культурой, возможно, вследствие политических событий, последовавших за пере-

несением столицы государства хунну в Северную Монголию в 120г. до н.э. Местное и пришлое население рассматривается как родственное. В результате совместного проживания булан-кобинцев и шибинцев, по мнению автора, и сформировалась булан-кобинская культура гуннского типа, которая просуществовала до тюркского времени.[6]

В 1994 вышло специальное исследование Ю.Т. Мамадакова, посвящённое ритуальным сооружениям Булан-Кобы IV. Автор выделил новый тип погребальных сооружений первой половины I тыс.н.э. – булан-кобинской. Отмечаются черты, сближающие булан-кобинские ограды с древнетюркскими. [5, с.58-63]

Ю.С. Худяковым и М.В. Морозом была проанализирована коллекция оружия из могильника Усть-Эдиган. Авторами был сделан вывод, что «вероятно, кочевые племена Горного Алтая, оставившие памятники типа Булан-Кобы IV, Белый Бом II, Усть-Эдиган, в начале I тыс.до н.э. находились в военно-политической зависимости от державы северных хунну». [12, с. 177-185]

В 1998 году была защищена кандидатская диссертация Эбеля А.В. на тему «Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху». На основании анализа вооружения и структуры военной организации делается вывод, что войско в основном состояло из легковооружённых конских лучников, вследствие чего оно могло применять почти исключительно тактику рассыпного строя. Начало структуры военной организации кочевников на территории Горного Алтая связывается с хуннами (как родоначальниками будущей азиатской десятичной системы), с хуннским временем связывается и деление войска на два крыла. По мнению автора, структура войска скорее всего соответствовала родоплеменному составу кочевников Горного Алтая. [13]

На материалах памятника Яломан II А.А. Тишкиным и Т.Г. Горбуновой было проведено специальное исследование по реконструкции уздечных наборов булан-кобинской культуры. Удалось воссоздать пять уздечных наборов, три из которых происходят из захоронений, датируемых Пв. до н.э.-Iв. н.э., и два относятся ко второй половине IVв.- первой половине Vв.н.э. Результаты реконструкций продемонстрировали связи булан-кобинского населения с хунну и дали возможность проследить некоторые тенденции преемственности в материальной культуре булан-кобинского и тюркского населения Горного Алтая [8, с.118-123]

Реконструировались некоторые виды головных уборов и верхней одежды булан-кобинских кочевников (исследования Ю.С. Худякова, А.А. Тишкина и А.Л.Кунгурова).

Библиографический список

- 1) **Борисенко А.Ю., Ю.С. Худяков** Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // АЭиАЕ, №1,2004
- 2) **Глоба Г.Д.**Раскопки курганного могильника Белый Бом II // археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах Горно-Алтайск, 1983
- 3) **Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В.** Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуні. Новосибирск, 1990
- 4) **Мамадаков Ю.Т.** Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае// Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1987
- 5) **Мамадаков Ю.Т.** Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994
- 6) **Соёнов В.И.** Погребальный обряд населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху. Барнаул, 1994
- 7) **Соёнов В.И.** Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи. Горно-Алтайск, 2003
- 8) **Тишкин А.А., Горбунова Т.Г.** Реконструкция уздечных наборов булан-кобинской культуры (по материалам памятника Яломан II)// Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005
- 9) **Тишкин А.А.** Возможности реконструкции женской одежды хуннского времени по археологическим материалам из Горного Алтая // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул,2005
- 10) **Худяков Ю.С.** Хронология могильника Усть-Эдиган // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири
- 11) **Худяков Ю.С.** Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи. Новосибирск, 2006
- 12) **Худяков Ю.С., Мороз М.В.** Коллекция оружия из могильника Усть-Эдиган // Археологические исследования на Катуні. Новосибирск, 1990
- 13) **Эбель А.В.** Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху. Барнаул, 1998

Научный руководитель: Худяков Юлий Сергеевич, д.и.н., зав. кафедры археологии ГФ НГУ

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ (ИСТОРИЧЕСКОЙ)
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ИССЛЕДУЕМЫХ ПАМЯТНИКОВ -
БЕЛЫЙ ЯР I КУРГАН №8, БЕЛЫЙ ЯР VI**

Коренная смена культур, которые стали основой скифо-сибирского мира, произошла в степях Евразии в конце эпохи бронзы и в начале железного века. На западе в степях Причерноморья и Крыма сложилась культура причерноморских скифов, в Нижнем Поволжье и Южном Приаралье - савроматская, в степных районах Казахстана и горных долинах Памира - культура саков, в долинах Горного Алтая и Тувы - пазырыкская и уюкская культуры. Скифская эпоха на территории Хакасско-Минусинского края представлена тагарской археологической культурой.

Она является одной из самобытных и оригинальных культур скифо-сибирского мира, не смотря на то, что находилась на самой его северной окраине. Цель данной работы заключается в определении культурно - хронологической принадлежности материалов коллективных курганов Белый Яр I курган №8, Белый Яр VI.

Данный вопрос является мало изученным и остается актуальным современным тагароведением.

Определение культурно - хронологической принадлежности материалов данных памятников способствует уточнению признаков в определении хронологической периодизации внутри культуры, т. е. этапов развития (эволюции) тагарской культуры.

Особенности позднесарагашенских памятников были впервые отмечены С.А.Теплоуховым на примере кургана, исследованного у д. Лепёшкина. Характерными особенностями подобных памятников, отнесены к третьему этапу, исследователь считал одиночное (или значительно удалённое от других) расположение курганов, высокие насыпи, большое количество простеночных камней (не менее 2-х на каждой стороне ограды), наличие обширных могил с большим количеством погребённых, обычай сожжения камеры, наличие в инвентаре глиняных сосудов, копирующих медные котлы, а также бронзовых миниатюрных вещей.

Важной деталью сооружения погребальных сооружений (склепов) на раннесарагашенском этапе и в классический период на юге Хакасии является сооружение могилы склепа без ограды, которая определяет границы сакрального места. На позднесарагашенском этапе начинают сооружаться ограды склепа. Можно отметить две разновидности коллективных погребений внутри склепов: однорядные и многорядные сдвинутые. Однорядные погребения: погребённые положены в ряд, в вытянутом положении, на спине, занимая всё пространство дна погребальной камеры. Зафиксировано валообразное положение - ногами друг к другу. Обычай многорядных погребений, как свидетельствуют комплексы обнаруженных в них предметов, характерны для конца тагарской культуры, в большинстве своём они относятся к III в. до н. э.

Также важную роль в определении хронологии играет погребальный обряд претерпевающий свои изменения как раз на позднесарагашенском этапе: (его элементы) консервация останков, перезахоронение (захоронение в берестяных коробах), мумификация, в которую входит трепанация черепа на висках и затылке, фиксация суставов (её имитация), заполнение черепа травой или семенами, заполнение туловища органикой, закрепление суставов берестой (берестяные воротники), «фиксация» позвонков прутиком органического происхождения, обмазка черепов глиной и красной краской «охрой». Останки усопших преднамеренно избавлялись от мышечной массы и внутренних органов. Что повсеместно встречается на тесинском этапе. Также для позднего периода сарагашенского этапа является характерным захоронение тела в стоячем или сидячем виде, прислонив тело к стенке склепа.

Анализ погребальных конструкций, погребального обряда и инвентаря, так как мы должны датировать памятники по более поздним предметам инвентаря, а не ранним. Это позволяет предположить, что курган № 8 из могильника Белый Яр I может быть датирован сарагашенским этапом тагарской культуры (IV - III в. до н.э.), одиночный курган Белый Яр VI может быть датирован позднесарагашенским-лепёшкинским этапом тагарской культуры (III в. до н.э.). Также важную роль в определении культурно - хронологической (исторической) принадлежности играют впускные погребения, которые тоже свидетельствуют об изменениях в погребальном обрядности и социально - экономических изменениях в тагарской культуре.

Таким образом, при исследовании данных памятников можно проследить эволюцию сооружения погребальных конструкций и изменения погребального обряда, что является существенным признаком при определении культурно - хронологической принадлежности данных памятников.

Особенности позднесарагашенских памятников были впервые отмечены С.А.Теплоуховым на примере кургана, исследованного у д. Лепёшкина. Характерными особенностями подобных памятников, отнесены к тре-

тému этапу, исследователь считал одиночное (или значительно удалённое от других) расположение курганов, высокие насыпи, большое количество простеночных камней (не менее 2-х на каждой стороне ограды), наличие обширных могил с большим количеством погребённых, обычай сожжения камеры, наличие в инвентаре глиняных сосудов, копирующих медные котлы, а также бронзовых миниатюрных вещей.

Всё это позволяет сделать предположение о принадлежности данных курганов к определённому периоду тагарской культуры.

Библиографический список

1. **Археология СССР.** Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. - М., Наука, 1992. - 206.
2. **Мартынов А.И.** Лесостепная тагарская культура. Под ред. Ю.С. Худякова. Новосибирск, 1979г. - 20с.
3. **Мартынов А.И.** О периодизации тагарской культуры // Северная Евразия от древности до Средневековья (тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова). С-Пб, 1992, с.143.
4. **Теплоухов С.А.** Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. - МЭД929, т.4, Вып.2, с.53.
5. **Теплоухов С.А.** Древние погребения в Минусинском крае - МЭ, 1927, т.3, Вып.2, с.63.

Научный руководитель ст. преподаватель Поселянин А.И.

А. О. Сахарова

Екатеринбург, Уральский государственный университет, 1 курс магистратуры

УКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОПЫТ КОМПЬЮТЕРНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ (по материалам Павлиновского городища)

Население, обитающее на той или иной территории, преобразует ее в соответствии со своим восприятием мира, сочетает духовные ценности и рациональную логичность использования природных ресурсов в своей каждодневной практике, в первую очередь, в организации жилища. Лесостепной природно-географический комплекс Зауралья и бедность материалов для строительства исторически обусловили развитие дерево-земляной архитектуры, которая нашла свое отражение в археологических памятниках саргатской культуры.

Современное археологическое исследование базируется на междисциплинарном подходе, позволяющем с наибольшей полнотой извлечь информацию из источника. Любые раскопки помимо добычи древних материальных остатков из земли, приводят к безвозвратной утрате контекста их залегания – культурного слоя. Компьютерное моделирование позволяет визуализировать древнюю поверхность, а также помогает восстановить конструктивные детали построек, дает неограниченные возможности при работе с большими площадями (например, поселения), что в значительной степени расширяет исследовательский потенциал.

По полевым материалам Павлиновского городища созданы компьютерные модели 6 построек и выявлены особенности их конструкций. Можно выделить два основных строительных решения: а) жилища площадью до 30м² подпрямоугольные в плане с коротким выходом-тамбуром и двускатной кровлей; б) жилища площадью 40-150м² с несколькими небольшими камерами хозяйственно-жилого назначения (выступы-пристрои), присоединенными к главному помещению, длинным коридорообразным выходом и четырехскатным каркасом крыши [1, с.71.] (рис.2,3). При сооружении стен, вероятно, применялась техника заплота [6, с.94].

Городище Павлиново (IV в. до н.э.-I в. н.э.) – один из наиболее крупных и ярких поселений региона лесостепного Притоболья, занимаемого населением, оставившим памятники саргатской культуры. Топографически городище расположено на выгодном месте – на острие мысообразного выступа террасы, высота над уровнем поймы реки 12м. Общая площадь поселения достигает 100 тыс. м². В пространственном отношении объекты на памятнике разделены по трем блокам: укрепленная часть (городище), оборонительные сооружения и неукрепленная территория («посад»). Площадь крепостной площадки свыше 3 тыс. м². Визуально фиксируется въезд на городище, ориентирован по линии ССВ-ЮЮЗ. На поверхности площадки находится 9 жилищных впадин.

Памятник исследовался Зауральской лесостепной археологической экспедицией с перерывами с 1982 по 2003гг. В археологии Западной Сибири раннего железного века изучение Павлиновского городища является редким примером детального исследования поселения с точки зрения жилой и хозяйственной застройки.

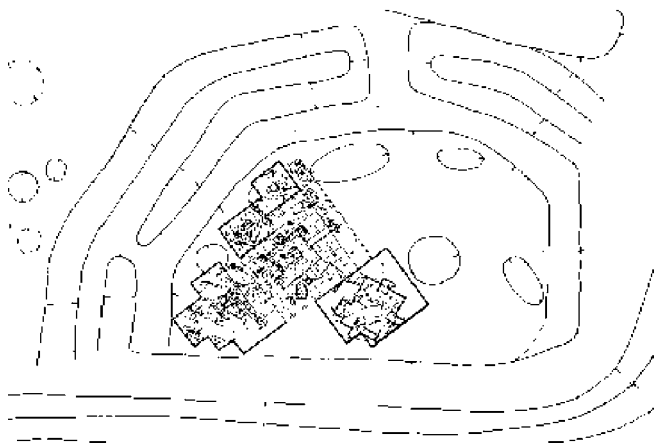

Рис.1 План Павлинова городища.

Рис.2 Реконструкция жилища 5. Восточный фасад

Рис.3 Реконструкция жилища 5. Поперечное сечение

Планировка фортификации согласуется с постройками, существовавшими на период ее строительства: ранние жилища повторяют контур вала, позднее отмечаются зачатки уличной застройки (жилища 3,5,9). Хронологически возведение укреплений совпадает с сооружением вдоль северо-западной стенки как минимум 6 построек.

Городище защищено с напольной стороны двойной линией валов и рвов в форме неправильного шестиугольника, близкого к трапеции (рис.1). Органичное размещение в ландшафте всего комплекса городища, создает впечатление тщательной продуманности его конфигурации. Протяженность оградений составила 150м (вал1) – 200м (вал2). По углам боковых сторон имеются выступы - это могли быть смотровые площадки-башни, они условно делят фортификацию на 5 приблизительно равных отрезков. На въезде в «крепость» предусмотрен разрыв в линии валов и рвов шириной 5,5-8 м, и пандус длиной около 15м.

Особенность зауральских городищ при этом такова, что сама «крепость» была достаточно условной. Она представляла собой, как правило, дерево-земляное сооружение [3, с.18.]. Причем основная функция отводилась земляной насыпи. Наблюдения за стратиграфией внутреннего вала Павлиновского городища указывает на наличие деревянной стены. В толще напластований зафиксировано много уголков и отмечена некоторая прокаленность слоя по внутреннему краю площадки. В этом случае вал является результатом развала стены, хотя, его основание было также фундаментом стены. Вариант формы

оборонительной стены подобен фортификациям кельтских оппидумов (например, Аварики и Бибракте во Франции) [7, .р.62]. Высота стены выстраивалась из рядов «клетей» с соблюдением чередования продольных и поперечных бревен. С внешней (напольной) стороны, а также со стороны городища сооружение сдерживалось земляной подсыпкой, возможно, с глиняной обмазкой. Такая конструкция вполне целесообразна для обороны, так как деревянная кладка из цельных бревен, внутри скрепленная балками, защищает от тарана. От огня могла противостоять обмазка и насыпь.

Рвы имели крутые, иногда почти вертикальные стенки, уплощенное дно. Внешний ров шириной 1,80 м, углублен в материк на 0,5-0,65 м. Он расположен в 6-10 м от рва 1 (внутренний ров), между рвами жилищных впадин не обнаружено. Внутренний ров при глубине в материке 0,6-1,00 м имел ширину до 2м [2, с.35].

Ширина внутреннего вала в древности не превышала, скорее всего, 3м. Высота вала от уровня древней поверхности составляла около 1,60 м. Учитывая глубину рва можно предположить, что общее расстояние между гребнем рва и тальвегом рва было 2,70 м. Принимая во внимание высоту бревенчатого парапета (не менее 1,5 м), суммарная высота преграды (от дна рва до верхнего края стены) составляла до 4,20 м.

Что касается внешнего вала, то он очень слабо фиксировался в современном микрорельефе и был дополнительным рубежом защиты. Он возводился, скорее всего, только из грунта выбранного из внешнего вала и не имел искусственных сооружений.

Тип городища Павлиново оригинален и не характерен для саргатской культуры. Саргатские городища в большинстве своем относятся к типу мысовых, но преобладают прямоугольные и квадратные формы, и они

имеют, как правило, простую линию обороны, состоящую из рва и вала. Кроме того, Н.П.Матвеева отмечает, что основную роль в обороне играли широкие и глубокие рвы [4, с.27]. Вероятно, что оборона Павлинова городища отражает традиции гороховской линии развития фортификации (по Ковригину). Вслед за Л.Н. Коряковой можно предположить, что ПГ по характеру фортификаций (но не по масштабам и площади было близко к европейским укрепленным поселениям.

Исследовательский интерес вызван высокой информативностью археологического материала, в частности архитектурных остатков городища, которая позволяет провести моделирование деревянных построек и укреплений. Недостаточно накоплено знаний по оборонительным сооружениям, поэтому варианты их конструктивных решений остаются пока на гипотетическом уровне. В перспективе планируется дать всеобъемлющую характеристику домостроительных и фортификационных традиций зауральского населения.

Библиографический список

1. **Берлина С.В., Филисюк В.Г.** К проблеме реконструкции кровли древних полуземляночных жилищ (по материалам саргатской культуры). // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень. 2004. – Вып.2.
2. **Ковригин А.А.** Отчет о раскопках Зауральской лесостепной археологической экспедиции в 2001г. – Архив ИИИА УрО РАН. Екатеринбург, 2006.
3. **Корякова Л.Н., Ковригин А.А., Сергеев А.С., Шарапова С.В.,** 1994. Новые раскопки Павлинова городища (предварительное сообщение). // Проблемы истории, филологии, культуры: Межвузовский сборник. Вып. 2. – Магнитогорск.
4. **Матвеева Н.П.** Фортификации саргатской культуры (по материалам Рафайловского городища) // Российская археология, 2005. №3.
5. **Шитова С. Н.** Традиционные поселения и жилища башкир: вторая половина XIX века – первая четверть XX века. М.: 1984.
6. **Audouze F., Buchsechtz O.** House Architecture // Towns, Villages and Countryside of Celtic Europe. - B.T. Batsford Ltd, London, 1992.

Научный руководитель: д.и.н, профессор Л.Н. Корякова

П.О. Сенотрусова

Красноярск, Сибирский федеральный университет, 3 курс

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УКЛАД НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДИЩА ШИЛКА-2

Открытие и изучение в последние годы укрепленных поселений в южнотаежной подзоне Средней Сибири позволяют существенно дополнить представление о жизни местных племен. Появление городищ – сложный исторический процесс, который характеризуется определенными изменениями в хозяйственной и социальной жизни общества. Следовательно, вопрос о возникновении городищ напрямую связан с уровнем развития хозяйственных отношений. Традиция строительства укрепленных поселений на территории тайги среднего Енисея была привнесена носителями шилкинской культуры в начале VI-II вв. до н.э. Городище Шилка-2 является одним из первых изученных памятников этого типа [1;3].

В настоящей работе, нами поставлена цель, определить основные аспекты хозяйственного уклада обитателей городища Шилка-2. Этот памятник расположен на правом берегу р. Енисей в 220 км севернее г.Красноярска и состояло из укрепленной и неукрепленной части. Укрепленная площадка имела четырехугольное очертание, здесь размещалось двенадцать жилищных впадин, из них изучено два жилища прямоугольной формы. Кроме того, за основную жилую площадку городища были вынесены две постройки хозяйственно-культового назначения без очага [5].

В ходе изучения памятника было выявлено несколько категорий предметов, позволяющие дать характеристику основных занятий населения городища.

На обработку шкур указывают 25 скребков, изготовленных из черепков, типологически близких керамическому комплексу памятника. Они имеют разные степень сработанности и форму рабочего края. Средняя длина рабочей кромки составляет 5,0-5,5 см, максимальная длина – 10,0 см. На значительном числе скребков (8 из 25) использовалось два и больше рабочих края, еще на трех присутствует следы использования по всему периметру. На основании следов по рабочему краю можно сделать вывод, что, обрабатывались как мягкие, так и

твердые шкуры. Значительные размеры использовавшихся скребков позволяет предположить, что в основном обрабатывались и использовались шкуры крупных животных (лось, лошадь и т.д.). Не смотря на то, что керамические скребки обычно характеризуются как орудия для обработки шкур, точнее для мездрения и пушения бахтармы [6], на рабочем крае двух скребков отчетливо видны следы заточки узких металлических или костяных предметов.

Для этих же целей использовались точильные камни (6 экз.), имеющие форму брусочков, размерами от 3,0х8,0 до 13,0х4,0 см.

Интересной категорией орудий являются гальки с двумя противоположно лежащими выемками (более 30 экз.). На четырех экземплярах на одном из торцов заметны следы забитости. На семи экземплярах – следы затертости. Одна из них, вероятно, использовалась более длительное время, потеряла свою первоначальную форму, затертые плоскости на каждом её конце образовали тупой сглаженный угол. Точно определить для чего же использовались эти своеобразные “камни-терочки” пока невозможно. Традиционно эти предметы интерпретируются как грузила, но присутствие на них следов забитости, затертости и закопченности значительно расширяет возможности их применения и позволяет их отнести к категории универсальных орудий. Они могли использоваться в качестве камней для варки, молоточков и терочников.

На городище было обнаружено четыре молота-песта выполненных из крупных галек, различной формы и размера, на торцах “ручек” пестов заметны следы забитости. Кроме того, была обнаружена крупная заготовка песта, которая использовалась еще в процессе изготовления. Эти предметы могли использоваться как для растирания каких-либо продуктов питания, так и для обработки металлических изделий.

К настоящему времени говорить о занятии металлургией на городище, можно используя только косвенные данные, так как здесь не было обнаружено ни одного горна. Железоплавильная площадка была отмечена за пределами городища в 50 м от него на памятнике Шилке-6, которая соотносится по времени с рассматриваемым городищем по керамике [2]. Наличие на городище трех железных ножей и обломков бронзовой пряжки, наковальни и гладилок по металлу говорят о том, что готовые металлические предметы широко использовались обитателями городища.

Орудия для обработки готовых металлических изделий представлены пятью крупными гальками, использовавшихся в качестве молотков и гладилок по металлу, о чем свидетельствуют следы забитости и затертости на торцах и боковых сторонах камней. К этой категории орудий относится и крупная округлая галька-наковальня. Все эти орудия были полифункциональны и использовались для различных операций, таких как “подправление” металлических предметов, стачивание сварочных швов и т.д.

По мнению Н.Д. Оводова, абсолютное большинство костей, найденных на памятнике, составляют рыбы (больше 300 экземпляров), также присутствуют кости лося, лошади, крупного и мелкого рогатого скота (овцы, козы). Анализ керамического инвентаря [6] позволил выявить связи населения городища, с южными территориями, откуда в зону южной тайги проникло скотоводство. Обилие рыбных, промысловых и прочих пищевых ресурсов не могло не использоваться местным населением.

Кроме того, шилкинское население занималось обработкой кости, рога и дерева. На это указывают костяные напальчник и наконечники стрел, отличающиеся высоким качеством исполнения. Кроме того, на памятнике были обнаружены многочисленные заготовки изделий и отходы косторезного дела. О деревообработке свидетельствует строительство чумообразных построек и наличие обожженной плахи с просверленным отверстием.

Значительную часть находок с городища составляла керамика, поскольку её типология достаточно подробно освещена в литературе [1], не имеет смысла останавливаться на ней подробно. Для нас главное отметить, что обитатели городища Шилка-2 активно использовали керамическую посуду в обиходе, но в тоже время никаких конкретных свидетельств её непосредственного изготовления на территории городища в настоящее время не зафиксировано.

Хозяйственный уклад населения городища Шилка-2 отличался комплексностью, сочетал производящую и присваивающую формы хозяйствования. Население занималось охотой, рыбной ловлей, собирательством, скотоводством, выделкой шкур животных, обработкой кости и дерева, использовало в быту металлические изделия и керамическую посуду. Можно сказать, что хозяйство обитателей городища было максимально приспособлено к местным условиям и отвечало основным потребностям. Необходимо ещё раз отметить, что эти выводы не являются окончательными и дальнейшее исследование памятника позволит значительно расширить и углубить наши знания о хозяйственном укладе обитателей городища Шилка-2

Библиографический список

1. Мандрыка П.В. Городище Шилка-2 – памятник железного века южной тайги Среднего Енисея // История и культура Приенисейской Сибири – Красноярск, 2003. – С 33-54.
2. Мандрыка П.В. Производственная площадка по выплавке железа в подтайге среднего Енисея// На стыке поколений: мат. XI региональной археолого-этнографической конфер. Учащихся. – Иркутск, 2001. - С.16-23.

3. Мандрыка П.В. Шилкинская культура в южной тайге Средней Сибири// II северный археологический конгресс – Екатеринбург, Ханты-Мансийск, 2006. – С. 86-87.
4. Мандрыка П.В., Жарников З.Ю. Керамика городища Шилка 2 на среднем Енисее // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. - С.327-331.
5. Очерки культуругенеза народов Западной Сибири / отв. ред. Л.М. Плетнева. – Томск, 1994. – Т.1. - 458с.
6. Сенотрусова П.О. Новый взгляд на “башни” городищ Шилка-2 и Усть-Шилка-2// Археология, этнология палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: мат. XLVI Региональной Археолого-этнографической конф. студ. и молод. учен. – Красноярск, 2006. – С. 173-175.
7. Сидоров Е.А. Обработка и использование кожи (по материалам лесостепного Приобья IX-I вв. до н.э.) // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири – Новосибирск, 1989. – С.41-45.

Научный руководитель к.и.н. П.В.Мандрыка

Т.А. Соколова

Омск, Омский государственный университет, 3 курс

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЗНАМЕНСКОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ*

Территория южнотаежного Прииртышья недостаточно хорошо изучена. Такая ситуация долгое время препятствовала культурно-хронологической атрибуции археологических материалов, найденных на данной территории. Это в первую очередь относится к материалам раннего железного века, которые в свое время пытались объединить с ивановско-баитовскими, новочекинскими и васюганскими [2, с. 175; 4, с. 105-106; 6, с.164]. Отмечая своеобразие Прииртышских памятников. А.Я. Труфанов, основываясь на материалах городища Ямсыса VII, выделил журавлевскую и богочановскую культуры [5, с. 29]. В.А. Могильников, опираясь на своеобразие керамических комплексов южнотаежного Прииртышья, поставил вопрос о выделении особой богочановской культуры [3]. Археологические раскопки на целом ряде памятников Омской и Тюменской областей позволили Е.М. Данченко обобщить и опубликовать материалы, выделяемые в богочановскую культуру VI – II в.в. до н.э. [1].

К сожалению, ряд вопросов материальной и духовной жизни богочановского населения остается до конца не выясненным. Более того, интерес исследователей к богочановским древностям упал, практически прекратилась публикация новых материалов. Цель нашей работы – ввести в научный оборот новые материалы эпохи раннего железного века с территории Знаменского районов Омской области, где в результате археологического обследования были обнаружены памятники поселение Зимнее III и городище Новоягодное IV.

Поселение Зимнее III. Памятник был обнаружен в Знаменском районе Омской области в 2002 году К.Н. Тихомировым. Поселение располагается в ЮВ части южной стороны останца, известного среди местного населения как урочище “Зимнее”. Высота останца в месте расположения памятника составляет 2 м. С востока и юга от памятника протекает р. Кокша. Поселения расположено в 4,2 км к СЗ от развалин фермы на СЗ окраине д. Таборы, в 0,55 км к северу от р. Иртыш, 3 км к ЮВ от оз. Сухое. Площадь памятника по предварительным данным составляет около 360 м². На нем была собрана коллекция тонкостенной лепной керамики, орнаментированной мелкозубым гребенчатым штампом.

В 2003 году на памятнике было раскопано 16 м². Было найдено скопление фрагментов керамики от одного сосуда. По результатам предварительной реконструкции его первоначального вида можно предположить, что он имел яйцевидную форму. Край венчика наклонен внутрь, толщина стенок 4-5 мм, диаметр устья примерно 21 см. Вероятно, обработка поверхности сосуда проводилась путем заглаживания щепкой или пучком травы. Сосуд хорошо обожжен и имеет коричневый цвет, есть черные вкрапления.

Орнаментация, представленная рядом ямок и жемчужин, косо поставленным отпечатком гребенки, расположена по срезу венчика и на венчике (рис. 1-1). Орнамент выполнен очень грубо и плохо читается. В орнаментации наблюдаются сбои. Сосуд находит полные аналогии в керамике богочановской культуры. По типологии Е.М. Данченко его можно отнести к I типу богочановской посуды [1, с. 53].

Городище Новоягодное IV обнаружил К.Н. Тихомиров в 2002 г. Памятник находится на левом берегу р. Шиш в 0,6 км на юг от кладбища с. Новоягодное, в 1,04 км на ЮВ от ЮЗ окраины с. Новоягодное, в 3 км

* Работы выполнены при финансовой поддержке РГНФ, проект 06-01-18087е.

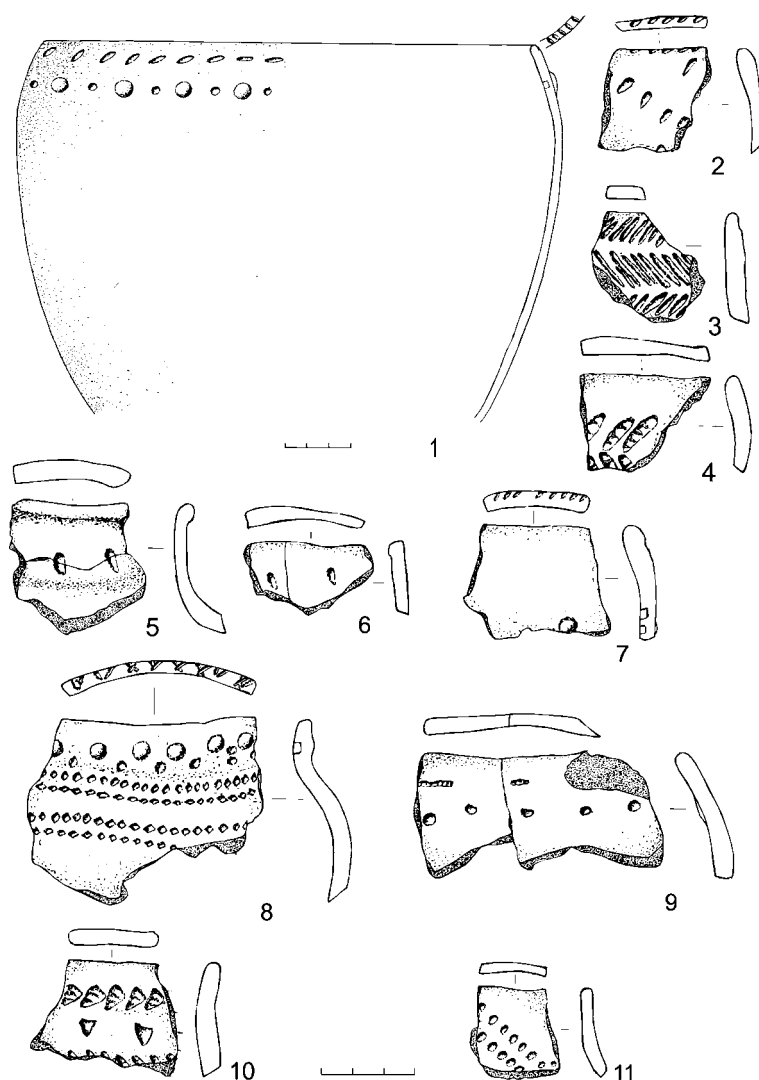

Рис. 1. Керамика с памятников раннего железного века

элементами орнамента являются различные наколы (ромбические, уголки), ряды косо поставленной гребенки, ямки, «жемчужины». В некоторых случаях ямки покрывают все тулово. Наиболее выразительными являются фрагменты венчиков:

- фрагмент дуговидной шейки с закругленным срезом венчика орнаментирован ниспадающими наколами, орнаментом также покрыт срез венчика (рис. 1-2), облик данной керамики позволяет отнести ее к журавлевскому этапу богочановской культуры;

- три фрагмента сосудов закрытой формы с округлым срезом венчика орнаментированы «елочкой», выполненной гребенчатым штампом (рис. 1-4), «жемчужником» (рис. 1-7), ямками (рис. 1-9). Они могут быть соотнесены с богочановской керамикой и по типологии Е.М. Данченко отнесены к I типу посуды [1, с. 53]. Аналогичная керамика была найдена недалеко на городище Новоягодное II;

- три фрагмента керамики с небольшой (до 1 см) вертикально поставленной шейкой и плавным переходом к тулову орнаментированы наколами (рис. 1-6), в том числе ниспадающими (рис. 1-11), оттисками гребенки (рис. 1-10). Данная керамика находит аналогии с журавлевской посудой;

- фрагмент с небольшой (12 мм) прямо поставленной шейкой, плоским срезом венчика и четко выраженным переходом к тулову орнаментирован рядами ямок, «жемчужин», ромбическими наколами, образующими волнообразные ряды (рис. 1-8). Форма сосуда является наиболее распространенной среди журавлевской посуды [1, с. 24];

Отдельно стоят два фрагмента. Об их культурной принадлежности трудно судить однозначно, поскольку их внешний облик в первом случае находит аналогии с саргатской керамикой: фрагмент с прямой, слегка наклоненной внутрь шейкой, четким переходом к тулову, срез венчика округлый с карнизиком с внешней стороны, орнаментирован наколами (рис. 1-5), а во втором – с сузгунской: прямая шейка, с округлым срезом венчика, орнаментирована «елочными» узорами, выполненными гладким штампом (рис. 1-3).

на СЗ от бетонного моста на р. Шиш. Городище расположено на краю террасы р. Шиш. В месте расположения памятника высота террасы составляет 10 м. Под террасой расположена старица р. Шиш - озеро Каскагуль. Оно находится на самом высоком здесь месте. Городище относится к террасному типу. Оно окружено рвом, глубина которого составляет 0,3 м, при средней ширине его – 2 м. С восточной стороны имеется вход на городище в виде перемычки во рву шириной 3 м. Западная часть городища не имеет рва, так как она вплотную примыкает к крутому склону террасы. Его размеры с ЮВ на СЗ составляют 35 м, с ЮЗ на СВ 30 м. Таким образом площадь городища составляет 1050 м². На нем зафиксировано 13 объектов.

На памятнике была собрана коллекция лепной керамики (62 фрагмента, из которых 30 орнаментированных) и кирпича, которые представляют собой, в основном небольшие фрагменты, не позволяющие точно определить форму сосудов. Керамика была изготовлена путем ленточного наплавления глины с примесью песка, шамота, органики. Ширина стенок в среднем составляет 5-7 мм. Обработка поверхности проводилась путем заглаживания щепкой или пучком травы, встречаются фрагменты ангобированной керамики. Керамика в основном хорошего обжига, хотя встречается и недостаточно обожженная.

Часть керамики (13 штук) является фрагментами венчиков сосудов. Орнаментом покрыта в основном верхняя часть сосудов, реже тулово. Преобладающими

Таким образом, мы рассмотрели часть материала с новых памятников богочановской культуры. Как уже отмечалось выше, богочановские древности являются на данный момент наименее изучаемыми археологами. Мы надеемся, что работы последних лет на территории севера Омской области позволят вновь обратить внимание исследователей на проблемы изучения раннего железного века южнотаежной полосы Среднего Прииртышья.

Библиографический список

1. Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине – второй половине I тыс. до н.э. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. – 212 с.
2. Могильников В.А. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа// Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири: мат. совещ., Томск, 25-31 мая 1970 г. – Томск: Изд-во ТГУ, 1970. – С. 172 – 190.
3. Могильников В.А. К этническому составу Омского Прииртышья в раннем железном веке// Археология Западной Сибири (история, краеведение и музееведение Западной Сибири): Тез. докл. к конф. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1988. – С.27 – 30.
4. Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 143 с.
5. Труфанов А.Я. Закрытые комплексы городища Ямсыса VII// Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье: Тез. докл. к конф. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1987. – С. 127 – 130.
6. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – 225 с.

Научный руководитель: Тихомиров К.Н., к.и.н., старший преподаватель кафедры первобытной истории

И.А. Усова

Барнаул, Алтайский государственный университет, 4 курс

НИЖНИЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ У НАСЕЛЕНИЯ УСТЬ-ЭДИГАНСКОГО ЭТАПА БУЛАН-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ (по материалам памятника Яломан-II)

Памятник Яломан-II расположен в Онгудайском районе Республики Алтай неподалеку от р. Большой Яломан. В 2002–2003 г. там проводила исследования археологическая экспедиция АлтГУ под руководством А.А. Тишкина [5; 6; 7; 8]. В результате раскопок погребений было обнаружено большое количество предметов материальной культуры раннего усть-эдиганского этапа (II в. до н.э. – I в. н.э.) булан-кобинской культуры [8]. В комплексе украшений головы входили: бляхи-нашивки на головной убор, серьги, бусы, подвески.

Интерес представлял кур. 51, в котором на дне могильной ямы находилось погребение женщины в возрасте 20–25 лет. В состав инвентаря входило множество украшений из золота, бронзы, камня, а также фрагменты одежды. Часть вещей из органического материала сохранились довольно хорошо, что объясняется спецификой сооружения каменных выкладок [5, с. 299; 6]. На черепе зафиксирована половина головного убора. Найденная вещь представляла собой изделие в виде капора или чепчика. Матерчатая шапочка была украшена золотыми бляхами-нашивками.

В кур. 54 на дне ямы лежала умершая женщина вытянута на спине. Был найден следующий инвентарь: золотая серьга, каменные и стеклянные бусы, нашивные бляхи, которые своеобразно располагались рядом с черепом женщины в районе шеи. Возможно, они крепились по краю головного убора, который сполз с головы или был уложен сверху.

В могильном ящике кур. 56 на черепе умершего ребенка 5–6 лет были найдены бляхи-нашивки на нижний головной убор. Бусы размещались в районе шеи, спины. Серьги лежали у черепа с двух сторон. В кур. 47 у черепа было обнаружено девять блях-нашивок на головной убор, уложенных в три ряда. В кур. 46 рядом с черепом погребенного найдено всего три бляхи-нашивки.

Переходя непосредственно к реконструкции видов украшений нижнего головного убора, следует определить смысл понятия «головной убор». В «Толковом словаре русского языка» [4, с. 821], это слово определяется как общее название предметов одежды для головы. При толковании термина может использоваться расширенная классификация, содержащая понятия «нижний головной убор» и «верхний головной убор». К данным элементам можно отнести разные виды изделий: в первом случае – капор, чепчик, а во втором – шапка, башлык, шали и др.

Нижний головной убор как мягкое изделие из ткани, которое облегал всю голову и закрывает шею, выполняет, прежде всего, утилитарную функцию, т.е. имеет способность сохранять тепло и оберегать голову от непо-

годы. Он может применяться и в прохладное время года, когда нет необходимости ношения верхнего головного убора. Эстетическая функция заключается в способах оформления убора бляхами-нашивками, подвесками, пронизками. Например, у народов Дагестана в нач. XX в. была распространена шапочка «думча», которая носила ярко выраженный эстетический характер. Она почти целиком покрывалась цепочками, бляшками, аппликациями, нашитыми на ткань сплошными рядами [1, с. 48]. Анализ украшений, находившихся в области головы погребенных в кур. 46, 47, 54, 56, позволил воссоздать нижний головной убор у булан-кобинского населения и установить варианты его декоративной отделки.

Эталонная ситуация кур. 51 создала возможность определения формы убора и расположения блях-нашивок на нём. Основой была капорообразная матерчатая шапочка, плотно облегавшая голову. Края чепчика были обработаны и загнуты на 1,5 см внутрь. Возможно, что изделие имело подкладку. По кромке шапочки крепилось 10 полусферических нашивных бляшек из золота. Они были расположены по краю всего головного убора, а три бляшки – по длине продольного шва. Капор мог применяться с верхним головным убором (шапка, платок, башлык) в зимний период, а в теплое время наушники подворачивали вверх и завязывали на затылке. Тогда этот убор превращался в маленькую шапочку, которая могла защищать голову от солнца летом.

Элементом головного убора были завязки, которые, возможно, украшались. Существовало два варианта завязывания шапочки на голове: крепление изделия под подбородком с помощью тесемок и фиксация завязок на затылочной части головы. Эти способы ношения уборов были известны у кочевых народов Тувы, Монголии в древности и в кон. XIX – нач. XX вв. [2; 3].

Украшение капора нашивными бляшками в виде одного или нескольких рядов из кур. 46, 47, 56, 61 подтверждают наличие варианта декорирования. Шапочка из кур. 56 оформлялась бляхами-нашивками в количестве 9 экз., которые по 3 шт. крепились на продольном шве убора, а другие – по обе стороны от этой центральной линии. Сходный вариант фиксации встречен в кур. 47. Небольшое количество бляшек (3–4 шт.) из ряда курганов (46, 61, 62) отмечается только по продольному шву нижнего головного убора. Украшения из кур. 54 были пришиты только по краю капора в количестве 8 экз., поскольку они фиксировались рядом с черепом погребенной, образуя контур края шапочки.

Эстетическую нарядность чепчику придавало обилие на нем блях-нашивок, нашитых на ткань сплошными рядами. Скопление 14 бляшек разной конфигурации в восточном углу ящика кур. 48, где, видимо, находился нижний головной убор указывает на это. Создается впечатление, что вся шапочка украшалась бляхами.

Количество бляшек на изделии могло указывать на социальное положение человека. В погребении 46 число украшений не превышало 3 экз., а в кур. 47, 51, 52, 54 их количество достигало от восьми до девятнадцати единиц. Анализ фиксации украшений на головном уборе показал, что было распространено четыре способа декорирования шапочек: по краю и продольному шву (комбинированный); по ее кромке; по линии шва и в несколько рядов вдоль шва.

Специфика погребального обряда позволяет коснуться социального статуса женщины из кур. 51. Возможно, это была представительница знатного слоя кочевников, поскольку в могиле обнаружен многочисленный инвентарь, отличный от вещевого комплекса других женских погребений. Судя по характеру украшений, в кур. 54, 58, 61 погребенные женщины относились к рядовому слою населения, так как у них преобладали бронзовые серьги, каменные бусы, мелкие бляхи-нашивки.

В дальнейшем, в связи с ценными находками на могильнике Усть-Эдиган и Яломан-II создается перспектива изучения верхнего головного убора булан-кобинского населения.

Библиографический список

1. Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А. Одежда народов Дагестана: Историко-этнографический атлас. – Пушкино, 2001. – 289 с.
2. Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. – М., 1991. – 296 с.
3. Кочешков Н.В. Головные уборы монголов XIX – нач. XX вв. // Советская этнография. – 1973. – №3. С. 134–141.
4. Ожегов С. И, Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. – 944 с.
5. Тишкин А.А. О необходимости междисциплинарного изучения материалов гунно-сарматского времени Горного Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул, 2004. – С. 296–300.
6. Тишкин А.А. Возможности реконструкции женской одежды хуннского времени по археологическим материалам из Горного Алтая // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул, 2005. – С. 195–201.
7. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2002. – С. 456–461.
8. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2005. – С. 327–333.

Научный руководитель – к.и.н., доц. Тишкин Алексей Алексеевич

ПРИРОДНЫЕ ФОРМЫ ИЗ КОСТИ В ХОЗЯЙСТВЕ И КУЛЬТАХ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ

Среди большого количества археологических материалов, полученных в результате раскопок, присутствуют предметы, которые можно обозначить как природные формы (гальки, камни, кости, окаменелости и т.д.). Природные формы - специфический источник в археологических комплексах, поскольку под этим термином археологи понимают предметы естественного происхождения с минимальной обработкой или вообще лишенные таковой. Собираение и использование человеком природных форм известно с эпохи палеолита [2, с. 11-12].

Природные формы из кости (черепа, нижние челюсти, лопатки, длинные кости ног и т. п.) служили строительным материалом при сооружении жилищ. Так, например, на палеолитической стоянке Гари I были найдены берцовые кости мамонта, на дистальных концах которых имелись глухие отверстия диаметром 5 и 5,3 см. Подобная обработка встречена и на двух берцовых костях шерстистого носорога. Возможно, они входили в состав конструкций древних жилищных сооружений [8, с. 57].

Аналогии костям с боковыми и торцовыми отверстиями имеются на палеолитическом поселении Межиричи. На этом поселении кости мамонта с отверстиями служили для удлинения входа в жилище [6, с. 109].

Кости черепа, таза и лопатки крупных животных использовались палеолитическим человеком в качестве посуды, различного рода емкостей и других предметов домашнего обихода. Бивни мамонта и рога животных употреблялись как землекопные орудия. Лучевые кости мамонтов использовались в качестве ударных орудий (Межиричское поселение на Украине, палеолитическая стоянка Гари I в Среднем Зауралье). Также широкие кости (лопатки, позвонки, кости стопы мамонта) служили в качестве вспомогательного инвентаря: подставок и наковален. Трубчатые кости небольших животных и крупных птиц прекрасно подходили для изготовления иглы. Грифельные кости копытных животных обладают естественной формой, не требующей особых затрат для изготовления шила (проколки), необходима лишь минимальная обработка - заострение кончика. Подобные изделия широко известны на торфяниковых и пещерных памятниках Урала [11, с. 26].

Большой интерес представляют исследования И. В. Калининой и Е. А. Устиновой (Гаджиевой), которые доказали, что челюсти некоторых животных на территории Урала использовались в качестве орнаментов [3, с. 69].

При всем многообразии хозяйственных функций природных форм из различных материалов человек не мог оставить их вне духовной жизни, культовой практики.

Из костей животных чаще всего употреблялись черепа, нижние челюсти, зубы, рога, когти.

В Кумышанской пещере (Средний Урал) в палеолитическом слое найден своеобразный культовый комплекс, центральными частями которого были череп дикой лошади и нижняя челюсть мамонтенка. Череп стоял вертикально и был обложен камнями. В нижней челюсти мамонтенка находился зуб из верхней челюсти шерстистого носорога [9, с. 40-42]. Несколько культовых комплексов из черепов пещерных медведей зафиксировано в Заповедной пещере (Башкирия). Один из них представляет собой выложенные в ряд 15 черепов, лицевой частью обращенные вглубь пещеры. Второй - имеет длину 4 м и состоит из 56 черепов, уложенных друг на друга в 2-3 ряда. Несколько черепов пещерного медведя были приурочены к нишам. Всего В.Г. Котов выделяет, по меньшей мере, 5 культовых комплексов с черепами медведей [4, с. 90-101]. А в пещерах Северного Урала - Медвежьей и Униньинской - было зафиксировано использование в культовых целях рогов северного оленя [11, с. 27].

Известны случаи, когда природные формы из кости являлись своеобразными произведениями первобытного искусства. Интересной находкой такого рода является зооморфная личина с верхнепалеолитической стоянки Гари I, представляющая собой межпозвоночный диск мамонта с двумя пробитыми отверстиями, которые служили глазами личины. Эта скульптура похожа на морду медведя в фас [10, с. 58]. На Кокшаровско-Юрьинской I стоянке в слое неолита найдена пяточная кость лося. По своей природной форме она уже напоминает голову лося. Для большего сходства древний человек прорезал губы, и кость превратилась в скульптурное изображение [7, с. 140]. Аналогичное скульптурное изображение из пяточной кости лося найдено на дне Шигирского озера во время подводных археологических раскопок [5, с. 217].

Клыки, зубы и нижние челюсти животных, начиная с эпохи палеолита, использовались в качестве подвесок и нашивок для украшения костюма. Таких примеров можно привести множество, достаточно вспомнить погребение №100 из Оленеостровского могильника, в котором было найдено 303 резца лося и 126 пластинок из резцов бобра [1, с. 405].

Особой темой является использование в голоценовую эпоху костей вымерших животных, прежде всего, мамонта и шерстистого носорога. По этнографическим данным известно, что находимые древние кости, часто подбирались и хранились. В Западной Сибири на средневековые поселения и святилища приносили кости и зубы мамонта плейстоценового возраста. Иногда древние кости находят в погребениях эпохи неолита-раннего железа. В Кумышанской пещере (р. Чусовая) в коллективном неолитическом погребении обнаружена локтевая кость бизона. В энеолитическом погребении № 5 Усть-Удинского могильника обнаружен зуб шерстистого носорога. А в могильнике бронзового века Урефты (Южный Урал) на дне могильной ямы была найдена плечевая кость носорога [12, с. 168-172].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что природные формы из кости широко использовались древним человеком, как в хозяйственной, так и в культовой практике. Именно поэтому они являются важным археологическим источником, позволяющим расширить наши знания о хозяйстве, быте, материальной культуре и духовных представлениях древнего человека.

Библиографический список

1. **Гурина Н.Н.** Оленеостровский могильник // МИА. - 1956. - № 47.
2. **Калинина И. В.** Оппозиция культурное/природное в археологии и культурологии (Функции предметов естественно-го происхождения в археологической культуре. Вопросы методологии и теории первобытной культуры) // Тверской археологический сборник. - Вып. 3. - Тверь, 1998.
3. **Калинина И. В., Устинова (Гаджиева) Е. А.** Использование челюстей животных для орнаментации древней керамики // РА. - 1995. - № 2.
4. **Котов В. Г.** Культ медведя на Урале по данным пещеры Заповедная // Проблемы первобытной культуры. - Уфа, 2001.
5. **Литвиненко Ю. П., Сериков Ю. Б.** Новые находки произведений первобытного искусства на территории Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. - Вып. 23. - Екатеринбург, 1998.
6. **Пидопличко И. Г.** Межиричские жилища из костей мамонта. - Киев, 1976.
7. **Сериков Ю. Б.** Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье // СА. - 1992. - № 4.
8. **Сериков Ю. Б.** Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. - Нижний Тагил, 2000.
9. **Сериков Ю. Б.** Новый тип палеолитического святилища на Среднем Урале // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции. - СПб., 2000.
10. **Сериков Ю. Б.** Использование природных форм из кости и камня в первобытном искусстве // Изобразительные памятники: стиль, эпохи, композиции. Материалы тематической научной конференции. - СПб, 2004.
11. **Сериков Ю. Б.** Использование природных форм в культовой практике древнего населения Урала. // Проблемы археологии и древней истории Урала. - Нижний Тагил, 2005.
12. **Сериков Ю. Б., Серикова А. Ю.** Мамонт в мифах, этнографии и археологии голоцена // РА. - 2004. - № 2.

Научный руководитель: Ю.Б. Сериков, д.и.н., профессор

Е.О. Шиманский

Уфа, Башкирский государственный педагогический университет, аспирант

КУРГАНЫ С ОГНЕННЫМ РИТУАЛОМ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ (гунно-сарматское время)

К настоящему времени в Южном Зауралье насчитывается пять курганов с ярко выраженным культом огня, датированных в рамках III-IV вв. н.э. В данном случае речь идет о погребальных памятниках с целенаправленным использованием огня для кремации усопшего, либо для создания определенного погребального сооружения. Довольно часто фиксируемые угольки, прогоревшие плашки и зола, встречаемые в курганах кочевников этого времени, как на уровне погребальной почвы, так и в засыпке могильной ямы являются остатками ритуальных обрядов – тризн, похоронных костров и т.п. Очевидно, что подобные действия в древности не относятся непосредственно к способу захоронения покойника. Поэтому выделенные курганы с культом огня выглядят довольно обособленно и нуждаются в отдельном рассмотрении.

Из пяти погребальных сооружений четыре располагаются в степной зоне Челябинской области (Соленый Дол к. № 4, Большекараганский, к. № 7 [1, с. 122], Друженский, к. № 4 [2, с. 45], Агаповский, к. № 4 [8, с. 117-119]) и один глубоко в лесостепной части (Шатрово, к. № 11 [9, с. 129-137]). Все они входят в состав курганных

могильников и имеют сегментовидную насыпь, за исключением мог. Большекараганский кургана 7 насыпь которого имеет овально-удлиненную форму, вытянутую по оси СВ-ЮЗ. Кроме к. № 4 мог. Солёный Дол, насыпи других курганов не содержат камней. Особенности огненного ритуала в контексте его использования в архитектуре сооружения прослеживаются на двух памятниках – мог. Солёный Дол, к. № 4 и мог. Агаповский, к. № 4. В обоих случаях сразу после снятия дерна фиксировался красно-коричневый прокаленный грунт, составлявший тело насыпи. В дальнейшем, на древней поверхности и стратиграфических слоях в общей толще прокаленной глины вырисовывалась валообразная насыпь обожженной почвы, отличающаяся более ярким красно-оранжевым цветом. Вал из прокаленного грунта толщиной до 0,6 м перекрывал погребенную почву, а также выкид из могилы и представлял собой замкнутую оградку подквадратной формы ориентированную углами по сторонам света. Длина стороны оградки составляла 6 – 6,5 м. Остатки продуктов горения фиксировались у внешних краев оградки в виде тонкой прослойки обугленной коры и веток. Шатровский курган также содержит прокаленный грунт в виде бесформенного пятна над погребальной камерой. Могильные ямы Шатровского и Агаповского курганов имели прямоугольную форму с северной и северо-западной ориентировкой костяков соответственно; погребенный в кургане мог. Солёный Дол находился в деревянной колоде в подбое сделанном в западной длинной стенке могильной ямы и был ориентирован головой на СЗ. Еще одной особенностью этого кургана является руинизированная каменная оградка вдоль наружного края вала. Могильные ямы и костяки всех трех погребений воздействию огня не подверглись.

Другой, связанный с огненным ритуалом обряд – трупосожжение, а точнее неполная кремация в могильной яме отмечен в к. № 7 мог. Большекараганский и к. № 4 мог. Друженский. Погребенные в этих курганах лежат в анатомическом порядке, в прямоугольных могильных ямах. Погребенный в к. № 7 Большекараганского могильника ориентирован головой на СЗ, а в Друженском – на восток. В засыпке могильной ямы и под погребенным кургана 7 встречены кусочки прокаленной почвы, угольков и обугленной древесины; стенки могилы «друженского» погребения прокалены. Следов воздействия огня над могильной ямой не зафиксировано.

Таким образом, в Южном Зауралье на данный момент времени можно выделить два вида использования огня в погребальной практике кочевников гунно-сарматского времени – неполная кремация внутри могильной ямы и ингумация с созданием при помощи огня площадки или вала как наземной погребальной конструкции. Датировка памятников определяется в рамках III-IV вв. н.э. по ремненным пряжкам к. № 4 мог. Солёный Дол и фибулой к. № 11 мог. Шатрово. Все они входят в круг памятников гунно-сарматского времени урало-казахстанских степей, при этом могильники Большекараганский, Друженский и Солёный Дол представляют собой наиболее распространенный в этом регионе во II-IV вв. архитектурный ансамбль могильника – вытянутые цепочки курганов с сооружениями-склепами, святилищами и гантелевидными насыпями. Однако подобные западноказахстанские памятники с аналогичной планировкой могильников не обнаруживают столь выраженного огненного культа в исследованных комплексах. Наиболее близкие синхронные и конструктивные аналогии находятся в Западной Сибири. Возрастание роли огненного культа зафиксировано на финальном этапе саргатской культуры [5, с. 156], при этом наибольшую схожесть представляют Прииртышские и Поишимские памятники. Для курганов Поишмья (т.н. комплексы «огнепоклонников») характерны курганные насыпи или ограды из обожженной глины и полная или частичная кремация усопших в могильной яме (Новоникольский, к. №№ 4, 8; Кенес, к. № 11; Берлик, к. № 2; Явленка, к. №№ 4, 6) [2, с. 124]. В Прииртышье отмечается прокол стенок могильных ям отдельных центральных погребений и следы огня на костях погребенных (могильники Усть-Тартасский, Фоминцевский, Красноярский) [7, с. 300]. Западный ареал саргатской общности – территория Притоболья менее затронут традицией огненного ритуала. Примечательно упоминание исследователями XVIII-XIX вв. особых земляных сооружений в этом регионе [6, с. 117-118]. По описаниям они напоминают культовые памятники Южного Зауралья и Западного Казахстана – гантелевидные насыпи и склепы-святилища. В таком случае пограничные территории Южного Зауралья и Притоболья являлись контактной зоной двух этнических образований – гунно-сарматского субстрата урало-казахстанских степей и носителей традиций огненного культа – «огнепоклонников», район обитания которых будет, по-видимому, локализоваться в Поишимье. Принимая во внимание нахождение курганов с огненным ритуалом зауральских степей в рамках четкой структуры некрополей II-III вв. можно предполагать мирный характер сосуществования этих общностей. Говорить что-то более конкретное об этнокультурной ситуации в этом регионе пока сложно, ввиду малочисленности источниковой базы. Вполне вероятно что сложившаяся именно здесь особая группа населения – приверженцев огненного обряда была вовлечена в события эпохи Великого переселения народов и оставила памятники с использованием огня в комплексах харинской стадии ломоватовской культуры в Верхнем Прикамье [3, с. 17-18] и гуннской эпохи Поволжья [4, с. 12-15].

Библиографический список

1. Боталов С.Г. Большекараганский могильник II-III вв. н.э. // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.
2. Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск, 2000.

3. **Голдина Р.Д.** Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
4. **Засецкая И.П.** Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (к. IV-V вв.). СПб., 1994.
5. **Матвеева Н.П.** Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск, 1993.
6. **Матвеева Н.П.** Ранний железный век Приишимья. Новосибирск, 1994.
7. **Могильников В.А.** Саргатская культура // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
8. **Сальников К.В.** Сарматские погребения в районе Магнитогорска // КСИИМК. Вып. XXXIV. 1950.
9. **Терехова Л.М., Чемякин Ю.П.** Новый могильник раннего железного века в Челябинской области // История и культура сарматов. Саратов, 1983.

Научный руководитель: д.и.н., проф. В.А. Иванов

М.А. Широкова

Тюмень, Тюменский государственный университет, 3 курс

ФУНКЦИИ СТЕРЖНЕВИДНЫХ ПСАЛИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Стержневидные псалии появляются на территории Западной Сибири в позднем бронзовом веке. Они представляют собой бронзовые, роговые, костяные и деревянные приспособления в виде стержня с тремя или двумя отверстиями для крепления к уздечке, и служат посредником, через который осуществлялась передача команд поводом при управлении лошадью.

Проблема функционирования псалиев в составе оголовья зачастую оставалась в сфере теоретической и игнорировала такую важную составляющую как сама лошадь, её физиологические и поведенческие черты, способы управления и содержания. Частным следствием стало утверждение среди отечественных исследователей терминологии, мало соотносимой с современной коневодческой. Отсюда проистекает разногласие в определении одних и тех же явлений, «изобретение» собственных терминов.

Посылкой моей работы стало суждение о том, что особенности лошади как упряжного животного жестко детерминируют чрезвычайно ограниченный круг возможностей приведения её к послушанию [5, с. 37]. В этой связи, по моему глубокому убеждению, более или менее рациональные, приёмы воздействия на лошадь были установлены и выработаны в древности и, в сущности, не претерпели изменений. В процессе же исторического развития менялись лишь оттенки приёмов, однако основополагающий принцип воздействия оставался прежним. Ведь, так или иначе, он построен на причинении животному болевых ощущений. Лошадь запоминает боль и то обстоятельство при котором она её испытала, в этом и состоит её дрессировка. В связи с этим есть прямой резон кратко остановиться на современных принципах управления лошадью, ограничившись рассмотрением наиболее распространённых типов узды с трензельным, мундштучным оголовьем, и оголовьем с применением пеляма.

Трензельное оголовье представляет собой следующее. Металлический трензель состоит из грызла, которое вставляется в рот лошади, и двух колец – распределителей и ограничителей. К кольцам трензеля крепится суголовный (нащёчный) ремень и повод [1, с. 283]. Суголовный ремень, играющий главную роль во всей конструкции, держится на затылке лошади. Управление лошадью при помощи такой уздечки заключается в давлении на беззубые края нижней челюсти металлическим грызлом трензеля. Поворот осуществляется натяжением правого или левого повода, т.е. на челюсть давит правая или левая часть трензеля. Остановка достигается натяжением обоих поводьев.

Мундштучное оголовье функционирует с помощью специального удила с боковыми щечками, оказывающими усиленное воздействие на рот лошади. Более короткие верхние концы щёчек кольцами соединяют его с суголовным ремнем, к нижним, более длинным концам тоже за кольца пристёгивают повод. Грызло мундштука (единое, а не подвижное, составное, как у трензеля) лежит во рту лошади на беззубом крае нижней челюсти. Натяжение повода, как через рычаги, передаётся на грызло через щёчки и вызывает усиленное давление на беззубый, чувствительный край челюсти [1, с. 160]. Под влиянием «эффекта рычага» достигается искусственное состояние лошади, называемое в современной коневодческой терминологии «сбором». Находясь в этом состоянии, лошадь при малейшем движении пальцев руки «сдаёт челюсть», т.е. выгибает шею, затылок при этом сдаётся вверх и назад, а голова ставится почти перпендикулярно корпусу, что позволяет эффективно управлять животным. Состояние сбор дарит лошади равновесие во всех её движениях. В таком положении она находится под полным контролем всадника и сама просит хода.

Оголовье с применением пеляма имеет схожие с мундштучным оголовьем функции. Пелям – это своеобразная разновидность мундштука, но с подвижным грызлом. Щечки пеляма состоят из трёх колец. К кольцу крепится грызло, к верхнему – суголовный ремень, а к нижнему – повод. По силе воздействия на рот лошади данное приспособление занимает промежуточное положение между трензелем и мундштуком [1, с. 190].

Поскольку, несмотря на многие века, отделяющие нас от древних кочевников, населявших евразийские степи, физиология лошади осталась прежней, имеет место сравнение узды раннего железного века с её вышеуказанными аналогами в современности. В этой связи следует подробно остановиться на конструкции исследуемого приспособления.

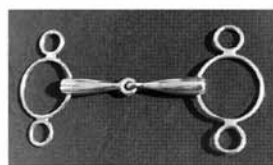
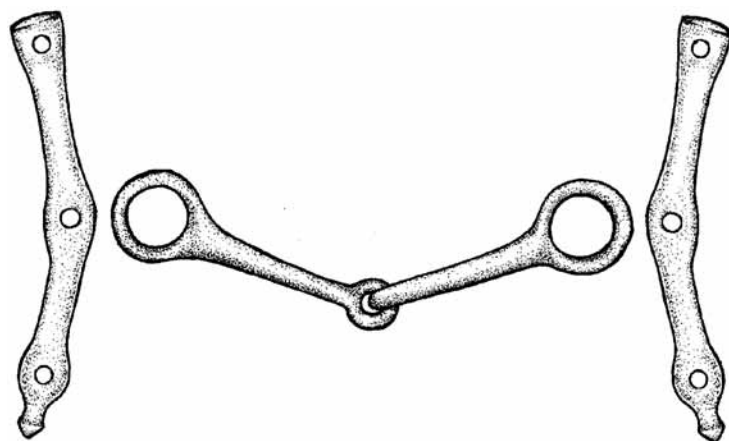
Главным атрибутом узды раннего железного века являлись стержневидные псалии. Они представляют единый функционирующий механизм с грызлом и являются посредником, через который осуществлялась передача команд поводом при управлении животным. Стержень псалия имел три, а позднее два отверстия для крепления грызла, суголовного ремня и повода. При изучении этого приспособления отечественными исследователями было выдвинуто два варианта крепления псалиев в составе конской узды.

Согласно первому варианту, предложенному Т.Н.Троицкой и А.П.Бородовским, псалии выполняли роль своеобразных ограничителей, т.е. фиксировали грызло во рту лошади [4, с. 39 – 44]. В этом случае, раздвоенные концы нащечного (суголовного) ремня крепились к крайним отверстиям псалия. При этом повод мог крепиться только в центре стержня псалия к грызлу, которое оказывало давление на углы рта и заднюю часть беззубого края челюсти лошади. Псалий в таком случае нёс функцию увеличения строгости грызла для улучшения повиновения лошади всаднику.

Подобный вариант можно соотнести с современным трензельным оголовьем, за тем лишь исключением, что функцию ограничителей в наше время выполняют металлические кольца. Необходимо отметить, что, несмотря на внешнее отличие общие задачи обоих приспособлений схожи – подобные модификации удила являются мягким вариантом управления.

Согласно второму варианту, выдвинутому А.А.Тишкиным, псалии могли использоваться в качестве современного пеляма [3, с. 46]. Основанием считать псалии древним прототипом пеляма может служить уже внешняя и конструктивная схожесть обоих приспособлений. Оба они по форме напоминают букву «Н» (именно такую форму имеют псалии скреплённые с грызлом). Кроме того, и то и другое приспособление являются составными конструкциями. В обоих случаях, подвижные, составные грызла крепятся в центре стержня (псалия/щечки), к верхнему отверстию которого при этом крепится суголовный ремень, а к нижнему повод. В отмеченной ситуации, при натяжении повода верхний конец псалия перемещался вперёд по ходу лошади. Грызла при этом надавливали на нижнюю челюсть и заставляли лошадь «сдать» затылок и разжать рот, благодаря чему достигалось состояние «сбора». Натяжение повода усиливало болевые ощущения, что заставляло животное быстрее подчиняться всаднику. При таком варианте крепления, псалии, возможно, действовали как рычаг, подобно современному мундштуку или пеляму.

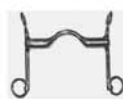
Рассмотрев два варианта крепления псалиев в составе конской узды можно сделать вывод, что первый случай демонстрирует нам псалии, как атрибут выполняющий пассивную функцию ограничителей, а второй – как конструктивную составляющую узды, непосредственно участвующую в управлении животным и несущую активную функцию «рычага». Я считаю возможным, синхронное или как минимум, последовательное

2

3

4

5

1 – Бронзовые псалии и грызло из кургана Аржан (по М.П. Грязнову).

2 – Пелям обыкновенный. 3 – Пелям рычажный. 4 – Мундштук.

5 – Трензель.

существование обоих вариантов. Поскольку в современном конном деле существуют приспособления, демонстрирующие нам оба этих принципа, избирать лишь один из них единственно верным не логично, но можно предположить, что разница между ними объяснима поиском наиболее эффективных способов управления лошадью.

Библиографический список

1. Гуревич Д.Я. Справочник по конному спорту и коневодству. М.: «Центрполиграф», 2000.
2. Епимахов А.В., Чечушков И.В. Экспериментальные работы по реконструкции конской упряжи эпохи бронзы. // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк, 2004.
3. Тишкин А.А. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья. Барнаул, 2004.
4. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994.
5. Филлис Д. Основы выездки и езды. М.: «Центрполиграф», 2001.

Научный руководитель: Матвеев А.В., д.и.н., профессор.

Е.С. Штанов

Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет

ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ХУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРНОГО АЛТАЯ

Период II в. до н. э. - V в. н. э. в научной литературе относится к хунно-сарматскому времени. Для территории Горного Алтая правильнее следует называть не гунно-сарматское, а хуннуско-сяньбийско-жужанское время по названию народов, активно участвовавших в военно-политической и культурной жизни этого периода.

В начале II века до н. э. на территорию Горного Алтая проникает новое население, сыгравшее определяющую роль в формировании не только нового общественно - политического порядка, но и в изменениях культурных традиций коренного населения пазырыкской культуры, что прослеживается сейчас по археологическим памятникам. Таким образом, основной причиной прекращения пазырыкской культуры и культурных традиций населения Горного Алтая, по мнению ряда исследователей, является участие в различных военных кампаниях за короткий период времени в III веке до н. э. и, в конечном итоге, поражение от кочевой империи Хунну. По мнению Тишкина А.А. уже с конца IV века до н. э. происходит некоторое смещение ареала культуры скифского облика на Северный и Северо-Западный Алтай.[4, с.28-29] К этому времени относится Шибинский, завершающий этап пазырыкской культуры.

Поражение носителей пазырыкской культуры вынудило, видимо, большую часть населения мигрировать, а та часть населения, которая осталась на месте, была покорена и ассимилирована. С включением Горного Алтая в состав государства Хунну происходит ряд изменений в культуре. Связано это с заимствованием новаций и инноваций, вызванных возвышением хуннского населения. Правящая элита зависимых племен пыталась заимствовать престижные элементы хуннской культуры, что в конечном итоге и трансформировало культурные традиции.

На территории Горного Алтая складывается новая булан-кобинская культура. По мнению ряда исследователей, она была единой и единственной культурой хуннского типа данного периода. Однако еще в начале 90-е годы XX века в Восточном Алтае (Кок-Паш, Балыктыюль, Пазырык) была выявлена Кок-Пашская культура с хронологическими рамками III-V вв. н. э., которую называли по изученному могильнику. Население ареала кок-пашской культуры было преимущественно европеоидного облика с монголоидной примесью.

Вместе с тем проблемой является выделение наскальных изображений, как черты хунно-сарматского времени, особенно раннего периода, которая поставлена перед исследователями достаточно давно. Сложность заключается в отсутствии изобразительных аналогий в археологических памятниках данного периода. Кубарев В.Д. отметил, что рисунки этого периода «с одной стороны еще связаны с искусством скифской эпохи, а с другой являются основой наскального искусства древнетюркского времени. Мир мифических зверей сменяется сценами охоты и военных столкновений»[2, с.180-190]. О стилистических особенностях раннехунских наскальных изображений в 40-е годы XX в. было указано в литературе Л.А. Евтюховой [1, с.189-191].

Рис. 1. Лучник, спасающий оленя от стаи волков (Калбак-Таш)

Рис. 2. Олень, выполненный в хунно-сарматском стиле (Калбак-Таш)

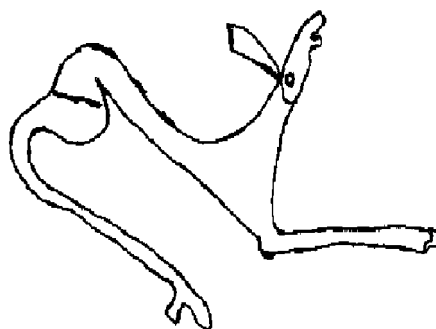

Рис. 3. Изображение хунно-сарматского времени, выполненное в традиции скифо-сибирского искусства (Бичикту-Бом)

Оставшееся пазырыкское население продолжало использовать традиционные скифские сюжеты звериного стиля. В свою очередь пришлое хуннское население из Центральной и Восточной Азии и принесло сюжеты совершенно иного типа: связанные со сценами охоты и сражений. Это в конечном итоге изменило сюжеты и стиль исполнения наскальных изображений. Элементы пазырыкской культуры перешли в новую булан-кобинскую особенно на первоначальном усть-эдиганском этапе (II в. до н.э. - I в. н.э.).

Так как местное население продолжало в наскальном искусстве традиции скифской эпохи, то, вероятно, некоторые памятники этого периода ошибочно относят к скифской эпохе из-за схожести сюжетных традиций. Определенное влияние пазырыкского искусства на петроглифы хунно-сарматского времени и трудности их выделения отмечены Соеновым В.И. [3 с.23-24]. Он применил метод поиска аналогий с культурами сопредельных территорий и, в первую очередь, с енисейскими петроглифами таштыкской культуры.

На территории Горного Алтая в ряде мест уже выделены среди других наскальные изображения, которые относятся к хунно-сарматскому времени. В настоящий момент они известны среди других в составе крупных культурных комплексов: калбак-ташские, каракольские, елангашские, сутерлинские и бичикту-бомские наскальные изображения. Кроме того, известны одиночные рисунки и изображения, ошибочно отнесенные к другим скифским или древнетюркским изображениям.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что памятники наскального искусства хунно-сарматского времени на территории Горного Алтая представлены значительно шире, чем до сих пор считалось исследователями. Они выполнены, в своеобразном стиле, с использованием техники выбивки и граффити, которые характерны

для петроглифов этого времени. Петроглифы хунно-сарматского времени представлены как композициями, так и отдельными изображениями.

Библиографический список

1. **Евтюхова Л.А.** К вопросу о писаницах Алтая. // КСИИМК.-М.1951. – Вып. XXXVI.
2. **Кубарев В.Д.** О некоторых проблемах изучения наскального искусства Алтая. // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. - Горно-Алтайск, 1999-№4
3. **Соенов В.И.** Петроглифы Горного Алтая гунно-сарматского времени // Древности Алтая - Горно-Алтайск, 2003.-№10
4. **Тишкин А.А.** Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья. Автореферат дисс... док. ист. наук.- Барнаул, 2006

Научный руководитель: д. и. н. профессор А.И. Мартынов.

С. А. Ярыгин

Астана, Евразийский национальный университет, 5 курс

ПОЯСНЫЕ ПРЯЖКИ САРМАТ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВЕРБЛЮДА – СИМВОЛИКА ОБРАЗА

Во II-I вв. до н. э. на пространстве от Волго-Донья до Средней Азии и Северного Казахстана появляются прямоугольно-рамчатые поясные пряжки с изображением верблюда, а так же сценами его борьбы с кошачьим хищником (могильники Донской, Ново-Калкашский II, Лявндак, Карамурун II).

Предполагается, что образ верблюда на пряжках, возможно, сопоставить с одной из гипотез о происхождении алан. По мнению А. О. Наглера и Л. А. Чипирова первоначально термин «алан» использовался для обозначения социальной верхушки сармат, чьей основной хозяйственной деятельностью была война. Затем социальный термин закрепился как этноним за различными этносами Сарматии. М. Б. Щукин так же видит в аланах социальную надплеменную верхушку сарматского общества, которая состояла из потомственных воинов имевших родственные связи с аристократическими домами различных кочевых объединений от Гиндукуша до Дуная, но в основном действовавший в сако-массагетской среде породившей юечжей, роксолан, аорсов [8, с. 148-152].

В представлениях ранних кочевников поясные пряжки являлись одним из основных смысловых элементов убранства пояса. Их восприятие как определенного социального символа особенно ранжировано было в воинской среде [3, с. 7-13]. Само представление о поясе как знаке отличия восходит к эпохе раннего железного века, когда на всем евразийском пространстве в общей массе кочевого населения происходило выделение воинов-всадников. Именно в это время и сформировались основные критерии воинской субкультуры, в том числе отношение к поясу и составляющим его элементам.

Исходя из того, что поясные пряжки являются определенным маркером социального положения, мы можем на основании интерпретации образа верблюда сделать выводы об этнической и социальной атрибуции их носителей.

При этом рассматривать изображение на пряжках необходимо как символ определенных художественно-мировоззренческих и идеологических представлений ранних кочевников [5, с.46-49].

Согласно данным древнеиранских мифологических текстов верблюд был одной из инкарнаций Веретрагны т. е. Индры, который в свою очередь являлся солнечным божеством войны и победы. Однако даже без отождествления образа верблюда на пряжках с Индрой можно говорить, исходя из поведенческих характеристик бактриана, о его связи с битвой. Это достаточно сильное и агрессивное животное [1, с. 194-195]. Помимо непосредственно воинской символики, пряжки с изображением верблюда, учитывая количественное соотношение погребений без пряжек (таковых большинство), с погребениями, в которых они присутствуют, говорят о достаточно высоком положении своих обладателей в воинских структурах кочевников.

Появление во II-I вв. до н. э. прямоугольных пряжек с изображением верблюда совпадает с данными письменных источников о появлении алан в Восточной Европе [4, с.123-132; 9, с. 97-98] и юечжей в Средней Азии [6, с.108-109]. В Средней Азии верблюд стал геральдическим символом династий связанных происхождением

именно с юечжами [7, с. 244-245]. Это указывает на то, что носителями пряжек были представители выше приведенных племен. Поясные пластины с изображением верблюда являлись показателем родственных отношений воинской элиты сармат Восточной Европы и населения Средней Азии.

Таким образом, анализ поясных пластин с изображением верблюда подтверждает гипотезу А. О. Наглера, Л. А. Чипирова и М. Б. Шукина о том, что аланы на первоначальном этапе своего этногенеза являлись воинским сословием племен Восточной Европы и Средней Азии.

Библиографический список

1. **Акишев К. А.** Новые художественные бронзовые изделия сакского времени // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.
2. **Байпаков К. М., Терновая Г. А.** «Знаки Рюриковичей» в Семиречье // Известия. Серия общественных наук. 1 (239). Алматы, 2003.
3. **Добжанский В. Н.** Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990
4. **Мачинский Д. А.** Некоторые проблемы этногеографии Восточноевропейских степей во II в. до н. э.-I в. н. э. // Археологический сборник государственного Эрмитажа Вып. 16. Л., 1974.
5. **Ремпель Л. И.** Сако-скифская и древневосточная традиция в искусстве Средней Азии античного времени в историческом и типологическом аспекте // Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана» (тезисы докладов). Ташкент, 1979.
6. **Стависский Б.Я.** Кушанская Бактрия. М., 1977.
7. **Терновая Г. А.** Зооморфные символы (религиозные и династические) на памятниках средневекового искусства Южного Казахстана и Семиречья // Известия. Серия общественных наук. 1 (230). Алматы, 2001.
8. **Туаллагов А. А.** К вопросу о происхождении ранних алан // STRATUM+Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург-Кишинев, 1997.
9. **Яценко С. А.** Основные волны новых элементов костюма в Сарматии и политические события I в. до н. э.-III в. н. э. Происхождение стиля «клуазонне» // Петербургский археологический вестник. № 4. Санкт-Петербург, 1993.

Научный руководитель: Хабдулина М. К. к. и. н., директор НИИ археологии им. К. А. Акишева

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ю.А. Абабкова

Барнаул, Алтайский государственный университет

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПРОНИКНОВЕНИЯ БУДДИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

Мировая религия буддизм формируется как философское течение в Индии в VI в. до н.э., хотя истоки ее уходят в более древние культуры. Существуют противоречивые версии о времени его проникновения на территорию Центральной Азии. Одни авторы утверждают, что данное вероисповедание было распространено в Монголии еще в конце I тыс. до н.э. [10]. В противовес этому мнению есть точка зрения исследовательницы Н.Л. Жуковской [4], которая считает, что только в конце XII – нач. XIII в. монголы впервые познакомились с буддизмом, во времена завоевательных походов Чингисхана. Но чаще всего в литературе встречается версия, согласно которой учение Будды проникает на территорию Центральной Азии совместно с кочевыми племенами, которые в конце I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э. осуществляли свою деятельность на указанной территории. Между кочевыми и оседлыми обществами происходил интенсивный обмен материальными и духовными ценностями.

Кочевники, осваивая новые территории, знакомятся с культурными традициями местных народов. Они перенимали религиозные воззрения и в дальнейшем способствовали их распространению на соседних территориях. Хунну (209 г. до н.э. – 155 г. н.э.) впервые знакомится с новой религией в Китае в период империи Чжао, во время правления Ши Ху, когда к его двору был приближен индийский монах Будда Жанга. Он добился от правителя привилегии в строительстве монастырей и пропаганды учения Будды, среди подданных империи Чжао. С тех пор хунну связали свою судьбу с буддийской общиной, которая благодаря этому вступила в период своего расцвета. Но когда эта империя потеряла свое влияние, буддийские монахи укрыли свое учение в пещерах Дуньхуана, где был отмечен расцвет их искусства. В 109 г. до н.э. Куча становится буддийской страной, в это время она находилась под хуннским господством. Вызывает множество споров до сих пор золотая статуя хунну, которая согласно историческим данным была отбита у них в 121 г. до н.э. Согласно трактату «Хань Шу» (История династии Западная Хань), китайский полководец Хо Цюй-бин с десяти тысячной конницей напал на западные кочевья хунну, разгромил их, захватил много пленных и золотого идола, которому они поклонялись и приносили жертвы [3]. Исходя из переводов китайских источников и комментариев, в одном из текстов буквально говорилось: «...поэтому Сюту имел изображение золотого человека для принесения жертвы Небесному жителю». В комментариях Цуй Хао говорит: «Ху (хунны) приносили жертвы золотому человеку, считая его господином. Ныне это и есть золотой человек Футу (Будда)», но есть еще одна трактовка этого события, Чжэн-и в «Тодичжи» говорится: «...дорожное [место] моления духу находится под горою Ганьцюаньшань в 90 ли на северо-запад от Юньянсянь в Юнчжоу. Первоначально это было место моления сюнну небу. После того как Цинь [ский князь] захватил это место, перенесли [моления] на правые (западные) землю Сюту. По справке, золотой человек есть золотое изображение Фо (Будды), служит его завещанным воспроизведением; его установили, чтобы приносить жертвы небесному господину» [цитировано по: 9]. Многие ученые, такие как Г. Сухбатор [13], считают ее буддийской, и полагают, что она была привезена из стран Западного Края. Примерно в то время когда была захвачена эта статуя, империя хунну представлялась для стран Западного края одним из самых могучих государством на Востоке.

Следующий этап распространения буддийской культуры связан с развитием государства жужаней, существовавшего на территории Монголии. Учение Будды проникло к ним из бассейна Тарима, королевства Хотана (Юйтянь), Яньчжи (Карашара) и Сулэй в VI в. н.э., и вместе с буддизмом начал устанавливаться контакт между индийцами и жужанями, и в Монголию начинают проникать элементы буддийской культуры и науки [13]. С проникновением данного вероисповедания в буддийских святилищах Жужаньского каганата стали появляться святыни, которые усиливали роль монастырей как политических так и сакральных центров государства. Примером может служить такая реликвия как зуб (делада) самого Будды, которая была привезена около 475 г. жужаням из Индии [15]. Необходимость принятия буддизма в качестве государственной религии усиливалась по мере развития феодальных отношений в Великом жужаньском государстве. В 511 г. жужаньский хан послал жем-

чужную статую (Будды) императору табасской династии, скорее всего она была не жужаньского производства, а по-видимому принадлежал одной из стран Западного Края, которая находилась в зависимости от жужаней [13]. Существуют так же археологические памятники, в Восточном аймаке МНР где находится древняя статуя из Аржалгалант сомона, которая носит название «ловх», в санскритском языке есть слово «луха», означающее «будда». Этой статуи поклонялись, и по некоторым данным она была посвящена какому-то, индийскому монаху, возможно жужаньской (древнетюркской) эпохи (VII-VIII) [15]. Дошедшие до наших дней археологические памятники, позволяют предположить, что кроме крупных монастырей, существовало множество мелких культовых мест.

В VII в. появляются номады, известные в истории как тюрки, которые на протяжении многих веков кочевали по территории Центральной и Средней Азии, внимали культуру и мировоззрение народов проживающих там, и привносили их в традиции других этносов. Буддийские доктрины не остались незамеченными тюрками, и вскоре эта религия плотно входит в культуру номадов. Существуют археологические памятники, свидетельствующие о присутствии данного вероисповедания на территории Центральной Азии в период тюркского каганата. Известны два буддийских храма Ак-Бешим и Суяба, которые датированные концом VII – началом VIII в. В храме Ак-Бешим перед входом в целлу по обе стороны находились два ступенчатых постамента, на которых, по-видимому, были установлены скульптуры сидящего Будды с опущенными на пол ногами. На полу святилища найдены позолоченные бляхи с изображениями Будды. Среди остатков глиняной скульптуры выделены различные персонажи буддийского пантеона, в том числе Будды, бодисатв, Докшита. Среди случайных находок представлен индийский импорт: бронзовые и серебряные с позолотой и инкрустацией драгоценными камнями статуэтки Будды и бодисатв, бронзовые бляшки и пластины, каменные рельефы в виде мелких поделок и стелл с сюжетами буддийских храмов и монастырей [1]. В дальнейшем, на период Второго тюркского каганата, приходится упадок буддизма, а надписи сделанные тюрками, предупреждают, что воинам не подобает исповедовать эту религию [12].

Следующим народом, в культуре которого сохранились элементы буддийского искусства и мировоззрения, были уйгуры. Исследователь Д.И. Тихонов, указывает на то, что учение Будды занимает у уйгуров господствующее положение, а манихейство и христианство исповедовались, но не играли такой роли, как буддизм [14]. Он утверждает, что буддийские храмы и монастыри довольно рано стали крупными владельцами земли. Они вели сложное многоотраслевое хозяйство, даже сохранились документы, которые дают представление о феодальном монастырском хозяйстве. В сохранившихся документах на китайском языке, находятся сведения о плановом хозяйстве буддийских монастырей. Буддизм не чуждаясь местных обычаев и других вероисповеданий, воспринимал все, что могло способствовать его дальнейшему распространению и укреплению его влияния. Крупные монастыри, такие как в Муртуке, развалины которого находятся близ современного селения Безелик, располагали землями и пользовались трудом крестьян, которые все время занимались пропагандой буддизма и постоянными службами. Археологические данные показывают, какими богатствами располагали эти храмы. Другой ученый, Г. Сухбатор, считает, что уйгуры приняли буддизм только после того, как переселились с территории Монголии, т. е. начиная с X в. В доказательство чему исследователь приводит данные о том, что в 965 г. монах Фаюань привез зуб Будды в Уйгурское государство, а в 981 г. город Гаочан (Турфан), посетила китайская делегация и наблюдала, что уйгуры овладели буддийским каноном. В 1007 году ганьжоуские уйгуры построили буддийский храм [13].

В начале X в. в Северном Китае возникло государство монголоязычных племен киданей, расцвет которого пришелся на время правления династии Ляо (916-1125). В 916 г. придворные первого киданьского императора Абаоцзи единогласно объявили о своей приверженности к учению Будды. Города притягивали проповедников мировых религий, преимущественно буддизма, становились центрами ремесел и торговли. Об этом говорят многочисленные находки на киданьских городищах характерной керамики, обжигательных печей и даже развалин башни буддийского храма в Барс-Хот I. Приобщение некоторых знатных монголов к буддизму сопровождалось посвящением их в духовный сан, о чем говорит, например, сан хунтухта (святой, просветленный), который носил представитель монгольского рода Чжурки [2]. Раскопки древнего дворца Хара-хорин где под строительным мусором и, что самое главное, под насыпью центральной платформы был найден слой с остатками интереснейших фресок буддийского содержания, которые находят себе ближайшую аналогию в памятниках IX-XII вв. из Синьцзяня. Это открытие свидетельствует о том, что на том же месте до постройки дворца было какое-то культовое здание, вероятно, буддийский монастырь, украшенный фресками, относящийся к более раннему времени. Представляло ли это здание постройку, непосредственно предшествовавшую времени постройке дворца, или это – значительно более раннее сооружение, сейчас судить нельзя. Для этого нужно произвести работу по очистке всех платформ дворца. Но имеется доказательство того, что монастырское буддийское поселение было здесь до того, как был основан дворец Хара-хорина [5]. В Восточном аймаке, западнее г. Чойбалсана, имеются три городища, расположенные на небольшом расстоянии одно от другого. Местное население называло все эти городища Барс-Хот. В одном из них находились четыре больших храма. В центральном храме располагался главный алтарь божества, в других же статуи Будды. Поблизости от храмов в высоких пагодах имелись изображения

и скульптурные фигуры Будды. Есть предположение, что здесь располагался религиозный центр киданьского государства. Поселенцы и часть монголов были тогда буддистами [10]. После падения империи Ляо в XII в, возрождения данного вероисповедания приходится на времена завоевательных походов Чингисхана. Буддизм в Монголии особенно распространился после принятия его Хубилаем в 1269 г. Буддийские храмы были в Карако-руме уже в середине XIII в. [7]. В тоже время, буддизм в это время не стал господствующей религией Золотой Орды, основу которой по прежнему составлял традиционный комплекс шаманских верований. Кроме того, в кочевую среду проникает новая мировая религия – ислам, которая постепенно становится основой мировоззрения части населения империи [12].

После распада Золотой Орды начинается новый этап распространения и укрепления учения Будды среди мон-голов Центральной Азии. Именно этот кочевой народ можно в известной мере считать наследниками буддийских традиций в Центральной Азии, что нашло отражение в разных формах культуры [11]. Буддизм постепенно полу-чил распространение и на сопредельных с Монголией территориях, в частности в Туве и Бурятии [8].

Таким образом, выше перечисленные факты позволяют утверждать, что буддизм на протяжении многих веков проникал в культуру народов, проживавших в Центральной Азии. Однако наиболее прочные позиции эта религия в виде одного из направлений – ламаизма, заняла только в мировоззрении кочевников Монголии, соеди-нившись с традиционными шаманскими верованиями и культами.

Библиографический список

1. Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом Пути. Алма-Аты, 1998.
2. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
3. Гумилев Л.Н. Хунну. Хунну в Китае. М., 2004.
4. Жуковская Н.Л. Судьба кочевой культуры. М., 1990.
5. Киселев С.В. Древние города Монголии // Советская археология №2. 1957. М. С.91-101.
6. Кыганов Е.И. О ранней государственности у киданей // Центральная Азия и соседние территории в средние века. История и культура востока Азии. Новосибирск, 1990.
7. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
8. Кызласов Л.Р. Древняя Тува. Новосибирск, 1979.
9. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
10. Майдур Д. Памятники истории и культуры Монголии. М., 1981.
11. Майдур Д., Пюрвеев Д. От кочевой до мобильной архитектуры. М., 1980.
12. Мэй Т. Монголы и мировые религии в XIII веке // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 424-441.
13. Сухбатор Г. К вопросу о распространении буддизма среди ранних кочевников Монголии // Археология и этногра-фия Монголии. Новосибирск, 1978. С. 61-71.
14. Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства (X - XIV вв.). М., 1982.
15. Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1993.

Научный руководитель: к.и.н., доцент П.К. Дашковский

Д.В. Афанасьев

Чита, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет, 4 курс

ОРУЖИЕ ДИСТАНЦИОННОГО БОЯ В ПОГРЕБЕНИЯХ УНДУГУНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам могильников у с. Новотроицк)

Ундугунская культура, выделенная И.И. Кирилловым в 1974 г., определена им как заключительный этап фор-мирования аборигенных племён Восточного Забайкалья, а в этническом плане соотнесена с предками конных тун-гусов, обитавших в лесостепной зоне Забайкалья в XII-XV вв. [2, с. 124]. В 2006 г. три могильника этой культуры были исследованы Верхнеамурской археологической экспедицией ЗабГГПУ в окрестностях с. Новотроицк. Всего было вскрыто 23 погребения: 5 погребений в могильнике I, 11 – в могильнике II, 7 – в могильнике III.

Сопроводительный инвентарь погребений представлен предметами вооружений, конского снаряжения, быта и украшениями. Значительной группой в инвентаре могильника представлены предметы, относящиеся к

оружию дистанционного боя: наконечники стрел, обкладки сложносоставных луков, фрагменты колчанов, колчаные накладки и крючки, а также наконечники дротиков.

Наиболее многочисленными являются наконечники стрел, изготовленные как из железа, так и из кости.

Всего найдено 50 наконечников, но только пятую часть из них составляют *костяные*. Они представлены двумя отделами: втульчатые и черешковые.

Втульчатые наконечники относятся к одной группе.

Группа I. Ромбические. Выделено 2 типа.

Тип 1. Вытянуто-прямоугольные – 1 экз. Наконечник с остроугольным острием и скрытой втулкой.

Тип 2. Удлиненно-ромбические – 1 экз. Наконечник с приостренным острием, массивным пером и цельнорезанной втулкой-свистункой.

Черешковые наконечники подразделяются на 2 группы.

Группа I. Ромбические. Выделено 4 типа.

Тип 1. Вытянуто-прямоугольные – 3 экз. Наконечники с остроугольным острием, параллельными сторонами, без плечиков, с уплощенным черешком. **Тип 2.** Удлиненно-ромбические – 2 экз. Наконечники с остроугольным пером и пологими плечиками. Один экземпляр – наконечник с канавкой на одной стороне пера, проходящей через всю его длину. **Тип 3.** Удлиненно-треугольные – 1 экз. Наконечник с остроугольным острием и прямыми плечиками. **Тип 4.** Боеголовковые – 1 экз. Наконечник с остроугольным острием, выделенной боевой головкой, расширенной шейкой и уплощенным черешком.

Группа II. Округлые наконечники. Выделен 1 тип.

Тип 1. Роговидные – 1 экз. Наконечник выполнен из рога, острие имеет небольшой уклон, черешок уплощенный.

В сравнении с наконечниками предшествующей бурхотуйской культуры (IV-IX вв.), костяные наконечники отличаются увеличенными размерами [2, с. 128]. Незначительная доля таких наконечников по сравнению с железными может свидетельствовать об использовании их ундугунскими племенами преимущественно в охотничьих целях.

Класс *железных* наконечников стрел представлен 40 экземплярами. По способу насада они входят в отдел черешковых. Нами выделено 4 группы.

Группа I. Трехлопастные наконечники. Включает 1 тип.

Тип 1. Ярусные – 1 экз. Наконечник с остроугольным острием, покатыми плечиками и тупоугольным уступом. Снабжен массивной костяной свистункой с вертикально расположенными отверстиями.

Группа II. Плоские наконечники. Включает 6 типов.

Тип 1. Овально-крылатые – 7 экз. Наконечники с овальным острием выступающими крыльями, покатыми или округлыми плечиками, с упором. Один экземпляр снабжен массивной костяной свистункой. **Тип 2.** Секторные – 18 экз. Наконечники с округлым острием, пологими плечиками и упором. Один наконечник снабжен железной, цельнолитой свистункой с двумя отверстиями. **Тип 3.** Ассиметрично-ромбические – 5 экз. Наконечники с тупоугольным острием, пологими плечиками, упором. **Тип 4.** Эллипсоидные – 3 экз. Наконечники с овальным острием, пологими плечиками и упором. **Тип 5.** Развилчатые срезни – 1 экз. Наконечник с полулунной режущей частью, округлыми плечиками и упором. **Тип 6.** С треугольным пером и прямыми плечиками без упора – 1 экз. Черешок наконечника имеет плоское сечение, что выделяет его среди остальных.

Группа III. Линзовидные наконечники. Выделен 1 тип.

Тип 1. Овальные – 1 экз. Наконечник с овальным острием, без плечиков, без упора, с округлым черешком.

Группа IV. Четырехгранные наконечники. Насчитывает 2 типа.

Тип 1. Бронебойные со скругленно-ромбовидной головкой – 2 экз. Наконечники с ромбической в сечении головкой и шестигранной или плоской в сечении шейкой, с упором. **Тип 2.** Долотовидные, плоские в сечении, уплощенные в верхней части – 1 экз. Наконечник вытянутой формы с зауженностью в серединной части пера, без упора. Ближайшими аналогиями бронебойным наконечникам могут служить наконечники стрел из чжурчженьских погребений Надежденского могильника (р. Амур), хотя по времени забайкальские наконечники несомненно позднее последних.

В целом, можно отметить, что формы железных наконечников стрел, как и костяных, находят себе аналогии в разновременных культурах Забайкалья. Так, трехлопастные наконечники в эпоху развитого средневековья известны у монголов [3, с. 95]. Плоские наконечники, изготовленные из железа, появляются в Забайкалье уже в самом конце культуры плиточных могил и в дальнейшем переходят в памятники позднего средневековья [1, с. 85]. Заметим также, что плоские наконечники наиболее простые в изготовлении, часто вырубались зубилом из тонких раскованных пластин или специальных заготовок. На это указывает определенный размер упора, что дает основание выделять 3 группы заготовок: 1) с упором шириной 0,7 см; 2) с упором шириной 0,8 см; 3) с упором шириной 0,9 см. Использование таких заготовок свидетельствует о существовании устойчивых технологических стандартов, используемых ундугунскими оружейниками.

К комплексу вооружения дальнего боя относятся берестяные колчаны, которые принадлежат к типу открытых. Они имеют уплощенную форму, с постепенным расширением стенок от горловины к дну. При такой

форме колчанов, стрелы в них были направлены остриями вверх. В погребении 7 могильника III лицевая поверхность и горловина колчана были оформлены железными накладками, украшенными серебряной инкрустацией в виде циркульных узоров. Данный колчан, вероятнее всего, носился на плече при посредстве ремешка. Об этом можно судить по положению колчана в погребении – на уровне плеча, и наличию 5 колчаных крючков и 5 петель, также орнаментированных и инкрустированных.

Колчаны, находившиеся в погребении на уровне пояса, обычно имеют один колчаный крюк, с помощью которого колчан крепился к поясу. Всего найдено 2 экземпляра крючков. Они изготовлены из толстых раскованных пластин и имеют расплющенное завершение. К колчану крючки крепились при помощи заклепок. Крючки такого типа появляются в Забайкалье в самом конце I тыс. н.э.

Остатки луков представлены в погребениях концевыми накладками. По типологии такие луки относятся к лукам с плечевыми фронтальными накладками [3, с. 93]. Однако определить размеры и конструкцию лука невозможно, хотя помимо накладок в могильнике найден также фрагмент кибити лука, дугообразной формы.

Кроме этого, можно отметить также 2 втульчатых наконечника дротиков. Они составляют одну группу линзовидных наконечников, но разделяются на 2 типа.

Тип 1. Овальный с остроугольным острием – 1 экз. Наконечник с пологими плечиками и цельнолитой втулкой со швом. **Тип 2.** Вытянуто-пятиугольный – также 1 экз. Наконечник с остроугольным острием, параллельными сторонами, пологими плечиками и цельнолитой втулкой со швом. Формы наконечников дротиков во многом повторяют формы наконечников стрел, но отличаются от них большими размерами.

Предметы вооружения дистанционного боя, найденные в погребениях Новотроицких могильников, и, прежде всего, наконечники стрел, значительно расширяют наши представления о типологическом разнообразии оружия дистанционного боя, существовавшего у ундугунских (протоэвенкийских) племен в XII-XV вв. и свидетельствуют о вхождении их в единый ареал кочевых культур этого региона.

Библиографический список

1. Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). – Новосибирск, 1984.
2. Кириллов И.И. Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск, 1983.
3. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск, 1997.

Научный руководитель: доцент, к.и.н. Ковычев Е.В.

Е.А. Афанасьева

Барнаул, Алтайский государственный университет, 2 курс

ПАМЯТНИКИ БУЛАН-КОБИНСКОЙ И ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУР ГОРНОГО АЛТАЯ КАК ОБЪЕКТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА

В современном мире туризм выступает как сложное социальное явление, которое имеет много граней. Туризм – временные выезды граждан в оздоровительных, профессионально-деловых, спортивных и иных целях без занятия оплачиваемой деятельностью в месте временного пребывания. Как экономическое явление туризм охватывает спрос (турист), предложение (туристская индустрия) и туристский продукт, на который направлен интерес туриста [№ 1, с. 272–273]. В большинстве случаев туристские поездки включают в себя проведение экскурсий, которая может быть определена целенаправленным процессом познания человеком окружающего мира, построенная в естественных условиях по заранее подобранным объектам [№ 3, с. 273–291]. Объектом нашего исследования является археологический туризм, а территориальные рамки работы включают, прежде всего, территорию Алтая.

Археологический туризм – групповые или индивидуальные посещения археологических памятников с познавательными целями. При посещении археологического объекта туристы могут не только прослушать лекцию, но и своими глазами увидеть предметы древних культур. В число памятников, открытых для архе-

ологического туризма, входят городища, древние стоянки, курганы, пещерные города, сооружения, древние рисунки и др. [№ 2, с. 106].

Территория Алтая и особенно республики Алтай, является наиболее популярной зоной развития туризма в Сибири, т.к. является своеобразным стыком цивилизаций: исторических, культурных, археологических, содержащими уникальную информацию об историческом прошлом многочисленных народов, обитавших на этой территории многие тысячелетия. В связи с этим, на территории Горного Алтая имеется значительное количество районов, приспособленных для такого рода туризма.

Мы предлагаем опыт разработки экскурсионных маршрутов по древним археологическим памятникам Яломанского микрорайона, находящегося на территории Онгудайского района республики Алтай [4, с. 488–493]. По своему содержанию это будет историческая экскурсия. Поскольку микрорайон насыщен археологическими комплексами, то здесь можно обозначить несколько маршрутов для туристов:

- 1) Маршрут по курганам пазырыкской, булан-кобинской культур и тюркским оградкам на памятниках Яломан-I, II, III;
- 2) Экскурсия по курганам и тюркским оградкам, расположенных на открытом плато (Яломан-VII, VIII);
- 3) Экскурсия по Яломанской крепости;
- 4) Экскурсия по древним рисункам и письмам на памятнике Большой Яломан-III.

Один из предложенных нами в настоящем сообщении маршрутов будет именоваться «Великое наследие Азии, поднятое из глубины веков» и проходить по комплексам Яломан-I, II, III. На Яломане-II выявлено несколько групп археологических объектов. Первая группа курганов памятника Яломан – II-II в. до н.э. – в. н.э. и принадлежит к раннему этапу булан-кобинской культуры. Вторая группа курганов Яломан-II может быть датирована 2-й половиной IV – 1-й половиной V вв. н.э. и отнесена к позднему этапу булан-кобинской культуры. Третья группа курганов Яломан-II также может быть отнесена к булан-кобинской культуре, но ее датировка требует уточнения. Исследованные оградки относят к тюркской культуре и могут быть датированы V – VII вв. н.э. [4, с. 492–493] Памятник Яломан-I представляет собой небольшую группу петроглифов. Комплекс Яломан-III представлен пазырыкскими объектами.

Исследованные курганы и оградки памятника Яломан-II представляют интерес для туристов в силу нескольких причин:

- 1) большинство из данных объектов уже раскопаны, следовательно, о них имеются полноценная информация, которая может быть отражена в экскурсии;
- 2) все эти объекты после раскопок рекультивированны, т.е. воссозданы максимально близко к первоначальному состоянию. Прделанная работа по рекультивации и восстановлению ландшафтного вида обеспечила своеобразную «музеефикацию» исследованных оградок и курганных комплексов;
- 3) издан популярный буклет по этому археологическому микрорайону с изображением и кратким описанием археологических памятников и природных объектов.

Среди исследованных и восстановленных на памятнике Яломан-II курганов с точки зрения экскурсионного рассказа наиболее интересен курган № 51 с захоронением женщины, вместе с которой был положен неординарный инвентарный набор [4, рис. 1–1, 3, 13, 14, 26, 27]. Отдельное внимание следует уделить и курганам, пристроенным друг к другу по принципу «сот», представляющих собой настоящие архитектурные сооружения. В целом, памятник Яломан-II может быть использован его в качестве основы для экскурсионного маршрута и музея под открытым небом.

Первая разработанная экскурсия по объектам Яломан-I–III характеризуется такими принципами как зависимость рассказа от скорости передвижения группы, подчиненность рассказа показу, использование зрительных доказательств, адресность, конкретность и утверждающий характер рассказа. Экскурсионный маршрут «Великое наследие Азии, поднятое из глубины веков» состоит из 6 этапов и охватывает одни сутки. Предполагает 4 пеших перехода, в результате которых станет возможным получение туристами конкретных исторических знаний о древнем и средневековом прошлом Алтая, а также археологической информации об особенностях сооружения различных памятников, необходимости их реставрации и сохранения.

Библиографический список

1. Зорин И.В., Квартальнов В. А. Энциклопедия туризма: Справочник. М: «Финансы и статистика», 2001. 368 с.
2. Культура и культурология: словарь / Сост. и ред. А. И. Кравченко. М.: Академический проект; Екатеринбург: «Деловая книга», 2003. 928 с.
3. Организация туризма / А.П. Дурович, Н. И. Кабушкин и др. Минск: «Новое знание», 2003. 630 с.
4. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Том IX. Часть I. С. 488–493.

Научный руководитель – канд. ист. наук, старший преподаватель Т.Г. Горбунова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА БОХАЙЦЕВ И ТРОИЦКИХ МОХЭ

На данный момент в литературе, касающейся исследований мохэских племен, существует гипотеза С.П. Нестерова о том, что появление памятников троической группы мохэской археологической культуры связано с миграцией *сумо мохэ* (или бохайцев) в VII-VIII вв. в Зейско-Бурейский географический район Приамурья [8, с. 94].

Опорным памятником троической группы мохэской археологической культуры является Троицкий могильник. Благодаря исследованиям, проведенным на нем в 2004-2006 гг., были внесены дополнения в представления исследователей о погребальном обряде троических мохэ [1, с. 132; 2, с. 5].

Предложенная гипотеза о происхождении памятников троической группы позволяет нам сравнить погребальную обрядность троических мохэ и бохайцев. Можно предположить, что будет обнаружено сходство, причем основательное, так как погребальный обряд наименее подвержен изменениям во времени по сравнению с другими традиционными обрядами.

Погребальный обряд бохайцев сложен и многообразен. Это обусловлено тем, что на него оказали влияние погребальные традиции мохэсцев, когурёсцев и китайцев. Когурёское и китайское влияние в основном прослеживается по погребальной обрядности верхушки бохайского государства [7, с. 21, 24]. Основная же масса погребений совершалась согласно мохэской обрядовой практике. Несмотря на то, что этнический состав государства Бохай был достаточно пестрым, по сравнению с мохэским компонентом доля остальных этносов была незначительной. Мохэские племена были главной и доминирующей силой в государстве [10, с. 11].

Мигрировавшие в Приамурье группы мохэсцев, считающиеся бохайцами, не относились к верхним слоям бохайского общества. Поэтому при изучении бохайской погребальной обрядности нас, прежде всего, интересуют черты присущие не погребениям знати, а погребениям основной массы населения.

Главные черты бохайского погребального обряда следующие. Преобладала ориентация умерших на юг, в меньшей степени присутствовала ориентация на север. Подавляющее число одиночных захоронений – первичные на спине, с вытянутыми конечностями. В малом количестве встречаются погребения на животе, а также труположение с согнутыми конечностями и вторичные погребения. Широко распространены групповые захоронения. Обычай трупосожжения был сравнительно широко распространен в ранний период Бохая в отдельных районах, однако в дальнейшем он постепенно исчезает. Сопогребение и вторичный обряд являются важнейшими бохайскими погребальными обрядами. Эти данные основаны на исследованиях бохайских могильников на территории современного Китая [7, с. 21-23]. Стоит отметить, что эти могильники обнаружены в районах, которые входили в ядро государства Бохай, т.е. погребальная обрядность мохэских племен (создавших Бохай) здесь была наиболее подвержена изменениям под влиянием китайцев и когурёсцев.

Обратимся теперь к данным по погребальному обряду той части бохайцев, памятники которых изучаются на территории России. Эти могильники были существенно удалены от центра государства Бохай и поэтому более аутентичны [4, с. 478]. В России известно пять могильников относящихся к бохайской культуре. Могильник Новопокровский подвергся разрушению и судить о погребальном обряде на нем не представляется возможным [5, с. 71]. Погребальный обряд на могильниках Копытинский и Абрикосовский представлен трупосожжением. На могильнике Падь Прибрежная в Амурской области использован обряд вторичного захоронения [3, с. 278]. Могильник Чернятино-5 представлен наибольшим числом исследованных погребений бохайской эпохи на территории России. Все они связаны с различными вариациями вторичного погребения костей умерших. Все изученные захоронения индивидуальные. В общих чертах погребальный обряд заключался в том, что кости умершего, собранные после первичного воздушного захоронения, сжигались где-то на стороне, после чего вместе с остатками погребального инвентаря помещались в могилу, т.е. преобладающим обрядом в могильнике Чернятино-5 является кремация вторичных остатков [9, с. 204-205].

На Троицком могильнике преобладают вторичные погребения. Встречается вариант с кремацией вторичных останков. Южная ориентация не характерна для Троицкого могильника. Все погребения раскопанные в 2004-2006 гг. одиночные. В большинстве случаев выявлены следы воздействия огня. Встретилось три первичных погребения (6,1% от общего числа исследованных на новом этапе раскопок погребений). Также было выявлено два погребения ничком [2, с. 5-7]. На предыдущем этапе исследований могильника в 1960-70-ые гг. были изучены коллективные захоронения [6, с. 152]. Всего было выявлено 81% вторичных погребений от общего числа исследованных, 15,2% первичных погребений и 3,8% кремаций [6, с. 144-145].

Если сравнивать погребальный обряд троических мохэ с бохайским, то становится очевидным, что все компоненты троической погребальной обрядности были известны и у бохайцев.

Основные черты погребальной обрядности совпадают. Особенно, если учитывать всё многообразие погребального обряда бохайцев, с упором на его более ранние компоненты, когда инокультурное влияние не было столь значительным. Миграция сумо мохэ происходила в ранний и в начале среднего периода существования бохайской государственности. Можно предположить, что миграционным потоком тогда были захвачены не самые «цивилизованные» (в смысле восприятия когурёской или танской культуры) группы мохэских племен, поэтому они смогли принести на Амур погребальную традицию в её изначальном виде.

Библиографический список

1. Алкин С.В., Фэн Эньсюэ. Совместные российско-китайские исследования Троицкого могильника в Амурской области в 2004 году // Вестник НГУ. – Сер.: История, филология. – Новосибирск, 2006. – Т. 5. – Вып. 4: Востоковедение. – С. 132-134.
2. Ахметов В.В. Погребальный обряд троичских мохэ (по материалам раскопок Троицкого могильника в 2004 – 2005 гг.) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: материалы XLVI Региональной (II Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 160-летию со дня рождения И.Т. Савенкова и 110-летию со дня рождения В.И. Громова. – Красноярск, 2006. – Т. II. – С. 5-7.
3. Болотин Д.П., Сапунов Б.С., Сапунов И. Б., Коробий Е.Б. Новый средневековый могильник на Среднем Амуре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Том V. - Материалы VII Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск, 1999. – С. 275-282.
4. Гельман Е.И. Взаимодействие центра и периферии в Бохае (на примере некоторых аспектов материальной культуры) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток, 2005. – С. 476-516.
5. Государство Бохай и племена Дальнего Востока России. - М., 1994. – 219 с.
6. Деревянко Е.И. Троицкий могильник. – Новосибирск, 1977. – 224 с.
7. Ивлиев А.Л. Исследование бохайских погребений в северо-восточном Китае (по материалам статьи Чжэн Юнчжэня) // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. – Владивосток, 1989. – С. 12-25.
8. Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. – Новосибирск, 1998. – 184 с.
9. Никитин Ю.Г., Гельман Е.М. Некоторые результаты исследования раннесредневекового могильника Чернятино-5 в бассейне р. Суйфун // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. - Владивосток, 2002. - С.195-215.
10. Шавкунов Э.В. О слагаемых этноса и культуры Бохая // Древняя и средневековая история восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай: Материалы международной научной конференции. (Владивосток, 21-26 сентября 1998 г.). - Владивосток, . - С. 11-16.

Научный руководитель: к. и. н., с.н.с. ИАЭТ СО РАН С.В. Алкин

Е.С. Барченкова

Чита, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2 курс

ПАМЯТНИКИ ДАРАСУНСКОЙ КУЛЬТУРЫ У СЕЛА НОВОТРОИЦК

В 2006 г., близ с. Новотроицк, Читинского района Читинской области, сотрудниками Верхнеамурской археологической экспедиции ЗабГГПУ были исследованы три новых погребения дарасунской культуры, которую традиционно связывают с тюркоязычными племенами Восточного Забайкалья и датируют VI - IX вв.

Погребения располагались на правом берегу р. Кручина, на свободных от леса прибрежных уступах гор, в 2 - 2,5 км к СЗ от села.

Погребения №№ 1 и 2 были выражены на поверхности плоскими каменными выкладками подовальной формы, сложенными крупными и средними по размерам плитками камня, уложенными в два-три слоя. В выкладке погребения №1, в СВ части ее, стоял вертикально каменный столбик, высотой около 45 см, а под камнями выкладки, в восточной части был найден разрушенный глиняный сосуд, баночной формы. Сосуд имел плоское дно, слегка профилированную шейку и наlepной приoстрeнный венчик, украшенный остроугольным арочным орнаментом, вдавленным в ленту венчика концом пустотелой косточки-штампа. Тулово сосуда носило следы заглаженных вафельных отпечатков, оставшихся от колотушки-лопаточки. Высота сосуда - 13 см; диаметр венчика – 12 см; dna – 6,8 см. В погребении был найден потревоженный скелет человека, похороненного головой на ВСВ, на спине, с наклоном на правый бок, с согнутыми в коленях ногами. У нижней челюсти его были найдены три круглые сердоликовые бусины и одна бусина лежала в районе коленей.

В погребении №2, расположенном в 2 м к востоку от погребения №1, края выкладки были обставлены с боков крупными каменными плитами, стоявшими на полу-ребре. Среди них выделялись два каменных блока: в верхней (северной) и в нижней (юго-восточной) части выкладки, напоминавших аналогичный каменный столбик в погребении №1. Погребение оказалось кенотафом и в могильной яме его, выявленной под кладкой, были зафиксированы только светлые зольные пятна и мелкие древесные угли.

Погребение № 3 располагалось в 500 м к востоку от указанных выше, на высокой береговой террасе р. Кручина. Каменная выкладка его имела подовальную форму, вытянутую по линии СВ-ЮЗ и была сложена мелкими и средними по размерам плитками камня, уложенными очень плотно в 3-5 слоев. В овальной по форме могильной яме, был найден скелет человека, похороненного головой на СВ, на правом боку, с согнутыми в коленях ногами (почти под прямым углом). Руки погребенного также были согнуты в локтях и направлены кистями к лицу. Под черепом человека и в районе грудной клетки были зафиксированы фрагменты бересты (подстилки?) и кожи от одежды. Здесь же располагались 27 бусин из сердолика, опала и стекла, округлой и цилиндрической формы; небольшая бронзовая пронизка, две бронзовые серьги, «тюркского» типа, с фигурными висюльками, остатки наборного браслета и пять медных китайских монет. Монеты, диаметром 24 мм имели квадратные отверстия в центре и относились к одному типу: «Кай-юань». Они были выпущены в период правления танского императора Сюань-цзуна (713-756 гг.), и имели достоинство в 1 цянь. Обратная сторона их гладкая. Время чеканки таких монет – 718-741 гг. и, видимо, в это же время они попали на территорию Восточного Забайкалья. По краям трех монет были пробиты небольшие дополнительные отверстия, в которые были пропущены крученые нитки. Это указывает на их назначение в качестве предметов украшений. У тазовых костей погребенного был найден бронзовый колокольчик с петлей-ушком и граненым каменным боталом.

Погребальный обряд и инвентарь погребений несомненно свидетельствует о принадлежности их дарасунской культуре Восточного Забайкалья (VI - IX вв.). В памятниках этой культуры фиксируются скорченные формы захоронения людей как на левом, так и на правом боку и весь комплекс инвентаря, найденного в новотроицких погребениях (включая монеты с легендой: «Кай юань»). Необычным представляется только наличие в каменных выкладках двух погребений вертикальных каменных столбиков, напоминающих тюркские балбалы или сэргэ («коновязи») культуры плиточных могил. Мы можем отметить только несколько случаев нахождения таких столбиков в памятниках дарасунской культуры. Часть из них, при этом, была связана с жертвенно-поминальными курганами. Это выделяет указанные погребения на фоне остальных памятников дарасунской культуры. Датировка данных погребений определяется китайскими монетами: скорее всего, не позже середины VIII в. – времени образования Уйгурского каганата. С создавшими этот каганат тюркоязычными племенами токуз-огузов (уйгуров), восточнозабайкальские тюрки были связаны тесным военно-политическим союзом, особенно когда речь шла о выступлениях против господствовавших в степи кок-тюрков. В Восточном Забайкалье союзниками токуз-огузов всегда были токуз-татары и племена байегу (байырку). Известно, что после разгрома уйгуров кыргызами в середине IX в., они все вместе ушли из Забайкалья на запад – в районы Восточного Туркестана и юга Восточной Сибири [1]. Мы считаем, что новотроицкие погребения принадлежат племенам токуз-татар, расселявшимся в северной, лесостепной зоне Восточного Забайкалья. Более того, можно предполагать участие токуз-татар в военных экспедициях уйгуров против танского Китая, откуда в забайкальские степи поступали китайские вещи – в том числе монеты.

Библиографический список

1. Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. – Новосибирск, 2000. – С. 69-72.

Научный руководитель: доцент, к.и.н. Ковычев Е.В.

К.И. Белинская

Новосибирск, Новосибирский государственный университет, аспирант

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ЖЕНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ САЯНО-АЛТАЯ

Изучению археологических памятников древних тюрков в Саяно-Алтае посвящено большое количество статей и несколько монографических исследований, однако многие общие и частные проблемы древнетюркской архе-

ологии и истории далеки от окончательного разрешения. К настоящему времени, в результате археологических раскопок позволивших накопить большой фактический материал, выработана периодизационная схема тюркских древностей [1, с. 113], которая впоследствии была дополнена [6, с. 29; 7, с. 176]. При анализе погребальных и поминальных комплексов, наскальных рисунков и рунических надписей, относящихся к древнетюркской культуре, основное внимание уделялось исследованию памятников и предметного комплекса мужчин – воинов. Значительно реже археологи и тюркологи обращались к изучению письменных, изобразительных и вещественных источников, характеризующих особенности положения женщин в древнетюркском обществе [3, с. 159].

Перед нами стоит задача создания классификационной схемы женских погребений, по нескольким признакам: женские погребения и их предметный комплекс, обнаруженные в составе сопроводительного инвентаря женских захоронений детали костюма, изображения женщин в петроглифике и монументальной скульптуре. Поэтому введение в оборот и обработка серии древнетюркских женских захоронений, с учетом письменных, этнографических данных и мифологических представлений, безусловно, важно. Таким образом, погребальные памятники древнетюркских женщин можно охарактеризовать по определенным особенностям в топографии расположения, планиграфии памятников, конструкции надмогильного и внутримогильного сооружения, положении и ориентации погребенного и сопровождающего его животного, наличии сопроводительных погребений, погребальному обряду и сопроводительному инвентарю. Исходя из топографии погребений, можно сделать вывод о том, что женские захоронения располагались в составе одного или цепочки курганов, либо входили в состав отдельных могильников. Встречаются в основном в увалах и седловинах гор, либо в открытой степи. Что касается планиграфии памятников, то надмогильные сооружения реже имели вид прямоугольника, чаще это был овал из камней. Глубина могильной ямы небольшая – женские захоронения сооружались неглубокие: от 80 до 160 см. По обряду погребения наблюдается 2 типа женских захоронений, а именно: 1 тип – женские захоронения с конем, 2 тип – женские захоронения без коня. Исходя из археологических данных, для захоронений первого типа были характерны одиночные погребения, в то время как в могиле 2 типа было обнаружено парное захоронение (в сопровождении ребенка или мужчины). Ориентировка погребенных, как правило, восточная, значительно реже погребенная лежала головой в пределах северного и западного секторов. Поза погребенных традиционна: вытянуто, на спине, руки вдоль тела или слегка согнуты в коленях, голова на боку. Социальное положение погребенных женщин не носит строго определенного социального стандарта. Конечно, среди этих женщин есть отличия, но социальные градации в этом случае не так ярко выражены. Скорее всего, это были рядовые кочевницы древнетюркского общества. Среди женских захоронений можно встретить как замужних женщин, с детьми, так и одиноких, или женщин выполнявших роль воительниц. О разграничении полов свидетельствует погребальный инвентарь, который явно отражает специфику разделения хозяйственных обязанностей между мужчинами и женщинами древнетюркского общества. В женских погребениях достаточно часто встречаются сосуды и ножи, а также принадлежности заупокойной трапезы. В могилах женщин, с которыми захоронены лошади, часто встречаются предметы сбруи: удила, седла; а также элементы украшений – серьги и бусы, гребни, пряжки и бытовые инструменты: шилья и игольники. Однако отличительной особенностью женских захоронений древнетюркского общества является то, что среди погребального инвентаря практически в большинстве захоронений обнаружены кинжалы или ножи. Это указывает на то, что женщины могли выполнять не только роль хранительницы очага, но и могли участвовать в военной жизни. Также на это указывают этнографические материалы по тюркоязычным народам Саяно-Алтая, свидетельствующие о том, что с умершим погребался именно ездовой конь, т.е. тот на котором он постоянное ездил [2, с. 154]. Функции коня в захоронении ограничивались следующим: «доставить хозяина-всадника и служить ему при переездах и походах» [5, с. 214]. Предназначение коня для сопровождения хозяина в мир умерших, нашло отражение в его специальном названии сохранившегося у алтайцев - «койлуга ат» [2, с. 154]. Наличие парных захоронений с ребенком позволяет сделать вывод о значительной вариативности и неустойчивости норм детской погребальной обрядности. Однако и акцентирование внимания на идее воспроизводства общества также говорит о важности роли женщины в продлении рода, как источника жизни. Исходя из археологических данных, для мужских и женских захоронений отмечен единый погребальный обряд, но главное их отличие заключается в наборе сопроводительного инвентаря и сопроводительных захоронениях.

Библиографический список

1. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965.
2. Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л.: Наука, 1975.
3. Кляшторный С.Г. Рабы и рабыни в древнетюркской общине // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985.
4. Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Издательство ИАЭ СО РАН, 2005.
5. Липец Р.С. Отражение погребального обряда в тюрко-монгольском эпосе // Обряды и обрядовый фольклор. – М.: Наука, 1982.
6. Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981.
7. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.

Научный руководитель: д.и.н., проф. Ю.С. Худяков.

САКРАЛЬНОЕ В АРХИТЕКТУРЕ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

1. Архитектура в культуре кочевников занимает место, отличное от оседлых племен, поскольку кочевая жизнь предполагает отсутствие монументальных сооружений. Единственными найденными сооружениями кочевых скифских и тюркских народов были культовые постройки – курганы, могильники, святилища и т.д., которые отражали религиозно-мифологические, социально-экономические и политические воззрения. Архитектура данных культур в большей степени полисемантична, нежели у оседлых народов, которые проявляли себя как в сооружениях светского, так и культового планов, тем самым, разграничивая по возможности эти уровни бытия.

2. Археологические памятники отражают основные концепты культуры. Одним из них является представление этноса о сакральном. Данная категория представляется наиболее спорным моментом, поскольку четко не обозначены критерии, по которым должна происходить ее реконструкция и что считать священным. Как отметила О. Фрейденберг – жилище, могила, храм имеют семантическое тождество [5, с. 339]. Храм и жилище причислялись к сакральным объектам, однако в отношении человека к ним существует определенная разница, которая выражается как в материальном аспекте (материал сооружения, декор и прочее), так и в духовном (определенное поведение, ритуалы).

3. Соответственно, изучение категории сакрального предполагает разделение, в процессе исследования на план содержания и план выражения. Первый включает образ «идеального» культового пространства, существующий в культуре и ритуальный аспект, т.е. оформление священного пространства в процессе ритуала. Без перечисленных составляющих священное сооружение не является таковым в полном смысле этого слова. Реконструкция их возможна преимущественно через письменные и фольклорные источники. Следует так же отметить, что ритуал организует культовое пространство, как отметил В.В. Иванов: «ритуал порождает технологию...» [4]. Поэтому в процессе генезиса обрядовой стороны происходит заметное изменение и в архитектурном облике.

4. Пространство рассматривается в нескольких аспектах:

а) закономерность расположения памятников относительно природных объектов. Ориентация погребений и жилищ относительно сторон света, у тюркских народов преимущественно восточная, либо южная.

б) разграничение внутреннего и внешнего пространства. Это достигалось посредством маркировки границы между сакральным и профанным пространствами (каменная оградка у кочевников отделяла в поминальных сооружениях внутренне освященное место, от внешнего мирского). На уровне содержания этот переход сопровождался ритуалами, предписаниями и обычаями.

в) деление по вертикальной оси. У кочевников Центральной Азии присутствовала маркировка архитектурного пространства, которая соотносилась с космологическими представлениями о мировом дереве (мировой горе).

5. Время

а) отражение представления о данной категории (концентрическое / линейное).

б) преодоление в архитектуре категории времени посредством материалов, форм. В тюркском каганате поминально - погребальные сооружения возводились из камня, который обеспечивал максимальную длительность существования постройки, т.е. происходило преодоление истории (течения времени), возврат к божественному континууму [3, с. 28].

6. Динамика во времени и пространстве. Данный момент определяется динамикой самого ритуала, который преобразует храм, как во времени, так и в пространстве, что выражается в изменении форм и акцентов в сооружении.

8. Наличие символического декора в экстерьере и интерьере сооружения. Символика у тюркских народов присутствовала в погребальных сооружениях (в виде тамг, узоров, скульптурных элементов) [1, с. 89] и жилищах (наличие охранного орнамента на основных частях юрты и покрывающем их материале) [2, с. 38].

9. Передача информации выходит за пределы банальности (памятник является так же эстетическим и символическим объектом).

10. Инвариантность. Наличие единой структуры сакрального позволяет сохраняться смыслу и ценностям, быть «прочитанным» кодом в различные исторические эпохи.

11. Оригинальность прочтения кода информации в каждую историческую эпоху вытекает из свойств инвариантности, поскольку с изменением исторического контекста многие элементы приобретают иные коннотации, что приводит к образованию новых смыслов.

12. Полиморфизм, т.е. отсутствие четких границ, незаконченность архитектурного образа.

13. Полисемантизм, вытекающий из полиморфизма. Неопределенность форм способствует постоянному порождению смыслов у созерцающего. Данный момент характерен не только для архитектуры, но и для других

видов сакрального искусства. Т.С. Жумаганбетов отмечал отсутствие канона в изображении небесного божества тюркских народов Тенгри, поскольку «форма – это ограничение, как во внешних границах, так и в содержании» [3, с. 158].

14. Следовательно, отражение категории сакрального происходит через многообразие застывших форм и символов архитектуры. Это запечатленный в материале ритуал, который выражает динамику культовых действий и представлений. Можно выделить функциональные различия сакрального, поскольку существовало различное отношение человека к жилищу (в данном случае юрте) и погребально-поминальному храму. На уровне содержания это отличие присутствовало в ритуале, а в плане выражения за счет формы сооружения, материалов изготовления и символики. Для традиционного мировоззрения кочевников характерно так же подвижность границы священного в пространственном аспекте. Так, по мере конкретизации нового места стоянки лагеря происходило отчуждение пространства, выходящего за его пределы.

Библиографический список

1. **Борев Ю.Б.** Эстетика: Отношение к действительности. Творчество. Произведения. Природа и виды искусства. Художественный процесс. Обращение с искусством. – М., АСТ, 2005. – 549 с.
2. **Войтов Е. В.** Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI-VII вв. – М., «Наука», 1996. – 151 с.
3. **Жумаганбетов Т.С.** Генезис государственно-религиозной идеологии в древнетюркских каганатах // СО, 2006, № 4. – С. 154-162.
4. **Иванов В.В.** Проблемы этносемиотики. // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. – С. 38-88.
5. **Френденберг О.М.** Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.

Ю.А. Васильева

Омск, Омский государственный педагогический университет, 3 курс

ПОГРЕБЕНИЯ НА КРАСНОЯРСКОМ ГОРОДИЩЕ В ЮЖНОТАЕЖНОМ ПРИИРТЫШЬЕ

Красноярское городище, а также расположенные за его оборонительными сооружениями селище и могильник входит в Красноярский археологический комплекс (КрАК), который находится примерно в 4,5 км к северо-востоку от устья р. Ишим, на мысу правобережной террасы Иртыша.

Впервые о существовании у д. Красноярка курганного могильника, насчитывавшего 20-30 насыпей, диаметром до 3 м и высотой до 1м, сообщил в 1938 г. А.В.Ваганов [5, с.76]. В 1996 г. археологическая экспедиция под руководством Е.М.Данченко провела раскопки четырех курганов. При этом под насыпями и в межкурганном пространстве было исследовано 12 погребений, которые Е.М.Данченко предварительно разделил на две группы. В первую были объединены захоронения с четкой северо-западной ориентировкой; головы большинства покойников оказались повернутыми на правую скулу; в могилах обнаружены остатки деревянных конструкций. Ко второй группе были отнесены погребения с западной ориентировкой, допускавшей некоторые отклонения. Сохранность костяков оказалась значительно хуже, нежели в погребениях первой группы, следы деревянных конструкций отсутствовали. В одном случае погребение первой группы прорезало более раннее захоронение второй группы. Е.М.Данченко предположил, что появление захоронений первой группы могло отражать начавшийся процесс исламизации местного позднесредневекового населения [1].

Поскольку при раскопках курганов был выявлен поселенческий культурный слой и захоронения не только под насыпями, но и в межкурганном пространстве, могильник был включен в систему координат расположенного поблизости Красноярского городища и продолжающегося за линиями укреплений селища и в дальнейшем исследовался вместе с ними как единый Красноярский археологический комплекс. Это полностью оправдало себя в дальнейшем, когда погребения были обнаружены не только на площади могильника, за пределами фортификационных сооружений, но также в оборонительных валах и даже на укрепленной площадке городища, что, на наш взгляд, вызывает особый интерес.

Всего на КрАК открыто 87 погребений, из них 15 были совершены в оборонительных валах и пять – на укрепленной площадке городища.

По деталям погребального обряда захоронения в насыпях валов не отличались от тех, что были совершены на площади могильника. Они содержали останки покойных, уложенных в вытянутом положении на спину. Ориентировка костяков:

- СЗ – 3 погребения;
- З – 2 погребения;
- СЗЗ – 2 погребения;
- ЮЮЗ – 1 погребение;
- ЮЗЗ – 5 погребений;
- не определена – 2 погребения.

Положение черепов на правой скуле наблюдалось в восьми погребениях, в двух случаях череп лежал прямо, в пяти захоронениях определить его положение не удалось. В одном погребении прослежены остатки деревянных конструкций.

Нельзя исключить, что погребение 41, представлявшее собой скопление сложенных грудой костей человека, являлось вторичным.

Преобладали могилы подпрямоугольной в плане формы; наряду с ними встречались ямы овальных и аморфных очертаний.

Сопроводительный инвентарь встречен в двух погребениях, фрагменты керамики – в четырех, причем их связь с погребениями остается под вопросом.

Западнее и южнее могильного пятна погребения 19, на несколько меньшей глубине, залежали развалы бакальских сосудов. В ходе зачистки развалов контуры могильной ямы еще не прослеживались. Погребение было совершено в подпрямоугольной яме с отвесными стенками и ровным дном. Костяк длиной 160 см лежал в вытянутом положении на спине головой на СЗЗ. Руки, согнутые в локтях почти под прямым углом, сложены на животе. Голова завалена вправо. На краях могилы, на уровне плеч покойного и у левого колена лежали крупные фрагменты керамики. При этом фрагменты, лежавшие симметрично на уровне плеч, оказались от одного сосуда, который по облику можно отнести к эпохе раннего железа. В заполнении могилы также были обнаружены более мелкие фрагменты раннего железного века. При снятии костяка, под его спиной, в грудной части слева, найден кусок конкреции.

Связь бакальских развалов с погребением остается не доказанной, но, по мнению автора раскопок, она представляется весьма вероятной [3, с. 13].

Пять погребений на укрепленной площадке Красноярского городища были исследованы в 2003 и 2004 гг. Все они располагались вблизи внутреннего вала, три из них являлись детскими. Два погребения были совершены в подпрямоугольных ямах, в трех случаях очертания могил в культурном слое определить не удалось. Ориентировка костяков:

- СЗЗ – 2 погребения;
- З – 1 погребение;
- ЮЮЗ – 2 погребения.

В одном случае череп лежал на правой скуле. Сопроводительный инвентарь и следы дерева отсутствовали. В заполнении одного погребения встречены мелкие фрагменты посуды, в том числе потчевашской, которые могли быть связаны с культурным слоем городища. Рядом с погребением 87, содержащим останки подростка, был расчищен развал крупного карымского сосуда. Принимая во внимание многослойность Красноярского городища, содержащего, в том числе, материалы карымского этапа, уверенно говорить о связи развала с погребением 87 нельзя [4, с. 24].

Таким образом, захоронения, совершенные в оборонительных валах и на укрепленной площадке Красноярского городища существенно не отличаются от прочих, вскрытых на площади Красноярского могильника. Те, в свою очередь, по находкам в могилах (сердоликовая бусина, бронзовые и серебряный перстни, железный наконечник стрелы) могут быть отнесены к эпохе позднего средневековья.

Остается вопрос о хронологическом соотношении могильника и Красноярского городища, которое также содержит позднесредневековые материалы, позволившие, наряду с данными письменных и картографических источников, идентифицировать этот памятник с городом Кызыл-Тура – ставкой одного из правителей Сибирского ханства. Могильник, вероятно, возник в период существования Кызыл-Туры, но пережил ее, о чем свидетельствуют захоронения в оборонительных сооружениях и на внутренней, укрепленной части. Скорее всего, они были совершены уже после того, как поселок был заброшен. Ранее высказывалось предположение о том, что место расположение города, возможно, считалось почитаемым, например, из-за присутствия здесь могил исламских миссионеров, которые могли находиться при ставке правителя. В таком случае легче объяснить наличие на Красноярском могильнике погребений первой группы, совершенных по мусульманскому обряду [5, с. 78].

Библиографический список

1. Данченко Е. М. Материалы к изучению погребального обряда позднесредневекового населения таежного Прииртышья // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тез. докл. V международной конф. Часть III. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. – С. 29- 31
2. Данченко Е. М. Отчет о раскопках Красноярского городища летом 2003 г. – Омск, 2004. Архив Музея археологии и этнографии ОмГПУ
3. Данченко Е. М. Отчет о раскопках Красноярского городища на севере Омской области в 2001 г. – Омск, 2002. Архив Музея археологии и этнографии ОмГПУ
4. Данченко Е. М. Отчет о раскопках Красноярского городища на севере Омской области в 2004 г. – Омск, 2005. Архив Музея археологии и этнографии ОмГПУ
5. Данченко Е.М., Горькавая О.Е., Грачев М.А. Некоторые итоги и перспективы изучения Красноярского археологического комплекса на севере Омской области // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность»: Ежегодник. Выпуск 5: Сб. науч. тр. – Омск: Издательство ОмГПУ, 2002. – С. 76- 87

Данченко Е. М. , к.и.н. доцент кафедры отечественной истории ОмГПУ

В.С. Володина

Томск, Томский государственный университет, соискатель

ТИГЕЛЕК ИЗ КОЛЛЕКЦИИ КЕРАМИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ТОМСКОГО КРЕМЛЯ

Коллекция керамических изделий Томского кремля представлена самыми различными категориями предметов: кухонной и столовой утварью, предметами бытового, технического и архитектурного назначения.

В 1999 г. при раскопках воеводской усадьбы Томского кремля (раскопки М.П. Черной) был обнаружен лепной керамический сосуд, идентифицированный как тигель.

Сосуд серого цвета цилиндрической формы высотой 5,5 см при диаметре венчика около 4,5 – 5 см с круглым дном и закругленным венчиком. Тигелек хорошо обожжен; стенки прямые, плохо заглаженные, внутренняя поверхность стенок покрыта трещинками, толщина стенок – 4 мм. На одной из стенок сосуда и с внешней, и с внутренней стороны виден прикипевший шлак, причем на внешней стороне прослеживаются следы контакта с бронзой. Сосуд дошел до нас во фрагментированном виде, область венчика сохранилась лишь частично, но можно предположить по сохранившемуся фрагменту, что в сечении устье сосуда имеет треугольную форму – подобная форма горловины встречена на городище Комно I тысячелетия н.э. в Псковских землях [11, с. 205], в Новгороде X – XV вв. [9, с. 213, рис. 7-1; 4, с. 288, табл. 104], в Старой Рязани X – XVII вв. [6, с. 129, рис. 91/2] и на Ортинском городище VI – IX в. в окрестностях г. Пустозерска [12, с. 96-97]. Судить о наличии или отсутствии у тигелька слива и выступа для удержания его щипцами, которые встречаются у подобных изделий Москвы XIV – XVI вв. [3, с. 349; 8, с. 265, рис. 2, с. 257], также трудно в связи с фрагментарностью находки.

Литейное дело было весьма распространенным в русском средневековом городе. Существовали различные категории ремесленников, в производстве которых необходимым элементом была плавка цветного металла: пуговичники, булавочники, ювелиры, оружейники и др. Из меди, бронзы, свинца, олова отливались, преимущественно, небольшие изделия – отсюда и относительно небольшие размеры основной массы литейных тиглей, найденных на русских средневековых памятниках, – 100-200 куб см. Объем томского тигля составляет примерно 85 куб см, его внешний вид и форма сходны с аналогичными изделиями Европейской части и Сибири [1, с. 87; 2, с. 47, с. 122, табл. 48; 3, с. 349; 4, с. 262, с. 288, рис. 104; 5, с. 124 рис. 47/3; 6, с. 126, 133; 7, с. 66, рис. 2; 8, с. 265, рис. 2, с. 257; 9, с. 213-214; 10, с. 241, с. 279, табл. LXVI; 11, с. 205; 12, с. 96-97].

На территории Томского кремля действительно существовало литейное производство, необходимое для удовлетворения повседневных нужд его обитателей, – об этом говорят находка вышеописанного тигелька и обнаруженная в 2006 г. каменная литейная форма для изготовления пуль (раскопки М.П. Черной). Скорее всего, литьем занимался один из служилых людей, обладавший необходимыми навыками, что было общераспространенной практикой.

Таким образом, коллекция керамических изделий Томского кремля оказывается весьма информативной: даже единичная находка керамического тигелька помогла представить один из выразительных штрихов средневекового быта горожан Сибири.

Библиографический список

1. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч.1. Л., 1980. 164 с.
2. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI – XVII вв. Ч.2. М., 1981. 148 с.
3. Григорьев М.Г. Древняя Москва // По следам древних культур. Древняя Русь. М, 1953. С. 321-359.
4. Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985. 432 с.
5. Дубинин А.Ф. К истории Московского посада // КСИИМК, № 68, 1957. С. 123-128.
6. Монгайт А.Л. Старая Рязань // МИА, № 49, 1955. 228 с.
7. Петренко В.Л. Исследование Ивангорода // КСИА, № 205, 1991. С.61-71.
8. Розенфельд Р.Л. Инструменты московских ремесленников // Древности Московского Кремля. М., 1971. С. 253-267.
9. Рындина Н.В. Технология производства новгородских ювелиров X – XV вв. // МИА, № 117, 1963. С. 200-268.
10. Седов В.В. Восточные славяне в VI – XIII вв. М., 1982. 328 с.
11. Тараканова С.А. Древности Псковской земли // По следам древних культур. Древняя Русь. М, 1953. С. 187-216.
12. Ясински М.Э., Овсянников О.В. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб., 2003. 400 с.

Научный руководитель: к.и.н., доцент М.П. Черная

А.В. Выборнов

Новосибирск, Новосибирский государственный университет, аспирант

ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫДЕЛЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ КУЛЬТУРЫ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (по материалам конского снаряжения)

Археологическое изучение культуры коренного населения среднего Енисея в позднем средневековье и начале Нового времени, в данном случае енисейских кыргызов и их кыштымов (зависимого иноэтничного населения) в последние десятилетия проводится в двух направлениях. Первое – это обобщение и систематизация археологических источников, изучение отдельных аспектов этой культуры в ее полном территориальном охвате. Наиболее показательной работой здесь следует считать труд И. Л. Кызласова, посвященный обобщению и анализу археологических материалов X – XIV вв. [1]. В исследованиях данного вида отчетливо проявляется тенденция устанавливать хронологию бытования ряда категорий совокупного комплекса погребального инвентаря в зависимости от особенностей тех или иных его деталей, зачастую, без учета возможных локальных особенностей изделий. Второе направление делает акцент на изучение конкретных археологических памятников, интерпретацию материалов не всей культуры, а отдельных территориальных групп ее носителей. Оно представлено монографией Ю. С. Худякова «Кыргызы на Табате» [3] и статьей Д. Г. Савинова [2], посвященной анализу материалов из отдельных памятников енисейских кыргызов периода развитого и позднего средневековья. Исследования этого вида в меньшей степени содержат погрешности в хронологических построениях на базе учета особенностей изделий, поскольку сам используемый археологический материал ограничен рамками отдельных микрорайонов. Однако до сих пор не решен ряд важных вопросов в хронологии и типологии инвентаря, в первую очередь касающихся соотношения общих и локальных особенностей в его развитии. Именно так, на наш взгляд, можно охарактеризовать современное состояние процесса изучения археологии региона в позднем средневековье и начале Нового времени. По нашему мнению, наиболее перспективным способом решения указанной проблемы является проведение сравнений различных категорий инвентаря, происходящего из отдельных археологических микрорайонов, но относящихся к одному времени.

В последние годы археологическим отрядом Новосибирского государственного университета на правобережье Енисея, в Шушенском и Минусинском районах Красноярского края, исследован ряд погребальных памятников, относящихся к культуре енисейских кыргызов и их кыштымов периода позднего средневековья и начала Нового времени. В результате раскопок получен большой объем погребального инвентаря, часть которого относится к принадлежностям конского снаряжения. Сравнения предметов этой важнейшей категории инвентаря, встречающихся почти во всех погребениях, но происходящих из памятников двух обособленных археологических районов, представляют оригинальную возможность для выделения локальных вариантов культуры данного периода.

Первый из выделяемых нами на правобережье Енисея локальных вариантов – Тубинский, представлен могильником Прихолмье, который расположен в долине р. Туба, в небольшой седловине на краю обрыва г. Маяк, в 3-х км к северу от с. Прихолмье Минусинского района. С площади могильника открывается обзор на лесостепную равнину на расстояние десятков километров, что обычно характерно для погребальных объектов указанного времени. Памятник представляет собой две цепочки из 6-ти округлых кольцевых каменных выкладок, тянущихся вдоль обрыва. Самые крупные курганы – № 2, 3, 6 (до 12 м в диаметре). Остальные имеют меньшие размеры. Курган № 1 – самый маленький (не более 6 м в диаметре). Все они – округлые, пологие кольцевые каменные выкладки, выполненные при непосредственном примыкании к цепям выходов коренных пород. Имеются впускные погребения позднего средневековья в курганы более раннего времени – развитого средневековья (курганы № 2 и № 10). Позднесредневековые погребения по обряду кремации датируются XIII – XVI вв. До начала XVII в. можно продлить хронологию сильно разграбленного погребения по обряду ингумации. Этническая принадлежность памятников устанавливается согласно обряду погребения: кремация – енисейские кыргызы, ингумация – их кыштымы. В данном отношении лишь один из курганов (№ 5) не относится к кыргызам. В составе погребального инвентаря имеется представительный комплекс деталей и принадлежностей конского снаряжения: стремена, удила, седельные обкладки, пробои с упорами и кольцами, пряжки и др. По их особенностям и представляется возможным выделить локальный вариант культуры.

Второй вариант – Ойский. Выделяется на основании результатов раскопок могильников Коя I, Коя II, Оя I, Оя II и Оя III, находящихся в Шушенском районе, в долинах рек Оя и Коя. Могильники расположены на вершинах наиболее высоких возвышенностей этой местности. Подавляющее большинство погребений выполнено по обряду трупосожжения, то есть, очевидно, принадлежат енисейским кыргызам. В курганах были найдены многочисленные детали лошадиной амуниции. Особое внимание привлекают находки удил и стремян. Большинство предметов имеют широкие датировки монгольским и послемонгольским временем (XIII – XV вв.). Объекты по обряду ингумации относятся к концу позднего средневековья – началу Нового времени.

В первую очередь, следует отметить приблизительную одновременность большинства погребений с кремацией во всех могильниках. Погребения, выполненные по обряду трупоположения, относимые к кыштымам енисейских кыргызов и известные на всех рассматриваемых могильниках, судя по погребальному инвентарю, по-видимому, были созданы в несколько более позднее время (вплоть до начала XVIII в.). Таким образом, у нас имеется право на проведение сравнений и возможность для выделения в составе собственно кыргызской культуры в позднем средневековье именно локальных вариаций.

На примере удил из обоих могильников, несмотря на их однотипность (все кольчатые), демонстрируется локальная самобытность традиций изготовления, проявляющаяся в деталях, в частности, в оформлении сечения звеньев и колец-псалий. Изделия из могильника Прихолмье имеют подчеркнуто подквадратное сечение этих деталей. Удила из могильников в Ойском районе обладают кольцами исключительно плоского сечения, а сечение звена различается на разных его участках. Кроме того, наблюдается значительная разница в длине звеньев предметов из Прихолмья, которая менее заметна у удил Ойского варианта.

Сравнения морфологических особенностей седельных накладок из памятников обоих районов, несмотря на единство этого предметного комплекса, также показывают пример локальных отличий. Среди плоских накладок наблюдаются общие черты внешнего вида, схожесть размеров и приемов изготовления. Схожую степень вариативности демонстрируют и седельные пробои с упорами и выючными кольцами. В данном случае обнаруживается справедливость выделения формы упора как, главным образом, хронологического признака. Однако форма сечения, стремящаяся к подчеркнутому квадрату, наблюдаемая у подавляющего большинства выючных колец, стержней пробоев, седельных гвоздей в курганах Прихолмья, вновь дают возможность выделить в общих для культуры предметах местные черты.

Таким образом, сравнения внешнего вида и конструктивных особенностей предметов конского снаряжения из могильника Прихолмье и памятников в Ойском микрорайоне позволяют говорить о некоторых различиях в культурных и производственных традициях их создателей, проживавших на расстоянии всего 40-50 км друг от друга и в середине II тыс. н. э. входивших в состав одного кыргызского княжества – Тубинского (следовательно, включенных в единое культурное пространство). Выделенные различия в, казалось бы, едином комплексе предметов показывают своеобразие и местные особенности отдельных групп одной культуры. Данное наблюдение не только подтверждает предположение о родовом характере кыргызских могильников, но и показывает возможность создания шкалы общих и уникальных признаков вариантов культуры позднесредневекового населения среднего Енисея.

Дальнейшее изучение памятников позднесредневековой культуры енисейских кыргызов, включение в процесс изучения и погребений кыштымов, позволит провести более подробное и обоснованное рассмотрение ее локальных вариантов. Данная задача для двух указанных археологических микрорайонов стала возможна в результате тщательного изучения деталей предметов. Именно в них проявилась специфика работы мастера, местные кузнечные традиции, которые, наряду с географическим фактором, на данный момент стали единственным основанием для выделения этих двух локальных вариантов. Подобные сравнения предметного комплекса выде-

ленных вариантов с иными курганными группами и могильниками на Енисее и в соседних регионах позволит уточнить возможности выделения локальных вариантов культуры енисейских кыргызов в позднем средневековье, что будет способствовать изучению ее в целом.

Библиографический список

1. **Кызласов И.Л.** Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. М., 1983. 128 с.
2. **Савинов Д.Г.** Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 114-131.
3. **Худяков Ю.С.** Кыргызы на Тибете. Новосибирск, 1982. 240 с.

Научный руководитель: Зав. лабораторией гуманитарных исследований НГУ к. и. н. С.Г. Скобелев

Т.А. Говейлер

Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, 3 курс

ГОРОДИЩЕ САРТЫМ-УРИЙ 18 – РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАМЯТНИК В БАССЕЙНЕ БОЛЬШОГО ЮГАНА

Карымский этап в рамках нижнеобской культуры был выделен В.Н. Чернецовым и датирован им IV–V вв. [8]. Работы уральских археологов в 1970–80 гг., главным образом в Сургутском Приобье, позволили уточнить характеристику карымских древностей и датировку этапа. Здесь были исследованы десятки карымских памятников: городища Барсов городок II/6, II/7, II/9, II/10, Кинтусовское 4 и др. В результате была предложена новая схема развития средневековой культуры населения таежной зоны Западной Сибири, само понятие «археологическая культура» было заменено понятием «культурно-историческая общность». С карымского этапа (IV–VI вв. н.э. [2, с. 131], а затем III–IV – начало VI вв. н.э. [1, с. 66]) начиналась обь-иртышская КИО. Позднее К.Г. Карачаров отождествил понятия «этап» и «археологическая культура», говоря о карымской археологической культуре [6, с. 42-45; 7, с. 45-48]. Наконец, в последней работе А.П. Зыков предложил вернуться к понятию «нижнеобская археологическая культура», существовавшей в рамках обь-иртышской культурно-исторической общности. Этапы развития этой культуры совпадают с этапами развития всей общности, носят те же названия и начинаются с карымского, датированного Зыковым IV – началом VI вв. [8, с. 113].

В связи с разными представлениями о карымских древностях, касающимися их происхождения, датировки и интерпретации, большое значение имеют памятники, исследуемые с 2000 по 2006 гг. на протоке Сартым-урий в бассейне р. Большой Юган (Сургутский район ХМАО-Югры) [3; 4]. Здесь открыты и раскапываются городище Сартым-урий 18 и селище Сартым-урий 17, входящие в ареал нижнеобской культуры (по А.П. Зыкову). Ю.П. Чемякин не исключает, что новые материалы, в том числе полученные на Сартым-урии, позволят выделить из нее среднеобской вариант (культуру) [5]. За 6 лет на городище вскрыта площадь 1354 кв. м, исследованы остатки 10 построек. На селище раскопано 937 кв. м, выявлены остатки 11 построек. Жилища на обоих памятниках имели прямоугольную форму, площадь до 50 кв. м и были окружены песчаными валообразными насыпями, утеплявшими постройки с внешней стороны. В центре их находились наземные очаги. Выходы, предположительно, представляли собой проемы в стенах, закрывавшиеся приставными или навесными дверями.

В данной работе характеризуются материалы городища Сартым-урий 18. Оно имело овальную форму, сравнительно большую площадь (3500 кв. м) и невыразительную оборонительную систему, состоявшую из рва и вала.

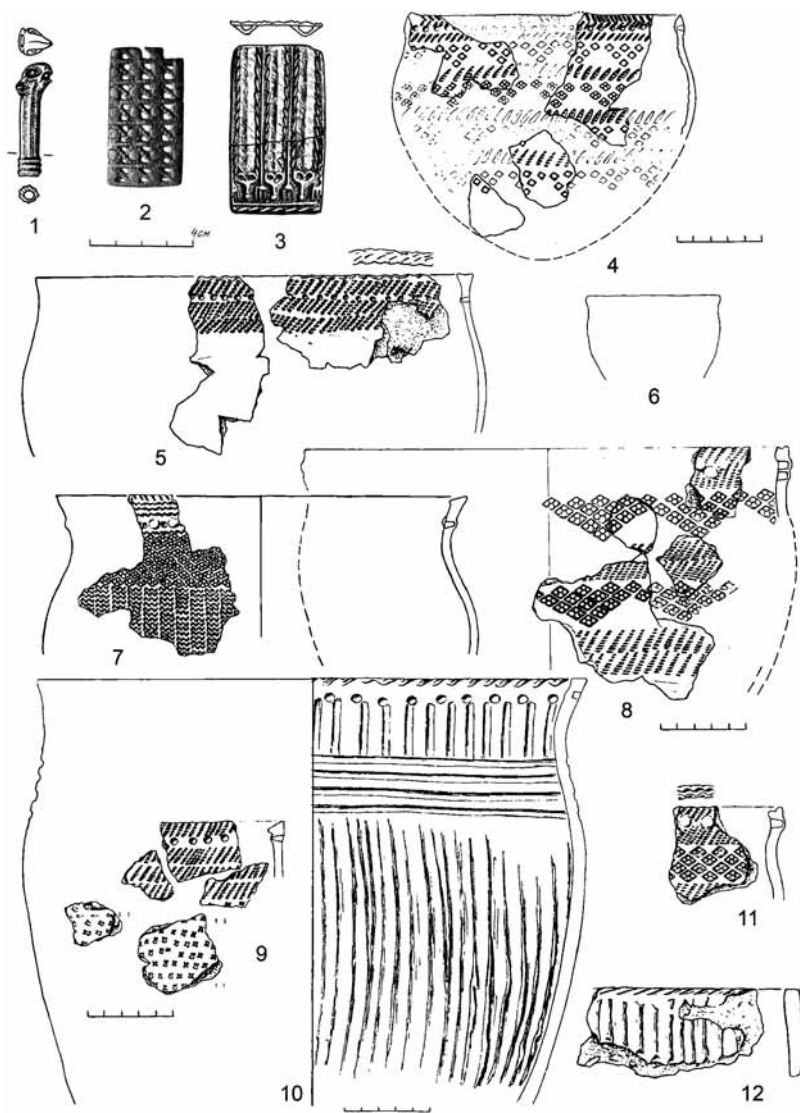
Размеры и характер оборонительной системы городища типичны для карымских памятников, однако наличие большого незастроенного пространства внутри и внешне фиксируемая беспорядочная застройка выделяют его среди них. На большинстве исследованных карымских городищ зафиксирована уличная или рядовая планировка при плотной застройке. Выдвинуты две гипотезы, объясняющие планировку городища Сартым-урий 18:

- 1) незастроенное пространство могло служить загонem для скота (олений);
- 2) городище осталось недостроенным и было покинуто по неизвестной причине.

Уникальным является открытие кузни в жилище №8. Это самая ранняя кузница из известных в регионе. Она представляла собой глиняную печь, сооруженную в небольшой яме. На уровне пола жилища в ней сохранилось

ошлакованное, частично остеклевшее сопло длиной 20 см. Рядом с печью лежала наковальня — гранитная глыба размером 38×34×11–14 см. Слой вокруг камня был насыщен железной окалиной и шлаками.

На городище найдены 3 уникальных предмета бронзовой металлопластики, обломки железных изделий и тиглей, каменные абразивы, шлаки. Но основу коллекции составляет керамика: фрагменты не менее чем от 50 сосудов. Посуда в основном горшковидная, круглодонная с хорошо выраженной шейкой. По шейке часто нанесен ряд ямок, реже жемчужин или их комбинаций. Венчики округлые, уплощенные и приостренные, преимущественно по краю с внешней стороны орнаментированы насечками. По диаметру венчика, замеренному у 19 сосудов, выделены малые (16–26 см), средние (30–34 см) и большие (38–42 см) емкости. Посуда украшена в верхней трети или половине, лишь в одном случае узор спускается до дна. Орнаментальные композиции образованы чередованием горизонтальных поясков из разнонаклонных оттисков штампов, нередко встречаются узоры из оттисков, нанесенных в шахматном порядке, а также меандровые композиции. На некоторых сосудах есть наклонные ленты из оттисков гребенчатого или мелкоструйчатого штампов.

По характеру орнаментации выделены три группы сосудов. Первая — украшенная гребенчатым штампом. Вторая — с фигурно-штампованными узорами. Третья группа — слабо профилированные сосуды, декорированные полосами многорядных желобков и/или валиков. Один сосуд в коллекции без орнамента. Во второй группе узоры на одном сосуде нередко выполнялись двумя — тремя видами штампов, среди которых мог быть и гребенчатый. Доминируют оттиски гребенчатого и ромбического штампа, реже применялись штампы в виде «уточки» или «змейки», а также крестовый. Удельный вес узоров, выполненных гребенчатым штампом, составил 49%, ромбическим — 25%, штампом в виде струйки — 14%, креста — 2,5%. Желобчато-валиковый комплекс представлен 18,5% емкостей.

Керамика с городища по форме и орнаментации типична для посуды карымского этапа обь-иртышской КИО, однако до сих пор отмечалась малочисленность «желобчато-валиковой» керамики в коллекциях других памятников. На городище Сартым-урий 18 она составляет почти пятую часть коллекции. Много такой керамики и на расположенном рядом селище, скорее всего, одновременном городищу. Интересно, что на селище раскопана самая ранняя в регионе кузня, расположенная в специальной постройке. В будущем предстоит проведение сравнения керамических коллекций этих двух памятников.

Костные остатки на городище практически не сохранились и представлены лишь мелкими кальцинированными обломками из очагов жилищ. В очаги обнаружены кости соболя (куницы), белки, зайца, а также птиц и рыб. На селище была открыта яма, заполненная рыбой чешуей.

Городище Сартым-урий 18 представляет значительный научный интерес, на сегодняшний день оно является одним из немногих северных средневековых памятников, раскопанных почти полностью. В ближайшие годы планируется завершить его исследование.

Библиографический список

1. **Зыков А.П., Федорова Н.В.** Обь-иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1993. С. 65-66.
2. **Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.** Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. Вып. 20. С. 126-145.
3. **Челякин Ю.П.** Городище Сартым-урий XVIII: предварительные итоги раскопок // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. Томск-Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 38-76.
4. **Челякин Ю.П.** Раскопки селища Сартым-урий XVII на р. Большой Юган // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. Томск-Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 253-255.
5. **Челякин Ю.П.** Отчет об исследовании городища Сартым-урий 18 у поселка Угут Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2006 г. Екатеринбург, 2006.
6. **Челякин Ю.П., Карачаров К.Г.** Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов. (Материалы к атласу). – Екатеринбург: Изд-во «Тезис», 1999. С. 9-66.
7. **Челякин Ю.П., Карачаров К.Г.** Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов. (Материалы к атласу). 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Изд-во «Тезис», 2002. С. 6-74.
8. **Чернецов В.Н.** Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1957. № 58. С. 136-245.

Научный руководитель: к.и.н., доцент Ю.П. Челякин

С.В. Горохов

Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет, аспирант

СКОБЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ УМРЕВИНСКОГО ОСТРОГА

Скобяные изделия (скобы, гвозди, заклепки) составляют неотъемлемую часть вещевого комплекса археологических памятников русского населения Сибири. Эти предметы регулярно фиксируются археологически, однако изученность комплекса скобяных изделий недостаточна. В публикациях, посвященных итогам изучения того или иного поселения русских в Сибири, не всегда можно обнаружить упоминание о находках гвоздей, скоб и т. п. Сообщения представляют собой, как правило, констатацию факта обнаружения какого-то количества скобяных изделий. Классификация такого рода находок в масштабах Сибири не проведена, не проделана работа по выявлению характеристик металла, не прослежен его путь от руды до готового изделия. Такая работа дала бы сведения о путях распространения металла и изделий из него и объяснила бы особенности бытования, переработки и археологизации скобяных изделий.

Известны основные сферы применения скобяных изделий: 1) гвоздей: при скреплении тонких деревянных элементов, при возведении легких каркасных сооружений, в ремонте бревенчатых сооружений, для подковки лошадей, 2) скоб: для скрепления деревянных конструкций сооружений, для соединения сплавляемых бревен, для скрепления конструктивных элементов лодок, 3) заклепок для соединения железных деталей [2, с. 30; 3, с. 153; 4, с. 237].

В ходе раскопок отрезка тыновой стены, избы приказчика (XVIII в.) и части некрополя (конец XVIII - XIX вв.) Умревинского острога (Мошковский р-н Новосибирской обл.) была получена коллекция скобяных изделий представленная коваными гвоздями и скобами (раскопки А.П. Бородовского 2002 - 2005 гг.) (рис. 2). Всего был обнаружен 61 гвоздь и 4 скобы. Длина гвоздей составляет 2,5-10,5 см. Сечение гвоздей подквадратное со стороны 0,2-0,9 см. По предварительной классификации А.П. Бородовского шляпки были четырех типов: круглые, подпрямоугольные, овальные и шарообразные. Длина скоб составляла 7-30 см (рис. 1).

Непосредственно к остаткам тыновой стены и избы приказчика примыкает некрополь. Учитывая это обстоятельство, все скобяные изделия были разделены на группы по принадлежности к той или иной конструкции: 1) относящиеся к деревянным погребальным конструкциям, 2) относящиеся к конструкции тыновой стены и примыкающего помоста, 3) неизвестного происхождения.

В первую группу зачислено 22 гвоздя, обнаруженные в раскопе части тыновой стены и в раскопе приказной избы, так как они были расположены непосредственно по периметру или внутри могильных ям. К этой же группе отнесено две скобы из погребения в раскопе избы приказчика. Во вторую группу попали две скобы (7-8 см)

из раскопа части тыновой стены, отстоящие друг от друга на 18 м. Принимая во внимание их размеры, можно предположить, что они скрепляли элементы конструкции помоста, примыкавшего к тыновой стене (рис. 1). К третьей группе отнесены 39 гвоздей, найденные в пределах деревянной конструкции приказной избы (17 шт.), а так же гвозди из обоих раскопов, не имеющие привязки к конкретным конструкциям (22 шт.). Их назначение установить не удалось (рис. 2).

Гвозди и скобы из погребений являлись скрепляющими элементами гробов. На это указывает их расположение по периметру могильных ям. Из 56 исследованных захоронений, 21 было совершено в колодах, 7 в гробах. В 28 погребениях не удалось установить характер деревянной погребальной конструкции. В четырех захоронениях из семи, совершенных в гробах, были обнаружены скобяные изделия (10 гвоздей и 2 скобы). Напротив, лишь в двух захоронениях из 21, осуществленных в колоде, были обнаружены гвозди (3 шт.). Особого внимания заслуживает одно из погребений из раскопа избы приказчика. При его расчистке обнаружены несколько гвоздей и две скобы 15 см (в ногах) и 30 см (в изголовье). В могиле был зафиксирован гроб, в котором находился скелет ребенка с остатками мундира и кожаных сапог. Данное захоронение следует отнести к “элитным”. Очевидно, что подавляющее большинство погребений содержащих гвозди были осуществлены в гробах, поэтому могилы с находками гвоздей, но с истлевшей деревянной конструкции, можно отнести к некогда имевшим гробы. Таких захоронений шесть, значит общее количество погребений в гробах – 13. Девять из них расположены вдоль исследованного отрезка тына.

Если исключить “элитное” захоронение, то соотношение гробов и колод в обоих раскопах примерно одинаково. Количество гвоздей на одно погребение в гробу так же одинаково (1,46 гвоздей на одно захоронение в гробу). По данным С.Ф. Татаурова активность употребления гвоздей постепенно возрастает к XIX в. [4, с. 237], значит должна увеличиться и относительное количество гробов, однако на Умревинском остроге при перемещении от одного участка некрополя к другому эта тенденция не прослеживается, поэтому на основе скобяных изделий установить относительную хронологию формирования частей некрополя пока не возможно.

«Элитное» захоронение позволяет выделить социальные особенности захоронений. Во-первых, из двух возможных деревянных погребальных конструкций был выбран гроб, требующий использования железных скобяных изделий и тонких досок, которые были трудоемки в изготовлении до распространения вертикальных пил в конце XVIII в. [4, с. 237]. Возможно, те 7% захоронений, которые осуществлены в гробах, тоже содержат останки состоятельных людей. Во-вторых, это единственное погребение, гроб которого содержал крупные скобы. С.Ф. Татауров, интерпретирует захоронения в гробах с использованием гвоздей на памятнике Изюк-1 как совершенные в спешке, так как не удалось вовремя изготовить колоду [4, с. 237]. Однако изготовление гроба без

Рис. 1. Скобяные изделия некрополя Умревинского острога и помоста западного тына

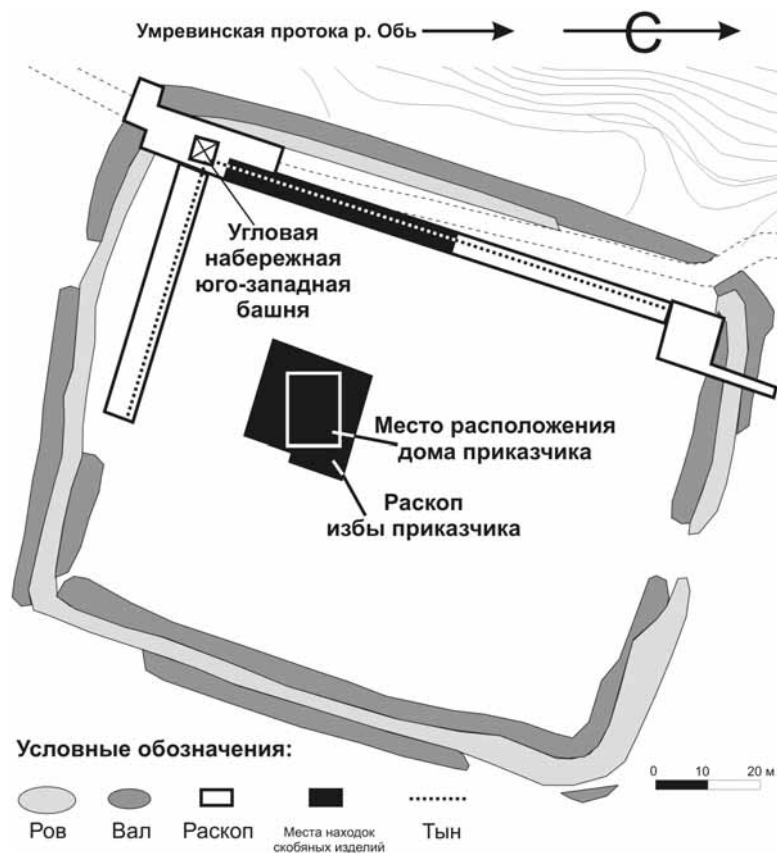

Рис. 2. Топографический план Умревинского острога

применения вертикальных пил требует больше времени и стоит дороже вследствие применения скобяных изделий, значит погребения в гробах до конца XVIII в. маркируют не спешку, в которой совершалось погребение, а социальное положение умершего.

Надежно установить назначение гвоздей и скоб удалось только применительно к некрополю Умревинского острога. При истлевшей деревянной конструкции погребения скобяные изделия могут указать на ее характер и, возможно, в определенный временной период на материальную состоятельность погребенного. Аналогичная ситуация сложилась на памятнике Изюк-I, где принадлежность гвоздей четко определена только к некрополю [4, с. 237]. Остальные находки скобяных изделий не могут быть надежно привязаны к определенным деревянным конструкциям в силу их почти полного разрушения. Специфической категорией скобяных изделий для памятника типа «острог» являются находки железных скрепляющих элементов деревянных оборонительных конструкций, однако их количество на Умревинском остроге не велико. Их выявление в данном случае осложняет примыкающий к тыну некрополь, содержащий большое количество гвоздей.

Библиографический список

1. **Бородовский А.П.** Отчет о исследованиях Умревинского острога в Мошковском районе Новосибирской области в 2004 г. Новосибирск, 2005.
2. **Бородовский А. П., Бородовская Е. Л.** Русские остроги XVIII века на территории Новосибирской области. Новосибирск, 2003. 44 с.
3. **Словцов П.А.** Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886.
4. **Татауров С.Ф.** Гвоздь в Сибири // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск, 2004. Т. 8. С. 234-241.

Научный руководитель: к.и.н., с . н. с. ИАЭТ СО РАН, доцент кафедры ТИКиМ ИИГСО НГПУ А.П. Бородовский

Е.Е. Горохова

Барнаул, Алтайский государственный университет, 2 курс

МАТЕРИАЛЫ ПО СРЕДНЕВЕКОВОМУ ЖЕНСКОМУ КОСТЮМУ АЛТАЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Одним из направлений в современной археологии является реконструкция комплексов предметов, использовавшихся человеком (комплексы вооружения, снаряжения коня, костюм) [5]. Наименее разработанным остается направление, связанное с воссозданием костюма.

В настоящее время в фондах «Музея археологии Алтая» Алтайского государственного университета хранятся украшения женского костюма, обнаруженные в комплексах сrostкинской археологической культуры на территории Алтайского края. Наиболее представительными в этом отношении являются следующие коллекции:

1. Яровское-III (колл. №164), датируется второй пол. X – первой пол. XI вв. Коллекция включает ткань, фрагмент одежды, фрагмент зеркала, бусы [6, с. 195].
2. Поповская Дача относится ко второй пол. X – первой пол. XI вв. – двухсоставные бронзовые застёжки, две массивные серьги, обломок зеркала, украшения в виде стилизованного животного, фрагмент шелковой ткани от костюма [2, с. 286–285].
3. Иня I – самый ранний памятник Сrostкинской культуры в Лесостепном Алтае – вторая пол. VIII – IX вв. В данном случае украшения женского костюма обнаружены в курганах 8, 9, 10, 12, 14, 25, 26 и 27. В кургане №25 найден бисер, курган №26 содержал бусинки из стекловидной пасты, курган №27 – бусины и бисер из стекловидной пасты и бронзы, а конкретно в могиле 4 археологами были обнаружены серьги, перстень, бусины и монета танского времени, позволяющая точно датировать эту могилу 732 – 752 гг.
4. Екатериновка-III, комплекс датируется второй пол. IX – первой пол. X вв. В одном из курганов зафиксированы фрагменты кожи сумки, украшение в виде стилизованного животного на сумку и украшения одежды.
5. Усть-Шамониha, на памятнике обнаружены следующие предметы: зеркало, игольник, серьги и т.д., курганы датируются IX – X вв. [1, с. 87].
6. Шадринцево I – вторая пол. X – первая пол. XI вв. В кургане № 1, в могиле 4 зафиксирован игольник [4, рис. 5].

На сегодняшний момент в «Музее археологии Алтая» АлтГУ в экспозиции средневекового комплекса выставлен горизонтальный стенд, в котором экспонируются украшения женского костюма сrostкинской культуры [3, с. 115–117]: зеркало, бусы (две штуки), две отдельные крупные каменные бусы, пара кольчатых незамкнутых серег, серьга с подвеской, игольники, один из которых с растительным орнаментом, а два – со стилизованным изображением пары рыб, нашивки (украшения женского костюма) – четыре экземпляра, бляхи-накладки на одежду (круглые, сердцевидные, лепестковые). Все украшения локализованы в нижней половине стенда (в верхней части расположены предметы вооружения и конского снаряжения). Экспонируемые предметы, за исключением бус, изготовлены из цветного металла.

Имеющаяся источниковая база по средневековому женскому костюму позволяет представить отдельно экспозиционный комплекс по этой тематике. С точки зрения дизайнерского оформления, на наш взгляд, целесообразно комплекс женского костюма представить более масштабно. Нами разработано несколько вариантов экспонирования такого комплекса.

Первый из них предполагает, что все украшения выставлены в пирамидальной зеркальной витрине, на трёх сторонах которой расположены материалы. Например, на одной стороне будет помещена группа серег, игольники и зеркала, на другой – фрагменты ткани, нашивки и застёжки, а третья сторона будет содержать бусы, подвески и перстень. Эта витрина должна иметь крутящийся механизм, для того чтобы экскурсант ближе мог посмотреть экспозицию со всех сторон.

Вторым вариантом является создание вертикального планшета в полный рост девушки. На уровне тех мест, где должны были располагаться украшения, необходимо разместить археологические находки, а рядом – турникет с цветными реконструкциями, фрагмент ткани и украшения.

И, наконец, третий вариант экспонирования комплекса женского средневекового костюма включает витрину с находками и выступающий деревянный планшет, на одной половине которого будет помещено зеркало, а на другой – полки с муляжами украшений, причем все эти предметы можно примерить. Между витриной и планшетами, чуть глубже, предполагается расположить крупную графическую реконструкцию.

Подобные варианты экспонирования археологических материалов женского костюма эпохи раннего средневековья позволяют продемонстрировать цельный образ, представить внешний вид женщины, проживавшей на территории Лесостепного Алтая в средние века. Подобные музейные комплексы выполняют несколько функций: с одной стороны, они отражают определенный уровень научных обобщений, а с другой – служат популяризации научной информации и привлечению посетителей в музей.

Библиографический список

1. Горбунов В.В. Погребение IX – X вв. н. э. на р.Чумыш // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С.86–90.
2. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов Сrostкинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. С. 281–287.
3. Горбунов В.В., Чудилин И.А. Новая экспозиция Музея археологии Алтая Алтайского государственного университета // Культурное наследие Сибири: Сб. науч. ст. Барнаул, 2000. Вып.2. С. 113–117.
4. Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сrostкинской культуры Шадринцево-1 // Археология, антропология, этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 163–191.
5. Снаряжение кочевников Евразии: сб. науч. трудов. Барнаул. 2005. 248 с.
6. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Курган Сrostкинской культуры у оз. Яровское // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул. 1998. С. 194–198.

Научный руководитель – канд. ист. наук, старший преподаватель Горбунова Т.Г.

С.В. Гришкевич

Томск, Томский государственный университет, 4 курс

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ БАСАНДАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Басандайская культура впервые была выделена в 1980 г. В.А. Могильниковым на памятниках Томско-Обского междуречья. Отнеся к ней Еловский-1 и Басандайский могильники, исследователь датирует их X–XII вв. н.э.

[4]. В дальнейшем, однако, термин басандайская культура им больше не употребляется, а указанные памятники относятся к сrostкинской культуре. Тем не менее, правомочность выделения басандайской культуры в дальнейшем поддержали Д.Г.Савинов и Л.М. Плетнева [8, с. 147; 5, с. 42-43].

Не смотря на то, что с момента предложения о выделении басандайской археологической культуры прошло уже больше четверти века, вопрос о существовании в развитом средневековье в Томско-Обском междуречье особой культуры, отличной от памятников Новосибирского Приобья и Кузнецкой котловины и о соотношении этой культуры со сrostкинской остается открытым.

Наиболее полно и последовательно содержание басандайской культуры было раскрыто в работах Л.М. Плетневой. В начале 80-х-90-х гг. прошлого века в Томском Приобье ею была исследована целая серия памятников эпохи развитого средневековья: могильники Астраханцевский, Басандайский, могильник в устье Малой Киргизки и однослойные поселенческие комплексы: городище Нагорный Иштан, селище в устье Малой Киргизки. В своей обобщающей монографии Л.М. Плетнева датирует басандайскую культуру XI-XIV вв. [6].

Другая точка зрения отражена в работах А.А. Адамова. В монографии, посвященной археологическим памятникам X-XIV вв. Новосибирского Приобья, исследователь отрицает правомерность выделения особой басандайской культуры в Томском Приобье. Он считает, что на территории всего Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины в X-XIV вв. был распространен идентичный керамический комплекс и очень схожий погребальный обряд, что дает основания рассматривать их в рамках одной сrostкинской археологической культуры, верхнюю границу которой он считает возможным продлить до XIV в. н.э. [1, с. 76-84].

Другие исследователи в свою очередь напротив считают возможным расширение границ басандайской культуры за счет ряда памятников Новосибирского Приобья. Так С.Г. Росляков, сопоставив особенности погребальных комплексов могильников Санаторный-1 и Ташара-Карьер-2 Новосибирского Приобья с могильниками в устье Малой Киргизки и Басандайским в бассейне р. Томи, пришел к выводу, что степень сходства данных памятников позволяет отнести их к басандайской культуре [7]. О возможности расширения границ памятников басандайской культуры за счет Новосибирского Приобья ранее писала и Л.М. Плетнева [6, с. 123].

Отметим, что представленные точки зрения по сути своей все-таки не являются взаимоисключающими, а дискуссия о возможности выделения особой археологической культуры развитого средневековья в Томском и Новосибирском Приобье скорее носит методологический характер, и отсылает нас к сложной проблеме выделения критериев археологической культуры.

Так никто из исследователей не отрицает большую роль пришлого тюркского компонента связанного с традициями сrostкинской культуры для развитого средневековья Верхнего Приобья, так же никто не отрицает наличие локальных вариантов, связанных с взаимодействием мигрантов с местным населением на этой обширной территории.

С.Г. Росляков выделяет в составе культуры несколько культурных компонентов. Основную роль, по его мнению, играли носители сrostкинских традиций, продвинувшиеся на эту территорию с Алтая на рубеже I и II тыс. н.э. Вторым компонентом были кимаки, либо кыпчаки, либо культурно близкие им представители распавшегося в 30-х гг. XI в. кимако-кыпчакского государственного объединения. Третьим компонентом были носители местных самодийских традиций. Баланс основных компонентов, по его мнению, определил своеобразие локальных вариантов басандайской культуры на разных территориях [7, с. 123]. О многокомпонентности населения Томского Приобья в развитом средневековье писал ранее и Д.Г. Савинов. По его мнению, особо значимая доля сrostкинских компонентов присутствует в материалах курганных могильников Еловском I и Усть-Киндинском: население, оставившее данные памятники, было родственно, но не идентично населению, оставившему Басандайский курганный могильник [8]. А.М. Илюшин материалы развитого средневековья с территории всего Верхнего Приобья относит к единой басандайской этнокультурной общности с различными локальными вариантами [3]. А.А. Адамов, хоть и отрицает существование басандайской культуры, но также выделяет локальные варианты в рамках единой сrostкинской: Новосибирский, Томский и Кузнецкий [1, с. 82-83].

Таким образом, все представленные мнения принципиально сходятся в следующем: в формировании культуры развитого средневековья Томского Приобья большое значение сыграли мигранты-носители сrostкинских традиций, а своеобразие памятников этого региона определяется их взаимодействием с местным населением. Именно это своеобразие, а также то, что пришлое население было вынуждено во многом изменить свой хозяйственный уклад в связи со значительными отличиями природно-географических условий осваиваемого ими региона, которое в свою очередь не могло не отразиться на других сферах и в материальной культуре, определяет правомочность выделения басандайской культуры. Надо признать также, что вопросы о культурнодифференцирующих признаках, хронологических и территориальных границах басандайской культуры пока во многом остаются открытыми и требуют дальнейшей разработки.

В Томском Приобье басандайская культура известна в основном на материалах могильников – исследовано около 300 погребений и всего 5 жилищных объектов [6, с. 7]. В настоящее время на юге Томской области в правобережье Оби исследуется целая серия городищ и поселений, относящихся к басандайской культуре [2]. Их дальнейшее изучение и введение полученных результатов в научный оборот поможет преодолеть указанный дисбаланс.

Библиографический список

1. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. Тобольск-Омск, 2000.
2. Зайцева О.В., Барсуков Е.В., Гусев А.В. О выделении Шайтанского археологического микрорайона на юге Томской области // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004, С. 37-40.
3. Илюшин А.М. Басандайская этнокультурная общность на территории Верхнего Приобья в период развитого средневековья // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1998. С. 91-94.
4. Могильников В.А. Об этническом составе населения Среднего и Верхнего Приобья в I тыс. н.э. // Народы и языки Сибири. Новосибирск, 1980. С. 242-248.
5. Плетнева Л.М. О басандайской культуре // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С.42-43.
6. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск, 1997.
7. Росляков С.Г. Курганный могильник Санаторный и вопросы этнокультурной интерпретации памятников развитого средневековья Верхнего Приобья // Археология, этнография и антропология Евразии. №4 (24), 2005. С. 115-125.
8. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.

Научный руководитель: к.и.н., доцент О.В. Зайцева

Э.Б. Дашибалов

Улан-Удэ, Бурятский государственный университет, 5 курс

Д.Б. Цыбикова

Улан-Удэ, Бурятский государственный университет, 4 курс

ГОРНАЯ КРЕПОСТЬ ШАРА–ТЭБСЭГ (ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ) И КОРЕЙСКИЕ КРЕПОСТИ: К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА ЕДИНЫХ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ ТРАДИЦИЙ

В 2006 году Байкальской археологической экспедицией под руководством Дашибалова Б.Б. было произведено предварительное исследование горной крепости Шара-Тэбсэг и снят инструментальный план. Данная крепость находится примерно в 100 км на юго-запад от Улан-Удэ, в обширной Тугнуйской долине, на правом берегу реки Хилок, недалеко от впадения в нее Тугнуя.

Первое описание памятника Шара-Тэбсэг дано в трудах Бурят-Монгольского научного общества за 1928 год И.В. Ченкировым и В.В. Поповым. Они, узнав от местных жителей об этой крепости, осмотрели ее и дали первое описание. Также, в своей публикации, авторы привели народные легенды, связанные с памятником. По одному преданию, в крепости находился клад, привезенный в старину монголами, а по другому – здесь в старину прятался какой то монгольский хан [3]. А.В. Тиваненко в научно-популярной книге привел описание крепости и в историческом плане связал ее возникновение с эпохой становления государства Чингисхана. По его мнению, в этой крепости могли скрываться от гнева Чингиса ненавистные им меркиты [2].

Крепость Шара-Тэбсэг построена на крутой горной скале на высоте около 100 метров. Особенно грозно она смотрится со стороны реки Хилка. Отсюда она возвышается неприступной отвесной каменной стеной с ровной площадкой наверху и ограниченной с востока скальной грядой. Собственно, внутренняя площадь крепости вытянута по линии север-юг и общей протяженностью более 400 метров, ширина площадки от 20 до 80 метров. Здесь располагаются: несколько площадок, выровненных со специальной целью; искусственно вырытая пещера; следы древних и недавних подкопов; два так называемых «колодца»; несколько крупных камней с искусственно просверленными довольно глубокими ямками. Площадка с севера и юга укреплена целым рядом каменных стен. Вход в крепость находится с южной стороны. Здесь в каменной стене имеются ворота и выложена из камней дорога, по которой могла проехать повозка. С крепости открывается живописный вид на долины Тугнуя и Хилка. Внизу часть горного массива обрамлена каменным рядом длиной около 300 метров.

Крепость Шара-Тэбсэг по своим планиграфическим и конструктивным особенностям схожа с горными городищами средневековой курумчинской культуры. Б.Б. Дашибаловым высказано предположение, что курумчинская культура оставлена хори-монголами. Хори-монголы – это одно из самоназваний сяньби [1, с. 75-85].

Наше знакомство с горными крепостями Кореи позволяет говорить о большой типологической близости фортификационных сооружений Кореи и крепости Шара-Тэбсэг [4; 5; 6].

Осенью 2006 года нам удалось осмотреть корейские горные крепости. Благодаря приглашению Академии корееведения Республики Корея мы участвовали в работе 3 Конгресса корееведов на острове Чечжудо. Там мы познакомились с горной крепостью, выдержавшей осаду монголов. Ситуационное расположение этой крепости, архитектурные особенности, и в частности камни с отверстиями нам напомнили горные крепости известные вокруг Байкала.

Интересно, что горные крепости Южной Сибири (Хакассия, Алтай) имеют монгольское название – шибээ или хоргой (прятаться, хорониться). Не могли ли эти сооружения быть связаны с сянбийским распространением? Уточним, что предки сянби – дунху, также считаются предками корейцев. Этим, может объясняться близость древней археологии монголов и корейцев.

Работа выполнена по гранту РФФИ № 06-06-80192

Библиографический список

1. **Дашибалов Б.Б.** На монголо-тюркском пограничье (Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005.
2. **Тиваненко А.В.** Гибель племени меркитов. – Улан-Удэ, 1992.
3. **Ченкиров И.В., Попов В.В.** Отчет о деятельности Бурят-Монгольского научного общества им. Д. Банзарова с 1 октября 1926 по 1 января 1928 г. // Бурятияведение. – 1928. – Т. 4.
4. **Dashibalov E.B., Dashibalov B.B.** Mountain fortified settlements of Cisbaikalia and South siberia and their similarities with korean fortresses // Proceedings of the World Congress of Korean Studies 2006. – Seoul, 2006.
5. **Корейские крепости:** историко-археологический очерк. – Сеул, 1991 (на корейском языке).
6. **Путеводитель** по древним столицам Когуре (на корейском языке).

Научный руководитель – д.и.н., доцент Б.Б. Дашибалов

П.Я. Дрон

Якутск, Якутский государственный университет

ТИПОЛОГИЯ ПОГРЕБЕНИЙ XIV-XVIII вв. НА ТЕРРИТОРИИ ЯКУТИИ

В этой работе рассматриваются погребения кулун-атахской культуры XIV-XVI вв., якутские погребения XVII-XVIII вв., делается попытка их сравнительного анализа, создания типологии.

Погребением следует считать специально оформленное место захоронения останков человека (животного), а погребальным памятником – сохранившиеся к моменту раскопок остатки погребения. Погребальный же обряд – это совокупность ритуально-практических действий, совершаемых (в соответствии с несущими религиозно-мифологическую нагрузку нормами) с целью захоронения умершего. Таким образом, погребальный обряд есть процесс, включающий ряд специфических и сложных действий (акций), а погребение (погребальный памятник) есть материальный фиксируемый результат осуществления погребального обряда. [12 5, с. 87-88]

В данной работе создается типология погребальных памятников XIV-XVIII вв.

Типология захоронений XIV-XVIII вв. в Якутии (кулун-атахской культуры, якутские) в настоящее время не разработана. Данная тема весьма актуальна, т. к. нет единой сводной работы, где была бы представлена вся история изучения этих погребений вплоть до наших дней. Кроме того, в данной работе использован и новый материал 1990-2000-х гг., в том числе и газетные публикации, ранее не использовавшиеся в фундаментальных работах. Изучение погребений этого периода является очень важным, т. к. позволяет получить материал о предполагаемых предках якутов (кулун-атахцах) и самих якутах, что может помочь в разрешении проблемы происхождения народа саха.

В процессе работы были проанализированы все известные кулун-атахские и якутские захоронения. Типология производилась по следующим параметрам: 1) Надмогильное сооружение; 2) Внутримогильное сооружение; 3) Глубина; 4) Ориентировка; 5) Труположение; 6) Погребальный инвентарь.

В результате были выделены следующие типы погребений:

I. В бересте.

Надмогильное сооружение отсутствует. Ориентировка широтная (определена лишь в двух случаях: Уорай – западная, по течению реки, Усун-Эбэ – северо-восточная, по направлению террасы). Ямы везде неглубокие –

глубиной в среднем 0,5-1 м. Гроб во всех погребениях сделан из бересты, однако имеет различную форму. Он представляет собой берестяной пакет округлой (Уорай) или подквадратной формы (Усун-Эбэ), либо типа «лодки» (Билир, Шестаковка). Иногда берестой укрыт только череп (Атласовское погребение). Труположение костяков скорченное на боку или сидячее. Характерно, что в мужском погребении (Атласовское) преобладают предметы вооружения – 5 железных наконечников стрел, 2 костяных, обломок костяного наконечника, концевая накладка лука; в женском (Уорай) – предметы хозяйственного назначения и украшения – керамика, кольца; детское (Усун-Эбэ) – практически без инвентаря. Датируются XV-XVI вв. по сопроводительному инвентарю и относятся к кулун-атахской культуре [4, с. 37-38; 7, с. 257-259; 13, с. 55-57].

II. В гробе-колоде из лиственницы.

Надмогильное сооружение – лиственничный сруб чардатного типа с двухскатной крышей. Гроб – лиственничная колода. Ориентировка – западная, иногда с отклонением к юго-западу (зависит от реки). Глубина захоронения – 0,5-1 м. Труположение вытянутое на спине, с руками вдоль тела. В мужских погребениях находят лук, наконечники стрел, предметы упряжи, копыя, пальмы, ножи и др., в женских – трубки, посуду, корольки, кольца, серьги и другие предметы хозяйства и украшения. Инвентарь женских погребений значительно беднее, детские зачастую без инвентаря. Датируются XVIII в. и относятся к якутской позднесредневековой культуре [3, с. 150-160].

III. Арангасный – воздушный, на помосте или наземный (в срубе).

Надмогильное сооружение – помост на 4 или 6 столбах или сруб из лиственницы. Гроб – лиственничная колода. Труположение вытянутое на спине. Датируются XVII - нач. XVIII вв., и относятся к якутской позднесредневековой культуре. Данный обряд был искоренен в XVIII в. в результате борьбы русских властей с «варварским обычаем». Значительная часть арангасов разрушена, тела перезахоронены в земле без надмогильных сооружений.

IV. В гробе из лиственничных плах (досок).

Этот способ во многом схож со II, но отличается более частым присутствием неместного материала (русские, китайские предметы). Относится ко втор. пол. XVIII в.

V. Погребальный комплекс с захоронением коней в отдельной яме.

Надмогильные сооружения: над захоронением человека – сруб, над конским захоронением – отсутствует. Гроб – из лиственничных плах. Глубина – 1-1,5 м. Лошади закапываются в отдельной яме попарно и довольно далеко от захоронения человека (10-20 м). Костяки коней, положенные на северной стороне ямы, прикрывались орнаментированными берестяными полотнищами и лежали взнузданными и оседланными. Лошади, положенные на южной стороне ямы, ничем не закрывались кроме жердей, закрывающих низкий сруб из тонкомеров. Датируется серединой XVIII в.

VI. Погребение со шкурой коня с сохранением конечностей и черепа.

Захоронение человека по IV типу. Череп коня с уздечкой, передние и задние конечности, хвост, положенные в анатомическом порядке, располагались над настилом погребения в специальном подбое, находящемся на северной стороне ямы. Датируются XVIII в. [8, с. 123-124].

VII. Погребения тойонов (богатых, знатных) с конем и рабом.

Погребение с конем по V типу. Погребение раба не имеет никаких внешних признаков могилы. В нем нет гроба – только сруб из тонких жердин, даже не очищенных от коры. Глубина – 80 см. Труп лежал на левом боку лицом к северу в сильно согнутом положении. Без инвентаря. Начало XVIII в.

VIII. Трупосожжение. Сжигаются покойник и его конь и захораниваются в отдельных ямах. Точная датировка неизвестна.

Здесь были приведены основные типы погребальных памятников Якутии, датируемых XIV-XVIII вв. Погребений XIV-XVI вв. известно очень мало. Не на много лучше обстоит дело и с захоронениями XVII в. Грунтовых погребений этого времени известно очень мало. Немного и арангасов. Свою роль здесь сыграли и указы XVIII в. о разрушении арангасов и перезахоронении погребенных в них. Эти перезахоронения проводились обычно, беспорядочно, надмогильные сооружения не делались. Поэтому материал XVII в. во многом для нас потерян. XVIII в. изучен достаточно хорошо, имеются многочисленные работы по погребениям этого времени, в том числе и монографические.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Погребения I типа (в бересте) – самые древние, относятся к XV-XVI вв. – к кулун-атахской культуре. Погребальные памятники III (арангасы) и, возможно, VIII (трупосожжение) типов датируются XVII в. Захоронения VII (с конем и рабом), II типа (гроб-колода) относятся, в основном, к пер. пол. XVIII в., IV (гроб из плах) – ко втор. пол. XVIII в. Погребальные комплексы с конем (V-VI типы) датированы XVIII в. Разумеется, данная типология является упрощенной и не исчерпывает все вариации якутских погребений.

Библиографический список

1. **Бравина Р.И.** Погребальный обряд якутов XVII-XVIII вв. Учебное пособие. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. – 232 с.
2. **Гоголев А.И.** Якуты. Проблемы этногенеза и формирования культуры. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. – 200 с.
3. **Дьяконов В.М., Афанасьев А.С.** Атласовское захоронение – новый памятник кулун-атахской культуры в Центральной Якутии // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времён до современности: Мат-лы XLIV РАЭСК. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 2004. – С. 257-259.
4. **Константинов И.В.** Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений). – Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. – 212 с.
5. **Ольховский В.С.** Погребальная обрядность и социологические реконструкции // Российская археология. – 1995. – № 2. – С. 85-89.
6. **Прокопьева А.Н.** Средневековое детское погребение Кердюген // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Мат-лы XLVI РАЭСК. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 2006. – Т. 2. – С. 55-57.

Научный руководитель: ст. преп. кафедры археологии и истории Якутии ИФ ЯГУ Дьяконов В.М.

А.А. Зимин

Кемерово, Кемеровский государственный университет, аспирант

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Верхнеобская культура была выделена М.П. Грязновым в 1951 г., им же была предложена её периодизация с тремя этапами: одинцовским (II-IV вв. н.э.), переходным (V-VI вв. н.э.) и фоминским (VII-VIII вв. н.э.) [13, с. 3; 4, с. 99–144]. В 70-х годах XX в. Т.Н. Троицкая исследуя памятники Новосибирского Приобья пришла к выводу, что в V-VII вв. н.э. в Верхнем Приобье существовала одинцовская культура [12, с. 115]. В дальнейшем Т.Н. Троицкая пересматривает периодизацию верхнеобской культуры, фоминский этап она относит к позднему этапу кулайской культуры, ранний одинцовский этап датирует V-VI вв. и выделяет еще два этапа: тимирязевский (VII-VIII вв.) и юрт-акбалыкский (VIII-IX вв.) [11, с. 13; 13, с. 78-86]. Л.А. Чиндина высказала мнение, что одинцовская культура была распространена только в районах степного Алтая. В Новосибирском Приобье, по ее мнению, во второй половине I тыс. н.э. существовала рёлкинская культура, которая составляла вместе с одинцовской культурой единую культурную общность [15, с. 24]. Л.М. Плетнева и О.Б. Беликова придерживаются точки зрения о более северных границах рёлкинской культуры и принадлежности памятников раннего средневековья из Притомья к одинцовской культуре, а также считали, что верхнеобская культура существовала вплоть до появления сrostкинской культуры, и испытывала влияние тюркских элементов в VII-VIII вв. [2, с. 116]. В.А. Могильников относит отдельные погребения Новосибирского Приобья к рёлкинской культуре, но отмечает, что эти памятники имеют свою особенность [9, с. 218].

Таким образом, в середине 80-х гг., в границах распространения верхнеобской (одинцовской) культуры выделяются три локальных варианта: барнаульский, новосибирский и томский. А.А. Казаков полагает, что в Барнаульском Приобье верхнеобская культура появляется с IV-V веков он называет ее одинцовской (по названию первого этапа верхнеобской культуры) и высказывает мнение о происхождении раннего ее этапа (сошниковского) на территории лесостепного Алтая. К верхнеобской культуре он относит памятники переходного периода от кулайской культуры. Также он считает, что «погребения тимирязевского этапа на территории Барнаульско-Бийского Приобья неизвестны» [8, с. 13-14]. А.П. Уманский сделал предположение о том, что верхнеобская культура является вариантом более широкой культурной общности распространившийся в южной Сибири от южного Алтая до Томска и Ачинска. А.П. Уманский пришел к такому выводу, исследовав захоронение в урочище Татарские могилки, предметы из которого по своему оформлению и облику более соответствовали раннесредневековым памятникам [14, с. 149].

В настоящее время исследователями выделено четыре локальных варианта верхнеобской археологической культуры: барнаульский, новосибирский, томский и кузнецкий. Наиболее изучены памятники Новосибирского Приобья, поскольку эта территория является местом наибольшей концентрации памятников рассматриваемой культуры. Д.Г. Савинов считает, что население верхнеобской культуры могло играть свою роль в сложении населения сrostкинской культуры, и приходит к такому выводу, когда верхнеобская культура может рассматриваться

как один из ранних компонентов кыпчакского культурного комплекса, но это не означает, что культура кыпчаков сложилась на территории Верхней Оби (10, с. 108).

На территории Кузнецкой котловины актуальным остается вопрос о сосуществовании верхнеобской и сrostкинской культур. Особое место занимает памятник Сапогово (10, с. 96). Для него характерно наличие погребений по обряду трупосожжения. Вещи из сопроводительного инвентаря отличаются от верхнеобских. Памятник датируется VIII – первой половиной IX в. «Различия в обряде погребения и сопроводительном инвентаре между памятниками сrostкинской культуры и Сапогово позволяют предположить, что они в хронологическом плане идут друг за другом и имеют разное этническое содержание» (6, с. 42). А.М. Илюшин определяет этнокультурную принадлежность Сапогово как двухкомпонентную: верхнеобскую и сrostкинскую. Этот вывод он делает на основании обряда погребения (трупосожжения), связываемого им с верхнеобской культурной традицией. Предметы сопроводительного инвентаря сrostкинские (украшения, наконечники стрел, керамика) [10, с. 97].

На территории Кузнецкой котловины памятники верхнеобской культуры изучены и соответственно опубликованы в меньшей степени, чем аналогичные памятники других локальных вариантов. Исследованием памятников верхнеобской культуры на территории Кузнецкой котловины в разное время занимались М.Г. Елькин, Ю.М. Бородин, Д.Г. Савинов, А.С. Васютин, А.М. Илюшин. Долгое время средневековые памятники Кузнецкой котловины относились исследователями к сrostкинской культуре (могильники Ур-Бедари и Тарасовка) [1; 5]. Соответственно материалы из могильников отождествляли с носителями сrostкинской культуры. За последние 15 лет на территории Кузнецкой котловины были исследованы и введены в научный оборот новые памятники, которые по своим основным признакам могут быть отнесены к верхнеобской культуре (Сапогово, Сапогово-II, Саратовка, Ваганово I, Калтышино II, Озерки I, Юрты II и Зимник) [7; 3, с. 119].

Введением в научный оборот новых комплексов изучение особенностей локальных вариантов верхнеобской культуры остаётся достаточно актуальным, в виду недостаточной разработанности критериев их выделения, особенно это касается кузнецкого локального варианта верхнеобской культуры.

Библиографический список

1. Бородин Ю.М. Курганы у с. Тарасово // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1977. – С. 139-147.
2. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V-VIII вв. н. э. – Томск: Изд-во Томск. Ун-та, 1983. – 243 с.
3. Васютин А.С. Проблемы изучения культурно-хронологического соотношения памятников конца I тыс. н. э. в ареале единцовской культуры // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 117-123.
4. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби // МИА, 1956, № 48. – 160.
5. Елькин М.Г. Курганный могильник позднего железного века в долине р. Ур // Известия лаборатории археологических исследований, вып. 2. – Кемерово, 1970. – С. 81-92.
6. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. – 128 с.
7. Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. – 208 с.
8. Казаков А.А. Единцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Автореферат диссертации... канд. ист. наук. Барнаул, 1996. – 18 с.
9. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Изд-во Наука, 1987. – С. 163-235.
10. Савинов Д.Г. Государство и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 1994. – 215 с.
11. Скопинцева Г.В. Новосибирское и Барнаульско-Бийское Приобье в I-VIII вв. н. э. История идей и исследований в XVIII-XX вв. – Автореферат диссертации... канд. ист. наук. – Барнаул, 1996. – 22 с.
12. Троицкая Т.Н. Единцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. – Новосибирск, 1981. – С. 101-120.
13. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.
14. Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на верхнем Чулыме // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 136-149.
15. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. – 184 с.

Научный руководитель: д.и.н., проф. В.В. Бобров

КЕРАМИКА ИЗ ПОЗДНЕСЯНЬБИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА ДУРОЙ-I

Могильник Дурой-I, расположенный на юго-востоке Читинской области у с. Дурой, был исследован сотрудниками Верхнеамурской археологической экспедиции в 1991г. и в своём составе насчитывает 37 погребений. Предварительная датировка памятника II-V вв. н. э. На основе изучения аналогичных указанному могильнику памятников, исследователи выделяют в среднем Приаргунье дуройскую археологическую культуру, связывая её с племенами сяньби оставшимися в Забайкалье после ухода основной массы их в Южную Маньчжурию.

В большинстве дуройских погребений содержалась керамическая посуда или её фрагменты (всего 31 экз. сосудов), что является существенной составляющей погребального инвентаря и может служить самостоятельным, многоплановым, информативным источником, как для характеристики самого памятника, так и для дальнейшего изучения культуры сяньби.

Как правило, посуда устанавливалась в изголовье умершего, нередко фрагменты разбитых сосудов встречаются и в перекрытиях могильных ям. Сосуды изготовлены в ручную, за исключением отдельных экземпляров (погр. № 4), ленточным способом с последующим выколачиванием стенок. Обжиг осуществлялся на кострищах и в зависимости от состава керамического теста сосуды приобретали красный, чёрный, красновато-бурый, бурый, серый цвет. Все сосуды использовались в быту. Об этом может свидетельствовать нагар и сажа на стенках горшков. Отсюда следует, что в погребения ставилась повседневная, бытовая посуда, а не изготовленная специально для ритуальных целей.

Обнаруженные в погребениях сосуды можно разделить на 5 групп: вазообразные, горшкови́дные, баночные, сосуды с поддоном и сосуды, изготовленные на гончарном круге.

Сосуды первой группы отличаются большим разнообразием форм (5 экз.). Для этой группы характерны сосуды с яйцевидным туловом и плоским дном, выделенной шейкой, покатыми плечиками и отогнутым наружу венчиком. Высота сосудов колеблется от 10 до 16 см, диаметр тулова от 12 до 14 см, диаметр дна 5-6 см, диаметр устья от 7 до 11 см. Вариантами данной группы можно считать сосуды с боковыми вертикально расположенными ручками в районе шейки (погр. №№ 16, 19) и сосуды с горизонтальными ручками-налепами (погр. № 17), очень маленькими по размерам. Они не несут ни какой функциональной значимости, а больше походят на элементы орнамента, в отличие от более ранних форм сосудов, где ручки имели прямую функцию – удобный перенос сосуда. Следует отметить, что сосуды с горизонтальными ручками характерны для культуры дунху, этнических предков сяньби [3, с. 140]. Вероятно, там и следует искать истоки технологической традиции в изготовлении сосудов подобного типа.

На поверхности сосудов нанесён орнамент в виде налепных валиков по плечикам, в том числе и с насечками. Иногда на валиках встречаются утолщения-налепы (погр. № 19). У одного из сосудов валик, опоясывающий тулово имеет парные зигзагообразные ответвления и рассечён зубчатым штампом. Здесь можно наблюдать мотивы орнаментации, которые получают распространение в более поздней культуре Восточного Забайкалья – бурхотуйской. По нижнему краю венчиков некоторых сосудов проходит поясok мелких насечек.

Подобные сосуды, вероятно, применялись для хранения молочных и других напитков и по форме схожи с хуннскими [3, с. 139].

Горшкови́дные сосуды составляют самую многочисленную группу (14 экз.). Характерными признаками этих сосудов являются округлые выпуклые тулова, слабо выраженные плечики, отогнутые наружу венчики, которые обычно срезаны под острым углом с внешней стороны или округлены. Размеры сосудов: высота – 10-16 см, диаметр тулова – 11-14 см, диаметр дна – 5-6,5 см, диаметр устья – 9-11 см. Сосуды орнаментированы, в основном, по нижнему краю венчика рассечённым зубчатым штампом. По тулову некоторых сосудов (погр. №№ 15, 21) проходит острорёберный налепной валик, в одном случае (погр. № 21) на налепном валике сделаны горизонтальные налепы-ручки, что, как говорилось выше, восходит к традиции дунху.

Данные сосуды служили для приготовления пищи. Интересно, что в придонной части одного из сосудов (погр. № 10), по кругу просверлены небольшие отверстия, вероятно, для процеживания жидкости при изготовлении творожной массы. Сосуды данной группы являются одной из самых распространенных форм лепных сосудов в кочевом мире, начиная с древности [3, с. 140], и были характерны также для хуннской и сяньбийской культур.

Сосуды баночного типа составляют третью группу керамики (10 экз.). Все сосуды идентичны и варьируются лишь в размерах и орнаментации. У них узкие плоские днища, высокие, почти прямые стенки, расширяющиеся кверху. Венчики сосудов тонкие, иногда чуть отогнуты наружу. Размеры: высота – 10-15 см, диаметр тулова – 11-16 см, диаметр дна – 6-9 см, диаметр устья – 9-14 см. Орнаментированы насечками по нижнему краю венчиков. На некоторых сосудах (погр. № 4) по тулову разреженно идут небольшие налепы-шишечки. Встреча-

ется орнаментация в виде «ряби на воде» (погр. № 8), которая, вероятно, получалась при выколачивании стенок специальной калатушкой. Сосуды данной группы были широко распространены в кочевом мире и использовались для приёма пищи [3, с. 140].

Сосуды с поддоном объединены нами в четвёртую группу (2 экз.). Характерной особенностью этих сосудов является округлое тулово, отогнутый наружу утолщённый венчик (до 0,7 см) и небольшой пустотелый конический поддон. Высота сосудов варьируется от 12 до 14 см, диаметр тулова около 15 см, диаметр дна 7 и 7,5 см, диаметр устья от 10 до 12 см. На поверхность сосудов нанесён орнамент. Так, сосуд из погребения №2 орнаментирован пояском насечек по нижнему краю венчика и рассечен наlepным валиком по плечикам. Сосуд из погребения № 4 орнаментирован рельефным наlepным валиком по плечикам с глубокими зубчатыми насечками.

Подобные сосуды не были характерны для кочевнических культур восточной части Центральной Азии [3, с. 140]. Керамика такого типа отсутствует как в хуннских, так и в моxэских памятниках. Однако хорошо известна в памятниках тагаро-таштыкской эпохи [1, с. 68].

В отдельную группу выделен сосуд, изготовленный на ручном гончарном круге. Он имеет баночную форму, со слабо выраженной шейкой (погр. № 4). След от шипа гончарного круга тщательно замазан глиной. Высота сосуда – 13 см, диаметр тулова – 12 см, диаметр дна – 8 см, диаметр устья – 13 см. По шейке сосуда прочерчена зигзагообразная линия, судя по всему, выполненная острым предметом на сырой глине.

Традиции изготовления керамических сосудов на гончарном круге в данном регионе связаны с хуннами, что подтверждает так же форма данного сосуда и мотивы орнамента.

Сосуды указанных выше групп близки по форме и способам орнаментации сосудам из других памятников сяньбийской культуры, что может свидетельствовать о сохранении керамических традиций в сяньбийской среде в более позднее время – вплоть до сер. I тыс. н. э. Вместе с тем дуройская посуда обладает некоторыми индивидуальными чертами (сосуды на поддоне, зигзагообразный орнамент, наlepные отводы книзу и др.) – что явно указывает на специфику керамического производства у отдельных групп сяньби даже в пределах отдельно взятого района.

Часть форм сосудов восходит к прототипам, известным в культуре племён дунху. С хуннской керамической традицией сяньбийскую посуду сближают наиболее многочисленные типы сосудов – горшки и вазы [2, с. 195]. Традиция изготовления подобных форм могла быть следствием этнической ассимиляции хунну со стороны сяньби, т.к. значительная часть хуннского кочевого населения после разгрома вошла в состав сяньбийского объединения и приняла «народное имя сяньби».

Библиографический список

1. Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. – Новосибирск, 1984.
2. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1976.
3. Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Керамическая посуда культуры сяньби // Центральная Азия и Прибайкалье в древности: Сб. науч. тр. – Улан-Удэ – Чита, 2002. – с. 138-142.

Научный руководитель: доцент, к.и.н. Ковычев Е.В.

Е.В. Киреева

Сургут, Сургутский государственный педагогический университет, мнс

СРАВНЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ г. МАНГАЗЕИ И ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТКАНЕЙ ДЛЯ РУССКОЙ ОДЕЖДЫ В СИБИРИ В XVII в.

Археологический материал является ценнейшим источником по изучению истории, культуры отдельных этносов, так как может дать более или менее достоверную информацию. Но не менее важны также и письменные источники, которые помогают исследовать то или иное историческое или культурное явление наиболее полно в дополнении с археологическими источниками.

Археологический текстильный материал по Сибири XVII века встречается довольно редко и представлен фрагментарно. Основным источником информации по одежде русского населения XVII в., на которые чаще всего опираются авторы в своих исследованиях по изучению русского костюма XVII в., являются документы

преимущественно таможенного делопроизводства, содержащие данные об одежде и различных тканях, поступавших на сибирские рынки [9, с. 143]. Особенно много материалов об одежде можно найти в завещаниях, росписях приданого, челобитных, в купчих и расходных книгах. Первые три вида документов перечисляют нередко множество комплектов разнообразных одежд и при этом содержат довольно точную дату. В завещаниях и челобитных упомянут иногда и весь гардероб. Много данных содержат описи царского имущества. Немалую ценность представляют записки путешественников – иностранцев, поскольку в них содержатся нередко специальные описания одежды. При всем обилии сведений письменные источники все же далеки от полноты как в территориальном, так и в хронологическом отношении [8, с. 64].

Мангазея как археологический памятник XVII в. впервые исследовался в 1968–1970 гг. экспедицией под руководством М.И. Белова, О.В. Овсянникова, В.Ф. Старкова. Однако в вышедшей по итогам работ публикации текстиль специально не рассматривался [1; 2]. В 2001 – 2003 гг. раскопки г. Мангазеи продолжило Научно - производственное объединение “Северная археология” (г. Нефтеюганск) под руководством Г.П. Визгалова, С.Г. Пархимовича. Вскрытая площадь памятника составила 259 м². Было обнаружено огромное количество археологического материала, в т.ч. органических остатков, сохранившихся благодаря мерзлоте. Археологические исследования дали новые материалы [3, с. 19], среди которых имеется богатая коллекция археологических фрагментов тканей, тканых поясов и рукавиц XVII в., представляющая собой достаточно интересный исторический источник по изучению культуры, истории сибирских народов, проживающих на территории севера Западной Сибири, об их связях и контактах с другими народами и городами Российского государства.

Коллекция тканей и вязаных изделий, собранная в 2001–2005 гг., по-видимому, является крупнейшей из известных на сегодня для памятников русского средневековья – Нового времени. Найдено более 1000 фр. изделий из различных цветных шерстяных тканей – полотен и саржи как русского, так и западноевропейского производства [4, с. 80; 5, с. 117].

Археологический памятник Мангазея являлся русским городом в XVII веке [2, с. 10], на территории которого непосредственно происходили контакты русского населения с аборигенами Сибири. Русское население прибывало в Сибирь в XVII – первой половине XIX века из разных мест Европейской России, и элементы его материальной культуры, в данном случае – одежды, зависели как от исходных их форм, так и от последующих модификаций под влиянием различных местных факторов. Учитывая недостаточность и разнородность имеющихся данных, обобщающую характеристику одежды русских в Сибири можно дать лишь путем синтеза разнообразных и относящихся к разному времени источников [9, с. 142].

Текстильные материалы г. Мангазеи XVII в. представлены фрагментами шерстяных и суконных тканей, тканых поясов и нашивок, вязаными рукавицами из шерсти. Можно предположить, что часть данных текстильных изделий была местного производства, а часть – импортного, поступавшая в г. Мангазею через торговлю, обмен. Некоторые фрагменты тканей, тканых нашивок отличаются фабричным изготовлением (имеют тонкое плотное полотно, рисунок в виде продольных полос, пеструю окраску). Скорее всего, ткани с перечисленными признаками, найденные на археологических памятниках севера Западной Сибири (Мангазея, Надымское городище), были импортного происхождения, так как в Западной Сибири в XVII в. не сложились центры ремесленного производства тканей, отсутствовали фабрики [6, с. 27]. Кроме этого, Мангазея была русским городом, где была налажена торговля с аборигенным населением Сибири, в том числе и русскими тканями [6, с. 27], привозимыми с запада и северо-запада (центральная полоса России, где располагались крупные центры текстильного производства – Новгород, Архангельск, западноевропейские страны).

Проанализировав информацию по русской одежде и тканях XVII в., которые приводят авторы в этнографической литературе, опираясь, в основном, на вышеперечисленные письменные источники, можно выделить четыре основных вида тканей, используемых для изготовления одежды в XVII в. – сукно, холст, шерсть и шелк. Исходными материалами для одежды в Сибири в XVII в. служили льняные, хлопчатобумажные и шерстяные ткани [7, с. 132]. Шелковые и суконные ткани, чаще всего, были иноземного производства, шерстяные и холщовые – домашнего.

Документы таможенного управления Сибири начала XVII в. содержат сведения о товарах, поступивших из отправленных казной из Москвы для продажи и «вместо денежного жалованья служилым людям». В Сибирь служилым людям отправляли кумач (хлопчатобумажная гладкокрашеная ткань красного цвета), киндяк (такая же ткань только синего цвета), обьярь (плотная шелковая ткань), стамед (косонитная шерстяная ткань) [9, с. 147].

В XVII в. впервые в литературе упоминается сермяга (шерстяная некрашеная ткань домашнего производства и название одежды), одежда в основном из сукна (зипун, кафтан, балахон и др.). Также много одежды, распространенной в Сибири в XVII в. было из шерсти (ферязь, понева, онучи, юбка и др.), впервые упоминаемые в литературе также в XVII в. [9, с. 226–227].

Таким образом, письменные и археологические источники подтверждают использование в XVII в. в Западной Сибири, а в частности в русском городе Мангазее, шерстяных и суконных тканей домашнего и местного производства, используемых для изготовления одежды (возможно, онучей, юбок, штанов, рукавиц и др.). Более детальное изучение покроя одежды и фрагментов тканей из мангазейской коллекции позволит более полно представить русский костюм жителя Мангазеи XVII в.

Библиографический список

1. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Часть 1-я. – Л.: «Гидрометеорологическое издательство», 1980. – 164 с.
2. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI – XVII вв. Часть 2-я. – М., 1981.
3. Визгалов Г.П. Русское посадское домостроение на севере Западной Сибири в XVII в. // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9 – 11 декабря 2004 г., Тобольск). – Тобольск, 2004. – С. 19–25.
4. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Археологическое наследие русского населения Западной Сибири // II Северный Археологический Конгресс. Доклады. 24 – 30 сентября 2006. Ханты – Мансийск. – Екатеринбург: «Чароид», 2006. – 450 с.
5. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Глушкова Т.Н., Киреева Е.В., Сутула А.В. Текстиль Мангазеи (начало XVII в.) // Археология, этнография и антропология Евразии. Выпуск 25. – М., 2006. – С. 117–131.
6. Глушкова Т.Н. Текстиль в системе культурно-исторических связей аборигенного сибирского и старожильского русского населения // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9 – 11 декабря 2004 г., Тобольск). – Тобольск, 2004. – С. 26 – 30.
7. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. Историко – этнографические очерки XVII – начала XVIII вв. – Новосибирск: Наука, 1992. – 198 с.
8. Одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу. – М.: Наука, 1986. – 272 с.
9. Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середины XIX вв. – М.: Наука, 1981. – 271 с.

Научный руководитель: д.и.н., доцент Т.М. Глушкова

Н.Н. Кочмар, Т.В. Голдырева

Якутск, Якутский государственный университет, 5 курс

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯКУТИИ – ПОСЕЛЕНИЯ «ЕЛАНКА», «ХОМУСТАХ»

Интерес к памятникам средневековья на территории Центральной Якутии впервые отмечается в XIX в., когда любители-краеведы, а также сотрудники академических учреждений публикуют свои работы. Во второй половине XVIII в. по левому берегу р. Лена проходил Иркутско-Якутский почтовый тракт с ямщицкими «станками» (станциями) со своеобразным набором жилых и хозяйственных построек XVII-XVIII вв. Ямщицкий тракт проходил через нынешний Хангаласский улус (Центральная Якутия), где г. Покровск, пос. Булгунняхтах, Улахан-Ан, Еланка, Тит-Ары, Синск и др. современные поселки на левобережной Лене были созданы ямщиками почтового тракта, и долгое время служили единственным круглогодичным связным звеном между Якутском и Иркутском [3]. Теперь запустелые древние жилища и поселки хранят былую историю Ленского края в поздне-средневековое время. Все эти постройки и запустелые поселки конца XVIII-XIX вв. – исторические памятники прошлого, которые охраняются государством. Одними из таких памятников являются поселения позднего средневековья (XVIII-XIX вв.) «Еланка» и «Хомустах».

Памятники открыты в Хангаласском улусе РС (Я) в 1996 г. в ходе археолого-этнографических работ экспедиции Якутского госуниверситета. Работы проводились в зоне строительства автодороги республиканского значения Якутск – Бестях – Олекма – Ленск, на участке Улахан-Ан – Еланка с 6 по 12 км [2].

Поселение «Еланка» расположено на левом берегу р. Лена на высокой цокольной террасе. С севера к поселению подходит пашня с изгородью, с юго-запада – озерцо, с востока лесополоса и пашня. Все хозяйственные и жилые постройки ранее размещались с восточной стороны озерца и с северной окраины в районе изгороди.

В результате антропогенного влияния культурный слой с остатками артефактов материальной культуры серьезно разрушен и археологический материал на большей части поселения навсегда утрачен для науки.

На поселении было заложено 2 раскопа. Раскоп № 1 разбит в северной части поселения, непосредственно у просеки новой трассы. Культурный слой с археологическим материалом залегал в коричневатом суглинке на глубине 3-5 см. В нем находился следующий археологический материал: 2 фрагмента гладкостенной керамики, фрагмент венчика керамического сосуда кон. XVIII - нач. XIX вв., фрагмент толстостенного сосуда XVIII в., фрагмент керамического сосуда харандаатского типа XVII-XVIII вв., кремневая заготовка – кресало со следами сработанности, а также 3 кусочка шлака, 1 образец глиняной обмазки и угли.

Весь археологический материал данного раскопа, по причине снятия дерна бульдозером, имеет плохую сохранность. Декор керамических фрагментов разрушился из-за большого количества влаги и выветривания.

Раскоп № 2 разбит в южной части поселения, на невысокой террасе за озерцом, в районе нахождения цокольного основания деревянной постройки (дома), перекрытого тонким слоем грунта. Раскоп ориентирован строго с юга на север. Культурный слой залегал на глубине 14-15 см, в отложениях коричневатых суглинков, в нем находился следующий археологический материал: кресальный камень для высечки огня с хорошо ретушированными ребрами, фрагменты гладкостенной керамики различной конфигурации; в квадрате А-2 обнаружено большое скопление остатков фауны домашних животных, кованая подкова из железа времен XVIII-XIX вв., поковка железного изделия почтового транспорта, с кольцами на концах.

Поселение «Хомустан» находится в 1,5 км от местности с поселением «Еланка» вверх по течению р. Лены. Размещено с восточной стороны возвышенности, которая как бы запирает вход в долину, ниже погоста.

В настоящее время на месте поселения, с северо-восточной части, сооружена жердевая изгородь для загона домашних животных (лошадей и крупного рогатого скота). В 270 м на северо-запад отмечена могила с этнографическим материалом. Раскоп был разбит в юго-восточной стороне возвышенности. Культурный слой залегал сразу под дерном на подстилающем слое коричневатых суглинков. В нем находились фрагменты гладкостенной керамики средневекового времени темного и светло-коричневого обжига. Вызывает интерес еще просматриваемый декор на фрагменте керамики в виде ногтевой насечки. Подобный декор – большая редкость. Кроме фрагментов керамики в раскопе обнаружены изделия из металла: железная пластинка, свернутая в «клубок», кованые двусоставные кольчатые удила (деталь узды конской сбруи-уздечки) с подвижными кольцами, железная поковка лапы – клюкореза или деталь инструмента.

Вызывает особый интерес конструкция изгороди забора-загона с особенностями связки-крепежа деталей из жердей. Традиция рубить постройки топором, без гвоздей и прочих крепежных материалов, техникой врубки одних деталей конструкций в другие известна на Руси еще с X в. [1, с. 136-195]. Эта традиция получила широкое распространение в Сибири и Якутии. В XVII в. традиция рубить жилище и возводить хозяйственные постройки каркасно-столбовым и срубным методами получила распространение в Ленском крае с приходом русских землепроходцев в Якутию на Лену.

Нам представляется, что изгородь-загон для животных на месте поселения сработана мастерами-плотниками в начале XX в. Рядом с изгородью экспедицией собран этнографический материал недавнего прошлого: берестяной короб (туесок) с крышкой, крышка от берестяного короба для хозяйственной мелочи, деревянный блок аркана для упряжного транспорта. Весь материал залегал в дерновом слое, перекрыт валежником. Эти вещи датированы позднесредневековым временем. При осмотре погоста, который находится в 250 м от поселения, на вершине холма в северо-западной стороне, собран этнографический материал, как у могилы, так и на территории погоста. На могиле сохранилась деревянная оградка, сработанная методом врубки при связке деталей по углам. Надгробие, символы вероисповедания усопшего отсутствуют. Могила изрядно заросла таежной растительностью. У могилы обнаружена деревянная ложка с резными узорами солярных символов. Лопать ложки глубоко выбрана специальным инструментом – шляхтой или ножом с кольцеобразным лезвием для выемки древесины при обработке дерева у резчиков-якутов XVIII - нач. XIX вв. («иет»). Ложка изготовлена мастером-кустарем.

Рядом с могилой была также обнаружена выпуклая скобообразная деревянная деталь инструмента или боковой подшипник ручной мельницы для установки на верхнем камне-бегунке, получивший широкое распространение на Руси в XI-XIV вв., а затем заимствованный народами Сибири и Дальнего Востока начиная с XVII в. и до нач. XX в.

В итоге отметим, что археологический и этнографический материал памятников датируется в хронологическом диапазоне XVIII-XIX вв., что соответствует периоду позднего средневековья на Северо-Востоке России. Цоколь от постройки дома, в месте дислокации раскопа № 2 поселения «Еланка», можно отнести к этому же периоду в Якутии. Возможно, в XVIII-XIX вв., на этом месте размещалась ямщицко-почтовая станция. Если судить по площади памятника и сравнительно незначительной отдаленности от пос. Еланка (в 1 км), в XVIII-XIX вв. на этом месте располагался одинокий хутор или заимка, широко распространенная в Сибири. На месте поселения «Хомустан» в XVIII-XIX вв. возможно находился ямщицкий кордон, а в последующее время животноводческий табор или отстой для скота.

Библиографический список

1. **Археология СССР.** Древняя Русь. Город, замок, село. – М., 1985.
2. **Кочмар Н.Н.** Отчет по х/д теме за 1996 г. Хангаласский улус. Улахан-Ан – Еланка (6-12 км) // Архив МАЭ ЯГУ. Ф. 3, оп. 1, ед. хр. 57.
3. **Соколов А.** Моя Еланка (очерки-раздумья о малой родине). – Якутск, 2005.

Научный руководитель: к.и.н., доцент Н.Н. Кочмар

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДИЩ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

В изучении средневековой культуры степной зоны Казахстана существует несколько проблем. Стоит задача выяснения истории изучения, типологии, датировки, факторов и механизмов возникновения городов в степной зоне Казахстана.

Проблема существования городов и поселений на степной территории Казахстана вызывала интерес многих ученых-востоковедов. В XIX веке российскими учеными-путешественниками: Н. Рычковым, Г.Ф. Генсом, И.П. Шангиным, И.П. Фальком, Н. Витзенем, Д.Г. Мессершмитом, Ф. Страленбергом, Г.Ф. Миллером, Г. Гмелином, Х. Барданесом, А.Я. Говердовским, Г.И. Спасским, А.И. Левшиным были зафиксированы остатки древних городищ, даны описания некоторых из них и составлены топопланы [5, с. 23].

Кроме российских письменных источников, важные сведения о локализации городищ содержатся в арабских и персидских произведениях: Ибн ал-Факиха, ал-Идриси, ал-Масуди, Рашид ад-Дина, Хафиз Таныша, Шарафуддин Али Ядзи и других. Описание средневековых городищ содержат труды П. Карпини и Г. Рубрука, а так же письменный памятник огузского эпоса «Китаби Коркут» [8, с. 15].

Первым археологом, который подробно изучил письменные источники, провел археологические исследования, изучил топографию и классифицировал городища Центрального Казахстана, был А.Х. Маргулан. В 1940-1950 гг. им были проведены разведочные работы в Центральном Казахстане и выявлены два локальных микрорайона: городская культура Нуры-Ишима и Сарысу-Улытауского региона [1, с. 11]. В сводной статье А.Х. Маргулан пишет об открытии более чем 60 городищ и неукрепленных поселений и дает описание некоторых из них.[5, с. 26].

Все укрепленные поселения А.Х. Маргулан делит на три вида:

1. Феодальные замки (Баскамыр, Ногербек-дарасы, Каратон);
2. Крепости-ставки;
3. Укрепленные поселения без внутренней застройки [8, с. 33].

Следующий этап в изучении степных городов начинается в 70-е гг., когда в состав Центрально-Казахстанской археологической экспедиции был включен палеоэтнографический отряд, занимавшийся исследованием поселений и зимовок XV-XVII вв. Были проведены раскопки на городище Аяккамыр и заложены шурфы на городище Найзагара [8, с. 33].

С.С. Жолдасбаев, изучив памятники городской культуры Центрального и Южного Казахстана позднего средневековья, дал следующую типологию:

1. Кыстак-зимовка (селище) – Аяккамыр, Баскамыр.
2. Временное укрепленное убежище – Алаша-хан, Ногербек-дарасы, Айбас-дарасы.
3. Кент (кала) – городище – Кызылкент, Талдыкент [4, с. 47].

Третьим периодом в изучении средневековых степных поселений является конец 80-х гг. Отрядом ново-строечной экспедиции Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством Ж.Е. Смаилова были проведены археологические работы в юго-западной части Центрального Казахстана. Были проведены раскопки городищ (Аяккамыр, Шот-Кара, Баскамыр и др.) и продолжены разведочные работы [10, с. 139].

Ж.Е. Смаилов провел типологию средневековых городищ по следующим признакам: месторасположение, площадь, наличие цитадели, расположение башен, наличие культурного слоя, расположение жилищ, материал оборонительных стен, ориентировка, хронология. Укрепленные поселения он делит на четыре вида:

1. Крепости-убежища (Алаша-хан, Тогузбай-куль);
2. Укрепленные замки (Шот-кара, Айбас-дарасы, Топрак-корган);
3. Сельские поселения (Аяккамыр);
4. Города-ставки (Баскамыр, Ногербек-дарасы, Хан-ордасы, Домбагул).

Он так же выделяет два вида неукрепленных поселений:

- 1.Ставки-орды (Джошы-ордасы, Болган-ана, Белен-ана, Аяккамыр, Келин-там).
- 2.Поселения-центры металлургии (Милюкудук, Соркудук, Акчий, Айнаколь, Кульман) [8, с. 37].

В изучении средневековой городской культуры Центрального Казахстана важными являются датировка, топография и планиграфия памятников. По керамическому комплексу средневековые поселения были отнесены А.Х. Маргуланом к трем периодам:

- 1) Раннекипчакские (VI-IX вв.);
- 2) Домонгольского времени (X-XII вв.);

3) Монгольского времени (XIII-XV вв.) [5, с. 16].

Городища и неукрепленные поселения локализуются по берегам степных рек и в ущельях гор. По топографии городища прямоугольной, иногда трапецевидной формы, ориентированы углами (реже стенами) по сторонам света, укреплены валом и рвом, имеют угловые башни, в ряде случаев цитадели. Имеют от одного до четырех въездов. По конструкции городища Сары-арки схожи с городищами типа «торткуль» (что значит «четырёхугольник») северо-восточного Семиречья [2, с. 81]. Об этом пишет К.М. Байпаков: «...Оказалось, что памятники подобного типа широко распространены не только в Семиречье, но и на Тянь-Шане, в Иссык-кульской котловине, Центральном Казахстане, В Туве и Монголии...». На это сходство так же обращают внимание Ж.Е. Смаилов и Т.В. Савельева [7, с. 56; 8, с. 34; 9, с. 53].

Относительно причин возникновения городищ данного типа, в археологии существует несколько мнений:

1. Городища локализуются в степных оазисах Южного, Центрального и Северного Казахстана, землях, по которым проходил Уванасский торговый путь. Следовательно, городища функционировали как караван-сарай [6, с. 21, 22].

2. Большинство городов не имеют внутренней застройки, что позволяет предположить, что они служили временным (сезонным) укрытием. Они строились скотоводами и служили для охраны и закрепления сезонных пастбищ и скотопроезжих путей в горные ущелья к сезонным пастбищам [7, с. 57].

3. Городища Центрального Казахстана возникают как металлургические и ремесленные центры.

4. Городища являлись административными центрами, т.е. городами-ставками, которые могли одновременно быть и ремесленными, торговыми и духовными центрами.

Проблема перехода некоторой части кочевого населения средневекового Казахстана к оседлому образу жизни еще не до конца изучена, существует ряд спорных вопросов, требующих дальнейшего археологического изучения всей территории степного Казахстана.

Библиографический список

1. Акишев К.А. К проблеме средневековой городской культуры Сары-Арки // Международный Евразийский форум. Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность (тезисы докладов и сообщений III научной конференции). Астана-Омск-Томск, 2003.
2. Байпаков К.М. Городища типа «торткуль» // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.
3. Байпаков К.М. Некоторые вопросы изучения раннесредневековых городов Семиречья и Южного Казахстана // Успехи среднеазиатской археологии. Выпуск 4. Л. 1979.
4. Жолдасбаев С.С. Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана (XV-XIX) // Прошлое Казахстана по археологическим источникам, Алма-Ата, 1976.
5. Маргулан А.Х. Памятники оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.
6. Маргулан А.Х. Мир казахов. Алма-Ата, 1997.
7. Савельева Т.В. Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау в VIII-XIII вв. (По материалам раскопок городища Талгар и памятников его периферии). Алматы, 1994.
8. Смаилов Ж.Е. Памятники археологии Западной Сары-Арки (средневековые городища и поселения). Балхаш, 1997.
9. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
10. Хабдулина М.К. Средневековое городище Бузок: некоторые проблемы изучения // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2005. № I.

Научный руководитель: директор НИИ археологии им. К. А. Акишева, к.и.н. М.К. Хабдулина

С.Д. Проконец

Владивосток, Дальневосточный государственный университет, 4 курс

НОВЫЕ НАХОДКИ ЗАЩИТНОГО ВООРУЖЕНИЯ ИЗ КРАСНОЯРОВСКОГО ГОРОДИЩА

Красноярское городище расположено в Уссурийском районе Приморского края и отождествляется с Верхней столицей чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215 – 1233гг.) – г. Кайюань [3]. В коллекции материалов городища есть несколько уникальных вещей, при помощи которых нам удалось реконструировать неиз-

вестные до этого части доспеха чжурчжэньского воина [1; 2]. Более того, на нем периодически находят новые, не менее интересные находки, что дает возможность изучить проблему чжурчжэньского вооружения глубже. Однако, большая часть таких открытий была сделана браконьерами.

При браконьерских раскопках, в юго-восточной части городища, были обнаружены две части ламеллярного доспеха, состоящего из распространенных для чжурчжэньских городищ Приморья (XIII в.) панцирных пластин. Они представляют собой узкие металлические прямоугольные пластины, в среднем 2,5х9см, с пятью параллельными парами отверстий по краям сверху и с тремя параллельными парами отверстий по краям снизу пластины. Еще одно отверстие находилось по центру нижнего края (таб. 1; рис. 2).

Обе части панциря пострадали от действий браконьеров, однако их можно реконструировать, за исключением мелких деталей. Можно сказать, что на тот момент нам впервые удалось зафиксировать панцирь такого класса, а в дальнейшем сделать его реконструкцию.

Первая часть представляла фрагмент панциря состоящего из нескольких слоев. В первом слое зафиксировано 9 рядов пластин, которые лежали лицевой стороной вверх. Ряды находили друг на друга сверху вниз. Пластинки в рядах – слева на право.

Верхние 3 ряда состояли в среднем из 16 пластин, с правого края они доходили лишь до середины всего слоя. Ширина этих 3-х рядов составляла примерно 30 см, высота – 24 см. В 3-м ряду, с правого края находилась одна боковая пластина. Она представляла собой по высоте стандартную пластину, но с обрезанным по вертикали одним краем. За счет этого у боковых пластин с одного края сохраняется набор отверстий стандартной пластины, а с другого края, вместо такого же набора отверстий зафиксировано лишь два с верхнего края и одно с нижнего (таб.1; рис. 3). До этого не было известно функциональное назначение подобных пластин в составе панциря. Обнаруженный доспех дал нам возможность определить их назначение. Находясь по бокам рядов, они служили для подвязки дополнительных элементов защиты, а так же связки некоторых отдельных элементов панциря между собой.

Далее на эти 3 ряда находили еще 6 рядов, в среднем по 30 пластин в каждом ряду. В результате чего, ширина слоя панцирных пластин в этой части составляла примерно 56 см. Высота слоя составляла от 40 до 60 см.

Под первым слоем, в низкой его части, лежала большая железная U-образная пластина в виде полумесяца (таб.1; рис.8). «Рога» этого полумесяца, выступая из под рядов пластин первого слоя, были повернуты вверх. Размеры пластины: ширина 24,2 см, высота с «рогом» – 25 см, высота в средней части – 15 см. В каждом «роге» находилось по одному отверстию. Ниже на 9 см по краям пластины, параллельно верхним отверстиям, находилось еще по одному отверстию. Сама пластина немного выгнута.

Подобные пластины были ранее обнаружены на Шайгинском городище (Приморский край). Первоначально их отнесли к металлической обкладке луки седла. Так как эта пластина была найдена среди панцирных пластин, ее функциональное назначение было пересмотрено. Позже, похожие пластины были обнаружены нами в японских доспехах. Там они выполняли роль подмышечных подкладок *Ваки-бики*, и были как составные (кольчужные, из пластин, из бригантины), так и из цельного материала [5, с. 67].

Под первым слоем находился второй, состоящий из 7 рядов. Пластины лежали на изнаночной стороне. Ряды находили друг на друга с низа вверх.

Первые 3 верхних ряда, также как и в первом слое, были намного короче остальных и имели в среднем по 19 пластин. Ширина этих рядов в среднем составляла 37 см. Высота такая же, как и в первом слое – 40-60 см.

Пластины в рядах этого слоя расходились от середины первых 3-х рядов в разные стороны, причем центральная пластина находилась сверху, а остальные пластинки ряда уходили под нее. Таким образом, пластины расходились по одной линии от самых верхних рядов слоя до самых нижних. На концах обоих краев 3-го ряда были зафиксированы боковые пластины.

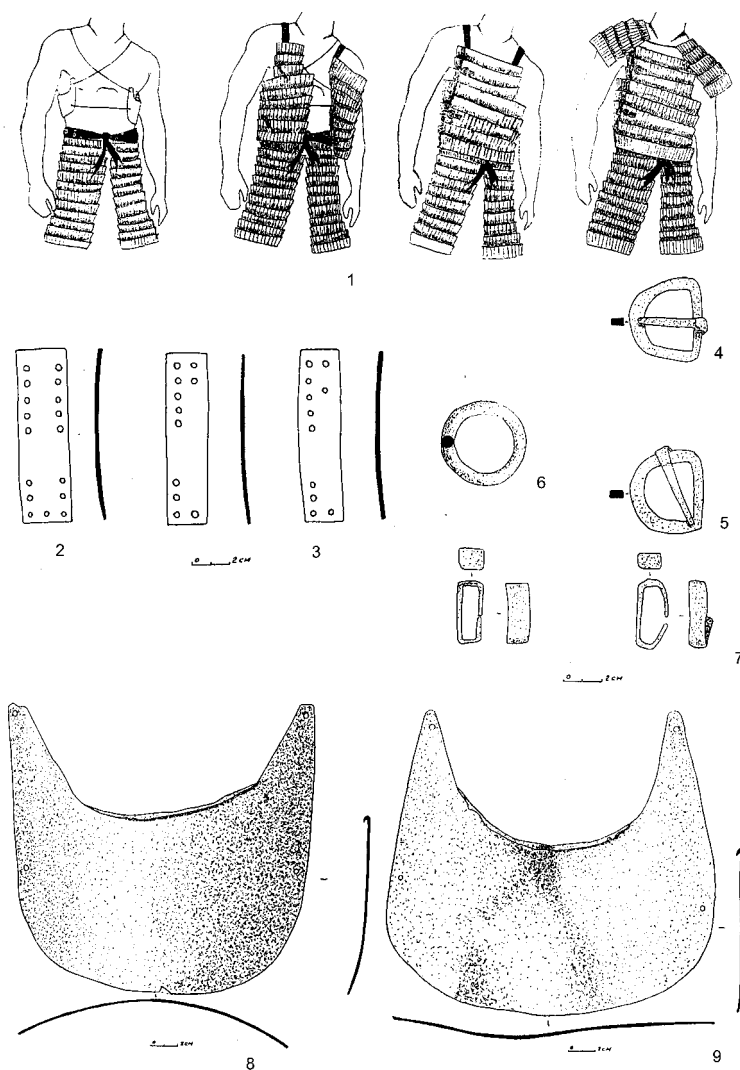
Под первые 3 ряда заходило еще 6 рядов пластин. Они в среднем состояли из 45 пластин. Ширина рядов в самой большой части – 82 см, высота – 39 см.

На расстоянии 20 см от верхних трех рядов на том же уровне находился часть панциря, состоящая из трех рядов примерно по 16 пластин в каждом. Ее ширина - 16 см, длина – 24 см. На 3-м ряду с западного конца находилась одна боковая пластина.

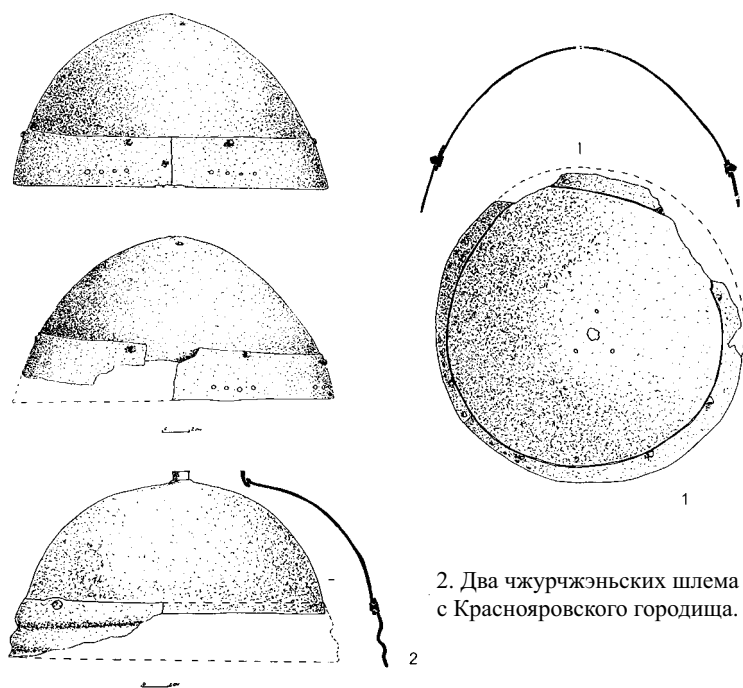
В верхнем правом углу второго слоя панцирных пластин была обнаружена пряжка с наременным хомутом (таб.1; рис.4-7). Подобные пряжки было принято называть «подпружными». Появление подобных пряжек в составе панциря говорит о разнообразных возможностях их применения чжурчжэнями.

После снятия 2-го слоя была обнаружена еще одна U-образная пластина, немного деформированная из-за тяжести слоев, лежащих над ней. Размер пластины такой же, как у первой (таб.1; рис.9).

Рядом с пластиной лежали две пряжки, одна из которых имела наременный хомут, и здесь же находился третий слой панцирных пластин, который состоял из двух небольших фрагментов, лежащих недалеко друг от друга. Оба фрагмента были повернуты на изнаночную сторону. В каждом находилось по 5 рядов из 17 пластин в каждом. Ряды расходились в разные стороны от центральной пластины, по восемь – в каждую из сторон.

1. Чжурчжэньский панцирь с Красноярского городища.

2. Два чжурчжэньских шлема с Красноярского городища.

Вся первая часть панциря в целом состояла из 650 панцирных пластин, двух U-образных пластин, двух пряжек, одной подпружной пряжки, двух наременных хомутов и одного железного кольца диаметром 6 см (таб.1; рис.6), лежащего у восточного края фрагмента.

Вся эта часть, некогда представлявшая один панцирь, хранясь на какой-то высоте, упала вниз. Об этом свидетельствует керамический сосуд, раздавленный этим панцирем, фрагменты которого находились именно под ним. В результате падения некоторые части панциря деформировались.

После дальнейшей обработки первой части в камеральных условиях, нами был сделан вывод, что она являлась верхней частью доспехов. Причем первые два слоя являются останками ламеллярного жилета с левым запахом. Первый слой относился к защите груди воина, а второй – к защите спины. Маленький фрагмент из второго слоя, скорее всего, служил для крепления панциря на правом плече воина. Именно на него находила часть панциря, защищавшая грудь и там пристегивалась при помощи двух пряжек, найденных под вторым слоем. Две U-образные пластины служили для защиты подмышек (таб.1; рис.1).

Два фрагмента третьего слоя относились к наплечникам. Они были похожи на две большие лопасти. Кольцо, вероятней всего, служило для развода жгутов, крепящих наплечники к телу воина, или было элементом портупей. Подпружная пряжка могла так же принадлежать этой портупей.

Вторая часть панциря находилась от первой на расстоянии 50 см к западу. Она плохо сохранилась, так как браконьерский шурф находился прямо по ее центру. Центральная часть сильно пострадала и практически отсутствует. Нам удалось зачистить два слоя.

От первого слоя осталось лишь два небольших фрагмента. Оба лежали на изнаночной стороне. Один фрагмент сохранился в виде пяти рядов панцирных пластин. Максимальное количество пластин у более или менее сохранившегося ряда составляло 15 штук. Второй фрагмент состоял из 3-х рядов, с максимальным количеством пластин в самом сохранившемся ряду 10 штук.

Второй слой так же был плохой сохранности. Он состоял из двух фрагмен-

тов лежащих лицевой стороной кверху. Первый фрагмент насчитывал 6 рядов примерно по 17 пластин в каждом. Второй – 8 рядов. Наиболее сохранившийся ряд этого фрагмента состоял из 19 пластин.

Похоже, что вторая часть являлась единым целым с первой частью и вместе с ней упала вниз.

Из-за плохой сохранности второй части, определить точную форму практически невозможно. По нашей реконструкции она являлась подолом панциря. Здесь можно предположить два варианта покроя:

1) двухчастный подол, подобный подолу киданьского доспеха, изображенного на картине «18 жалоб Цай Янчжи». Подобные подолы бытовали и у монголов [4, рис. 2, с. 176].

2) Набедренник из четырех – пяти секций, по покрою подобный японским набедренникам *Иго-хайдатэ*. Стоит так же отметить, что такие набедренники предпочитали всадники из-за большего комфорта при посадке в седло за счет разделения набедренника на секции [5, с. 73].

Постоянная манипуляция оружием во время боя обнажала уязвимые места панциря и тела воина. В результате чего, приходилось утяжелять доспехи.

Именно для цели большей защиты появляются подмышечные пластины. У японцев, подмышечные подкладки *Ваки-бики* существовали именно как дополнительная броня для защиты подмышек воина. Их либо крепили за нижнюю часть наручей, так что они просто свисали по разным сторонам, либо как отдельные части привязывали к телу перед надеванием основного доспеха [5, с. 66].

Чжурчжэньские подмышечники, скорее всего, носились под панцирем. Об этом свидетельствует пластина, лежащая под первым слоем первой части панциря.

Похожие пластины прослеживаются у киданьского воина на упомянутом выше рисунке «18 жалоб Цай Янчжи». Там у одного из изображенных воинов подмышкой можно разглядеть схематически изображенную U-образную пластину [4, с. 166].

Форма наплечников, как двух больших лопастей, направленных в разные стороны, так же была выбрана не зря. Во время боя, такие наплечники вполне могли исполнять роль подвижного щита. Причем наплечники не создавали помех воину, сражающемуся с луком или с мечом.

При ведении боя луком, большей вероятности поражения воин подвергал левую сторону тела. Возможно, левый запах появился именно для того, чтобы качественнее защитить левую сторону. В результате такого запаха, как раз под левой рукой и проходят неразрывные ряды пластин панциря.

Таким образом, по нашей реконструкции обнаруженный на Красноярском городище доспех состоял из ламеллярного жилета с левым вертикальным запахом, под который подкладывались две U-образные подмышечные пластины. Плечи воина защищали наплечники в виде двух лопастей. Нижнюю часть туловища защищал набедренник или подол, состоящий из нескольких частей (таб.1; рис.1).

Реконструированный нами доспех, на данный момент является единственным полным чжурчжэньским доспехом такого класса.

В 2003 году, на Красноярском городище в районе центральных ворот на склоне оврага были обнаружены два шлема, вложенных друг в друга.

Один из них практически ничем не отличается от обнаруженных ранее чжурчжэньских шлемов. Он представляет собой железную, цельнокованую полусферическую тулию (D=25,5 см, H=15 см) с трубочкой для плюмажа, с кованным выпуклым ободом (H≈5,5 см) и налобной пластиной с чеканкой в виде двух приподнятых бровей. Обод и налобная пластина были прикреплены к тулии при помощи небольших клепок. По нижнему краю обода идут парные отверстия для подвязки бармицы, которая состояла из стандартных для чжурчжэней Приморья панцирных пластин. Практически все элементы шлема, кроме тулии, имеют очень плохую фрагментированную сохранность (таб.2; рис.2).

Другой шлем отличался от первого (таб. 2; рис. 1). Он так же состоял из цельнокованой металлической тулии полусферической формы (D=24,80 см, H=13,5 см). Его нижний край обрамлял кованный металлический обод плоской формы, который от затылочной части шлема расширялся в сторону лобной, создавая тем самым, своего рода козырек (H^{min}=3,6 см, H^{max}≈5,6 см) Обод был прикреплен к тулии при помощи клепок, выполненных в такой декоративной манере, что их внешняя сторона напоминала маленькие «рожки». Расстояние между клепками в среднем 6 см. На вершине купола тулии находятся четыре отверстия для прикрепления наверх. Большее отверстие (D=0,9 см) находится в центре, а вокруг него по радиально расположены еще три более мелких отверстия (D=0,3 см) на расстоянии 1,5 см друг от друга. Само навершие не сохранилось.

По нижнему краю обода на затылочной части шлема находились три группы отверстий по четыре в каждой из групп (D=0,4 см), расстояние между отверстиями в среднем 1 см, расстояние между группами – 5 см. Они, скорее всего, служили для крепежа к шлему бармицы. Сама бармица от шлема не сохранилась. Если судить по расположению отверстий, бармица должна была закрывать только затылок воина, хотя у найденных до этого чжурчжэньских шлемов, она закрывала полностью шею и частично плечи.

Подобный шлем в Приморье найден впервые. В связи с плохой сохранностью шлема трудно говорить об аналогиях. Шлемы с цельноковаными тулиями были широко распространены по всей территории Евразии в

средние века. Так же немало шлемов существовало с декоративными приклепывающимися наверху нащечниками, бармицей и ободом.

До этого в Приморье уже находили чжурчжэньские шлемы, но все они принадлежали одному виду, идентичному с тем, в который был вложен новый шлем. Всего их найдено 6 штук, причем 5 из них на Красноярском городище, 1 на - Гусевском (Надеждинский р-н, Приморский край) [1].

Так же можно предположить существование у чжурчжэней еще одного шлема с козырьком. Правда, восстанавить такой шлем практически невозможно, в связи с тем, что на данный момент его наличие подтверждается только козырьком, найденным в браконьерском шурфе на Шайгинском городище (Партизанский р-н, Приморский край) [6].

Новые находки панциря и шлемов стали интересным дополнением ко всей паноплии защитного вооружения чжурчжэньского воина.

Библиографический список

1. **Артемьева Н.Г.** Предметы защитного вооружения с Красноярского городища // Вестн. ДВО РАН. 1999. № 5. С. 36-41.
2. **Артемьева Н.Г.** Новый тип чжурчжэньского панциря // Вестн. ДВО РАН. 2002. № 1. С. 109-113.
3. **Артемьева Н.Г., Ивлиев А.Л.** Новые факты в пользу отождествления Красноярского городища с Верхней столицей государства Восточное Ся // Тез. докл. и сообщений междунар. научн. конф. «Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему». Владивосток, 1996. С. 101-102.
4. **Горелик М.В.** Ранний монгольский доспех (IX-первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск, 1987. С. 163-208.
5. **Носов К.С.** Вооружение самураев. М., 2004. – 252 с.
6. **Прокопец С.Д.** Новый тип оформления чжурчжэньского шлема // Восьмая дальневосточная конференция молодых историков. Сборник материалов. Владивосток, 2004. С. 200-203.

Научный руководитель: д.и.н., проф. Д.Л. Бродянский

А.Я. Райтер

Омск, Омский государственный университет, 4 курс

НОВОЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОТЧЕВАШСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам у д. Усть-Тара)

Потчевашская культура локализована в южной подзоне тайги и лесостепи Среднего и Прииртышья и Приишимья. Границы ее определяются ориентировочно [4, карта 37, с. 184]. В Прииртышье, на юго-востоке, ее ареал захватывает бассейн р. Омь. На юге, на правобережье Иртыша, памятники этой культуры фиксируются у с. Качиры Павлоградской области. В Приишимье потчевашские памятники известны в Ишимской лесостепи и в таежной части по Нижнему Иртышу. В Иртыш-Ишимском междуречье выявлены только отдельные поселения на озерах Ик и Ачикуль. В таежной зоне Прииртышья памятники распространены до Тобольска и, возможно, далее к северу [4, с. 185]. В литературе существует ряд точек зрения о периоде существования данной культуры [3, с. 43; 2, с. 215; 5, с. 204, с. 216]. Сложным остается вопрос о ее происхождении.

Таким образом, введение в научный оборот новых материалов может позволить лучше узнать некоторые культурные особенности потчевашской культуры связанные с керамическим производством на разных территориях ее распространения. Цель данной работы – проанализировать данные, полученные в ходе археологической разведки 2006 г. проведенной от д. Усть-Тара до устья р. Зимовная. Обследования в местности у д. Усть-Тара Киргапским отрядом Омского государственного университета под руководством К.Н. Тихомирова.

В ходе разведки были обследованы участки правого берега р. Тара и р. Зимовная. При обследовании местности обнаружено четыре новых памятника. В ходе работ было заложено 4 раскопа по 16 кв. м., которые показали что памятники многослойны.

Памятник Усть-Тара 68 расположен на берегу р. Зимовная в 200 м от устья на восточной окраине д. Усть-Тара. Памятник обнаружен в ходе обследования осыпи берега. При раскопках обнаружен один фрагмент керамики эпохи раннего средневековья (рис. 1 - 8).

Памятники Усть-Тара 69 и Усть-Тара 71 находятся на окраине леса в 477 метрах к северу от русла р. Тара, в 1,2 км к СВВ от устья р. Зимовная на правом берегу р. Тара на краю первой надпойменной сглаженной террасы р. Зимовная. Они были обнаружены во время обследования лесозащитных борозд. На памятнике Усть-Тара 69 было обнаружено три фрагмента, относящихся к эпохе раннего средневековья (рис. 1 – 3, 5, 6). Один фрагмент обнаружен на памятнике Усть-Тара 71 (рис. 1 - 2).

При обследовании осыпающегося берега р. Тара в д. Усть-Тара в 30 м к востоку от бетонной опоры линии электропередач, переходящей здесь через р. Тара, в 40 м к востоку от парома был обнаружен памятник Усть-Тара 70. Он расположен в 160 метрах к СЗ от устья р. Зимовная, вниз по течению р. Тара. Памятник был обнаружен по найденным в осыпи фрагментам потчевашской керамики (рис. 1 - 9). К эпохе средневековья относятся три фрагмента керамики (рис. 1 – 1, 4, 7).

Среди общего количества керамики полученной на памятниках в этом районе в 2006 г. 15 фрагментов относятся к потчевашской культуре эпохи раннего средневековья.

Фрагменты исследованной керамики относятся к 6 сосудам. Они вылеплены из глины, с добавлением песка, кальцинированных костей животных и шамота. Цвет поверхности сосудов темно-коричневый, лишь фрагмент венчика с поселения Усть-Тара 71 имеет светло-серый цвет (рис. 1 - 2). Обжиг костровый.

Скопление керамики обнаруженное в осыпи правого берега р. Тара на памятнике Усть-Тара 70, относится к одному сосуду. Это фрагменты венчика сосуда. Сосуд вылеплен из плохого теста. Срез венчика прямой, орнаментирован косо поставленной мелкозубой гребенкой. Шейка венчика высокая, в орнаментации используется крупнозубый и мелкозубый гребенчатый штамп. По верхнему краю венчика ряд ямок, нанесенный поверх гребенчатого штампа. Особенностью данного фрагмента является валик в нижней части шейки венчика. Валик получен при формовке сосуда. Данный элемент сосуда орнаментирован елочкой, выполненной мелкозубым гребенчатым штампом (рис. 1 - 9). Аналогии данному фрагменту венчика имеются на поселении Садовка Кыштовского района Новосибирской области [1, рис. 62 – 2, с. 129]. На большинстве фрагментов в коллекции 2006 г. присутствует крупнозубый и мелкозубый гребенчатый штамп (рис. 1 – 1-3, 5, 7-9). Канеллюры выполнены протаскиванием гребенчатого штампа (рис. 1 - 1, 4) и выполненные мелкозубым и крупнозубым гребенчатым штампом (рис. 1 - 7, 8). На фрагменте с памятника Усть-Тара 71 переход от шейки венчика к тулову орнаментирован глазчатым штампом поставленным перпендикулярно поверхности (рис. 1 - 2). Срез венчика округлый, орнаментирован мелкозубой гребенкой. Этот сосуд открытой формы. Прослеживается резкий переход от венчика к тулову. На фрагменте венчика с памятника Усть-Тара 69 в манере орнаментации также используется глазчатый штамп, поставленный перпендикулярно к поверхности. Срез венчика прямой, орнаментирован косо поставленной мелкозубой гребенкой (рис. 1- 3).

Интересен фрагмент с поселения Усть-Тара 69 с фигурным штампом в виде двух вертикально соединенных окружностей. Два орнаментальных поля разделяет косо поставленный фигурный штамп, выполненный из трех соединенных окружностей (рис. 1 - 6). Этот элемент характерен для керамики потчевашской культуры. Аналогии ему имеются на поселении Садовка [1, рис. 63 - 1, 4, 5, с. 129].

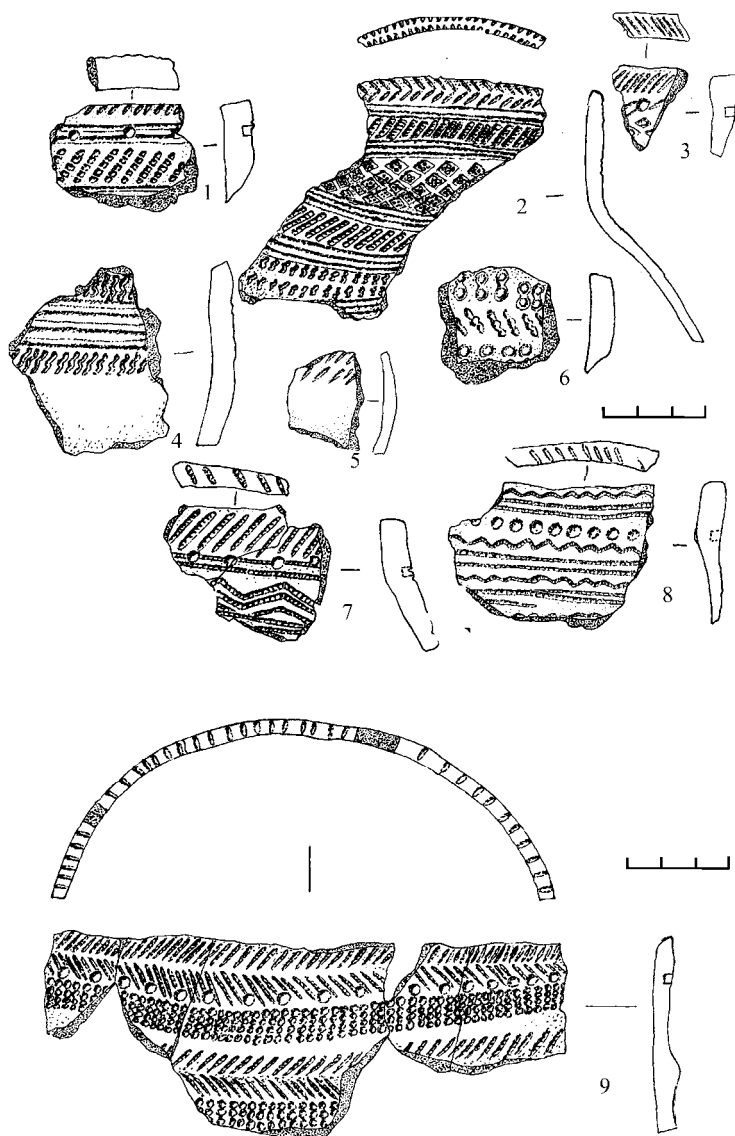

Рис. 1. Керамика раннего средневековья у д. Усть-Тара

На фрагменте венчика сосуда с поселения Усть-Тара 68 в орнаментации присутствуют змейка и канелюры, выполненные мелкозубым гребенчатым штампом (рис. 1- 8). Аналогичные мотивы орнаментации встречаются на керамике с поселения Окунево Х [6, рис. 65 - 5,6, с. 162]. Штамп змейка нанесен небрежно, это характерно для потчевашской керамики с таким видом орнаментации.

В целом, о срезах венчиках полученной керамической коллекции 2006 г. можно сказать, что они прямые, украшены оттисками гребенчатого штампа. Только фрагмент с поселения Усть-Тара 71 имеет округлую форму среза венчика (рис. 1 - 2).

Сравнивая материалы, полученные в ходе разведки в 2006 г. и материалы 2005 г. с городища Новоягодное II относящиеся к раннему средневековью можно отметить, что керамика 2006 г. по манере орнаментации соотносится с ранее выделенными четырьмя группами керамики с городища Новоягодное II [7, с. 58]. Кроме этого, аналогии этой керамики имеются в материалах со Сперановского, Логиновского городищ и других памятников относящихся к потчевашской культуре эпохи раннего средневековья.

Таким образом, керамика обнаруженная в ходе работ 2006 г. имеет наибольшие аналогии среди потчевашской керамики эпохи раннего средневековья, что дополняет корпус источников по эпохе средневековья южнотажной зоны Западной Сибири.

Работы выполнены при финансовой поддержке РГНФ, проект 06-01-18087е

Библиографический список

1. Бараба в тюркское время / В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин и др. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.
2. Генинг В.Ф., Корякова Л.Н., Соболев В.И., Федорова Н.В. Памятники железного века в Омском Прииртышье // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. – С. 203-228.
3. Конигов Б.А. Основы средневековой археологии Западной Сибири: Учеб. пос. по спецкурсу. – Омск: ОмГПИ, 1992. – 96 с.
4. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987 – С. 163-236.
5. Мошинская В.И. Городище и курганы Потчеваш (к вопросу о потчевашской культуре) // МИА, 1953. – № 35.
6. Нижнетарский археологический микрорайон / П.В. Большаник, А.В. Жук, В.И. Матющенко и др. – Новосибирск: Наука, 2001. – 256 с.
7. Райтер А.Я. Новые раскопки на городище Новоягодное II (раннесредневековые материалы) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. – Т. II. – Красноярск, 2006. – С. 57 – 58.

Научный руководитель: ст. преподаватель кафедры первобытной истории, к.и.н. К.Н. Тихомиров

Н.В. Рыбин

Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет, 3 курс

РУССКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ НОВОСИБИРСКОГО ПРИОБЬЯ XVIII в.

Первые артиллерийские орудия попадают в Сибирь с отрядом Ермака: в 1582 г. недалеко от урочища Бабасан на берегу р. Тобол Ермак при высадке десанта и штурме укреплений впервые в Сибири применил артиллерию – 3 пушки [4, с. 24]. В дальнейшем снабжению артиллерией сибирских гарнизонов уделялось особое внимание со стороны российских властей, примером тому служит «Указная память царей Иоанна и Петра Алексеевичей боярину князю В.В. Голицыну о взятии в пушкарском приказе для отправки через Сибирский приказ в Тобольск пушек и ядер», написанная в 1695 году.

Присоединение Сибири шло довольно быстрыми темпами, преимущество русских заключалось в превосходстве вооружения. Обладая артиллерийскими орудиями и лёгким стрелковым оружием, они могли противостоять превосходившим по численности сибирским народам. На вооружении острогов стояло огнестрельное оружие, в том числе и артиллерийские орудия. Остроги, за редким исключением [5, с. 32-33] эффективно защищали от оружия коренных народов Сибири, но сами не были готовы к осаде артиллерией – Албазинский острог в 1685 г. не выдержал осаду манчжурской армии двадцатифунтовые ядра пушек которой «сквозь острог проходили; была подбита одна из русских пушек, завалены амбразуры, подожжены деревянные строения...»

[1, с. 108]. В качестве источников для изучения Сибирской артиллерии служат как письменные источники (Документы из Государственного исторического музея: «Роспись московского пушечного двора пушкам и ядрам, которые годны для отправки в Тобольск» 1685 года, «Ответы Томской воеводской канцелярии на вопросные пункты профессора Миллера» 1741 года), так и артиллерийские орудия и ядра, находящиеся в музеях Бийска, Новосибирска, Барнаула, Кемерово и Томска, а также орудия, выставленные в качестве памятников в Бийске, Тобольском кремле. Исследование сибирской артиллерии на базе археологического материала было начато А.К. Станюковичем, изучавшем артиллерийские орудия лагеря экспедиции В. Беринга [10, с. 115-128], и Н.Б. Аюшиным, который рассматривал артиллерию Албазинского острога [1, с. 107-114].

На территории Новосибирского Приобья на сегодняшний день известно три острога: Умревинский, основанный в 1703 г., Чаусский, построенный в 1713 г. и Бердский основанный в 1716 г. [7, с. 83-88]. Здесь, в начале XVIII в., в качестве вооружения, появляются первые русские пушки, которые являются объектом данного исследования. Проблема артиллерии XVIII века в Верхнем Приобье является одним из слабо изученных и крайне запутанных вопросов. До сих пор не известно точно, сколько было в регионе орудий, какого они были калибра и года выпуска, куда передавались и где искать их следы сегодня.

Цель этой работы – на основании информации из письменных источников, с привлечением артефактов, полученных в ходе археологических исследований, подтвердить или уточнить количество артиллерийских орудий в острогах, построенных, на территории Новосибирской области.

По данным Миллера [6, с. 274], артиллерии в Умревинском остроге не было. Но весной 2002 г. за пределами острога на расстоянии приблизительно 300 м, было обнаружено скопление пятнадцати небольших железных ядер диаметром 4,2 см, массой 310 гр. (Рис. 1: 2). Калибр их равен 3/4 гривенки (фунта) [2, с. 263], ядра были отлиты – о чём свидетельствуют отчётливые литейные швы на поверхности. Вероятнее всего они служили зарядом для «затинной» пищали (пищали, находившейся «за тыном», орудия использовавшегося для защиты крепости) или тюфяка – артиллерийского орудия предназначенного для стрельбы по живым целям «дробом» (картечью), а также могли стрелять ядрами. Летом 2003 г. один из местных жителей передал А.П. Бородавскому ядро, найденное напротив того места, где когда-то стояли стены Умревинского острога (Рис. 1: 3). Диаметр этого ядра – 7 см., [2, с. 263] калибр – 4 фунта. Эта находка позволяет сказать, что на вооружении Умревинского острога находилось несколько разнокалиберных пушек.

Письменные источники дают сведений о наличии артиллерии в Чаусском остроге. Последнее письменное упоминание об артиллерии Чаусского острога относится к 1-й пол. XIX в. В заметке путешественника по Сибири, опубликованной в газете «Северная пчела» за 1827 г., [8, с. 163]. В описании вооружения Чаусского острога от 1741 г. упоминалось пять артиллерийских орудий – одна пушка медная, и четыре чугунные. Зарядный комплект составлял восемьдесят три крупных и мелких заряда (ядра) [3, с. 225], что свидетельствовало о том, что в остроге находились разнокалиберные орудия. Не исключено, что четыре чугунных артиллерийских орудия Чаусского острога были присланы из Тобольска, куда они попали с уральского Верхотурского чугунно-литейного завода, в первой половине XVIII в., из числа отлитых в 1702-1703 гг. пушек. Двенадцать орудий из Тобольска оказались в Бикатунской крепости в 1756 г. [5, с. 47]. Две пушки из этой партии орудий были установлены в честь двухсотлетнего основания города Бийска, где находятся до сих пор у стадиона «Авангард».

Последнее же устное упоминание об артиллерии острога связано с колыванским восстанием 1920 г. [9, с. 102-107] – пушки были перевезены на пристань Колывани для защиты от высадки красноармейского десанта, прибывшего водным путём. Однако в настоящее время о дальнейшей судьбе этих артиллерийских орудий ничего не известно.

Частным доказательством присутствия артиллерии в острогах является существование пушкарей. Так, был человек, который должен был следить за состоянием артиллерии и в Бердском остроге. По переписи служилых людей этого оборонительного пункта в 1719 г. здесь был зарегистрирован один пушкарь – Кузнецов Т. По данным, извлечённым А.Д. Сергеевым из архива в 1754 г. в Бердском остроге находилось 2 орудия [11, с. 15]. Кроме этого, совсем недавно при обследовании затопленной территории Бердского острога были сделаны одиночные находки ядер: обнаружено ядро, масса этого ядра составляет 108 грамм (Рис. 1: 1). Из-за коррозии металла, это ядро плохо сохранилось и на данный момент можно только предполагать первоначальную массу этого ядра. Еще одно ядро найдено недалеко от ОбьГЭС – недалеко от того места, где когда-то находился Бердский острог.

Для территории Новосибирского Приобья совсем недавно появились археологические источники по артиллерии XVIII в. – 18 ядер найденных в этом регионе: 16 ядер, найденных недалеко от места, где стоял Умревинский острог, доказывают существование артиллерии в этом месте, а 2 ядра с Бердского острога подтверждают информацию письменных источников о нахождении артиллерии в этом пункте.

Библиографический список

1. Аюшин Н.Б. Артиллерия в борьбе за Албазинский острог // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. Историко-археологические исследования. Т. 3. Владивосток, 1998.

2. **Бородовский А. П.** Археологические исследования Умревинского острога // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002.
3. **Долгова С.Р., Резун Д.Я.** Новое о Чаусском остроге // Исследование по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984.
4. **Зуев А.С.** Сибирь: Вехи истории. Новосибирск, 1998.
5. **Исупов С.Ю.** Бийск: острог, крепость, город. Бийск, 1999.
6. **Миллер Г.Ф.** Описание Сибирского царства. К. 1. СПб., 1750.
7. **Миненко Н.А.** По Московскому тракту. Новосибирск, 1990.
8. **Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н.** Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. Новосибирск, 1996.
9. **Памятники Новосибирской области.** Новосибирск, 1989.
10. **Станюкович А.К.** Археологические комплексы лагеря экспедиции Беринга на правом берегу р. Командор // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. Историко-археологические исследования. Т. 3. Владивосток, 1998.
11. **Сергеев А.Д.** Тайны алтайских крепостей. Барнаул, 1975.

Научный руководитель: к. и. н., доц. кафедры ТИКМ ИИГСО НГПУ А.П. Бородовский,

С.Е. Саранцева

Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

ЗНАКИ НА ЧЕРЕПИЦЕ

В 1975 г. во время археологических исследований на Шайгинском городище, памятнике эпохи чжурчжэнь (1115 – 1234 гг.) в Приморском крае были обнаружены два фрагмента черепицы со знаками (рис. 1). Находки были сделаны при раскопках здания колоннадного типа № 4, среди большого количества сильно фрагментированной нижней основной черепицы, некогда покрывавшей крышу постройки. Знаки были прочерчены до обжига, в верхней части черепицы, на ее внешней поверхности. Один из них (рис. 1б), по определению А.Л. Ивлиева, является китайским, и означает «*дин*», что значит «гвоздь». Второй знак прочтению не поддается (рис. 1а).

В настоящий момент знаки являются единственными в своем роде и впервые были встречены на чжурчжэньской черепице. Напротив, знаки на керамических сосудах были довольно широко распространены у чжурчжэньской Приморья и встречаются среди находок как на Шайгинском городище, так и на других памятниках. Знаки на сосудах [6, с. 38–42; рис. 26] и черепице стилистически близки друг другу, но аналогий пока не имеют. Знаки на керамических сосудах, как правило, не читаются. По мнению крупнейшего отечественного специалиста по чжурчжэньскому языку А.М. Певнова, значение написанного невозможно понять. Некоторые знаки на бытовых предметах, найденные на чжурчжэньских памятниках в Приморье «сделаны не на чжурчжэньском языке, а возможно даже и не чжурчжэньским письмом» [4, с. 18–19].

По данным китайских источников, традиционно знаки ставились только на верхней черепице, поскольку ее изготовление требовало больших навыков. Надписи на черепице, обнаруженной в Лояне, содержат имя хозяина мастерской, мастера-подрядчика, а также непосредственных ремесленников, которые её изготавливали [2, с. 123].

В качестве ближайших аналогий можно также привести один из знаков, который имеется на черепице более раннего, бохайского времени, обнаруженной при раскопках буддийского храмового комплекса на Краскинском городище в Приморье. Знак в виде китайского иероглифа прочерчен до обжига и однозначному прочтению также не поддается [1, с. 88]. Многочисленные знаки на верхних и нижних черепицах, сделанные при помощи специальных клише, были найдены при раскопках Верхней столицы государства Бохай (698 – 926 гг.), расположенной в районе г. Дунцинчэн, на территории Китая [см., напр., 8, fig. 57, p. 99]. По мнению В.В. Поносова, эти знаки не являются китайскими иероглифами [5, с. 9].

По устному сообщению А.Л. Ивлиева, знаки на бохайской черепице изучались многими китайскими учеными. В настоящий момент общее мнение состоит в том, что это китайские иероглифы, но некоторые из них написаны с отклонением от общепринятых стандартов. Отдельные знаки вообще не идентифицируются с какими-либо китайскими иероглифами. Существует предположение, что такие знаки были придуманы самими бохайцами в дополнение к уже имеющимся китайским.

Возможно, знаки на чжурчжэньской черепице являются метками ремесленников, ее производивших. Не исключено, что они могли означать какие-либо цифровые данные, например, номер партии изготовленной че-

репицы или определенное количество продукции. В Монголии, при раскопках ставки Чингисхана, также был обнаружен фрагмент черепицы со знаком на внешней поверхности, прочерченный до обжига. Знак написан персидским письмом и означает «два» [7, fig. 15:8, p. 79]. На Шайгинском городище был найден фрагмент кирпича, с чжурчжэньским знаком, обозначающем цифру «семь» [3, с. 157–158]. Т. к. знаки располагались на фрагментированной черепице, ее точное назначение неизвестно, учитывая смысл написанного («гвоздь»), с некоторой долей вероятности можно предположить, что этот знак может означать конкретное месторасположение черепицы в кровле.

Библиографический список

1. Болдин В.И., Гельман Е.И., Ивлиев А.Л., Никитин Ю.Г. «Интеграция» на Краскинском городище: 4 года исследований // Вестн. ДВО РАН. 2001. № 3. С. 74–90.
2. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. – М.: Наука, 1979. – 328 с.: илл.
3. Леньков В.Д., Овсянников Н.А. О результатах анализов кирпичей и формовочной глины из плавильных мастерских Шайгинского городища // Советская археология. 1972. № 2. С. 149–157.
4. Певнов А.М. Чтение чжурчжэньских писем: Автореф. дис... д-ра филол. наук / Институт лингвистических исследований РАН. – СПб, 2004. – 44 с.
5. Поносов В.В. Предварительное сообщение о разведке развалин Дунцин-чэна // T'ung-Ching-Cheng. Report on the Excavation of the Site of the capital of Po-hai. Archaeologia Orientalis. Ser. A. Vol. 5. Tokyo, 1939. С. 3–9.
6. Тупкина С.М. Керамика чжурчжэней Приморья XII – начала XIII вв. (по материалам археологических исследований Шайгинского городища). – Владивосток: Дальнаука, 1996. – 119 с.
7. Avraga I. Occasional Paper on the Palace of Genghis Khan. New Directions in Mongolian Archaeology. Vol. 1. Ed. by Shimpei Kato, Noriyuki Shiraishi. – Tokyo: New Century Project, 2005. – 88 p. Яп. яз.
8. Людиншань юй бохайчжэнь. Тандай бохайго-дэ гуйцзу муди юй дучэн ичжи (Людиншань и Бохайчжэнь). Кладбище аристократии и остатки столицы государства Бохай эпохи Тан). / Институт археологии АОН КНР. – Пекин: изд-во Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ, 1997. – 129 p. Кит. яз.

Н.Н. Серегин

Барнаул, Алтайский госуниверситет, 4 курс

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЗЕРКАЛА В ПОГРЕБЕНИЯХ КОЧЕВНИКОВ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Достаточно активные контакты кочевников Центральной Азии с оседло-земледельческими цивилизациями фиксируются уже в раннескифское время и в дальнейшем их интенсивность, в целом, возрастала. Новым этапом в этом процессе стал период раннего средневековья. Постоянное взаимодействие кочевников с соседними народами было в значительной степени обусловлено масштабами политических образований кочевников. Одним из показателей контактов скотоводов с оседло-земледельческим миром являются импортные вещи, обнаруживаемые в погребальных и поминальных памятниках, а также представляющие случайные находки. Их изучение весьма перспективно, однако связано с определенными трудностями. Поэтому в ряде случаев целесообразным является проведение исследования, направленного на всестороннее изучение каждой группы находок.

Настоящая работа посвящена рассмотрению основных аспектов изучения металлических зеркал – одной из категорий вещей, нередко относящихся к предметам импорта. Необходимость специального анализа подобных находок обусловлена рядом обстоятельств. Известно, что многими народами на различных территориях Евразии зеркала наделялись определенными сакральными, культовыми функциями. Таким образом, данная группа изделий является ценным источником по некоторым вопросам мировоззрения древнего и средневекового населения. Несомненна также значимость зеркал при изучении особенностей общественного устройства кочевников. В случае отсутствия датирующих вещей, изучение рассматриваемых изделий позволяет уточнить хронологию всего памятника.

В изучении китайских зеркал, обнаруженных в погребениях кочевников Центральной Азии эпохи раннего средневековья, накоплен определенный опыт [3; 5 и др.]. Большой интерес представляют публикации, в которых затрагиваются отдельные вопросы, связанные с интерпретацией подобных изделий из сопредельных регионов.

В то же время, целый ряд проблем оказался за рамками внимания исследователей или был рассмотрен лишь частично, что предполагает актуальность дальнейшей работы в этом направлении.

Основу источниковой базы нашего исследования составили зеркала, обнаруженные в ходе раскопок погребальных памятников тюркской культуры. Также привлечены материалы исследований курганов кочевников Лесостепного Алтая и Восточного Казахстана (сросткинской и кимакская культуры). Рассматривались только зеркала, происходившие из погребений, что позволило коснуться целого ряда дополнительных вопросов. В итоге было учтено 32 экз., из которых 11 являются целыми изделиями, а остальные представлены фрагментами. Анализ имеющегося материала позволил обозначить ряд интересных моментов, важных для понимания различных аспектов погребальной практики номадов раннего средневековья.

Китайские зеркала (или их копии) в погребениях кочевников появляются только на катандинском этапе существования тюркской культуры [6, с. 162]. Подобная тенденция характерна не только для рассматриваемых изделий. Во 2-й половине V – 1-й половине VII вв. предметы импорта вообще довольно немногочисленны. Скорее всего, это связано с тем, что контакты номадов окраинных областей степной империи с оседло-земледельческими народами были еще не столь активны, нежели в более позднее время. Погребения с зеркалами, относящиеся к сросткинской и кимакской культурам, датируются, в основном, IX–XI вв.

Обращает на себя внимание некоторая специфика в территориальном размещении зеркал. В первую очередь, отметим отсутствие рассматриваемых изделий в погребениях тюрок в Минусинской котловине, что может быть связано с особенностями их положения после крушения империи номадов [7]. В том, что у населения Среднего Енисея не было каких-либо затруднений в получении зеркал, убеждает солидная коллекция изделий, представляющих случайные находки, а также обнаруженных в погребальных и поминальных комплексах, относящихся к различным эпохам. В то же время, незначительное количество зеркал в погребениях «сросткинцев» (по отношению к общему количеству изученных объектов – более 450) можно объяснить как раз затруднениями в получении предметов импорта вследствие удаленности от наиболее крупных ремесленных центров и торговых путей. При этом необходимо признать, что находки китайских вещей известны и на более северных территориях [4].

В большинстве случаев зеркала встречены в погребениях женщин. Подобная ситуация достаточно широко распространена в различных регионах Евразии и неоднократно интерпретировалась исследователями. Анализ традиций в погребальной обрядности кочевников тюркской, сросткинской и кимакской культур не дает оснований предполагать особую профессиональную принадлежности умерших (жрицы, служительницы культа) [1, с. 49]. В то же время очевидно, что находка импортного зеркала или качественной подделки может свидетельствовать об определенном социальном статусе индивида. Это подтверждается тем, что зачастую в составе сопроводительного инвентаря помимо рассматриваемых изделий присутствовали и другие «престижные» предметы, часть из которых не местного происхождения.

Традиция подделки китайских зеркал была весьма широко распространена в древности и средневековье. Поэтому одна из важнейших проблем в изучении этой категории находок – отделение местных копий от оригинальных изделий. Изучение этого вопроса показывает, что анализ только внешних характеристик зеркал (массивность, особенности изображения, цвет изделия) не может гарантировать получение объективных выводов. В связи с этим на первый план выходит анализ состава металла с помощью естественно-научных методов. Однако после исследования И.В. Богдановой-Березовской [2] подобной работы по изучению зеркал из Центральной Азии не проводилось.

Многие закономерности в использовании зеркал кочевниками тюркской, сросткинской и кимакской культур характерны и для номадов раннего железного века и средневековья на сопредельных территориях. Это относится к таким показателям обряда, как традиции в размещении изделий, присутствие определенных наборов сопроводительного инвентаря, наиболее часто встречающихся вместе с зеркалами, использование их фрагментов в качестве амулетов или подвесок и т.д. Таким образом, даже первоначальный анализ имеющегося в нашем распоряжении материала позволил выявить общие тенденции в представлениях, связанных с зеркалами, которые были присущи не только кочевникам северо-западной части центрально-азиатского региона, но и населению сопредельных территорий в различные эпохи. Данный вопрос, несомненно, требует дальнейшего рассмотрения и более тщательной проработки различных групп источников.

В заключение подчеркнем перспективность проведения комплексного исследования предметов импорта, в рамках которого будут сочетаться методы анализа внешних характеристик предмета (морфологические и стилистические признаки) и изучение состава материала, из которого изготовлены вещи. Наиболее важные результаты будут получены при рассмотрении большой выборки различных категорий предметов, найденных в Центральной Азии и сопредельных районах. Подобная работа может стать частью большого исследования, посвященного разработке различных аспектов этнокультурного и социально-экономического развития региона в широком хронологическом диапазоне.

Библиографический список

1. Арсланова Ф.Х. Культовые предметы из женских захоронений Прииртышья // Методические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1981. С. 48–49.
2. Богданова-Березовская И.В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины // Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975. С. 131–149.
3. Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975. 155 с.
4. Матющенко В.И. Состояние обмена и начало торговли в эпоху средневековья // Очерки истории обмена и торговли в древности на территории Западной Сибири. Омск: ОмГУ, 1995. С. 105–132.
5. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.
6. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.
7. Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. 152 с.

Научный руководитель к.и.н., доц. А.А. Тишкин

С.Г. Сивцев

Якутск, Якутский государственный университет, 2 курс

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС МЕСТНОСТИ АЛААС ЭБЭ

Местность Алаас Эбэ находится в 4 км к востоку от с. Киянки, центра Кытанахского наслега Чурапчинского улуса Республики Саха (Якутия). Она представляет собой старичную долину шириной около 500 м, длиной более 700 м. По северо-восточной части долины проходит проселочная дорога, которая ведет в сторону населенного пункта Арылах. На левой стороне дороги находится кладбище начала XX в., в 54–55 м к северо-западу от которого имеется древнее надмогильное сооружение. Это надмогильное сооружение представляет собой четырехугольный сруб с двухскатной крышей. Такие сооружения в Якутии называются «чардатами» [1, с. 1].

Первые археологические исследования в местности Алаас Эбэ проводились археолого-этнографической экспедицией ЯГУ в 1976 г. под руководством А.И. Гоголева. Погребение найдено на западной террасе елани Алаас Эбэ. Тогда, в 13–14 м к северо-западу от чардатного сооружения были исследованы первые погребальные памятники этого комплекса. Раскопки первой могилы выявлены на глубине полтора метров от дневной поверхности. Обнаружена гробница с берестяным покрытием. Внутри гробницы на слое толченого угля был найден листовенный гроб с двумя отсеками, крышка которого была покрыта полосками орнаментированной бересты. В первом отсеке найден костяк мужчины, ориентированный головой на запад. На голове – обрывки меховой шапки. Он был одет в волчью доху, на ногах сохранились остатки ровдужной обуви. Нательное платье изготовлено из ровдуги. С правой стороны костяка – лук и пальма обычных форм. Длина лука равна 163 см, пальмы 179 см. С левой стороны лежал ровдужный колчан с 7 стрелами. Одна из них преднамеренно испорчена. Преднамеренная порча колющих предметов у якутов объясняется тем, чтобы умерший не смог навредить живым этим предметом [1, с. 110].

Во втором отсеке гроба имеется сопроводительный погребальный инвентарь. Он представлен плохо сохранившимся седлом с высокой четырёхугольной лукой, металлическими деталями уздечки, деревянной миской, деревянным чороном (ритуальная посуда для питья кумыса), сумой из чёрной кожи – “сими́р исит” и маленьким берестяным сосудом.

В 15 м к западу от погребения было прослежено парное конское захоронение. Раскопки показали, что тонкомерные бревна положены непосредственно на костяки двух коней, лежащих на боку рядом друг с другом. Кони находились в полулежащем положении, приподнятые головы ориентированы на запад. Черепки не имели следов повреждений. При этом конь, лежащий с северной стороны ямы, был взнуздан и оседлан.

На западной стороне Алаас Эбэ находилось женское погребение. Костяк был ориентирован головой на запад. Сопроводительный инвентарь состоял из медной гривны с витым рельефом и множества бисера черного, белого и синего цветов. Данное захоронение также сопровождалось в 20 м к северо-западу погребением двух коней [2, с. 89].

В 2004 г. работы в этой местности были возобновлены археолого-этнографической экспедицией Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера под руководством В.В. По-

пова. Для раскопок была выбрана ориентиром лиственница с «кочаем». «Кочай» – палка в сажень длиной, сделанная в виде стрелы и надета на сучок между отдельными стволами ветвистой лиственницы, на которой шаманы вешали шкуру или череп жертвенной скотины. Обычно острие «кочая» указывает направление на северо-запад, а нижняя часть указывает место захоронения коня. В суглинисто-супесчаном заполнении были встречены древесные угольки. Вероятно, перед погребением в яме разожгли костер для очистки могилы от нечистой силы, исходящей из-под земли, а возможно пожар был устроен для оттаивания мерзлоты [3, с. 12]. При углублении на 25 см обнаружено деревянное покрытие (плаха) из лиственницы диаметром 12 см, обтесанное с одной стороны. Голова лошади и седло открыты, а остальная часть прикрыта 19-ю берестяными полотнами. Береста обработана методом варки и пропитки маслом. Берестяные полотна разного размера, но большинство размером 30-40×20-25 см. Размер земляного ложа от изголовья до крупа коня составлял около 180 см. Голова коня ориентирована на юго-запад, крупом на северо-восток, параллельно террасе местности. Костяк коня лежал на глубине 83 см от дневной поверхности. Правая сторона черепа упиралась на утрамбованное земляное ложе, чтобы создать впечатление приподнятости головы коня. Конь лежал на правом боку, ноги были подогнуты. Положение коня свидетельствует о том, что конь был сначала умерщвлен и уложен на специально подготовленное ложе в позе «спящего коня». Таким образом, труположение коня идентично найденным ранее экспедицией ЯГУ.

Конь был взнуздан, на голову надет недоуздок и узда. Ремень снаряжения был изготовлен из сыромятной кожи, полосы которой имели ширину 2 см. Суголовный ремень узды сплошь украшен медными пластинами шириной в 1,5 см, длиной 5,5 см. За каждой пластиной – крупная бляшка с диаметром около 2 см, с орнаментом из 6 одинаковых знаков. Вся головная упряжь украшена пластинами – круглыми орнаментированными бляшками. На правой стороне черепа коня под скулами найден ряд из 17 западно-европейских счетных жетонов. Жетоны являлись украшением правого суголовного ремня узды. Пять жетонов на лицевой стороне имеют профиль короля Франции Людовика XV и надпись вокруг жетона: «LUD. XV. DG. ET. N. REX.». На трех жетонах с оборотной стороны имеется изображение солнца и дерева, а под деревом – инициалы мастера, которые плохо читаются. На двух жетонах на оборотной стороне изображен торговый парусный корабль и прочитываются следующие буквы: «RE. ION. IAC. DIETZE». На всех жетонах имеются отверстия [3, с. 8-10].

Конь перед погребением был оседлан, передняя лука седла имела прямоугольную форму верхней части, полки изготовлены из березы. На крупе коня найден мелкий бисер и круглые бусы от чепрака, который не сохранился.

На основе сравнительно-типологического анализа технологии сооружения погребальной камеры человека, обряда погребения, сопроводительного инвентаря, погребальный комплекс, исследованный экспедицией ЯГУ в 1976 г. датирован XVIII в. Погребение коня, найденное в 2004 г., на основе счетных жетонов, подражающих монетам эпохи правления короля Людовика XV, датировано второй пол. XVIII в. [3, с. 13]. Таким образом, погребальный комплекс в местности Алаас Эбэ является археологическим памятником XVIII в., детали которого взаимосвязаны между собой схожестью обряда и погребального инвентаря. Впервые на территории Якутии обнаружено грунтовое погребение верхового коня с сохранившимся полным парадным снаряжением, где четко реконструируется обряд захоронения лошади. Рассмотрев новые материалы погребального комплекса можно отметить, что находки 2004 г. существенно дополняют комплекс, исследованный в 1976 г. Материалы этих раскопок еще раз подтверждают мнение о том, что при погребении знатного якута рядом с ним закапывали оседланную лошадь, которая должна была перенести господина в загробный мир.

Библиографический список

1. Бравина Р.И. Погребальный обряд якутов (XVII-XIX вв.): Учеб. пособие. – Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1996. – 232 с.
2. Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV-XVIII вв.). – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 192 с.
3. Попов В.В. Отчет о работе археолого-этнографической экспедиции ЯГОМИ и КНС им. Ем. Ярославского в полевом сезоне 2004 г. – Якутск, 2004 // Архив ЯГОМИ и КНС.

Научный руководитель: к. и. н., доцент В.Г. Аргунов

ИРГЕНСКИЙ ОСТРОГ – ПАМЯТНИК РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Вещественные остатки, дополняющие архивные данные по освоению русскими Сибири и Дальнего Востока, концентрируются в местах первых поселений русского этноса. Новые поселения явились опорными пунктами последующего проникновения русских в Забайкалье.

Одним из таких опорных пунктов был Иргенский острог, заложенный отрядом казаков во главе с известным землепроходцем, сыном боярским П.И. Бекетовым 24 сентября (3 октября) 1653 года. Он располагался в 0,4 км восточнее озера Иргень, на правом берегу р. Хилок, в 2 км севернее современного с. Иргень Читинского района Читинской области [1, с. 43].

Первоначально Иргенский острог выполнял роль зимовья. В октябре 1655 года он был сожжен тунгусами, но осенью 1657 года – восстановлен заново. Начиная с 60-х годов XVII века, Иргенский острог почти не упоминается в приказной документации. По-видимому, это было связано с изменением пути в Даурию. Острог постепенно приходил в упадок и в 1707 году был разобран из-за ветхости строений [4]. На месте острога была построена часовня в честь трех еще не канонизированных святых – Семииона, Киприана и Иосифа [3, с. 199]. В 1866 году на месте часовни была построена церковь.

Остатки Иргенского острога были обнаружены и изучены Верхнеамурской археологической экспедицией Читинского пединститута в 1983 году. В заложенных на месте острога раскопах было выявлено 2 культурных слоя, один из которых залегал на глубине 15-20 см, другой – на глубине 30-35 см.

Отметим, что письменные источники свидетельствуют о том, что земледелие не играло ведущей роли в хозяйственной деятельности русского населения, а наиболее важное место в жизни обитателей острога занимала охота. Об этом можно судить и по большому количеству костей преимущественно дикой козули, найденных в культурных слоях поселения. Охотились не только при помощи огнестрельного оружия, но использовали также лук и стрелы, подтверждением чему служат обнаруженные на месте Иргенского острога плоские наконечники стрел, костяная накладка лука и фрагмент спускового приспособления от кремневого ружья.

На протяжении всего периода освоения русскими Забайкалья и Приамурья, а также в дальнейшем, рыбная ловля была одним из важнейших видов их хозяйственной деятельности.

Основным способом промысла рыбы был лов неводом и сетями. Об этом свидетельствуют найденные во втором слое раскопа специальные грузила, выполненные из обожженной глины, овальной формы, с выбитым по центру с левой стороны подобием паза для лучшего крепления веревки. Подобные грузила обнаружены при раскопках Мангазеи [1, с. 137].

Важной отраслью хозяйственной деятельности населения острога было керамическое производство. В слоях поселения обнаружены фрагменты керамики от 5 сосудов. Вся керамика гладкостенная, венчики сосудов или слегка отогнуты наружу, или почти прямые и вогнуты вовнутрь. Иргенская керамика изготовлена на гончарном круге. Толщина стенок достигает 5-7 мм, что является косвенным признаком применения способа кольцевого или спирального налета с одновременным моделированием формы сосуда с помощью выдавливания с внутренней стороны [2, с. 115]. Типы керамических сосудов, изготовленных иргенскими мастерами, по своей форме не отличаются от продукции ремесленников других городов Сибири и европейской России.

Известно, что вблизи озера Шакша, недалеко от Иргенского острога в XVII веке добывали железную руду, и местные ремесленники занимались железоделательным производством. Об этом свидетельствуют и обнаруженные при раскопках Иргенского острога железные вещи высокого качества. Среди них можно выделить гвозди (9 экз.), которые подразделяются на плоские (3 экз.) с узкой шляпкой и коротким туловом (2,2х4,1 см), которые в основном использовались для ковки лошадей; а также более крупные и длинные (6 экз.; 4х13 см). Такие гвозди использовались в других целях. Аналогичные гвозди часто встречаются при раскопках русских поселений: например, Албазинского острога [1, с. 7-10], Псковского городища (раскопки Белецкого С.В. 1977-1978 гг.) и в поселении Засопошное [2, с. 129].

Из железного материала отметим также фрагменты дверного замка (2 экз.), железную ступу диаметром 14 см и высотой 13,5 см (1 экз.) и ножницы (1 экз.).

Немаловажно отметить, что многие предметы попадали на территорию острога вместе с их носителями из других регионов Прибайкалья и Сибири.

Таким образом, археологический материал дополняет письменные свидетельства о сибирских и забайкальских острогах и дает информацию о различных областях деятельности русского населения в Сибири XVII-XVIII веков.

Библиографический список

1. **Артемьев А.Р.** Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII-XVIII вв. – Владивосток, 1999.
2. **Болтунов А.Г.** Памятники русской археологии на территории Читинской области.// Проблемы археологии Северной Азии. – Чита, 1988.
3. **Кильдюшевский В.И.** Раскопки на улице Гоголя в 1977 г.// Археологическое изучение Пскова. – М., 1983.
4. **Миллер Г.Ф.** История Сибири. Т. 1. – М.-Л., 1937.
5. **Попов А.И.** Город Чита: Описание, путеводитель, справочник по Чите Забайкальской области и ее окрестностей. – Чита, 1907.

Научный руководитель: доцент, к.и.н. Ковычев Е.В.

С.С. Ходосевич

Иркутск, Иркутский государственный университет, 2 курс

ПОГРЕБЕНИЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА МЕСТОНАХОЖДЕНИИ АДОРМА

На местонахождение Адорма, открытое в 1990 г. археологическим отрядом ИГУ, в 2006 г. в связи со строительством нефтепроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан» проводились спасательные работы. При зачистке восточной стенки раскопа на глубине 0,7 м от современной поверхности зафиксированы фрагменты бересты, фаланги и кости стоп человека, а также изделие из трубчатой кости животного и трубочка из железа. Могильная яма заложена со средней части серой гумусированной супеси с глубины 0,15-0,2 м. Контуры могильной ямы, овальной в плане формы, проявились на глубине 0,4 м от современной поверхности. Длинной осью овал ориентирован по линии В-3. Длина ямы составила 1,3 м, ширина - 0,54 м. В засыпке ямы на глубине 0,35 м были зафиксированы остатки деревянной дощечки. Дощечка располагалась в западном секторе ямы, в центре, параллельно длинной оси могилы. Длина 0,34 м, ширина 0,03 м, толщина 0,01 м. По краям могильной ямы отмечались фрагменты бересты. Глубина ямы составила 0,72 м и 0,57-0,52 м от уровня закладки.

На глубине 0,60 м обнаружен череп, покрытый берестой. Вся площадь могильной ямы покрыта листьями бересты, которые были расположены поперек длинной оси ямы. Череп погребенного был закрыт берестой с особой тщательностью, создавалось впечатление, что голова умершего была накрыта своеобразным берестяным капюшоном (рис. 1-1).

Под слоем бересты находился костяк ребенка 10-14 лет. Погребенный был помещен в могилу в вытянутом на спине положении, головой ориентирован на восток (рис 1-2).

Судя по расположению костей скелета, тело умершего было уложено ближе к северной стенке могильной ямы, причем ноги были очень плотно прижаты к СЗ стенке ямы. Череп покоился на костях левой стороны, лицевой частью был направлен на ЮЗ. Кости правой руки расположены вдоль корпуса, кисть и фаланги пальцев находились под тазом. Кости левой руки были согнуты в локтевом сочленении так, что локтевые кости лежали параллельно плечевой, а кисть и фаланги пальцев покоились на ребрах верхней части левой стороны грудной клетки. Ноги были слегка согнуты в коленях, причем правая нога располагалась выше левой. Колени очень тесно прижаты к стенке ямы. Судя по сохранившимся костям стоп и фалангам пальцев ног, они были развернуты вправо.

Погребальный инвентарь представлен 26 предметами из кости, металла, дерева и кожи.

Под левой ключицей зафиксирован коготь хищника.

В центральном секторе могильной ямы, между локтевым сочленением левой руки и левой тазовой костью зафиксированы остатки шкурки животного. При расчистке ясно прослеживались следы меха, таким образом можно сделать вывод, что шкурка была положена в могилу мехом наружу. Размеры шкурки 15х15 см.

Слева от проксимала левой бедренной кости найдены сильно окисленные фрагменты изделия из железа. В области стоп обнаружены изделие из трубчатой кости животного, железная трубочка и еще один коготь хищника.

Особый интерес представляет скопление инвентаря слева от дистальных эпифизов берцовых костей в западном секторе могильной ямы. Оно представляет собой кожаный мешочек, ножницы из железа, деревянные пластины и шарик смолы или серы из смолы хвойного дерева.

Кожаный мешочек содержал 11 астрагалов копытного животного, бронзовый колокольчик (рис. 1-5), 2 рельефные бляшки из серебристого металла (рис. 1-3, 4), фрагмент пряжки из железа (рис. 1-6).

Слева от мешочка, частично перекрывая его, параллельно длинной оси могилы (3-В) располагалась деревянная дощечка, разломанная на две половины.

Железные ножницы располагались таким образом, что лезвия изделия находились под кожаным мешочком, а ушки между деревянными пластинами. Лезвиями орудие направлено на север, т.е. перпендикулярно захоронению.

Округлый комочек смолы или серы из смолы хвойного дерева зафиксирован в 4 см к югу от горловины мешочка.

Выше деревянных пластин зафиксированы неопределимые фрагменты изделия из железа (кольцо?).

Захоронения в берестяных пакетах достаточно широко распространены на территории Восточной Сибири.

По элементам погребального обряда адорминское погребение сходно с детскими захоронениями в берестяных пакетах № 1, 2 объекта Унга VI (Унгинский залив Братского вдхр.), датированного В.С. Николаевым концом I – началом II тыс. н.э. [1; 2, с. 140].

На побережье оз. Байкала захоронения в берестяных пакетах находят аналоги с погребениями харанцинского типа, датированного А.В. Харинским VIII - XIV вв. н. э. [5].

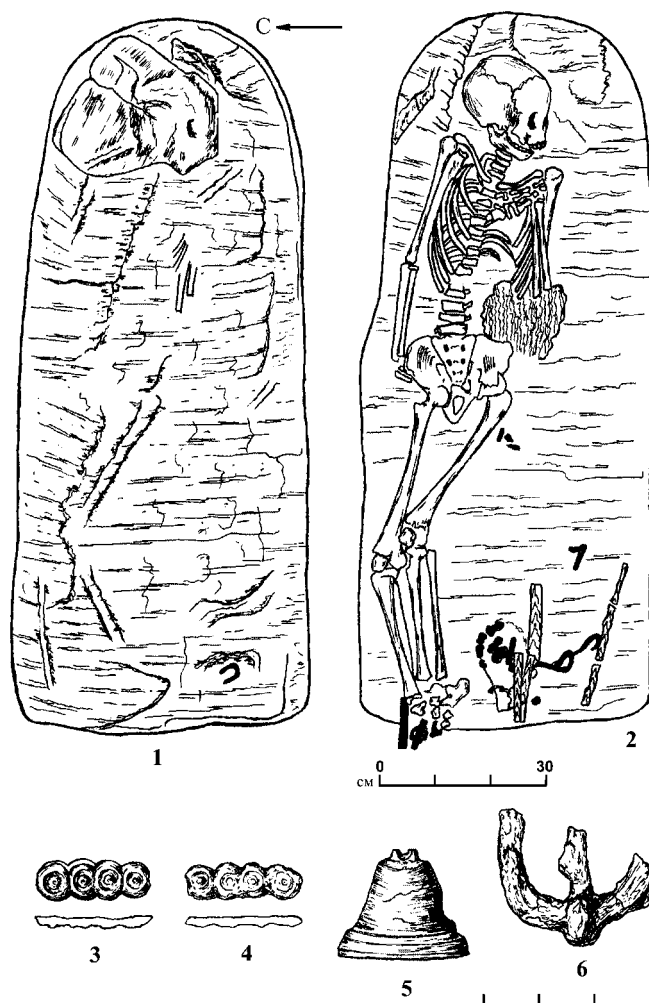
На территории Северного Забайкалья самое древнее захоронение в берестяном чехле обнаружено на объекте Чумбуки II-1 и датировано концом VIII [5, с. 87].

Внутримогильная конструкция с использованием бересты прослеживается с неолита, однако, к началу железного века широко распространяется такая, четко выраженная конструкция как берестяной пакет.

На территории Приольхонья самыми ранними погребениями в берестяном мешочке являются захоронения могильника Харанса I и II, датированные IX-X вв. Было обнаружено 9 могил с использованием бересты (Харанса I - №№ 3, 11, 16, 17, 18, 25, 28; Харанса II - №№ 6, 8) [3; 4]. Во всех погребениях зафиксирован скелет ребенка в берестяном пакете, исключение составляет погребение № 25 могильника Харанса I, где погребенный был завернут в бересту.

Погребения в берестяных пакетах на территории Прибайкалья составляют небольшую группу. Наиболее близкие аналогии - находки в Ольхонском районе (исследования И.В. Асеева и В.В. Свирина), которые датируются исследователями второй половиной I тыс. н.э. [1, с. 156-157].

В связи с тем, что захоронения в берестяных пакетах имеют широкую хронологическую датировку, а аналоги сопроводительному инвентарю из описанного погребения на данный момент не найдены, вопрос о его датировки остается открытым.

Местонахождение Адорма. Погребение железного века.
1 – Верхний уровень расчистки. 2 – План захоронения.
3, 4 – Бляшки. Серебро? 5 – Колокольчик. Бронза.
6 – Фрагмент пряжки. Железо.

Библиографический список

1. Николаев В.С. Новые средневековые погребения в бересте в Приангарье (р. Унга) // Палеоэтнология Сибири. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990 – С. 156-157.
2. Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга средней Сибири в XII-XIV веках: Усть-Талькинская культура. - Владивосток – Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. – 306 с.
3. Свинин В.В., Базалийский В.И., Зайцев М.А., Николаенко С.Н., Саркисов В.В. Исследование курыканского могильника Харанса I в 1978-1979 годах // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1980. - С. 120-121.
4. Свинин В.В., Зайцев М.А., Базалийский В.И., Воробьев А.М., Николаенко С.Н., Саркисов В.В. Курыканские могильники Харанса -I и Харанса - II на Ольхоне // Археология и этнография Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1978. - С. 41-43.
5. Харинский А.В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н. э. - сер. II тыс. н. э. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001. – 199 с.

Научные руководители: ст. преподаватель А.А. Тютрин, д.и.н., проф. Г.И. Медведев

КОЖАНОЕ УКРАШЕНИЕ КАК ПРИЛОЖЕНИЕ К КОСТЮМУ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ – НАЧАЛА НОВОГО ВРЕМЕНИ НА ЕНИСЕЕ

Украшения являются одной из наиболее ярких категорий сопроводительного инвентаря погребальных памятников, характерной для всех историко-хронологических периодов истории человечества. Каждому народу присущи свои комплексы украшений, соответствующие его мировоззрению, представлениям о красоте и гармонии. Большинство украшений неотделимы от костюма и являются его частью. Помимо украшений непосредственно самого костюма, существуют вещи, которые выступают в качестве приложения к одежде. Реконструкцией одежды, обуви, головных украшений, изучением мировоззрения людей исследователи занимались, опираясь, прежде всего, на письменные изобразительные, фольклорные, лингвистические и этнографические источники. Наличие именно таких доказательств в процессе исторической интерпретации археологических источников делало проводимые исследования относительно полными и объективными. Поэтому, результаты подобных работ важно учитывать при изучении информационных возможностей украшений.

Следует отметить, что украшения происходят, в основном, из погребений и структурно очень разные: одни представлены множеством довольно однообразных экземпляров, другие – единичными оригинальными изделиями. Ввод в научный оборот материалов, относящихся именно к оригинальным предметам, и, по возможности, выявление их семантики, представляют достаточно важную научную задачу. Исходя из указанных посылок, рассмотрим одну из археологических находок подобного рода.

В 1985 г. археологическим отрядом Новосибирского государственного университета были произведены раскопки могильника позднего средневековья – начала Нового времени Бадалык на территории Емельяновского района Красноярского края [5]. Могильник располагался в характерных для памятников данного времени условиях – в седловине на южном крутом скате невысокого плато, откуда открывался хороший обзор как на долину ручья Бадалык (одного из левых притоков Енисея), так и на обширный участок местности Красноярского лесостепного района в южном направлении. Могильник состоял из трех курганов, погребения которых были выполнены по обряду ингумации. В кургане № 3 в деревянном гробовище был зачищен скелет подростка. У его головы обнаружены пастовая серьга на бронзовой проволоке, бронзовая подвеска и раковина каури. Справа у головы черешком наружу лежал сильно коррозированный крупный плоский наконечник стрелы асимметрично-ромбической формы. В районе ключицы обнаружены 3 бусины розовато-сиреневого цвета, у локтя правой руки – расколота белая стеклянная бусина. Вероятно, бусы первоначально были помещены в мешочек, остатки которого обнаружены у левой ключицы. В районе таза справа найдена бронзовая пуговица с остатками ремешка. У правой ноги – железная, сильно коррозированная пряжка. На ногах – остатки кожаной обуви типа сапог. Между колен – кожаное украшение, вышитое шелковыми нитками. По всей площади гробовища встречались фрагменты тканей и шерстяных ниток – видимо, остатки одежды.

Данное погребение, судя по топографическим условиям места нахождения, конструкции погребального сооружения и характеру инвентаря относится к XVII-XVIII вв. и принадлежит проживавшим тогда смешанно в Красноярском лесостепном районе кацинцам и сильно к тому времени отюреченным аринцам.

Как можно видеть, в погребении обнаружено достаточно много предметов украшений различных видов. В количественном отношении они преобладают в составе погребального инвентаря. Однако большинство этих предметов ранее уже было найдено в разных количествах как в поздних памятниках на Енисее, так и на территории соседних регионов, благодаря чему, в том числе, и проводилась датировка погребения. Тем не менее, данное погребение вызывает особый интерес, поскольку найденное между колен погребенного кожаное расшитое украшение до сих пор является единственной находкой подобного рода не только для территории Приенисейского края, но и всех сопредельных регионов. Оно представляет собой хорошо сохранившийся предмет из качественно выделанной достаточно толстой кожи коричневого цвета в виде двух футляров – мешочков стрелоподобной формы, один из которых как бы вшит в другой (рис. 1). Изделие по контуру с обеих сторон богато расшито шелковыми нитками в несколько рядов: внешний ряд – из ниток коричневого цвета, внутренний – зеленого. Его внутреннее содержимое осталось для нас неизвестным из-за невозможности вскрыть футляры, не разрезав ниток прошивки. Несомненно, какой-либо функциональной частью костюма погребенного данный предмет являться не может. Однако можно допустить, что оно было его украшением.

Для ответа на вопрос о том, с каким явлением в жизни средневекового, несомненно, тюркоязычного населения региона, следует связывать это украшение, необходимо привлечение соответствующих сведений этнографии. И находим мы их, в первую очередь, в ритуально-бытовой практике современных тюркоязычных народов Саяно-Ал-

тая. Так известно, что предметы, похожие по форме на описываемые, у тувинцев использовались для хранения пуповины ребенка [3, с. 153]. Тувинцы-тоджинцы хоронили с ребенком его пуповину [1, с. 22-223]. У теленгитов мать для хранения пуповины шила мешочек из кожи овцы («чер» или «кин»). Мешочек с пуповиной отца в некоторых случаях прикрепляли к верхней одежде первенца, а в случае смерти захоранивали с умершим [3, с. 169-170; 4, с. 86]. При похоронах женщины вместе с ней клали пуповины ее ранее умерших детей [1, с. 196, 222-223]. У алтайцев отмечено бытование кожаных мешочков для пуповины двух основных фасонов – в виде рыбки (стрелки) и ромбовидной формы. В том и другом случаях мешочки красиво прошивались по краям в один или несколько рядов ниток [1, с. 153; 3, с. 176; 4, с. 86]. Хакасы подтаежной зоны высушенную пуповину зашивали в трех- или четырехугольную кожаную подушечку («чарыг»), которую украшали раковинами каури, считавшимися оберегами души, бусинками, а по бокам кисточками и подвешивали к колыбели [2, с. 211, 219].

В представлениях многих тюркоязычных народов Саяно-Алтая хранившаяся в таком мешочке пуповина олицетворяла жизнь, душевную силу, счастье, благодать человека. Обычай сохранения пуповины ребенка, как видно, становился часто самостоятельным явлением и получал множество разновидностей футляров для нее, что и зафиксировано данными современной этнографии у большинства тюркоязычных народов Сибири. При этом следует отметить, что несколько необычный вид нашего предмета – один футляр как бы вшит в другой, возможно, связан с тем, что в этих двух футлярах находились пуповины близнецов.

Таким образом, данная находка позволяет нам провести реконструкцию некоторых сторон мировоззрения тюркоязычного населения Красноярского лесостепного района и, в частности, выделить из состава археологического материала предметы, являющиеся принадлежностями широко бытовавшего у тюрков понятия о душе и жизненной силе. Исходя из этнографических данных, нельзя исключать и ношения данного предмета на одежде, который в таком случае выполнял как свою главную функцию оберега, так и неизбежно, благодаря своей красивой форме и богатой расшивке, украшения костюма, хотя, строго говоря, к числу украшений относить его и нельзя, но можно считать приложением к костюму.

Библиографический список

1. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980. 318 с.
2. Бутанаев В. Я. Воспитание детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988. С. 206-221.
3. Дьяконова В. П. Детство в традиционной культуре тувинцев // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988. С. 152-185.
4. Ситникова Е. Е. О некоторых предметах быта в традиционной обрядности южных алтайцев // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск, 1986. С. 84-93.
5. Скобелев С. Г. Отчет об археологических раскопках и разведках позднесредневековых памятников в Бейском, Большешулуйском, Емельяновском, Минусинском, Новоселовском и Орджоникидзевском районах Красноярского края в полевом сезоне 1985 года. Новосибирск, 1985. 32 с.

Научный руководитель: Зав. лабораторией гуманитарных исследований НГУ к. и. н. С.Г. Скобелев

О.В. Цыбовская

Барнаул, Алтайский государственный университет, 4 курс

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КЫРГЫЗОВ С ТЮРКАМИ И «СРОСТКИНЦАМИ» (историографический обзор)

В период существования каганата кыргызы взаимодействовали с различными этническими группами на территории Южной и Западной Сибири. О некоторых контактах известны более или менее достоверные све-

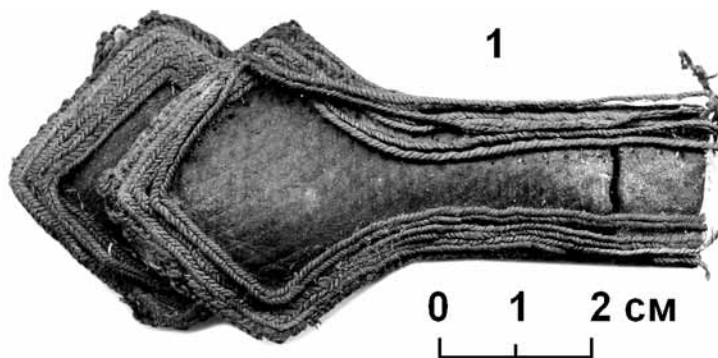

Рис. 1 (фото). Кожаный предмет из кургана № 3 могильника Бадалык

дения: с уйгурами и китайцами – по письменным источникам [8, с. 66], с кимаками – по археологическим материалам. Существует проблема понимания взаимоотношений кыргызов с тюрками и со «сросткинцами». С последними можно реконструировать только на основе археологических материалов. Данный вопрос и раньше рассматривался в научной литературе [4, с. 145; 11, с. 223; 9, с. 176], но многие моменты до сих пор остаются неясными.

Для начала необходимо обозначить, что известно о контактах кыргызов и тюрков из письменных источников. Эти отношения носили разный характер на каждом этапе. В Монголии были открыты надписи, которые относятся ко времени до IX в., где сообщалось о постоянной вражде между «восточными турками и кыргызами». Но при Ильтересе или его брате Мочжо (др. имя – Капаган-хан) было достигнуто соглашение, по которому кыргызский предводитель Барс-бег признан каганом, и за него выдана дочь Ильтереса. Китайцы сообщали, что «турецкий царствующий дом вообще выдавал своих дочерей за киргизских старейшин» [1, с. 479]. В противовес этому существуют орхонские надписи, в которых сообщается, что «единственным следом победы над кыргызами остался балбал, поставленный у могилы Капаган-хана и изображавший кыргызского хана, убитого в 710 г.» [5, с. 354].

В дополнение ко всему сохранились надписи самих тюрков об отношениях с кыргызами: «справа (на юге) табгачский народ был врагом ... кыргызы, курыканы, кытай (кидани) – все были врагами»; «но больше всего был нашим врагом кыргызский сильный каган» [5, с. 308]. Эти сообщения относятся ближе к VIII в., но уже в VI в. (568 г.) известно, что «...Юстиниан получил в подарок от владетеля алтайских тюрков невольницу родом Kirgis» [3, с. 63]. Возможно, какое-то соглашение между кочевниками и было, но потом было нарушено тюрками в силу определенных обстоятельств.

После падения Второго Восточно-тюркского каганата в 744 г. власть перешла к уйгурам, которые также, как в свое время тюрки, пытались подчинить себе все население. Но зависимость тюрков от уйгур Г.В. Кубарев [7, с. 292] считал номинальной, т.к. именно на VIII–IX вв. приходится расцвет их материальной культуры, и выделяется достаточно представительное число «богатых» погребений, которые вряд ли были оставлены зависимым и подчиненным населением. Исследователи указывают на то, что кыргызы с тюрками объединились, чтобы противостоять уйгурам [7, с. 292]. Ю.С. Худяков также отмечал богатство инвентаря и обилие предметов вооружения в тюркских захоронениях в эпоху «кыргызского великодержавия». По его мнению, кыргызы «покорили» Горный Алтай без боя, введя на его территорию небольшое количество воинов. Местное тюркское население, признав власть кыргызского кагана, сохранило свое управление и свои войска [13, с. 200].

В Усть-Канском районе в Горном Алтае в с. Мендур-Соккон найдены рунические наскальные надписи, которые относят уже к периоду «кыргызского великодержавия» (IX–X в.в.). Они свидетельствовали не просто о мирных отношениях, а, вероятно, и о родственных: «Славный муж ... мой старший брат ... герой и знаменитый киргиз ...». Рядом с этой находилась другая: «Он - тюрк Ай-Тезик бег, он, сражаясь... умер... мой старший брат...» [2, с. 92].

На территории Алтая пока не найдены памятники, где кыргызские курганы находились рядом с тюркскими. Но раскопаны захоронения, которые могут доказать влияние одной культуры на другую. Например, памятник Михайловка найден в Третьяковском районе Алтайского края. Курган №1 содержал захоронение по обряду кремация, где кальцинированные остатки располагались на костях лошади [12, с. 17]. Есть предположение, что погребение в Михайловке принадлежало представителю сросткинской культуры [6, с. 64].

Следующей проблемой, которую исследователи практически не затрагивали в своих работах, являются отношения кыргызов со «сросткинцами». Еще в 70-е гг. XX в. Д.Г. Савинов отмечал, что «материальный комплекс культуры енисейских кыргызов и сросткинской культуры существенно не отличаются друг от друга», а, следовательно, «...развивались параллельно и взаимодействовали» [11, с. 223]. Эта мысль находит свое подтверждение. Современные исследователи, опираясь на материалы памятников Сростки-I, Гилево-I-V, IX, XV, Корболиха-II, VIII, Чинета-II и др., пишут, что «...расположение обеих этнических групп в пределах одного могильника говорит об их мирном сосуществовании» [4, с. 146].

А.В. Кондрашов отрицает принадлежность погребений по обряду кремация на могильнике Сростки-I к кыргызской культуре. Он объясняет это тем, что сами вещи в огне не побывали, параметры могил соответствуют подобным же погребениям, но по обряду ингумации [6, с. 66]. Другой исследователь С.В. Неверов писал, что трупосожжение не является характерным погребальным обрядом племен сросткинской культуры [10, с. 102]. В решении этой проблемы действительно следует обращать внимание на то, что кыргызы хоронили либо на уровне древнего горизонта, либо в небольших и неглубоких ямках, и на то, что вещи должны иметь следы воздействия огня. Сравнение материальной культуры кыргызов и «сросткинцев» является перспективой в исследовании вопроса об их взаимоотношениях.

По мнению Могильникова [9, с. 123], кыргызы в период своих завоеваний в предгорьях Алтая столкнулись с немногочисленным, судя по незначительному числу памятников, огузским и кимако-кыпчакским населением. Воины-кыргызы быстро смешались с местным населением, на это указывают могильники, содержавшие совместно погребения по ритуалам ингумации и кремации (Гилево-XV, №5; Корболиха-VIII, №5).

В заключении следует сделать вывод от взаимодействия тюрков и кыргызов. Вероятно, до VII в. их отношения носили враждебный характер, но затем ситуация изменилась и под воздействием внешних условий сплотили их, чтобы противостоять угрозе со стороны уйгур.

О мирном сосуществовании со «сросткинцами» свидетельствуют их погребения на одном могильнике. Инвентарь этих двух культур имеет сходство, что не случайно: кыргызы оказали влияние в материальной культуре, также как и «сросткинцы» на них.

Чтобы приступить уже непосредственно к решению обозначенных вопросов, необходимы не только мнения исследователей в научной литературе, но практические наработки, в том числе открытие памятников, которые бы дали новые материалы для разработки проблем.

Библиографический список

1. Бартольд В.В. Сочинения. – М.: Изд-во Восточ. лит-ры, 1962. – Т. II, Ч. I.
2. Баскаков Н.А. Три рунические надписи из Мендур-Соккона // СЭ. – М.: Наука, 1966. – №6. – С. 90 – 98.
3. Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах // Собр. сочинений: в 5-ти т. – Алма-Ата: Наука, 1985. – Т. II. – С. 7 – 82.
4. Горбунов В.В., Дашковский П.К., Тишкин А.А. Взаимодействие средневековых кочевников в северо-западной части Горного Алтая (по материалам памятника Чинета-II) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. – С. 145 – 147.
5. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Айрис-пресс, 2002.
6. Кондрашов А.В. Погребения по обряду кремации сросткинской культуры в Лесостепном Алтае // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. – С. 64 – 72
7. Кубарев Г.В. К этнополитической ситуации на территории Алтая в VI-XI вв. // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во Инст-та арх. и этногр. СО РАН, 1998. – С. 290-298
8. Малявкин А.Г. Уйгуры и Китай в 840 – 848 гг. // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. – Новосибирск: Наука СО, 1975. – Т. III. – С. 65 – 83.
9. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX – XI вв. – М.: Наука, 2002.
10. Неверов С.В. История изучения памятников сросткинской культуры Алтая // Древняя история Алтая. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1980. – С. 93 – 105.
11. Савинов Д.Г. Этнокультурные связи енисейских кыргызов и кимаков // Тюркологический сборник 1975 г. – Москва: Наука, 1978. – С. 209 – 225.
12. Тишкин А.А. Некоторые итоги археологических исследований курганов северо-западных предгорий Алтая // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1991. – С. 16-18.
13. Худяков Ю.С. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛИ, 1990. – С. 186 – 201.

Тишкин А.А., к.и.н., доцент кафедры археологии, этнографии и источниковедения

Т.С. Широкова

Чита, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет, 4 курс

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИЗ с. ЗАСОПОШНОГО В к. XVII – XVIII вв.

В настоящее время тема истории присоединения Сибири и Дальнего Востока, достаточно полно разработана в исторической литературе. Однако археологические исследования старорусских поселений за Уралом, представляют в распоряжение исследователей все новые и новые материалы, которые позволяют расширить наши представления о данном периоде. Одним из таких памятников является старорусское поселение Засопошное, расположенное в Читинской области на реке Ингода, вблизи города Читы. Исследование его проводилось Верхнеамурской археологической экспедицией в 1981-1986 гг. Общая площадь памятника составляла более 5 тыс. м², однако ко времени археологических работ на нём значительная часть поселения (до 30%) была разрушена оврагами, пашней и карьерами. Заложенные в 1986г. на памятнике раскопы, дали многочисленный материал по хозяйству, культуре и быту первых русских поселенцев села Засопошное. Обращают на себя внимание прежде всего предметы бытового назначения (обломки глиняной и стеклянной посуды, ножи, кресала, гвозди, пробойники, ножницы, ухват, остатки кожаных и берестяных изделий и др.), предметы конской сбруи и снаряжения

(чеки и ступицы колес, различного рода накладки на ремни сбруи), предметы вооружения (большое количество дроби, фрагменты спускового устройства от ружья, железные наконечники стрел), а также значительная коллекция старорусских монет, нательных крестов, гребней и предметов украшения (перстни, бусы, пуговицы и др.).

Значительная часть материала представляет предметы быта. Из них наиболее интересны ножи и кресала. Все ножи (10 экз.) одной группы – черенковые, длина черенка – 2,5 – 9 см. Подобные ножи были найдены при раскопках острогов Забайкалья и Приамурья XVII-XVIII вв. [2, с. 299, 304]. Кресала (также 10 экз.) обычно «калачевидной» формы с уплощённым стержнем, изогнутым в форме овала. Такие кресала обнаружены в Иргенском остроге [2, с. 285], но широко употреблялись они и раньше, ещё в X-XII вв. в Великом Новгороде [5, с. 46].

Хорошо сохранились предметы вооружения. Интересно то, что наряду с фрагментами огнестрельного оружия, найдены предметы дистанционного боя, характерные для местных племён XVI-XVIII вв. Прежде всего это 12 железных наконечников стрел. По способу насада они относятся к отделу черешковых, по сечению пера делятся на 2 вида: двухлопастные и плоские. По форме пера двухлопастной вид представлен килевидным типом (9-13,5х5,3-10х1-1,5 см). Среди плоских наконечников выделяются треугольные с подрезным пером и уплощённым насадом (5-3х1-0,5х2-2,5 см); срезень двурогий (5,3х2,8х1,8 см) и листовидный тип срезня (9х1,5х2 см). Традиционно такие формы использовались сибирскими и центральноазиатскими народами, начиная с конца I тысячелетия н.э. до позднего средневековья. Отдельные типы наконечников из материалов поселения находят аналогии с наконечниками Ундугунской культуры (протоэвенки) XII-XV вв. [4, с. 132].

На поселении выявлена большая коллекция монет. Основная их часть – это мелкие серебряные монеты, выполненные из тонкой, раскованной проволоки; отчеканенные во время Петра I (на оборотной стороне имеется надпись: «Царь и Великий князь Петр Алексеевич»). Остальные также относятся к XVIII в.: полушка 1735 года (1), денга 1748 года (5), денга 1749 года (5), денга 1757 года (1), 10 копеек 1762 года (1), монеты сибирские – копейка 1771 года (1), денга 1778 года (1).

Большой интерес представляют медные нательные кресты – 30 экз., включая их фрагменты. По своей форме они делятся на кресты с прямоугольными завершениями лопастей (8); фигурными (9), а также кресты-тельники с прямыми концами и выдающимися в средокрестье уголками (3). Аналогичные кресты найдены во многих острогах Забайкалья [2, с. 290-294]. Подобные по форме крестики имеются в материалах памятников Старой Рязани [3, с. 220-223] и золотоордынских городищах (Новый Сарай, Водяное) [6, с. 166-183].

Наиболее распространённую категорию украшений в материале поселения представляют перстни. Они относятся к двум видам: перстни печатные, имеющие массивный рельефный щиток и перстни со вставками, у которых с наружной стороны имеется щиток для стеклянных вставок. Подобного рода украшения присутствуют в новгородской коллекции X-XV вв. [7, с. 138-140]; имеются они также в материалах первых русских поселений в Забайкалье и на северо-востоке Якутии [1, с. 117].

В целом проанализированный нами материал позволяет говорить о том, что первые русские поселенцы Забайкалья использовали не только предметы, изготовленные в западных областях Русского государства и завезенные, очевидно, во время экспедиции в Сибирь, но и вещи, которыми традиционно пользовалось коренное население Восточной Сибири, Забайкалья и Приамурья. При этом в хозяйственной жизни, в быту и в материальной культуре предпочтение отдавалось исконно русскому комплексу вещей, с которым они были хорошо знакомы. Сюда же относятся также приёмы домо- и градостроительства, различных хозяйственных помещений, печей, кузнечных и гончарных мастерских, способы обуздания лошадей, рыболовства, охоты и т.д.

Библиографический список

1. **Алексеев А.Н.** Первые русские поселения XVII-XVIII вв. на северо-востоке Якутии. – Новосибирск, 1996.
2. **Артемьев А.Р.** Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII-XVIII вв. – Владивосток, 1999.
3. **Даркевич В.П., Путско В.Г.** Произведения средневековой металлопластики и находок в Старой Рязани (1970-1978 гг.) // СА – 1981. – № 3.
4. **Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И.** Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. – Новосибирск, 2000.
5. **Колчин Б.А.** Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА – 1959. – № 4.
6. **Полубояринова М.Д.** Русские вещи на территории Золотой орды // СА – 1972. – № 3.
7. **Седов М.В.** Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.). – Москва, 1981.

Научный руководитель: доцент, к.и.н. Ковычев Е.В.

ДРЕВНЕЕ, ТРАДИЦИОННОЕ И ЭТНИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО СИБИРИ

А.В. Базайченко

Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет.

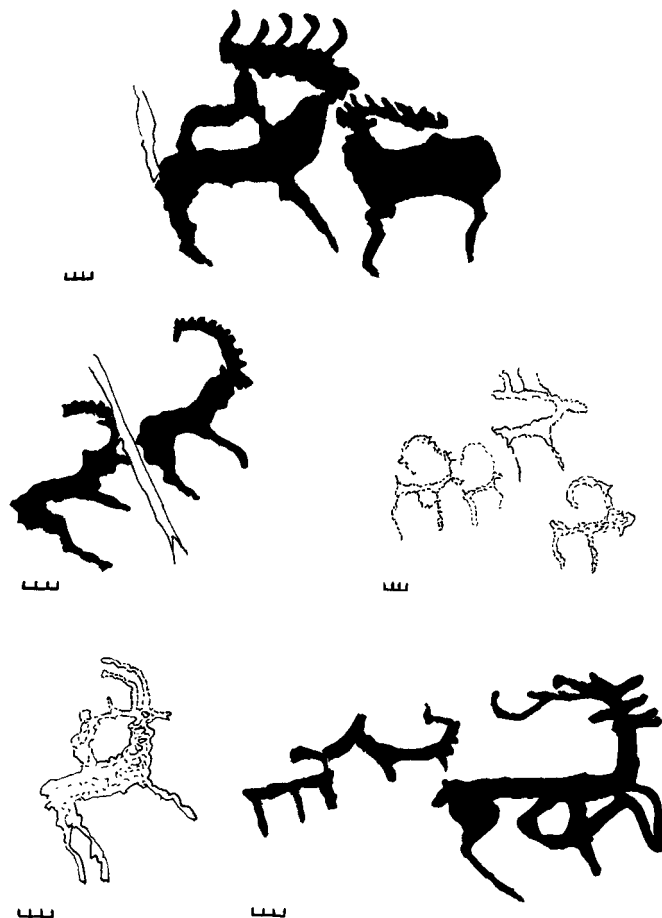
ИЗОБРАЖЕНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ КОМПЛЕКСА КАРАЧАТ В ГОРНОМ АЛТАЕ

В Чуйской степи примерно км в 15 к востоку от пос. Кокоря Кош-Агачского района Республики Алтай и в 5 км от р. Бар-Бургазы расположен комплекс наскальных изображений Карачат (название распространено среди местных жителей). Впервые памятник упоминается Э.Якобсон и В. Д. Кубаревым. Однако полных исследований памятника не было произведено. В 2006 году в рамках гранта РФФИ и в соответствии с проектом «Мифологическое мировоззрение древнего населения Саяно-Алтая по ритуальным комплексам и этнокультурным традициям в природных условиях обитания», экспедиционной группой Горно-Алтайского университета под руководством А. И. Мартынова были проведены стационарные исследования петроглифического памятника Карачат.

Рисунки нанесены по восточному склону вытянутой с юга на север гряды камней высотой примерно 140 м. У подножия расположен комплекс стел. Поэтому местность часто называется «Долина стел». На одной из стел обнаружен петроглиф, сохранность которого не дает возможности четко прочесть его, возможно, это колесница. На склоне, под грядой с рисунками, расположено множество курганов, сложенных из камня-плитняка. Склон гряды покрыт невысокими скальными выходами, состоящими из сланца.

Всего за полевой сезон 2006 г. группой аспирантов в составе Базайченко А. В., Пронина А. И., Симонова И. Л., Чигаева В. было зафиксировано 223 плоскости с изображениями. При работе были применены методы фотофиксации и отчасти – микалентного копирования плоскостей. Часть плоскостей разрушена воздействием окружающей среды (дождь, выветривание, покрыто лишайниками). Некоторые из плоскостей разрушены полностью.

Главная плоскость – «алтарь», находится на высоте 2097 м над уровнем моря. Это самая высокая точка памятника и данной местности, с неё открывается прекрасный вид на бескрайние просторы степи. Это идеальное место для обзора. Ни левее, ни правее, ни ниже нет такого панорамного эффекта. Скала представляет собой большую плоскую вертикальную плиту и полку под ней, что очень удобно для использования в качестве «жертвенника». Вполне естественно, что здесь могли совершаться какие-либо ритуальные действия. Место обладает прекрасной акустикой: у подножия гряды хорошо слышен негромкий разговор наверху. Хотя, находясь у подножия невидна главная плоскость – «алтарь». Над главной плос-

Наскальные изображения комплекса Карачат в Горном Алтае

костью находится «обо», высотой 1,3 м. Справа, за выступающей частью «алтаря» конструкция из трёх выложенных плитняком стен, перекрытых общей плитой высотой 0,9 м. Датировать данные конструкции затруднительно, возможно, что они поздние.

Размеры центральной плоскости памятника – 210 x 200 см. На ней в технике выбивки нанесены изображения животных. Центральными изображениями являются две большие фигуры оленей, повернутые клювообразными мордами вправо, с удлинённым туловищем. Здесь прослеживается явное сходство с рисунками на оленевых камнях. Кроме этого на плоскости нанесено множество фигур более мелких размеров, которые заполняют всю плоскость.

Характерные образы данного памятника: олени, козлы, бараны, верблюд, лошадь и сцены охоты. Изображения выполнены в технике выбивки, некоторые изображения четкие, а некоторые выполнены нечетко, небрежно, иногда только обозначены. Многие изображения неоднократно подправлялись.

Значительную сложность представляет определение хронологии. Учитывая особенности стиля, изображения оленей, баранов, козлов можно отнести к скифской эпохе.

Работы будут продолжаться, и исследования будут проводиться по следующим направлениям:

1. полное исследование памятника
2. изучение его связей с природной средой
3. хронологическое определение.

Научный руководитель: д. и. н. профессор А. И. Мартынов

Ю. В. Балужева

Нижний Тагил, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 5 курс

АНТРОПОМОРФНАЯ СКУЛЬПТУРА СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ: ИСТОКИ ТРАДИЦИИ И КАНОНА

Мифологичность сознания древнего человека подразумевает восприятие им окружающего пространства по семантическому, эмоционально-ассоциативному принципу. Поэтому на него сильное впечатление оказывали феноменальные объекты природы, зачастую становившиеся неотъемлемыми элементами культовой практики, возможно, и образцами в искусстве. Примером этого может являться скала Камень Дыроватый.

Она находится на левом берегу р. Чусовой (Средний Урал). Представляет собой отвесную стену (80 м), на которой на высоте 20 м расположена пещера. Если смотреть на пещеру с противоположного берега или с реки, то на скале можно увидеть заключенное между двумя расселинами «лицо идола». Глаза образуют углубленные участки скалы, а нос – скальный выступ, сама же пещера видится как открытый в крике рот [6, с. 121-122].

Пещера Камня Дыроватого – уникальное святилище, которое функционировало на протяжении нескольких тысяч лет, начиная с эпохи мезолита до средневековья. В пещере найдено свыше 20 тысяч наконечников стрел, тысячи костей животных и немногочисленные украшения. Эти находки свидетельствуют о существовании обряда стрельбы из лука. Возможно, личина Камня Дыроватого воспринималась как «лицо» духа или хозяина р. Чусовой, которому и приносились жертвы [8, с. 56-61].

Святилище расположено в среднем течении р. Чусовой, являющейся единственной магистралью, связывающей восточный и западный склоны Урала. Данный факт и наличие в пещере наконечников стрел разных типов, анализ минерального сырья, поступавшего из разных районов Урала, позволяет рассматривать пещеру Камня Дыроватого как межплеменное святилище [6, с. 134-138].

Изучение антропоморфной скульптуры Среднего Зауралья показало, что личина Камня Дыроватого имеет с нею определенное сходство.

Самая известная из деревянных скульптур Урала – Большой Шигирский идол. Основная его часть обработана в виде доски, на которой схематически изображены 7 человеческих лиц и геометрический орнамент. Голова представлена в виде объемной скульптуры. Лицо моделировано довольно подробно: сильно выступающий нос, углубленные глаза, раскрытый рот [3, с. 42]. Идол датируется эпохой мезолита (7886-7498 лет до н.э.) [5, с. 52].

Другая находка с Шигирского торфяника – голова идола (20 см). Она отличается подробной детализацией: показаны сильно выступающие нос и подбородок, подчеркнут крупный рот в виде довольно широкого желобка.

Глаза и щеки изображены в виде единой плоскости, уходящей под выступ, которым показаны надбровья. Вдоль щек сделаны зарубки, возможно, они изображают бороду или одежду [11, с. 139-140].

В VI разрезе Горбуновского торфяника насчитывается семь деревянных идолов, датирующихся энеолитом – ранней бронзой [1, с. 92-93]. Еще одно скульптурное изображение головы человека из дерева выявлено в энеолитическом слое стоянки Разбойничий Остров Карасье-озерского торфяника [10, с. 97]. Кроме деревянной скульптуры к данному комплексу следует отнести и скульптурку, выполненную из талькохлорита (поселение Палатки II). Автор раскопок видит в ней сходство с Шигирским идиолом [4, с. 25-26].

Если подвести некоторые итоги изучению антропоморфной скульптуры Среднего Зауралья, можно отметить, что, несмотря на многообразие общей формы, в ней отчетливо проявляется определенный канонизм в изображении лица. Во всех случаях использована манера обобщенной трактовки: глаза и щеки показаны одной плоскостью, сильно выступающий нос, рот намечен выемкой. Причем линия глаз и носа образуют букву Т, а рот всегда показан в открытом состоянии. Именно этот канон присутствует и в изображении «лица идола» на Камне Дыроватом.

Учитывая факт существования в изображении антропоморфной скульптуры определенного канона, подразумевающего наличие исходного образца, можно предположить, что таковым являлось «лицо идола» Камня Дыроватого. В пользу этого может свидетельствовать наличие внешних сходств, а также география распространения скульптур.

Статус прототипа Камня Дыроватого, по всей видимости, определял и исходное семантическое значение антропоморфной скульптуры. Предположительно, деревянные идолы являлись воплощением богов, духов, а многочисленные находки так называемых предметов сакрального назначения олицетворяли адресованные им дары (жертвы).

С течением времени менялась традиция изображения антропоморфной скульптуры, она наделялась и другими смыслами. Тем не менее, подобная манера трактовки лица культовой скульптуры в этнографии прослеживается вплоть до настоящего времени [2, с. 85, 105].

Что касается изображений человека из камня и глины, выбивающихся из канона, они, очевидно, связаны с представлениями и обрядами иного характера.

Таким образом, может иметь место предположение о том, что «лицо идола» Камня Дыроватого по своей изобразительной форме, функции и обрядовому контексту представляет собой естественный прототип части антропоморфной скульптуры Среднего Зауралья.

Подобная традиция формирования канона, по мнению А. Д. Столяра, прослеживается и на Северо-Западе России. Исследователь считает прообразом всей монументальной антропоморфной скульптуры данного региона вертикальное мезолитическое погребение № 100 Оленеостровского могильника [9, с. 178-192]. Интересно отметить, что на территории Среднего Зауралья также известно вертикальное погребение эпохи мезолита (Пеганское). В погребении среди других находок присутствовал костяной орнаментированный вкладышевый кинжал, полностью аналогичный оленеостровскому [7, с. 96-97].

Библиографический список

1. Гаджиева Е. А. Идолы VI разреза Горбуновского торфяника (несколько замечаний по вопросам культурно-хронологической принадлежности) // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004.
2. Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культовые места (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1986.
3. Мошинская В. И. Деревянная скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976.
4. Панина С. Н. Палатки II – поселения аятской культуры на р. Исеть // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
5. Савченко С. Н. История формирования коллекции шигирских древностей в Свердловском областном краеведческом музее // 120 лет археологии Восточного склона Урала: Материалы конференции. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Ч.1. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. Екатеринбург, 1999.
6. Сериков Ю. Б. Камень Дыроватый – уникальное пещерное святилище на реке Чусовой // РА.1996. № 4.
7. Сериков Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.
8. Сериков Ю. Б. Культовые комплексы р. Чусовой // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып.1. Березники, 2001.
9. Столяр А. Д. Вертикальное погребение (мезолит) как предтеча монументального антропоморфного образа // Археология в пути или путь археолога. Часть 1. Путь археолога. СПб., 2001.
10. Чаиркина Н. М. Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып.23. Екатеринбург, 1998.
11. Эдинг Д. Н. Идолы Горбуновского торфяника // СА. Вып. 4.1937.

Сериков Ю. Б., д.и.н., профессор кафедры истории НТГСПА

АНТРОПОМОРФНЫЕ МОТИВЫ В МОНУМЕНТАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЕ СКОТОВОДОВ ЕВРАЗИИ

В ряду проявлений изобразительного искусства особое место занимает монументальная скульптура. Многие древние народы Евразии в той или иной степени были знакомы с монументальным пластическим искусством. В данном докладе предпринимается попытка анализа монументальной скульптуры кочевого населения степной зоны Евразии эпохи бронзового и раннего железного века.

Прежде всего, следует сказать, что значит термин «каменное изваяние». Этим определением подчеркивается, что памятники являются бесспорными артефактами, вырубленными из камня. В случае если памятнику явно придана форма человеческого тела, он именуется антропоморфом или антропоморфным изваянием; если же такого сходства нет, памятник именуется стелой.

В данной работе рассматриваются каменные изваяния ямной культуры, окуневской культуры, оленные камни и скифские изваяния Причерноморья.

Прежде всего, нужно различать изваяния по характеру и назначению. Обратимся к концепции К.В. Юматова, в основе которой поставлены изваяния древнейшей культуры. Именно они, по мнению исследователя, положили начало традиции каменных изваяний степной зоны Евразии в рассматриваемый нами период; традиции, которая со временем разделяется на две линии: воинскую и религиозно-мифологическую. Последняя наиболее ярко отразилась в изваяниях окуневской культуры.

В данном выступлении предложена попытка выразить эволюцию традиции каменных изваяний несколько отличной схемой. Основная цель выступления – охарактеризовать две линии развития традиции каменных изваяний на территории Евразийских степей бронзового – начала железного века, и доказать, что именно изваяния окуневской культуры послужили началом для зарождения религиозно-мифологической линии развития традиции каменных изваяний на рассматриваемой территории. Данная проблема крайне важна для понимания истинного назначения каменных изваяний. Этому аспекту проблемы исследователи уделяли крайне мало внимания, поэтому в настоящее время она очень актуальна.

Наличие или отсутствие антропоморфных черт является одним из факторов отнесения изваяния к той или иной линии развития. Это один из аргументов, свидетельствующих о целесообразности разделения каменных изваяний.

Памятники в массе своей выделены достаточно ярко, хотя встречаются и «промежуточные» образцы скульптур, объединяющие антропоморфные и неантропоморфные признаки. Критерием в данном случае служит скульптурная выделенность (или невыделенность) головы. Возьмем оленные камни. В последнее время получила широкое распространение трактовка оленных камней как памятников антропоморфных. Так Н.Н. Диков заметил, что «... все оленные камни являются олицетворением человека». Н.Л. Членова заключила, что оленные камни изображали человеческую фигуру. Основанием для такого вывода служила топографика – порядок размещения на стелах изображений предметов, в особенности оружия. Дополнительным аргументом явилось открытие несколько оленных камней, верхней части которых, путем гравировки, было придано сходство с человеческой головой. Однако по данным В.С. Ольховского, не менее 96 – 98% выявленных оленных камней не имеют пластически выделенной антропоморфности.

Таким образом, оленные камни, уже изображая человеческую фигуру, еще лишены признаков антропоморфности. Объяснить это противоречие можно тем, что у оленных камней другой морфологический архетип. Все имеющиеся экземпляры с моделированной головой являются результатом доработки в тюркское время (Приложение 7).

В случаях бесспорной синхронности оленных камней и нанесенных на них личин очевидно акцентирование изображения на передней грани памятника именно лица, а не головы в целом. Таким образом, личина производит впечатление более или менее реалистичной маски, как бы приложенной к камню, при этом форма (морфологическая схема) стелы остается практически неизменной. В этом оленные камни как раз схожи с окуневскими изваяниями, так как подобный прием моделирования антропоморфных личин на узких лицевых гранях стел особенно присущ памятникам монументальной скульптуры окуневской культуры. Об этом свидетельствует правильная овальная форма личин, нередко выделяемых и в виде рельефной полусферы, и их анатомически неправильное расположение на памятниках. Данное наблюдение, возможно, также свидетельствует в пользу мнения о генетической связи окуневских стел и оленных камней.

Однако остается открытым вопрос о скифских изваяниях, о слиянии религиозно-мифологической традиции с традицией воинской – как это сказалось на антропоморфности или неантропоморфности изваяний.

Прежде всего, нужно отметить несомненную антропоморфность изваяний ямной культуры, заложившие основу для воинской традиции в каменных изваяниях.

С исчезновением ямной культуры традиция установки каменных изваяний не исчезает, хотя исполнение каменных фигур деградирует (катакомбные изваяния, андроновские и ирменские надмогильные стелы). Оленные камни как «промежуточный» тип каменных изваяний, безусловно, оказали влияние на становление традиции скифских каменных изваяний. Однако стелы бронзового века с выраженными признаками антропоморфности с лицевой стороной на широкой грани, с изображенными на них поясами, топорами, луками, кинжалами несравненно ближе к скифским каменным бабам, чем оленные камни. Их роднит со скифскими также то, что на тех и других иногда изображается гривна на шее, фалл, а руки сложены на животе так, что вытянутые пальцы левой и правой рук касаются друг друга концами или пальцы переплетены (Приложение 11,13,14). Отличительные же черты стел бронзового века бросаются в глаза: это всегда плоские плиты с чрезмерно широкими плечами, маленькой головой и тонкими руками, идущими от шеи.

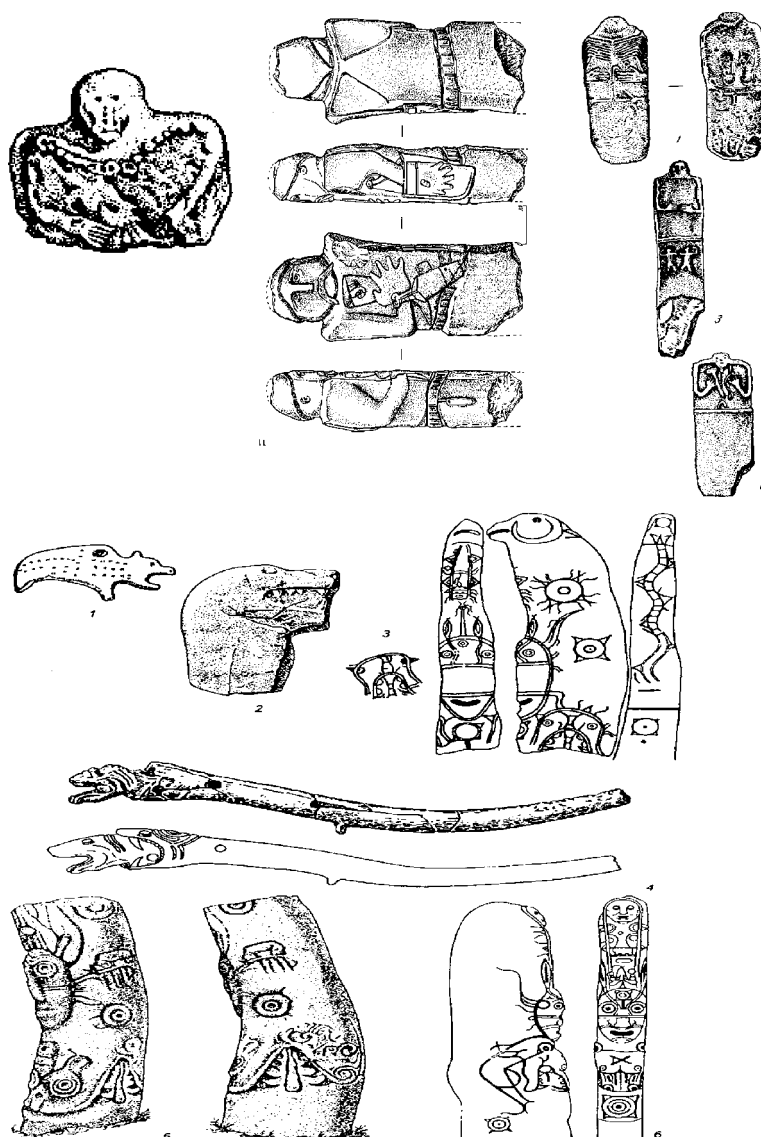
Явная фалломорфность оленных камней сменяется фаллоантропоморфностью раннескифских антропоморфных столбов, а затем и явным антропоморфизмом скифской плоской скульптуры, демонстрируя последовательную трансформацию древней общеевразийской идеи. Воспроизводимая человеческая фигура представляется как бы «втиснутой» в заданный, подчеркнuto геометризованный объем каменного столба или квадратного в сечении блока; применение гравировки и низкого рельефа несколько не меняет впечатления монументальности и монолитности памятника.

Совершенно особый интерес представляет в этой связи так называемый Керносовский идол – стела из села Керносовка Днепропетровской области, которая напоминает одновременно и антропоморфную стелу бронзового века, и оленный камень, и скифскую каменную бабу. На антропоморфную стелу бронзового века этот идол похож изображением головы, как бы втиснутой в плечи, широкими плечами и тонкими руками, изображением ребер и позвоночника. Л.П. Крылова, опубликовавшая изваяние, сравнивает его со стелами бронзового века и датирует его концом III – началом II тыс. до н.э.

Однако этот идол имеет и ряд черт оленных камней. Во-первых, стела эта не плоская, а прямоугольная; во-вторых, верхняя часть изваяния скошена назад, к затылку, и на голову одета как бы плоская шапочка; в-третьих, верхняя часть правой грани изваяния занята орнаментальным полем и многие орнаменты стилистически схожи с орнаментами на некоторых оленных камнях.

Надо полагать, что естественная эволюция религиозно-мифологических представлений, осложненная влияниями и заимствованиями, с течением времени приводила к усилению одних сторон назначения памятника при ослаблении других. Происходит усложнение социальной культуры и связей, усиление роли военных вождей и стремление последних закрепить и идеологически обосновать свою власть. Набирает силу культ героя, вождя, мифического первопредка, и это, безусловно, сказалось и на монументальной скульптуре.

Однако проходило это без тотального слома традиций прежних каменных изваяний. Ключевой символ мировоззренческой модели – мировая гора (ось, фалл, центр) – начинает все больше осознаваться и как гигантская

(человеческая) фигура (первочеловека-героя-первопредка), а затем и конкретного вождя, разумеется, выступающего в роли земного воплощения мифологического героя.

Изваяние являлось зримым символом целого комплекса религиозно-мифологических представлений, отражающих идею структурированности Вселенной, персонификации ее центральной оси в определенном человеке. Достаточно очевиден процесс постепенной индивидуализации воспроизводимого образа, приближения изваяния к “портретной статуе” путем достижения определенного иконографического сходства с умершим.

В практическом же плане каменные фаллоидные стелы начинают покрываться изображениями реальных и социально значимых предметов, тем самым, демонстрируя скрытую антропоморфность.

Расцвет скифской антропоморфной скульптуры приходится на период с рубежа VI – V по первую треть IV в. до н.э. Подтеской и гравировкой скульптуры изображают человеческую фигуру до пояса или целиком; популярными становятся плоские скульптуры, хотя еще встречаются антропоморфные столбы и появляются плоские скульптуры.

Таким образом, имеющиеся данные позволяют констатировать, что в эпоху бронзы и раннего железа в евразийских степях преобладает традиция создания неантропоморфных каменных изваяний, за исключением древнеявных изваяний, где явно скульптурно выделена голова, руки, предметы одежды и вооружения. Создатели оленных камней стали авторами своеобразной скульптуры «промежуточного» характера, совмещающей антропоморфные и неантропоморфные признаки.

Влияние воинской линии развития каменных изваяний, берущей начало от антропоморфных изваяний ямной культуры, на каменные изваяния религиозно-мифологической традиции, идущие от окуневских изваяний, сказавшись на традиции оленных камней, наиболее ярко проявилось в скифской монументальной скульптуре. Это также связано с серьезной трансформацией господствующей мировоззренческой модели, вызванной изменившимися социальными, демографическими и другими условиями. При сохранении основного смыслового ядра указанных памятников наблюдается развитие их семантического поля в направлении увеличения «антропоморфности».

Таким образом, имея общую идеологическую подоснову, идея антропоморфности в монументальной скульптуре в разных экологических, этнокультурных и социальных условиях реализовывалась по-своему, развивалась самостоятельно, нередко испытывая, однако, инокультурные влияния.

В целом же изваяние являлось зримым символом целого комплекса религиозно-мифологических представлений, отражающих идею структурированности Вселенной, персонификации ее центральной оси в определенном человеке, воплощении образа этого человека-символа после его смерти с целью предотвращения “катастрофы” в кризисный период смерти и похорон. Достаточно очевиден процесс постепенной индивидуализации воспроизводимого образа, приближения изваяния к “портретной статуе” путем достижения определенного иконографического сходства с умершим.

Подавляющее большинство изваяний устанавливалось на вершине курганной насыпи, иногда они являлись важными элементами культовых комплексов (святилищ, ритуальных площадок).

Особенность кочевой культуры, которая с самого начала своего существования складывалась как культура военизированная, привела к тому, что мужчины-воины выдвигаются на первый план как основная социальная сила общества. Воспевание подвигов и деяний богатыря становится важнейшей частью идеологии общественных и государственных объединений. В рамках подобной идеологии и возникла необходимость увековечивания славы воинов, прославившихся в боях с врагами. Ее материальным выражением в степном мире стал культ поминальной воинской скульптуры с определенным набором атрибутов.

Е. С. Долгополова

Нижний Тагил, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 4 курс.

ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ, ПТИЦ И РЫБ В КРЕМНЕВОЙ СКУЛЬПТУРЕ УРАЛА

В настоящее время кремневая скульптура известна практически на всей территории Большого Урала. Здесь найдено уже свыше 80 находок, причем большая часть происходит с памятников Среднего Зауралья (53). На Северном Приуралье известно 10 находок, на Среднем Приуралье – 12, по одной скульптуре найдено на западном и восточном склонах Южного Урала [8, с. 322-324].

Хронологические рамки бытования кремневых фигурок достаточно обширны. Самые ранние кремневые скульптурки Урала датируются поздним мезолитом (3 экз.). К эпохе неолита относятся семь кремневых скульптур. Основная масса скульптурок изготовлена в эпоху энеолита. И только одна скульптура найдена на поселении бронзового века [7, с. 111].

Все кремневые фигурки образуют, как правило, пять групп скульптур: антропоморфные, зооморфные, орнитоморфные, изображения рыб и символов [1, с. 102-111].

Самая представительная группа кремневой скульптуры – изображения животных (24 фигурки). Чаще всего встречаются скульптурные изображения медведя (8 экз.) и лося (4 экз.). Каждая скульптура по-своему уникальна, но в то же время имеет свои характерные черты изображения. Так, например, при изображении медведя подчеркивались вздернутый нос, крутой переход от носа ко лбу, стоящее или прижатое ухо и подчелюстная выемка животного. Полная фигура медведя всего одна, найдена она на поселении Вис II. Ее длина 5,3 см, высота – 2 см. Голова животного изображена большой и массивной по отношению ко всему телу и опущена книзу [2, с. 114]. Остальные скульптуры медведя представлены изображениями голов.

Характерными чертами при изображении фигур лося являлись горбатый нос, торчащее ухо и резко выраженная подчелюстная выемка. Головы лосей более вытянутые, чем медвежьи. Представляет интерес кремневая скульптура лося с I-ой Береговой стоянки Горбуновского торфяника из раскопок Д.Н. Эдинга (хранится в ГИМе). Длина фигурки 3,9 см, высота 3,3 см. Ретушью тщательно обработано длинное ухо животного, выделена подчелюстная выемка [4, с. 217].

Единичными находками представлены изображения дикого кабана и горностая (?) с поселения Юртик, бобра с Аятского озера и ежа со стоянки Шигирский Исток III. Скульптура ежа изготовлено из плитки черного углистого сланца. Ее длина 2,6 см, ширина 2,2 см. Рельефные шипы в верхней части фигурки изображают иглы животного, шип сбоку – вздернутый нос, а шипы внизу – ноги [5, с. 137]. Оставшиеся фигуры представляют изображения голов животных, определить видовую принадлежность которых затруднительно.

Скульптурных изображений птиц в коллекции 9 экз. Только у двух скульптур удастся определить видовую принадлежность. В 1973 г. на стоянке Юрьино IV была найдена фигурка птицы, которая явилась первой находкой кремневой скульптуры на территории Среднего Зауралья. Изготовлена она на тонком изогнутом отщепе кремнистого сланца. Длина скульптуры 3,4 см, высота – 2,5 см. По определению зоологов, изображает птицу семейства тетеревиных [6, с. 112]. Вторая скульптура найдена в размыве берегового вала на Шайтанском озере. Это самая массивная из известных в Среднем Зауралье кремневых скульптур. Ее длина составляет 5,1 см, ширина – 2,3 см и толщина – до 0,8 см. Учитывая удлинненную шею, можно предположить, что данная скульптура изображает лебедя [6, с. 19]. Остальные скульптуры условно относятся к водоплавающим птицам.

Кроме водоплавающих птиц, необходимо упомянуть о так называемых «птицах в полете» – 9 экз. Они выглядят как наконечники стрел с боковыми выступами. Наиболее интересны находки с Камня Дыроватого, Исетского Правобережного и Шайтанского озера. Характерные черты изображения – это достаточно удлиненная передняя часть и небольшие крылья, располагающиеся симметрично посередине фигуры [6, с. 19].

Среди изображений рыб (16 экз.) видовую принадлежность также можно определить только у двух фигурок. Первая из них найдена на озере Ярейты в Большеземельской тундре. Ее длина 3,4 см, ширина 3 см. Исходя из пропорций и формы самой фигурки, в ней предположительно видят изображение камбалы [2, с. 115]. Вторая скульптура происходит с культового центра на Шайтанском озере. Ее длина 7,3 см, ширина в средней части – 1,9 см. С двух сторон скульптура обработана плоской ретушью. По единодушному мнению местных рыбаков, она изображает линя [6, с. 19]. Остальные рыбы изображены в условно-схематическом стиле.

В последнее время ведутся споры о так называемых «рыбковидных наконечниках стрел». На Шайтанском озере найдено 4 таких находки. Все они обработаны плоской отжимной ретушью с двух сторон, имеют рыбковидный насад и асимметрично расположенный кончик пера. Длина изделий колеблется от 2,7 до 3,6 см [6, с. 19-20].

Что касается техники изготовления, то в большинстве случаев скульптуры обработаны мелкой краевой ретушью. И лишь в отдельных случаях фигуры выполнены путем сплошного ретуширования изделий с двух сторон,

Для изготовления кремневых скульптурок использовались кремнистые сланцы, которые различались структурой, плотностью, степенью окремнелости и цветом. Кроме этого также использовались халцедон, яшма, углистые сланцы и др. [7, с. 118-119].

Анализ изображений показывает их несомненную связь с мифологическими образами языческого миропонимания. Так, по селькупским представлениям, вход в Нижний мир охраняет медведь, который является главным помощником шамана в его путешествиях по «нижним дорогам». Образ лося в целом воспринимается как светлый космический зверь, связанный преимущественно с Верхним миром; отсюда его отождествление с Солнцем, а также с созвездием Большой Медведицы, которая у большинства таежных сибирских народов называется созвездием Лося. Птица участвовала в миротворении, а также являлась помощником шамана при его перемещениях по всем трем мирам. В мифологии сибирских народов образ птицы связывали с представлениями о душе. Рыба же часто соотносится с существами Нижнего мира, так, например, по верованиям негидальцев, душа утопленника стано-

вилась рыбой — помощником хозяина воды [3, с. 40-80]. Следовательно, образы, представленные в кремневой скульптуре являются отражением мифопоэтической картины мира древнего населения Урала.

Библиографический список

1. **Замятнин С.Н.** Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. 1948. Т. X.
2. **Карманов В. Н., Семенов В.А.** Миниатюрная кремневая скульптура на памятниках Европейского Северо-востока // Археология в пути или путь археолога. Часть 2. Археология в пути...СПб, 2001.
3. **Косарев М. Ф.** Основы языческого миропонимания. М., 2003
4. **Литвиненко Ю. П., Сериков Ю. Б.** Новые находки произведений первобытного искусства на территории Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург, 1998.
5. **Сериков Ю. Б.** Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // Вопросы археологии Урала. Вып. 24. Екатеринбург, 2002.
6. **Сериков Ю.Б.** Произведения искусства с культового центра на Шайтанском озере // Памятники археологии и художественное творчество: Материалы осеннего коллоквиума (с международным участием). Омск, 2004. С. 18-21.
7. **Сериков Ю.Б.** Кремневая скульптура Урала (вопросы хронологии, происхождения и семантики) // Проблемы археологии и древней истории Урала. Нижний Тагил, 2005.
8. **Сериков Ю.Б.** Новые (зауральские) районы распространения кремневой скульптуры // Современные проблемы археологии России. Т. II. Новосибирск, 2006.

Сериков Ю. Б., д.и.н., профессор кафедры истории НТГСПА

С. А. Дородных

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 5 курс

ЛЬВИНЫЙ ГРИФОН В ИСКУССТВЕ СКИФО-СИБИРСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

Скифская эпоха оставила яркий след в истории искусства, именно ей принадлежит огромное количество предметов, выполненных в так называемом скифо-сибирском стиле. Особое место в скифском искусстве занимают образы фантастических полиморфных существ, сочетающих черты различных животных. Одним из таких синкретических существ был львиный грифон, хорошо представленный на обширной территории Евразийской степи: от лесостепного днепровского правобережья на западе до Алтайских гор на востоке.

Иконография этого образа, представляющего собой крылатое и рогатое существо с телом и головой кошачьего хищника (льва, тигра, барса), слагалась ещё задолго до появления скифского звериного стиля, на территории Ближнего Востока. В сер. VI в. до н. э. ахеменидское искусство заимствовало этот мотив из Ассирии и Вавилона, немного переработав его и добавив новые черты, в частности — рога с шариками на концах [6, с. 305]. Именно в таком виде львиный грифон попал к скифам в Северное Причерноморье и к пазырыкцам на Алтае. Данный мотив интересен для изучения тем, что он был заимствован из иноземного источника, но смог ужиться с другими элементами скифо-сибирского звериного стиля, и стать впоследствии одной из его составляющих.

На единство скифо-сибирского звериного стиля уже давно указывают все специалисты, поэтому нет оснований рассматривать львиных грифонов из скифских курганов Причерноморья и тот же мотив из материалов Алтая, как совершенно разные по значению в искусстве образы. Главное отличие между ними — в художественной манере изображения, что было связано с особенностями заимствования и распространения, о чём будет сказано ниже.

Изделия с изображениями львиных грифонов появляются на территории обитания скифских племён в V – IV вв. до н. э., как впрочем, большинство фантастических существ в скифском искусстве, которое, как известно, не было однородно по своему составу. Такими исследователями как Е. В. Переводчикова, В. А. Ильинская и др., было выделено несколько локальных культур — групп памятников. Это, несомненно, отразилось и в изобразительной традиции образа львиного грифона. В частности в особую группу выделяются памятники Прикубанья [3, с. 157-158]. Хотя на этой территории изображения синкретических существ встречаются достаточно часто, но образа львиноголового грифона среди них почти нет. Из ст. Елизаветинской происходит лишь окончание псаля с изображением, весьма отдалённо напоминающим львиного грифона (рис. 1, 1). У него большой

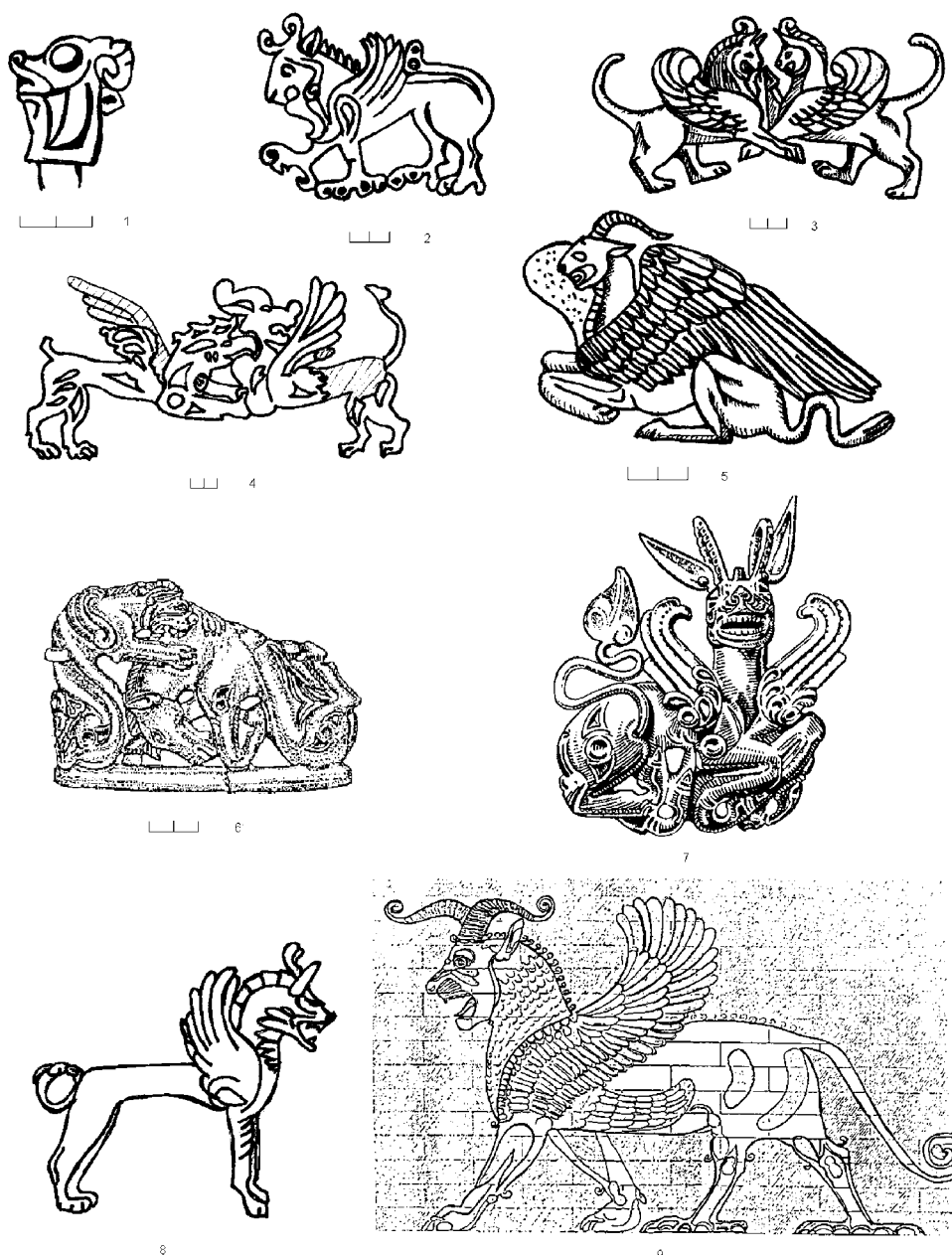

Рис. 1. Примеры изображений львиных грифонов в искусстве Евразии: 1- ст. Елизаветинская, 2- Защита, 3- Пятибратний курган №8, 4- I Пазырыкский курган, 5- Толстая могила, 6- Сибирская коллекция Петра I, 7- Аму-дарьинский клад (по Руденко С. И., 1961, рис. 48), 8- Кобадиян (Бактрия), 9- Сузы (по Khazai Kh., 1978, fig. 8, №47). 7- 9 – без масштаба.

круглый глаз, вздёрнутый вверх нос (что чаще является признаком волка), раскрытая пасть, листовидное ухо, кошачья лапа и круто изогнутый козлиный рог. Пожалуй, это единственное изображение на данной территории, которое можно, хотя и весьма условно, сопоставить с ближневосточным прототипом. Во всяком случае, набор иконографических составляющих элементов здесь – хищник, рога, хоть и условно, но всё же связан с исходным прототипом. Но, скорее всего, такое достаточно схематичное изображение является результатом местного переосмысления образа.

К западу от Прикубанья, в степях Северного Причерноморья, где расположены так называемые царские курганы скифов, львиный грифон был более популярен, причём его облик ближе к исходному переднеазиатскому прототипу. Изображения львиного грифона появляются здесь с IV в. до н. э. Чаще всего он представлен на изделиях либо мирно лежащим или стоящим, либо в геральдических композициях себе подобным. Изображения выполнены очень реалистично: чётко переданы оперение крыльев, чаще серповидных – концами маховых перьев вперёд, мускулатура тела, пасть всегда раскрыта, на голове рога с завитком на конце, как у переднеазиатских

грифонов (рис. 1, 3, 5). Нет никакого сомнения, что это образцы греческого искусства, «выполненные на заказ для скифов с изображениями на «скифские темы» [3, с. 139]. Поэтому здесь отсутствуют такие характерные для переднеазиатских изображений признаки как «передача мускулатуры и форм тела точками, запятыми, полуподковками; птичья головка вместо кисточки на конце хвоста» [6, с. 305] (рис. 1, 9). Видимо, греческие мастера не считали нужным сохранять все переднеазиатские элементы изображения в их первоначальном виде и делали изделия на свой манер – более реалистичными, но при этом всё же оставляя традиционные основы изображения.

Ещё дальше на северо-запад, на территории днепровской лесостепи также существовали локальные группы населения, которые, однако, не теряли связь с остальной территорией распространения скифской культуры, и сохраняли многие мотивы и образы в своём искусстве. Здесь, в частности, так же встречается образ львиного грифона в памятниках V в. до н. э. [2, рис. 31 -2, -3]. Как ни странно, но на этой территории, более далёкой от переднеазиатского мира, чем степная Скифия и Прикубанье, лучше сохранилась переднеазиатская традиция изображения: это и серповидное крыло, рога с завитком на конце, раскрытая пасть, кисточка на конце хвоста (рис. 1, 2). Своеобразно, не в скифской манере, выполнены лапы существа, больше напоминающие птичьи, как задние ноги грифонов на ахеменидских изображениях (рис. 1, 9). Такой стиль исполнения вполне может быть связан с отсутствием сильного греческого влияния, склонного к большей реалистичности изображения, и тем самым, с большим сохранением иконографических черт переднеазиатской изобразительной традиции.

Что касается территорий восточнее скифского мира, в частности Алтая, где обитало население пазырыкской культуры, то здесь львиных грифонов изображали чаще: мирно лежащими или стоящими, либо в сценах борьбы или терзания. Встречаются также отдельные изображения львиной головы с рогами. Они появляются здесь с V в. до н. э. Главная особенность, сильно отличающая эти памятники от вышеупомянутых, в том, что подавляющее большинство таких изображений – местного производства, сделанных без каких-либо намёков на греческое влияние, что позволило сохранить в изображениях переднеазиатскую традицию без посторонних «примесей». Все алтайские львиные грифоны выполнены в одинаковой манере: крылья только серповидной формы, пасть раскрыта, хвост с кисточкой или головкой грифа на конце, мускулатура и формы тела выделены «значками» (рис. 1, 4). Пазырыкцы строго соблюдали каноны изображения львиных грифонов, при этом образ был им понятен и близок.

Несколько изображений львиных грифонов происходят с территории Средней Азии. В работах специалистов неоднократно подчёркивалось сходство алтайских изображений с находками из Сибирской коллекции Петра I и Аму-Дарьинского клада. В частности, среди вещей клада, дату которого относят к V – IV вв. до н. э. [4, с. 73] есть золотая бляшка в виде львиного грифона (рис. 1, 7) с чётко выраженными переднеазиатскими чертами («значки» на теле, серповидная форма крыла). В Сибирской коллекции, находки из которой могли быть получены преимущественно с территории между верхними течениями рек Иртыша и Оби [7, с. 37], всего два изображения львиных грифонов, причём одно из них представляет сцену терзания грифоном коня (рис. 1, 6), и особенно интересно тем, что сочетает в себе элементы переднеазиатского (серповидное крыло, «значки» на теле, рога с завитком на конце) и сибирского стиля (вывернутая задняя часть туловища). Второе изображение по всем признакам напоминает львиного грифона из Аму-Дарьинского клада. Вещи из Сибирской коллекции также датируются V – IV вв. до н. э. [7, с. 34-35].

Интересна находка бронзовой статуэтки львиноподобного грифона из Кобадияна, с территории Бактрии, её особенность состоит в том, что у грифона показаны туловище и голова пса, но переданы переднеазиатские серповидные крылья и рога с завитками (рис. 1, 8). Бактрийский грифон не вполне отвечает львиноподобному иранскому типу этого персонажа, а представляет иной, своеобразный вариант; статуэтка датируется V-IV вв. до н. э. [4, с. 73]. Что касается территории Семиречья и Восточного Казахстана, то здесь нет изображений львиных грифонов, встречаются только фигуры крылатых хищников – барсов: несколько находок близ Алма-Аты и в кургане Иссык. Образ крылатого животного, воспринятый из переднеазиатского искусства, был чужд сакам, и со временем подвергается сильной стилизации [1, с. 65].

Таким образом, мы видим, что один и тот же мотив, пусть даже заимствованный, может вполне уживаться с местными элементами в искусстве скифо-сибирского звериного стиля. На основе проведённого анализа можно сделать вывод о двух разных путях распространения образа львиного грифона на территории Евразийских степей: через территорию Малой Азии (греческие колонии) к скифам Северного Причерноморья и через территорию Средней Азии (Бактрия, район Аму-Дарьи, Восточный Казахстан) на Алтай. Очевидно, сомнений в том, что источником для образа львиного грифона и его иконографии в скифо-сибирском искусстве была территория Передней Азии, не остаётся.

Библиографический список

1. Акишев К. А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978;
2. Ковпатенко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного Правобережья. Киев, 1989;

3. **Переводчикова Е. В.** Язык звериных образов. М., 1994
4. **Пугаченкова Г. А.** Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии. – Советская Археология, 1959, №2
5. **Руденко С. И.** Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961
6. **Руденко С. И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. – Л., 1953;
7. **Руденко С. И.** Сибирская коллекция Петра I. – САИ ДЗ-9, М.-Л., 1962
8. **Khosrow Khazai** L'évolution et la signification du griffon dans l'iconographie Iranienne. – Iranica Antiqua, XIII, 1978.

Научный руководитель: д. и. н., проф. Савинов Дмитрий Глебович

Е.З. Ержигитова

Омск, Омский государственный педагогический университет, 2 курс

ПРЕДМЕТЫ БРОНЗОВОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКИ С КРАСНОЯРСКОГО ГОРОДИЩА В ЮЖНОТАЕЖНОМ ПРИИРТЫШЬЕ

Красноярское городище расположено в 4,5 км северо-восточнее устья реки Ишим, на мысу правого коренного берега Иртыша. Выгодное для обороны и ведения многоотраслевого хозяйства расположение памятника делало его исключительно удобным местом обитания, в силу чего найденные на нем материалы отражают этапы заселения южнотаежного Прииртышья от мезолита до позднего средневековья.

В ходе работ археологической экспедиции ОмГПУ под руководством Е.М. Данченко в 1991, 2002 и 2003 гг. на Красноярском городище были найдены предметы бронзовой металлопластики.

1. Бронзовая плоская личина. Максимальная высота 7,1 см, максимальная ширина 2,6 см, средняя толщина 0,4-0,6 см. Нос передан невысоким рельефным валиком, как и брови, которые, однако, едва угадываются, отчасти из-за плохой сохранности изображения. В верхней части личины видны остатки двух отростков, третий, вероятно, утрачен. Правое «плечо» фигурки передано рельефным контуром, левое, по-видимому, не сохранилось. Не исключено, что нижняя часть изделия могла быть ажурной.

Некоторые особенности исполнения, а также наличие трехрогой «короны», сближают данное изображение с одной из фигурок, найденных на Богочановском городище [1, рис. 56, 1].

2. Бронзовое плоское антропоморфное изображение. Максимальная высота 8,6 см, максимальная ширина 3,3 см, средняя толщина 0,5-0,6 см. На «лице» фигурки валиками переданы нос и рот (возможно, усы?); в средней части, по обеим сторонам, имеются петли, которые могли изображать упертые в бока руки и одновременно служить для крепления изделия. Ноги, возможно, соединялись внизу, но нижняя часть правой конечности утрачена.

По виду изображение весьма отдаленно напоминает некоторые фигурки из Степановской коллекции [5, рис.31, 1 2,5,6,10] но отличается от них более высоким рельефом и оформлением боковых петель.

3. Бронзовая плоская личина. Максимальная высота 4 см, максимальная ширина 2,1 см, средняя толщина 0,4-0,5 см. По форме представляет вытянутый, сужающийся книзу овал. Нос передан валиком, глаза – двумя выпуклыми точками. Рельеф нижней части личины, по-видимому, изображал бороду. Изделие залегало в верхних слоях заполнения ямы, ниже был обнаружен фрагмент горловины богочановского сосуда.

По облику изображение напоминает некоторые личины на ажурных диадемах с Саровского культового места [8, рис. 33-35].

4. Орнитоморфное плоское изображение. Максимальная высота 4,4 см, максимальная ширина 4,2 см, средняя толщина 0,4-0,5 см. Представляет собой фигуру птицы в фас, с распахнутыми и опущенными вниз крыльями и повернутой влево головой. Туловище, переходящее в хвост, имеет форму высокой трапеции с широким основанием внизу. Окончание хвоста оформлено рельефными вертикальными валиками. На узких крыльях, с внутренней стороны, также рельефно показаны перья. На обороте изображения имеется петля для крепления.

Изделие находит некоторые аналогии с изображениями птиц с Саровского культового места [8, рис. 20; 21].

5. Бронзовое орнитоморфное изображение. Максимальная высота 4,8 см, максимальная ширина 4,2 см, средняя толщина 0,2 см. Представляет фигуру птицы с распахнутыми и опущенными вниз крыльями, голова и клюв которой выступают вперед. По центру туловища продольно идет рельефный валик, ниже которого симметрично расположены две выпуклые точки. Еще ниже, поперек хвоста, проходит другой валик, от которого вниз спускаются четыре рельефные линии. В перевернутом положении эта часть изделия выглядит как личина. На внутренней части крыльев рельефно показаны перья.

Аналогичные изображения птиц были найдены на поселении Ботники 1в на Нижней Исети, в яме, прорезавшей жилище эпохи бронзы [3, рис. 2].

Культурно-хронологическая привязка перечисленных находок осложняется рядом обстоятельств. Все они найдены в культурном слое многослойного Красноярского городища, которое содержит материалы различных этапов заселения южнотаежного Прииртышья. Так, на памятнике представлена посуда сузгунского, красноозерского, журавлевского, богочановского типов, которые последовательно сменяют друг друга, будучи генетически связанными. При этом отмечалось, что носители журавлевской и богочановской керамики сохраняют традиции предшественников как в материальной культуре, так и в идеологии. [1, с. 93].

Стилистические особенности рассматриваемых изображений не могут служить четким критерием принадлежности к какому-либо периоду или культуре. Достаточно вспомнить, что В.Н.Чернецов, например, рассматривал ажурное и плоское литье как варианты одного и того же явления [7, с. 176], существование которого у населения различных районов западносибирской тайги могло быть обусловлено общностью идеологических представлений, порождаемых сходными географическими условиями обитания, общими компонентами формирования, возможными контактами и миграциями. Поэтому предметы культового литья не всегда могут служить культуропоказательным признаком, а особенности стиля и сюжетов антропоморфных изображений иногда бывают шире ареалов этнокультурных групп, выделяемых по керамике [4, с. 163; 1, с. 97].

Основной комплекс раннего железа на Красноярском городище относится к богочановской культуре южнотаежного Прииртышья, занимая промежуточное положение между журавлевским (VI-IV в.в. до н.э.) и богочановским (IV-II в.в. до н. э.) этапами ее существования [2, с. 158]. Хронологические рамки этого комплекса определяются находкам бронзовых наконечников стрел степных и кулайского типов, бабочковидной бронзовой бляхи, и некоторых других вещей в пределах V-III вв. до н. э.

Следует отметить, что на городище встречены единичные фрагменты сосудов, орнаментированных штампом «уточка», которые по облику близки посуде саровского этапа кулайской культуры. Однако однозначный вывод о культурной принадлежности этой керамики сделать нельзя, поскольку не исключено, что она относится к карымскому комплексу, являющемуся одним из наиболее представительных на памятнике. На основании материалов Сургутского Приобья екатеринбургские исследователи пришли к выводу, что карымский этап – прямое продолжение саровского, вследствие чего некоторые сосуды трудно однозначно отнести к тому или другому типу [6, с. 131].

Хотя прямых свидетельств о культурной принадлежности бронзовых изображений нет, вполне вероятной представляется их связь с населением богочановской культуры, на памятниках которой, как и на Красноярском городище, прежде уже были найдены наконечники стрел кулайского типа, а также образцы бронзовой металлопластики [1, рис. 44; 56].

Библиографический список

1. Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине – второй половине I тыс. до н.э. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996.- 212 с.
2. Данченко Е.М., Колесникова И.М. Керамика эпохи раннего железа с Красноярского археологического комплекса // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность»: Ежегодник. Выпуск 4: Сб. науч. тр. – Омск: Издательство ОмГПУ, 2000. – С 154-172
3. Матвеев А.В., Чикунова И.Ю. Поселение Ботники 1в на Нижней Исети // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Выпуск 2. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999.- 158 с.
4. Могильников В.А. Некоторые проблемы генезиса и этнической принадлежности культур раннего железного века лесостепи Западной Сибири // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири: Тез. докл. к конф.- Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990. – С. 163-164
5. Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце VIII-III вв. до н.э.- Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. – 110 с.
6. Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала: Сб. науч. тр. Екатеринбург: УрГУ, 1991. – С. 126-145
7. Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье // МИА № 35. – М.: 1953. – С. 221-241
8. Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. – 274 с.

Данченко Е.М., к.и.н, доцент кафедры отечественной истории ОмГПУ

ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Томская писаница – один из древнейших памятников первобытного искусства на территории Сибири, известный с XVII века. Историю изучения этого памятника можно разделить на четыре достаточно продолжительных периода: открытие памятника и его введение в научный оборот - с XVII по XIX век, дореволюционный период - с XIX по начало XX в., советский период – XX в. и современный период.

I. В XVII в. мы впервые встречаемся с упоминанием о писаных камнях на р. Томь [Окладников, Мартынов, 1972, с. 9]. XVIII в. – время возникновения научного интереса к Сибири. С марта 1721 по май 1722 гг. в составе экспедиции Д.Г. Мессершмидта Томские писаницы обследовал, а затем описал шведский пленный капитан Страленберг. А в 1730 г. в Стокгольме вышла книга Страленберга «Описание северной части Европы и Азии», где большое внимание было уделено и Томской писанице. В том числе, были приведены очень ценные зарисовки, не точные, но, тем не менее, запечатлевшие рисунки, недошедшие до наших дней. Страленберг предполагал, что такие рисунки могут быть знаками письменности сибирских народов [Окладников, Мартынов, 1972, с. 10]. В составе другой экспедиции под руководством В.Н. Татищева описанием и изучением наскальной живописи на р. Томь занимался В. Шишков, первым заговоривший о возможном культовом назначении этих рисунков [Окладников, Мартынов, 1972, с.10]. В 1733 - 1743 гг. была предпринята грандиозная Северная экспедиция Г.Ф. Миллера, посвященная изучению Сибири. Ее участники отмечают особый «загар» некоторых рисунков, отмечают особенности техники нанесения рисунка, а также делают ценные зарисовки рисунков, не дошедших до сегодняшних дней. Все эти материалы, а также материалы Страленберга были использованы Г.Ф. Миллером в «Истории Сибири» (1750 г.). Миллер опроверг мнение Страленберга о том, что такие рисунки могли быть знаками древней письменности. Также он считал, что их нельзя относить к одному народу, поскольку был знаком и с другими петроглифами Сибири – трудно было бы представить народ, занимавший такую обширную территорию. При этом изображения на камнях Миллер не относил к древности. Подводя итоги Северной экспедиции 1733-1743 гг., Миллер впервые высказал мнение о необходимости изучения и охраны Томской писаницы как ценного памятника [Окладников, Мартынов, 1972, с. 11-14].

II. В XIX в. меняется характер изучения Томской писаницы. Если ранее писаные камни на р. Томь отмечались лишь в перечне всякого рода примечательных явлений, то на новом этапе появляется интерес к самой писанице. Изучение перестает быть лишь описательным. На этом этапе наиболее масштабно изучением Томской писаницы занимался Г. Спасский. В 1831г. Спасский сделал чертеж Томской писаницы, целиком охватывающие все пространство, на котором есть рисунки. Расположение отдельных камней и рисунков передано с большой степенью точности. Г. Спасский рассматривал писаницу в соотношении с другими ему известными археологическими памятниками. Спасский считал, что вся наскальная живопись принадлежит одному народу, проживавшему на обширной территории от Северной Европы до Сибири, и что таким народом могли быть гунны. В целом же можно сказать, что интерес к томским рисункам был уже вполне научным, но пока не было разработанной методики исследования и подходы к исследованию были еще очень общими [Окладников, Мартынов, 1972, с. 14-17]. В 1908 г. вышел фундаментальный труд И. Савенкова «О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее», в котором впервые сравнивалась Томская писаница с последними открытиями на Енисее. Ошибочным является вывод автора о том, что некоторые рисунки представляют собой символы нерасшифрованной письменности. Но значение этого исследования, тем не менее, огромно, поскольку, прежде всего, это первый фундаментальный труд, помимо этого в нем есть обзор всех важных предыдущих сообщений, описаний и интерпретаций [Сталенберг, Миллер, Гмелин, Спасский] рисунков Томской писаницы. Савенков отнес этот памятник к культовому, при этом он видел в наскальных рисунках конкретные атрибуты культовых практик. Хронологически наскальные рисунки были им отнесены к переходному периоду от камня к меди или к раннему железному веку [Окладников, Мартынов, 1972, с.17-18]. В начале XX в. писаницей подробно занимался также Н.Овчинников. В начале века вышла его статья «О писаных камнях в Томском уезде». В 1910 г. Овчинников дает наиболее полное описание памятника и наиболее точны его копии рисунков с нижнего камня, сделанные впервые с применением фотоаппарата, что позволило достичь большой точности при копировании. Овчинников одним из первых обратил внимание на технику нанесения рисунков: глубокие вырезанные, высеченные на камне «бороздки», «контур» и пр. Овчинников также обнаружил еще один писаный камень с изображениями лосей и медведей [Окладников, Мартынов, 1972, с. 19-20].

III. В советские годы публиковалось множество статей о Томской писанице, выходило значительное количество монографий. Но наиболее масштабно изучением Томской писаницы с 60-х гг. занимались А.П. Окладников и А.И. Мартынов. В 1972 г. вышла их совместная монография, обобщившая ранее разрозненные материалы

и введшая в научный оборот как уже известные, но ранее не публиковавшиеся, так и новые изображения. Также внимание уделялось и технике нанесения: выбивка (контур или целиком изображения, как правило, головы животного) и резьба. А.П. Окладников и А.И. Мартынов приводят собственные интерпретации рисунков, полагая, что в основе их изображения лежит «звериный эпос»: изображение промысловых животных, а также знаков плодородия и человека – все это свидетельствует о том, что человек пытался осмыслить окружающую его природу и себя самого в общей картине мира. Авторами рассматриваются отдельные изображения и сюжеты, которые имеют свою семантику. Хронологически Томская писаница относится к периоду от неолита до эпохи бронзы и железа, но продолжала дополняться до I тыс. н.э. А.П. Окладников сравнивает материалы писаниц на Томи и Ангаре с материалами Карелии и Скандинавии [Окладников, Мартынов, 1972, с. 165-176].

IV. В настоящее время А.И. Мартынов продолжает работать на Томских писаницах. В 90-м году вышла его статья «К вопросу о типологии памятников петроглифического искусства», в которой в очередной раз подтвердил культовое предназначение этого комплекса. В том же году на Томские писаницы отправилась экспедиция И.В. Ковтуна, в ходе которой был найден новый памятник наскальной живописи – Висячий Камень. В 1993 г были опубликованы материалы этой экспедиции, которые ввели в научный оборот новые изображения. На сегодняшний день в этом исследовании можно также найти наиболее авторитетные сведения по вопросу хронологии Томских писаниц. Сегодня можно встретить множество исследований и статей, которые полностью или частично посвящены отдельным изображениям Томских писаниц в сопоставлении с другими памятниками наскального искусства Сибири. Например, одним из таких исследований является статья В.И. Матющенко и И.В. Топленко «Образ лося в древнем искусстве Западной Сибири», 1996 г., которая отмечает схематизм, условность и отсутствие реализма в неолитических изображениях. Также из наиболее авторитетных исследователей на сегодня можно отметить А.Ф. Покровскую. Но все же большинство исследователей на сегодня уделяют больше внимания отдельным сюжетам или даже отдельным изображениям Томских писаниц, в основном сравнивая их с материалами других памятников, для объяснения тех или иных сюжетов. Среди тех, кто сегодня занимается Томскими писаницами комплексно, можно отметить А.И. Мартынова, работы которого направлены на изучение этого памятника в целом.

Таким образом, можно отметить, что за три столетия подходы к изучению Томских писаниц значительно изменились. Если на первых этапах, преобладал описательный характер сообщений, внимание изображениям на камнях уделялось лишь в ряду других необычных явлений, то постепенно появляется научный интерес к томским наскальным рисункам как к памятнику древнего искусства. От гипотез о древней письменности исследователи приходят к обоснованным объяснениям значений отдельных сюжетов и изображений. На основе сравнений с материалами других памятников делаются обобщения. Но с восемнадцатого столетия изменилась методика таких сравнений, сегодня их характер конкретней. В целом же сегодня есть методика изучения и фиксации наскальной живописи. Но проблемы с тех пор практически не изменились: еще Г.Ф. Миллер отмечал необходимость защиты памятника от разрушения, сегодня эта проблема стоит особенно остро. Будем надеяться, что дальнейшие исследования и охранные работы в будущем дадут положительный эффект, а использование современных методик технологических исследований — новые, интересные результаты.

Библиографический список

1. Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища Томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. – Москва, 1972.
2. Ковтун И.В. Петроглифы Висячего Камня и хронология Томских писаниц. – Кемерово, 1993.

Г. Д. Каиржанова

Астана, Казахстан, Евразийский национальный университет, 5 курс

ОБРАЗ АРХАРА В ИСКУССТВЕ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Территория Центрального Казахстана в эпоху раннего железного века была заселена племенами тасмолинской культурно – исторической общности. Открытие и исследование курганов тасмолинской культуры было сделано в 50-60 гг. XX века М.К. Кадырбаевым. В последующие десятилетия в конце 80-90-х годов, раскопки

курганов раннего железного века на территории Центрального Казахстана проводились А.З.Бейсеновым. Единично погребальные конструкции ранних кочевников вскрывались отдельными археологическими коллективами в разных местах Сары–Арки. К сожалению не все материалы были опубликованы и практически неизвестны находки сделанные в зверином стиле. Поэтому анализ искусства ранних кочевников Центрального Казахстана можно привести на материалах добытых М.К. Кадырбаевым. В его обобщающей монографии дается анализ 120 курганов, из которых происходят около 16 вещей, оформленных в зверином стиле. В основном это бляшки, предметы культа, предметы вооружения (рукояти кинжалов) и украшения. Большинство изделий с изображениями звериного стиля тасмолинской культуры, изготовлялись из костей копытных (маральих и оленьих рогов), золота и бронзы. Основываясь, на вещевом инвентаре М.К.Кадырбаев выделил два этапа в развитии искусства звериного стиля Тасмоля.

К первому этапу (VII–VI вв до н.э.) относится, изолированный образ животного, стоящего в спокойной позе. Это скульптурные фигуры козлов, барельефные фигурки кабанов, бляшка, изображающая голову лося.

Для второго периода (V–III вв до н.э.) тасмолинской культуры характерно – развитие многофигурной композиции, углубляющей процесс стилизации и схематизации реалистических образов животного мира. К примеру, бронзовая литая пряжка из Нурманбет I (10,1 x 2,8 см) изображает грифона с заячьим туловищем и длинной изогнутой назад шеей. Короткие концы пряжки оформлены в виде противопоставленных голов грифонов, по две с каждой стороны. Клювы их соприкасаются загнутыми концами, образуя внутреннее пространство в форме сердца [2, с. 394].

К наиболее излюбленным изображениям искусства племен тасмолинской культуры являются образы горных козлов. В Центральном Казахстане известно пять бронзовых скульптурных фигур козлов, две из них, из кургана 2, мог. Тасмола V. Они найдены в погребении у черепов лошадей, имеют основу из двух крупных колец: нижнего – сильно уплощенного и верхнего – круглого. Скульптуры горных козлов отлиты в одной литейной форме, об этом говорит их одинаковый вес (126г и 128г) и сходство размеров до деталей [3, с.323, р.18]. Изделия после отливки подвергнуты дополнительной обработке. У тау–теке (архара) ноги сгруппированы (поза «на цыпочках»), головы наклонены вперед. Наиболее характерной чертой скульптур являются дугообразно выгнутые рога, сливающиеся с туловищем козла за лопатками. Поверхность рогов моделирована в виде 14 поперечных валиков. Возможно, они указывают на возраст копытного.

Скульптуры отличаются формой и техникой выполнения и практическим назначением. Фигурам этих козлов присуща уплощенность форм и отсутствие пустотелости, характерных для скифских и тагарских скульптур [1, с.24].

Точных аналогии тасмолинским архарам неизвестно, но как художественный мотив скульптурные фигурки стоящих со сближенными ногами козлов, найдены на территории Каркаралинска, оз. Боровое и в Хакасско – Минусинской котловине в памятниках тагарской культуры. Казахстанские скульптуры относятся к концу VII и VI вв до н.э., т.е. ко времени, когда уже были широко распространены зрелые, чеканные формы изолированного образа животного, не отягощенные различными воздействиями и заимствованиями извне.

Проблематичным является функциональное назначение зооморфных скульптур. Их нельзя отнести ни к напершням, ни к распределителям поводов, ни к псалям как на многочисленных колесницах из Передней и Малой Азии. Они не могли применяться в качестве этих предметов по таким причинам: 1) в кургане, где, несмотря на ограбление, сохранились куски кожаных ремней и обрывки ткани, никаких следов колесницы или ее отдельных частей не обнаружено; 2) тасмолинские скульптуры на двукольчатой основе найдены у конских черепов. В качестве псалии они также не могли быть использованы; так как рядом с ними вместе со стремевидами удилами лежали трехдырчатые псалии: роговой и из трубчатой кости. По всей вероятности, оригинальные предметы с фигурками козлов являются частями уздечного набора, вроде начельника. Например, такие же начельники на лошадях изображены, на ворсовом ковре из пятого Пазырыкского кургана [4, рис.14]. Отсутствие следов потертости и следов практического употребления доказывают, что тасмолинские скульптуры не имели чисто практического назначения, а были сделаны специально для погребения.

Библиографический список

1. Артамонов М.И. Сокровища саков. – Москва, 1973, с.24
2. Маргулан А.Х., Кадырбаев М.К., Акишев К.А., Оразбаев А.Н. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966.
3. Выше указанная работа..., с.323
4. Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии. – Москва, 1961

Научный руководитель – Хабдулина М.К. к. и. н., директор НИИ археологии им. К.А. Акишева

НЕФИГУРАТИВНОЕ ТВОРЧЕСТВО В КОМПЛЕКСАХ РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СЕВЕРНОЙ АЗИИ

За последние десятилетия был сделан ряд важных археологических открытий, убедительно доказывающих существование символотворчества уже на ранней стадии верхнего палеолита. Но какова их роль, чем они являлись для первобытного человека – остается только догадываться.

Рассмотрим на примере Северной Азии следы символотворчества ранней стадии верхнего палеолита.

Алтай – один из ареалов культуры начала верхнего палеолита. Факты указывают на «взрывообразные» изменения в поведении человека на рубеже среднего и верхнего палеолита в Южной Сибири, видимо, не связанные с появлением в этом регионе нового вида Homo. Одним из ярких проявлений этих изменений следует считать личные украшения. Их изготовление и использование обуславливалось стремлением к групповой или индивидуальной самоидентификации. Возможно, данные предметы являлись маркерами личного статуса их обладателя или были связаны с культовыми действиями. До сих пор остаются невыясненными время появления украшений в палеолите Южной Сибири, а также контекст их использования и роль в символической деятельности человека. На некоторые вопросы могут дать ответ материалы стоянки Кара-Бом (Центр. Алтай). В кв. Л-8 зафиксировано небольшое углубление, заполненное зернами и порошком красно-бурого минерала. В ямке обнаружены два каменных артефакта, плоская удлиненная галька, один конец которой был интенсивно окрашен красным пигментом и две костяные подвески. Вне ямки выявлена третья подвеска – просверленный фрагмент трубчатой кости.

Подвески №1 и №2 сломаны, возможно, с целью символического «умерщвления» предметов. Можно предположить, что найденные предметы связаны с символическим приношением или со своеобразным кладом. Они, являющиеся своего рода транспортирующим набором культового предназначения (краситель, терочник, украшения), могли находиться в мешочке, по каким-либо причинам, оставленным на месте. С комплексом связана и подвеска №3, найденная в 0,5м от углубления. Неясно, чем являются параллельные нарезки – орнаментом или следами процесса изготовления украшения. [№1, стр.38-47]

Наиболее многочисленная и разнообразная серия предметов неутилитарного назначения выявлена в слое 11 Денисовой пещеры. В 11 слое обнаружен костяной инвентарь и украшения из кости, скорлупы, бивня мамонта и зубов животных. Набор обработанной кости включает более 60 изделий. В составе коллекции – миниатюрные иглы с ушком, в т.ч. уплощенное изделие с обломленным ушком, на обе плоскости которого нанесено по ряду точечных углублений; подвески из зубов; пронизки из полых трубчатых костей; фрагмент кольца из бивня мамонта; фрагмент ребра крупного копытного с тремя веерообразно расположенными нарезками; фрагменты костей крупных млекопитающих с просверленным отверстием, украшение в виде плоской бусины-количка из скорлупы яйца страуса; украшения из поделочного камня (подвески, бусины) и раковин моллюсков. Они создают впечатление развитого, сложившегося технологически и типологически комплекса персональных украшений с устоявшейся системой изготовления и обработки и стилистически выдержанными сериями предметов. В 7 слое найдены подвески из зубов косули, лошади и обломка трубчатой кости травоядного животного, бусины-колички, изготовленные из бивня мамонта, скорлупы яиц страуса и трубчатой кости крупного млекопитающего. [№2, стр.21-25].

В Забайкалье, вероятно древнейшие, комплексы украшений зафиксированы в слоях поселения Подзвонка и Хотык. Основная часть украшений Подзвонкой относится к вост. и ю.-в. комплексам (≈ 38-35 тыс. л.н.), в раскопках которых обнаружено 14 подвесок из скорлупы яиц страуса, подвеска из камня и просверленная фаланга животного.

Хотык. В отложениях, связанных с культурными горизонтами 2 и 3 (≈40-26 тыс. л.н.), обнаружены подвески из кости, бусины-пронизки, диски. В комплексе 3 уровня обнаружено 9 предметов неутилитарного назначения, в т.ч. подвески овальной формы из пришлифованных галек различного цвета, имеющие перламутровую поверхность. Морфологически такие предметы имеют серповидную форму, или форму буквы «С», или «рогатых овалов». Существуют 2 трактовки этих изображений: как элементарных «женских знаков» или как идеограммы с гносеологическими функциями; бусины округлой формы с отверстиями в центре, фрагменты крупных изделий из камня округлой и подтреугольной формы, с крупными отверстиями, напоминающими «неолитические кольца». [№4, стр.34-39]

Каменка А (40-35 – 31 тыс. л. н.). Здесь найдено 37 предметов неутилитарного назначения. Украшения представлены полыми бусинами-пронизками из полых трубчатых костей птиц, некоторые из которых орнаментированы параллельными насечками (насечки и нарезки, различаемые технологически, имеют четкий

геометрический ритм интервалов и образуют разнообразные композиции графических линий); фрагментом браслета из кости мамонта; четырьмя фрагментами кости с отверстиями или нарезками, один из них имеет следы охры на поверхности. Часть предметов неутилитарного назначения сосредоточивалась в двух скоплениях. [№5, стр.159-164]

Описанные предметы демонстрируют наличие развитого, сложившегося технологически и типологически комплекса предметов с устоявшейся системой изготовления и обработки, выраженного в стилистически выдержанных сериях изделий. Это свидетельствует о социальной и духовной развитости человеческих коллективов, появившихся на этой территории. Обитатели Забайкалья использовали более разнообразные материалы для изготовления украшений, чем носители древних культур в Горном Алтае. На забайкальских памятниках выражена приуроченность украшений к очагам (Подзвонкая) и комплексам сакрального назначения.

Материалы памятников ранней стадии верхнего палеолита Сев. Азии доказывают, что уже на этом этапе у человека современного вида и у его эволюционных предшественников существовало знаковое поведение как совокупность « механизмов» информационного обеспечения взаимодействия между материальной и духовной сферами культуры и внутри каждой из них, т.е. между образующими их более дробными структурами и элементами (индивидуумами). Иначе говоря, знаковое поведение пронизывает собой все сферы культуры, дает ей возможность существовать и развиваться. Наличие знакового поведения неопровержимо доказано в верхнем палеолите.

Главный акцент делается на проблеме того, каковы были условия возникновения так называемой «верхне-палеолитической революции» и какова интерпретация полученных артефактов, представляющих собой яркие предметы нефигуративного творчества ранней стадии верхнего палеолита Северной Азии. [№6, стр. 87-98]

Библиографический список

1. Деревянко А.П., Шуньков М.В. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии 3 (15) 2003
2. Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии 3(19) 2004
3. Лбова Л.В. К проблеме перехода от среднего к верхнему палеолиту (материалы западного Забайкалья) // Археология, этнография и антропология Евразии 1(9) 2002
4. Лбова Л.В. К проблеме ранней формы символической деятельности (материалы палеолитических комплексов Забайкалья) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. - Улан-Удэ, 2000. – Т.1. – С. 34-39
5. Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2000.
6. Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. Происхождение знакового поведения, М., 2004г.

А. Н. Кректу

Нижний Тагил, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 5 курс

ГРАФИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖИВОТНЫХ НА ТЕРРИТОРИИ УРАЛА

Изделия, украшенные гравировками, являются редкими находками на территории Урала, еще более редкими являются изделия с гравированными зооморфными изображениями. На Урале гравировки животных выявлены только в двух вариантах: на каменных гальках и плитках и керамических сосудах.

Самой ранней находкой является отбойник, со стоянки Горная Талица (р. Чусовая, Среднее Приуралье) (рис. 1, 1). Комплекс стоянки датируется переходом от конца верхнего палеолита к раннему мезолиту. На изделии выгравирована голова лося. Изображение оформлено горизонтальными линиями, напоминающими шерсть животного. Четко выделены глаза и разрез пасти. Обратная сторона плитки также имеет гравировку, но в виде незаконченной композиции [4, с. 5-18].

Любопытно, что на противоположном склоне Урала, на территории уже Среднего Зауралья, найден еще один отбойник с изображением рогатого животного. Расколотый вдоль отбойник с гравированным изображением найден при раскопках мезолитической стоянки-мастерской Амбарка I (с. Мурзинка, Свердловская обл.) (рис. 1, 2). Изображение расположено на ровной боковой стороне отбойника. Гравировка выполнена в центре поверхности изделия. Существует две интерпретации данной гравировки. По одной версии – изображена голова животного, по другой – цельная фигура рогатого животного (возможно, оленя) [2, с. 225].

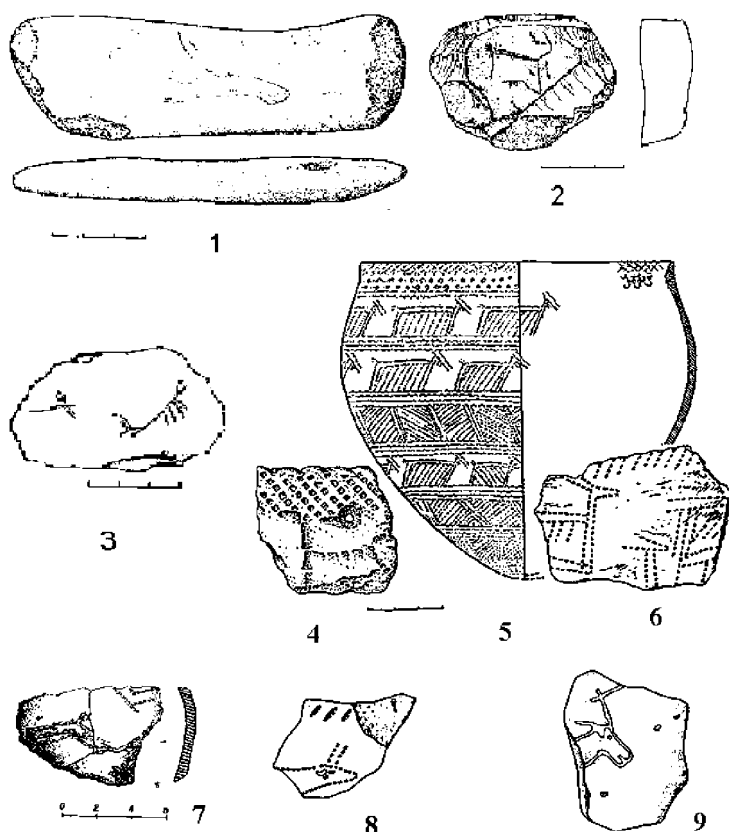

Рис. 1. Графические изображения животных (1 – Горная Талица; 2 – Амбарка I; 3 – Лайский мыс; 4 – Юрьино IV; 5 – Амня I; 6 – Карасьё озеро; 7 – Першинская пещера; 8 – Майданская; 9 – Волоконное)

Еще одна интересная находка обнаружена в слое раннего железного века на святилище, расположенном на Лайском мысу (с. Большая Лая, Свердловская обл.) (рис. 1, 3). Это плитка сланца, одна сторона которой сохранила естественную корку, а на второй выгравированы две фигуры. Одна из них изображает птицу в полете, вторая – фантастическое животное. Четко показано туловище с четырьмя ногами, голова с рогами, раздвоенный хвост. Некоторые исследователи трактуют данную фигуру как изображение мамонта, исходя из данных этнографии, именно так он выглядел по представлениям сибирского населения [7, с. 144].

Графических изображений животных на керамической посуде немного больше. В основном изображались копытные животные, прежде всего – косули. Такие находки были сделаны на стоянке Коптяки IX, расположенной на Исетском озере, Карасьём озере, Бараньем мысе, Палкино, а также в Першинской пещере. Обычно косули занимают на сосудах верхнюю часть зоны тулова. Сосуды практически всегда орнаментированы гребенчатым штампом и датируются эпохой энеолита (аятская культура) [8, с. 90].

На сосуде со стоянки Коптяки IX косули изображены в динамике, на что указывают согнутые ноги фигур. Животные следуют друг за другом слева направо. Их заостренные морды слегка наклонены вниз,

рога обозначены двумя отрезками, туловище имеет подпрямоугольную форму [9, с. 90].

На сосуде со стоянки Бараний Мыс изображен ряд из фигур косуль, следующих друг за другом. Перед одной из косуль фриз прерывается тройным вертикально расположенным зигзагом, ниспадающим в следующую зону, где находятся чередующиеся полые и заштрихованные ромбы, символизирующие, видимо, ловушки [9, с. 90].

Интересно отметить сосуд с Карасьёго озера (рис. 1, 6), где животные изображены не в один ряд, как обычно, а на разной высоте, что, возможно, говорит об изображении стада. Своеобразна стилистическая моделировка образов: контуры фигур обозначены сдвоенными линиями, туловище представлено прямоугольной формой, заполненной наклонными отрезками, головы слегка приподняты, край морды заострен. Рога в одном случае показаны двумя отдельными линиями, в другом – морда и рога представляют собой два сходящихся под острым углом отрезка [9, с. 90].

Графике сосуда с Карасьёго озера близки изображения копытных на сосуде с поселения Амня I (рис. 1, 5). Животные здесь расположены в три яруса по 13 или 14 фигур в каждом. Туловище имеет ромбовидную форму, волной показана шерсть животных, обозначены шея, рога и небольшая борода. Авторы раскопок считают, что на сосуде изображены длинношерстные козлы [8, с. 85].

В совершенно иной манере изображено животное на венчике сосуда со стоянки Юрьино IV (Юрьинское озеро) (рис. 1, 4). Животное показано с длинным туловищем, шеей, вскинутой головой и поднятым хвостом. Зоологи видят в этом изображении лошадь, однако автор раскопок трактует его как копытное животное с рогами, так как за головой животного есть еще один отпечаток штампа, который можно расценивать как рога. В этом случае оно может быть определено как бегущий олень или лось с вскинутой головой и прижатыми к спине рогами [6, с. 247].

Выпадает из традиционного представления косуль изображение на сосуде, найденном в Першинской пещере (рис. 1, 7). Если обычно животные изображаются в виде полных фигур, то здесь выгравирована только голова. Сосуд также датируется эпохой энеолита [1, с. 66]. На Урале аналогий этой находке пока нет, но фрагменты керамики с изображением головы животного известны на территории Поволжья (республика Марий Эл). Здесь на поселении Мольбище и Майданской стоянке найдены обломки сосуда с изображением голов оленя (или лося) (рис. 1, 8). А на поселении Волоконное обнаружена сланцевая плитка, на которой выгравирована лосинная головка (рис. 1, 9) [3, с. 22].

Любопытный фрагмент сосуда с графическим изображением животного обнаружен на Аятском озере. По его верхнему краю под двумя прямыми линиями идет горизонтальный пояс, состоящий из разных фигур. Видимо, центральной фигурой являлось изображение животного. Оно четырьмя вертикальными оттисками гребенки, возможно, изображающими ноги, опирается на две параллельные линии, которые имеют длину около трех сантиметров и располагаются только под фигурой. Ноги животного соединены горизонтальной линией, от которой под углом вверх отходит отпечаток гребчатого штампа, заканчивающийся коротким вертикальным оттиском гребенки. По всей видимости, эти отпечатки обозначают шею и голову животного. В таком случае данную фигуру можно рассматривать в качестве изображения какого-то копытного животного [7, с. 141].

Таким образом, из представленного описания видно, что гравировка по камню и на сосудах в древности являлась очень редким видом изобразительного искусства. Не может не удивлять то, что изображения копытных животных, в частности, лося, очень широко представленные в виде скульптур и рисунков на скалах, крайне редко встречаются в графическом исполнении. Если же сравнивать сосуды с графическими изображениями птиц и животных, то и здесь цифры будут несопоставимы. Сосудов с изображениями птиц будет гораздо больше. С чем это связано, пока неясно, но ответ искать следует, видимо, в семантическом назначении данных изображений.

Библиографический список

1. Ерохин Н. Г., Тихонова Н. Р., Волков Р. Б. Першинская пещера I – стратифицированный археологический памятник в Среднем Зауралье // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург, 1997.
2. Литвиненко Ю. П., Сериков Ю. Б. Новые находки произведений первобытного искусства на территории Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург, 1998.
3. Никитин В. В., Никитина Т. Б. К истокам марийского искусства. Йошкар-Ола, 2004.
4. Мельничук А. Ф., Павлов Ю. П. Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема раннего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987.
5. Сериков Ю. Б., Серикова А. Ю. Мамонт в мифах, этнографии и археологии Северной Евразии // РА. 2004. № 2.
6. Сериков Ю. Б. О находках произведений искусства на стоянке Юрьино IV (Зауралье) // СА. 1978. № 4.
7. Сериков Ю. Б. Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // Вопросы археологии Урала. Вып. 24. Екатеринбург, 2002.
8. Стефанов В. И., Морозов В. М. Энеолитический памятник в бассейне р. Казыма // Проблемы угорской археологии Урала и Сибири. Сыктывкар. 1992.
9. Чаиркина Н. М. Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург, 1998.

Сериков Ю. Б., д.и.н., профессор кафедры истории НТГСПА

Д. В. Культякова

Барнаул, Алтайский государственный университет, 5 курс

КУЛЬТЫ МИТРАИЧЕСКОГО И МАЗДАИЧЕСКОГО БОЖЕСТВ У НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ, СРЕДНЕЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Многие исследователи, занимающиеся реконструкцией иранской религиозной традиции относят возникновение культа Митры к периоду индоевропейской языковой общности, т.е. к V – III тыс. до н. э. [6, с. 75; 21, с. 49]. Ученые, привлекая этимологические свидетельства, указывают на наличие в санскрите, авестийском, согдийском и славянском языках понятия «дружба» - «соглашение» - «мир», корень которого в последствии был использован при оформлении божества – Митры [6, с. 78]. Тот же корень выявляется и в названии солнца в иранских языках (персидском, памирских, таджикском, в афганских диалектах, санскрите), а так же в языках не иранской группы [2, с. 133; 6, с. 75; 7, с. 97; 8, с. 98; 14, с. 107; 18, с. 239; 21, с. 49]. Данные свидетельства указывают на наличие понятия «митра» в период индоевропейской языковой общности как универсального и священного, но оформление Митры как персонализированного божества следует относить к более позднему периоду. Сложение данного культа происходило наряду с выделением единоличного правителя – вождя [6, с. 83; 8, 98; 10, с. 121; 18, 239; 21, с. 49].

В период сложения военной аристократии и обособления жреческих и правительственных функций появляется и культ Ахура-Мазды [11, с. 152; 6, с. 106]. Исследователи полагают что, культ этого божества сложился еще в дозороастрийских верованиях, на что указывает универсальность имени божества (Мудрое божество), а так же присутствие в индоиранской и иранской традициях божественной двойственности [7, с. 107; 11, с. 154; 18, с. 239]. В иранской традиции дихотомия выразилась через Митру-Ахуру, где божества имели одни и те же функции и постоянно замещали друг друга на разных исторических этапах и в разных религиозных традициях [6, с. 83; 7, с. 107; 11, с. 152]. Соперничество божеств выразилось в названии солнца, если у одних иранских народностей оно восходило к Митре, то у других к Ахура-Мазде. Можно проследить это явление у народов Средней Азии вплоть до этнографической современности [11, с. 152; 18, с. 239].

Маздаический культ, являясь основным на всей территории персидской империи, имел влияние и далеко за ее пределами. Культ бога Митры, однако, был распространен не менее обширно и, зачастую, Митра и Ахура-Мазда понимались как одно божество [2, с. 83; 3, с. 9; 8, с. 98; 11, с. 153; 14, с. 107; 16, с. 49; 19, с. 147; 20, с. 15; 21, с. 49]. На территории персидского государства в I тыс. до н.э., указанные божества почитались как таковые. Даже распространившийся на эти территории культ Будды воспринимался как иное название Ахура-Мазды [15, с. 126].

Посредством взаимодействия земледельческих государств Средней Азии находившихся под сенью зороастризма, культы Митры и Ахура-Мазды проникли в среду кочевников. Скифская религиозная традиция восприняла сугубо иранский культ хварно, тесно связанный с культом Митры, а также военные аспекты почитания этого божества [10, с. 121; 9, с. 26]. С митраистическим культом связывают скифское божество Гойтосир [2, с. 83; 3, с. 9; 8, с. 98]. Также иранское влияние можно проследить в культе скифского бога войны, и в культе конного бога, однако, данный факт имеет спорное основание в связи с тем, что иранские божества не изображались как всадники [3, с. 13; 7, с. 107].

Влияние иранского религиозного комплекса на религию сакских племен выразилось в преемственности племенами солярного культа. Солярное божество сакского круга являлось, скорее всего, проявлением единого божества Митра-Ахура, причем у разных племен проявлялись различные ипостаси этого божества [11, с. 153; 14, с. 107]. Посредством сакских племен зороастрийская религиозная традиция оказала влияние на савроматов. Однако, исходя из того, что имеются только археологические данные, нельзя утверждать, что савроматы почитали Митру или Ахура-Мазду, скорее они восприняли определенные ипостаси этих божеств [17, с. 250].

Распространившись на территории всей Средней Азии, культы Митры и Ахура-Мазды начали проникать за пределы иранского и зороастрийского влияния. Анализ культовых сооружений кочевников Центральной Азии и Сибири позволяет говорить о наличии на этой территории культа солнца, что выражается в наличии солнечных храмов с изображениями лошадей на крепидях, а также присутствие этих животных в погребениях. Данные культовые сооружения посвящались персонифицированным божествам, как, например, храм Угул-Хорума саглынской культуры [5, с. 65], а также тагарские храмы огня [12, с. 138]. Упоминаний о божествах этой культуры не сохранилось, однако, судя по культовым признакам (культ солнца, лошади и огня) присутствие некоторых аспектов почитания Митры и Ахуры в мировоззрении указанных народов неоспоримо.

Монгольская и алтайская религиозные традиции усмотрев в Ахура-Мазде шаманские черты, трансформировали его в божество Уч-Курбустан [16, с. 49; 19, с. 155]. Образ Ахура-Мазды распространился далеко на Восток и повлиял на многие архаичные религии. Так уйгуры переписывая буддийские тексты с согдийского языка, считали Ахура-Мазду буддийским божеством [16, с. 49]. Следы этого божества также прослеживаются в ламаистском Хормусте и Белом демоне тибетской религии Бон [16, с. 56].

Обско-угорские верования были подвергнуты синкретизации, что выразилось в изменении роли верховного божества Номи-Торума, в образе которого стали проглядывать Маздаистские черты [20, с. 14]. Культ другого обско-угорского божества - Мир-сусне-хума сложился при непосредственном влиянии иранской традиции и отразил в себе все основные черты бога Митры [19, с. 147; 20, с. 15; 21, с. 49].

Помимо верховных божеств, митраистический культ оказал влияние и на центрально-азиатскую Великую богиню, которая сохранила функции воинственного божества [4, с. 13; 13, с. 27]. Такая смена пола является весьма возможной, если учесть свидетельства Геродота, который писал о женском божестве иранцев тождественном Афродите называемом Митра. К тому же, само почитание культа Митры допускает андрогинность божества (ему служили как жрецы, так и жрицы), да и иранской религиозной традиции известны парные божества сочетающие в себе мужское и женское начала [14, с. 106].

Таким образом, митраический и маздаический культы в Иране сложились в период разложения индоевропейской языковой общности. Несмотря на превалирование на разных этапах исторического развития то одного, то другого божества, очень часто в религиозном мировоззрении народов им поклоняются, как единому божеству, объединяя их функции. Данные культы со временем начали распространяться сначала в рамках персидской империи, а затем, посредством взаимодействия кочевников, и на другие территории Сибири, Средней и Центральной Азии. Процесс распространения культов происходил на протяжении I тыс. до н.э. и I тыс. н.э. Влияние иранских божеств достигло берегов Северного Ледовитого океана, покорило Великую римскую империю и прослеживается вплоть до этнографической современности.

Библиографический список

1. *Авеста* в русских переводах (1861 – 1996). - СПб., 1998.
2. **Акишев А.К.** Искусство и мифология саков. - Алма-Ата, 1984.
3. **Бессонова С.С.** Религиозные представления населения степной скифии. Авт. реф., - Киев, 1979.
4. **Грач А.Д.** Культ великой богини в Центральной Азии // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. - Л., 1979.
5. **Грач А.Д.** Древние кочевники в Центре Азии. - М., 1980. – 256 с.
6. **Кошеленко Г.А.** Ранние этапы развития культа Мифры // Древний Восток и античный мир. - М., 1972.
7. **Кузьмина Е.Е.** Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. - М., 1977.
8. **Кузьмина Е.Е.** Опыт интерпретации некоторых памятников скифского искусства // ВДИ, - М., 1984, № 1.
9. **Лелеков Л.А.** О символизме погребальных облачений («золотые люди» скифо-сакского мира) // Скифо-сибирский мир: искусство и идеология. - Новосибирск, 1987.
10. **Лелеков Л.А.** Проблема индоиранских аналогий к явлениям скифской культуры // Скифо-сибирское культурно – историческое единство. - Кемерово, 1980.
11. **Литвинский Б.А.** Древние кочевники «Крыши мира». - М., 1972.
12. **Мартынов А.И.** Лесостепная тагарская культура. - Новосибирск, 1979.
13. **Мартынов А.И.** О мировоззренческой основе искусства скифо-сибирского мира // Скифо-сибирский мир: искусство и идеология. - М., 1987.
14. **Мухитдинов Х.Ю.** Статуэтки женского божества с зеркалом из Саксонохура // СЭ, - М., 1973, № 5.
15. **Пугаченкова Г.А.** О культах Бактрии в свете археологии // ВДИ, - М., 1974, № 3.
16. **Сагалаев А.М.** Мифология и верования алтайцев. Центрально-азиатские влияния. – Новосибирск, 1984.
17. **Смирнов К.Ф.** Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. - М., 1964.
18. **Стеблин-Каменский И.М.** Памирские языки о мифологии древних иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. - М., 1981.
19. **Топоров Н.В.** Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии // Кавказ и средняя Азия в древности и средневековье. - М., 1981.
20. **Яшин В.Б.** Иранские элементы в мифологии угорских народов Западной Сибири как результат контактов эпохи бронзы – раннего железа. Авт. реф. – Новосибирск, 1990.
21. **Яшин В.Б.** Еще раз о митраистических истоках культа Мир-сусне-хума у обских угров // Народы Сибири: история и культура. – Новосибирск, 1997.

Дашковский Петр Константинович – к.и.н., доцент.

Р. Р. Миннахметова

Екатеринбург, Уральская государственная архитектурно-художественная академия, 6 курс

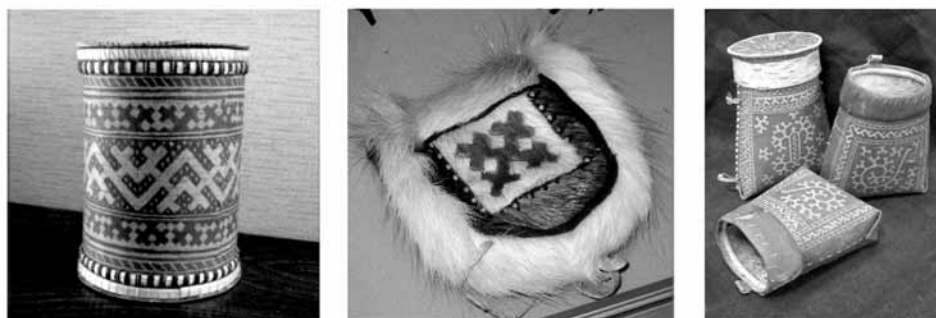
СЕВЕРНЫЙ ОРНАМЕНТ. ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

Самобытная культура коренных народов Севера, зародившаяся и сформированная под влиянием уникальных природных, исторических и мировоззренческих факторов на современном этапе в рамках мультикультурализма, привлекает пристальное внимание: становится объектом изучения и заимствования. Закономерная тенденция развития любого полиэтнического общества: на определенном этапе происходит пресыщение индустриально-городской культурой и возрастает интерес к локальной этнической. В настоящее время этот процесс наблюдается на всей территории Севера, Сибири и Дальнего Востока.

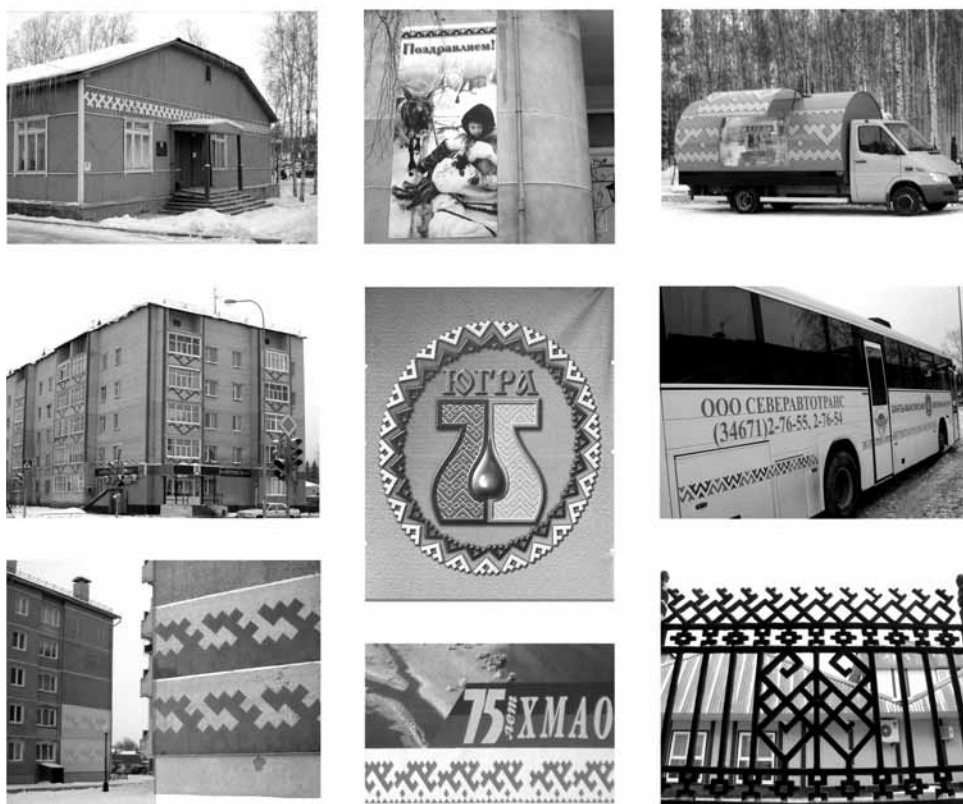
Яркий пример взаимодействия традиционной культуры с общемировой является город Ханты-Мансийск. Здесь активное становление современного города сочетается с политикой восстановления и сохранения культуры коренного населения, выстраиваются новые общественные отношения. Вероятно, вследствие этого поощряется любое обращение к искусству северных народов, всё чаще в окружении встречаются элементы традиционной культуры. Вызывает сомнения то, насколько осознанно происходит их внедрение и тиражирование.

Орнамент, как элемент «той самой» культуры, выявляется как наиболее удобный способ подчеркнуть специфику и образность объекта. Он активно используется дизайнерами, декораторами, архитекторами, позволяя «легким движением руки» придать предмету региональный колорит. Орнамент встречается везде: начиная с символики Ханты-Мансийского автономного округа, заканчивая оформлением автобусной остановки или киоска.

Традиционное использование орнамента

Современное использование орнамента

Так, в городской среде в непосредственном соседстве оказываются объекты, функционирующие «каждый в своем контексте», имеет место неадаптированное внедрение элементов народной культуры и подбор по формальным признакам. В результате, теряя сакрально-семантический аспект культуры, получаем «хаос значений, масштабов, смыслов...» - но зато сильные контрасты. Именно такова современная городская среда, ценимая за «разнообразие»»[3, 146].

Однако «говорящие» орнаменты народов Севера до сих пор остаются средством выражения мировоззрения и национального своеобразия, в этом случае нельзя просто присваивать ценности чужой культуры, не задумываясь над их значением - это не только не грамотно, но и в высшей степени не этично. В самом широком смысле исследователи отмечают: орнамент выявляет структуру связей в мироздании, иллюстрирует некую систему. Способ отражения окружающего мира одна из главных его функций.

В качестве другой функции отмечают информативную. В бесписьменном обществе орнамент выступал графической, визуальной документацией, нацеленной на «объединение родственных и различение неродственных индивидов и целых человеческих коллективов».[8, 94] Степень выверенности и конструктивности орнаментальных мотивов позволяла «описывать» события, народные знания, выразить сочувствие определенным эмоциям. Орнамент является одной из наиболее художественно и интеллектуально насыщенных форм, оставаясь надёжным признаком принадлежности произведений к той или иной культуре и времени. «Универсальные

элементы», позволяя народам контактировать, являлись «мощным стимулом исторического процесса» [4, 13]. В целом для коренных народов Севера практичность орнамента естественна в связи с экстремальными условиями среды, где каждый элемент был многозначен.

Орнамент всегда был последним штрихом изделия, наносился когда оно идеально функционировало. Так вещь приобретала особый дух (душу?) – становилась помощником, другом, оберегом. Это сложно поддается анализу, однако «людей природы», столь гармонично живущих в экстремальных условиях, нельзя уличить в следовании бессмысленной догме.

Анализируя современные орнаментированные объекты, выявляется проблема необходимости артикуляции нравственно-этических принципов проектной деятельности. Не принимая во внимание утерянную символичность и знаковость элементов, можно заметить множество композиционных недостатков. Чаще всего это следует из несоответствия: ритм, диагонали, пропорции, заложенные в орнамент, не вписываются в существующую среду. Необоснованно выбирается место расположения мотива, искажаются пропорции, воплощаясь в несвойственном для него материале и масштабе, он начинает «ломать» композицию объекта. Так, теряется смысл использования орнамента – он становится чужеродным элементом.

Орнаментальное искусство, как и вся культура в целом, в результате различных воздействий претерпевает изменения. Новые материалы диктуют новые технологии, расширение предметного мира требует новых воплощений. К примеру, ханты, кроме традиционной одежды, стали шить современную одежду нового покроя с использованием традиционного меха и орнаментики. Исследователи отмечают стилизации, упрощения или усложнения мотивов [6, 4]. Замечено что изменения происходят не только в области технологий и форм узоров, но и в их цветовом выражении (новые виды материалов, красителей). Диахромность и естественная сдержанность тонов сменилась, произошло расширение цветового спектра, усиление яркости.

Цветовые предпочтения каждого народа обусловлены рядом уникальных факторов, поэтому при выборе цвета следует «различать биологическое восприятие цвета, одинаковое для представителей самых разных рас и народов, и культурное восприятие, т.е. осмысление цвета в рамках традиций» [7, 21].

Возможно, во многом отсутствие верной идеологии и концепции взаимодействия в полиэтнической среде повлекло разрушение культур малочисленных народов Севера: падение национального самосознания, девальвацию ценностей и значимости их собственной культуры.

Полноценное плодотворное сотрудничество представителей разных этносов и создание «новой синтетической культуры» [1, 72] возможно в условиях, мультикультурного общества «в котором сосуществуют и взаимодействуют в совместной жизни на равноправной основе разные культуры» [5, 153]. В этом процессе важна заинтересованность в понимании основополагающих принципов и ценностей чужой культуры. Кроме того интеграция должна проходить последовательно, деликатно – внедрение новой культуры имеет свой ритм.

Экология культуры заключается в толерантном отношении к чужому опыту, признании равноправия культур, фиксации и изучении исчезающих элементов. Здесь важно обратить внимание не на «консервацию» традиций, а на их естественное развитие. В данном направлении дизайн выявляется как наиболее перспективная сфера деятельности. Связь с традициями в сочетании с мощным проектным потенциалом, выделяет региональный дизайн, подчеркивает его своеобразие.

Традиционный орнамент Севера, как продукт синкретичной культуры, является носителем самобытно-духовной культуры, мифологического видения мира, насыщен глубокой семантикой и сакральностью. В условиях растущего на сегодняшний день интереса к культуре автохтонных этносов, их историям и ценностям – традиционный орнамент можно отнести к «сырьевым ресурсам будущего» [2, 57].

Библиографический список

1. **Гарин Н.П.** Экологический опыт коренного населения западной Сибири в формировании предметной среды // Северная цивилизация: становление, проблемы, перспективы: Мат-лы I Конгресса. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2004. – 373 с.
2. **Йенсен Р.** Общество мечты. – СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2004. – 270 с.
3. **Каганский В.** Ландшафт и культура // Общественные науки и современность, 1997, №1, с.134-146.
4. **Кокшаров Н.В.** Взаимодействие культур: диалог культур. – www.yarcenter.ru
5. **Куликова И.М.** Мультикультурализм как общая тенденция социокультурного развития региона // Северная цивилизация: становление, проблемы, перспективы: Мат-лы I Конгресса. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2004. – 373 с.
6. **Сязи А. М., Рындина О. М.** Узоры северного сияния. – www.arcticshop.ru
7. **Уляшев О.И.** Цвет в представлениях и фольклоре коми. – Сыктывкар, 1999. – 156с.
8. **Цетлин Ю.Б.** Предметная изобразительная деятельность древнего человека: её природа и содержание. // Российская археология, 2004, №2, с.87-95.

Науч. руководитель Гарин Н.П., к.и.н., доцент

АНТРОПОМОРФНАЯ СКУЛЬПТУРА ЭПОХИ НЕОЛИТА-ЭНЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Основным ареалом распространения антропоморфной скульптуры на территории Западной Сибири является среднее и нижнее течение рр. Иртыша и Оби и прилегающее Восточное Зауралье. Поделочным материалом для изготовления скульптуры были камень, кость, дерево и глина.

Деревянная антропоморфная скульптура представлена головами-личинами, столбообразными фигурами с высеженным изображением лиц [11], целой фигурой с проработкой ног [9; 11].

При изображении лица во всех случаях использована стандартная манера обобщённой трактовки: глаза и щёки расположены в одной плоскости, выступающий нос подпрямоугольной формы, рот намечен неглубокой выемкой. Изображение рта отсутствует на скульптуре с Разбойничьего Острова, на «дополнительном» изображении шигирского идола. Вероятно, лишь для двух фигур – шигирского и одного из столбообразных горбуновских – присуще наличие нескольких изображений, расположенных друг над другом, «позтажно». Шигирский идол разные исследователи датировали ранним железным веком [5] или эпохой развитой бронзы [7]. Но по аналогии с графическими изображениями на волончинской керамике [3] и антропоморфной каменной скульптурой из энеолитического комплекса поселения Палатки II [6] его можно датировать эпохой энеолита [9, с.97-98].

В целом для деревянной антропоморфной скульптуры энеолита Среднего Зауралья характерны многообразие общей формы, преобладание подчёркнутой моделировки головы, канонизм в изображении лица. При моделировании туловища иногда используется «позтажное» (одно под другим) расположение фигур, и практически всегда отсутствуют руки. Такое стилистическое и техническое многообразие при наличии ряда канонов определено, вероятно, некоторой иерархичностью, полифункциональностью образа антропоморфной скульптуры Зауралья [9].

Отметим ещё одну особенность, характерную для деревянной антропоморфной скульптуры Урала, на которую указывал ещё Д.Н. Эдинг [11, с.140]. Большая часть деревянных предметов, обнаруженных на уральских торфяниках, отличается тщательностью обработки, а изображения животных – птиц, лосей – четкостью передачей форм, иногда продуманностью композиции. Антропоморфные скульптуры, напротив, изготовлены грубо, неполно. Комментируя это факт, Д.Н. Эдинг предполагал, что речь идет о культе предков; изображение духа в этом случае не должно было иметь сходные черты с человеческим телом, а тем более с определенными лицами. Связь души с телом у многих народов считается настолько зависимой от внешнего вида последнего и настолько непрочной, что изменить облик, позу и т.д. достаточно, для того чтобы затруднить душе возвращение в свое обиталище [11, с.141-142].

Костяная антропоморфная скульптура представлена находкой с поселения Танай 4а. На круглом костяном стержне с острым концом вырезано наверху в виде головы человека. Мастер выделил тонкий нос, толстые и выпуклые губы, как у представителей негроидной расы и глаза. Скульптура выполнена в объёмном стиле, довольно реалистично [1, с.75, 77].

Произведения каменной скульптуры представлены находками с поселений Палатки II [6], Шувакиш I [9], Юрьино IV [8]. Для каменной антропоморфной скульптуры характерна обработка по периметру двусторонней краевой чешуйчатой или уплощающей ретушью. Фигуры изображены фронтально, схематично. Отсутствует преднамеренная моделировка головы, хотя верх её закруглён, а край подбородка угадывается по противоположащим насечкам. Руки и ноги показаны короткими выступами либо вовсе отсутствуют.

Ю.Б. Сериковым высказано предположение, что кремневые изображения не только по технике изготовления, но и по размерам приближаются к наконечникам стрел, а в некоторых случаях можно допустить, что последние являлись исходным материалом, заготовкой для выполнения фигурок [8].

Глиняная антропоморфная пластика известна на поселении ЮАО-ХII [2; 4]. Антропоморфные глиняные фигурки имеют форму уплощенного подвала либо подпрямоугольника. Внешняя поверхность фигурок покрыта орнаментом из насечек, выполненных лопаточкой. Орнамент покрывает боковые стороны изделия, либо поверхность со всех сторон, за исключением нижней плоскости. На одной фигурке имеются детали одежды: угадывается только широкая кайма, пропущенная по подолу сзади [10].

Наиболее затруднена дешифровка семантики антропоморфных фигур. В мировоззренческих представлениях обских угров антропоморфные изображения могли служить семейным фетишем, вместилищем души обыкновенного умершего члена рода или шамана, духа предков; изображать духов и т.д. Статус антропоморфной пластики определял стиль и иконографию изображения. Вероятно, столь же разнообразную смысловую нагрузку имели и скульптуры антропоморфов эпохи неолита [9, с.99-100].

В культовой практике, вероятно, существовала некая подчиненность зооморфных и орнитоморфных образов антропоморфным. Об этом, возможно, свидетельствуют размеры орнито- и зооморфной пластики (всегда меньше натуральной величины) и манера стилистического воплощения – преимущественно на веслах, сосудах, рукоятях, использующихся в культовой практике или специально изготовленных для проведения этих процедур, но остающихся по существу бытовыми предметами. Антропоморфные образы почти всегда представлены скульптурами, близкими к натуральным размерам, они «самодостаточны».

Можно предположить, что на территории Западной Сибири у древнего населения существовал ряд культов, нашедших свое развитие в дальнейшем. Главными действующими образами культов были зооморфные, орнитоморфные и ихтиоморфные существа. Вероятно, в честь них устраивались праздники, сопровождавшиеся всевозможными обрядами. Но самыми важными и пока наиболее трудными для дешифровки семантики, остаются антропоморфные образы. Возможно, они отражали существование культа предков, и могли служить вместилищем души или быть семейным фетишем. Однако, учитывая стилистические особенности (большие размеры, грубое и нечёткое изображение) можно предположить о главенстве данного образа над другими.

Библиографический список

1. Бобров В.В., Молодин В.И., Журба И.А., Колонцов С.В., Кравцов В.М., Кравцов Ю.В. Соболев В.И. Археологические памятники Тогучинского района Новосибирской области. - Новосибирск, 2000. – 101 с.
2. Викторова В.Д. Раскопки жилищ по берегам Андреевского оз. – Археологические открытия' 1976. – М., 1976. – С. 226-227.
3. Кокшаров С.Ф., Широков В.Н. Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала: Препринт. – Свердловск: УрО АН СССР, 1990. – 76 с.
4. Матвеева Н.П. Антропоморфные фигурки из раскопок у Андреевского озера // СА. – 1985. - №2. – С.223-224.
5. Мошинская В.И. Древнейшая скульптура Урала и Западной Сибири – М., 1976. – 132 с.
6. Панина С.Н. Палатки II – поселение аятской культуры на р. Исеть // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири – Свердловск, 1988
7. Студзицкая С.В. Изображение человека в искусстве древнего населения Урало-западносибирского региона // Антропоморфные изображения – Новосибирск, 1987. – С.73-89
8. Сериков Ю.Б. О находках произведений искусства на стоянке Юрьино IV (Зауралье) // Советская археология. – 1978. - №4. – С.245-248.
9. Чаиркина Н.М. Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург, 1998. – Вып. – С.81-104.
10. Усачёва И.В. К истокам мировоззрения древних уральцев (по материалам мелкой глиняной и кремневой пластики эпохи неолита-бронзы оз. Андреевского Тюменской обл.) // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург, 1998. – С.105-134.
11. Эдинг Д.Н. Идолы Горбуновского торфяника // Советская археология. – 1937. – Т. IV. – С. 133-145.

Научный руководитель д.и.н., профессор В.В. Бобров

А.С. Пержакова

Иркутск, Иркутский государственный университет, 5 курс

УКРАШЕНИЯ ИЗ БУРЯТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ПРИОЛЬХОНЬЯ (XVIII–XIX вв.)

Украшения часто встречаются в бурятских погребениях XVIII-XIX вв. Они являются важным археологическим источником, отражающим социальный статус, семейное положение и благосостояние умершего [1]. Украшения встречаются в погребениях всех половозрастных групп, но преобладают в женских. В них они более разнообразные, представлены: головными, височно-нагрудными, нагрудными, поясными и украшениями рук; мужчины имели иной набор украшений.

Целью предлагаемой работы является анализ украшений из бурятских погребений Приольхонья, полученных за все годы исследований, и сравнение их с этнографическими материалами. Работа основана на коллекционных и литературных материалах 18 погребений: № 1 Семисосенная III, № 2 и 4 Тодакта IV, № 1 Тодакта II, №4 Тодакта XII, № 4 Базарная II, Мандерхан IV, № 1 Тагот I и Тагот IV, Ая VII, Субыл–Нюргон I, № 3 Хужиртуй X, Хагун I, № 2 Елга XII, № 1 Сохтер II, № 1 Ханей–Бус II, Черенхын I и VII (1995 г.) [2, с. 233; 3 - 5; 6, с 118; 7, с.355].

Головные украшения. К данной группе относятся наконечники, серьги, височные кольца, налобные украшения – «юбун». Наконечник (Ханей-Бус II) – оловянная трубочка, через которую пропускалась косичка. Височные кольца (Тодакта IV, Мандерхан IV, Елга XII,) представляют собой не замкнутые кольца из бронзовой (медной) проволоки, которые крепились к головному убору или прическе. Один конец кольца заострен, второй (более длинный) заканчивается петелькой, к которой крепились короткие ниточки бисера и бусины. Интересным украшением в этой группе является «юбун» (Тодакта IV, Хагун I, Мандерхан IV) – налобное пластинчатое украшение из железа (часто с серебряными насечками), которое носили прикрепляя к косичкам, заплетенным на висках и на макушке молодые девушки на выданье в возрасте 15-16 лет. К головным украшениям относятся серьги (Тодакта IV, Субыл-Нюргон I, Базарная II, Ханей-Бус II, Хагун I), изготовленные из тонкой бронзовой (серебряной - Ханей-Бус II) проволоки. В двух случаях они в виде колечка с заостренным одним концом и петелькой на другом. В качестве украшения использовалась стеклянная бусина. В двух случаях (Хагун I и Базарная II) – концы отогнуты наружу и связаны между собой ниткой; одна серьга дополнительно украшена бусиной из бронзы в виде «гирьки». В погребении Ханей-Бус II – серьга в виде знака «?», украшенная пастовой бусиной, двумя серебряными монетами 1759 г. и счетным жетоном.

Височно-нагрудные украшения (Хужиртуй X, Тодакта IV, Мандерхан IV, Елга XII, Семисосенная III, Хагун I) – ансамбль различных бляшек и подвесок, составляющих единое украшение «нархинсак» [1]. Оно представляло собой два широких ремня, покрытых металлическими пластинами, иногда – счетными жетонами и русскими монетами. К нижним концам ремней крепились ромбовидные подвески, украшенные геометрическим орнаментом, или подчетырехугольные с овальными зубцами и круглые подвески (Хужиртуй X, Семисосенная III, Хагун I). «Нархинсак» крепился к головному убору и спускался по обеим сторонам груди [1].

Нагрудные украшения – к ним относим гривны и бусы. Гривна (детские захоронения Тагот IV и Базарная II) – представляет собой незамкнутое кольцо из бронзы, концы которого утончены и загнуты в виде петель. Бусины – по материалу выделяются стеклянные и оловянные. Стеклянные бусины – одноцветные; преобладают синие и зеленые, в меньшем количестве – желтого и голубого цвета. По форме бусины разделяются на: 1) округлые (Тодакта IV, Ая VII, Сохтер II, Ханей-Бус II, Черенхын I, VII, Тодакта XII); 2) бочонковидные (Ая VII, Семисосенная III, Тодакта IV, Тодакта II, Базарная II); 3) биконические шестигранные (Тодакта IV). Оловянные бусины – все литые, кольцевой формы (Тодакта IV, Ая VII, Хужиртуй X, Тагот I, Базарная II).

Поясные украшения. Представлены оловянными прямоугольными пластинами, обнаруженными по 16-20 экз. в одном погребении. Все они имеют отверстия по краям для крепления к основе пояса. По орнаментации и технике литья выделяются: 1) пластины одностороннего литья, состоящие из 4-5 вертикально расположенных полос, украшенных короткими поперечными насечками (Тодакта IV, Семисосенная III, Ая VII); 2) одностороннего литья, состоящие из вписанных кружков, расположенных 2-3 вертикальными столбиками (Ая VII, Семисосенная III); 3) полоска двухстороннего литья, состоящая из кружочков, чередующихся с поперечными короткими полосками (Ая VII, Мандерхан IV, Хужиртуй X).

Украшения рук. В эту группу входят бронзовые (медные) браслеты и перстни-печатки. Их носили в повседневной жизни, не снимая. Браслеты (Елга XII, Тодакта IV, Мандерхан IV, Хужиртуй X, Семисосенная III, Тагот IV, Субыл-Нюргон I, Базарная II, Ханей-Бус II, Хагун I) – в форме овала и эллипса. Оформление концов браслета двух видов: 1) плавно зауженные; 2) загнутые в виде петель. Браслеты встречаются без орнамента и украшенные М-образными насечками (Елга XII, Семисосенная III, Черенхын V). Перстни-печатки – «бультуру» (Елга VII, Тодакта IV, Мандерхан IV, Хужиртуй X, Тагот IV, Субыл-Нюргон I, Базарная II, Ханей-Бус II, Хагун I). Печатка, как правило, овальной формы, помещена вдоль окружности кольца. Ее поверхность украшалась различными рисунками, выполненными техникой выбивания и сверления. Композицию рисунка составляют дугообразные линии, ямочки, короткие насечки, образующие растительный орнамент. В погребениях Мандерхан IV и Тодакта IV отмечены стилизованные изображения птицы.

Счетные жетоны. Все изделия имеют отверстие для подвешивания. Они использовались для расшивки одежды и в составе сложных украшений: «нархинсак», серьги и др. (Семисосенная III, Тодакта IV, Ая VII, Хужиртуй X, Мандерхан IV, Ханей-Бус II). В изображениях на жетонах преобладает Европейская тема: аверс – профильные портреты (Людовики XVI и XV, Август III, Георг II), реверс – Миневра среди трофеев, сады с фонтанами, деревья, гербовые щиты. Жетоны датируются кон. XVIII-нач. XIX вв. [7, с. 355].

Бисер (Ая VII, Тодакта IV, Мандерхан IV, Елга XII, Ханей-Бус II, Черенхын I и VII, Тодакта XII). Использовался, как составная часть различных украшений, для расшивки одежды, обуви. Встречен белый, красный, желтый, черный и голубой бисер.

Ассортимент украшений, встреченный в погребениях, представляет новые данные для реконструкции материальной культуры жителей Приольхонья XVIII-XIX вв., подчеркивает их роль в определении социально-возрастных отличий существовавших в бурятском обществе.

Библиографический список

1. Бадмаев Р.Д. Бурятский народный костюм. – Улан-Удэ, 1987. – 141 с.
2. Горюнова О.И., Новиков А.Г., Батракова Н.А., Пержакова А.С. Археологические исследования новостроечных объектов в Приольхонье (оз. Байкал) // Проблемы археологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – Т. X., ч. I. – С. 123.
3. Зайцев М.А., Свинин В.В., Харинский А.В. Старобурятские погребения из бухты Хагун // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н.э. – Кемерово, 1994. – С. 233–242.
4. Ковалева Н. Украшения приольхонских бурят в XIX веке // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 1996. – Ч. 2. – С. 207–210.
5. Павлуцкая В.В. Байкальское Приольхонье в эпоху поздних кочевников: (по материалам могильников XI–XIX вв.) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1990. – 16 с.
6. Руднева М.А. Металлические украшения бурятских женщин в XIX в. (по материалам могильника Хужиртуй Х) // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – С. 118.
7. Руднева М.А. Женские украшения Приольхонских бурят начала XIX в. по материалам захоронения в пади Ханей–Бус // Истоки, формирование и развитие Евразийской поликультурности. Культуры и общества северной Азии в историческом прошлом и современности – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2005. – С. 355.

*Научный руководитель - в.н.с. Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ,
к.и.н., доцент Горюнова О.И.*

О. М. Сазонова

Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет, 3 курс.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ШАЛАБОЛИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЙОНА

Шалаболинский археологический район, охватывает участок Хакасско – Минусинской котловины, прилегающей к руслу р. Тубы в районе п. Шалаболино Курагинского района Красноярского края. Включает в себя: памятники наскального творчества (Шалаболинская, Георгиевская, Ильинская, Енисейская писаницы, петроглифы гор Сосновой и Березовой), стоянки, поселения, крепости, курганные и грунтовые могильники.

Первое упоминание о Шалаболинских петроглифах, появляется в третьей четверти XIX в. Оно принадлежит Минусинскому окружному начальнику, известному этнографу Н.А. Кострову, который и назвал данные петроглифы Шалаболинскими. Сообщения Н.А. Кострова впоследствии были опубликованы бывшим дворянским заседателем Красноярского уездного суда Г.И. Спасским [17, 1857]. Позже осматривал рисунки во время своих служебных поездок чиновник И. Скороговоров [16, 1865].

Научное изучение и копирование памятников Шалаболинского археологического района начинается в последней четверти XIX в.

В этот период "... осознается необходимость накопления материала в виде копий, снятых с писаниц, а также сбора всесторонних сведений о памятниках наскального искусства..." [5, с. 38].

1885 год работы И.Т. Савенкова, который совместно с орнитологом М.Е. Кибортом во время поездки по р. Тубе, руководствуясь сообщением крестьянина Н.А. Трухина из с. Тесинского, обнаружил, и скопировал ряд изображений Шалаболинской писаницы [14, 1886; 15, 1910].

Наиболее полный набор эстампажей с подробнейшим описанием петроглифов сделал крупнейший исследователь наскального искусства Среднего Енисея А.В. Адрианов [1, 1904]. Частично материалы исследований впоследствии были опубликованы К.В. Вяткиной [3, 1949].

В 1928 году, С.В. Киселев приступил к изучению памятников Минусинской котловины, исследователь ставил перед собой следующие цели: региональное описание археологических памятников, их системную регистрацию, составление карт расположения. В 1929 г он предпринял попытку изучения Шалаболинских петроглифов. В этом же году на дюнах, около села Шалаболино, обнаружил следы существования древнего кыргызского поселения. В 1932 году под Георгиевской горой он исследовал 4 Афанасьевских кургана, под горой Ильинской – карасукские могилы. [7, 2003].

В 1948 году Шалаболинский археологический район был обследован Э.Р. Рыгдылоном, с целью поиска «следов первобытно – общинной жизни людей каменного века» [13, с. 7]. Во время своих работ он обследовал

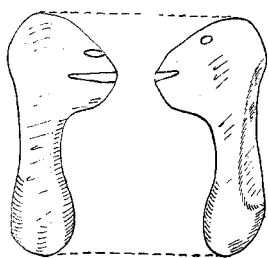

Рис 1

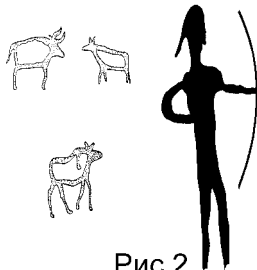

Рис 2

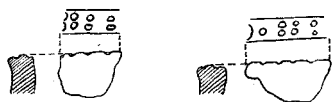

Рис 3

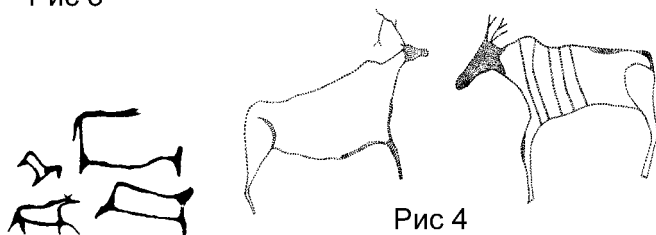

Рис 4

Рис 5

Рис 6

По Николаеву рис 1 - 6

петроглифы гор Сосновой и Березовой, Шалаболинскую писаницу, Ильинскую стоянку, в подножии Георгиевой горы собрал подъемный материал [13, 1948].

Изучению археологии района помогало и местное население, которое собирало археологический материал, передавая его в Минусинский музей. Так, например, в 1938 год, в оползне склона Березового лога колхозником Г.С. Мельниковым были обнаружены 4 бронзовых котла, принадлежащих к тагарской культуре. Найденные котлы под названием «Шалаболинский клад» были переданы в Минусинский музей [8, 132 – 137]. Обширный материал собрал местный краевед В.К. Добрынин, письмо которого в Красноярский Краеведческий музей, послужило поводом для организации экспедиции Р.В. Николаева в Минусинскую котловину. В 1957 г Р.В. Николаев и В.К. Добрынин провели совместное исследование стоянки у села Ильинское, Шалаболинской писаницы, петроглифов Березовой горы [9, 1957].

В 1966 г. Шалаболинские петроглифы осмотрел и сфотографировал известный исследователь первобытного искусства А.А. Формозов [18, 1969].

1968 г. Каменским отрядом Красноярской археологической экспедиции ИА АН СССР под руководством Я.А. Шера Шалаболинская и Ильинская писаницы были частично обследованы по «сокращенной программе», как не попадающие в зону затопления будущего Красноярского водохранилища [19, 1980].

Т.е. исследования, в большинстве случаев, носили поверхностный характер. Копирование, фотофиксация и описание петроглифов производилось выборочно.

С 1977 г. в течение трех лет Шалаболинская писаница изучалась Петроглифическим отрядом Южносибирской археологической экспедиции КемГУ под руководством Б.Н. Пяткина [12, 1985].

Э.Б. Вадецкая в своей монографии «Археологические памятники в степях среднего Енисея» дала краткую справку памятников территории Минусинской котловины и выделяемого района. Отметив Георгиевскую Шалаболинскую писаницы. Могилиники Тесь 1, 2, 3, 4 разрушенную могилу в устье реки Туба могилу и группу курганов в окрестностях села Шалаболино [2, 1986 г].

Исследованием памятников Шалаболинского археологического района занимался работник Минусинского музея имени Н.М. Мартыанова Н.В. Леонтьев. Со слов Николая Владимировича Шалаболинскую писаницу, впервые он посетил совместно с А.А. Формозовым в 1966 г, в 1974г обследовал Георгиевскую и Ильинскую писаницы, петроглифы Березовой горы, в последствии данные памятники посещались ученым неоднократно. Н.В. провел работы по копированию и фотофиксации петроглифов Шалаболино, Георгиевой горы и в окрестностях деревни Ильинка.

В июле – августе 2002 г петроглифический отряд Тувинской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа занимался исследованием памятников наскального искусства таштыкской культуры на территории Хакасии и прилегающих правобережных районах красноярского края. В рамках общего ознакомления частично были осмотрены 20 памятников наскального искусства, копировальные работы были проведены на 7 из них, в том числе на Шалаболинской писанице. В 2003 г, отряд продолжил свою экспедицию, на этот раз в Шалаболинском археологическом районе были скопированы таштыкские гравировки горы Георгиевской и «отдельные рисунки Ильинки». [10, 11 2002 – 2003].

С 2001 г, отрядом по паспортизации памятников Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева под руководством А. Л. Заики проводятся работы в районе Шалаболинской писаницы. В результате работ были выявлены ранее неизвестные плоскости с рисунками и новые изображения в известных композициях, обнаружены скальные погребения. В ходе работ были открыты и исследованы писаница Ильинка 2, 3, 4, 5. [4, 2002, 2003; 6, 2004,].

Библиографический список

1. **Адрианов А. В.** Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // Изв. РКИСВА. – 1904а.- № 4.- СПб.,- С. 25- 33.
2. **Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Ленинград: Наука, 1986 – 177 с.
3. **Вяткина К.В.** Шалаболинские (Тесинские наскальные изображения) // Сб.МАЭ. Т.12. М.-Л., 1949. - С.417-484.
4. **Дроздов Н. И., Заика А. Л., Березовский А. П.** Исследования Шалаболинской писаницы (по результатам работ 2001 - 2002 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии ИАЭт СО РАН 2002 г.) – Новосибирск Изд-во ИАЭт Со РАН, 2002. – Т. 8 – С. 309-312.
5. **Дэвлет М.А.** Петроглифы Енисея: история изучения (XVIII- начало XX вв.). - М.: Координационно-методический центр прикладной этнографии Института этнологии и антропологии РАН, 1996. - 249 с.
6. **Заика А.Л., Дроздов Н.И., Березовский А.П., Ключников Т.А., Журавков С.П.** Шалаболинские петроглифы (итоги исследований 2004 г.)// Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы годовой сессии ИАЭт СО РАН, 2004.- Т.Х. – С.259-260.
7. **Китова Л.Ю.** Значение Саяно-алтайской экспедиции и исследований С. В. Киселева в изучении археологических памятников Сибири. //Археолого-исторический сборник.- Кемерово: 2003. с 10-39
8. **Левашова В.П., Э.Р. Рыгдалон** Шалаболинский клад бронзовых котлов //КСИИМК 1952 с. 132-137
9. **Николаев Р.В.** Отчет об исследовании Шалаболинских петроглифов в 1957 г. Рукописный фонд ККМ.
10. **Панкова С.В., В.Н.** Архипов работы петроглифического отряда Тувинской экспедиции //Отчетная археологическая сессия за 2002 г. Санкт – Петербург 2003.с.25-28
11. **Панкова С.В.В.И.** Архипов Новые памятники наскального искусства из южной Сибири //Гос Эрмитаж Археологические экспедиции за 2003 г, Санкт Петербург 2004 с. 15 -16
12. **Пяткин Б.Н., Мартынов А.И.** Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. - 192 с.
13. **Э.Р. Рыгдалон** предварительный отчет по тувинской экспедиции 1948 г рукописный фонд Минусинского музея имени Н. М. Мартыанова.
14. **Савенков И.Т.** К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Изв. ВСОРГО. Т.17. № 3-4. Иркутск, 1886.- С.45.
15. **Савенков И.Т.** О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове в 1908 г. М., 1910. - С.99.
16. **Скороговоров И.** Описание Енисейской губернии. (Из дорожных заметок о Восточной Сибири)// Зап. СОРГО. Кн.8, Иркутск, 1865. Смесь. С.6-8.
17. **Спасский Г.И.** О достопримечательных памятниках сибирских древностей. – ЗВОРАО, 1857, кн. XIII, с.153.
18. **Формозов А.А.** Очерки по первобытному искусству. М., 1969, с.85, рис. 28, 32.
19. **Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980 – С. 154.

Научный руководитель Заика Александр Леонидович к.и.н., директор музея археологии.

Е.А. Смирнова

Нижний Тагил, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 4 курс

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА КАК КУЛЬТОВЫЕ МАРКЕРЫ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ МИРАМИ

В системе мировоззренческих представлений древнего человека центральное место занимает структура мироздания. Вселенная – это единство миров: верхнего, среднего и нижнего, что представляет вертикальную модель мироустройства. Как в любой системе, все элементы этой модели взаимосвязаны между собой. Частью системы является и человек, который взаимодействует с окружающим миром, в контексте собственных представлений о нем. В связи с этим можно говорить о горизонтальной модели мира, под которой понимается дихотомия свой/чужой. Однако символическая граница, разделяющая освоенное и неосвоенное пространство, в горизонтальной модели часто совпадает с границами вертикальной. Соответственно обе они имеют определенное обозначение.

При исследовании памятников археологии возможно установление границы между мирами благодаря природным точкам: вершины гор, пещеры, прибрежная полоса. Сложнее это сделать на периферии памятника, так как затруднительно предсказать, в каком конкретно месте проходила символическая граница между своим и чужим мирами. Это условное разделение на местности обычно обозначалось культовыми маркерами, роль ко-

торых могли выполнять и произведения искусства. В связи с этим можно рассмотреть ряд памятников, где, по нашему мнению, вполне достоверно прослеживается символическая граница.

Наиболее ярко символическая граница проявляется при анализе озерных памятников. На территории Среднего Зауралья таковыми являются памятники Шайтанского озера. В результате многолетнего изучения прибрежной полосы выявлен ряд произведений искусства, маркирующих границу. Все они располагались в районе берегового вала. В число культовых маркеров входят погребение и многочисленные произведения искусства: антропоморфная скульптура из талька, скульптурное изображение фаллоса из камня, кремневые скульптуры лося, медведя, рыб и птиц, скульптуры утки, лосихи и рыбки, выточенные из фрагментов разбитых керамических сосудов, зооморфные гальки, кремневые изображения геометрических символов, фрагменты глиняных фигурок, орнаментированные каменные и костяные изделия, сосуды с графическими изображениями птиц и с налепами на венчиках в виде головы медведя [5, с. 224]. Однако береговой вал – это граница как в вертикальной модели мироустройства, так и в горизонтальной. Сложнее определить место расположения символической границы, отделяющей свой мир свой от чужого в периферийной части. Одним из таких периферийных объектов является культовая площадка на Шайтанском озере II, в коллекции которой кроме сотни бронзовых изделий присутствуют и произведения искусства.

Анализируя озерные памятники, следует отметить, что произведения искусства часто происходят именно с их прибрежной части. К таким находкам можно отнести глиняные антропоморфные фигурки с Андреевского озера. [3, с. 223], каменную антропоморфную скульптуру с берега Аргазинского водохранилища [4, с. 83] и др.

Однако очень часто в публикациях отсутствует описание конкретного месторасположения скульптур, что во многом ограничивает возможности их интерпретации.

К маркерам, обозначающим символическую границу между мирами, следует отнести и наскальные изображения. Характерная особенность данного вида произведений искусства заключается в том, что это целые композиции, интерпретировать которые достаточно сложно. Однако наскальные изображения являют те же образы, что и предметы мобильного искусства. Это человек, лось, медведь, птица, символические знаки. Все это позволяет говорить о прямой связи между этими видами произведений искусства и одновременно о значимости их трансляции информации в древнем обществе. Несколько сузить рамки возможных вариантов реконструкции помогает их рассмотрение в качестве маркеров символической границы между мирами.

Примером могут служить писаницы р. Тагил. Рисунки размещены так, что полотна защищены от атмосферной влаги, т.е. быстрого их разрушения. Особенностью тагильских писаниц является их доступность. Для наиболее ярких изображений характерно размещение на большой высоте, что позволяло увидеть их с противоположного берега. [6, с. 8]. Петроглифы Онежского озера, которые расположены на валунах, непосредственно омываемых водой, также являлись маркером символической границы. Ритуальные действия, производимые здесь, были связаны с установлением контакта между своим и чужим мирами, позволяли достичь гармонии и равновесия в мире [2, с. 23-25].

Обозначение границы между мирами произведениями искусства характерно не только для озерных памятников, но и для святилищ, расположенных на вершинах гор. В частности можно рассмотреть клады, в которых были спрятаны медные фигурки. Один такой клад, в состав которого входили семь антропоморфных фигур, был обнаружен на горе Караульной. Самым богатым можно назвать клад на горе Азов, причем предметы залежали у самой кромки круто обрывающейся скалы. [1, с. 159-162]. Возможно, антропоморфные фигурки из данного клада также являлись культовыми маркерами символической границы между мирами.

Таким образом, произведения искусства являлись универсальными предметами, несущими большую смысловую нагрузку. Именно они отражают представления древнего человека и указывают на значимость четкого структурирования мира. Произведения искусства – это материальный носитель идей, ценностей, и одновременно воплощение конкретного образа, осуществляющего контакт между мирами и человеком. Маркеры – это своеобразные средства, которыми человек обозначал связь между мирами и контролировал её [5, с. 224].

Библиографический список

1. **Викторова В.Д.** Клады на вершинах гор // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
2. **Жульников А.М.** Петроглифы Карелии: Образ мира и мир образов. Петрозаводск, 2006.
3. **Матвеева Н.П.** Антропоморфные фигурки из раскопок у Андреевского озера // СА. 1985. № 2.
4. **Петрин В.Т., Усачева И.В.,** Антропоморфная скульптура эпохи неолита с Южного Урала // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003.
5. **Сериков Ю.Б.** Культовые объекты и памятники как маркеры освоенного пространства (по материалам Среднего Зауралья) // II Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург-Ханты-Мансийск, 2006.
6. **Широков В.Н., Чаиркин С.Е., Широкова Н.А.** Уральские писаницы: река Тагил. Екатеринбург, 2001.

Сериков Ю. Б., д.и.н., профессор кафедры истории НТГСПА

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В МЕТАЛЛОПЛАСТИКЕ ПРИОБЬЯ (ранний железный век и раннее средневековье)

Предметы древнего искусства – источник сложный. С одной стороны это предмет материальной культуры, с другой изображение [4; С. 27]. Именно поэтому в настоящее время сформировался целый ряд зачастую противоположных исследовательских подходов к изучению предметов искусства.

Осознавая всю сложность такого положения на наш взгляд, прежде всего, необходимо обратиться к изучению происхождения и развития художественных композиций и конкретных образов в предметах искусства древности и средневековья.

Цель данной работы – проследить развитие антропоморфного образа в искусстве раннего железного века и раннего средневековья на территории Приобья.

В искусстве кулайской культуры антропоморфный образ один из самых популярных. Интересен тот факт, что во всех культовых памятниках иликладах кулайской культуры имеются антропоморфные изображения или композиции с их участием.

Уникальность – это одна из характерных особенностей кулайского художественного литья. Не исключение это и для предметов передающих антропоморфный образ. При стандартных элементах: глаза, нос, рот, брови, уши, волосы, контур лица – каждая из кулайских личин своеобразна. Кроме основных элементов могли присутствовать и дополнительные знаки: «татуировки», головные уборы, бороды, зубы. Каждая из деталей могла изображаться по-разному (различные геометрические фигуры и т.д.), а в отдельных случаях могли вовсе отсутствовать. Отсутствие одного из компонентов могло означать: если нет ушей, то данное существо не слышит, нет глаз – не видит и т.д. [3]. То же самое и с туловищем: есть руки, нет рук и т.д. Финно-угорская и самодийская мифология содержит примеры физической ущербности магических персонажей. Например, у энцев и нганасан это демонические существа баручи (баруси) – обычно однорукие и одноглазые; у ненцев страшлище безо рта и заднего прохода – мал тэнга [2, С. 399]. У народа коми это Повсин – однорукая и одногрудая женщина, мать Кудым-Оша [4; С.47].

Уникальность и сюжетное разнообразие кулайского литья заставляли исследователей неоднократно обращаться к проблеме классификации. На сегодняшний день широко известны классификации проделанные М.Ф. Косаревым [1; С. 133-135], Л.А. Чиндиной [7; С. 40-44; 72-76], Я.А. Яковлевым [10; С. 156-161]. Перечисленные классификации объединяет - общий сюжетно-видовой критерий. Одна из последних классификаций кулайского художественного литья принадлежит Ж.Н. Труфановой. Она предлагает классификацию в основе, которой лежат морфологические характеристики изделий [6; С. 13-14].

Но несмотря на многообразие классификаций практически все авторы выделяют среди антропоморфных изображений следующие группы: 1. Одиночные антропоморфные изображения, 2. Антропоморфные изображения в композиции, 3. Отдельные части тела человека, 4. антропоморфные изображения, прорисованные на груди птиц. Данные группы изображений мы можем проследить и в средневековом искусстве.

Кулайское литье сложное по композиционной структуре, в целом не дает нам устойчивых иконографических схем. Но, тем не менее, среди выделенных групп антропоморфных изображений мы можем прочитать следующие схемы: 1) всадники, 2) «троицы», 3) отдельные части тела.

В кулайском искусстве всадников можно разделить на две группы реалистичные и не реальные, фантастичные. Так изображения всадников известны в Истяцком кладе, могильнике Каменный мыс и одна случайная находка из Васюганья. Два последних можно отнести к фантастичным. Всадники из Истяцкого клада, несмотря на фрагментарность, вполне реалистичны.

В ряде изделий можно проследить еще одну повторяющуюся иконографическую схему: три антропоморфных персонажа, где центральная фигура крупнее боковых, расположены по некому относительному горизонту – «троицы». Такие изображения известны на территории Томско-Нарымского Приобья и Барнаула. Наиболее реалистично выполнена поделка из Саровского культового места. В средневековье данная схема то же присутствует, одна из близких аналогий происходит из Нижнего Приобья

Отдельные части тела, широко представлены в кулайской металлопластике - это личины, руки, ноги.

Антропоморфные изображения, прорисованные на груди птиц, по мнению Л.А. Чиндиной, появляются еще на саровском этапе существования кулайской культуры. А в раннем средневековье получают широкое распространение [8].

В раннем средневековье, культуры генетически связанные с кулайской, сохраняют традицию изготовления художественного литья. Антропоморфные изображения представлены в релкинской, верхнеобской (новосибирский, томский варианты), потчевашской, усть-ишимской культурах.

В настоящее время наиболее изученным является искусство релкинской культуры. В 1984 году Я.А. Яковлевым, а затем Л.А. Чиндиной была поведена классификация антропо- и зооморфных поделок релкинской культуры, в основе которой лежит сюжетно-видовой критерий. Я.А. Яковлевым был так же проведен анализ литья Урала и Сибири, в том числе антропоморфного, в ходе которого было выявлено, что «...наряду со многими общими чертами существуют детали, значительно различающие этот вид поделок» [9; С. 24].

Особенности художественного литья верхнеобской культуры были прослежены Т.Н. Троицкой и, было отмечено отсутствие антропоморфных изображений в кузнецком варианте верхнеобской культуры [5].

Антропоморфный образ в средневековом искусстве племен Приобья частично наследует традиции кулайского искусства. Это проявляется в том, что некоторые личины раннего средневековья похожи на кулайские, в нескольких случаях - глаза, нос, брови соединяясь, образуют букву «Т», что характерно для кулайской традиции в передаче черт человеческого лица. Но в месте с тем возникает и новая трактовка лица: дугообразные брови и прямой нос. На отдельных изображениях показана так называемая «линия жизни». «Татуировки» и диадемы на антропоморфных изображениях, так же характерные для кулайского искусства, известны в нескольких случаях и в раннесредневековой металлопластике. Но наряду с сохранением кулайских традиций появляются новые черты. Во-первых, реализм антропоморфных фигур, в частности воинов: «...каждая фигура индивидуальна и воссоздает конкретный образ со всеми присущими ему особенностями» [8; С. 62].

В раннем средневековье появляется и не известное для племен Томско-Нарымского Приобья изображение человека в профиль, за исключением Истяцкого клада, датировка которого является все же спорной.

Таким образом, в раннем железном веке на территории Приобья в среде кулайского населения складывается своеобразный способ передачи антропоморфного образа. На следующем этапе, в эпоху раннего средневековья, носители верхнеобской культуры продолжают использовать уже сложившиеся изобразительные традиции в передаче образа человека, в то же время мы можем проследить влияние уральской изобразительной традиции, что еще требует специального исследования.

Библиографический список

1. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. - М., 1974.
2. Мифы народов мира. - М., 1982, Том 2.
3. Окладникова Е.А. Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск, 1979
4. Оятова Е.И. Искусство Прикамья по материалам художественной металлической пластики. Пермь, 2003.
5. Троицкая Т.Н. Урало-сибирский стиль в металлической пластике верхнеобской культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 4(12)2002. - С. 102-105.
6. Труфанова Ж.Н. Плоское ажурное литье кулайской культуры (стилистика-иконографический анализ). Автореф. дис. канд. ист. наук. Ижевск, 2003.
7. Чиндина Л.А. Древняя история среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984.
8. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск, 1991.
9. Яковлев Я.А. Средневековое культовое литье Нарымского Приобья // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984. - С. 9-31.
10. Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск, 2001.

Научный руководитель - д-р ист. наук Т.Н. Троицкая

Д. А. Толпекина

Нижний Тагил, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 3 курс

ЗУБЫ И ЧЕЛЮСТИ ЖИВОТНЫХ В УКРАШЕНИЯХ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА (по материалам археологических памятников Урала)

Древний человек для изготовления украшений использовал разные виды материалов. Очень часто это были предметы естественного происхождения – природные формы: кости и зубы животных, а также их нижние челюсти. Для своих украшений древний человек чаще всего предпочитал использовать зубы и челюсти тех животных, которые пользовались особым почитанием. Их можно разделить на три большие условные группы: хищники, копытные и грызуны.

Из отряда хищников в качестве подвесок использовались зубы медведя, волка, собаки, песца, лисицы, соболя, куницы, выдры. Подвески из зубов медведя представлены единичными находками. В гроте на Камне Дождевом в женском погребении эпохи неолита была найдена подвеска из просверленного резца медведя [8, с. 130]. В религиозных представлениях древнего населения Урала медведь считался главным помощником шамана при его путешествиях в нижнем мире [12, с. 83-84]. На мезолитической Кокшаровско-Юрьинской I стоянке найден просверленный зуб волка. Подвеска из клыка волка отмечена и в Усть-Койвинской пещере, но уже в энеолитическом слое. Также к концу каменного века относятся немногочисленные подвески из зубов лисицы. Просверленные клыки лисицы найдены в святилище на Камне Дыроватом и в гроте на Камне Дождевом.

Самыми распространенными являются украшения из зубов представителей семейства куньих. Основной комплекс подвесок из зубов животных происходит из двух погребений, выявленных в гроте на Камне Дождевом. В женском погребении найдено 73 просверленных клыка выдры. Любопытно отметить, что для подвесок использовались клыки только из нижних челюстей выдры от 37 особей [8, с. 130].

Семантика таких находок подчеркивает особый статус погребенных. Выдра – это животное, являющееся представителем нижнего мира. По силе она считается вторым после медведя подземным духом. Выдра также являлась духом, помощником шамана, она помогала шаману своей хитростью и ловкостью. Возможно, именно поэтому автор раскопок интерпретировал женское погребение как захоронение помощницы шамана [12, с. 80].

Подобная избирательность зубов, отобранных для изготовления украшений, прослеживается еще на одном памятнике. В третьем погребении могильника Карасук II обувь женщины была украшена множеством зубов соболя. Все зубы определяются как правый третий коренной зуб верхней челюсти соболя. От каждого соболя взято по одному зубу. В итоге оказалось, что для украшения обуви женщины потребовалось до 310 соболей [6, с. 76-83].

Копытные животные представлены зубами бизона, дикой лошади, северного оленя, лося и марала. Самые ранние подвески эпохи палеолита происходят из пещерных святилищ. В Игнatieвской пещере найдена подвеска из зуба бизона, а в пещере Туристов (р. Чусовая) – из резца дикой лошади. Подвески из костей и зубов северного оленя бытовали в большом хронологическом диапазоне – на протяжении всего каменного века. Подвеска из фаланги северного оленя обнаружена в мезолитическом слое Кокшаровско-Юрьинской торфяниковой стоянки. Такие же подвески более позднего времени найдены в пещерном святилище на Камне Дыроватом и в пещере Туристов [10, с. 118-119; 13, с. 134]. Два просверленных коренных зуба северного оленя украшали костюм женщины, захороненной в гроте на Камне Дождевом.

Крайне любопытной находкой является зуб марала с просверленным отверстием из пещерного святилища на Камне Дыроватом. Значение этой находки еще предстоит осмыслить, так как маралы на территории Урала не встречались [11, с. 47].

Еще к одной группе (которую очень условно можно отнести к грызунам) относятся подвески из зубов бобра, байбака и зайца. Бобр занимал особое место в религиозных представлениях древнего населения Урала. На поясе шамана из грота на Камне Дождевом было нашито десять резцов бобров [8, с. 131]. Подвески из просверленных резцов бобра выявлены на Кокшаровско-Юрьинской II стоянке. Украшения в виде отшлифованных пластинок из резцов бобра найдены в пещере Жилище Сокола и в пещере на Камне Дыроватом.

Большие серии украшений из резцов байбака найдены в Русско-Шуганском погребении (свыше 50 экз.) и в захоронении ребенка в Усть-Катавской пещере II (20 экз.). На резцах отсутствуют отверстия, носились они, видимо, при помощи простого привязывания [5, с. 174-176; 3, с. 116].

Нижние челюсти животных также иногда служили украшениями костюма, в частности, пояса. На Урале такая находка известно только на Кокшаровском торфянике. В мезолитическом слое Кокшаровско-Юрьинской I стоянки найдена нижняя челюсть бобра с пробитым отверстием. Но на других территориях такие находки не являются редкостью. Самые известные из них – погребение № 100 из Оленеостровского могильника, в котором к поясу погребенного было прикреплено шесть ветвей нижних челюстей бобра с отверстиями [4, с. 340, 405] и погребение на стоянке Кубенино, в котором в области пояса найдено 9 нижних челюстей выдры, 2 – куницы и 29 бляшек, выточенных из резцов бобра [13, с. 78].

Семантика пояса хорошо показана в работе А. К. Байбурина [2, с. 11-12]. Семантика нижних челюстей еще требует своей разработки, но уже сейчас есть сведения, что нижняя челюсть являлась вместилищем души и силы животного [7, с. 26-27].

Семантика украшений редко является предметом исследования. При выяснении семиотического статуса таких культовых предметов необходимо помнить, что рассматривать их нужно в совокупности со всеми находками. Любое толкование символического назначения предмета будет неполным и неверным, если вырвать его из контекста совокупности вещей, набор которой (состав, число компонентов, материал, взаиморасположение) призван выражать некие заключенные в этой совокупности идеи [1, с. 16].

Библиографический список

1. Антонова Е.В., Раевский Д.С. Археология и семиотика // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т.1. Донецк, 2002.
2. Байбурин А. К. Пояс (к семиотике вещей) // Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб., 1992.
3. Бибииков С.Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА. Т.ХIII. 1950.
4. Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник // МИА. 1956. № 47.
5. Казаков Е.П. Неолитические погребения в восточных районах Татарии // СА. № 2. 1978.
6. Комарова М.Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981.
7. Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочанов. Новосибирск, 1984.
8. Сериков Ю. Б. Исследование грота на камне Дождевом (р. Чусовая) // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. Екатеринбург, 1993.
9. Сериков Ю.Б. Камень Дыроватый – уникальное пещерное святилище на реке Чусовой (первые результаты исследований) // РА. № 4. 1996.
10. Сериков Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.
11. Сериков Ю. Б. Культовые пещеры р. Чусовой // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
12. Сериков Ю. Б. К вопросу о семантике некоторых атрибутов шаманов каменного века // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 2. Донецк, 2005.
13. Фосс М.Е. Погребения на стоянке Кубенино // Труды ГИМ. Вып. VIII. 1938.

Сериков Ю. Б., д.и.н., профессор кафедры истории НТГСПА

Р. Р. Хабибулин

Красноярск. Красноярский государственный педагогический университет, 3 курс

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПЕТРОГЛИФОВ ШАЛАБОЛИНСКОЙ ПИСАНИЦЫ (результаты анализа новых композиций)

В течение 2001-2006 гг. археологическим отрядом КГПУ путем очищения плоскостей Шалаболинской писаницы выявлены новые композиции наскальных рисунков. Интерес представляет многофигурная композиция (плоскость-10) на центральном (четвертом) участке писаницы, на примере которой представляется возможным определить относительную хронологию наскальных рисунков путем анализа палимпсестов, планиграфии изображений и степени скального «загара» (степень патизации).

Плоскость – 10 продолжает общий скальный фриз нижнего яруса скальных обнажений, находится за границей скальной ниши (ширина 0,5 м), имеет протяженность 2,7 м и ширину 0,8-0,9 м, разделена вертикальной трещиной, которая условно разграничивает участки «а» и «б» (рис. 1, 1).

Плоскость – 10а (1,5х0,8м) ровная, вертикальная, обращена на ЮВ (аз. 50°), разделена горизонтальной трещиной (рис. 1, 2).

В верхней части плоскости изображены контурные фигуры лосей, маралов, быка, силуэтная фигура лося, волка, выполненных в «ангарском» (№ 2, 14, 15, 17) и «минусинском» (№ 11, 12) стиле. Комбинированное сочетание стилей характерно для контурной фигуры лося (№ 6), которая перекрывает силуэт профильного изображения птицы (№ 5). В линейном стиле выполнена фигура небольшого животного (№ 45). Между фигурами животных помещены фронтальные и профильные изображения людей (№ 1, 3, 7, 8, 9, 13, 16), фрагменты лодок (№ 4, 18).

В нижней части плоскости находится крупное контурное изображение лося (№ 44), которое перекрывает силуэтные рисунки людей (№ 25, 29, 33, 34, 36), контурные и силуэтные изображения копытных животных (№ 17, 21, 27, 30, 40, 38), рисунок рыбы (№ 35), изображение лодки (№ 26). У одной профильной антропоморфной фигуры показан гравированный многолучевой головной убор (№ 29). Слева от фигуры лося находится силуэтный рисунок другого лося, выполненный в «ангарском» стиле (№ 22). Изображение выполнено поверх фронтальной фигуры человека в «рогатом» головном уборе (№ 24), контурного рисунка (№ 21) быка (?), головы сохатого (№ 23). Справа от фигуры лося выявлены силуэтные фронтальные антропоморфные изображения (№ 37, 39, 43), голова животного (№ 41), линейная фигура копытного животного (№ 42). По нижнему срезу плоскости (край

облома скальных пород) видны фрагменты рисунков лосей (№ 19, 20, 28), быков (№ 23, 38), силуэт трудноопределимого копытного животного (№ 31).

Плоскость – 106 (1,1х0,9м) ровная, вертикальная, обращена на ЮВ (аз. 50°), разделена горизонтальной и диагональной трещинами. В верхней части плоскости виден фрагмент лодки с 6 «пассажирами» (№ 3), неполные контуры маралов и лосей (№ 1, 2, 12, 13, 14), силуэтная фигура быка (№ 11), ориентированная, в отличие от других животных, в левую сторону. Привлекает внимание контурное изображение оленя с ветвистыми рогами (№ 6). Слева от него помещены силуэтная и контурная фронтальные антропоморфные фигуры (№ 4, 5). В центральной части плоскости помещены поверх других рисунков силуэтные изображения двух лосей, выполненных в «минусинском» стиле, но с рядом иконографических признаков, характерных для «ангарского» стиля (№ 21, 37). Они перекрывают фронтальные фигуры людей (№ 19, 22, 27, 46), силуэтные и контурные изображения животных (№ 18, 20, 38, 34, 40). Над ними показаны контурные фигуры лосей (№ 23, 40) и других животных (№ 39, 44), фрагменты нижней части антропоморфных фигур (№ 41, 42). Под изображениями лосей выявлены контурные фигуры маралов, лосей, хищника (медведь?), ориентированные в правую сторону (№ 16, 17, 26, 24, 30, 31, 34). В противоположную сторону обращено животное, выполненное в «скелетном» стиле путем гравировки (№ 35). Выявлены так же две антропоморфные фигуры выполненные в комбинированной технике (№ 15, 28, 29).

Анализ внутренней стратиграфии рисунков свидетельствует о том, что наиболее древний («нижний») пласт петроглифов занимает основную площадь плоскости и представлен антропоморфными фигурами (!), показанными в различном ракурсе (фас, профиль, фас-профиль) (рис. 1, 2: № 7, 9, 13, 16, 24, 25, 33, 34, 36, 39; рис. 1, 3: № 19, 22, 27, 33, 41, 42). У двух фигур показаны «хвосты», что не характерно для петроглифов Среднего Енисея; укороченные верхние конечности, которые встречаются у архаичных антропоморфных образов на Шалаболинской писанице. У других фигур зафиксированы головные уборы в виде одного или двух «рогов». Две фигуры показаны в процессе совокупления (рис. 1, 2: № 33). Примечательно, что ряд фигур сопряжен с округлыми предметами (рис. 1, 2: № 9, 13, 25, 29). По всей видимости, в это же время были выполнены контурные изображения «грузных» животных, фрагментарно сохранившихся по нижнему краю плоскости и фигура медведеподобного существа (рис. 1, 3: № 45).

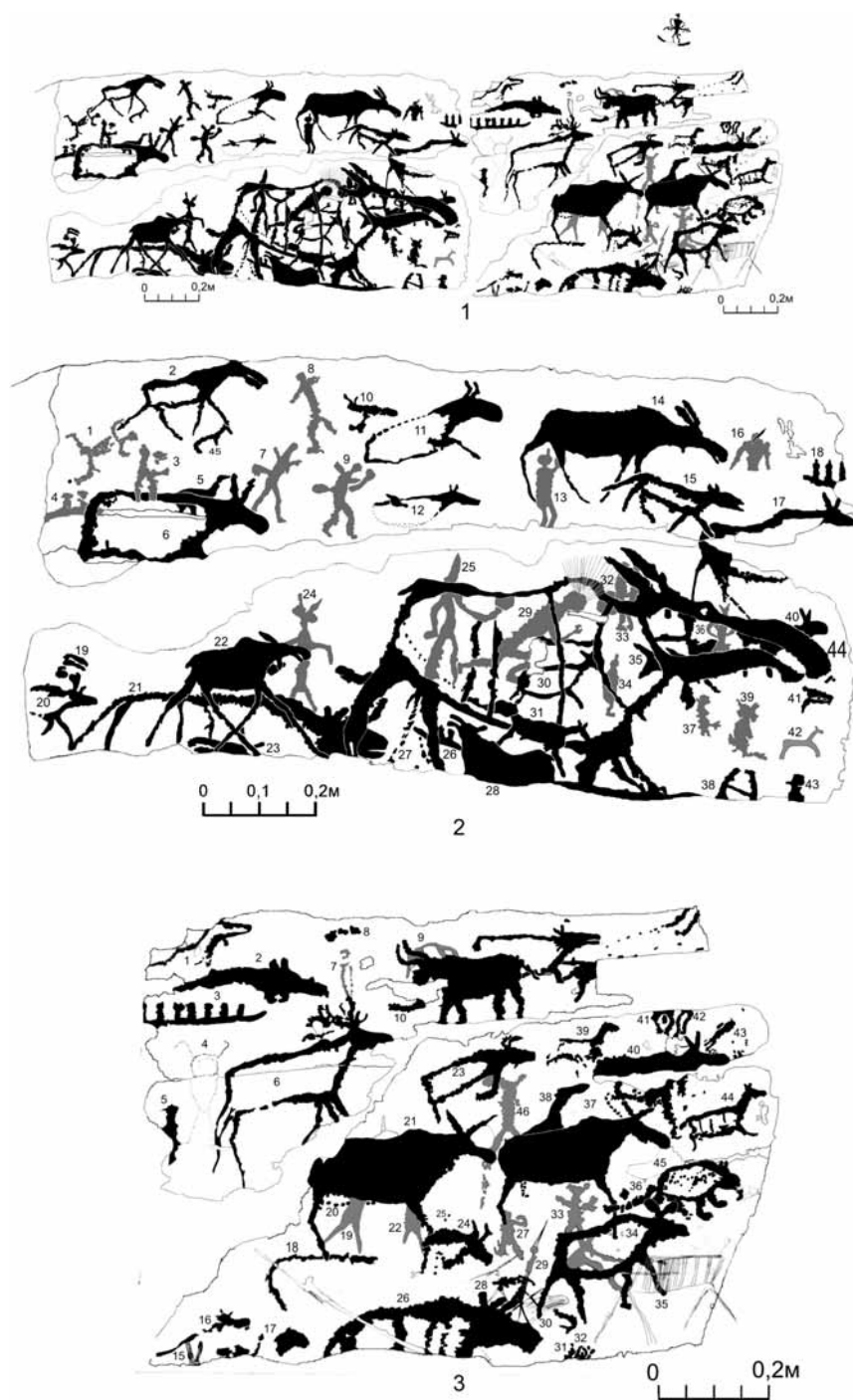

Рис. 1. Шалаболинская писаница. Плоскость-10. 1 – участки-а, б, в; 2 – участок-а; 3 – участок-б

Стратиграфически и планиграфически определяется следующий пласт рисунков, который связан с зооморфными образами, выполненными в традициях «минусинского» стиля. Они, как правило, показаны не полностью. Основной акцент древние художники делали на краниальной части животных и прилегающих участках тела, которые были показаны часто «пунктирно» (рис. 1, 2: № 11, 12, 40; рис. 1, 3: № 1, 2, 12, 14, 38). Возможно, в это время появились изображения лодок.

Практически, одновременно, судя по композиционному построению и стратиграфии рисунков, формируется следующий комплекс рисунков животных, выполненных в классическом «ангарском» стиле, его «профаном» варианте, а также в комбинированном сочетании ангарских и минусинских традиций (рис. 1, 2: № 2, 6, 14, 17, 19, 20, 22, 23, 27, 28, 44; рис. 1, 3: № 6, 21, 22, 23, 24, 34, 37, 40).

Следующий изобразительный слой связан с проявлениями «классической» окуневской культуры. С этим временем связано появление многолучевого головного убора у центральной профильной динамичной антропоморфной фигуры, антропоморфных образов, выполненных путем гравировки, изображения быка (рис. 1, 2: № 32; рис. 1, 3: № 9, 28, 29). С этим же временем, вероятно, связано появление изображения копытного животного (рис. 1, 3: № 35).

Наиболее поздние образы появились, когда основная поверхность плоскости была уже заполнена, что позволило помещать свои рисунки на периферийных участках плоскости. Появились линейные изображения небольших размеров (рис. 1, 2: № 1, 3, 8, 42, 45), изображение волка (рис. 1, 2: № 15).

Хронологически не ясно появление динамичных фигур копытных животных (рис. 1, 2: № 30, 31; рис. 1, 3: № 39, 44).

В целом большинство изображений выполнено в неолитическое и окуневское время (3-2 тыс. до н.э.). Вызывает внимание архаичность антропоморфных образов, их атрибутика и синкретичное сочетание различных неолитических стилей в формировании образов. Учитывая новизну представленных материалов, следует в определенной степени пересмотреть устоявшиеся стереотипы формирования наскального искусства на территории Среднего Енисея.

Библиографический список

1. Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Ленинград: Наука, 1986.
2. Дроздов Н.И., Заика А. Л., Березовский А. П. Исследования Шалаболинской писаницы (по результатам работ 2001 - 2002 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2002 г.) – Новосибирск Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8 – С.4.
3. Дэвлет М. А. К истории изучения петроглифов Енисея (начало- третья четверть XIX в.) // Скифо- сибирский мир. Искусство и идеология. - Новосибирск: Наука, 1987.- С. 80-88.
4. Заика А.Л., Дроздов Н.И. Шалаболинская писаница (результаты исследования 2001-2004 годов) //Мир наскального искусства. Сб. док. междунаrod. конф. /Под ред. Е. Дэвлет. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 111-115.
5. Заика А.Л., Дроздов Н.И., Макулов В.И. Исследования Шалаболинских петроглифов (итоги работ 2004 г.) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. – С. 155-158.
6. Заика А.Л. Методика полевых исследований петроглифов. - Новосибирск: Изд-во НГУ, 2006
7. Ключников Т.А., Заика А.Л. Образ лося в наскальном искусстве Нижнего Приангарья. // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Т. 1.Новосибирск, 2000
8. Мартынов. А.И. о датировке памятников наскального искусства Сибири// Наскальное искусство Азии. Выпуск 2., 1997. – С.17-24.
9. Окладников А. П. Петроглифы Ангары. М- Л. 1966.
10. Подольский Н.Л. О принципах датировки наскальных изображений. По поводу книги А.А. Формозова «Очерки по первобытному искусству» // СА-1973.-№3.-С. 266-275.
11. Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1985.
12. Шер Я. А. Алгоритмы распознавания стилистических типов на петроглифах: (К теории стиля в первобытном искусстве) // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. - М., 1977.- С.127-143.
13. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.

Научный руководитель Заика Александр Леонидович к.и.н., директор музея археологии.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРЕДМЕТОВ КУЛЬТА В ПОГРЕБЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ СКИФСКОЙ ЭПОХИ

Одной из наиболее интересных проблем в изучении народов Евразии скифской эпохи на сегодняшний день является исследование категории служителей культа. Однако при разработке данной темы необходимо особое внимание обратить на рассмотрение самих предметов культа, которые являются атрибутами данной категории священнослужителей.

Несомненно, что культовая деятельность предметна. Предметами культа становятся различные объекты, явления и силы, начиная с материальных вещей, и заканчивая природными и космическими явлениями. Они наделяются религиозным сознанием особыми свойствами. [13, с.399]. В развитых религиях предметы культа более чётко регламентированы. Примером может послужить христианство, где в качестве предметов культа выступают крест, свечи, церковная утварь и т.д. В религиях Древнего мира также существовали предметы, хранящиеся в храме и используемые исключительно при богослужении. [11, с.56]. В ранних религиях такого нет, поскольку предметы несли различную смысловую нагрузку.

Данное исследование будет посвящено характеристике предметов, которые непосредственно использовались в культовой деятельности и погребальных обрядах у разных народов Центральной Азии и Южной Сибири.

Важной особенностью мировоззрения населения данного региона являлось то, что предметы носили полисемантический характер. Наряду с ритуальным применением они широко использовались в быту и имели разное назначение. В повседневной жизни это были предметы быта, туалета, орудия труда и т.д. Что касается религиозной практики, то здесь они имели уже сверхъестественное значение, либо просто применялись при отправлении культа.

Например, зеркало, как известно, являлось предметом как женского, так и мужского туалета, но в мировоззрении древних народов ему придавалось и другое значение. Во многих культурах скифо-сибирского мира зеркала являлись отражением солярного культа и были проекцией Солнца. Умершему их «давали» живые люди для освещения пути. Имеющиеся данные позволяют предположить, что с зеркалом были связаны религиозно-магические представления, а также культ плодородия. [8, с.135; 6, с.100 - 104].

Нужно отметить, что практика использования зеркал существовала не только у кочевников, но и у других народов Азии. Интересны находки этого же периода, сделанные за пределами представленного региона. Зеркала древней Бактрии являлись атрибутом подземного мира: на них отображалась водная стихия с её обитателями. Эта же стихия олицетворяла собой царство мёртвых. [15, с.292].

Кроме зеркал учёные рассматривают в качестве предметов культа и другие находки. Такими являются, прежде всего, жертвенники, алтарики, курильницы, ладанки, чеканы и другие объекты. [1, с.47 – 48; 9, с.89; 12, с.162; 2, с.65; 16, с.229; 4, с.205 - 211]. Дополнительно в качестве культовых предметов исследователи выделяют различные украшения головного убора: выпуклые бронзовые колпачки-нашивки, плоские диадемы, бляшки. [8, с.131]. К числу вышеперечисленных изделий причисляют и находки, получившие в археологии название «штан-дарты». На них были обнаружены следы нагара. На этом основании можно предположить, что штандарты были своего рода алтарями и служили для разжигания священного огня. [8, с.137].

Кроме того, и некоторых археологи отмечают находки так называемых предметов неизвестного назначения и, возможно, имевших ритуальный характер. Некоторые из них представлены в виде волнисто-изогнутых четырёхугольных или плоских в сечении пластин с отверстием или петелькой в середине и на концах со стилизованными головами животных. Относительно их функционального назначения существуют различные точки зрения у учёных. Учитывая их размеры, можно отметить, что они не могли использоваться в хозяйственной деятельности. Так, возможно, у «тагарцев» Минусинской котловины эти предметы были связаны с культом огня, Солнца и шаманскими действиями. Вероятно, они играли роль шаманских пангов. В могиле они находились у бедра или таза скелета, иногда вместе с наконечниками стрел. Интересно ещё и то, что панги в могилах находились вместе с бронзовыми фигурками оленей, зеркалами, штандартами и т.д. Следовательно, они имеют отношение к культовым предметам. [8, с.143 - 145].

Не меньший интерес представляет находка из Третьего Пазырыкского кургана. [12, с.163]. Предмет имеет вид изделия из тонкого белого войлока. Вещь представлена в форме круга. Такая форма может быть отражением солярного культа, однако определить в каком ритуале применялся данный объект затруднительно. Использование в бытовой сфере этого предмета также остаётся неизвестным.

Среди предметов культовой деятельности наиболее известными являются каменные жертвенники. На данный момент в науке существует проблема отождествления понятий «жертвенник», «алтарики», «курильница». В перспективе представляется возможным разграничение их по функциональному и семантическому назначению.

Жертвенники-алтарики, в качестве атрибутов домашнего очага и Солнца, довольно широко представлены в среде степных племён Европы и Азии. [4, с.205]. Эти предметы отражают общие черты в первобытных верованиях скифо-сакских племён Причерноморья, Поволжья, Казахстана и Южной Сибири. Жертвенники бывают представлены в форме прямоугольника, овала и в форме ладьи. [3, с.54].

Некоторые исследователи полагают, что сооружение круглых жертвенников-алтарей связано с появлением культа огня. В качестве примера может выступить саглынская культура Тувы. [2, с.65]. Аналогичная версия выдвигалась для объяснения возникновения и назначения данной категории предметов по материалам сакского времени. [16, с.229].

С культом огня, возможно, связаны и алтарики-курильницы, представленные, например, в курганах пазырыкской культуры Алтая, наряду с металлическими «жаровнями», которые использовались для окуривания «дурманящими» растениями. [16, с.229]. Алтари были переносными, как, например, в погребениях савроматских жриц Приуралья. [3, с.55].

Как уже было сказано выше, функцией алтарей-курильниц было разогревание конопля, наркотические пары которой вдыхались. Это помогало «проникать» в тонкий астральный мир. [7, с.137]. Интересно, что семена соответствующих дурманов (конопля, кориандр и т.д.) находятся в погребениях вместе с курильницами. [16, с.229]. Кроме того, зёрна конопля располагались в сосудах, в кожаных флягах. Можно сказать, что это были целые наборы для курения: сосуды с камнями и семенами конопля. [14, с.333].

Исследователи разделяют изображения на жертвенниках на реалистичные и схематичные. Дополнительно существует деление их на три группы: реалистичные, стилизованные и схематические. Критерием деления здесь выступает реалистичность изображения венчающих их голов животных. [9, с.89].

Говоря о предметах культа, имеющих отношение к почитанию огня, необходимо отметить «огневой прибор» из Саглы-Бажи II. Он имеет сверло для добывания огня, которое вращается. Кроме того, на него наносился орнамент, состоящий из кружков с точкой в центре – символ Солнца. Таким образом, данный прибор активно применялся в быту, а также имел культовое значение. [2, с.66].

Кроме перечисленных предметов, в Первом Пазырыкском кургане была найдена ладанка. Внутри неё находились человеческие волосы. Если завладеть такой сумочкой-ладанкой, верованиям «пазырыкцы», то можно навредить её хозяину с помощью его же собственных волос, которые были оберегом души. [12, с.162].

Ещё одной частью погребального инвентаря являются ритуальные сосуды. Кочевники Евразии могли ставить в могилу сосуды, которые ранее использовались в быту. Однако существовали сосуды, которые использовались только в погребальном обряде – ритуальные сосуды. В качестве примера можно привести сосуды Бактрии. Весьма интересен маргиановский культовый сосуд, внутри которого находились ещё пять сосудов, не несущих смысловой нагрузки. Первый сосуд был вместилищем царства мёртвых: на дне его были изображены обитатели водного мира, который находится под землёй. [15, с.291 - 292]. Во многие захоронения ставились сосуды, куда помещалась ритуальная пища. Ритуальные сосуды могли находиться вверх дном, либо один в другом. [10, с.192]. Кроме того, после поминания усопших, сосуды разбивались и оставлялись на погребениях.

Деревянная посуда наравне с керамической использовалась как в быту, так и в погребальном обряде, что подтверждается находками в погребениях кочевников Центральной Азии. [6, с.67].

В южносибирских и центральноазиатских культурах скифского мира широко распространилась устойчивая традиция украшать предметы, в том числе и предметы культа. Для украшения подобных вещей использовался зооморфный стиль. [17, с.12]. Встречаются изображения, относящиеся к солярному культу [2, с.66], а также орнаментирование посуды. [17, с.29].

Таким образом, были выделены основные предметы культа, наиболее часто встречающиеся в погребениях населения Центральной Азии и Южной Сибири скифской эпохи. Некоторые предметы полисемантичны по назначению, поскольку они имеют как функциональное (бытовое), так и знаковое значение.

Библиографический список

1. **Э.Б. Вадецкая.** Атрибуты служителей культа по древним погребениям Енисея // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996, с.46 – 49.
2. **А.Д. Грач.** Древние кочевники в Центре Азии. «Наука», М. 1980, 256 с.
3. **В.Ю. Зуев.** Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996, с.55 – 67.
4. **М.К. Кадырбаев.** Каменные Алтари-жертвенники из Северо-Западного Казахстана // Советская археология №3. 1977, с.204 – 213.
5. **Ю.Ф. Кирюшин, Н.Ф. Степанова, А.А. Тишкин.** Скифская эпоха Горного Алтая. Часть II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, Изд-во Алтайского ун-та, 2003, 234 с.
6. **В.Д. Кубарев.** Курганы Юстыда. Новосибирск. Наука. Сибирское отделение, 1991, 190 с.

7. **Л.С. Марсадолов.** Пазырыкский грифон и современность // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996, с.137 – 139.
8. **А.И. Мартынов.** Лесостепная тагарская культура. «Наука». Новосибирск.1979, 208 с.
9. **Н.П. Матвеева.** О жертвенных камнях скифского времени из Зауралья // Скифская эпоха. Тезисы докладов и конференции. Алтайский государственный ун-т, Барнаул, 1986, с. 88-90.
10. **О.И. Новикова.** К реконструкции обрядовой практики древнего населения юга Западной Сибири в переходное время от бронзы к железу // Сибирь на перекрёстке мировых религий. Материалы межрегиональной конференции. Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2002, с. 191 – 192.
11. **Основы религиоведения:** Учеб. Под ред. И.Н. Яблокова. М.: Высш. шк., 1994, 368с.
12. **Н.В. Полосьмак.** Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV – III вв. до н.э.). Новосибирск. «ИНФОЛИО», 2005, 231 с.
13. **Религиоведение:** Учебное пособие и Учебный словарь-минимум по религиоведению. М.: Гардарина, 1998, 536 с.
14. **С.И. Руденко.** Культура населения Гонного Алтая в Скифское время. Изд-во Академии наук СССР, М.: 1953, 385 с.
15. **В.И. Сарианиди.** Зеркала древней Бактрии // Советская археология. №1. 1981, с. 288 – 291.
16. **А.А. Тишкин, П.К. Дашковский.** Социальная структура и система мировоззрения населения Алтая Скифской эпохи. Изд. Алт. Гос. ун-та. Барнаул, 2003, 429 с.
17. **Ю.С. Худяков.** Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии: Учебное пособие. Новосибир. ун-т. Новосибирск, 1998, 120 с.

Научный руководитель – П.К. Дашковский, к.и.н., доцент.

Л. Чадамба,

Санкт-Петербург, Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е.Репина, аспирант

ПЕТРОГЛИФЫ МАЛОГО БАЯН-КОЛА (РЕСПУБЛИКА ТЫВА)

Республика Тува славится богатым наследием древних художников. По всей территории встречаются наскальные рисунки, созданные в разное время. Впервые они стали изучаться в конце XIX века, и сейчас хорошо известны как научному миру, так и широкой публике. Но, несмотря на это в Туве до сих пор много неизученных и мало изученных местонахождений петроглифов.

На территории Тувы наравне с самостоятельным направлением развития наскального искусства прослеживаются выраженные тенденции культурных контактов и взаимовлияний. Одним из таких примеров являются петроглифы в местности Малый Баян-Кол. Наскальные изображения в местности Малый Баян-Кол расположены в правобережье р. Улуг-Хем, недалеко от г. Кызыла, в районе зверофермы и городских дач. Данный фактор не мог не сказаться на сохранности наскальных рисунков. Петроглифы подвергались постоянному разрушению в связи с хозяйственной деятельности человека (производилась добыча камня для строительства). Также наследие древних художников пострадало от хулиганских действий человека. Некоторая часть петроглифов закрашена современными надписями.

Впервые петроглифы в этой местности были обнаружены известным сибирским археологом А.В.Адриановым, во время его путешествия по Урянхайскому краю в 1881 г.[1:404] Он срисовал и затем опубликовал несколько композиций петроглифов [4:35]. Причем А.В.Адрианов первым отметил выдающуюся ценность рисунков Малого Баян-Кола и угрозу разрушительного воздействия человека на столь уязвимые памятники древности. Он писал: «До тех пор, пока они (урянхайцы или тувинцы) будут считать их своею святынею, эти памятники будут охранены самым надежным образом от истребления и расхищения, но как только цивилизация проникнет в эти страны, начнет производить постройки, сооружения, обработку земли, она уничтожит значительную часть памятников...» Позднее это местонахождение обследовалось экспедицией Государственного музея ТНР под руководством Н.Г.Богатырева, которая оставила описание наскальных рисунков [2:97-104]. В 1973-1974 годах здесь работала Тоджинская экспедиция Института Археологии АН СССР, начальником которой была М.А. Дэвлет [5:205-206]. М.А.Дэвлет сделала прекрасные копии петроглифов и опубликовала их в ряде работ. Сопоставив свои прорисовки и Андрианова, она указала на значительные утраты рисунков на памятнике, возникшие вследствие его разрушения [3:41].

На писанице Малый Баян-Кол в настоящее время сохранилось 15 плоскостей с рисунками, которые расположены компактно на одном уровне на расстоянии 700 м. Фактически это в основном единый фриз скал. Все изображения нанесены на вертикальных скалах, обращенных на юг-юго-запад, то есть в сторону Енисея. Это выходы песчаника. Большие блоки, которые под воздействием климатических условий, подвижек грунта и из-

Изображение верблюда и оленей позднескифского времени на плоскости 4, Малый Баян-Кол.

лося и медведя, которые могут датироваться рубежом эр – гунно-сарматским временем. Во-первых, эти фигуры поражают своими размерами – лось 222x145 см, а медведь – 106x62 см. Во-вторых, они необыкновенно динамичны. Их ноги изображены в позе размашистой рыси, головы подняты и устремлены вперед, как и весь корпус тела, что придает ощущение стремительного движения. Эти рисунки можно отнести к истинным шедеврам первобытного искусства. Стремительность движения подчеркивают и окружающие их более мелкие фигуры козлов, оленей и всадника. Подобные рисунки действительно уникальны и в Туве не встречаются. В настоящее время встает вопрос о создании охранной зоны вокруг писаницы Малый Баян-Кол и возможно, о создании здесь филиала музея 60-ти богатырей. Нет сомнения, что подобный памятник привлечет внимание всех интересующихся древней историей нашей страны.

Библиографический список

1. Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881г. По поручению Императорского русского географического общества членом-сотрудником А.В.Адриановым // Зап. РГО по общей географии. Т.11. СПб. 1888
2. Богатырев Н.Г. О тувинских памятниках древности «Под знаменем Ленина-Сталина», Кызыл, 1942, №2, с.97-104.
3. Дэвлет М.А. Петроглифы Улуг-Хема, 1976
4. Дэвлет М.А. Петроглифы Енисея. М., 1996
5. Дэвлет М.А., Панова Н.В., Спильоти М.Н., Обследование наскальных изображений правобережья Улуг-Хема. Археологические открытия 1974 года. М. 1975, с.205-206.

Доцент кафедры зарубежного искусства ФТИИ к.и.н. Вл.А.Семенов.

Д.Л. Шергин

Иркутск, Иркутский государственный педагогический университет

НЕФРИТОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИБАЙКАЛЬЯ (по фондам Иркутского областного краеведческого музея)

Огромное значение для более глубокого изучения археологических объектов имеет минералогия как одна из древнейших составляющих геологического знания. В этой связи, следует обратиться к составу каменного

сырья, его структуре, свойствам а также к генезису и месторождениям определенных пород и их разработкам в древности, прослеживанию и выявлению способов, путей и транспортировки сырья от источника до археологического памятника.

Фиксация изделий из наиболее редких минералов, (в данном случае нефрита) как одного из экзотических видов сырья в археологических культурах Прибайкалья, определение местонахождения его коренных выходов и констатация факта переноса этого сырья, позволяет говорить о наличии связей древнего населения.

В настоящее время под нефритом понимается массивная полупрозрачная скрытокристаллическая порода, состоящая практически из мономинерального агрегата тончайших волокон актинолит-тремолитового амфибола с характерной спутано-волокнутой микроструктурой [6].

На данный момент выявление наиболее редких видов сырья происходит путем выделения из общей массы находок редко встречающихся для того или иного региона пород камня. Сравнение артефактов, подробное изучение наиболее редких видов сырья и их сопоставление с месторождением позволяет моделировать процесс переноса поделочного камня. При этом выявляется не только факт проникновения предметов, чуждых данной археологической культуре [7], но и место снабжения и расстояние от источника до археологического объекта, иногда достигающее до 900 км и более [1; 2; 3].

Исходя из материалов, следует отметить, что среди всех, как стояночных, так и погребальных комплексов Прибайкалья изделия из нефрита встречаются довольно редко.

На территории Южной Сибири существуют 6 наиболее крупных коренных и россыпных месторождений нефрита, таких как: 1 - Западно-Саянское; 2 - Удинское; 3 - Билинское; 4 - Восточно-Саянское; 5 - Джидинское; 6 - Средне-Витимское [6].

Редкое использования нефрита в изготовлении артефактов могло быть связано с труднодоступностью к его коренным выходам, а также его малым количеством в речном аллювии. В ходе работы над коллекциями из фондов ИОКМ было проработано более чем 9000 тысяч изделий; из них были отобраны 173 предмета из нефрита или похожие на него (топоры, тесла, заготовки топоров и тесел, ножи, диски, кольца, отщепы и осколки). Эти артефакты фиксировались в материалах археологических памятников в пределах Прибайкалья на оз. Байкал и реках: Китой, Иркут, Кудя, Белая, Купа, Илим, Унга, Манзурка, а так же в верхнем течении Лены и Ангары. При этом изделия из нефрита были различной окраски от белой до серой и темно зеленой.

Изделия из зеленого нефрита преобладают. Преимущественно это орудия труда - 92 экз., фрагменты орудий - 28 экз., украшения - 1 экз., отщепы - 7 экз. Из светлоокрашенного нефрита в основном производились украшения - 40 экз.; орудия представлены всего 5-ю экземплярами.

Большинство памятников археологии, где были зафиксированы изделия из зеленого и темно-зеленого, а также светлого нефрита удалены на довольно большое расстояние от их коренных выходов. Малый процент изделий из светлоокрашенных нефритов можно объяснить тем, что последний является весьма редким образованием и в настоящее время известен только в бассейне среднего течения р. Витим. Наряду с этим считается, что источником распространения светлого нефрита были Саяны, хотя на сегодняшний день коренных месторождений там не обнаружено [4;5]. На мой взгляд, определение факта принадлежности изделий из нефритов к тому или иному месторождению и создание общего реестра археологических стоянок, где встречается нефрит, а также нанесение этих стоянок на карту и сопоставление с месторождениями позволит решить такие проблемы как установление путей доставки сырья древним человеком из труднодоступных районов, способы его транспортировки и прослеживание культурных связей.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 05-06-97208

Библиографический список

1. **Аксенов М.П.** Многослойный археологический памятник Макарово II // Древнейшая история народов юга Восточной Сибири. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. - Вып. 1. - С. 91-126.
2. **Ветров В.М., Инешин Е.М., Ревенко А.Г., Секерин А.П.** Артефакты из экзотических видов сырья на археологических памятниках Витимского Бассейна // Байкальская Сибирь в древности. - Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. - Вып. 2, ч. 1. - С. 98-116.
3. **Кларк Дж. Г.Д.** Доисторическая Европа. - М., 1953. - 332 с.
4. **Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. - Ч. 3: Глазовское время. - 374 с. - (МИА. № 43).
5. **Секерина Н.В., Секерин А.П., Меньшагин Ю.В., Лашенков В.А.** О перспективах Восточного Саяна на светлоокрашенный нефрит // Отечественная геология. - 1994. - №12. - С. 65-70.
6. **Секерин А.П., Секерина Н.В.** Нефриты и их распространение в Южной Сибири // Байкальская Сибирь в древности. - Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. - Вып. 2, ч. 1. - С. 146-160.
7. **Шарафутдинов Э.С.** Симпозиум по вопросам обмена и торговли в древних обществах // КСИА. - 1974. - Вып. 138. - С. 104-108.

Научный руководитель: В.М. Ветров, к.и.н., доцент

А. Н. Габов

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН, аспирант

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА, СВЯЗАННЫЕ С КРУПНЫМ КОШАЧЬИМ ХИЩНИКОМ

Материалом для анализа послужили мифологические вариации фольклора зоны Тихоокеанского побережья, индейских племён и народностей – в рамках Центральной и Южной Америки, а также Северной Америки.

В качестве базисной организации мифологического материала мы взяли структуру мифов и легенд прибрежных народностей о тигре. Далее будем сравнивать их с американским материалом на основании составных частей нарративов – мифем [7, 243].

В основании дискурса лежит догосударственная мифология указанных народностей, выраженная в дошедших до нас формах устного народного творчества. Какие же проявления мифологии следует относить к догосударственным формам, а какие к формам государственного характера?

Очевидно, что разграничить эти две сферы весьма трудно. Элементарным, как нам видится, методом здесь может послужить выделение некоего первоначального текста из оболочки идеологии государства, влияний мировых религий, нового мифотворчества.

Средствами минимализации служат такие рамки, как значительные и значимые действия [8, 125-132], охарактеризованные каким-либо признаком вещи, героический цикл по имени героя, существа. Такие «элементарные» сюжеты мы намереваемся вычленивать и в мифологическом материале, связанном с крупным кошачьим хищником, чтобы номинально отследить территорию распространения отдельных сюжетов, а затем попытаться выстроить некую структуру общего сюжета пра-мифа.

Исследователь Е.В. Шаньшина выводит ряд связанных с тигром мифологических инвариаций в рамках дальневосточного региона. Тигр проявлен более чем в половине всех сюжетов фольклорных текстов. Её «Указатель...» составлен по данным этнографов работавших в указанном регионе в 30-50 годах XX века [15, 138-152].

На основе этого сборника можно выделить ряд действительно характерных для тигра мифем. Нужно отметить, что все они связаны между собой, расположены в порядке структуры – иногда явном, иногда скрытом. В связи с этим бывает непросто отнести тот или иной сюжет к какому-либо конкретному блоку, итак:

1. – связь тигра с лишними светилами небосвода и творением мира,
2. – происхождение людей либо отдельного рода от тигра, тигр- предок, тигр, тигрица, род тигров – воспитатели ребенка-человека
3. – тигр-старик, благородный тигр – помощник охотников.

Анализируя нарративы Российского Дальнего Востока, мы приходим к неким граням пра-мифа, повествующего об опасности для обычного человека – не-героя, мифической ситуации творения и образования неких глобальных систем жизнеобеспечения. Вместе с тем, любая из этих мифических ситуаций нацелена прежде всего на объяснение возможности появления человека и теперешнего положения вещей. Это, кстати является функциональным определением самого мифа для общества, в котором он действует [3, 109].

Сравнивая сюжеты относящиеся к мифеме хищника-первопредка, можно заметить частое привлечение женщины в качестве основы для подобных сюжетов. Помимо вступления с ягуаром, тигром или пумой в сексуальные отношения, женщина сама зачастую превращается в хищника [4, 79-81]. Замечательный пример в этом отношении – миф бразильского племени Матако, приводимый Клодом Леви-Стросом. Нарратив указывает не только на факт превращения женщины в ягуара, говорится также о том, что все без исключения ягуары – женщины [7, 98].

На основании третьего блока сюжетов, где тигр является подателем культуры и помощником человека, можно прояснить особенности восприятия человеком хищников как представителей некоей предшествующей сильной цивилизации, высших людей. Мотив происхождения от тигра тесно переплетается здесь с представлением, что тигры – тоже люди, только другие. Позиция культурного вакуума дополнена структурным центром, при помощи которого этот вакуум должен быть заполнен. Любые нарушения процесса будут приводить к негативным последствиям, прежде всего для самого человека.

Теперь постараемся выделить характерные региональные особенности. Сюжет лишних (неудавшихся) свети различается, как уже было указано, временными планами. Одновременное появление солнц в дальневосточных нарративах и поэтапное, сопровождающееся несколькими катастрофами и связанное с отдельными эпохами явление солнц в Мезоамерике. Роль кошачьего хищника в дальневосточном варианте сводится к тому, что он представляет собой каменное вместилище для культурного героя (содержа в себе его черты). Первое Солнце атекского мифа о творении мира – Солнце Земли – было уничтожено ягуарами, представителями хтонических сил природы (камень-земля-пещера). В данном случае ягуары выступают сами по себе как мыслящие существа, либо выполняют приказ демиургов – Тескатлипоки и Кетсалькоатля [12, 43].

Дальневосточный сюжет тигра (хищника)-первопредка отличается от американского только тем, что в обоих планах – реальности и видений – тигр чаще всего предстаёт в виде старика, что редко можно увидеть на примере южно- и мезоамериканского циклов мифов и преданий о ягуаре.

В сюжете о хищнике-подателе культурных благ и ценностей цивилизации различие состоит лишь в том, что в дальневосточном варианте герой спасает тигра от смерти в развилине дерева, а в южноамериканском варианте ягуар помогает герою спуститься с дерева.

Пра-миф выделяется на основании перечисленных сюжетов и мифем. Сформулировать его можно так: крупный кошачий хищник (тигр, ягуар, пума) представляет собой демиурга либо человека предыдущей формации. Достижения своей цивилизации он передаёт человеку через родство с ним (появление выделенных родов, знати) или за определённые заслуги, прохождение испытания.

Если наши догадки верны, то они могли бы встать в структуру обоснования некоторых теорий распространения мифологических мотивов, а также теорий заселения Нового Света переселенцами из Северной Азии [14, 14-15].

Библиографический список

1. Баглай В.Е. Империя ацтеков. М.: Вече, 2005. – 336 с.
2. Васильев Б.А. Старинные способы охоты у приморских орочей// Советская этнография. М.-Л., 1940, № 3. С. 168-175.
3. Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ: Сб.ст. Алан Дандес: Пер. с англ.; Сост. А.С. Архипова.- М, Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2003. - 279 с.
4. Де Грот Я.Я.М. Демонология древнего Китая. СПб.: Издательская группа «Евразия», 2000. – 352 с.
5. Из научного наследия В.К. Арсеньева// Краеведческий бюллетень №4, 1995. С. 151-163
6. История и культура орочей. Историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 2001.
7. Леви-Строс К. Мифологии. Т. I. Сырое и приготовленное. М., 2000. – 309 с.
8. Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005. - 184 с.
9. Пилсудский Б. Фольклор сахалинских нивхов. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2003.
10. Старцев А.Ф. Культ тигра у народов Приамурья и Приморья// Этнос и культура, 1994. С. 85-93
11. Старцев. А.Ф. Отражение культа тигра у народов Приамурья и Юго-Восточной Азии (эпоха неолита – средние века – XX столетие)// Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов. Владивосток-Омск: Издательство ОмГПУ, 2000. С. 206-207
12. Таубе К. Мифы ацтеков и майя. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2005. – 112 с.
13. Уртон Г. Мифы инков. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2005. – 104 с.
14. Хаген В. В. фон. Ацтеки, майя, инки. М.:Вече, 2004. – 464 с.
15. Шаньшина Е.В. Мифология первотворения у тунгусоязычных народов Юга Дальнего Востока России. (Опыт мифологической реконструкции и общего анализа). Владивосток: Дальнаука, 2000. - 157 с.
16. Шренк Л. Об инородцах Амурского края. – Т. I/ - СПб, 1883. Т. II – СПб, 1899. Т. III. – СПб, 1903.
17. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы. Хабаровск, Дальгиз, 1933.

Научный руководитель - д.и.н. А. В. Табарев

Е.А. Гаврилова

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН, аспирант

ЛОВ ЛОСОСЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЛАТФОРМ У СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ (по данным археологии и этнографии)

Каждый вид лосося помимо биологических определений имеет множество различных имен. Самые распространенные названия – чавыча (chinook, king), кижуч (coho, silver), горбуша (pink, humpy), кета (chum, dog),

нерка(sockey, red), которая мечет икру в озерах и сима (masu, masou), которая нерестится только в азиатской части тихоокеанского региона.

Несколько миллионов лет и лососи, и Тихоокеанский регион Северной Америки подвергались значительным изменениям. Период интенсивного потепления, последовавший после висконсинского похолодания (12 800-15 000 лет назад) [9, 39], привел к неустойчивости среды обитания – постледниковые реки постоянно меняли свое устье, эти широкие мелкие потоки, с мутной водой были враждебны любому бездомному лососю, заплывавшему в них на нерест.

Группы племен о которых пойдет речь — обитают на побережье Северо-Запада Америки, Аляски и Британской Колумбии. Все из них представлены самобытными культурами, для них характерно то, что они промышляют больше морской и речной рыбной ловлей и для них совсем не свойственно земледелие [3,36]. Фауна рек северо тихоокеанского побережья США, Канады, Аляски окончательно сформировалась 10-9,5 тыс.л.н. [5, 25].

Древнейшие из обнаруженных рыбацких стоянок расположены в каньонах, где узкие потоки делают лосося легкой добычей. Именно в таких местах, на скальных выступах человек начинает строить рыболовные платформы [2, 50]. Модификации платформ изменяются в зависимости от целей, разновидностей лосося, места ее постройки, доступных строительных материалов, и т.д. Термин «*рыболовная платформа*» может охватить большое разнообразие конструкций, используемых, для лова рыбы. С помощью платформ использовались разнообразные методы лова, такие как: лов острогой, сети (как жаберные, так и подъемные), лов на крючок, а там где это возможно ставные ловушки и плотины.

Жизненный цикл лосося диктует то, что в зрелости, он должен вернуться в ту реку, в которой он родился, чтоб отложить икру. В 1804г. Уильям Кларк, во время экспедиции, записал в своем дневнике, свое первое впечатление о лососе на р. Колумбии: “Множество этой рыбы почти невообразимы”[6, 129]

Платформы строились в разных частях водных потоков в зависимости от конфигурации, однако можно выделить несколько наиболее распространенных типов, которых мы попытаемся описать ниже.

Лососи легко преодолевают водопады, и люди научились использовать этот аспект при лове: тип такой платформы описал Ниблэк [10, 294-386] - конструкция состоит из двух параллельных ограждений находящихся поперек мелкой реки. Когда лосось перепрыгивал через первый забор, он был пойман с платформы, находящейся между двумя ограждениями, второй забор находился настолько близко к первому, что у рыбы не хватало «места для разбега» перед прыжком через следующую преграду. Попавшего в эту ловушку лосося били острогой, ловили сетью или просто глушили дубиной. Плюсом такой конструкции было то, что рыбак видел, какая рыба составляет его улов, самок с икрой могли пропускать вверх по течению.

Довольно распространены платформы, построенные в узких местах русла, находящиеся в деревне или неподалеку. С них обычно рыбачили при помощи гарпуна или на крючок. Пойманная таким способом рыба составляла хорошую часть улова, даже по сравнению с массовыми методами лова – плотинами и ловушками. Такие платформы активно использовали во время, когда уровень воды поднялся, и ловушка временно не работает.

Тихоокеанские лососи существенно различаются по своей «агрессивности» при ловле их на крючок, наиболее активно ведет себя кижуч, затем в порядке убывания интереса к рыболовным приманкам следуют чавыча, горбуша, кета и нерка.[4, 54]. Почему рыбы, вошедшие в реку, и переставшие есть клуют на наживку или блесну (блесны жители побережья изготавливали из раковин [12, 43])?. Действуют несколько факторов, но основную роль, вероятно, играет остаточный пищевой рефлекс – ведь еще совсем недавно в океане лососи догоняли и хватали быстро движущуюся добычу – рыбу и крупных рачков.

Рыба идущая вверх по течению попадала в быстрины с бурным течением, расположенные под водопадом. На скальных выступах сооружались платформы, с которых люди забрасывали сети и сачки в речные водовороты, заранее зная места в которых стоял лосось, отдыхая перед тем как продолжить дальнейший путь вверх. Один из крупных водопадов региона (Celilo Falls) - область ставшая основным центром коммуникаций, здесь встречались люди разнообразных культур, создавали союзы, религию, политику, вели обмен, идеи, также могли становиться объектом обмена.

О платформах такого типа мы узнаем из современных описаний, индейцы, живущие в резервациях на крупных реках, таких как Фрейзер и Колумбия, еще и сегодня пользуются этими конструкциями [11, 137-154].

Кребер и Барет объясняют, что лучшие рыбацкие места по реке были частными, их владельцами были отдельные люди, либо совместно несколькими семьями были собственниками. Во втором случае рыбацкое место будет использоваться согласно пропорциональной доле собственности. Владелец мог дать кому-то еще разрешение ловить рыбу на его месте в какой-то день или несколько дней, это было правом владельцев, но никому не разрешали ловить рыбу или устанавливать новое рыбацкое место сразу ниже по течению от признанного рыбацкого места [7, 12-49].

Доля в рыбацком месте была личной собственностью, реальной и признанной ценностью. Доля могла быть продана, подарена ее владельцем, или передана по наследству. Были некоторые рыбацкие места, которые не были частными, и были открыты для всех, кому это было необходимо. Так же обычно большая плотина поперек главного пути лосося принадлежала деревне целиком.

Индейцы соблюдали свои собственные уникальные ритуалы и уважали лососей, делая все необходимое, чтоб гарантировать продолжительность их возвращений. Среди известных церемоний совершенно особое место принадлежит церемонии встречи первого лосося (First Salmon Ceremony), которую исследователи зафиксировали у многих племен Северо-Западного побережья и которая практически совпадает с территорией распространения лосося в Северной Америке. Племена же, у которых эта церемония была не столь ярко выражена или даже отсутствовала (например, хайда), имели непреременный набор обычаев, соблюдавшихся при лове и обработке лосося, а также мифы и сказки о лососе [1, 42].

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 06-01-00522а

Библиографический список

1. **Гаврилова Е.А., Табаров А.В.** Молнии, плывущие друг за другом (тихоокеанский лосось в промыслах и ритуалах индейцев Северо-Западного побережья Америки): учебное пособие – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006.
2. **Лихатович, Д.** Лосось без рек. История кризиса тихоокеанских лососей /Д. Лихатович. – Владивосток: Издательский дом «Дальний Восток», 2004.
3. **Мосс, М.** Общества. Обмен. Личность /М. Мосс. – М.: Восточная литература, 1996.
4. **Скопец М.** «Тихоокеанские лососи предпочитают мушки»//”Рыболов-Elite” 5/1998
5. **Табарев А.В.** Освоение человеком тихоокеанских побережий на рубеже плейстоцена и голоцена. – Док. дисс. в виде научного док. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2004
6. **Forbes, N., Jay, T., and Masten, B.** Reaching Home: Pacific Salmon, Pacific People. Seattle: Alaska Northwest. 1995.
7. **Kroeber, A. L. and Barret S. A.** Fishing Among the Indians of Northwestern California. (Anthropological Records Vol. 21, No. 1). Berkeley: University of California, 1957
8. **Kroeber, A. L.** Handbook of the Indians of California. New York: Dover, 1976
9. **Martin C.** Keepers of the Game: Indian-Animal Relationships and the Fur Trade (Berkeley University of California Press, 1978)
10. **Niblack, A.P.** “The Coast Indians of Southern Alaska and Northern British Columbia” Washington, 1890.
11. **Pilling, A. R.** Yurok. In W. Sturtevant and R. Heizer Eds., Handbook of North American Indians. Washington DC: Smithsonian Institution, 1978
12. **Stewart, H.** Indian Fishing: Early Methods on the NW Coast /H. Stewart. – Seattle: University of Washington Press, 1977.

Научный руководитель - д.и.н. А.В. Табаров

К. Джиенгелевский

Краков (Польша), Ягеллонский Университет, аспирант

ВЛИЯНИЕ НЕОГОЛОЦЕНОВЫХ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЭКСПАНСИЮ ПОМОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЛЬШЕ (обзор проблематики)

В изучении истории обществ конца бронзового и начала железного века большое внимание уделяется, кроме археологических и исторических источников, палеоклиматическим данным. Климатический фактор иногда считается одной из самых главных причин культурных перемен. Ярким примером этого являются широко распространенная в польской литературе точка зрения, касающаяся генезиса и экспансии поморской культуры, которая в эпоху раннего железа постепенно распространилась на большую часть территории Польши вплоть до западной Украины (рис. 1). Поморская культура (Pomeranian culture) сформировалась в начале эпохи железа на южном побережье Балтийского моря, на основе одной из локальных групп лужицкой культуры. Лужицкая культура (Lusatian culture) принадлежит к комплексу культур урновых полей, которые существовали на территории центральной Европы с эпохи средней бронзы и до конца эпохи раннего железа (1300–400 гг. до н.э.). Население лужицкой культуры характеризовались типично оседлым, земледельческим образом жизни и создавало обширные, долговременные поселенческие структуры.

Общепринятые представления о культурных переменах эпохи раннего железа заключаются в том, что с окончанием суббореального и началом субатлантического периода (2500 BP / 600 cal BC) модель земледельческого хозяйства в лужицкой культуре стала непродуктивной и привела к ее упадку. По мнению большинства исследователей поморской культуры, она формируется несколько раньше и характеризуется более подвиж-

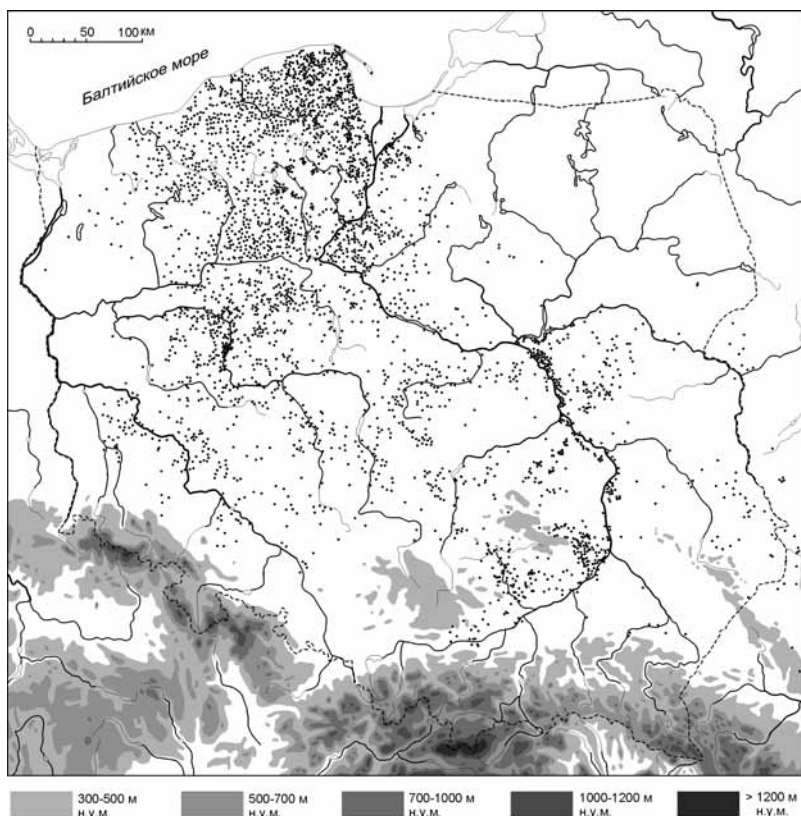

Рис. 1. Распространение памятников поморской культуры (с VIII до III в. до н.э.). Одна точка обозначает иногда несколько памятников в окрестностях одной территории.

вопросов. В свете современных представлений о хронологии поморской культуры, изменение климата не могут рассматриваться как импульс для культурных изменений в пределах поморской (кашубской) группы лужицкой культуры. Археологические материалы из Поморья свидетельствуют о том, что начало формирования самобытных особенностей поморской культуры, восходит ко второй половине V-го периода эпохи бронзы (850-750/700 BC) и «галыштат-С» (750/700-650/600 BC) [8, с. 205]. Начало климатических перемен связанных с субатлантическим периодом датируется, задолго до 2500 BP (600 cal BC) [2, с. 177; 9, с. 199-214, рис. 2]. Некоторые признаки увлажнения климата, например, увеличение активности рек [5, с. 292-295], датируются несколько ранее (2700-2600 BP). Не смотря на это, кажется, что для генезиса поморской культуры более важны культурно-политические, а не природно-климатические причины. Об этом может свидетельствовать факт, что в пределах лужицкой культуры, в начале периода «галыштат-С», культурные перемены прослеживаются только в западной части лужицкой культуры, которая попала во влияние галыштатской культуры, а также на территории Поморья.

Однако роль климатического фактора нельзя не учитывать при анализе причин экспансии поморской культуры. Памятники этой культуры появляются за пределами ее исконной территории (Поморье, Великая Польша) в относительно ограниченный хронологический период - на рубеже VI-V вв. до н.э. [3, с. 223-230], при этом в Поморье они исчезают со всем в начале VI в. до н.э. Наиболее поздние памятники (III-II вв. до н.э.) расположены уже только на юго-восточных рубежах поморской культуры - на Волыни и Подолии [1, с. 194-205]. Время экспансии приходится на период субатлантического охлаждения и увлажнения климата. Анализ распространения памятников поморской культуры (с VIII по III вв. до н.э.), не дает серьезных аргументов для определения характера этой экспансии как реальной миграции населения (рис. 1). Об этом свидетельствует постепенное исчезновение памятников поморской культуры на ее исконной территории (северо-западная Польша), при одновременном появлении поздних памятников в юго-восточной Польше. Вместе с тем, наблюдается общее сокращение количества поселений, наряду с отдалением их от первоначальной территории распространения культуры. Основной предпосылкой аллохронического характера распространения населения поморской культуры в южной Польше может быть тот факт, что в поясе южных возвышенностей оно всегда обходило районы расположенные выше 300 м. над уровнем моря (рис. 1). Экологическим барьером и границей экспансии является порог Карпатской Возвышенности. Со всем другая ситуация характерна для лужиц-

ным образом жизни и хозяйства, что позволило лучше приспособиться к условиям ухудшающегося климата. Чертами поморской культуры, способствующими эксплуатации окружающей среды при похолодании и увлажнении являются: дробление общественной структуры, переселение на более сухие и возвышенные территории, а также увеличение роли скотоводства в хозяйстве [7, с. 175-177; 8, с. 62-63; 6, с. 716; 4, с. 495-497]. Предметом дискуссии является вопрос, может ли появление этих новых культурных черт за пределами Поморья, (во время кризиса хозяйственной системы лужицкой культуры), быть результатом миграции части населения из Поморья к югу и юго-востоку, или итогом перемен происходящих внутри обществ лужицкой культуры (теория «распространения идей»). В последнее время миграционные теории в археологии подвергаются критике, что является главной причиной большой популярности второй гипотезы.

Анализируя вновь роль палеоклиматического фактора в генезисе и экспансии поморской культуры необходимо обратить внимание на ряд

кой культуре, носители которой заселяли как карпатскую зону, так и высоко расположенные районы южных возвышенностей, особенно в гальштатскую эпоху. В карпатских котловинах население лужицкой культуры проживало до начала латенского периода (IV в до н.э.), что синхронно с появлением поморской культуры в южной Польше. Если бы «поморская» экспансия была только результатом культурных перемен в пределах лужицкой культуры, то не произошло бы изменение предпочтений размещения поселенческих комплексов. Такой естественный барьер был существенным для пришлого населения поморской культуры, которое свою хозяйственную стратегию сформировало на низменности.

Ситуация наблюдаемая в южной Польше не согласуется с распространенным до сих пор мнением, что население поморской культуры использовало выше расположенные районы, менее подвергнутые увлажнению в условиях субатлантического климата. Следует подчеркнуть, что эта точка зрения сформировалась на основе материалов могильников, доминирующих в материалах поморской культуры. Современные исследования поселенческих комплексов позволяют отметить, что микрорегиональные поселенческие структуры были очень близки на всей территории поморской культуры, что является еще одним аргументом в пользу миграции. Поселения очень часто располагались в пойменных равнинах и на их границах.

Несмотря на то, что «миграционные теории» не всегда популярны в современной археологии, но они подтверждаются новыми результатами типологического изучения. Данные с поселенческих комплексов являются наиболее убедительными, чем принадлежность к определенным типам материальной культуры.

Abstract

Pomeranian culture (PC) is the phenomena which extension embraced a large area of the Central European Lowland, reaching uplands as well, up to the border of the Carpathian Foreland (Fig. 1). Its arising took place in Pomerania and can be dated to the IX-VIII century BC, while end in the south-eastern peripheries in the III century BC. For most of the polish archaeologist's questions of genesis and expansion of the PC is strongly linked with the climatic change at the turn of the Subboreal and Subatlantic periods. As a revisited PC chronology has shown, only the expansion of PC may be caused (at least partially) by climatic issue, while arising of the culture in question was a bit earlier and might be connected with some events of cultural/political character. There are two theories concerning the nature of PC expansion: 1) migrations of the populations from Pomerania; 2) cultural transformation of the Lusatian culture, which was to adopted cultural standards elaborated previously in Pomerania. It is interesting that PC communities, after its arriving to southern Poland, has always avoid the terrain located over 300 m a.s.l. (Fig. 1). It leads to a conclusion that they realized cultural model typical for lowlands and were not able to transform it after confrontation with other geosystem. It is a strong argument for the «migration theses».

Библиографический список

1. **Никитина В.Б.** Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине // Советская Археология 1965, № 1, - С. 194-205.
2. **Burroughs W.J.** Climate Change in Prehistory. The End of the Reign of Chaos, Cambridge, 2005.
3. **Czopek S.** Czy (pra-) historia lubi się powtarzać? Uwagi o znaczeniu i interpretacji kultury pomorskiej // Aktualne problemy kultury pomorskiej, Gdańsk, 2005. - С. 223-230.
4. **Chochorowski J.** Społeczności epoki brązu i wczesnej epoki żelaza // Wielka historia świata, т. 2, Stary i Nowy Świat od „rewolucji” neolitycznej do podbojów Aleksandra Wielkiego, Kraków, 2005.- С. 377-499.
5. **Kalicki T.** Zapis zmian klimatu oraz działalności człowieka i ich rola w holocenijskiej ewolucji dolin środkowoeuropejskich, Prace Geograficzne 204, Warszawa, 2006.
6. **Malinowski T.** Kultura pomorska //Pradzieje ziem polskich, Т. 2, ч. 2, Warszawa-Łódź, 1989. - С. 716-75.
7. **Ostoja-Zagórski J.** Przemiany osadnicze, demograficzne i gospodarcze w okresie halsztackim na Pomorzu, Wrocław, 1982.
8. **Ostoja-Zagórski J.,** Człowiek i środowisko przyrodnicze w epoce brązu (na przykładzie Wielkopolski), //Zmiany środowiska geograficznego w dobie gospodarki rolno-hodowlanej, Katowice, 2004. - С. 59-66.
9. **Podgórski J.T.** Fazy cmentarzysk kultury łужицkiej i pomorskiej na Pomorzu Wschodnim //Ziemie polskie we wczesnej epoce żelaza i ich powiązania z innymi terenami, Rzeszów, 1992. - С. 199-214.
10. **Starkel L.** Klimatyczne czy antropogeniczne przyspieszenie obiegu wody i materii w ostatnich tysiącach na obszarze Polski //Zmiany środowiska geograficznego w dobie gospodarki rolno-hodowlanej. Katowice, 2004. - С. 29-36.

Научный руководитель: Профессор Ян Хохоровский.

ОБ ОДНОЙ РЕДКОЙ ГРУППЕ БРОНЗОВЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ В СТЕПЯХ ЕВРАЗИИ

В эпоху раннего железного века на обширных степных пространствах Евразии появляется необычная и редкая группа бронзовых наконечников стрел. В научной литературе они получили различные названия: «наконечники с лапками», «лопастной» [19, с. 95-97; 21, с. 72-77] или «дольчатой» втулкой [2, с. 29; 3, с. 75-76] и др. Это было вызвано очень необычным обликом подобных наконечников стрел, которые имели втулку, разделенную продольными вырезами на две или три отдельные лопасти, или же от основания внутренней втулки отходили шипы-отростки.

Впервые в отдельную группу их выделил Ю.С. Худяков, анализирувший вооружение населения Синьцзяна в эпоху поздней бронзы и раннего железа [28, с. 12-13]. Немного позднее К.В. Чугунов, классифицируя бронзовые наконечники Тувы скифского времени, предложил для рассматриваемой группы термин «зажимные» наконечники стрел, что, на мой взгляд, наиболее точно отражает их функциональные особенности, нежели термины, предложенные ранее другими исследователями [30, с. 217, 220-221]. Действительно деревянное древко зажималось двумя или тремя выступами и наконечник стрелы, таким образом, надежно фиксировался.

De facto «зажимные» наконечники по способу и форме насада на древко стрелы занимают промежуточное положение между черешковыми и втульчатыми наконечниками, потому как они сочетают элементы обеих традиционных групп. Это и послужило критерием для их выделения в особый отдел. К настоящему моменту известно около пяти десятков «зажимных» стрел на огромном пространстве от Южного Приуралья до Тувы, которые дают два близких варианта: 1) с двумя выступами-зажимами 2) с тремя выступами-зажимами.

Практически все наконечники, относящиеся к первому типу, имеют треугольную трехлопастную головку. Исключение составляет наконечник из памирского могильника Андемин I, у него трехгранная головка, переходящая в лопасти в нижней части и очень длинные выступы-зажимы (Рис. 1. 2). Б.А. Литвинский считает, что он относится к V-IV в.в. до н.э. [21, с. 72-73, табл. 20. 23].

Итак, ареал зажимных наконечников первого типа ограничивается Памиром, Алаем, Ферганской долиной, юго-западным Таджикистаном и северо-восточным Афганистаном (Бактрия), Хорезмом и Южным Приуральем. Но в последних двух районах они составляют единичные находки.

Территория распространения бронзовых зажимных наконечников стрел второго типа была очень обширной – в пределах Южного Приуралья, Центрального Казахстана, Семиречья, Тянь-Шаня, Памира, Синьцзяна, Алтая и Тувы.

Типологически они более разнообразны, нежели стрелы первого типа

Таким образом, оба типа зажимных стрел достаточно близки, единственное их отличие состоит только в количестве зажимов. Впрочем, каждый тип имеет достаточно самостоятельный ареал распространения, которые накладываются друг на друга только в двух точках – в Южном Приуралье и на

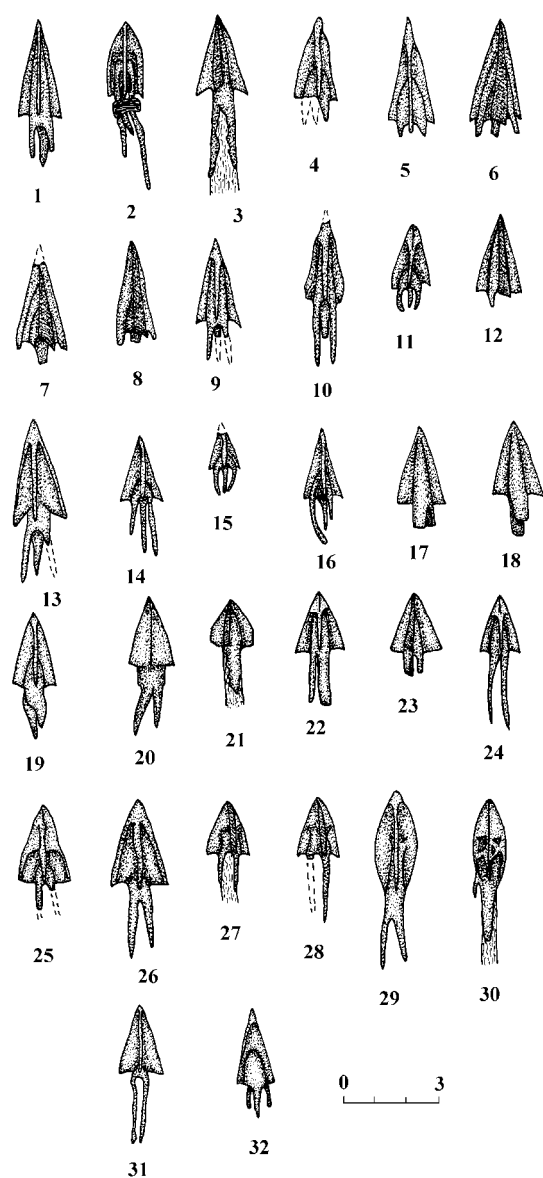

Рис. 1. Бронзовые зажимные наконечники стрел. 1-3, 10, 21 – Памир, 4-8 – Бактрия, 9 – Алай, 11-12, 14-16 – Фергана, 17-19 – долина р. Или (Синьцзян), 20 – китайская часть Алтая, 22-23 – Центральный Казахстан, 24 – Лесостепной Алтай, 25 – Восточное Приуралье, 13, 26 – Южное Приуралье, 27-30 – Тува, 31 – Тянь-Шань, 32 – Хорезм.

Памире. Что может только лишний раз свидетельствовать об их синхронном существовании в степях Евразии.

Вероятно, оба типа имеют общее происхождение. Известно, что самые ранние наконечники с двулопастной головкой и двумя зажимами появляются в западной части Синцзяна. Видимо, эти наконечники и можно считать прототипами все группы зажимных стрел, а верховья реки Или – местом их первоначального бытования.

Установив место генезиса всей группы зажимных стрел и время их существования, можно наметить основные пути их распространения в евразийских степях эпоху раннего железа. Как упоминалось выше, самые ранние прототипы из верховьев Или в Синцзяне относятся к VII-VI в.в. до н.э. И уже оттуда зажимные наконечники второго типа попадают в Туву, откуда известны ранние образцы с трехлопастной листовидной головкой (возможно, это могло случиться, как упоминалось выше и несколько раньше – на рубеже VII и VI в.в. до н.э.), и, вероятно одновременно – в Горный и Лесостепной Алтай. В то же время – в середине и первой половине VI в. до н.э. зажимные наконечники второго типа проникают на территорию Тянь-Шаня и дают начало зажимным наконечникам с тремя зажимами, более всего характерным для Ферганы, Алая и Памира. Уже отсюда в конце VI-V в.в. до н.э. единичные зажимные наконечники стрел первого типа попадают в Хорезм. Ранним временем – второй половиной VI-началом V в.в. до н.э. – датируется появление стрел с двумя зажимами в Центральном Казахстане. А в начале V в. до н.э. зажимные стрелы обоих типов известны, правда, также в единичных экземплярах в Южном Приуралье. Вероятно, в V-IV в.в. до н.э. стрелы с тремя зажимами под влиянием саков Памиро-Алая проникают на территорию Бактрии [31, с.48]. Исчезают зажимные наконечники обоих выделенных типов к концу III в.в. до н.э.

Библиографический список

1. Акишев К.А., Кушаев Г.А., Культура саков и усуней долины реки Или, Алма-Ата, 1963
2. Бабаев А.Д., Археологические разведки на Памире в 1961г. // Труды Тадж.ССР, т. XLII, Душанбе, 1964
3. Бабаев А.Д., К истории вооружения населения Западного Памира // Материальная культура Таджикистана, вып. 3, Душанбе, 1978
4. Бернштам А.Н., Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА, 26, М.-Л., 1952
5. Вишневская О.А., Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII-V в.в. до н.э. по материалам Уйгарака, М., 1973
6. Вишневская О.А., Итина М.А., Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии, М., 1971
7. Горбунова Н.Г., Культура Ферганы в эпоху раннего железа // АСГЭ, вып. 5, Л., 1962
8. Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г., Актамский могалник // КСИИМК, вып. 69, 1957
9. Горелик М.В., Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства, М., 1987
10. Горелик М.В., Оружие Древнего Востока. IV тыс.- IV в. до н.э., М., 1993
11. Грач А.Д., Древние кочевники в Центре Азии, М., 1980
12. Заднепровский Ю.А., Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА, 118, М.-Л., 1962
13. Заднепровский Ю.А., Погребальные памятники эйлатанской культуры Ферганы // КСИА, 199, 1990
14. Иванов Г.Е., Вооружение племен Лесостепного Алтая раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии, Новосибирск, 1987
15. Кадырбаев М.К., Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура центрального Казахстана, Алма-Ата, 1966
16. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам, Алма-Ата, 1976
17. Кой-Крылган-Кала – памятник культуры Древнего Хорезма. IV в. до н.э. – IV в. н.э., М., 1967
18. Кулемзин А.М., Тагарские бронзовые наконечники стрел // Южная сибирь в скифо-сарматскую эпоху, Кемерово, 1976
19. Литвинский Б.А., Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время // Материальная культура Таджикистана, вып. 1, 1968
20. Литвинский Б.А., Древние кочевники “крыши мира”, М., 1972
21. Литвинский Б.А., Храм Окса в Бактрии, т. 2, Бактрийское вооружение в ближневосточном и греческом контексте, М., 2001
22. Медведская И.Н., Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии // Советская археология, № 3, 1972
23. Мокрынин В.П. Курганы сакского времени в урочище Карабулун // Археологические открытия 1981г., М., 1983
24. Салтовская Е.Д., Некоторые новые материалы о “ферганских кочевниках” // Успехи среднеазиатской археологии, вып. 3, 1975
25. Смирнов К.Ф., Вооружение савроматов, М., 1961
26. Смирнов К.Ф., Савроматы, М., 1964
27. Ташбаева К.И., Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая, канд. дисс., Л.
28. Худяков Ю.С., Вооружение кочевников Восточного Туркестана в бронзовом и раннем железном веках // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии, Кемерово, 1995.
29. Членова Н.Л., Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры, М., 1967
30. Чугунов К.В., Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура, СПб, 2000
31. Ягодин В.Н., Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии // Древняя Бактрия, вып.3, М., 1984

К.и.н. Табалдиев К.Ш.

КУЛЬТУРЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЛЯОСИ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ДУНБЭ

Характерная дунбэйская культура бронзы возникает в Ляоси, а оттуда распространяется на восток, накладываясь на местный неолитический субстрат, вероятно, палеоазиатский. В район Ляоси включаются низовья Ляохэ, где была распространена культура гаотайшань, первая культура триподов в регионе.

Бронзовые изделия появляются в Ляонине ок. 2000–1500 гг. до н.э. под влиянием бронзы Китая и Центральной Азии и распространяются с запада на восток.

Культура нижнего слоя Сяцзядянь, развившаяся на основе местного неолита, датируется XXI–XIV вв. до н.э. Определить ее этническую принадлежность затруднительно ввиду отсутствия достоверных письменных источников. На поздних этапах она испытывает иньское и чжоуское влияние. Преемственность с культурой нижнего Сяцзядянь прослеживается в культуре вэйинцзы на юге Ляоси [5, с. 109–111]. Вместе с тем в данной культуре отмечено иньское влияние, поэтому её относят к владениям позднешанской эпохи (Гучжу и др.). Они распространились на район Далинхэ после гибели Инь, существовали в период Западного Чжоу, а затем участвовали в образовании княжества Янь. Некоторые исследователи рассматривают вэйинцзы как переходный этап от нижнего к верхнему Сяцзядянь.

Культуры переходного времени от бронзы к железу для Ляонина и прилегающих территорий объединяются в культурную общность ляонинских (криволезвийных) кинжалов. В её составе выделяются культура верхнего слоя Сяцзядянь в Ляоси, культура Мисонни в Ляодуне, культура ситуаншань в Гирине и культура бронзы Корейского п-ва. Эта общность образовалась в нач. I тыс. до н.э.

Цзинь Фэнби разделил ляонинскую культуру бронзы на ляодунскую и ляосискую, выделив в последней типы дадин, наньшаньгэнь и шиэртаинцзы. Ляоси, по его мнению, населяли *дунху*, а Ляодун – *дуньи*. Эти взгляды разделяет большинство японских учёных. Северокорейские исследователи выделяют два культурных типа: наньшаньгэнь и шиэртаинцзы. Их носителями считают племена *мэк*, которые связываются с *дунху*. Ветвями *мэк* считаются *пуё* и *когурё* (шиэртаинцзы) и собственно *дунху* (наньшаньгэнь). Культура бронзы Ляодуна связывается с Древним Чосоном. Южнокорейские исследователи выделяют в бассейнах Шарамурэна и Лаохахэ сосуществовавшие культуры ляонинских кинжалов и кинжалов с трубчатыми рукоятями. В бассейне Далинхэ выделяется культура бронзовых зеркал с геометрическим орнаментом.

Считается, что культура вэйинцзы отступала на юг под давлением продвигавшихся из районов к северу от Шарамурэна носителей культуры верхнего слоя Сяцзядянь (с XI в. до н.э.). К VIII–VII вв. до н.э. они достигают гор Яншань, вытеснив носителей культур нижнего Сяцзядянь и вэйгунцзы. Возможен и другой путь: с востока, из ареала культуры гаотайшань (сер. II тыс. до н.э. [5, с. 102]). Эти культуры объединяет сходство керамического комплекса и бронзового оружия (проушные топоры, ножи с фигурным навершием). Поэтому культура гаотайшань иногда рассматривается как ранний этап общности скрипковидных (ляонинских) кинжалов, хотя такие кинжалы не встречаются на её памятниках, с чем связаны гипотезы о происхождении Древнего Чосона из Ляоси.

В эпоху Чуньцю применительно к Ляоси упоминаются племена *хумо* (*хамэк*), включавших обитавших на юго-западе *можэнь* (*мэк-ин*), которых считают частью *дунху* либо *шаньжунюв*.

Поскольку *мэк* жили помимо Ляодуна и в Ляоси, Чосон Киджа иногда помещают в бассейне Далинхэ. Но в китайских летописях эта территория не связывается с Чосоном, а среди населения не упоминаются *шаньжунюв*. Сведения о Чосоне появляются с VII в. до н.э., когда Янь разгромило *жунюв* и вышло к его границам. *Шаньжунюв* встречаются в источниках в X–V вв. до н.э., после упоминаются только *дунху*. Этому есть два объяснения: 1) *шаньжунюв* и *дунху* – разные названия одного объединения; 2) *шаньжунюв* были разгромлены Янь, а остатки поглощены *дунху*. Некоторые учёные считают носителями культуры верхнего Сяцзядянь *шаньжунюв*, другие – *дунху*. По этой версии *шаньжунюв* обитали в районе Пекина, а в бассейнах Далинхэ и Шарамурэна концентрировались *дунху*.

Население западного Ляонина в V–III вв. до н.э. относят к *дунху*. Сон Хочжон считает, что первоначально *дунху* были одним из шаньжунских племён, впоследствии возглавивших объединение племён Ляоси. Носителями культуры верхнего Сяцзядянь в XI–VI вв. до н.э. он считает *шаньжунюв*; *дунху* и *шаньжунюв* – наименования одной этнополитической группы, но в разное время. Сон Хочжон полагает, что памятники северного Хэбэя оставлены другими жунскими (не шаньжунскими) племенами, проникавшими из Ордоса и Барги в эпоху Чуньцю. Наличие вещей, сходных с изделиями из бассейна Лаохахэ, объясняется тем, что оба региона подвергались влиянию из Внутренней Монголии [5, с. 87–90].

По другой версии культура верхнего Сяцзядянь связывается с предками монголов *дунху* на всём протяжении. Такого мнения придерживаются ряд китайских (Цзинь Фэнби) и российских (С.А. Комиссаров, Б.Б. Даши-

балов) специалистов. Цзинь Фэньи отметил, что упоминания *дунху* в «Ши цзи» относятся не только к периоду Чжаньго, но и к Чуньцю.

Для этой культуры характерны осёдлость, жилища в виде землянок и полуземлянок, прососеяние и разведении свиней, лошадей, КРС. Характерной чертой керамического комплекса является наличие триподов. Ещё А.П. Окладников отмечал связь культур Забайкалья и Северного Китая через наличие в них триподов с вымяобразными ножками (типа *ли*). Э.А. Новгородова установила зону их распространения, включающую Забайкалье, Восточную и Внутреннюю Монголию, бассейн Хуанхэ и Дунбэй [2, с. 32]. В Ляодуне и на крайнем северо-западе Кореи их находят в составе культуры гаотайшань и т. н. керамики Мисонни. Отмечалось сходство ряда изделий с памятников дворцового типа Забайкалья, культуры верхнего слоя Сяцзядянь и находок с территории Монголии [3, с. 86]. Другой общей чертой для данного региона являются погребения в каменных ящиках и мегалитические сооружения.

В.С. Стариков выделил особый монголо-манчжуро-корейский центр раннего земледелия, а Б.Б. Дашибалов – соответствующий центр этногенеза. Р.Ш. Джарылгасинова отмечала наличие северного алтайского компонента в составе древних корейцев. Рядом исследователей этот элемент связывается с этнонимом *корё*, *кори*, этимология которого отождествляется с этнонимом древних монголов *хор*. Эта этническая группа связывается как с формированием государства Когурё, так и с племенным объединением *пуё* на территории Гирина. По поводу этнической принадлежности последнего существуют «монгольская» и «корейская» теории [2, с. 47–48]. По данным письменных источников Пуё образовалось в результате завоевания племени *е* пришельцами с севера (по мнению Ли Чжирина – с запада), из местности, которую называют Корирук. Когурёсцы считаются обособившейся ветвью пуёских племён. В то же время они отождествляются с большереченскими *мэк* в отличие от малореченских *мэк* Ляонина [1, с. 111]. Кан Инсук и Ли Чжирин связывают *мэк* с *дунху* китайских источников. По их мнению, *дунху* – часть *мэк*, не вошедшая в Древний Чосон; по крайней мере, *мэк* составляли часть этого объединения. Территорией их проживания являлись степи в верховьях Ляохэ, которые следует отождествить с Корирук, а также с землями к северу от Пуё, из которых пришли когурёсцы. Согласно этой теории, когурёсцы изначально были группой кочевого населения общего происхождения с пуёсцами, но пришедшими не из Пуё, а из их первоначальной родины Корирук. Миграция когурёсцев могла быть связана с яньской экспансией III в. до н.э. [1, с. 118–121].

Однако проникновение алтаеязычного населения в Ляодун и Корею могло иметь более ранние корни. Этот процесс связывают с наступлением бронзового века и распространением культуры скрипковидных кинжалов и дольменов [4, с. 40]. Очевидно, миграции алтаеязычных народов происходили на протяжении бронзового и раннего железного веков волнами, перекрывавшими друг друга. Так, населявшие Сев. Корею и часть Маньчжурии до прихода *мэк* племена *е* считаются родственными *мэк*, следовательно, относящимися к той же языковой группе.

Несмотря на степное и китайское влияние, регион юго-восточной Маньчжурии и Кореи в тот период сохраняет свою культурную специфику. Там сохранялся местный субстрат, в результате взаимодействия с которым пришлых алтаеязычных элементов складывалась протокорейская культура.

Работа выполнена по проекту РФФИ 06-06-80192 и проекту Рособразования РНП 2.2.1.1.2183

Библиографический список

1. Бутин Ю.М. Корея: от Чосона к Трёх государствам. Новосибирск, 1987.
2. Дашибалов Б.Б. На монгольско-тюркском пограничье. Улан-Удэ, 2005.
3. Комиссаров С.А. Комплекс вооружения Древнего Китая: эпоха поздней бронзы. Новосибирск, 1988.
4. Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка. М., 2000.
5. Сон Хочжон. Хангук кодэса согый Кочосонса [Древняя история Кореи: История Древнего Чосона]. Сеул, 2003.

Научный руководитель – доц. С.А. Комиссаров

А. С. Кравцова

Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 3 курс

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТОЛЬТЕКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ранний постклассический период доколумбовской Мезоамерики, время господства Тольтеков, выделен в хронологические рамки, определенные 900 - 1200 гг. н.э. Это было время великих миграций. Маленькие агрес-

сивно настроенные государства объединялись в процессе завоеваний и с таким же успехом раскалывались. Главенствующую роль в государстве приобрел класс профессиональных воинов, аппарат организованной армии.

Выделим первую проблему в изучении вышеобозначенной культуры: определение и содержание понятия «Тольтеки».

Впервые это слово на языке науатль встречается в хрониках и старинных рукописях. Слово «Тольтеки» имеет множество значений и используется в различных культурных, этнических и географических контекстах. В течение 150 лет историки, археологи и искусствоведы использовали термин «Тольтек», чтобы описать или классифицировать определенные археологические памятники и доколониальные художественные стили [4; с.759].

Таким образом, будет целесообразным сразу оговориться: говоря о «Тольтекской культуре», мы подразумеваем народы и культурные процессы, которые сформировали основную часть Раннего Постклассического государства, сосредоточенного в древнем городе Толлане, на территории современного штата Идалго.

Обозначим вторую проблему: откуда произошли тольтекские племена? Вопрос, являющийся предметом споров и дискуссий. Кто-то называет их «воинственными голодными варварами», кто-то видит в них светоч индейской культуры. Известно, что они представляли из себя своеобразную смесь чичимекских племен и более развитых групп из Пуэблы и с побережья Мексиканского залива, являлись представителями языковой группы науатль [1].

Постклассический период характеризуется чрезвычайно нестабильным положением, в связи с набегами варваров с севера – чичимек (Chichimec). Переселение этих народов началось с вторжения на центральное плато в конце XII века. По некоторым данным Тольтеки также являлись пришлыми чичимеками, явившимися с северо-запада, со стороны нынешних мексиканских штатов Халиско и Сакатекас. В ходе своих перемещений они шли двумя путями: по восточным склонам Западной Сьерра-Медре в юго-западном направлении и по западной цепи к Калифорнийскому заливу [1].

Первым вождем Тольтеков принято считать Мишкоатля (Mixcoatl), по различным версиям его же звали Тотепеу, Масацин и Мишкоасацин), чье имя в переводе означало «Облачный Змей» или Млечный Путь. Вторым правителем Тольтеков был сын Мишкоатля и Чимальман – Се Акатль (Один Тростник) Топильцин (Принц) Кетцалькоатль (Пернатый Змей). Путем ожесточенной политической борьбы он заполучил власть в Кулуакане, первой столице Тольтеков. В литературе получил описание белокожего человека с длинными волосами и черной бородой. В 980 году основал Тулу Шикокотитлан, которая вскоре становится центром тольтекского мира и объединяет под своим влиянием несколько соседствующих племен и старейших городов (Куаучинанко, Куаунауак, Куаупан, Уастенек). Город очень быстро приобретает влияние в Долине Мексики, развивается невиданными темпами. Возникает военно-религиозное искусство, образцом которого можно считать храм Тлауискальпантекутли («Владыки рассвета»), Венеры. Он представлял из себя пирамиду с тремя длинными рядами строгих колонн, соединенных резными перекрытиями, между которыми в специальной нише горел огонь. [3; с.284]

В духе времени, народ Тольтеков принял в себя множество племенных элементов. Один из наиболее значительных имел название Тольтеки-Чичимеки (Tolteca-Chichimeca). Другая называлась Ноноалки (Nonoalca) и, согласно мнению некоторых исследователей, являясь классом скульпторов и ремесленников от древних цивилизаций Пуэблы и побережья Мексиканского залива, была предназначена для строительства памятников Тулы. Тольтеки-Чичимеки были, вероятно, первоначальными носителями языка науатль, и основателями государства Тольтеков. [2; с. 418]

Однако в результате религиозного конфликта Топильцин со своими сторонниками был изгнан из Тулы и бежал на побережье Мексиканского залива, пересекая ущелье между вулканами Истасиуатль (Iztaccihuatl) и Попокатепетль (Popocatepetl). Существует вероятность того, что беглецы перебрались на Юкатан, где в 987 г. источниками майя зафиксировано вторжение иноземцев под руководством Кукулькана (Kukulcan, Кецалькоатль на языке юкатекских майя). Археологические исследования доказывают, что в это время в городе Чичен-Ица (Chichen Itza) утвердилось тольтекское государство, установившее контроль над Юкатаном в течение 200 лет.

Тем временем государство тольтеков было основательно подорвано внутренними распрями – и Тула была разрушена в 1168 г. новой волной варваров с севера, после чего Тольтеки ассимилировались по всей территории Мексики. [3; с.281]

Третьей проблемой исследования данной культуры можно назвать вопрос об ее политическом, экономическом и культурном влиянии на прилегающие области Центральной Америки.

В течение Раннего Постклассического периода культурное влияние Тулы простиралось по территории, значительно превышающей размеры ее империи. После падения Теотихуакана в VII или VIII столетии н.э., Тула явилась первым государством, объединившим обширные области Мексики и Центральной Америки в новую культурную систему. Основания для подобного заявления можно видеть по крайней мере по четырем процессам: (1) распространение Тольтекских поселений и языка науатль; (2) королевские династии Мексики и Центральной Америки мечтали о Тольтекском происхождении; (3) консолидация большой системы торговых путей, преимущественно сосредоточенных на Туле и простиравшихся от Коста-Рики до существующих государств Нью-Мексико и Аризоны; и (4) важные изменения в религии и идеологии многих народов Мезоамерики, вклю-

чая введение фигуры человека-бога Кецаткоатля в мифологию основных народов Центральной Мексики, п-ова Юкатан, нагорья Гватемалы и некоторых других областей. [4; с.780] На основании археологических исследований и местных хроник, можно предположить, что Тула довлела над большей частью Центральной Мексики, наряду с некоторыми важными зонами в Бахио (Bajío), Побережья Залива, п-ова Юкатан, а также, возможно, Соконуско (Soconusco) на Тихоокеанском побережье Чиапаса (Chiapas) и Гватемалы. Например, в области Уастека (Huasteca) названия многих ключевых центров звучали на языке науатль. Некоторые ранние участки Постклассика науатль-группы Пипилес (Pipiles), что заняла обширные области на Тихоокеанском побережье Центральной Америки в течение XVI столетия, имеют очень много подобий с Тольтекской культурой в рамках архитектуры, скульптуры, керамики, статуэток и т.д. Южный район Байджо использовался государством Тольтеков для добычи обсидиана. На первых порах расширения Тулы (IX-X вв.) шахты в Юкарео, Мичоакан (Ucareo, Michoacan) были главным источником инструментов из обсидиана. [4; с.760]

Следующая проблема актуальна исключительно для российских исследователей – это фактическое отсутствие научной литературы по данной тематике на русском языке. Ключевые исследователи: Jimenez Moreno (1941), Acosta (1956-1957), Kirchhoff (1976), Nicholson (1957), Davies (1977), Diehl (1983), и Healan (1989) [4; с.759].

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного материала, специалистам по этой культуре прежде всего необходимо разобраться с такими проблемами, как:

1. Понятие и содержание названия «Тольтеки».
2. Происхождение Тольтеков.
3. Влияние Тольтекской культуры на Центральную Америку.
4. Развитие исследований и перевод литературы на другие языки мира.

Библиографический список

1. Coe M.D. Mexico. – N.Y., 1994.
2. Evans S.T. Ancient Mexico & Central America *Archeology and Culture History*. – Thames&Hudson Ltd., London, 2004.
3. Diehl R.A. Tula // Supplement to the Handbook of Middle American Indians. Volume One. - p.277-295
4. Evans S.T., Webster D.L. Archaeology of Ancient Mexico and Central America an Encyclopedia. – Garland Publishing Inc., N.-Y. & London, 2001.

Научный руководитель - д.и.н. А.В. Табарев

А. А. Кубан

Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 5 курс

ИЗУЧЕНИЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ НЕМЕЦКИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ XX ВЕКА

Жилище – один из важнейших элементов материальной культуры. В традиционных культурах жилище является не только материальным объектом, но и важным символом культуры духовной. Соответственно, большое внимание уделялось и уделяется обрядовой практике, ритуалам, сопровождающим практически все этапы существования жилища. Одним из центральных обрядов, сопровождавших строительство, была строительная жертва.

Жертвоприношения при закладке здания (собственно, строительные жертвы) широко известны в мировой археологической науке. Археологические факты, в свою очередь, подтверждаются многочисленными этнографическими и фольклорными данными. Между тем, эта тема ещё не исследована в должной мере, поскольку является проблемой многоаспектной. В частности, практически не рассматривалась семантика строительных жертв, не разработана их типология. Ко всему прочему, данная тема – своего рода научная монополия европейских, а если точнее, немецких исследователей, тогда как в отечественной науке, к сожалению, нет более-менее обстоятельных работ по проблеме (исключение составляют, пожалуй, статья Д. К. Зеленина [2], глава монографии А. К. Байбурина [1, с. 55-67] и статья А. А. Формозова [3.]). В связи с этим, целью данной работы является рассмотрение основных точек зрения немецких учёных на строительную жертву.

Одним из первых исследователей строительных жертвоприношений по праву считается Пауль Сартори, чьи работы давно считаются библиографическим раритетом. Он писал в 1911 году: «В старые времена, так же

и в Германии, при постройке жилых домов, зарывали в землю или замуровывали в стены людей, и именно детей — или в качестве жертвы примирения, или же для того, чтобы получить активного духа-защитника новому зданию». Еще ранее аналогичное же объяснение высказывали Эд. Тэйлор в 1871 г., Феликс Либрехт в 1879 г., Фридрих Панцер в 1855 г. и др. «Замурованные люди приносятся в жертву, чтобы постройка стала прочною и неприступною...» [2, с. 156]. Сартори не поясняет, в каких именно случаях применялась жертва-оберег, а в каких — «жертва примирения» (вопрос этот не разрешён и в наше время).

В XX веке (особенно во второй половине) немецкими археологами была проведена большая работа по изучению строительных жертвоприношений, и как результат: огромное количество публикаций по проблеме (можно назвать, например, работы таких авторов, как К. Kersten [7], D. Wolfgang [9], Н. Hayen [6] и др.), но формат данной статьи не позволяет осветить даже малую часть их, поэтому мы считаем целесообразным остановиться на наиболее показательных и фундаментальных исследованиях. Выбор конкретных авторов обусловлен полнотой описания проблемы строительных жертв: в данном случае нас интересуют цели строительных жертвоприношений и их типы.

Эти два аспекта рассматривает Вильгельм Ессе в своей монографии «Строительная жертва и жертва мертвецам» (1930 г.). Но, в отличие от Сартори, который касался проблемы функций строительной жертвы вскользь, Ессе исходит из принципа множественности представлений, лежащих в её основе. Строительная жертва в узком смысле — это приношение духам земли с целью примирения с ними по поводу повреждения строителями земли. В широком смысле он подразделяет её цели на три группы: приобретение духа-охранителя для постройки, «апотропеическая чара против враждебных надземных сил» и, наконец, жертва как вид симпатической магии (приношение предметов, сила и позитивное действие которых переходит на дом и людей). Две последние функции обеспечивались приношением в жертву каких-нибудь предметов, фигурок, вероятно, сосудов с пищей [2, с. 157-158].

Очень важной и интересной публикацией является статья Торстена Капелле «Строительные жертвы железного века» [5]. Автор рассматривает строительные жертвы в их историческом развитии и отмечает сложность исследования проблемы и самого термина «bauopfer» (строительные жертвы).

Жертвы при закладке фундамента приносились не только во время строительства домов, но и при строительстве насыпей и дорог [5, с. 184]. Исследуя хронологический период от последних веков до нашей эры до позднего средневековья, автор пишет о параллельном существовании человеческих строительных жертвоприношений и приношений животных, сосудов и т. д. На основании этого он делает попытку систематизировать археологический материал и выработать типологию строительных жертв. В конце статьи даётся типологическая таблица, где критериями внутренней дифференциации жертвоприношений являются место погребения и жертвенный материал [5, с. 204-205]. Собственно, опираясь на эти критерии, он судит о семантике строительных жертвоприношений, разделяя её на три группы:

- 1) охрана жилища и людей (захоронения собак под порогами, перед входом в дом),
- 2) обеспечение благополучия (захоронения домашних животных, очень часто коров и свиней, под печью в центре дома),
- 3) обеспечение прочности жилища (захоронения под стенами, у опорных столбов детей и КРС).

Дальнейшие исследования, пишет Капелле, помогут более подробно рассмотреть эти вопросы [5, с. 204]. Схожие положения с учётом новых находок высказываются в коллективной работе Р. Буша, Т. Капелле, Ф. Лаукса [4, с. 207-212].

Из остальных работ можно выделить также монографию М. Ринда «Menschenopfer: vom Kult der Grausamkeit» [8]. Основную цель строительной жертвы автор видит в обеспечении благополучия строящегося здания, хотя отмечает такой факт: в Китае замуровывали в стену убийцу своих родителей, т. е. здесь строительная жертва — вид наказания [8, с. 34]. Жертвоприношения при закладке здания базируются на связи души человека и сооружения. Критерием типологизации строительных жертв у Ринда является жертвенный материал (т. е. автор, по сути, игнорирует значимость такого критерия как место захоронения). Он разделяет жертвы на человеческую, животную, растительную, предметную (диапазон этого типа от куриных яиц до символических знаков и фигурок) [8, с. 34].

Таким образом, единого мнения по поводу целей, смысловой нагрузки строительных жертв и их типологии у немецких исследователей не существует. Множество версий обусловлено недостаточной изученностью проблемы, отсутствием общих методологических работ по ней. Наиболее существенными представляются гипотезы, трактующие жертвоприношения при закладке зданий как жертвы искупления и жертвы-обереги. По всей видимости, целевые установки зависели от типа строительной жертвы и не представляли собой семантического монолита. Между тем, типология строительных жертв не разработана. Продуктивной, на наш взгляд, является типологизация их на основе таких критериев, как место захоронения и жертвенный материал. В целом, состояние разработанности данной проблемы позволяет говорить о том, что она актуальна для дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
2. Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов // Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1934-1954. М., 2000.
3. Формозов А. А. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла // СА, 1984, № 4. с. 238-241.
4. Busch R., Capelle T., Laux F. Opferplatz und Heiligtum Kult der Vorzeit in Norddeutschland. Wachholtz Verlag Neumunster. 2000.
5. Capelle T. Eisenzeitliche Bauopfer // Jahrbuch des Instituts für Frühmittelalterforschung der Universität Münster. 21. Band. 1987.
6. Hayen H. Holzerne Kultfiguren am Bohlenweg XLII (Ip) im Wittemoor // Die Kunde NF 22, 1971, S. 88-123.
7. Kersten K. Vorgeschichte der Kreise Herzogtum Lauenburg (Die vor- und frühgeschichtlichen Denkmäler und Funde Schleswig-Holsteins 2) Neumunster 1951.
8. Rind M. Menschenopfer: vom Kult der Grausamkeit. Regensburg: Univ.-Verl. Regensburg. 1996.
9. Wolfgang D. Die Ausgrabungen auf der Heuneburg beim Talhof (Donau) 1951/52. Germania 30, 1952.

Научный руководитель – к. и. н. доц. Новикова Ольга Ивановна

Е. В. Кудрявцева

Барнаул, Алтайский государственный университет, 1 курс магистратуры

ПРИМЕНЕНИЕ ДЖ. Н. ЛОКЬЕРОМ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ

В последнее время все большую популярность в науке приобретает междисциплинарный подход, который позволяет с разных сторон исследовать ту или иную научную проблему. В начале XX в. такой метод использовал при изучении древних памятников Джозеф Норман Локьер (1836-1920) – один из крупнейших английских астрономов своего времени. Долгое время Локьер был директором обсерватории физики Солнца, а также он основал журнал «Nature». Известность в астрономии ученый получил благодаря открытию спектроскопического метода, который позволял изучать солнечные протуберанцы в дневное время (до этого их можно было наблюдать только в момент полного затмения) [1, с. 2-3].

В 1890 г. Локьера заинтересовали проблемы, привлекавшие также и Ньютона, а именно: возможности астрономии в ее помощи исторической хронологии. После исследования египетских пирамид, он в 1894 г. опубликовал свою работу под названием «Заря астрономии», где достаточно подробно были отражены результаты его научной работы.

В данном исследовании Локьер привлекал такие области знаний как мифология, археология, филология, но наиболее подробно он изучил астрономическую сторону вопроса. В частности ученый указал на то, что египетские храмы были действительно ориентированы на восходы и заходы небесных тел в определенное время года [4, с. 19-29]. Например, храм Амон-Ра в Луксоре, «самые величественные развалины в мире», имеет основную ось, длиной около 500 ярдов, направленную на 26 градусов к северо-западу, на заход солнца во время летнего солнцестояния [1, с.12 - 15]

Следует отметить, что египетские храмы, по мнению ученого строились согласно следующей теории: в данных сооружениях солнечный свет или свет другого небесного тела, струился между двумя рядами тщательно обработанных колонн, установленных в постепенно сужающихся по площади залах [1, с. 26,30]. Локьер решил, что, это можно сравнить со светом, проходящим через постепенно сужающуюся диафрагму телескопа. Чем протяженнее ось храма, тем длиннее и уже луч света и тем большей точности в расчетах можно добиться. Чем темнее святилище, тем заметнее луч на последней стене. Пройдя через узкий коридор к особым образом ориентированному святилищу луч задержится там всего на пару минут. Интенсивность его будет сначала нарастать, а затем угасать, ее пик приходится на момент солнцестояния [1, 1894, с. 37].

Данный метод позволял, по мнению Локьера и других астрономов, египетским жрецам определять точно протяженность года. Таким образом, они считали год равным 365,2422 дня, т.е. практически с точностью до минуты. Подобным образом был построен храм Амона – Ра в Карнаке.

Кроме того, Дж. Н. Локьер принимая во внимания современную ориентацию постройки и смещение в угле наклона земной оси, вычислил дату сооружения храма – 3700 г. до н.э.[3, с.15]

Согласно теории ученого, храмы, ориентированные на солнце, представляли собой своего рода календарь, который работал на протяжении тысячи лет, т. к. угол наклона вращения Земли смещается не более, чем на один градусов за шесть–семь тысяч лет.

В свою очередь, другие храмы ориентировались на определенные звезды: либо на те, что восходили и заходили у северного или южного полюса ночью, поэтому их можно было использовать в качестве «часовых звезд» для указания времени, либо на те, что восходили «гелиактически», т. е. приблизительно за час до восхода солнца в день праздника, тем самым, предупреждая о приближении зари и «приводя в действие предварительные ритуалы» [4, с. 27].

Следует отметить, что когда сэр Норман Локьер начинал свою работу в Египте, он ничего не знал о существовании храмовых надписей, которые относились ко времени основания каждого храма. Впоследствии исследователь уделял им большое внимание, т. к. с их помощью он находил подтверждение собственным теориям. Например, Локьер подробно изучил рисунки на храме Хатор в Дендерахе. Данное сооружение, по мнению ученого, было ориентировано на созвездие Бедра – это древнее название Большой Медведицы. На тоже созвездие был ориентирован храм Эдфу. Также исследователь отметил, что этот храм являлся самым близким к меридиану в Египте [1, с 178–180].

Ученый в своих работах отметил также и то, что звездные храмы могли функционировать двести – триста лет, т. к. отставание звезд от Солнца достигает трех градусов за двести лет и вскоре становится весьма существенным [3, с. 14]. В связи с этим необходимо переориентировать храм или строить новый. По мнению Локьера, Луксор, например перестраивался четыре раза. Подобное астроном обнаружил и в Карнаке.

В научных кругах данную работу приняли по-разному. Ученого обвинили в подтасовке фактов и книга «Заря астрономии» выпала из поля зрения исследователей. Вновь она была издана лишь в 1964 г. Джорджи де Сантйяной в Массачусетском технологическом институте (США)[4, с. 34].

Также Локьер изучил Стоунхендж – известный в Европе памятник, который находится в Англии, графство Уилтшир. Надо отметить, что к началу XX в. были сделаны весьма значительные шаги в изучении британского памятника и уже не вызывал сомнения то, что Стоунхендж служил в качестве научных и религиозных целей для народов, проживающих на данной территории в древности. Именно эту связь науки и религии попытался исследовать Норман Локьер в начале XX в. Он определил, что камни Стоунхенджа указывали точно в направлении восхода Солнца в день летнего солнцестояния. Это можно было пронаблюдать из центра храма, через узкие каменные порталы [2, с. 23]. В 1906 г. ученый опубликовал свои исследования под названием «Стоунхендж и другие каменные сооружения», которая также не нашла широкого признания среди ученых-археологов, занимающихся исследованием кельтов. По их общему признанию, данная книга была построена на неубедительных фактах. Более того, Р. Ф. Аткинсон в своей работе «Стоунхендж», опубликованной в 1956г. опроверг все данные, которые касались астрономического визирования, связанного с летним солнцестоянием на основе археологических фактов.

Проблема, касающаяся астрономического назначения Стоунхенджа, была решена позже профессором Бостонского университета Джеральдом Хокинсом. Он не только подтвердил результаты исследования Локьера, но и развил его теорию о связи Стоунхенджа с летним солнцестоянием [5, с. 56 - 65].

В общем, следует сказать о том, что ученый исследовал памятники Египта и Стоунхендж с астрономической точки зрения. Для их изучения он применял не только знания астрономии, но и других дисциплин. Хотя многие расчеты ученого отличаются неточностью, а предположения не всегда являются верными, но тем не менее Локьер внес очень большой вклад в развитие нового направления, археоастрономии, и его метод датировки памятников посредством астрономических измерений и расчетов используется до сих пор. В настоящее время данный метод находит частичное применение.

Библиографический список

1. **Локьер Дж. Норманн.** Заря астрономии. Лондон, 1894. / Перевод с англ. Люцериной К.Н. 220 с.
2. **Локьер Дж. Норманн.** Стоунхендж и другие каменные сооружения. Лондон, 1906. / Перевод с англ. Люцериной К.Н. 168 с.
3. **Локьер Дж. Норманн.** Геодезия для археологов. Лондон, 1909 / Перевод с англ. Люцериной К.Н. 210 с.
4. **Митчелл Дж.** Краткая история астроархеологии. Стадии трансформации одной ереси. / Перевод с англ. Люцериной К.Н. Лондон, 1977. 102 с.
5. **Хокинс Дж. С.** Разгадка тайны Стоунхенджа. Перевод с англ. П.С. Гурова. / Под ред. А.А. Гурштейна. 2- изд-ие. М.: «Мир», 1984. 266с.

Тишкин Алексей Алексеевич, д. и. н., доцент кафедры археологии, этнографии и источниковедения

НАХОДКИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В УЕЗДЕ НЁДОНГ (НАЙДУН), ТИБЕТ

В последние годы благодаря интенсивному археологическому поиску на территории Тибетского нагорья найдено достаточно большое количество памятников эпохи неолита. Они обнаружены почти на всей территории Тибета. В Центральном Тибете найдены три крупных поселения: Цюйгун вблизи Лхасы, Чангогоу в уезде Гонгга, Бангга в уезде Цюнцзе, а также ряд более мелких поселений. Кроме того, найдены неолитические захоронения и мастерские. В эпоху развитого неолита в Центральном Тибете, в бассейне р. Цангпо существовала самобытная неолитическая культура цюйгун (чойгун) [5], значительно отличавшаяся от более ранней восточно-тибетской культуры кажо (каро, каруй) [4]. Поскольку в одной из наших работ в результате ошибки допущенной при переводе, в датировку памятника Цюйгун попали данные по культуре кажо [3, с. 195], то еще раз приводим здесь исправленные даты по этим двум наиболее крупным культурам: для кажо 5300 – 4300 лет до н. д., для цюйгун 3750 – 3500 лет до н. д. [1, с. 66].

Материалы по другим памятникам не столь обильны, как по двум вышеуказанным, однако они позволяют заполнить территориальные и хронологические лакуны. Неподальку от сёл Мэньчжун и Циньба в уезде Нёдонг в июле 1984 г. китайские археологи обнаружили три шлифованных каменных орудия и одно шлифованное оружие, изготовленное из нефрита. Также вблизи Циньба найдена небольшая стоянка неолитического времени. Она располагается в долине р. Вэньхэ (приток р. Цангпо), в 1 км к востоку от самой реки, в 8 км к югу от стоянки р. Вэньхэ впадает в р. Цангпо. Стоянка располагается к северу от села на склоне горы. Протяжённость памятника с востока на запад оставляет примерно 60 м, с севера на юг 30 м; общая площадь ок. 1800 кв. м. Не было выявлено неповрежденных культурных слоёв. Найдено пять сильно разрушенных зольных ям. В них встречаются древесные угли, небольшое количество необработанных кусков песчаника, обугленные кости животных, мелкие обломки керамики красного цвета, изготовленной как из чистой глины, так и с добавлением песка. Найденная керамика очень сильно фрагментирована, поэтому восстановить типы посуды пока невозможно. Кроме того, найдены остатки жилища в форме полуземлянки с очагом.

Были найдены следующие изделия из камня:

1. Тёсла, 2 экз. Обнаружены на стоянке Циньба, неподалёку от зольной ямы. Серо-зелёного цвета, прямоугольной формы, отшлифованы по всей поверхности, с двух сторон способом шлифовки выделен рабочий край дугообразной формы. Одно из этих тёсел сохранилось полностью, его длина 11,9 см, ширина 4,1 см, толщина 1,2 см. На втором тесле не сохранился рабочий край. Его длина 11,3 см, ширина 4,6 см, толщина 1,3 см.

2. Нефритовое тесло, 1 экз. Найдено в районе Ятуй, точное место нахождения не известно. Изготовлено из нефрита чёрно-зелёного цвета, имеет прямоугольную форму, отшлифовано по всей поверхности. В верхнем правом углу просверлено сквозное отверстие, часть верхнего края не сохранилась. Длина сохранившейся части 8,5 см, ширина рабочего края 3,1 см, толщина 1 см, диаметр внешней стороны отверстия 0,5 см, внутренней 0,2 см.

3. Каменный топор, 1 экз. Найден в районе села Вэньцзюй, точное место нахождения неизвестно. Изделие серо-зелёного цвета, отшлифовано по всей поверхности, рабочий край дугообразной формы, оформлен с двух сторон, одна из сторон отколота. Длина сохранившейся части 8,5 см, ширина рабочего края 4,1 см. толщина 1,1 см.

Отсутствие чётко выраженного культурного слоя, а также немногочисленность изделий из камня и керамики заставляют предположить, что Циньба не являлась местом постоянного обитания людей. Видимо, это была сезонная стоянка. Также привлекает внимание отсутствие каменных орудий, изготовленных способом обивки, что не типично для неолита Центрального Тибета. Вместе с тем, прямоугольные шлифованные тёсла по своей форме напоминают аналогичные тёсла из Цюйгун [2, С. 119] и уезда Мото. Керамика красного цвета, изготовленная как с примесью песчанистого отощителя, так и без него, также встречается в Цюйгун и Чангогоу. Жилища в виде полуземлянок обнаружены в Чангогоу и Бангга. К сожалению, публикации последних нам не доступны, а полуземлянка из Циньба не была подробно описана. Поэтому детально сравнить их пока не представляется возможным. Но в целом, материал стоянки Циньба близок к материалам культуры Цюйгун в Центральном Тибете.

Уезд Нёдонг играл заметную роль в истории Тибета с древности до нашего времени. Именно здесь находится Цзэтханг, место, где согласно тибетским легендам был заключён брак между бодхисаттвой Авалокитешварой, принявшим облик царя обезьян, и горной ведьмой, результатом которого стало появление первых людей. Находка стоянки Циньба доказывает, что территория уезда Нёдонг была заселена ещё во времена развитого неолита.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 05-01-01190а) и в рамках проекта Рособразования РНП 2.2.1.1.2183

Библиографический список

1. Ван Жэньсян. Некоторые проблемы, связанные с культурой цюйгун // Сицзан каогу [Археология Тибета]. Чэнду, 1994. Т. 1.
2. Ласа Цюйгун [Памятник Цюйгун в районе Лхасы], Пекин. 1999.
3. Мартынов П.В. Поздненеолитическая культура цюйгун в Центральном Тибете // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул. 2005.
4. Мартынов П.В. Неолитическая культура кажо в Восточном Тибете // Вестник КЛИО. Новосибирск, 2006.
5. Мартынов П.В. Неолит Центрального Тибета // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Красноярск, 2006. Т. 1.
6. Чжан Цзяньлинь. Находки неолитического времени в уезде Нёдонг, Тибет // Вэньу, 1985, № 9.

Научный руководитель – доц. С.А. Комиссаров

Л. Олецак

Краков (Польша), Ягеллонский университет, Институт археологии, 5 курс

СВЕНТОКШИСКОЕ ЖЕЛЕЗО ВАРВАРОВ

Многие века земледельцы, возделывающие земли у Свентокшиских гор, расположенных в северной части Малой Польши расчищали свои поля от больших глыб шлака весом более 100 кг. Никто не знал их предназначения до тех пор, пока в пятидесятые годы XX века этой проблемой не занялись археолог Казимеж Беленин и металлург Мечислав Радван. Они доказали, что эти шлаки – остатки существования большого центра производства железа, который функционировал на этой территории в предшествующие две тысячи лет [1, с.7].

Начало существования свентокшиского железоделательного центра датируется позднелатенским периодом - I в. до н.э. [3, с.17]. Тогда возникли так называемые неупорядоченные топки, являющиеся типичными мастерскими мелкого производства, вырабатывающего железо для потребностей местного населения. Попытки датировки начала существования центра черной металлургии на этой территории позднегалльским и раннелатенским периодами (время существования культур позднелуижской и поморской) не нашли подтверждения. Следы производства железа на «чистых» луижских и поморских поселениях отсутствовали, кроме того, находки железных предметов на памятниках этого периода были очень редки.

В I веке н.э. (начало периода римского влияния, I-IV в. н.э.) произошло увеличение производства железа. Наибольшее развитие свентокшиского железоделательного центра приходится на II н.э. В этот период кроме неупорядоченных топок металлургии начали строить топки упорядоченные, в которых печи расставлены в регулярные ряды (4 печи в ряду). В ходе производства в одном ряду печи, металлургии строили второй ряд, совершенствуя производительность (рис.1). Такой тип топок кроме Свентокшиских гор известен только на одном памятнике – Новоклиново в Западной Украине. Для потребности организованного производства уже не хватало поверхностных месторождений. По расчетам исследователей количество использованных свентокшискими металлургами руд железа составляет 80 000 тон [2, с. 190-192].

Вблизи топок находились глубокие шахты. В настоящее время выявлена только одна шахта – в окрестностях местности Рудки, но объемы производства позволяют предполагать, что должно существовать много объектов такого типа. На северных рубежах свентокшиского металлургического центра об этом же свидетельствует находка римских динаров в шахте в Стараховицах. Кроме железной руды было необходимо использование большое количество дерева, из которого нажигали древесный уголь в специальных буграх – т.н. мележах. Возможно, именно эта деятельность привела к сильному опустошению лесов на больших пространствах.

По предварительным оценкам на упорядоченных топках в Свентокшиских горах произведено не менее 8 000 тон железа [2, с. 191]. Можно с полным основанием утверждать, что на севере Малой Польши в II-III в. н.э. существовал самый главный центр производства железа европейского *Barbaricum*.

Значительные масштабы железоделательного производства, безусловно, требовали руководства, осуществляемого вождями или племенной знатью. Поскольку возможности производства железа существенно превышали потребности одного рода. В этот исторический период польские земли населяли германские племена Люги и Вандалы. Возможно, элита этих племен осуществляла руководство не только железоделательным производством, но и экспортом металла. Большинство исследователей убеждено, что часть металла продавалось в римские провинции или варварским племенам [4, 6, 8] и лишь некоторые специалисты не разделяют эту точку зрения [5, с.244].

Экспорт металла подтверждают многочисленные находки римских монет, в том числе клад около 5 000 динаров у села Нетулиско Малэ. Показательно, что самая большая активность свентокшиского железоделательного центра приходится на время маркоманской войны (166-180 гг.н.э.), когда существовала большая потребность в железном оружии. О контактах с кругом средиземноморских культур свидетельствует использование кирпичей в строительстве железоделательных печей. Это единственный пример их применения варварами в железном веке.

Железо производилось в печах т.н. ямного типа. Они состояли из ямы глубиной около 0,4 м, диаметром около 0,5 м, а также из трубы высотой до 1 м. Металлурги сначала разжигали печь, потом сыпали попеременно слои угля и пережженной руды для отделения примесей серы.

Огонь поддерживали изготовленные в нижней части печи отверстия, рассчитанные на естественный обдув ветром. Меха не использовались. Ни в одной из более 6 000 топок не найдено ни одного фрагмента сопла. Печь работала около 24 часов. Железо производилось методом непосредственного восстановления. Оно не проходило через жидкое состояние, а осаждалось на поверхности глыбы шлака и на стенках печи в форме маленьких крупинок. В печах можно получить температуру около 1200 градусов – значительно менее температуры плавления железа (1537 градусов). Потом кузнец перековывал поверхность шлака с целью получения относительно чистого куска железа (без угля и шлака), из которого затем можно было производить орудия труда и оружие.

Ямная железоплавильная печь представляющее с виду очень простое устройство, является уникальным сооружением. В настоящее время археометаллурги, располагающие большими знаниями физики и химии, еще не могут реконструировать производство на этих печах так, чтобы получить железо пригодное для дальнейшей обработки.

Рис. 1 Реконструкция производства железа в Новей Слупии, топка упорядоченная (фото Томаша Бохнака).

Abstract

The derivation of the slag, which was often dug and removed from the fields by farmers in the Swietokrzyskie Mountains (in the north of the Little Poland), was unknown till the beginning of the second half of XX c., when archaeologist Kazimierz Bielenin and metallurgist Mieczyslaw Radwan from Cracow interpreted it properly as the remains of the ancient metallurgy workshops. Till now more than 6 000 bloomery sites, dated to the iron age, are known in that area. The total amount of the iron production is calculated to 8 000 tons. This makes the Swietokrzyskie region the biggest centre of iron smelting in the whole European Barbaricum. Majority of archaeologists say, that a great part of iron made in these workshops were designated for export trade. The biggest intensity of the production happened in the II and III century a. C., when great wars between the barbarians and Romans took place in the Middle Europe and the application for the iron weapon was large.

Библиографический список

1. **Bielenin K.** Łysogórski okręg górniczo-hutniczy z okresu wpływów rzymskich, RŚ, t.1, 1962. - s. 97-149,
2. **Bielenin K.** Starożytne górnictwo i hutnictwo żelaza w Górach Świętokrzyskich, Kielce, 1992.
3. **Bielenin K.** Kilka dalszych uwag dotyczących starożytnego hutnictwa
4. **Świętokrzyskiego** //Hutnictwo świętokrzyskie oraz inne centra i ośrodki starożytnej metalurgii żelaza na ziemiach polskich, Kielce, 2002.
5. **Gardawski A.** Polska południowa i kraje na południe od Karpat 2 poł. I tysl.
6. n.e. (500-900), referat powielony 1962 Polska południowa i kraje na południe od Karpat 2 poł. I tysl.od Karpat 2 poł. I tysl. n.e. (500-900), referat powielony
7. **Godłowski K.** Czy żelazo świętokrzyskie było eksportowane na teren państwa rzymskiego, KHNT, R.11, 1973, - s. 93-103.
8. **Łowmiański H.** Początki Polski, t. II, Warszawa, 1962.
9. **Radwan M.** Istota procesów metalurgicznych a poglądy niektórych archeologów, KHKM, r.6, №.3, 1958, - s. 414-428
10. **Woyda S.** Głos w dyskusji //Znaczenie wojen markomańskich dla państwa rzymskiego i północnego barbaricum, Sc. A, t.2, 1982, - s. 112-113

Научный руководитель - профессор Ян Хохоровский

ГОРНЫЕ ГОРОДИЩА КОГУРЁ

Корейское государство Когурё (37 г. до н.э. – 668 г. н.э.) располагалось на территории севера Корейского полуострова и сопредельной части Маньчжурии. Городища Когурё являются одним из археологических источников, на материале которых идет изучение культуры когурёсцев. В исследовании проблем истории государства Когурё российская наука добилась больших успехов, однако сведения о когурёских городищах практически неизвестны отечественным исследователям, что затрудняет их интерпретацию.

Укрепленные горные поселения когурёсцев представляли собой небольшие по размерам хорошо защищенные крепости. Обычно они находились в стратегически важных пунктах на участках местности, позволяющих контролировать пересечение транспортных путей. В отличие от равнинных городищ, которые, как правило, имели форму квадрата или прямоугольника, план горных крепостей привязывался к особенностям рельефа. Мощные крепостные стены таких городищ могли сооружаться прежде всего на опасных участках. Там же, где склоны были крутыми, стены могли не возводиться либо сооружались небольшими по высоте и были скорее «символическими». В качестве строительного материала использовались слегка обработанные глыбы дикого камня. Его также использовали для обкладки стен с земляным наполнением. Следует заметить, что встречающиеся в литературе сведения об использовании при возведении земляных стен метода *ханту*, требуют дополнительных подтверждений. Возле ворот крепостная стена обычно была двойной, а перед входом устраивали так называемую *чоктэ* (кор. яз.) – защитную стену (*захаб*) с бойницами по бокам, с помощью которых можно было вести обстрел противника. По углам стен располагались смотровые вышки, являвшимися и командными пунктами. На башнях устраивали и площадки для метательных орудий [1, 65; 2, 144; 3, 24; 4, 222-223; 6, 65; 8, 146].

Как известно, история Когурё делится на два периода. Вначале столица располагалась в районе современного г. Цзиань (пров. Цзилинь, КНР), затем в 427 г. столицу перенесли в район современного г. Пхеньян (КНДР).

В «Самгук саги» указывается, что в районе г. Цзиань располагались две крепости: «в 3 году Юри ван перенес столицу в Кукнэ и построил крепость Винаам ... В 198 г. при правлении вана Сансана (Ёньу) началось строительство крепости Хвандо, и в 209 г. туда перенесли столицу. В 342 г. восстановили заново стены Хвандо и построили внутри ее цитадель Кукнэсон [5, 41, 66-67]. В когурёсоведении существует проблема соотношения данных археологических источников с этими сведениями.

Японский историк Сиратори и его корейский коллега Ли Бёндо считают, что крепость Хвандо – это крепость Кукнэ. Её соотносят с городищем на территории г. Цзиань, раскопки которого производились в 1970 гг. [2, 329]. Его периметр равен 2 686 м, высота сохранившихся участков укреплений достигает 5 м. Стены были снабжены зубцами и укреплены контрфорсами. С юга и запада крепость защищена рекой Тунгоу, а с севера и востока – защитным рвом шириной 10 м. В центральной и восточной частях городища культурный слой достигает 1,5 м. Обнаружены каменные фундаменты крупных построек. В городе насчитывается 6 ворот, 4 угловые башни, 14 площадок неясного пока назначения.

В то же время существует мнение, что Хвандо можно соотнести с горной крепостью Ваньду в окрестностях г. Цзиань, просуществовавшей до середины 4 века, когда она во время войны 342 г. была захвачена Мурон Хваном.

В 2001–2003 гг. цзилиньские археологи провели исследовательскую работу, включавшую в себя съемку местности, изучение и раскопки отдельных участков городища [1]. Северная часть находится на возвышении, южная – в низине; она обращена в сторону долины реки Тунгоу. Разность высот крепостей составляет 300 м. Длина стены – 6951 м, высота достигает около 5 метров. Имеется 7 ворот, главный вход расположен на юге; кроме того была обнаружена внешняя стена, защищавшая ворота. В сооружении углов двух ворот и наблюдательной башни использовались клинообразные шлифованные каменные блоки, что было характерно для когурёской архитектуры того времени.

Были проведены раскопки дворца, наблюдательной вышки, водохранилища, трех ворот, а также солдатского лагеря. Дворец находился в центре городища. В качестве строительного материала использовалось дерево. Внутри дворца не было системы отопления, что позволяет сделать вывод о том, что он был летним.

Кроме того, были найдены образцы черепицы с иероглифическими надписями (например, Xiao Xiong), черепичные диски с изображением морд животных, растительным орнаментом (лотос и жимолость) [1, 188-189].

Когурёская горная крепость Тэсон находится в районе современного г. Пхеньян. Крепостная стена, проходит по гребню горы имеет протяженность 7218 м, в плане близка к овальной форме северный участок имеет двойную стену [3, 24]. Стены Тэсона были возведены из камня. Однако на 160-метровом отрезке со стороны южных ворот защитой служил рельеф местности. Внутренняя площадь крепости равна 2723 м². Были обнаружены остатки 65 башен, главных и девятнадцати малых ворот, многих строений, включая около двух десятков

построек крытых черепицей. Было собрано 40 различных фрагментов верхней фронтовой черепицы с диском (на 20 из них был узор). Необходимо отметить, что не было найдено ни одной дисковой черепицы нижнего ряда. Внутри крепости находилось более 100 прудов, 10 из них сохранились, среди них пруд квадратной формы *Сасыммот* («олений пруд»), длина стороны – 16,5 м и пруд *Иномот* («карповый пруд»), с длиной стороны – 27 м. Кроме того, раскопаны 2 колодца [7, 19-20].

В небольшом помещении внутри каменной кумирни были обнаружены две покрытые позолотой керамические статуэтки, две пары чёток, изображение золотого лотоса, подсвечник и ковчег, в котором сохранилась буддийская сутра на золотых листах. Интерес представляют два вложенных друг в друга горшковидных сосуда. В меньший из них в специальной латунной ёмкости находились 15 серебряных бусин и золотое и серебряное кольца [3, 24; 7, 20-22].

Таким образом, данные письменных источников, дополненные новым археологическим материалом, позволяют изучить конструкцию когурёских горных крепостей и проследить формирование системы фортификации в государстве Когурё, включая перспективу более надежного соотнесения сведений о городищах из письменных источников с данными археологии. Кроме того, актуальность работы определяется тем, что, в дальнейшем когурёская традиция повлияла на приёмы строительства горных крепостей государств Бохай и Цзинь. Это связано как с тем, что когурёсцы были частью населения Бохая, так и с тем, что когурёский метод строительства крепостей был основан на учёте специфики горного рельефа региона.

Библиографический список

1. **Ваньду шанчэн** (Горное городище Ваньду: Доклад о исследованиях и раскопках в 2001 - 2003 гг. горной крепости Ваньду в г.Цзиань). - Пекин: Вэньу, 2004. - 424 с. (на кит. яз).
2. **Воробьев М. В.** Корея до второй трети VII века: Этнос, общество, культура и окружающий мир. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. – 432 с.
3. **Воробьев М.В.** Очерки культуры Кореи. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2002. – 192 с.
4. **Дьякова О.В.** Средневековые фортификации Приморья: классификация, датировка, происхождение //Современные проблемы археологии России – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. II. – С.221-223.
5. **Ким Бусик.** Самгук саги: Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы. – Т. 2. – М.: Восточная литература, 1995. – 320 с.
6. **Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.И.** Древние китайцы в эпоху централизованных империй. – М.: Наука, 1983. – 416 с.
7. **Пукхан мунхва** юджок палгыль гёбо (Обзор по результатам раскопок памятников культуры Северной Кореи). – Сеул: Мунхвадзэ ёнгусо (Государственный институт культурного наследия). – 1991. – 643 с. (на кор. яз.).
8. **Gelman E.I., Boldin V.I.** Koguryo's Influence on Parhae (Bohai) Culture//Journal of Inner and East Asian Studies. - Vol.1. - P. 139-165.

Н. А. Сулягина

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 5 курс.

КУЛЬТУРА ШАЦЗИН СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ ПРОВИНЦИИ ГАНЬСУ, КНР

О важности изучения памятников, находящихся на территории контактных зон, уже говорилось в печати [4, с. 50]. Ганьсуский коридор – одна из таких зон. На протяжении длительного времени на пути, который проходил через Ганьсуский коридор, аккумулировались материальные ценности различных культур.

Честь открытия культуры Шацзин принадлежит шведскому исследователю Й. Г. Андерссону. На основании материалов, полученных в 1920-е годы при раскопках памятников на территории уездов Чжэньфань (совр. Миньцзинь) и Юнчан, им был выделен одноименный этап неолитической культуры, датированный первоначально периодом 2000 – 1700 гг. до н. э. Позднее Й. Г. Андерссон пересмотрел предложенные даты и «омолодил» его до времени 700 – 500 гг. до н. э. [9, с.24 – 28; 10, с.214, 294]. В 1948 г. в результате исследований на территории провинций Ганьсу и Цинхай Пей Вэньчжун выделил одноименную культуру Шацзин [13, с. 259]. На рубеже 1970 - 1980-х годов на территории уезда Юнчан были раскопаны четыре грунтовых могильника и продолжены исследования сооружений на памятнике Саньцзяочэн [14, с. 598 – 601; 15, с. 205 – 237; 12, с. 1-3].

В настоящее время к культуре Шацзин относятся шесть могильников (Шацзин S, Шацзин E, Сиган, Чайванган, Хамадунь, Шантугоуган), а также памятники Хуанхаоцин, Люхутун и Саньцзяочэн. К сожалению, материалы раскопок этих памятников введены в научный оборот не полностью. В настоящий момент опорным памятником для изучения культуры Шацзин – ее генезиса и составляющих элементов – является могильник Сиган.

По форме сооружения можно выделить могилы с подбоем в западной продольной стенке, вертикальные ямы и сооружения, состоящие из двух округлых входных ям, которые соединены между собой коридором на глубине около 1 метра. Размеры погребений варьируют от 0,8 м до 2 м в глубину, от 0,55 м до 2,10 м в длину, от 0,35 м до 0,90 м в ширину. В основном конструкции ориентированы по линии север – юг с небольшими отклонениями. Характерная поза погребенных – вытянуто на спине, руки уложены вдоль туловища, ноги вытянуты. Покойные ориентированы головой в северный сектор. Для погребального обряда культуры Шацзин характерно использование деревянных перекрытий, органических настилов (трава, ветки), золы. Следы использования огня, также как натуральных красок, при совершении обрядов встречаются редко. В некоторых погребениях обнаружены копыта и черепа домашних животных. Обнаружены также фрагменты человеческих тел.

Сопроводительный инвентарь культуры Шацзин демонстрирует ряд характерных особенностей. Обнаружены предметы, выполненные в традициях скифо-сибирского звериного стиля. В погребениях отсутствуют изделия китайского производства, малочисленны т.н. хронологические индикаторы. К последним можно отнести кинжал с кольцевым навершием и гардой, который напоминает по своему облику «кинжалы типа «бишоу» северного типа района Ордоса» и датируется в рамках периода среднего Чуньцю – раннего Чжаньго [2, с. 378]. В погребении M315 могильника Сиган был найден бронзовый черешковый трехгранно-трехлопастной наконечник. На территории Тувы аналогичные наконечники были датированы V веком до н. э. [8, с. 224].

Керамические изделия представлены несколькими типами. Наиболее многочисленны сосуды типов гуань и ху, остальные типы представлены единичными находками. Ближайшие аналогии формам сосудов встречаются на территории Синьцзяна и в материалах местных культур Каяо, Синьдянь [16, рис. 12, 20, 13, 13, 14; 17, с. 229 – 243]. Керамические сосуды находились в «головах» погребенных, иногда встречается иное местоположение.

Орудия труда представлены в ограниченном количестве. Бронзовые ножи – пластинчатые ножи с «глухой» рукоятью, с выделенной рукоятью и «хвостатым» лезвием, с отверстием в рукояти, с кольцевым навершием – демонстрируют определенное разнообразие. Железные ножи представлены единичными, сильно коррозированными экземплярами. Найдены также шилья, бронзовые и костяные иглы, редко – грузики.

Самой многочисленной категорией находок являются накладки, как одиночные, так и составляющие наборные пояса. Ареал распространения таких бляшек достаточно широк [1, рис. 14, 5–8 рис. 15, 10–12; 3, с. 133, рис. 5, 1–12, рис. 6, 5, 7; 5, с. 179, 182; 6, рис. 52, 2, 53, 1–4, 8–10, 13; 10; 11]. Время их бытования было определено исследователями в рамках V – III вв. до н.э. Однако находки на территории провинции Цинхай (п. Фаньцзяшэнь, культура Каяо) свидетельствуют, что, по крайней мере, «бусиновые» бляшки появились там в более ранний период [11, рис. 35, 7, 9]. В погребения культуры Шацзин также встречаются пряжки, пронизки, игольники, кольца, колокольчики, пуговицы, бляшки с зооморфными и антропоморфными изображениями, бирюзовые, агатовые, известняковые бусы и подвески, раковины каури. Редкими находками являются бронзовые зеркала – дисковидные и мидалевидные, и предметы, известные как рукояти плетей. Большинство вещей находят аналогии в памятниках скифского времени на территории, лесостепного Алтая, Тувы, Забайкалья, Монголии, Северного Китая.

Большое количество новых материалов ставит перед исследователями ряд проблем. В первую очередь, это касается происхождения данной культуры, вопросов внутренней хронологии, культурных взаимодействий.

Библиографический список

1. Ведянин С. Д., Кунгуров А. Л. Грунтовый могильник Староалейской культуры Обские Плесы 2// Погребальный обряд древних племен Горного Алтая, Барнаул, 1996, с. 88 – 114.
2. Кан Ин Ук. Проблема выделения кинжала «типа Цинь» из Ордосских комплексов// Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1999, Т.V. с. 372 – 379.
3. Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л. Могильник раннего железного века Староалейка 2// Погребальный обряд древних племен Горного Алтая, Барнаул, 1996, с. 115 – 134.
4. Молодин В. И., Комиссаров С. А. Памятники бронзового века Северо-Западного Китая (в контексте внешних контактов)// Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 2, 2004. С. 50 – 65.
5. Семенов Вл. А. Проблема выделения хронологических индикаторов в скифских комплексах V–IV вв. до н. э. в Туве// Сохранение и изучение культурного наследия Алтая, Барнаул, 2000, с. 179 – 182.
6. Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья, Улан-Удэ, 1998.
7. Чугунов К. В. Некоторые итоги исследований могильника Догээ-Баары III// Круг знаний, 1999, №2, с. 33 – 46.
8. Чугунов К. В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы// Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура, СПб, 2002, с. 213 – 238.
9. Andersson J. G. Preliminary report on archaeological research in Kansu, Pekin, 1925.
10. Andersson J. G. Researches into the prehistory of the Chinese, BMFEA, 1943. №15.

Литература на китайском языке:

11. **Гао Дунлу, Хэ Чженъя.** Могильник Фаньцзяшэнь культуры Цяюэ в среднем течении Хуанхэ, Сясыхэ, провинция Цинхай (Цинхай Хуанчжун ясыхэ Фаньцзяшэнь Цяюэ вэньхуа муды)//Каогусюэ цзикань, 1996, №8, с. 28 – 86.
12. **Отчет** о раскопках могильников Сиган и Чайванган культуры Шацзин в уезде Юнчан, провинция Ганьсу (Юнчан Сиган Чайванган: Шацзин вэньхуа муцзан фацзюэ баогао), Ланьчжоу, 2001.
13. **Пэй Вень-чжун.** Сборник исследований по доисторической археологии (Шицянэ каогу сюэ лунь вэньцзи), Пекин, 1987.
14. **Пу Чаохуань, Чжао Цзиньлун,** Исследование памятника Саньцзяочэн культуры Шацзин на территории уезда Юнчан, провинция Ганьсу (Ганьсу Юнчан Саньцзяочэн Шацзин вэньхуа и цунь дяоча)// Каогу, 1984, №7, с. 598 – 601.
15. **Пу Чаохуань, Пань Юэсянь,** Памятники культуры Шацзин Саньцзяочэ и могильник Хамадунь в уезде Юнчан, провинция Ганьсу (Юнчан Саньцзяочэн юй Хамадунь Шацзин вэньхуа ицунь)// Каогу сюэбао, 1990, №2, с. 205 – 237.
16. **Сун Бингэн, Чэн Е.** Могильник Чаухугоу-1, уезд Хэцзин, провинция Синьцзян (Синьцзян Хэцзин сянь Чаухугоу-1)// Каогу сюэбао, 1988, №1, с. 75 – 99.
17. **Шуй Тао.** Исследования по археологии бронзового века северо-западного Китая (Чжунго сибэй дыту цинтун шидай каогу луньцзи), Пекин, 2001.

Научные руководители: д.и.н., проф. Д. Г. Савинов, А. А. Ковалев

Е. В. Тимонова

Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 5 курс

АРХИТЕКТУРА ДИНАСТИИ ЦИНЬ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

1. Дворец в Сяньяне

Самым крупным городом государства Цинь была столица Сяньян (поблизости от современного г. Сианя), расположенная по обоим берегам реки Вэйхэ. Периметр внешних стен Сяньяна насчитывал 150 ли, то есть 75 км, а вместе с окрестностями – 100 км. Всего при императоре Цинь Шихуанди было выстроено 270 дворцовых зданий, в строительстве которых участвовало свыше 700 тысяч рабочих. Дворцовые сооружения в Сяньяне возводились из ценных пород деревьев. Отдельные здания соединялись крытыми галереями. Высота дворцовых помещений достигала 15 м, а вместимость некоторых из них – до 10 тысяч человек.

Это масштабное сооружение изучено далеко не полностью, но на основе имеющихся археологических данных возможно реконструировать его внешний и внутренний облик. Согласно проведенным исследованиям, г. Сяньян династии Цинь находился на востоке от современного г. Сяньяна.

В данной работе рассматривается материал по реконструкции циньского дворца в Сяньяне. Дворцовый комплекс делится симметрично на западную и восточную части. Длина его по центральной оси с запада на восток 60 м, ширина 45 м, высота основания 6 м. Подобная планировка позволяла расположить по всей длине оси водоотвод. Все строения возведены на высоких платформах, сооруженных способом трамбованной земли (ханту). Также была обнаружена конструкция, состоящая из симметричных вышек (цюэ – парные вышки у ворот дворца), которые со временем приобрели в основном церемониальный характер и трансформировались в архитектурную форму – гуань (вышка). Ширина стен платформы в нижнем этаже по всей окружности составляет 250 см. Вероятно, на этом основании возводилось кольцо галерей.

Был найден ряд предметов (дверная скоба в виде головы животного с кольцом в пасти и медные шарниры), дающих представление о конструкции дверей и окон. За счет сопоставления с раскопанными за последние годы в провинции Шаньдун предметами периода Борющихся царств и реконструкции отдельных архитектурных форм, сделан вывод, что оконный переплет был ромбовидной формы (разновидность узорной формы окна). Ромбовидная форма окон также широко представлена на керамических зданиях династии Восточная Хань, повторяющих ранние формы. Большая часть пространства внутри комнат сохранилась, можно найти следы отдельных конструкций.

В целом раскопки городища свидетельствуют, что структура дворцовых строений была смешанная. Для возведения платформы использовалась трамбованная глина. Для прочности в стенах платформы устанавливались скрытые опоры. В некоторых местах в стене использована кладка из необожженного кирпича. Возможно, что уже при династии Цинь при возведении крыши использовалась конструкция, которая явилась прототипом конструкции доу-гун.

2. Мавзолей императора

Гробница находится в долине реки Вэйхэ, вблизи города Сианя. По хроникам, на потолке были изображены созвездия, на полу протекали ртутные реки, простирались ртутные моря, воссоздавался рельеф всего государства, в центре горел негасимый светильник. Также там находились вырезанные из камня и нефрита, золотые и серебряные птицы и животные.

Сейчас на этом месте возвышается конусообразный холм высотой 47 м и 1410 м в окружности. Гробница – сложное архитектурное сооружение, обнесенное двумя рядами стен из кирпича и утрамбованной земли в форме замкнутых прямоугольников. Внешняя стена (6210 м x 6294 м) имеет четверо ворот, внутренняя (3880 м x 2525 м) – пять. В центральной части выделяется насыпь из утрамбованной земли, высотой до 76 м. Сама гробница – подземный склеп прямоугольной формы длиной около 500 м, шириной несколько меньше. Чтобы уберечь могилу императора от грабителей, к гробнице сделаны многочисленные ложные ходы, поставлены самострелы. Предположительно, план захоронения повторяет план столицы, города Сяньяна.

Архитектура династии Цинь является одним из ключевых этапов развития архитектуры Китая. В это время возник ряд архитектурных форм, которые использовались и развивались в дальнейшем. Также было закреплено использование определенных строительных и декоративных приемов, которые развивались еще с эпохи династий Шан и Чжоу. Помимо этого, время династии Цинь представлено наиболее масштабными и относительно хорошо сохранившимися сооружениями, которые объединяют традиционные архитектурные конструкции и новые строительные приемы.

Работа выполнена в рамках проекта Рособразования РНП 2.2.1.1.2183

Научный руководитель – доц. С.А. Комиссаров

Л. Андреева

Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет, 3 курс

ДНЕВНИК Э.И. РАУДА КАК ИСТОЧНИК К ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЭСТОНЦЕВ СИБИРИ

По мнению английского историка П. Хаттона, воспоминания связаны с нашими попытками в настоящем пробудить прошлое, ответить на вызовы современности [1, с. 23]. Данная работа основана на воспоминаниях Эдуарда Ивановича Рауда (1918 – 2000), рожденного в д. Новая Печора Рыбинского р-на Красноярского кр. Использование метода исследования, названного Г. Риккертом в качестве идеографического, или описательного, рассматривается здесь как первая ступень к анализу и обобщениям.

Родители Э.И. Рауда, лютеране по вероисповеданию, выходцы из южной Эстонии, в 1906 г. в период столыпинской реформы переселились в Сибирь. В 1941 г. Э.И. Рауд был призван в Красную армию, воевал на Карельском фронте. Осенью 1944 г. был направлен на учебу в военно-политическое училище имени Ленина (г. Москва); стал участником Парада победы 1945 г.

Вся послевоенная жизнь его прошла в д. Новая Печора в должности учителя и бессменного директора школы. Всю жизнь Э. И. Рауд вел дневник, где, среди прочего, записывал сведения об истории и крестьянском быте своих односельчан. Из записей дневника Рауда следует, что прибывавшим в Сибирь переселенцам из Эстонии пришлось приложить немалые усилия для приспособления своего традиционного образа жизни к изменившейся среде обитания. Недавние мигранты старались привыкнуть к новым пейзажам, новым людям, суровому климату; старались забыть привычные и любимые родные края.

Причинами переселения назывались малоземелье и отсутствие работы на родине; Э.И.Рауд писал: «В Эстонии раньше чем в России было отменено крепостное право. Немецким баронам-помещикам (их было большинство в Эстонии) мало производимый крепостной труд был не выгодным. Все шире стали применять машины, паровые молотилки, веялки и т.д. Все больше и больше стало безземельных крестьян, которые стали искать работу в городах. В городах был избыток рабочей силы. Остался единственный выход – покинуть родные места. Это было очень тяжким испытанием для людей». Выбранные ходоки пришли в Енисейский край. Они являлись уроженцами Печорской волости в Эстонии, проживавшие недалеко от границы с Россией. По мнению автора дневника, царское правительство и православная церковь проводили политику русификации. Эстонцы, проживавшие в Печорской волости недалеко от границы, приняли православную веру; они получили русские имена и фамилии.

Далее Э.И. Рауд со слов старшего поколения детально описывает поселение на сибирских землях: «Ходоки прибыли в село Рыбинское, где в то время находился центр волости. Там ходокам был предложен Сыргыльский участок, который оказался свободным, им объяснили, как его найти. Расстояние от Рыбинского более 50 км. Шли они через Заозёрный и Александровку. В Александровке было несколько домов. Улица была уже отмечена и разбита на отдельные приусадебные участки. Примерно в 10 км от Александровки находился и их участок».

Переселенцы должны были быстро оценить ситуацию. Вот как Э.И. Рауд описывает со слов старших выбор места для поселения: «У подножия отрогов Саянских гор протекает небольшая речка Сыргыл и несет свои воды в реку Кан. Горы невысокие, но очень красивые, покрыты сосновым лесом. Летом обилие грибов и клубники. Недалеко от речки расположено небольшое озеро площадью около гектара, но очень глубокое. В озеро впадает небольшой ручей называемый Волчьим ручьем. Волчий ручей, как и Сыргыл, берут начало из таёжных родников. Здесь в конце XIX века был выделен самый Северный участок Троицко-Заозёрной (Рыбинской) волости для переселенцев с Запада».

Ходоки оформили документы на Сыргыльский участок, взяли образцы земли и колосья пшеницы (пшеница в то время в Эстонии не возделывалась) и отправились в Эстонию за семьями. В начале лета 1894 г. приехали несколько семей. Недалеко от озера вырыли землянки. Начали корчевать, готовить лес на постройку. Некоторым удавалось осенью посеять немного ржи. Переселенцам было выдано по 100 рублей на приобретение скота и покупку продуктов. Условия жизни были очень тяжелыми, кроме бытовых неудобств, людей и скот мучил гнус. Единственное что успокаивало – это свобода и земля.

Практически, сразу, при размещении поселенцев на новом месте, был решен вопрос о строительстве общественных зданий: «Было определено место для будущего села. Улица протянулась с востока на запад. Для каждой усадьбы был определен участок шириною в 15 саженей. Через каждые 5 домов переулок. В центре села отведено место для будущей церкви. Там стоял большой черный крест, огороженный оградой и покрашенной в черный цвет. Против церковной площади отведено место для школы. От деревни на запад отведено место для кладбища в берёзовой роще. На кладбище долго стоял большой черный крест». С каждым годом приезжали все новые семьи. Село было названо Новой Печорой, так как старая Печора осталась в Эстонии.

Интересен факт разделения переселенцев, принадлежавших к одной национальности, на две общины в зависимости от вероисповедания: «Приехали эстонцы из других волостей Эстонии, они были другой веры – лютеране. Они поселились на другом конце села. Потом село перегородили: на нижнем конце жили эстонцы православной веры (сетто), на верхнем конце села лютеране. Большой вражды не было, но в гости друг к другу не ходили, совместных браков естественно не было». Из записей Э.И. Рауда следует, что в годы советской власти религиозные границы между двумя группам эстонцев стерлись и на первый план выступила национальная общность. Шли годы, и полей становилось все больше и больше, раскорчевывались новые участки. В земледелии преобладала «трехполка». Два поля засевали, а третье поле, находилось под паром. Долгие годы главным орудием была соха. С появлением двухкопного плуга качество земледелия заметно улучшилось. Сеяли лен, пшеницу, просо, овес и лен. К концу 1920-х гг. в Печоре появились сельскохозяйственные машины: жатки (жнейки), молотилки, сеялки, сноповязалки. Появились мельницы и крупорубки. После отмены продразверстки и введения продналога (НЭП) земледелие стало развиваться очень быстро. После столыпинской реформы, после первой мировой войны, отдельные семьи из Печоры и вновь прибывшие стали переселяться на хутора. Под хутор выбирали место недалеко от ручья или родника в километрах 7-10 от деревни. Наличие воды, сенокосов, пастбищ определяли выбор хутора. Хуторяне занимались в основном животноводством. Пахотной земли было мало, и корчевка леса требовала много сил, да и лес в основном был хвойным. В конце 1920-х гг. до коллективизации на общественных началах содержали племенного быка и жеребца, баранов из породы меринос. К 1925 г. пахотные земли в округ деревни занимали около 1500 десятин.

Уборка – венец сельскохозяйственного года. В дневниках Э.И. Рауда детально описал уборку и обработку зерна: «Рожь убирали серпами, вязали снопы и ставили в суслоны. Остальные хлеба после 1920-х годов убирались машинами жнейками. Вязали снопы и ставили в суслоны. После уборки хлеба перевозили домой, и складывали в скирды. На это уходило не менее 2-3-х недель. После копки картофеля начиналась молотьба хлебов. Молотили коллективно, по очереди. Для обслуживания молотилки требовалось человек 12-17. Один управлял лошадьми (обычно старик), на приводе молотилки была площадка, где стоял погонщик. Один барабанщик. Хозяин молотилки подавал равномерно приготовленные снопы в барабан молотилки. Рядом с ним стояла женщина, которая готовила разрезанные снопы. Один подавал снопы на площадку. Двое подтаскивали снопы. Двое отгребали зерно из под соломотряски и т.д. Обычно работу начинали рано утром и трудились до позднего вечера. Обедали и ужинали у того, у кого молотили. Молотьбу обычно начинали с наступлением заморозков, когда устанавливались хорошие ясные дни. Кончили у одного молотьбу, молотилку увозили и устанавливали у другого. Так недели 2-3 гудели молотилки в деревне с утра до вечера. Чистила зерно веялками и сортировками уже каждая семья в отдельности. Семена запасали в первую очередь».

Автор дневника детально описал промыслы и ремесла, периоды организации коммун, становления колхозов, добавляя к своим записям статистические данные. Записи Э.И. Рауда год за годом восстанавливают историю эстонского поселения в глубинах Сибири. В настоящее время потомки первопоселенцев считают себя исконными сибиряками, хотя старшее поколение людей помнит язык, фольклор и историю своего появления в Сибири.

Библиографический список

1. Хаттон П. История как искусство памяти. – СПб., 2003.

Научный руководитель: дин Фурсова Е.Ф.

КАЗАХСКИЕ ЗИМОВКИ АКМОЛИНСКОГО ПРИИШИМЬЯ

Изучение традиционных форм жилищ является одной из основных задач этнографической науки. В ходе разведочных исследований 2006 г. отрядом Ишимской археологической экспедиции были открыты новые зимовки на территории западной части Акмолинского Приишимья.

Традиционно для зимней стоянки казахи выбирали место, по возможности обеспечивающее скоту защиту от непогоды в суровое время года; это - лес или низкая речная долина. Не менее важным условием являлось обилие воды и тонкий слой снега на пастбище [3, с. 254]. Открытые нами зимовки размещены в удобных для ведения хозяйства местах. Это речные долины и озера, окруженные камышами.

Исследователь памятников Южного Казахстана С. Жолдасбаев выделяет несколько типов традиционных временных и постоянных зимних жилищ казахов: кыстау – зимовка; кыстак – зимовка-поселение; временное убежище – замок; кент, кала – городище [1, с. 10; 2]. По этой классификации новые зимовки можно отнести к первому и второму типам.

Особое внимание заслуживает поселенческий комплекс «Гастелло 3». Памятник расположен на второй надпойменной террасе левого берега р. Ишим, в 16 км к северу от села Гастелло Жаркаинского р-на. Руины домов различных размеров прямоугольной формы сгруппированы в три отдельных комплекса и, в целом, тянутся по линии северо-восток – юго-запад на расстоянии 560 м. Всего насчитывается 11 усадеб, состоящих из жилых и надворных строений. Поселение «Гастелло 3» не имело оборонительных сооружений.

Жилые строения, судя по очертаниям руин, представляли собой одно-трехкомнатные дома, стены которых были сложены из дерна и камней. В каждом из трех комплексов рядом с жилищами видны руины надворных построек, колодцы.

Самой крупной является усадьба № 11, расположенная на севере поселка. Руины ее занимают прямоугольную возвышенность размерами 57х17 м., высота площадки 0,5 м. Усадьба состоит из большого прямоугольного дома, имеющего вид узкой и длинной западины размерами 54х7 м. В юго-восточной стене оставлен проход, выложенный камнями. С востока к усадьбе примыкает отдельно стоящее строение в виде подпрямоугольной площадки размером 22х13 м. С западной стороны усадьба огорожена большим двором имеющим прямые северную и южную стенки, и дугообразную западную стенку. Примерные размеры огороженной площадки 60х40 м. Стены двора представлены валом шириной до 1 м, высотой 0,4 м.

На поверхности усадьбы № 11 собран большой подъемный материал: железная мотыга длиной 11 см, ширина рабочей поверхности 5,5 см; стремя арочной формы с прямоугольным ушком для путлища и прямой подножкой; различные обломки сельскохозяйственных орудий труда, фрагменты железных казанов [5].

По мнению этнографов, казахи начали переходить к массовому строительству постоянных зимников с помещениями для скота, начиная с середины XIX века [4, с. 76-77]. Строительство стационарных поселений на зимовках напрямую связано с обустройством зимних загонов, хлева для скота. На поселении «Гастелло 3» имеются подобные сооружения. С западной стороны к усадьбе 11 примыкает площадка скорее всего, являющаяся двором или загонem для скота.

Как отмечает С. Жолдасбаев в Центральном Казахстане поселения XVIII-XIX вв. не огораживались валами и рвами, состояли из нескольких домов размером 20х30 м. На поселении обычно было от 5 до 15 домов. Таким образом, на основе определения С. Жолдасбаева поселение можно отнести к рубежу XVIII-XIX вв. На основной территории Казахстана предпосылки развития стационарных зимних поселений как масштабного явления сложились в основном к середине XIX в., о чем также свидетельствуют находки на поселении «Гастелло 3».

Библиографический список

1. Жолдасбаев С. Поселение Актас-Мечеть (XVII-XIX вв.)//Древности Казвхстана. Алматы, 1975 г.
2. Жолдасбаев С. Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований южного и центрального Казахстана. (XV-XIX вв.)//Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алматы, «Наука», 1976 г.
3. Радлов В.В. Из Сибири. Москва, «Наука» 1988 г.
4. Рахимов Е.К. Казахские зимовки-кыстау XIX века// Олкетану №3, 2004 г.
5. Предварительный отчет по разведке ИСАЭ за 2006 год.

Научный руководитель: снс НИИ археологии им. К. А. Акишева Сакенов С.К.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ХЛЕБНЫХ ИЗДЕЛИЙ У СТАРОВЕРОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

(по материалам полевых экспедиций 2004-2006 гг.)

Обрядовая пища служит выражением определенных взаимоотношений между людьми и окружающим миром. Ей приписывается магическое и символическое значение. В сакральном осмыслении пищи русских нашел свое особенное отражение религиозный синкретизм - переплетение христианских и дохристианских представлений. У крестьян, занимающихся земледелием, священным продуктом считался хлеб. Он символизировал собой достаток и благополучие в доме. Архаичным является и представление о том, что Бог наделяет хлебом человека, причем вместе с «долей» - куском хлеба – человек получает и свою «долю», вместе с «частью» хлеба – и свое «счастье». Эти представления во многом определили правила обращения с хлебом во время еды и породили ряд запретов.

Так, у старообрядцев, проживающих в Усть-Коксинском районе Республики Алтай, запрещалось резать хлеб ножом - его ломали руками. «Хлеб у нас раньше резать нельзя было. Его разламывали на части. А теперь не соблюдают это» (ПМА, 2006, Кудрявцев Т.М.). Кроме того, у староверов Алтая существовала традиция подавать на поминальный стол только «самопеченный» хлеб домашней выпечки. Но в последнее время, поскольку традиция домашней выпечки существенно сократилась, на поминальную трапезу покупают хлеб в магазине. «Покупной хлеб тоже сойдет теперь, ибо хлеб через деньги чистится» (ПМА, 2006, Кудрявцев Т.М.).

Примечательным, на наш взгляд, является отсутствие у старообрядцев Верховья Енисея (Каа-Хемский район Республики Тыва) выпечки свадебного обрядового хлеба – каравая, которым было принято встречать молодоженов после венчания в православной традиции. «Каравай мы никогда не пекли. Гости и молодые угощались пирогами, шаньгами» (ПМА, 2004, Юркова А.А.). На третий день свадебного застолья молодая жена продавала гостям сладкий пирог. А у староверов Алтая существовала традиция выпечки на свадебное торжество курника – закрытого пирога продолговатой формы с начинкой из мяса курицы. Его подавали на второй день свадьбы. Гости покупали у молодой жены куски пирога, клали взамен на блюдо деньги и подарки.

Не было традиции у старообрядцев Алтая и Тувы, в отличие от православных, выпекать обрядовое печенье (лесенки, жаворонки) на календарные праздники – Вознесенье и «Сороки» (день сорока великомучеников). Это, как и выпечку пасхального кулича на Пасху, они считают «язычеством и эллинским обычаем».

Блины как обрядовое блюдо в православной традиции не так распространены среди староверов Верховья Енисея. Их не подают на поминальный стол. Блины принято продавать на второй день свадебного торжества. Этот день так и называется «блины». У старообрядцев Алтая, по словам большинства информаторов: «в последнее время стали блины на Масленицу печь и на свадьбы современные их подают теперь». А на поминальном столе они попрежнему отсутствуют.

Обязательным поминальным блюдом у восточных славян и по сей день является кутья (коливо). Это блюдо представляет собой пшеницу или рис, сваренные или приправленные медом или сахаром, а иногда смешанные с черносливом или изюмом. Все составляющие этого блюда имеют определенное символическое значение: *«Пшеница и плоды, приносимые в память усопших, означают, что умерший воистину опять восстанет из гроба, ибо пшеница, посеваемая в земле, сперва истлевает, а потом приносит обильный и зрелый плод. Мед и сахар, употребляемые в кутье, означают то, что после воскресения ожидает православных и праведных, не горькая и прискорбная, но сладкая, благоприятная и блаженная жизнь в небесном царствии. Коливо или кутья, приготовленная из зерен, выражает веру живых в воскрешение умершего для лучшей жизни, подобно тому, как зерно, брошенное в землю, хотя и подвергается тлению, но зато возрастает в лучшем виде»* [1, с. 258].

У старообрядцев Усть-Коксинского района Республики Алтай кутью на поминальный стол подают первой. Ее делают двух видов: «каженную» и «некаженную». «Каженной» считается кутья, над которой три раза кадят с помощью кадила и читают молитву. Ее подают тем, «кто достоин». «Некаженную» кутью подают всем остальным (тем, «кто лечится, таблетки принимает»). Кутья должна быть приготовлена из распаренной пшеницы с медом. Ее хлеблют по очереди по одной ложке, что также связано с представлениями об общей «доле». Перед употреблением кутьи обязательно читают молитву «Начал». Считается, что ни капли «каженной» святой кутьи проливать нельзя. Если такое все-таки случается, то скатерть потом с молитвой долго полощут в реке.

Таким образом, в старообрядческой среде традиции приготовления хлебных обрядовых блюд, имеющих символическое значение, сохраняются и в настоящее время в достаточной степени. Особенно это проявляется в сфере похоронно-поминальной обрядности. У староверов Верховья Енисея традиционность в обрядовом пи-

тании сохранилась более стойко по сравнению со старообрядцами Алтая, где сильны инокультурные влияния среды. К тому же Усть-Коксинский район является распространенным туристическим маршрутом Алтая и этот факт также не способствует сохранению целостности культурных традиций, проживающего здесь старообрядческого населения.

Библиографический список

1. Полный церковно-славянский словарь, М., 1993.

Научный руководитель: дин Ф.Ф. Болонев

Т.Н. Галкина

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН, аспирант

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ПОСЕЛЕНЦЫ В ТУВЕ

В конце XIX – начале XX вв. Тува (Урянхайский край) была объектом территориального спора между Россией и Китаем. Урянхай, как составная часть алтын-ханского государства, еще в первой половине XVII в. юридически входил в состав Российской империи. В 1716 г. у озера Косогол был построен русский острог для защиты подданных тувинцев. Но в 1721 г. его снесли по настойчивой просьбе Китайского правительства, усмотревшего в этом попытку русских захватить Прикосоголье [3, с. 212].

В 1727 г. между Россией и Китаем были заключены Буринский и Кяхтинский договоры. По Буринскому трактату маньчжуры поставили свои пограничные караулы на южных склонах хребта Танну-Ола, а российские власти - по Саянскому хребту, лишь в 1770 гг. Большая часть территории Урянхия оказалась в нейтральной зоне [3, с. 213].

Впоследствии на приграничных зонах была развита меновая торговля между тувинцами и русскими, несшими караульную службу. Русские казаки сбывали тувинцам хлеб, домашнее сукно, выделанные кожи, ящики и железные поделки, а взамен получали козьи шкуры, овчину, китайку и другие вещи.

Вопреки этим договорам, в середине XVIII в., маньчжурские феодалы завоевали Урянхай. Знать рассчитывала оградить местное население от торговых, политических и культурных связей с русскими. Но контакты продолжались. Наряду с казаками торговлю с тувинцами начали русские крестьяне, ходившие в край или приграничные с ним районы на промысел зверя или рыбы [3, с. 272].

Немаловажное значение в развитии русско-тувинских отношений имела русская золотопромышленность. Первые золотые прииски - Спасский и Никитинский - в Урянхае были открыты в 1838-1839 гг. в верхних притоках реки Сыстыг-Хем. Первоначально на приисках работали только русские, но постепенно и тувинцы стали выполнять работы по заготовке дров, сена, берестовых свечей. Часть тувинцев, имевшая скот, сбывали на прииски мясную и молочную продукцию.

После заключения в 1861 г. между Россией и Китаем Пекинского договора граница была объявлена открытой для беспошлинной русской торговли. В 1863 г. в Урянхайский край прибыл первый русский торговый караван, а 1868 г. их было уже семь. Русские вывозили соль, овчину, рогатый скот, а ввозили сахар, чугун, железо, медную посуду и другие товары. В основном с местным населением торговали купцы из Минусинска и богатые старообрядцы с реки Ус [3, с. 270].

Русских крестьян Урянхайский край привлекал своими природными богатствами и обширными землями. Первая попытка основать на тувинской земле постоянный крестьянский поселок и заняться хлебопашеством была предпринята старообрядцами в 1862 г. Тогда на реку Уюк проникло несколько семейств уймонских старообрядцев. Опасаясь обострения приграничных отношений с «урянхами», русские власти поспешили отозвать с тувинских территорий семьи старообрядцев. Попытка заселения не удалась. Также не увенчались успехом попытки на заселение абаканских татар, предпринятые в 1870-1871 гг. [2, 1956, с. 361]. Переселение стало возможным, после того, как русские купцы устроили свои торговые фактории на тувинской земле.

В 1885 г. в Турано-Уюкской котловине (ныне Пий-Хемский район) был основан первый русский поселок под названием Туран. Начало массовому переселению крестьян положило разрешение на занятие в этом районе земледелием, полученное Андреем Павловичем Сафьяновым от генерал-губернатора Восточной Сибири Игна-

тьева а также местных тувинских властей. В 1886 г. был основан поселок Уюк, абаканским татаринном Абвей-дуллиным [1, 2001, с. 174].

Одними из первых переселенцев были зажиточные крестьяне Николай Петрович Бяков, Андрей Павлович Сафьянов с четырьмя сыновьями – Павлом, Георгием, Виктором и Евгением, братья Фунтиковы – Семен, Иосиф и Никанор, Константин Сарапулов, братья Быковы Александр и Иван и другие. Большая часть переселявшихся за ними крестьян были бедняки из Ачинского и Минусинского уезда, Томской и Харьковской губерний, «наслышавшиеся, что в Туране имеются свободные от казны земли и леса, которыми можно свободно пользоваться». Крестьяне-староверы, уходившие в тайгу от религиозных преследований царского правительства, были выходцами преимущественно из Енисейской и Тобольской губерний [1, 2001, с. 175].

Село Туран в 1897 г. имело черты обычного сибирского поселка, расположившегося в одну улицу – Большую (ныне улица Ленина). «Жилищные постройки были маленькие деревянные, наскоро выстроенные, причина отсутствия хороших построек была в том, что крестьяне, устраиваясь в Урянхае, не чувствовали себя прочно осевшими, а старались извлечь из своего положения как можно больше выгоды, не заботясь об удобствах» (ЦГА РТ, Фонд 123, оп. 2, д. 4, л. 270).

В архиве имеются данные о поселке Бегреде, основанном в 30 верстах от села Уюк: «Жители-татары православного вероисповедания, пришельцы из Минусинского уезда Енисейской губернии, занимались земледелием и отчасти скотоводством, а зимой пушным промыслом. Постройки деревянные, но плохенькие, без крыш, хотя понемногу начинают строить лучше» (ЦГА РТ, Фонд 123, оп. 2, д. 4, л. 263).

Основными видами деятельности переселенцев были золотые промыслы, меновая торговля, земледелие, скотоводство, коневодство, рыболовство, охота на пушнину и новая для них отрасль хозяйства – мараловодство.

В 1898 г. в Туране было 169 жителей, а в Уюке – 44. Крестьяне этих селений имели 138 десятин пашни, 237 десятин покоса. В стадах жителей насчитывалось 330 лошадей, 475 голов крупно рогатого скота, 510 овец. С каждым годом благосостояние переселенцев улучшалось. Они начали строить большие бревенчатые дома, обзаводиться личным подсобным хозяйством. Используя труд наемных тувинских «аратов» (скотоводов) и русских бедняков, многие смогли создать крупные хозяйства. К примеру, А.П. Сафьянов владел мелкими предприятиями по первичной обработке сырья – кожевенными заводами и мельницами. Торговец И. К. Леонов разрабатывал золотые прииски. Но самое крупное хозяйство было у старообрядца Н. А. Вавилина. Он владел несколькими заимками, на которых содержалось большое количество крупнорогатого скота и лошадей, маральником с 200 маралами, мукомольной мельницей и другими предприятиями, общей доходностью в 100 тысяч рублей в год [История Тувы, с. 274].

Количество новых поселений в Урянхае росло. В 1900 г. образовался поселок Шагонар. В 1904 г. на реке Каа-Хем были основаны Макеевка и Знаменка. В 1905 г. построены деревни Баянкол, Тарлыг, Грязнуха, Бояровка, Медведевка, а в 1906 г. – Федоровка, Даниловка, Усть-Брень, Хлебникова и Щербакова. На всей территории Урянхайского края к 1907 г. располагалось 96 населенных пункта, где проживало около 2000 человек. В крае было: приблизительно 50 русских лавок, 18 китайских торговых точек и 15 действующих русских приисков (Рукописный фонд ТИГИ дело 1053). В 1906 г. было принято решение о строительстве Усинского тракта. Новая дорога способствовала более быстрому и массовому проникновению русских.

Большая часть первых поселенцев- русских крестьян, заселившихся в Урянхайском крае, была представлена вторичными переселенцами с территории Западной и Восточной Сибири. В поисках лучшей жизни, они рискнули покинуть родные земли и начать новую жизнь в неизвестной для них стране. Где они сумели основать поселки, сохранить традиционные и развить новые отрасли производства, сформировать базу для дальнейших колонизационных потоков из других районов России.

Библиографический список

1. **Верецагина Т.Е.** Первое русское селение. // Тува XX век народная летопись. /Сб. ст. Богдановская. – Кызыл: Республиканская типография, 2001.
2. **Дулов В. И.** Социально-экономическая история Тувы XIX – начала XX в. – М.: 1956.
3. **История Тувы.** Т1 – М.: Наука, 1964.

Научный руководитель: дин Фурсова Е.Ф.

ТРАДИЦИИ УКРАШЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ БЫТА КАЗАХОВ ЩЕРБАКУЛЬСКОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Проблема традиции является одной из наиболее важных в системе проблем, позволяющих приблизиться к пониманию процесса культурно-исторического развития [1, 26]. Принято различать традиции религиозные, этнические, научные, художественные и др. Но нас в большей степени интересуют традиции художественные, специфику которых во многом определяет национальное мироощущение, формирующее определенные эстетические идеалы и ценности.

Однако целью настоящего исследования не ставится выявление особенностей национальной художественной традиции казахского народа в целом, мы лишь предлагаем обратиться к творческому опыту мастериц казахских аулов Щербакульского района Омской области. Экспедицией казахского этнографического отряда ОФ ИАЭТ СО РАН 2006 г., проводившего исследования на выше обозначенной территории был добыт значительный материал по культуре местного населения. Участники экспедиции зафиксировали бытование множества предметов традиционного уклада, в том числе: металлические ухваты для летней печи, ковш для разливания кумыса (ОЖАУ), ступка для размельчения сухих продуктов, орнаментированная веревка из верблюжьей шерсти, предназначенная для принятия родов, кованые сундуки (АБДРА), столы на низких ножках (СТОЛЬ), и конечно же, составившие наиболее многочисленную группу, всевозможные коврики (ТЕКЕМЕТ, СЫРМАК) и подстилки (ТОР-КОРПЕ, КРАК-КОРПЕ, где ТОР – почётное место в доме, КРАК – лоскуток, КОРПЕ – подстилка). Именно последние наиболее ярко и полно передают традиции украшения.

В настоящее время наиболее часто используемым материалом для подобного рода ковриков и подстилок являются покупные ткани. Они существенно дешевле традиционного сырья – шерсти [4, 115]. Сегодня мастерицы Щербакульского района предпочитают сочетать такие виды тканей как плюш и вельвет, а в семьях, в которых достаток ее членов не позволяет приобретать, эти разновидности материи, для декорирования применяется и ситец. Другим продуктом промышленного производства, составляющим важную часть украшаемого полотна является тесьма. В одном изделии может быть использовано несколько ее видов: наиболее тонкие из них пришиваются по контуру орнаментов, они выполняют, главным образом две функции: придают четкость рисунку и скрывают швы в местах соединения разных полотнищ ткани. Широкая же тесьма в основном используется для разграничения крупных частей целого изделия: центрального поля и бордюра. Еще в XIX в. одним из декоративных приемов было украшение ковров тонкими ремешками, вырезанными из дубленых козьих шкур, оставшуюся на них шерсть окрашивали в разные цвета, кроме того, использовался и конский волос [3, 116], ныне эта традиция несколько трансформировалась. И сегодня бахрома, правда, уже произведенная из синтетических материалов и по своей стоимости более дешевая, украшает менее масштабные произведения женского домашнего ремесла, в основном это небольшие чехлы на стулья, сшитые по типу КРАК-КОРПЕ – тканевых подстилок.

Другой способ украшения изделий, приготовленных на основе шерсти или ткани – это простегивание. Но в отличие от СЫРМАКОВ – вида войлочных ковров, поверхность которых полностью простегана (СЫРУ – простегивание) по контуру орнамента, ковры с сочетанием различных текстильных материалов не всегда украшаются стежкой, это, прежде всего, касается ковров настенных, однослойных и поэтому более легких. Изделия же используемые в качестве покрытия пола более плотные, состоят из нескольких слоев, так они позволяют избежать контакта с холодным полом, кроме того, именно такой ковер более всего подвержен истиранию, поэтому параллельные машинные строчки в данном случае имеют функциональное назначение, так как позволяют коврам годами служить безотказно. Чаще всего ковры, например, сырмаки войлочные или тканевые, прошиваются, как уже отмечалось выше, по контуру орнаментов, но иногда встречаются и швы, рисунок которых не зависит от очертаний орнаментов. Так, в ауле Шахат Щербакульского района были встречены напольные ковры из ткани, простроченные так называемой «елочкой».

Что касается орнаментов, то нами были встречены различные их образцы, это и космогонические мотивы (ЖУЛДУЗ – звезда), и растительные (УШ ЖАПЫРАК – трилистник), однако предпочтение мастерицы отдают явно зооморфным орнаментам, а именно узору КОШКАР МУЮЗ – бараний рог.

Однако основной организующей принцип орнамента – подчинение избранного мотива определенной системе повторов [2, 22], и в этой связи мы можем говорить о законах симметрии. В центральных частях ковров и подстилок доминирующими являются ромбовидные сетки, в каждой из ячеек которых расположена крестообразная фигура с роговидными окончаниями, построенная по принципу зеркальной симметрии или осевой симметрии четвертого порядка. Что касается бордюров, то наиболее характерными для них являются орнаменты линейные, они более всего

подходят для обособления поверхностей с различными художественными качествами и используются там, где нужно ограничить какое-либо пространство, в нашем случае речь идет о пространстве центрального поля. Однако композиционно ковровые изделия казашек Щербакульского района в большинстве своем строятся несколько иначе. Так, в качестве основного мотива бордюра используется 1/2 часть ячейки центрального поля с крестообразной фигурой, точнее равнобедренный треугольник с фигурой в виде перпендикуляра, вертикальная ось которого украшена рогообразными ответвлениями. Причем повторяемость мотива подчиняется следующему принципу: треугольники соединены друг с другом равными своими сторонами таким образом, что основание одного треугольника соединяется с центральной частью изделия, а основание последующего составляет край полотна в целом.

Итак, все вышерассмотренное указывает на то, что в регионе исследования традиция украшать предметы, составляющие повседневное окружение, характерными способами продолжает существовать и более того, она не выглядит застывшей, эта традиция развивается, и народные умельцы привносят в нее новые вариации и прочтения прежних мотивов.

Библиографический список

1. **Баторова Е.А.** О национальной художественной традиции (на примере искусства Бурятии)//Искусство народов Сибири: прошлое, настоящее, будущее. – Омск: Изд-во ОмГПУ; ООО “Издательский дом «Наука»”, 2004. – С.26-30.
2. **Герчук Ю.Я.** Что такое орнамент? Структура и смысл орнаментального образа. – М., 1998.
3. **Масанов Э.А.** Казахское войлочное производство во II половине XIX и начале XX веков//Тр. Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. – Алма-Ата, 1962. – Т. 16. – С. 104-126.
4. **Октябрьская И.В., Черемисин Д.В.** Узорные войлоки Алтая//Археология, этнография и антропология Евразии. - № 1. - Новосибирск, 2000. – С.109-118.

Научный руководитель к.и.н., доцент М.А. Корусенко.

Р.Р. Ибрагимова

Новосибирск. Новосибирский государственный университет, 4 курс

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА КИТАЯ В РОССИИ

Ни один из народов не живет вне контактов с другими народами. В процессе этих отношений люди осознают свое своеобразие. На протяжении всей истории человечества негативное восприятие часто являлось причиной недоверия и вражды между народами. В гуманитарной науке, начиная со второй половины XX в., этнические конфликты описываются с помощью категорий «этнические стереотипы», «этническое самосознание» и др.

Задача формирования позитивных и адекватных этнических стереотипов особенно актуальна при налаживании конструктивного взаимодействия между странами-соседями, такими как Россия и Китай. Между тем, механизмы формирования образа Китая и его жителей в России на протяжении столетий к настоящему времени изучены далеко недостаточно.

В последнее время в литературоведении и исторических исследованиях все больше внимания уделяется направлению «имагологии», которое изучает процесс создания и характер образов, в том числе различных народов, а также способы перевода этих образов из одной культуры в другую [2, с. 25].

Исторически протяженные взаимоотношения России и Китая дают богатый материал для исследований в этой сфере. Столетиями «Срединное государство» стремилось выстраивать все свои международные связи строго по вертикали - от высшего к низшему [3]. Китай долгое время развивался изолированно от процессов формирования западной цивилизации, что накладывало отпечаток на представления китайцев о мире и месте в нем [5, с. 5]. В основе политической культуры Китая лежали конфуцианские принципы политической иерархии и китаеццентристские представления об окружающем пространстве.

Напротив, в ходе почти 400-летней истории связей России с Китаем, Россия стремилась строить горизонтальные связи между равными государствами. Образ Китая и его жителей в России на протяжении веков формировался на основе сведений, которые привозились в Россию путешественниками и дипломатами. Их впечатления и наблюдения непосредственно влияли на общественную мысль в России.

Анализ записок и дневников путешествий в Китай свидетельствует о том, что российские посланцы интересовались природными условиями, культурой, бытом народов этой страны. Во многих текстах наблюдалось

уважительное отношение российских посланцев к стране пребывания, отсутствие стремлений к захватам. Путешественники, побывавшие в Китае, выработали в целом положительный образ китайцев, в редких случаях указывая на те черты, которые для российских путешественников казались отрицательными.

Особо необходимо остановиться на периоде, явившемся переломным событием в истории российско-китайских отношений. Речь идет о посольстве С.Л. Владиславича-Рагузинского в Китай и о подписании Кяхтинского договора.

Перед отправлением в Китай С.Л. Владиславич тщательно изучил материалы по истории российско-китайских отношений и прекрасно представлял ситуацию в Приамурье [1, с. 79]. В октябре 1726 г. русское посольство прибыло в Пекин. Несмотря на торжественный прием, переговоры в Пекине сразу приняли чрезвычайно острый характер, особенно по вопросам территориального размежевания. По возвращении из Пекина С.Л. Владиславич передал в Коллегию иностранных дел Выписку из статейного списка, в которой упоминает о составленной им «дневной записке», однако эта записка еще не обнаружена исследователями.

В составе посольства С.Л. Владиславича был канцелярист Писарев Степан Иванович. После возвращения из Китая он написал записку о поездке в Китай. Для реконструкции образа Китая в России во второй половине XVIII в. мы подробнее остановимся именно на этом документе. Более трети записки С.И. Писарева посвящено переговорам о подписании договора и отъезду российского посольства из Китая; в остальной части даются сведения «о поведении и нравах китайцев».

Первое о чем повествует С.И. Писарев – это верования китайцев; им посвящена значительная часть Записки. Возможно, это связано с личными интересами С.И. Писарева. Можно вспомнить, что им переведено множество книг, главным образом духовного содержания [4, с.573]. Автор подробно повествует о религии, культе Конфуция, а также о знаменитых людях, которых в Китае после смерти «обоживши, кумирам их поклоняются». В записке повествуется также о торговле Китая с другими странами, об иерархии в обществе, быте китайцев, обрядах, науке и культуре в Китае. Интересно, что в Записке С.И. Писарева, также как в работах других российских авторов, отмечается трудолюбие китайцев, и тут же указывается на их хитрость и лукавство. Значительная часть повествования автор посвящает консервативности китайцев. Говорит С.И. Писарев также об отношении китайцев к другим странам и народам.

При сравнении работ Записки С.И. Писарева с работами других авторов мы обнаружим значительное сходство в подходах и выводах. Это дает нам возможность говорить, об устойчивой традиции страноведческих описаний в России. Этому не противоречит суждение П.Е. Скачкова, о том, что ряд сведений были заимствованы С.И. Писаревым из западноевропейских сочинений и рукописей Спафария–Милеску [4, с.608]; автор пропустил их через призму своего восприятия. Таким образом, можно говорить о том, что восприятие российскими путешественниками Китая и его жителей не изменилось с заключением благоприятного для России Кяхтинского договора.

Работа подготовлена в рамках проекта Рособразования РНП 2.2.1.1.2183

Библиографический список

1. **Беспрозванных Е.Л.** Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII – середина XIX в. М., 1983.
2. **Мосейкина М.Н.** Имагология и проблемы изучения контактов и связей России с народами Востока // Взаимодействие культур в историческом контексте: Сб. ст. по материалам межвуз. науч. конф., 27-28 ноября 2003 г.
3. **Мясников В.С.** Россия и Китай: контакты государств и цивилизаций // www.ecsocman.edu.ru. 15.12.2006.
4. **Русско-китайские отношения в XVIII веке:** Материалы и документы. Т. 2 (1725 – 1727). М., 1990.
5. **Сидихменов В.Я.** Китай: страницы прошлого. М., 1978.

Научные руководители: дин, доц. А.С. Зуев, кин доц. С.А. Комиссаров

А. В. Иванов

Новосибирск, Новосибирский государственный медицинский университет, 1 курс

ПОНЯТИЕ БОЛЕЗНИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ОБСКИХ УГРОВ

В последние десятилетия во всем мире значительно возрос интерес к традиционной медицине. Основы Законодательства Российской Федерации народную медицину и целительство определяют как методы оздоров-

ления, профилактики, диагностики и лечения, основанные на опыте многих поколений людей, утвердившиеся в народных традициях. Но эффективное лечение невозможно без выявления болезни, её причин. Это делает актуальным изучение традиционных представлений о болезни различных народов, без чего невозможно оценить эффективность методов лечения, предлагаемых сибирской медициной.

В данном исследовании речь идет о народной медицине обских угров. Обские угры понимали болезнь как «внеземной» способ уравнивания количества населения, ответ духов на проступки людей. [3, с. 42]. Согласно преданиям в древние времена болезней не существовало, но после того как Верховный бог Нуми-Торум увидел, что на земле стало слишком много людей, он поручил хозяину Нижнего мира Куль-отыру насыпать на них болезни [1, с. 301; 2, гл.2]. Болезнь выступала как вариант регуляции численности населения.

Разгневанные «злые» и «добрые» духи могут в качестве наказания насыпать недуги. Через посредничество духов, люди способны сами причинить болезнь, действенным способом является изготовление изображения человека, на которого направлено злое действие [5, с.100; 6, с. 34].

Также в мифологии существует другая версия появления болезней: во время охоты на гагар, богатыри ранили и распугнули птиц. Разлетевшиеся птицы принесли на землю болезни [2, гл.2].

Несмотря на то, что болезни манси считали «внеземными», вырабатывались различные способы защиты и лечения. Важным средством защиты являлось окуливание жилища, одежды и самого человека [6, с.26]. Для излечения обращались к шаманам, носили амулеты-обереги, делали специальные татуировки. Наиболее действенным способом изгнания болезни во время эпидемией являлось кровавое жертвоприношение животных. Надежда, что боги, приняв жертву, услышат просьбы изгнания болезни [2, гл.3].

Обские угры перед тем, как похоронить умершего, обязательно проводили обряд определения причины смерти. Исследователи отмечают, что при перечислении причин смерти физические причины (то есть болезни и прочее) обычно совершенно игнорировались [4, с.120; 7, с.143]. Прежде всего, предлагаются такие вопросы: “На что ты осердился?.. Может ты был недоволен своей женой?.. Может быть, ты ушел от нас, потому что был недоволен своими детьми?..” [7, с. 144]. Присутствующие также поочередно спрашивают, не сами ли они почему-нибудь явились причиной его смерти. Если и в этом случае нет благоприятного ответа, то причину смерти ищут в отсутствующих знакомых умершего, которые сами могли быть недовольны и вследствие этого каким-нибудь колдовством напустили смерть на человека. Если ответа и в данном случае не получается, то значит покойник сам совершил какое-нибудь преступление (например, ложная клятва огнем; неисполнение обещания, данного какому-нибудь духу; если умерший напился воды или наелся рыбы из какого-нибудь священного озера или срубил лесину в священном лесу) [7, с. 144].

Таким образом, в традиционной культуре обских угров болезнь определялась как естественная составляющая жизни общества и имела божественное, внеземное происхождение. Следовательно, в традиционной медицине лечение болезней в первую очередь исправление последствий неблагоприятных поступков пациента, а не лечение тела. Как следствие – в традиционных практиках обских угров практически отсутствовали сколько-нибудь оформленные комплексы мероприятий по лечению физических проявлений заболеваний, мер профилактики. В связи с этим уместно поставить вопрос о целесообразности использования методов и методик традиционной медицины для эффективного лечения заболеваний сегодня.

Библиографический список

1. **Большой энциклопедический словарь.** Мифология, М, Большая Российская Энциклопедия, 1998, 737с.
2. **Гемуев И.Н.** Народ манси: воплощение мифа (электронный вариант книги) Новосибирск 2003, <http://www.sati.arhaeology.nsc.ru/sibirica/pub>
3. **Гемуев И.Н.** Небесный всадник, Новосибирск, Наука, 2001, 150 с.
4. **Кулемзин В.М.** Человек и природа в верованиях хантов, Томск, 1984, 250 с.
5. **Кулемзин В.М.** Традиционные верования народов Сибири // локальные и синкретические культуры. М., 1991, с. 98 – 120
6. **Мифология манси.** Энциклопедия уральских народов. Том II, Новосибирск, издательство ИАЭТ СО РАН, 2001, 196 с.
7. **Чернецов В. Н.** Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959, с. 114—156.

Научный руководитель: преп. Сергеевой Ю.К.

СОВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ В ХАКАСИИ*

Хакасия как самостоятельная административно-территориальная единица возникла в 1923 г.; в 1925 г. уезд был преобразован в округ, в 1930 г. — в Хакасскую автономную область в составе Западно-Сибирского края; в 1934 г. область вошла в состав Красноярского края.

Модернизация праздников в Хакасии XX в. стала частью общей политики по созданию светской праздничной обрядности Советского государства. Важнейшей функцией советских праздников должно было стать сплочение людей на социально-классовой основе, утверждение у них общности взглядов, настроений, чувств. Коммунистическая идеология утверждала принцип пролетарского интернационализма в культуре, постулируя сочетание традиционных этнических черт с общесоветскими [4, с. 36].

Изменилась культурная парадигма: ставка была сделана на «нового» человека, не связанного с прошлым, устремленного в будущее и, по сути, лишенного национальных корней. Хотя советская идеология и политическая пропаганда подчеркивали необходимость учета национально-специфических черт в организации праздников, но их содержание соответствовало принципу «национальный по форме и социалистический по содержанию». Происходила денационализация праздника.

К разработке новых обрядов в Советском государстве приступили с момента провозглашения нового строя. Первоначально новая власть апеллировала к этническому электорату, пыталась заручиться поддержкой национальной элиты. Возрос интерес к традиционным обществам, к малочисленным народам и их традиционной культуре. Была создана фольклорная комиссия, которая занималась изучением их быта, обычаев и обрядов.

В соответствии директивами партии и правительства в документах Хакасского Укома РКП (б) начала 1920-х гг. предписывалось: «... уважительно относиться к нацменам и ни в коем случае не допускать оскорбления их чувств» (ЦГАРХ. Ф. 1, оп. 1, д. 37, л. 62). В этот период в хакасской среде сохранялась практика проведения традиционных праздников. В секретном обзоре информационно-статистического политического отдела Хакасского окружкома ВКП (б) от 1928 г. сообщается: «... шаманство процветает не только в глухих улусах, но и в культурных селах. Особая потребность в шаманстве в хакасских селениях является один раз в год при исполнении религиозных обрядов на исторических памятниках (которые они считают святыми). Это жертвоприношение старшему горному духу и водяному, куда хакасы съезжаются из разных улусов, колют баранов, пищу варят без соли, еда начинается только тогда, когда разрешит шаман, под руководством которого потом начинают пьянство» (ЦГАРХ. Ф. 1, оп. 1, д. 266, л. 23). Как видно из обзора, в конце 1920-х гг. традиционный праздник в Хакасии по-прежнему сохранял все свои основные компоненты и в аборигенной среде рассматривался как необходимое и обязательное действие.

Параллельно шел процесс построения системы советских праздников, костяк которой составляли революционные праздники. Хакасско-минусинские степи в этом случае не были исключением, здесь, как и везде, основной задачей октябрьских и майских праздников объявлялась мобилизация населения, демонстрация достижений в сельском хозяйстве, промышленности, торговле. Структура праздников тщательно разрабатывалась с учетом потребностей построения нового советского общества.

Главным праздником страны Советов является день утверждения нового строя — Праздник Великой Октябрьской социалистической революции: «План празднования 7 ноября: *Официальная часть прекращается в 12. 00 дня и 6 ноября, вечером, в здании клуба или народного дома устроить торжественное открытие по проведению праздника Октябрьской революции, где выступают с приветствиями представители РКП (б), ВЛКСМ, сельских советов. Утром провести митинг, демонстрации по улицам села с пением революционных песен. Для детей провести детское утро, для взрослых — вечерний спектакль (желательно пьесу революционную)*» (ЦГАРХ. Ф. 14, оп. 1, д. 74, л. 64).

Появляются программы празднования Международного женского дня, Дня кооперации. С первых шагов советской власти в Хакасии предпринимаются попытки утверждения новых социо-культурных стандартов; этнические и родовые приоритеты заменяются социальными, классовыми, профессиональными. Относительно мирное сосуществование двух праздничных моделей — традиционной и советской — в 1930-е гг. сменяется жестким доминированием последней. Начинается борьба с «внутренними врагами», с национализмом и космополитизмом. В результате чего происходит вытеснение традиционных символов, которые переводятся из сферы общественно значимой на периферию культуры (на уровень семейных ценностей, не контролируемых государством).

В конце 1920 — начале 1930-х гг. активизировалась антирелигиозная пропаганда, одним из объектов разоблачений и преследований стал шаманизм. В Хакасии, как и по всей стране, активно действовал Союз Воинству-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 06-01-00323 а).

ющих Безбожников (СВБ), который проводил антирелигиозные кампании, организовывал различные кружки. Так, основным пунктом программы занятий кружка по борьбе с шаманизмом был тезис о том, что это «религия отсталых народностей, что шаман защищает интересы бая-кулака». Отмечалось отрицательное содержание древних хакасских праздников *тигир тайыг, ызых той* это — «обжорство, пьянство и распространение болезней». Целью всей пропагандистской работы являлось утверждение новых истин: что «... религиозные обряды есть пережитки дикарских праздников — поклонения духам и силам природы», что эти праздники не имеют ничего общего с современным человеком, «они лишь приносят несчастные случаи, пьянство, обжорство» (ЦГАРХ. Ф. 1, оп. 1, д. 325, л. 60-63).

Основной институт традиционного общества — род был объявлен пережитком патриархального строя и стал рассматриваться как одно из препятствий в развитии общества. Как писали в те времена, традиционная праздничная обрядность не могла удовлетворять новый строй, т. к. вошла в противоречие с социальными нормами нравственности. В новой праздничной системе не было места родовым праздникам, и они исчезли. Информаторы вспоминают, что в конце двадцатых годов, накануне коллективизации, в Хакасии проводили последние таг тайыги

Единичные случаи проведения традиционных праздников случались и позже. Из партийных сводок известно, что даже в 1951 г. имели место факты шаманства в колхозе «*Ирчиюс*», где для проведения шаманских обрядов местные жительницы «... *вовлекали колхозников и молодежь из числа учащихся в школе. Весной они организовали шаманство на горе около двух берез и там же проводили кропление святой водой*» (ЦГАРХ. Ф. 2, оп. 1, д. 1715, л. 76).

Новая власть, руководствуясь принципами воинствующего атеизма, подвергла преследованиям и традиционные, и православные праздники. Старой разработанной праздничной традиции требовалось противопоставить «... столь же значимый, но современный, тесными узами связанный с новой жизнью обряд» [3, с. 386-387].

В серию были запущены новые общегражданские обрядовые формы — свадьбы, юбилеи, похороны, рекомендованные для массового распространения. Все это, в конечном счете, привело к типизации общих праздников и семейной обрядности, к унификации праздничной культуры. Для новых праздников стало обязательным широкое участие общественности и официальных лиц, проведение торжественной части с выбором президиума, речами, поздравлениями, награждениями передовиков производства и т.д.

Гражданский календарь советского периода включал революционные праздники. В довоенное время возникли и получили распространение в том числе в регионах праздники, посвященные труженикам отдельных гражданских профессий и военных специальностей. В послевоенные годы число профессиональных праздников увеличилось. Большим всенародным праздником стал День Победы — 9 Мая.

Советский праздник активно ориентирован на светлое, далекое завтра. Если традиционный праздник «останавливает» время, то советский подчиняет время «настоящего» интересам «будущего», стремится еще более ускорить ход исторического времени [2, с. 261-263]. Митинги и манифестации становятся основными обрядово-зрелищными формами советского праздника.

Кроме общегосударственных праздников, которые доминировали в советской праздничной системе, в Хакасии установилась практика проведения местных, мемориальных праздников — «дни рождения» городов, сел, колхозов, улиц. Узловые моменты производственного цикла края фиксировали, например, Праздник первой борозды, Праздник первого снопа, День урожая.

Но уже с 1960–1970-х гг. в Хакасии, как и по всей стране, стали возрождаться праздники народного календаря, которые трансформировались, «обогащались новым содержанием» и проходили в форме фольклорных фестивалей. Это были проводы зимы, встреча весны, праздник лета. Получили дальнейшее развитие корпоративные профессиональные праздники.

Элементы традиционной обрядности сохранились на периферии культуры, в сценических вариантах, а также на уровне семейных праздников. Среди хакасов и в советское время продолжали совершаться некоторые традиционные ритуалы. Сохранялись элементы промысловых культов; люди по традиции посещали священные места; по-прежнему проводили обряды в тяжелые моменты жизни. Так, в 1951 г. жители села Казановка, когда там началась полоса самоубийств, тайно от партийных органов провели жертвоприношение Небу, после чего несчастья прекратились (Советская Хакасия, 1998, № 81, с. 5). Таким образом, поклонение хозяевам местности, семейные культы, бытовой шаманизм с его обрядами изгнания злых духов и молениям духам-покровителям продолжали существовать в скрытой форме.

В 1970–1980-е гг. в Хакасии, как и в других регионах Сибири, активно развивалось фольклорное движение. Фольклоризация стала основной тенденцией в развитии культур народов Советской страны — национальных по форме, социалистических по содержанию. Элементы национальной культуры заняли периферийное положение в праздниках-фестивалях народного творчества; получили развитие сценические формы этнического фольклора.

В рамках фольклорного движения происходил возврат к некоторым аутентичным мифо-ритуальным практикам — со сценических площадок началось возвращение в жизнь хакасского шаманизма, который сегодня признан уже на официальном уровне. Развитие фестивального движения неизбежно поднимало уровень этнического самосознания. В Хакасии 1970–1980-х гг. отмечался значительный рост интереса к традиционной культуре. В 1980 г.

в связи с 50-летним юбилеем Хакасской автономной области было решено восстановить и проводить регулярно праздник *Тун пайрам*. В новых условиях он получил и новое содержание; изменилось все, включая и его название. К названию «*тун*», имевшему узкий смысл первоначального, первородного, был добавлен термин «*пайрам*», обозначающий большой всенародный праздник - «...он должен служить интересам интернационального воспитания, демонстрируя достижения хакасской культуры и национальных видов спорта» [1, с.10-15].

Этот праздник приобрел большую популярность и отмечался ежегодно как «праздники дружбы народов». В трансформированном виде древний скотоводческий праздник *Тун пайрам* был включен в новую праздничную систему и приобрел статус советского, интернационального. Он полностью утратил свой первоначальный смысл, свои национальные особенности. Изменился и его статус: если раньше этот праздник имел четкую социальную ориентацию, отвечал интересам рода, то теперь он носил надэтнический характер.

Итак, социалистическое общество не могло обойтись без своей системы обрядности и оно ее создало. Но наряду с гражданскими праздниками на периферии советской культуры сохранялись этнические традиции. В обществе сложился разветвленный, охватывающий все сферы жизни комплекс праздников, отражавший сложную этно-социальную структуру советского общества. С распадом Советского Союза, когда были поставлены под сомнение идеалы коммунизма и интернационализма, этнические традиции, выйдя из социо-культурного андеграунда, составили конкуренцию общегражданским.

Библиографический список

1. Бутанаев В.Я. Хакасский праздник Тун Пайрам. Новосибирск, 1983.
2. Мазаев А.И. праздник как социально-художественное явление. М., 1987.
3. Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977.
4. Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск, 1981.

Научный руководитель: дин И.В. Октябрьская

П.А. Красота

Омск, Омский государственный университет, 4 курс

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ ТАРСКИХ ТАТАР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

В настоящее время одной из актуальных задач этнографии является исследование поселений различных народов с точки зрения генезиса их как явлений природно-средовой и материальной культуры.

В данной работе будут рассмотрены хозяйственные постройки тарских татар как часть жилищно-хозяйственного комплекса. Жилищно-хозяйственный комплекс является одним из наиболее существенных элементов материальной культуры. Он служит удовлетворению самых необходимых потребностей человека, и в своей основе сложился из жилых и хозяйственных построек, выполняющих различного рода функции.

В качестве источника использованы материалы этнографической экспедиции Омского государственного университета 1975 г. в татарские деревни Омской области (Архив Музея археологии и этнографии ОмГУ. Фонд 1, п. 1-21, 1-25, 7-7). Для сравнения были рассмотрены постройки двух деревень: дер. Речапово Тарского района Омской области и дер. Уленкуль Большереченского района Омской области. В ходе работы было просмотрено 227 анкет с описанием различных хозяйственных построек: 56 - в деревне Речапово, 167 - в деревне Уленкуль и 4 - в соседней с Уленкулем деревне Каракуль (описание одной усадьбы – дом, два хлева, баня и загон).

Анкетные позволяют описать постройки 1950-1970-х гг. При работе в первую очередь обращалось внимание на тип постройки, строительный материал, технику и время строительства, характерные для середины XX в. в сравнении с началом XX в.

В целом можно говорить, что среди хозяйственных построек преобладающими являлись хлев, курятник и баня, которые имелись если не в каждой, то в довольно большом количестве усадеб.

Хлев. В папке с карточками по деревне Речапово встречено шесть анкет с описанием хлева. Во всех шести случаях он построен из дерева: - три постройки - из бревен с техникой рубки в угол («в обло», «в чашу»); - одна постройка из полубревен, связанных в углах вырубкой в охряпку, этот способ применяется при строительстве из плохого леса и при нем углубление выбирается сверху и снизу; одна постройка из бруса, сложенного в паз, это столбовая техника строительства, когда промежутки между столбами забираются бревнами, брусом или досками, которые закрепляются в вертикально выдолбленных пазах столбов; одна постройка из теса. Все шесть

построек имеют постоянную двухскатную крышу, крытую тесом. Окна везде волоковые, т.е. без рамы. Внутренняя и наружная отделка стен везде отсутствует, пол оставлен земляной с соломенной подстилкой, потолок есть, но как он устроен в анкете не указано.

В папке с карточками по деревне Уленкуль встречено 50 анкет с описанием хлева: 30 построек из бревен, 2 постройки - из полубревен, 4 постройки - из бруса, 13 - из теса. Один хлев построен каркасной техникой, где основу стен составляет деревянный каркас, заполненный соломой, землей и навозом. Стены с двух сторон обмазаны глиной. Крыша двухскатная, стропильная, крытая соломой, которая уложена внатруску – толстый слой соломы прижимается жердями, скрепленными попарно верхними концами. Пол земляной, потолок отсутствует, окна волоковые.

Курятник или птичник. В деревне Речапovo описан всего один курятник. Он построен из бревен, сложенных в угол, имеет двухскатную, стропильную крышу, крытую тесом. В деревне Уленкуль зафиксировано 32 курятника, из которых: 20 - из бревен, 5 - из бруса, 5 - из теса. Один курятник из полубревен, сложенных в паз. Еще один курятник построен каркасной техникой, промежутки засыпаны землей, стены обмазаны глиной. Среди этих построек зафиксировано два курятника, у которых крыша кроется только на зиму. Осенью на последний венец бревен кладутся жерди, которые потом закрываются соломой. Весной все это убирается.

Баня. В деревне Речапovo описано 19 бань, большинство из которых – 15, сложено из бревен с техникой рубки в угол. Одна постройка из бревен с рубкой углов в охряпку. Две постройки из полубревен в угол. Одна постройка из бруса в охряпку. В системе отопления преобладает печь с дымоходом, которая зафиксирована в 14 постройках. Также встречена одна постройка с курной русской печью, т.е. без дымохода, топившаяся по-черному. Одна постройка с открытым очагом и три постройки с каменной. В деревне Уленкуль из 36 зафиксированных построек 35 сложено из бревен, одна постройка выполнена из теса. Из печей, также как и в Речапovo, преобладает русская печь с дымоходом – 29 штук. Встречено 2 курных русских печи, один открытый очаг, три каменки, одна железная печь.

Следует отметить, что все бани в Речапovo имеют внутреннюю отделку стен – обмазку глиной и побелку. В Уленкуле отделка стен имеется в очень небольшом количестве построек и представляет из себя только обмазанные глиной пазы и побелку по стенному материалу, т.е. сами стены глиной не обмазаны. Чем это вызвано, остается только догадываться, т.к. анкеты не дают необходимого объяснения. Вероятнее всего, это можно объяснить отсутствием подходящей глины вблизи деревни.

Летняя кухня. В деревне Речапovo зафиксировано 9 летних кухонь из 56 описанных построек, в Уленкуле всего – 7 из 167 построек. Имеется внутренняя отделка стен, такая же, как и в банях. Из печей преобладает русская с дымоходом – 8 штук, но встречена одна каменка. В деревне Уленкуль зафиксировано 4 постройки из бревен в угол и 3 постройки из бруса в паз. Из печей встречена всего одна с дымоходом и одна каменка. В остальных постройках – 2 газовых плиты, одна железная печь и в двух постройках печей нет вообще. Внутренняя отделка – обмазка глиной пазов и побелка по стенному материалу.

Сарай. В Речапovo из 19 строений 8 построено из бревен в угол, 1 - из бревен в паз, 1 - из бревен в охряпку, 4 - из полубревен в угол, 1 - из полубревен в паз и 4 постройки из теса. В деревне Уленкуль – 8 сараев из бревен в угол и 2 - в паз, 2 постройки - из бруса в угол и 2 - в паз, 8 построек - из теса.

Помимо описанных выше встречены и другие постройки: летние загоны, загоны для овец, которые в анкетах названы «овчарниками», конюшни. Также встречена одна постройка, без которой не обходилась ни одна татарская усадьба в конце XIX в., но которая довольно редко встречается во второй половине XX в. – полуземлянка. В конце XIX в. в них держали скот, домашнюю птицу, а в более раннее время ее, по рассказам информаторов, использовали как жилье. Хозяйственное назначение данной полуземлянки в анкете не указано.

Летние загоны представляли собой обыкновенную изгородь из жердей. Техника строительства загонов для овец и конюшен не отличается от техники строительства курятника, или хлева. Все хозяйственные постройки имеют окна. Причем в постройках для скота преобладают волоковые окна, т.е. небольшие окна без рамы, вырезанные в одном или двух смежных бревнах. В летних кухнях и банях все окна – косящие (косячатые), т.е. окна имеющие косяки и раму. Крыши в основном преобладают двухскатные – 132, хотя и односкатных довольно большое количество – 76. Встречено 4 самцовых крыши. Материал покрытия сильно различается по деревням. Так, в Речапovo из 56 построек 41 покрыта тесом, 11 - шифером, 1 - дерном, 1 - толью (рубероидом), 1 - железом, 1 - соломой. Таким образом, можно говорить, что основным материалом покрытия в деревне Речапovo является тес. В деревне Уленкуль из 167 построек 44 покрыто тесом, 37 - шифером, 43 - соломой, 20 - дерном, 22 - толью, 1 - железом. Отсюда видно, что основными материалами покрытия в Уленкуле являются: тес, солома, шифер. Подавляющее большинство хозяйственных построек стоит без фундамента. Лишь в нескольких случаях использован каменный и столбовой фундамент.

Из всего выше сказанного можно сделать следующие выводы. В 1950-е – 1970-е гг. татары возводили постройки в основном из бревен, с техникой рубки в угол, крыли их тесом, не строили фундамента, внутреннюю отделку стен делали только в строениях, предназначенных для людей. Хотя следует отметить, что имеются некоторые различия и особенности в разных деревнях.

Научный руководитель: кин, доц. Корусенко М.А.

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ В ПИЩУ СОБАЧЬЕГО МЯСА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Собака – первое животное, одомашненное человеком. Уже около 15 тыс. лет она помогает ему охотиться, охранять жилища, спасать людей, ухаживать за больными и т.д.; помимо прочего собака является источником пищи. Традиции употребления в пищу собачьего мяса распространены у народов Восточная Азия: суп из собачатины считается праздничным лакомством у индонезийцев, одно из любимых блюд корейцев – кэчанькук – суп из собачьего мяса и т.д. [3; с. 173]. Китай также не является исключением. В данной работе мы рассмотрим особенности кулинарии современного Китая.

Традиции собаководства в Китае имеют давнюю историю. По мнению некоторых исследователей, территория современного Китая является древнейшим центром одомашнивания собаки, которое произошло здесь примерно 15 тыс. лет назад [9]. Мясное собаководство также имеет давнюю историю. Оно зародилось еще в неолитических культурах и сохранялось на протяжении всей истории Китая. Известно свидетельство, побывавшего в XVII в. в Китае Ф.И. Байкова: «Ядь в Китайском царстве... ядят всякую: и собак ядят, и в рядах собачье мясо вареное продают» [2]. Эти практики известны до сих пор; хотя некоторые исследователи утверждают, что в настоящее время употребление собачьего мяса в пищу уже прекратилось или сохранилось только в отдельных районах [1; 2; 3; с. 140]. Китайские источники свидетельствуют об обратном.

1) Собачье мясо составляет важную часть рациона современных китайцев. Собак для получения мяса разводят специально, однако обязательных для разведения пород собак не существует [8; с. 3-4]. Среди рекомендованных к разведению на мясо пород основными являются: - *тибетский мастифф* (*тибетская собака*, ее родина – плоскогорья Тибета и Цинхая, где она первоначально использовалась как пастушья собака; - *чау-чау*, происходит из северной части Китая, имеет уже более чем 2000-летнюю историю; в 1789 г. когда чау-чау были вывезены английскими купцами в Англию, их стали называть китайскими съедобными собаками; - *тайханская собака*, происходит из района горной цепи Тайхан, расположенной на территории провинций Хэнань, Хэбэй, Шаньси; эта порода уже более 3000 лет их разводят с целью получения мяса; - *хэмудуская собака* – одна из древнейших «мясных» пород собак, ее история насчитывает уже 7000 лет. К «мясным» относятся также: *шарпей*; *монгольская собака*; *гуандунская желтая собака*.

Кроме традиционных китайских пород собак, по мнению китайских авторов, для разведения на мясо могут использоваться сенбернары, ньюфаундленды, немецкие доги, немецкие овчарки [5; с. 12-14; 8; с. 41-48].

Разведение собак с целью получения мяса сейчас активно пропагандируется в Китае. Об этом свидетельствует большое число пособий по собаководству, вышедших за последние годы. В этих книгах перечисляются преимущества собаководства перед другими отраслями животноводства. К ним, по мнению китайских авторов, относятся: - неприхотливость собак в питании; - низкая себестоимость мяса; - то, что для разведения собак не требуется много места. Кроме того, китайские авторы отмечают, что в настоящее время спрос на мясо собак постоянно растет, и сегодняшний уровень производства не может его удовлетворить [4; 5; 6; 7; 8].

Таким образом, мясное собаководство представляется китайским специалистам перспективной и высокоэффективной отраслью животноводства, которая не только может удовлетворить потребности населения в мясных продуктах, но и обеспечить благосостояние крестьян [8; с. 2]. Китайские авторы также стараются популяризировать употребление в пищу мяса собак, объясняя это его высокими вкусовыми и питательными свойствами: высоким содержанием белка и низким содержанием жира, а также высоким содержанием кальция, фосфора, цинка, селена, витаминов А, В₁, В₂, D [6; с. 1; 7; с. 2; 8; с. 2].

Однако, согласно полученным мною во время стажировки в Китае данным, отношение широких масс современных китайцев к употреблению в пищу собачьего мяса неоднозначно. Многие из них считают это недопустимым. Некоторые китайцы утверждают, что употребление в пищу собачьего мяса не является элементом традиционной китайской культуры, а привнесено извне (а именно – из Кореи). Другие говорят, что поедание мяса распространено исключительно среди малообразованных людей, главным образом, сельских жителей, и постепенно этот обычай должен исчезнуть.

На самом деле, мясо собак едят как в городе, так и в деревне, не только корейцы, но и китайцы, независимо от уровня их образования. Блюда из собачьего мяса подаются в ресторанах (как традиционной корейской кухни, так и в обычных китайских) и готовятся дома. Способы приготовления собачатины и блюда из нее разнообразны. Наиболее распространены суп из собачьего мяса и жареное собачье мясо. Кроме того, мясо собак тушат; оно используется в качестве начинки для традиционных китайских пельменей (цзяоцзы).

Употребление в пищу мяса собак связано с определенными представлениями о его целебных и даже магических свойствах. Так, например, многие китайцы верят, что собачье мясо спасает от холода, поэтому пот-

ребление этого продукта возрастает зимой. Кроме того, существует поверье, что употребление собачьего мяса способствует повышению потенции и обеспечивает появление сыновей. Поэтому основными потребителями собачьего мяса являются мужчины.

Мясо и различные внутренние органы собаки используются как лекарственные средства при заболеваниях желудочно-кишечного тракта, почек, половых расстройствах, анемии, тошноте, рвоте, головокружении, обмороках, учащенном сердцебиении, шуме в ушах, общей слабости, неврастении, ревматизме, переломах костей, обморожении, боли в пояснице и т.д. [8; с. 310-317].

Таким образом, употребление собачьего мяса в пищу как элемент традиционной китайской культуры сохраняется до сих пор; разведение собак с целью получения мяса в настоящее время активно пропагандируется; способы приготовления мяса собак разнообразны; употребление в пищу собачьего мяса связано с существующими в Китае представлениями о его лечебных и магических свойствах.

Библиографический список

1. **Народы Восточной Азии.** – М.-Л., 1965
2. **Стариков В.С.** Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР, М., 1967.
3. **Этнография питания** народов стран зарубежной Азии: опыт сравнительной типологии. – М., 1981
4. 明肉犬 殖手 / 王 主 。 - 北京, 2002
5. 肉狗 一月通/王若 等 著。 - 北京, 2000
6. 肉狗 殖200 / 朱 正主 。 - 北京, 2000
7. 肉狗 殖技 / 玉等主 。 - 北京, 2003
8. 肉用犬科 殖 答/ 守 、 何希君主 。 - 北京, 2001
9. www.news.bbc.co.uk

Научный руководитель: к.и.н., доц. Комиссаров С.А.

С. Р. Курманова

Омск, Омский филиал ИАЭТ СО РАН, аспирант

МОДЕЛЬ ПИТАНИЯ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Пища – важнейший элемент системы жизнеобеспечения, для которого характерна большая устойчивость и традиционность. Данное обстоятельство позволяет глубже проследить этнокультурную историю народа.

Целью данного исследования является построение модели питания немецкого населения Западной Сибири на современном этапе. В основу работы легли материалы этнографических экспедиций Омского гос. университета, собранные в Кулундинском и Немецком национальном р-х Алтайского кр. в 1997 и 2006 гг., в Исылкульском и Марьяновском р-х Омской обл. в 2005 г.

Пищевой рацион сибирских немцев складывался в результате их переселений и адаптации к сибирским условиям при сохранении того, что было характерным еще для системы питания материнских колоний. Важным фактором, влияющим на складывание модели питания, является место выхода предков-переселенцев. Например, немцы из Молдавии при переселении в Сибирь меняют набор основных продуктов, используемых для приготовления компота – Schnitsupp. Из необходимых для его приготовления ингредиентов в Сибири исключается вино (МАЭ ОмГУ. Ф. 1. 1997. Д.181 - 1. Л. 6).

Помимо традиционных, в немецкой кухне присутствуют блюда, заимствованные у других народов. Так, немцы переняли многие блюда у русских и украинцев, такие, как щи, борщ, вареники. Во многих семьях готовят шашлык, плов, манты, заимствованные у тюркских народов. Наряду с появлением новых блюд становятся более разнообразными способы приготовления пищи, широко практикуется консервирование фруктов и овощей.

Особенностью пищевого комплекса сибирских немцев, связанного с натуральным хозяйством, является сезонность: весной и летом в рационе питания преобладает растительная пища (овощные блюда, продукты собирательства, изделия из теста), осенью и зимой – мясные блюда (мясо тушеное с картофелем или капустой, копченое мясо и сало, штрудель, бульоны и проч.) (МАЭ ОмГУ. Ф. 1. 2005. Д.182-2. Л. 36).

За вторую половину XX в. значительно расширился ассортимент потребляемых блюд (как за счет появления и распространения новых сельскохозяйственных культур, так и за счет увеличения доли покупаемых продуктов).

Потребление пищи у немцев Сибири происходит обычно в три приема: завтрак (Frühstück), обед (Mittagessen), ужин (Abendessen). Завтрак состоит в основном из кофе (Kaffee), хлеба (Brot), масла (Buter), повидла (Marmelade), яиц (Eier), обед – из одного блюда, и ужин – из того, что осталось с обеда. Кроме того, на ужин готовят крепли, блины, оладьи, пирожки с разнообразной начинкой (МАЭ ОмГУ. Ф. 1. 2005. Д.182-2. Л. 35). Немцы завтракают обычно в 7 часов, обед - с 14: 00, от 19: 00 до 20: 00 – ужин.

Во многом модель питания немцев обусловлена конфессиональной принадлежностью. Данный фактор включает в себя систему постов, пищевых запретов и предпочтений. Немцы Сибири соблюдают два основных поста – предрождественский и предпасхальный. Происхождение поста как временного сезонного ограничения в еде в далеком прошлом было связано с экономическими факторами – истощением пищевых ресурсов, необходимостью общественного регулирования их потребления. Существует и другое объяснение: пищу накапливали для будущего жертвоприношения [1, с. 170].

Традиция пищевых запретов и ограничений соблюдается в настоящее время в Сибири немцами – католиками. Протестанты же считают, что пост – личное дело каждого верующего. Немцы соблюдают 40-дневный пост (Fasten, grossen Fasten) , который начинается с «пепельной среды» и длится до Пасхи. Особое место занимает страстная неделя – Karwoche - неделя поста и покаяния. Страстную пятницу немцы отмечают строгим постом – весь день ничего не едят. В страстную пятницу разрешается лишь печь хлеб. Считается, что этим можно радовать бога (МАЭ ОмГУ. Ф. 1. 1995. Д.179 - 5. Л. 8,11).

Центральное место в системе питания отводится понятию «трапеза», которое является своего рода ритуалом. Любая трапеза у немцев начинается с молитвы. Например, лютеране с. Подсосново Немецкого национального р-на Алтайского кр. произносят перед едой (vor dem Essen) следующие слова:

So oft wir vor Dir tischen,
So wollst Du uns erfrischen
Mit Deinen edlen gaben,
Und auch die Seele laben.
Так часто мы перед тобой сидим,
Так хочешь ты нас угостить
Твоими благородными дарами,

И также душу подкрепить. (МАЭ ОмГУ. Ф. 1. 2006. Д.188 – 1 Л. 2). После окончания молитвы приступают к еде. В застолье главная роль отводилась мужчине, который следил за ходом трапезы. Раньше во время приема пищи отец семейства сидел на почетном месте.

Важной составляющей любой трапезы является характеристика лица, которое готовит эту трапезу. Приготовление пищи входит у немцев в обязанность женщин, которые с раннего детства усваивают определенные навыки и знания. Приготовлением пищи на свадьбы и похороны у немцев в некоторых сибирских деревнях занимаются специально приглашенные женщины.

Существенную роль в современной жизни сибирских немцев играет общественное питание. В связи с занятостью женщин на общественных и других работах постепенно сокращается время, необходимое для приготовления домашней пищи, все чаще (особенно - в городской местности) используются полуфабрикаты и покупные продукты. Несмотря на это модель питания сибирских немцев сохраняет достаточную устойчивость и традиционность. В ежедневном и праздничном меню сибирских немцев всегда присутствуют блюда немецкой национальной кухни.

Библиографический список

1. **Листова Н.М.** Пища в обрядах и обычаях // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М., 1983. – С.170.

Научный руководитель: д.и.н., проф. Томилов Н. А.

ЧИСЛЕННОСТЬ КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МЛАДШЕГО ЖУЗА В XVIII в. (по русским источникам)

При определении численности казахов Младшего жуза в XVIII в. возникают определённые трудности. В силу того, что процесс инкорпорации казахского населения в имперскую административную структуру начался только в 30-х гг. XVIII в. (формально с 1731 г.), начало фиксации численности Младшего жуза (Малой орды) относится именно к этому периоду. Однако задача исчисления кочевников долгое время не являлась приоритетной для властей. В отличие, например, от сибирских народов казахи не являлись податным населением вплоть до первых десятилетий XIX в.; именно поэтому совершенно отсутствовали такая группа источников как, например окладные книги, которые являются актуальными для определения численности сибирского населения [12, с.152].

Практически единственной группой источников для данного периода являются официальные документы чиновников Коллегии иностранных дел и порубежной администрации Российского государства. Данные эти составлены на основе опросов непосредственно казахов Младшего жуза, по поводу которых А.И. Лёвшин (1797-1879 гг.), уделявший большое внимание демографии казахской степи, говорил как о подлежащих «великому сомнению» [7, с. 287-288]. Причину он определяет во «всегдашней наклонности их (казахов – авт.) к преувеличению всех предметов, особенно в рассказах о могуществе своего народа» [7, с. 287-288]. Известно, что в Сибири численность населения (мужского) преуменьшалась из-за очень высокого ясачного оклада [12, с. 154]. В отношении казахов ситуация противоположная.

Традиционно применяемый способ подсчета численности кочевого населения исходил из «соотношения общего количества жителей степного владения и количества, выставляемых им ополченцев», при этом ополченцы составляют «примерно четвертую часть населения» [13, с. 96]. Мы применяем этот способ, хотя он имеет ограничения в силу отрывочности данных. Так же весьма ограничены прямые указания на количество казахских кибиток (обычно применяемый коэффициент в отношении кочевых народов составляет 5–6) [7, с. 288; 12, с. 153; 10, с.139].

Одним из немногих источников, которые представляют вполне репрезентативные данные о численности казахов, являются записи русского посланника в Малую орду в 30-х гг. XVIII в. А.И. Тевкелева (1674/1675-1766 гг.) прибывшего для принятия присяги казахского хана Абулхаира (ок. 1710-1748 гг.). Например, он фиксирует в своём журнале, что в октябре 1732 г. казахи, которые выступили против хана Абулхаира («противные кайсаки») – «послали по всей орде, чтоб из Средней и Малой орд собралось войско 20000» [6, с.126]. Можно предположить, что предполагаемое ополчение казахов Малой орды могло быть около 14000, а оставшиеся 6000 отнести к Средней орде, так как именно столько смог собрать хан этой орды Семек в поход на калмыков в 1731 г. [6, с.94]. К 14000 ополчению «противных кайсаков» можно прибавить ополчение в 1750 человек одного из султанов Малой орды – Батыра - сторонника хана Абулхаира, который в марте 1732 г. отправился «воевать трухменцов» [4, с. 89].

Исходя из вышеуказанного соотношения это будет составлять более 60000 человек. Точных указаний на количество подвластного населения самому Абулхаиру, или на его военный потенциал мы не обнаружили, однако можно предположить, что он равнозначен ополчению «противных кайсаков». Заключение это делается на основе встречи, в конце 1731 г. А.И. Тевкелева с ближайшим помощником Абулхаира старшиной рода табын поколения жетыру Младшего жуза – Букенбай батыром (ум. 1741 г.). Как стало известно из этого «разговора» – «владения у них, Букенбай-батыря з братом и зятем его, будет 7000 кибиток» [5, с. 59].

Таким образом, 7000 кибиток (используя коэффициент 5–6) дадут около 40000 человек, если прибавить 60000 получается что население Малой орды в 30-х гг. XVIII в. составляла не менее 100000 человек. Интересно, что тот же Букенбай-батыр в одном из разговоров с А.И. Тевкелевым утверждает что «числом-де их, кайсаков, всего 80000» [6, с. 91]. Сохранился ещё один документ, который позволяет представить численность казахского населения Малой орды. Осенью 1730 г. послы хана Абулхаира Сеиткул и Кутлымбет «с товарищами» прибыли в Санкт-Петербург с просьбой о принятии российского подданства. Эти послы сообщили что «оных кайсацких кочевых народов 40000 кибиток» [3, с. 35]. Применяя известный коэффициент, получим 200000–240000 человек. В современной казахстанской историографии именно эти цифры обозначают «начальный размер численности казахов Младшего жуза» [10, с. 139].

Спустя три десятилетия ситуация несколько изменяется. В данных за 1767 г. и 1771 г., соответственно приведённых Оренбургскими генерал-губернаторами князем А. Путятиным (1765-1768 гг.) и генерал-майором

И. Рейнсдорпом (1769-1781 гг.), утверждается что «в обоих [Малой и Средней ордах] более не можно, как токмо от осьмидесяти до ста тысяч одного мужска пола» [11, с. 12; 2, с. 14]. Однако данные эти составлены «по всегдашнему их [казахов] при границах обращению» то есть, учтены только те кочевники, которые находились вблизи границы. Если учесть оставшееся население (женщины, дети), а так же то, которое осталось вне досягаемости чиновников, то эти цифры можно увеличить не менее чем в 3–4 раза. Таким образом, казахское население Младшего жуза к началу 1770-х гг. могло составлять не менее 400000 человек.

С 1780-х гг. ситуация с исчислением казахского населения несколько улучшается, так как при Уфимском наместнике О.А. Игельстроме (1784-1792 гг., 1796-1798 гг.), начинается, относительно упорядоченный, сезонный пропуск ордынцев в Россию, в междуречье рек Волги и Урала. В «Ведомости...» представленной президенту Коммерц-коллегии А.Р. Воронцову от 5 апреля 1787г. указаны рода, старшины и количество кибиток (семей) с указанием территории их расселения, всего 45130 кибиток [1, с. 87].

Однако астраханский обер-комендант А.О. Базин в своём «Объяснение» графу А.Р. Воронцову от 9 марта 1787 г. на основании информации полученной «по разведыванию... и от самих киргиских... старшин» приводит другие цифры. Он допускает, что всего перекочевало казахов в междуречье «до 60000 кибиток» [9, с. 82]; т.е. 300000–350000 человек. Если к этому прибавить несколько тысяч семей, которые могли оставаться в жузе, или так же временно откочевали, то получится что население Малой орды к середине 1780-х гг. составляло не менее полумиллиона человек.

Подчеркнём, что в условиях сложной геополитической ситуации в Центральной Евразии в XVIII в. и обширности территории самого жуза, и казахи и российские чиновники могли располагать весьма приблизительной информацией о демографической ситуации в регионе. В условиях кочевой хозяйственной деятельности сложно определить точное количество населения, тем более что казахов–кочевников «одно слово «перепись» может привести в волнение» [7, с. 287].

Таким образом, на основании русских источников, мы можем представить нижние границы численности казахского населения Младшего жуза в XVIII в.: казахское население региона составляло в 1730-х гг. – свыше 200000 человек, в конце 1760 – начале 1770-х гг. – 400000, в конце 1780-х гг. – 500000 человек.

Библиографический список

1. **Ведомость**, каким старшинам Киргискайсацкой Меньшей Орды даны листы... – 5 апреля 1787г. // Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828). – М. Л. 1940, Т. IV. №20, с. 86-87.
2. **Ведомость**, составленная в Оренбургской губернской канцелярии, о количестве населения губернии. – 1770-1771гг.// Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. Т IV. Ч.2. № 354 с. 12-14.
3. **Выписка** Коллегии ин. Дел... – 30 октября 1730г //Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках (сборник документов и материалов). Изд. АН КазССР. Алма-Ата – 1961. № 26, с. 35-37.
4. **Донесение переводчика** М. Тевкелева Гос. коллегии ин. Дел о нападении султана Батыра ... – 20 июня 1732 г.//Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках (сборник документов и материалов). Изд. АН КазССР. Алма-Ата – 1961. № 37, с. 88-91.
5. **Донесение переводчика** Коллегии иностранных дел А.И. Тевкелева в Коллегию иностранных дел... от 5 января 1732 г.// Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731- 1759 гг.) / Составление, транскрипция скорописи XVIII в., историографический очерк и комментарии И.В. Ерофеевой. – А.: Дайк-Пресс, 2005. – 484 с.
6. **Журнал бытности** в Киргиз-казацкой орде переводчика Мамета Тевкелева. 1731-1733 гг.// Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731- 1759 гг.) / Составление, транскрипция скорописи XVIII в., историографический очерк и комментарии И.В. Ерофеевой. – А.: Дайк-Пресс, 2005. – 484 с
7. **Левшин А. И.** Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких, орд и степей (под общей редакцией академика М. К. Козыбаева). – А., «Санат», 1996. – 656 стр.
8. **Муканов М.С.** Этническая территория казахов в XVIII – начале XX веков. – Алма-Ата: КАЗАХСТАН 1991. 64 с.
9. **«Объяснение»** астраханского обер-коменданта А.О. Базина президенту Комм.-колл. гр. А.Р. Воронцову о разрешении казахам кочевать между реками Урал Уралом и Волгой... – 9 марта 1787 г.//Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828). – М. Л. 1940, Т. IV. №18, сс. 81-83.
10. **Сдыков М.Н.** История населения Западного Казахстана. – А., 2004. – 408 стр. + 8 стр. фото.
11. **Табель**, составленная в Оренбургской губернской канцелярии, о количестве населения губернии. – 1767 г.//Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. Т. IV. Ч. 2. № 353 сс. 9-12.
12. **Томилов Н.А.** Проблемы этнической истории: (По материалам Западной Сибири).– Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1993.– 222 с.
13. **Трепавлов В.В.** Численность кочевого социума: источники и способы подсчёта//Этнографическое обозрение 2000, №4, с. 95-101.

Научный руководитель: к.и.н., доцент Селивёрстов С. В.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НЕЧИСТЫХ МЕСТАХ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БАРАБИНСКИХ ТАТАР

В полевых этнографических материалах, которые были собраны нами на территории Новосибирской области в 2003-2006 гг. часто встречаются упоминания о «нечистых» местах. Информаторы именуют нечистыми такие места, как баня, перекрестки дорог, там, где лежал покойник и т.д. Причем у барабинских татар с ними связано много запретов, зачастую информаторы объясняют это просто: «Туда не ходи, это место нечистое». И не вдаются в подробности, почему так считают. Это не могло не заинтересовать нас и в данной работе мы попытаемся обобщить полученные материалы, составить описания этих мест и выявить критерии их нечистоты.

Одной из особенностей нечистых мест у барабинских татар является обитание в них шайтанов (чертей). Шайтан – в мусульманской мифологии одно из имен дьявола. Слово шайтан родственно библейскому сатана. По представлениям мусульман каждого человека сопровождают ангел и шайтан, побуждающие его соответственно к добрым и нечестивым поступкам. В ауле Шагир Куйбышевского района нами была записана следующая легенда о происхождении шайтана: «Шайтан, или нацагай, вышел из рая, его Бог создал, но потом выгнал на землю». Действительно, согласно Корану, Иблис (еще одно имя дьявола, синонимичное шайтану) первоначально был ангелом, но ослушавшись приказа Аллаха поклониться Адаму, изгнан с небес и поклялся повсюду совращать людей [1, с.207].

В представлениях барабинцев шайтаны высокие грязные безобразные существа, обитающие там, где нечисто. Так, места, где в доме покойник лежал или резали скот во дворе, будут нечистыми. Информаторы объясняют это следующим образом: «Там кровь была, а значит может шайтан завестись. Чтобы этого не произошло, нужно гвоздь туда вбить». Из этих же соображений умершему на грудь кладут нож, чтобы шайтан в сердце не лез. Барабинские татары верят, что нечистая сила боится железа, и острые железные предметы (нож, ножницы, гвозди) служат оберегом. Воду, которой обмывали покойника, принято выливать в нехоженые места и вбивать в землю гвоздь, либо сверху положить любой железный предмет. Только так можно предотвратить появление там шайтана. В представлениях наших собеседников после того, как человек умирает, за его душой приходит ангел, Израил, и режет душу. На стене остаются капли крови, которые люди не видят. Поэтому комнату, где в доме лежал покойник, после похорон, сразу белят.

Ко второй категории можно отнести перекрестки дорог, места, где споткнулся или упал человек. В ауле Бергуль Куйбышевского района информатор Хадимова Нурия Халимовна рассказала следующее: «Вот, например, идешь ты ночью где-нибудь. Упала. На это место надо три раза поплевать, постучать ногой и сказать: «Бисмилляй рахман рахим» (начало молитвы). Если не скажешь, заболеешь. Сахмят это место называется». Барабинцы считают, что на земле после захода солнца нельзя сидеть. Мало ли что там могло быть – или собака умерла, или корову резали, все духи в землю уходят, и болезни потом из земли идут. Когда садишься, например, в лесу под дерево, обязательно нужно поплевать три раза и прочитать молитву. Сахмят трактуется также и как нехороший дух, болезнь от земли. Эту болезнь врачи не могут вылечить, а только бабушки, знающие молитвы (имнэуче) – термин записан со слов информатора. Русский аналог слову сахмят – порча. Перекрестки дорог, переулки в силу того, что там ходит много разных людей, будут нечистыми.

Третий пласт верований изучаемой общности составляют представления, связанные с баней. Баня в народе считается традиционным местом обитания чертей. Так, во многих местах Барабы верят, что женщинам нельзя ходить в баню после полуночи. Встреча с шайтаном может плохо отразиться на ее здоровье. Мы можем предположить, что именно грязная вода привлекает сюда нечистую силу. Повсеместно считается, если оставить в бане воду после того, как вымоются люди, и не закрыть ее, то черти будут мыться этой водой. Впоследствии при использовании этой воды можно серьезно заболеть.

И последний, четвертый, комплекс нечистых мест можно обозначит как грязные места. Это помойки, скопления отходов, нечистот. Барабинцы верят, что после захода солнца на столе нельзя оставлять грязную посуду, крошки, так как в доме может появиться шайтан. Все это служит для него пищей и привлекает его. Каждая хозяйка должна следить за чистотой и порядком в своем доме. Считается, дома, где живут алкоголики, также будут рассадниками шайтанов. По мнению наших собеседников, с приходом темноты выходит вся нечистая сила, это опасное для человека время. Поэтому вечером нельзя подметать и выносить золу, чтобы не привлечь в эти места шайтанов. Обереги от появления их в доме – молитвы на стенах, написанные на арабском языке и помещенные в рамки. Также средством защиты от злых духов являются некоторые растения. Такой магической силой обладает шайтан тегенек – «чертова колючка» [2, с. 167]. Барабинцы объясняют это тем, что злые духи боятся уколаться о

шипы синеголовника. В целях защиты стебли «чертовой колючки» заталкивают в щели между матицей и досками потолка и у входа в дом. Обладающим магическими свойствами считается и артыш (можжевельник). Ветки можжевельника применяются барабинцами в тех же целях, что и стебли синеголовника.

Наряду с верованиями о нечистых местах барабинцы выделяют и чистые места. Как правило, в этих местах в доме хранят Коран, завернутый в ткань, другие священные книги и молитвы, оберег пертэ – «рубашка», в которой родился ребенок, высушенная и завернутая в тряпочку.

Итак, обобщая приведенные сведения, мы можем выделить следующие критерии определяющие нечистоту того или иного места. Это – связь с покойником и его кровью, а также кровью животных; места, где упал или споткнулся человек; грязная вода (представления о бане); грязь, мусор. Все эти места наделяются присутствием нечистой силы и представляют опасность для человека.

Библиографический список

1. **Мифология:** энциклопедия / гл. ред. Е.М. Мелетинский, - М., 2003.
2. **Мышегреб А.М.** Комплекс оберегов, связанных с жилищем и хозяйственными постройками у Барабинских татар. // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: мат. РАЭСК XLVI – Красноярск, 2006.

Научный руководитель к.и.н., доцент М.А. Корусенко

В.В. Николаев

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН, аспирант

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ПРЕДГОРЬЯХ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. (по данным метрических книг)

Изучение переселенческого движения в Сибири традиционно интересовало и продолжает интересовать современных исследователей. Несмотря на это слабо изученной остается проблема освоения переселенцами зоны обитания коренных народов предгорий Северного Алтая: кумандинцев, тубаларов и челканцев. Без обращения к данной теме невозможно оценить процессы социокультурной трансформации в среде аборигенов рассматриваемого региона.

В основу данной работы легли архивные материалы Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО, документы Алтайской духовной миссии (АДМ) и выписки из метрических книг Быстринского, Кажинского, Макарьевского, Пильненского, Солтонского, Старобардинского, Сузопского, Тайнинского, Таштинского, Чапшинского, Урунского приходов, расположенных в границах современного расселения кумандинцев предгорий Северного Алтая.

Практика метрических записей в Российской империи стала обыденной с XVIII в. [1, с. 59]. Следует отметить, что АДМ была создана в 1828 г.; документы церковного учета населения сохранились по некоторым приходам по 1918 г. Данные документы, заполнявшиеся священнослужителями, хранились при церквях и приходах. Они содержали списки крещенных в православие, венчавшихся, а также отпетых и похороненных и не всегда отражают национальный состав.

Метрические книги позволяют также проследить изменение численности переселенцев и определить основные места их исхода. По данным метрических книг рубежа XIX - XX вв. можно проследить проникновение в предгорья Северного Алтая «калмыков» (алтайцев). «Калмыки» (37 записей) встречаются в документах Кебезенского, Макарьевского и Паспаульского приходов в последнем десятилетии XIX - первом десятилетии XX вв. Последующее их исчезновение со страниц метрических книг, видимо, объясняется полной ассимиляцией.

По данным документов церковно-приходского учета конца XIX – начала XX вв. в предгорьях Северного Алтая превалировал поток населения из центральных областей европейской части России (12 записей) и чаще всего из Рязанской губернии. Невелик был приток из южных (Украины – 2, с южного Поволжья - 3) и северных (4 записи) регионов европейской России, а также с территории южного и центрального Урала (6 записей). Кроме того, в метрических книгах имелись единичные записи о прибывших из Гамбурга, Нарвы и Лифляндской гу-

бернии, а также о «китайских подданных», среди которых отмечаются: «соенец Юргинской волости, ламаист», христианка и «язычник»

Таким образом, можно говорить о переселении на рубеже XIX – XX вв. на территорию Северного Алтая русских, украинцев и, возможно, немцев, прибалтов, представителей поволжских народов и народов Азии. По данным метрических книг, относительно высок был внутрисибирский поток переселенцев (18 записей) - обычно из Тобольской губернии, Восточного Казахстана (4 записей), или из соседних волостей Алтая.

Помимо преобладающего православного населения, в переселенческом процессе участвовали старообрядцы («немоляхи», «поморцы», «стариковщинская секта» и «австрийская секта»), но их количество было незначительным. По данным Кебезенского отделения АДМ, четко прослеживается время появления первых старообрядцев: середина 1890-х гг. (ЦХАФ АК ф. 81; 164 оп. 1; 2 д. 43; 91 л. 16об; 18). Обособленный образ жизни старообрядцев предопределил устойчивость данной этнографической группы в таежных уголках Северного Алтая. Лишь небольшая часть раскольников приняла православие.

Несмотря на то, что переселенцы попадали в непривычную для себя природную и этническую среду, они относительно быстро адаптировались к новым реалиям. На это, в частности, указывают случаи участия переселенцев в крещении «инородцев» в качестве восприемников, а также смешанные браки между ними.

Следует отметить, что переселенцы осваивали рассматриваемый регион неравномерно. Так, если лесостепная часть современных Красногорского и Солтонского р-в Алтайского края была обжита пришлым населением уже к середине XIX в., то таежные районы в это время только начинали осваиваться. Например, в Кебезенском отделении в 1910 г. числилось 205 переселенцев (как православных, так и старообрядцев), первые из которых появились в последнем десятилетии XIX в. При этом в одном из архивных документов отмечается, что ссоры и столкновения между пришлым и коренным населением были часты (ЦХАФ АК ф. 81 оп. 1 д. 43 л. 14, 16).

В другом документе АДМ (отчете священника Макарьевского отделения за 1914 г.) содержится замечание о том, что аборигенные жители помогали русским семьям, где мужчины ушли на фронт Первой мировой войны. (ЦХАФ АК ф. 164 оп. 2 д. 91 л. 27об).

В целом же, совместное проживание пришлых и коренных групп населения в миссионерских поселениях имело как положительные стороны (приобретение навыков хлебопашества и домохозяйства), так и отрицательные (распространение алкоголизма и социальных заболеваний) (ЦХАФ АК ф. 81 оп. 1 д. 52 л. 9) последствия. Дальнейшее изучение переселенческого движения в зоны расселения коренных народов Северного Алтая позволит конкретизировать вопрос о механизмах и результатах межэтнического взаимодействия в регионе.

Библиографический список

1. Плешко Б.Г., Елисеева И.И. История статистики. – М.: Финансы и статистика, 1990.

Научный руководитель: дин Октябрьская И.В.

К. А. Пионтковская, Н. Н. Шевцова

Новосибирск, Новосибирский государственный медицинский университет, 2 курс

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ МЕДИЦИНСКИХ АСПЕКТАХ РОДИЛЬНОЙ ОБЯДНОСТИ ФИНО-УГОРСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ

Различные виды обрядности, в том числе и родильная обрядность, в традиционной культуре народов Сибири достаточно подробно изучены широким кругом исследователей (Бауло А.В., Гемуев И.Н., Кулемзин В.М., Шесталов Ю., и др.). Феномен традиционной культуры демонстрирует особое отношение к женщине и процессу родов. При этом практически отсутствуют исследования, посвященные изучению родильных обрядов с медицинской точки зрения.

Целью работы мы определили исследование некоторых медицинских аспектов родильных обрядностей фино-угорских народов Сибири - хантов и манси. Речь идет об описании родов как постадийного процесса в традиционной культуре. Можно выделить три стадии.

1. Предродовая стадия. В хантыйской культуре считалось необходимым сокрытие любого физиологического акта [3, с.58]. Женщины тщательно скрывали наступление беременности, и часто даже муж не знал о положении

женщины до того, как ей необходимо было уйти в дом для роженицы. Этот дом (Мань-кол) предварительно оку- ривался тлеющей бобровой шкуркой или шкуркой выдры [2, с.115]. Как отмечает И.Н.Гемуев, на 4 - 5-м месяце беременности женщина должна иметь *сос (sos)* - маленькую куклу женского пола величиной с большой палец. Она делается из высушенной мягкой чаги самой женщиной или другой мастерицей. Спокойное покачивание *сос* гарантирует впоследствии благополучные роды и жизнь ребенка. Если роды проходят трудно, то присутствующая женщина с помощью *сос* пытается узнать, в чем дело. Ребенку приготавливалась специальная одежда [1].

2. Собственно роды. Помещение с открытым огнем; обязательно ношенная, старая одежда; распущенные волосы; не более 4-х присутствующих при родах; дезинфицирующие средства – чага и бобровый мускус; обез- боливающее – травяные настойки; обязательно наличие оберегов и родовых знаков; категорически запрещается присутствие мужчин [2, с.120].

3. Послеродовая стадия. После прекращения выделений у женщины, а также отпадения пуповины у ребен- ка их снова очищали чагой или бобровым мускусом [4, с.98]. Ребенка также могли обмывать раствором чаги. Послед же складывали в специально приготовленную коробочку из бересты и хранили на протяжении несколь- ких лет жизни ребенка как оберег, а затем относили в лес и вешали на суку березы [4, с.129]. Делалось это с уверенностью, что человек, послед которого находится на дереве, проживет долгую жизнь [5, с.61].

Таким образом, постадийность родового процесса в традиционной культуре народов Севера полностью совпадает с современной, и родильная обрядность хантов и манси направлена на сохранение жизни матери и ребенка, ее безопасности и здоровья, что и сегодня.

Библиографический список

1. Гемуев И.Н. Народ манси: воплощение мифа (электронный вариант книги) Новосибирск 2003, <http://www.sati.arhaeology.nsc.ru/sibirica/pub>
2. Гемуев И.Н. Святые места манси верховьев северной Сосьвы, Новосибирск, Наука, 1999, 215 с.
3. Кулемзин В.М. Знакомьтесь: ханты, Москва, Наука, 1992, 100 с.
4. Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов, Томск, 1984, 250 с.
5. Мифология манси. Энциклопедия уральских народов. Том II, Новосибирск, издательство ИАЭТ СО РАН, 2001, 196 с.

Научный руководитель: преп. Сергеева Ю.К.

А.В. Самсонов

Омск, Омский государственный университет, 5 курс

ФЕНОМЕН «МЕНТАЛЬНОГО ГОРОДА» (рассказы информаторов и опыт полевых наблюдений)

Сейчас на территории бывшего СССР достаточно много небольших городов, которые имели недолгую историю своего существования. Население, которое жило там, разъехалось, но воспоминания сохранились, а люди, порой сменив провинциальный городок на столицу, говорят, что «нигде им так хорошо не жилось, как на малой родине». Так чем же остается для мигрантов их прежний город? Какой след оставляет переезд на судьбах людей? Основная цель данной работы – выяснить, что лежит в основе феномена «ментального города».

Доклад написан с использованием материалов, собранных этнографическими экспедициями Омского госу- дарственного университета в 2004–2006 гг. Кроме того были использованы материалы Интернет-форумов.

Из названия доклада ясно, что речь пойдет о «ментальных городах». Под «ментальными городами» подра- зумевается некий образ реальных городов, который возникает в сознании людей. Часто он возникает так: чело- век родился в городе N, провел в нем детство, юность, молодость. Затем он переехал в город L. И независимо от того хорошо ли ему живется или плохо в новом городе L, город N – оазис в его сознании. С ним связаны многие приятные события. У каждого индивида есть занимаемое им физическое пространство и образуемое им виртуальное пространство.[1, с. 5–7]. И именно на этом виртуальном уровне человек создает особую «матрицу/ модель идеального города», города, где было хорошо, куда хочется вернуться, но лишь мысленно.

Исходя из данного объяснения, стоит остановиться на следующих моментах. Так как нам был важен лич- ный опыт информаторов, то хронологические рамки исследования охватывали период со второй половины XX в. до начала XXI в. Территориальные же границы после начала беседы стираются, так как информаторы вспо-

минают события, происходившие далеко за пределами того региона, где они живут теперь, описывают самые разные города и поселения. Таким образом, объективные территориальные рамки проведенного исследования определить невозможно.

Возвращаясь к этапам развития в жизни поселения стоит сказать, что происходит до появления городов. Чаще всего город создается с определенной целью. К примеру, казахстанский город Каратау, который приобрел статус города лишь в 1963 г., должен был добывать и перерабатывать фосфориты. Из поселка в город Каратау превратился как раз благодаря рабочим кадрам (которые трудились на шахтах) и их семьям. Но такие города часто обречены изначально. Как только город теряет потенциал, заложенный в него, жизнь в нем прекращается. Фосфориты сделали из Каратау город, они же обезлюдили его. Когда добыча химикатов стала не выгодной, закрылись шахты, а люди потеряли работу и вынуждены были уехать. В итоге город пришел к тому, с чего начал – снова приобрел статус поселка.

Рассмотрим другой случай. Город Припять имел схожую историю образования с Каратау. Начальные страницы летописи трудовой биографии Припяти написаны 4 февраля 1970 года, когда тут был забит строителями первый колышек и вынут первый ковш земли. Близость железнодорожной станции и автотрассы, наличие реки определили выбор этого места для создания первой на Украине атомной электростанции. Это был важный проект. В него вкладывалось многое. Строительству различных дошкольных и спортивных учреждений уделялось особое внимание, ведь средний возраст жителей юного города составлял двадцать шесть лет. После трагических событий 26 апреля 1986 года город умер. У населения не было выбора – они должны были покинуть свой город.

В первых двух вариантах население мигрировало под воздействием каких-то факторов. Но часто человек переезжает по собственному желанию, у него есть выбор «остаться или уехать» и он осознанно выбирает последнее. Но по какой бы причине индивид не покидал свой город, тот всегда остается в его памяти и играет большую роль в его сознании.

Переезд для человека – очень важное событие в его жизни. В.А. Тишков утверждает, что, меняя место жительства, человек стремится к комфорту [3, с. 297]. Бесспорно, бывшие жители Каратау и Припяти после миграции на новое место извлекли для себя много необходимого: у них появилась работа и безопасное поселение соответственно. Но что считать критерием «комфорта»? На Интернет-форуме, посвященном Каратау, почти все посетители восхваляют свой город, говорят что «нет чудесней места на земле». Но необходимо сказать, что почти все посетители этого сайта – это люди, покинувшие Каратау много лет назад и сейчас живущие в более благоприятных местах. Многие лишь в родном городе ощущали комфорт, который не могут обрести по сей день. Но готовы ли они вернуться назад, в Каратау? В место, где они провели «чудесное детство», «незабываемую молодость»? «Я живу в Германии и очень этому рада, но периодически задыхаюсь от этого свежего воздуха и этой спокойной жизни. Хотелось бы вернуться в Каратау, но... Дело в том, что все уже давно изменилось – дома не такие, улицы не такие, всё разбито и разграблено. Хочется вернуться в город моего детства, но не получается... Я то Родину люблю, а вот любит ли она меня – вопрос. Если мне, скажем, за мою работу в Каратау платили “слёзы”, а Германия за то же самое 2000 евро...»[2] – пишет одна из бывших каратаусцев. И таких мнений множество: «Я хочу любить наш город на расстоянии. У каждого человека есть идеал места, где ему хочется жить. За основу идеала принимается Родина, как наиболее знакомое ему место (там, где человек родился и долго жил). На эту основу накладываются исправления, позаимствованные из представлений о других странах или воображения. Поэтому эмигранты уезжают в другую страну выбора с целью увидеть там свою родину, но “улучшенную”»[2]. В понятие «комфорт» в данном случае входит, прежде всего, душевное удовлетворение, спокойствие, умиротворение. Но бывшие каратаусцы осознали значимость комфорта уже за пределами родины и спустя время, а вот некоторые жители Припяти – напротив. Даже осознавая радиационную опасность, которая исходит от разрушенной АЭС, отказались от эвакуации и предпочли оставаться на месте, сохраняя тем самым «душевный комфорт». Чего они избегали? У каждого человека есть психическая модель пространства своей жизнедеятельности и своего положения в этом пространстве. Именно эти факторы и формируют «душевный комфорт», которого боятся лишиться жители Припяти. Кроме того, часто на желание переехать влияет страх. Страх во многих его проявлениях, от банального «не приживемся» до актуального «как бы не обманули с жильем аферисты-риэлторы». Человек не рискует покидать свое место не только по тому, что в другом месте он не найдет хорошей работы или жилья. Он не обретет комфорта. Совершая внутрирегиональную миграцию (т.е. переезжая из города в село, или наоборот) индивид не скоро почувствует себя комфортно. Смена образа жизни, окружающей среды, населения, работы – все эти факторы играют важную роль в процессе адаптации. Но переезд из города в город так же не всегда прост. Даже если этнический состав обоих городов одинаков, у каждого города есть свои особенности, которые требуют строгого соблюдения. Приезжая сейчас в новый город невольно сталкиваешься с рядом проблем в самых неожиданных местах. Например, в Омске оплата за проезд в маршрутном такси осуществляется при входе в транспорт, а в Красноярске, напротив – при выходе. Таким образом, омич в Красноярске почувствует некий дискомфорт. Не такие ли ситуации и пугают желающих переехать?

«Ментальный город» – модель, созданная романтиком. Люди готовы любить свой, особенно покинутый город, душой, но не хотят там жить. Продукт, созданный на основе воспоминаний, играет важную роль в жизни индивида.

Библиографический список

1. Бондырева С.К., Колесов Д.В. Миграция (сущность и явление). – М., 2004.
2. Форум «Город Каратау» // Сайт «Каратау – город нашего детства» (<http://karatauczi.ucoz.ru/forum/8-9-1>).
3. Тишков В.А. Реквием по этносу. – М, 2003.

Научный руководитель к.и.н., доцент М.Л. Бережнова

А.В. Сутула

Сургут, Сургутский государственный педагогический университет, аспирант

ТЕКСТИЛЬ МАНГАЗЕИ (XVII в.) КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ЭТНО-КУЛЬТУРНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ

Исторический текстиль из раскопок г. Мангазеи (XVII в.), в силу своей массовости [1, с. 80] и информативности выступает как значимый источник не только для этно-культурных реконструкций, включая способы изготовления тканых материалов и ткацкие традиции. Технологические характеристики исследуемых тканей (269 образцов) позволяют выделять в отдельную группу ткани местного происхождения (простое полотно, саржа) [2, с. 131], соотносимые с русской традицией. Русская ткацкая традиция подробно описана в работах Н.И. Лебедевой [8], М.Н. Левинсон-Нечаевой [9], А.Нахлика [10], что позволяет сопоставлять этнографические и археологические материалы при изучении мангазейских тканей XVII в.

Анализ показывает, что сырьем мангазейских тканей XVII в. является шерсть. Способ сбора сырья определяет отсутствие в исследуемом материале волосяных луковичек, что свидетельствует в пользу срезания шерсти ножом или ножницами [10, с. 243]. В работе Н.И. Лебедевой дается описание подобных ножниц, состоящих из железной пластины, согнутой вдвое. Древнейшие находки таких ножниц датируются началом III в. до н.э. [8, с. 469]. А.А. Лебедева также упоминает «овечьи ножницы» используемые для состригания шерсти [7, с. 151].

Параллельное расположение волокон в нитях значительного количества образцов археологического текстиля указывает на обработку пряжи перед прядением с помощью чесания, предположительно вертикальным деревянным гребнем, который описывается Н.И. Лебедевой как лопата с длинной рукояткой [8, с. 471].

Свидетельством иного способа обработки пряжи перед прядением – кардования (битья катеринкой или железной щеткой) [8, с. 472; 10, с. 243], является хаотичное расположения волокон в нитях. Кардование, как и чесание пряжи, используется для разрыхления волокон и придания им одного направления, четко фиксируется по археологическим тканым материалам. Можно предполагать, что пряжа из чесаной шерсти чаще употреблялась на основу, а пряжа из битой шерсти служила в качестве утка [10, с. 243-245]. Незначительная разница в тонине волокон в рамках одной нити свидетельствует об изначальной сортировке и подборе сырья для нитей в зависимости от необходимых качеств получаемого изделия.

Судя по технологическим параметрам археологических тканей Мангазеи, нити изготавливались либо вручную, дерганьем и кручением ладонями остатков волокон от чесания или битья, либо прялись с помощью веретена [8, с. 481] и прялки [10, с. 245]. Прядение руками, скорее всего, можно связать с прядением отходов шерсти [10, с. 245], используемых для грубых тканей.

В пользу прядения с помощью веретена и возможно прялки большинства исследуемых образцов археологического текстиля свидетельствует упорядоченное, достаточно равномерное скручивание нитей. Письменные источники, начиная с X века, также упоминают о веретене, как о необходимом предмете при прядении шерсти и льна у русского населения; значимыми в этом плане являются находки веретен и пряслиц в археологических раскопках [9, с. 9]. Прялка, появившаяся в Западной Европе не ранее XIII века [10, с. 245], быстро заняла почетное место среди атрибутов прядения.

Практически во всех образцах археологического текстиля, нити традиционно одинарные. Крутка нитей, возможная в двух вариантах – Z-крутка и S-крутка равнозначно присутствует в исследуемых материалах. Величина крутки нитей в большинстве образцов небольшая или средняя что возможно отражает заранее планируемые параметры нитей, используемых для тканей невысокого качества. Ведь, скорее всего большинство образцов археологического текстиля, найденного при раскопках г. Мангазеи, являются фрагментами недорогой ткани, изрядно выношенной и в последствии выброшенной.

Технология изготовления археологических тканей раскрывается через технологические параметры текстиля. Структура переплетения нитей в археологических тканях г. Мангазеи представлена в двух вариантах – полотняном и саржевом (саржа 2/2). В рамках указанных переплетений археологический текстиль делится на группы по фактуре (ткани с открытой/закрытой поверхностью), показателям тонины (тонкие, средние, толстые), плотности, комбинации скручивания нитей в ткани. Все перечисленные параметры соотносимы между собой, что дает возможность группировать археологические ткани в соответствии с их технологическими характеристиками.

Ткани полотняного переплетения с открытой поверхностью (90 образцов) достаточно вариативны по показателям тонины, плотности и крутки нитей в ткани. Однако, большинство образцов шерстяного полотна фиксирует однонаправленную SS-крутку, а также равномерное натяжение нитей и плотность, незначительно большую по основе, чем по утку.

Ткани полотняного переплетения с закрытой поверхностью (24 образца) атрибутируются в зависимости от расположения настила на поверхности текстиля как фланель (11 образцов) или как сукно (13 образцов).

Фланель Мангазеи по всем показателям, исключая настил, схожа с обычными тканями полотняного переплетения. Предположим, что закрытие одной стороны поверхности данных тканей настилом – попытка переноса ткачом суконной технологии на известные ему виды тканей.

Технологические характеристики сукна – тканей с настилом с двух сторон (13 образцов): неравномерная или низкая плотность, однонаправленная комбинация скручивания нитей, рассматриваются как нетрадиционные для суконных тканей. Сукно Мангазеи следует рассматривать как нарушение суконной технологии, обоснованной предположительно попыткой адаптации технологии сваливания на известные ткачу виды тканей. Возможно, покрытие тканей настилом являлось следованием моде на суконные ткани.

Ткани саржевого переплетения с открытой поверхностью (саржа 2/2) (132 образца) в большинстве своем свидетельствуют об устойчивой традиции изготовления тканей подобного типа, выраженной в использовании равносоставленного варианта переплетения нитей, однонаправленной ZZ-комбинации скручивания нитей, преобладании равномерной плотности, незначительно большей по основе, чем по утку.

Ткани саржевого переплетения (саржа 2/2) с закрытой поверхностью (3 образца) демонстрируют традиционную для саржи ZZ-комбинацию скручивания нитей, равномерную плотность, незначительно большую по основе, чем по утку. Особенностью данной группы текстиля является наличие настила на поверхности саржи, традиционно имеющей открытую поверхность [3, с. 96]. Прочие технологические признаки исследуемых фрагментов не выходят за рамки характерных для тканей саржевого типа. Таким образом, наличие настила на поверхности саржи следует рассматривать как нарушение суконной технологии [3, с. 97], в процессе которого специально созданный в качестве украшения ткани диагональный рисунок саржи, закрывается настилом. Определенно, наличие настила на поверхности ткани связывается с подражанием своеобразной моде на суконные ткани.

Описанное многообразие тканей и соответственно технологических характеристик еще раз подтверждает вывод М.Н. Левинсон-Нечаевой о «известном разнообразии в приемах тканья» [9, с.22] и указывает на необходимость реконструкций приспособлений используемых для изготовления тканей.

Технологические характеристики тканей полотняного переплетения указывают на использование горизонтального станка для их изготовления. Равномерное натяжение нитей, равномерная плотность, незначительно большая по основе, чем по утку или одинаковая по двум структурам нитей, а также плоские кромки [6] и «двойной уток» – классические показатели использования длинноавойного горизонтального ткацкого станка с педалями и двумя ниченками и развитым ткацким ремизным аппаратом.

Саржевые ткани также обнаруживают принадлежность к длинноавойному горизонтальному ткацкому станку с педалями и тремя или четырьмя ниченками. Характер кромки («плоская кромка») и ошибок (перекрытие утком по 1, 3 или сразу по 4 нити основы вместо 2) свидетельствуют в пользу кустарного изготовления на горизонтальном станке саржевых тканей.

Ткацкая традиция, выделенная по текстильным материалам г. Мангазеи XVII в. и соотносимая с русскими, характеризуется: - устойчивым использованием одного типа станка (длинноавойного горизонтального станка с педалями и ниченками); - изготовлением на станке традиционных для русской этнографии тканей: а) полотняного переплетения в основном с равномерной плотностью, б) саржевого переплетения (саржа 2/2) также с равномерной плотностью; - наличием на традиционно изготовленных полотнах признаков подражания другим технологиям изготовления текстиля (сукно, фланель); - вариациями в использовании нитей различной крутки (все остальные показатели традиционны).

Библиографический список

1. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Археологическое наследие русского населения Западной Сибири // II Северный Археологический Конгресс. Доклады. 24 – 30 сентября 2006. Ханты – Мансийск. – Екатеринбург: «Чароид», 2006. – С. 58-97.
2. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Глушкова Т. Н., Киреева Е. В., Сутула А. В. Текстиль Мангазеи (начало XVII в.) // Археология, этнография и антропология Евразии. Выпуск 25. – М., 2006. – С. 117 – 131.

3. Глушкова Т.Н. Археологические ткани Западной Сибири. – Сургут: Изд-во СурГПИ, 2002. – 206 с.
4. Глушкова Т.Н. Археологические текстильные материалы Западной Сибири как исторический источник // Источники по истории Западной Сибири. Часть I. – Сургут, 2003. – С. 5-10.
5. Глушкова Т. Н. Ретроспекции вертикального ткацкого станка (по археологическим и экспериментальным данным) // Экспериментальная археология. Вып. 3. – 1994. – С. 74 – 81.
6. Глушкова Т.Н., Киреева Е.В. Текстильные материалы Мангазеи (XVII в.) как исторический источник. Источники по археологии Западной Сибири. – Сургут, 2007 (В печати).
7. Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX-начало XX в.) / Этнография русского населения Западной Сибири и Средней Азии. – М.: Наука, 1969. – С. 104-189.
8. Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян // Труды института Этнографии. Т. XXI, 1956. – С. 459-540.
9. Левинсон-Нечаева М.Н. Ткачество. Очерки по истории русской деревни/ Труды ГИМ. – М., 1959. – Вып. С.9-37.
10. Нахлик А. Ткани Новгорода // МИА, 1963. - № 123. – С. 228-253.

Научный руководитель: д.и.н. Глушкова Т.Н.

Е.В. Титов
Омск, Омский филиал ИАЭТ СО РАН, аспирант

ЖИЛИЩА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ ТАРСКИХ ТАТАР КОНЦА XIX в.

Данная работа посвящена характеристике жилищ и хозяйственных построек татар, проживающих на территории Тарского Прииртышья. Это тарские татары - одна из территориально-этнических групп тоболо-иртышских татар.

Источниками для нашей работы явились прежде всего труды исследователей XIX века, а также материалы 1-й Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Сложность ситуации заключается в том, что немногочисленные работы XIX в. посвящены тоболо-иртышским татарам в целом, или «татарам Тобольской губернии», а не интересующей нас группе конкретно. Однако материалы переписи 1897 г. позволяют дать более полную характеристику жилищ и хозяйственных построек татар Тарского Прииртышья.

Всего к концу XIX в. по материалам переписи 1897 г. в Тарском Прииртышье было 43 поселения татар, из них 24 поселения были приписаны к Аялынской волости, 16 поселений – к Бухарской волости, население 3 поселений приписано как к Аялынской, так и к Бухарской волостям.

Приведем некоторые данные о татарских поселениях, встречающиеся в литературе конца XIX - начала XX в. В описании М. Петрова мы встречаем следующее: «Татары живут в своих деревнях отдельно от русских; их поселки называются аулами, а переносные хижины кочевников – юртами. Избы татар некрасивы и тесны...» [4, с. 93-94]. В работе К.М. Голодникова дается такая характеристика населенных пунктов татар: «...татарские селения, называемые обыкновенно юртами, заключают в себе от 10 до 100 и более одноэтажных и редко двухэтажных домов с окнами, подведенными под самую крышу» [2, с. 6]. Стоит уточнить, что сами татары называли свои поселения «аулами», русские же называли их «юртами» или деревнями.

По материалам переписи 1897 г. самый крупный населенный пункт - юрты Себеляковские (Курмановские), насчитывал 109 дворов, меньше всего дворов включали выселки Еланкульский и Апталовский – 4 двора. Среднее число дворов в «аулах» от 20 до 50.

Вот как описывали деревни татар исследователи: «Дома, окруженные заборами, которые не соединяются с соседними, разбросаны без всякой симметрии, отчего почти в каждой деревне находится много улиц и переулков» [5, с. 55]. А.Р. Шнейдер и Л.Н. Доброва-Ядринцева писали о деревнях татар Тобольской губернии: «Селения эти с неправильными кривыми и грязными улицами. Среди селения - мечеть с минаретом; за селением - заботливо охраняемая роща на месте кладбища» [7, с. 60].

В конце XIX в. К. Ельницкий сообщал: «...жилищем оседлых татар служат избушки – у бедных, и даже большие, иногда двухэтажные дома – у богатых» [3, с. 89]. Вот еще одно описание: «Дома строятся преимущественно одноэтажные, редко в два этажа; небольшие окна подводятся почти под самую кровлю, хотя бы дом имел и значительную высоту. Внутри дома редко бывает комнат более двух, которые разделяются сенями. Расположение и внутреннее убранство комнат всегда одинаковы: входные двери посередине стены комнаты, у передней стены и с боку – нары» [5, с. 55].

Наиболее бедные татары жили в небольших бревенчатых юртах либо в землянках, расположенных на окраине селения [6, с. 31]. Всего на конец XIX в. в населенных пунктах татар Тарского Прииртышья по материалам переписи 1897 г. фиксируется 10 землянок, крытых землей или дерном (д. Каракуль, д. Аптрашиново, ю. Куйга-

линские, выселок Комуслинский, д. Тоскань (Тоскино), д. Уленкуль, д. Большие Туралы). Наряду с избами, как отмечает Н.А. Томилов, здесь бытовали бревенчатые юрты. В материалах переписи 1897 г. фигурируют постройки «из дерева» и «из бревен» (можно предположить, что это бревенчатые юрты).

Бревенчатые дома (юрты) были известны в д. Черналы, д. Каракуль, ю. Себеляковские, ю. Сеитовские, д. Таксай, ю. Темшиняковские, д. Ищейкина, ю. Куйгалинские, д. Нарыпкина, д. Большие Туралы. Но преобладали, как правило, деревянные дома, т.е. избы. Немногочисленны и двухэтажные постройки - 1 деревянный дом, крытый деревом, - в д. Чеплярово, 4 деревянных дома, крытых деревом, - в д. Усть-Тарской, также там отмечен даже 3-х этажный деревянный дом, крытый деревом. В д. Тоскань (Тоскино) был зафиксирован дом из глины, крытый землей. Это единственная постройка такого типа, встреченная в поселениях татар Тарского Прииртышья.

В целом, по данным переписи 1897 г., татары использовали в качестве кровли тес, дрань, «дерево», березу, дерн, землю или солому. Встречались также дома без настила. В большинстве случаев дома крыли «дерево». Зажиточные могли позволить себе крыши из теса. Бедняки же использовали более доступную дрань, бересту, дерн или землю. Только в д. Черталинской фиксируется один деревянный дом, крытый соломой.

Стоит отметить, что в развитии техники домостроения у татар, несомненно, сказывалось русское влияние; это проявилось в характере построек как жилых, так и хозяйственных.

Как отмечает Н.А. Томилов, в XIX в. дома татарского населения вместе с хозяйственными постройками для скота, амбарами, сараями, банями, навесами, летними хлебопекарными печами образовывали крестьянские усадьбы [6, с. 31]. Однако наиболее бедные жители почти не имели надворных построек, скот держали во дворе за загородками. К.М. Голодников писал об усадьбах татар в конце XIX в., что «надворные службы составляют: пригоны для скота, амбары и погреба для хранения разных хозяйственных принадлежностей и съестных припасов» [2, с. 6]. Приведем еще одно описание хозяйственных строений середины 1870-х гг.: «Надворные строения составляют помещения для скота, навесы для экипажей и других принадлежностей хозяйского промысла. Летом во двор ставится небольшая печь для печения хлебов и для избежания лишней духоты» [5, с. 55].

В материалах переписи 1897 г. содержится информация о хозяйственных постройках в д. Черталинской. Среди них встречаются - амбар (крытый соломой), баня, сарай, завозня, овин (крытый соломой). Сведения по другим населенным пунктам к сожалению отсутствуют, что не дает нам возможности представить более полную картину на основе этого источника.

Таким образом, облик татарских поселений значительно изменился к концу XIX в. по сравнению с предыдущим периодом. Жилища и хозяйственные постройки являли собой результат сложного развития; в их конструкциях и устройстве переплетались традиции и новации.

Библиографический список

1. Голодников К.М. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. – Тобольск, 1882.
2. Дмитриев-Мамонтов А.И., Голодников К.М. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884.
3. Ельницкий К. Инородцы Сибири и среднеазиатских владений России: Этнографические очерки. – СПб., 1895.
4. Петров М. Западная Сибирь. Губ. Тобольская и Томская. Москва, 1908.
5. Список населенных мест по сведениям 1868-1869 годов. Тобольская губерния. СПб 1871.
6. Томилов Н.А. Поселения сибирских татар в трудах ученых и путешественников конца XVI-XIX вв. // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Омск, 2004. – Т. 8. – С. 21 –36.
7. Шнейдер А.Р., Доброва-Ядринцева Л.Н. Население Сибирского края(русские и туземцы). Новосибирск, 1928.
8. Ядринцев Н. Сибирские инородцы и их быт и современное положение. СПб. 1891.

Научный руководитель: кин, доцент Корусенко С.Н.

Л. Ю. Фефилова, Т. Ю. Фефилова
Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (историографический аспект)

При изучении костюма актуальными являются два направления — костюм как явление, которое необходимо изучать с помощью комплекса источников, и костюм как источник, дающий информацию о других сферах человеческой жизни.

В области изучения исторического костюма как явления, наиболее часто изучается костюм «традиционный» («этнографический») и «современный» («модный»).

Изучение «традиционного» костюма предполагает: реконструкции костюма, не сохранившегося в современном быту, как явление исторического характера и изучение костюма в раках традиционной народной культуры в ее более или менее первозданном виде. Первый изучается преимущественно историками культуры, второй — этнографами. Однако методы, применяемые исследователями, и используемая ими источниковая база во многом схожи, что позволяет рассматривать «традиционный» костюм как единую область изучения.

Научный интерес к «этнографическому» костюму сформировался еще в XVIII в. Г. Ф. Миллер, разрабатывая этнографическую программу «Показание, каким образом при описании народов, а паче сибирских, поступать должно», в тридцати ее пунктах детализирует процесс описания костюма, рекомендуя исследователям фиксировать не только особенности изготовления и ношения элементов костюма, но и информацию о том, насколько он традиционен для данной семьи, не был ли привнесен, а если был, то подвергся ли изменениям [8: С. 185-186]. Основным источником информации для изучения традиционного костюма сибирских народов служили, таким образом, сами костюмы (или их элементы) и устные сообщения информаторов.

Русский народный костюм начали изучать со второй половины XIX в. В 1860 г. Н. И. Костомаров заложил эту традицию [5]. Базой его исследований являлись преимущественно письменные источники, а также данные современной ему этнографии (реально существующие крестьянские и мещанские костюмы).

Сформировавшаяся в XVIII – XIX вв. практика изучения «традиционного» костюма с преимущественным использованием вещественных, устных и письменных источников оставалась востребованной и XX в. Этот принцип остается практически неизменным и на сегодняшний день.

Исследователи «этнографического» костюма используют, как правило, вещественные материалы, собранные в ходе экспедиций, реже — из фондов музеев, а также устные источники (как правило, «данные информантов» [2; 11; 14]. Письменные источники (мемуарная литература, записки путешественников, архивные/полевые материалы) используются в значительно меньшей степени.

Привлечение иллюстративных источников живописного характера носит в исследовании традиционного костюма ограниченный характер. Исключением является работа Л. И. Рославцевой, исследовавшей татарский костюм, среди прочего, на основании зарисовок путешественников и гравюр из альбомов этнографических экспедиций [9].

Портретная живопись, столь популярная при исследовании «модного» костюма, несмотря на довольно большое количество полотен, зафиксировавших внешний облик, в частности, русских крестьян, используется достаточно редко. Удачным примером является исследование Р. М. Белогорской и Л. В. Ефимовой [1].

Гораздо чаще исследователями привлекается такой вид визуальных источников, как фотография. При этом используются разные ее виды: портретные снимки, бытовые зарисовки, фотографии костюма, сделанные на рубеже XIX – XX вв. и тд. [4; 10; 12].

Использование костюма как исторического источника на сегодняшний день является очень перспективным направлением. Стоит отметить, что этнографы одними из первых обратились к костюму с этой точки зрения. Уже с 1960-х гг. исследование костюма все больше выступает в их работах не как самоцель, а как способ изучения процессов этногенеза и межнационального взаимодействия [6; 7; 13].

Основное внимание исследователи традиционного костюма уделяют его социальной и сакральной функциям. Через анализ семантически насыщенных элементов костюма (орнамент, головной убор и проч.) изучаются специфика жизненных циклов, обряды перехода и система верований народа в целом [13]. Взгляд на традиционный костюм как на знаковую систему, которая призвана обозначить место человека в социуме, является сегодня общепринятым. Стоит, однако, с сожалением отметить тенденцию сводить всю семиотику костюма лишь к социальному и сакральному значению [3, 92], что обедняет представление о костюме как об источнике, выводя на первый план наиболее архаичные явления и игнорируя запечатленный в костюме процесс ее развития.

Библиографический список

1. Белогорская Р. М., Ефимова Л. В. Одежда // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. I. – М., 1985.
2. Гуськова Т. К. Некоторые этнографические особенности населения б. Нижне-Тагильского горного округа в конце XIX – начале XX века (Опыт работы краеведческого музея г. Нижний Тагил) // Советская этнография. – 1958. – № 2.
3. Калашникова Н. М. Народный костюм (семиотические функции). – М., 2002.
4. Касицкая Д. Л., Левинсон Н. Р., Лобанева Т. А. Положение и быт рабочих металлургической промышленности Урала // Историко-бытовые экспедиции 1949–1950 // ТГИМ. Т. XXIII. – М., 1953.
5. Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. – М., 1993.
6. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв.: Этнографические очерки. – Томск, 1977.
7. Лебедева Н. И., Маслова Г. С. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX в. // Русские: Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX – начало XX века). – М., 1967.

8. Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. Приложение 1.
9. Рославцева Л. И. Одежда крымских татар конца XVIII – начала XX в. – М., 2000.
10. **Русский традиционный костюм:** Иллюстрированная энциклопедия. – СПб., 1998.
11. Тазихина Л. В. Русский сарафан (По коллекции сарафанов Государственного музея этнографии народов СССР) // КСИЭ. 1955. Т. XXII.
12. Трушкова И. Ю. Традиционные костюмные комплексы Вятского края: проблемы формирования, взаимовлияния, современного состояния // История и культура Вятского края. – М.–Киров, 2005.
13. Федорова Е. Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. – СПб., 2000.
14. Фурсова Е. Ф. Женская погребальная одежда русского населения Алтая // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири. – Новосибирск, 1983.

Научный руководитель: д.и.н., доцент В. Н. Земцов

Ю. А. Фомина

Омск, Омский государственный университет, 5курс

ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СИБИРИ В ТРУДАХ Н.М. ЯДРИНЦЕВА

Большую роль в развитии этнографических исследований среди народов Сибири сыграл Николай Михайлович Ядринцев (1842-1894 гг.), член Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества.

Монографии Николая Михайловича имеют ценность, как источник информации не только для этнографов, но и географов, историков, экономистов, культурологов, религиоведов. Ученый и публицист, Ядринцев Н.М. не довольствовался ролью простого собирателя этнографических материалов, он ставил целью исследовать «постоянно совершающиеся изменения инородческого быта под влиянием времени и культуры» и считал, что «этнографические исследования должны служить и для решения ряда жизненно-важных проблем». Для коренного населения Сибири такими проблемами были: влияние русской колонизации, причины обнищания населения и вымирания, «то есть вопрос их дальнейшего сохранения и вопрос об условиях, при которых совершаются нормальные переходы к оседлости».

В 1882 г. Н.М. Ядринцев выпустил монографию «Сибирь как колония». В ней был охвачен широкий круг вопросов: о дальнейшем существовании и предупреждении вымирания коренных народов Сибири; вопрос об их культурном развитии и просвещении; административно-политический вопрос, касающийся гражданского полноправия коренных народов. До Ядринцева Н.М. на народы Сибири смотрели, как на объект исследования. Он считал их частью того общества, которое будет впоследствии построено.

Для этнографии народов Сибири более существенным вкладом являлась вторая монография Н.М. Ядринцева - «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» (1891 г.); он изучал сибирских татар (тобольских, томских, барабинских, бухарцев), вогулов (манси), остяков (к которым кроме хантов относил и селькупов), народы Алтая (калмыков – так именовали алтайцев).

Наблюдения Н.М. Ядринцева над бытом и жизнью народов Западной Сибири начались в 1878 и 1880 гг. с Алтайского горного округа, находящегося в пределах Томской Губернии. Район этот был избран для обследования как древнейший центр и исходный пункт угро-алтайских племен, «где типы, нравы, обычаи инородцев сохранились в большей чистоте»; затем он перешел к изучению народов и других районов Сибири. Это были важные сведения, т.к. с течением времени этнокультурная и этносоциальная ситуация изменилась. Работы Н.М. Ядринцева остались важным, а по отдельным вопросам, и единственным, источником.

В своих исследованиях Н.М. Ядринцев опирался на труды предшествующих поколений ученых – это Миллер Г.Ф., Гмелин С.Г. и др. Он обобщил результаты их изысканий и внес свои коррективы. Впервые Н.М. Ядринцев поставил вопрос не только о влиянии русских на местное население, но и о влиянии коренного населения на русских; он пришел к выводу, что это влияние «нельзя считать незначительным, а наоборот его нужно учитывать и изучать». В своих работах исследователь указал разные названия русских групп населения Сибири. С течением времени русские переселенцы в Сибирь были разделены и законодательно оформленными документами.

В 1880 г. Н.М. Ядринцевым была издана «Программа для описания сибирских инородцев», которая была разослана некоторым местным учреждениям и лицам, «на просвещенное содействие которых он имел ... основания рассчитывать». Вопросы «Программы» охватывали разнообразные сведения о народах. Уделяя главное

внимание не лингвистическим, как это делалось раньше, а антропологическим исследованиям, автор делал подробное описание типов, прибегая к измерениям и составляя рисунки.

Помимо обычных этнографических разделов, которые характеризовали национальные особенности, быт и культуру, в том числе: расселение, язык, фольклор, религия, образ жизни, хозяйство, жилище, одежда, пища, семейный и общественный быт – в программу были включены вопросы, ориентированы на этносоциологические исследования. Работы Н.М. Ядринцева – это первая попытка выяснить «происходит ли приращение или убыль народа, есть ли признаки вымирания».

«Программа исследования сельской общины в Сибири» и «Программа для описания сибирских инородцев», несомненно, представляли собой крупный вклад в практику этнографических исследований. Являясь наблюдателями традиций, обрядов, обычаев, Н.М. Ядринцев выступал в роли защитника тех народов, исследованием которых он занимался. Своими работами Н.М. Ядринцев привлек внимание широких кругов научной общественности и властных структур к сложной сибирской проблематике, призвал к безотлагательному принятию мер для улучшения жизни края. Его деятельное участие в их судьбе может служить примером для современных поколений ученых.

Научный руководитель: Томилов Н. А., дин, проф.

Д.Ц. Цыденова

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН, аспирант

СОЦИАЛЬНЫЙ ПАТЕРНАЛИЗМ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ (на материалах обычного права агинских бурят)

Проблема социального патернализма чрезвычайно актуальна для современной России. В обществе переходного периода размывается социальная и функциональная значимость традиционных средств поддержки личности и вместе с тем, недостаточно действуют новые и инновационные средства государственной поддержки. По этой причине возникает практическая необходимость в исследовании механизмов адаптации традиционных форм социальной поддержки к современным условиям.

В различных сообществах этносоциальные особенности поддержки личности проявляются неодинаково, складываются различные образы «людей старшего поколения» и «молодежи». В традиционных обществах значима роль обычая, преемственности, накопления и передачи опыта от «отцов» к «детям». В семье и общине высок авторитет стариков, основывающийся на соответствующих этических традициях. Традиционные формы патернализма сохраняются в среде многих народов России, в том числе и среди бурятского этноса.

Одной из этнолокальных групп бурят являются агинские буряты. Они проживают в настоящее время на территории Агинского бурятского автономного округа и входят в более широкое сообщество хоринских бурят. У всех бурят, в том числе и агинских, первой и главной ячейкой общества был род, члены которого были связаны между собой родственными отношениями.

Необходимо отметить, что родовое деление сохранилось до наших дней. Лица, принадлежащие одному роду, считаются родственниками. Родители с самых ранних лет знакомили детей с родословной в пределах 7, а порой и 10-12 поколений. Во многих семьях составлялись генеалогические таблицы. При сохранении родоплеменной структуры призрение немощных, больных и бездетных осуществлялись по обычному праву родственниками, а в случае необходимости и всем родом. В истории коренных жителей Аги не было случаев старческого и детского сиротства [2, с. 11].

На протяжении многих веков обычное право имело силу закона, хотя самые ранние указы и положения существовали в некодифицированной форме. Самым ранним памятником обычного права бурят является Указ 1759 г. Законодательный акт «цаадза» 1789 г. является общим для забайкальских бурят.

По исследованиям профессора В.А. Рязановского, первая кодификация нравственно-правовых норм хоринско-агинских бурят была проведена в 1763 г. при составлении документа «Хэб» (бур. «форма», «модель, образец») [1]. Следующим был «Наказ» (дзакия) главного тайши хоринско-агинских бурят Шираб-Дамба Дугар Ринчено Галзотского рода Арслану Мардоину с товарищами от 1793 г., летнего среднего месяца, 25 дня.

В нем особая роль отводилась сайтам, претворявшим в жизнь законы и следившим за их выполнением. Сайты (старейшины) – люди, которых выбирали всем родом. Сайтом мог стать человек (не моложе 60 лет), который

женил внука и обладал собственностью. Его выбирали не по кровнородственным связям, а по личным качествам – в нем должны были преобладать альтруистические начала.

«Наказ» состоял из 9 статей, которые порицали пьянство, разврат, азартные игры (карты, лото, кости) и расчётливость. В статье 2 данного документа говорится, что *«должностные сайты 11 хоринских родов объявив данный наказ сайтам и податным людям должны воспретить пить вино людям моложе 40 лет. Кроме того, должны строго воспретить игры 3 видов: карты, лото и кости – вести распутную жизнь»*.

Статья 6 подчеркивает, что *«человек, который может пить вино на обо* и бумханах** свадьбы и саалах*** и подобных празднествах и увеселениях, должен быть старше 30 лет и может пить с разрешения сайтов и стариков; если они скажут: «Пейте вино», – может пить, если запретят – пусть перестает»*. Из этого следует, что все эти законы принимались старейшинами в профилактических целях [3, с. 15].

«Согласительный устав» («Эб-хэб тогтогол» от 1800 г. летнего среднего месяца, 20 дня «о торговле в степи среди хоринских 11 родов от лица всех тайшей, зайсанов, шуленг этих родов, общественных доверенных и населения») Судя по всему, издание этого устава было продиктовано активизацией торгово-ростовщического капитала в бурятских улусах и вызванным вследствие этого разорением бурят. *«Как мы видим теперь, – читаем в «Согласительном уставе», подданные 11 родов без согласия и ведома нашего от купцов на большую сумму берут в долг... и, не будучи в состоянии уплатить свой долг купцу, друг у друга деньги из большого процента перезанимают и расплачиваются. А если не найдя чем уплатить долг, без нашего ведома и разрешения, дают от себя купцам подписки и старый свой долг опять переписывают на новые проценты. Затем, будучи не в состоянии уплатить и этого долга, разоряются окончательно, вследствие чего бывают принуждены пойти в кабату, от чего лишаются возможности исправно платить государственную подать и возмещать всякие общественные расходы, а также лишаются возможности содержать своих детей, отца и мать»*.

Таким образом, в этом уставе предусматривались меры по защите интересов местного населения от «кабалы» купцов. Рассматриваемым выше документом были предприняты попытки «запретить посредническую торговлю и торговлю в кредит, запретить отдавать в кабалу человека за отцовские деньги, предписывалось не брать более 25% с рубля в год» и смягчить усиливающиеся противоречия между богатыми и бедными слоями населения [3, с.23]. Этот «согласительный указ» актуален и в настоящее время, ведь он призван защитить население от произвола рынка, перекупщиков, ростовщиков и коммерсантов.

«Положение 11 хоринских родов 1808 года» было составлено на общем собрании названной группы бурятского народа и состоит из 132 статей. В разделе «Об оскорблении словом и действием» предусматриваются меры ответственности и зависимости от социального и служебного положения участников конфликта и степени оскорбления. Например, в ст.38 предполагается наказание за неуважение к родителям и оскорбление их: если кто обидит словами родителей, или побьет их, если они пожалуются, то при наказании того человека по закону, для того чтобы показать устрашающий пример на виду у них местные сайты должны наказать его плетью [3, с. 29].

Здесь также рассматриваются вопросы сватовства, о чем свидетельствует раздел «О сватовстве обычном и анда (взаимном)» (ст.11,13,14,28). В одном из пунктов говорится: *«Если сватовство было утверждено по обыкновению «рукобятием», такое сватовство не должно быть нарушаемо»*.

Договор о сватовстве также закреплялся обменом кушаками (матерчатый мужской пояс) между сватами. В те времена нарушение этих правил считалось величайшим позором, и дети не могли перечить родителям. Сватовство у бурят совершалось в раннем возрасте детей, часто еще в малолетстве. Так при сватовстве заблаговременно до свадьбы, обговаривались взаимные обязательства сватов при семейном устройстве детей. Родители задолго до свадьбы готовили юрту и обстановку в ней, свадебные наряды, одежду, скот и другое имущество для новой семьи. Каждая молодая семья должна была быть обеспечена всем необходимым для самостоятельной жизни. В этом проявлялась забота родителей о детях и упорядоченность брачно-семейных отношений. При сватовстве (особенно малолетних детей) буряты учитывали возможные непредвиденные случаи (например, смерть одного из будущих супругов, нежелания их вступить в брак и тд.).

Нормы обычного права усложнялись с развитием общества. Генерал-губернатор Сибири М.М.Сперанский пытался кодифицировать право сибирских народностей, в том числе и бурят. Дополнения к «Уложениям» были приняты в 1817, 1818, 1820, 1823 и 1831 гг. «Общественный приговор» от 18 декабря 1817 гг. касался системы управления хоринско-агинских бурят и состоял из 22 статей.

Результатом кодификации права является «Хоринское уложение 1823 года». Оно было принято на съезде тайшей, старших родоначальников и почетных подданных данного ведомства и соответствовал положениям «Устава об управлении инородцев 1822 года», который, по словам проф. А.В. Рязановского, оставил широкое поле деятельности для действия родового быта, для применения местных обычаев, применения местного обычного права» [1, с.22]. В этом документе много внимания уделено вопросам укрепления семьи; о чем свидетельствуют ст. 99, 100, 104.

* Культовое место, посвященное духам-хозяевам определенной местности.

** бумханы – культовые места, посвященные духам; назывались в тех случаях, когда там были построены небольшие часовни.

*** Саал – свадебный ритуал, связанный с передачей выделанных овчин для шитья одеяла новобрачным.

Так, например, в ст. 46 отражены элементы защиты, опеки и усыновления незаконнорожденных детей: *«Если девушка окажется беременной, то родители при родах должны бережно принять младенца и рожденное дитя усыновить. Но независимо от того, была эта девушка замужем или нет, выдать ее замуж как обычно через сватовство. Если просватанная девушка выйдет за другого, то вернув ее отдать за прежде просватанного жениха».*

Ст. 48 данного уложения предусматривает опеку старших над младшими в случае смерти родителей или их разорения: *«Если кто, имевший много сыновей, некоторых поженив, а некоторых не успев поженить, умрет или обеднеет, то прежде поженившиеся и ставшие самостоятельными сыновья должны общими силами воспитать и поженить остальных. Если неженатый сын захочет получить свою долю имущества с тем, чтобы самому потом жениться, то может отделиться со свидетельством сайтов отока*».*

В ст.99 говорится о том, что если родители обеднеют, то кто-нибудь из состоятельных сыновей должен с почтением взять их на свое попечение и за это с прочих детей и родных ничего не взыскивать. Если сыновья все бедные, то должны содержать сообща любым способом. Об усыновлении детей говорится в ст.100: *«Если кто возьмет на воспитание чужого ребенка для передачи наследства то оба (родителя): как берущий, так и дающий ребенка должны составить письменное подтверждение и засвидетельствовать у должностных лиц отока».*

В ст. 104 предусмотрены меры по призрению *«осиротевших младенцев или бездетных старцев-людей»* - *«Старейшины отоков должны решать, кому их отдать для бесплатного содержания: или состоятельным родственникам, или наиболее богатым внутри отока, или поочередно им»* [3, с.198].

«Хоринское уложение» 1851 г. свидетельствует об усложняющейся жизни и стремлением властей охватить правотворчеством все стороны жизни бурят. Здесь так же, как и в уложении 1823 г. много внимания уделено вопросам семьи, опеки и попечительства (ст.120, 123). Затронута борьба с пьянством: право пить вино было привилегией людей старше 40 лет (ст.60). [3, с. 205]. Этот документ является усовершенствованным нормативно-правовым актом по сравнению с ранее принятыми правовыми нормами агинских бурят.

Анализ памятников обычного права хоринских бурят позволяет говорить, что авторитет старых людей был чрезвычайно высок. Основываясь на жизненном опыте, они выполняли функции профилактики и защиты, являлись носителями социальных санкций внутри сообщества.

В традиционном обществе любое социальное действие регулировалось старыми людьми с целью защиты молодежи от совершения неправомерных поступков, хотя полный контроль мог подавить возможность жизненного выбора и проявления инициативы. Призрение стариков и немощных людей обеспечивали здоровый нравственный климат общества, его стабильность и устойчивость.

В настоящее время у агинских бурят традиции социального патернализма не утратили своей значимости. Наблюдается тенденция адаптации преимуществ обычного права к современной работе нормативно-правовой деятельности Агинской окружной Думы. Агинское общество пытается упорядочить и систематизировать социальную систему незащищенных членов сообщества в нормативной форме, учитывая при этом устоявшиеся традиции социальной поддержки.

Библиографический список

1. Рязановский В.А. «Обычное право монгольских племен». – Чита, 1921г.
2. Тумунов Ж. Т. «Этнопедагогика агинских бурят» – Чита: Издательство ЗабГПУ, 1998г.
3. Обычное право хоринских бурят. – Новосибирск: «Наука»,1992 г.

Научный руководитель: кин Бадмаев А.А.

А. А. Шиль

Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет, 2 курс

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ТРАДИЦИОННОГО СРУБНОГО ЖИЛИЩА КАЗЫМСКИХ ХАНТОВ

Ханты относятся к финно-угорской языковой общности и составляют обско-угорскую ветвь этой семьи, подразделяясь на две основные этнографические группы: северную и восточную. Северные ханты проживают

*Оток (в пер. с бур.) – род, клан.

на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов Тюменской обл. Они населяют бассейн Нижней Оби с притоками: Назым, Казым, Куноват, Сыня, частично Полуй [4, 1999 с.-7] и другие реки. Их культура сформировалась в результате адаптации человека к условиям таежного севера. Многие ее элементы восходят к древним эпохам. Со становлением культуры охотников и рыболовов таежных рек связано становление техники домостроения хантов.

Традиционной архитектуре хантов посвящено несколько работ исследователей, в которых выделены различные типы конструкций: срубные, постоянные и временные каркасные [6, 7, 8, 9, 10, 11]

В 2005 и 2006 гг. Приобским отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством к.и.н. Новикова А.В. были проведены археолого-этнографические работы на территории ХМАО (Белоярский район, пос. Юильск и стойбища А.В. Молданова и П.К. Гариповой). В ходе работ была собрана информация по современному традиционному домостроительству на примере 10 сооружений с различными датами постройки.

Еще в конце XIX - нач. XX вв. каждое хантыйское стойбище или отдельно стоящая изба имела свое ромысловое значение [2 с.-67, 3]. И сейчас в разговоре еще можно услышать «летняя избушка», «зимняя избушка». Сейчас эти избы и стойбища расположенные в районе 50-ти км. по реке практически утратили свое первоначальное значение и используются в качестве летних усадеб.

Жилые постройки. По информации, полученной от информаторов, если дом строился из расчета на постоянное пребывание (такowymi являются жилой дом на стойбище А.В. Молданова и дом на стойбище П. К. Гариповой), то их примерная длина по оконным стенам около 7-ми м., ширина по входной стене около 5-ти м., высота 2,5-2,7 м.; уровень пола в постройках ниже уровня дерна, что весьма характерно для такого типа жилищ; у обоих домов есть сени глубиной около 2-х м. и нары. Оба эти жилища строились из расчета на семью, этим и обусловлены их размеры.

На территории стойбища П.К. Гариповой также имеются 2 разрушающихся строения, которые раньше были жилищами братьев ее отца. Они значительно меньше домов описанных выше; в проекции они почти квадратной формы со сторонами 320х340 и 480х460 – стена входа и боковая стена соответственно, больший из них имел сени или навес над входом, нары и уровень пола был ниже уровня дерна. Столь небольшие размеры этих домов объясняются тем, что в них жили одинокие люди. Южная и северная стены построек имели оконные проемы [5, с.-172 – 174.].

Сейчас на обоих жилых стойбищах есть по бане, но они совсем не похожи по конструкции на русские бани. По словам информаторов, раньше на стойбищах не строили бани.

Все действующие постройки на территории стойбищ Гариповой П.К. и Молданова А.В. своим входом были ориентированы на восток, что связано с направлением господствующих зимой ветров, освещенностью и другими климатическими особенностями. По другим исследованиям, положение входа относительно сторон света безразлично [12, с.-105.]. Это же говорили и наши информаторы. Подтверждением тому - описанные выше домики 2-х братьев с ориентацией входа у большего южной стене, а у меньшего в западной. Такое расположение входа, возможно, сориентировано на тропу, ведущую к болоту – старице Вошьюгана (там было ягодное место).

Сезонные жилища. Сезонными жилищами являются зафиксированные на территории стойбища А.В. Молданова 2 разрушающиеся постройки и «летняя кухня» на стойбище П.К. Гариповой перевезенная на стойбище около 30-ти лет назад. Размеры первых 2-х: 4,7х3х1,6 и 4х3х1,7 м по входной и боковым стенам соответственно (высота при постройке дана предположительно), размеры «летней кухни» 4,1х5,8х2,3 м (по входной и боковой стенам, высота соответственно), у всех домов не было нар. Вход у «летней кухни» ориентирован на восток, у выше описанных домиков входы были ориентированы первый – на Запад, а второй – на Юго-восток.

Лабызы. Лабызы могут быть самых разных размеров и пропорций, в зависимости от потребностей, единственное общее для конструкций данного типа, это примерная высота их опоры около 120-150 см. Лабызы могут быть сложены как из бревен, так и из досок. Опоры могут быть традиционной елочкообразной формы или из цельных бревен (покрытых толстым полиэтиленом).

Важно отметить, что почти все зафиксированные нами постройки по типу рубки относятся к варианту «в обло» с двухсторонним остатком. Однако, по мнению З.П. Соколовой, ханты перешли к рубке срубов «в лапу» («в обло») лишь в XX в., что было результатом влияния русской культуры на местную строительную технологию [Соколова З.П., 1963, с.-200].

Технология строительства. Для стойбища выбирали сухое место, на небольшой возвышенности так, вблизи от воды; окружение болотами не позволяло оленям летом разбредаться далеко и обеспечивало их кормовую базу (ягель). Для строительства использовали только живые деревья, а не сухостой. По данным А.В. Головнева, «живое дерево срубалось лишь для «живых» вещей – лодок, нарт, жилища, орудий труда» [1, с.-188]. Выбирали прямоствольные деревья диаметром (без коры) - 16-20 см. При выборе топором делался небольшой вертикальный заруб (срубалась кора) по стволу, ножом подцеплялось одно из волокон и отделялось от ствола, так определялось расположение волокон у дерева. На нижние венцы выбирали самые крепкие, бревна с витыми волокнами, которые предварительно обжигали на медленном огне, защищая их от гниения. Заготавливали лес осенью, когда в древесине меньше всего влаги; после обработки лес сох до лета; летом начинали строительство.

Важным этапом строительства (оформления интерьера) было создание нар (хант. «шинкш» – нары). С этой целью, после оформления внутренней площадки жилого помещения (ограничения ее срубом), внутри сруба выкапывалась прямоугольная яма. Ее размеры соответствовали размерам внутренней части сруба. Она отступала от тыльной (западной) стены приблизительно на 2 м, а вся остальная площадь выкапывалась на глубину до 0,3 м. При этом, отвал из ямы ссыпался прямо на дерн оставшейся у западной стены площадки, размеры приблизительно 2 x 4-5 м в зависимости от длины западной стены. В результате уровень этой площадки повышался. В дальнейшем борта ямы оконтуривались горбылем из сосен (плоской стороной к земле, а полукруглой наружу) или досками. После этого будущие нары (площадка у западной стены) и пол ямы застилались досками с ориентацией от входа к задней стене. На пол прямоугольной ямы сначала укладывались 2 поперечные, а затем 2 продольные лаги и уже на них укладывались доски пола [Новиков А.В. , 2007].

Бревна для стен старались брать одного диаметра 16-20 см, а для балок в крышу 12-16, в зависимости от толщины стены (большая толщина балок в крыше обеспечивала ее повышенную прочность, это было необходимо, т.к. были очень большие снежные заносы). Если такой материал найти не удавалось и бревна были различных диаметров, то их обтесывали с двух сторон, под необходимую толщину стен, или только со стороны комнаты, чтобы выровнять стену.

Доски делали зимой из бревен с прямослойными волокнами, раскалывая их клиньями, которые поливали водой, и они, разбухая, рвали волокна древесины. Из одного бревна получалось 2-4 доски, в зависимости от толщины бревна и толщины досок, и 2 горбыля.

Сначала ставился сруб целиком, а оконные и дверные проемы выпиливались, затем бревна в тех местах подрубались под коробку. Сначала ставились вертикальные части коробки, а затем горизонтальные их подпирали. В некоторых домах окон обнаружено не было.

Для прокладки использовали подсушенный зеленый мох; его готовили заранее, обычно после таяния снегов, выбирая место на ветру для просушки и раскладывали на доски под навесом. Для покрытия крыши использовалась береста. Она снималась с берез весной и обязательно «с живого» дерева. До строительства она находилась (высыхала) под прессом. Береста накладывалась внешней стороной вверх, сшивалась кедровым корнем. Класть ее начинали от краев крыши к коньку слоями внахлест так, чтобы у воды был свободный сток. На более старых домах на балки стелили дранку, затем бересту которую закрепляли горбылем. Сейчас на балки кладут доски, покрывая их полиэтиленовой пленкой.

Традиционное домостроительство хантов в настоящее время утрачивает свое значение. В пос. Юильск ханты предпочитают жить в домах, которые когда-то строили геологи, а в настоящее время в Юильске одновременно несколько домов для жилья хантов строят приезжие наемные рабочие по современным промышленным технологиям.

Библиографический список

1. Головнев А.В. «Свое» и «чужое» в представлениях хантов // Обские угры (ханты и манси). Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. VII. М. 1991, 187 – 224 с.
2. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюгано-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. - Томск, Изд-во ТГУ, 1977.
3. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: Ханты – Новосибирск, Изд-во «Наука», 1992.
4. Молданов Т. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. - Томск, 1999.
5. Новиков А.В. Этнокультурное взаимодействие казымских хантов и восточнославянского населения в XVIII – XIX вв. (на примере домостроительных традиций Казымского острога) // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23 – 28 октября 2006 г., Новосибирск). Том II. Новосибирск, Изд. ИАЭТ СО РАН, 2006, с.-172 – 174.
6. Попов А.А. Жилище // Историко – этнографический атлас Сибири. М.Л. Изд-во АН. С.- 131 -226
7. Соколова З.П. К истории жилища обских угров // СЭ №2, 1957, с. 88 – 105.
8. Соколова З.П. Обско-угорское жилище и его история. Автореф. кандидатской дисс. 1957.
9. Соколова З.П. Современные селения и жилища ваховских хантов // ТИЭ, М, АН СССР. 1960. Т. 56. С.-178 – 198
10. Соколова З.П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // ТИЭ, М, Наука. Т. 84. 1963. с.-182 - 233
11. Сюзюмов А.Л. Некоторые аспекты изучения хантыйского жилища (по этнографическим материалам) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург. УрГУ, 1993, с.-188-195.
12. Шухов И.Н. Из отчета о поездке весною 1904 г. К казымским осякам. Пг., 1915. С. 105.

Научный руководитель: к.и.н. Новиков А.В.

НАРОДНЫЕ СЛУЖИТЕЛИ ПРАВОСЛАВИЯ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ

Традиционно православие играло важную роль в жизни населения России. События начала XX в. коренным образом изменили положение церкви и верующих. Советская власть проводила антирелигиозную политику, в сознание людей внедрялся атеизм. Основная масса храмов была закрыта. В этих условиях религиозность населения оказалась слабо зафиксирована. Данная тема практически не освещена в отечественной историографии, поэтому большой потенциал имеют устные источники. Они интересны своим фактологическим содержанием; а с другой стороны беседы с человеком позволяют раскрыть внутреннюю сущность религиозного мировосприятия.

Существует ряд сложностей в работе по религиозной тематике. Во-первых, религиозность населения на сегодняшний день не является закрытой темой, но, тем не менее, информатор не всегда идёт на контакт, так как своё религиозное мировоззрение, собственный духовный опыт сложно открыть постороннему человеку. Во-вторых, существует проблема религиозной неграмотности. Бум строительства и открытия храмов, вызванный новой политикой власти по отношению к церкви, привел к тому, что на сегодняшний день практически в каждом селе существует церковь. Тем не менее, население в силу занятости, болезней, отсутствия религиозного воспитания в семье и школе и прочих причин не посещает церковь. Верующие часто не знают Библию. В связи с этим, население, считая себя верующим, не знает христианского вероучения. Религиозная неграмотность зачастую восполняется устным народным творчеством. В-третьих, из жизни уходит поколение, которое застало ломку религиозного сознания в крестьянской среде. Редкостью становятся информаторы 1910-х гг., а более пожилых респондентов осталось несколько человек на весь район.

В настоящей работе нами рассматривается такое явление религиозной жизни крестьян как деятельность народных служителей. Появление народных служителей характерно преимущественно для сельской среды. Это связано с тем, что в городах в советский период наиболее крупные храмы продолжали действовать. В сёлах же церкви закрывались в массовом порядке. Поэтому именно в сельских поселениях проблема отправления религиозных культов стояла острее. Не смотря на антирелигиозную политику советского государства, вера в Бога сохранилась. Так, согласно переписи 1937 г. неверующих оказалось меньше, чем верующих, а 43 % населения назвали себя православными [1, с. 158]. Поскольку количество верующих было достаточно большим, «снизу» инициировалось появление служителей культа среди населения. В памяти информаторов существование народных служителей православия отложилось как событие 1950-х гг. Кем они были? Если в церкви священникам был только мужчина, то служителями могли быть как мужчина («старичок», «дед»), так и женщина («бабушка»). Формальных требований в виду неофициального характера данного явления к служителям не было. Но населением выдвигался ряд условий: возраст – народный служитель обязательно был пожилым человеком, имеющим богатый жизненный опыт; знание молитв, без которых не мыслимо совершение религиозного обряда; близость данного служителя к церковной организации в предшествующий период.

Авторитет такого служителя повышался в случае использования им в своих обрядах какого-нибудь церковного атрибута, в роли которого в основном выступали церковные книги. По словам А.Ф. Абрамович: «Бабушка Даниловна, она ещё живая была. Мы специально ездили за ней. Она приезжала и читала ... У ней вот такая большая книга была, толстая, у неё там всякие молитвы». А Башкова А.В. рассказывает, что у служителя в с. Титово (Тогульский район – *Авт.*) было кадило (Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г.).

В связи с тем, что культовые здания в селениях были разрушены либо закрыты, возникала проблема наlicия помещения для проведения служб. Выходом из сложившейся ситуации было отправление служб в жилых домах местных жителей - «на дом ходили». А если служитель был один на несколько сёл, его «по сёлам развозили» (Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г.).

В обязанности служителя входило: совершение погружения, как замена обряда крещения; чтение молитв на похоронах; проведение православных праздников. Все обряды, проводимые служителем, сопровождалась молитвами. По словам респондента, служительница «знала, какую молитву когда читать, когда крестить, когда вот к этой Пасхе или там к празднику какому... покойнику какую молитву читать» (Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г.). А.Ф. Абрамович вспоминает, как служительница Даниловна проводила службу: «Бабушка читает молитвы... Она перед столом сидит или стоит. Ну, она больше всё сидела, она сильно старенькая была. Поставлены подсвечники, свечушки горят. А остальные все стоят и крестятся. А она говорит, где можно стоять, где, значит, на колени» (Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г.).

Факта проведения народным служителем какой-либо альтернативы обряду венчания в устных источниках зафиксировано нами не было. Народный служитель не следил за исполнением поста, что объясняется суровостью жизненного уклада. По воспоминаниям А.Н. Абрамович: «Пост, когда признавать, кроме картошки ничего

не было ... Он и так пост, и так пост. Хоть умирай с этого поста» (Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г.).

Известны случаи организации служителем крестного хода. А.В. Башкова рассказывает: «А скажут, ну пойдёмте Богу молиться к Святому ключу... Бабки собираются штук десять и ... идут на ключ с иконами ... старичок их водил» (Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г.).

Труд служителя, как правило, вознаграждался. Население его одаривало по совести - у кого что было. «А вот бабушка Даниловна, она у нас, вот только что её ... привезут, покормят. Но как потом идти, покормят» (Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г.). Если же служитель начинал требовать себе вознаграждение, это встречало неприятие со стороны верующих. «Тут ещё появилась у нас одна бабушка. Я не знаю, её Ивановной опять называли ... её почему-то все невзлюбили... И вот она как пришла в деревню ... Её угостили, у кого яйцо, у кого значит что-то ещё ... хлеба ни у кого не было, вот эти драники картошечные. А она когда молебен отвела, ну и говорит: «Вы меня, это, пожертвуйте. Принесите мне кто масла, кто яиц, кто-то может ещё что-то, кто-то может и деньгами». А в войну у нас в деревне, что там было! Ни у кого ничего. Ну и все и её больше не стали приглашать ... раз она так сказала, это она плату просит» (Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г.).

Несмотря на отношение советской власти к религии даже партийные ходили к служителям. Как рассказывает А.В. Башкова: «Ну конечно знали. И партийные таскали к нему всё детей» (Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2006 г.). Такая позиция партийных объяснима. С одной стороны, являясь местными жителями, они придерживались традиции старшего поколения, а с другой – вступили на путь построения нового общества.

Таким образом, в условиях отсутствия церкви самим населением был образован уникальный институт народных служителей православия, что позволило в той или иной степени сохранить православные традиции в сельской среде, удовлетворить основные потребности верующих.

Работа по данной теме является перспективной. Открытыми остаются вопросы: территория распространения народных служителей, хронологические рамки данного явления и ряд других. Тем не менее, факт существования народных служителей зафиксирован.

Библиографический список

1. Казьмина О.Е. Вопрос о религиозной принадлежности в переписях населения России и СССР // Этнографическое обозрение. – 1997. – №. 5. – С. 156-161.

Научный руководитель: дин, проф., Щеглова Т.К

А.С. Шморзун

Омск, Омский государственный университет, 4 курс

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ДЕТЕЙ В СЕМЬЯХ БЕЛОРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В XX ВЕКЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

По результатам переписи 2002 года в Омской области проживает всего немногим более 9 тысяч белорусов (это всего 0,44% от общего числа населения). Однако в действительности же белорусов в Сибири, а в частности в Омской области, намного больше. Просто найти их довольно трудно, поскольку во всех документах они числятся русскими. Но потомки белорусов помнят, откуда пришли их предки, и сохраняют культуру своей прародины. Вместе с этим достаточно сложно обстоит дело с их этническим самоопределением. Целью данной работы является рассмотрение процесса формирования этнической идентичности у белорусских переселенцев в детстве.

При подготовке доклада были использованы материалы этнографических экспедиций Русского отряда Омского государственного университета (далее – ОмГУ) 2005 и 2006 гг. в с. Атирка Тарского района и с. Поречье Муромцевского района Омской области.

В народе принято считать, что этническая принадлежность «задается» вместе с рождением, умением говорить на родном языке, культурным окружением и что на протяжении жизни она не меняется. Для миллионов людей этническая идентичность – это само собой разумеющаяся данность, которая не подлежит рефлексии. Однако она формируется с возрастом, обычно в младшем школьном возрасте. Детей учат читать, писать, са-

мостоятельно мыслить. Они начинают обращать внимание на имена, фамилии, прозвища одноклассников. Что касается идентичности потомков белорусских переселенцев, то здесь все гораздо сложнее.

Большая часть белорусов приехали в Омское Прииртышье на рубеже XIX–XX веков. Они стали создавать на пустом месте свои, белорусские, поселения. Примерно в 1930-е годы их самосознание стало изменяться, и они начали осознавать себя русскими. Их дети росли русскими, но при этом помнили свои «корни». В настоящее время своих предков жители Атирки и Поречья называют самоходами, а себя – русскими, и только некоторые по-прежнему относят себя к белорусам. Но нельзя отрицать тот факт, что уже с первых лет жизни и те, и другие ощущают на себе влияние белорусской культуры. Так, сразу после рождения ребенка устраивают ответки – визит женщин села к роженице [МЭЭ ОмГУ 2006 г. Полевая опись (далее – П.о.) 1, л. 9]. И пусть новорожденный еще никак не воспринимает этот обряд, но позднее он наблюдает эту (как и многие другие) традицию у родственников, соседей.

Информаторы, которые приехали в Атирку или Поречье из других (не белорусских по происхождению) населенных пунктов, отмечают, что живут здесь «нерусские. У них разговор совсем другой, нескладный» [МЭЭ ОмГУ 2005 г. П.о. 1, л. 4]. Некоторые поначалу не понимали многих слов. Но дети, которые растут в этой среде, сами употребляют в своей речи белорусские слова и при этом не задумываются над их значением. И если добавить ко всему этому особенности в пище (и ее приготовлении), то выходит, что живут в этих селах явные белорусы.

Один из информаторов села Поречье, Владимир Викентьевич Баньковский, 1938 г.р., отвечая на вопрос о своем этническом происхождении, сказал, что про нацию свою не знает. «Но если судить по происхождению, я поляк... а по паспорту – русский». Комментируя это, он рассказал, что родственники приехали из Белоруссии, это в семье все хорошо знают. Но в целом в белорусских деревнях между собой об этом говорили мало, тем более не принято было обсуждать проблемы национальности. Даже историю семьи информатор знает плохо – об этом тоже мало говорили, мать вообще ничего не рассказывала, бабушка иногда, бывало, что-то скажет, но интереса у внука это не вызывало.

Интересно, что В.В. Баньковский сомневался при указании национальности людей, рожденных до войны, говорит, что «корни у нас белорусские, эти – приехали из Белоруссии, но по паспорту русские». Указывая национальность людей, рожденных после войны, без сомнения сообщил, что все они русские. В то же время, например, В.В. Баньковский о матери – Баньковской Пелагее Ефимовне – уверенно сказал, что она русская, хотя, называя этническую принадлежность ее родителей, также твердо сказал, что его дед белорус. Насчет бабушки сказать ничего не смог, упомянул лишь, что по паспорту она была русская, а приехала, вроде бы, из Белоруссии [МЭЭ ОмГУ 2006 г. П.о. 3, л. 16].

И это далеко не единичный случай. Очень часто у информатора нет четкой определенности с этнической принадлежностью, своей и/или своих родственников. Кроме того, самосознание может возрастать или ослабевать, а порой и вовсе меняться в соответствии с внешними обстоятельствами.

В с. Поречье нам встретился интересный случай, когда на самосознание детей оказал влияние человек, не имевший ранее никакого отношения к этому селу и белорусам.

В конце 1950-х годов в село приехала молодая учительница истории Нина Федоровна Баньковская. Родом она была из недалекого села Бергамак и имела старожильские корни. Но именно она рассказывала детям о переселении белорусов в Сибирь и упоминала, что приехали основатели Поречья тоже из Поречья, только белорусского. И зачастую только благодаря ей дети узнавали о своих белорусских корнях. Они делились полученной информацией с родственниками, а потом бывало доставали с чердаков атласы СССР и «искали в нем Поречье в Белоруссии» [МЭЭ ОмГУ 2006. П.о. 7, л. 12].

Сейчас воспитанию детей уделяется мало внимания. Вот что говорит директор Пореченской средней школы Елена Петровна Верхотурцева: «... меня удивляло, что в магазин зайдешь – разговоры о хозяйстве, о коровах, о картошке. А в школу на собрание не дозовешься родителей. Собственные дети не так интересны, как скотина!» [МЭЭ ОмГУ 2006 г. П.о. 1, с. 13]. Однако жители и Атирки, и Поречья не забывают традиции предков. Сейчас подрастающее поколение этих сел не безразлично к своей культуре, обычаям, помнит о своих корнях, знает историю своих сел. Многие дети интересуются прошлым своей семьи.

Библиографический список

Материалы этнографических экспедиций ОмГУ 2005, 2006 гг.

Научный руководитель к.и.н., доцент М.Л. Бережнова

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ И СТРАНАХ АЗИИ

А.М. Ананьев

Томск, Томский государственный университет, аспирант

КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ. ОБЩАЯ ОЦЕНКА

Одна из основных причин повышенного интереса к проблеме миграции китайцев состоит в том, что никто точно не знает сколько китайцев проживает не только в Томской или иной области, но и в РФ в целом. Анализируя статистические данные Томской обл. относительно легальной миграции из стран АТР, можно сразу отметить тот факт, что количество мигрантов по сравнению с показателями Дальнего Востока у нас гораздо меньше. Официальные данные УФМС по Томской обл. таковы.

В период с 01 января 2000г. по 31 декабря 2000 г. всего на территорию Томской обл. прибыло 183 иностранных гражданина из стран АТР, а именно из КНР, КНДР, Японии, Республики Кореи и Вьетнама, из них 124 китайца, из которых 32 человека прибыло на учебу, 104 человека сроком до 1 года и 16 человек более чем на 1 год.

В период с 01 января 2001 г. по 31 декабря 2001 г. всего на территорию Томской обл. прибыло 320 иностранных граждан из стран АТР, из них 220 китайцев, из которых 39 человек прибыло на учебу, 179 человек менее чем на 1 год, а 26 человек более чем на 1 год.

В период с 01 января 2002 г. по 31 декабря 2002 г. всего на территорию Томской обл. прибыл 501 иностранный гражданин из стран АТР, из них 413 китайцев, из которых 36 человек прибыло на учебу, 374 человек менее чем на 1 год, а 17 человек более чем на 1 год.

Итак, проанализировав данные на период с 2000 по 2002 гг. можно увидеть, что количество легальных мигрантов прибывающих в нашу область выросло в 2,5 раза. В связи с принятием в 2003 г. нового приказа МВД РФ от 14.04.2003 №250 несколько изменились отчетность миграционных служб в выше стоящие органы, что позволило более подробно разобраться в целях приезда иностранных граждан на территорию нашей области.

В период с 01 января 2003 г. по 31 декабря 2003 г. всего на территорию Томской обл. прибыло 1152 иностранца из стран АТР, в том числе 965 граждан из КНР. Из которых 464 человека прибыло по приглашениям от органов местного самоуправления и юридических лиц, 17 человек по приглашениям от граждан РФ и 4 человека по приглашениям от иностранных граждан проживающих в РФ. Что же касается целей визита, то с частными целями прибыло 39 человек, с деловой поездкой 393 человека, на обучение прибыло 10 человек, о желании заняться трудовой деятельностью заявило 29 человек, 4 человека прибыло с научно-культурной целью и только 5 человек приехало по туристической визе.

В период с 01 января 2004 по 31 декабря 2004 гг. всего на территорию Томской обл. прибыло 2000 иностранца из стран АТР, в том числе 1620 граждан из КНР. Из которых 739 человека прибыло по приглашениям от органов местного самоуправления и юридических лиц, 3 человек по приглашениям от граждан РФ. Что же касается целей визита, то с частными целями прибыло 24 человек, с деловой поездкой 666 человека, на обучение прибыло 21 человек, о желании заняться трудовой деятельностью заявило 166 человек и только 1 человек приехало по туристической визе.

В период с 01 января 2005 по 31 декабря 2005 гг. всего на территорию Томской обл. прибыло 1666 иностранца из стран АТР, в том числе 1485 граждан из КНР. Из которых 1064 человека прибыло по приглашениям от органов местного самоуправления и юридических лиц, 10 человек по приглашениям от граждан РФ. Что же касается целей визита, то с частными целями прибыло 9 человек, с деловой поездкой 117 человека, на обучение прибыло 55 человек, о желании заняться трудовой деятельностью заявило 223 человек, 5 человека прибыло с научно-культурной целью и только 2 человек приехало по туристической визе.

За первый квартал 2006 г. на территорию Томской обл. прибыло 632 иностранца из стран АТР, в том числе 591 гражданин Китая. Из которых 214 человек прибыло по приглашениям от органов местного самоуправления

юридических лиц, 1 человек по приглашению от гражданина РФ и 4 человека по приглашениям от иностранных граждан проживающих в РФ. Что же касается целей визита, то с частными целями прибыло 7 человек, с деловой поездкой 174 человека, на обучение прибыло 3 человек, о желании заняться трудовой деятельностью заявило 185 человек.

Анализируя миграционную ситуацию за указанный период в Томской области, в данной работе при анализе миграционной ситуации, прежде всего, использовались на данные текущих архивов УФМС Томской области, подготовленные для Управления Внутренних Дел Томской области, а также материалы периодической печати и средств массовой информации о мигрантах из стран АТР.

Не трудно заметить, что в последние годы неуклонно росло количество приезжающих в область туристов, бизнесменов, мигрантов для трудовой деятельности и для бучения. Однако официальные цифры не отражают полной картины реального количества китайских мигрантов на территории Томской области, т.к. помимо легальной процветает и нелегальная миграция, также в данных отчетах не регистрируется количество приезжих, реально оставшихся в Томске. Все это позволяет лишь приблизительно представить количество китайских мигрантов постоянно проживающих на территории нашей области; но и по этим данным видно, что с каждым годом их количество увеличивается. По официальным данным, в период с 2000 по 2002 гг. в Томск прибыло 1004 гражданина КНР, а с 2003 г. по I кв. 2006 г. 5450 человек.

Основная масса приезжих, заявивших о желании заняться трудовой деятельностью, задействована в сфере торговли и сельском хозяйстве. Так, уже привычными для населения Томской области становится то, что повсеместно открываются все новые китайские рынки, предоставляющие места для трудоустройства в основном вновь прибывшим китайским гражданам, что в свою очередь вызывает волнения среди местного населения.

Местные СМИ поднимают следующие темы, связанные с китайской трудовой миграцией. Это – коррупция и подкуп местных чиновников со стороны китайских предпринимателей. Интересно отметить тот факт, что часто «обличителями коррупционеров» выступают сотрудники служб занятости г. Томска, Управления федеральной миграционной службы.

В интервью, корреспондентам местных газет звучат чаще негативные оценки китайских мигрантов, претительные мотивы в оценке их деятельности. С гордостью заявляется о том, что “лица китайской национальности не смогли сегодня создать себе плацдарм на территории Томской области, как это произошло в Новосибирской и Кемеровской областях и в Алтайском крае именно благодаря большой совместной работе всех заинтересованных областных структур”. По словам бывшего начальника отдела по делам миграции УВД Томской области Олега Дудова, “постоянный костяк китайцев у нас 300 человек” («Независимая газета», 15 декабря 2003 года на <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0139/gazeta013.php>).

Проанализировав приведенные материалы можно сделать следующие выводы. Во-первых, Томская область позже других регионов Западной Сибири стала зоной китайской миграции. Постоянная община только формируется и мигранты очень подвижны. В структуре китайской миграции преобладают трудовые мигранты, хотя исторически Томск является одним из образовательных центров Сибири. Во-вторых, из всех стран АТР, наибольшее количество легальных мигрантов приезжает из КНР; их количество с каждым годом возрастает и эта динамика, вероятно, будет сохраняться и впредь.

Научный руководитель: дин Шерстова Л.И.

Е.В. Антропов

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН, аспирант

НОВОСИБИРСК – ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СИБИРСКОГО МЕГАПОЛИСА

С момента своего основания в 1893 г. Новосибирск развивался на основе миграционных потоков. Остальные компоненты демографического роста были в явном подчинении. За период 1959-2002 гг. миграционный прирост и естественная прибыль населения составили 68% и 32% соответственно. Эволюция этнической структуры городской среды на фоне динамичных миграционных процессов была и остается одним из важнейших факторов складывания современного полиэтнического мегаполиса.

Город представлял собой многонациональное сообщество с момента своего возникновения. К 1913 г. население Новониколаевска (впоследствии Новосибирска) составило 62608 человек. Преобладали русские, белорусы и украинцы; неславянские общины также демонстрировали количественный рост.

Многие группы формировались вследствие внутрироссийских и межгосударственных миграционных потоков, носивших как принудительный, так и добровольный характер. Особое место в этих процессах занимала политическая ссылка в Сибирь XVIII и XIX вв., приведшая к появлению польской, литовской и украинской диаспор Сибири.

В начале XX в. черте города сложились этнические анклавы, в частности, татар и поляков. В 1915 г., в связи с событиями Первой мировой войны, развернувшимися на территории Латвии, в Россию, в том числе и в Сибирь устремились тысячи беженцев. В Новониколаевске в это время было зарегистрировано 200 латышских беженцев [1, с. 74-75]. К началу 1918 г. в городе проживало около 270 латышей, проявлявших заметную политическую инициативу. К этому же времени в Новониколаевске насчитывалось около 300 китайцев, заинтересованных в защите своих экономических интересов, связанных с торговлей [5, с. 7].

В годы революции и Гражданской войны активную позицию по вопросам культурно-национальной политики занимали этнические группы поляков, литовцев, украинцев, белорусов, латышей, эстонцев, немцев, евреев, армян, грузин, китайцев [2, с. 13-14].

В 1926 г. в городе проживало около 120 тыс. человек. Городское сообщество включало представителей 60 народов: русские составляли 109720 человек, татары – 2134, евреи – 2090, украинцы – 1315, поляки – 1234, мордва – 622, белорусы – 443, немцы – 373, латыши – 319, эсты – 258, зыряне – 183, китайцы – 146, литовцы – 113, цыгане – 111, чувашаи – 193, корейцы – 47, мадьяры – 35, армяне – 33, вотяки – 22, финны – 21, пермяки – 18, казахи – 17, грузины – 15 человек и т.д. [2, с. 9].

В 1937г. постановлением ВЦИК СССР была создана Новосибирская область с центром в городе Новосибирске. Национальный состав нового административного образования, согласно Всесоюзной переписи населения 1939 г., был следующий: 1692,5 тыс. русских, 107,7 тысяч украинцев, татар – 20,5, казахов – 18,9, белорусов – 15,0, мордочев – 12,5, чувашей – 9,0, немцев – 8,0, евреев – 7,7, поляков и эстонцев – по 3,9, латышей – 3,4, литовцев – 1,3, цыган – 1,0 тысяч человек и т.д.

В предвоенные и военные годы Сибирь получила значительный приток депортированного населения из западных областей СССР. В период 1939-1940 гг. в Новосибирскую область было переселено более 19 тысяч поляков, большинство из числа оставшихся в живых впоследствии вернулось на родину. В числе высланных в область были представители латышского, эстонского и финского народов. К 1959 г. поляков и латышей в области стало меньше на 1,2 и 0,9 тыс. человек соответственно, а численность эстонцев увеличилась на 0,3 тыс. человек.

В годы Великой Отечественной войны участь насильственно переселенных испытали целые народы, в их числе оказался ряд северокавказских народов, калмыков, крымских татар, греков [5, с. 7]. Только немцев из Поволжья было выселено около 450 тысяч. Из них в Новосибирской области предписывалось расселить 28600 человек [1, с. 46]. Согласно переписи 1959 г. немцев в области стало 78769 человек.

Сокращение численности украинцев по области к середине XX в., по всей видимости, было обязано значительной доле жителей области, перешедших в разряд горожан, в том числе и Новосибирска. Если в 1939 г. горожанами были 14,8% украинцев, то к 1959 – 51,6%. Кроме того, послевоенное время связано с активизацией внутрисибирской и межрегиональной украинской рабочей миграцией, вызванной, главным образом, развитием нефтегазовой и других добывающих отраслей промышленности [2, 2002, с. 9].

К 1959 г. в Новосибирской области проживало 62261 украинцев. Уменьшились также общины: казахов на 5,6 тыс. человек, белорусов на 3,3, чувашей на 1,2, мордвы на 5,5. Помимо русских, увеличили свое представительство татары на 4,4 тыс. человек, евреи на 4,7, цыгане на 0,7 и т.д.

Что касается Новосибирска, его численность в сравнении с 1939 г. выросла в 2,2 раза и составила 885045 человек. Статистические данные по городу выглядят следующим образом: русские составляли 805803 человека, украинцы – 20638 человек, немцы – 17062, евреи – 11519, татары – 9271, казахи – 5292, белорусы – 5219, мордва – 2873, чувашаи – 1829. Национальный состав населения областного центра наглядно демонстрирует, что абсолютное большинство перечисленных народов проживало в области.

Вторая половина XX в., начиная с 1950-1960-е гг. для Новосибирска характеризовалась активным развитием промышленной зоны за пределами городской черты (как правило, на территории старых сел). В масштабах региона в этот период была сделана ставка на развитие научного и энергетического потенциала. Создание Новосибирской ГЭС и академического научного центра СО АН СССР вызвало быстрый территориальный и демографический рост города. В 1962 г. число новосибирцев достигло 1 млн. человек.

Изменение этнической структуры Новосибирска и области по данным переписи 1979 г. в целом соответствует тенденции перераспределения населения в пользу города. Сельское население первых десяти по численности народов сокращалось, начиная с 1970 г. и до сегодняшнего дня. Городское же представительство первой десятки, прежде всего в Новосибирске, неуклонно росло. В целом же по области представительство первой

десятки, за исключением русских и татар, уменьшилось: немцев на 13874 человека, украинцев на 15264, казахов на 1676, евреев на 2780, мордвы на 2277.

В конце XX в. активное наращивание городского потенциала за счет сельского перешло в интенсивную, заключительную фазу. Город расширял свою территорию, поглощая ближайшие к черте урбанизации села и втягивая их население. Бывшие ранее этнически однородными поселения стали терять свою специфику, редеть или исчезать вовсе.

В результате в 1970-1980-е гг. в Новосибирской области значительно сократилась число эстонских, латышских, чувашских, немецких и других селений. Кроме немецкого населения области, к 1989 г. уменьшившегося еще на 3416 человек, евреи потеряли в численности 2186 человек. Сократились также численность чувашей и мордвы. Славянское население, а также татары и казахи выросли.

За межпереписной период 1979-1989 гг. в Новосибирске, население которого выросло на 10% и составило 1435,9 тыс. человек, проживало около 53% населения области. Естественный прирост исчислялся в 88,1 тыс. человек, при этом положительное сальдо миграции составило 38,9 тыс. человек. При средней численности постоянного населения почти в 1400 тыс. человек через город прошло 953 тыс. человек, т.е. почти 69% постоянных жителей. Введение коэффициента оседлости позволило определить, что в 1980 – 1982 гг. на постоянное место жительства в Новосибирске оседало 37,4% мигрантов, 1990 – 29,6% [3, с. 76].

Нестабильность городского населения подтверждают и данные условного обмена состава горожан, происходившего, по расчетам 1975 – 1980 гг. каждые 24 года. Но быстрее всего, за 22 года, население обновляется на границе с городской чертой, в Новосибирском районе, ставшем своеобразной перевалочной базой мигрантов на пути из сельских районов в урбанизированные [4, 2003, с. 71].

Превышение притока населения в Новосибирске над оттоком обеспечивалось за счет мигрантов: в 1970 г. – из РСФСР, Латвии, Грузии, Азербайджана, Армении, Киргизии, Таджикистана, Казахстана, Белоруссии, Узбекистана, Туркмении; в 1981 г. – из РСФСР, Литвы, Грузии, Азербайджана, Армении, Киргизии, Туркмении; в 1988 г. – из Украины, Молдавии, Таджикистана; в 1990 г. – из РСФСР, Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии, Азербайджана, Армении, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Казахстана, Туркмении [3, с. 77].

В постсоветский период в сибирском регионе, как и в России в целом, стал очевиден “западный дрейф” миграции, наметившейся уже в 1970-е гг. Сибирь, Россию и страны СНГ покидали европейские диаспоры. На примере Новосибирской области хорошо видно уменьшение численности европейских народов и замещение демографических потерь выходцами из стран Азии. К 2002 г. в области осталось 47275 немцев, 33793 украинцев, 8380 белорусов, 1399 эстонцев, 1288 поляков, 808 латышей и т.д. Более чем в два раза сократилась численность евреев и составила 3332 человека. Значительно возросшее число армян составило 7850, азербайджанцев – 7366, цыган – 2835, таджиков – 2784, корейцев – 2154 человека.

Получение суверенитета республиками, входящими в состав РФ, активизировало выезд из области представителей титульных этносов, в частности, мордвы и чувашей, в соответствующие регионы России. Кроме того, уменьшение численности населения данных национальностей связано со снижением рождаемости и сменой этнической идентичности.

Рост азиатских диаспор в последнее время связан с трудовой и транзитной миграцией из экономически неблагоприятных стран ближнего зарубежья. Помимо интенсивности важнейшей отличительной чертой трудовой миграции является ее временный характер.

На сегодняшний день Новосибирск является развитым мегаполисом со сложной полиэтничной структурой. Полиэтничность накладывает отпечаток на всю культуру и быт горожан. Изменчивость городского населения, определяемая многосторонней миграцией, имеющей этническую окраску определяет специфику и перспективы развития мегаполиса на ближайшее время.

Библиографический список

1. **Неславянские** этнодисперсные группы в Западной Сибири (формирование и этнокультурная адаптация). – Новосибирск: Издательство института археологии и этнографии СО РАН, 2003.
2. **Новосибирск-многонациональный.** Народы и религии. – Новосибирск: Изд. АртИнфоДата, 2002.
3. **Октябрьская И.В.** Мигранты в городе. Проблемы этнической идентичности и стабильности межэтнических отношений (по материалам анализа ситуации в Новосибирской области) // Миграция и опыт взаимодействия регионов по усилению этнополитической стабильности в Евразии. – Новосибирск: Изд. ИЭОП СО РАН, 2004. – вып. 2.
4. **Расселение в Западной Сибири:** Самоорганизация и управление. Итоги и проблемы. Новосибирск: Издательство ПРО: Агентство “Сибпринт”, 2003.
5. **Этнические группы сибирского мегаполиса:** взаимодействие культур, особенности поликультурного и национального образования. – Новосибирск: Изд. АртИнфоДата, 2003.

Научный руководитель: дин, Октябрьская И.В.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ТОФАЛАРОВ В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОЙ АССИМИЛЯЦИИ

Важнейшей функцией этнического самосознания является сохранение этнической общности. Это предполагает осознание своего отличия от других [4, С.62]. Одним из главных этноразделительных признаков является язык.

В современной этнологической, этнопсихологической и этносоциологической науке существуют различные точки зрения о роли языка в этнической идентификации. Одни исследователи склонны утверждать, что с потерей языковой компетентности происходит языковая, а затем и этническая ассимиляция: «утрачивая язык, народ перестает осознавать свою идентичность, культурную исключительность, самобытность и пополняет количественно другие, маргинальные этносы» [3, С. 16-28].

Другая точка зрения: понижение интегрирующей роли языка в этническом самосознании компенсируется другими её компонентами. Это положение подтверждается материалами ряда исследований, согласно которым утрата какого-либо этнического признака не ведет к ассимиляции, а вызывает своего рода «возмущение этнического самосознания, которое выискивает иные символы этнической преемственности» [1, С. 20; 2, С.18].

Расселение тофаларов в трех смешанных по национальному составу поселках Нижнеудинского р-на Иркутской обл., их активные контакты с представителями других народов, прежде всего с русскими, обусловили постепенное вытеснение из их жизни ряда самобытных культурно-бытовых особенностей. В среде тофаларов происходит языковая ассимиляция.

По данным исследования В.П. Кривоногова на 1995 г. тофаларский язык признало родным всего 16,3% респондентов. Степень владения тофаларским языком оказалась очень низкой. Всего лишь 14,5% респондентов ответили, что владеют языком свободно, а 53,2% не вообще не владеют тофаларским языком [2, С. 33-38].

Наши исследования проходили в п. Алыгджер и п. Верхняя Гутара Нижнеудинского р-на Иркутской обл. в 2005-2006 гг.; в районе насчитывается 662 тофаларов. По специальной выборке было проведено этнопсихологическое исследование. Всего было опрошено 107 человек в возрасте старше 18 лет.

Важной особенностью этнической идентичности тофаларов на современном этапе стал переход от тофаларского языка к русскому. В возрастной группе от 18 до 35 лет тофаларский язык признали родным всего лишь 3,8% респондентов и в качестве родного языка указали на русский 96,2%. Тофаларским языком в этом возрастной группе никто не владеет свободно, 1,9% - указали, что владеют со значительными затруднениями, 15,4% - понимают и 82,7% - совершенно не владеют.

В возрастной группе старше 35 лет тофаларский язык признали родным 16,4% респондентов, 23,6% указали на два родных языка (русский и тофаларский), 60% признали родным русский язык.. Свободно владеют тофаларским языком 31% респондентов, с некоторыми затруднениями 3,6%, со значительными 12,7%, 27,3% только понимают, но не говорят и 25,4% совсем не владеют. Степень владения тофаларским языком в старшей возрастной группе явно выше, чем в младшей.

Для обеих возрастных групп характерно, что никто не указал на тофаларский язык как основной разговорный. Лишь 2% указали русский и тофаларский и 98% говорят только на русском.

Тофаларский язык используют в основном люди старшего поколения; 18,7% респондентов обеих возрастных групп используют его в разговоре с родителями; 8,4% - в разговоре с друзьями, это относится к лицам старшего поколения. Стоит также отметить, что никто не указал на тофаларский язык как на единственный разговорный, его употребляют только наряду с русским.

Современная языковая ситуация в среде тофалар обусловлена различными факторами: во-первых, это совместное проживание с русскими этносом, во-вторых, существенная установка на изучение русского языка как необходимого; в-третьих, большое количество межнациональных браков (в смешанных семьях основным разговорным языком является русский). Материалы нашего исследования говорят о низкой значимости родного языка в этнической самоидентификации тофаларов. Принятый в семье язык, отметили в качестве фактора самоидентификации лишь 0,9% респондентов, что подтверждает наш вывод о замене родного языка русским.

В качестве главного признака самоидентификации 34,6% респондентов выбрали национальность отца, 22,4% - собственное желание, 18,7% - национальность матери, 13,1% - общее историческое прошлое, 10,3% - место проживания. Среди респондентов, выбравших в качестве фактора самоидентификации собственное желание, подавляющее большинство являются метисами. Из всех респондентов 53,3% определили себя тофаларами по происхождению – т.е. по национальности одного из родителей.

Важнейшим этноконсолидирующим признаком для тофаларов является родная земля - 43% респондентов указали этот признак как важнейший; 29,9% указали на родной язык, 9,3% - обряды и обычаи. Остальные признаки называют реже.

Важнейшие же этнодифференцирующие признаки выглядят так: 23,4% - родной язык, 19,6% - внешний облик, 13,1% черты характера, 10,3% - обряды, обычаи. 13,1% указали, что различий нет.

Как видим, родной язык как этнодифференцирующий признак указали менее четверти респондентов. Мы можем, предполагать, что в дальнейшем он будет компенсирован другим признаком. Например, таким, как внешний облик.

Таким образом, мы можем сделать несколько выводов по результатам нашего исследования: - по сравнению с исследованиями Кривоногова В.П. мы отмечаем дальнейшее развитие языковой ассимиляции; - постепенное снижение языковой компетентности не ведет к потере этнической идентичности тофаларов; исследованием выявлена постепенная компенсация языка другими компонентами этнической идентичности; важнейшим этноконсолидирующим признаком для тофаларов является «родная земля».

Библиографический список

1. **Акляев А.Р.** Язык в системе национальных ценностей и интересов// Духовная культура и этническое самосознание. Вып. 1. Москва, 1990.
2. **Кривоногов В.П.** Этнические процессы у малочисленных народов Средней Сибири. Красноярск, 1998.
3. **Нерознак В.П.** Современная языковая ситуация в России//Известия РАН. Серия литературы и языка. Москва, 1994, т. 53, №2
4. **Тоболина Т.В.** Проблемы этнических общностей в американской социологии// Этническая культура: динамика основных элементов. Москва, 1984.

Научный руководитель: д.и.н., доцент Кривоногов В.П

Т.Е. Василенко

Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 3 курс

МУСУЛЬМАНЕ КИТАЯ КАК ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ

Ислам начинает проникать в Китай в VII в. и вскоре становится, по выражению В.С. Кузнецова, «реальностью китайского общества» [1]. Носителями этой религии были не только войны халифата, но и купцы, проповедники. Оставаясь в Китае, они закладывали основы формирования мусульманской общины. В ее составе были переселенцы арабы и иранцы, среднеазиатские турки, малые народы Китая (ицзу, бай), а так же принявшие ислам ханьцы. Отношение властей и населения к мусульманам в различные эпохи было неоднозначным, варьируясь от безразличного (при Сун) до отрицательного (при Мин).

До середины XX в. все мусульманское население Китая обозначали термином «хуэй», однако с 1950-х гг. его начинают употреблять для обозначения народности, образовавшейся в процессе консолидации трех исторически сложившихся групп: северная, юго-западная (юньнаньско-сычуаньская) и юго-восточная (гуандунско-фуцзяньская). Самой древней считается юго-восточная группа, в ее формировании участвовали арабские поселенцы и местное ханьско-тайское население. Юго-западная группа образовалась в результате проникновения ислама (возможно, из Бирмы и Индии), воспринятого различными аборигенными народами Юньнани. Наибольшие споры вызывает этногенез северной группы: в качестве субстрата называют уйгуров, тогонов, тангутов и др., а принесли исламскую традицию арабы и иранцы. Возможно, ее основу составило ханьское население, включившее в свой состав различные аборигенные и пришлые этнические компоненты. Ввиду того, что в состав хуэй входят представители столь различных по облику, языку, одежде народов, его можно считать скорее конфессиональной группой в составе ханьцев и других народов, объединенных только религией. Такой точки зрения придерживается известный российский этнограф А.М. Решетов.

В современном Китае численность хуэй составляет около 8,9 млн. человек, они исповедуют ислам, в основном, суннитского толка, хотя есть небольшое число шиитов и различных сект. Хуэй проживают по всей территории КНР: в Нинся-Хуэйском и Синьцзян-Уйгурском автономных районах, провинциях Ганьсу, Хэнань, Хэбэй, Цинхай, Шаньдун, Юньнань, Аньхой, Ляонин, Хэйлунцзян, Цзилинь, Шаньси, в городах центрального подчи-

нения Пекин и Тяньцзинь. Их язык входит в китайско-хуэйскую группу китайско-тибетской семьи языков. До сих пор в среде хуэй пользуются популярностью сказители, исполнявшие под аккомпанемент музыкальных инструментов (скрипка, бубен, зурна и др.) эпические поэмы и народные песни.

Основные традиционные занятия хуэй – зерновое земледелие (пшеница у северной группы; рис, овес, ячмень, просо, кукуруза – у южных групп), огородничество, садоводство, выращивание бахчевых (дыни, арбузы, тыквы). Некоторые группы разводят лошадей, крупный рогатый скот, домашнюю птицу.

Кулинария хуэй славится в Китае (мясные и овощные блюда с острыми приправами, лапша, сладости). Соблюдается общий для всех мусульман запрет на свинину. Употребляют в основном баранину, говядину, мясо домашней птицы. Кроме чая пьют квас и прохладительные напитки из кислого молока.

Элементы традиционной одежды, сохранившиеся у современных хуэй. – белая (реже черная), шапочка у мужчин, иногда с мусульманскими изречениями, у женщин – такого же цвета головная накидка в виде капюшона. Красочен костюм невесты, украшенный вышивкой и множеством серебряных украшений.

Наиболее развитые ремесла – изготовление изделий из кожи, ювелирное дело, резьба по кости, перегородчатая эмаль, ткачество, вышивание. Поскольку ислам запрещает изображать живых существ, изготавливавшийся женщинами лубок покрывался рисунками цветов и геометрическим орнаментом; мужчины покрывали лубок каллиграфическими надписями, содержащими мусульманские формулы.

Семья хуэй малая, в прошлом – большая, патриархальная. Поселения хуэй разделены на кварталы, в каждом из которых имеется своя столовая и мечеть. Жилые дома на Севере не отличаются от китайских, но прежде в них выделялась женская половина. Женщины занимали довольно высокое положение в обществе.

Помимо традиционных занятий хуэй ориентировались на извоз и торговлю, в т.ч. посредническую. Значительная часть современных хуэй занята в промышленности и на транспорте.

Работа выполнена в рамках проекта Росообразования РНП 2.2.1.1.2183

Библиографический список

1. Кузнецов В.С. Ислам в политической истории Китая. М., 1987.
2. Народы восточной Азии. М.; Л., 1965.
3. Ориенталистика в Киргизии. Фрунзе, 1987.

Научный руководитель – кин, доц. С.А. Комиссаров

О. М. Ворожжицева

Томск, Томский политехнический университет

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ КИТАЯ

Корейская община в Китае – самая большая из всех корейских эмигрантских общин, она насчитывает 1 миллион 960 тыс. человек. Корейцы составляют около 0,17% всего населения страны и имеют территориальную автономию – Яньбяньский автономный округ, который был образован в 1952г.

Корейцы стали переселяться в Китай в 1880-е гг. по экономическим причинам. В граничащих с Кореей районах Маньчжурии переселенцев поначалу приветствовали и давали им неплохие земельные наделы. Пик эмиграции приходился на 1900-1925 гг., и к 1939 г.

После захвата Кореи Японией в 1910 г. Китай стал и крупнейшим центром корейской политической эмиграции. Именно в Китае в 1919 г. было создано корейское правительство в изгнании, именно на его территории, в Маньчжурии в основном, базировались корейские партизанские отряды. В Китае большинство иммигрантов составляли выходцы из провинций северной Кореи.

Сегодня 95% всех китайских корейцев живёт на территории Маньчжурии, в трёх провинциях Северо-Восточного Китая. В приграничном Яньбяньском автономном округе корейцы составляют около 40% всех жителей. Китайские власти вполне благожелательно относились к корейскому языку и культуре. Единственным исключением стал период «культурной революции», когда корейская интеллигенция подвергалась преследованиям, а деятельность корейских учебных заведений была приостановлена.

Сегодня в Яньбяньском университете учится 15 тысяч студентов и значительная часть преподавания ведётся на корейском языке. В мире есть ещё один «зарубежный» корейский университет, в Японии, но он существенно

уступает Яньбяньскому. В Яньбяньском округе выходит 7 корейских газет, действует корейское радио и корейское телевидение.

Для большинства корейцев КНР корейский язык остаётся родным. Из всех крупных зарубежных корейских общин, китайская – наименее ассимилированная. Подавляющее большинство корейцев Китая – граждане КНР, но некоторые ещё с 1950-х годов имеют северокорейское гражданство. Северокорейские беженцы находятся в Маньчжурии нелегально, работают батраками богатых крестьян, официантками или подсобными рабочими

Маньчжурия – это один из самых бедных регионов Китая. С начала 1990-х годов многие этнические корейцы КНР стали приезжать (часто – нелегально) на заработки в Южную Корею. По данным южнокорейской иммиграционной службы, в 2000 г. в стране находилось примерно 160 тысяч граждан КНР. В последние несколько лет получил развитие брачный бизнес – поставка в Корею невест из числа маньчжурских корейцев. В 1996 г., например, в Корею было ввезено почти 10 тысяч невест из Китая.

В 1992 г. Южная Корея и КНР установили между собой дипломатические отношения. Их развитие существенно влияет на идентификацию китайских корейцев. Сейчас в Китай направляется более 10% всего южнокорейского экспорта, и он является вторым по значению (после США) объектом корейских инвестиций. Дешёвая и дисциплинированная рабочая сила привлекает в Китай немало иностранных капиталов. Корейские бизнесмены, особенно средние и мелкие, часто устраивают свои заводы и мастерские в Маньчжурии, и охотно нанимают туда местных корейцев. Но, активная деятельность корейского бизнеса и корейской дипломатии в приграничных районах вызывает некоторую настороженность у китайских властей, которые боятся возникновения корейского сепаратизма в будущем. Однако в настоящее время ситуация в пограничном районе остается стабильной.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что положение корейской диаспоры в Китае вполне благоприятное. Так как в основном китайские корейцы – крестьяне, они прекрасно вписались в общество, по своей сути аграрной, страны. И хотя, многие из них мечтают переселиться в Республику Корею, скорее всего в своем большинстве они останутся в Китае, так как связи в Корею давно потеряны, а правительство не особо приветствует таких иммигрантов.

Совершенно естественно, что корейская автономия в КНР и основной вид деятельности (земледелие) помог этническим корейцам Китая сохранить свои традиции, язык и культуру. Будущее корейской диаспоры в Китае будет зависеть не только от отношения к этническим корейцам правительств страны, но и от политики Южной Кореи по отношению к ним.

Научный руководитель – дин, проф. Шерстова Л.И.

В.А. Давыдов

Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 3 курс

СОВРЕМЕННЫЕ ТИБЕТЦЫ: ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В своей работе (основанной не только на опубликованных источниках, но и на личных наблюдениях автор, полученных в ходе поездки по региону в 2005 г.) мы рассматриваем характеристики населения, проживающего на территории т. н. Большого Тибета. В это понятие включается Тибетский автономный район (ТАР) Китая, созданный в 1965 г., а также сопредельные районы провинций Цинхай, Ганьсу, Сычуань и Юньнань, большая часть которых объединяется в автономные округа и уезды. Данные Пятой Всекитайской переписи населения (2000 г.) показывают, что этнические тибетцы составляют: от 5,2 % (в Синине), до 97,4 % (в Шигацзе). В целом, по Большому Тибету их доля составляет 49,8 % против 34,5 % ханьцев (15,7 % - представители других национальностей). Таким образом, при значительной ханьской миграции в Тибет за последние десятилетия, особенно заметной в городах, тибетское население сохраняет ведущее место (в ТАР он составляет 92,8 %). Тем самым, алармистские высказывания представителей эмиграции и «группы сочувствующих» не вполне соответствуют фактам.

Тибетцы преимущественно заняты в сельском хозяйстве и животноводстве, тогда как в управлении и торговле преобладают китайцы (ханьцы). Ситуация воспроизводит естественно сложившееся разделение труда, которое, впрочем, жестко не регламентировано, и тибетец, владеющий китайским и получивший образование,

может на равных вести свой бизнес, или работать в государственном аппарате. При этом следует отметить предпочтение тибетцев традиционным занятиям.

Сохранение традиций и веры опирается на монастыри и институт монашества. Монах, как и прежде, одна из наиболее почитаемых фигур в тибетском обществе. Если в ТАР еще сохраняется контроль за деятельностью монастырей, то в других районах им представляется значительная свобода.

Другая группа традиционного тибетского общества, кочевники-дрогпа, в основном занимаются животноводством. Небольшая часть их занята в туристической индустрии. Не оставляя своих прежних занятий, они используют интерес туристов как источник дополнительного заработка. При сохранении основ своего быта, кочевники активно заимствуют полезные новшества: мотоциклы, грузовики (для перевозки имущества), солнечные батареи. В меньшей степени модернизации затронули структуру хозяйственной деятельности.

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 05-01-01190а и проекта Рособразования РНП 2.2.1.1.2183

Научный руководитель: кин, доц. С. А. Комиссаров

Я.В. Жандарова

Новосибирск, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, аспирант

Н. Г. Попова, А.А. Шелудько

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН, соискатели

ЦЕННОСТИ ГОРОДСКОЙ УКРАИНСКОЙ МОЛОДЕЖИ СИБИРИ (на материалах анкетирования в Новосибирске)

Ценностные ориентации молодежи Сибири стали предметом анализа в ходе анкетирования, проведенного в 2006 г. в Новосибирске, Барнауле и Томске. Среди 1500 респондентов, молодые люди, которые идентифицируют себя с украинцами, или хотя бы один из родителей которых был украинцем составляют 6%. При этом только 1,2% всех опрошенных отождествляют себя с украинцами. Остальные 5%, по всей видимости, считают себя русскими.

Среди опрошенных молодых украинцев 47% проживают в Новосибирске, 38% в Томске и 14% в Барнауле. По возрасту: 23% младше 18 лет, 69% от 18 до 21 и 6% старше 21 года.

Большинство опрошенной украинской молодежи имеет высшее образование или находится в процессе его получения (79%), 14% — средне-специальное и 3% — среднее. Все украинцы владеют русским языком, каждый второй знает европейский, 12% — славянские и 6% знают титульные языки народов стран СНГ.

По конфессиональной принадлежности большинство украинцев принадлежат к православным (30%), атеистам (33%) и христианам (20%), принадлежность к другим конфессиям отметили всего 4%, а 11% затруднились с определением своей конфессиональной принадлежности. Заметим, что распределение украинцев по трем группам (православные, христиане и атеисты) совпадает с распределением этих групп в целом по выборке и с распределением этих групп среди представителей русского этноса. По этому параметру молодые украинцы не отличаются от большинства опрошенных.

Конфессиональная принадлежность родителей украинцев примерно такая же как у детей. Среди матерей украинцев несколько чаще встречаются православные и меньше атеистки.

Более половины украинцев (61%) отнесли себя к коренным, местным жителям, 17% прибыли в Сибирь из стран СНГ и 18% являются мигрантами из других Сибирских городов. При этом из всех опрошенных украинцев 27% сказали, что живут в данном месте недавно (менее 5 лет назад) и 10% переехали более 10 лет назад. То есть более половины (65%) украинцев, приехали в Сибирь недавно (менее 5 лет назад), а 25% — более 10 лет.

Практически половина украинцев (47%) имеет высокую потребность в этнической принадлежности и половина низкую. Высокая потребность в этнической принадлежности предполагает подчинение индивидуальных целей групповым, выраженную идентификацию со своей этнической группой, восприятие себя как части группы, а группы как продолжения самого себя (для определения потребности в этнической принадлежности использовались критерии выделенные Г. Триандисом). Для сравнения, в целом (в том числе и среди русских) высокая потребность этнической принадлежности встречается у 40% опрошенных, низкая у 50%, а среди белорусов высокую потребность этнической принадлежности демонстрируют почти 69%, а

низкую 31%. Среди украинцев также очень низка доля с неопределенной потребностью в этнической принадлежности (3%).

Таким образом, идентифицируя себя, по-видимому, с русским, а не украинским этносом половина молодых украинцев склонны проявлять выраженную идентификацию с русским этносом и воспринимает себя как часть группы с которой себя идентифицирует. Абсолютное большинство (80%) представителей украинского этноса имеет ассимилированный тип этнической идентичности, 17% интегрированный и всего 2% изолированный. Для определения типов этнической идентичности использовался шкальный опросник О.Л. Романовой. Ассимилированный тип характеризуется сильной идентификацией с базовой культурой и слабой — со своей; интегрированный — сильной идентификацией, как с базовой культурой, так и со своей этнической группой; изолированный — слабой идентификацией с базовой культурой и сильной — со своей.

Если мы посмотрим, то, по сравнению с украинцами, в целом по Сибири и у представителей русского этноса ассимилированный тип этнической идентичности встречается несколько чаще (у 90%), а интегрированный несколько реже (9-10%), также реже встречается интегрированный тип среди казахов (5%) и у метисов (10%). Среди белорусов, попавших, в выборку оказались только представители ассимилированного типа этнической идентичности, а интегрированный не встречается совсем.

Таким образом, можно предполагать, что украинцы более склонны не просто растворяться в базовой культуре, идентифицируя себя с ней, но, сохраняя идентификацию со своей этнической группой, одновременно успешно идентифицировать себя и с базовой культурой.

Анализ этнической идентичности с использованием теста Г.У. Солдатовой выявил следующее: 72% украинцев имеют нормальный (позитивный) тип этнической идентичности, 9% демонстрируют этнозгоизм, 6% этническую индифферентность, 4% этноизоляция, 2% национальный фанатизм и 6% имеют неопределенную идентичность. Распределение этих типов у представителей украинского этноса совпадает с распределением в целом по совокупности и с распределением у представителей русского этноса.

Интересно также отметить, что среди молодежи, назвавшей себя украинцами, практически все (94%) имеют нормальную (с точки зрения толерантности) этническую идентичность, причем статистический анализ показал, что именно украинцы, идентифицирующие себя как украинцы, имеют склонность к нормальной (с точки зрения толерантного отношения к своей и чужим группам) идентичности по сравнению с представителями других этносов.

Если говорить о направленности этнического самосознания, то у большинства украинцев (87%) она противоречивая. Высокая степень этноцентризма, как и высокая степень толерантности встречается всего у 5% опрошенных. Хотя по сравнению с некоторыми другими этносами спектр установок более разнообразен: среди казахов и белорусов попавших в выборку, например, 95% имеют противоречивое этническое самосознание и 5% высокий уровень этноцентризма, а другие установки совсем не встречаются.

Заметим, что такое качество как миролюбие у украинцев выражено сильнее, чем агрессивность. Средняя и сильная степень выраженности миролюбия встречается у 82% украинцев, а агрессивность в той же степени у 60%. Заметим, что в целом среди опрошенных, у метисов и у русских выраженная степень агрессивности встречается несколько реже, чем у украинцев (среди метисов 45%, среди русских и в целом среди опрошенных у 50%). Однако и такое качество как миролюбие у представителей этих этносов выражено слабее (среди метисов у 70%, среди русских и в целом по выборке у 74%).

Если говорить о системе ценностей молодых украинцев, то первые места занимают общечеловеческие, личностные и профессиональные ценности. К малозначимым ценностям (выбрали менее 15%) относятся семейные, гражданские, этнические, конфессиональные и другие. При этом сильная социальная идентичность выстраивается у 60% украинцев на основе общечеловеческих, у половины на основе личностных и профессиональных, и у трети на основе гендерных ценностей. Средняя на основе личностных (57%), профессиональных (33%) и семейных ценностей (31%).

Сильную социальную идентичность на основе этнической принадлежности и этнических ценностей среди украинцев демонстрируют только 14% и примерно такая же доля строит социальную идентичность, прежде всего, на основании семейных (13%) и гражданских (14%) ценностей. Конфессиональные ценности с точки зрения построения социальной идентичности для молодых украинцев не являются значимыми, т.к. менее 5% из них основывают на них как сильную, так среднюю и слабую идентичность.

Научный руководитель: дин, Октябрьская И.В.

КОРЕЙСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ СИБИРИ: ФАКТОРЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ДИАСПОРАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

История корейского сообщества в России насчитывает чуть более 140 лет. Общая численность корейцев в современной России составляет примерно 120-125 тысяч человек. При этом надо отметить, что корейцы живут рассеянно по всей территории России и ни в одном из 89 субъектов, кроме Сахалинской области, доля корейцев не превышает одного процента от общего населения территории [1, с.44-45].

Примерно половина российских корейцев, т.е. 60-65 тыс., проживает на Дальнем Востоке; из них большая часть – в Сахалинской обл. Второй регион крупного расселения корейцев – это Северный Кавказ, где насчитывается около 20-25 тыс. корейцев. В Москве и Московской области проживает примерно 8-9 тыс. человек, в Санкт-Петербурге – 4 тыс. [1, с.44-45]. В остальных регионах страны численность корейцев заметно ниже.

По данным последней переписи населения в Новосибирской обл. проживает около 2 тыс. корейцев; в Томской – чуть меньше – 1150 человек. Однако фактически цифры выше, т.к. в городах Сибири обучается значительное число студентов-корейцев, которые являются гражданами стран СНГ.

По своему социальному составу корейская община Сибири отличается достаточно высоким уровнем образованности. Это связано с тем, что корейцы из различных регионов России и стран СНГ приезжали в Сибирские города с целью получения высшего образования, а по окончании ВУЗа оставались здесь на постоянное проживание. Основные профессиональные сферы деятельности корейцев – это, прежде всего, наука, медицина, строительство и частный бизнес. Высокий уровень образования является важным фактором социальной мобильности корейцев.

Несмотря на уже довольно долгую историю корейской общины в Сибири (в Томске, например, корейцы проживают с 1850-х гг.), в Новосибирске и Томске все же нет преобладания местных корейцев над мигрантами. Надо заметить, что в этих городах проживает незначительное число корейцев, рожденных в Сибири. В составе корейской общины Новосибирска – приблизительно одинаковое количество выходцев из Средней Азии, Казахстана и Сахалина. В Томске преобладают корейцы – недавние выходцы из Средней Азии. Миграционная активность корейцев является результатом их длительного проживания за пределами исторической родины. «Миф о потерянной Родине» наложил отпечаток на психологию, самосознание и формы адаптации российских корейцев.

При всех сложностях корейцы Сибири как и России в целом отличаются высоким уровнем самоорганизации. По отношению к ним можно говорить о формировании диаспоральных структур. Следует уточнить, что под диаспорой, в соответствии с общепринятым определением, подразумевается этническая общность, проживающая за пределами своего исторического происхождения и имеющая ряд определяющих признаков: языковая и культурная общность; наличие организаций, выражающих интересы группы; связь с исторической Родиной; стратегии взаимодействия с принимающим обществом.

В условиях проживания в унифицированной, иноэтничной среде легко происходит забвение традиционной культуры, и уровень этнического самосознания значительно снижается. Чтобы предотвратить полное растворение корейского этноса в российском обществе, диаспора предпринимает попытки сохранения традиционной корейской культуры, восстановления частично утраченного языка.

Некоторые ученые выделяют языковую общность в качестве главного признака этноса. Но в случае с корейской диаспорой России этот фактор не играл ведущей роли в сохранении этнической идентичности. У российских корейцев также отсутствует религиозная общность. Важное значение при этом имеет соблюдение традиций и ритуалов.

Среди корейцев различных городов России еще в конце 1980-х гг. возникли идеи консолидации. В начале 1990-х гг. тенденция к объединению среди корейцев Сибири стала реальностью. Сегодня в ряде городов Сибири, в том числе в Новосибирске и в Томске, существуют официальные организации, выражающие их интересы корейцев Сибири, обеспечивающие их контакты с диаспорой в странах СНГ и с исторической родиной.

Появление таких организаций стало возможным после выхода Закона Российской Федерации «Об общественных объединениях» (1995 г.). Возникшие когда-то стихийно, сейчас корейские центры являются организациями, превращающими группу мигрантов в диаспору, организующими деятельность разрозненных членов в коллективную деятельность и представляющими интересы этого этноса на уровне администрации региона.

Наряду с региональными организациями, такими как объединения корейцев Новосибирска и Томска, появлялись общероссийские и всесоюзные организации: Ассоциация корейцев России (АКР); Международная конфедерация корейских ассоциаций (МККА); Всесоюзная ассоциация советских корейцев (ВАСК); Ассоциа-

ция содействию объединению Кореи (Единство) – Федеративная национально-культурная автономия (ФНКА); Общероссийское объединение корейцев (ООК).[2, с.12]

Новосибирская и Томская корейские национальные ассоциации были переименованы в национальные автономии в 2000 г. в связи с выходом закона о национально-культурных автономиях. Подобные объединения уже сыграли и продолжают играть важную роль в консолидации диаспоры.

В Томске корейская национальная организация появилась в 1991 г. В настоящее время она насчитывает около 750 человек. Высшим органом автономии является общее собрание, исполнительным – Совет автономии, который состоит из 10 человек. В Новосибирске подобная организация появилась в 1998 г., в 1999 г. она стала региональной и была переименована в Региональную национально-культурную автономию корейцев Новосибирской обл. Для осуществления руководства в организации действует Совет автономии под председательством избираемого Президента.

Национально-культурные автономии (НКА) корейцев Новосибирска и Томска были организованы по личной инициативе их лидеров для объединения всех корейцев этих городов вокруг автономий и возрождения традиций и языка. Для достижения этих целей автономии проводят мероприятия, связанные с корейскими национальными праздниками, организуют ансамбли национального танца, курсы корейского языка и прочее. Обе национальные организации входят в состав Общероссийского объединения корейцев, что позволяет поддерживать связь корейцев по всей стране, делиться опытом взаимодействия и интеграции в инокультурной среде.

В последнее время, в виду заинтересованности правительства Южной Кореи в сотрудничестве с корейскими диаспорами по всему миру, активизировались связи российских корейцев с исторической родиной. Наличие довольно плотной сети организаций, выражающих интересы российских корейцев делают эти связи чрезвычайно эффективными.

Важным аспектом деятельности автономий является привлечение к их работе молодежи. При корейских центрах, как в Новосибирске, так и в Томске, действуют молодежные организации, члены которых принимают активное участие в работе автономий. В Томске даже были предприняты попытки налаживания связей между молодежными корейскими организациями разных городов России. Так в сентябре 2002 г. в Томске по инициативе молодежного корейского центра прошел первый Всероссийский форум корейской молодежи, в котором приняли участие руководители молодежных центров из 30 регионов России.

Очевидно, что корейцы Сибири предпринимают попытки консолидации с целью национального самосохранения и возрождения. При этом особо важную роль в этом процессе играет именно молодое поколение. По словам лидера корейской диаспоры Томска, Ким Олега Петровича, если сначала национально-культурные автономии создавались с целью приобщить молодежь к традиционной культуре, то сейчас эти молодые люди выступают в качестве активного двигателя этой культуры в масштабах города и даже страны.

Если говорить о проблемах, с которыми сталкивается молодая часть диаспоры, необходимо отметить постоянную смену состава организаций, что является неизбежным, т.к. их участники – это чаще всего студенты в возрасте от 18 до 22 лет. Практически всегда люди с возрастом перерастают эти структуры. Однако это не разрушает сами организации. Постоянная смена поколений способствует развитию диаспоры и помогает охватить большее число людей для приобщения их к национальным идеям.

Инициативы корейского правительства по поддержке диаспор в разных странах мира также направлены в основном на молодежь. Это, прежде всего, образовательные и культурные программы. Именно молодежь, по оценке экспертов, нуждается в подпитке этнических чувств, т.к. на эту группу людей особенно сильно влияют процессы глобализации.

Ориентированные на дальнейшую интеграцию в российское общество на фоне культурной самобытности, лидеры корейского сообщества Сибири видят в молодежи своих преемников, которые продолжать уже сделанное и внесут что-то новое в развитие корейской диаспоры Сибири.

Таким образом, корейцы Сибири плотно укрепились в российской действительности. Наличие национально-культурных автономий говорит о том, что при положительной этнической самоидентификации корейцы Сибири ищут пути взаимодействия с российским обществом.

Библиографический список

1. **Ким Ен Ун.** Судьбы и перспективы русских корейцев.//Сотрудничество. Материалы 6 международной конференции. – М.:2001. Вып. 3. С. 44-57.
2. **Ли В.Д.** О Томичах-корейцах. Воспоминания, факты, события. – Томск: SST, 2006. – С.296.

Научный руководитель: дин Октябрьская И.В.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В СТРУКТУРЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТАТАР ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ: ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Социально-экономические, идеологические и культурные трансформации, произошедшие в Российском государстве за последние 15 лет, повлекли за собой изменения в сознании, установках и идентификациях его граждан. Многочисленные исследовательские работы позволили говорить о росте национальной идентификации в общей иерархии социальных идентичностей с 1994 г. К 1997 году доля тех, кто идентифицирует себя по национальному признаку, достигла 85%, а к 1998 — 91% [1].

Рост этнического самосознания и манипулирование им разными социальными группами создают потенциальную возможность роста интолерантных настроений в российском обществе, вызывая тем самым тревогу ученых и политиков.

Данная проблема актуальна как для Российской Федерации в целом, так и для Томской обл. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., численность постоянного населения Томской области составила 1046,0 тыс. чел. В области представлены 120 народов. Преобладают русские — 950,222 тыс. чел. (90,8% от общего числа жителей). На втором месте — татары, их численность составляет 20,145 тыс. чел. (2,12 %) [3]. Хотя в количественном отношении татары составляют незначительную группу, их культурно-историческое влияние в регионе велико. В этой связи представляется актуальным анализ современных этносоциальных процессов среди татар Томской области и города Томска.

В отечественной этнологии проблема этнической идентификации современных татар Томской обл. остается открытой. Работы Н. А. Томилова, посвященные этническим процессам среди сибирских (в том числе томских) татар датируются 1970-ми гг. Комплексно проблемами этнической идентификации татар Томской области никто с тех пор не занимался. Частично татарское сообщество было обследовано в рамках этнологического мониторинга 2002 г., позволившего выявить границы его этнической самоидентификации, а также прояснить языковую ситуацию [2].

Представляемые в настоящей работе данные являются результатом экспертного опроса (с использованием структурированного интервью), проведенного осенью 2006 г. среди татар Томской области, и являются частью более масштабного исследования. В качестве экспертов были выбраны 10 человек, чей образовательный уровень и степень погруженности в современный татарский национально-культурный дискурс позволили определить их таким образом. Среди них: руководитель и работники национально-культурных центров (Областного Центра Татарской Культуры); преподаватели вузов, заинтересованные в сохранении и возрождении татарской культуры; учителя татарского языка в городских и сельских школах (г. Томск, деревни Черная Речка, Эушта, Тахтамышево); представители средств массовой информации.

В ходе исследования особое внимание было обращено на религиозную составляющую этнической идентичности татар. При этом социально-коммуникативные факторы этнической идентичности были в наибольшей степени актуализированы экспертами во время интервью. [5]

Рассматривая религиозный фактор, мы выделяем две его стороны: *фидеистическую* (верования как таковыми) и *поведенческую* (содержание религиозного поведения). Однако следует отметить, что эти стороны в повседневной жизни выступают в тесной взаимосвязи. В большей степени респондентами была актуализирована именно поведенческая сторона религии: *«Да, я считаю себя религиозным человеком. Проявляется это даже не столько в самой вере в Аллаха, сколько в руководстве «бытовой религией». Скорее на поведенческом уровне. Это есть продолжение того воздействия, которое на меня было оказано в детстве»; «У современных татар родственные связи — это своего рода духовный капитал. Это показатель того, как человек вообще относится к Богу»*

Анализ ответов респондентов позволил выделить две наиболее ярко выраженные поведенческие стратегии. Первая - «активная» или «рефлексивная», когда человек живет, соблюдая, насколько это позволяет ему образ жизни, религиозные нормы и предписания, ходит в мечеть, читает Коран и рассматривает как вполне вероятное обращение к мулле за советом. Вторая стратегия — «пассивная» или «безрефлексивная», когда человек живет, не задумываясь о своей религиозной принадлежности, в мечеть не ходит, обряды строго не соблюдает, Коран не читает, но знаком с некоторыми молитвами. Однако, в «экстремальные» жизненные ситуации (рождение, свадьба, похороны), он осознает то, что он мусульманин и руководствуется этим осознанием; например, религиозность актуализируется при самоопределении детей: *«Дочь просила, мол, давай, мама, я перейду в русскую веру. А я*

сказала: «Нет, я тебе не разрешаю!» Почему? А зачем? Пусть моей будет религии. Отец татарин, я татарка, зачем она будет русская с крестом на шее? Конечно, Бог един, но не принято как-то...»

По оценкам экспертов именно вторая стратегия является на сегодняшний день самой распространенной в социально-коммуникативной сфере татар Томской области. Причина этому – включение татарского сообщества в общероссийские экономические и социальные процессы, а также распространение среди татар городского образа жизни (большая часть татарского населения Томской области (63,9%) проживает в городах) [4].

Библиографический список

1. Данилова Е. Н. Изменения в социальных идентификациях россиян// СоцИс. 2000. № 3/4.
2. Львова Э. Л., Нам И. В., Наумова Н. И., Рындина О. М. Этнокультурные, этносоциальные и этнополитические процессы в Томской области: Состояние и перспективы// Мультикультурность и образование. Материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. Томск, 2004.
3. Нам И. В. Томская Область. Предварительные итоги переписи 2002 года. – Режим доступа <http://www.eawarn.ru/pub/Projects/WebHomeExpertsRepCensus/preliminary.htm>. свободный.
4. Национальный состав муниципальных образований Томской области: Итоги Всерос. переписи населения 2002 года: Стат. бюллетень. Томск, 2004.
5. Shutz A., Luckmann Th. Strukturen der Lebenswelt. - Darmstadt, 1975. - 327p.

Научный руководитель: кин, доцент Э. Л. Львова

Л.В. Кривоногова

Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет, 4 курс

МЕТИСАЦИЯ ТОФАЛАРОВ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

Изучение современных этнических процессов среди тофаларов при участии студентов исторического факультета КГПУ им.В.П.Астафьева проводилось в 1985 г., в 1995 г., в 2005 г. [1]. Метод интервальных исследований дал богатый материал, позволяющий с высокой степенью точности выявить характер этнических процессов и измерить динамику их протекания. В каждом исследовании специальные опросные листы заполнялись на всех тофаларов, проживающих на момент опроса в трех национальных поселках – Алыгджере, Верхней Гутаре и Нерхе. Нам удалось достичь 100-процентного охвата опросом, что было не так уж сложно, если учесть, что численность тофаларов невелика – не превышает 700 человек. Если человек на момент опроса отсутствовал в поселке, на него составлялся со слов ближайших родственников сокращенный вариант опросного листа.

В результате было установлено, что для тофаларов характерно большое количество национально-смешанных браков. Следствием этого является появление большого количества метисов. Самоопределение метисов, или определение национальности детей-метисов родителями – важнейший показатель, указывающий на направление этнических процессов. Если хотя бы половина метисов вливается в данный этнос, то демографических потерь он не несет, численность его не уменьшается, но сами по себе метисы вносят определенные изменения в культурный и расовый облик народа. В частности, изменяются культурно-языковые характеристики, так как метисы хуже владеют тофаларским языком, меньше привержены национальным традициям. В то же время, нашлись и такие метисы, которые не относят себя к тофаларам. Их оказалось намного меньше – всего 20,4%.

Запись генеалогий всех тофаларов позволила выявить долю смешанного населения. Чистокровных тофаларов по данным переписи 2005 г. оказалось 148 из 665, то есть всего 22,3 %. Процесс метисации продолжается, с каждым годом метисов становится все больше. Эту динамику мы можем проследить по данным экспедиций 1985, 1995 и 2005 гг. При записи генеалогий мы учитывали знание респондентов национальностей своих предков обычно до 3-4 поколения, реже до 5 поколений по восходящим линиям. Метисов можно разделить на три группы: - выходцы из семей, смешанных с сибирскими народами – тувинцами, бурятами, эвенками – 22 чел. (3,3 %); - выходцы из смешанных семей с русскими и другими европейскими народами - 385 чел. (57,9%), - метисы, в генеалогии которых есть и сибирские, и европейские народы - 110 чел. (16,5 %).

В генеалогии можно выявить наиболее распространенный русский, а также украинский, бурятский, тувинский, цыганский компоненты. Наибольшее влияние на ход этнических процессов оказывает смешение с европейскими народами – их оказалось 74,4 %. О нарастании метисации говорят данные по детям (до 10 лет). Среди них 92,8 % оказались метисами, в том числе 92,1 % имели ту или иную долю европеоидного компонента.

В беседах с большинством респондентов смешанного происхождения мы получили такие результаты. Из числа метисов, относящихся к тофаларам, или относимых родителями к тофаларам (дети), большинство довольно твердо определили себя – 70,4 %. Остальные проявили некоторые колебания, чувствуют свою сопричастность к этносу и второго из родителей – 29,6 %.

На основе долговременных исследований можно говорить о том, что в этническом самосознании тофаларов прослеживаются определенные изменения. Так, в 1985 г. колебания в этническом самоопределении выразили 11,7 % метисов, относящих себя к тофаларам, в 1995 г. – 21,9 %. Больше метисов стало переписываться на русских, увеличилась их миграция из Тофаларии. Сами тофалары сознают, что их народ под угрозой исчезновения и этот пессимизм усиливается; так, на вопрос: «Сохранится ли народ через 2-3 поколения?» в 1995 г. 12,2 % респондентов ответили, что сохранится, а в 2005 г. лишь 4,5 %. Но, несмотря на подобную динамику этническое самоопределение тофаларов остается довольно устойчивым.

Причин этнической предпочтительности несколько. Одна из них – это система государственной помощи, выражающаяся в льготах. И хотя, «формальных» тофаларов оказалось не так уж и много (как мы выяснили из личных бесед), проживание в особой географической среде и сохранение традиционных занятий – охоты, таежных промыслов и др. источников дохода, которые можно назвать национальными (тофаларскими), влияют на формирование особого менталитета.

Можно сказать, что формирование этнического самосознания метисов происходит в два этапа. Первый касается родителей, которые записывают ребенка тофаларом, частенько из меркантильных соображений. Затем, подростковая – когда ребенок привыкает считать себя тофаларом; и уже будучи взрослым он бескорыстно подтверждает тот выбор, который в детстве сделали родители, даже несмотря на незнание тофаларского языка, традиций и «европеоидный» облик. Возможно, это связано с тем, что здесь нет такого сильного прессинга урбанизации на местную культуру.

Материалы многолетних исследований позволяют утверждать, что тофалары как этнос сохраняются в ближайшие десятилетия, но изменится их антропологический облик и одновременно этноязыковой.

Библиографический список

1. **Кривоногов В.П.** Этнические процессы у малочисленных народов Средней Сибири. Красноярск, 1998.

Научный руководитель: дин, доц., Кривоногов В.П.

И. С. Лысенко

Красноярск, Сибирский федеральный университет, аспирант

ПЕРСПЕКТИВЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ-ИНТОЛЕРАНТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Характеризуя современный этнический состав населения Красноярского края, мы основываемся на анализе результатов Всесоюзной переписи 1989 г., микропереписи населения 1994 г. и Всероссийской переписи 2002 г.

Согласно результатам Всероссийской переписи 2002 г. в Красноярском крае проживает 3 023 525 человека. Их них на территории края (без учёта Таймыра и Эвенкии) проживает 2 966 042 человек, на территории Таймыра 39 786 человек и на территории Эвенкии 17 697. Всего на территории края постоянно проживают представители 137 народов [1, с.8], в то время как в 1989 г. их было 123. Из них 2 638 281 человек (88,9%) – это граждане России, назвавшие себя русскими. Удельный вес нерусского населения по сравнению с 1989 г. снизился с 12,4% до 11,1% (соответственно 327 761 человек). На Таймыре и в Эвенкии из-за большого числа лиц коренной национальности доля русских составляет соответственно 58,6% и 61,9% [2, с.8].

Второе место по численности после русских занимают украинцы, насчитывающие 68 662 человек или 2,3% от общей численности населения края. Наиболее многочисленно эта национальность представлена в г. Норильске (19 258 человек или 28,0% от общего населения города), в г. Красноярске (15 699 или 22,9%), в г. Железногорске (2 247 человек или 3,3%), в г. Шарыпово (2 044 человек). На территории Таймыра проживает 2 423 украинцев (3,5%).

Третье место занимают татары – 44 382 человек (1,5%). Относительно многочисленна эта национальность представлена в г. Красноярске - 10 933 человек или 52,6%, в г. Лесосибирске - 5 138, в г. Норильске - 4 537 человек и в г. Шарыпово - 1 137 человек.

Четвёртое место по численности принадлежит немцам. Перепись 2002 г. зафиксировала 36 850 (1,2%) немцев. Немцы представлены в таких городах, как Красноярск – 6 933, Ачинск – 1 084, Минусинск – 1 046 и Норильск - 920 человек.

Пятое место занимают азербайджанцы – 19 447 человек. Наиболее многочисленна азербайджанская диаспора в Красноярске и Норильске. Здесь проживает соответственно 7 442 и 7 292 (3,3%) азербайджанцев. Они представлены также в городах Ачинск - 613 человек и Шарыпово - 412. Кроме того, азербайджанцы представлены в Емельяновском р-не - 212 человек и в Балахтинском р-не - 172.

Этнический состав населения края за межпереписной период расширился за счёт выделения четырнадцати новых этносов. К ним относятся: езиды (в 1989 г. учтены в составе курдов), чулымцы и нагайбаки (учтены в 1989 г. в составе татар), арабы среднеазиатские (учтены в 1989 г. в составе арабов), индийцы хиндиязычные (учтены в 1989 г. в составе народов Индии и Пакистана), русины (учтены в 1989 г. в составе украинцев), бесермяне (учтены в 1989 г. в составе удмуртов), цыгане среднеазиатские (учтены в 1989 г. в составе цыган), водь (учтены в 1989 г. в составе группы «другие национальности»), камчадалы (учтены в 1989 г. в составе русских), хемшилы (учтены в 1989 г. в составе армян), керекы (учтены в 1989 г. в составе коряков), телеуты и кумандинцы (учтены в 1989 г. в составе алтайцев) [3, с.9]. Согласно итогам переписи общее количество представителей новых народов в крае насчитывает свыше 427 человек.

Впервые после переписи 1897 г. была зафиксирована группа казаков. Они были уже обозначены в микропереписи 1994 г. [4, с.7]. В 2002 г. в Красноярском крае их насчитывается 288 человек. Также впервые после переписи населения 1926 г. была получена численность лиц, отнёсших себя к кряшенам (54 человека) [5, с.9].

Свыше 50% крупных в численном выражении таких этнических общностей как украинцы, татары, немцы, белорусы, азербайджанцы, чуваша проживает преимущественно в крупнейших городских поселениях края: Красноярск, Ачинск, Канск, Минусинск, Шарыпово, Железногорск и др. [12, с.22]. По материалам последней переписи выделяются 10 народов, имеющих компактные поселения в районах Красноярского края, составляя тем самым 50% и свыше от жителей населённого пункта. Это татары, чуваша, эстонцы, латгалы, латыши, мордва украинцы. Всего в Красноярском крае насчитывается 46 мест компактного проживания представителей определённой этнической общности. С ростом численности трудовых мигрантов сформировались компактные социокультурные анклавы мигрантов. [13, с.209].

Анализ роста численности населения Красноярского края в два последних межпереписных периода (1979-1989 гг. и 1989-2002 гг.) демонстрирует то, как менялась численность отдельных этнических общностей. В период с 1979 по 1989 гг. наибольший прирост наблюдается у русских, украинцев, татар, белорусов. Численность русских возросла на 330 686 человек (на 11,9%), численность украинцев на 26 879 (на 29,3%), численность белорусов на 5 679 (на 20,2%), численность татар на 4 170 (на 8,4%). Их общий прирост составил 367 414 человек [6, с.8].

За период с 1989 по 2002 гг. к самым быстрорастущим этническим общностям относятся армяне, азербайджанцы, таджики, киргизы. Их прирост составляет 27 448 человек. Согласно официальным данным общее количество прибывших в край мигрантов – представителей этих народов с 1989 по 2002 гг. увеличилось с 13 564 до 37 631. Основные страны-поставщики легальных трудовых иммигрантов для края - это Украина (14,0% от общего числа получивших разрешение), Китай (13,8%), КНДР (8,0%), Армения, Таджикистан и Узбекистан (от 2,4% до 2,8%) [9, с.40].

Неофициальные данные выше официальных показателей. При сопоставлении неофициальных данных (54 228 человек), предоставленных председателями национально-культурных объединений, с цифрой легально работающих иммигрантов в регионе (9 724 человек), можно определить численность нелегальных мигрантов в Красноярском крае.

Незначительно преумножили свою численность после переписи 1989 г. лезгины, цыгане, корейцы, чеченцы, китайцы, кумыки, болгары, ингуши, даргинцы, лакцы, табасараны, карачаевцы, уйгуры, турки, сербы, курды, евреи горские, ассирийцы, цахуры, удины, караимы ногайцы, гагаузы, вьетнамцы, рутульцы, арабы, французы, ижорцы. Общая численность этих национальностей возросла с 8 384 человек в 1989 г. до 11 755 человек в 2002 г. Численный прирост представителей 29 этнических общностей составил 3 371 человек.

С 1989 по 2002 г. численность 52 народов Красноярского края сократилась. Самые значительные сокращения – свыше 50% - наблюдаются у туркмен, адыгейцев, каракалпаков, персов, дунган, кубинцев, испанцев, татар крымских, итальянцев. Убыль на 30-40% замечена среди украинцев, мордвы, литовцев, евреев, коми, калмыков, кабардинцев, карелов, черкесов, абхазов, агулов, японцев, вепсов, татов. Незначительно (на 10% и менее) сократилось численность представителей таких национальностей как русские, татары, грузины, осетины, греки, аварцы, алтайцы. В общей сложности их число сократилось с 335 968 человек до 245 285 человек, то есть сокращение составило 90 683 человек.

Таким образом, этническая картина населения Красноярского края по результатам переписи 2002 г. характеризуется рядом особенностей. Русский этнос как государственно-образующий этнос занимает доминирующее положение в этническом составе населения Красноярского края при незначительном сокращении в сравнении с 1989 г. Обращает на себя внимание рост граждан России, не назвавших свою национальность. В межпереписной период с 1989 по 2002 гг. их численность возросла в 3,6 раз и достигла 15 822 человека. Это позволяет говорить о неактуальности в обществе этнических факторов. Перепись 2002 г. фиксирует приращение многонационального населения Красноярского края за счёт трудовых иммигрантов из ближнего и дальнего зарубежья.

Библиографический список

1. **Национальный состав** и владение языками, гражданство населения Красноярского края. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года (Статистический сборник №8-18).-Красноярск: Отпечатано в отделе издательско-типографских услуг Красноярскстата, 2005 год.- 154 с., с.8
2. Там же, с.8
3. Там же, с.9
4. **Распределение населения** Красноярского края по владению языками. По данным микропереписи населения 1994 года. Том 3.-Красноярск: ООП краевого комитета госстатистики, 1995.-68 с., с.7.
5. Там же, с.9
6. **Социально-демографические показатели**, характеризующие национальный состав населения края. По данным Всесоюзной переписи населения 1989г.-Красноярск: ООП Красноярского краевого управления статистики, март 1991.-273с., с.8
7. **Содружество культур** на Енисее.-Красноярск: Типография ПИК «Офсет», 2003г., 40 с., с.23-24, с.35, с.37-40
8. **Население России 2002 год.** Десятый ежегодный демографический доклад/Под ред. А.Г.Вишневого.-М: КДУ, 2004.- 224 с., с.170.
9. **Рафиков Р.Г.** Вопросы межэтнических, религиозных и миграционных отношений в Красноярском крае в 2003 году. Информационный бюллетень №4.-Красноярск, июнь, 2004.- 88 с., с.40
10. Там же, с.39
11. **Национальный состав** и владение языками, гражданство населения Красноярского края. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года (Статистический сборник №8-18).-Красноярск: Отпечатано в отделе издательско-типографских услуг Красноярскстата, 2005 год.- 154 с., с.10
12. Там же, с.22
13. **Население России 2002 год.** Десятый ежегодный демографический доклад/Под ред. А.Г.Вишневого.-М: КДУ, 2004.- 224 с., с.209
14. **Социально-демографические показатели**, характеризующие национальный состав населения края. По данным Всесоюзной переписи населения 1989г.-Красноярск: ООП Красноярского краевого управления статистики, март 1991.-273с., с.10.
15. Там же, с.10
16. **Распределение** населения Красноярского края по владению языками. По данным микропереписи населения 1994 года. Том 3.-Красноярск: ООП краевого комитета госстатистики, 1995, 68 с., с.5-8
17. **Национальный состав** и владение языками, гражданство населения Красноярского края. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года (Статистический сборник №8-18).-Красноярск:., 2005 год.- 154 с., с.50

Научный руководитель: д-р соц.н, проф., Малолеткова И. С. ,

Ю. С. Мисюркеева

Улан-Удэ, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, аспирант

БУРЯТСКИЙ ЭТНОИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ДИСКУРС В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД*

Крах Советского Союза и последовавший вслед за ним социально-экономический кризис инициировали изменения во всех сферах жизни российского общества, что нашло отражение и в структуре коллективных форм самоидентификации. Общегражданская форма коллективной идентичности, (выражавшаяся в идеологеме «советский народ»), уступила ведущее место этнической форме идентификации. Так, социологические исследова-

* Работа выполнена в рамках гранта СО РАН для молодых ученых (проект № 145).

ния последних лет, показывают, что среди этнополитических самоопределений бурят (этническая, гражданская, религиозная и т. д.) превалирует именно этничность. Если в 1990 г. ни один из респондентов при опросе в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе не указал этническую принадлежность среди ответов на вопрос “Кто Я?”, то в 1997 г. категория “бурят” фигурировала у четверти опрошенных [1, с. 62].

Политизация этничности вызвала к жизни новые социальные практики и активизировала деятельность интеллектуальной и политической элит по конструированию этнической идентичности в дискурсе национально-культурного возрождения через научные конференции, круглые столы, съезды, национальные праздники, фестивали, публикации статей и книг.

Произошла актуализация этнического как главного обоснования приоритетного права бурятского этноса на принятие политических решений. Так, в конституции РБ было провозглашено, что границы республики могут быть пересмотрены только с согласия ее граждан, выраженного на референдуме, в котором примут участие не менее 50% граждан бурятской национальности. На этом фоне в бурятском этноидентификационном дискурсе произошло возрождение идеи о всебурятской общности как единственно возможном пути сохранения бурятского народа, которому в противном случае грозит ассимиляция. Эти изменения повлекли за собой трансформацию и легитимационных практик бурятского этноидентификационного дискурса, под которыми понимается процессы “объяснения” и оправдания приоритетных прав титульного этноса.

Это явление связано с комплексом этнической виктимизации, характерной, по определению В.А.Тишкова для кризисных ситуаций [4, с.67]. Этот комплекс проявляется в отрицании персональной ответственности и в представлении о том, что этническая группа в прошлом была жертвой какого-то режима. В экономической сфере идеологема ущерба находит отражение в трансляции представлений о Бурятии как «сырьевом придатке» России.

Отход от ценностей советской эпохи оборачивается актуализацией ценностей традиционного общества, что влечет за собой разграничение культурных традиций на «западные» и «восточные». Ориентация на Запад ассоциируется с Россией, на Восток с - Монголией. При этом возрождение бурятской национальной культуры связывается, прежде всего, с вхождением в семью монгольских народов.

Бурятия в рамках современного этноидентификационного дискурса часто рассматривается как составная часть «особой» цивилизационной среды, главным отличительным признаком которой представляется евразийский синтез: *«Культурно-историческое пространство Южной Сибири как особая цивилизационная геополитическая среда определяется спецификой евроазиатского синтеза и обуславливает сегодняшний интерес мирового сообщества к нашему региону»* [2, с.3].

При этом, национальная культура рассматривается как нечто естественное, изначально присущее данной этнической общности, в то время как западная (европейская, русская), сформировавшаяся в иной географической среде, представляется как культура привнесённая, искусственно созданная.

В этой связи в качестве основного легитимизирующего тезиса бурятской этничности выступает автохтонность бурятского населения: *«Буряты аборигенный, коренной народ, исконно обитающий окрест Байкала, на территории Прибайкалья и Забайкалья... буряты, являются государствообразующим народом, титульной нацией... Бурятское население РБ составляет генеральную диаспору нации – народ, живущий в своём государстве»* [3, с. 2].

В поддержании этнической идентичности важную роль играют религиозные концепции - буддизм и шаманизм - не только в своей непосредственной объективной форме, но и в качестве символического маркера «своя религия как единственно истинная». В данном контексте буддизм противопоставлен христианству, как продолжение антиномии «Запад – Восток», «традиционализм - модернизм». При этом буддизм рассматривается как религия являющаяся естественным продолжением мировоззрения кочевников, стремящихся жить в согласии с природой и ориентирующимся на традиции.

Традиционализм в современном этнополитическом дискурсе Бурятии имеет приоритетное значение. Дискредитация коммунистическая идеологии с её модернистской направленностью способствовала ревитализации в бурятском этнолегитимационном дискурсе идеалов традиционного общества, которые лежат не в будущем, а в прошлом, так как в кризисной ситуации ведущим механизмом общественного развития и залогом его жизнеспособности, в глазах населения, становится воспроизводство ранее существовавших образцов поведения. На этом фоне в бурятском этноидентификационном дискурсе актуализируются антиномии: Восток - Запад, традиционализм - модернизм, исконное - привнесённое.

Этнополитический миф, подразумевающий редуцирование российской идентичности, имплицитно способствовал укоренению в общественном сознании инклюзивной мифологии об общемонгольской, центрально-азиатской, буддийской общности. Одновременно он подчеркивает эксклюзивность по отношению к России, но это вуалируется идеологемами о медиативной роли Бурятии («Ворота на Восток», связывающие страну с Азиатско-Тихоокеанским регионом). Произошедшая в этих условиях трансформация форм легитимации этнической идентичности, предоставила бурятскими этноидеологам возможность для более активного конструирования коллективных идентичностей, позволяя оперировать не только категориями, выработанными в рамках научного знания, но и в сфере нетрадиционных эзотерических учений.

Библиографический список

1. Елаева И. Э. Этничность бурят в постсоветский период // Традиции и инновации в этнической культуре бурят (Сибирь: этносы и культуры. Вып. 5). М.; Улан-Удэ, 1999, С. 48-70.
2. Жимбеева С. И. История культуры Бурятии (онтология традиционной культуры) программа курса для учащихся средних и старших классов общеобразовательных школ Республики Бурятия г. Улан-Удэ «Буряад унэн», 1998. – 35 с.
3. Найдаков В.Ц. Проблемы национально-культурного развития народов Республики Бурятия. - Газета «Бурятия», 1997, 10 апреля. – 2 -5 с.
4. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. – 210 с.

Научный руководитель: дин Т.Д. Скрынникова

А. Б. Панченко

Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет, 4 курс

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ НОВОСИБИРСКА (на основе проективных тестов)

После распада Советского Союза и образования на его пространстве новых государств, с крушением единой советской идеологии интернационализма, возникла проблема воспитания новых поколений российских граждан, способных жить в изменившихся условиях. Активные миграции на фоне социально-экономических перемен остро поставили вопрос о сохранении этносоциальной стабильности в городских постсоветских сообществах. Проблема воспитания толерантности стала одним из важнейших моментов в школьном образовании.

Но при осознании важности и необходимости дать школьникам базовые знания об историко-культурном вкладе других народов в мировую историю и помочь с самоидентификацией в поликультурном мире, нет осознания того, каким образом это должно проходить и каким образом будут оцениваться результаты обучения. В связи с этим возникает задача оценки качества решения задач образования.

Данная работа имела цель выяснить уровень толерантности и параметры самосознания учеников средней школы - в возрасте 10-11 лет, когда у детей активно формируется чувство этничности. При проведении исследования использовались анкеты, где респондентам предлагалось: - дать пять ответов на вопрос «Кто я?»; - назвать известные им народы, в том числе из своего ближайшего окружения; - нарисовать символ своего народа; - изобразить соотношение «мы - они». Всего было опрошено 87 человек из четырех пятых классов гимназии №7 города Новосибирска.

Ответы на вопрос «кто я?» были разделены на следующие группы самоидентификации: социальную («школьник», «ученик», «сын/дочь» и т.п.), национальную («русский», «россиянин», «гражданин РФ» и т.п.), локальную («новосибирец», «сибиряк», «барнаулец» и т.п.), социально-психологическую («хороший» и т.п.), гендерную («мальчик», «девочка» и т.п.). Кроме того, в качестве отдельных групп были выделены общие понятия самоидентификации («человек», «житель Земли» и т.п.) и полное, или частичное отсутствие ответа на вопрос. В процентном соотношении ответы разделились следующим образом: социальная самоидентификация – 29,20% (127 анкет из 435); национальная – 7,59% (33); локальная – 9,20% (40); социально-психологическая – 12,41% (54); гендерная – 6,90% (30); общие понятия – 16,32% (71); нет ответа – 18,39% (80).

По результатам анкетирования видно, что первое место в самоопределении детей занимает социальная идентификация – это объясняется особенностями возраста, когда дети примеряют на себя различные роли и стараются следовать им. Но при этом на втором месте идет позиция «нет ответа», что показывает определенную сложность в самоидентификации. При анализе, обращает на себя внимание, что локальная самоидентификация опережает национальную.

При анализе этнической компетенции школьников было установлено, что среднее количество названных народов, известных детям – 1,77; при этом локальная идентичность в ряде случаев отождествлялась с этнической. Очень часто в анкетах не было указано ни одного народа. Это можно объяснить тем, что определение «русский», вероятно, является для детей очевидным и не нуждающейся в упоминании (что косвенно подтверждается нижеприведенными результатами).

Всего было указано 23 народа, частота была следующей: русские – 87,36%; азербайджанцы – 22,99%; немцы – 20,69%; украинцы – 17,24%; японцы – 12,64%; грузины – 11,49%; новосибирцы, татары и китайцы – по 8,05%; казахи – 5,75%; американцы – 4,60%; «барнаульцы» и британцы – 3,45%; хохлы и белорусы – 2,30%; узбеки, таджики, индусы, румыны, корейцы, турки, греки и «москвичи» – по 1,15%. Ни одного народа не было указано в 6,90% случаев.

Высокие показатели русских, азербайджанцев, немцев, украинцев объясняются тем, что в классах присутствовали дети указанных национальностей, о чем их одноклассники были осведомлены. Интересным представляется и то, что на пятом месте находятся японцы. Этому можно дать два объяснения: во-первых, эффективность японской пропаганды и саморекламы, которая поставлена на очень высоком уровне; во-вторых, наличием в референтных группах детей людей, имеющих четкие представления о Японии и японцах.

Обращает на себя внимание упоминание локальной идентичности – новосибирцы, барнаульцы и москвичи (12,65%), при отсутствии в школе таких предметов, как «Краеведение» и «История Сибири». Значительный процент детей с выраженной локальной идентичностью можно объяснить либо низким уровнем этнической грамотности, либо преобладанием в референтных группах взрослых, с ярко выраженной локальным самосознанием.

Ответы на вопрос о символе народа (рисуночный вопрос) распределились следующим образом: государственная символика (флаг, герб) – 64,37%; антропологические образы (изображения людей) – 20,69%; образы природы (деревья, цветы) – 18,39%; образы культуры (Кремль, ушанка, валенки) – 18,39%; урбанистические образы (высотные здания) – 8,05%; нет ответа – 2,30%.

Неожиданным при анализе проективного теста стало значительное преимущество государственных символов, хотя в лицее №7 патриотическое воспитание не выделено в качестве отдельного предмета, не проводится вечеров с использованием государственной символики. Видимо, это можно объяснить общим социо-культурным фоном в стране, и воздействием массмедиа. Интересно, что наряду с общегосударственными символами – триколор и двуглавый орел рисовались и локальные символы – герб и флаг Новосибирска. Это еще раз подтверждает тезис о существовании среди детей локальной самоидентификации высокого уровня.

При обработке изображений, нарисованных по схеме: «Мы - Они», ответы распределились следующим образом: антропологические образы (изображения людей) – 51,72%; государственная символика (флаги, очертания территории) – 36,78%; образы природы (цветы, растения) – 8,05%; образы культуры (достижения народов) и локальные соотношения (внутри России) – 5,75%; глобальные соотношения (земляне - инопланетяне) – 1,15%; нет ответа – 12,64%.

Как и в предыдущем вопросе, первые два места занимают антропологические типы и государственная символика. То, что образы культуры в обоих вопросах набирают небольшое количество ответов, свидетельствует о том, что культурно-историческая грамотность школьников находится на низком уровне.

Что касается качественных оценок, проявившихся в изображении «они», то здесь распределение происходит следующим образом: нейтральные оценки – 51,72%; позитивные – 25,29%; негативные – 11,49%; нет ответа – 11,49%. Преобладание нейтральных и позитивных оценок иных культур и народов говорит о стабильной ситуации в сфере межнациональных отношений в школьной среде, хотя речь идет не столько о толерантности, сколько об индифферентности. В целом, следует признать, что несмотря на заявленный приоритет в учебном плане, воспитание толерантности в средней школе находится на низком уровне. Это, при неблагоприятных условиях, не исключает возможности эскалации напряженности, когда нейтральные оценки в любой момент могут превратиться в негативные.

Научный руководитель: дин. Октябрюская И.В.

М.В. Пономоренко

Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 5 курс

УТВЕРЖДЕНИЕ СОВЕТСКИХ ПРАЗДНИКОВ В СРЕДЕ СИБИРСКИХ МУСУЛЬМАН*

Ислам – одна из важнейших составляющих культуры тюркского населения Сибири. Краеугольным камнем отношений между советской властью и церковью в начале 1920-х гг. была несовместимость большевизма и его

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 06-01-00323 а)

идеологии с любой другой, прежде всего религиозной. Поэтому конфликт власти и мусульманской религии был предопределен. Причина систематического изживания религии из жизни общества была заключена в самом принципе диктатуры, исключавшем плюрализм в духовной сфере. Тем более что речь шла не о каких-то частных разногласиях, а об отношениях с главным идеологическим конкурентом, претендовавшим на владение умами значительной части населения [2., С. 143].

Изживание религии происходило через трансформацию традиционной национальной праздничной системы. Праздник – один из наиболее эффективных общественных регуляторов, с помощью которого власть осуществляет управление жизнью коллектива или коллективов. Он обладает способностью максимально содействовать сохранению стабильности, неизменности общественной жизни в пределах однажды заданных норм и установлений.

К разработке новых обрядов в Советском государстве приступили с момента провозглашения нового строя. 24 января (6 февраля) 1918 г. Совнарком принял и опубликовал декрет «О введении в Российской Республике западноевропейского календаря». Этим декретом отменялись те религиозные и старорежимные праздники, которые посвящались царствующим особам в честь их рождения, восшествия на престол, миропомазания и т.д., и вводились новые праздники – памятные дни великих событий революционной борьбы трудящихся России и всего мира. Так было положено начало государственному узаконению празднеств «Красного календаря» [1., с. 246].

Социалистическая революция провозглашает решительный разрыв с прошлым. Это относится к традиционной праздничной культуре, к ее праздничным сюжетам и формам, к способам выражения праздничных эмоций и типам праздничного поведения. Начинается распад единого и целостного феномена праздничности на отдельные элементы: с одной стороны – полное огосударствление праздника, превращение его в официально-парадное торжество, с другой – обытовление праздника, его уход в сферу исключительно домашнего или интимно-группового быта. Задача модернизации праздничной традиции татар Сибири была особенно сложна, т.к. ислам являлся основополагающим ее фактором. К началу XX в. благодаря тесному взаимодействию этнического и конфессионального начал национальное самосознание сибирских татар приняло тноконфессиональную окраску. Ислам стал восприниматься как едва ли не главный этнический признак, вследствие чего в начале XX в. этноним «татары» стал отождествляться с понятием «мусульманин» [3., с. 373-383].

Партийные органы ЦК РКП (б) развернули активную агитационную деятельность среди мусульманского населения Сибири. В начале 1920-х гг. на постоянную работу в Сибирский регион было направлено значительное количество партийных работников, обращавшихся к самосознанию татар (тюрков). Для осуществления поставленных задач при губернских комитетах был создан отдел национальных меньшинств, включивший в себя татаро-киргизскую секцию. Развернувшаяся пропаганда, направленная на дискредитацию ислама вылилась в антирелигиозные кампании, которые были приурочены к постам и праздникам мусульманского календаря.

Впервые «Комсомольский Байрам» – месячник *«ознакомления членов РКСМ татаро-башкир и не союзной молодежи с сущностью и происхождением религии ислам»* был проведен 1923 г. (ЦХАФ АК, Ф. П-2, Оп.1, Д. 298, л.35). Все советские празднества вообще противопоставлялись тогда еще очень живым традициям религиозного быта. У данного празднества антирелигиозная агитационная функция выступала в качестве главной, определяющей, и реализовывалась она не простым противопоставлением нового празднества старому, религиозному, а показательным оформлением расправы над старым бытом.

Антитеза старого и нового как противопоставление религиозности и социалистической идеологии нашла свое отражение в программных документах советской власти, политика которой была направлена на искоренение ислама в среде тюркского населения Сибири.

Так, в «Примерном плане работ по проведению антирелигиозного праздника Комсомол-Гайт», направленном ЦК РКСМ в виде циркуляра (18/VII 1924г.) в Барнаул Алтайскому Губкому говорилось: *«Лозунгами праздника являются в городах и рабочих районах: «Против религиозного дурмана, против суеверий, против духовной школы, за знание, за овладение молодежью наукой, за поднятие ее квалификации, за новый быт».*

В деревнях: *«Против слепой веры, суеверий, за знание, за ликвидацию сельскохозяйственной безграмотности, за грамоту и школу».* (ЦХАФ АК, Ф. 9, Оп. 5, Д.50, л.9).

В тезисах к докладу тов. Батырова «Антирелигиозная пропаганда» (1923 г.), представленных во время Томского губсовещания татработников РКП и РКСМ, отмечалось, что *«РКП... неуклонно стремится к освобождению трудящихся масс от духовного порабощения – от влияния религий и верований»*, а также подчеркивалось, что *«наши пропагандисты безбожества знанием самой религии должны доказать татаро-башкирским массам бессмысленность, бессодержательность, бесполезность использования в жизни религии».*

Кроме того, *«распространение естествознания среди крестьянства является основной задачей татчленов РКП и РКСМ в деревне»*, т.к. *«ссылка крестьянских масс на божественность («кару за грехи людей») при стихийных бедствиях (засуха, неурожай, градобитие хлеба, появление вредителей и др.) объясняется невежеством и непониманием природных явлений».* В общем, антирелигиозная пропаганда должна была вестись под углом распространения естественнонаучных знаний и утверждения материалистического взгляда на жизнь. (ЦДНИ ТО, Ф.1, Оп.1, д.1523, л.38).

В 1928г. АПО ЦК ВЛКСМ была разослана копия директивы ЦК ЛКСМ Узбекистана «Как провести борьбу с религией во время Рузы «Байрама» как пример того, как следует подходить к антирелигиозной работе, исходя из хозяйственных и культурно-бытовых условий местных народностей». «Основными лозунгами для этого периода должны явиться: «На борьбу против религии и духовенства»; «Против религиозных обрядов, против Рузы Байрама»; «Комсомолец не поститься, не носит фитри Рузы, не молиться и призывает к этому своих товарищей»; «За науку, за знания, за радио, электричество, трактор, за книгу, против суеверия, темноты и невежества». (ЦДНИ ТО, Ф. 78, Оп.1, Д. 371, л.16).

В одном из пунктов подготовительной работы по проведению антирелигиозного праздника «Курбан-Байрам» в Барнауле (18/VII 1924г.) рекомендовалось «При возможности, изготовить карикатуры следующего содержания: а) старая школа, рядом с ней мечеть. Из школы выходят к жизни неспособные люди-фанатики. б) Новая школа, рядом с ней клуб, библиотека. Из них выходят жизнеспособные: инженеры, агрономы, педагоги, врачи». (ЦХАФ АК, Ф. 9, Оп. 5, Д.50, л. 10).

Усилиями советской власти происходила деэтнизация праздничной культуры. Основным принципом ее построения был объявлен интернационализм. Шел процесс построения системы советских праздников, костяк которой составляли революционные праздники: 1 Мая, годовщина Октябрьской социалистической революции, День Красной армии. В 1924г. всем организациям РКСМ и секциям национальных меньшинств было разослано указание по проведению Первомайского праздника следующего содержания:

«1. Праздник мирового пролетариата, праздник борьбы рабочего класса с капитализмом – 1 мая в Сибири, как части СССР, где трудящиеся национальные меньшинства, освободившиеся от национального гнета, проходят под лозунгами, связанными с заветами В.И. Ленина: «Долой национально-религиозные праздники», «Да здравствует интернационал и революционные праздники» и «Объединение трудящихся всего мира под знаменем III Коминтерна»... Классовый принцип объединения трудящихся масс всех народов должен быть противопоставлен национально-клирическому объединению, сбрасывая маски националистов, стремящихся затушевать классовые противоречивые интересы великих и малых национальностей. 3.Первое мая в этом году совпадает с мусульманским религиозным праздником «Кадер-Кичаси» и накануне Байрама «Рамазан Гайди». Поэтому наряду с освещением возникновения и истории интернационального праздника Первое мая среди тат-киргиз молодежи и вообще трудящихся тат-киргиз, необходимо дать научное объяснение происхождения религиозных праздников и о преследуемых целях всевозможных «священных дней, праздников».

Кроме того, было необходимо «вовлечь всю молодежь национальных меньшинств в проведение партийей первомайских мероприятий. Национальные группы демонстрантов должны участвовать отдельными колоннами со специально подготовленными плакатами-лозунгами на национальных языках»... такими как: «Трудящаяся молодежь Советского союза надежный отряд Коминтерна и Советской Республики; Трудящаяся молодежь национальных меньшинств идет под знаменем братского единения пролетариев всего мира; В первомайский праздник шлем привет угнетенным братьям Востока; Наше знамя – III Коммунистический Интернационал; Красная молодежь Востока борется за освобождение угнетенных капитализмом трудящихся всех стран за мировой Союз Советских Республик; Красная молодежь Востока борется под знаменем Коминтерна молодежи». (ГАНУ, Фонд п-2, опись 1, дело №357, лл. 117-119).

В отчете «о работе среди татаро-киргизских национальностей по Алтайской губернии с 1 октября 24 года по 1 января 25 года» отмечалось, что в городах «проводился праздник годовщины Октябрьской Революции и ставились доклады на общих собраниях населения на темы: что такое Октябрьская Революция, значение Октября и Международное положение. Во время годовщины число проведенных общих собраний (по Барнаулу) 10, разобрано вопросов 32, общее число участвующих на этих собраниях 733 человека. Заседаний Бюро тат-киргиз секции 5, вопросов обсужденных 11, присутствовало 25 человек» (ЦХАФ АК, Ф. П-2, оп.1, Д. 298, л. 63).

Превращение праздника в общественно-политическую акцию, ориентированную на официальную идеологию определило основную тенденцию в этнокультурных процессах 1920-1930-х гг. Изменилась культурная парадигма: ставка была сделана на «нового» человека, не связанного с прошлым, устремленного в будущее и, по сути, лишенного национальных корней. В соответствии с этой задачей конструировалась праздничная система, в которой отсутствовал элемент национальной традиции.

Библиографический список

1. Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление. М., 1978
2. Соскин В.Л. Российская советская культура (1917-1927 гг.): очерки социальной истории. Новосибирск, 2004
3. Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрок Южной Сибири в XVII – XIX веках. Томск, 1999

Научный руководитель: дин Октябрьская И.В.

ФЕНОМЕН ЭТНИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА ПРИМЕРЕ КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ

О феномене этнического предпринимательства спорят достаточно давно, и оценки экспертов по этому поводу неоднозначны. Этническое предпринимательство прочно вошло в жизнь и быт крупнейших городов, став повседневным фактом экономической жизни; оно имеет свою историю и традиции.

Актуальность данной темы определяется популярностью дискуссии об этническом бизнесе в социальных науках. Ее содержание определяют следующие вопросы: почему этнический бизнес зачастую так успешен, какие группы наиболее удачливы и на какие ресурсы они полагаются?

Вслед за рядом исследователей мы придерживаемся точки зрения о том, что одна из основных причин успешности этнического предпринимательства лежит в явлении социально-экономической маргинальности этнических меньшинств. По мнению американских социологов А. Шапиро и Л. Сокол “в средние века предпринимательская активность по умолчанию была оставлена группам, не вписывающимся ни в какие из основных классов. Так, евреи не вписывались и потому взяли на себя многие несанкционированные виды деятельности – ростовщичество, утилизацию отходов, рекламу, сбивание цен” [1, с. 83-84].

Опыт многих развитых стран показывает, что важным фактором в развитии этнического предпринимательства является миграция. Справедливо замечают, что тяготы миграции берут на себя заведомо более активные группы населения, и миграция в этом смысле становится своеобразным «фильтром». Жизнь в принимающем обществе предопределяет наличие качеств, способствующих предпринимательскому успеху. Сам факт миграции, означавший “прыжок в неизвестность”, отрыв от привычного существования резко повышает ценность таких человеческих качеств как подвижность, динамизм, предприимчивость. Умение жить в чужом мире, относительно легко переходить из одних условий в другие, с одного языка на другой, готовность к освоению нового – обязательные качества членов “торговых меньшинств”.

Однако не только маргинальное положение мигрантов обеспечивает стремительное развитие этнического бизнеса. Безусловный интерес вызывает изучение влияния национальной психологии на экономическую деятельность национальных меньшинств. Однако, национальная психология - лишь одна из характеристик этноса. В этом смысле более продуктивным представляется этноэкономический подход, позволяющий оценить потенциал рыночной адаптации различных народов, выявить этнические особенности экономического поведения, включая влияние традиций, идеологии, культуры и др.

В этом смысле показательным является опыт Кореи. Многие ученые-экономисты называют экономическое развитие Кореи чудом в истории второй половины XX в. При этом корейцы вправе гордиться не только резким скачком в экономическом развитии страны, но и теми результатами, которых достигли их соотечественники за рубежом. Феномен корейского бизнеса привлекает внимание исследователей, пытающихся определить: влияет ли этническая специфика на уровень экономического развития меньшинства в инонациональной среде, или это только следствие борьбы за выживание в экстремальных условиях.

Согласно правительственному отчету на 2005 г. в 175 странах мира проживает 6.638.338 этнических корейцев, не считая 200 тыс. женщин, вступивших в интернациональный брак, и 200 тыс. детей, усыновленных иностранными гражданами. В целом, общее число корейцев, проживающих за рубежом, составляет около 7 миллионов [2]

Зарубежных корейцев можно условно разделить на 7 групп: американо-канадская диаспора, насчитывающая 2.300.000 человек; японская диаспора, насчитывающая 1.200.000 человек; китайская диаспора, насчитывающая 2.400.000 человек; диаспора стран СНГ – 630.000 человек; южно-азиатская диаспора – около 300.000 человек; европейская диаспора – около 100.000 человек; седьмая – диаспора Южной и Центральной Америки – около 100.000 человек.

В каждой стране корейская община имеет свою специфику, подразумевающая исторический, культурный и экономический опыт, а также формы политической адаптации. Делая краткий обзор по регионам, можно утверждать, что корейская диаспора прочно заняла определенные ниши в экономике принимающих стран.

Человеческий капитал корейцев определяют навыки коллективного (общинного/корпоративного) взаимодействия, воспитанные вековыми крестьянскими практиками, и устойчивые, сформировавшиеся в рамках конфуцианской традиции, установки на трудовую активность. Исторический опыт адаптации к социально-экономическим реалиям принимающих стран является одним из факторов успешного бизнеса.

В ходе иммиграции на Американский континент у корейцев сложились традиционные формы предпринимательства. В США это бакалейные лавки, химчистки и магазины косметической продукции. Бакалейные лавки

и химчистки корейцы выкупили у представителей других нацменьшинств, либо взяли в свои руки в результате конкуренции. Магазины косметики – это оригинальный вид деятельности, в котором корейцы добились больших успехов. Среди новых тенденций в среде американских корейцев можно отметить появление олигархов в результате накопленного опыта и капитала. Характерная особенность корейской общины в Южной Америке ее неустойчивый транзитный характер. Корейцы, постоянно живущие в Латинской Америке, задействованы в основном в текстильной промышленности.

В Европе корейцы занимаются частным бизнесом, содержат бакалейные лавки и рестораны, но не имеют возможностей построить крупный бизнес как в США.

Основной бизнес, в котором заняты корейцы в Японии – это Пачинко (игровые автоматы для взрослых), рестораны Яккинику и Синдаль (производство женской обуви). На всей территории Японии находятся 18 тысяч залов игровых автоматов, 70% которых принадлежит японским корейцам. Рестораны Яккинику насчитывают на сегодняшний день 17 тыс. заведений по всей Японии; они основаны и монополично принадлежат корейцам. Синдаль – это корейский бизнес по разработке дизайна и производству женской обуви. Но в последнее время индустрия синдаль находится в упадке из-за конкуренции китайских товаров. Но большинство корейцев все еще работает в сферах бизнеса, связанных с производством обуви, сумок, поясов и др. изделий из кожи.

В приморских городах Китая, где наблюдается присутствие корейской диаспоры, получил развитие предпринимательский бизнес. Количество этнических корейцев, обучившихся у корейских бизнесменов и открывших собственное дело, достигает несколько сотен человек. Хотя в Китае еще не появились такие известные предприниматели как в США или Японии, но уже известны представители корейской диаспоры, которые менее чем за 10 лет поднялись на уровень известных в Китае владельцев корпораций.

В странах Юго-восточной Азии, Австралии, Новой Зеландии и Океании по причине обширности территорий и короткой истории корейской иммиграции, пока нет бизнесменов, добившихся выдающихся успехов. Многие корейцы, поселившиеся в Юго-восточной Азии и Океании перебрались туда в 1975 г. после окончания войны во Вьетнаме. Они, в основном, владеют сувенирными магазинчиками, ресторанами, многие – турагенствами; работают в сфере туризма рассчитанного на клиентов из Кореи. Кроме того, в Индонезии корейцы занимаются продажей лесоматериалов; также известны корейцы, иммигрировавшие в Юго-восточную Азию как специалисты по внешней экономике.

В рамках СНГ сложился крупный финансовый бизнес, который возглавляют представители корейского этноса. Среди них: депутат государственной Думы РФ Любомир Тянь, Сергея Тен из Ростова-на-Дону, Александр Тен из Уссурийска, Юрия Цой из Алматы и др. – всего около 10 крупных бизнесменов [2].

В связи с неоспоримым успехом бизнес-элит корейской диаспоры, она стала оцениваться на родине как своеобразный “двигатель” корейской экономики за рубежом. Присутствие корейцев в бизнес-элитах различных стран мира позволяет аналитикам говорить о формировании этнического лобби в эшелонах власти. Подобно евреям, японцам, китайцам, корейцы выходят на иной, более качественный уровень отстаивания своих интересов. И то, как власть сможет договориться с представителями этих групп не предмет сотрудничества и использования потенциала и ресурсов этнических сетей, зависит стабильное развитие общества и государства в целом.

Библиографический список

1. Радаев, В.В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Политические исследования. 1993. № 5. С. 79-87
2. <http://rus.korean.net> Экономическое положение корейцев-соотечественников. 2006.06.29

Научный руководитель: дин Октябрьская И.В.

А.И. Тюменин

Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 5 курс

КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ. ВЗГЛЯД ИЗ КНР

Центральная Азия в конце XX в. стала зоной активных геополитических изменений. В условиях нарастающей глобализации российско-китайская граница стала не только геополитическим рубежом, но и линией

раздела разных цивилизационных, демографических и политических систем. Вступление Китая в ВТО и последующее вступление России в эту организацию означает, кроме прочего, усиление иностранного присутствия в приграничной зоне, так как устав данной организации руководствуется принципом национального режима, т.е. предоставления предпринимателям из стран-членов ВТО таких же условий, что и национальным.

Одной из главных проблем, связанных с безопасностью границ является миграция китайской рабочей силы. По оценкам экспертов, в условиях низкой плотности населения в приграничных с Китаем районах России и роста демографической нагрузки в Китае рост числа китайских мигрантов в России неизбежен [3]. Китай – одна из немногих стран, которая проводит сформированную годами политику сохранения контактов с гражданами, эмигрировавшими за пределы страны.

В Китае существует Комитет по делам китайских эмигрантов; при Госсовете создана Канцелярия по делам китайских эмигрантов, которая определяет стратегию взаимоотношений с соотечественниками, вырабатывает механизмы привлечения финансовых и материально-технических средств зарубежных китайцев в процессы модернизации экономики КНР. Практическая деятельность осуществляется Всекитайской ассоциацией Репатриантов, которая действует под непосредственным руководством Канцелярии и защищает права и интересы зарубежных китайцев, анализирует их положение и разрабатывает предложения по совершенствованию законодательства. Эта ассоциация выступает как связующее звено между зарубежными китайцами и центральным правительством, а также местными органами власти КНР (через местные отделения ассоциации). Председатель Всекитайской федерации репатриантов видный общественный деятель Линь Чжаошу.

В 1988 г. образована Комиссия по делам китайских эмигрантов при Всекитайском Комитете Народного Консультативного совета Китая (“народного фронта”, объединяющего представителей различных партий и организаций). В 1991 г. принят «Закон о защите прав и интересов реэмигрантов и родственников эмигрантов», который обеспечивает финансовые и налоговые льготы и возможности по переводу и инвестиции капиталов.

Несмотря на то, что важной особенностью законодательства КНР о гражданстве является последовательное проведение принципа непризнания двойного гражданства (при этом в законодательстве сам термин “двойное гражданство” даже не используется). Согласно ст.8 Закона КНР о гражданстве “за лицами, которые приобрели китайское гражданство, не сохраняется иностранное гражданство”, а ст.9 устанавливает: “Китайские граждане, постоянно проживающие на территории другой страны, в случае если они добровольно приобрели иностранное гражданство, утрачивают китайское гражданство”, законом о гражданстве предусмотрена возможность восстановления в китайском гражданстве. Согласно ст.13 “иностранцы, состоявшие ранее в китайском гражданстве, могут ходатайствовать с указанием уважительных причин о восстановлении китайского гражданства. За лицами, восстановленными в китайском гражданстве, не сохраняется иностранное гражданство” [2].

В это же время следует отметить, что иностранцы и апатриды даже формально (как это сделано в некоторых конституциях) не приравнены к гражданам в целом в отношении какой-либо части прав и свобод: их статус рассматривается как особый; Ч.1 ст. 32 Конституции КНР 1982 года гласит: “Китайская Народная Республика охраняет законные права и интересы иностранцев, находящихся в Китае; находящиеся в Китае иностранцы должны соблюдать законы КНР”. На уровне текущего законодательства применяется смешанный подход: для регулирования прав и свобод в неэкономической сфере иностранцев издаются отдельные акты, в экономической сфере издаются как отдельные акты, так и осуществляется общее для китайских граждан и иностранцев регулирование.

Однако по ряду параметров иностранные граждане имеют права, не предоставленные гражданам КНР. Это легко увидеть в актах, относящихся к экономической сфере. Так, согласно ст.14 Положения КНР о валютном регулировании от 29 января 1996 г. китайские граждане, проживающие в КНР и имеющие в своей собственности валюту не могут без соответствующего разрешения органов валютного контроля вывезти ее за границу; Ст.16 того же Положения разрешает иностранным гражданам, получающим заработную плату во внутренних организациях КНР, после уплаты налогов переводить ее за границу [1].

В последние годы происходит усиление китайской диаспоры во многих странах мира. По данным официальных структур США на июль 2006 г. население Китая составляет 1313973713 человек, из которых 91,9% являются этническими китайцами (ханьцами) (CIA World Factbook, 2006). По данным ООН китайская диаспора самая крупная в мире и насчитывает более 50 млн. человек. Самые большие диаспоры в США и Канаде. К середине 1980-х гг. в США 200 китайцев занимали высокие выборные посты на уровне штата, округа, муниципалитета. Китайская община превратилась в очень влиятельный электорат.

В своих взаимоотношениях с диаспорой Пекин придерживается прагматических интересов привлечения капиталов этнических китайцев из-за рубежа для нужд развития народного хозяйства страны и лоббирования интересов Китая в соответствующих странах, взамен предоставляя гарантии правовой защиты. Однако в рамках жестких стратегий государственного строительства, правительство исключает любую возможность идеологического или политического влияния диаспоры на ситуацию в Китае.

Библиографический список

1. Андреева Г., Титова Т. КНР и китайская диаспора: правовой аспект взаимоотношений// Институт Стран СНГ. Институт Диаспоры и Интеграции. Информационно-аналитический бюллетень. 2001. - № 42.
2. Закон о гражданстве КНР 1980 г.
3. **Прозрачные границы.** Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России. – М.: Научно-образовательный Форум по международным отношениям, 2002.

Научный руководитель: дин Октябрьская И.В.

Б.А. Тынысов

Омск, Омский государственный университет, 5 курс

РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ КАЗАХОВ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

В историко-этнографической литературе проблемы этнического развития различных групп казахов, живущих за пределами основной территории расселения этноса, получили освещение в работах ряда авторов. Исследование современных этнодемографических процессов приобретают особую актуальность в свете современного развития региона. Формирование современного территориального размещения групп народов в Омском Прииртышье завершилось в основном в начале XX в. Но и в дальнейшем происходило изменение численности и расселения отдельных этнических общностей.

Исходя из этого, задачи данной работы состоят в том, чтобы проследить процесс расселения казахов на территории Омского Прииртышья в первой трети XX в. и охарактеризовать динамику численности; рассмотреть процесс перехода кочевых казахов на оседлое и постоянное место жительства.

Омское Прииртышье при этом рассматривается преимущественно в границах современной Омской области. Административно-территориальное деление этого региона имело в разные периоды свои особенности. Территория современной Омской области раньше входила в состав Тарского и Тюкалинского уездов Тобольской губернии и частично Омского уезда Акмолинской области. С начала 1880-х гг. Омск становится центром Степного генерал-губернаторства и Акмолинской области, а с 1925 г. – Сибирского края, куда входили Алтай, Иркутская, Томская и др. области.

Включение региона в инфраструктуру Российского государства вело к изменению традиционного хозяйственного уклада кочевников. Уменьшение территорий кочевков, особенно в XIX веке, приводило к тому, что многие сибирские казахи стали постепенно оседать. Конец XIX в. характеризуется законодательным закреплением постоянных территорий за казахами, установлением административно-территориальных единиц. С ограничением переходов казахов с одной территории на другую, хозяйственно-культурные контакты с русским населением расширяются [6, с.71].

Переселенческая политика П.А. Столыпина положила начало организованному переселению части крестьян за Урал. Землеустройство сибирских территорий оказало большое влияние на хозяйственную жизнь аборигенных этносов. На начало XX в. под влиянием массовых переселений крестьян происходило дальнейшее уменьшение территории казахских кочевков. Правовую основу землеустроительных работ в регионе составили: закон 1896 г. и правила 1898 г. о поземельном устройстве крестьян и аборигенов на казенных землях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний [7, с.29].

В Степном крае под воздействием переселенцев все большее и большее распространение получает переход к оседлому образу жизни казахов, пожелавших получить землю на одинаковых с переселенцами основаниях. Наряду с этим кочевники, предпочитающие простор, передвигались на юг, где получали возможность вести привычное им хозяйство [3, с.37]. Надо полагать, что перешедшие на оседлый образ жизни казахи были в основном бедняками, не имеющими, как правило, средств для кочевков. Для казахов, пожелавших получить земельный надел, были одинаковые с крестьянами условия, т.е. они имели не свыше 15 десятин на душу [2, Ст.15.п.1].

В результате под все больше возрастающим влиянием земледельческого населения, происходило постепенное усиление процесса перехода казахов от кочевания к оседлому или к полуоседлому состоянию [4, с.53]. Так дальнейшее ограничение земель, находившихся в пользовании казахов, усиливавшееся хозяйственно-культур-

ное влияние русских, украинцев и затем переселявшихся сюда же немцев привели к массовому отказу казахов от кочевого образа жизни и оседания их на жительство в постоянных аулах. Фактически к 1930-м гг. казахи перешли полностью на оседлый образ жизни. [6, с.71].

Наряду с переходом казахов на постоянное место жительства в аулах, происходило изменение их численного состава. Не имея данных на начало XX в., мы возьмем данные переписи 1897 г. по Акмолинской области. Согласно этой переписи, среди наличного населения Акмолинской области, казахи, именуемые в переписи как киргиз-кайсаки, составляли довольно значительный процент. Общая численность населения составила 682608 душ обоего пола, из них киргиз-кайсаки – 427389 душ обоего пола, что делало их доминирующим этносом [1].

По Омскому уезду Акмолинской области данные о численности казахов выглядели следующим образом. Омский уезд состоял из двух участков, которые включали 26 волостей и среди них 7 казахских. Всего по Омскому уезду численность казахов составляла 38185 душ обоего пола [1].

В сравнении с данными переписи 1926 г. по Омскому округу общая численность казахского населения составляет 17799 человек обоего пола [5, с.102-218]. Общие показатели на 1926 г. значительно меньше 1897 г. Причина тому - изменение административно-территориального деления Омского уезда. В результате большая часть казахских волостей вышла из состава Омского уезда. Исходя из этого, трудно определить изменение численного состава казахов в исследуемом регионе. В целом, к концу 1930-х гг. казахи Омского Прииртышья окончательно переходят на оседлый образ жизни. За этот период происходит формирование множества казахских деревень (аулов). Казахи составляют значительную численную прослойку среди общего населения региона.

Библиографический список

1. **Первая всеобщая перепись** населения Российской империи, 1897 г. Акмолинская область.
2. **Переселение и землеустройство** в Азиатской России (сборник законов и распоряжений). Петроград, 1915.
3. **Переселение и землеустройство** за Уралом в 1912 г. – СПб., 1913.
4. **Переселение и землеустройство** за Уралом в 1906-1910 гг. – СПб., 1911.
5. **Список населенных мест** Сибирского края. – Т.1 Округа Юго-Западной Сибири. – Новосибирск, 1928.
6. **Томилов Н.А.** Казахи Западной Сибири в XVI – XX вв.// От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири). – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1995.
7. **Шиловский М.В.** Влияние массовых переселений конца XIX – начала XX в.в. на землевладение аборигенных этносов Сибири.// Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества: Межвуз. сб. науч. тр. / Ом. гос. ун-т. – Омск: ОмГУ, 2003

Научный руководитель: кин, доц. Карусенко С.Н

А. А. Чепилко

Омск, Омский филиал ИАЭТ СО РАН, (аспирантка)

ЦЕНТР СИБИРСКО-ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРОДА ТОБОЛЬСКА

Стремление людей объединяться по этническому признаку с целью сохранить и передать молодому поколению свою культуру, национальный язык, обычаи и обряды, особенно ярко проявившееся в последние 15-20 лет. В России возникла сеть национально-культурных центров. Как показало время, деятельность национально-культурных центров, помогая национальным меньшинствам успешно реализовывать свои национальные запросы, способствовала снижению межнациональной напряженности. Об одном из таких центров пойдет речь в данном сообщении.

Цель данного сообщения – познакомить читателя с историей создания Центра сибирско-татарской культуры г. Тобольска, охарактеризовать основные направления его деятельности. Источником послужили материалы, собранные в ЦСТК, а также средства массовой информации г. Тобольска, отражающие деятельность Центра. Обращение к Тобольску не случайно, ведь этот город признан наряду с Москвой и Санкт-Петербургом духовным центром России. Татарское население составляет значительную часть населения города.

С конца 1980-х гг. в среде татар наблюдался рост национального самосознания, вследствие чего представители этого народа захотели иметь возможность изучать родной язык, посещать концерты и другие мероприятия, проводимые на татарском языке. В целях совершенствования организации досуговой деятельности населения

г. Тобольска 25 марта 1988 г. был создан Центр досуга (как общественная организация) на основе хозрасчета и самоокупаемости, а 25.10.1988 г. решением исполкома Тобольского городского Совета народных депутатов на базе данной общественной организации был создан Центр «Досуг» при городском отделе культуры. В 1989 г. Центр «Досуг» был переименован в татарский культурно-образовательный Центр «Досуг».

Важной вехой в истории Центра стал 1995 г. В этом году решением городской Думы г. Тобольска татарский культурно-образовательный Центр «Досуг» был преобразован в муниципальное учреждение культуры «Центр сибирско-татарской культуры» (МУК «ЦСТК»). В 2006 г. Центру исполнилось 18 лет.

Обратимся к официальным документам Центра. Согласно Уставу, официальное название организации – Автономная некоммерческая организация культуры «Центр сибирско-татарской культуры». Целями Центра сибирско-татарской культуры являются сохранение и развитие всетатарского культурного наследия, сохранение, создание, распространение и освоение культурных ценностей, предоставление культурных благ населению в различных формах и видах. Центр имеет три постоянных источника финансирования: бюджетные средства, выделяемые при получении на конкурсной основе муниципального заказа на предоставление культурно-досуговых услуг, доходы от платных услуг, а также добровольные взносы и пожертвования юридических и физических лиц.

В настоящее время в штате ЦСТК состоит более 70 сотрудников. Это сплоченный творческий коллектив. С 1991 г. директором Центра является С.Ф. Ильясов. В 1994 г. им в рамках реализации Федеральной Государственной программы «Возрождение и развитие тюркских народов Российской Федерации» была разработана «Концепция возрождения языка, культуры, обрядов, традиций и обычаев сибирских татар на период 1994-2005 гг.»; где, в частности, отмечается, что гарантом национально-культурного развития должно являться государство, а основными объектами государственной культурной политики должны быть такие социальные институты, как семья, дошкольные учреждения, школы, национально-культурные центры. Данная концепция, ставшая шагом к осознанию подлинной роли культуры и языка в общенациональном процессе возрождения, является основой для реализации культурных потребностей населения г. Тобольска.

Основная задача Центра – удовлетворение культурных потребностей населения. Для решения этой задачи в Центре созданы структурные отделы, которые обслуживают татарское и башкирское население: отдел татарской культуры, включающий хоровой и танцевальный коллективы и различные ансамбли, и отдел башкирской культуры, включающий детский башкирский ансамбль и самостоятельный хоровой коллектив.

За период своей творческой деятельности Центром сибирско-татарской культуры было дано более 2000 концертов для жителей Тобольска и юга Тюменской области. Творческие коллективы Центра являются лауреатами городских и областных фестивалей «Мост дружбы», народного творчества и др.

С целью сохранения историко-культурного наследия сибирских татар при Центре создан отдел сибирско-татарской культуры, в состав которого входят историко-этнографический музей и научно-исследовательская лаборатория. В историко-этнографическом музее ЦСТК собрано более 1200 музейных экспонатов XIX-XX вв. Музей ежегодно проводит среди учащихся школ города и студентов учебных заведений конкурсы, КВН, викторины с целью выявления лучших знатоков истории родного края, практикует выездные экскурсии. Научно-исследовательская лаборатория занимается сбором и анализом научных материалов по истории языка, культуре, обычаям и обрядам сибирских татар.

При ЦСТК действуют многочисленные детские ансамбли (два вокальных, вокально-хореографический, ансамбль эстрадного танца), детские студии (театрального творчества, декоративно-прикладного творчества, народного фольклора, устного литературного творчества), а также секция татаро-башкирской борьбы. С 1991 г. силами педагогического состава ЦСТК по договоренности с Комитетом по образованию ведется преподавание татарского языка в детских садах и школах города.

При ЦСТК действует татарская библиотека, которая обслуживает студентов педагогического колледжа и института, школьников и педагогов города художественной, научно-методической, информационной литературой. В фонде библиотеки сосредоточено более 3000 экземпляров книг. В 2002 г. ЦСТК заключил договор с Исполкомом Всемирного конгресса татар Республики Татарстан на прямое сотрудничество. Результатом творческой деятельности стало пополнение книжного фонда на 1000 экземпляров художественной, методической, учебной литературы.

Гордостью Центра сибирско-татарской культуры являются собственные средства массовой информации: телестудия «Себер иле» («Сибирские края») и радиостудия «Себер дарьясы» («Сибирские просторы»). Телерадиопередачи регулярно выходят в эфир телерадиовещательной компании «Тобольск». В ноябре 2001 г. детская телестудия «И туган тел» стала дипломантом II межрегионального фестиваля детских телефильмов «Будущее Сибири». В декабре 2001 г. телестудия «Себер иле» отмечена наградами за участие в областном региональном фестивале «Белые пятна Сибири». В ноябре 2000 г. «Себер иле» стала дипломантом специального приза представителя Президента РФ по Уральскому Федеральному округу на VI телефестивале «Белые пятна истории Сибири».

В настоящее время ЦСТК включает следующие структурные подразделения: Детский дом творчества, отдел культуры, национальный музей, научно-исследовательскую лабораторию, национальную библиотеку и отдел информации (радио-телестудии).

Центр сибирско-татарской культуры давно уже стал популярным и востребованным у тоболяков. Это живой организм, координирующий, объединяющий, просвещающий, развлекающий, и в то же время ведущий большую исследовательскую работу. Центр является очагом культуры и просвещения для татарского населения Тобольска, а потому необходимо, чтобы его деятельность не прерывалась.

Научный руководитель: к.и.н. доцент, Корусенко С. Н.,

Р. М. Шарачева

Ижевск, Удмуртский государственный университет, аспирант

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УДМУРТСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ*

Постсоветский период существования полиэтнического сообщества Российской Федерации (РФ) характеризует процесс трансформации социально-классовых идентичностей в пользу региональных и этнических. Он своеобразно проявляется в Удмуртской республике РФ. Обретение суверенитета республикой в 1990-х гг. сопровождалось ростом движения за отстаивание этнокультурной самобытности титульного населения.

В 1988 г. представителями удмуртской интеллигенции г. Ижевска был основан Удмуртский клуб, а в 1989 г. на его основе было создано Общество удмуртской культуры – «Дэмен». Затем последовал Первый Всесоюзный съезд удмуртов, итогом которого было создание Всеудмуртской организации «Удмурт кенеш»; был принят Устав ассоциации, Декларация «О реализации суверенных прав удмуртского народа в современных условиях», заявление о вступлении в международную Организацию не представленных в ООН народов и наций. Основной целью ассоциации было провозглашено «возрождение и развитие удмуртского народа, защита его демократических прав и свобод» [1, с.16].

Во многом поддержка финно-угорских стран и автономий способствовала разворачиванию этнополитических процессов в республике Удмуртия, в то время как собственных инициативных национальных движений практически не было. Межгосударственные проекты (например, проекты Международной молодежной ассоциации финно-угорских народов) и сегодня имеют большое значение для удмуртского этноса.

Исторически сложилось так, что Поволжский регион развивался как полиэтнический и поликонфессиональный. С момента образования Вотской (позднее Удмуртской) Автономной области в 1920 г. здесь разворачивались этносоциальные процессы, которые объединяли представителей всех этносов, проживающих на территории современной Удмуртии. Если в начале XX в. процент удмуртов среди населения был достаточно высоким, то в результате массового притока рабочих 1970 – 1980-х гг. в зону крупного промышленного строительства, связанного с развитием оборонного комплекса, произошло существенное изменение этнического состава региона, что неизбежно повлияло на характер политических процессов в республике.

Если в Верховном Совете последнего созыва (1990 – 1995 гг.) удмурты составляли 26%, то в Государственном Совете первого созыва (1995 – 1999 гг.) – 18%, в Государственном Совете второго созыва (1999 – 2003 гг.) – 11% [1, 21]. Властная элита Удмуртии, по большей части, не принадлежит к титульному этносу, а, следовательно, не заинтересована в мобилизации этничности на территории республики.

Тем не менее, в Концепции государственной национальной политики Удмуртской Республики основными направлениями названы разработка и реализация на республиканском и местном уровнях программ политико-правового, социально-экономического, национально-культурного, духовно-нравственного и физического развития и сотрудничества народов Удмуртии, поддержка удмуртов, проживающих за пределами Удмуртской Республики. Эта концепция стала результатом развития этносоциальных процессов в регионе.

Еще в конце 1980-х гг. в Удмуртии возникли первые национально-культурные объединения (НКО), основной целью которых являлось этнокультурное возрождение. К концу 2000 г. на территории республики было официально зарегистрировано более двух десятков НКО; из них пять удмуртских [2]. Национальные общества первоначально ориентировались на проблемы культуры, позднее определяющим стал этнополитический фактор.

Большинство удмуртских национальных общественных организаций объединяют людей старших возрастных когорт, в недавнем прошлом – это выходцы из удмуртских сел, первые поколения горожан, которые социа-

* Работа выполнена в рамках гранта СО РАН для молодых ученых (проект № 145).

лизировались в условиях традиционной удмуртской культуры. Современная городская молодежь скорее принадлежит к общероссийской культуре; в лучшем случае ориентируется на синтез русской и удмуртской культур. Несмотря на это на территории республики активно разворачивает свою деятельность молодежная удмуртская общественная организации «Шунды» («Солнце»)[2, с.21].

Организация «Шунды» была основана в 1990 г. с культурно-просветительскими целями. Сегодня она объединяет около 1500 человек и имеет свои филиалы в 16 районах республики. Общение со сверстниками, реализация своих творческих способностей – основные цели вступления молодежи в общество «Шунды». Мотивация к этнизации практически отсутствует.

Представители этнических элит сетуют на то, что молодежь «совсем не знает своей национальности». Вообще, нигилизм по отношению к своей этнической культуре весьма характерен для современной молодежи, по мнению многих лидеров организации «Шунды». Многие из них видят свою основную задачу в противостоянии этому процессу. Понимание неизбежности интеграции в «единую» культуру, стимулирует поиск новых механизмов актуализации этнической культуры. Если говорить об удмуртском национальном движении, то речь идет о, так называемом, этнофутуризме.

Этнофутуризм инициирован общественными организациями, этнокультурными и фольклорными коллективами Удмуртии. Он ориентирован на наследие финно-угорского мира в целом и формирует солидарность с другими финно-угорскими народами на основе общности культуры. Именно этнофутуризм является своего рода идеологической основой деятельности общества «Шунды» (программа «Лулчеберет» - «Красота души»).

Художники, писатели, скульпторы Удмуртии реализуют концепцию этнофутуризма через свои произведения, в которых пытаются соотнести характеристики современной действительности с архаикой. Особенно заметно влияние общества «Шунды» на развитие республиканской, в том числе телевизионной журналистики. Творчество определяет механизм этнизации молодежи; а этничность опирается на осознании культурной самобытности удмуртов и высокий пиетет по отношению к творчеству предков. Деятельность молодой творческой интеллигенции сопровождается мобилизацией этничности.

Организации «Шунды» стремятся сориентировать молодежь на культуру «своего» этноса. «Национальный нигилизм» понимается как «растворение» молодежи в глобальной культуре, где нет границ, тогда как мобилизация этничности стремится ограничить молодежь в этнокультурной локальности.

Акции, организованных обществом «Шунды», направлены на культивирование особого отношения к своей культуре. Все мероприятия «Шунды» этнически окрашены; но молодежь, которая их посещает, прежде всего, ориентируется не на этническую специфику, а на активное общение со сверстниками в республике, в России и за рубежом. Организаторы стараются придать этнически ориентированным мероприятиям современную форму. Привлекательными для современной городской молодежи являются туристические фестивали, дискотеки и проч.

Очень важным в современной деятельности организации «Шунды» является включение молодежи в языковую среду. Общество «Шунды» способствует социализации личности в пространстве удмуртского языка. Однако проблема состоит в том, что этот язык оказывается востребованным, по большей части, только лишь в самой организации. Тогда как в условиях города язык титульной группы не дает преимуществ даже. Хотя удмуртский язык закреплён в Конституции Удмуртской Республики как государственный, тем не менее, он не распространён даже на уровне повседневной жизни.

В настоящий момент многие школьники Удмуртии предпочитают родному языку изучение иностранного. Уже сейчас в деревнях дети перестают говорить по-удмуртски. Тем не менее, в рамках организации «Шунды» языковые курсы продолжают существовать; они организуются с учетом потребностей членов организации. Этническая культура и язык оказывается востребованным лишь не большой частью населения. Очень большую роль они играют в адаптации удмуртской молодежи, которая приехала из деревень и начинает жить в условиях города. Организация «Шунды» пытается сплотить удмуртскую молодежь, показать их «особость», «отличительность» и объединить их на этой основе.

Объективно деятельность организации «Шунды» направлена на построение этноразделительных границ. Но сегодня можно говорить об осознании национальными лидерами того социального феномена, что называется плюрализмом выбора, в том числе в области этнических приоритетов. Можно говорить о конкурентной среде, которая сложилась на территории республики, поскольку помимо организации «Шунды» здесь действует еще шесть национальных молодежных общественных организаций. В последнее время в республике становится задача формирования толерантности молодежи к представителям других этнических сообществ. Позиция общества «Шунды» при этом основывается на концепции мультикультурного общества. Хотя подчеркивание культурных отличий этнических групп неминуемо ведет к конструированию границ между этническими сообществами. Эссенциалистское понимание феномена «этнос» является благодатной почвой для этнокультурной дифференциации. В связи с этим вопрос о необходимости существования национальных общественных объединений остается открытым.

Библиографический список

1. **Удмуртское национальное движение:** связь времен. К 85-летию I Всероссийского съезда удмуртов. \ Л.П. Федоров, Ижевск. – 2003. – с.16
2. **Феномен Удмуртии.** Под ред. Смирновой С.К. Ижевск.- 2004.

Научный руководитель: дфн С.В. Кардинская

А.А. Шелудько

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН, соискатель

ИММИГРАНТЫ-УКРАИНЦЫ СФО. ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИЙ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Трудовая миграция — обычный вид движения рабочей силы, присущий открытым обществам. Трудовая миграция в постсоветском обществе выполняет важную роль социально-экономического стабилизатора и является инструментом включения СНГ в международную систему миграций и международный рынок труда. Трудовая миграция постсоветского периода часто приобретает форму этнической миграции.

Одной из самых актуальных в постсоветском пространстве является проблема российско-украинских межгосударственных миграционных взаимодействий. Так сальдо миграционного обмена между Россией и Украиной в 1991 г. было самым большим, и составляло: - 102,7 тыс. человек, а 2001 г. - вторым среди стран СНГ и составляло: 39,1 тыс. человек [2, с.94].

Результаты социологических опросов, проведенных Институтом социологии НАН Украины в режиме мониторинга в 1999-2001 гг., свидетельствуют, что подавляющее большинство украинцев, работавших в разное время за границей, уезжали на заработки преимущественно в Российскую Федерацию: это подтверждают 59,0% респондентов. Россия является привлекательной для трудовых мигрантов с Украины не только в силу растущего спроса на рабочую силу, но также вследствие территориальной и культурной близости.

На начало 1990-х гг., миграционный оборот между Россией и Украиной был наибольшим и превышал 700 тыс. человек. В настоящее время имеющаяся информация о перемещениях граждан Украины часто противоречива. Согласно данным Федеральной пограничной службы РФ, в Россию прибывает на постоянное место жительства 2-3 тысячи граждан Украины, в то время как поездки с различными целями совершают несколько миллионов человек. Российско-украинские миграции уникальны по объемам и активности. Украина по-прежнему прочно играет роль донора, а Россия – реципиента.

Изменение структуры современных миграций происходит на фоне изменения демографической ситуации и на Украине, и в России. За период 1992-2005 гг. постоянное население России сократилось на 5,2 млн. чел., а население Украины на 3,7 млн. чел. Если для России в целом миграция компенсирует часть естественной убыли населения, то для Украины она усиливает эффект депопуляции. Примечательно, что выбывших с Украины в Россию в полтора раза больше, чем прибывших из России в Украину.

Значительное число выходцев из Украины привлекается на работу в сибирские регионы в организованном порядке. Нефтяные и газовые месторождения Сибирского федерального округа с их производственной инфраструктурой осваиваются экспедиционно-вахтовым методом. Если стихийная миграция обеспечивает рынок труда неквалифицированной рабочей силой, вахта - предполагает занятость квалифицированных кадров.

На российско-украинские миграционные связи влияет целый комплекс факторов: система жизнеобеспечения, возможности продуктивной занятости, уровень заработков и качество жизни, исторически сложившееся размещение населения. Мигранты последней волны активно взаимодействуют в Сибири с потомками украинцев-мигрантов первых поколений. Украинцы давно и прочно интегрированы в российское сообщество.

В составе народонаселения Сибири и Дальнего Востока в настоящее время более чем на 80 % преобладают русские. Доля украинцев в регионе хотя и снизилась, но до сих пор остается высокой. Во многих регионах Сибири украинцы являются вторым по численности этносом, составляя около 2%. Как и прежде в современной Сибири украинское население наиболее заметно в районах, где эффективно разрабатываются месторождения природных ресурсов, - это нефтегазодобывающие округа Тюменского севера, золотодобывающие Магаданская область и Чукотка, и т.д.

Значительная доля и высокая социальная активность представителей украинского этноса в полиэтническом сообществе Сибири формирует необходимость изучения позиций этого народа в сфере межнационального диалога, в том числе и на уровне профессионального взаимодействия. По данным этносоциологического опроса, проведенного на Украине в начале 2000-х гг., каждый второй среди опрошенных граждан Украины, чтобы заработать хорошие деньги, готов был работать с утра до позднего вечера, не жалея своих сил и времени (52,6%); они возьмутся за любую работу, лишь бы им хорошо платили (48,0%); наконец, они выедут в любую другую страну, где можно будет заработать больше денег, чем дома (47,0%) [1, с.36].

Материальное благосостояние украинцами ценится высоко, но не имеет абсолютного приоритета. Иметь интересную работу для среднестатистического гражданина Украины - важно и очень важно. Особенно высоко оценивают возможность иметь интересную работу украинцы, уже прошедшие через опыт зарубежной трудовой миграции: 69,2% из них утверждают, что такая работа для них очень важна, а еще 22,5% — что скорее важна. Среди них очень редко встречаются люди (3,9%), которым безразлично, какую работу, интересную или нет, они выполняют [1, с.35]. Тем не менее, подавляющее большинство работников на украинском рынке труда считают очень важным для себя лично иметь интересную работу (58,6%). [1, с.35]

Здесь же, как отмечают украинские исследователи, гражданам Украины хотелось бы иметь не только интересную, соответствующую их требованиям и ожиданиям работу, но они желают работать с полной отдачей, а такая возможность предоставляется не всегда. Отмечают, что подобное служебное рвение проявляют практически в равной степени и трудовые мигранты, и фигуранты отечественного рынка труда [1, с.35]. Однако, данные, полученные в ходе опросов среди трудовых мигрантов, подтвердили, что, работая за рубежом, украинцы часто выполняют тяжелую, неквалифицированную работу, их рабочий день ненормирован, бытовые условия плохие, социальные и правовые гарантии отсутствуют [1, с.63].

Украинские мигранты отличаются очень высоким уровнем адаптации. При этом исследователи отмечают, что трудовые мигранты чаще других граждан Украины высказывают мнение о готовности многим пожертвовать в получении прибыли. Оценивая изменение нравственных ценностей украинского общества в связи с миграцией, украинские исследователи высказывают озабоченность: «все наши сограждане — и трудовые мигранты, и те, кто за рубежом не работал — одинаково часто считают, что золотой телец может заставить большинство наших людей пойти на что угодно. Такого мнения придерживаются многие - четверо из каждых десяти участников опроса» [1, с.36-37].

Сами же трудовые мигранты, согласно украинским источникам, позиционируют себя следующим образом: мы научились жить в новых общественных условиях (28,2% против 15,9%); нам вполне хватает уверенности в своих силах (40,0% против 30,6%), инициативы и самостоятельности в решении жизненных проблем (42,0% против 30,8%), решительности в достижении поставленных целей (41,1% против 25,4%); все в большей степени зависит от их инициативности, нежели от внешних обстоятельств (29,8% против 21,3%) [1, с.36].

Исследования, проведенные среди мигрантов-украинцев в Сибири показывают, что трудовые мигранты, психологически более устойчивы и воспринимают жизнь с более оптимистическими установками. Их отличает: рационализм выбора жизненных стратегий, согласованных с имеющимися и доступными социально-экономическими ресурсами; высокая мотивационная напряженность, позволяющая преодолевать значительные препятствия в использовании этих ресурсов; вовлеченность в предпринимательскую деятельность разного рода и масштаба; новые способы и стандарты поведения, гарантирующие успех на рынке труда.

В настоящее время на фоне устойчивой украинской иммиграции у украинцев Сибири происходит трансформация самосознания. Живущие в Сибири украинцы, вспоминают о своих корнях, восстанавливают связи с исторической родиной. Очень большое место в их самосознании занимает осознание себя как диаспоры; возникают национальные общественные организации. Украина создает программы взаимодействия с мигрантами. Необходимость изучения новой системы ценностей украинского этноса, который занимает большое место в полиэтническом сообществе Сибири, определяет перспективы дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Прибыткова И.М. Трудовая миграция населения Украины в условиях трансформации экономических и общественных отношений// Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты.- М., 2003.-С.25-68
2. Топилин А.В. Рынок труда России и стран СНГ: реалии и перспективы развития.- М., ЗАО "Издательство "Экономика", 2004, 321 страница

Научный руководитель: дин Октябрьская И.В.

СОЦИОНОРМАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ, ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО НАРОДОВ СИБИРИ И АЗИИ

В. Ю. Березюк

Томск, Томский государственный университет, 5 курс

ЗИМНЯЯ КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ УКРАИНЦЕВ

Календарная обрядность является частью традиционной культуры этноса. Состояние календарной обрядности зимнего периода у украинцев в середине XX в. (1950 – 1960-е гг.) позволяют охарактеризовать авторские полевые материалы, собранные в с. Грузское Кировоградской обл. РУ. Согласно проведенному исследованию, зимняя обрядность украинцев в середине XX в. отличалась многообразием. Прочие времена года – весна, лето и осень – не изобилуют таким количеством обрядовых действий.

Большинство информаторов родились в 1940-е гг. и являлись активными участниками совершаемых обрядов. Сакральный смысл некоторых традиционных действий информаторы могли объяснить; однако ряжение, колядование, щедрование воспринимались ими исключительно как сфера развлечения молодежи и людей постарше.

Начало нового календарного года – 1 января – не справляли. Ходили лишь в школу на «ялинку» (елку). Праздник Новый год отмечался 14 января. Традиционные церемонии начинали с 6 января, на Святый вечер. В вечернее время никуда не ходили в гости – это был строго семейный праздник; данное правило соблюдается до сих пор.

Существовала традиция готовить на Святый вечер «12 страв» (блюд), по словам информаторов, соответствующих 12 месяцам, – например, борщ с фасолью, рыба жареная или «холодяна» (блюдо типа холодца), кисель из вишен и сушеных фруктов, «узвары» (компот из сушеных фруктов, преимущественно груш), вареники с капустой квашеной, с яйцами и вареньем.

Главное блюдо застолья – кутья, которую ели первой – «традиція така». Ее готовили по старому рецепту: отдельно варили цельные зерна пшеницы, затем терли мак, все это смешивали с орехами, медом. Начинал трапезу самый старший в доме член семьи, он пробовал кутью первым, за ним – все остальные. Съедали по несколько ложек, затем ели прочие блюда. На ночь на столе оставляли кутью и в ней ложки по количеству умерших родных. Встав рано утром, в первую очередь доедали кутью.

Согласно собранным материалам, украинцы в рассматриваемое время делали только одну кутью – под Рождество, ее символика имела поминальный характер. Ритуального поедания кутьи под Новый год, символизировавшего благополучие наступающего года в целом, зафиксировано не было. Это свидетельствует о том, что традиция сохранила и воспроизводит в большей степени те рождественские обряды, символика которых связана с древними представлениями о загробном мире.

В середине XX в. устойчиво воспроизводились такие формы обрядовых действий, как колядование под Рождество, щедрование накануне Нового года (13 января – «на Маланку») и посевание утром Нового года (14 января – «на Василя»). Сохранились щедровки и колядки двух типов. Во-первых, короткие стихотворные формы, в конце которых обязательно говорилось о том, что колядников нужно одарить:

*Щедрик, ведрик, дайте вареник,
грудочку кашки, кінчик ковбаски.*

Интерес представляет второй тип колядок и щедровок, малоизвестный в литературе. Они достаточно объемны по содержанию и, как правило, в их основе лежат сюжеты Священного Писания, например, щедровка «Про Петра та Павла»:

*Ой, за горой за ком'яною
Стоїть цирковиця мурована,
А в ті церковиці сам Господь ходить
Петра та Павла за руки водить.
Ой ти Петре, ой ти Павле!
Беріть ключі перельніі,
Випустіть душі пекельніі.*

*Тільки тих не випустить,
Хто в неділю пісню співав,
а в субботу не вмивався,
Батьку і мамі докорав.
Я ж їх не мала,
тільки думкою подумала,
А та думка гірше майки.
Щедрий вечір, добрий вечір,
усім людям на здоровля.*

По словам информаторов, сюжетных песен – щедровок и колядок было очень много. Сегодня они не исполняются, лишь некоторые удалось записать по воспоминаниям.

Ряжение – еще одна очень распространенная форма обрядности, характерная для периода Святков. Оно было довольно распространено и стойко воспроизводилось в середине XX в. На Рождество одевались в цыганок, деда Мороза и Снегурочку. Пожилые люди ходили со «дзвоником» (колокольчиком), чтобы все слышали, что идут колядники. Накануне Нового года, 13 января, справляли «Маланку» (св. Мелания Римляныня), вечером ходил дед Мороз с Маланкою и козой, либо ходили просто Василь и Маланка. Дед надевал шубу наизнанку, а на Маланке был платок с большими цветами и широкая юбка, на которую могли нашивать «что-то громкое, чтобы «дзвинькало». Маланка и Василь выглядели примерно так же, их лица могли быть разрисованы. Василь цеплял усы и надевал красные штаны.

Наиболее интересно изображение «козы», сохранившееся у украинцев. На человека, изображающего козу, надевали «кожух» – вывернутый наизнанку полушубок, который закрывал лицо, оставляя лишь место для объемной деревянной морды козы с нижней подвижной челюстью. Козлиная голова крепилось на длинной палке. Коза издавала звук – «калатала», когда изображающий ее дергал за веревочку, прикрепленную к нижней челюсти. Также могли делать маску козы с бородой и рогами.

Коза, заходя в дом, исполняла песню и падала на пол. По мнению многих отечественных этнографов, «коза» и ее изображение в разных вариациях – это древняя зооморфная форма ряженья. Помимо козы были распространены маски «конь» и «бык». Смысл их первоначально носил аграрно-магический характер и был связан с почитанием тотемных животных [1, 383; 2, 406].

На Крещение, когда батюшка заканчивал освящать воду в «ставку» (в пруду) козу расстреливали: «Козу расстреляли – Свята закончились». Охотники брали ружья и стреляли вверх. Можно предположить, что расстрел козы был аналогичен сжиганию масленицы весной, бросанию березки в реку на Троицу, захоронению соломенного чучела – кукушки и Костромы в русской обрядности. Это обозначало отмирание старого для рождения нового.

«На Василя» (св. Василий Великий) - 14 января - справляли Новый год. Рано утром, преимущественно мальчиками, проводился обряд посева. Помимо часто встречающихся в литературе заклинательных формул, информаторы сообщили о малоизвестных приговорах, которые относились к каждой отдельной горсти зерна, которую клали на стол: «Дарую вам просо, щоб не ходила жінка боса». Затем кладут другую горсть с тем же зерном: «Другу купку - кочанів, щоб не ходив хозяйн без штанів». Считалось хорошим знаком, если в дом приходили и колядники, и посевальники.

В целом, давая оценку обрядности украинцев середины XX в., можно заключить, что в их среде сохранились многие традиционные праздники [2, 398 – 409; 1, 382 - 384]. При этом наиболее стойко продолжали бытовать те элементы обрядности, которые восходят к язычеству, впоследствии лишь видоизмененные христианским культом – колядование и щедрование. Такие формы обрядности, как: традиция приготовления «12 страв», хождение с «козой» и ее расстрел, «засевание» - вообще не были трансформированы христианским мировоззрением.

Показательно, что информаторы не упоминали о хождении колядников с «вертепом» (кукольным театром) и «звездой», связанными с библейской легендой рождения Христа [2, 403 - 404]. Оказалась утраченной и традиция приготовления ритуальных новогодних блюд – обрядового хлеба и печенья. Редким стало употребление свинины, хотя еще в XIX - начале XX в. на предновогоднем праздничном столе обязательно был жареный поросенок, жареные свиные кишки и желудок [2, 405]. Но, так или иначе, в середине XX в. обрядность украинцев еще сохраняла свое традиционное символическое начало.

Библиографический список

1. Соколова В.К. Календарные праздники и обряды// Этнография восточных славян. М., 1987. С. 380 – 395.
2. Украинцы. Народы и культуры. М., 2000. 534 с.

Научный руководитель: д.и.н., профессор Рындина О. М.

СУФИЙСКИЕ ШАЙХИ В СИБИРСКО-ТАТАРСКИХ РУКОПИСЯХ

В последние годы заметно активизировалась работа по выявлению и изучению письменных памятников сибирских татар. При этом предпочтение отдается рукописным свиткам, посвященным истории проникновения ислама в Западную Сибирь [2; 5]. В гораздо меньшей мере изучены рукописи, отражающие саму религиозную практику населения. Эти памятники, сохранившиеся в списках XVIII–XX вв., интересны в различных аспектах; в данном случае речь пойдет о суфийских шайхах, почитаемых сибирскими татарами за святыми.

Основным объектом анализа станут перечни святых. Самым древним из известных автору списков является рукопись на арабской графике конца XVIII в., найденная в 1985 г. в с. Карагай Тюменской обл. (МАЭ ОмГУ. Ф.7. №92-3. 69 л.). Здесь перечисляются имена шайхов по дням недели со специальной молитвой – хатым хуча (лл. 56 об.-57), т.е. «молитва хуча». Слово «ходжа» («хуча») имеет персидское происхождение и означает «господин». Сам список выглядит так: понедельник – султан Байазид Бистами, вторник – султан Абу Саид ал-Хозроуи, среда – султан Ибрахим Адам, четверг – султан Хорасани, пятница – султан Санджар Мади, суббота – султан Махмуд Газневи, а воскресенье – султан Мухаммад Абади. Кроме того, упоминается султан Исмаил Румани (л. 56 об., стк. 8), но без указания на день недели. Идентифицировать эти имена и смысл их поминания попробуем в контексте других обнаруженных списков.

В деревне Себеляково Тарского р-на Омской обл. летом 2006 г. были найдены три рукописные тетради, написанные кириллицей на языке сибирских татар в конце XX в. Одна из них («Васийат-намэ» – «Наставление») принадлежит перу Файзы Каримовны Кучуковой (1925 г.р.), а две другие – Закии Латыповны Калдашевой (1936 г.р.). Эти тетради являются сборниками молитв, выписанных из разных книг, а также со слов не так давно умершей муллы Фаузии Шарафитдиновны Шариповой. Она обладала большой библиотекой арабографических книг. По всей видимости, к этой коллекции восходит информация о святых, приводимая в обнаруженных тетрадях.

Так, в «Васийат-намэ» имена расположены в отличном от карагайского списка порядке: понедельник – султан Байазид, вторник – хуча Бауттин (т.е. Бахауддин, он назван «другом Аллаха»), среда – хуча Ясуэуи, четверг – Ибрахим [-ата], пятница – Измахил, суббота – султан Мэхмут Гёзерневи, воскресенье – Мехэмет. В «Васийат-намэ» среди других терминов используются названия святых «амбийалар» и «аулийалар». Правда, в рукописи не проводится граница между этими, имеющими явный суфийский окрас [5: 101], терминами. Молитва для поминания святых так же, как и в музейном списке, именуется хатым хуча, но уже со следующими именами: «Абделхалик хуча, вэли хэсрэт Баязит Бистами, гомэнхали хэсрэт Йозеф, хэсрэт шайх Эвелзен Элэрхани, хэсрэт хуча Абдулла Элсари, хэсрэт хуча Бахауттин...». Почему эти перечни различны в самом сочинении, не ясно. Ф.К. Кучукова рассказала о 28 пророках и их помощниках, каждый из которых занимался своим делом. Среди них Хазыр-Ата, Мустафа, Исхак, Муса и др. Например, с Хазыр-Ата связывается помощь путникам в дороге. В рукописи З.Л. Калдашевой фиксируются два перечня святых. Один из них отличается от «Васийат-намэ»: понедельник – султан Байазид Бистами, вторник – хуча Ахмэт Ястэви, среда – Ибрагим Адам, четверг – султан Измагил, пятница – султан Мэхмут Гезерни, суббота – бэйхэмбэр Мехэммет Хозерихри, воскресенье – султан Сэчер Масый. Относительно шайха Бахауддина З.Л. Калдашева упомянула, что он «держал львов за уши» и был мудрецом, видел судьбы людей.

У жительницы д. Себеляково Джамилы Ахматжановны Шариповой (1965 г.р.) была выявлена небольшая арабографическая рукопись на тюркском языке начала XIX в. Манускрипт сохранился от бабушки Асчамал Чанбаевой (1911–1984 гг.), которая владела коллекцией книг на арабской графике. Содержание рукописи религиозное. Известный знаток старотатарской эпиграфики к.и.н. Д.Г. Мухаметшин, просмотревший рукопись, считает, что это сборник конспектов. Около половины текста посвящено упоминанию имен многочисленных суфийских шайхов (выделены красными чернилами) со всеми титулами. Некоторые из них названы аулийа, т.е. святыми, в том числе «шах Накшбанд хаджи Бахауддин» – среднеазиатский мистик (1318–1389 гг.), один из основателей братства накшбандийа. Далее: Ахмад Йасаи – тюркский суфий (ум. 1166 г.), основатель братства йасавийа; Джелаль Ад-Дин Руми (1207–1273) – персидский суфий, поэт и основатель братства мевлевийа. По этнографическим данным известно почитание сибирскими татарами Зенги-Ата и Хаким-Ата, чьи имена также были внесены в рукопись с пространными комментариями [4]. Подобная рукопись могла иметься у Муниры Абдрашитовны Шариповой, которая читала имена святых («пайхэмбэрлернэ»). Следы ее библиотеки теряются в Таре.

Наконец, в октябре 2006 г. в Таре у Шамсиар Абделхаевны Алтынбаевой (1925 г.р.) был найден сборник рукописей, среди которых и небольшой листок с текстом на арабской графике: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного. Имена господ благородных святых Абд ал-Халик Аджарвани и господин Байазид Бистами и гос-

подин Йусуф Мамтани (?) и Хуши Абу-л-хас ал-Аркани и господин ходжа Абдулла Ладари (?) и господин ходжа Бахау-л-хакк Накшбанди. Аминь». В приписке к этому перечню называются молитвы хатым хуча. Владелица рукописей утверждает, что они читаются только в самых тяжелых ситуациях. Более того, Ш.А. Алтынбаева назвала место прежнего поселения хучалар – деревня Сеитово (Хуча аул). По ее мнению, это «йахшилар ер» – святая земля, где жили хуча Насреддин, хуча Бахауддин и другие. Интерес представляет аскетический образ жизни хучалар: «Они не обращали внимания на мир, только молились, чтобы все были в раю». Святые похоронены на трех кладбищах – хуча зиарат в Сеитово, Курманово и старом кладбище в Себеляково. Все три некрополя считаются святыми, древними местами.

В связи с обнаруженными списками возникают несколько вопросов. Во-первых, почему перечни упоминаемых имен заметно разнятся? По всей видимости, это характерно для обряда хатым хуча, как и для тавапа – поминания шайхов-миссионеров, погибших в ходе исламизации. Доказательство тому – расхождение мест их захоронений в списках сочинения «Хасса ‘айн». То есть перечень не был строго установлен, имена могли черпаться из рукописей, вроде той, что найдена у Д.А. Шариповой. Возможно, это свидетельствует о традициях почитания в разных местностях. Отсюда второй вопрос – говорит ли постоянное присутствие имени Байазид Бистами о его особом статусе в представлениях сибирских татар. Сегодня как-то прокомментировать это имя владельцы рукописей не могут. Между тем Байазид Бистами – крупная фигура в истории суфизма. Это иранский мистик (ум. до 878 г.), основатель особого суфийского течения тайфурийа [5: 10-11]. Его имя встречается в списках «Хасса ‘айны» [АПИ ТГИАМЗ. №61. Кп. 12890. Лл. 3 об., 5 об.; 1: 14; 2: 106]. В списках Тобольского музея и в Карагайском списке упомянуты шайхи Науф и Тыйрай шайх ‘Аляф «из детей» султана Байазид Бистами, а в «Грамоте хранителя Юрумской Астаны» шайх Султан рекомендован как «потомок» Байазид Бистами. Как уже показал И.В. Белич, это силсила (цепь духовной преемственности) [1: 94]. Устойчивая фиксация в рукописях имен основателя братства и его последователей позволяет говорить о том, что течение Тайфурийа было представлено в Западной Сибири.

Третья проблема – можно ли воспринимать указанные перечни как силсила или родословные? Относительно карагайской рукописи это сказать сложно, так как не все представленные здесь имена идентифицированы. «Васийат-намэ» (как, видимо, и ее протограф) представляет имена шайхов разных течений (тарикат), которые не могут быть связаны в рамках одной цепочки. Такова по характеру и молитва из сборника Ш.А. Алтынбаевой. Наконец, обряд хатым хуча. Что он собой представляет? Насколько можно понять из рукописей и общения с информантами, хатым хуча состоит из чтения сур Корана и поминания имен святых-шайхов. Иногда даже одному (пример с Хазыр-Ата: МАЭ ОмГУ. Ф.1. П.111-4. К.328).

Таким образом, в некоторых селениях тоболо-иртышских татар как минимум с конца XVIII в. и до наших дней фиксируется традиция почитания суфийских шайхов, отраженная в рукописях. Имеющиеся списки указывают на распространение в Западной Сибири суфийских братств: тайфурийа, накшбандийа, йасавийа и мевлевийа. Для поминания имен шайхов и основателей духовных течений устраивался специальный обряд – хатым хуча. Обнаружено пересечение данных проанализированных манускриптов и свитков – списков сочинения «Хасса ‘айн». Изучение выявленных материалов только началось и открывает широкие перспективы работы не только в русле проблем сибирского ислама, но и бытования книжной культуры сибирских татар.

Библиографический список

1. Белич И.В. Мавзолеи мусульманских святых в районе Искера // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. Тюмень, 1997. С. 93-98.
2. Рахимов Р.Х. Астана в истории сибирских татар. Тюмень, 2006.
3. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Культ святых в сибирском исламе // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание. Омск, 2005. С. 85-108.
4. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск, 2004.
5. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Подвижники, смотрители, манускрипты (проблема комплексного изучения культа святых в сибирском исламе) // «Сулеймановские чтения – 2006»: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2006. С. 100-107.
6. Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе. М., 2002.

Научный руководитель: кин, доцент, Корусенко С.Н.

ОБРЯД ЗАКЛАДКИ РОДОВОГО СУБУРГАНА У БУРЯТ

«Субурган, в культовом зодчестве стран Центральной Азии - сооружение, типологически восходящие к ступам [1]. Название «субурган» характерно для регионов, где распространен ламаизм. В Индии и Непале применяется название «ступа», в Шри-Ланке – дагоба, в Китае и Вьетнаме – бао та, пагода, в Тайланде – чеди и пранн, в Бирме – зеди и пато, в Лаосе – тхат и т. д.

Согласно буддийской традиции, первые 8 ступ были построены после смерти Будды при сожжении его тела; прах Будды был поделен на 8 частей и захоронен в 8 ступах, поставленных в местах, связанных с его деятельностью в земном воплощении. Затем ступы стали сооружать в честь святых, подвижников, во славу рода и семьи и т.п. Они стали хранилищами мощей и памятными сооружениями в честь исторических лиц и событий; ступы рассматривались и как охранные сооружения в защиту мира и благополучия.

Архитектура ступ разнообразна, однако в плане она должна быть обязательно круглой или квадратной. Трехчастная структура субургана – пьедестал, дарохранилище, шпиль – символически воплощает либо вертикальный план вселенной, либо пути человека в этом мире.

Считается, что ступа является частью исконно буддийской традиции. Автор же данного исследования считает возможным предположить, что архитектурный стиль ступ был заимствован буддизмом из бонской традиции. Во-первых, религия Бон значительно старше буддизма, что подтверждается исследованиями Н. Норбу, Л.Н. Гумилева и некоторых других авторов. Во-вторых, существуют свидетельства, доказывающие более раннее происхождение бонских чортенов: например, рисунки Каракорумского большака и Ладакхские рисунки, исследованные К. Джеттмаром, Дж. Орофино.

Со временем архитектурный стиль ступ распространился во многих уголках Центральной, Юго-Восточной и Южной Азии, где он приобрел локальное своеобразие. На протяжении долгого времени шло формирование традиции воздвижения ступ-субурганов в Бурятии. Эта сакральная практика жива и поныне. Автором предлагается описание обряда закладки родового субургана хоринских бурят.

Родовой субурган строился 11-ым родом хоринских бурят – шайрэд (хориин 11 эсэгын шарайд угтан), на Белой горе, священной для рода (Саган Хада в Кижингинском р-не Республики Бурятия).

При закладке субургана, помимо обычных строительных материалов (камни, доски, цемент), использовались материалы, связанные с водой (речной песок двух видов); в основу была положена идея поклонения духам воды. Закладку субургана начали женщины, что, скорее всего, связано с тем, что женщина – хранительница домашнего очага и семьи и, следовательно, именно она должна заложить основу для родовой святыни. В основу субургана было положено изображение Хозяйки воды – Лусуд, начертанное на речном песке; ей поднесли жертвенные *торма*, с тем, чтобы она разрешила строительство субургана в данном месте. Подношение даров сопровождалось пением молитв. Также были приготовлены подношения духу-хранителю рода; ему преподнесли ружье, лук, саблю, топор, нож и пистолет, с тем, чтобы он мог защитить свой род. Каждый предмет был переплетен разноцветными нитями и помещен в деревянный ящик.

Затем на месте, где было изображение Хозяйки воды, выкопали яму, заложив тем самым основу будущего субургана. Во время работы появился хозяин горы – коршун. Его появление обрадовало людей, поскольку означало, что духи местности благоприятствуют строительству родовой святыни.

Когда яма была выкопана целиком, в центре выложили квадрат из 8 белых кирпичей, на которых начертали «закрывающий» знак. Можно предположить, что форма квадрата, значение которого – равновесие и гармония – гарантирует, то, что родовой субурган простоит многие века.

Затем на кирпичи нанесли слой цемента и далее стали выкладывать стенки субургана. Внутри был поставлен деревянный ящик, на боку которого был начертан знак хозяйки воды, а на верхней части знак «ом» («начало всего»). В момент, когда ящик был установлен, прогремел гром, хотя небо было ясное и без единого облачка. Это было истолковано ламами, как знак того, что Хозяйка воды довольна тем, как проходит строительство. Затем ящик зацементировали, а сверху положили большой плоский камень, который предварительно омыли водой. На нем был начертан знак «бам» («защищающий на многие века»).

После всех этих приготовлений в яму стали складывать ящики с дарами для духа-хранителя рода. Оставшиеся в яме пустоты заложили камнями. На камень с защищающим знаком бросили горсть зерна, и после этого всю яму залили цементом, а щели заложили мелкими камнями. Когда работа практически подходила к концу, лама отметил, то, что автор – русская и ее присутствие благоприятно, т.к. русские близки к воде.

Последний этап работы – установка деревянного каркаса, имитирующего стены будущего субургана. Внутри каркаса были заложены и залиты цементом камни. Это было сделано для того, чтобы *чортен* был крепче. Ког-

да каркас был заложен до середины, внутрь добавили 3 камня из святой местности (Дархитуй, Еравнинский район), взятые с древнего *обоо*. В ходе завершающих работ появилось сразу три коршуна; согласно толкованию, это означало, что духи местности определенно были расположены к людям рода шайрэд и к их работе.

Подводя итог, мы можем отметить, что в данном конкретном ламаистском обряде закладки субургана обнаруживаются бонские элементы.

Как пишет Тулку Тондуп Ринпоче в своей книге «Тайные учения Тибета» «поклонение богам и духам – один из самых известных примеров влияния Бон на тибетский Буддизм» [3, стр. 167]. Изначально же в буддизме не то чтобы отрицали богов и духов, но относились к ним с абсолютным равнодушием. В данном случае имело место поклонение богам и духам, которое проявилось в подношениях даров в виде пищи Хозяйке воды и духам местности, в виде материальных предметов (топор, ружье и др.) – духу-защитнику рода, в олицетворении коршуна с хозяином горы и т.п.

Жертвенные подношения торма, являются очень важным элементом в поздних ритуалах буддистов, но по мнению А. Берзина, ламы Карма Самтен Чойлела и некоторых других исследователей «подоплека этого ритуала, несомненно, относится к религии бон» [2, стр. 12].

Может возникнуть закономерный вопрос: почему такие элементы шаманизма, как поклонение богам и духам в данной работе отнесли к заимствованию из бонской традиции, а не из местного бурятского шаманизма? По мнению автора, ламаизм впитал в себя черты именно тибетского шаманизма (религии бон) как явление более раннего хронологически.

Библиографический список

1. **Большая Советская Энциклопедия.** Russ Portal Company Ltd. (электронная версия). 2001. <http://slovari.yandex.ru>
2. **Захаров Ю.** (лама Карма Самтен Чойлел). Боги свастики Бон//Знать. 2006. №6, стр. 3 – 30
3. **Тулку Тондуп Ринпоче.** Тайные учения Тибета. СПб., Уддияна, 2006, стр. 167

Научный руководитель: д.и.н., проф. Лбова Л. В.

Н.Н. Везнер

Омск, Омский филиал ИАЭТ СО РАН, аспирант

ПОЛЬКА И ВАЛЬС В НАРОДНОЙ ХОРЕОГРАФИИ НЕМЦЕВ СИБИРИ

Хореография сибирских немцев является мало изученной темой. Задача данной работы заключается в том, чтобы изучить основные традиционные танцы сибирских немцев XX – XXI в. Изучением происхождения и истории развития таких танцев как полька и вальс занимаются Л.Д. Ауэрбах, В. Берендаков, Х. Бреннер и др. В своей работе мы опираемся на работы этих учёных, а также основываемся на полевых материалах, собранных в Немецком Национальном и Кулундинском р-х Алтайского кр., а также в г. Омске в 2006г. Цель нашей работы – рассмотреть появление этих двух танцев в хореографии немцев Сибири, а также их отличительные особенности от бальной хореографии на современном этапе.

В состав традиционной хореографии немцев Сибири входят различные танцы: Lendler, Step Sie Finger, Schaukeln Mutter, кадрили, Августин, Изабелла и другие. В разных местностях танцуют свои танцы, но везде и во всех областях остаются неизменными два танца, объединяющих всех немцев России – это вальс и Hopsa-polka. Оба эти танца в Россию были завезены переселенцами из Германии ещё в XVIII в.

Считается, что предшественником вальса был традиционный немецкий танец Lendler. В Германии ещё до XVIII в. этот танец был танцем сватовства. Исполнялся Lendler степенно и сдержанно. В этом танце юноши знакомились с девушками. Впоследствии этот танец утратил свою обрядовую сторону и стал быстрым и весёлым: «Кавалер, выбрав понравившуюся девушку, выводил её на круг, вращал партнёршу вокруг себя, и оба постепенно продвигались по кругу за другими парами» [1, с.8]. В Германии Lendler называли по-разному – по названиям местности: «тирольский танец», «штирийский», и по характеру движений: «dreher», «roller», «walzer».

Слово Lendler произошло предположительно от названия местности, в которой и начали танцевать этот танец – Lendl - деревушка на границе Австрии и Германии. Но есть и другая версия происхождения этого названия – от слова das Land – местность, деревня, другими словами Lendler – деревенский танец. И вальс и Lendler

имеют музыкальный размер 3/4. Но у Lendlera «в каждом такте чаще всего пять или шесть нот», а у вальса в такте «три или две, или даже одна нота» [1, с.18].

Эти танцы, некогда завезённые немцами из Германии, продолжали существовать и в Сибири. Когда вальс завоевал весь мир, сибирские немцы стали добавлять в него те популярные движения, которые исполнялись повсеместно. Но Lendler оставался неизменным, только иногда его называли просто танец, а иногда причисляли к разновидностям вальса. Сегодня сибирские немцы танцуют вальс по-особенному – пружиня и немного подпрыгивая. Танцоры в современном бальном танце «плывут». Такое расхождение обусловлено тем, что в XVIII в. он исполнялся не полным поворотом, а полуповоротом пары по кругу. Композиции народного немецкого Вальса были различны: его исполняли просто вращаясь по кругу, иногда – с различными покачиваниями вперёд, назад и из стороны в сторону, а затем также вращались по кругу. Основные положения рук оставались такими, как и несколько столетий назад. Бальный Вальс оставил в своей композиции только три положения рук в паре, когда в народном немецком Вальсе их около 6-7.

Немцы Сибири танцуют ещё один вальс – венский. Предположительно этот танец начал своё существование ещё в XVII в. Его происхождение связано с легендой: во время эпидемии чумы в 1679 г. в Вене жил музыкант и весельчак Августин, которого и смерть не брала, он «поддерживал своими песнями у венцев бодрость духа; когда чума, наконец, покинула Вену и венцы, прятавшиеся от неё по своим домам, осмелели и вышли на улицу, первым кого они увидели, был весёлый, неунывающий Августин со своей волынкой и песнями; в его честь сложили песню «Ах, мой милый Августин», под которую «отплясывали» победу над «чёрной смертью» [1 с. 13]. Именно с этой песни, которая имеет музыкальный размер 3/4 и пошла история венского вальса. Венский вальс в бальной хореографии танцуется без изменения, как и в традиционной немецкой хореографии.

Среди сибирских немцев венский вальс – это простое кружение в паре по кругу. Особый танец – Августин; он исполняется как вальс, но с элементами польки. Танец «Августин» под песню XVII в. в Сибири танцуют по-разному. У каждого танцора – свои движения, собранные из разных традиционных танцев, но на припев песни всегда исполняется вращение вальса. Августин по своим движениям стоит между вальсом и полькой и является оригинальным танцем сибирских немцев.

Другой танец – это полька. Он берёт своё начало из чешской деревеньки в южной Богемии. По летописям Богемии, как пишет В. Берендаков, Полька как «танец был придуман сельской девушкой Анной Слезак (Anna Slezak) в городе Labska Tynice в 1834. Как-то в воскресенье она слушала (или сама пела) чешскую народную песню: “Strycek Nimra koupil Simla” (Дядя Нимра купил Симлу - белую лошадь) и придумала те прыжки, которые есть в польке. Анна назвала придуманные шаги “Madera” из-за быстроты и веселого характера» [2]. Затем Полька попадает в Прагу, оттуда в Париж и в Вену. Полька, как и вальс, завоёвывает одно из первых мест в танцзалах всего мира. В каждой стране существовала своя интерпретация польки – это чешская полька, венгерская полька, в России тоже танцевали польку, но она была салонная. Когда полька пришла в Германию, то здесь уже существовал Schottisch – традиционный немецкий танец, движения которого были похожи на движения польки. Он берёт своё начало ещё в XVIII в., когда существовал такой танец как Hopser. В словаре танца Отто Скнайдера сказано: «Шоттиш: (а также упомянутые Вальс-Экосез или Вальс-Шоттиш) широко распространён в первой половине XIX в. Один из популярных модных танцев, хотя вышел из вращающегося тура Экосез. Его предшественника нужно искать в старом немецком Хопзер, упоминание о котором мы находим уже в книге XVI в. у И.С. Баха в Свадебной кантате» [3].

Hopser имел музыкальный размер 4/4 и исполнялся на прыжках. В Россию он был завезён переселенцами и уже здесь в него были добавлены элементы польки. Стал называться он на русский манер – Hopsa-polka. В Сибири этот танец исполняется по кругу, с вращениями и прыжками. Сегодня польку танцуют только дети; она имеет в своём составе простые движения: основной шаг, «ковырялочка» и галоп. Основные положения рук: лодочка, соединённые руки партнёров поднятые вперёд. В немецкой Польке к тем же движениям добавляются ещё и вращение в паре по кругу, а также различные хлопки и притопы. Положения рук более сложные – вальсовые. Hopsa-polka – весёлый и задорный танец заимствовал некоторые положения рук из салонной польки.

В целом, традиционная хореография немцев Сибири разнообразна, но всё же есть два танца, которые исполняются одинаково по всей Сибири – это вальс и Hopsa-polka.

Библиографический список

1. Ауэрбах Л.Д. Рассказы о вальсе. – М.: Советский композитор, 1980. – С. 8.
2. Берендаков В. <http://www.clubcreative.ru/content/blogsection/0/339/9/9/>
3. Brenner H.J. <http://www.volkstanz.com/polka-schottisch.html/>

Научный руководитель: дин, проф., Томилов Н. А.

КУЛЬТ ИСЛАМСКИХ СВЯТЫХ У ТОБОЛО-ИРТЫШСКИХ ТАТАР: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Под культом святых мы понимаем комплекс религиозных представлений, а также установленные традицией действия, выраженные в форме почитания ландшафтных объектов (артефактического и природного происхождения), играющих существенную роль в традиционной религиозной практике различных групп и общин.

Полевые исследования в местах расселения тоболо-иртышских татар, одной из групп сибирских татар, показали, что культ местных святых складывается как правило из: наличия объекта культа, персонажа агиологии; наличия связанных с ним мест почитания и наличия ритуала поклонения.

Основу культа святых в исламе Сибири составляет почитание мест захоронений легендарных мусульманских проповедников, которые пали в религиозной войне, распространяя свое вероучение. Могилы этих исламских подвижников, именуемые как *астана*, считаются святыми местами.

На территории Сибири существование культа святых неоднократно отмечалось в светской и научной литературе, начиная с XVII в. Так о культовых церемониях на комплексе мусульманских памятников Искера упоминал в своих записках еще Н.М. Спафарий-Милеску [23, 45].

Впервые зафиксировал и употребил термин *астана* Г. Ф. Миллер для обозначения культового места. Религиозный комплекс был упомянут в полевых материалах Г.Ф. Миллера, составленных летом 1734 г. в ходе перехода по Иртышу сотрудников Первой академической экспедиции [22, 80].

Знаковым событием стал перевод и публикация Н.Ф. Катановым двух татарских текстов в 1903-1904 гг. под общим заглавием «О религиозных войнах шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири» [14]. Так сложилось, что эти рукописи стали одним из главных источников по истории исламизации Сибири. Поскольку инициирование культа местных мусульманских святых, было следствием распространения ислама, то публикация рукописей стала ключевым письменным источником по проблеме. Заслугой Н.Ф. Катанова является ввод источника в широкий научный оборот.

С последней четверти XX в. исследование культа святых осуществлялось методами этнографии. Некоторые сведения, относительно культа святых есть в работах Ф.Т. Валеева; в частности им зафиксирован почитаемый образ Санге-баба [12, 49].

Но впервые культ святых и святых мест у тоболо-иртышских стал объектом изучения в работах И.В. Белича, который соотнес результаты анализа исторических и этнографических данных [2-10]. Изучение культа святых И.В. Белич проводит в контексте событий так или иначе связанных с проблемой утверждения ислама в Сибири. Работы этого исследователя ориентированы на историко-генетический подход. В ходе полевых исследований И.В. Белич установил соответствие сведений, содержащихся во второй части текста рукописи (перечень святых мест), опубликованного Н.Ф. Катановым с современным этнографическим материалом [2, 27]. Им была произведена классификация святых мест [6, 93- 98]. Также исследователь уделил пристальное внимание источниковедческому анализу вышеупомянутых татарских рукописей. Главной его задачей являлось соотнесение фольклорных, этнографических и исторических материалов.

Используя данные рукописей, опубликованных Н.Ф. Катановым и оригинальные полевые материалы, Х.Ч. Алишина, произвела анализ имен проповедников (шейхов) и их титулатуру. Также в ее работе содержится большое количество фактической информации, в частности сведения о местах захоронения миссионеров в соответствии с современными поселениями [1, 20-25].

Вопросами изучения культовых памятников *астана* занимается Р.Х. Рахимов. Он, совместно с сотрудниками Тюменского областного краеведческого музея, произвел паспортизацию двадцати пяти религиозных памятников в селениях тоболо-иртышских татар. После чего комитетом по охране и использованию памятников истории и культуры Тюменской области двум астана был придан статус памятников истории и культуры федерального значения, а остальным 23 - статус памятников регионального значения [15,31]. Этим же исследователем был введен в научный оборот новый источник: рукопись, обнаруженная в ходе полевых исследований 2004 г., была опубликована под названием «Грамота хранителя Юрумской Астаны» [16].

Основной тематика культа святых стала в работах группы исследователей: А.Г. Селезнева, И.А. Селезневой и М.М. Воеводина [19; 21]. Одним из подходов, применяемых этими авторами, является дихотомия «официального» и «народного» ислама. В рамках «народного» ислама изучается не само догматическое учение, а его функционирование в народной среде, религиозное сознание масс и их вероисповедная практика. Культ святых эти исследователи рассматривают с точки зрения религиозного синкретизма, который представляет собой

«заимствование одной религией элементов других религий либо совокупность компонентов разных религий в новой религиозной системе» [19, 389].

В работах последних лет Селезнев А.Г. и Селезнева И.А. приходят к выводу, что культ святых в народном исламе является одним из ярких проявлений суфизма [18; 21]. Он является составной частью синкретичного религиозного мировоззрения, включающего в себя как исламские, так и внеисламские элементы. Особое внимание в их работах [18; 20] посвящено оценке святых мест астана как социально-религиозного института. Этими же авторами установлена этимология термина астана.

Предметом исследований М.М. Воеводина выступают представления тоболо-иртышских татар о местных мусульманских святых и обряды поминания святых.

Чрезвычайно эффективным является сотрудничество А.Г. Селезнева, И.А. Селезневой, М.М. Воеводина и И.В. Белича. Именно во время их совместной экспедиции в 2004 г. был обнаружен рукописный протограф документа, опубликованного Н.Ф. Катановым [17, 101-108]. Рукописные памятники подобного рода являются одним из компонентов культа святых и все чаще становятся предметом исследований. Так, статья А.К. Бустанова посвящена описанию печатных и рукописных документов бытующих в среде тоболо-иртышских татар [11].

Библиографический список

1. Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар. - Тюмень. 1999.
2. Белич И.В. В поисках утраченного: астана близ Искера // Влияние ислама на культуру народов Сибири (к 600 – летию ислама в Сибири): Материалы науч. – практ. конф. – Тюмень, 1998. – С. 25 – 31.
3. Белич И.В. «Всемирная сказка» в фольклоре сибирских татар (опыт историко – этнографического анализа) // Этнографо – археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Омск, 2004. – Т. 8. – С. 63 – 96.
4. Белич И.В. Искер: из «сакральной» истории памятника сибирских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск; Ханты – Мансийск, 2002. – С. 180 – 184.
5. Белич И.В. Культ «святых» и астана сибирских татар в истории Сибири // Влияние ислама на культуру народов Сибири (к 600 – летию ислама в Сибири): Материалы науч. – практ. конф. – Тюмень, 1998. – С. 31 – 39.
6. Белич И.В. Мавзолеи мусульманских святых в районе Искера // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 1997. – Вып. 1. – С. 93 – 98.
7. Белич И.В. Методологические и методические аспекты исследования астана сибирских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Алматы; Омск, 2004. – С. 38 – 42.
8. Белич И.В. О начале исламизации сибирских татар // Проблемы этнографии и социологии культуры. – Омск, 1988. – С. 103 – 106.
9. Белич И.В. О 366 «друзьях Аллаха» // «Сулеймановские чтения – 2005»: Материалы VIII межрегион. науч. – практ. конф. – Тюмень, 2005. – С. 33 – 36.
10. Белич И.В. Цингалынская астана // Ислам, общество и культура. - Омск, 1994. – С. 28 – 30.
11. Бустанов А.К. Библиотека Т.У. Абдушевой и перспективы сибирско-татарской археографии (по материалам экспедиции ОмГУ 2005года) // <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=924>
12. Валеев Ф. Т Сибирские татары: культура и быт. — Казань, 1993.
13. «Грамота хранителя Юрумской астаны» // Рахимов Р.Х. Астана в истории сибирских татар: мавзолеи первых исламских миссионеров как памятники историко – культурного наследия. – Тюмень: «Печатник», 2006. – С. 12 – 14, 19 – 20.
14. Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // ЕТГМ. – Тобольск, 1905. – Вып. XIV. – С. 3 – 28.
15. Рахимов Р.Х. Астана в истории сибирских татар: мавзолеи первых исламских миссионеров как памятники историко – культурного наследия. – Тюмень, 2006.
16. Рахимов Р.Х. О начале исламизации Сибири в новом источнике //Сулеймановские чтения – 2005»: Материалы VIII межрегион. науч. – практ. конф. – Тюмень, 2005. – С. 118 – 120.
17. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. К истории рукописных документов по исламизации Сибири: Прил. к. ст.: Культ святых в сибирском исламе // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание. - Омск, 2005. - С. 101 - 108.
18. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. К происхождению института астана в сибирском исламе // «Сулеймановские чтения – 2005»: Материалы VIII межрегиональной научно-практической конференции. Тюмень, 2005. С. 139-141.
19. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Культ святых мест в сибирском исламе: проблематика изучения // Университеты как регионообразующие научно-образовательные комплексы. Омск, 2004.- С.389-396.
20. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Подвижники, смотрители, манускрипты (к проблеме комплексного изучения культа святых в исламе) «Сулеймановские чтения – 2006»: Материалы IX межрегиональной научно-практической конференции. Тюмень, 2006. С.100-107.
21. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. - Новосибирск., 2004.
22. Сибирь в XVIII в путевых описания Г.Ф. Миллера. – Новосибирск, 1996.
23. Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. // ЗСООИРГО по отделению этнографии. Т.Х. Вып. 1. СПб., 1882.

Научный руководитель: к.и.н., Селезнев А.Г.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОБРАЗЕ ШЭВЭКИ В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ ЭВЕНКОВ (на материалах КККМ)

Изучение традиционного мировоззрения эвенков является собой чрезвычайно сложную задачу. У каждой группы эвенков представления об окружающем мире обладали специфическими чертами. В основном вселенная мыслилась в виде множества расположенных друг над другом миров. Верхний мир населяют добродетельные духи; низший – духи зловредные; средний мир с духами делят люди [2, с.128]. Все эти миры, согласно шаманской космогонии, соединяет шаманская река.

Представления о мире эвенков включает древние представления о духах-хозяевах [5, с.230]. Одним из наиболее значимых персонажей среди них является Шэвэки/Сэвэки (хэвэки, шэвэки, экшэри - подк.-тунг., сымск.; маин – илимп.; амака – верхнеленск.; буга – забайк., амурс.) – творец земли, животных и человека. Шэвэки «следит» за людьми и их поведением через своих помощников.

Образ Шэвэки не однозначен у разных групп эвенков. Так, например, эвенки-орочоны считают его помощником творца на земле [8, с.15]. В сообщениях И.М.Суслова, исследовавшего представления эвенков Туруханского края, можно обнаружить упоминание о трех Хавоки: верховное божество, являющееся древним предком шаманов; Хавоки, живущий на небе средней земли – Дулю; Хавоки, обитающий на небе нижней земли – Хэргу. Если о «верхнем» Шэвэки ничего не известно, то, по представлениям эвенков, средний держит в руках души людей – маин, а нижний – маин предков тунгусов [10, с.28-29]. Образ Шэвэки, который держит тянущиеся в небо нити человеческих жизней, распространен весьма широко.

Для эвенков это добрый дух, постоянно заботящийся о человеке. Он дал людям домашних оленей, научил пользоваться огнем, изобрел орудия труда и создал все полезное для человека. Его описывали глубоким стариком, одетым в богатые меховые одежды, старой женщиной, или, напротив, на редкость красивой эвенкийской девушкой. Порой Шэвэки видели в образе лося или лосихи [1, с.10; 8, с.15].

В связи с выше сказанным становится весьма любопытным одно изображение Шэвэки, обнаруженное во время экспедиции на Подкаменную Тунгуску в 1921 г. Эта экспедиция была организована Музеем Приенисейского края (ныне КККМ); ее возглавлял директор музея Тугаринов А.Я.

Экспедиция имела целью обследование реки и прилегающих местностей в физико-географическом и этнографическом отношении [11, с.1]. Исследователями были обнаружены два заброшенных эвенкийских мольбища. Атрибутом обоих являлись «возвышающиеся над чумом изображения главного бога Шоваки» [12, с.137]. Более подробное описание и первого, и второго «крылатого» человека содержится в инвентарной книге: «... аршина 1,5 назад от группы жердей с птицами и животными на лиственничной жерди вышиною в 2-2,5 сажени возвышалась фигура крылатого человека, как бы парящего над всем мольбищем. Это дух, научивший шаманить тунгусов.... Обращен лицом к юртовичу. И второе - «... аршина полтора отступая от этого ряда жердей (с изображениями птиц), на длинном шесте находилось изображение крылатого человека «Шованапиным» [колл. №145 -87,88]. Шэвэки был сооружен из драницы толщиной сантиметров в 5, а крылья – в 2 см. Изображение вышиною 128 см, размах крыльев 132 см. Глаза и крылья обозначены углем [4, с.81].

Для понимания смысла именно такого изображения Шэвэки, необходимо рассмотрение его в составе всего скульптурного комплекса шаманского чума (нынгандяка, шэвэнчэдека). Сам чум, строящийся только для крупных камланий, представлял собой мифологическую модель мира. Трехчастное деление мира проявляется в делении шаманского чума на центральную часть – чум (дулу) и две противоположные пристройки – онанг и дарпэ [13, с.180]. Дарпэ символизировала верхний мир и сооружалась из живых лиственниц и различных изображений шаманских духов; а онанг олицетворяла нижний мир, реку мертвых. Онанг устраивали из мертвого леса – ва-лежника [3, с.204]. Антропоморфные изображения, помещаемые в галерею онанг, символизировали души умерших шаманов – хавёны (нарицательным термином «хавён» называются все души шамана, перешедшие к нему от предков) [10, с.26]. Изображения, помещаемые вдали от центрального чума, мыслились как изображения душ древних шаманов. Пространственная удаленность изображений отождествлялась с их временной отдаленностью [13, с.180].

Исходя из выше изложенного можно предположить, что изображение «шованапиным», занимающее в комплексе шаманского чума наиболее удаленное место от центра, представляет собой предка-первошамана [4, с.97]. Данное изображение Шэвэки является наиболее хорошей иллюстрацией представления о нем нижнетунгусскими и подкаменнотунгусскими эвенками не только как о верховном божестве, но и первом шамане.

Подобное изображение Шэвэки в комплексе шаманского чума встречается впервые и является скорее исключением, ведь онанг и дарпе не изображают соответствующие им миры полностью, и в них обычно нельзя обнаружить ни изображения верхних божеств, ни изображения злого духа Харги с его помощниками. В основном скульптурные изображения символизируют лишь духов-помощников шамана [13, с.133]. Хотя вообще скульптурные изображения духов-хозяев тайги и духов предков (мугды) тунгусами возводились. Интересно, что к фигуре мугды (дух покойного, дух предка, родовой дух, покровитель сородичей и членов семьи, «помогающий» в промыслах и «охраняющий» от злых духов) нередко привязывали различные предметы, например деревянные изображения рыб, диких оленей, железное изображение ноги орла и т.д. [6, с.169].

На то, что единственно пока обнаруженное изображение крылатого человека является образом творца земли Шэвэки и одновременно образом первошамана, указывают также орнитоморфные элементы скульптуры.

Шаман в традиционных мифологиях рисуется как персонаж мира среднего, которому доступна связь с другими мирами [2, с.128]. Связь между шаманом и его духами кровная. Харги, душа шамана, мыслилась существом необычной двойной, полуживотной-получеловеческой природы. Ее создает мать-зверь, обитающая у основания шаманского дерева.

Если в роли матери-зверя выступала птица (орел, гагара, гусь), то она сносила яйцо и высиживала из нее птенца – будущую внешнюю душу шамана (зооморфного духа двойника) [2, с.136, 144]. Мать-зверя могли представлять и в образе сохатого [7, с.56]. Она могла быть и медведем. Полуживотная природа шамана ярко иллюстрируется, например, шаманским костюмом, на различные места которого нашивались металлические изображения пресмыкающихся, птиц и животных. Это этаны, души которых вселяются в шамана во время надевания им костюма. Нашивались и изображения человека – предка харги [9, с.105]. Само изображение харги тоже свидетельствует о кровной связи шамана с животным миром: были найдены изображения души харги в виде человека-птицы, человека с птичьими ногами и в виде трехголовой гагары (две крайние головы птичьей, а средняя – человеческая). Подобные изображения являлись элементами костюмов шаманов из района реки Подкаменная Тунгуска [2, с.138]. Поэтому само изображение человека с мольбищ крылатым достаточно легко объяснимо.

Итак, можно сделать вывод о том, что изображения крылатого человека, обнаруженные в устье речки Фитили в ходе экспедиции музея Приенисейского края в 1921 г., являются определенным синтезом представлений о Шэвэки (верховном божестве всех эвенков) и первошамане, предке всех шаманов. Такого рода изображения в скульптурном комплексе шаманского чума было обнаружено впервые и больше аналогов пока не найдено, что оставляет за собой широкое поле для последующих научных изысканий.

Библиографический список

1. **Анисимов А.Ф.** Космологические представления народов севера. - М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
2. **Анисимов А.Ф.** Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. - М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
3. **Анисимов А.Ф.** Шаманский чум у эвенков и проблема происхождения шаманского обряда // Труды института этнографии – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1952.- Т.XVIII.
4. **Баташев М.С.** Материалы Красноярского музея по культовым сооружениям эвенков //Енисейская провинция. – Красноярск, 2006.- Вып.2.
5. **Василевич Г.М.** Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII-н.ХХ в.). - Л.: Наука, 1969.
6. **Иванов С.В.** Скульптура народов Севера Сибири XIX-п.п.ХХ в.- Л.: Наука, 1970.
7. **Ксеофонов Г.В.** Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов (материалы к мифологии урало-алтайских племен в Северной Азии). - Иркутск, 1928.-ч.1.
8. **Мазин А.И.** Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (к.ХІХ-н.ХХ в.).-Новосибирск: Изд-во «Наука» Сибирское отделение, 1984.
9. **Музей Приенисейского края** Инвентарь этнографического отдела №1,2
10. **Суслов И.М.** Шаманизм и борьба с ним // Советский Север, 1931. - №3-4. – С.89-152
11. **Суслов И.М.** Шаманизм как тормоз социалистического строительства // Антирелигиозник.-1932.- №11-12.-С.24-29
12. **Тугаринов А.Я.** Предварительный отчет экспедиции на р. Подкаменную Тунгуску (Катангу) в 1921 г. // Известия Красноярского отдела Русского географического общества. – Красноярск, 1924. - Т.ІІІ, вып.
13. **Яворский А.Л.** Воспоминания о красноярском периоде жизни А.Я.Тугаринова // Архив ККМ в/ф № 6575/40
14. **Ямпольская Ю.А.** Шаманский чум и модель мира в традиционном мировоззрении эвенков // Религиоведческие исследования в этнографических музеях. - Л.,1990.

Научный руководитель: снс КККМ Баташев М.С.

ТРАДИЦИОННЫЕ КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ В ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ХАКАСОВ

Календарные праздники – важнейший элемент традиционно-бытовой культуры любого народа. Для большинства людей праздник является возможностью уйти от забот повседневной жизни и служит своеобразной коллективной психологической разрядкой. В то же время праздник обладает определенной идейной направленностью. Он выполняет многообразные социальные функции. Именно во время праздника особенно активно появляется культурная инициация и социализация личности; поскольку с участвовать в коллективных действиях можно начиная с раннего возраста [2, 67]. Праздник является одним из орудий воспитания молодежи в духе национальных традиций.

Праздник служит мощным импульсом для развития художественного творчества, т.к. предполагает активное участие в оформлении ритуалов, в приготовлении специальных блюд и костюмов, в создании музыки, песен и танцев.

Праздник – первичная и неуничтожимая категория человеческой культуры. Он может оскудеть, даже выродиться, но он не может исчезнуть [1, 4]. Понятен поэтому пристальный интерес к нему со стороны историков, этнографов, фольклористов.

Достаточно подробное освещение в литературе получили обряды и обычаи календарного цикла у хакасов. Исследователи, как правило, сводили свою задачу к описанию обрядовых действий, ритуалов, символики. Мы попытаемся выяснить то, какие функции имели календарные праздники хакасов. Праздники (по – хакасски «улукун» – буквально «великий день») отражают историко-культурное наследие народа.

Природно-климатические условия Хакасии обусловили формирование особого хозяйственно-культурного типа – его основу составляло кочевое и полукочевое скотоводство, дополненное земледелием, охотой и собирательством. С хозяйственной спецификой был связан уклад жизни и культурно-бытовые традиции. [1, 6] Ход цикла хозяйствования определялся по лунному календарю. Начало этого цикла было связано с наступлением весны, что и стало отмечаться как праздник Нового года (Чыл пазы). Жители одного аала встречали Чыл пазы вместе. Каждая семья, даже самая бедная, по мере своих возможностей готовилась к встрече праздника. Необходимо было изготовить и надеть новую одежду.

В рамках встреч Нового года совершали праздник Таан-той. Это праздник прилета первых весенних птиц – галок. В этот день все ходили друг к другу в гости.

Один из весенних праздников – Урен хурты – праздник благополучного посева. Главная цель проводившихся в этот день обрядов – сберечь посев.

Летом, в начале июня проводился праздник первого айрана. Каждая семья готовила этот напиток. Данный праздник непосредственно связан с почитанием скотоводства. [1, 15]

Осенью проводился праздник урожая – Уртун-той. А также после перекочевки на зимник отмечали праздник последнего айрана – Айран солындызы.

Зима, по традиционным представлениям хакасов, символизирует смерть природы, все земные божества покидали на зиму землю. Зима – это разгул и власть злых сил, поэтому в это время года праздники не проводили. [3, 26]

Говоря о календарных праздниках у хакасов, можно выделить общие для них функции. Во-первых, любой праздник носил коллективный характер, так как собиралось все население аала, что позволяло людям обмениваться информацией. Это помогало осознанию общности интересов всего народа. Праздничное общение создавало максимально благоприятные условия для обмена социально значимым опытом. Главный поток информации во время праздника шел «по вертикали» – от старшего поколения к младшему. Можно добавить, что соблюдение календарных обычаев и обрядов новыми поколениями было способом продемонстрировать верность заветам предков.

К числу социальных функций календарных праздников следует отнести и то, что они способствовали сближению молодежи, выборам брачного партнера, формированию новых семей. [2, 73]

Также календарные праздники являлись неким ориентиром в потоке времени. И это была еще одна их функция. Праздник выступал в качестве вехи, которая позволяла людям выделять в годовом цикле качественно различные периоды.

Праздничные календарные обычаи и обряды хакасов включали в себя спортивные элементы: борьбу, конные состязания, перетягивание канатов и др. Существовала, таким образом, сфера, где человек мог «выделиться», продемонстрировать свои способности – в данном случае физические. Игры, столь распространенные в праздничное время, способствовали физическому развитию человека.

В целом, календарные праздники играли весьма важную роль в жизни хакасов. Они способствовали консолидации населения, давали ему физическую, психологическую и социальную разрядку, служили целям эс-

тетического воспитания, содействовали проявлению творческих начал отдельной личности и народа в целом, были непосредственно связаны с воспроизводством семьи. [2, 81] Календарные обычаи и обряды отвечали задачам преемственности поколений, формированию внутреннего единства и национального своеобразия духовной культуры хакасского народа.

Библиографический список

- 1 Бутанаев В.Я., Верник А.А., Ултургашев А.А. Народные праздники Хакасии. – Абакан, 1999. – 76с.
- 2 Жигульский К. Праздник и культура. – М., 1985. – 324с.
- 3 Казачинова Г.Г., Татарова В.К., Чыл пазы – голова года. – Абакан, 1997. – 104с.
- 4 Татарова В.К. Ради жизни вечной. – Абакан, 2003. – 93с.

Научный руководитель: кин, доц., Торбостаев К. М.

Н. В. Кирсанова

Абакан, Хакасский государственный университет, 5 курс

ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ ШОРСКИХ ОХОТНИКОВ (XIX – нач. XX вв.)

Звероловный промысел был основным видом хозяйственной деятельности шорцев. Именно с промыслом у шорцев было связано большое количество поверий. Весьма характерным является то обстоятельство, что большинство почитаемых духов - охотничьи духи. Это относится и к духам отдельных родов.

Согласно воззрениям обитателей горной тайги, каждая местность имела своего духа - хозяина. Самым большим почитанием пользовались горные духи - хозяева «Таг – эзи» [1, с.10]. Горы являлись жилищем этих хозяев, а животные – их скотом. Они не показываются людям; считалось, что их могут только увидеть ясновидящие. Однако, согласно традиционным воззрениям «хозяйки гор» или дочери «хозяев» являлись промышленникам, вступают с ними в любовные связи, сводят с ума или, наоборот, наделяют богатством [2, с.19].

По представлениям шорцев, горные хозяева доброжелательны к людям. Они охраняют скот и счастливую жизнь людей, могут дать долголетие человеку. Однако при несоблюдении определённых обычаев и обрядов, связанных с их почитанием они, рассердившись, могут навредить человеку.

По воззрениям шорцев районы охотничьего промысла были распределены между хозяевами гор и тайги. Промысловая деятельность от начала и до конца сопровождалась обрядами их почитания с целью обеспечить удачу на промысле. В отношении зверового промысла не допускали насмешек, хвастовства, обмана. Отправиться на промысел нужно было чистым. Накануне нельзя было иметь интимной близости. К орудиям промысла и к одежде охотника отношение было весьма почитательное. Ни ружьё, ни ловушку, ни соболю сетку никогда не бросали, а вешали и клали осторожно и хранили вместе с охотничьей одеждой в амбаре, не заносив в дом.

Когда шорец-охотник выходил из дома на промысел, вся его деятельность была связана с приметами и поверьями. Перед самым выходом на промысел охотник ел и угощал огонь; артель промысловиков иногда устраивала общие моления хозяину горы или тайги той местности, куда отправлялись промысливать; приглашали шамана, делали абыртку; некоторые охотники приглашали шамана индивидуально.

Перед уходом на промысел нельзя было сидеть в той стороне избы, где стояла печка. Выйдя из дома, охотник не возвращался назад, как бы необходимо это ни было. Не отвечали на вопрос «куда идёшь?». Встречая кого-нибудь, считали лучше повернуться спиной к встречному. Никому не разрешалось пересекать охотникам дорогу. Если это случилось, охотники возвращались и отправлялись снова только на следующий день. В то время как мужчины охотились, дома нельзя было веселиться, ругаться, играть, смеяться громко, боялись, что беда придет к охотнику.

Шли на промысел тихо, стараясь сохранять благопристойность и серьёзность, друг за другом по одному следу, таща за собой нарточки или волокушу. По дороге охотники останавливались около известных и величественных гор и брызгали абырткой для удачи на промысле. Переваливали за хребет, обращаясь к горам и рекам, прося об удаче, ограждали себя пихтовыми ветками и тут же их бросали.

В тайге нельзя было радоваться удаче, жаловаться на свою участь, иначе сглазишь удачу. Таёжники во время охотничьего промысла строго придерживались определённых законов: запрещалось брать без разрешения чужую вещь, орудия охоты; если в тайге использовали чужие приготовленные дрова, то непременно должны за-

готовить столько дров, сколько истопили; нельзя было брать чужую добычу [3, с. 259]. Во время промысла охотники не пересекали лыжный след другого зверолова, верили, что сделавшему это не будет попадаться зверь.

В горных массивах применялась табуированная лексика. Запрещалось называть вещи своими именами для того, чтобы уважить духов - хозяев как старших родственников. Согласно поверьям, среди гор нельзя было петь и кричать, иначе горные духи начнут посылать свои голоса людям - эхо. В таком случае они могут забрать души кричащих людей. Если ветер или зверь разрушали охотничий балаган, шорцы уходили на некоторое время домой, полагая, что это сделал «Таг эзи» и удачи всё равно не будет [4, с.37].

На промысле строго следили за приметами: голова чешется – к ветру; бурундуки свистят – к дождю; ветки ели опущены – к плохой погоде; на кедр при плохой погоде не лазят; кому сразу тайга даёт добычу, тот долго не живет; соболя не можешь поймать – жди беду; ветер сильный – нельзя охотиться...

От погоды зависела промысловая деятельность, так считали шорцы, и особыми приёмами пытались воздействовать на неё. Так, например, охотник, находясь во время промысла в балагане, снимая шапку клал ее на пол желая избавиться от мороза.

Порой, при помощи магических приёмов пытались вызвать снег, по которому хорошо видны следы зверей, а значит, облегчалась промысловая деятельность таёжника. С этой целью старший охотник брал топор, тыкал им несколько раз в горящую колодину и выбрасывал из балагана. Так делал три раза [5, с.31].

После добычи медведя устраивали поминки «аба тойы» - «медвежий праздник». Охотники, убив медведя, перед снятием шкуры оплакивали его. Такой способ охоты ушел в прошлое, оставив лишь некоторые его элементы. По возвращении с медвежьей охоты, шорцы клали сзади себя на лыжный след крестообразно палки или чертили круги. Таким образом, думали избавиться от преследования и мести медвежьей души, так как она бродила в течение нескольких дней и могла пугать, даже душить людей. Кости все собирались и хоронились. Различные части медведя нередко применяли у шорцев в качестве средств магического врачевания, в качестве амулетов, талисманов.

По окончании охоты таёжники благодарили хозяина тайги и огонь за удачный промысел. Остатки продуктов подвешивали на дерево; потом этими дарами «ильча» питаются духи - хозяева. Самый момент прихода с промысла у шорцев имел ряд особенностей. О скором возвращении мужчин, давал знать огонь, вспыхивая ярким пламенем. Войдя в юрту, охотник давал жертву огню. Он не сразу заносил добычу в дом и сам не заходил, пока «пот не высохнет». В это время нельзя было разговаривать с женщиной, а ей встречать своего мужа.

Таким образом, обрядовая культура таёжников была связана верой в духов - хозяев «Таг эзи» и «Суг эзи». При этом религиозное наполнение промысла было настолько обильным, что сам промысел представлялся чем-то священным. Сакрализация промысловых традиций обеспечивала порядок в тайге, регуляцию добычи диких зверей и птиц, также почтительное отношение к природе: горным и водным местностям.

Библиографический список

1. Бутанаев В.Я., Монгуш И.В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. - Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф.Катанова, 2005. - 200с.
2. Дыренкова Н.Д. Шорский фольклор. - М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1940. - 446с.
3. Кыржинаков А.А. Таёжные законы хакасов // Власть и общество. Научный сборник. - Абакан, 2003. - С.258-260.
4. Потапов Л.П. Охотничий промысел алтайцев (Отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев) - СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии Наук, - 2001. - 168с.
5. Потапов Л.П. Очерки по истории Шории. - М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1936. - 260с.

Научный руководитель: Бутанаев Виктор Яковлевич, проф., дин

И. Ю. Кочкина

Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 1 курс

ФОЛЬКЛОР И ТРАДИЦИИ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ШИПУНОВСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Изучая связь песенного творчества с декоративно-прикладным искусством, нужно сказать несколько слов о современной теории фольклора, в основе которой лежит тезис о качественном своеобразии фольклора, его

принципиальном отличии от смежных явлений культуры и, прежде всего - от литературы. Во-первых, фольклор не сводится к словесным формам. С этой точки зрения фольклор - это особый тип мировосприятия. Во-вторых, фольклору присущи не только художественные функции. Его функциональное пространство гораздо шире и, в конечном счете, определяется высшими ценностями жизни. В-третьих, фольклор как тип культуры не сводим к народному творчеству. Это универсальное явление, присущее обществу в целом и каждому его подразделению.

Обращаясь к фольклорной традиции населения Шипуновского р-на Алтайского кр., нельзя не учитывать этнографические, диалектологические, исторические материалы, раскрывающие специфику истории заселения и освоения края.

Заселение, интенсивно проходившее во второй половине XIX в., составило первый этап русского расселения. Население, осевшее в тот период, в дальнейшем получило название сибиряков-старожилов. Второй этап активного расселения в Алтайском округе связан с пореформенным переселением второй половины XIX - начала XX в.

Переселенцы разделялись на группы по этническому составу и местам выхода. Так, прибывших из средних русских губерний называли «российскими», а с Украины и прилежащих русских губерний - «хохлами».

Полевые материалы собирались путем непосредственного наблюдения, опроса информаторов и изучения текущей статистики и документов местных жителей. Собранные материалы позволяют проследить динамику ряда явлений культуры, судить об общих и специфических чертах в различных народных традициях.

Ценную историко-этническую информацию несут названия сел, деревень. Название селений переселенцев южнорусских губерний оканчивается на «а», «ка», «ха» (например, Комариха, Бобровка, Ельцовка). Название селений переселенцев севернорусских губерний оканчивается на «о» (например, Воробьево, Хлопуново).

Особую ценность представляет такой источник, как рушники, собранные в ходе этнографических экспедиций 2001-2004 в с. Горьковское, с. Эстония, р. ц. Шипуново. Они являются своеобразными текстами и несут интересную информацию о создателях изделия. В личной коллекции имеются рушники, переданные информаторами из обследуемых сел, которые относятся к разным культурным традициям: - севернорусские (Новгородская, Вологодская губернии); для которых характерны своя техника исполнения, колорит, отличающийся прямолинейностью, лаконичностью орнамента. Например, Кочкина А. И. вышила ромбы с замысловатым рисунком внутри, характерные для севернорусских губерний. Судя по орнаменту и колориту, рушник Ефимовой С. Н. относится к севернорусским традициям;

- южнорусские (Рязанская, Полтавская, Воронежская губернии), украинские губернии; с характерным богатством цветовой гаммы, растительными узорами. Мастерница Орлова Н. Н. вышила цветочные узоры, молодые ростки и побеги, характерные для южнорусских традиций;

- центральные или «росейские» губернии (Московская губерния); где происходили взаимовлияния отдельных ветвей различных культур. Судя по рушнику Рогембаум Е. Е. можно предположить, что его хозяйка из центральных губерний, так как в вышивке сочетаются молодые ростки и побеги с ромбами и колосьями.

Так же имеются материалы информаторов, представленные плетеными вещами: корзинами, лаптями косога (характерного для севернорусских губерний) и прямого плетений (характерных для южнорусских губерний). По технике и процессу изготовления можно предположить места переселений, в случае утери этой информации информаторами.

Анализируя и обобщая результаты этнографических исследований, можно сделать вывод, что за вышивкой и плетением, а также прядением исполнялись песни о любви, несчастной женской доле, у которых меняется размер на протяжении всего произведения (4/4, 3/4), в связи с детальной кропотливой работой. Мелодия этих песен плавная, существуют внутриголосовые распевы, которые связаны между собой и нередко падают на середину слова. За ткачеством исполнялись песни повествовательного характера одного размера (преимущественно 2/4; 3/4) в связи с монотонностью работы, частыми повторными операциями. В песнях есть небольшие скачки, мелодия звучит в среднем регистре.

Таким образом, фольклор Шипуновского р-на, представленный песенными и материальными традициями, может рассказать нам о многом, в частности, о названиях сел (сев.: Хлопуново, Воробьев; юж.: Комариха, Бобровка), процессах интеграции материальной (цветочные мотивы южнорусских переселенцев переплетаются с прямолинейными, геометрическими узорами сложных очертаний севернорусских переселенцев) и духовной культур (интеграция песенного фольклора переселенцев, их стилевых особенностей: распевы, скачки, мелодика); а также о жизни и быте переселенцев и старожилов, их взаимосвязях в результате смешения различных волн переселенцев. В XVIII - середине XIX вв. заселение плодородных земель Алтая происходило из северных губерний, выходцы оттуда являлись носителями севернорусских традиций; в конце XIX - начале XX века направление движения переселенцев изменилось, поток новоселов шел непосредственно из южнорусских губерний. Одним из важных итогов нашего исследования стало получение сопоставительных материалов.

Научный руководитель: кин Любимова Г.В.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ПРЕДКАМ В СОВРЕМЕННОЙ ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКЕ ТУНКИНСКИХ БУРЯТ

Территория Тункинской долины расположена между горными системами Хамар-Дабан и Восточный Саян. Это особенная (в ландшафтном и историко-культурном контексте) часть Байкальского региона. Труднодоступность района обусловили изолированность тункинских бурят, что способствовало формированию их своеобразной духовной культуры. Тункинский р-н представляет собой территорию, где сложилась особенная этнолокальная модель обрядовой практики шаманизма. В ней наблюдаются следующие типы: общественные, семейно-родовые и семейно-индивидуальные обряды [6].

По мнению шаманов, беды в семье или в роду связаны с тем, что род перестает чтить предков. Поэтому нужно провести специальный обряд, на котором по возможности собираются все сородичи. Смысл обряда в возобновлении регулярного почитания предков. Семьи, которые не могли присутствовать, проводят обряды самостоятельно. Родовые молебны могут проводиться не регулярно, иногда с большим интервалом.

Согласно традиционным воззрениям бурят, каждый предок, переселяясь в загробный мир, имеет близкое общение с божествами; следовательно, если пожелает, может оказаться заступником своих живущих потомков. От того насколько предка почитают и сколько жертв ему приносят, зависит уважение и покровительство могущественных духов [ПМА]. Если жертв много - дух доволен; хранит и всячески оберегает род от неурожая и посягательств злых духов. В противном случае - дух предка слабеет; озлобившись, он нагоняет смерть, болезни, пьянство, неурожай. Давление постоянно усиливается, вынуждая к подношению, иначе, как полагают буряты, он может уморить весь род [7].

Другой способ мотивации жертвоприношений был описан Б.Э. Петри: предки на том свете тоже нуждаются в предметах первой необходимости, особенно в пище и вине, потому каждый раз во время еды, бурят отделяет пай предкам - он не станет пить, не побрызгав им. Делается это так: из чашки отливают несколько капель на землю и перечисляют всех предков, начиная от родоначальника и кончая последним из умерших: им предлагают вкушать напиток. Из предков самый главный покровитель рода – родоначальник, а затем великий шаман, бывший членом данного рода [3, с. 29-30].

В жертвоприношениях нуждаются и мелкие духи. Без жертв они посылают несчастья, стремятся украсть душу. Их жадность умиротворяют только духи – покровители рода.

Предкам, якобы, препровождается душа напитков и яств. Жертвоприношение должно совершаться по установленному обряду. Следует произнести полагающиеся славословия, отправить души жертвенных животных и яств так, что бы они дошли по назначению: иначе жертвы пропадут даром. [3, с. 47]. Жертвой в обряде может выступать: животное (овца, лошадь, и др.), белая пища, напитки, одежда. У богов, по представлению бурят, есть стада; душа жертвенного животного присоединяется к стаду, состоящего из душ ранее принесенных в жертву [3, с. 29].

В древние времена, животные целиком сжигались на костре. Но упадок экономического благосостояния и внедрение товарных отношений привели к постепенному изменению форм жертвоприношения. Полностью богам стали дарить только кожу с конечностями. Мясо съедают на месте ритуала, или делят на паи.

Вероятно, процесс изменения хозяйственных условий приводит и к постепенной замене жертвенного животного приношениями молочных продуктов [2, с. 59]. При жертвовании тарасуна к божествам летит душа (дух, запах, пар) тарасуна [4, с. 12]. Ценные жертвоприношения постепенно заменяются меньшими дарами, более дешевыми предметами, и постепенно доходят до степени ничего не стоящих знаков или символов [5, с. 46].

Практики жертвоприношений до сих пор практикуются бурятами. Обряд, наблюдаемый нами в 2005г. в Тункинском р-не в с. Далахай был направлен на то, чтобы наладить личную жизнь мужчины – одного из членов рода, который регулярно совершает жертвы.

Перемещение к месту церемонии членов рода, намерившихся совершить жертвоприношение, сопровождали ритуалы. При первой остановке на священном месте, которое называется «где отдыхал бык Буха Нойон» следовало спросить разрешение на проведение жертвоприношения. На этом месте выходят глава рода, шаман и все мужчины; женщинам выходить запрещается. Особенностью является то, что женщины на обряде должны быть в халатах и с покрытыми головами. Место опрыскивается водкой и молоком, и шаман объясняет духу мотивы путешествия.

Вторая остановка - место, где похоронена *Тевин хата* (прародительница рода, жившая более 150 лет назад; с того времени ее почитают духом горы и хранителем, оберегающим семью) [ПМА]. Заранее приготовлены

вещи для ритуала: - можжевельник (арса) - довольно редкий в пределах с. Далахай - он используется во всех буддийских и шаманских ритуалах, как средство очищения от зла; традиционная пища бурят - сметана с творогом, рис на молоке с сахаром и солью, саламат, печенье, конфеты; - хлеб (желательно испеченный дома) и зерно только для ритуала; традиционные ритуальные напитки - водка, чай с молоком и молоко (ранее, вместо водки в ритуалах использовали *тарсун* [1]). Кроме того к ритуалу готовят белую овцу (жертву) и утварь необходимую для проведения обряда: кружки, котлы, дрова.

По приезде на место ритуала разводят 2 костра и ставят на них котлы с водой. Слева от костров стоит коновязь. Деревья вокруг священного места обвязаны большими (*ходыг*) и маленькими (*залаа*) лоскутами материи. Шаман и глава рода дают всем советы. Женщины заняты приготовлениями стола, а мужчины - костром. На столе раскладывают ритуальные вещи: слева можжевельные ветки, рядом горящие угли, по центру мешок с деньгами, правее хлеб, чай, сладости. В правом углу, выложенный кирпичами полукруг, внутри которого ставят свечку в масле и зажигают. Шаман подходит к столу; весь род полукругом располагается позади. Шаман наливает молоко в рюмку, выливает в сторону от стола. Все молятся. Овцу поят молоком; затем ее убивают и разделывают. Кости варят в одном котле, в другом - мясо и внутренности [ПМА]. Содержимое котлов шаман перемешивает специальной палочкой раздвоенной на конце, с веревкой на рукояти. Он всех обносит водкой, но сам не пьет.

Семья человека, которому необходимо изменение судьбы: сын, жена, мать, отец повязывают ленты на деревья. В это время мужчины готовят новое кострище в форме четырехугольного колодца. На самом верш помещают голову овцы, затем - шкуру, а у основания - кости, которые вытаскивают из котла; т.е. выстраивают макет овцы. Сырое мясо духи не принимают.

Шаман открывает бутылку водки и переливает за коновязь по одной стопке всю бутылку, потом подносит водку всем присутствующим, начиная с главы рода. После этого костер разжигают. Те угли, что стоят у стола заливают молоком. Шаман идет к коновязи в руках он жжет можжевельную ветку, которой освещает три раза вокруг рюмку водки; стоит секунд 30; обводит всех взглядом, выливает водку. Потом уводит жену виновника ритуала в лес; там он в полголоса разговаривает с духом, а потом поит женщину водкой.

С каждой кости, перед тем как принести в жертву, срезали по кусочку мяса. Весь род по мужской линии с ложками в правой руке и чашками с бульоном в левой выстраивается за шаманом. Шаман совершает три круга по часовой стрелке; в одной руке у него поварешка в другой - ведро с бульоном. Вся шеренга идет следом. Они черпают ложкой бульон и разливают в стороны. После третьего круга шаман кидает поварешку. Остальные кидают ложки, кто попадает ложкой по поварешке, тот выходит, кто не попадает, тот поднимает ее и идет еще круг.

После шаман зажег ветку можжевельника и осветил ей бутылку водки, потом преподнес супругам - главным действующим лицам ритуала; потом ветку бросил в костер. Все приступили к трапезе. После трапезы оставшуюся ритуальную пищу унесли в дом главы рода.

Подобная схема является каноничной, хотя и имеет локальные особенности. Изучавший жертвоприношения у бурят Б.Э. Петри разделял на 3 вида: - умиловительные, когда человека постигает несчастье, и он просит духа (предка) помочь ему, или избавить от наказания; - предупредительные, которые приносят божеству заранее, что бы оно было милостиво, заботилось о человеке и не посылало бед; - просительные, у божества испрашивают милости - урожай трав охрана скота, приплод скота, удача на охоте, обильный улов рыбы и т.п. [3, с. 12]. Обряд, наблюдаемый нами в 2005г. в Тункинском р-не в с. Далахай можно (по классификации Б.Э. Петри) определить как умиловительный родовой обряд.

Библиографический список

1. **Баторов П.П.** Бурятоведческие исследования Выпуск 4 сб.ст. Часть 1.Издательство Института географии им. Сачавы В.Б. СО РАН, 2006.
2. **Косоков И.** К вопросу о шаманстве В Северной Азии. М.:Изд. «Безбожник», 1930
3. **Петри Б.Э.** Старая вера бурятского народа. Иркутск: Изд. «Власть труда».
4. **Петри Б.Э.** Степени посвящения монголо-бурятских шаманов. Иркутск, Теплогр.Издат-во «Власть труда»,1926.
5. **Тайлор Э.** Первобытная культура. М.,1999г.
6. **Шагланова О.А.** Шаманизм у бурят Тункинской долины (вторая половина XIX-XXвв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. Улан – Удэ.2003.

Научный руководитель: дин, проф. Лбова Л.В

МУЗЫКА В ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКЕ ХАКАСОВ

Цель данного доклада: показать какое значение в жизни хакасского народа имела музыка. Нельзя не отметить эстетическое значение музыки, на праздниках, пиршествах, различного рода состязаниях доставлявшей наслаждение красотой художественной формы. Ни одно важное мероприятие в жизни человека не обходилось без музыкального сопровождения.

Но, наряду с этим, существовало и другое – сакральное значение музыки, которое наиболее ярко проявлялось в обрядовой практике хакасов. Согласно традиционным представлениям хакасов, музыка возвышалась до уровня сверхъестественных сил способных повелевать всем живым на земле; она была способна покорить обитателей всех стихий; оказывать влияние на духов окружающей природы, верхнего и нижнего миров [4, 176].

У хакасов бытовало горловое пение – хай. Способность петь хаем, по представлениям хакасов, давал дух – хозяин хая – хай-ээзи [1, 281]. По традиционным представлениям хакасов, певец – хайджи, получая певческий дар являлся не автором исполняемых им героических сказаний, а всего лишь транслятором текста, который нисходил к нему свыше. Горловое пение в исполнении хайджи, или шамана в сопровождении музыкального инструмента (чатхан, хомыс, бубен), выступало в качестве особого музыкального языка, который использовался для установления связей с духами [4, 178].

Хайджи у хакасов традиционно присутствовал при похоронном обряде; его приглашали для исполнения героических сказаний при покойном. Согласно представлениям хакасов, душа (харан) после смерти человека отделяется от тела и витает в стороне от людей, до 40 дней умерший не осознает своей смерти [3, 82]. Хайджи целенаправленно воздействует пением эпоса на душу покойного, помогая ей уйти в загробный мир. В похоронном обряде проявляется также психотерапевтическое воздействие музыки. Она помогала родственникам умершего пережить трудные моменты их жизни.

В шаманской обрядности музыка предназначалась для созыва духов – помощников в начале обряда, а также предвещала приближение шамана к тому или иному этапу камлания, что выражалось в частоте и силе ее звучания. Кроме того, здесь особо акцентировался ритм, который воспринимался как проявление космического порядка, гармонизации мира [4, 180]. Музыка также использовалась в целительской практике шаманов. Вибрация, создаваемая бубном, улучшала работу сердечно – сосудистой деятельности [2, 499].

Сакральное значение музыки можно увидеть также на примере охотничьего обряда. По народным традициям в тайгу специально брали хайджи, который должен был исполнять героические сказания, так как горные духи любили слушать музыку и горловое пение. В данном случае музыка способствовала установлению связей с горными духами с целью обеспечения удачной охоты. Таким образом, в обрядовой практике хакасов музыка и горловое пение в исполнении хайджи или шамана имели сакральное значение, которое выражалось в том, что они помогали установить связь со сверхъестественностью, воздействуя на душу человека, духов окружающей природы и мироздания.

Библиографический список

- 1 Бутанаев В.Я. Этническая культура хакасов. - Абакан, 1998. - 352с.
- 2 Диксон Олард Шаманское целительство: защита от несчастий исцеление от болезней и обряды жизненной силы. – М., 2004. – 576с.
- 3 Кулумаева С.К. К вопросу о традиции исполнения алыптых ныхахов хакасского героического эпоса в похоронных обрядах хакасов. // Традиционное мировоззрение хакасов: прошлое, настоящее, будущее. – Абакан. – 1997. – С. 82 – 86.
- 4 Сагалаев А.М. Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: знак и ритуал. – Новосибирск, 1990. – 209с.

Научный руководитель: ст. преп. Тутаркова Н. В.

РУССКАЯ ВЫШИВКА В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Искусство декорирования ткани вышивкой уходит корнями в узорное ткачество, известное предположительно уже в андроновское время [2. С. 181]. Вышивкой в традиционном русском искусстве украшали одежду (женские и мужские рубахи, передники, нагрудники, женские головные уборы), предметы быта (полотенца, подзоры, скатерти и салфетки). Вышивка была распространена на всей территории России. В зависимости от места бытования в нее привносились специфические локальные черты и приемы.

Постараемся охарактеризовать вышивку русских Томской обл., используя материалы, хранящиеся в фондах Томского областного краеведческого музея и Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ, также дневниковые записи профессора ТГУ О.М. Рындиной, сделанные в 1980-е гг. Имеющиеся данные характеризуют вышивку с середины XIX в. до второй половины XX в. В рассматриваемый период вышивка была представлена, главным образом, на полотенцах, а также на скатертях и постельных принадлежностях. Из атрибутов одежды чаще встречаются мужские рубахи, однако мода на украшение их вышивкой проходит в 1930 - 1940-е гг.

Во второй половине XX в. наблюдалась мода на «видочки» – картины, вышиваемые по трафаретным образцам. С 1970-х гг. наблюдается изготовление ковров. Как правило, основой служила мешковина, нитки для вышивания брали шерстяные, распуская старые трикотажные изделия. Характерной техникой для ковроделия был болгарский крест. Орнамент имел растительные или геометрические очертания.

К самым распространенным техникам принадлежат гладь и крест, как счетные, так и несчетные. Счетная техника, выполняемая по счету нитей ткани, является более древней [3. С.52]. При счетной глади стежки плотно прилегают друг к другу и образуют узоры с лицевой и изнаночной сторон, тождественные или зеркальные. Счетный крест с изнанки образует вертикальные стежки. Несчетная техника креста выполняется по намеченным контурам рисунка или по канве, которая распространилась под городским влиянием во второй половине XIX – начале XX вв. [3. С.54]. Если на рубеже XIX – начале XX вв. еще хорошо представлены счетные виды обеих техник, то во второй половине XX в. явно преобладают несчетные.

Так, на полотенцах, вышитых в 1960-е гг., в большинстве случаев фиксируется гладь, которая считалась модной. Реже встречается крест. Следует отметить, что наиболее архаичные мотивы выполнены на полотенцах в технике настила по перевити. Техника предполагает выдергивание ниток основы и утка, так образуется сетка, на которую накладывается узор. Более поздняя разновидность настила – «филейка», представлявшая собой вязаную сетку с настилом гарусными шерстяными нитками.

Переходим к характеристике мотивов. Среди них преобладали растительные, представленные цветами, листьями, веточками и побегами. Они выглядят схематично, или более реалистично. Во второй половине XX в. наряду с ними встречаются и орнитоморфные фигуры: петухи, индюки, голуби. Доминировавшим видом орнаментальной композиции были бордюры. Для «видочков», которые вешали на стены для украшения жилища, характерны сюжетные композиции: «Аленка», «Ромео и Джульетта» и др. Источниками для мотивов служили образцы старых полотенцев, доставшихся в наследство от мам и бабушек, журнальные рисунки, в которые некоторые вышивальщицы привносили собственную фантазию, трафареты.

Среди просмотренных материалов наиболее интересными являются два полотенца, относящиеся к середине XIX в. Первое – из с. Батурино. Вышивка выполнена в технике настила белыми нитками по перевити; мотив, на первый взгляд, имеет абстрактный характер. Его дешифровка и интерпретация требуют обращения к мифологии древних славян. У них известен культ Рода – «всеобъемлющего божества Вселенной со всеми ее мирами: верхним, небесным, ... средним миром природы и рождения и нижним с его огненным родством» [4. С. 453]. Рода сопровождают спутницы – Рожаницы, их двойственность установлена Б.А. Рыбаковым [4. С. 464 - 465]. Пару славянских богинь исследователь сопоставляет с сибирскими охотничьими мифами: две «рожаницы»-лосихи (мать и дочь), Хозяйки Мира, Прародительницы [4. С. 465].

Свои представления о богинях древние славяне запечатлели в деревянной скульптуре [1. С.11]. Описанная вышивка обнаруживает поразительное сходство со скульптурными изображениями богинь. Голова-розетка вышитого мотива, очевидно, имеет солярную символику, и так же связывает его с рожаницами, которые ассоциировались с плодородием и новой жизнью. На архаичность истоков вышивки указывает и ее цветовое решение. Она выполнена белым по белому.

Второе полотенце зафиксировано в с. Коларово. Стилизованное изображение, напоминающее антропоморфную фигуру, также вышито в технике настила. Композицию на данном полотенце можно определить как одночастную. Центральная фигура расположена между стилизованными побегами, заполняющими окружающее ее пространство. Главный персонаж предстает в виде столбообразной фигуры с опущенными вниз руками-завит-

ками. В подобных фигурах исследователи видят изображения идолов, которым поклонялись язычники, устанавливая их в священных рощах [3. С. 111; 5. С. 125].

Таким образом, еще в конце XIX в. в вышивке в Томской обл. бытовали мотивы, которые несли в себе образы архаического мировоззрения. В XX в. вышивкой занимаются не повсеместно, на что указывает и скудность представленных предметов и слова информаторов, сетовавших на то, что «мало мастериц» в их селениях. Вышивка принимает исключительно декоративный характер и не несет смысловой нагрузки.

Библиографический список

1. Дурасов Г.П. Русская народная вышивка архаического типа и ее образы // Изобразительные мотивы русской народной вышивки. М., 1990. 317С.
2. Зотова С.В. Ковровые орнаменты андроновской керамики // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1965. № 130. С. 177 – 181.
3. Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. 208 С.
4. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. 602 С.
5. Фалеева В.А. Женский персонаж в русской народной вышивке // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 119- 132.

Научный руководитель: дин, проф., Рындина О.М.

А.Х. Машиарипова

Тюмень, Тюменский государственный университет, 5 курс

СЕМЕЙНО-БРАЧНАЯ ОБРЯДНОСТЬ СРЕДНЕ-ТОБОЛЬСКИХ КОМИ ПЕРВОЙ ПОЛ. XX в.

Данная работа посвящена семейно-брачной обрядности коми-зырян Тюменского региона первой половины XX в. При написании были использованы полевые материалы автора, собранные во время экспедиций, проходивших в 2004-2006 гг. в Ялуторовском и Ярковском р-ах Тюменской обл., музейные и архивные фонды ГАТО.

Для свадебного обряда коми-зырян характерно смешение национальных традиций с русской православной культурой. Важнейшим условием создания семьи являлась хозяйственная целесообразность. Свадьба состояла из трёх основных этапов: - подготовка к свадьбе; - сама свадьба; - послесвадебные обряды. Каждый из этих этапов, в свою очередь, имел свою структуру.

Первой частью свадебного обряда было сватовство. Сватовству придавалось значение особого магического обряда, который требовал соблюдения определенных правил. Сваты о цели своего прихода говорили в иносказательной форме. Обычно о приходе сватов уже знали, и стол уже был накрыт. Но от соседей старались скрыть, чтоб не сглазили (ПМА: Сердитых В.И., 1937 г.р., Ялуторовский р-он). После небольшого вступления сваты начинали расхваливать достоинства жениха.

В зырянской семье если родители девушки принимали предложение, то приглашали за стол. Если нет, то сваты уходили ни с чем. В случае удачного исхода дела, родители молодых договаривались о приданом для девушки, о предстоящих расходах, времени свадьбы. У коми-зырян приданое невесты состояло из скота, постельного, скатерти, половиков. За сватовством следовали сговор (*кикутом*) и рукобיתье.

Большее значение в выборе времени свадьбы имели годовой и хозяйственный цикл, а также достаток семей. Преобладающая часть браков регистрировалась в первой половине года, так как состояние крестьянского бюджета в этот период было лучше, кроме того, большинство населения не так сильно было загружено хозяйственными заботами.

У зырянского населения преобладающей формой заключения брака была церковная. В семейно-брачном законодательстве России с 1830 г. действовал закон, разрешавший священникам венчание браков только с родительского благословения и по достижении женихами 18 лет, а невестами - 16 лет. Гражданское же совершеннолетие достигалось лишь на 21 году жизни. У коми-зырян в 17-18 лет девушка считалась невестой. Мужчины женились в возрасте 20 лет и более.

Свадьбы зимой шли чередом, и практически все жители деревня становились участниками свадебного обряда. Основная часть свадебного цикла начиналась в день накануне венчания (*каризна*) - это прощание с деви-

чеством, баня. *Дрожка* заранее приносил невесте от жениха полотенце, мыло, расчёску, зеркало (ПМА: Болотова А.А., 1923 г.р., Ялуторовский р-он). После бани мыло убирали, в дальнейшем его могли использовать в лечебных целях (ПМА: Смирнова Л.М., 1945 г.р., Ялуторовский р-он). В свою очередь, невеста также передавала подарки жениху: мыло, расчёску, майку (ПМА: Ворсина Л.Ф., 1951 г.р., Ялуторовский р-он).

Следующий день после *каризны* был началом собственно свадьбы. В целом свадьба продолжалась 3-4 дня. И саму невесту, и все атрибуты свадебной церемонии старались охранять от потенциального зловредного влияния. Так, к примеру, рассказывали о том, как лошадь во время свадебной церемонии не шла, потому что оглобли смазали медвежьим жиром, обеспечивающим раздор молодых.

Вредоносное воздействие можно было оказать даже при входе в церковь: так, при демонтаже ворот забора у здания сгоревшей Иоанно-Предтеченской церкви в с. Ивановка нашли вязальную спицу (ПМА: Болотова Н.И., 1952 г.р., Ялуторовский р-он). Находку объяснили тем, что кто-то пытался «помешать» свадебной церемонии.

Основными моментами первого свадебного дня являлись церемония венчания и свадебный пир. С утра в доме жениха собирались родственники в свадебный поезд. Для торжественных случаев в деревне специально держали лошадь и сани, разрисованные петухами и украшенные колокольчиками. Обязательным моментом было запирание дверей перед прибывшим к дому невесты свадебным поездом, которые открывали лишь после шутивого испытания: за бутылку вина, после ответов на загадки. Церемония выкупа в некоторых местах длилась до трёх часов. Затем происходила передача невесты жениху, отъезд к венцу. Войдя в церковь, священнику давали *козин*, т.е. подарок: холст, пару чулков, рукавицы, деньги (ПМА: Жилина К.Г., 1936 г.р., Ялуторовский р-он).

После венчания новобрачные ехали на свадебный пир в дом жениха, иногда они сначала заезжали в дом невесты. В сенях молодых встречали отец и мать с хлебом и солью. Во время пира молодых заставляли целоваться.

В первую брачную ночь молодых укладывали спать в соседней комнате или в другой избе у родни, о чём заранее договаривались. К дому стелили половики, жених нес невесту на руках. Утром свекровь и крёстная, выносили простынь, тем самым проверяя честность невесты. Следы на простыни смотрели сами, без гостей. Если невеста *чистая*, то свекровь била перед гостями пустую тарелку, иногда это делал жених. В противном случае ей не разрешали одевать белое платье, а родителям невесты высказывали: «*Скажите спасибо, что ещё берём вас*» (ПМА: Уляшева Ф.И., 1928 г.р., Ярковский р-он). Наутро молодая спрашивала у свёкра и свекрови, как ей их величать в будущем, что ей делать, просила благословения.

На второй день дарили подарки, на пол кидали берёзовые листья, деньги; кто дарил корову, овцу, поросёнка - тот падал на пол и изображал это домашнее животное. Подружка невесты сидела на стуле, на её коленях лежал платок, на который невеста, подметая пол, складывала деньги. Второй день был насыщен песнями и играми. Кололи чурки, в которые были заколочены деньги (ПМА: Подласова В.В., 1934 г., Ялуторовский р-он). Через 3-4 дня молодая вместе с мужем и его родителями ходила на пироги к своим родителям, носила им гостинцы.

Соблюдение всех церемоний считалось обязательным, поскольку правильность их выполнения по ходу ритуала должна была гарантировать молодым счастье и благополучие в супружеской жизни, стабильность брака, а также обезопасить их от воздействия злых сил.

Семья создавалась для продолжения рода. Согласно поверьям коми-зырян, роженица и ребёнок легко могли подвергнуться «сглазу» со стороны постороннего. Считали: «*Чем меньше людей знает о родах, тем легче и быстрее они пройдут*». С приближением родов к беременной приглашали повивальную бабку - *гог баба, пуповая баба*. При отсутствии бабки необходимую помощь могла оказать любая взрослая женщина, ранее присутствующая при родах и умеющая обращаться с новорожденным. Роды проходили в доме или в бане.

Во время родов роженице расплетали волосы, развязывали все узлы на одежде и отпирали в доме замки. Если роды затягивались, то бабка-повитуха набирала в рот воды и плескала её на роженицу, приговаривая: «*Вода из меня, ребёнок из тебя*». (ПМА: Лыйрова Н.З., 1929 г.р., Ялуторовский р-он) Родившегося ребёнка подхватывала на руки повитуха, она же осуществляла первичный уход за младенцем: перевязывала пуповину, обмывала и пеленала ребёнка. Для быстрого заживления пупок посыпали золой. Бабка-повитуха также по складкам на ножках определяла живуч будет ребёнок или нет. (ПМА: Моторина К.Ф., 1928 г.р., Ялуторовский р-он) Затем роженицу и ребёнка парили в бане, повитуха вправляла головку новорожденному. Обычно, не позднее чем на третий день, после родов, женщина принималась за повседневную работу. Повседневный уход за ребёнком сводился к кормлению и пеленанию; 2-3 месяцев ребёнка приучали к твёрдой пище.

В целом, следует сказать, что на характер семейно-брачной обрядности зырянского населения в Тюменском регионе оказывали влияние местные условия: естественно-географические условия, характер и особенности расселения, культурные традиции и влияние русского населения.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД РУССКИХ В ЮЖНЫХ РАЙОНАХ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Материалы, характеризующие как погребальный обряд в целом, так и его отдельные стороны, ввиду особой консервативности и исторической устойчивости могут служить одним из ценных историко-этнографических источников. Важны эти материалы и для изучения мировоззрения и религиозных верований того или иного народа. Кроме того, развернутое изучение погребального обряда позволяет дать характеристику всего цикла обычаев и запретов, связанных со смертью и погребением человека, об их последовательности и продолжительности. Чрезвычайно важной предоставляется этническая и локальная атрибуция элементов погребального обряда [4].

Что касается работ, посвященных изучению погребального обряда русских Омского Прииртышья, то они весьма немногочисленны, прежде всего, потому, что этот регион попал в поле зрения ученых лишь во второй половине XX в. Непосредственно материалов, касающихся изучения южных районов Омской обл. сравнительно мало. Экспедиции проводились только в 1980-х гг. Для расширения источниковой базы летом в 2006 г. была проведена экспедиция в казачьи поселения Исилькульского и Черлакского р-в Омской обл.

Что касается изучаемого региона, то этнический состав населения здесь достаточно разнообразен: русские, украинцы, татары, казахи. При этом русских, отождествляющих себя с казаками, оказалось очень мало.

Целью исследования являлось изучение погребальной обрядности русских, проживающих в южных районах Омской обл. Одним из первых исследователей, кто затронул вопрос о погребальной обрядности сибирского казачества, являлась М.А. Жигунова [5]. Следует также отметить работы М.Л. Бережновой, которые непосредственно касаются изучения погребального обряда и современных кладбищ русских Омского Прииртышья [1, 2, 3].

Полученные и проанализированные нами материалы позволили выявить общую структуру похоронно-поминального цикла русских южных районов Омской обл. Она была трехчленной и включала в себя три этапа: предпохоронный, погребальный и поминальный.

Когда человек умирал на полочку к иконам, или на окно ставили стакан воды, накрытый куском хлеба; открывали настежь двери и ворота в доме покойного. Иногда на калитку ворот, на окно, или на дверную ручку в некоторых семьях привязывали полотенце. В доме, где находился покойник, занавешивали все зеркала и другие предметы, в которых покойник мог отразиться, останавливали часы. Умершего раньше клали на солому ногами к печи.

Покойного омывали. Делали это обычно пожилые люди, их приглашали родственники; но бывало, что некоторые сами приходили помочь семье умершего. По существовавшим представлениям, отказываться от подобного приглашения – большой грех; обмывание покойного считалось богоугодным делом - *“Чтобы попасть в рай, надо обмыть 9 покойников”* [5. С.192].

Обычно женщин обмывали женщины, а мужчин - мужчины, но иногда и мужчин обмывали женщины. Людей, которые обмывали, одаривают вещами из одежды умершего; на похоронах и поминках они были почетными участниками. На предметы, которыми обмывают умершего, переносилась «мертвяцкая» сила. От них старались скорее избавиться. Воду выливали в укромное место, где никто не ходит.

Часто еще при жизни люди наказывали своим родственникам, в чем их следует похоронить. Обычно мужчин хоронили в темных костюмах, женщин – в платье с длинными рукавами, чулках, тапочках. Незамужних молодых девушек иногда хоронили в венчальных одеждах.

Еще в конце XIX в. гробы выдалбливали из цельного ствола дерева. Впоследствии их заменили гробы, сколоченные из досок. Гроб мог быть изготовлен из любого дерева, кроме осины. Для умершего в гробу готовили постель из березовых листьев, стружек и опилок, оставшихся от изготовления гроба. Если гроб изготовить во время не успевали, покойника клали на лавку или доски.

Приходили проститься с покойным все родственники и знакомые. Батюшка должен был обязательно отпеть покойного. В одних населенных пунктах запрещалось отпевать женщинам; в других же наоборот, где батюшки нет, находилось несколько пожилых женщин знающих молитвы и умеющих отпевать. Перед выносом тела, пожилые женщины читают молитвы и поют: *«Петь ещё бабушка моя ходила, вот я у неё и научилась. А молитвы читают из «Краткого православного молитвенника». Вообще поют четыре женщины, но есть и подпевающие. Читаем “Со святыми упокой”, а если человек умер из-за болезни, то читают “О болящих”. После читают Псалтырь. Нам за это родственники умершего дают платочки, отказываться – грех, платки эти полагается бережно хранить»*.

Хоронили обычно на третий день после смерти. Тело выносили до захода солнца, когда оно находилось еще высоко, чтобы «заходящее солнце могло захватить с собой умершего». С могилки землю ставят на стол и освящают, а потом родственники несут её на кладбище и кидают на крышку гроба.

Известен такой обычай, как «замещение места» покойного. На стол или стулья, на которых в доме стоял гроб, после выноса покойного садятся, а потом эта мебель на некоторое время переворачивается кверху ножками. Смысл этого обряда – препятствовать возвращению покойника.

Похоронной процессии, по церковному уставу, полагалось останавливаться только в церкви и возле кладбища; но, как правило, она останавливалась в наиболее памятных для покойного местах села. Могила роют глубиной 1,5–2 метра – «Хоронят глазами на восток». Есть обычай бросать в могилу мелкие деньги, чтоб умерший мог купить себе место на том свете.

Поминки устраивают на 9, 40 дней и год. Посещают могилы на православные праздники – Пасху и Троицу. На могилах оставляют, например, несколько крашенных яиц, кусок кулича, яблоко, конфеты. Иногда оставляют на могиле стаканчик спиртного «для покойника».

Результаты проведенных исследований позволяют сделать следующие выводы: погребальный обряд русских достаточно единообразен; его структура в различных регионах одна и та же и включает в себя три основных этапа – действия, связанные с фактом смерти и подготовкой покойника к захоронению, непосредственно погребение, поминальные обряды.

В данной работе мы обозначили лишь самые общие черты похоронной обрядности русских южных районов Омской обл. Дальнейшее осмысление этой проблематики требует расширения источниковой базы и проведения сравнительных исследований в границах Омского Прииртышья и шире – в рамках проживания русского этноса.

Библиографический список

1. **Бережнова М.Л.** О методике этнографо-археологического изучения погребального обряда русских Среднего Прииртышья // *Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума.* – Новосибирск, 1999. – Т. 4. – С. 17–26.
2. **Бережнова М. Л.** Погребальный обряд старообрядцев Среднего Прииртышья // *Интеграция археологических и этнографических исследований.* – Омск, 1998. – Ч. 2. – С. 12–13.
3. **Бережнова М.Л.** Погребальный обряд русских старожилов Среднего Прииртышья // *Этнографоархеологические комплексы: проблемы культуры и социума.* Новосибирск, 1997. – Т. 2. – С. 163–177.
4. **Дьяконова В.П.** Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л., 1975.
5. **Жигунова М.А.** О похоронной обрядности сибирских казаков // *Интеграция археологических и этнографических исследований.* – Алматы; Омск, 2004. – С. 191–194.

Научный руководитель: д.и.н., проф., Томилов Н.А.

Е.Ю. Павлова

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН, аспирант

СОВРЕМЕННЫЕ НАРОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ РЕСПУБЛИК АЛТАЙ, ХАКАСИЯ, ТУВА. ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ*

Последнее десятилетие XX в. характеризуется ростом этнического самосознания во многих странах мира. Это явление во многом связано с реакцией противодействия духовной унификации, порожденной мощными интеграционными процессами в современном мире. Противоречия, возникающее между потребностями развития народов и тенденциями глобализации, актуализируют этническое самосознание и часто его эстетический фактор – народное художественное творчество.

Интерес к народным художественным промыслам и декоративно-прикладному искусству является своего рода маркером, отмечающим периоды активизации этнических и национальных движений. Впервые в России он возникает в середине XIX в.

В этот период в среде русской художественной интеллигенции не только начали всерьез заниматься коллекционированием произведений народного искусства, но и пытались творчески осмыслить богатейший опыт национальных художественных традиций. В России конца XIX в. закладываются основы понимания народного

* Работа выполнена в рамках гранта СО РАН для молодых ученых (проект № 145) и при финансовой поддержке РГНФ (проект № 06-01-00323 а).

крестьянского искусства, его законов. Утилитарность, сакральность, декоративность, вариативность - эти свойства, обозначенные историками искусства, делали народное творчество чрезвычайно привлекательным для поиска новых форм и смыслов в условиях реформационных процессов в художественной жизни России на рубеже веков. В стране активно развивались народные промыслы – Жостово, Палех, Федоскино.

В то время в Сибири поиски местного колорита, создание самобытной художественной культуры стали частью движения за преобразование некогда «дикой и невежественной» окраины Сибири. В конце XIX - начале XX вв. сибиряки активно осваивали свой край. В стенах Томского, Минусинского музеев стали формироваться коллекции предметов культуры сибирских народов. Искусство коренного населения привлекало к себе необычной эстетикой. Художники и ученые края пытались использовать художественное наследие коренного населения для прикладных разработок в области дизайна и живописи. Идея региональной специфики, в том числе и в области искусства, продолжала волновать сибиряков вплоть до 1930-х гг.

С началом социальных и этнополитических преобразований в постсоветской России в 1990-е гг. вновь происходит актуализация традиций и ценностей народов, населяющих страну. Возрастает интерес к этнической истории и культуре, создаются условия для оживления промыслов и ремесел. Эти процессы были характерны и для страны в целом, и для ее отдельных регионов, в том числе для Сибири.

Повышенный интерес к развитию народных художественных промыслов в среде творческой интеллигенции в республиках Алтай и Хакасия возник еще в 1980-е гг., но оформился лишь в начале 1990-х гг. Именно тогда в Республике Алтай была утверждена первая программа возрождения национальных традиционных ремесел и промыслов «Сартакпай». Первый опыт оказался неудачным.

С середины 1990-х гг. на выставках и в художественных салонах Сибири стали широко известны художественные изделия алтайской мастерской «Кезер» (г. Горно-Алтайск, Р. Алтай). Ее создателем стал Владислав Хромов – художник, поэт и философ. Уникальность его работ состоит в единении визуального и текстового прочтения. Художественная программа мастерской с первых дней строилась на изучении и использовании в работе древних технологий и материалов. В результате освоения традиций художественного ремесла кочевников Алтая и технологических экспериментов с деревом и костью сформировались самобытные промысловые направления: горно-алтайская кедровая щепка и горно-алтайская художественная кость.

В основу стилистики промысла «Кезер» была положена «обереговая» традиция. Во вновь сконструированных оберегах «Кезера» с одной стороны получали новое прочтение сюжеты и символы ушедших эпох, а с другой – был создан новый пластический язык. Изделия сопровождала система эффективной рекламы: буклеты и листовки-вкладыши; они содержали универсальные наставления или пожелания, которые призваны успокаивать и внушить уверенность в успехе обладателю оберега.

Движение за создание и развитие народных промыслов имело на Алтае дальнейшее развитие. В 2001 г. в Республике Алтай появился Центр «Энчи», который стал куратором деятельности мастеров и организатором всевозможных выставок и конкурсов. В 2005 г. Центр народных художественных промыслов «Энчи» выдвинул и защитил свою программу, рассчитанную на 5 лет.

В июле 2006 г. в с. Ело Онгудайского района проводился алтайский народный праздник «Эл-Ойын», посвященный 250-летию Добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства. В программу проведения праздника была включена выставка-ярмарка изделий народных промыслов «Мастеровой Алтай», в которой принимали участие мастера народных промыслов и декоративно-прикладного искусства со всех районов республики. Задачи, поставленные перед организаторами, заключались в восстановлении культурных традиций, пропаганде художественных народных промыслов, как части национальной культуры; в поддержании конкурентоспособности умельцев посредством эффективной реализации их сувенирной продукции. На ярмарке были представлены изделия по всем видам и направлениям традиционных народных промыслов: роспись по дереву; бисероплетение; резьба по дереву; современный текстиль; плетение из растительных материалов; глиняная игрушка; художественная береста; национальная кукла; изделия из меха и кожи; живопись. Проводились мастер-классы по изготовлению сувениров. Также, в целях возрождения, сохранения и популяризации традиционного национального костюма проводился конкурс национального костюма «Крепка семья традициями».

Изделия, представленные на ярмарке, были крайне разнообразны. Сегодня мастера Алтая, реестр которых составляется в Центре «Энчи», используют все возможные и доступные материалы, от дерева, кожи, керамики до пластмассы и металла. Но общая тенденция сувенирного производства на Алтае заключается в том, что образная символика разрабатывается на основе смешения или модификации традиций. Это касается и технической стороны, и изобразительной.

Так, современные изделия из кости, дерева, камня мастера покрывают орнаментальными мотивами пазырыкского стиля, ставшими знаменитыми после проведения на Алтае археологических раскопок. Знаменитая «принцесса Укок» – одна из самых популярных героинь современного народного творчества. Ее изображения запечатлены в дереве, керамике, вышиты бисером и т.д. В оформлении сувенирной продукции мастера соединяют традиционные художественные образы Алтая и современные символы России (это могут быть и религиозные символы славянской мифологии и современные политические символы).

Традиционные сюжеты получают иную трактовку в условиях жизни современного полиэтнического сообщества. Сами мастера признают, что традиционное искусство во многом утеряно. Лишь в немногих отдаленных уголках Алтая сохранились традиции изготовления войлочных ковров (сырмаков), кожаных сосудов (тажууров). Часто современное художественное ремесло ориентировано на простую стилизацию традиции. В условиях рынка население Алтая решает проблему жизнеобеспечения занимаясь ремеслом и рассчитывает на спрос приезжающих на Алтай туристов.

Процессы происходящие на Алтае, во многом, являются типичными для других регионов Сибири. В Республике Хакасия одним из первых инициаторов деятельности по возрождению национальных традиций в художественной жизни в 1990-е гг. стало хакасское отделение Российского фонда культуры. Основным направлением своей работы фонд заявил поддержку народных промыслов и ремесел с национальной символикой, которые сохраняют неповторимый образ Хакасии. Руководителями фонда была разработана программа «Сохранения, развития и возрождения хакасских традиционных художественных промыслов и ремесел». В программе развивается идея неповторимости и уникальности культуры Хакасии; а промыслы признаются национальным достоянием народа, их произведения – богатством, создаваемым как для современников, так и для будущих поколений.

По мысли создателей программы, народное декоративно-прикладное искусство, берущее свои истоки из глубин истории, выражающее богатые традиции, воззрения, понятия о прекрасном, многих поколений, должно играть роль непрерывной связи времен, что служит одной из самых ценных особенностей культуры общества. Таким образом, познание истоков художественных промыслов и ремесел позволит оценить их современное состояние и решать насущные проблемы сегодняшнего дня (ЦГАРХ, фонд 920, опись № 1, д. 1-40).

В 1992 г. постановлением Хакасского отделения Российского фонда культуры совместно с центром по труду и занятости населения г. Абакана было создано акционерное общество «Абахай». С 1993 г. по 1997 г. предприятие занималось производством изделий народно-прикладного творчества и сувениров; изданием календарей с видами Хакасии.

На волне активизации интереса к художественным промыслам в середине 1990-х гг. в Республике Хакасия создается Художественно-экспертный совет при Министерстве культуры и издается положение о почетном звании «Народный мастер (Чон узы) Республики Хакасия». Программа развития культуры Республики Хакасия на 1996-2000 гг. одним из приоритетных направлений культурной политики называет сохранение и развитие национальных ремесел.

В настоящее время деятельность по поддержке национальной культуры сосредоточена в Центре Культуры и народного творчества им. С.П. Кадышева. Заметные изменения в состоянии народных художественных ремесел в Хакасии принесла деятельность Института искусств Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. С января 2002 г. кафедра Декоративно-прикладного искусства ХГУ работает над проблемой теоретического обоснования и разработки технологий проектирования и производства изделий декоративно-прикладного искусства с региональной тематикой сувенирного назначения. В результате исследовательской деятельности сотрудников кафедры при активном участии студентов разработаны технологии изготовления сувениров-оберегов, сувенирных этнографических кукол в национальном русском и хакасском костюмах; керамических изделий с изображением наскальных рисунков, орнаментированных керамических горшков и пр. Так довольно востребованным сувениром в Хакасии является настенная декоративная керамическая тарелка «Солнечное божество». Она выполнена по мотивам солнцеголовых личин на каменных стелах бронзового века Хакасии. Изделия, созданные студентами и выпускниками института, встречаются во всех сувенирных магазинах г. Абакана, на выставках-ярмарках.

В условиях развития туристического бизнеса в Республике Хакасия, сувениры, вывозимые в другие города и страны рассматриваются как вестники хакасской культуры и должны соответствовать традициям народа, являться элементами национальной культуры. При проектировании сувенирных изделий студенты и выпускники института ориентируются на синтез традиций хакасского и русского народов, традиций и современности.

В Республике Тыва известный промысел резьбы по камню является одним из символов тувинского народа. Этот промысел стал активно развиваться в начале XX в. В 1930-е гг. наиболее способные мастера получали государственные заказы на изготовление традиционных шахмат и скульптур из агальматолита. Произведения тувинских резчиков шли на экспорт и имели большую известность за рубежом. В 1940-е гг. по приглашению правительства ТНР в Туву были направлены художники для изучения и поддержания традиций художественного творчества.

В 1960-е гг. в Туву работали экспедиции Института художественной промышленности. В 1978 г. в столице советской Тувы г. Кызыле было создано Экспериментальное предприятие народно-художественных промыслов и сувениров. В 1980-е гг. центр объединял работу мастеров-надомников и специализировался на изготовлении национальной одежды, музыкальных инструментов, мелкой скульптуры из камня. В 2001 г. в результате его преобразования возникло унитарное государственное экспериментальное предприятие «Суй-Белек».

Проблема сохранения и развития традиционных ремесел в современной Республике Тыва широко обсуждается на страницах региональной печати, в рамках круглых столов и семинаров. Так в апреле 2006 г. состоялся

круглый стол по теме «Сохранение, возрождение и развитие народных художественных промыслов в Республике Тыва». Более того, на уровне районной администрации (Бай-Тайгинский р-н) предпринимаются попытки утвердить программу развития, приоритетным направлением в которой является формирование инфраструктуры для организации производства продукции народного творчества.

С конца XIX в. и по настоящее время сфера народного искусства не теряет своей актуальности. Народный художественный промысел определяется прежде всего творческой деятельностью людей, носителей художественной традиции. Понятие «народное искусство» понимается исходя из таких параметров как ценность, традиция, преемственность, этническое самосознание, национальный характер, национальное своеобразие [1]. Как память культуры, ценностно-ориентированное народное искусство в своем духовно-эстетическом содержании играет большую общественную роль. Средства искусства становятся инструментом формирования и трансляции национальных смыслов, эстетическим фактором конструирования особенности и уникальности образа этнической группы.

Библиографический список

1. Некрасова М.А. (ред.) Народное искусство России в современной культуре XX- XXI век. - М., 2003.

Научный руководитель: дин Октябрьская И.В.

Е.В. Паньков

Тюмень, Институт проблем освоения Севера СО РАН, аспирант

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ДУШЕ» В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ ОБСКИХ УГРОВ

В мировоззрении традиционных обществ значительное место занимают представления о наличии у человека, так называемой «души» или «душ», об их местопребывании и роли в жизненном цикле. Вопросы подобного характера рассматривали многие отечественные и зарубежные исследователи, в частности, по отношению к обским уграм – Х. Паасонен, Б. Мункачи, К. Карьялайнен, А. Каннисто, В.Н. Чернецов, А.П. Зенько и др. Целью данной работы является рассмотрение категорий, обычно определяемых термином «душа», в традиционной культуре обских угров – хантов и манси, на основе методики, предложенной Г.Н. Грачевой [1]. Суть этой методики состоит в том, что автор предлагает отказаться от термина «душа» и проводить исследование, опираясь исключительно на местную терминологию, бытующую у изучаемого народа. Особое внимание при этом необходимо обратить на содержание местных понятий, которые переводятся на русский язык словом «жизнь», не включая их в общий ряд с другими элементами, от которых зависит эта жизнь и которые в сибиреведческой литературе принято называть «душой-кровью», «душой-телом», «душой-дыханием», «душой-двойником-тенью». Не меньше внимание должно быть уделено понятию, существующему у широкого круга сибирских народов, переводимому словом «тень», и, по-видимому, приблизительно соответствующему русскому «образ» [1, с.57].

Подобная методика была создана Г.Н. Грачевой в результате исследования ранних представлений о человеке в мировоззрении нганасан [2]. На нганасанском материале она выявляет, что абсолютно все, связанное с существованием человека, его практикой, его творчеством, со всем, что ему присуще, можно объединить термином *нилу* – жизнь/жизненность. Подобные представления о человеке и его жизненных ипостасях присущи и некоторым другим народам.

В мировоззрении хантов и манси традиционно существуют представления о наличии у женщин четырех «душ», а у мужчин – пяти. В работе «Представления о душе у обских угров» В.Н. Чернецов впервые попытался описать характеристики и функции каждой из «душ». Согласно реконструированной им схеме, человек обладал «душой-дыханием» – *лил* / *лили*, «душой-тенью» – *ис-хор*, «душой сна» – *улем ис*, и «уходящей вниз душой» – *лонхал'-минне-ис*, посмертное существование которой носит название *урт* [6: 114-115].

Так называемая «душа-дыхание» на языке манси имеет название - *лили*, у хантов - *лил* / *тит*. У восточных хантов встречается также термин *илес* / *итес* [4: 24,25]. Термин переводится, как правило, словом «дыхание». Это свидетельствует в пользу первоначального отождествления «души-дыхания» и собственно дыхания, как функции человеческого организма [3: 71]. В то же время, другие свойства *лил* указывают, что данное понятие

приобрело самостоятельное, более абстрактное значение, нежели просто «дыхание». Так, местом обитания *лил*, считались не только легкие (грудь), но и голова, или волосы [5: 106].

Выделяемая В.Н. Чернецовым, «душа-тень» носит название *ис*, или *ис-хор* у манси и северных хантов [7: 22-23], *ильт/ильсель* у восточных хантов [4: 22-23]. По представлениям хантов и манси, при жизни человека *ис-хор* постоянно находится с ним и никогда не покидает его. Даже после смерти она не оставляет тело и погибает с его разложением. *Ис-хор* имеет способность испытывать холод, голод, пьянеть, т.е. обладает свойствами тела. Ее важнейшими атрибутами считается видимая (черная) тень, имеющая то же название. *Ис-хор* тесно связана не только с самим телом, но и с его образами – чувственно воспринимаемыми подобиями человека. Такими «образами» являлись изображения человека, отпечатки его тела на снегу, отражение в воде и т.п. По отношению к телу, «образы» рассматривались как часть целого, то есть частица самого человека. Такое отождествление требовало осторожного обращения с «образами», так как нанесение им вреда сказывалось на состоянии *ис-хор* и, следовательно, самого тела [3: 73,74].

Местом обитания «уходящей вниз души» - *лонхал'-минне-ис* (букв. «уходящая вниз тень»), по данным В.Н. Чернецова, считалась голова, поверхность тела, или одежда. Отсюда следует запрет вытряхивать повседневную одежду, бросать ее где попало. У нижнеобских и восточных хантов существует также запрет уничтожать одежду, мотивируя это наличием в ней души [3: 74].

Основной функцией *лонхал'-минне-ис* считалось обеспечение сновидений. Во время сна она покидала тело и все, что с ней происходило, виделось человеку. Незадолго до смерти *лонхал'-минне-ис* также покидала тело и с этого времени превращалась в *урт*. После смерти человека *урт* отправлялась в загробный мир, где продолжала свое существование. До ухода в иной мир она обитала некоторое время в лесу в виде птицы или человека.

Исследователями подмечено, что представления о *лонхал'-минне-ис* могли выделиться из представлений об *ис-хор*, в связи с усложнением некоторых функций последней. В пользу этого говорит сам термин *лонхал'-минне-ис* (букв. «уходящая вниз тень») и отождествление облика *урт* с обликом человека [3: 74].

В некоторых случаях трактовались как «душа» отдельные части или свойства тела. Иногда в подобном качестве выступал ум – *номыс*; восточные ханты прямо отождествляли его с русским словом «душа». Местом обитания *номыс* считали сердце или голову. Все же, так или иначе, подобные представления связывались с основными «душами» *лил* и *ис-хор*. Сердце могло выступать местом обитания *лил*. Глаза считались одним из основных признаков целостности тела и, следовательно, *ис-хор*. Ум часто прямо отождествлялся с внутренней «душой» *лил* [3: 76].

Перечисленные выше понятия, относительно термина «душа» в среде обских угров, встречаются с различной частотой и в различных сочетаниях. Наиболее универсальным является – *лил*, зафиксированная у всех групп обских угров. Более вариантными являются представления и терминология в отношении *ис-хор*. Наиболее четко представления о ней фиксируются у северных групп хантов и манси [3: 77].

Материалы по традиционным верованиям обских угров, подтверждают, таким образом, что так называемые «души» у человека – являются его жизнеобеспечивающими началами, либо проявлениями его жизненности. У обских угров эти проявления наиболее четко выражены в понятиях *лил* и *ис-хор*. В мансийском языке слово *лилэн* («живой») является производным от *лил / лили* [3: 72].

Можно сделать вывод, что ранее *лил* – имела более широкое значение, нежели просто «дыхание» или как одно из проявлений жизненных сил человека. Универсальность употребления этого термина во всех группах обских угров, а также пересечение некоторых функций *лил* и *ис-хор* может говорить о том, что *лил* играла более значимую роль на ранних этапах развития мировоззрения, а *ис-хор* являлась одним из проявлений *лил*. Вероятно, угорское *лил* по функциональной значимости можно определить как «жизнь-жизненность» конкретного человека во всех проявлениях и связях с окружающим миром.

Библиографический список

1. Грачева Г.Н. К методике изучения ранних представлений о человеке // Советская этнография, 1975. №4. С. 51-59.
2. Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. М.: Наука, 1983. 174 с.
3. Зенько А.П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. Структура и вариативность. Новосибирск: Наука, 1997, 160 с.
4. Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, Изд-во Томского ун-та, 1984. 192 с.
5. Соколова З.П. О культе предков у хантов и манси // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 58-72.
6. Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Труды Института этнографии АН СССР. 1959. Т. 51.
7. Чернецов В.Н. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, Изд-во Томского ун-та, 1987, 286 с.

Научный руководитель: д.и.н. Багашев А.Н.

ПЕЩЕРЫ И ГРОТЫ В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ТУВИНЦЕВ

В Туве пещеры явление нередкое. Нет такой местности, где не рассказывалось бы об удивительных случаях, в которых упоминаются пещеры.

О тесной связи архаичного культа гор и пещер свидетельствует почитание Моренской пещеры на горе Хайыракан в Эрзинском р-не около села Морен. Эта гора сложена белыми известняками и светится в лунную ночь. На южном склоне горы имеется священный источник - аржан. Вода источника выходит на поверхность в трех местах, расположенных одно над другим. На ветвях деревьев и кустарников вокруг висят разноцветные куски материи – чалымаа, ложки, игрушки. Верхний источник называется «мужским», средний – женским (женщинам строго запрещалось бывать на мужском аржане), нижний – общим. От аржана можно попасть к пещере.

По свидетельствам старожилов, вход в пещеру охраняло каменное изваяние, но потом оно исчезло. В пещере пять гротов. По легенде хозяином пещеры был старик с седой бородой. Увидеть его может только человек с чистой совестью. Однажды в пещере нашел укрытие от грозы бедный охотник. Переживая непогоду, он уснул и, проснувшись увидел всесильного хозяина, который пообещал ему богатства и удачу с условием, что человек не расскажет никому о встрече. Человек стал отменным охотником, приобрел богатства и о встрече с хозяином пещеры рассказал своим сыновьям только перед смертью [2:103-107].

Известна также легенда о хозяине горы Улуг Монгун-Тайга - белом старце на белом коне, к которому бегут звери, и встреча с которым приносит удачу в охоте. Главное при встрече быть учтивым и вежливым [3:370]. Побывавшая в Урянхайском крае в 1914 г. Ксения Минцлова приводит интересную легенду об одном бедном сойоте (тувинце), решившем пробраться на вершину священной горы Бай-Тайга (в Западной Туве), куда до него никто не решался подняться – всех отпугивали жестокие бури, поднимаемые духом горы. Когда же тувинец добрался до вершины, то увидел там старого духа-«хозяина» горы, который пообещал сделать его богатым, попросив лишь больше не тревожить. Бедный сойот вернулся домой и обнаружил там много скота; но всё же мучился мыслью, что, по обычаю, ничем не отдал духа. И, не послушав стариков, опять пошёл в гору. Вернулся он одряхлевшим, лишь через много лет, а всё его богатство исчезло [7:113-114].

Нужно отметить особенность тувинских представлений о духах гор, когда об одном и том же месте рассказывают две легенды – хозяин выступает и в мужской и в женской ипостаси. Рассказывают, что когда хозяйкой Моренской пещеры была женщина, то пещера была громадной; она загоняла туда на ночь стадо своих коз. Однажды в пещеру забрались грабители, и старуха устроила обвал и отрезала свое стадо обломками скал. Легенда о стаде, исчезающем в недрах пещер, особенно широко распространена у народов Саяно-Алтая.

В Туве известны рассказы о том числе, что в той или иной пещере жил/скрывался святой человек – лама, либо великий шаман [4:69.]. Нам известна пещера, с которой связаны подобные представления на реке Куылуг-Хем, где в 2003-2004 гг. проводились археологические раскопки. Пещера образовалась в известняковых выходах; она расположена на высоте 50 м. над современной поймой реки. Выше пещеры находятся летники. Здесь же имеются курганы скифского времени. Своды пещеры, особенно в ее открытой части, покрыты копотью и на них видны несколько автографов, самый ранний из которых относится к 1916 г. Вероятно, эту пещеру описал в своем очерке С.Р.Минцлов, посетивший Урянхайский край в 1914 г. [6, с. 309]. Здесь в то время находились «мощи» шамана или ламы, почитаемые местным населением. С.Р. Минцлов упоминает, что вход в пещеру был забран деревянной стенкой. Сейчас сохранилась кладка из сырцовых кирпичей, служившая, вероятно, опорой для какого-то сооружения, может быть именно деревянной конструкции. Еще недавно в этой пещере жил местный чабан Чечен Кыргыз, уже покойный. Судя по хранимым там предметам (среди наиболее интересных предметов был деревянный фаллический идол), которые соотносятся с шаманскими атрибутами, он мог обладать шаманским даром. Местные жители намеками говорят о его шаманской болезни..

В Туве нередко практиковалось захоронение в пещерах, горных трещинах и карстовых пустотах. Это может быть свидетельством связи пещеры с подземным, нижним миром и возможностью проникновения туда души умершего. В пещере темно; отсутствие света и видимого облика сближает ее с образом хаоса [8, с. 311-312]. В то же время представления о пещере тесно связаны с архетипом Великой Матери. Во всех культурах пещеры и гроты сравниваются с женским лоном – местом рождения и, одновременно, с его противоположностью – местом смерти [5, с. 395-396].

К этому кругу представлений тяготеют рассказы о драконах, которые живут в пещерах. Это также связано с представлениями о пещере как месте, где находятся ветры, дожди и облака; они или как губительные, разрушительные стихии, или как стихии плодородия. Так в верховьях реки Ак-Хем, возвышается гора Сыын-Донгулек – Маралий Хребет. В тех местах есть и другая гора – Кок-Каът или Синь-Гора. С восточной стороны на той горе есть пещера, где *«с осени обитает божество улу – дракон. Когда выпадает снег, дракон спускается с небес*

на землю, забирается в пещеру Синь-Горы и там всю зиму спит, так говорят. Дракон, придавленный большим сном, глубоко и мощно дышит, от чего все в окрестностях пещеры покрывается снежинками, и даже такие кустарники, как таволга, одеваются белым инеем, так люди говорят. Дыхание дракона огнем растворяет снег и потому возле «рта» пещеры земля чернее. Когда наступает весна и одуванчик распускает лепестки, дракон, всю зиму проспавший в пещере Синь-Горы, улетает в небеса и теряется между тучами и облаками, так говорят люди. Летящий в небесных краях дракон во рту держит девять талисманов. Когда дракон тихо-тихо, чтобы не выронить ни один талисман, выдыхает воздух, грохочет гром, так говорят. Когда дракон в глубине туч взмахнет хвостом, сверкает молния, так говорят. Когда дракон яростно дышит, к земле идут удары молнии, так говорят. Но снова наступает осень, появляются первые снега, и небесный бог-дракон опять возвращается в пещеру Синь-Горы и там он погружается в глубокий сон» [3:356].

Со многими пещерами связаны легенды об обитающих там чертях и других сверхъестественных существах. Так, например, на левом берегу реки Элегест есть место Куйлуг-Хая или Пещера-Скала. В ней находится пещера, которое местные жители называют «страшным местом с чертовым дыханием». Если кто-либо близко подойдет к ней, тот моментально перестанет дышать, и его сведут судороги. Если домашний скот зайдет «в рот пещеры», то пропадет там навсегда. Если подойдут дети, то они заболеют. Все это из-за того, что пещере водится «зловещий дух» [3:356].

Еще одно значение пещеры, которое может рассматриваться и как символическое, и как практическое – тайник. В Туве бытуют рассказы о сокровищах той или иной пещеры; известны пещеры в горах Хайыракан и Чарга. По сведениям информантов, собранных нами в 2004 г., на реке Орта-Хем находится пещера, где хранятся буддийские книги и рукописи. У М.Б.Кенин-Лопсана есть упоминание о большой пещере в верховьях Ишкина, где лежал шаманский бубен. Тот бубен нельзя было трогать, как нельзя было и приближаться к пещере [3, с.355].

Библиографический список

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л. Т.1. 1950
2. Журавлев
3. Кенин-Лопсан. Мифы тувинских шаманов. Кызыл. 2002.
4. Кон Ф. За пятьдесят лет// Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – начало XX века). Кызыл. 2003.
5. Кэрлот Х.Э. Словарь символов. М. 1994.
6. Минцлов С.Р. Памятники древности в Урянхайском крае // Записки восточного отделения императорского Русского археологического общества. Том XXIII. Вып. III – IV. Петроград. 1916.
7. Минцлова К. Далёкий край. Кызыл, 1991.
8. Топоров В.Н. Пещера. Мифы народов мира. Т.2.

К.И. Солодков

Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет, 2 курс

ХАНТЫЙСКИЕ ИСТОКИ В ТВОРЧЕСТВЕ Г.С. РАЙШЕВА

Геннадий Степанович Райшев родился 1 ноября 1933 г. в селении Сивохрап близ с. Самарово Остяко-Вогульского (ныне Ханты-Мансийского) автономного округа на берегу р. Салым. Здесь издавна жили ханты. Райшевы, иртышские ханты, переселились сюда во время гражданской войны [12, стр. 27].

В 1954 г. Г.С. Райшев уехал в Ленинград и поступил на филологический факультет Педагогического института им. А.И. Герцена, где в 1959 г. получил диплом преподавателя русского языка и литературы и где занимался на вечернем отделении художественно-графического факультета. Одновременно посещал натурные классы Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина и изучал собрания Эрмитажа и Русского музея. С 1962 г. началась его творческая деятельность. В середине 1960-х гг. Г.С. Райшев дебютировал на художественных выставках в Свердловской и Тюменской обл.; в 1969 г. вышел сборник стихов мансийского поэта Ювана Шесталова «Песня последнего лебедя» с иллюстрациями Г.С. Райшева. В этот же период появились живописные полотна, навеянные хантыйским и мансийским фольклором. В 1974 г. Г.С. Райшев был принят в Союз художников СССР.

Известность к художнику пришла в 1990-е гг. В 1996 г. состоялось открытие экспозиции «Страна Югория»; в 1998 г. была создана галерея-мастерская художника в г. Ханты-Мансийске

Сегодня, диапазон творческих интересов Г.С. Райшева очень широк. Он не живописец и график, но и теоретик изобразительного искусства, размышляющий о философских основах творчества, подтверждением чему является книга «Отчего мучается художник: вопросы творчества».

Изобразительный стиль Г.С. Райшева сугубо индивидуален [10, стр. 6]. В 1960-е гг. Г.С. Райшев впитывал впечатления от работ Врубеля, Ван-Гога, Гогена, Сезанна и Матисса. Наиболее близкой оказалась ему экспрессионистическая тенденция. Постепенно она усиливалась, становясь основой художественного мышления. Творчество Г.С. Райшева можно разделить на несколько этапов: - этап «реализма» 1950 - 1960-х гг.; - этап «постимпрессионизма» («сурового стиля») 1960-х - начало 1970-х гг., когда работы были выполнены в манере подражания стилю Ван Гога, но избран более темный колорит; на рубеже 1960 – 1970-х гг. стилистические поиски Г.С. Райшева завершаются переходом к манере, которую Г.В. Голынец охарактеризовала как символическую, обобщенную изобразительность [10, стр. 7].

В своих поисках Г.С. Райшев опирается на художественное наследие и мифологию родного народа – хантов [5, стр. 4]. В работах Г.С. Райшева используются приемы трех основных областей художественной культуры хантов: пиктографическое письмо, традиционная скульптура, орнамент [10, стр. 44]. Традиции пиктографии повлияли на формирование облика графических, а затем и живописных работ художника. Традиционная деревянная скульптура обско-угорских народов повлияла на рисунок фигур, заострив их характеристики и сформировав элементы гротеска. Опорой в поиске цветовых решений мастера стал народный орнамент [10, стр. 45].

В целом в творчестве Г.С. Райшева проявились черты, характерные архаичного и традиционного искусства: плоскостность изображений, непроработанность фона, знаковость, отсутствие четких границ изображений, отсутствие четко фиксированного положения, наложение одного изображения на другое, целостный взгляд на окружающий мир.

Именно эти особенности присущи поздним картинам художника. В 1980-1990-е гг. условность его живописи возрастает: фон теряет конкретные очертания и перерастает в красивую гармоничную цветовую абстракцию. Отсутствие четких границ изображений в работах Г.С. Райшева выражается в том, что художник отрицает необходимость массивных и красивых рам, и считает, что работа должна быть открыта в пространство [10, стр. 11]. Ряд произведений художника пронизаны величием мифологического космизма («Югорская легенда» (варианты), «Земля хантыйская» и тд).

В мифологическом контексте трансформируются многие привычные образы: так символ материнства перерастает в образ матери-земли («Берестяные Вены», «Очарование женщины», «Мать-земля») [10, стр. 47].

Сам Г.С. Райшев говорит, что его искусство питается детскими впечатлениями, воспоминаниями, которые воспринимаются на уровне детства человечества. Художник ищет путь к первородным ритмам бытия, раскрывая его вечные ценности.

Хантыйское начало в творчестве Г.С. Райшева заключается в особом, духовном видении окружающего мира, тяготении к символическому его изображению. Воссоздавший в своём творчестве поэтический образ Югорской земли, жизнь и мироощущение её коренных жителей, Г.С. Райшев генетически несет в себе опыт хантыйской души. Художник совершенно осознанно использует особенности восприятия и отражения мира, присущие его хантыйским предкам. Он наполняет свои холсты всевозможными формами проявления жизни («Мужик-весло» (1983), «Мужик-кочка» (1983), серии «Улькино улово», «Частушки» (1981). [12, стр. 29].

Библиографический список

1. Голынец Г.В. Геннадий Райшев: Живопись. Каталог выставки в Йоэнсуунском художественном музее / Авт. вступит. статьи и сост. Г.В. Голынец. Йоэнсуу, 1999.
2. Голынец Г.В. Геннадий Райшев: Хантыйские легенды / Авт. вступит. статьи, сост. Г.В. Голынец. - Свердловск: Средне-уральское кн. изд., 1991.
3. Голынец Г.В. Цветные символы Райшева // Русская галерея. - 1998.- №1
4. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. - М.: Новое литературное обозрение, 2001.
5. Лазарева Л.Г. Галерея-мастерская художника Г.С. Райшева: Начало пути. – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2003.
6. Лазарева Л.Г. Геннадий Райшев: диалог со зрителем. Беседы в мастерской художника. Часть 1. Экспозиция «Страна Югория» / Автор-сост. Л.Г. Лазарева. – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2001.
7. Лазарева Л.Г. Геннадий Райшев: диалог со зрителем. Беседы в мастерской художника. Часть 2. Экспозиция «Грани творчества». Экспозиция «Зеленая вселенная» / Автор-сост. Л.Г. Лазарева. – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2001.
8. Лазарева Л.Г. Геннадий Райшев: диалог со зрителем. Беседы в мастерской художника. Часть 3. Экспозиция «Югорская легенда». Экспозиция «Человек. Земля. Космос». Новые работы, теоретические размышления об искусстве / Автор-сост. Л.Г. Лазарева. – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002.

9. **Лазарева Л.Г.** Земля Сибирская в творчестве художника Г.С. Райшева: Живопись, графика из фондов учреждения Ханты-Мансийского автономного округа «Галерея-мастерская художника Г.С. Райшева». – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2003.

10. **Лазарева Л.Г.** Страна Югория в творчестве Геннадия Райшева: исследование изобразительного стиля художника. – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2003.

11. **Соломина Е.** Геннадий Райшев: каталог. – Екатеринбург: ООО Издательский дом «Пакрус», 2005.

12. **Федорова Н.Н.** Геннадий Райшев: Живопись, графика. / Сост. Н.Н. Федорова. Научн. ред. Ю.Я. Герчук. - М.: изд. журнала «Наше наследие», 1998.

13. **Шестаков Ю.Н.** От загадки к искусству // Тюменская правда. - 1972.

Электронные адреса:

<http://referatw.ru/cgi-bin/main.cgi?level=11&p1=0&p2=122>

<http://hist.usu.ru/urc/Russian/ExpeditionsR.html>

<http://www.ikz.ru/>

Научный руководитель: кин Новиков А.В.

А.С. Тутов

Тюмень, Тюменский государственный университет, 5 курс

ОБРАЗ УМЕРШЕГО И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ОТ ВРЕДОНОСНОГО ВЛИЯНИЯ ПОКОЙНЫХ В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ КОМИ СРЕДНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ

Традиционные представления, связанные с погребальной обрядностью, являются частью духовной культуры народа. Интерес к погребальному обряду не случаен, поскольку именно в нем человек «переходит» границу жизни. Целью данной работы является определение основных представлений коми об умерших и выявление степени их сохранности в духовной культуре коми переселенцев в Среднем Притоболье (территория современных Ярковского и Ялуторовского р-ов Тюменской обл.).

Согласно верованиям коми, в момент наступления смерти единое человеческое существо как бы распадается на три составляющие: *шой* «тело, труп»; *лов* «душа-дыхание»; *орт* «душа-тень, двойник». Одновременно создается единый образ покойного – *кулёма* «умерший», объединяющий как представления о посмертном состоянии тела, так и о душах *лов* и *орт* [1].

Сведения о посмертной жизни отличаются некоторой двойственностью. С одной стороны, *кулёма*, отождествляемый с душой умершего, совершает путешествие в отдаленный в географическом пространстве загробный мир, где включается в сообщество предков; с другой стороны, местом жительства *кулёма* считается могила, в которой похоронено тело – *шой*. В этом случае, мир предков находится здесь же, на конкретном кладбище, где *кулёма* сразу же после погребения встречается с ними. Считается, что неясный шум этой встречи можно услышать, приложив ухо к могиле.

Могила является местом ритуально оформленной связи живых родственников с умершим; однако он может покидать ее и находиться в различных точках мира живых. Предполагается, что сверхъестественный мир, в котором живут и действуют умершие, входит в параметры реального физического пространства, при этом сохраняя невидимость и абсолютную непроницаемость для живых. Находясь в этом мире, покойник обладает сверхъестественными качествами и является для живых духом-покровителем «родитель», или злым духом, если он умер неестественной смертью «заложный покойник» [Там же.].

Усопших старались не гневить, поминали их в положенные дни, но была еще одна категория покойников – тех, кого помянуть было некому. Вот эти непоминаемые покойники, безродные и безымянные, озлобленные и «голодные», старались напомнить о себе живым, нанося им вред. Чем древнее умерший, тем меньше нитей, связывающих его с живыми, тем выше его желание навредить живым. В таком случае назначаются поминки в честь этих обиженных предков, напоминающие настоящие жертвоприношения [2, 189].

В случае «находа покойников на дом», которым объясняли повальные болезни домашних, падеж скота, *кажитчём* (странные явления, происходящие в доме) также совершались поминки. Считалось, что умершие предки недовольны поведением родичей. Так называемые ситуативные поминки совершают и тогда, когда покойник является во сне и жалуется, что его мучает жажда, у него мерзнут ноги, руки, тело, голова, или

он не может на том свете сделать что-либо из-за того, что у него нет топора, ружья и т. д. Подобные жалобы объясняют тем, что умирающему перед смертью не дали чашку воды или, раздавая вещи покойного, кого-то обидели [4, 149].

Другая категория «злых» умерших – это *заложные* покойники. Ими считаются души людей, умерших неестественной смертью: самоубийцы, утопленники, проклятые, а также души умерших колдунов и ведьм. Особенно злыми представлялись души *опойц*, погибших от чрезмерного употребления алкоголя. В народе считалось, что умершие неестественной смертью лишены возможности достичь благословенной обители предков. Поэтому покойные вынуждены скитаться в мире живых, всячески им вредя [2, 190].

Заложные покойники со временем становятся духами природы. Считается даже, что сгинувший в лесу человек становится лесным духом – *«вөр олысем»*. При этом он теряет свой человеческий облик и может показаться людям в образе животного. *Вөр олысь* также способен войти в контакт с охотниками и предсказать удачную охоту. В свою очередь, утопленники становятся водяными духами – *«ва олысь»*. По коми-пермяцким материалам, души утопленных младенцев называются *ичетиками* [2, 190].

Как отмечает В.П. Налимов, вообще же зыряне не хотят бороться с усопшими, приносят ему дары, устраивают поминки. Несчастные матери, потерявшие ребенка, плачут и жалуются, что они его не видят во сне. Часто такая мать умоляла усопшего ребенка прийти во сне и дотронуться до ее руки. Если ребенок не является, то это значит, что он сердится. Точно также усопший, которого при жизни обижали, не является на поминки, мстит живым, наконец, враждебно настраивает к живым всех предков и они лишают живых своего покровительства [3, 175].

Усопшие наделяются сакральными чертами, какими при жизни обыкновенный человек не обладает. От них зависит хороший или плохой урожай; они влияют на решение суда. Поэтому зырянин всеми силами ищет дружбы с усопшими людьми, равно как и с мертвыми животными. Когда же дружба приобретена, то друзья не только не вредят, но и покровительствуют людям. Умершие отец и мать могут пригласить к себе изнывающего в нужде ребенка, и ребенок умирает, чтобы освободиться от мук. Часто усопший приглашает к себе любимого ребенка, т.к. скучает без него. Обычно берут самого младшего.

Усопший является духом-покровителем своего семейства, часто заступает за своих родных, причем жестоко мстит их обидчикам. Но малейшее невнимание может вызвать его гнев. Большим грехом считается оскорбить память умершего. Его влияние на живых очень велико [3, 176 – 177].

Значительная часть общих для коми элементов традиционной культуры продолжает сохраняться у коми переселенцев на территории Среднего Приоболья. К их числу относятся представления о потустороннем мире, о тесной связи мира мертвых и живых, о душах и о смерти. Специфические для коми верования и магические обряды, связанные с традиционными представлениями об усопших также, в той или иной степени, продолжают сохраняться среди коми юга Тюменской области.

Согласно представлениям коми, умершие люди продолжают «жить» в другом мире, где имеют те же потребности, что и живые. Сохраняются и особенные для коми представления о душах человека: *лал* – душе, соотносимой с дыханием, и *орт* – душе двойнике человека, способной предсказывать смерть (ПМА - Никулина А.Ф., 1917 г.р., Ярковский р-он). Отмечается также боязнь усопших, почтительное отношение к ним; считается, что «мертвый живому не товарищ» (ПМА - Салашидова Н.Т., г.р. 1914; Ганова З.Т., г.р. 1929, Ялуторовский район). Ночевать наедине с умершим также опасались, считалось, что покойник может прийти за живым человеком (ПМА - Гришин Л.П., г.р. 1926, Ялуторовский район). Особенно боятся умерших женщины.

Погребальный обряд коми включал в себя магические действия для предупреждения тоски по умершему, или страха, что покойник будет «чудиться, мерещиться». При выносе покойника близкие родственники садились на стулья, там где стоял гроб, и, чтобы не бояться, проговаривали *мёдысь гажтём*. Некоторые после похорон клали себе в карман или за пазуху могильную землю. Чтобы не тосковать по умершему, после прихода с кладбища после похорон нужно было посмотреть в горящую печку – «весело ли там», при этом можно было сказать «ой, тут печка, а я думала тут... (назвать имя покойного)» [5, 107]. Чтобы умерший не чудился, когда провожают покойника, говорят: *«Тэ эн волё, а ме волёвны мёда»* - *«Ты не приходи, а я к тебе ходить буду»* (Жилина К.Г., 1936 г.р., коми, Ялуторовский район).

Среди пожилых людей бытуют рассказы о подробностях загробной жизни, источником формирования (по явления) которых служат сны об умерших родственниках. К примеру, приснившиеся родственники могут «рассказывать», как они выходят из могилы через отверстия в гробу. В настоящее время существуют представления, что у покойников, которые были известны как колдуны, на могиле появляется дырочка, через которую они могут выходить и показываться живым людям [5, 107].

Итак, в образе покойника у коми можно увидеть много древних, дохристианских черт. Специфические для коми верования, боязнь умерших и особое к ним отношение, вера в то, что покойник может прийти за живым человеком, магические обряды, связанные с традиционными представлениями об усопших сохраняются, в той или иной степени, и среди коми юга Тюменской области.

Библиографический список

1. Лимеров П.Ф. Кулӧма. //www.komi.com/folk/komi/351.htm
2. Лимеров П.Ф. Явления усопших. //Христианство и язычество народа коми. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2001. С. 188 – 195.
3. Налимов В.П. Загробный мир по верованиям зырян. //Христианство и язычество народа коми. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2001. С. 169 – 185.
4. Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М.: Наука, 2000. – 579. с.
5. Повод Н.А. Особенности погребальной обрядности коми юга Тюменской области. //АВ ОВО: Проблемы генезиса культуры. Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2005. С. 101 – 108.

Научный руководитель: к. и. н. Повод Н.А.

Н.Н. Ушанкова

Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет, 3 курс

Е.Ю. Павлова

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН, аспирант

СИБИРСКИЕ МАТРЕШКИ. ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА В ИСКУССТВЕ НАРОДНЫХ ПРОМЫСЛОВ*

Деревянная росписная матрешка появилась в России в 1890-х гг. в период бурного экономического и культурного развития страны. Именно в этот период времени в среде русской художественной интеллигенции не только начали всерьез заниматься коллекционированием произведений народного искусства, но и пытались творчески осмыслить богатейший опыт национальных художественных традиций. Помимо земских учреждений повсюду в России организовывались частные художественные кружки и мастерские, в которых под руководством профессиональных художников обучались мастера и создавались разнообразные предметы быта и игрушки в русском стиле. В качестве примера можно назвать мастерские Н.Д. Бартрама под Курском, графини Н.Д. Тенишевой в Талашкино. Появились образцы изделий, с одной стороны, отвечающие новым требованиям производства и сбыта, а с другой – возвращение к эстетике русского народного искусства.

В подмосковной усадьбе «Абрамцево», принадлежавшей промышленнику и меценату С.И.Мамонтову, были созданы художественные мастерские, где наряду с профессионалами работали народные мастера-умельцы. Одним из членов мамонтовского кружка, художником С.В.Малютиным (1859-1937 гг.) был предложен эскиз русской деревянной разъемной куклы. Прототипом русской стала японская игрушка. Первую русскую разъемную (восьмиместную) куклу назвали Матреной – матрешкой. Она стала символом материнства и плодородия и остается им по сей день. Вероятнее всего, массовое производство матрешек началось после всемирной выставки в Париже 1900 г. в Сергиевом Посаде. Матрешечный бизнес оказался настолько прибыльным, что вскоре появилось еще несколько центров матрешечного дела: в г. Семенове Нижегородской губернии и с. Полхов-Майдан.

В настоящее время матрешка переживает своеобразный ренессанс. В России существует несколько центров по изготовлению и росписи этой игрушки. Среди них: подмосковный Сергиев Посад, нижегородские центры в городе Семенове, в селах Полховский Майдан и Крутец. Известны вятские, тверские, воронежские, липецкие расписные матрешки.

С начала 1990-х гг. росписью матрешки начинают заниматься не только в районах традиционных промыслов, но и в крупных городах – Москве, Санкт-Петербурге, в туристических центрах. Всеобщая мода на матрешку не только обогатила ассортимент промыслов, но и вывела эту игрушку за пределы русской национальной традиции.

Еще в 1960-е гг. появились башкирские, марийские, мордовские матрешки, расписанные в национальных традициях. Матрешка стала универсальным образом, через который можно выразить и региональную, и этническую специфику.

Первые сибирские матрешки появились в начале 1990-х гг. В 1993 г., в Новокузнецком Товариществе художников и мастеров народных промыслов «Творчество», возник промысел изготовления матрешки. За несколько

* Работа выполнена в рамках гранта СО РАН для молодых ученых (проект № 145).

ко лет были созданы десятки разнообразных моделей. Такую матрешку называли «кузнечанка». В кузнечной матрешке основным традиционно остается женский образ, но известны и мужские типы - « ваныки-встаньки», сибирские мужики из серии «Странницы истории города», осанистые купцы из комплекта «Иван Иванович». Возрастных пределов для кузнечной матрешки не существует - от карапузов (матрешки «Баюшки-баю») до бабушек и дедушек (матрешки «Бабушкины ладушки» и «Да, были люди в наше время»). В образе матрешки живут рядом сказка и реальность, прошлое и настоящее, общечеловеческое и этническое. На традиционную форму мастера накладывают современное видение мира, особенности регионального и этнического самосознания.

В конце 1990-х гг. по инициативе преподавателей и студентов на кафедре декоративно-прикладного искусства Института искусств Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан) была разработана программа по восстановлению или разработке технологии изготовления сувениров на почве символа и материалов, традиционных для Хакасии (РФ). В условиях развития туристического бизнеса в республике, сувениры, вывозимые в другие города, страны иностранными туристами, работниками культуры, политиками, путешественниками, рассматриваются как символы хакасской культуры и должны соответствовать традициям народа, являться элементами национальной культуры. При проектировании сувенирных изделий студенты и выпускники института ориентируются на синтез художественных канонов хакасского и русского народов, традиций и современности.

Хакасская матрешка, сохраняя традиционную для русской игрушки округлую форму, имеет лицо хакасской девушки или парня, она одета в традиционный хакасский костюм и сопровождается бирочками с хакасскими поговорками и загадками. Такие матрешки воспринимаются как близкие и понятные символы добра и силы, синтезирующие устойчивые, этнические стереотипы и общечеловеческие идеалы.

Научный руководитель: дин Октябрьская И.В.

О.Д.-Н. Цыденешиева

Иркутск, Иркутский государственный университет, 5 курс

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАЗДНИКИ МОНГОЛИИ

Монголия - страна с многовековой историей и богатой культурой. Неотъемлемой частью народной культуры являются традиционные праздники. В них отражаются своеобразие национального характера и образа жизни. Праздники Монголии разнообразны. Они тесно связаны с традиционным хозяйственно-культурным типом кочевников-скотоводов; это праздник первого кумыса, праздник по случаю завершения валяния войлока, забоя скота и заготовки запасов мяса на зиму. В современной Монголии общегосударственными национальными праздниками считаются два: Наадам и Цагаан сар.

Традиционной основой Наадама (от монгол. «наадах» - «играть, веселиться») служит старинный обычай спортивных соревнований, которые устраивались летом, когда скот перегонялся на летние пастбища, и скотоводы могли позволить себе передышку. А поскольку главными видами спортивных соревнований издавна являлись скачки, борьба и стрельба из лука, этот праздник носит также название «три игры мужей» [2, С. 21]. Часто на таких состязаниях отбирались стрелки для военных дружин.

Как государственный праздник Наадам с 1921 г. был приурочен к победе Монгольской народной революции [4, С. 240]. Сейчас праздник проходит каждый год 11 июля; его спортивная часть сохраняет свой традиционный облик. Наадам является вторым национальным праздником, после Нового года.

Цагаан сар («белый месяц») - традиционный Новый год монголов. Белый цвет у монголов почитается цветом благородства и благодати, и все наиболее ценное обозначается словом «белый». Исследователи по-разному объясняют происхождение этого названия. Согласно одной из версий, в старину Новый год отмечали в день осеннего равноденствия - 22 сентября. Сентябрь назывался Цагаан сар - белый месяц, так как в это время шла заготовка на зиму молочных продуктов.

Создав единое монгольское государство, в 1206 г. Чингисхан устроил грандиозное пиршество, которое пришлось на начало весны по лунному календарю. В ознаменование этой даты было решено начинать Новый год весной. Вместе с праздником перешло и название месяца, символизирующее изобилие молочных продуктов.

Традиционно перед наступлением Белого Месяца в буддийских храмах происходит многодневная праздничная служба. Молятся о счастливом течении нового года. После молебна разжигают костры, в пламени ко-

торых сжигают старые вещи и приносят жертвоприношения. Это магическое действие призвано уничтожить старое и дать дорогу новому.

К Цагаан сару готовятся заранее. За несколько дней до его начала в юрты вносят замороженное молоко, кумыс, которые хранят с осени. Тщательно убираются юрту и подворье, шьют обновы, разделявают мясо. В последний день старого года - «битуун» лепят бузы (позы), банши (род пельменей), боов (сдоба), варят баранина. Главным блюдом являются крестец и баранья голова (ноздри, глазные впадины и ушные отверстия, заливаются топленным маслом). В приготовлении праздничных яств участвуют все родственники, поочередно собираясь в каждой из семей.

Новогодняя трапеза - «Битуулгэ» начинается после захода солнца. Хозяйки к этому времени зажигают светильники и благовонные палочки. Первую дань от свеже сваренного чая воздают благодетельной природе и почитаемым предметам. После этого первая чашка чая подносится хозяину дома. Место трапезы - хоймор, почетная часть юрты напротив двери в северной части жилища. Здесь, на низком столике расставляются большие деревянные или медные блюда с белой пищей. В центре стола водружается вареный крестец и баранья голова, повернутые к хоймору, куда усаживают наиболее почетных гостей; курдюк же направлен в сторону входа. Вокруг крестца располагают другие куски мяса. Справа кладется богато инкрустированный нож, острием к двери [5, С. 35].

После традиционного чаепития, хозяин юрты приступает к разделке праздничного блюда. Сначала он разделяет голову, отделяя нижнюю челюсть - этим он как бы проводит границу между годом уходящим и годом приходящим. После этого хозяин 9 раз прикасается к крестцу и воздает вырезанные кусочки мяса огню. Это связано с обычаем почитать очаг как основу семьи.

Первый день Нового года начинают с первыми лучами солнца. Сначала монголы идут с подношениями духу-хозяину местности к обо (насыпь из камней, увенчанная прутьями тальника с кусочками ткани разных расцветок). После этого все идут поздравлять друг друга [1, С. 45]. Ритуал приветствия (золгох) начинают со старших. При этом одежда участников должна быть в полном порядке, пуговицы застегнуты, края шапок подняты, пояс ровно и туго затянут, рукава отвернуты. Небрежность в одежде у монголов рассматривается как проявление невоспитанности и неуважения к окружающим [4, С. 34].

Старшие на церемонии поздравления могут сидеть, но молодые совершают ее стоя: они подходят и протягивают руки, согнутые в локтях и повернутые ладонями вверх, а старшие кладут свои руки поверх их рук ладонями вниз. В этом жесте и уважение, и обещание оказать помощь [3, С. 181].

Хадаг (голубой шелк) непременный атрибут поздравления в Цагаан сар. Поверх хадака на ладонь правой руки или на соединенные ладони обеих рук ставился подарок. Даритель и получатель должны были обязательно быть в головных уборах. Во время церемонии поздравления старшие целуют молодых в обе щеки или в лоб. После взаимных поздравлений все усаживаются. Хозяйка обносит гостей едой, следуя по направлению движения солнца. После чая, подают горячие блюда, предлагают кумыс и молочную водку. Затем гости обходят остальные юрты кочевья, опять же соблюдая направление движения солнца.

Обязательно надо навестить своих родителей, как бы далеко оно не находилось. В этот день молодежь соревнуются в скачках, а в некоторых районах устраиваются гонки на верблюдах. Игры, связанные с наступлением нового года достаточно разнообразны, но ряд игр имеет символическую связь именно с Цагаан саром. Это «пестрая черепаха», «загонять оленя», «стрелять альчиками» и т.д. В каждой из них заложен определенный магический подтекст [6, С. 102-103].

«Цагаан сар» древний праздник в Монголии. В нем проявляется стремление к укреплению связи поколений, обеспечению культурной и духовной преемственности. Традиционные праздники Монголии являются частью национальной культуры, поэтому их научное изучение и популяризацию и следует рассматривать как составную часть возрождения материальной и духовной культуры народа.

Библиографический список

1. Банзаров Д. Собрание сочинений. - М.: Изд-во АН СССР, 1955. - 375 с.
2. Билиг Ц. Три игры мужей // Монголия. - 1986. - № 7.- С. 20-22.
3. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: Новый год. - М.: Наука, 1985. - 264 с.
4. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: Годовой цикл. - М.: Наука, 1989. - 359 с.
5. Лувсанжав Ч. Новый год по-монгольски // Монголия. - 1988. - № 2. - С. 33-36.
6. Традиционная обрядность монгольских народов. - Н.: Наука, 1992. - 157 с.

Научный руководитель: д.и.н., проф. Лиштованный Е.И.

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

А. Л. Автушкова

Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

Общеизвестно, что археологическая практика имеет большое воспитательное и обучающее значение.

Теоретически это так. Мы решили проверить, насколько эти утверждения соответствуют мнению студентов. Методика нашей работы заключалась в том, чтобы провести опрос среди студентов первого курса, которым ещё предстоит в этом году впервые поехать в экспедицию. Первокурсники должны были ответить, чего же они ждут от археологической практики.

Оставшихся опрашиваемых мы разделили на три группы. В первую группу, группу «А», попали люди, проходившие практику вместе с Т.Н.Троицкой, В. И. Молодиным, В. И. Соболевым и другими руководителями. Чаще всего они имели за плечами ни одну экспедицию. Они должны были вспомнить свою первую практику и поделиться впечатлениями о ней.

Вторая группа, группа «Б» - сегодняшние студенты и аспиранты, проходившие археологическую практику в наше время, начиная с конца 90 – х годов. Эти люди также имеют за плечами от одной до трёх экспедиций.

В последнюю группу, группу «В», были включены студенты сегодняшнего второго и третьего курсов. Как известно, только после одной – двух экспедиций появляется ценностное отношение к археологии как к науке.

Последним двум группам были заданы те же вопросы, что и первой группе, а именно: ваши представления о практике ещё до её прохождения и впечатления после отъезда из лагеря археологов. Таким образом мы надеялись проследить изменения в общественном мнении студентов об археологической практике в течении временного отрезка в двадцать – тридцать лет.

Самым интересным оказалось проведение опроса среди студентов первого курса. Были некоторые сложности при его проведении. А именно, студенты боялись, что эти сведения кто – то узнает, а это негативно отразится на них. Поэтому пришлось предложить им анонимно ответить на интересующие нас вопросы, т. е. по желанию поставить свою фамилию. Ожидания студентов оказались различными, кто – то мечтает о хороших бытовых условиях в экспедиции, кто – то мечтает научиться стать настоящим археологом: работать на раскопе, что – то узнать новое (увеличить познания в истории), а затем применить эти знания на практике в университете, при преподавании предмета в школе.

В целом, мнения студентов распределились следующим образом: самое огромное желание студентов в экспедиции – это богатые и интересные находки – 50 %, далее идут пожелания найти в экспедиции новых друзей, ощутить себя в новой и хорошей компании, пожить в «археологическом» коллективе – 41,2 %, за практическое применение теоретических знаний по археологии, высказалось – 23,6 %. Такое же количество баллов получило и требование студентов обеспечить им хорошие условия проживания и отдых. В этом отношении вспоминается высказывание группы студентов: они мечтают о «чистых, уютных палатках, тёплых и сухих, душе и плотной еде». 20,6 % получило испытания себя на прочность (выносливость, пополнение жизненного опыта и др.). 11,8 % студентов мечтают с помощью археологической экспедиции улучшить свои познания о прошлом нашего сибирского края. Были и такие люди, которые проявляли крайний негативизм к практике (14,7%). Это можно объяснить психологическими особенностями человека. Скорее всего, боязнь впервые оторваться от дома и уехать так далеко и надолго, относительной обязательностью археологической экспедиции на историческом факультете нашего университета. Многие прямо высказывались о том, что из двух путей они выбирают наиболее «лёгкий» (существует ещё второй путь – пройти краеведческую или музейную практику). Всего же было опрошено около 75 студентов. Хотелось бы в качестве примера привести наиболее интересные отзывы первокурсников о практике. Например, пишет студентка 1 курса, «Я хочу, чтобы от археологической практики у меня остались только приятные впечатления: песни под гитару, вкусная еда, много смеха, найти новых друзей. А также отдохнуть по возможности и найти что – нибудь древнее и загадочное, чтобы вспоминать об этом всю жизнь!» Или вот ещё: «От археологической практики прежде всего я жду романтики, но если серьёзно, то вполне сносных бытовых условий, узнать новое: научиться пользоваться инструментами археолога, не бояться человеческих останков и т. д.». Мы приняли все эти предложения к сведению и решили проверить, оправдываются ли ожидания студентов.

При обработке данных, полученных от студентов трёх опрошенных групп, мы получили ответ на волнующий нас вопрос. Одновременно с выяснением ответа на данный вопрос, как уже говорилось ранее, проследили изменения взгляда студентов на практику вообще. Итак, перейдём к рассмотрению проблемы поподробнее.

Все опрошенные люди группы «А» в настоящее время являются учёными Института Археологии и Этнографии СО РАН, преподавателями исторического факультета НГПУ, сотрудниками Новосибирского Государственного Краеведческого музея, ведущими специалистами Научно – Производственного Центра по сохранению археологических памятников Новосибирской области и руководителями археологических кружков г. Новосибирска. Многие из них прошли археологическую школу, будучи ещё кружковцами. Но все отмечали отличие школьной экспедиции от студенческой: новая роль в отряде, уже ставший обыденным археологический быт. Они признавали преимущества тех, «советских» экспедиций перед современными. Хотя и снабжение продуктами и деньгами было хуже, однако «люди были другие, старшее поколение было лучше». В людях той эпохи сказывался коллективизм, воспитываемый с детства. Но главная цель археологической экспедиции, показать студентам на практике, что значит археология, всегда выполнялась. Все отмечали первое, что их поразило, отличие экспедиционных условий жизни от домашних, их экстремальность. Но пожив немного в отряде, они уже не замечали бытовых проблем. Самым любимым местом всех студентов, конечно же, был раскоп. Все признавали, что самое главное, что дала им экспедиция, это умение работать на раскопе (копать, зачищать, проводить камеральную обработку находок). Многие вспоминали, что им доверяли также и ответственную часть работы, а именно проводить разведку, «бегая с теодолитом», сортировку и шифровку находок, рисовать стратиграфию, принимать участие в съёмке планов памятника. Вспоминали также самые первые и важные находки, которые были ими найдены в тех экспедициях: кто-то порезал руку о кремниевый нож, кто-то раскопал богатое погребение война, кто-то нашёл редкую керамику, китайские монеты. Все признавали, что экспедиция помогла повысить образовательный уровень. Конечно, то, что обеспечивает отличную работу и слаженную жизнь в коллективе, это благоприятные психологические условия, или психологический климат должно присутствовать всегда, и самое важное - воспитание чувства корпоративности в таком большом и разноплановом коллективе. Руководителям практики удавалось это сделать: проводились самые разнообразные праздники, от традиционных, которые имеют право жить и теперь, до нетрадиционных («когда мы жили в лагере с американцами, швейцарцами, мы праздновали День независимости США, Национальный день Швейцарии»), организованные вечера с песнями у костра, масса интересных впечатлений, полученных от общения с новыми людьми. Отсюда и благодарность опрошенных бывших студентов практике за то, что она помогла им научиться системе взаимоотношений «человек – человек», воспитать в себе толерантность, уважение к личности.

Студенты группы «Б» отмечают те же особенности, что и первая группа. Теперь, по прошествии нескольких экспедиционных сезонов, они более критически оценивают археологическую практику. Они выделяют её образовательное и, в особенности, воспитательное влияние, сказывающееся на студентах. Многие заявляют, что экспедиция их изменила, сделала другими («люди в экспедиции меняются, нет, они те же, но открываются их положительные или отрицательные стороны»). Некоторые студенты после прохождения нескольких археологических сезонов решили связать свою жизнь с археологией. Отсюда практика, по их мнению, помогла им самоопределиваться. Но для большей части студентов научила их новому уровню взаимодействия друг с другом.

Многие из студентов, прошедших археологическую практику в этом году, горят фанатизмом и желанием ещё раз окунуться в экспедиционную жизнь. Казалось, археология стала для них всем, все ожидания, связанные с экспедицией оправдались и даже превзошли себя. Но если внимательно почитать, что эти студенты пишут в своих отзывах, то мы можем увидеть, что для них, прежде всего, важна психологическая сторона практики, так как большую часть отзыва занимает именно она. Жизнь в другом коллективе, общение с новыми людьми, и какое общение («знаешь, самое главное, это то, что я встретила очень хороших людей»)! Студенты, жившие в индивидуальном обществе и попавшие в корпоративное, отмечают влияние на них других людей, появление новой социальной роли в коллективе, и вследствие этого открытие и развитие новых возможностей: улучшение кулинарных способностей в условиях экспедиции («я, оказывается, ещё неплохо готовлю»), способностей к организации раскопа («научили копать, не просто, а ровно, по сантиметрам, аккуратно»), к самоорганизации («вставать и работать после бессонной ночи»), изменение себя («научилась ценить людей»). А ещё, добавим к этому романтику, о которой пишут почти все студенты: «звёздное небо, играющая гитара возле ночного костра, друзья». Студентов, в первый раз попавших в один отряд, проходивших до этого практику в другом месте, обычно не устраивает отличие бытовых условий этой экспедиции от той, где они были раньше. Но ничего, они скоро адаптируются. Поэтому тоже готовы ехать в этот отряд уже на следующий год просто в экспедицию, а не на практику. Конечно, и среди них тоже существуют те, кому ближе домашний быт, который не позволяет им поехать куда – то, назовём это так, бескоммунальные условия. Но их мало, и снова курсом студенты каждый год мечтают попасть в лагерь к археологам и едут, и возвращаются оттуда счастливые и почти настоящими археологами.

Таким образом, отношение студентов к археологической практике во всех группах, в целом одинаковое. Недовольных практикой почти нет, видимо те, которых заранее не устраивал походный быт в экспедиции, прошли не археологическую, а музейную или краеведческую практику. Проведенный нами опрос вполне соответствует общепринятым представлениям о значении археологической практики.

Научный руководитель профессор, доктор исторических наук Т.Н.Троицкая

Е.Л. Бородавская

Новосибирск, МОУ ДОД Дом детского творчества им. В. Дубинина

ВОЗМОЖНОСТИ МУЗЕЯ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

В настоящее время довольно часто обсуждается проблема функционирования музеев в системе образования. Активно используется термин «школьный музей», который, очевидно, нужно считать универсальным и общепринятым для любого музея, существующего в системе образования [6, 7]. В школах, учреждениях дополнительного образования детей в Российской Федерации насчитывается около 5000 музеев, в том числе: комплексных краеведческих - 1060 (приведенные данные касаются только паспортизированных музеев) [5]. Музеев краеведческого профиля в системе дополнительного образования г. Новосибирска не так много [4]. На примере деятельности кабинета-музея «Живая старина Сибири» Дома детского творчества им. В. Дубинина рассмотрим разносторонние возможности деятельности музея в системе дополнительного образования детей.

Кабинет-музей «Живая старина Сибири» создавался в целях обучения, воспитания, развития и социализации воспитанников и является результатом долговременной исследовательской деятельности археолого-краеведческого коллектива - объединения «ИКАР» [3]. Тематическая организация пространства кабинета, выстроенная по культурно-хронологическому принципу с учетом возрастных особенностей воспитанников, позволяет решать как образовательные, так и экспозиционные задачи.

Среди экспозиционного материала - краеведческий, археологический, этнографический материал, экспериментальные копии и модели археологических и этнографических вещей. В связи с этим большое значение придается изучению и сбору источников – предметов музейного значения, содержащих в себе прямую и косвенную информацию о событиях далекого прошлого. Комплектование фондов, фондовая работа, создание экспозиции – одно из важных направлений деятельности кабинета-музея. В результате комплектования была сформирована серьезная информационная база о древней истории Сибири.

Кроме музейной экспозиции кабинет располагает значительной методической базой, библиотекой, видеотекой, слайдотекой, что тоже является значительной частью информационной базы по проблемам древней истории Сибири. Тематика экскурсий и лекций, осуществляемых на базе музея «Живая старина Сибири», различна и раскрывает проблемы всех исторических периодов развития Сибири. Приведу лишь некоторые из них:

- Археологическая карта Новосибирска
- Археологические культуры древнего Алтая
- Возможности экспериментальной археологии
- Древнее искусство Сибири
- Древнее косторезное производство
- Древние орудия труда
- Древние погребальные обряды
- Жизнь человека в древности
- Изучение и сохранение историко-культурного наследия Сибири
- Кочевники Сибири
- Новосибирская область в средневековье
- Освоение Сибири русским населением
- Остроги Сибири
- Памятники железного века Сибири
- Природно-климатические условия и среда обитания древнего человека

Памятники бронзового века Сибири
Проблемы древнейших производств
Традиционное литье Сибири
Эпоха металлов на территории Новосибирской области
Этнография народов Сибири

В образовательном пространстве кабинета-музея используются современные информационные технологии, что открывает простор для интеграции с любым видом деятельности и способствует популяризации краеведческих знаний. Компьютер используется как эффективное средство для систематизации материала, оформления графиков, таблиц, т.д. В последние два года идет активная работа над созданием и использованием во время учебного процесса мультимедийных презентаций. Приемы работы с мультимедийными презентациями не сложны и доступны в техническом исполнении. Презентации могут быть интересны по содержанию и помогают выстроить яркие визуальные образы, могут быть созданы как педагогами, так и воспитанниками.

Учебные экскурсии, проводимые в кабинете-музее, позволяют максимально конкретизировать учебный материал. Возможности использования во время учебных занятий методов экспозиционного показа позволяют знакомить обучающихся с различными музейными предметами, помогают раскрыть феномен музейного предмета, определить не только его функциональное, но общественное значение как памятника истории и культуры, а также познакомить юных исследователей с правилами формирования и условиями хранения музейных коллекций.

На базе кабинета-музея осуществляются реставрационные и другие восстановительные работы переданных на хранение предметов материальной культуры. В условиях кабинета осуществляется начальная обработка археологических коллекций. Все находки разбираются по категориям, группам, классам, типам и видам. Устанавливается назначение каждой переданной на хранение (или временное хранение) вещи, выясняется, как и из какого материала она была изготовлена, подсчитывается, сколько аналогичных вещей было найдено из конкретного археологического комплекса, процентное соотношение с классом других находок. Такая работа была проведена с материалами археологических комплексов, в исследованиях которых воспитанники объединения принимали участие.

Кабинет располагает коллекциями керамической посуды, переданной для реставрационных работ на временное хранение, которые постоянно используются в образовательном процессе. Это коллекции посуды курганных могильников эпохи раннего железного века Береговой-1 (тагарская культура), Быстровка-2 (большереченская культура), Чултуков Лог-1, Барангол-1 (северо-пазырыкская культура).

В археологическом фонде собраны материалы с разновременных памятников Новосибирской области, Красноярского края, республики Алтай. Здесь представлены как находки эпохи бронзы (поселения Быстровка-4, Петушиха-1, Чингис-1, Красный Яр-1), раннего железа (курганных могильников Чултуков Лог-1, Барангол - 1, Быстровка - 2), так и экспонаты более позднего времени: находки с Умревинского и Чаусского острогов.

Организация полевых исследований способствует пополнению музейных фондов [1]. Научно-исследовательская работа воспитанников с археологическими и этнографическими материалами позволяет получить практические навыки работы с музейными предметами (шифровка, реставрация, описание коллекций), научиться обобщать и анализировать первоисточники, представлять обработанные материалы на научно-практических конференциях различного уровня, работать над публикациями результатов исследований [2, 8]. Копии и модели археологических и этнографических вещей, созданные воспитанниками, позволяют освоить технологии древних производств через научный эксперимент.

Частью образовательной программы «Путешествие в древность», по которой работает объединение, является факультатив «Музееведение», знакомящий воспитанников с историей музейного дела и музееведческими знаниями [2]. Образовательное пространство кабинета-музея позволяет осуществлять музееведческие исследования на практике, знакомит воспитанников с проблемами научного проектирования экспозиции.

В целом, кабинет-музей «Живая старина Сибири» выполняет многие социальные функции, являясь организатором свободного времени школьников, решает образовательные и воспитательные задачи. Кабинет-музей позволяет решать задачи патриотического и духовно-нравственного воспитания, занимаясь проблемами сохранения и изучения памятников древней истории Сибири. На базе кабинета-музея осуществляется успешное внедрение важной составной части регионального компонента исторического образования - древней истории Сибири. При этом музей, выполняя коммуникативные функции, использует различные формы просветительской работы (экскурсии, беседы, семинары, конференции) и занимается организацией исследовательской деятельности воспитанников.

Библиографический список

1. **Археологические коллективы** системы дополнительного образования г. Новосибирска на рубеже тысячелетий. – Новосибирск: ДДТ им. В.Дубинина. 2002 С. 24-68

2. **Бородовская Е.Л., Бородовский А.П.** Дополнительная образовательная программа «Путешествие в древность». – Новосибирск: ДДТ им. В.Дубинина. 2004. 94 с.
3. **Бородовская Е.Л.** Социально-воспитательный потенциал образовательного пространства кабинета - музея «Живая старина Сибири» объединения «ИКАР»/ Интеграция творческого педагогического опыта в дополнительном образовании. – Новосибирск: ГЦРО. 2006. С. 96-98
4. **Музеи Новосибирска.** Аннотированный справочник. – Новосибирск: Изд. Центр НГОНБ, 2006. 140 с.
5. **О деятельности музеев** образовательных учреждений. Письмо Министерство образования РФ №28-51-181/16 от 12 марта 2003 г. / Российский вестник детско-юношеского туризма и краеведения, № 2 (46) – М.: ЦДЮТиК. 2003. С.4-8
6. **Примерное положение** о музее образовательного учреждения (о школьном музее). Приложение к письму Минобразования России от 12 марта 2003 года N 28-51-181/16. Туристско-краеведческое движение «Отечество». М.: ЦДЮТиК МО РФ, 2004. С.148-150
7. **Туманов В.Е.** Школьный музей М.: ЦДЮТиК, 2003. 153 с.
8. **Юношеский полевой археологический семинар.** Материалы. Вып.3. – Новосибирск: ДДТ им. В.Дубинина. 2005. 92 с.

С.П. Грушин

Барнаул, Алтайский государственный университет

ФОРМЫ «ШКОЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ» (ОПЫТ АКЦДЮТИК)

Важным направлением в работе Алтайского краевого центра детско-юношеского туризма и краеведения (АКЦДЮТиК) является «школьная» или «педагогическая» археология [1-43]. В качестве форм такой деятельности выступают: археологические экспедиции; экскурсионная деятельность через систему краевых, районных и школьных музеев, имеющих археологические коллекции, а также посредством археологического туризма, функционирующего на базе музеефицированных памятников археологии; проведения занятий по древней истории края в рамках школьной программы на базе регионального компонента; участие в краеведческих конференциях различного уровня; кружковая и клубная работа.

Одной из центральных и наиболее мощных в педагогическом аспекте формой организации этого направления выступают археологические экспедиции. Такая форма успешно реализуется в АКЦДЮТиК, где ежегодно организуется и проводится по два подобных мероприятия, начиная с 2000 г. Прошедшие семь лет работы позволили накопить обширный и ценный опыт в этой области, разработать методические рекомендации, программу, наладить плодотворное сотрудничество различных образовательных и научных организаций.

Проводимые археологические лагеря имеют свою специфику в финансовом, организационном и структурном аспектах на всех этапах их подготовки и проведения. Краевой археологический лагерь школьников по спасению древних памятников истории «Павловский» (функционировал с 2000 по 2003 гг.) был организован на базе Елунинской археологической экспедиции Алтайского государственного университета, ведущей свои работы, начиная с 1993 года на памятнике эпохи ранней бронзы (первая четверть II тыс. до н.э.) Телеутский Взвоз-I.

С 2004 года, Краевой археологический лагерь школьников в июне месяце проводился на базе Верхнеалейской археологической экспедиции, ведущей свои работы на археологическом комплексе Гора Тараскина, расположенного недалеко от с. Новокамышенка Третьяковского района. В работу по организации и проведению данного мероприятия активно включились специалисты отдела по образованию администрации района. Мероприятие, осуществляемое на базе детского оздоровительного лагеря «Черемушки», продемонстрировало наиболее оптимальные и эффективные организационные формы такой деятельности.

Краевой археологический лагерь школьников по спасению древних памятников истории «Алей» работает с 2000 г. по настоящее время. Лагерь организован на базе Алейской археологической экспедиции (ААЭ) Алтайского государственного университета, ведущей свои работы на поселении эпохи ранней бронзы Березовая Лука, расположенного близ с. Безголосово Алейского района. В 2006 году на базе Катунской археологической экспедиции АлтГУ было организовано и проведено два сезона Краевой школьной экспедиции в Чемальском районе Республики Алтай. Работы велись на археологическом комплексе Тыткескень в зоне строительства «Алтайской» ГЭС. В экспедиции приняли участие ребята из различных районов края и г. Барнаула.

К сожалению, увеличение количественных показателей численности участников экспедиции, не всегда сочетается с качественными изменениями. На это влияют как объективные, так и субъективные факторы. Усложнение структуры лагерей, увеличение численности детей и отрядов, усложнение механизма финансирования требует адекватных организационно-методических, кадровых и финансовых решений. Одна из основных труд-

ностей – увеличение численности участников растет не пропорционально формированию необходимой материальной базы экспедиции и кадрового обеспечения.

Подводя некоторые итоги проведения лагерей можно отметить следующее. За семь лет работы в этом направлении данной формой педагогической деятельности было охвачено более 700 школьников из более чем 18 районов края. Многие из ребят поступили в ВУЗы и продолжают заниматься археологией на более высоком уровне. Накопленный опыт позволил наладить эффективное сотрудничество образовательных, научных организаций с органами местной власти.

Если обратиться к педагогическим основам эффективности участия школьников в археологических раскопках то основополагающим, на наш взгляд, выступает деятельностный подход или принцип, суть которого заключается в том, что педагогические цели и задачи достигаются посредством включения учащихся в совместную с педагогом разнообразную деятельность. Специфика археологической экспедиции заключается в том, что условия, в которые попадает учащийся и педагог, создают уникальную возможность реализовать различные виды деятельности, которые могут повториться во взрослой жизни. Собственно говоря, именно с этого и начинается для многих подростков взрослая жизнь. В качестве основных видов деятельности в рамках археологических экспедиций выступают: обустройство лагеря (постройка и обустройство дома); приготовление пищи и обеспечение лагеря (обеспечение себя и своей семьи пищей и необходимыми предметами); спортивная деятельность (здоровый образ жизни); участие в научной деятельности (формирование профессиональных навыков), культурно-развлекательная деятельность (воспитание творческих и морально-нравственных качеств). Таким образом, посредством участия школьников в археологической экспедиции достигается одна из основных целей педагогического процесса – социализация ребенка.

Подобные виды деятельности, основанные на реальных, объективных причинах, а не на выдуманных, (если не поставишь палатку, будешь спать под открытым небом, не разведешь костер, останешься без завтрака и т.д.), позволяют достичь максимального педагогического эффекта. Создаваемые условия в экспедиции позволяют достигать больших образовательных и воспитательных результатов, посредством не формального общения представителей разного возраста, уровня образования и жизненного опыта. Экспедиционные условия позволяют общаться школьникам со студентами, аспирантами, кандидатами и докторами наук, и даже академиками.

Другой формой успешно реализуемой в АКЦДЮТиК выступает Краеведческие конференции, которые проводятся в рамках ежегодного туристско-краеведческого слета или олимпиады «Алтай». На секции «Археология и этнография» школьники предоставляют результаты своих исследований по соответствующей тематике. В 2004 году впервые был проведен круглый стол по проблемам школьной археологии, одним из решений которого стало публикация сборника, посвященного 100-летию детского туризма на Алтае.

В настоящий момент времени можно констатировать, что в Алтайском крае выстраивается довольно стройная и эффективная педагогическая модель в рамках школьной археологии, которая широко распространена в других регионах России. В общих чертах ее можно представить следующим образом: зимний период – теоретические занятия по археологии и древней истории края, экскурсии в музеи, практические занятия в лаборатории с археологическими коллекциями; весенний период – подготовка к участию в археологических раскопках; летний период – участие в археологических раскопках на базе Краевого археологического лагеря; осенний период – подведение итогов прошедшего полевого сезона, подготовка докладов и выступления на краеведческой конференции.

Цикл повторяется каждый год на более высоком уровне подготовки юных исследователей. Наиболее мощным педагогическим фактором в этой системе выступает участие школьников в археологических раскопках, которое реализуется в рамках Краевых археологических лагерей. Ядром педагогической деятельности выступает кружок или клуб, который может функционировать при СОШ, УДО, музеях. Как показывает практика, наиболее существенных педагогических результатов достигают те руководители детских объединений, которые свою образовательную программу выстраивают на основе такой модели.

Другая форма работы в рамках школьной археологии включает педагогическую деятельность на базе экскурсионной сферы. Алтайский край, не смотря на сложные организационные и финансовые трудности, имеет огромный потенциал в этой области. Немаловажным условием реализации такой формы является наличие музеев, в которых не только хранятся, но и экспонируются археологические коллекции. В столице края к таким структурам относятся Музей археологии и этнографии при АлтГУ, Алтайский государственный краеведческий музей, Музей археологии и этнографии при БГПУ. Большое значение имеет сеть районных и школьных музеев, в которых силами местных энтузиастов-краеведов сформировались археологические коллекции. Наиболее перспективной формой в рамках экскурсионной сферы в ближайшее время может стать «археологический» туризм, который предполагает различные виды образовательно-развлекательных мероприятий на базе музеефицированных археологических комплексов. Такая работа в крае уже ведется.

Таким образом, АКЦДЮТиК становится методическим координационным центром школьной археологии в крае [16-17]. Его функции определяются взаимовыгодными интересами различных организаций и отдельных педагогов, работающих по направлению школьная археология в той или иной форме. Однако накопленный ме-

тодический и организационный потенциал в данной сфере может остаться не реализованным, поскольку в настоящее время совершенно очевидно, что назрела существенная необходимость в принятии на краевом уровне комплексной программы по развитию сети Краевых археологических лагерей школьников.

Библиографический список

1. **Алехин Ю.П.** Студенты и школьники в полевой археологии // Археология в вузе и школе. Новосибирск, 1995. С. 28–29.
2. **Алтухов В.В.** Организация работы школьников на мезолитическом памятнике «Усть-Белая» // Вопросы методической работы школьных археологических кружков. Новосибирск, 1990. С. 46–49.
3. **Аникин М.П.** Деятельность историко-культурного центра в средней школе // Историческое краеведение: теория и практика. Матер. науч. практич. конференции. Барнаул, 1996. С. 98.
4. **Бобров В.В.** Изучение археологии в системе непрерывного образования (из опыта ЦНО КемГУ) // Археология в вузе и школе. Новосибирск, 1995. С. 30–31.
5. **Бородовский А.П.** Студент-художник в археологической экспедиции (возможности и варианты сотрудничества) // Археология в вузе и школе. Тез. докл. конф. Новосибирск, 1995. С. 3–4.
6. **Бородовский А.П., Бородовская Е.Л.** Авторская программа «Детская экспериментальная археология (ЭКСПАР) с методическими материалами и рекомендациями». Новосибирск, 1993. Вып. 2. 84 с.
7. **Бородовский А.П., Бородовская Е.Л.** Авторская программа: история, краеведение, археология в летнем лагере. Новосибирск, 1993. Вып. 3. 49 с.
8. **Бородовский А.П., Бородовская Е.Л.** Экспериментальная археология с детьми: авторская программа // Методические рекомендации для руководителей археологических объединений. Красноярск, 1993. 62 с.
9. **Бородовская Е.Л.** Археолого-краеведческие экскурсии и экспедиции с учащимися в западной Сибири (конец XIX века – первая половина XX в.). Учебное пособие. М., 1999. 96 с.
10. **Бородовская Е.Л.** Опыт и перспективы использования видеоматериалов в учебном процессе археологических признаков // Археология в вузе и школе. Новосибирск, 1995. С. 34–35.
11. **Бородовская Е.Л., Бородовский А.П.** Авторская программа «ИКАР» (история, краеведение, археология). Новосибирск, 1993. Вып. 1. 58 с.
12. **Бородовская Е.Л.** Возможности предмета «археология» в системе дополнительного образования // Дополнительное образование: поиск, опыт, находки: Материалы 1-ой научно-практической конференции. Новосибирск, 1997. Ч. 1. С. 60–63.
13. **Брудзь Л.Г.** Юные археологи // Преподавание истории в школе. 1957. Вып. 1. С. 84–85.
14. **Буровский А.М.** Предмет и проблематика «педагогической археологии» // Вопросы истории работ школьных археологических кружков. Методические указания. Новосибирск, 1990. С. 26–31.
15. **Гайдукевич В.Ф.** Работы юного археолога // Изучай свой край. Книга юного краеведа. Л., 1951. 256 с.
16. **Грушин С.П.** Формы школьной археологии и мотивация обучения в археологической экспедиции (опыт АКЦИОТик) // Педагогические чтения имени В.И. Верещагина, посвященные 100-летию детского туризма на Алтае. Барнаул, 2005. С. 32–43.
17. **Грушин С.П., Буянов Н.А.** Повышение эффективности деятельности школьных лагерей по спасению разрушающихся памятников археологии в Алтайском крае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Вып. XII. Барнаул, 2001. С. 58–59.
18. **Иванов Г.Е.** Археологический кружок в сельской школе как средство воспитания и обучения учащихся // Вопросы истории работ школьных археологических кружков. Методические указания. Новосибирск, 1990. С. 18–26.
19. **Илюшин А.М.** Традиции Кузбасской школьной археологии // Археология в вузе и школе. Новосибирск, 1995. С. 47–49.
20. **Коньков Б.А.** Из опыта подготовки и проведения школьных археологических экспедиций // Вопросы истории работ школьных археологических кружков. Методические указания. Новосибирск, 1990. С. 32–38.
21. **Котович Л.В., Мыльникова Л.Н.** К опыту подготовительной работы с младшими школьниками // Археология в вузе и школе. Новосибирск, 1995. С. 36–37.
22. **Кручинина Т.А.** Археологический отряд как форма трудовых объединений старшеклассников // Преподавание истории в школе. 1987. №4. С. 34–36.
23. **Лебедев Г.С.** Опыт школьных археологических экспедиций Ленинграда // Вопросы истории работ школьных археологических кружков. Методические указания. Новосибирск, 1990. С. 10–17.
24. **Макаров Н.П., Мандрыка П.В.** Организация и работа археологических клубов по месту жительства // Вопросы методической работы школьных археологических кружков. Новосибирск, 1990. С. 46–49.
25. **Мандрыка П.В.** Методы обучения школьников археологии // Археология в вузе и школе. Новосибирск, 1995. С. 38–40.
26. **Матюшкин Г.Н.** Археология в школе. М., 1964. 156 с.
27. **Мацко К.** Работа учащихся по сбору археологического материала и его использование на уроках истории и во внеклассных занятиях (из опыта работы школ БССР) // Сбор тезисов докладов 10-й Всесоюзной археологической студенческой конференции. М., 1964. С. 46–48.
28. **Мартынова Г.С.** Археология и школа // ИЛАИ. Кемерово, 1967. Вып. 1. С. 60–65.
29. **Молодин В.И., Чемякина М.А.** Из опыта работы научного археологического объединения учащихся в Новосибирском Академгородке // Археология в вузе и школе. Новосибирск, 1995. С. 41–42. Петрова Л.Н., Романцева В.Д., Троицкая Т.Н. Работы двух семинаров руководителей школьных археологических кружков // Вопросы истории работ школьных археологических кружков. Методические указания. Новосибирск, 1990. С. 4–9.

30. **Педагогические чтения** имени В.И. Верещагина, посвященные 100-летию детского туризма на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 84 с.
31. **Постнов А.В.** Опыт работы со студентами и школьниками на экспедиционной базе «Денисова пещера» // Археология в вузе и школе. Новосибирск, 1995. С. 32–33.
32. **Романцева В.Д.** Археологический кружок в школе // Вопросы археологии Сибири. М., 1972. Вып. 38. С. 79–87.
33. **Свиридова Н.В.** «Музей-мастерская» в системе дополнительного образования // Археология в вузе и школе. Новосибирск, 1995. С. 49–51.
34. **Сулейменов М.Г.** К вопросу о трехгодичном цикле обучения в археологическом кружке // Археология в вузе и школе. Новосибирск, 1995. С. 51–53.
35. **Софеев О.В.** Детский экспериментальный археологический центр «Каракан» // Археология в вузе и школе. Новосибирск, 1995. С. 43–44.
36. **Софеев О.В., Сумин В.А., Благирева Г.С., Зиновьева Н.А., Рыбникова Л.И.** Экспериментальные научные программы «Музея первобытных технологий» // Археология в вузе и школе. Новосибирск, 1995. С. 45–46.
37. **Троицкая Т.Н.** Археология в системе подготовки учителя // Археология в вузе и школе. Новосибирск, 1995. С. 20–23.
38. **Шамшин А.Б.** Историко-краеведческая работа во внешкольном учреждении (из опыта работы) // Историческое краеведение: Теория и практика. Материалы Российской научно-практической конф. Барнаул, 1996. С. 98–103.
39. **Шамшин А.Б.** Историко-краеведческая работа со школьниками // Преподавание истории в школе. Вып. 5. 1998. С. 58–59.
40. **Шамшин А.Б.** Школьная научно-исследовательская работа. Возможности источниковой базы // Программа для одаренных школьников и молодежи «Будущее Алтая». Барнаул, 2001. С. 62–64.
41. **Шамшин А.Б.** Двадцатилетие школьной археологии в Алтайском госуниверситете: некоторые итоги и перспективы развития // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Вып. X. Барнаул, 1999. С. 31–35.
42. **Шульга П.И.** Из опыта организации археологических лагерей школьников в Алтайском крае // Археология в вузе и школе. Новосибирск, 1995. С. 53–54.
43. **Швецов М.А.** О порядке оформления хоздоговорных обязательств кружка юных археологов // Вопросы методической работы школьных археологических кружков. Новосибирск, 1990. С. 53–60.

Г.Е. Иванов

Алтайский край, Мамонтовский район, Чернокуринская СОШ, к. и. н., учитель истории, директор

ОРГАНИЗАЦИЯ КОМПЛЕКСНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕГО ПРОШЛОГО СЕЛА И РАЙОНА

Я работаю в одной и той же небольшой сельской школе тридцатый год. Практически все это время занимаюсь с учащимися поисковой и научно-исследовательской работой в области исторического краеведения. Накоплен определенный опыт, отработано несколько моделей урочной и внеурочной деятельности, получены результаты, позволяющие утверждать, что и в условиях сельской школы возможно решение воспитательных, образовательных и научных задач достаточно большой сложности.

Краеведческая работа в эти годы велась много в нескольких, тесно связанных между собой направлениях:

- деятельность археологического кружка и школьной археологической экспедиции;
- организация и функционирование музея истории села;
- разработка и преподавание курса «История края, района и села» в рамках школьного и регионального компонента учебного плана;
- индивидуальная подготовка и сопровождение наиболее одаренных учащихся в программе «Будущее Алтая», краевых и районных программах по краеведению.

Кроме того, все эти годы я занимался и собственно научными исследованиями в области археологии Алтая. В той или иной степени результаты работ по каждому направлению обобщены и опубликованы [1] поэтому останавливаться лишь на основных итогах:

1. В 1980 году в школе был организован археологический кружок. С 1981 года разведки и раскопки ведутся нами по Открытым листам на право ведения раскопок и разведок выдаваемым Институтом археологии РАН. За это время открыто и частично исследовано более 150 археологических памятников различных эпох – от древнего каменного века - палеолита до первых русских поселений XVIII века. Работы ведутся при постоянном и тесном сотрудничестве с археологами АлтГУ. Последние четыре года на базе школы работает летняя сессия

краевой археолого-краеведческой школы. Несколько поколений школьников прошли школу археологических экспедиций, в которых формируются: умения преодолевать трудности; коллективизм; трудолюбие; толерантность; положительное отношение к культурно-историческим ценностям, понимание их значимости и необходимости сохранения; представления о методике и технике полевых археологических исследований. Наполняются практическим содержанием теоретические знания, полученные на занятиях кружка и на уроках истории. Здесь прошлое зримо, оно реально представляется как исторический процесс, в понимании которого каждый участник экспедиции вносит свою лепту, совершая пусть небольшие, но настоящие научные открытия. Осознать их значение помогают регулярные публикации об итогах работ в научных и популярных изданиях, с которыми учащиеся обязательно знакомятся. За четверть века в школьном музее собрана значительная коллекция археологических находок, опубликовано более 50 научных работ и монографический «Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района» [2]. Собранные материалы используются для написания дипломных, диссертационных исследований и обобщающих работ о древнем прошлом Алтая и очень широко – для исследований школьников, с которыми они успешно выступают на конференциях и конкурсах самого разного уровня – от школьных до всероссийских. Так, в течение двух последних лет учащийся школы Михаил Зиновьев, участвуя в программе «Будущее Алтая» стал неоднократным лауреатом и победителем краевых конференций и Всероссийских конкурсов «Первые шаги», «Юность науки», «Шаг в будущее», «Юность, наука, культура», награжден дипломом Министерства образования и науки и медалью Эвариста Галуа. Он автор трех работ, опубликованных в материалах конференций в Обнинске, Рубцовске и Москве. Закончив в этом году школу с серебряной медалью, Михаил без экзаменов был зачислен на отделение археологии гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. Из кружка начинали свой путь в науку директор НИИ гуманитарных исследований при АлтГУ, кандидат исторических наук, археолог В.П. Семибратов, зав. историческим отделом НПЦ «Наследие» Е.Г. Кабанова, автор учебного пособия «История Алтая» для 5-6 классов А.Г. Пшеничный и др. В то же время мы никогда не ставили цели собрать в кружок много хорошо успевающих учащихся с перспективой их поступления в ВУЗ, а старались строить работу так, чтобы в нем было интересно и отличнику и слабому троечнику, потерявшему интерес к учебе.

2. С 1982 года в школе действует музей истории села, организованный при активном участии совхоза «Чернокурьинский» и его бывшего директора П.Ф. Мителева. Совхозом было выделено под музей большое кирпичное здание, проведен его капитальный ремонт с заменой крыши, оконных и деревянных блоков, потолочных перекрытий и пола. Существовавшие внутренние перегородки были снесены и поставлены новые в соответствии с предложенным нами планом экспозиции. В здании было смонтировано водяное отопление с электрокотлом. Все расходы по ремонту, оформлению экспозиции и дальнейшему содержанию музея (ставка сотрудника, плата за отопление, расходы на создание вспомогательного фонда и т.д.) производились за счет совхоза. Оформление экспозиции было выполнено профессиональным художником-оформителем. Помимо экспозиции, посвященной древнему прошлому в трех залах музея размещались стенды по истории села, быту и культуре его жителей с момента основания в 1802 году и до сегодняшнего дня. Представлены материалы о первых жителях села, этапах его развития, о партизанах 3-го Бутырского полка армии Е.М. Мамонтова, о созданной в селе коммуне «Союз», о первых колхозах и сельских активистах 30-х гг., об участниках Великой Отечественной войны, об учениках школы, Героях Советского Союза И.Н. Черникове, Н.С. Шевелеве, Герое России М.А. Миненкове, Герое Социалистического Труда П.Д. Германове. По материалам музея написаны работы учащихся, посвященные истории села и района, биографиям наших односельчан, неоднократно занимавшие первые места на районных и краеведческих конференциях. Музей был победителем Всероссийского смотра-конкурса общественных музеев.

3. На протяжении шести последних лет в школе ведется курс «История Алтайского края» в 10-11 классах, с прошлого года – курс предпрофильной подготовки в 9 классе, с этого года курс «История Алтая» – в 5 классе. В целом на эти курсы отводится 87,5 часа. Программой курсов отводится значительное место краеведческому материалу, сбору материалов по истории села, подготовке рефератов и сообщений по различным проблемам его истории.

Появление значительного количества часов по краеведению в учебном плане позволило перестроить и внеклассную работу по изучению местной истории. Если ранее кружок начинал работу в 5-ом классе и дети долгое время не могли участвовать в практических работах и подготовке исследований, то теперь работа его начинается в 8 классе, планируется как трехгодичная и проводится в комплексе с предпрофильным курсом и курсами по краеведению. На занятия кружка отводится четыре часа в неделю, которые разделяются на теоретический курс, практические занятия в лаборатории, в поле и на индивидуальную работу с отдельными учащимися по подготовке исследовательских работ.

Естественно, вся система строится при значительных и весьма неадекватно оцениваемых и оплачиваемых трудозатратах учителя, но она окупается возможностями самореализации, повышением собственной профессиональной квалификации и, в конечном счете, успехами в обучении и воспитании школьников.

Библиографический список

1. **Иванов Г.Е.** Археологический кружок в сельской школе как средство обучения и воспитания учащихся // Вопросы методики работы школьных археологических кружков. – Новосибирск: изд-во НГУ, 1990. С. 18-26; Иванов Г.Е. Музей истории села Черная Курья: обзор экспозиции и фондов // Алтайский сборник. Вып. XVI. – Барнаул, 1995. С. 251-257; Иванов Г.Е. Из опыта преподавания курса «История Алтайского края» в старших классах сельской школы (использование местного материала на уроках в 10 классе) // Региональный компонент школьного курса истории: поиск и решения. – Барнаул: изд-во БГПУ, 2001. С. 93-104; Иванов Г.Е. Археологическому кружку Чернокурьянской средней школы – 25 лет (хроника полевых исследований) // Педагогические чтения имени В.И. Верещагина, посвященные 100-летию детского туризма на Алтае. – Барнаул: изд-во АлтГУ, 2005. С. 77-83; Иванов Г.Е. Научно-исследовательская работа в патриотическом воспитании сельских школьников // Довузовская подготовка в структуре непрерывного образования в условиях модернизации системы образования России. – Барнаул: изд-во Азбука, 2005. С. 192-195; Иванов Г.Е., Семibrатов В.П. Работа по охране и пропаганде памятников в сельской школе // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1990. С. 138-140.
2. **Иванов Г.Е.** Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района. – Барнаул, 2000. 168 с., библиография.

В. В. Нестеренко

Чита, Читинский областной краеведческий музей

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА ЧИТИНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Археологическое собрание включает более 35 тысяч единиц хранения, т.е. около 20% от общего количества экспонатов музея. Предметы, отнесенные к основному фонду, составляют одну треть археологической коллекции. Их число ежегодно пополняется за счёт крупных поступлений с известных памятников археологии Читинской области.

Общая картина формирования данного фонда до сих пор в литературе не освещалась. Имеются публикации по отдельным сборам и разделам коллекции, представленные А.К. Кузнецовым, А.И. Махаловым, А.Е. Конюховой, Р.С. Ступниковым, С.В. Киселёвым, В.Х. Шамсутдиновым, С.Ю. Гришиным, И.И. Кирилловым и другими исследователями [1-8].

Мы попытались обобщить накопленный материал, проследить этапы формирования археологического фонда, уделяя основное внимание коллекциям, которые представляют наибольший интерес для отражения древней истории Забайкалья.

Выделяются три этапа формирования археологического отдела основного фонда музея:

1. Первые поступления. Конец XIX – начало XX века;
2. Период оформления и развития фонда. 1930 – 1990-е годы;
3. Период целенаправленного планомерного формирования фонда. 1990 – 2000-е годы.

Первые поступления археологических предметов связаны с именем Алексея Кирилловича Кузнецова, основателя и первого директора музея. Собранный им коллекция включает 2107 единиц и разделена на две части. Первая часть относится к 1885-1890 годам. Это подъёмные сборы с археологических объектов у сёл Бальзино, Кусочи, Иля, Дульдурга, Зуткулей, Тут-Халтуй, Кубухай, Чиндант, Куранжа, Усть-Иля, Могойтуй. По известным современным датировкам поселений и могильников, расположенных в окрестностях указанных сёл, данную коллекцию можно датировать эпохами неолита и бронзового века. Вторая часть коллекции – сборы по долинам рек Ингода, Онон, Нерча – представлена также в основном каменным материалом. Здесь же имеются разновременные бронзовые, железные изделия и фрагменты керамики разных эпох.

Особо выделяются находки Кузнецова на месте т.н. «Кондуйского городка» XIV века. Это фрагменты черепицы и массивные каменные изваяния драконов. Коллекцию эпохи монгольской империи дополняют материалы, привезенные Н.В. Кириловым с развалин Каракорума.

Первый этап формирования археологического фонда имел большое значение. Весь археологический материал был систематизирован и разделён по долинам крупных рек Забайкалья, что предопределяло план дальнейших изысканий. Таким образом, была сформирована своеобразная программа археологических исследований в Забайкалье, включающая первую в регионе попытку классификации памятников археологии.

Начало второго этапа формирования археологического фонда музея связано с музейными работниками А.И. Махаловым и И.И. Михалкиным. В 1929 году Махаловым было открыто первое в долине р. Чита погребё-

ние. Коллекция погребения состоит из 12 предметов – железного и костяного наконечников стрел, ножа, пластинки, семи бронзовых и медных подвесок, серебряной серьги.

Коллекции И.И. Михалкина (603 ед.) были собраны в 1928-1929 гг. на берегу оз. Иван и в окрестностях г. Чита.

В 30-50-х годах XX века археологический фонд пополнялся единичными находками - артефакты в этот период сдавали В.О. Качинский, А.А. Соловьёв, Н. В. Эпов и др.

Активизация послевоенных академических исследований значительно повлияла на увеличение количественных и качественных показателей археологического фонда музея. В результате работ Советско-Монгольской экспедиции АН СССР 1957 г. под руководством С.В. Киселёва в музей были переданы крупная коллекция керамических украшений Кондуйского дворца и уникальный комплекс предметов из монгольского погребения, найденного на горе Окошки близ Хирхирина городского.

В 1988 С.Ю. Гришин передал в музей коллекции, собранные Ононским отрядом этой экспедиции в 1958-1961, 1968, 1971-1973 годах. Он опубликовал данные материалы в обобщающих монографиях [7,8].

В музей поступили также отдельные коллекции, собранные Дальневосточной археологической экспедицией Ленинградского отделения Института истории материальной культуры, работавшей в Забайкалье в 50-х годах под руководством А.П. Окладникова. Это сборы каменных орудий с г. Титовская сопка (поступление 1961 года) и коллекция (79 ед.) погребального инвентаря из Шилкинской пещеры [10], поступившая в музей в 1979 году.

Период 1960-90-х годов характеризуется складыванием Забайкальской археологической школы и формированием целого ряда исследователей, внесших свой вклад в археологию Забайкалья. Ими решены основные культурно-хронологические классификации памятников и их исторического осмысления, с их трудами связано становление забайкальской археологии как науки [9,11]. Пополненные коллекции археологического фонда детально классифицируются и систематизируются по культурно - хронологической принадлежности. Экспедиции Читинского государственного педагогического института (ныне ЗабГПУ) под руководством И.И. Кириллова, Е.В. Ковычева, М.В. Константинова внесли свой вклад в формирование фондов музея.

В 1984 г. М.В. Константинов передал в музей материалы исследований палеолитических памятников Нижний Нарым и Альбитуй в Красночикойском районе (999 единиц). Научные сотрудники музея, работающие в составе экспедиций пединститута, также внесли свой вклад в пополнение музейных коллекций. В 1979 г. Г.З. Лиханова проводила сбор подъёмного материала на поселении Толбага. С 1992 г. О. И. Кириллов, работая в составе Верхнеамурской археологической экспедиции, вел целенаправленные археологические сборы и раскопки памятников по долинам р. Ингода, Онон, Шилка, Аргунь.

Большое значение для формирования фондов имела в это время деятельность краеведов. Учитель Р.Н. Ступников передал в музей материалы своих раскопок 1965-1966 гг. в районе станции Оловянная. В 1984 г. геолог В.Х. Шамсутдинов сдал материалы исследований 1961-1963 гг., проведенных им в долинах р. Нерча, Витим, Шилка.

Таким образом, к началу 1990 г. в фонде Читинского областного краеведческого музея сформировалась достаточно представительная археологическая часть, в определенной степени отражающая историю археологических исследований в регионе. Отметим, что она преимущественно представлена подъёмными сборами и не отражает в полной мере древнюю историю края. В ней отсутствуют материалы некоторых археологических культур, не в полной мере отражены все хронологические периоды. Это позволило скорректировать музейную политику формирования фонда, направив полевые изыскания сотрудников музея на восполнение выявленных «пробелов». Так, отсутствие в фонде материалов, отражающих историю освоения Забайкалья в XVII веке, было частично восполнено раскопками Аргунского острога, произведенными Р.Г. Федотовым в 1999 году. В рамках этой темы музеем в 1994 году так же были приняты от А.Р. Артемьева (ИИАиЭ народов Дальнего Востока ДВО РАН) материалы раскопок Иргенского острога.

Недостаток коллекций эпохи палеолита был значительно восполнен в результате передачи М.В. Константиновым (Лаборатория палеоэкологии ЗабГПУ) всех археологических и остеологических собраний поселений Толбага и Приисковое (более 20 тысяч ед.). Ранние периоды истории Забайкалья отражены в коллекции с археологических объектов Мастеров ключ, Русло Гыршелунки, предоставленных музеем М.Н. Мещериным в 2004 году.

В 2004-2005 годах археологические фонды пополнялись в результате совместной работы музея с Институтом археологии и этнографии СО РАН, при участии С.В. Алкина. Экспедиционные исследования проводились на Иваново-Арахлейских озёрах, на реках Аргунь и Шилка [12].

Очевидно, что дальнейшее формирование археологической части фондов достаточно перспективно в рамках целенаправленной работы музея. Этому предшествовала более чем 100-летняя история, опирающаяся на славный труд нескольких поколений исследователей забайкальских древностей.

Библиографический список

1. Кузнецов А.К. Археологические изыскания в юго-восточной части Забайкалья летом 1892 г. // Изв. ВСОРГО. - 1893. - Т. 24, №2 - С.1-12;
2. Махалов А.И. Формы для отливок и бронзовые ножи из Забайкалья // Материалы Читинского краеведческого музея им. А.К. Кузнецова. Вып. 1. Археология. - Иркутск-Чита: Издательство Читинского Краевого Музея им. А. К. Кузнецова, 1929.- С. 19-23.
3. Кириллов И.И., Конюхова А.Е. Памятники неолита и ранней бронзы в долине Ингода. Учёные записки Читинского педагогического института, 1968, вып.18. С. 37-39.
4. Ступников Р.С. Археологические вести Онона // Проблемы краеведения. Вып. 1. Чита, 1966. – С. 28-30.
5. Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М. :Изд-во АН СССР, 1951.- 642с.
6. Шамсутдинов В.Х. Новая верхнепалеолитическая стоянка в Забайкалье. - БКИЧП, - М.: Наука, 1966, № 32.
7. Гришин С.Ю. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. – М.: Наука, 1975. -125 с.
8. Гришин С.Ю. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. – М.: Наука, 1981.- 202 с.
9. Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. -173 с.
10. Окладников А.П. Шилкинская пещера – памятник древней культуры верховьев Амура // Труды Дальневосточной археологической экспедиции. – Москва - Ленинград: Издат-во АН СССР, 1960. - Т.1: Древние культуры Дальнего Востока - С. 9-71. - (МИА; №86).
11. Коновалов П.Б., Кириллов И.И. Состояние и задачи археологии Забайкалья // По следам древних культур Забайкалья. - Новосибирск: Наука, 1983.- С. 3-25.
12. Алкин С.В., Васильев С.Г., Колосов В.К., Нестеренко В.В. Результаты полевых исследований на левобережье реки Шилки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2006 г. – Том XII. – Часть I. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С.249-254.

А.С. Перегудов

Южно-Сахалинск, Сахалинский государственный университет, 3 курс

ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ КИНЕМАТОГРАФИЯ КАК ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ МЕТОД В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА И СОХРАНЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

С 1962 г. в Южно-Сахалинском Государственном Педагогическом Институте (ныне Сахалинский Государственный Университет) действует лаборатория археологии. Ее сотрудники активно участвуют в научной деятельности связанной с учебным процессом и сохранением культурного наследия.

Первое знакомство студентов с археологией начинается с прослушивания односеместрового теоретического курса «Основы археологии», а с полевой археологией во время археологической практики. С этой целью создана полевая база у села Охотское, где практиканты получают возможность участвовать в ежегодных раскопках на поселении Седых-1. Для того чтобы студенты получили наглядное представление о полевых работах, создаются короткие кинематографические произведения, которые наряду с компьютерными презентациями демонстрируются им до полевого сезона.

В последние годы лаборатория активно участвует в нефтегазовых проектах «Сахалин-1» и «Сахалин-2» на Сахалине. Участие в проектах заключается не только в работах классического формата: разведки, раскопки, мониторинг. Археологи считают немаловажными тренинги персонала нефтегазовых и строительных компаний. С этой целью в лаборатории создана новая музейная экспозиция, передвижная выставка, формируется компьютерный банк данных, включая документальный иллюстративный материал. Эта информация используется при проведении тренинга непосредственно с руководителями и исполнителями подрядчиков по строительству на участках строительства трубопровода. Во время данных мероприятий осуществляется и показ клипов, созданных в доступном для восприятия стиле. Образцы таких материалов представлены в приложении к настоящему докладу.

Любительская кинематография является ценным вспомогательным методом в учебном процессе ВУЗа и на производстве, она одним из эффективных средств сохранения археологического наследия.

*Научный руководитель Заведующий лабораторией археологических исследований СахГУ и СО РАН
доктор исторических наук Васильевский Александр Александрович*

РОЛЬ ДЕТСКОГО МУЗЕЯ В ДЕЛЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Детские музеи в России стали реальностью с начала 90-х годов XX века. От «взрослых» музейных учреждений их отличает структура фондового собрания, возрастной состав «сотрудников» музея, ориентированность на детскую и семейную аудиторию. Но самое главное отличие – обязательное использование интерактивных форм и методов, как в экспозиционной, так и в культурно-образовательной работе. Первое подразумевает возможность непосредственного контакта с музейными предметами, использование специальных путеводителей, нестандартного этикета («листков активности», «творческих заданий»). Второе направление предполагает вовлечение посетителей в совместное действие, помогающее «оживлению исторической реальности».

Богатая палитра музейно-педагогических программ, построенных с учетом особенностей детского восприятия и потребностей развития подрастающего поколения, делает детские музеи значительным событием не только в педагогическом мире. Необходимость сохранения культурно-исторического наследия провозглашается музейным сообществом не одно десятилетие, но сохранить – это не только изъять предмет из среды бытования и музеефицировать его. Важно включить объекты исторического наследия в контекст современной культуры, «вдохнуть» в них новую жизнь, и в этом плане опыт детских музеев будет, несомненно, полезен и интересен.

Особенно актуально применение интерактивных форм и методов в сфере воссоздания исторических технологий, ведь в этом случае мы имеем дело с утраченными традициями. Чтобы вернуть их к жизни недостаточно научной реконструкции, нужно, чтобы ученые, музейные сотрудники сами стали носителями этих традиций и организовали их передачу из поколения в поколение. Детский музей, организованный по типу мастерской становится идеальной площадкой для такой эстафеты. В Доме детского творчества «Кировский» г. Новосибирска подобный музей-мастерская действует уже более десяти лет.

Детский археолого-краеведческий музей «Мастерская предков» создан по инициативе и при активном участии ребят – воспитанников Клуба юных археологов «Потомки». Он был задуман как точка пересечения древних и современных технологических традиций, соседства подлинных памятников истории и новоделов; как место диалога строгой научной реконструкции и свободной детской интерпретации.

Интерьер музея стилизован под древнюю мастерскую, в нем нет застекленных витрин, традиционного этикета, все экспонаты находятся в режиме свободного доступа. В оформлении использованы только натуральные природные материалы: стены из горбыля, каменный угловой очаг, прутьевые и травяные циновки, глиняные светильники, деревянные столы и лавки, – все это способствует эффективному «погружению» в прошлое. Экспозиционное пространство состоит из нескольких рабочих зон: мастерской по обработке камня и кости, зон гончарства, ткачества и плетения.

Траектория восстановления древних технологий в нашем музее такова: исторические реконструкции, выполненные учеными на основании археологических и этнографических источников, осваиваются музейным активом через участие в работе научно-экспериментальных полигонов. Затем эти знания и умения применяются ребятами в музейно-экскурсионной деятельности и передаются посетителям. Таким образом, древние традиции проходят двойную, и даже тройную интерпретацию, что делает их живыми и развивающимися. Важно то, что знания и навыки передаются непосредственно из рук в руки, в ходе диалога, беседы «мастеров» и «подмастерьев».

Во время музейных занятий перед маленькими посетителями не ставится цель сделать точную копию подлинного каменного орудия или украшения, повторить орнамент глиняного горшка или форму свистульки. Главное – почувствовать свойства материала, освоить первобытные способы и, прислушиваясь к своим ассоциациям, создать собственные образы. Так, в детском творчестве культурно-историческое наследие перестает быть только информацией, а становится переживанием, чувствованием. По всей вероятности, именно такой способ передачи знаний наиболее адекватен древним традициям.

Особенностью детского музея является активная культурно-образовательная и учебно-исследовательская деятельность. Двенадцать лет музейной жизни включают в себя около двадцати археологических и экспериментальных экспедиций, 5 реализованных социально-значимых проектов, 10 снятых своими силами учебно-методических видеофильмов, регулярное участие в мониторинге археологических памятников, несколько интерактивных выставок и музейных фестивалей, успешное участие в 17 научно-практических семинарах и конференциях школьников. В «Мастерской предков» ребята получают возможность и погрузиться в камерную обстановку фондовой работы, и пережить успехи и трудности учебно-исследовательской деятельности; они учатся вести живой диалог с посетителями музея и создавать праздничную атмосферу для участников выставок

и фестивалей. Но самое главное – пройдя школу музейной работы, они приучаются к бережному и уважительному взаимодействию с культурно-историческим наследием.

Библиографический список

1. Макарова – Таман Н.Г., Медведева Е.Б., Юхневич М.Ю. Детские музеи в России и за рубежом. М., 2001.
2. Мастеница Е. Н. Наследие в музее: границы и горизонты интерпретации.//Музей и нематериальное культурное наследие. М., 2005.С. 60-64.
3. Свиридова Н.В. Историческое образование школьников средствами музейной педагогики.// Фестиваль педагогических идей «Открытый урок». М., 2004. С.245-246.

Е.Ф. Фурсова

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН, д.и.н, г.н.с.

ОПЫТ ВКЛЮЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В ЭТНОГРАФИЧЕСКУЮ ПОДГОТОВКУ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «НАРОДНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО» В НОВОСИБИРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В процессе подготовки студентов по специальности «Народное художественное творчество» (руководитель этнокультурного центра) с включением этнокультурной специфики первостепенное значение приобретают теоретические курсы «Этнология», «Этнография», «Этническая история народов России». Вместе с тем, развитие исследовательского направления в системе высшего образования является следствием процесса композитирования вузовских программ, методик, курсов начала 1990-х годов. При подготовке студентов соответствующего профиля необходимо привлекать их к научно-исследовательской работе, для чего требуется предусмотреть такой вид нагрузки, как фольклорно-этнографическая практика. Важно отметить тот факт, что у будущих руководителей этнокультурных центров в последние годы практически исключаются реферативные работы по общим вопросам народного искусства, этнографии. В большинстве своем курсовые и дипломные работы включают главы о содержании сибирских историко-культурных процессов и явлений и основываются на оригинальной источниковой базе (архивы, собрания музейных фондов, экспедиционные поездки, данные собственных интервью, в том числе по месту проживания студента). При этом учитывается, что в ходе разработки тем дипломных работ особое внимание должно быть уделено локальным традициям данной местности (области, края, региона) и даже более конкретным темам, касающимся выявления специфики культуры отдельных этнографических и этнических групп, населенных пунктов. Совершенно очевидно, что региональные традиции необходимо рассматривать на фоне культурных особенностей соответствующих районов выхода (в том числе мифологического, гипотетического) переселенцев из Европейской России, Украины, Белоруссии, Поволжья и пр. В работы, посвященные изучению разных традиций материальной и духовной культуры (например, русской пищи, одежды, народного театра в календарной и семейной обрядности), обязательно включается глава, освещающая обычаи сибирского крестьянства, прежде всего Западной Сибири – Алтая, Барабинской лесостепи, Кулундинской степи и т.д.

Основную массу студентов специальности «Народное художественное творчество» составляют выходцы из разных районов Западной и Восточной Сибири, Приуралья, что позволяет нам, с одной стороны, ориентировать их на этнографическую практику во время каникулярных поездок, с другой – успешно выполнять учебные и научные студенческие работы на региональном материале. В качестве материала для написания научных и учебных работ студенты-горожане могут привлекать в качестве респондентов знакомых старшего возраста, как правило, переселенцев из сельской местности.

Вместе с тем, важным принципом формирования проблематики курсовых и дипломных работ является ориентация на этническую идентичность студентов, так как в их состав входят потомки восточнославянских народов, народов Поволжья, Прибалтики, Кавказа. Выходцы из компактных поселений сибиряков Приангарья, Кузнецкого края, «семейских» Забайкалья, старообрядцев Бухтармы, эстонцев, литовцев Красноярского края и пр. охотно и нередко впервые узнают семейные предания, традиционные обычаи и обряды своей местности, осознают вклад своих земляков в культурную сокровищницу народов России. У потомков украинских и белорусских переселенцев, как правило, сохраняются предметы семейных рукодел, а также семейные ро-

дословные, истории-предания о переселении в Сибирь, сформированы свои «образы Сибири». Практически в каждой группе студентов специальности НХТ есть потомки так называемых «русских немцев» (в их числе голландцев), которые с удовольствием воссоздают культуру семьи по воспоминаниям членов старшего поколения. В результате на защитах курсовых и дипломных работ студентов, будущих руководителей этнокультурных центров, складывается картина «живой народной жизни» обширного культурного пространства, а также отдельных местечек, куда не ступала, а может быть, и никогда не ступит нога профессионального этнографа.

Как известно образованный человек – это многосторонне развитая личность, имеющая устойчивый нравственный ориентир, способная обладать профессиональными знаниями и раскрыть творческий потенциал. Методические пособия, разработанные студентами НГПУ в дипломных и курсовых работах, таким образом, ориентированы на воспитание и образование детей, подростков, молодежи в области народной художественной культуры с учетом традиций конкретной местности, группы, населенного пункта. Можно надеяться, что это будет способствовать как установлению исторической связи поколений, формирования уважительного отношения к традиционным культурным ценностям своих дедов, так и в целом приобщению молодежи к высокой духовности национальных культур. Ведь именно школа представляет собой важнейший институт формирования личности, заканчивая которую молодые люди уже обладают системой ценностей и жизненным настроем, который в будущем редко меняется кардинально.

Сохранение и потребление культурных ценностей, являющихся наиболее важными элементами культуры, приобретает первостепенное значение и предполагает не только издание законов, деятельность комитетов по охране памятников культуры, но и информированность подрастающего поколения об этих памятниках, формирование общественного интереса к ним, понимание их социально-исторической, мировоззренческой и художественно-эстетической значимости. Большое значение в этой связи должна приобрести научно-исследовательская работа, деятельность студентов и аспирантов в рамках Лаборатории этнографии и фольклора восточнославянских народов Сибири Факультета культуры и дополнительного образования НГПУ. В определенной степени такая работа проводится совместно с Государственными архивами Новосибирской области и Алтайского края, Институтом археологии и этнографии СО РАН и его Музеем, Новосибирским, Усть-Каменогорским и другими краеведческими музеями, Новосибирским историко-родословным обществом. Образовательная задача решается в процессе работы с архивными документами, экспедиционными материалами, что не только раздвигает рамки вузовской программы, но и расширяет кругозор, дает возможность увидеть историю не только со страниц учебника, но глазами непосредственных участников, современников тех событий, проследить сопряженность процессов общероссийского и регионального масштабов. Работа с первоисточниками развивает умение анализировать, структурировать материал, а также способствует проявлению самостоятельности в формулировании выводов.

В настоящее время студенты привлекаются к сотрудничеству по программе «Православные традиции в народной культуре восточнославянского населения Западной Сибири в конце XIX – XX вв. и массовые формы религиозного сознания», которая является целевой в работе Лаборатории этнографии и фольклора восточнославянских народов Сибири (рук. Е.Ф. Фурсова). Студенты привлекаются для сбора материалов по вопросам фиксации материалов и почитании православных святых, мест поклонения региональным святыням, православных обычаев и обрядов по материалам восточных славян Приобья, Барабы и Кулундинской степи. Особо актуальным представляется в данной проблематике изучение фактов осознания православной веры сибирскими крестьянами, перенесения ее догматического содержания в разряд духовно-нравственных и культурных реалий. Для формирования гражданского общества обнаруживается острая необходимость включения людей, прежде всего молодежи, в созидательную, производительную деятельность. Отсюда вырисовывается важность будущей профессиональной ориентации, выявления творческих личностей, способных самостоятельно ставить проблему, искать пути ее решения, делать обобщения и оценивать результаты.

А.Б. Шамшин

Барнаул, Алтайский государственный университет

ШКОЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Школьная археология на Алтае уже не раз становилась предметом исследования в краеведческой и специальной литературе. Так, нами неоднократно рассматривались особенности историко-краеведческой работы

со школьниками, в том числе и проведение археологических экспедиций [5; 6]. Познавательные и воспитательные возможности школьных экспедиций, кружков и объединений анализировались Г.Е. Ивановым [2] и Ю.И. Гельмелем [1]. Характеристику работы археологических школьных лагерей в Алтайском крае и перспективы развития школьного археологического туризма дал П.И. Шульга [9; 10]. Итоги развития школьной археологии в Алтайском госуниверситете подведены нами к ее двадцатилетнему юбилею [7], а также в сборнике, посвященному 100-летию детского туризма на Алтае [8].

Для определения дальнейших перспектив развития этого важнейшего направления краеведения, на наш взгляд, неплохо подвести некоторые итоги того, что уже сделано. За прошедшие четверть века нам удалось добиться определенных результатов в организации школьной краеведческой работы на Алтае, в том числе и в школьной археологии. Нам представляется полезным обобщить некоторый свой опыт и предложить его для более широкого обсуждения.

Школьные археологические экспедиции имеют на Алтае давние традиции. В данной работе мы не останавливаемся на более широких по своим задачам школьных краеведческих поездках и походах, которые практиковались на Алтае с XIX в. Нередко они включали в себя и археологическую составляющую. Так, например, известно, что В.В. Радлов привлекал учащихся Барнаульского Горного училища в период летних каникул к своим путешествиям по Алтаю. С.М. Сергеев – директор, а позднее научный сотрудник БКМ, руководил кружком юных археологов, работавшим при музее. В архиве БКМ хранится отчет об экскурсии этого кружка, датированный 24 августа 1940 г. [3, с. 184].

Собственно же археологические школьные экспедиции, в первую очередь разведочного характера, первоначально организовывались на базе краеведческих музеев и руководителями их (равно как и археологических кружков при музеях) выступали работавшие там археологи. В первой половине 70-х годов прошлого века такую работу вели БКМ и АККМ. Так из кружка, функционировавшего в Бийском краеведческом музее под руководством Б.Х. Кадикова, вышел археолог Б.И. Лапшин – один из исследователей алтайского палеолита, к сожалению, рано и трагически ушедший из жизни [Архив БКМ, без №; 4, с. 14–15]. Питомцем кружка Э.М. Медниковой в Алтайском краевом краеведческом музее в Барнауле стал известный ныне археолог А.Л. Кунгуров.

После создания Алтайского госуниверситета началось проведение регулярных археологических экспедиций в Алтайском крае. При этом в составе студенческих экспедиций периодически стали появляться учащиеся старших классов. Так в 1975 г. А.Л. Кунгуров, еще будучи школьником, участвовал в раскопках Баевских курганов, проводившихся АлтГУ, уже в качестве бригадира. Однако все эти случаи были единичны и не представляли из себя системы.

Тем не менее школьная археология как направление стала формироваться именно в стенах Алтайского госуниверситета в конце 70-х годов прошлого века. Первым опытом собственно школьной археологической экспедиции были работы, проведенные под руководством автора в 1979 и 1980 гг. на Чумыше в Тальменском районе. Исследовались поселения эпохи поздней бронзы Речкуново III и IV и раннего железного века Усть-Чумыш I. Экспедиция состояла преимущественно из школьников р.п. Тальменки и, частично, из г. Барнаула. Состав первых экспедиций был во многом случайным, включались просто желающие поехать на раскопки. Не проводилось с ребятами никакой предварительной подготовки. Тем не менее, работы прошли успешно. Был получен первоначальный опыт организации школьной археологической экспедиции.

Однако становилось ясно, что успех проводимых экспедиций, их организационные и научные возможности, и в конечном счете их результат, зависят во многом от степени подготовки школьников, от работы с ними не только летом, в самой экспедиции, но и в течение всего учебного года. Необходимо было структурно перестроить всю нашу деятельность и в первую очередь определиться с базой, т.е. с тем центром, на основе которого можно было бы заниматься школьной археологией. Мой выбор тогда пал на динамично развивающееся в те годы учреждение, статус которого, как мне показалось, идеально подходил для решения поставленной задачи. Это был Алтайский краевой дворец пионеров и школьников (ныне Алтайский краевой детско-юношеский центр – АКДЮЦ). Организация имела статус краевой, что было очень важно для проведения как полевых работ в разных районах Алтайского края, так и для организации краевых школьных краеведческих мероприятий: конференций, смен и т.д.

Изначально, наряду с научными и профориентационными целями, планировались и воспитательные задачи. Тем более, что для этого в археологической экспедиции имеются поистине неисчерпаемые возможности.

Уже в первый год существования кружка археологии и краеведения в течение учебного года велась подготовка школьников по археологии, причем особое внимание, с учетом предстоящих летних полевых работ, обращалось на практическую работу с материалом и методику полевых исследований. Ежегодно, начиная с 1983 г., Приобская, а затем и Кулундинская экспедиции АлтГУ, в основе состава которых были члены и выпускники (чаще всего уже студенты) кружка, под руководством автора данной статьи вели крупномасштабные разведочные и раскопочные работы в разных районах Алтайского края.

Исследования первых лет существования кружка опирались прежде всего на большой энтузиазм как руководителя, так и всех членов экспедиций и мало подкреплялись финансово. Тем не менее, в период с середины и до конца 80-х годов силами нашего археологического кружка было проведено много самостоятельных экс-

педиций как стационарного, так и разведочного характера. Особо следует отметить раскопки таких, ставших известными впоследствии памятников, как поселения Заковряшино I, Мыльниково, Казенная Заимка, Фирсово XVII и XVIII, могильника Фирсово XIV и др.

Кроме того в 80-е годы широко стало практиковаться участие наших кружковцев в совместных экспедициях со студентами Алтайского госуниверситета, а иногда и Барнаульского пединститута. Одним из ярких примеров таких работ служат исследования курганного могильника Рогозиха I в Павловском районе в 1985 г. Иногда кружковцы участвовали в те годы отдельной группой в составе более крупных экспедиций, состоящих преимущественно также из школьников, например, в 1987–88 гг. в раскопках у с. Точильного Смоленского района или у с. Ананьевка Кулундинского района и р.п. Михайловского в 1988 г. В середине 80-х – начале 90-х гг. такие работы проводились нередко по хозяйственным договорам, которые в те годы заключались в довольно большом количестве и объеме и выделявшихся средств было достаточно для широкого привлечения к этим экспедициям школьников. В то же время все это не изменило дело в принципе, так как на школьную археологию средств по-прежнему не выделялось.

Ситуация стала меняться с начала 90-х годов. С одной стороны девяностые годы были очень тяжелым временем для отечественной экономики. На Алтае экономическая ситуация сложилась в целом еще хуже, чем в среднем по России. Это сразу неизбежно отразилось на хозяйственных работах. Их количество резко сократилось. В связи с этим практически прекратились раскопки по хозяйственным договорам в зонах мелиоративного, дорожного и другого строительства, которые ранее составляли значительную часть полевых работ археологов, в частности, Алтайского госуниверситета. Обострилась и проблема привлечения школьников к археологическим экспедициям. Необходимо было искать новые возможности. Выход был найден в создании профильных классов и введении в учебные планы специальных предметов.

В 1989 г. на базе школы №40 г. Барнаула был организован исторический класс, в учебный план которого вошел курс «Археология Алтая» с летней археологической практикой. Особо важно то, что предусматривалось ее финансирование. Первая такая практика была проведена нами в 1990 г. на базе Приобской экспедиции, на раскопках курганных групп раннего железного века Гоньба II и Казенная Заимка I в окрестностях г. Барнаула. Затем практически ежегодно она проходила на раскопках памятников Фирсовского археологического микрорайона в окрестностях с. Фирсово Первомайского района. С 1998 г. ежегодно мы выезжаем на комплекс археологических памятников на оз. Рублево на границе Михайловского и Угловского районов Алтайского края, а с 2003 г. также в Чернокурьянский микрорайон в окрестностях одноименного села Мамонтовского района. Средства на проведение археологической практики регулярно выделяются гимназией (ранее школой) №40.

Чтение курсов «Археология Алтая» (позднее «Древняя история Алтая») и «Историческое краеведение Алтая» в течение учебного года в гимназии №40 с проведением после теоретической части практических экспедиционных исследований в летнее время дополнялись постоянной систематической работой, в том числе по археологии Алтая, в рамках кружка во Дворце пионеров. Более того, наиболее заинтересованные учащиеся из исторических 10 и 11 классов регулярно привлекались нами к занятиям кружка. Они-то и составляли костяк будущих школьных археологических экспедиций. Нередко они же проявляли активное участие в краеведческих школьных конференциях разного уровня, выступая на них с докладами.

Сложившаяся система являлась довольно эффективной, однако она охватывала практически лишь барнаульских школьников. И хотя меня эта ситуация устраивала, администрация Дворца пионеров, являвшегося краевым учреждением, постоянно настаивала на расширении сферы действия нашего кружка на районы края. Проводимых там нами экспедиций было уже недостаточно.

Выход был мной найден в создании на базе кружка археологии и краеведения, в котором действительно занимались лишь барнаульские школьники, Алтайской краевой очно-заочной археолого-краеведческой школы. В качестве очной формы обучения выступил наш кружок. Заочная составляющая предполагала проведение краеведческих профильных научных смен в течение учебного года, а летом участие слушателей заочной школы вместе со своими руководителями – чаще всего учителями истории – в археологических экспедициях. Школа, руководство которой я возглавил в 1991 г., функционировала, как ранее и кружок, на базе Краевого дворца пионеров, при активном методическом и организационном участии АлтГУ.

В летнее время, начиная с 1991 г. и до сих пор, мы ежегодно проводим краевые археологические профильные смены. С 1998 г. они включают два заезда – в июне и в июле. Частичное финансирование их все это время проводил Комитет по образованию администрации Алтайского края.

Одновременно в школьных археолого-краеведческих сменах принимает участие все эти годы от 40–50 до 80–90 учащихся старших классов. Уже традиционно районами, школьники которых приезжают на такие смены, являются Михайловский, Троицкий, Ключевский, Угловский, Павловский, города Заринск, Камень-на-Оби и, конечно, Барнаул. В рамках барнаульской делегации в июне месяце регулярно принимает участие группа археологической практики 40 гимназии, а последние годы и группа из школы №10. В июле в работах на оз. Рублево с 1998 г. ежегодно участвуют учащиеся Михайловского лицея АлтГУ. С 2003 г. июньская смена проводится нами в с. Черная Курья Мамонтовского района (поселение Калиновка II), а июльская традиционно на памятниках оз. Рублево Михайловского и Угловского районов.

Еще раз хотим отметить большую роль школьных экспедиций в развитии археологии Алтая в целом. Значимо проведение таких экспедиций на аварийных памятниках, что делает их важным инструментом охранных мероприятий в Алтайском крае. Особо ценно, что для решения этих задач в данном случае привлекаются иные источники финансирования.

Не менее важен и научный результат работ, выполненных за рассматриваемый период школьниками в составе Приобской и Кулундинской археологических экспедиций АлтГУ и НИИ гуманитарных исследований при Алтайском государственном университете.

За это время были проведены раскопки многих памятников бронзового и раннего железного веков в различных районах лесостепного и степного Алтая. Материалы этих исследований достаточно широко опубликованы. Тем самым не только получены новые, значительные, а порой и уникальные данные по различным хронологическим периодам, многократно увеличена источниковая база археологических исследований в Алтайском крае, спасены от разрушения многие аварийные памятники, имеющие большую историческую ценность, но и результаты этих раскопок частично введены в научный оборот.

Работы в крупных археологических микрорайонах, ранее в Фирсовском, а последнее время в Рублевском и Чернокурьянском, в которых нами исследуются наиболее интересные, значимые в научном плане и в то же время «зрелищные» памятники, имеющие большое количество ярких находок, важны для поддержания интереса школьников к археологии и к древней истории Алтая, в целом.

За долгие годы из рядов археологического кружка и археолого-краеведческой школы вышла большая группа молодых талантливых исследователей археологии Алтая. Назовем здесь лишь несколько имен. Это доктор исторических наук В.В. Горбунов, кандидаты исторических наук Я.В. Фролов, О.И. Чекрыжова, О.Г. Шмидт (Лыжникова), а также О.А. Позднякова (Ченских), С.Д. Ведянин и др.

Многие выпускники кружка, а потом и очно-заочной школы окончили исторический факультет АлтГУ. Некоторые из них, обучаясь в университете, специализировались по археологии, писали курсовые и дипломные работы по археологии Алтая, принимали активное участие в археологических экспедициях АлтГУ.

Большую помощь нам оказывают также руководители групп школьников в районах и городах Алтайского края, которые являются чаще всего учителями-историками. В течение учебного года они готовят археологические или краеведческие группы, а во время летней смены привозят на нее своих воспитанников. Уже многие годы сотрудничают с нами С.В. Кудинова – учитель школы №1 с. Троицкое, А.Н. Герасимов – директор Михайловского филиала АлтГУ, Е.А. Симонов – директор Угловского районного краеведческого музея (все трое – выпускники ИФ АлтГУ), Г.Е. Иванов – директор Чернокурьянской школы Мамонтовского района, к.и.н., А.А. Чистяков – педагог дополнительного образования станции туристов г. Заринска, А.М. Демин – учитель истории школы №10 г. Барнаула (ныне также аспирант БГПУ) и др.

В данной статье невозможно остановиться на многих очень важных вопросах школьной археологии на Алтае. Это и значение и место воспитательной работы в экспедиции, подготовка специальных учебных пособий и методических материалов по археологии Алтая для школьников и руководителей археологических и краеведческих кружков, роль и место краеведческих музеев, прежде всего районных и школьных в развитии школьной археологии и др. Все это темы для отдельных публикаций.

У школьной археологии на Алтае славный путь, богатые традиции. Ей занимаются неравнодушные, неординарные люди. И я не сомневаюсь, что у нее большое будущее.

Библиографический список

1. Гельмель Ю.И. Организация педагогического процесса в объединении юных археологов // Региональный компонент школьного курса истории: поиск и решения. Барнаул, 2001. С. 32–41.
2. Иванов Г.Е. Археологический кружок в сельской школе как средство воспитания и обучения учащихся // Вопросы методики работы школьных археологических кружков. Новосибирск, 1990. С. 18–26.
3. Кунгуров А.Л. Сергей Михайлович Сергеев // Алтайский сборник. Барнаул, 1992. Вып. XV. С. 177–184.
4. Лапшин Б.И. История исследования алтайского палеолита // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 3–17.
5. Шамшин А.Б. Историко-краеведческая работа во внешкольном учреждении (из опыта работы) // Историческое краеведение: теория и практика. Барнаул, 1996. С. 98–103.
6. Шамшин А.Б. Историко-краеведческая работа со школьниками // Преподавание истории в школе. 1998. №5. С. 58–59.
7. Шамшин А.Б. Двадцатилетие школьной археологии в Алтайском государственном университете: некоторые итоги и перспективы развития // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. Вып. X. С. 31–35.
8. Шамшин А.Б. Из истории школьной археологии на Алтае: некоторые итоги (из опыта работы) // Педагогические чтения имени В.И. Верещагина, посвященные 100-летию детского туризма на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 60–73.
9. Шульга П.И. Из опыта организации археологических лагерей школьников в Алтайском крае // Археология в вузе и школе. Новосибирск, 1995. С. 53–54.
10. Шульга П.И. О развитии школьного археологического туризма на Алтае // Историческое краеведение: теория и практика. Барнаул, 1996. С. 135–141.

ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

А.Н. Антонова

Иркутск, Иркутский государственный университет, 5 курс

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Материалы погребальных комплексов позволяют исследовать определенные аспекты жизни древнего населения: демографию, социальную структуру общества, мировоззрение и пр. Классификация погребальных практик дает возможность выделять их разновидности. А это, в свою очередь, позволяет сравнивать могильные комплексы различных культур.

Данная работа реферирует исследования зарубежных археологов, антропологов, этнологов, касающиеся теории погребальных практик. Целью работы является выработка общей точки зрения на характер связи между религиозными представлениями древнего населения и типом погребального обряда.

Дискуссия в отношении погребальных практик первоначально была связана с представлениями о погребальном ритуале как о части первобытной религии. Поэтому исследователи XIX века рассматривали погребальные традиции в контексте религиозного мировоззрения.

В 1871 г появилась работа Тэйлора, посвященная исследованиям первобытной культуры [5]. Автор выдвинул идею о том, что анимизм (вера в существование духов) вырос из смешения представлений древнего человека о смерти и его сновидений. Дихотомия «тело-душа» была воспринята из сна и спроецирована на представление о смерти соплеменника. Считалось, что после гибели тела душа продолжала существовать. Как заключает Тэйлор, многие элементы культуры были теснейшим образом связаны с представлениями людей о загробной жизни.

Фрэйзер считал, что погребальный ритуал явился следствием страха перед душой умершего [2, с. 7]. Поэтому обряд стал олицетворять действие, способное контролировать душу погребенного. Отсюда традиция закладки могилы тяжелыми камнями, что означало стремление удержать дух предка в могиле. Наиболее распространенной является практика оставления пищи и одевание умершего в лучшие одежды. Таким образом, душу побуждали остаться в могиле, чтобы не досаждал живым просьбами о еде и одеянии [2, с. 7-8].

Французская школа исследователей считала, что обрядовые традиции древних обществ связаны с социальными институтами, следовательно, изменение формы и структуры обряда связано с социальными изменениями.

Принадлежавший к этой же школе Герц писал, что дети, старики, люди, погибшие насильственной смертью, часто похоронены иначе, чем другие члены общества. Это отчасти доказывает, что погребальный ритуал варьировался в зависимости от статуса, которым человек обладал при жизни. Согласно представлениям первобытных людей, после смерти человек из «земного» общества переходил в «общество духов» [3, с. 102].

В 1927 г. была опубликована небольшая статья А.Л. Крёбера «Погребение умершего». В ней автор отметил интересную деталь: граница распространения определенных черт погребального обряда не всегда совпадает с границами распространения той или иной культуры. То есть, у некоторых племен, проживавших на разных территориях, могли наблюдаться одинаковые погребальные практики, что связано либо с заимствованием, либо с независимым развитием похожих традиций [4].

Резюмируя сказанное, отметим, многие исследователи сходятся во мнении, что характер погребальных практик зависит от возраста, пола, социального статуса умершего внутри социальной группы (при жизни). А то многообразие форм и видов обрядов объясняется различием в религиозных представлениях.

Необходимо рассмотреть соотношение видов погребальных традиций с религиозными воззрениями древнего населения (вид обряда/ интерпретация).

Практика обращения с телом умершего:

1. Кремация связана с верой в последующую жизнь. Преданные земле физические останки затем восходят на небо в виде пепла и продолжают там свое существование.

2. Мумификация, во-первых, сохраняла тело от разложения, во-вторых, позволяла телу умершего функционировать в загробной жизни [2, с. 12].

Положение тела умершего в могиле:

1. Скорченное положение, по мнению Тэйлора [5, с. 463], копировало позу зародыша. Это являлось символом перерождения. Согласно другой точке зрения, скорченное положение было результатом привязывания ног к телу, что не позволяло душе умершего покинуть пределы могилы, чтобы не беспокоить живых соплеменников.

Ориентация умершего в могиле:

1. По направлению движения Солнца. Считалось, что на закате человека ждала смерть, на восходе - новая жизнь.

2. Согласно географическим направлениям. Ориентация по сторонам света связана с верой в реинкорпацию. Тело располагают в направлении места, куда душа должна переселиться до того, как произойдет перерождение.

Выбор места для погребения:

1. Вблизи поселений. Таким образом, соплеменники не хотели терять связь с умершими членами общества.

2. Вдали от поселений. Стремление создать сакральное место для почитания ушедших из жизни предков.

3. Захоронения под жилищем подчеркивали связь, существовавшую между живыми членами семьи и ушедшим из жизни родственником.

Абсолютно утверждать, что рассмотренные выше формы погребальных обрядов имели именно указанное значение, было бы не правомерно. Поэтому остановимся на относительном интерпретировании их значений. Чаще всего у одной группы населения определенный обряд означал одно, у другой - совсем иное. Например, практика кремации тел умерших существовала у многих народов. Однако тех членов общества, которые умирали насильственной смертью, индейцы погребали в земле [2, с. 17]. Интересен пример традиции, существовавшей у неолитических культур юго-восточной Европы, согласно которой женщин и детей хоронили под жилищами. Это указывает, во-первых, на их сильную привязанность к семьям, а во-вторых, на особое их положение в обществе, так как подобных примеров захоронения мужчин не встречалось [1, с. 225-226]. Поэтому вполне правомерно утверждение В.Д. Уэллеса [7, с. 52] о том, что социальный статус человека не умирает вместе с телом. То уважение, каким человек пользовался при жизни, остается таким и после смерти.

Изучение погребальных практик позволяет проследить динамику развития древнего общества, его прямые или косвенные культурные связи с соседями. Наличие в могилах материалов, несвойственных для данного региона (например, изделия из слоновой кости, янтаря, страусиная скорлупа в захоронениях Центральной Европы [1, с. 234]) говорит о контактах, связанных либо с обменом, либо с зачатками торговых отношений.

Погребальные практики связаны с характером социальных отношений в обществе. Относительное постоянство типов, форм захоронений, наличие определенного рода предметов в них может предполагать, но не утверждать, что общество имело эгалитарный характер. И наоборот, сильная дифференциация в характере погребений, их форме, содержании погребального инвентаря в них свидетельствует о том, что общество было стратифицированным. Таким образом, все элементы социальных институтов древних обществ находили отражение, прежде всего, в характере погребальных практик.

Библиографический список

1. **Джимбутас М.** Социальная структура Старой Европы: Ч. 2 Материалы могильников. Юго-восточная и Центральная Европа 6500-4500 л.н. // Журнал Индоевропейских исследований. - 1990. - Вып. 18. - С. 225-238.
2. **Binford L.R.** Mortuary practices: their study and their potential // Approaches to the social dimensions of mortuary practices: Memoirs of the society for American archeology. - 1971 - № 25 - P. 6-29.
3. **Hertz R.** Death and the right hand // Translated by Rodney and Claudia Needham. - Glencoe: Free press, 1960 - P. 95-124.
4. **Kroeber A.L.** Disposal of the dead // American Anthropologist. - 1927 - № 29. - P. 308-315.
5. **Тэйлор Э.Б.** Первобытная культура: Пер. с англ. - М.: Политиздат, 1989. - 573 с.
6. **Ucko P. J.** Ethnography and archeological interpretation of funerary remains // World Archeology. - 1969 - № 1. - P.262-280.
7. **Wallis W.D.** Similarities in culture // American anthropologist. - 1957. - Vol. 19. - P.41-54.

Научный руководитель: В.И. Базалийский, м.н.с.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ РАЙОНА ИСТОКА АНГАРЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Введение

В данной работе систематизирована информация об археологических объектах правобережья истока р. Ангары и прилегающих территориях побережья оз. Байкал. Это территории пос. Листвянка и д. Никола. Необходимость такой работы вызвана интенсивным туристическим освоением побережий Байкала. В истоке Ангары планируется строительство крупной туристической зоны «Байкал-Сити», которое составляет реальную угрозу разрушения археологическим объектам.

Географическое положение

Территория пос. Листвянка располагается от истока Ангары (м. Лиственичный) вдоль Байкала по восточной части побережья Лиственичной губы. Территория д. Никола находится на правом берегу Ангары в 2 км ниже по течению от м. Лиственичный. В настоящее время эти населенные пункты являются единым муниципальным образованием.

История археологического изучения

Первые находки на территории пос. Листвянка сделаны в начале XX в. А.М. Станиловским [4]. Регулярные археологические работы в истоке велись в 20-30-х гг. XX в. И.И. Веселовым, П.П. Хороших, Б.А. Куфтиным, А.П. Окладниковым. Археологический материал собирался и местными жителями. В 1928 г. первые раскопки в местности Рогатка провели П.П. Хороших и И.И. Веселов. В 1934 г., 1936 гг. раскопки Рогатки продолжены Б.Э. Петри [1]. В 1949 г. П.П. Хороших раскопал стоянку Мыс Березовый [9]. В 1951 г. Ангарской экспедицией ИИМК под руководством А.П. Окладникова раскапывается стоянка Рогатка [4].

У д. Никола первые находки сделал в 1934 г. И.И. Веселов. В 1956 г. П.П. Хороших, Э.Р. Рыгдылон и В.В. Свинин раскапывали стоянку Никола I [4-6]. В этом же году ими выделены археологические объекты Никола II и Никола III. В 1958 г. В.В. Свинин провел на их территории шурфовочные работы [7]. В 1963, 1964 гг. он продолжил раскопки стоянок Никола I и Никола II [8].

Археологические работы в истоке Ангары возобновились в 80-90-е гг. XX в. при паспортизации археологических объектов и обследовании территорий нового строительства [2]. Результаты более чем 100-летних изысканий на территории Листвянки и д. Никола опубликованы очень кратко [3, 5, 10].

Описание археологических объектов

На территории пос. Листвянка известно 9 археологических объектов. Их местоположение восстановлено по сохранившимся описаниям в отчетах, коллекционных описях, немногочисленных публикациях. Это Мыс Березовый, Березовый Лог, Школьный огород, Экскурсионная база ОПТЭ, Крестовская, У церкви, Падь Сеннушка, Рогатка, Метеостанция. Не удалось установить места сборов еще двух коллекций. На территории д. Никола известно 5 археологических объектов: Никола I-IV, Никола-деревня.

Археологические объекты располагаются на берегу Байкала и Ангары в приустьевых участках падей (Березовый Лог, Крестовская, Падь Сеннушка), на мысах (Мыс Березовый, Рогатка, Метеостанция), на выположенных участках конусов выноса (Никола I-III, Никола-деревня) и присклоновых шлейфов (Школьный огород, Экскурсионная база ОПТЭ, У церкви, Никола IV).

Археологический материал привязан к отложениям голоцена и характеризуют культуру древнего населения в эпоху финального мезолита - средневековья.

На стоянке Мыс Березовый известно несколько очагов с каменной обкладкой, с которыми связан материал от финального мезолита до эпохи бронзы. На стоянке Рогатка Б.Э.Петри выделил 2 уровня. Первый уровень он датировал ранним неолитом, второй отнес к переходной стадии от палеолита к неолиту. На стоянке Никола I исследователями выделено 3 уровня залегания находок: 1-й уровень датируется ранним железным веком, 2-ой - бронзовым веком, 3-ий - неолитом. Возраст и материал стоянки Никола II аналогичен возрасту и материалу стоянки Никола I. На археологическом объекте Никола IV раскопаны материалы железного века - средневековья. Материалы, собранных с территорий других археологических объектов характерны для мезолита - средневековья.

В коллекциях имеются фрагменты керамики гладкостенной, с оттисками сетки-плетенки, рубчатой лопатки, вафли, шнура, орнаментированной штампами, насечками, жемчужинами, наклепными валиками; пластины и сколы, разнообразные нуклеусы, скребки, скребла, проколки, резцы, тесла, в том числе и нефритовые, бифасы, вкладыши, наконечники, песты, абразивы, стерженьки от рыболовных крючков, грузила, подвески, рыбки-приманки; бронзовые нож, кельт, бляшки, трубка; изображение рыбки на гальке, орнаментированные плитки; фигурка из кремня, которая напоминает голову волка.

Современное состояние археологических объектов

В связи с проектом «Байкал-Сити» проведена археологическая экспертная оценка территорий пос. Листвянка и д. Никола. В результате выяснено, что состояние археологических объектов можно оценить как аварийное и неудовлетворительное. Идет постоянный размыв культуровмещающих отложений водами Байкала и Ангара (Мыс Березовый, Никола I-IV, Никола-деревня). Большие участки территорий археологических объектов разрушены современной застройкой.

В целях сохранения археологических объектов проведено зонирование. Для территорий пос. Листвянка и д. Никола определено три вида зон: 1) зоны без археологического регламента, в пределах которой разрешается хозяйственная деятельность без ограничений; 2) зоны с общим археологическим регламентом, на территориях которых хозяйственная деятельность возможна при согласовании с государственными органами охраны культурного наследия; 3) зоны, которые соответствуют территориям археологическим объектам, где устанавливается специальный регламент в виде выполнения охранных мероприятий для известного археологического объекта.

На территории Листвянки выделено 4 зоны со специальным археологическим регламентом и 17 зон с общим регламентом. На территории д. Никола определено 5 зон со специальным и 4 зоны с общим регламентом.

Заключение

Систематизация информации об археологических объектах истока Ангара показала, что она представляет несомненный научный интерес, поскольку раскрывает особенности хозяйственного освоения Байкала древним человеком на протяжении последних 10 тысяч лет. Необходима полная публикация имеющихся материалов. Для сохранения самих археологических объектов требуется выполнение необходимых охранных мероприятий.

Библиографический список

1. **Ангарская экспедиция 1934 г.** Работы профессора Б.Э.Петри на Верхней Ангаре. Отчет, опись находок и дневник // Архив ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1, д. 225. - 1934. - 103 л.
2. **Дзюбас С.А., Николаев В.С., Пержаков С.Н.** Отчет о проведении археологической экспертизы территории, испрашиваемой под строительство реабилитационного центра Управления государственного противопожарной службы УВД в пос.Никола Иркутского района Иркутской области // Архив ЦСН, 1999, № 362/н. - 37с.
3. **Овчинников М.П.** Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях г.Иркутска // Изв.ВСОРО. - 1906. - Т. 35. - № 3. - С. 62-76.
4. **Свинин В.В.** Археологические памятники Байкала и их исследователи // Древности Байкала. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. - С. 111-133.
5. **Свинин В.В.** Древняя стоянка Никола-I в истоке реки Ангара // Изв. / ВСОГО СССР. - 1967. - Т. 65. - С. 178-179.
6. **Свинин В.В.** Отчет об археологических исследованиях в зоне затопления Иркутской ГЭС // Архив ИА РАН, 1956, р-1, № 1717. - 52 л.
7. **Свинин В.В.** Отчет об археологических работах в истоке Ангара // Архив ИА РАН, 1958, р-1, № 1716. - 11 л.
8. **Свинин В.В.** Отчет об археологических исследованиях на Байкале // Архив ИА РАН, 1964, р-1, № 2868. - 143 л.
9. **Хороших П.П.** Отчет об археологических исследованиях в Прибайкалье в 1949 г. // Архив ИА РАН, р-1, № 356. - 1950. - 75 л.
10. **Эпоха бронзы лесной полосы СССР.** - М.: Наука, 1987. - 472с. - Археология СССР.

Научный руководитель: Н.Е. Бердникова, с.н.с.

К ВОПРОСУ ОБ ОХРАНЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Сохранение археологического наследия для грядущих поколений рассматривается в современном мире как одно из важнейших направлений глобальной культурной политики, как неотъемлемая норма при решении любых задач современного развития. Все цивилизованные государства стремятся обеспечить физическую сохранность археологических памятников на своей территории. Речь идет не только о сохранении археологических находок в музейных коллекциях, но, прежде всего, о физическом сохранении недвижимых археологических объектов в ландшафте - древних поселений, могильников, остатков производственных сооружений и культовых объектов.

Именно этой цели и служит ряд законов и нормативно – правовых актов Российской Федерации. Основным законом является Федеральный закон от 25 июня 2002 года N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», который был принят Государственной Думой 24 мая 2002 года, а одобрен Советом Федерации 14 июня 2002 года.

Следующими нормативными документами, определяющими положение земель историко–культурного значения, являются: Земельный кодекс РФ (ст.85, 94, 95, 99, 100); градостроительный кодекс РФ (ч.1 и ч.5 ст.30; ч. 12 ст.35; ст.36; ст.42; ст.43; ст.49; ст.51; ч.8 ст.52) .

Ответственность за нарушение требований сохранения, использования и охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального значения, их территорий и зон их охраны определяется Кодексом Российской Федерации об Административных Правонарушениях (от 30.12.2001 N 195-ФЗ), статьёй 7.13. Также данный кодекс в статьях 7.14-7.16 определяет ответственность за проведение земляных, строительных и иных работ без разрешения государственного органа охраны объектов культурного наследия; за ведение археологических разведок или раскопок без разрешения; и за незаконный отвод земельных участков на особо охраняемых землях историко-культурного назначения. Статья 7.15 в редакции Федерального закона от 26.07.2006 N 133-ФЗ

Уголовный кодекс Российской Федерации, статьёй 243, определяет ответственность за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры.

Также к нормативным документам нужно отнести Положение о производстве археологических раскопок и разведок и об открытых листах, которое было утверждено Ученым советом Института археологии РАН 23 февраля 2001 г.

Что же касается законодательства Новосибирской области, то нужно обязательно выделить распоряжение администрации Новосибирской области о сохранении недвижимого историко-культурного наследия от 01 февраля 1994г.

Но, не смотря на то, что законодательство развивается и ответственность за данные правонарушения становится всё более суровой, именно в последние годы с особой остротой встал вопрос о кладоискательстве, о так называемых черных археологах, так как это явление приобрело огромный размах.

В настоящее время есть данные о производстве нелегальных раскопок на территории 36 субъектов Российской Федерации от Калининградской области на западе до Приморского края на востоке. Судя по количеству поврежденных памятников, наибольший размах археологическое браконьерство получило в центре и на юге Европейской России. В центре и на севере России местами систематического грабежа стали, главным образом, средневековые города и курганные могильники, в том числе наиболее известные древнерусские памятники - Старая Рязань, Старая Ладога, Гнёздово, Белоозеро. На городище Старая Рязань - древней столице Рязанского княжества - идет охота за кладами украшений и отдельными средневековыми вещами, оставшимися на пепелище сожженного города после взятия его Батыем в 1237 г. На Белоозере чёрные археологи ежегодно перерывают культурный слой, сохранивший среди прочих вещей свинцовые печати XI-XIII вв., некогда скреплявшие официальные документы княжеской и церковной администрации.

Катастрофическая ситуация сложилась на знаменитом Гнёздовском археологическом комплексе под Смоленском. Когда-то это был самый крупный курганный могильник Восточной Европы. Интерес нелегалов к Гнёздову объясняется тем, что часто встречаемые здесь скандинавские украшения и оружие пользуются большим спросом на рынке древностей. Грабители ведут в Гнёздове раскопки курганов «на снос» и проводят тотальную зачистку поселения, извлекая из культурного слоя все металлические предметы. По оценкам исследователей, количество средневековых вещей из Гнёздова, выброшенных на рынок за последние годы, сопоставимо с музейной коллекцией, собранной за 130 лет научных раскопок.

Еще более широкий размах грабительство получило на Юге России, в особенности в Краснодарском крае, сохранившем памятники античной и скифской культур. Для добычи древних вещей в степной зоне Краснодар-

ского края нелегалы сносят многометровые курганные насыпи, в предгорьях Кавказа - разбирают каменные перекрытия древних могил. Вдоль побережий Черного и Азовского морей методически ведется разрушение культурного слоя поселений эпохи раннего железа и античных городов. В последние годы в руки дельцов от антиквариата попали такие важные находки, как клады монет из города Кизика - так называемых «кизикинов», служивших международной валютой, и мраморная голова статуи. Так исчезают последние следы античной цивилизации, оставшиеся в пределах нашей страны.

В Приморского крае происходят многочисленные факты нелегальных раскопок, главным образом на средневековых городищах чжурчжэньского времени (XII-XIII вв.), изобилующих находками высокохудожественного бронзового литья - зеркал, украшений, монет и печатей.

Если говорить о Сибири, и Новосибирской области в частности, то надо сказать, что пока ярко-выраженных грабежей нет или они не зафиксированы. Но здесь достаточно развит другой тип грабительских раскопок. Студенты прослушав курс лекций в своих университетах, пытаются сами найти что-нибудь интересное, но не с целью выгоды, а просто, потому что им интересно узнать что это такое археология на практике. Такие случаи известны в селе Котково. Бывший студент (учитель школы) подрезал дёрн на кургане, аккуратно его скатал в рулон. В центре кургана выкопал шурф до могилы. Ограбил погребение, засыпал его обратно землёй и раскатал дёрн как он был. Подобные случаи известны и в Болотинском районе, на памятнике Новобибеево-1. Отсутствие ярко-выраженных погребений и преобладание подобного типа раскопок объясняется тем, что здесь нет богатых золотом и серебром погребений, таких как например в Европейской части России или таких как скифские памятники поднепровья на Украине.

В Новосибирской области существует Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области.

В 2004 году были составлены и подписаны акты экспертизы историко-культурной ценности на выявленные объекты археологии, рекомендованные к постановке на госохрану, в размере 150 штук по 13 районам области. Была проведена подготовка документации к исключению разрушенных и полностью исследованных объектов археологии, в размере 57 объектов по 9 районам области. Были совершены инспекционные поездки совместно с надзорно - правовым отделом в районы области. Также было открыто 12 новых археологических объектов – поселения грунтовые и курганные могильники. За это время было обследовано 37 археологических объектов и памятников. Также был проведен ряд других мероприятий.

В 2005 году было проведено оформление бланков актов техобследования по памятникам археологии, представленным на госохрану по Венгеровскому и Кыштовскому району, в размере 68 экземпляров. Были оформлены охранные обязательства на памятники археологии г. Новосибирска и 5 районов области. Также было составлено 60 актов экспертизы историко-культурной ценности объектов археологии по 17 районам области. Были уточнены сведения о пользователях земель, на которых расположены объекты и памятники археологии в 30 районах Новосибирской области. Также было выявлено 17 новых памятников в 4 районах области. Были проведены охранные археологические раскопки на поселении Шипуново-1 (Сузунский район); поселении Турист-2 (г. Новосибирск); поселении Разъезд Иня-1 (г. Новосибирск). Также был проведен ряд других мероприятий.

За 9 месяцев 2006 года были проведены охранные археологические исследования в зоне строительства 2-й очереди строительства детской железной дороги в Заельцовском районе г. Новосибирска на поселении Заельцовский Парк-4 и курганном могильнике Заельцовский Парк-6. Также были совершены инспекционные поездки совместно с представителем Департамента с проверкой соблюдения законодательства об охране историко-культурного наследия при ремонте газопровода «Омск – Новосибирск» в Колыванский и Коченёвский районы области (археологические объекты Крохалёвка – Соколово – 5,7). Были сняты планы трёх археологических объектов и выдано 395 постоянных и временных заключений по земельным отводам под различные народно-хозяйственные объекты. Также был проведён ряд других мероприятий.

Также Научно-производственный центр регулярно выпускает книги, которые посвящены Археологическим памятникам районов. Выпущены книги по Венгеровскому, Колыванскому и других районах.

Библиографический список

1. **Макаров Н.А.** Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России. М., 2004
2. **Охрана археологического наследия Новосибирской области.** Методические указания. Новосибирск, 2004

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Т.Н. Троицкая.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Троицкая Т.Н.</i> Новосибирск и региональные археолого-этнографические студенческие конференции Сибири и Дальнего Востока	3
<i>Тихонов С.С.</i> О новом поколении сибирских археологов (по материалам Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского)	4
<i>Заграфский С. И.</i> Сайт РАЭСК: статистика, проблемы и перспективы	7

ЭПОХА ПАЛЕОЛИТА

<i>Афанасьев П.В., Козай С. А., Rogovskoy E. O.</i> Кирюшина - новое верхнепалеолитическое местонахождение Байкальской Сибири	10
<i>Абдыканова А.К.</i> Палеолитические местонахождения полуострова Мангышлак (Западный Казахстан)	11
<i>Белоусова Н.Е.</i> Появление современного поведенческого комплекса на территории центральной Азии: индустрия грота Оби-Рахмат (Узбекистан)	13
<i>Бениц А. С.</i> Мезолитические наконечники стрел из пещерного Святилища на Камне Дыроватом (Средний Урал)	15
<i>Бондаренко А.В.</i> Обрядовая деятельность начала верхнего палеолита как маркер становления <i>Homo sapiens sapiens</i> на территории Западного Забайкалья (материалы комплекса Хотык)	16
<i>Жукова Е.С.</i> Изучение палеолитических культурных горизонтов поселения Усть-Менза-2	18
<i>Игумнова Е.С., Молокова Ж.С., Соколова Н.Б.</i> Археологическое местонахождение «Мост-левый берег» в Иркутске (по материалам раскопок 2006 г.)	19
<i>Князева Е.В.</i> Приёмы обработки кости в мезолите среднего Енисея (на примере седьмого культурного слоя комплекса Усть-Шилка 2)	21
<i>Куклин А.Ю.</i> Результаты археологических исследований в зоне Ковыктинского газопровода в долине р. Залари (Иркутская область)	23
<i>Максименко К.М.</i> Опыт работы с материалом плейстоцена, экспонированным на техногенных пляжах Братского водохранилища. Большой Нарын I, квадрат 126	25
<i>Мамиров Т.Б.</i> Новые материалы по палеолиту Юго-Восточного Казахстана (по данным разведочных работ 2006 г.)	27
<i>Марковский Г.И.</i> Заселение Канской и Ябоганской котловин Центрального Алтая в среднем палеолите.	28
<i>Махлаева Ю.М.</i> Адаптация палеолитического производства к локальным особенностям литоресурсов (на примере финальнопалеолитических местонахождений Дербинского археологического района)	30
<i>Мороз П.В., Фатеева А.Ю.</i> О биполярной технике на примере культурного горизонта 3 Усть-Мензы-III (Забайкалье) ...	31
<i>Ожерельев Д.В.</i> Открытия палеолита в предгорьях Заилийского Алатау (Юго-восточный Казахстан)	33
<i>Павленок К.К.</i> Палеолитическое местонахождение «Костомеха» (новые материалы по результатам спасательных работ 2006 г.)	35
<i>Сизова М.С.</i> Геоархеологическая характеристика местонахождения Мальта-Мост I (р. Белая, Прибайкалье)	37
<i>Ултургашев О.А.</i> Ранние голоценовые археологические памятники долины реки Большой Арбат.	39
<i>Хоменко Д.Ю.</i> Позднепалеолитическое местонахождение Покровка II в Дербинском заливе Красноярского водохранилища (подъемный комплекс артефактов)	41

ЭПОХА НЕОЛИТА И БРОНЗЫ

<i>Абдулина Ю.А.</i> Материалы жилища переходного периода от бронзового к железному веку поселения Заостровка-2 на Среднем Енисее.	44
<i>Автушкова А. Л.</i> Ордынское -1: комплекс археологических памятников	45
<i>Батыль А.В.</i> Погребальный ритуал ранненеолитического могильника Шаманка II	47
<i>Бердников И.М.</i> К истории исследования «усть-бельской» керамики	49
<i>Велитченко В.В.</i> Поселение Каменный Брод – спутник укрепленного центра Аркаим	50

<i>Виноградов А.С.</i> Керамика неолитического поселения Чэс-тый-яг: культурно-хронологический аспект	52
<i>Дерр Ю.В.</i> Санномысский культовый комплекс (западное Забайкалье)	53
<i>Замятин Л.П.</i> Мониторинг нижней части Обского водохранилища (по материалам поселения Петушиха-I)	55
<i>Зиновьев М. А.</i> Военное дело населения саргаринско-алексеевской культуры лесостепного Алтая	56
<i>Казизов Е.С., Мерц И. В.</i> Погребения с парной кремацией на могильнике Кенжеколь-I	58
<i>Коришунов Е.О.</i> Раскопки многослойного местонахождения Бугульдейка 2 на юго-западном побережье озера Байкал в 2006 году	60
<i>Крамская Т. В.</i> Концепция развития поздненеолитических - раннебронзовых памятников Среднего Прииртышья (по материалам А.И. Петрова)	62
<i>Курзыбов П.А.</i> Практика совместных погребений в могильниках эпохи мезолита - раннего неолита Евразии.	63
<i>Лохов Д.Н., Псарёв Р.А.</i> Рубящие орудия с местонахождения Адорма (материалы раскопок 2006 г.)	65
<i>Мерц И. В.</i> Культурно-хронологические концепции развития населения Восточного Казахстана в эпоху бронзы	67
<i>Нолев Е. В.</i> Погребальный культ в религиозной системе культуры плиточных могил.	69
<i>Нуралинова А. Г.</i> К вопросу об экстраординарных позах в погребениях синташтинской культуры в Южном Зауралье	70
<i>Подъяблонская Е.М.</i> Модель функционирования древних обществ аридной зоны Евразии (по материалам поселенческих памятников бронзового века)	72
<i>Попова О.А.</i> Особенности погребальной практики носителей андроновской культуры Алтая.	74
<i>Раиткин С.С.</i> К проблеме детской социальной группы в андроновском обществе Верхнего Приобья и Кулунды	76
<i>Спиридонова Ю.В.</i> Керамика «посольского» типа юга Средней Сибири	77
<i>Страхов А. Н.</i> Обоснованный выбор топлива для металлургии эпохи бронзы	79
<i>Татаренко Ю.А.</i> Украшения раннего комплекса могильника Окунево V, VII.	80
<i>Тушева Е.К.</i> История изучения памятников неолита в Северо-Восточном и Центральном Казахстане в XX в.	81
<i>Тырышкина Ю. Ю.</i> К вопросу о реконструкции социальной организации ирменского общества Барнаульского Приобья	83
<i>Тюрин Е.А.</i> Ритуальные сооружения афанасьевской культуры (к постановке проблемы)	85
<i>Шайхутдинов В.М.</i> Изучение горнорудного дела на территории Алтая (к постановке проблемы)	87
<i>Швец Д.Л.</i> Спасательные археологические работы в Северном Приангарье.	89

ЭПОХА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

<i>Бабелюк Ю.Н., Козлов А.А.</i> Итоги изучения Красноярского варианта тагарской культуры	91
<i>Биялов С. А.</i> Социальная стратификация древнего усуньского общества (по данным погребальных материалов)	92
<i>Борзых К.А.</i> Зеркала из погребений Верхнего Приобья.	94
<i>Булавкин И.А.</i> Грунтовое погребение начального этапа раннего железного века в Тарском Прииртышье	95
<i>Быкова М.В.</i> Вариант реконструкции таштыкской сложной женской прически.	97
<i>Владимирова К.А., Волкова К.А.</i> К вопросу о культовой роли тагарских оленних блях	99
<i>Глушкова Т.Н., Нурлубаева С.М.</i> Реконструкция изготовления текстильных изделий археологического памятника Аржан 2.	101
<i>Гребенников И.Ю.</i> Основные результаты изучения лошадей скифской эпохи Горного Алтая	103
<i>Долганов В.А.</i> Новые данные по каменным стенам – «городищам» Приольхонья (Большая Крестовая III)	104
<i>Жарников З.Ю.</i> Типология керамики селища Шилка-12 на Енисее	106
<i>Ишмуратов Р. Р.</i> Наступательное оружие ближнего боя эпохи раннего железа Северного Казахстана	108
<i>Кирюшина Н.В.</i> Опыт изучения гривен пазырыкской культуры Алтая.	109
<i>Кичигин Д.Е.</i> К вопросу о хронологической принадлежности шнуровых сосудов на поддонах западного побережья оз. Байкал	111
<i>Котельникова А. А.</i> История изучения полихромного стиля степей Евразии.	112
<i>Кузнецова А.С.</i> Образ оленя с подогнутыми ногами в скифском искусстве «звериного» стиля.	114
<i>Мейкшан И.А.</i> К вопросу об изучении мировоззрения хунну Центральной Азии	116
<i>Никитина Ю.М.</i> История изучения булан-кобинской культуры Горного Алтая	117
<i>Рудько В.В., Габдрафикова М.В.</i> Определение культурно-хронологической (исторической) принадлежности исследуемых памятников - Белый Яр I курган №8, Белый Яр VI.	120
<i>Сахарова А. О.</i> Укрепленные поселения саргатской культуры: опыт компьютерных реконструкций (по материалам Павлиновского городища)	121
<i>Сенотрусова П.О.</i> Хозяйственный уклад населения городища Шилка-2	123
<i>Соколова Т.А.</i> Новые материалы эпохи раннего железного века Знаменского района Омской области	125
<i>Усова И.А.</i> Нижние головные уборы у населения усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры Алтая (по материалам памятника Яломан-II)	127
<i>Шеффер А.А.</i> Природные формы из кости в хозяйстве и культах древнего населения	129

<i>Шиманский Е.О.</i> Курганы с огненным ритуалом Южного Зауралья (гунно-сарматское время)	130
<i>Широкова М.А.</i> Функции стержневидных псалий Западной Сибири	132
<i>Штанов Е.С.</i> Проблема выделения наскальных изображений хунно-сарматского времени на территории Горного Алтая.	134
<i>Ярыгин С. А.</i> Поясные пряжки сармат с изображением верблюда – символика образа	136

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

<i>Абабкова Ю.А.</i> Археологические источники о начальном этапе проникновения буддизма в Центральную Азию.	138
<i>Афанасьев Д.В.</i> Оружие дистанционного боя в погребениях ундугунской культуры (по материалам могильников у с. Новотроицк).	140
<i>Афанасьева Е.А.</i> Памятники булан-кобинской и тюркской культур Горного Алтая как объекты археологического туризма	142
<i>Ахметов В.В.</i> Сравнительный анализ погребального обряда бохайцев и троичских мохэ	144
<i>Барченкова Е.С.</i> Памятники дарасунской культуры у с. Новотроицк	145
<i>Белинская К.Ы.</i> Археологические памятники древнетюркских женских захоронений Саяно-Алтая	146
<i>Богомаз С.М.</i> Сакральное в архитектуре кочевников Центральной Азии	148
<i>Васильева Ю.А.</i> Погребения на Красноярском городище в южнотаежном Прииртышье	149
<i>Володина В.С.</i> Тигелек из коллекции керамических изделий Томского кремля	151
<i>Выборнов А.В.</i> Возможность выделения локальных вариантов культуры енисейских кыргызов в позднем средневековье (по материалам конского снаряжения)	152
<i>Говейлер Т.А.</i> Городище Сартым-урий 18 – раннесредневековый памятник в бассейне Большого Югана	154
<i>Горохов С.В.</i> Скобяные изделия Умревинского острога	156
<i>Горохова Е.Е.</i> Материалы по средневековому женскому костюму Алтая в археологическом музее	158
<i>Гришкевич С.В.</i> Современные проблемы изучения басандайской культуры.	159
<i>Дашибалов Э.Б., Цыбикова Д.Б.</i> Горная крепость Шара-Тэбсэг (Западное Забайкалье) и корейские крепости: к проблеме генезиса единых фортификационных традиций.	161
<i>Дрон П.Я.</i> Типология погребений XIV-XVIII вв. на территории Якутии.	162
<i>Зимин А.А.</i> Проблемы изучения локальных вариантов верхнеобской культуры.	164
<i>Зюзин А.В.</i> Керамика из позднесаяно-бирского могильника Дурой-I	166
<i>Киреева Е.В.</i> Сравнение археологических материалов из г. Мангазеи и письменных источников об использовании тканей для русской одежды в Сибири в XVII в.	167
<i>Кочмар Н.Н., Голдырева Т.В.</i> Памятники позднего средневековья Центральной Якутии – поселения «Еланка», «Хомустах»	169
<i>Кунанбаева Ш.Б.</i> Проблемы типологии средневековых городищ Центрального Казахстана	171
<i>Прокопец С.Д.</i> Новые находки защитного вооружения из Красноярского городища	172
<i>Райтер А.Я.</i> Новое в исследовании потчевашской культуры (по материалам у д. Усть-Тара)	176
<i>Рыбин Н.В.</i> Русская артиллерия Новосибирского Приобья XVIII в.	178
<i>Саранцева С.Е.</i> Знаки на черепице.	180
<i>Серегин Н.Н.</i> Металлические зеркала в погребениях кочевников раннего средневековья	181
<i>Сивцев С.Г.</i> Погребальный комплекс местности Алаас Эбэ	183
<i>Тарусина Д.Н.</i> Иргенский острог – памятник русской археологии.	185
<i>Ходосевич С.С.</i> Погребение железного века на местонахождении Адорма	186
<i>Черкасов В. В.</i> Кожаное украшение как приложение к костюму из погребения позднего средневековья – начала Нового времени на Енисее	188
<i>Цыбовская О.В.</i> Проблема взаимодействия кыргызов с тюрками и «сросткинцами» (историографический обзор)	189
<i>Широкова Т.С.</i> Некоторые аспекты материальной культуры русского населения из с. Засопошного в к. XVII – XVIII вв.	191

ДРЕВНЕЕ, ТРАДИЦИОННОЕ И ЭТНИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО СИБИРИ

<i>Базайченко А.В.</i> Изображения скифского времени комплекса Карачат в Горном Алтае	193
<i>Балуева Ю. В.</i> Антропоморфная скульптура Среднего Зауралья: истоки традиции и канона	194
<i>Васильева Н.С., Гончаров В.М.</i> Антропоморфные мотивы в монументальной скульптуре скотоводов Евразии	196
<i>Долгополова Е. С.</i> Образы животных, птиц и рыб в кремневой скульптуре Урала.	198
<i>Дородных С. А.</i> Львиный грифон в искусстве скифо-сибирского звериного стиля	200
<i>Ержигитова Е.З.</i> Предметы бронзовой металлопластики с Красноярского городища в южнотаежном Прииртышье	203

<i>Зоткина Л.В.</i> Томская писаница. История исследования	205
<i>Каиржанова Г.Д.</i> Образ архара в искусстве ранних кочевников Центрального Казахстана.	206
<i>Кожеевникова Д.В.</i> Нефигуративное творчество в комплексах раннего верхнего палеолита Северной Азии	208
<i>Кректун А.Н.</i> Графические изображения животных на территории Урала	209
<i>Культиякова Д.В.</i> Культы митраического и маздаического божеств у населения Сибири, Средней и Центральной Азии ..	211
<i>Миннахметова Р.Р.</i> Северный орнамент. Из прошлого в будущее	213
<i>Морозов А.В.</i> Антропоморфная скульптура эпохи неолита-энеолита на территории Западной Сибири	216
<i>Пержакова А.С.</i> Украшения из бурятских погребений Приольхонья (XVIII–XIX вв.)	217
<i>Сазонова О.М.</i> История исследования Шалаболинского археологического района.	219
<i>Смирнова Е.А.</i> Произведения искусства как культовые маркеры символической границы между мирами	221
<i>Солодская О.В.</i> Антропоморфные изображения в металлопластике Приобья (ранний железный век и раннее средневековье)	223
<i>Толпекина Д.А.</i> Зубы и челюсти животных в украшениях древнего человека (по материалам археологических памятников Урала)	224
<i>Хабидулин Р.Р.</i> Относительная хронология петроглифов Шалаболинской писаницы (результаты анализа новых композиций)	226
<i>Целищева Д.Ю.</i> К вопросу об изучении предметов культа в погребениях населения Южной Сибири и Центральной Азии скифской эпохи.	229
<i>Чадамба Л.</i> Петроглифы Малого Баян-Кола (Республика Тыва)	231
<i>Шергин Д.Л.</i> Нефритовые изделия из археологических памятников Прибайкалья (по фондам Иркутского областного краеведческого музея)	232

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<i>Габов А.Н.</i> Мифологические сюжеты Тихоокеанского региона, связанные с крупным кошачьим хищником.....	234
<i>Гаврилова Е.А.</i> Лов лосося с использованием платформ у североамериканских индейцев (по данным археологии и этнографии)	235
<i>Джиенгелевский К.</i> Влияние неоглоценовых климатических изменений на возникновение и экспансию поморской культуры в Польше (обзор проблематики)	237
<i>Иванов С.С.</i> Об одной редкой группе бронзовых наконечников стрел в степях Евразии.	240
<i>Костылев А.В.</i> Культуры бронзового века Ляоси и этнические процессы в Дунбэе	242
<i>Кравцова А.С.</i> Основные проблемы изучения Тольтекской культуры	243
<i>Кубан А.А.</i> Изучение строительных жертвоприношений немецкими исследователями XX века.	245
<i>Кудрявцева Е.В.</i> Применение Дж. Н. Локьером междисциплинарного подхода при изучении древних памятников ...	247
<i>Мартынов П.В.</i> Находки неолитического времени в уезде Нёдонг (Найдун), Тибет.	249
<i>Олещак Л.</i> Свентокшиское железо варваров	250
<i>Стойкин М.А.</i> Горные городища Когурё	252
<i>Сутягина Н.А.</i> Культура Шацзин скифского времени на территории провинции Ганьсу, КНР	253
<i>Тимонова Е.В.</i> Архитектура династии Цинь (по археологическим данным)	255

НАРОДЫ СИБИРИ И АЗИИ. ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, КУЛЬТУРА

<i>Андреева Л.</i> Дневник Э.И. Рауда как источник к этнографическому изучению эстонцев Сибири	257
<i>Аккошкарова Ж.Т.</i> Казахские зимовки Акмолинского Приишимья	259
<i>Блощицына М.В.</i> Символическое значение хлебных изделий у староверов Южной Сибири (по материалам полевых экспедиций 2004–2006 гг.)	260
<i>Галкина Т.Н.</i> Первые русские поселенцы в Туве	261
<i>Дайрабаева А.А.</i> Традиции украшения предметов быта казахов Щербакульского района Омской области	263
<i>Ибрагимова Р.Р.</i> Формирование образа Китая в России	264
<i>Иванов А.В.</i> Понятие болезни в традиционной культуре обских угров.	265
<i>Келина И.С.</i> Советские праздники в Хакасии.	267
<i>Красота П.А.</i> Хозяйственные постройки тарских татар во второй половине XX века	269
<i>Кудинова М.А.</i> Об употреблении в пищу собачьего мяса в современном Китае	271
<i>Курманова С.Р.</i> Модель питания немецкого населения Западной Сибири	272
<i>Лапин Н.С.</i> Численность казахского населения Младшего жуза в XVIII в. (по русским источникам)	274

<i>Мышегреб А.М.</i> Современные представления о нечистых местах в традиционной культуре барабинских татар	276
<i>Николаев В.В.</i> Переселенцы в предгорьях Северного Алтая в конце XIX – начале XX вв. (по данным метрических книг).	277
<i>Пионтовская К. А., Шевцова Н. Н.</i> К вопросу о некоторых медицинских аспектах родильной обрядности финно-угорских народов Сибири	278
<i>Самсонов А.В.</i> Феномен «ментального города» (рассказы информаторов и опыт полевых наблюдений)	279
<i>Сутула А.В.</i> Текстиль Мангазеи (XVII в.) как источник для этно-культурных реконструкций.	281
<i>Титов Е.В.</i> Жилища и хозяйственные постройки тарских татар конца XIX в.	283
<i>Фефилова Л. Ю., Фефилова Т. Ю.</i> Традиционный костюм как историческое явление и исторический источник (историографический аспект).	284
<i>Фомина Ю. А.</i> Этнографии народов Сибири в трудах Н.М. Ядринцева	286
<i>Цыденова Д.Ц.</i> Социальный патернализм в традиционной культуре (на материалах обычного права агинских бурят)	287
<i>Шиль А. А.</i> Некоторые аспекты изучения современного традиционного срубного жилища казымских хантов	289
<i>Шишмакова Т.Ю.</i> Народные служители православия в крестьянской среде	292
<i>Шморгул А.С.</i> Формирование этнической идентичности у детей в семьях белорусских переселенцев в XX веке по материалам Омского Прииртышья	293

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ И СТРАНАХ АЗИИ

<i>Ананьев А.М.</i> Китайская миграция в Томской области. Общая оценка	295
<i>Антропов Е.В.</i> Новосибирск – этнодемографическая структура сибирского мегаполиса.	296
<i>Бахтин С.А.</i> Этническая идентичность тофаларов в условиях языковой ассимиляции	299
<i>Василенко Т.Е.</i> Мусульмане Китая как этноконфессиональная общность	300
<i>Ворожищева О. М.</i> Социокультурные особенности корейской диаспоры Китая	301
<i>Давыдов В.А.</i> Современные тибетцы: этнодемографические и этнокультурные характеристики.	302
<i>Жандарова Я.В., Попова Н. Г., Шелудько А.А.</i> Ценности городской украинской молодежи Сибири (на материалах анкетирования в Новосибирске)	303
<i>Ким Е.В.</i> Корейские национальные организации Сибири: факторы конструирования диаспоральной идентичности.	304
<i>Комарова И. Г.</i> Религиозный фактор в структуре этнической идентичности татар Томской области: поведенческий аспект.	307
<i>Кривоногова Л.В.</i> Метисация тофаларов: современный этап	308
<i>Лысенко И. С.</i> Перспективы толерантности-интолерантности в контексте анализа этнического состава населения Красноярского края на современном этапе	309
<i>Мисюркеева Ю. С.</i> Бурятский этноидентификационный дискурс в постсоветский период	311
<i>Панченко А. Б.</i> Проблемы этнической самоидентификации школьников Новосибирска (на основе проективных тестов)	313
<i>Пonomorenko М.В.</i> Утверждение советских праздников в среде сибирских мусульман	314
<i>Садаева О.А.</i> Феномен этнического предпринимательства на примере корейской диаспоры	317
<i>Тюменин А.И.</i> Китайская миграция. Взгляд из КНР	318
<i>Тынысов Б.А.</i> Расселение и численность казахов Омского Прииртышья в первой трети XX в.	320
<i>Чепилко А. А.</i> Центр сибирско-татарской культуры города Тобольска	321
<i>Шарачева Р. М.</i> Проблема этнической идентичности удмуртской молодежи на современном этапе	323
<i>Шелудько А.А.</i> Иммигранты-украинцы СФО. Проблема этнических миграций постсоветского периода.	325

СОЦИОНОРМАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ, ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО НАРОДОВ СИБИРИ И АЗИИ

<i>Березюк В. Ю.</i> Зимняя календарная обрядность украинцев	327
<i>Бустанов А. К.</i> Суфийские шайхи в сибирско-татарских рукописях	329
<i>Бутыркина В. Ю.</i> Обряд закладки родового субургана у бурят	331
<i>Везнер Н.Н.</i> Полька и вальс в народной хореографии немцев Сибири	332
<i>Воеводин М.М.</i> Культ исламских святых у тоболо-иртышских татар: историографический аспект.	334
<i>Данилейко В.А.</i> Новые данные об образе Шэвэки в традиционном мировоззрении эвенков (на материалах КККМ)	336
<i>Зайцева К.Ф.</i> Традиционные календарные праздники в этнической культуре хакасов	338
<i>Кирсанова Н. В.</i> Верования и обряды шорских охотников (XIX – нач. XX вв.)	339

<i>Кочкина И. Ю.</i> Фольклор и традиции декоративно--прикладного искусства переселенцев Шипуновского р-на Алтайского края как исторический источник	340
<i>Крупницкая Е.А.</i> Жертвоприношение предкам в современной обрядовой практике тункинских бурят	342
<i>Куртиякова Е. И.</i> Музыка в обрядовой практике хакасов	344
<i>Малахатко У.В.</i> Русская вышивка в Томской области.	345
<i>Машаринова А.Х.</i> Семейно-брачная обрядность средне-тобольских коми первой пол. XX в.	346
<i>Минин А.В.</i> Погребальный обряд русских в южных районах Омской области.	348
<i>Павлова Е.Ю.</i> Современные народные художественные промыслы Республик Алтай, Хакасия, Тува. Общие тенденции формирования и развития	349
<i>Паньков Е.В.</i> Представления о «душе» в традиционном мировоззрении обских угров.	352
<i>Семенов А.В.</i> Пещеры и гроты в традиционных представлениях тувинцев	354
<i>Солодков К.И.</i> Хантыйские истоки в творчестве Г.С. Райшева	355
<i>Титов А.С.</i> Образ умершего и способы защиты от вредоносного влияния покойных в традиционных представлениях коми Среднего Притобоя	357
<i>Ушанкова Н.Н. Павлова Е.Ю.</i> Сибирские матрешки. Проблема межкультурного синтеза в искусстве народных промыслов	359
<i>Цыденешиева О.Д.-Н.</i> Традиционные праздники Монголии	360

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

<i>Автушкова А. Л.</i> Археологическая практика глазами студентов	362
<i>Бородовская Е.Л.</i> Возможности музея в системе дополнительного образования детей.	364
<i>Грушин С.П.</i> Формы «школьной археологии» (опыт АКЦДЮТиК).	366
<i>Иванов Г.Е.</i> Организация комплексной краеведческой работы по изучению древнего прошлого села и района	369
<i>Нестеренко В. В.</i> Основные этапы формирования археологического фонда Читинского областного краеведческого музея	371
<i>Перегудов А.С.</i> Любительская кинематография как вспомогательный метод в учебном процессе ВУЗа и сохранении археологического наследия.	373
<i>Свиридова Н.В.</i> Роль детского музея в деле сохранения культурно-исторического наследия	374
<i>Фурсова Е.Ф.</i> Опыт включения регионального компонента в этнографическую подготовку студентов специальности «Народное художественное творчество» в Новосибирском государственном педагогическом университете.	375
<i>Шамшин А.Б.</i> Школьные археологические экспедиции в Алтайском крае.	376

ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

<i>Антонова А.Н.</i> Некоторые аспекты теории погребальных практик.	380
<i>Пузин А.С.</i> Археологические объекты района истока Ангары в контексте современности	382
<i>Степаненко Д.В.</i> К вопросу об охране археологических памятников	384

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ, ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Материалы XLVII Региональной (III-й всероссийской с международным участием)
археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых
Сибири и Дальнего Востока (г. Новосибирск, 3-7 апреля 2007 года)

Тексты и иллюстрации соответствуют оригиналам, представленным Оргкомитетом
Технический редактор *И.П. Слободчикова*

Подписано к печати 05.03. 2007. Формат 60 × 84/8
Усл.-печ. л. 49, уч.-изд. л. 52. Тираж 300 экз.

ООО «Триумф-НСК»
630015 Новосибирск, ул. Королева, 29